

---

---

ВЗЫСКУЮЩИЕ  
ГРАДА

АНТОЛОГИЯ

КНИГА III  
1905–1906

---

---

...не имеем здесь постоянного  
града, но ищем будущего.

*Апостол Павел.  
Послание к евреям 13, 14.*

Ах, если бы им мог попасться  
Путь, что на карты не попал.  
Но быстро таяли запасы  
Отмеченных на карте шпал.

*Борис Пастернак.  
«Высокая болезнь»*

---

С Е Р И Я

ИССЛЕДОВАНИЯ  
ПО ИСТОРИИ  
РУССКОЙ МЫСЛИ

*Под общей редакцией М. А. Колерова*

---

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ  
КНИГА ТРЕТЬЯ

---

# ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА

Хроника русских литературных, религиозно-  
философских и общественно-политических  
движений в частных письмах и дневниках  
их участников, 1829–1923 гг.

## АНТОЛОГИЯ

---

*Составитель В. И. Кейдан*

КНИГА III  
1905–1906

Издание второе,  
исправленное и дополненное

Модест Колеров  
Москва 2020

УДК 1(091)(470)"1829/1900"(093.3) + 821.161.1.09  
ББК 87.3(2)ю14 + 83.3(2=411.2)ю14  
В 40

Редактор Андрей Мартынов

**В 40** Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг. Антология / Составитель В. И. Кейдан. Изд. 2, испр. и доп. Книга третья : 1905–1906. М. : Модест Колеров, 2020. 992 с.

УДК 1(091)(470)"1829/1900"(093.3) + 821.161.1.09  
ББК 87.3(2)ю14 + 83.3(2=411.2)ю14

ISBN 978-5-905040-59-7

© М. А. Колеров, составление серии, 2020  
© В. И. Кейдан, составление тома, 2020  
© А. И. Резниченко, «Когда завязались все узлы и прозвучали все голоса...».  
© В. И. Кейдан, составление и статья «Христианские пути свободы».

---

## «Когда завязались все узлы и прозвучали все голоса...»

### I.

На первую редакцию этой книги, вне сомнения великой<sup>1</sup>; книги, вышедшей более двадцати лет назад и воспитавшей целое поколение историков, филологов и философов — в определенных кругах ходила шутка, что если ты знаешь, кто такой Кейдан, то ты хороший историк русской философии, а если ты этого не знаешь, то ты не историк русской философии совсем, — было на удивление мало рецензий. Автор одной из них, Модест Колеров, высоко оценивая книгу как явление, отмечал, что «для репрезентативности здесь не хватает В. П. Свенцицкого, С. Л. Франка и П. Б. Струве, Б. А. Кистяковского и М. О. Гершензона, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус» и что «главной проблемой В. И. Кейдана становится задача именованя того движения, которое стало сердцевинной описываемой им среды»<sup>2</sup>. Новое издание, «расширенное и дополненное», позволяет избежать упреков в неполноте. Что же касается

---

<sup>1</sup> Взыскующие Града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и др. М. : Языки славянской культуры, 1997.

<sup>2</sup> Колеров М. [Рец.:] Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках (1900–1923) / Сост.

проблемы «правильного именованья», столь важной в философии едва ли не со времен Платона, — за двадцать лет существования в науке название книги стало маркером движения. Теперь, когда мы говорим о Взыскующих, — мы (т. е. на самом деле очень немногие) интуитивно понимаем, о чем идет речь: о культурном феномене, временные рамки которого обозначены на титуле каждого из томов, включающем в себя возвышенное и земное, приватное и публичное, общественное и эстетическое и имеющем свои структуру и характеристики. Прояснение смысла последних, т. е. характеристик и структур «Взыскующих Града», на примере Хроники 1905–1906 годов, стало основной целью и сопутствующими задачами настоящей статьи.

Как писал другой рецензент, Алексей Козырев, в далеком 1998 году, уже по выходу эта книга «...не только была замечена, но и широко приветствовалась в узком кругу умеющих ее оценить. Однако тысячный тираж пока полностью не разошелся. Это заставляет думать, что круг людей, беззаветно преданных русской религиозной философии, весьма и весьма ограничен. Да и среди них книгу от корки до корки прочтут несколько десятков человек, большинство же пролистает, найдя в указателе имена своих “героев” и “кормильцев”, сделав ценные выписки или постаравшись наловить “блох” в достаточно обильных комментариях — любимое занятие гуманитария с библиографическими наклонностями»<sup>3</sup>. Надо сказать, что за двадцать лет положение дел не сильно изменилось. Несмотря

---

В. И. Кейдан // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы / под ред. М. А. Колерова. М., 2002. С. 817, 820.

<sup>3</sup> Козырев А. Частная жизнь Взыскующих // Новый мир. 1998. № 9. ([http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/1998/9/rec02.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/9/rec02.html)). Мною выявлены пока только два отклика на проект, выходящий сейчас: Мартынов А. Как русские люди искали призвание России, правду и смысл своей жизни // <https://regnum.ru/news/2534972.html>; Он же. «Борьба с самым безбожным проявлением светской власти — с самодержавием» // <https://regnum.ru/news/cultura/2606837.html>.

на активную включенность двух первых, уже осуществившихся томов новых «Взыскующих»<sup>4</sup> в современный научный и научно-популярный контекст (если судить по презентациям); несмотря на то что пресловутый индекс цитирования этой книги, изначально раздерганной по сотням монографий, статей, курсовых, рефератов и диссертаций — безусловно, зашкаливает, — мало кто способен прочесть ее «от корки до корки», рассматривая как целое, как явление заключенного в ней целостного смысла.

Почему это так? Ответ на этот вопрос зависит от того, в какой точке времени мы находимся и на языке какой культуры мы говорим. На языке героев Хроники-Антологии, причина недопонимания и недопрочтения любого нарождающегося нового (а мы в данном случае имеем дело с явлением нового, хотя составитель скромно маркирует свой труд как «Изд. 2, испр. и доп.») — в том, что «такова трагическая необходимость, рок всякого развития, всякой жизни, откуда действительность не получила существенно новых свойств, пока не настанет преобразование всей природы, качественное, принципиальное, — после которого в новом строе сгладятся все противоречия внутренние и внешние, исчезнут все раздоры и все недоумения, сами собою отпадут недоуменные вопросы и разлад действительности, лежащий глубоко внутри её, не прекратится и не прекратит тем трагичности развития»<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг. Книга первая: 1829–1900. Антология / Составитель В. И. Кейдан. Изд. 2, испр. и доп. М., 2018; Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг. Книга вторая: 1901–1904. Антология / Составитель В. И. Кейдан. Изд. 2, испр. и доп. М., 2019.

<sup>5</sup> Письмо П. А. Флоренского к О. П. Флоренской (матери). 27.01.1905. *Сергиевский Посад — Тифлис*. Все письма из настоящего издания цитируются без указания страниц, но с указанием дат и адресатов.



У героев Хроники, переживающих — в этом томе — переломный в русской культуре и истории 1905 год и последующий за ним 1906, есть надежда, что все изменится, что все наладится, что все само собой разрешится и поймется, не здесь и сейчас — так в будущем зоне; что будет Новое Небо и Новая Земля, стоит только захотеть. — «А до тех пор я могу, должен работать для этого всех ждущего порядка, думать и жить не случайными и мимоидущими явлениями, как таковыми, а лишь постольку, поскольку я в них усматриваю средство для водворения “новой земли”, поскольку они готовят почву для нового, но не просто нового, послеидущего порядка, а нового принципиально, совсем другого»<sup>6</sup>. Однако — это прошлое уже прошло. У нас, читателей, имеющих в недавнем историческом бэкграунде и коллективной памяти немало незабываемых примеров ошибочности такого подхода, — подобных иллюзий нет. Мы не устремлены в будущее, ни в «послеидущее», ни тем более «принципиально другое». Мы ничего хорошего от него, в общем-то, не ждем. Мы привыкли жить «здесь и сейчас», опираясь на свой недавний весьма травматичный исторический опыт. Наше мышление, как говорят, клиповое — а не чаемое «цельное знание». Наш жанр — это блог, а не роман-эпопея «Петр и Алексей». Наш мир — это мир постсекулярности и постмодерна, и какая тут Новая Земля! — Для нас при мысли о грядущем естественней антиутопия. Мы, повторяю, ничего не ждем.

Однако эти когнитивные установки моего современника и побуждают прочесть эту книгу «от корки до корки». Прежде всего — как она устроена? Словарь Даля определяет хронику как «временник, записки современника, летопись, «бытопись». Уже в этом базовом определении содержится осязаемое противоречие с тем, что мы видим в книге. Да, безусловно, это «временник, летопись» и уж конечно,

<sup>6</sup> Письмо П. А. Флоренского к О. П. Флоренской (матери). 27.01.1905. *Сергиевский Посад — Тифлис*.

«бытопись» — но в этом качестве ее не существовало в том времени, от лица которого она ведется. П. А. Флоренский, В. П. Свенцицкий, свящ. К. М. Аггеев, Н. А. Бердяев, Андрей Белый, В. В. Розанов и его нещадный хулитель свящ. Иоанн Кронштадтский, Д. С. Мережковский, С. Н. Булгаков и многие иные и помыслить не могли, что их частные письма и горькие резиньяции «для себя» будут вырваны из контекста жизни, отобраны и выстроены в строгом хронологическом порядке — насколько возможна такая строгость. Это — основная часть Хроники. При этом составителя, в отличие от подавляющего числа публикаторов эпистолярного наследия — историков, филологов, философов, чьи работы в этом жанре нам хорошо известны, не сильно заботит «право первой ночи», т. е. первая публикация источника, хотя и такие тексты в томе, безусловно, есть, и немало. Вторая часть Хроники — «под чертой»<sup>7</sup> — это комментарии. Они также собраны по многочисленным разрозненным публикациям — или написаны составителем; кажется, что авторство комментатора тоже не имеет для читателя особого значения: все это «анонимная совокупность знания» о событиях, накопленная за сто с лишним лет, прошедших с момента этих событий.

Ибо эта Хроника не записана очевидцем-хронистом, но сконструирована — исходя из опыта, взглядов и методологических установок Наблюдателя, «исследователя, ведущего наблюдение за изучаемым объектом» (Новая философская энциклопедия) точно так же — или примерно так же, — как исследователь живой природы наблюдает ее в ее целостности, отдавая отчет в разнице между собой и своей позицией — и объектом наблюдения, но при этом устанавливая и границы исследовательского поля, и область интерпретации. Наблюдатель — всегда за кадром<sup>8</sup>. Но лишь благодаря ему, его

---

<sup>7</sup> В настоящем издании комментарий постраничный, и это несомненная удача издания.

<sup>8</sup> Только в Книге третьей составитель-демиург дает свое концептуальное предисловие — ограничиваясь в двух предыдущих томах кратким пре-

видению и усилиям устанавливается диалог между условным «тогда» — и условным «что мы об этом знаем сейчас». Именно поэтому, на мой взгляд, безусловно пристрастный, Хроника-Антология Владимира Кейдана ближе к современной нам прозе Михаила Шишкина («Письмовник») и особенно Владимира Шарова (†) («Возвращение в Египет»)⁹ — чем к современной «научной» литературе. Она слишком хорошо написана по-русски.

## II.

Для того чтобы понять, что происходит в Хронике, уместно вспомнить Пьера Бурдые. — Тем более что дефиниции, предложенные Бурдые, были сформулированы именно в то время (вторая половина 1990-х), когда Наблюдатель — составитель «Взыскующих» формировал первую редакцию своей книги и составлял первую редакцию своей ландшафтной карты утраченного нами мира — мира русского религиозного возрождения и Серебряного века. Итак,

...поле есть место сил, внутри которого агенты занимают позиции, статистически определяющие их взгляды на это поле и их практики, направленные на сохранение, либо на изменение этой структуры силовых отношений, производящих это поле (...) Агенты реагируют на отношения силы, на структуры, они их конструируют, изобретают, воображают, представляют себе...<sup>10</sup>

---

дисловием «от составителя» и предоставляя всякий раз право на высказывание другим исследователям, безусловно, авторитетным.

<sup>9</sup> И не случайно, что составитель и эти писатели — люди одного круга, знакомые лично или по переписке. — Впрочем, в уже упоминаемой выше рецензии на первое издание «Взыскующих» А. Козырев назвал эту книгу «алхимическим романом».

<sup>10</sup> Бурдые П. Запись лекции на факультете антропологии Лионского университета Lumière 14 ноября 1995 года // П. Бурдые. О телевидении

И, наконец:

независимое поле (...) — это поле, в котором клиентами производителей являются их собственные конкуренты, т. е. те, кто вместо них мог сделать представляемое открытие<sup>11</sup>.

Иными словами, перед нами не аморфная масса разрозненных событий, нанизанных на нить времени, а поле рождающихся смыслов, устремленных в будущее, — таков основной пафос «Взыскующих». Перед нами не просто «архив эпохи», где равно соседствуют и великие, и безвестные, объединенные единым складом условного прошлого. Все они, бесчисленные авторы этой книги, от лица которых и ведется повествование, каждый со своим уникальным голосом, все эти Флоренские, Бердяевы, Аггеевы, Глинки-Волжские и Метнеры, — «агенты поля», это поле формирующие. Базовые доминанты функционирования независимого социального поля — власть, истина, смерть, сексуальность (гомо- или гетеро- — это неважно), — несомненно, присутствуют здесь, этой книге, в качестве постоянно повторяющихся лейтмотивов и музыкальных тем.

Что до событий, происходящих в Хронике, то их можно условно разделить на три типа. Первый тип — это, пользуясь терминологией того же Бурдые, — «события omnibus»; события, значимые для всех. Надо сказать, что, в отличие от предшествующих и последующих годов (и томов Хроники), 1905–1906 годы невероятно насыщены такими событиями. Среди самых важных отметим Кровавое воскресенье, начало Первой русской революции, восстание на броненосце «Потемкин», манифест 17 октября 1905 года, Цусимское сражение и поражение России в Русско-японской войне — словом, все то, чем пестрели заголовки газет;

---

и журналистике / Пер. с фр. Т. В. Анисимовой и Ю. В. Марковой, отв. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 2002. С. 108–109.

<sup>11</sup> Там же. С. 81.

что составляло, как принято сейчас говорить, «актуальную повестку». Однако события топовых заголовков вовсе не являются Событиями: они существуют в параллельной реальности исторического факта и вторгаются извне, инициируя ответные реакции во внутреннем мире и социальном поле Взыскующих. Для того чтобы их распознать, требуется порой специальная подсказка.

Так, когда в самом первом письме, открывающем том, мы читаем:

Дорогой Павлуша! Мне очень было приятно получить от тебя известия через этого студента, а писать мне хотелось тебе, но писать, когда погружён в самые глупые, обыденные переживания, к тому же писать тебе — прямо не могу.

Эти ужасы, которые происходили здесь, немного встряхнули меня (...) Не думай, что я ною, жалуясь, — у меня есть надежда, но мне до слёз жаль моих сил, которые, я уверен, росли бы в работе, а теперь гибнут без пользы<sup>12</sup> —

мы лишь из справки комментатора, из закадрового голоса узнаем, что под «ужасами» Ельчанинов понимает события Кровавого воскресенья, повлекшие за собой разгром Вифанской семинарии, отмеченный в одном из первых писем Флоренского к Булгакову, и, в конечном счете, Первой русской революции. Это событие, несомненно, большое и трагическое, воспринимается автором письма исключительно через призму индивидуального восприятия и маркируется положительно как начало нового, как необходимая встряска. Когда Флоренский пишет сестре, непосредственно откликаясь на революцию:

Кровь, озлобление, дикость со всех сторон... Я знаю, что надо изменить внешний порядок; но знаю также, что то, что делает-

<sup>12</sup> Письмо А. В. Ельчанинова к П. А. Флоренскому. 13.01.1905. СПб. — *Сергиевский Посад*.

ся, невозможно, что это — хаос и зло. Я вполне понимаю озлобление людей, понимаю, что не смогли терпеть; быть может, втайне сочувствую многому, т. е. в том смысле сочувствую, что знаю, что, будь я несколько иным, я бы и сам стал так же действовать. Но, понимая психологию всего этого, я решительно отказываюсь признать нормальность того, что происходит<sup>13</sup> —

это, безусловно, эмоциональный и, если угодно, экзистенциальный отклик, но никоим образом не политическая программа. Совершенно не случайно третий том «Взыскующих» начинается и завершается подчеркнуто-личным высказыванием — финальным письмом становится знаменитое письмо Свенцицкого «Самому себе», с тем же пафосом необходимого и неизбежного обновления: «Уходи, чтобы прийти. Но прийти новым человеком, сильным своим самоотречением, непобедимым своею победою над самим собою!»<sup>14</sup>. Стилистически безупречно показывает нам составитель, как, каким образом вторгается историческое событие в ткань повседневности, вводя в гипертекст «Взыскующих» дневник всероссийски, благодаря великому серовскому портрету, известного мальчика Мики Морозова:

Я очень люблю кукол. Вчера было мое рождение. Мама мне подарила мальчика, которого я назвал Сережа! И еще несессер *de voyage*. Семен Николаевич мне подарил чашки и поднос, а *Mademoiselle* мне подарила чашку, из которой я пью!

Новость.

В три часа дня, 4-го февраля 1905 года убили Сергея Александровича, Великого Князя, в Москве.

Контраст только подчеркивается безыскусностью реплики: общезначимые события всегда — события-вторжения,

---

<sup>13</sup> Письмо П. А. Флоренского к Ю. А. Флоренской. 23.07.1905. Тифлис — Берлин.

<sup>14</sup> В. П. Свенцицкий — В. П. Свенцицкому. *Декабрь 1906.*

чуждые социальному полю, но вынуждающие его (поле) реагировать через личностные реакции и/или разрушение старых и формирование новых институций.

Гораздо интереснее второй тип события — не навязанного извне исторической повесткой, но рождающегося изнутри поля Взыскующих и духа Взыскания: то Событие, которое, словами Клода Романо, «не вторгается в мир, но открывает новый мир для того, к кому оно приходит»<sup>15</sup>, формируя одновременно и становящегося субъекта этого мира: хор многих голосов и переплетение многих Я. Исторический факт и Событие — это разные вещи: факт вторгается в сферу субъекта, Событие ее порождает. Субъект «появляется и приходит к самому себе через наступление событий и благодаря им, согласно сущностной интриге их взаимопринадлежности»<sup>16</sup>. Только через События второго типа субъект становится самим собой.

Так, скажем, для Флоренского ключевым событием 1905 года оказалась вовсе не революция, а смерть очень незначительного (на фоне революции) и очень странного человека Серапиона Машкина<sup>17</sup>, чьи идеи, оборвавшись в 1905-м, спровоцировали сначала магистерскую диссертацию «О духовной Истине» во всех ее редакциях, а затем — бестселлер книгоиздательства «Путь» «Столп и утверждение Истины», благодаря которому для нас, для современного читателя, Флоренский и становится самим собой, т. е. великим мыслителем русского религиозного ренессанса. Весь 1905 и 1906 годы — это предчувствия и свершения События — того, что надолго, почти на столетие, определит вектор развития, и сформирует поле последующей истории идей, и предрешит судьбы его (поля) деятелей и их (истории идей) творцов.

<sup>15</sup> Романо К. Авантюра времени / Пер. с франц. Р. Лошакова, науч. ред. Г. Вдовиной. М., 2017. С. 4.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> «...У меня много было всякого горя. В числе других обстоятельств смерть отца Серапиона. Ваш П. Ф.» (Письмо П. А. Флоренского к В. Ф. Эрну. 19.03.1905. Сергиевский Посад).

В своем предисловии к этому тому Владимир Кейдан отмечает в качестве таковых формирование Христианского братства борьбы (ХББ), которое просуществовало недолго, но породило гораздо более известный и масштабный проект — Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева (МРФО), а также реализованные издательские проекты 1905—1906 годов, самым заметным из которых стал журнал «Вопросы жизни». Все это, несомненно, так. Чтобы не повторяться, отмечу лишь некоторые детали, важные для понимания взаимоотношенности и взаимопорождения Субъекта/субъектов — и События. Так, идеология ХББ, кружка-эфемериды, где наивно предлагалось соединить и взыскание Града, и преображение плоти, и террор, инициированная извне русской революцией 1905 года, включала в себя — практически для каждого из участников кружка — предчувствие своей революции и своего личного преображения. Открытое письмо Е. Трубецкого к Булгакову об «эллинстве», «иудействе» и о заветах Владимира Сергеевича Соловьева, важное как факт внутриредакционной политики «Вопросов жизни», подтолкнуло к рождению концепта христианской политики и христианского социализма, ныне прочно вошедшего в сферу политического, — и воплотилось в личной поведенческой прагматике Булгакова и Трубецкого. Наконец, обстоятельства рождения МРФО из духа ХББ, распавшаяся на череду локальных событий, значимых для участников, но практически непонятных для нас — если бы не объясняющий голос комментатора — уже содержат в себе и только намечающийся в этом томе, но предопределивший многое в дальнейшей судьбе Взыскующих «неправильный» и тайный роман между Маргаритой Кирилловной Морозовой, еще только делающей свой выбор между Обломовым-Трубецким и Штольцем-Милюковым<sup>18</sup>,

---

<sup>18</sup> Письмо М. К. Морозовой к Е. И. Полянской. *Конец августа 1905 г. Biarritz — Москва.*



и раннюю гибель Эрна, простывшего на дощатом полу и за расклейкой прокламаций:

Дорогой Саша! Будь так добр, — если Асатиани в Тифлисе, сообщи мне поточнее его адрес. Писем на твое имя больше не получалось. После твоего отъезда у нас довольно много событий. 1) От Морозовой получили средства и будем получать<sup>19</sup>. 2) Технически наконец устроились<sup>20</sup>. 3) Во Владимире объявилась целая компания, которая просит приехать, чтобы устроить там отделение<sup>21</sup>. 4) Совокупными силами<sup>22</sup> Рачинский, Духовная Академия и наша компания открываем Религиозно-Философское Общество памяти Соловьева — где выступим с целым рядом рефератов на общественные темы, прения, широкий доступ публики. Уже есть духовенство, рабочие, радикалы и профессора. Пока всё на частных квартирах, а параллельно с этим пойдут хлопоты об официальном разрешении<sup>23</sup>.

Я хотела бы упомянуть еще два События, не отмеченные в моем предисловии составителем. Первое — это рождение

<sup>19</sup> Вопреки утверждению В. В. Розанова: «...Ее понесли бы на руках, покорми она из своего миллиона разных радикалистов. Она этого не сделала. Теперь ее кланут» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Спб., 1913. С. 441), настоящее письмо дает основания предполагать, что М. К. оказывала финансовую помощь ХББ и его изданиям.

<sup>20</sup> Ср.: «На даче под Москвой была поставлена своя типография, в которой печатались воззвания. Первое из них было расклеено нами ночью по улицам Москвы — и надо было видеть лицо Францыча, когда он с свёртком прокламаций, банкой клея и кистью в кармане уходил на это опасное предприятие!» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 2016. С. 601). «Эрн... рассказывал, как в студенческие годы в Москве он соединился с друзьями... Они наняли сарай, где работали и спали на дощатом полу с большими щелями. Там он страшно разболелся и нажил себе хронический нефрит» (*Иванова Л.* Воспоминания. М., 1992. С. 51).

<sup>21</sup> Отделение ХББ.

<sup>22</sup> При финансовой поддержке М. К. Морозовой.

<sup>23</sup> Письмо В. Ф. Эрна к А. В. Ельчанинову. 02.04.1905. Москва — Тифлис. Все примечания составителя к этому письму намеренно сохранены.

ивановской «Башни», когда из простого бытового сообщения о найме удобной квартиры:

(...) Мы наняли удивительную квартиру, которая хотя и имеет лишь 4 комнаты, но так поместительна, что вы все могли бы поместиться! Она находится на 6-м этаже в башне дома на углу Тверской и Таврической. Из ее окон кажется, что живешь в самом парке и расстилается весь город, и Нева, и дали, а внизу совсем крыша нашего бывшего домика. И все стены в ней полукруглые. С 25 июля поселимся в ней...<sup>24</sup>

— вырастает, обретая плоть и кровь, одно из удивительнейших явлений Серебряного века, давно уже описанное в статьях и исследованиях: взыскание Града не через «церковность» или «общественность», не через «культуру»<sup>25</sup>, но через мистически окрашенные эстетизм и сексуальность. Второе событие, также петербургское, — это кристаллизация мистической церкви Гиппиус-Мережковских, их Тайна, их Главное: взыскание преображения через причудливый синтез чаемого церковного обновления, мистики и эротики — и первые попытки критики ложности этого пути: «Горе вам, если будете сбиваться на этот путь. Вы укоряете меня в бездействии и в отсутствии реализма потому только, что я не соединяюсь с вами — это единственное реальное действие, которое Вы мне реко-

<sup>24</sup> Письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к В. К. Шварсалон. 25.07.1905. СПб.

<sup>25</sup> Ср.: «Струве и Сергей Андреевич Котляревский — два тошнявых кадета, принесшие из “Дворца” в “Башню” свою скуку и свои карканья. “Мы прикованы к тачке долга политического, к тачке скуки!” — и плакали оба о культуре, причем один говорил, что ее не было, другой — что она пропала, но оба говорили, что все же ее носители — кадеты. Один пророчил 5 лет революции и варварства, другой 50 лет!» (Письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной. 04.06.1906. СПб). Это отторжение от «тачки долга политического» позволит впоследствии объявить культуру формой «духовной феократии» — и, следовательно, пересмотреть границы как культуры, так и политического.

мендуете. Но что такое соединение? Что такое вы? (...) ради Христа, скажите мне прямо и открыто, что делаете Вы, что реализуете, как преображаете жизнь? Я не признаю права ни за Вами, ни за каким бы то ни было человеком на свете ответить так: соединитесь окончательно с нами, тогда узнаете, что и как мы делаем, что и как вам реализовать. Это был бы демонический эзотеризм, допустимый лишь в подозрительных сектах. Вы не масонская ложа, в которую таинственно вводят после епитимии, и вы, конкретные люди, Зинаида Николаевна, Дмитрий Сергеевич и Дмитрий Владимирович, не Церковь»<sup>26</sup> — и в этих филиппиках молодого, приехавшего из провинциального Киева интеллектуала с марксистским бэкграундом уже чувствуется будущий Бердяев — такой, какого еще не было в 1906 году; такой, какого знаем мы.

Ивановская Башня и Церковь Мережковских — это маркеры «открытого» поля, где, словами Бурдые, клиентами производителей в индустрии идей становятся их потенциальные конкуренты: те, которые сами могли бы совершить подобное открытие. И — совершали. Речь идет не об «институциональной конкуренции». Речь идет об энергетическом поле пульсирующих смыслов, объединенном общим желанием — «искать в мире как можно больше задатков великого организма» (Бердяев). Идеиные дискуссии между представителями различных группировок (ревнители церковного обновления и их оппоненты; группа ХББ и МРФО; посетители Башни и «гафизиты», группа Мережковского) и создают силовое поле «Взыскующих». Позже такое поле будут создавать дискуссии между Logosler'ами и путейцами, между неозападниками и неославянофилами.

Наконец, в 1905–1906 году событие обретает имя. Термин «Взыскующие», появляясь сначала в названии брошюры, в качестве адресата высказывания — «Взыскующим Града», становится языковым маркером общественного

<sup>26</sup> Письмо Н. А. Бердяева к З. Н. Гиппиус. 02.06.1906. Люботин.

движения, а акт именования совпадает с актом саморепрезентации:

О «взыскующих града» не успел справиться. Мне говорят, что это слово специально принадлежит бегунам, а не старообрядцам вообще и потому едва ли может быть найдено в старообрядческой литературе; взято из послания к Евреям 13: 14. У меня в бумагах (материалы) имеется «Паспорт бегунов», но там «взыскующие града» не помещены. Думаю, что в документах подобного рода Свенцицкий найдёт нужную справку. Впрочем, я порасспрошу ещё<sup>27</sup>.

### III.

Третий тип событий, третий слой «Взыскующих» — это «история несбывшихся событий» — история тех возможных миров, которые не смогли доразвиться до действительности: все эти бесконечные хлопоты об издании газет и сборников; проекты ненаписанных статей и книг, истории несбывшихся романов — словом, все то, что уходит в сферу частного и повседневного. И тут эта книга таит для читателя открытия удивительные! Так, для «частного» Мережковского роман с женою поэта и соратника Н. Минского Изабеллой (Бэлой, в крещении Людмилой) Вилькиной не менее, а может быть и более важен, чем революция и даже Третий завет, и воплощен до приторности эстетски: на том же языке московского и питерского модерна, что и публицистика этого периода, — или будущий особняк Максима Горького на Спиридоновке в Москве<sup>28</sup>. Известный либеральный священник Констан-

---

<sup>27</sup> П. А. Флоренский к В. Ф. Эрну. 10.02.1906. *Сергиевский Посад — Москва*.

<sup>28</sup> «Хотелось бы играть с Вами в пятнашки, как мудрому кентавру Хирону с маленькой беленькой нимфою Бэлою, на темно-зеленой лужайке, окруженной стеною исполинских древних черных кипарисов, и чтобы это было за тысячи верст, за тысячи лет и еще дальше, дальше — в Золотом веке — во сне. И если бы я Вас ласкал, то ласки мои были бы невинны и легки, как трепетания крыльев пойманной бабочки» (Письмо Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной, 15.03.1905. *СПб*).

тин Аггеев не меньше, чем о судьбе «голгофских христиан» и «группы 32 священников» (важные флуктуации исторического поля, соразмерно отражающие дух эпохи), переживает о своих институтских делах и об интригах графа и графини, лицах безусловно важных — но о самом существовании их мы узнаем через сто лет только благодаря «закадровому голосу» комментатора; корзина винограда для студента Павлуши Флоренского никак не доедет до адресата<sup>29</sup> — через несколько лет не из того ли винограда и не с того ли виноградника будет в 1909 году изготовлена бочка кахетинского, посланная все тому же Павлуше заботливой матерью, чтобы он, переживая религиозный и личный кризис, не утопил в некачественном алкоголе свои грядущие Встречу и Событие? Это область, где герои и титаны нашего культурного пантеона, давно и прочно занявшие свои места в литературном ли, философском ли иконостасе, — предстают перед нами «расколдованными», порой — с безусловно сниженной социальной ответственностью<sup>30</sup>. Здесь звучат индивидуальные лейтмотивы и личные голоса, опознаваемые нами как родные. Здесь срабатывает эффект узнавания: мы узнаем — переоткрывая заново — Булгакова и Бердяева, Флоренского и Шестова.

Потому что наша герменевтическая установка — не равна той установке, которая была у Взыскующих. У нас качественно иное восприятие события. В 1906 году Сергей Бул-

<sup>29</sup> «Дорогой Павлуша! Я только что приехал из Тифлиса. Привёз Вам большую кошёлку винограда — по поручению Ваших — как Вы о том просили. Не знаю теперь, как быть. Может быть, Вы приедете за ней. Виноград может испортиться через несколько дней. Газета налаживается. Если приедете, то будет очень хорошо, потому что сейчас переговоры с Сытиным находятся в периоде окончательности. Здесь Волжский. Приезжайте!» (Письмо В. Ф. Эрн к П. А. Флоренскому, 02.09.1905. *Сергиевский Посад — Москва*).

<sup>30</sup> «Р. С. Будьте добренькой, Бэла, Бэлочка милая, скажите, от кого Вы вчера получили «страстное» письмо. Мне ужасно любопытно. Неужели от Бердяева!» (Письмо Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной, 15.03.1905. *СПб*).

гаков, говоря о Достоевском, писал, что «для определения контура и высоты горной вершины нужно отойти от нее на расстояние, которое для нее не страшно, а наоборот необходимо для перспективы, так и на расстоянии выясняется и действительное величие гения, рассмотреть которое мешают мелочи современности»<sup>31</sup>. — Для нас очевидно иное. «Мелочи современности», воспроизведенные через сто лет, дают возможность понять, почему события не сбылись, почему что-то пошло не так. Мы знаем то, чего не знают герои «Взыскующих». Мы знаем ответы на их «мучительно-болящие вопрошания» (выражение А. С. Глинки); мы знаем, к чему в итоге привела их «работа совести». И мы знаем, что то, что чаялось, — не стало из возможного действительным, а если и стало, то в таких формах, которых никто, кажется, не предвидел и не хотел. Или все-таки предвидел?

Языковые маркеры этой ситуации обозначены в заголовке и в эпитафиях, которые рефреном повторяются во всех томах проекта: это метафоры «Града», «Пути/пути» и «шпал». О «Граде незримом» как утопическом социальном проекте, так или иначе опираясь на первое издание «Взыскующих», в последние два десятка лет не писал только ленивый. Места обнаружения «шпал» — ресурсов, необходимых для чаемого преобразования и достижения Града — должны были быть изначально «отмечены на карте», однако их на карте реального прошлого не оказалось. Мы — как и составитель — знаем, что в конце всех героев ждет не Град незримый в рамках исторической реальности в отдельно взятой великой стране. Великий Замысел таил в себе Великое Поражение. Запасные шпалы не нашлись, пути оказались разобраны или привели к трапам пароходов «Oberbürgermeister Naken», «Preussen» и «Jeanna»; к смерти — зачастую трагической — и забвению. Однако метафора «пути, который на карты не попал», кажется чрезвычайно плодот-

<sup>31</sup> Булгаков С. Через четверть века // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 6 т. Т. 1. СПб., 1906. С. IV.

творной, ибо составитель только и делает, что наносит на карту утраченного мира заново открытые им пути.

Поскольку параллельно с фатальным следованием к историческому поражению какие-то другие, пока еще не очень понятные, неочевидные, небесные пути вели к тому явлению, которое устойчиво называют русским Серебряным веком и русским религиозным ренессансом, — и мы осознаем недостаточность этих терминов для того, чтобы описать его во всей полноте, во всех его страстях и сомнениях, как и положено подлинному ренессансу. Парадокс ситуации заключается в том, что Взыскующие, творцы этого мира, — такого результата не предполагали, да и не могли предполагать, как не мог Флоренский знать в 1905 году, что он напишет «Столп и утверждение Истины» и «Водоразделы», «зуборог» Булгаков «с ворохом христианской общности» станет создателем «Большой Трилогии», экзальтированный Андрей Белый — автором «Петербурга» и «Москвы», а безумный и странный Валентин Свенцицкий — чьи взлеты и падения, впрочем, еще впереди, — автором «Диалогов» и неканонизированным православным мучеником.

Мы — в совершенно другой ситуации, ибо нам уже известен результат. Для нас уже «завязались все узлы и прозвучали все голоса». Это мы должны найти неочевидные пути и спрятанные шпалы, следуя подсказкам составителя. Это мы должны разгадать этот квест; мы должны пройти игру до конца. Мы захвачены авантюрой времени.

*Анна Резниченко  
Подлипки, август — ноябрь 2019*

---

## ХРИСТИАНСКИЕ ПУТИ СВОБОДЫ

### От «Нового пути» к «Вопросам жизни»

В 1904 году в редакции «Нового пути» объединились представители двух направлений религиозно-философской публицистики. С одной стороны — члены прежней редакции, искатели «нового религиозного сознания»: Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов, Г. И. Чулков, А. В. Карташев, с другой — сторонники «христианской общественности», ушедшие от марксизма: С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. А. Аскольдов (Алексеев), А. С. Глинка (Волжский). Это объединение, и положило начало тому явлению, которое впоследствии будет названо Русским религиозно-философским возрождением. С 1905 года редакция в обновленном составе начинает выпускать журнал «Вопросы жизни», издателем которого становятся по очереди Д. Е. Жуковский и Н. О. Лосский<sup>32</sup>.

---

<sup>32</sup> Колеров М. «Вопросы Жизни»: история и содержание // Логос. 1991. Вып. 2. С. 264–283. *Он же*. С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать. 1903–1905 // Вопросы философии. 1993, № 11. С. 101–114; См. также: Семенова А. Л. Журналы «Новый путь», «Правда», «Вопросы жизни»: сопоставительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 3. 2009. С. 447–453.



Один из сотрудников обоих журналов Г. Чулков вспоминает: «Надо помнить, что 15 июня 1904 был убит Плеве<sup>33</sup> и что вся система дрогнула, пошатнулась, что в декабре был опубликован указ Правительствующему Сенату “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка”, свидетельствующий о полном бессилии правительства. (...) Подумать только, что нам пришлось выпускать первую книжку “Вопросы жизни”, когда еще в умах и сердцах не остыло все испепеляющее воспоминание о падении Порт-Артура и когда еще дымилась кровь, пролитая 9 января на снежных улицах нашего безумного Петербурга. (...)»

“Вопросы жизни” не были тем боевым, своеобразным и нарушавшим все интеллигентские традиции журналом, каким был “Новый путь”, но зато новый журнал был солиднее, умнее, убедительнее, внушительнее своего неосторожного предшественника. В отделе поэзии и художественной прозы, где я собрал всех символистов, журнал значительно выиграл. Впервые, наконец, поэты-символисты стали печататься в журнале, который пользовался известным авторитетом не только в литературно-художественной богеме, но и вообще среди культурных людей»<sup>34</sup>.

Соредакторы-издатели «Вопросов жизни» (ежемесячного литературно-общественного издания) Д. В. Филосов и Н. О. Лосский в № 1 за 1905 г. объявили о ближайшем участии в журнале С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Д. Е. Жуковского, подчеркивая, что новый журнал является продолжением «Нового пути» «в том направлении, какое он получил с октября 1904 года»<sup>35</sup>. В конце 1905 года ре-

<sup>33</sup> Вячеслав Константинович фон Плеве (1846–1904) — министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов в 1902–1904 гг., убит эсером Е. Созоновым.

<sup>34</sup> Чулков Г. Годы странствий / Вступ. статья, сост., подгот. текста М. В. Михайловой, коммент. М. Михайловой, К. Карчевского. М., 1999. (Далее: Чулков Г. Годы странствий). С. 149.

<sup>35</sup> Лосский Н. О. Объявление о подписке // Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 1.

дакция так определяла задачи издания на следующий год: «“Вопросы жизни” ставят себе задачу соединить вокруг своего знамени тех, кому дорога культура с ее непреходящими ценностями. Наш журнал стремится в наибольшей полноте раскрыть проблемы и темы, которые ставят человеку искусство, философия и религия. Уделяя место сторонникам различных миропониманий, журнал ставит себе одну главную цель, которая объединяет всех ближайших сотрудников: эта цель — борьба с поверхностно-позитивным и односторонне-рационалистическим отношением к жизни.

В области общественно-политической журнал поддерживает движение, стремящееся к освобождению правовому и социальному. Придавая большое значение церковному освободительному движению, наш журнал будет внимательно следить за его развитием. Относясь отрицательно к клерикализму, стремящемуся к внешней власти, мы приветствуем то религиозное движение, которое носит вселенский характер, чуждый всякому принуждению»<sup>36</sup>.

Впоследствии автор, далекий от объективности в оценке политических противников, признает, что деятели русского религиозно-философского возрождения выступали не просто как авторы книг и статей, но «как настоящие идейные вожди целого общественного направления, давая целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии»<sup>37</sup>.

На фоне нараставшей пропаганды левых партий, забастовок рабочих, крестьянских бунтов, еврейских погромов и террористических актов против государственных деятелей вызовом консервативных сил прозвучало опубликован-

<sup>36</sup> От редакции // Вопросы жизни. 1905. № 10–11. С. 395. См. также: *Семёнова А. Л.* Журналы «Новый путь», «Правда», «Вопросы жизни»: сопоставительный анализ. С. 447.

<sup>37</sup> *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 19. М., 1968. С. 168.

ное 16 января 1905 года после расстрела манифестации 9 января холодно-обличительное и казенное послание Синода «Ко всем чадам Православной Церкви», прошедшее цензуру Победоносцева. Даже правые газеты кричали от возмущения: «Где в это время был сонм духовных? Где были учителя наши в непогоду, приведшую к катастрофе 9 января?!»

На самом деле церковные иерархи вовсе не были холодными исполнителями воли стоявшего за их спиной государства. Сердца многих из них обливались кровью. Первоприсутствующий член Св. Синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) прозрачно выразил свое негодование в сдержанном письме в «Новое Время», прикрытом именем его секретаря П. И. Тихомирова: «В сферу политических и социальных движений духовную власть никто не считает нужным посвящать. Поэтому пастырского слова владыки к рабочим не могло и быть. Во всяком общественном движении надо быть вполне осведомленным, чтобы вовремя явиться, где нужно, и сказать, что следует»<sup>38</sup>. Эти горькие слова намекали на старческую немощь самодержавной власти, в своих объятиях удушающей энергию Церкви. Иерархи не были посвящены в планы готовящейся расправы. В итоге после разразившейся трагедии на Церковь была возложена часть ответственности. Трудно было сильнее опорочить Церковь в глазах народа. И тогда группа 32-х петербургских священников обратилась к Синоду и епископату с призывом осудить кровопролитие и стать на сторону жертв трагедии. Впоследствии эта группа оформилась в «Братство ревнителей церковного обновления» (позже «Союз церковного обновления»), выступая с инициативой созыва Поместного собора, который по их мысли должен был демократизировать церковное управление, максималь-

<sup>38</sup> Новое время. 19 января (1 февраля) 1905. Цит. по: *Карташев А. В.* Мои ранние встречи с отцом Сергием Булгаковым // Православная мысль. Труды Православного богословского института в Париже. Вып. VIII. Париж, 1951. С. 49.

но удалив его от влияния государственных структур, выработать церковную социальную доктрину и модернизировать архаичный культ. по существу движение стремилось к церковным реформам в направлении протестантизма, заменяющим традиционную концепцию православной соборности личной ответственностью верующего перед Богом. Предпочтение отдавалось активизму, а не покорной пассивности, что должно было повлечь за собой изменение массового религиозного сознания русских.

После катастрофы Кровавого воскресенья из Петербургской духовной академии вышли и вскоре стали известны всей России священники Георгий Гапон, Константин Аггеев, архимандрит Михаил (Семенов), ректор епископ Феофан (Быстров). В эти неистовые дни из Москвы в Петербург прибыли делегаты религиозно-философских кружков и движений, чтобы, встретившись со столичными деятелями религиозного возрождения, попытаться выработать общую программу действий. Среди них были В. Эрн и В. Свенцицкий, у которых 9 января «высекло искру решимости». Они призывали к борьбе за расторжение старорежимного союза Православной Церкви и самодержавной власти, за выведение церковных сил на поле общественной борьбы за новый строй.

А. В. Карташев оставил яркие воспоминания о собраниях, происходивших в редакции «Вопросов жизни», в которых принимали участие сотрудники и идейно близкие журналу люди<sup>39</sup>. Особенно бурным и накаленным было январское собрание кружка «Вопросов жизни», обсуждалось отношение Церкви к текущим революционным событиям. Присутствовали С. Н. Булгаков, С. А. Аскольдов, С. Л. Франк, А. В. Карташев. Московские гости Эрн и Свенцицкий предложили организовать большую демонстрацию-панихиду по жертвам «кровавого воскресенья». У Эрна сорвалась фраза: «...в пику Синоду». Тут обычно

<sup>39</sup> *Карташев А. В.* Мои ранние встречи с отцом Сергием Булгаковым. С. 47–55.

молчаливый, сдержанный Франк возвысил голос и запротестовал: «Я решительно возражаю против такой постановки вопроса. Я понимаю демонстрацию как акт внешний, боевой и до известной степени грубый; но молиться Богу “в пику кому-то”, примешивать сюда мои интимные отношения к Богу — этого я ни понять, ни принять не могу»<sup>40</sup>.

Эта реплика охладила разгоряченные головы православных революционеров. Предложение не было принято. Однако у молодых москвичей созрел новый замысел: основать революционную организацию, члены которой, оставаясь преданными Православной церкви, включаются в политическую борьбу с самодержавием на основе евангельского понимания достоинства человеческой личности. Многие политические публикации журнала имели антисамодержавный характер: осуждали русско-японскую войну, «обнажившую зло и неправду царизма», протестовали против подавления забастовочного движения и жестоких разгонов рабочих демонстраций. В программной статье «“Вопросы жизни” и вопросы жизни» С. Булгаков наметил путь общественного служения в условиях политического кризиса, наступившего в России, определенный им как «идеал-реализм», предлагавший всем, относящим себя к сторонникам общественного прогресса, уделять равное внимание как материальной и социальной, так и духовной сферам человеческого бытия, ибо «не хлебом единым живет человек», но «он не может жить без хлеба»<sup>41</sup>. Идеал-реализм предполагал реформы в четырех направлениях: достижение политической свободы личности, экономическое возрождение на основе социализации промышленности, культурное возрождение и церковное обновление. Группа общественных деятелей и публицистов, объеди-

<sup>40</sup> *Карташев А. В.* Мои ранние встречи с отцом Сергием Булгаковым. С. 51–52.

<sup>41</sup> *Булгаков С.* «Вопросы жизни» и вопросы жизни // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 358.

нившихся вокруг журнала «Вопросы жизни», стали, таким образом, единственным русским общественно-политическим движением, провозгласившим неразрывность социальных, гражданских и церковных проблем, на фоне полного равнодушия или враждебности к религии всей «прогрессивной» публицистики. С. Булгаков напоминал заветы русской этико-философской мысли: «После Толстого, Достоевского, Соловьева непозволительно уже не понимать значения религии как силы социального прогресса»<sup>42</sup>.

Подводя итоги первого года существования журнала, его издатели заявляли, что «Вопросы жизни», «присоединяясь к общему освободительному и социальному движению», желают сохранить «независимое, непартийное положение», стремясь остаться «верными анархическому идеалу в его религиозном понимании»<sup>43</sup>.

В вопросах религиозной свободы и реформы церкви журнал сражался «на два фронта, направо — с казенщиной религиозной жизни и мысли, с церковной полицией, налево — с повальным религиозным индифферентизмом русского общества»<sup>44</sup>.

Тем временем внутри редакции назревал новый идейный конфликт. Столкнулись две тенденции: революционно-анархистская — Г. Чулкова и церковно-охранительная — С. Булгакова. В статье «Поэзия Владимира Соловьева» Г. Чулков остро и критично поставил тему судьбы исторического христианства<sup>45</sup>. С резким возражением против нее среди прочих выступил С. Булгаков, который «мистическому анархизму» Чулкова противопоставлял православную церковность<sup>46</sup>. Конфликт усилился впоследствии

<sup>42</sup> Булгаков С. Нет на свете мук сильнее муки слова // Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 309–317.

<sup>43</sup> Булгаков С. Неотложная задача // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 332–360.

<sup>44</sup> Булгаков С. «Вопросы жизни» и вопросы жизни. С. 358.

<sup>45</sup> Вопросы жизни, 1905. № 4–5. С. 101–117.

<sup>46</sup> Булгаков С. Несколько замечаний по поводу статьи Г. И. Чулкова о поэзии Вл. Соловьева // Вопросы жизни. № 6. С. 293–317.

из-за резкого несходства литературных вкусов: Г. Чулкову с трудом удалось преодолеть длительное сопротивление С. Булгакова публикации на страницах журнала романа Ф. Сологуба «Мелкий бес»<sup>47</sup>.

К концу года выяснилось, что журнал к тому же экономически разорителен для его издателя Д. Е. Жуковского, и тот отказался от его дальнейшего финансирования. По выражению Булгакова, в составе редакции «идет разложение и гниение», и он ни за что бы не согласился в нем участвовать, если бы его издание продолжилось в 1906 году. По общему согласию в декабре 1905 года издание было прекращено. По мнению Г. Чулкова, эта дата стала распутием для представителей двух тенденций христианской общественности, которые сначала объединились в противостоянии позитивизму, материализму и атеизму революционно-демократической интеллигенции, но внутренне так и остались чуждыми друг другу. Г. Чулков вместе с Вяч. Ивановым, А. Блоком, Ф. Сологубом, пройдя через этап «мистического анархизма» и альманахов «Факелы», полностью погрузились в чисто литературную деятельность, а С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Аскольдов, В. Эрн и их единомышленники двинулись дальше по пути религиозной публицистики и церковной политики.

## Христианское Братство Борьбы

В феврале в 1905 г. в Москве произошло немногочисленное собрание христианской интеллигенции обеих столиц, на котором было основано «Христианское Братство Борьбы» (ХББ)<sup>48</sup>. Возглавили эту революционную организацию

<sup>47</sup> Чулков Г. Годы странствий. С. 151.

<sup>48</sup> Недолгая история этого первого православного политического объединения исследована в следующих трудах: *Иванова Е. В.* Флоренский и Христианское Братство Борьбы // Вопросы философии. 1993.

пламенный христианский публицист Валентин Павлович Свенцицкий, и только что окончивший историко-философский факультет Московского университета Владимир Францевич Эрн. Идеи этой радикальной христианской группы поддерживают их близкие друзья и соученики по 2-й Тифлисской гимназии Павел Александрович Флоренский (в то время студент Духовной академии) и Александр Викторович Ельчанинов.

Их общим духовным наставником был живший на покой в Донском монастыре епископ Антоний (Флоренсов). По воспоминаниям современников в характере епископа Антония «всегда чувствовалась его постоянная готовность к бою, к решительному действию. У него был особый вкус и чутье к вопросам человеческой психофизиологии, расы, породы, крови, темперамента». В своей пастырской практике он исходил из евангельского понимания любви и свободы, сформулированной в максиме: «Христианская свобода и любовь — одно и то же. Свобода — в любви и любовь — в свободе. А основа всего — страх Божий»<sup>49</sup>.

---

№ 6. С. 159–166. *Кейдан В. И.* На путях к граду земному // Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. (Далее: *Кейдан*, 1997). С. 11–18. *Колеров М.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «проблем идеализма» до «вех» 1902–1909. СПб., 1996. С. 225–278. *Морозова Я. В.* Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва: вопросы возникновения // Вестник РХГА. 2008. Т. 9. № 2. С. 181–191. *Носов А. А.* К цензурной истории религиозно общественной печати (1905–1906 гг.) // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 35–43. *Свенцицкий В. П.* Христианское братство борьбы и его программа. М., 1906. *Он же.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 2010. С. 40–64, 584–594. *Нашедшие град / Сост. и коммент. С. Черткова.* М., 2017. (Далее: *Чертков*, 2017). С. 7–34. *Шеррер Ю.* В поисках «христианского социализма» в России // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 88–133.

<sup>49</sup> *Андроник (Трубачев).* Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 10. С. 65–73.



Интересно, что первое сообщение об организации новой партии и краткое изложение ее Программы были опубликованы (вероятнее всего, не по воле авторов, так как отсутствует указание на источник) в большевистском эмигрантском еженедельнике «Вперед»<sup>50</sup>.

В историческом введении к «Программе ХББ» В. Свенцицкий так пишет о его целях, обстоятельствах возникновения и первых политических акциях:

«Христианское братство борьбы» имеет целью активное проведение в жизнь начал вселенского христианства. Эти начала, введенные вселенским историческим христианством в сферу индивидуальной жизни, до сих пор не были сознательно положены в основу общественных отношений, в общественных отношениях до сих пор осталось нераскрытой “правда о земле”, лежащая в самой сущности христианского учения. Раскрыть эту правду и действительно осуществлять вселенскую правду Богочеловечества во всемирно-историческом процессе и есть общая задача “Братства”.

Своеобразие и исключительность настоящего исторического момента сами собою определяют ближайшие, частные задачи “Братства”, необходимо вытекающие из общей, основной. Эти задачи суть:

Борьба с самым безбожным проявлением светской власти — с самодержавием, кощунственно прикрывающимся авторитетом Церкви, терзающим народное тело и сковывающим все добрые силы общества.

Борьба с пассивным состоянием Церкви в отношении государственной власти, в результате чего Церковь идет на служение самым низменным целям и явно кесарю предаёт Божье.

<sup>50</sup> Новая партия // Вперед. 10 (23) марта 1905 г. № 11. С. 3–4. Редактором еженедельника был В. Ульянов (Ленин). Представляется вероятным, что текст Программы был доставлен в редакцию В. Эрном, который приехал в Швейцарию в конце 1904 г. и здесь познакомился и подружился с Вяч. Ивановым и Л. Зиновьевой-Аннибал.

Утверждение в социально-экономических отношениях принципа христианской любви, содействующего переходу от индивидуально-правовой собственности к общественно-трудовой. «Братство» призывает к совместной Господней работе всех верующих во Христа без различия исповеданий и национальностей ввиду того, что борьба с безбожной светской властью имеет смысл не только национальный, но и вселенский».

Члены Братства сочли первоочередной задачей опровержение синодского послания, в котором забастовщики и участники манифестации 9-го января приравнялись к изменникам и пособникам японцев. Город был разделен на десять участков. Ночью члены Братства развесили свое воззвание с большим черным крестом вверх у листа:

«Синод обратился к вам с возванием не заводить в государстве смуты, не быть заодно с внутренними врагами и тем не служить японцам. Не таких слов ждали все истинно-православные люди в настоящее тяжелое время. Кому неизвестно, какие грабительства и притеснения творят царские слуги. Они и ослабили Русскую землю, потому что измучили народ. А когда Петербургские рабочие с пением «Отче наш» пошли умолять царя выслушать об их нуждах, в них стали стрелять солдаты и убили 2000 человек и ранили более 5000 своих братьев-христиан. И после этого Синод, забыв истинную Апостольскую Церковь, увещевает вас, а не тех, кто довел вас до крайности, кто губит Русскую землю и зверски убивает наших братьев. В такие минуты все ждали, что Церковь возвысит свой голос против обезумевшей власти, забывшей, что Царь всех царей — Господь и что царская власть ниже воли Господней подобно тому, как митрополит Филипп обличал царя Ивана Грозного, измучившего народ опричниной...»<sup>51</sup>

Перед Братством с первых же шагов вставали две сложные задачи: дать религиозно-философское обоснова-

<sup>51</sup> ХББ — Народу [16.02.1905] // *Чертков*, 2017. С. 146.

ние «христианской общественности», от теории перейти к практике, воздействуя на духовенство, интеллигенцию и народ. Эти задачи казались неразрешимыми из-за недостатка активных сторонников Братства, денежных средств и отсутствия собственной типографии. Однако, несмотря на это В. Эрн и В. Свенцицкий приступили к поиску богословских начал своей деятельности, которые вскоре формулировали следующим образом:

«Христос — Богочеловек. Он стал человеком и принял плоть. Искушая ее Своей Пречистой Кровью, Он не отделился от нее, а остался в ней и с ней, потому что связан с ней “нераздельно и неслиянно”, потому что пришел не упразднить, а освятить ее. Преобразовав ее на Фаворе и освободивши ее от рабства смерти Своим Воскресением, Он положил начало “обожению плоти”, которое закончится “новой землей, на которой обитает правда” (2 Пет. 3:13). Этим Он дал вечный образ поведения и указал путь, по которому должен идти каждый христианин. Каждый человек для того, чтобы становилось возможным Царство Божие внутри него, должен победить в себе похоть плоти и облечь тело свое во Христа, приготавливая его к славе и нетлению. Но согласно Евангелию, человек не есть самодовлеющий, не связанный с другими атом. Он лишь один из бесчисленных членов великого и единого целого — Тела Церкви. Церковь Христова — объективное Царство Божие, осуществляясь и водворяясь в душе всего человечества, должна победить похоть плоти уже не отдельного лица, а всего человечества, и облечь тело — уже не тело отдельного лица, а тело всего человечества — во Христа и сделать его Невестой Христовой. Эта плоть и тело являются результатом взаимодействия тела и плоти отдельных лиц, основанного на потребностях тела и плоти, а это и есть, прежде всего, отношения экономические, общественные и государственные. Значит, человечество, становящееся Церковью, для осуществления в себе Царства Божия, должно бороться со своей похотью и побеждать свою плоть, то есть животворить и проникать Духом Христовым отноше-

ния экономические, общественные и политические. Да изобразится и в них Христос и да будет Бог во всем.

Таким образом, из действительной веры во Христа, вочеловечившегося и пришедшего во плоти, неизбежно вытекает обязанность каждого христианина принимать самое деятельное участие в общественной и политической жизни страны. В той самой области жизни, от которой с безразличностью и ужасом отворачивалось историческое христианство, необходимо действенно и самоотверженно осуществлять вселенскую правду Богочеловечества, отдавая, если потребуется, жизнь «за други своя»<sup>52</sup>.

Обращение, озаглавленное «О задачах Христианского Братства Борьбы», было разослано почти всем епископам Российской Церкви и многим представителям духовенства в Москве, Петербурге, Киеве, Владимире и других городах.

Этот документ представляет собой первую попытку вывести и сформулировать социально-экономическую доктрину, исходя из догматики православия. Русские интеллигенты, почувствовавшие общественный кризис и равнодушие церковной иерархии к земным человеческим проблемам, решились расколоть длившуюся полтора тысячелетия «симфонию богоизбранных супругов» — самодержавного Государства и Православной Церкви. Одновременно был положен первый камень в основание того радикального учения, которое через десятилетия разовьется в недрах католицизма под именем «теологии освобождения» и «теологии революции». В обличении капиталистического общества, в постановке революционных целей, в признании и оправдании насилия для изменения общественного строя и в призыве к самопожертвованию, а главное — в утопизме этих целей просматриваются и блоки марксистской теории, и эсхатологический пафос европейской Реформации. Вслед за вдохновителями и сторонниками Реформации ХББ обретает свой идеал общественного устройства не в будущем, а в прошлом,

<sup>52</sup> ХББ — Народу [16.02.1905] // *Чертков*, 2017. С. 146.

в «первохристианском коммунизме» катакомбной Церкви. Звучат в Программе ХББ и отголоски крестьянских хилиастических чаяний о жизни по «правде Божией» в утопическом «Беловодском царстве», где будут обитать крестьяне-праведники.

Члены ХББ отпечатали 4000 экземпляров «Обращения к войскам», призывавшего солдат не исполнять приказов офицеров, если те прикажут им стрелять в восставших рабочих и крестьян. Вот фрагмент этой пламенной христианской проповеди:

«Братья христиане! Страшный грех на вашей душе. по приказанию безбожной власти усмиряете вы “бунтовщиков”, убиваете и мучаете их. Самое ужасное то, что, убивая своих братьев-христиан, вы не приносите покаяния, думаете, что поступаете хорошо. “Это не наше дело, — говорят вы, — начальство велит, оно и ответит перед Богом, а мы обязаны слушаться”. Не так говорили апостолы и святые мученики христианские, когда начальство заставляло их отречься от Христа и поклоняться идолам. Не говорили они тогда: поклонимся, отречемся, — а там пусть начальство отвечает (...) Разве так уж виноваты голодные крестьяне, когда отбирают хлеб у помещиков, проживающих в городе десятки тысяч рублей в год; или рабочие, не знающие отдыха (...), когда они просят прибавки жалованья и сокращения рабочего времени?! (...) А если они и виноваты, то разве есть такая вина, за которую можно убивать людей? (...) Кто выше, Бог или царь со своими слугами? Один у нас Господь — Царь Иисус Христос.

(...) Если завтра на землю придет Иисус Христос, как обещал Он в Евангелии, и будет проповедовать и учить, а начальству это не понравится, и оно прикажет стрелять в Него, кого вы послушаетесь? Но ведь Христос, по слову Его, приходит ежедневно в образе голодного, гонимого, бедного человека...»<sup>53</sup>.

<sup>53</sup> *Свенцицкий В.* Христианское Братство Борьбы и его программа... С. 19.

В «Обращении к крестьянам», также распространенном в нескольких тысячах экземпляров, утверждалось, что русский народ переживает все ужасы за грехи свои. Но недостаточно сказать: «грешен», надо покаяться в трех главнейших (по мнению ХББ) грехах: в любви к кесарю (государству), превысившей любовь к Богу, в поглощении церкви государством и в войне на Дальнем Востоке<sup>54</sup>. Считая необходимым ознакомить со своей программой образованные слои общества, Эрн и Свенцицкий составили «Обращение к обществу» и разбросали его по почтовым ящикам в больших городах.

Желая привлечь на свою сторону рабочих, летом 1905 года ХББ направило своих пропагандистов, Евгения Лундберга и Ивана Беневского, в Иваново-Вознесенск, где происходила грандиозная стачка. Перед ними была поставлена непростая задача — пробудить в бастующих идею борьбы за «Правду Христову», противопоставив ее борьбе за экономические цели, служащие лишь «эгоистическому желанию обогащения и благополучия». Вместо стачки за «хлеб насущный», они призывали восстать против тех, кто «оскверняет мир — этот храм Господень, — делая

<sup>54</sup> Там же. С. 21. Следует отметить параллелизм текста «Обращения к войскам» и проповеди, произнесенной П. Флоренским (тогда еще студентом МДА) 12 марта 1906 г., изданной впоследствии отдельной брошюрой. См. *Павел Флоренский*. Вопль крови. Слово в неделю Крестопоклонную. Сказано в храме МДА, за литургией 12 марта 1873 г. по смерти Иисуса Христа. [М.], 1906. В своем Слове Флоренский открыто обличил правительственный террор во время и после подавления революции 1905 г. Содержание этой проповеди и публикуемые письма свидетельствуют о близости П. Флоренского к позиции основателей ХББ, о его участии в акциях этой нелегальной организации: рассылке обращений и листовок (в том числе брошюры «Вопль крови»), подборе потенциальных сторонников и сотрудников. Известно также, что за эту проповедь П. Флоренский был арестован, но вскоре по ходатайствам друзей из академических кругов освобожден. В письме В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову от 05.04.1906 саркастически упоминается предложение Мережковского написать статью об опыте пребывания в тюрьме.

его домом торговли и вертепом разбойников, где безбожные сытые бездельники крадут труд бесправных, голодных и нищих рабочих». При этом ХББ вслед за партиями социалистической направленности выдвинуло и экономическую программу-минимум. Выступления в рабочей среде агитаторов ХББ никак не повлияли на ход стачки и не привлекли в его ряды новых членов. Пролетарии не отозвались на протестантский пафос программы «Братства». Немногочисленные слушатели христианско-социалистических ораторов, решив, что перед ними сектантские проповедники, вскоре теряли к ним интерес и расходились. Так же безуспешно закончилась миссия ХББ в крестьянской среде, где им в лучшем случае подавали несколько медных грошей, принимая за странников. Лишь во внецерковных религиозных группах, сочувствующих движению за политическое освобождение, идеи «социального христианства» и «христианской политики» вызвали осторожное сочувствие.

Пожалуй, наибольший отклик идеи Братства нашли в среде разночинной интеллигенции, которая вместе с ними воспринимала нарастающее революционное движение как прелюдию религиозного возрождения апокалиптического масштаба. Впрочем, уже в 1906 году В. Свенцицкий признавал, что идеология ХББ выродилась в либерально-христианскую публицистику, «фельетонное христианство», и привело лишь к умножению числа «либеральных батюшек»<sup>55</sup>, а не к появлению мучеников, пророков и апостолов Церкви будущего. Выросший из объединившихся вокруг «32 священников» «Союз христианского обновления», — писал Свенцицкий, — «вовсе не первый луч Жены, Облеченной в Солнце (Откр. 12: 1), а лишь один из многочисленных профессиональных союзов внутри общей массы синдикалистского движения»<sup>56</sup>.

<sup>55</sup> Свенцицкий В. Христианское Братство Борьбы и его программа... С. 21.

<sup>56</sup> Там же. С. 16.

Современники называли новое общественное движение «христианским социализмом», однако вряд ли это название, взятое из западноевропейской политической жизни, адекватно отражало хилиастический пафос основателей Братства. В центре их внимания стоял Христос и Его Церковь, через которую, обновив и освободив ее от пленения государством, они надеялись войти в царство любви и социальной гармонии. Достижение традиционных политических свобод также не отвергалось, но при этом им отводилась лишь роль средств для осуществления идеи «христианской общности», восходящей к концепции богочеловечества как залогом эсхатологического освобождения в Царстве Христовом.

Не получив поддержки в обществе, ХББ тем не менее затронуло религиозно-нравственное сознание части православного духовенства, вызвало у отдельных священнослужителей желание искупить тяжелый многовековой грех социальной пассивности и «этатизма». К их числу в первую очередь относятся архимандрит Михаил (Семенов), священники Иона Брихничев, Константин Аггеев и другие участники «Союза церковного обновления». Их голоса, живые и искренние проявления христианской совести, прозвучали в затхлой атмосфере казенно-умеренной безжизненной «религиозности», не защитившей общество от террористического разгула революционного экстремизма. Искренняя вера христианских революционеров в возможность переустройства общества на евангельских основах искупала наивный утопизм их политико-экономических построений.

«Исход русского социализма — Церковь (...) Мы верим в возрождение Церкви, мы его страстно желаем и жаждем, и к нему-то и ведет ход русских событий. Душа начатой с хоругвями, под пение “Отче наш” революции русской — в грядущем возрождении Церкви. Это возрождение вберет в себя всю правду освободительного движения, примет всю многовековую культуру всего человечества, в жизни



(...) осуществит больше, чем даже намечается в самых смелых мечтах социализма, и явит миру лик истинной и полной Христовой Правды»<sup>57</sup>.

Христианско-общественное движение объявило «неприимиримую войну черносотенству и шовинизму. Поддерживая прогрессивно-демократические партии, оно будет бороться с теми философско-религиозными атеистическими идеями, с которыми обычно связывается проповедь этих партий»<sup>58</sup>.

В кругах радикально настроенной интеллигенции идеи «Христианского Братства Борьбы» и булгаковского неосуществленного «Союза христианской политики» были восприняты враждебно: Церковь, поддерживавшая ненавистное им самодержавие, была для них оплотом консерватизма и реакции. Так, например, марксистская газета «Новости» в ряде статей призывала радикалов встать в оппозицию к предполагаемым церковным реформам, ибо всякий «свободомыслящий» желал бы видеть Церковь подчиненной государству, а не свободной и, следовательно — активной и влиятельной.

В 1905 году С. Булгаков при участии А. Глинки (Волжского), В. Эрн, В. Свенцицкого, В. Зеньковского и издателя В. Лашнюкова основал в Киеве независимую религиозно-общественную газету «Народ», просуществовавшую всего две недели. В программе «Народа» утверждалось, что это «орган не только местный, киевский, но прежде всего всероссийский»<sup>59</sup>. Из перечня сотрудников было видно, что газета было попыткой продолжения «Вопросов жизни», но с более ярко выраженной общественной направленностью. В церковной области газета выступала за реформу института иерархического управления и свободу совести,

<sup>57</sup> [Свенцицкий В., Эрн В.] Взыскующим Града. М., 1906. (РОБ. № 1). С. 5.

<sup>58</sup> Булгаков С. Н. Неотложные задачи (О союзе христианской политики). М., 1906. С. 35–36.

<sup>59</sup> Народ. 2 (15) апреля 1906 г. № 1. С. 1.

в области политической выдвигала конституционно-демократическую программу, выступая за широкое народное представительство, поддерживала только что возникшее профсоюзное движение.

В следующем 1906 году С. Булгаков, В. Свенцицкий и В. Эрн делают очередную попытку издания собственного религиозно-общественного журнала «Свобода и религия». В нем предполагалось сотрудничество как представителей «левых» кругов освободительного движения, так и церковных деятелей, оппозиционно настроенных Синоду: священников Г. Петрова и К. Аггеева, архимандрита Михаила (Семенова), А. В. Карташева. И на этот раз проект терпит неудачу из-за отказа в финансовой поддержке. Однако энергичным «христианским социалистам» в том же году удается начать издание «Религиозно-общественной библиотеки», состоящей из трех серий популярных брошюр: для интеллигенции, для народа и переводы работ иностранных авторов по вопросам взаимоотношений церкви и общества. Кроме того, в течение двух последующих лет вышли в свет два религиозно-общественных сборника «Вопросы религии», где, в частности, опубликованы работы В. Эрна «Церковное возрождение», «О жизненной правде».

С самого начала своего возникновения ХББ находилось под сильным влиянием идей С. Н. Булгакова, который в тот же период, в попытке осуществить мечты В. С. Соловьева, выступил с программной статьей «О Союзе христианской политики»<sup>60</sup>, где сформулировал проект и программу христианско-социалистического движения, укорененного в Церкви, которому так и не суждено было осуществиться. Как признавал впоследствии сам автор, для основания такого движения «у меня самым очевидным образом не хватало ни воли, ни умения, ни даже же-

<sup>60</sup> *Булгаков С.* Неотложная задача (О Союзе христианской политики) // Вопросы жизни. № 9. С. 58–70; № 10. С. 76–90; № 11. С. 69–93; № 12. С. 78–97. То же: М. : Т-во И. Д. Сытина, 1906. (РОБ. Сер. 1. № 1).

лания, это предпринято было, в сущности, для отписки, ради самообмана *ut aliquid fieri videatur*<sup>61</sup>. Сам я очень скоро разочаровался и отказался от этой затеи»<sup>62</sup>. Это отношение, впрочем, было высказано много лет спустя, незадолго до смерти, когда отец Сергей решительно пересмотрел свою жизнь. Во времена же описываемых событий он вполне серьезно и сочувственно относился к основателям Братства, особенно к В. Эрну, что не мешало ему, однако, как профессионалу в области политической экономии критиковать вопиющий утопизм их программных построений в этой области на фоне эсхатологических ожиданий, выраженных в преамбуле. Политико-экономическая часть программы ХББ была фактическим сколком с программ левых партий. Она включала в себя требования демократической республики, в которой каждому гражданину были бы гарантированы основные права и свободы.

### Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева

На грани веков в обеих столицах и в губернских городах одно за другим стали возникать литературные, философские, религиозные и мистические кружки, общества и собрания. Здесь, по словам Андрея Белого, встречались «люди нового сознания», услышавшие подземный гул, «звук грядущей эпохи». Одни из них обратили свои взоры к Церкви, другие, оттолкнувшись от нее, — углубились в самостоятельные религиозно-мистические поиски. Некоторые из этих кружков выросли в признанные религиозно-философские общества со своими издательствами, оставившими нам труды деятелей русского религиозного

<sup>61</sup> Чтобы хоть что-нибудь делать (*лат.*).

<sup>62</sup> Булгаков С., *прот.* Автобиографические заметки (посмертное издание). Париж, 1946. С. 79.

возрождения. Между обществами сразу же возникли связи и взаимовлияния. Особенно глубоким это взаимопроникновение было между кругами религиозной общественности обеих столиц. Москвичи Эрн и Свенцицкий, будучи сотрудниками «Вопросов жизни», часто бывали в северной столице. Там они вошли в «Братство ревнителей церковного обновления», созданное клириками и представителями церковной интеллигенции. Основанное ими чуть позже ХББ в свою очередь оказало влияние на петербургское движение за церковное обновление. Эрн и Свенцицкий принимали участие в петербургских Религиозно-философских собраниях и имели там значительное влияние. Одновременно в Москве они посещали «среды» на квартире П. И. Астрова, юриста по профессии, где регулярно собирались люди разных поколений с непохожими взглядами и интересами: поэты-символисты Андрей Белый, Сергей Соловьев, Эллис; философы: Николай Бердяев, Федор Степун, священник Григорий Петров; теософы, журналисты, политические деятели.

Продолжались занятия в секции Истории религии при Московском Университете, на одном из заседаний которой присутствовал Александр Блок. Еще большее значение имели такие же собрания, проходившие с 1905 года в доме Маргариты Кирилловны Морозовой, состоятельной вдовы промышленника-мецената Михаила Абрамовича Морозова и дочери другого разорившегося мецената Кирилла Мамонтова. Смерть мужа, по словам Андрея Белого, была для нее началом новой эры; до этого она — «дама с тоской по жизни», а после — «активная деятельница музыкальной, философской и издательской деятельности Москвы», хозяйка салона, ставшего одним из интеллектуальных центров первой столицы. Она обладала редким даром примирять самые крайние мнения, делать возможными встречи и дискуссии между идейными противниками, занимавшими крайне противоположные общественно-политические позиции, «мирить и приучать друг к дру-

гу вне ее салона непримиримых и неприручимых людей»<sup>63</sup>. М. К. Морозова занималась широкой культурно-благотворительной деятельностью. Регулярные дотации получало от нее Московское психологическое общество при Московском университете, издававшее журнал «Вопросы философии и психологии», она была председателем Московского музыкального общества. Ученица А. Н. Скрябина, она на протяжении ряда лет материально поддерживала композитора, а после его неожиданной кончины учредила фонд помощи его семье. Без ее материальной поддержки не смог бы выходить орган либеральной московской профессуры «Московский еженедельник», редактируемый кн. Е. Н. Трубецким.

С весны 1905 года дом М. Морозовой (на Смоленском бульваре, позже — на Воздвиженке, затем в Мертвом переулке в районе Пречистенки) стал местом политических собраний. Здесь встречались и спорили будущие кадеты с бундовцами и социал-демократами, неокантианцы с марксистами, ницшеанцы со сторонниками христианской общественности. Здесь излагал политическую программу русского либерализма лидер будущей партии Народной Свободы П. Н. Милюков, недавно вернувшийся из эмиграции. Приведем его воспоминания.

«После дворянского особняка и студенческой мансарды я получил приглашение сделать доклад в купеческом дворце на Зубовском бульваре<sup>64</sup> для гостей хозяйки, вдовы Михаила Морозова, рано умершего дилетанта истории, Маргариты Кирилловны. Это уже было подтверждением достигнутого в Москве успеха. Обстановка здесь была совсем иная, нежели в особняке Новосильцевых. Великолепный зал, отделанный в классическом стиле, эффектная эстрада, нарядные костюмы дам на раззолоченных креслах, краски,

<sup>63</sup> *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 506.

<sup>64</sup> Поправка: в этот период М. К. жила в особняке, расположенном на углу Смоленского бульвара и Глазовского переулка.

линии — все это просилось на историческую картину. Картина и была задумана, не знаю, хозяйкой или художником. Пастернак принялся зарисовывать эскизы и порядочно измучил меня для фигуры говорящего оратора на эстраде. Ниже эстрады, на первом плане, должны были разместиться портретные фигуры гостей хозяйки вместе с нею самой. Однако картина не была написана: вероятно, большое для тех дней событие сократилось в размерах перед другими историческими картинами, и новизна моды прошла.

Очаровательная хозяйка дома сама представляла интерес для знакомства, тем более что со своей стороны проявила некоторый интерес к личности оратора. Несколько дней спустя я получил визит ее компаньонки, которая принесла пожертвование в несколько тысяч на организацию политической партии. Именно этому вопросу я посвятил свою лекцию в ее дворце: эта тема была обновлена новым материалом после наших программных апрельских работ и “освобожденческих” влияний. Меня просили также руководить ориентацией хозяйки в чуждом ей лабиринте политических споров. От времени до времени я начал замечать присутствие Маргариты Кирилловны на наших политических собраниях.

Наконец она пригласила меня побеседовать с ней лично. Беседы начались и вышли далеко за пределы политики, в неожиданном для меня направлении. Я был тут поставлен лицом к лицу с новыми веяниями в литературе и искусстве, с Москвой купеческих меценатов. Это был своего рода экзамен на современность в духе последнего поколения.

Маргарита Кирилловна, (...) молодая, по купеческому выражению, “взятая за красоту”, скоро овдовевшая, жаждущая впечатлений и увлекающаяся последними криками моды, она очень верно отражала настроения молодежи, выросшей без меня и мне чуждой. В наших беседах, очень для меня поучительных, мы постепенно затронули все области новых веяний, и везде мне приходилось не только

пасовать, но и становиться к ним в оппозицию. Началось, конечно, с общего философского “мировоззрения”. Немецкое слово *Weltanschauung*<sup>65</sup> давно сделалось традиционным в наших интеллигентских салонах. Но оно принимало разный смысл, смотря по господствующей философской системе. Мой “позитивизм” и даже мой “критицизм” остались теперь далеко позади. Молодые последователи Владимира Соловьева развивали его этические и религиозные взгляды. Я еще пытался оградиться от метафизики при помощи Фр. Ланге. А моя собеседница прямо начинала со ссылок на Шопенгауэра. Ее интересовал особенно мистический элемент в метафизике, который меня особенно отталкивал.

На философии, впрочем, мы недолго задержались, перейдя отсюда в область новейших литературных веяний. В центре восторженного поклонения М. К. находился Андрей Белый. В нем особенно интересовал мою собеседницу элемент нарочитого священнодействия. Белый не просто ходил, а порхал в воздухе неземным созданием, едва прикасаясь к полу, производя руками какие-то волнообразные движения, вроде крыльев, которые умиленно воспроизводила М. К. Он не просто говорил: он вещал, и слова его были загадочны, как изречения Сивиллы. В них крылась тайна, недоступная профанам. Я видел Белого только ребенком в его семье, и все это фальшивое ломанье, наблюдавшееся и другими — только без поклонения, — вызывало во мне крайне неприятное чувство.

От литературы наши беседы переходили к музыке. Я был обрадован, узнав, что М. К. — пианистка, и в простоте душевной предложил ей свои услуги скрипача, знакомого с камерной литературой. Я понял свою наивность, узнав, что интерес М. К. сосредотачивается на уроках музыки, которые она берет у Скрябина. Я не имел тогда понятия о женском окружении Скрябина, так вредно повлиявшем

<sup>65</sup> Мировоззрение (нем.).

на последнее направление его творчества и выразившемся в бессильных попытках выразить в музыке какую-то мистически-эротическую космогонию. Тут тоже привлекал М. К., очевидно, мистический элемент и очарование недоступной профанам тайны.

Об изобразительных искусствах мы не говорили. Широкий коридор морозовского дворца представлял целую картинную галерею, и я с завистью на ней задерживался. Но не помню, чтобы модернизм преобладал в выборе картин. Кажется, увлечение московских меценатов новейшими течениями началось несколькими годами позже.

Был один предмет, которого мы не затрагивали вовсе: это была политика, к которой новые течения относились или нейтрально, или отрицательно. И у меня отнюдь не было повода почувствовать себя в роли ментора. Скорее я был в роли испытуемого — и притом провалившегося на испытании. Вероятно, поэтому и интерес к беседам ослабевал у моей собеседницы по мере выяснения противоположности наших идейных интересов. В результате увлекательные tet-a-tet'ы в египетской зале дворца прекратились так же внезапно, как и начались»<sup>66</sup>.

Как показывают письма П. Милюкова к М. К., увлечение этого человека с большими политическими амбициями растерянной, но по-московски щедрой хозяйкой салона было не столь поверхностно-светским, как это вспоминается ему через десятилетия. на самом деле лишь встреча М. К. с кн. Е. Н. Трубецким не дала осуществиться их наметившемуся сближению<sup>67</sup>.

Позже в том же доме выступали с лекциями профессора Фортунатов и Кизеветтер, князь Г. Львов, Мережковский и братья С. Н. и Е. Н. Трубецкие. Выручка от продажи билетов шла на помощь политическим заключенным. В эти

<sup>66</sup> Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 190, 191.

<sup>67</sup> Ср. недатированное (октябрь 1905?) письмо П. Н. Милюкова М. К. Морозовой.



бурные революционные дни, писал Андрей Белый, особняк Морозовой «стал местом сбора либерально настроенных партий и даже бундовцев, сражавшихся с меньшевиками. Я был на одном из таких побоищ, окончившихся крупным скандалом (едва ли не с приподниманием в воздух стульев), скоро московские власти запретили ей устраивать домашние политические митинги с продажей билетов». Однако, несмотря на запреты полиции, в доме продолжались нелегальные собрания, на которых читались лекции для функционеров московской организации РСДРП (б)<sup>68</sup>. М. К. сочувствовала и помогала всякому инакомыслию.

В ноябре 1905 г. в том же доме было зарегистрировано Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьёва (МРФО)<sup>69</sup>. В числе членов-учредителей, помимо М. К. Морозовой, были С. Н. Булгаков, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев, С. А. Котляревский, Л. М. Лопатин, священник Н. Пospelов, Г. А. Рачинский, А. В. Ельчанинов, В. П. Свенцицкий, П. А. Флоренский

<sup>68</sup> Думова Н. Московские меценаты. М., 1992. С. 234.

<sup>69</sup> Чертков, 2017. Набокина М. Е. Структурные и организационные особенности Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва // Вестник Московского городского педагогического университета. Исторические науки. 2013. № 1. С. 50–56. Ермишин О. Т. Православные идеалы в Московском религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьёва // Вестник ПСТГУ. 2007. Вып. 2. С. 58–60. Он же. Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва: Хроника русской духовной жизни // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 210–267. Морозова Я. В. Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва: вопросы возникновения // Вестник РХГА. 2008. Т. 9. № 2. С. 181–191. Соболев А. В. К истории Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва // Историко-философский ежегодник 1992. М., 1994. С. 102–115. Арсеньев Н. С. О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX века // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 300–311. Половинкин С. М. Философские и религиозно-философские общества // Русская философия. Словарь. М., 1999. С. 576–680. Scherrer J. Die Petersburger Religions-Philosophischen Vereinigungen. Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901–1917). Berlin, 1973.

и В. Ф. Эрн. На открытии МРФО В. Свенцицкий прочел реферат «Христианское братство борьбы и его программа», вызвавший оживленную дискуссию. Через месяц число членов Общества достигло 150 человек. Однако еще через месяц Отделение чрезвычайной охраны приостановило заседания МРФО. Их удалось возобновить лишь 4 ноября 1906 года<sup>70</sup>. МРФО просуществовало до весны 1918 года, когда было распущено по приказу новой власти<sup>71</sup>. Недаром МРФО было основано в память Вл. Соловьева: философские поиски его участников зиждились на высказанном им убеждении, что полнота истины открывается человеку не как отвлеченно мыслящему субъекту, а как целостной, то есть религиозно-живущей, личности. Если в Петербургском РФО на первый план выдвигалось выявление точек зрения религиозных мыслителей, то в Московском делались попытки изучить феномены религиозного сознания и с философских позиций описать их исторические и социальные проекции. Здесь в первую очередь обсуждалось собственно религиозное значение этих феноменов, а не их художественно-эстетическая ценность. Хотя отдельные попытки такого рода не выходили за пределы мистических фантазий их авторов, были доклады, увлекавшие слушателей, дававшие ответы на мучительные вопросы их личного религиозного опыта. Результаты этих религиозно-философских поисков, как пишет активный участник этих дискуссий Ф. А. Степун, предвосхитили более позднюю формулировку Карла Ясперса: «То, что мы в мифических терминах называем душой и Богом, именуется на философском языке экзистенциальностью и трансцендентностью»<sup>72</sup>.

<sup>70</sup> Сообщение о повторной регистрации МРФО // Русские ведомости. 3 (16) августа 1906. № 208. С. 3.

<sup>71</sup> Параллельно с МРФО в доме М. К. Морозовой время от времени собирался Философско-юридический кружок под председательством кн. Е. Н. Трубецкого.

<sup>72</sup> Цит. по: *Степун. Ф.* Бывшее и несбывшееся. London, 1990. С. 367

Один из слушателей так впоследствии описывал атмосферу этих заседаний: «Это была религиозность, но в значительной степени (хотя и не исключительно) вне-церковная или, вернее, не-церковная, рядом с церковной, а главное, вливалась сюда порой и прятая струя “символического” оргиазма, буйно-оргастического, чувственно-возбужденного (иногда даже сексуального) подхода к религии и религиозному опыту. Христианство втягивалось в море буйно-оргастических, чувственно-гностических переживаний»<sup>73</sup>.

Состав МРФО был весьма разнороден: на его заседаниях бывали члены православно-консервативного «Братства взыскующих христианского просвещения» (Новоселовского кружка), поэты и публицисты символистского лагеря, христианские социалисты, теософы и штейнерианцы. Тем не менее, в целом ближайшие участники Соловьевского общества тяготели к православию и не желали разрыва с церковной традицией. К сожалению, МРФО не имело своего печатного органа и не издавало протоколов своих заседаний, лишь часть из них по инициативе самих докладчиков были потом опубликованы в периодических изданиях («Вопросы философии и психологии», «Русская мысль», «Век», «Московский еженедельник», «Русское слово», «Утро России») или в сборниках статей этих авторов («Два града» С. Н. Булгакова, «Борьба за Логос» и «Меч и Крест» В. Ф. Эрн и др.). Краткие сообщения о заседаниях МРФО, разбросанные по страницам периодических изданий, обладают обычными недостатками газетной хроники: неполнотой, неточностью, произвольностью оценок. Исследователям деятельности московской религиозной общественности еще предстоит путем полного просмотра периодических изданий и архивов составить полный спи-

<sup>73</sup> *Арсеньев Н. С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 61–63, цит. по: *Половинкин С. М.* Философские и религиозно-философские общества // *Русская философия*. С. 579.

сок участников заседаний, перечень докладов и рефератов, сделанных за тринадцать лет существования общества. На последнем (закрытом) заседании МРФО 3 июня 1918 года С. Н. Булгаков накануне своего рукоположения в священник сан выступил с докладом «На пиру богов. Современные диалоги»<sup>74</sup>. В последующих томах антологии будут подробно и хронологически последовательно освещены темы докладов и дискуссий.

\* \* \*

Я выражаю благодарность всем коллегам-исследователям, предоставившим мне право включить их ранее опубликованные или специально подготовленные материалы в состав 3-й книги Антологии и поименно перечисляю их: К. М. Азадовский, игумен Андроник (Трубачев), Ю. В. Балакшина, Н. Л. Баранова-Шестова, Н. А. Богомолов, А. Г. Бойчук, В. Н. Быстров, И. В. Воронцова, Е. В. Глухова, О. Дешарт, А. Дубинин, И. В. Дубинина, И. И. Евлампиев, В. П. Енишерлов, Т. Н. Жуковская, Е. В. Иванова, Л. Н. Иокар, К. Карчевский, А. Д. Кожевникова, М. А. Колеров, Н. В. Котрелев, Анна Лоран, Д. М. Магомедова, Дж. Малмстад, М. В. Михайлова, Г. В. Обатнин, Е. Р. Обатнина, А. И. Олексенко, М. М. Павлова, Н. Н. Павлюченков, К. Плотников, Н. А. Плотников, Е. С. Полищук, С. М. Половинкин, А. И. Резниченко, М. Склярова, М. Л. Спивак, М. С. Трубачева, П. В. Флоренский, М. Цимборска-Лебода, Е. Ц. Чуковская, А. Б. Шишкин, С. В. Шумихин, Т. А. Шутова.

Я благодарю С. В. Черткова, составителя и комментатора монографии «Нашедшие град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах», с его любезного согласия я перепечатаваю значительную часть материалов со ссылками на эту книгу, как впервые им

<sup>74</sup> *Булгаков С.* На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1918.

опубликованных, так и ранее изданных мной и другими исследователями, но заново им сверенных с рукописями, дополненных и скорректированных. Значительную часть писем С. Н. Булгакова к А. С. Глинке-Волжскому я с благодарностью публикую с учетом прочтений и публикаций М. А. Колерова. Большое спасибо И. З. Дьяковой за помощь в подготовке рукописи к печати. Особая благодарность А. И. Резниченко за глубокое философское осмысление этого труда в Предисловии.

*В. И. Кейдан.  
Москва — Рим, 1997–2020*

---

# ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА 1905 год

**А. В. Ельчанинов<sup>75</sup> — П. А. Флоренскому<sup>76</sup>**

[13.01.1905. СПб. — *Сергиевский Посад*]

Дорогой Павлуша! Мне очень было приятно получить от тебя известия через этого студента, а писать мне хотелось тебе, но писать, когда погружен в самые глупые, обыденные переживания, к тому же писать тебе — прямо не могу.

Эти ужасы, которые происходили здесь<sup>77</sup>, немного встряхнули меня. Я не хочу жаловаться, но, чтобы ты знал, скажу

---

<sup>75</sup> Александр Викторович Ельчанинов (1881–1934) — одноклассник в гимназии и друг П. А. Флоренского и В. Ф. Эрнэ. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Автор ряда статей на религиозно-философские темы, первый секретарь Московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (МРФО). В 1921 г. покинул Россию, жил во Франции, был видным деятелем Христианского студенческого движения молодежи. В 1926 г. по благословению о. Сергия Булгакова принял священство. Умер в Париже.

<sup>76</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 140.

Павел Александрович Флоренский (1882–1937) — богослов, религиозный философ, ученый, поэт, священник РПЦ с 1911 г., расстрелян.

<sup>77</sup> Кровавое воскресенье — 9 января 1905 г. в Петербурге — разгон шествия петербургских рабочих к Зимнему дворцу, имевшего целью вручить царю Николаю II коллективную «Петицию о рабочих нуждах». Шествие

тебе, что работаю я мало и без всякого увлечения, и не оттого, что у меня нет сил, нет интересов, а оттого, что я не вижу окончательного смысла всех тех дел, которые я могу делать. Я люблю и увлекаюсь всяким делом, за какое берусь, все равно, столярное ли это ремесло, метафизика, пропаганда, и пока я не думаю, я живу этим, но стоит мне оглядеться, и руки опускаются. Не думай, что я ною, жалуясь, — у меня есть надежда, но мне до слез жаль моих сил, которые, я уверен, росли бы в работе, а теперь гибнут без пользы.

Конечно, виноват и я, недостаток устойчивого внимания, воли, энергии мысли...

Напиши мне что-нибудь утешительное, докажи мне, что всякий ищущий находит.

Все, довольно о себе.

Пиши мне, когда найдешь время, как ты живешь; так приятно и утешительно смотреть на человека, нашедшего, что искал: это дает надежду и другим. Я ничего не знаю об Эрне<sup>78</sup>. Мне не хочется затруднять тебя, но все сведения о твоих друзьях для меня драгоценны.

---

было подготовлено легальной организацией «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе со священником Георгием Гапоном. Политический характер выступления и стремление демонстрантов прорваться сквозь оцепление солдат стали причиной разгона шествия, в ходе которого против безоружных рабочих было применено огнестрельное оружие. (от пятисот до тысячи убитых и раненых). Разгон шествия, повлекший гибель нескольких сотен человек, вызвал взрыв возмущения в российском обществе и во всем мире и послужил толчком к началу Первой русской революции (1905—1907 гг.). Подробнее см.: *Колеров М.* Листовки Г. А. Гапона и «Христианского Братства Борьбы» (1905) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2001—2002 годы. С. 45—73. — *В. К.*

<sup>78</sup> Владимир Францевич Эрн (1882—1917) — студент, затем доцент и профессор философии Московского университета. Друг и соученик П. А. Флоренского и А. В. Ельчанинова по тифлисской гимназии и университету, религиозный мыслитель, историк философии, публицист, один из организаторов «Христианского Братства Борьбы» (ХББ) и МРФО. Преждевременно скончался от нефрита в 1917 г. на квартире своего друга Вяч. Иванова в Москве.

Не приедешь ли ты в Питер? Мне так бы хотелось, чтобы ты увидел моих детей.

Ну, прощай. Твой С. Ты знаешь, что мое безделье так мне надоело, что я готов нырнуть в «политику», как выражается Маня<sup>79</sup>, которая, кстати, здесь и чувствует себя, как рыба в воде; даже помолодела.

**М. А. Новоселов<sup>80</sup> — Ф. Д. Самарину<sup>81</sup>**

[17.01.1905]

17 января 1905 г.

Примите от меня сердечное спасибо, досточтимый и дорогой Федор Дмитриевич, за присланный — догадываюсь — адрес. И тон, и мысли адреса таковы, что было бы весьма желательно распространение его в обществе. Я знаю

---

<sup>79</sup> Мария Николаевна Худадова — сестра Владимира Николаевича Худадова, одноклассника П. Флоренского, Эрна и Ельчанинова по 2-й Ти-флисской гимназии.

<sup>80</sup> Михаил Александрович Новоселов (1860–1938) — церковный публицист. Председатель «Кружка ищущих христианского просвещения», который он организовал вместе с епископом Феодором (Поздеевским), П. Мансуровым, А. Д. Самариним, В. А. Кожевниковым и о. Иосифом Фуделем. В 1902–1917 гг. был издателем «Религиозно-философской библиотеки», в которой публиковались многие известные российские православные мыслители (многие из книг серии были написаны самим Новоселовым). После 1927 г. стал видным деятелем «иосифлянского движения», сторонником создания катакомбной церкви. В марте 1929 г. был арестован в Москве как «руководитель антисоветских церковников», приговорен сначала к 3, а потом к 8 годам лишения свободы, срок заключения отбывал в Ярославском политизоляторе, затем в вологодской тюрьме. 20.01.1938 г. расстрелян по приговору Вологодского УНКВД. Нмч.

<sup>81</sup> Печатается с комментариями по: Переписка мученика Михаила Новоселова с Ф. Д. Самариним, 1905–1913 гг. / Публ. и коммент. Е. С. Полищука // Богословские труды. Вып. 45. М., 2013. (Далее: *Полищук*, 2013). С. 429–430. Рукопись: НИОР РГБ. Ф. 265. К. 195. Ед. хр. 26. Л. 19–22 об. Федор Дмитриевич Самарин (1858–1916) — общественный, государственный и церковный деятель славянофильского направления, на-дворный советник.



еще две политические исповеди по поводу современных событий, которые<sup>82</sup> по существу и даже в некоторых частностях совпадают и друг с другом, и с Вашим документом.

Хотелось бы знать: 1) считаете ли Вы нужным ознакомление общества с изложенными Вами взглядами? 2) (Если да) Каким путем Вы предполагаете это делать?

Мне кажется, что пустить в обращение эти однородные исповеди чрезвычайно важно. За отсутствием у нас, к сожалению, истинного русского органа (не знаю, что выйдет из «Русского дела»<sup>83</sup>) приходится изобретать другие способы проведения в сознание общества трезвых идей.

Не думаете ли Вы, что хорошо было бы теперь устроить в Москве нечто похожее на «Русское Собрание»<sup>84</sup>, только не с таким ultra-охранительным и безуверным направлением?<sup>85</sup> Я жду из Главного Управления по делам печати разрешения напечатать письмо графа Льва Николаевича Толстого по поводу теперешних событий внутри России. Московский цензурный комитет не имеет права разрешать ничего нового, что напишет он, хотя бы и признавал полезным написанное...

Хотелось бы издать также Белинского, Владимира Соловьева, Кавелина<sup>86</sup> — о царской власти. Эти имена не отталкива-

<sup>82</sup> Некоторые слова М. А. Новоселов сокращает по образцу церковнославянских слов, ставя титло. При переиздании все очевидные сокращения раскрываются и слова печатаются полностью без скобок.

<sup>83</sup> «Русское дело» (1886–1890, 1905–1910) — еженедельная газета, издавалась С. Ф. Шарповым. Начиная с третьего номера в газете в рубрике «Церковные вопросы» публиковались статьи о необходимости церковной реформы, в том числе и принадлежавшие перу М. А. Новоселова. См.: *Половинкин С. М. Сочинения М. А. Новоселова // Флоренский П., свящ. Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова / Общ. ред. и сост. игумена Андроника (Трубачева), подг. текста и примеч. И. В. Никитиной, С. М. Половинкина. Томск, 1998.*

<sup>84</sup> «Русское Собрание» (1900–1917) — правомонархическая организация.

<sup>85</sup> Речь идет о «Кружке москвичей», уже созданном Ф. Д. Самариным.

<sup>86</sup> Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) — русский историк, правовед, психолог, социолог и публицист.

ют и оппозиции... Если найду средства, то издам ряд маленьких брошюр по этому основному вопросу нашего бытия.

Еще раз спасибо за память.

Храни Вас Господь!

М. Новоселов.

Р. S. Где теперь находится Александр Дмитриевич<sup>87</sup> — и где будет он в первых числах сентября? Мне нужно будет или писать ему, или даже видеться. Будьте добры, сообщите мне о нем.

Адрес мой: Почтовое отделение Еваново. Тверской губ. Можно писать и на Волочек.

**В. Ф. Эрн — Вяч. И. Иванову<sup>88</sup>**

[23.01.1905. Женева — Женева]

Дорогие, любимые Лидия Дмитриевна<sup>89</sup> и Вячеслав Иванович!

До свиданья. Я не могу оставаться, еду в Россию. Там люди сейчас слишком нужны. Не успел к вам зайти потому, что нужно спешить<sup>90</sup>. Благослови вас Бог за все, что вы сделали для меня.

Христос с вами!

---

<sup>87</sup> Александр Дмитриевич Самарин (1868–1932) — московский губернский предводитель дворянства (1908–1915), обер-прокурор Святейшего Синода (1915), член Государственного совета, младший брат Ф. Д. Самарина, репрессирован.

<sup>88</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 141.

Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) — философ, переводчик, поэт-символист, учился в Московском и Берлинском университетах. С 1905 г. по средам собирал кружок символистов у себя на квартире на углу улиц Таврическая и Тверская в Санкт-Петербурге (т. н. Башня Иванова). С 1913 г. жил в Москве. В 1921–1924 гг. — профессор университета в Баку; с 1924 г. и до конца жизни жил в Италии.

<sup>89</sup> Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1866–1907) — писатель, супруга В. И. Иванова. — *В. К.*

<sup>90</sup> Вероятнее всего, спешность отъезда из Швейцарии объясняется получением письма от Свенцицкого. Ср.: «Он приехал в Россию, не в си-

**В. А. Кожевников<sup>91</sup> — Ф. Д. Самарину<sup>92</sup>**

[24.01.1905. Москва]

Москва. 24 января 1905

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич!

Только что вернувшись в Москву и узнавши о результатах заседаний Дворянского Собрания, прошу Вас принять выражения искренней и глубокой моей благодарности Вам за увенчавшиеся успехом труды Ваши на защиту дорогих русскому сердцу основных начал нашего государственного строя<sup>93</sup>. Словом беспристрастным, спокойным, чуждым полемического задора, но крепким убеждением в жизнен-

---

лах выносить за границей всех ужасов здешней жизни, в бездействии, не принимая в ней никакого участия. Он едва доехал до Москвы, как в бреду, тоскуя в вагоне три дня, и только приехал, сейчас же бросился ко мне...». (Свенцицкий В., прот. Собрание сочинений в 4 т. / Под ред. С. Черткова. Т. 1. М., 2008. С. 93).

<sup>91</sup> Владимир Александрович Кожевников (1852–1917) — философ, историк культуры, член-учредитель «Кружка ищущих христианского просвещения», друг Новоселова и Флоренского, участник МРФО, публикатор сочинений Н. Ф. Федорова.

<sup>92</sup> Печатается с комментариями по: *Кожевников В. Письма Ф. Д. Самарину. Переписка В. А. Кожевникова с Ф. Д. Самариним и деятельность Кружка ищущих христианского просвещения* / Публ. свящ. А. Дубинина; коммент. свящ. А. Дубинина, И. В. Дубининой и А. Д. Кожевиновой // Богословские труды. Вып. 40. М., 2005. (Далее: *Дубинин*, 2005). С. 288–289. О «Кружке ищущих христианского просвещения» см.: *Андроник, игумен. Московский кружок* // Литературный Иркутск. 1988, декабрь. С. 8–9.

<sup>93</sup> На заседании Московского губернского дворянского собрания 20 января 1905 г. принимался адрес государю императору, в котором должно было быть выражено отношение московского дворянства к учреждению представительных органов в связи с рескриптом от 12 декабря 1904 г. Были подготовлены три адреса от трех различных групп: «славянофильской правой» (семья Самариных, Д. А. Хомяков, Н. М. Павлов, Ф. А. Уваров, И. и Ф. Тютчевы, П. Б. Мансуров), «славянофильской левой» (кн. П. Н. Трубецкой, Н. А. Хомяков, Д. Н. Шипов) и «либеральной» (В. А. Долгоруков, Ф. Ф. Кокошкин). Баллотировались «самаринский» и «долгоруковско-кокошкинский» адреса; был принят «самаринский» (219 против 147).

ности этих основ и согласимости их со здоровыми потребностями духовной и нравственной свободы Вам удалось сплотить мнения и голоса в момент величайшей исторической важности и подать пример крепкого стояния за убеждения среди стольких колеблющихся и нерешительных. Приветствуя эту высокую заслугу вашу перед родиной в тяжелые дни ее судьбы, позвольте пожелать Вам сил и неустанной энергии для дальнейших трудов в том же направлении.

Примите уверения в глубоком уважении признательного Вам  
В. Кожевникова

### Андрей Белый. Материал к биографии<sup>94</sup>

[1905 г. Январь]

---

В адресе выражалось убеждение, что в переживаемую тяжелую пору (война, смута) недопустимо какое-либо коренное преобразование государственного строя. В то же время признавалось необходимым, после окончания нестроений, устроить внутреннюю жизнь России «на началах единения Самодержавного Царя с Землей».

Позднее, в июле 1905 г., Ф. Д. Самарин, А. Д. Самарин и группа московских дворян выразили протест против представления московским губернским предводителем дворянства князем П. Н. Трубецким всеподданнейшей записки, поддерживающей обращение земских деятелей к государю императору с просьбой о созыве представительного собрания, поскольку такое действие игнорировало уже выраженное мнение большинства московского дворянства.

<sup>94</sup> Печатается с комментариями по: *Белый А.* Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Составление: А. Лавров, Дж. Малмстад, К. Плотников, научн. ред. М. Л. Спивак. М., 2016. (Далее: *Белый А.* Автобиографические своды, 2016). С. 113–114.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) — русский писатель, поэт, критик, мемуарист, один из самых близких друзей Флоренского в юности. Эти и последующие фрагменты записей Белого можно рассматривать как сжатый авторский пересказ своих повременных дневниковых записей с сохранением датировок.

Поездка с мамой в Петербург. События 9-го января. Моя жизнь у Мережковских, раздвоение между квартирами Мережковских и Блоков<sup>95</sup>.

В «Начале Века» не указаны причины, особенно соединившие меня с Мережковскими. Они приняли меня на свои тайные моления<sup>96</sup>; их малая община имела свои молитвы, общие; было 2 чина; 1-ый: чин ежедневной вечерней молитвы; и 2-ой — чин служб: этот чин свершался приблизительно раз в 2 недели, по «четвергам»; во время этого чина совершалась трапеза за столом, на котором были поставлены плоды и вино; горели светильники; на Мережковском<sup>97</sup> и Философов<sup>98</sup> были одеты широкие,

<sup>95</sup> Белый приехал в Петербург 9 января — в «кровавое воскресенье»; остановился сначала у штаб-капитана А. А. Эртеля (брата М. А. Эртеля), затем поселился у Мережковских (Литейный пр., д. 24), постоянно посещал квартиру А. Блока и его семьи (Петербургская наб. Большой Невки. Офицерская казарма лейб-гвардии Гренадерского полка; современный адрес: Петроградская наб., д. 44). Об этом его пребывании в Петербурге см.: *Белый А.* Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 131–169; *Он же.* Начало века. С. 456–502.

<sup>96</sup> Об интимной религиозной общине Мережковских см. вступ. ст. М. Павловой к публикации «Истории “новой” христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете “Главного”: Из “дневников” Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов» в: Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М., 2004. (Далее: Эротизм, 2004). С. 391–406 и публикацию Т. А. Пахмусс «Страницы из прошлого: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова и близких к ним в “Главном”» в: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 70–114. См. также текст молитвенника Мережковских в: *Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippus. Из переписки З. Н. Гиппиус. München, 1972. (Далее: *Pachmuss*, 1972). P. 714–770).

<sup>97</sup> Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — писатель, публицист, общественный деятель. Вместе с женой З. Н. Гиппиус, В. В. Розановым, В. А. Тернавцевым и В. С. Миролюбовым организовал в 1901–1903 гг. в Петербурге религиозно-философские собрания (РФС). Поддерживал революцию 1905–1907 гг. После провала революции Мережковские эмигрировали в Париж, а в 1908 г. вернулись в Россию. Умер в эмиграции.

<sup>98</sup> Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) — литературный критик, публицист. Один из сооснователей религиозного объединения Мережковских «Третий завет».

пурпурные ленты, напоминающие епитрахили. В числе участников «четвергов» в это время были: Мережковский, Гиппиус<sup>99</sup>, Философов, Карташев<sup>100</sup>, я, Татьяна Николаевна Гиппиус<sup>101</sup>, Наталья Николаевна Гиппиус<sup>102</sup>; вот и все: Мережковские одно время надеялись ввести в чин свой Бердяева<sup>103</sup> и Волжского<sup>104</sup>; но те скоро отошли от них.

<sup>99</sup> Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) — русский поэт и публицист, жена и единомышленница Д. С. Мережковского.

<sup>100</sup> Антон Владимирович Карташев (1875–1960) — видный церковно-общественный деятель. Окончил Пермскую духовную семинарию, Петербургскую духовную академию, преподавал в той же Академии церковную историю (1900–1905). Ушел из Академии, преподавал на Высших женских курсах (1906–1918), участник РФС (1901–1903), председатель Петербургского Религиозно-философского общества (ПРФО) с 1912 г., обер-прокурор Синода в 1917 г. и первый министр вероисповеданий во Временном правительстве (1917). Выехал из России в 1919 г., профессор Богословского института св. Сергия в Париже.

<sup>101</sup> Татьяна Николаевна Гиппиус (Тата, 1877–1957) — художница, выпускница Академии искусств, сестра З. Н. Гиппиус.

<sup>102</sup> Наталья Николаевна Гиппиус (Ната, 1880–1963) — скульптор, сестра З. Н. Гиппиус. Вместе с сестрой Татьяной Николаевной прожили жизнь в России, не разлучаясь. В годы Великой Отечественной войны — узницы нацистского концлагеря. После войны работали реставраторами в художественном музее Новгорода.

<sup>103</sup> Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — философ, литератор, публицист, религиозно-общественный деятель. В 1904–1905 гг. соредатор журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», сотрудничал также в журналах «Полярная звезда», ВФП, «Образование», «Голос Юга», «Московский еженедельник» (МЕ). До 1907 г. был идейно близок к кружку Мережковского — Гиппиус, затем разошелся с ними и примкнул в 1908 г. к движению «православного возрождения». Вместе с С. Булгаковым, В. Эрном, Е. Трубецким, П. Флоренским, Г. Рачинским участвовал в организации МРФО и ПРФО, сотрудничал в издательстве «Путь». Резко отрицательно отнесся к Октябрьской революции. В 1922 г. был выслан из Советской России.

<sup>104</sup> Волжский — псевдоним А. С. Глинки. Александр Сергеевич Глинка (1878–1940) — религиозно-философский публицист, критик, историк литературы.

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской<sup>105</sup>

[27.01.1905. *Сергиевский Посад — Тифлис*]

Дорогая мамочка! (...)

Сюда (в Москву) приехал Эрн, но до сих пор я виделся с ним всего только один раз, да и то при стольких свидетелях (всевозможных знакомых), что поговорить не удалось. (...)

Ты упрекаешь меня, мамочка, что я остаюсь в пустоте и со всеми разрываю. Это не так, и я сохраняю к тем, с кем не имею почему-либо личных столкновений, самые лучшие чувства. Но что же я буду делать, когда мое развитие неудержимо идет вперед (с твоей точки зрения — назад), когда каждый новый шаг излагает и новые обязанности, и новую работу и когда те, с кем я был близок на известной ступени развития, остаются на старом и потому перестают понимать, чего мне нужно и какую новую сторону в мировоззрении я вновь нашел. Для меня старое не откидывается, не выбрасывается за окно, а вечно сохраняется и утилизируется; но мое новое для близких моих всегда звучит странно. Сказано про истину: «Не мир, а меч принес я на землю»<sup>106</sup>. И истина была вечным мечом. Этим я вовсе не хочу сказать, что один в истине, другой — во лжи и в заблуждении. Совсем нет, но то, что когда в сознании появляется новая сторона истины, то вместе с тем происходит [нрзб], но по отношению к тем, которые этого момента не воспринимают, хотя бы они зато знали нечто другое, может еще более важное.

Если рассматривать историю ересей, то всегда оказывается, что еретики были в известном смысле правы, но еще правее была католическая Церковь. И, помимо чьего-нибудь желания, происходила трещина. То же и в науке, то же и в общественной жизни. Думаю, что такова трагическая необходимость, рок всякого развития, всякой жизни, по-

<sup>105</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 141–142.

<sup>106</sup> Ср.: Мф. 10:34

куда действительность не получила существенно новых свойств, пока не настанет преобразование всей природы, качественное, принципиальное — после которого в новом строе сгладятся все противоречия внутренние и внешние, исчезнут все раздоры и все недоумения, сами собою отпадут недоуменные вопросы и разлад действительности, лежащий глубоко внутри ее, не прекратится и не прекратит тем трагичности развития. А до тех пор я могу, должен работать для этого всех ждущего порядка, думать и жить не случайными и мимоидущими явлениями, как таковыми, а лишь постольку, поскольку я в них усматриваю средство для водворения «новой земли», поскольку они готовят почву для нового, но не просто нового, послеидущего порядка, а нового принципиально, совсем другого. Есть уверенности бесконечно более крепкие, доказательства неизмеримо более твердые, чем все рациональные научные доказательства и уверенности. Это непосредственное переживание. Ничего не говорю дурного или непочтительного о других, более слабых доказательствах, касающихся, к тому же, совсем иных слоев действительности. Но я не могу не думать и не хочу не работать над тем, что самое достоверное — над грядущим воскресением, которое так непонятно и дико звучит для неверующего в него.

Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Твой П.

### **Андрей Белый. Ракурс к дневнику<sup>107</sup>**

[Конец января 1905]

Появление в Петербурге Эрна и Свенцицкого<sup>108</sup>. Обсуждение обращения «к епископам», написанного Свенциц-

<sup>107</sup> Печатается с комментариями по: *Белый А.* Автобиографические своды, 2016. С. 349–350.

<sup>108</sup> Валентин Павлович Свенцицкий (Свентицкий) (1879–1931) — религиозный публицист, один из основателей ХББ (1905), товарищ председа-



ким<sup>109</sup> (у Мережковских). Выработка «радикальной» религиозной платформы у Волжского. Дебаты со Свендицким и Эрном у Перцова (участвуют: Мережковский, Гиппиус, Перцов, Философов, Тернавцев<sup>110</sup>, я, Свендицкий, Эрн, Карташев). Обсуждение плана действий «Христианского братства борьбы» (я, Свендицкий, Эрн)<sup>111</sup>.

---

теля МРФО (вышел из состава общества в 1908 г.). Учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1903–1907), но был исключен с предпоследнего семестра из-за невнесения платы за обучение. Автор идей христианского социализма; в 1909–1913 гг. был вынужден скрываться от уголовных и политических преследований и жил под чужим именем во Франции и на Кавказе. Впоследствии стал духовным сыном старца Анатолия (Потапова). В сентябре 1917 г. принял священный сан, с осени 1920 г. служил и проповедовал в московских храмах, выступая против обновленчества. В начале 1928 г. разорвал общение с митр. Сергием (Страгородским) и в том же году был арестован. Перед смертью написал митр. Сергию покаянное письмо и скончался 20 октября 1931 г., получив прощение.

<sup>109</sup> В воззвании «указывалось на необходимость немедленно, не дожидаясь, когда надвигающаяся буря стихийно охватит всю русскую жизнь, написать окружное послание в защиту всех справедливых христианских требований, выдвинутых освободительным движением, и тем встать впереди движения, сделать его христианским, сведя на нет силы революции». Примерно 27 января друзья прочли его еп. Антонию (Флоренсову). «На резко и прямо поставленный вопрос, что молчать в настоящую минуту, не обличать безумную власть, забывшую Христа и в своих зверствах кощунственно прикрывающуюся авторитетом церкви, — равносильно отречению от Христа, он с видимой внутренней борьбой сказал: “Да, это отречение от Христа... потому что я слаб, я связан, я связан какими-то цепями, как связана вся Церковь”» (Свендицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 42–44. Т. 1. М., 2008. С. 97–106).

<sup>110</sup> Валентин Александрович Тернавцев (1866–1940) — российский религиозный деятель, один из организаторов ПРФО, чиновник Синода.

<sup>111</sup> Встреча состоялась в последних числах января 1905 г. в «Пале-Рояле» (Пушкинская ул., д. 20), где П. П. Перцов снимал квартиру. «Прочли воззвание. Мережковский стал говорить. Горячо, сильно, я бы сказал, вдохновенно. Но слишком громко. По тогдашним временам (дело происходило в меблированных комнатах) при открытых дверях говорить о свержении самодержавия было небезопасно — и З. Н. Гиппиус предусмотрительно сказала: “Надо говорить потише!” — “Я не могу

говорить иначе!.. Закройте дверь, если это нужно”. Владимир Францевич говорил после Мережковского. Тихо. Не возвышая голоса. Но, когда он кончил, я видел, что Розанов и Тернавцев смотрят на меня не спуская глаз, и я прочел в них один и тот же вопрос: “Неужели можно в наше время так искренно верить в чудо?” Розанов обозлился: “Никто вас не слушает — скажут, молокососы приехали учить епископов”. А Тернавцев (чиновник особых поручений при Св. Синоде) с недоброй улыбкой сказал: “Нет, эти чудеса не для нас. Мы тяжелые птицы. Сели — и отдыхаем. Нам не хочется лететь дальше. Попробуйте — вы помоложе. Не хотите ли, я вам устрою свидание с Саблером?” — с явной иронией закончил он. Мережковский всплыл: “Люди приехали с святым делом, им надо, чтобы их услышала Церковь, — а вы лезете с Саблером!..” (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 601–602).

«Розанов, нагло помалкивая и блистая очками, коленкой плясал; он осведомился пренебрежительно: “Свенцицкий... Поляк вы? Эрн — немец?” — “По происхождению — да”. — “Поляк с немцем”. И выплюнул: по отношению к Синоду: “Навозная куча была и осталась; раскапывать — вонь подымать; навоняет в нос всем... И только...” Проект (...) со всех позиций разобранный, был отклонен (...) как героизм совершенно бесцельный и вредный, срывающий подготовку к борьбе» (*Белый А.* Начало века. С. 494–495).

«Мы шли (...) от Д. С. Мережковского; у Литейного моста Свенцицкий остановился и стал развивать мне впервые возникающую в нем идею о Христианском братстве борьбы (...) Я шел к Блоку. Свенцицкий пошел машинально со мною, охваченный мыслями о новом братстве; так он попал к Блокам и всем нам мешал; он сидел, теребя свою бороду; и обдумывал путь к осуществлению братства» (*Белый А.* Воспоминания о Блоке. С. 171). Уезжали друзья в Москву «не с подорванной верой, а с твердым сознанием неизбежности долгой и упорной борьбы» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 602).

Встречу описал и А. В. Карташев: «Вот в какой сумасшедшей атмосфере происходило январское собрание кружка “Вопросов жизни”, где были и С. Н. Булгаков, и С. А. Аскольдов (Алексеев), и С. Л. Франк — участники “Проблем идеализма” (1903 г.) и позднейших “Вех” (1909). Московские гости, братчики “Братства Христианской Борьбы” Эрн и Свенцицкий выдвигали предложение об организации большой демонстративной панихиды по жертвам 9 января. Даже у умного Эрна сорвалось (до чего доводит страсть!) рискованная фраза: “в пику Синоду”. Тут обычно молчаливый и вообще человек тихого голоса, С. Л. Франк, возвысил голос и запротестовал: “Я решительно возражаю против такой постановки вопроса. Я понимаю демонстрацию как акт внешний, боевой и до извест-

К. М. Аггеев<sup>112</sup> — П. П. Кудрявцеву<sup>113</sup>

[27.01.1905. СПб.]

1905.I.27

Спешу, дорогой Петр Павлович, перекинуться несколькими словами. Вопрос о свободе совести решен в утвердительном смысле. Полная свобода раскольникам и инославцам. Прямое практическое следствие — решенное открытие самостоятельных Холмской и Уральской епархий — теперь же отменено: в первой фактически католики, во второй раскольники...

Мы можем только радоваться такому освобождению церкви от вопиющей неправды. Митрополит говорил в комитете, несомненно, под влиянием... наших пастырских со-

---

ной степени грубый, но молиться Богу “в пику кому-то”, примешивать сюда мои интимные отношения к Богу — этого я ни понять, ни принять не могу”. Как холодной водой окатил разгоряченные головы. Все было затушено шумным переходом к русскому чаю. И вся затея была забыта. И в этот раз и в последующих встречах С. Л. Франк поражал меня трезвостью своих суждений в среде, где деспотически царил банальный штамп “революционных” оценок». см. С. 27–28. наст. изд.

<sup>112</sup> Константин Маркович Аггеев (1868–1921) — православный священник, богослов, участник религиозно-философских собраний в Петербурге, Московского и Петербургского религиозно-философских обществ, член группы «32-х священников», выступившей с инициативой реформирования Православной Церкви; поддерживал деятельность ХББ, активный сотрудник журнала «Век», автор книг: *Христианство и его отношение к благоденствию земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства*. Киев, 1909; *Христова вера*. В 2 т. СПб., 1911; многочисленных статей по церковно-общественным вопросам.

<sup>113</sup> Печатается с комментариями по: *Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа 32-х петербургских священников, 1903–1907): Документальная история и культурный контекст*. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. (Далее: *Балакшина*, 2014). С. 294–295.

Петр Павлович Кудрявцев (1868–1940) — магистр богословия с 1908 г., профессор КДА в 1909–1919 гг., член редакции газеты «Народ» в 1906 г., Киевского РФО и Поместного Собора 1917–1918 гг. Репрессирован в 1930-е гг.

браний... В каком смысле решен будет вопрос о свободе печати, ты уже знаешь из газет. Сегодня вышедший № «Наших дней» и по содержанию, и по праву продавать свои №№ в магазинах — прямое последствие наступившей свободы. Сегодня-завтра у нас непрерывные совещания частного пастырского кружка.

На днях созывает Аксаков<sup>114</sup> по вопросу о журнале и даже газете. Але [нрзб] Курский делает свои предложения. Во всех этих разговорах я тебя всегда называю самым деятельным сотрудником, точнее, одним из главарей. Я говорю, что ты будешь вести свой особый отдел. Ведь так? Не ежедневно, а ежечасно мы ожидаем манифеста о созыве земского собора. Он будет, несомненно.

Сегодня прочитал в «Наших Днях» о забастовке нашей академии: 138 против 30 или 108 против 30. Вот уж подлинно — куда мы идем?

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>115</sup>**

[30.01.1905. СПб.]

1905. I. 30. Смольный

Дорогой Петр Павлович!

Сейчас только с лекции. Говорил о значении религии в жизни человека. Вошло многое из первой половины моей прошлогодней лекции. Многое вошло из твоей. Прибавлен «Дневник Елизаветы Дьяконовой». Дул 1-ю часть наизусть без малейшей запинки. Успех... очень большой. Ожидал 20–30 человек; пришло свыше 300. Свободных мест не было. Проводили долго не смолкавшими восторженными аплодисментами. Ожидается, помимо личного тщеславия, что очень важно, — дальнейшее развитие дела. Я сказал

<sup>114</sup> Николай Петрович Аксаков (1848–1909) — богослов, историк и исследователь церковного права, публицист, славянофил. — В. К.

<sup>115</sup> Там же. С. 295.

ученикам, что всегда к их услугам. Были почти все директора и несколько учителей.

Вторая радость. Был у меня Неплюев. Меня не застал, но я виделся с ним на Христианском содружестве. Он идет навстречу нашим мечтам о... журнале. Дает средства. 6-го февраля у него заседание пяти человек. Кроме меня будут — Петров<sup>116</sup>, о. Михаил<sup>117</sup>, Слободской<sup>118</sup>, Егоров<sup>119</sup> и Колачев<sup>120</sup>. Я, вероятно, возьму роль одного из редакторов. В состав редакции без твоего предварительного разрешения ввожу и тебя, на манер Булгакова<sup>121</sup> в «Вопросах Жиз-

<sup>116</sup> Григорий Спиридонович Петров (1868–1925) — православный священник, проповедник, общественный деятель, публицист. В период революционных событий 1905–1907 гг. приобрел широкую популярность в рабочих и студенческих кругах своими проповедями социалистической направленности. В 1907 г., после его избрания во 2-ю Государственную Думу, Синод запретил ему проповедовать «ввиду его политической деятельности и протестантских тенденций». Отец Григорий в знак протеста сложил с себя сан. После 1917 г. эмигрировал.

<sup>117</sup> Михаил Павлович Чельцов (1870–1931) — сщмч., магистр богословия, с 1903 г. настоятель храма Сщмч. Симеона при Институте гражданских инженеров, участник группы «32-х священников»; расстрелян.

<sup>118</sup> Иоанн Павлинович Слободской (1864–1920) — священник, один из членов «группы 32-х», настоятель церкви и законоучитель Патриотического института.

<sup>119</sup> Иоанн Федорович Егоров (1872–1921) — прот., окончил СПбДА, кандидат богословия (1898), иерей (1899), участник РФС (1901–1903) и «группы 32-х», участвовал во 2-м сборнике «Вопросы религии».

<sup>120</sup> Владимир Яковлевич Колачев (1871–1916) — православный священник, член Братства ревнителей церковного обновления, сотрудник редакции «Века».

Участник Петербургских религиозно-философских собраний 1901–1903 гг., посещал заседания Петербургского религиозно-философского общества (ПРФО), в 1914 г. входил в список действительных членов ПРФО (НИ ОР РГБ. Ф. 369. Ед. хр. 311. Л. 10). Автор вызвавших обширную дискуссию статей: *Колачев В., свящ.* О новой формуле условий спасения // Церковный вестник. 1908. No 7. С. 195–199. *Колачев В., свящ.* В проповедническом собрании // Там же. 1908. No 9. С. 285–286; *Он же.* О протестантском взгляде на мирской труд // Там же. С. 261–264.

<sup>121</sup> Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) — русский религиозный философ, экономист, в юности увлекался марксизмом. В 1903 г. опубли-

ни». Говорю, что ты будешь вести особый отдел. Подробности сообщу после 6-го февраля.

### **В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому<sup>122</sup>**

[02.02.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Милый друг! Бугаев до сих пор не приезжал<sup>123</sup>, — с «ми-ми»<sup>124</sup>... опять канитель. Хлопочу с утра до вечера. Решил не приезжать. Из Петербурга приедут 5-го, 4-го я буду в Сергиеве. Не «всем» нам незачем видаться. Может быть, Вы даже найдете нужным все приехать сюда, вместо того чтобы ехать мне. Тогда телеграфируйте, чтобы не разъехаться.

Вал. Свенцицкий

### **П. А. Флоренский — С. Н. Булгакову<sup>125</sup>**

[Февраль 1905 г.?]<sup>126</sup>

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

---

ковал сборник статей «От марксизма к идеализму», принял участие в коллективном сборнике «Проблемы идеализма». В 1904 г. он вместе с Н. А. Бердяевым начинает редактировать журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни». В 1903 г. С. Н. Булгаков принял участие в нелегальном съезде «Союза освобождения», положившего начало будущей партии кадетов. В 1907 г. избран депутатом во 2-ю Государственную думу. Один из авторов сборника «Вехи» (1909). В 1918 г. принял священство. В 1922 г. был выслан советскими властями в Турцию. Умер в Париже.

<sup>122</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 143–144.

<sup>123</sup> А. Белый вернулся в Москву из СПб. 5 февраля 1905 г.

<sup>124</sup> Мимеограф.

<sup>125</sup> Печатается с комментариями по: Переписка священника П. А. Флоренского со священником С. Н. Булгаковым: Архив священника П. А. Флоренского / Сост.: игумен Андроник (Трубачев), подг. текста, вступ. статья и примеч. С. М. Половинкина. Вып. 4. Томск, 2001. (Далее: Переписка Флоренского с Булгаковым, 2001). С. 16.

<sup>126</sup> Датировка на основании обстоятельств, описанных в письме, и раннего почерка Флоренского.

Обращаюсь к Вам с просьбой. Вы, вероятно, знаете о разгроме Вифанской семинарии<sup>127</sup>. Почти все воспитанники выкинуты на улицу, потому что им теперь некуда деваться. А некоторым даны волчьи паспорта.

**Е. Н. Трубецкой<sup>128</sup> — С. Н. Булгакову<sup>129</sup>**

Открытое письмо. Памяти Владимира Сергеевича Соловьева

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Приветствуя в Вашем лице редакцию журнала «Вопросы жизни»<sup>130</sup>, я не могу не вспомнить о горячо любимом мною

<sup>127</sup> Вифанская семинария была основана в 1797 г. по указу императора Павла I в Сергиевом Посаде. В январе 1905 г. она была временно закрыта из-за забастовки студентов после расстрела демонстрации 9 января в СПб. Впоследствии представители семинарии участвовали в работе нелегального Всероссийского общесеминарского съезда в Москве (25–27 декабря 1906 г.). В апреле 1907 г. учащиеся семинарии подписали петицию против распоряжения правления семинарии об увольнении нескольких учеников. В ответ на это в семинарии было проведено массовое отчисление воспитанников, и выпуск 1908 г. не состоялся.

<sup>128</sup> Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) — князь, философ, правовед, брат С. Н. Трубецкого, независимый общественно-политический деятель либерального направления, издатель МЕ. По окончании Московского университета преподавал в Ярославском юридическом лицее. Получил степень магистра (1892) и доктора (1897) философии. Получил место профессора в Киевском университете, откуда в 1905 г. перешел в Московский университет. Участвовал в организации и деятельности МРФО, член Поместного Собора 1917–1918 гг.

<sup>129</sup> Печатается с комментариями по: С. Н. Булгаков: Pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Примеч. сост. И. И. Евлампиева. Т. 1. СПб., 2003. С. 221–224.

<sup>130</sup> Журнал «Вопросы жизни» появился как продолжение журнала «Новый путь», который был основан в качестве органа «идеалистического направления» в русской философии. «Новый путь» был закрыт частью из-за финансовых проблем, частью из-за различного представления его

почившем моем друге — Владимире Сергеевиче Соловьеве, коего Вы являетесь последователем. Понятно, что для Вас теперь на первом плане должны стоять те темы, на которые невольно наводит это имя. По этому поводу позвольте мне сказать несколько слов.

Прежде всего, конечно, следует помнить, что основной идеей Соловьева была идея Богочеловечества, которая олицетворялась для него во образе Христа распятого и воскресшего. Эта идея уже в тот момент, когда она была впервые высказана, была «для иудеев соблазн, для эллинов безумие»<sup>131</sup>. Так оно осталось и в наши дни. Трагизм всей жизни Соловьева заключался именно в том, что его проповедь была соблазном для одних, безумием для других. Оно и понятно: те иудеи и эллины, о которых говорит апостол, олицетворяют собою не племенные только группы, но непреходящие человеческие типы: под «иудеями» следует разуметь всех тех, кто распинает Христа под предлогом религии, а под «эллинами» — всех вообще представителей чисто светской, языческой мудрости.

Почему учение Христово было соблазном для иудеев? Те иудеи, о которых говорит Священное Писание, вовсе не принадлежали к числу «потрясателей основ»: то были, прежде всего, «благонамеренные охранители», ревнители того, что в те дни почиталось за православие. Они постоянно заявляли о своих верноподданнических чувствах по отношению к кесарю и сочетали благочестие с цезаризмом, потому что для охранения их пошатнувшегося обряда и для осуществления их иерархических вожелений им нужен был Пилат и его воины. И вот перед нами ряд вековых типов: фарисеи, которые стараются «уловить в слове» и задают крючковатые вопросы о размежевании обязанно-

---

основателей — Д. С. Мережковского, с одной стороны, и Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, с другой стороны, — о целях этого издания. «Вопросы жизни» редактировались совместно Бердяевым и Булгаковым.

<sup>131</sup> 1 Кор. 1:23.



стей религиозных и верноподданнических, первосвященники, синедрион<sup>132</sup>, Пилат, который предает, а сам кивает на другое ведомство («неповинен я в крови праведника сего»<sup>133</sup>), и, наконец, бичующие воины. Относящиеся сюда тексты Священного Писания до того полны современного значения, что остается только удивляться, как они прошли через нашу духовную цензуру.

Иллюстрацией к сказанному может послужить вся жизнь и деятельность Соловьева. Когда он возвестил нам Царствие Христово, когда он объявил во всеуслышание, что Христос — Первосвященник и Царь, Коему дана всякая власть не на небе только, но и на земле, то повторились старые, давно знакомые нам сцены. Синедрион волновался, лжесвидетели изобретали клеветы, первосвященники раздирали свои ризы и говорили: «Какие хульные слова, кто может это слушать»<sup>134</sup>. А дружный хор ревнителей закона без умолка взывал: «Не имамы Царя, токмо кесаря, кто думает не так, как мы, тот не друг кесарю, распни, распни его»<sup>135</sup>. Впрочем, по поводу распятия в применении к Соловьеву я спешу оговориться, что «сие должно понимать духовно». До распятия в буквальном смысле, как известно, дело не дошло; но если бы иудеи — современники

<sup>132</sup> Синедрион (от греч. συνεδριον — совет; по Талмуду, «бехдин» — дом суда) — высшая судебная инстанция у евреев. Состоял из 71 члена (первосвященника, священников, старейшин и учителей закона), заседал во все дни, кроме суббот, в одном из помещений при храме и разбирал всякие дела, но особенно внимательно следил за делами религиозными. Для вынесения решения не обязательно должен был собираться весь синедрион, кворум составлял 23 человека. Согласно Евангелиям, Иисуса осудил весь синедрион (См.: Мф. 26:59; Мк. 14:55).

<sup>133</sup> Мф. 27:24.

<sup>134</sup> Цитата неточная, имеется в виду фрагмент Мф. 26:59—68.

<sup>135</sup> Имеется в виду следующий фрагмент Евангелия: «Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестый. И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря» (Ин. 19:14—15).

Христа — располагали такими же средствами борьбы против «лжеучений», как современные нам ревнители закона, то в распинании Спасителя, по всей вероятности, для них не встретилось бы ни малейшей надобности. Такова до последнего времени была сила «иудеев», что им одним дана была свобода говорить: всякого противника они могли принудить к молчанию.

Отсюда вытекает ряд соображений по поводу тем, подлежащих обсуждению на страницах Вашего журнала. Прежде всего, конечно, Вас должны интересовать вопросы, касающиеся христианской политики. Вопросы эти возникают сами собою, так как самая идея христианской политики неразрывно связана с именем Соловьева, с основным принципом его учения. Но как только мы вступаем в эту область, нам волей-неволей приходится, прежде всего, иметь дело с «иудеями», коих сила еще и до настоящего времени не поколеблена.

Спрашивается, возможна ли при этих условиях христианская политика, возможна ли она при отсутствии формальных гарантий печатного и устного слова, при отсутствии законом обеспеченной свободы совести? Где те органы, которые могли бы ее осуществлять, как и при каких условиях она вообще возможна? И конечно, следует поставить этот общий вопрос, прежде чем приступать к вопросам частным, специальным. Трудность осуществления тех пожеланий, какие мы можем высказать по этому поводу, не должна нас останавливать. Лишь бы было брошено семя в землю! Соловьев его уже бросил: нам остается только продолжать его дело, в твердой уверенности, что семя это возрастет, созреет и даст плод, хотя мы и не можем ожидать плодов немедленных.

Быть может, впрочем, еще плодотворнее может оказаться наша работа в другой сфере, именно в той, где нам приходится иметь дело с эллинами. Здесь нравственная атмосфера чище, потому что эллины не принадлежат к числу гонителей и распинателей Христа: это — подвижники мысли, люди сво-

бодного исследования, которые предъявляют к христианству вполне законные теоретические запросы и сомнения. По этому поводу позвольте обратиться к воспоминаниям. Двенадцать лет тому назад я защищал в Московском университете мою магистерскую диссертацию о блаженном Августине<sup>136</sup>. Соловьев, присутствовавший на диспуте, обратился ко мне по поводу моей вступительной речи со словами, которые навсегда останутся мне памятными: «Ты призывал христиан всех вероисповеданий — соединиться для общей борьбы против неверия, а я, напротив, скорее желал бы соединиться с неверующими для борьбы против современных христиан». по этому поводу не лишним будет вспомнить, что и в древности учение Христово было воспринято эллинами, а не иудеями; и в настоящее время наши надежды должны быть устремлены преимущественно в сторону эллинов. Но тут, однако, меня несколько смущают слова, которые мне недавно пришлось услышать в Германии: «Wladimir Solowiewf, ein vergückter russischer Philosoph»<sup>137</sup>. Вот он — голос современных эллинов: для них учение Соловьева есть «безумие». Между этим учением и господствующими течениями современной мысли, несомненно, существует пропасть. И если мы хотим заполнить эту пропасть, если мы хотим убедить эллинов, что проповедь Соловьева не есть «безумие», то нам предстоит войти в самую глубину современной эллинской мудрости, иначе говоря — совершить путешествие в Афины. Там мы найдем, во-первых, ряд антитезисов против учения Соловьева, а во-вторых, смутное сознание неудовлетворительности этих антитезисов, искание чего-то высшего и лучшего. Это — то самое, что некогда нашел в Афинах апостол Павел: во-первых, греческий Олимп, мир обоготворенных человеческих существ — олице-

<sup>136</sup> В качестве магистерской диссертации Е. Н. Трубецкой представил монографию «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Часть I. Мирозерцание блаженного Августина». Книга была опубликована в 1892 г. в Москве, диспут по ней состоялся в начале 1893 г., на нем присутствовал В. С. Соловьев.

<sup>137</sup> Владимир Соловьев, безумный русский философ (нем.).

творенный антитезис против христианства, а во-вторых, алтарь, воздвигнутый кем-то... «неведомому Богу»<sup>138</sup>. На наших глазах древний Олимп воскресает в целом ряде образов — в гуманизме современной мысли, в культе человека и человечества, в идее сверхчеловека, в современных общественных идеалах, в целом ряде учений индивидуалистических и социалистических. А рядом с этим «неведомый Бог» проявляется в сознании бессмыслицы существующего, в искании цели и смысла существования, в том пессимизме, который представляет собою суд над Олимпом и, наконец, в безотчетной вере в прогресс, долженствующий привести нас к чему-то лучшему: ибо эта вера в прогресс по самому существу своему покоится на предположении цели, лежащей в основе мирового развития: она может быть оправдана только в предположении провиденциального плана, лежащего в основе истории. Она и есть тот неведомый Бог, который олицетворяет собою надежду современных эллинов. По этому поводу я считаю долгом напомнить, что литературная деятельность Соловьева началась с путешествия в Элладу: иначе я не могу назвать его диссертации магистерскую и докторскую — его «Кризис западной философии» и «Критику отвлеченных начал». Тут он попытался объединить в стройном синтезе все то прекрасное и ценное, что произвела европейская философская мысль. Сознание недостаточности, «отвлеченности» выработанных ею начал привело его к идее Богочеловечества: в ней он открыл того «неведомого Бога», которого искала языческая мудрость Нового времени. Как продолжатели дела Соловьева мы должны последовать его примеру. Расширим круг вопросов, подлежащих нашему обсуждению. Нам следует говорить не только о самом Соловьеве, в связи с его именем мы должны ставить всевозможные темы применительно к иудеям и эллинам, с которыми ему приходилось постоянно соприкасаться и бороться. Нам предстоит, во-первых, обсуждать вопросы христианской политики и, во-вторых, подобно

---

<sup>138</sup> Деян. 17:23.

Соловьеву, совершить путешествие в Афины и перебросить мост через пропасть.

**Андрей Белый — А. А. Блоку**<sup>139</sup>

[7.02.1905. Москва — СПб.]

(...) Был у Котляревского<sup>140</sup>, говорил о революции; виделся с Эрном, Свенцицким, едем в Троицу, где сходками всех студентов руководит... Петровский<sup>141</sup>, который стал писать прокламации!!!!!! (...)

**Иоанн Кронштадтский — в редакцию газеты «Котлин»**<sup>142</sup>

[7.02.1905]

7 февраля 1905

<sup>139</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 144.

<sup>140</sup> Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) — историк, земский деятель, приват-доцент кафедры всеобщей истории Московского университета, член ЦК конституционно-демократической партии, один из руководителей Историко-филологического общества Московского университета, один из членов-основателей МРФО, член Совета «Союза освобождения».

<sup>141</sup> Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958) — окончил физико-математический факультет Московского университета на год раньше Флоренского (1903) и в том же году поступил в МДА. В 1906 г. по болезни прервал обучение в МДА и уехал в Финляндию. После выздоровления в академию не вернулся; работал в библиотеке Румянцевского музея. В 1910 г. посетил Р. Штейнера, основал первый в России антропософский журнал (1912–1918), стал одним из учредителей Русского антропософского общества (1913). После ареста в 1931 г. работал на Беломорско-Балтийском канале, освобожден в 1933 г. До конца жизни работал по библиотечному делу.

<sup>142</sup> Печатается по: Котлин. 8 (21) февраля 1905. № 30. С. 1.

Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев, 1829–1908) — настоятель Андреевского собора в Кронштадте, член Святейшего правительствующего синода (с 1906 г.), духовный писатель, св. и прав.

В 10 мин. 1-го часа пополудни я имел счастье получить от Их Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Феодоровны следующую всемилоостивейшую телеграмму:

«Благодарим Вас горячо за слова истинного утешения; молим Господа да подкрепит драгоценное здоровье Ваше.

Николай, Александра».

Моя телеграмма Их Величествам была следующая:

«Скорбь Ваша неопишима<sup>143</sup>; скорбь Спасителя в Гефсиманском саду за грехи мира была безмерна; присоедините Вашу скорбь к Его скорби — в ней найдете утешение.

Верноподданный протоиерей

Иоанн Сергиев».

#### **К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>144</sup>**

[8.02.1905. СПб.]

1905.П.8.

Пишу тебе, дорогой Петр Павлович, пока краткое письмо.

6-го было у нас маленькое заседание у Николая Николаевича Неплюева. Журнал почти решенное дело. В апреле Николай Николаевич окончательно дает ответ. Предлагаем еженедельный в три печатных листа орган вроде бывшего «Церковно-Общественного вестника» под заглавием «Вера и жизнь». Еще раньше нас Николай Николаевич думал начать издание органов своего Трудового братства. Теперь будет общий орган с отделом «Христианские организации — на Западе и у нас», в который Трудовое братство Ямпольское войдет со своими изданиями. В отделе органа предназначено такое:

1. Передовые статьи.

<sup>143</sup> В телеграммах речь идет об убийстве террористами Великого князя Сергея Александровича, которое было совершено 4 февраля в Москве.

<sup>144</sup> Печатается с комментариями по: *Балакшина*, 2014. С. 296–297.

2. Статьи общего характера.
3. Церковная жизнь.
4. Общественная жизнь.
5. Религиозное воспитание.
6. Хроника иностранной церковной жизни.
7. Библиографический отдел.
8. Известия, заметки и т. п.

Это приблизительно.

Денежный расчет сделали на 15 тысяч — с солидной гонорарной платой. Плата журнала — 5 руб. 15 000 даются Неплюевым для постановки дела. Задача журнала — объединить всех единомышленников и создать свой журнал «Наша жизнь — наши дни» с исключением их крайностей (в области церковной жизни).

Николай Николаевич Неплюев едет 15-го февраля в Москву, затем — в Казань, Харьков и Киев с целью прочесть ряд домашних лекций. В Киеве он будет у тебя. Ты, надеюсь, устроишь нечто вроде домашней лекции у себя и познакомишь его с нашими друзьями. Он желает познакомиться, кроме отца Светлова и Сергея Николаевича Булгакова, с тобою, Завитневичем<sup>145</sup>, Капраловым<sup>146</sup>. Окажи ему свое внимание: он стоит того.

В Москве он по моей рекомендации познакомится с Павлом Васильевичем Тихомировым<sup>147</sup>. Содружество наше официально открыто. Предстоит вскоре торжественное

---

<sup>145</sup> Владимир Зенонович Завитневич (1853—1927) — русский писатель, историк, профессор КДА по кафедре русской гражданской истории. Автор обширного труда о жизни и деятельности А. С. Хомякова. Далее в письмах Агеева упоминается как Зенонович.

<sup>146</sup> Евгений Зотикович Капралов (1868— не ранее 1931) — прот., законучитель Киевского Алексеевского инженерного училища, редактор журнала «Руководство для сельских пастырей», член Поместного собора 1917—1918 гг. В письмах Агеева упоминается как Зотикович.

<sup>147</sup> Павел Васильевич Тихомиров (1868—1937) — богослов, философ. Окончил МДА (1893), доцент и экстраординарный профессор по кафедре философии МДА (1898—1906). — *Прим. С. Черткова.*

открытие<sup>148</sup>. Я взял на себя должность делопроизводителя. Подбираю комитет. Организация содружества самая широкая. Цель поездки Неплюева — организация христианских союзов на той или другой почве. 14-го Николай Николаевич читает, или, лучше, — беседует, у меня в кругу 30—40 слушателей, людей нашего кружка и будущих деятелей нашего содружества. В будущем органе должны быть постоянные с обязательством, с повышенной оплатой — может быть, рублей до ста за лист — сотрудники. Мы надеемся на тебя и лично, и в смысле привлечения. Сегодня у нас содружество мужское — прения по поводу бывшего в прошлый раз доклада Неплюева.

Целую. Отзовись.

Любящий твой друг свящ. К. Аггеев.

**В. А. Кожевников — Ф. Д. Самарину<sup>149</sup>**

[10.02.1905. Москва]

Москва. 10 февраля 1905

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич!

По поводу вчерашней, столь содержательной беседы не могу не порадоваться тому, что Вам удалось отстоять принцип опроса крестьян на месте<sup>150</sup>. Пункт этот представ-

<sup>148</sup> Речь идет о Христианском Содружестве женской учащейся молодежи.

<sup>149</sup> Печатается с комментариями по: *Дубинин*, 2005. С. 289—290.

<sup>150</sup> Высочайшим указом 12 декабря 1904 г. был намечен пересмотр законодательства о крестьянах. В «Записке о необходимости местного обследования крестьян по делу» (ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Ед. хр. 8), составленной, по-видимому, Ф. Д. Самариним и подписанной кн. А. Голицыным, В. Кожевниковым, В. Ознобишиным, Н. М. Павловым, гр. С. Шереметевым, кн. В. А. Голицыным, кн. В. Урусовым, К. Н. Пасхаловым, Сергеем Самариним, отмечалось, что в подготовительных материалах к готовящемуся законопроекту содержится недостаточное количество фактических данных и почти полностью отсутствуют отзывы самих крестьян о желаемых изменениях в законодательстве. В связи



ляется мне краеугольным камнем всего дела, необходимым как по существу, для успешности самого дела, так и в тактическом отношении, то есть применительно к предполагаемым оппонентам Вашего проекта: принципиально, даже и с их точки зрения, такой форме опроса должно бы быть отдано решительное предпочтение перед вызовом крестьян в Петербург.

Возражения, вероятно, будут направляемы с другой стороны: будут находить излишним самый опрос, ссылаясь на достаточность уже имеющихся сведений. Ввиду поддержки этой точки зрения влиянием Сергея Юльевича Витте<sup>151</sup>, представляется поэтому существенно важным, чтобы в «Записке» с особенною энергиею была подчеркнута мысль, что, каковы бы ни были свойства добытых Комитетами данных, эти последние никак не могут, по существу своему, заменить или сделать ненужными отзывы, получаемые непосредственно от самих крестьян.

Затем было бы желательно как можно крепче обосновать мнение о необходимости вверить руководство опросом не земцам, а предводителям дворянства, как представителям сословия наиболее близкого к земельным интересам и к положению крестьянства, как лиц местных и авторитетных и, наконец, даже как лиц, в большинстве случаев занимающих деятельное положение и в среде Земства.

Позвольте мне высказать еще одно соображение по поводу вопроса о выборе тех лиц, которых Вы так метко обозначили названием «рядовых крестьян» и которым в предполагаемом опросе я придаю большое, если не наибольшее, значение. Я опасаясь, что крестьянам волостей, далеко от-

---

с этим предполагалось провести широкое обследование «в наиболее типических местностях», обеспечивающее достоверность и точность сведений о нуждах, правовых понятиях и идеалах крестьян.

<sup>151</sup> С. Ю. Витте в это время занимал пост председателя Комитета министров.

стоящих друг от друга (наш Козловский уезд<sup>152</sup>, например, протянулся с Севера на Юг 110 верст), будет очень трудно согласиться относительно избрания этого лица. В таком случае не окажется ли возможным, чтобы каждая волость выбирала сначала из среды своей по одному такому представителю (точнее — кандидату), а затем эти последние выбирали бы уже из себя одного, по соглашению или, в крайнем случае, по жребию? Быть может, этот способ выбора усложнит несколько процедуру, но, мне кажется, таким образом могла бы быть достигнута наибольшая основательность и равномерность в избрании. Если же Вы, как человек несравненно более, чем я, компетентный в данном случае, найдете мое соображение нецелесообразным или неосуществимым, прошу извинить, что отвлекаю им Ваше внимание от работы, которой у Вас в настоящую минуту так много и за которую мы все Вам так сердечно признательны.

Примите уверения в глубоком уважении преданного Вам  
В. Кожевникова

**Андрей Белый — А. А. Блоку<sup>153</sup>**

[Февраль 1905. Москва — СПб.]

(...) Наконец из Петербурга приехал зуборог Волжский с охапкой религиозной общественности, и прошел караван, месяц песок, — Флоренский, Свенцицкий, Эрн, Сыроечковский<sup>154</sup> и др.

<sup>152</sup> Город Козлов Тамбовской губернии — родина В. А. Кожевникова. В Козловском уезде у него было имение.

<sup>153</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 144.

<sup>154</sup> Речь идет либо о Борисе Евгеньевиче Сыроечковском (1881–1961) — историке, архивисте, археографе, педагоге, кандидате исторических наук (без защиты диссертации), доцент (1935). Сыне московского педагога Евгения Ивановича Сыроечковского (1855–1908), инспектора 4-й Московской мужской гимназии., вполн. директора 3-й Москов-

Я было изготовил ананас<sup>155</sup>, чтоб пустить в небо, но Свенцицкий ласково прибрал ананас, сказав, что мы в свое время его скушаем как десерт, а пока нужно устраивать зверинцы и экспонировать приехавшего зуборога. С утра сегодня пишу записки — приглашаю на зрелище<sup>156</sup>. Душою ввусь к Вам. Милый, не забывай.

Твой бесконечно любящий Боря.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>157</sup>**

[15.02.1905. СПб.]

1905. II. 15

Дорогой Петр Павлович!

Вчера совершилось важное событие, могущее отразиться большими последствиями. Мы были у митрополита<sup>158</sup> в количестве 21 человека. Митрополит пригласил к беседе трех викариев — Кирилла, Сергия и Антонина<sup>159</sup>. Ввиду важно-

---

ской мужской гимназии. Либо о его брате также историке Владимире Евгеньевиче Сыроечковском (1882–1942). — В. К.

<sup>155</sup> Ср. стихотворение А. Белого «На горах» (1903): «В небеса запустил ананасом».

<sup>156</sup> «Мы каждую среду встречались у Астрова; на собраниях оказывалось все больше народа; образовалось в те дни Христианское братство борьбы, под руководством Свенцицкого (...) помню: зашедший ко мне А. С. Волжский, шагая растерянно и сутуло по комнате, встряхивал пышной копною волос и посматривал на меня детски-добрыми, голубыми глазами: “Что ж, может быть, и они низведут огонь с неба?” “Они“ — В. Ф. Эрн и Свенцицкий» (*Белый А.* Воспоминания о Блоке. С. 174).

<sup>157</sup> Печатается с комментариями по: *Балакишина*, 2014. С. 297–301; *Чертков*, 2017. С. 145–146.

<sup>158</sup> Имеется в виду митрополит С.-Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский, 1846–1912). Далее фигурирует в письмах К. Аггеева, если не оговорено противное, как просто «митрополит».

<sup>159</sup> Речь идет о трех викариях С.-Петербургской епархии: епископе Гдовском Кирилле (Смирнове, 1863–1937), епископе Ямбургском Сергии

сти дела постараюсь описать тебе протоколярно. Принимаем благословение. Среди нас ни одного протоиерея. «Все, — говорит Владыка, — молодые». Сели. Открываю по заранее составленному плану беседу я. «Ваше Высокопреосвященство! 11 февраля мы — группа священников — просили нас принять. Ныне имеем честь предстать пред Вами. Считаем своим долгом сказать, что среди нас нет многих согласных с нами во взглядах: мы не собирали внушительного количества. Я лично, недавно служивший в двух других епархиях, свидетельствую, что и там немало лиц, которые готовы будут подписаться под нашими взглядами.

Усердно просим: оцените наши пожелания не количеством или качеством лиц, представляющих их, а существом дела, внутренней истиной. Юны мы, как изволили Вы выразиться, и малы, но да совершится на сей раз хвала Богу, Высочайшей Правде — из малых и юных уст!»

Затем речь ведет отец Чельцов: «Исповедуем свою вину. До сих пор мы приходили в Ваши покои лишь за нагоньями да наградами. Видели в Вас Владыку и только. Ныне желаем видеть Отца». Антоний прерывает: «И мы исповедуем свою вину: мы, быть может, были в этом виноваты. И теперь очень рады Вашему почину».

Чельцов: «Мы читали Ваше заключение о свободе совести. Я лично слышал от Вас, что Вы высказались за полную свободу совести, и дал Вам за это земной поклон. Позвольте такой же земной поклон принести от лица всех здесь присутствующих... Вы сняли позорное пятно с нашей церкви, освободив ее от полицейских обязанностей».

Антоний прерывает и говорит: «Подтверждаю бумагой, что теперь полная свобода совести с возможностью перехода из православия в любое исповедание».

Чельцов: «Отныне чуждые государственной опеки мы должны стать на свои ноги. Только внутренней мощью

---

(Страгородском, 1867–1944), епископе Нарвском Антонине (Грановском, 1865–1927).

можем вести борьбу с иначе верующими. Время подумать о тех условиях, в которых нам приходится жить и действовать. Свободны ли мы, члены господствующей церкви?»

После некоторого малозначащего перерыва вступает о. Слободской:

— Мы не свободны. Синод наш — раб светской власти. по существующему узаконению — фактически подтверждаемому — постановления наших иерархов, не дозволенные Государю обер-прокурором, остаются недействительными. Наш оглаwiająщий Церковный иерарх не имеет права доступа пред Государем. Такое ужасное положение Центрального Церковного Управления отражается тяжело на всей церковной жизни. Чего ни коснись, во всем мы должны озираться на Литейный, где живет Обер-прокурор и его товарищ.

В Комитете министров нашу церковь представляет не лицо священника, а мундир. И ныне, когда все винты нашей государственной жизни развинтились и когда мы накануне коренной реформы нашей государственной жизни, мысль наша — о церкви и ее реформе. Кто же скажет о них? Просим собора всероссийского. Пусть идея соборности прежде всего найдет место там, где она издавна имела его...

Митрополит соглашается, хотя делает поправку: «Чем нас стесняет такой порядок?» (как-то иначе выразился).

Вступаю я: «Нас обвиняют, и справедливо, в постоянной лжи, ибо мы говорим только и должны говорить однобокую правду. Возьмем существенный вопрос об отношении самодержавия и православия. Мы убеждены, что священник должен стоять выше политических партий. Мы убеждены в ложности положения, высказанного в адрес Русского Собрания, «о неразрывной святине самодержавия и православия». Зачем же нас заставляют говорить об особой святости самодержавия?»

— Кто же Вас заставляет?

— Владыко! Ведь самодержавие у вас возведено на степень религиозной догмы. Позвольте развить далее мысль

Ивана Павлиновича Слободского о соборе. Великую рану нашей церкви составляет разрыв иерархов с иереями и мирянами. Епископы наши в деле управления церковного совершенно игнорируют нас. Разрыв этот простирается и на мирян. Просим Собора, но такого, какой был в древней церкви, где бы представлялась вся церковь...

Далее нарушился порядок лицами, не бывшими на предварительном собрании. Перешли к синодальному посланию<sup>160</sup>. Митрополит просит откровенного мнения. Говорю от лица всех отрицательное мнение: 1) это ссылка на англо-японские деньги.

— Но, о. Константин, ведь они же получали деньги.

— Получали, но из кассы социал-демократов.

2) ни слова утешения и сожаления рабочим. Тут та же однобокая правда...

Перешли к рабочему вопросу. Мы разбираем фабрики, но с обязательством самого широкого печалования и с надеждой, что Митрополит поедет по нашей просьбе всюду, когда явится нужда в предстательстве.

Сам Митрополит говорит очень откровенно и совершенно по-братски. «В предстоящих занятиях особых совеща-

---

<sup>160</sup> Имеется в виду «Послание Св. Синода по поводу беспорядков рабочих» от 14 января 1905 г. (см.: Церковный вестник. 1905. № 3. С. 85–87). В Послании Св. Синода люди русские, «подкупленные иноземными врагами отечества», обвинялись в том, что «решились скопом и насильем добиваться своих будто бы поправных прав... многих оставили без куска хлеба, а иных из своих собратий привели к напрасной смерти», чем причинили «тяжкое горе Венценосному Вождю», который «неусыпно заботится об облегчении тяжелой их доли». Ср.: «Святейший синод издал свое знаменитое послание, повторивши клевету о подкупе русских рабочих. Воззвание, с диничной откровенностью обнаружившее, до какого полицейско-охранительного состояния дошла видимая историческая Церковь или, точнее, ее высшие представители... Клевета эта была... потом официально опровергнута русским правительством, но Синод, не смущаясь, снова подтвердил эту ложь и разослал по всем церквам для прочтения» (*Свенцицкий В, прот.. Собрание сочинений. Т. 2. С. 45, 587*). — *Прим. С. Черткова.*

ний предстоит рассуждение о реформе церкви. Я буду там. И благодаря Вам многие вопросы шире и иначе освещаются у меня. Спасибо. Я совершенно благословляю Ваши собрания... Нам нужно организоваться. Я прошу, хотя раз в месяц, собираться у меня для такой же совершенно откровенной беседы. Просим к тому же и наших викариев». «Мы сами, — забасил Антонин, — получили сладость общения и поучений от Вас». Что-то вроде этого.

— Нам, — говорит Митрополит, — нужно организовать свою пастырскую кассу взаимопомощи, свой суд чести.

Точно он слышал наши мечты.

Беседовали около 3 часов. Встали в 9¼ часа. «Ввиду таких блестящих результатов, — говорит отец Егоров, — возблагодарим Бога». «Очень хорошо, — говорит Митрополит. — Что же мы запоем?» И раздалось: «Достойно есть». Знаешь, какой трепет прошел по душам [нрзб] все повскакивали...

От митрополита приехали ко мне.

### **Христианское Братство Борьбы — Народу<sup>161</sup>**

[16.02.1905. Москва]

Православные христиане! Синод обратился к вам с увещанием не заводить в государстве смуты, не быть заодно

---

<sup>161</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 146—148. «Необходимо было распространить в народе, особенно в городском, наиболее восприимчивом населении, ответ на воззвание Синода. Одним из наилучших средств для распространения этого ответа члены Братства сочли расклейку воззваний на улицах. Воззвание было написано, город разделен на 10 участков. Ночью члены Братства отправились развешивать его по улицам. на листках воззвания стоял большой черный крест... Во время развески никто из Братства задержан не был. на некоторых улицах воззвания провисели до следующего дня, и около них все время толпился народ» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 45—46).

17 февраля 1905 г. пристав 1-го участка Мещанской части препроводил в Московское охранное отделение экземпляры воззвания, «обнаружен-

с внутренними врагами и тем не служить японцам. Не таких слов ждали все истинно-православные люди в настоящее тяжелое время. Кому неизвестно, какие грабительства и притеснения творят царские слуги. Они и ослабили Русскую землю, потому что измучили народ<sup>162</sup>. А когда петербургские рабочие, с пением «Отче наш», шли умолять царя выслушать об их нуждах, в них стали стрелять солдаты (...) И после этого Синод, забыв истинную Апостольскую Церковь, увещевает вас, а не тех, кто довел вас до крайности, кто губит Русскую землю и зверски убивает наших братьев. В такие минуты все ждали, что Церковь возвысит свой голос против обезумевшей власти, забывшей, что Царь всех царей — Господь и что царская власть ниже воли Господней<sup>163</sup> (...)

---

ный наклеенным в 3 часа ночи на фасаде дома Рождественского монастыря по 4-й Мещанской улице». В этот день листовку находили приставы по всей Москве: на телефонном столбе по Красноказарменной ул. напротив Московского военного училища (3 участок Лефортовской части); на заборе владения Лиснера по Кузнецкой ул. (1 участок Пятницкой части); в 6 ч. 20 минут на заборе владения Генералова по Лялину пер. (2 участок Яузской части); на ограде храма Вознесения по Вознесенской ул. и стене д. Озеровой по Гороховской ул. (1 участок Басманной части); в 5 утра в Болвановском пер. на заборе д. Бахрушина и на заборе владения Трофимова по Шлюзовой наб. (2 участок Пятницкой части); на Шаболовке и М. Серпуховской (2 участок Якиманской части); в 8 утра на воротах д. Герасимова по Александровской ул. (3 участок Сушевской части); на ограде храма свт. Николая в Кузнецком пер.; на улицах Сушевской и 3-й Мещанской (См.: ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 30. Т. 4 (1). Л. 18–75).

<sup>162</sup> Ср.: «Причина переживаемой нами смуты заключается не в ослаблении государственного начала, а наоборот, в чрезмерном развитии этого начала и в запоздании с его стороны уступок в пользу законных требований начал личного и общественного» (*Завитневич В.* О восстановлении соборности в Русской Церкви // *Церковный вестник.* 1905. № 14. С. 422).

<sup>163</sup> «При охватившем теперь всех смятении умов от страшных и грозных в жизни страны явлений... невольно взор общества обратился туда, откуда издавна Русь привыкла ожидать и получать утешение, взраумление,



Православные христиане! Перед вторым пришествием, по слову Божию, «мерзость и запустение станет на святом месте», т. е. большая часть Церкви христианской предастся в руки Антихриста<sup>164</sup>. Воззвание Синода, поддерживающее мучителей христианского народа, свидетельствует, что время близко<sup>165</sup>!

успокоение... Разумеем голос церкви Божией в лице церковных учителей и молитвенников-пастырей... Но они молчали...» (*Феодор (Поздеевский)*, *сщмч.* Служба Богу и России: Статьи и речи 1904—1907 годов. М., 2002. С. 109). «Архипастыри наши молчат, будто не их дело обличать виновных детей Церкви, раз только они сильны... Они забыли тело Христово, если терпят общение с Церковью со стороны убийц-начальников, не желающих знать ни Бога, ни справедливости, если не налагают эпитимии на убийц-подчиненных, выслуживающихся пред теми. Да, пастыри забыли свое дело, если не призывают всех к покаянию, если не заставляют покаяться устраивающих бойни, если позволяют кровавым губам насильников касаться св. Причастия» (*Флоренский П.* Вопль крови. С. 3). «Ни один священник не произнес в церкви проповеди, откровенно направленной против террора правительства, ни один не отказал убийцам и палачам в причастии» (*Эри В.* Пастырь нового типа. М., 1907. С. 4). «Церковь должна властно и дерзновенно возвысить свой голос и призвать сынов своих к покаянию... Обязана немедленно же наложить покаяние... на всех тех, проливавших кровь, кто именуется христианами. Если же покаяние они отвергнут — отлучить от Церкви» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 68).

<sup>164</sup> Духовный отец Свенцицкого прп. Анатолий (Потапов) Оптинский на вопрос: «Скажите, батюшка, в чем вы видите главную причину того, что возрождение православной Церкви так плохо подвигается вперед?» ответил: «На Моисеевом седилище сели книжники и фарисеи» (*Марцинковский В.* Записки верующего. Новосибирск, 1994. С. 39).

<sup>165</sup> «Не понять тех сил, которые двигали рабочими... позорно оклеветать великое освободительное движение, по силе самопожертвования и по громадности значения которому не было равного в мире, — это было каплей, которая, казалось, должна была переполнить чашу гнева Господня. Вавилонская блудница открыто готова была воссесть на престоле и творить мерзости до срока... Разве не победа врат адových над Церковью — наш «святейший» Синод, наши холопствующие архиереи, разъезжающие в каретах на четверне и призывающие к погромам? Разве не дух ада вдохновляет всех этих пастырей и архипастырей, защитников смертной казни... с крестом сопутствующих на виселицу!... Вся эта святая, невинная, братская кровь — позорным пятном ляжет на

Так не искушайтесь же воззванием Синода, ибо на нем явная печать Антихриста!

**М. М. Морозов. Дневник<sup>166</sup>**

[15.12.1904—18.02.1905]

1904. Ледеркалия, декабрь.

15-го. Мы приехали за границу, в Швейцарию, Nyon Villa les Frênes. Здесь очень весело. Мы уехали из Москвы 11-го мая, а приехали сюда 15-го мая. Я здесь играю в поезде. В воскресенье, 12-го, мама ехала на моем поезде. Она ехала в Оборак. Главный город был Великий Лес. Ледеркалия состоит из 45 островов. Это северные острова. Я царь Боца. Боца главный город Ледеркалии. Мама это писала. Мы учимся каждый день. Юра поехал в Рим, а Леся пока топает с ногами <Sic!> на лестнице.

(...) 8-го ноября в день моих именин было у нас представление «Братья враги», драма моего сочинения. (...)

19-го декабря «Россия» Газета

---

их христианскую совесть... Это с вас, с вас взыщется вся кровь, которой вы залили Русскую землю» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 45, 92–93, 282, 291). «Смотрите, чтобы не сбылись над нами слова Господа Иисуса: “Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле”» (*Флоренский П.* Вопль крови. С. 4). Предсказанное участниками ХББ сбылось, и через 12 лет явился коммунизм — воистину бич Божий, и Церковь обгадилась кровью мучеников: «Воздайте ей так, как и она воздала вам, и вдвое воздайте ей по делам ее... Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей мучений и горестей....И будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее... Возгорится гнев Господа на народ Его... и поднимет Господь Саваоф бич на него... и когда пойдет всепоражающий бич, вы будете поправны» (Откр. 18: 6–8; Ис. 5: 25; 10: 26).

<sup>166</sup> НИОР РГБ. Ф. 171.13.12. Л. 1–15. Записано рукой М. К. Морозовой. Михаил Михайлович Морозов, Мика (1897–1952) — сын М. К. Морозовой. Широко известен его детский портрет кисти В. Серова; впоследствии литературовед, шекспировед, переводчик, общественный деятель.

Воскресенье 19-е декабря.

Воскресенье 26-го декабря 1904 года будет елка, фейерверк и цирк. Содержатель всего этого М. М. Морозов. Праздник «минвью»<sup>167</sup> будет в нашей комнате. Декорации будут очень красивые. Помощница Антонова. Начинается после обеда.

1905 год

2-го января прошлого года родилась у нас Маруся<sup>168</sup>. У нас была елка. Я получил очень хорошие подарки. От тети Лели — плэд, от мамы — альбом для карточек.

(...) Когда мне было четыре года [1901], мы жили в Прокурове.

18-го февраля.

Я очень люблю кукол. Вчера было мое рождение. Мама мне подарила мальчика, которого я назвал Сережа! И еще

<sup>167</sup> Т. е. мое представление, мой спектакль (от фр. *mién vue*).

<sup>168</sup> Мария Михайловна Морозова (1899—1970) — младшая дочь М. К. Морозовой, родившаяся через три месяца после смерти отца, М. А. Морозова. Ф. Степун пишет о ней в своих воспоминаниях, относящихся к 30-м годам: «Не подозревая, что младшая дочь Маргариты Кирилловны живет с мужем в Берлине, заметил ее в числе своих слушателей на докладе о театрах Москвы. на следующий же день я зашел к ней. на стене просторной комнаты — портрет работы Тропинина. на концертном рояле — пастернаковский набросок дирижирующего Никиша, за спиной дирижера колонны и антресоли Благородного собрания. (...) Рядом с ним фотография Скрябина (хорошо знакомое по эстраде тонкое, нервное лицо) и еще несколько своих московских вещей — сиротствующих в Берлине мигов прошлого. Пьем чай, разговариваем обо всем сразу: Мария Михайловна, лицом и манерами очень напоминающая мать, говорит больше вздохами, восклицаниями, отрывочными просительными фразами, радостными кивками головы: “ну, конечно... мы с вами знаем...” Вспоминаем нашу Москву. В Марии Михайловне, слава Богу, нет и тени злостной эмигрантщины. Она и в советской Москве чувствует хоть и грешную, но все же вечную Россию. После чая она садится за рояль и долго играет Скрябина, Метнера, Калининкова. В моей душе поднимается мучительная тоска. Странно, тоска — голод, а все же она насыщает душу» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 259).

несессер de voyage. Семен Николаевич<sup>169</sup> мне подарил чашки и поднос, а Mademoiselle мне подарила чашку, из которой я пью!

Новость.

В три часа дня, 4-го февраля 1905 года убили Сергея Александровича, Великого Князя, в Москве. (...)

**С. М. Соловьев**<sup>170</sup> — **А. А. Блоку**<sup>171</sup>

[24.02.1905. Москва — СПб.]

(...) Сейчас у Астрова<sup>172</sup> произошел ужасный разговор. Большая свора христиан (Боря, Астров, я, В. Ф. Эрн) заставляла одного демониста (Л. Л. Кобылинского<sup>173</sup>) и заставляла, доказав ему его... нелогичность. Особенно хорошо говорил Эрн: сильно, строго, мистически. Я поражаюсь, до чего каждое его слово выражало мою мысль. Кобылин-

<sup>169</sup> Семен Николаевич, возможно, гувернант Мики.

<sup>170</sup> Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942) — сын младшего брата Владимира Соловьева — Михаила Сергеевича. Окончил Московский университет (1911) и МДА (1918); близкий друг Андрея Белого, поэт-символист. В 1916 г. принял священный сан, в 1920 г. вошел в общину русских католиков восточного обряда. Арестован в 1931 г. Психически заболел в ходе следствия; скончался в госпитале для душевнобольных в Казани.

<sup>171</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 148–149.

<sup>172</sup> Павел Иванович Астров (1866–1919) — юрист, религиозно-общественный деятель, в 1900-е гг. организовал в своем московском доме кружок, где собирались люди разных поколений, взглядов и интересов: поэты-символисты Андрей Белый, Эллис и Сергей Соловьев; философы — Н. Бердяев и Ф. Степун; священники — К. Аггеев, Г. Петров, теософ К. П. Христофорова; либеральные политические деятели, московская интеллигенция. В этот период опубликовал работу: *Правда марксизма. на пути к свободе совести // Свободная совесть Литературно-философский сборник*. Кн. 1. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1906.

<sup>173</sup> Лев Львович Кобылинский (псевд. Эллис, 1879–1947) — поэт, переводчик, теоретик символизма. Окончил юридический факультет Московского университета (1902), один из организаторов кружка «Аргонавты» (1903) и издательства «Мусажет» (1910).

ский нападал на плоть, Эрн возвеличивал ее. Когда демонист был окончательно затравлен, мы пошли с Эрном и во всем соглашались. Но в результате он стал отстаивать интенсивность <Sic!> плотской жизни, восставая на сладострастие <Sic!> как на грех. Тогда я почувствовал желание бежать за врагом плоти и броситься ему на шею. (...) Пойми, что вреднее этого трудно себе что-нибудь представить, ибо они тормозят торжество религии святого сладострастия, которое я исповедую<sup>174</sup> (...)

**Николай, архиепископ Токийский и Японский<sup>175</sup>.**  
**Дневник<sup>176</sup>**

[26.02.1905]

26 февраля (11 марта) 1905. Суббота.

Мукден взят японцами<sup>177</sup>, и торжествуют они, вывешивая флаги и фонари и производя процессии. Горевать ли? Да уж, кажется, дальнейшая степень горя будет сумасшествие, а между тем здравый смысл нужен — дела много.

Утром из токийской тюрьмы получил письмо от нашего штурмана Алексея Цыганцева, который там сидит вме-

<sup>174</sup> 14 мая 1905 г. С. М. Соловьев заявлял: «Эрна и Свенцицкого определенно не хочу и верую не по-ихнему и знаю, что отец мой тоже верил не по-ихнему». И в этом был совершенно прав, как и в противопоставлении «Брюсовских чертей и Свенцицких ангелов» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. С. 395, 397).

<sup>175</sup> Николай Японский (Касаткин, 1836–1912) — архиепископ, основатель Православной церкви в Японии, прославлен (1970) в лике святых как равноап.

<sup>176</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870–1912). <http://www.sudoc.abes.fr/xslt/db=2.1//srch?ikt=12&trm=092210368&cookie=u10178,klecteurweb,i250,b341720009+,sy,nlecteur+webopc,d2.1,ec46ca7ce-104d,a,h,r62.10.72.11,fy>. (Далее: Дневники святителя Николая Японского (1870–1912)).

<sup>177</sup> После завершения Мукденского сражения (19 февраля — 10 марта) русская армия оставила Мукден и отошла к Телину.

сте с сотником Александром Мирским; пишет, что они там отбывают заключение, к которому присуждены за побег из плена в Мацуяма, и просит книг для чтения. Сейчас же послал им по Новому Завету от себя и по связке книг из прибывших недавно от М. Н. Чухниной<sup>178</sup>.

Послал Петра Исикава<sup>179</sup> в Военное Министерство взять точное сведение о числе русских военнопленных в Японии. Оказывается, по 28 февраля н. ст. было: 38 358 чел. Сообразно с этим надо разделить книги, остающиеся еще в Миссийской запасной библиотеке, по городам, где они размещены далеко в неравном количестве. Пишут в газетах, что в последних боях взято много пленных<sup>180</sup>. Боже, когда это прекратится перемещение русской армии в Японию? (...)

Rev. Jefferys, американский епископальный миссионер, просится по субботам петь у нас в хоре певчих. Так как регент Алексей Обара<sup>181</sup> это дозволил, то я написал Джефферишу, что пусть приходит и поет во славу Божью

### **Вяч. Иванов — Андрею Белому<sup>182</sup>**

[2.03. (н. ст.).1905. Женева]  
Châtelaine, près Genève  
2 марта 1905.

<sup>178</sup> М. Н. Чухнина, супруга вице-адмирала Г. П. Чухнина, который в 1896 и 1901–1902 гг. был младшим флагманом эскадры Тихого океана

<sup>179</sup> Петр Исикава работал в переводческом отделе миссии. Он являлся автором книг «Неведомый Бог», «Семейная жизнь и нравственность с христианской точки зрения» и «Ответ миссионеру римско-католической церкви Гиру о мнимых заблуждениях греческой православной Церкви».

<sup>180</sup> Имеются в виду сражения при Сандепу (25–29 января) и под Мукденом.

<sup>181</sup> Алексей Обара также работал в семинарии и катехизаторской школе.

<sup>182</sup> Печатается с комментариями по: Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) / Вступ. статья, подг. текста и коммент. Н. Богомолова и Дж. Малмстада // Русская литература: Историко-литературный журнал. 2015. № 2. (Далее: *Богомолов, Малмстад*, 2015). С. 41–42.

Благодарю Вас, дорогой Борис Николаевич, за высоко ценимый мною знак Вашей доброй памяти. С нетерпением ждал я возможности прочесть Вашу 3-ю симфонию<sup>183</sup>; но все собираясь в Россию и все отлагая, вместе с тем, отъезд<sup>184</sup> — так до сих пор и не выписал книги... Был чрезвычайно обрадован, получив ее сегодня утром. Конечно, тотчас же принялся за чтение — и вот хочется сказать Вам свое самое свежее впечатление. Симфония «Возврат» доставила мне истинное эстетическое наслаждение. Она прекрасна и кажется мне наиболее совершенною из трех первых (хотя 1-ую я люблю наиболее, разумею: московскую<sup>185</sup>). Конечно, прав В. Я. Брюсов в своей рецензии<sup>186</sup>, указывая на ее особенные, исключительные достоинства; повторять то, что в моем впечатлении согласуется с тем, что намечено им, не стану. Иное, что у меня на душе, хочу сказать Вам. Мне грустно и страшно. Я не нашел в Вашей книге чего-то нужного, наиболее важного, наиболее в Вас любимого... Я не нашел в ней мистерии, я не вижу в ней Андрея Белого — теурга, Андрея Белого — христоролюбца. Христа я не нашел в ней... Вот предо мной Андрей Белый — художник, лирик, сновидец, — и вот новый Андрей Белый (он ли?) — частью, и главную частью, своего нового облика агностик, — частью теософ (не теург!). Мне тоскливо и страшно. Что-то расстилается светлою гладью, как воды или лед при луне. Это, может быть, болото... Христос да бу-

<sup>183</sup> Публикация третьей «симфонии» Белого «Возврат. III симфония» состоялась в середине ноября 1904 г. (на титульном листе: М.: Гриф, 1905).

<sup>184</sup> Ивановы собирались вернуться в Москву начиная с конца сентября (ст. ст.) 1904 г., однако выехали из Женевы лишь 20 марта (видимо, ст. ст.) 1905 г.

<sup>185</sup> Имеется в виду «Симфония (2-я, драматическая)» (М.: Скорпион, 1902), литературный дебют Андрея Белого; она вышла в свет в апреле 1902 г. «Северная симфония (1-я, героическая)» (М.: Скорпион, 1904) вышла в свет в октябре 1903 г.

<sup>186</sup> Рецензия Брюсова на «Возврат» впервые была опубликована в «Весах» (1904. № 12. С. 59–60). Перепечатана в: *Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев; вступ. статья и коммент. Н. Богомолова. М., 1990. С. 126–127.*

дет с Вами. Привет другу Эрну<sup>187</sup>. Привет Кречетову<sup>188</sup>: спасибо ему за «Гриф».

Ваш Вяч. Иванов.

**Николай, архиепископ Токийский и Японский.**  
**Дневник**<sup>189</sup>

[4.03.1905]

4 (17) марта 1905. Пятница.

Отправлено по большому ящику книг из Миссийской запасной библиотеки военнопленным в Даири и Фукуока, на Киусиу, с письмами в то и другое место — хранить бодрость духа, неграмотным: учиться грамоте; буквари обещаны<sup>190</sup>.

<sup>187</sup> В. Ф. Эрн гостил у Ивановых в Швейцарии в начале 1905 г. 3 января 1905 г. Иванов сообщал Брюсову: «В наше уединение допущен был любимый нами Вл. Эрн». (Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 470). В последние годы жизни Эрн жил в московской квартире Ивановых, где и умер (от нефрита). 15 июня 1921 г. в беседе с М. С. Альтманом Иванов отметил: «Вы говорите о влиянии на меня Вл. Соловьева; да, он, конечно, влиял, но мало: больше гораздо на меня влиял Вл. Эрн» (Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подг. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 68). В мемуарах Белый писал об Эрне: «Он в ряде годин Вячеславу Иванову — верил; мне — нет» (Начало века. С. 298).

<sup>188</sup> Сергей Кречетов (Сергей Алексеевич Соколов, 1878–1936) — юрист по профессии, поэт, прозаик, владелец издательства «Гриф», редактор журнала «Искусство» (1905), литературно-критического отдела журнала «Золотое руно» (в первой половине 1906 года), журнала «Перевал» (1906–1907). Иванов просит поблагодарить его за присылку третьей книги «Альманаха книгоиздательства “Гриф”», которая вышла в свет в Москве в марте 1905 г. В альманахе были опубликованы два цикла стихов Белого — «Тоска о воле» и «Идиллия» (С. 9–22).

<sup>189</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870–1912).

<sup>190</sup> Из воспоминаний мичмана Ивана Дитлова: «Во всей Японии ведутся занятия с пленными нижними чинами. Это инициатива начальника Русской Духовной миссии в Токио епископа Николая». Дитлов И. В походе и бою на броненосце «Адмирал Ушаков». СПб., 2019. С. 87.



Василий Ямада<sup>191</sup> из Военного Министерства принес расписание, куда, по каким городам размещены будут военнопленные, взятые в Мукденских боях<sup>192</sup>. Всех вновь взятых военнопленных 52 694 человека<sup>193</sup>! Боже Ты наш! Вконец Ты оставил нас, потому что мы прежде оставили Тебя! Отъял Ты помогающую руку Свою и предоставил нас собственной гордости и силе нашей, и — вот она, сила наша, — в прах мы повержены! Но да будет это наказанием от любящего Отца! Пробуди в нас дух смирения и воспламени ревность к исполнению заповедей Твоих!.. Нет меры печали, но избави от отчаяния и уныния!

**Николай, архиепископ Токийский и Японский.**  
**Дневник<sup>194</sup>**

[6.03.1905]

6 (19) марта 1905. Воскресенье — первое Великого Поста.

Я совершал Литургию с тремя иереями и рукоположил диакона, служившего доселе проповедником в церкви города Такасаки, Иоанна Оно<sup>195</sup>, в иерея.

По окончании Литургии я отошел в боковой придел облачатся, а иереи вышли на средину церкви совершать благодарственный молебен за Мукденскую и уже дальнейшие победы. Что ж, они право [имеют] на то.

<sup>191</sup> Василий Ямада работал в переводческом отделе миссии. Он автор книги «Религия и красота природы».

<sup>192</sup> В ходе сражения японцами было пленено 21 100 русских военнослужащих.

<sup>193</sup> На август 1905 года число русских военнопленных в Японии достигло 71 272 человека. Они находились в специальных приютах, для них издавали в 1905—1906 годах газету «Япония и Россия». К началу февраля 1906 года в Россию на пяти судах Доброфлота из плена вернулись 10 генералов, 2 адмирала, 1 066 офицеров, 51 330 солдат и 8 783 матроса. В середине февраля 1906 года в Россию были отправлены последние пленные.

<sup>194</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870—1912).

<sup>195</sup> Иоанн Оно (Киити Ямадзаки, 1872—1956) — будущий епископ Токийский и Японский (1941—1954), в 1941 г. принял монашеский постриг под именем Николая.

После обеда я делал каталог книг, отправляемым из запасной Миссийской библиотеки военнопленным в Хаматера.

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>196</sup>**

[8.03.1905. Москва — СПб.]

Дорогой Саша! Получил твою открытку только позавчера. Мы вчера переехали, и теперешний наш адрес такой: угол Пречистенки и Еропкинского пер., д. Сорокиной, кв. 15.

Очень прошу тебя: непременно побывай, когда будешь проезжать через Москву<sup>197</sup>. Очень хочется с тобой поговорить и, если можно, дать поручение на Кавказ, да и несколько утилизировать твои литературные силы. Между прочим, не можешь ли ты найти след «псевдосоловьевца» Турчанинова<sup>198</sup>? Он как будто был бы подходящим человеком. Дела наши идут. Мы работаем. Когда будешь ехать, дай наперед знать открыткой.

**Л. И. Шестов<sup>199</sup> — Ф. И. Ловцкой (Шварцман)<sup>200</sup>**

[10.03.1905. Киев].

Мы переживаем в высшей степени тревожное время. Каждый день приходят телеграммы о беспорядках — в России, на Кавказе, в Польше. Вчера разграбили Ялту и т. д.

<sup>196</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 149.

<sup>197</sup> Ельчанинов встретился с друзьями, судя по тому, что перед отъездом из Москвы 13 марта 1905 г. в письме пояснял Флоренскому: «Вход с Пречистенки через писчебумажный магазин» (Архив семьи Флоренских).

<sup>198</sup> Однокурсник Эрн по Московскому университету. — *В. К.*

<sup>199</sup> Лев Исаакович Шестов (Иегуда Лейб Шварцман, 1866–1938) — российский философ и литератор, представитель русского религиознофилософского возрождения начала XX в. Свою философию в разное время определял как религиозную и экзистенциальную. — *В. К.*

<sup>200</sup> Печатается с комментариями по: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова по переписке и воспоминаниям современников. Т. 1. Париж, 1983. (Далее: *Баранова-Шестова*, 1983). С. 79.

Фаня Исааковна Ловцкая (урожд. Шварцман) — сестра Шестова.

Чем все это кончится — не знаю, но хорошего в таком положении вещей мало. К лету, верно, еще хуже будет...

Мой «Апофеоз» встречен очень недружелюбно «Русскими Ведомостями»<sup>201</sup>! Айхенвальд говорит, что я размываю свое несомненное литературное дарование, которое он усмотрел в предыдущих книгах, на литературный флирт. Советует мне «спокойно» изложить, что мне нужно. И я должен признать, что он был добросовестен и даже прав — в меру, конечно, своего разумения. Он сам ведь тоже пишет и переводит, а обходится без «необыкновенных», как он выражается, идей. Его особенно рассердили афоризмы о Ксантиппе и Сократе, об отрыжке и затем 16 (из первой части). Я их считаю, наоборот, самыми удачными, конечно, вперед знал, что «критика» обозлится.

Был еще фельетон в провинциальной газете — одного студента<sup>202</sup>, ученика Челпанова<sup>203</sup>, под названием «Скользкий путь»<sup>204</sup>. Тот не бранится, но предостерегает, в полном убеждении, что я сам и не подозреваю, как рискованна беспочвенность. Словом, пока неудача. Бердяев собирается писать — но уже два года. В «Весах», по-видимому, тоже готовятся отомстить мне за Мережковского<sup>205</sup>.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной**<sup>206</sup>

[15.03.1905. СПб.]  
15/III-05

<sup>201</sup> Ю. А. [Ю. И. Айхенвальд]. Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности // Русские ведомости. 7 (20) марта 1905. № 63. С. 3—4.

<sup>202</sup> Василий Васильевич Зеньковский (1881—1962) — философ, богослов и педагог.

<sup>203</sup> Георгий Иванович Челпанов (1862—1936) — философ и психолог.

<sup>204</sup> Правильно: «На скользком пути».

<sup>205</sup> В годовых комплектах журнала «Весы» за 1905—1909 гг. отзывают на книгу Шестова «Апофеоз беспочвенности» не найдено.

<sup>206</sup> Печатается с комментариями по: Письма Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной / Публ., предисл. и коммент. В. Н. Быстрова // Еже-

Приходите сегодня к Сологубу<sup>207</sup>. Мне хочется Вас видеть. Слышу, как Вы спрашиваете, оставив на меня любопытные пристальные глазки: «Зачем я вам?» Не знаю зачем. Мне с Вами весело, просто весело. Мне хочется с Вами играть, шалить, как мальчишки играют шалют с девочками. Неправда ли — это довольно смешно и даже глупо со стороны почтенного педанта, книжника; «благословенного» ehermaitg'a<sup>208</sup>, а? Но что же делать? Иногда довольно приятно глупеть.

Хотелось бы играть с Вами в пятнашки, как мудрому кентавру Хирону<sup>209</sup> с маленькой беленькой нимфою Бэлою<sup>210</sup>,

---

годник Рукописного отдела Пушкинского дома за 1991. СПб., 1994. (Далее: *Быстров*, 1994). С. 213–214.

Людмила Николаевна Вилькина, (урожд. Изабелла Вилькен, в замужестве Виленкина, 1873–1920) — русская поэтесса, писательница, переводчица, публицистка, литературный критик. Часть произведений опубликовала под псевдонимом Никита Бобринский. Была второй женой поэта-символиста Н. М. Минского (Виленкина). В разные годы Л. Н. Вилькину связывали дружеские отношения с В. Брюсовым, Н. Бердяевым, К. Бальмонтом и др. Подробнее о Л. Н. Вилькиной см.: *Брюсов В. Я.* Письма к Л. Н. Вилькиной / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1973 год. Л., 1976. С. 126–135.

<sup>207</sup> Федор Кузьмич Сологуб (Тетерников, 1863–1927) — поэт, писатель, переводчик. Как и Мережковский, принадлежал к старшему поколению символистов. — *В. К.*

<sup>208</sup> Наставника, мастера (*фр.*).

<sup>209</sup> Хирон — мифический полубог, сын Кроноса, самый выдающийся из кентавров, полулюдей-полуконей, обитавших в горах и лесных чащах; почитался в Греции как мудрое существо, в лице которого нашли олицетворение целительные и облагораживающие силы природы. О кентавре Хироне, который «мудростью превосходил всех людей», Мережковский упоминает в новелле «Святой Сатир», где воссозданы картины «золотого века» языческих богов (См.: *Мережковский Д.* Любвь сильнее смерти. 2-е изд. СПб., 1904. С. 140).

<sup>210</sup> В письмах Мережковский почти всегда называет Л. Н. Вилькину «Бэлой». Так звали ее в кругу близких (первоначальное имя Вилькиной, до принятия в 1892 г. православия, — Изабелла). Ср. в ее сонете «Я»: «Мне с малых лет прозвание дали “Бэла”, / Хоть в память я Людмилы крещена» (*Вилькина Л. (Минская).* Мой сад. Сонеты и рассказы. М., 1906. С. 22).

на темно-зеленой лужайке<sup>211</sup>, окруженной стеною исполинских древних черных кипарисов, и чтобы это было за тысячи верст, за тысячи лет и еще дальше, дальше — в Золотом веке — во сне<sup>212</sup>. Я отлично И если бы я Вас ласкал, то ласки мои были бы невинны и легки, как трепетания крыльев пойманной бабочки<sup>213</sup>. И Вы никогда из ласк моих так и не узнали бы, влюблен я в Вас или не влюблен... Я отлично понимаю, что к золотому веку от нашего века булыжного все пути заказаны, что мы оба не дети, а взрослые, что Вам все это не нужно и, наконец, даже скучно. Ну, что ж, и поскучайте! Мне все равно. Я не боюсь, когда со мною кому-нибудь «скучно». А если не желаете скучать, то уходите. Мне все все равно. Вы мне решительно ничем не можете помешать...

Если не придете сегодня, то приходите завтра на мое чтение. Посылаю Вам билет.

Д. Мережковский

Р. S. Будьте добренькой, Бэла, Бэлочка милая, скажите, от кого Вы вчера получили «страстное» письмо. Мне ужасно любопытно. Неужели от Бердяева!? Скажите, хотя бы для того, чтобы убедиться, что я умею хранить тайны.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>214</sup>**

[*Март 1905 г.*]<sup>215</sup>

<sup>211</sup> Ср. в стихотворении Л. Н. Вилькиной «В лесах»: «Я на ковре из трав темно-зеленых. Не сплю, но вижу чащи пестрый сон...» (Там же. С. 35).

<sup>212</sup> Мотивы «грёз», «сновидений», ухода в воображаемый мир весьма характерны для лирики Л. Н. Вилькиной; ср., например, в стихотворении «Влюбленность»: «Любовь — как смерть. Влюбленность же — как сон. / Тот видит сновиденья, кто влюблен» (Там же. С. 43).

<sup>213</sup> Здесь также отчетливо ощутимо стремление Мережковского как бы воплотить тот образ отношений, который жил в поэтическом сознании Л. Н. Вилькиной; ср.: «От смертных жал бегу к своим мечтам / И легкие ишу прикосновенья...» («Обладанье» // Там же. С. 47); «Боюсь скреплять желаний тайный круг» («Не любовь» // Там же. С. 44).

<sup>214</sup> Печатается с комментариями по: Быстров, 1994. С. 215.

<sup>215</sup> Датируется по содержанию, а также по сходству конверта с письмом от 5 марта 1905 г. (таких белых конвертов среди сохранившихся — всего два).

Эти дни думал о Вас много. С Вами потому трудно играть, что игра для Вас слишком безопасна. Вы влюблены в себя, и другие люди служат Вам только зеркалами, в которые Вы на себя любуетесь, а зеркало — игрушка слишком безопасная<sup>216</sup>. Игра же становится увлекательной только по мере опасности для обеих сторон.

Я в Вас еще (или уже?) не влюблен, но если бы и влюбился, то не знал бы, в кого — в Вас, живую, или в призрак, созданный моею собственною жаждой влюбленности.

Хотел бы видеть Вас, но боюсь посторонних людей — у меня ребяческая застенчивость и неуклюжесть.

Не встретимся ли завтра в четверг в 5 часов на выставке в Академии Художеств<sup>217</sup>?

Д. Мережковский

**Андрей Белый — Вяч. И. Иванову<sup>218</sup>**

[16.03.1905. Москва]<sup>219</sup>

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович!

Мне было так несказанно приятно получить от Вас письмо, тем более что я последнее время много думал о Вас. Скоро ли Вы приедете в Москву? Мне говорил Эрн, что Вы собираетесь. Жду Вас с нетерпением. Спасибо за отзыв о «Возврате», столь для меня лестный. Что касается до настроения, то Вы совершенно правы<sup>220</sup>. Оно объясняется угнетенным настрое-

<sup>216</sup> Этот образ, возможно, навеян рассказом З. Н. Гиппиус «Зеркала» (1896).

<sup>217</sup> В начале марта в Академии художеств открылась традиционная «весенняя» выставка, на которой были представлены живописные и скульптурные работы. На следующий день Мережковский послал Вилькиной записку: «Как хотите. Но я Вас буду ждать сегодня в 5 часов в Академии. Д. Мережковский» (РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. Ед. хр. 882. Л. 116).

<sup>218</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов, Малмстад*, 2015. С. 42–43.

<sup>219</sup> Датируется по почт. шт.: Москва. 16 марта 1905. Отправлено по адресу: В Швейцарию. Женева. Suisse. Près [de] Genève. Chatelaine. Villa Java. A monsieur Venceslaus Ivanov.

<sup>220</sup> В оригинале описка: *право*.

нием, которое мне пришлось переживать в те дни. «Теософский» налет (а не теургический) здесь явен<sup>221</sup>. Но я не разделяю теперь ни настроений, ни взглядов, здесь выраженных. Это просто объективное описание жизни прогрессивно-паралитика с постоянно дwoящимся отношением к действительности. Правда: дается намек, что все это призрачно, но за призраком остается нераскрытой «непризрачная» сторона Симфонии. Сказать по правде: я не знаю и по сию пору, кто настоящий диавол Симфонии. Ценх или Орлов. Кажется, Ценх только агент Орлова, и вся борьба между ними только заученная пантомима заговорщиков, собирающихся погубить действующее лицо (Хандрикова)<sup>222</sup>. В настоящее время в Москве у нас все так трудно и сложно в области интимного и, наоборот, радикально и просто во всем прочем<sup>223</sup>. С большим удовольствием читал Вашу статью за ее замечательный конец об орхестре как идеальном фокусе форм народно-

<sup>221</sup> К работе над третьей «симфонией» Белый приступил поздней осенью 1901 г.: в ноябре была написана ее первая часть, в декабре — вторая. См. в «Материале к биографии» о сентябре 1901 г.: «С этого месяца в нашем доме часто начинает появляться Павел Николаевич Батюшков (внучок поэта) и двоюродный брат А. С. Гончаровой; мы просиживаем с ним долгими вечерами и разговариваем о теософии, с которой я уже недурно знаком по книгам Безант и Ледбитера; он мне рассказывает о Миде, о злобах дня теософского Общества; я раза 2 в неделю бываю у А. С. Гончаровой, с которой все более и более связывают меня ноты внутреннего развития; “Путь Посвящения” становится зовом души: сильнейшее впечатление производит “Свет на пути”; и все то, что мне рассказывает Гончарова, как комментарий к Бхагават-Гите» (*Белый А.* Автобиографические своды, 2016. С. 69). И о ноябре того же года: «В этот месяц укрепилась моя дружба с Гончаровой и Батюшковым; теософские разговоры с последними отразились на симфонии “Возврат” (идея спиральности путей)» (Там же. С. 72).

<sup>222</sup> Действующие лица «Возврата». Доцент химии Ценх преследует лаборанта Евгения Хандрикова, героя «симфонии», а доктор-психиатр Орлов как будто защищает его от Ценха в своей санатории. В конце «симфонии», после того как Орлов едет за границу, Хандриков кончает жизнь самоубийством (опрокидывает лодку и тонет в озере).

<sup>223</sup> Ср. запись о марте 1905 г. в «Материале к биографии»: «В воздухе стоит атмосфера революции; всюду — ряд митингов, банкетов, собраний, лекций» (Там же. С. 112).

го голосования<sup>224</sup>. Приблизительно к таким же результатам и я пришел в последнее время, рассматривая вопрос об отношении Церкви к государству. Надеюсь, мы увидимся скоро. Остаюсь глубоко уважающий Вас и искренне Вас любящий Борис Бугаев.

Р. С. Эрн просит передать Вам свой привет и уважение.

### П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну<sup>225</sup>

[19.03.1905. Сергиевский Посад]

Сергиев Посад, 19 марта 1905 г.

Дорогой Володя! 1) У меня в руках письма некоего диакона, повествующего о преследованиях его за обличение весьма опасных вещей. Могу дать для напечатания (это интересно) каким хотите способом. Желаете? Но подлинник прислать не могу, так как может пропасть, не знаю только, когда смогу переписать. Думаю, что для Вас они весьма важны. 2) Могу дать для печати письмо отца Серапиона (которое Вы читали)<sup>226</sup>, но хотелось бы присоединить еще кое-какие документы и биографию. Хотите?

<sup>224</sup> Имеется в виду конец статьи Иванова «Вагнер и Дионисово действо», опубликованной во втором (февральском) номере «Весов» за 1905 г.: «Борьба за демократический идеал синтетического Действа, которой мы хотим и которую мы предвидим, есть борьба за оркестру и за соборное слово. Если всенародное искусство хочет быть и теургическим, оно должно иметь орган хорового слова. И формы всенародного голосования внешни и мертвы, если не найдут своего идеального фокуса и оправдания в соборном голосе оркестры» (*Иванов В.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 85).

<sup>225</sup> Печатается с комментариями по: Переписка П. А. Флоренского и В. Ф. Эрна / Публ. и коммент. Н. Н. Павлюченкова // Русское богословие: исследования, материалы. М.: ПСТГУ, 2014. (Далее: *Павлюченков*, 2014). С. 211.

<sup>226</sup> Письмо, о котором идет речь, было опубликовано Флоренским в 1906 г. (См.: Письма и наброски архимандрита Серапиона Машкина // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 174–220). В письме о. Серапион выска-



Попросите Свенцицкого одолжить мне нужные для работы книги<sup>227</sup>: 1) Виндельбанд: Историю философии, перевод Рудина<sup>228</sup> и 2) Виндельбанд. История новой философии<sup>229</sup>. Если можете доставить с кем-нибудь, то тогда пришлите и оставленную мною у Свенцицкого (для [нрзб]) *Encyclopedie de Mathematique...* [нрзб] (какие-то выпуски у Вас на квартире, он просил взять их). Если же не можете, то *Encyclopedie* оставьте покуда, а те две книги пришлите бандеролью, пожалуйста.

У меня много было всякого горя. В числе других обстоятельств смерть отца Серапиона<sup>230</sup>.

Ваш П. Ф.

**П. А. Флоренский — О. П. Флоренской**<sup>231</sup>

[21.03.1905. *Сергиевский Посад — Тифлис*]

Дорогая мамочка!

---

зывал свои философские и политические взгляды и приглашал Флоренского к себе в Оптину пустынь, где он жил на покое официально с 1900 г., а фактически более-менее постоянно примерно с 1903 г. «У Вас математика, — писал Машкин Флоренскому в декабре 1904 г., — у меня философия. Вдвоем мы — сила. А теперь именно такое время, когда уже нужна новая система. Старые отжили, новых нет, а запросы велики в современном обществе» (*Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 223).

<sup>227</sup> В период с 1904 по 1908 гг. Флоренский особенно интенсивно работал над материалами, которые затем были им использованы для кандидатской (1908) и магистерской (1912) диссертаций и легли в основу «Столпа и утверждения Истины» (1914). Его интерес к немецкому философу-неокантианцу В. Виндельбанду в это время мог быть связан с изучением текста «Системы философии» Машкина, где Виндельбанд упоминается неоднократно и даются ссылки на его «Историю философии».

<sup>228</sup> См.: *Виндельбанд В.* История философии / Пер. с нем. П. Рудина. СПб., 1898.

<sup>229</sup> См.: *Он же.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / Под ред. проф. А. И. Введенского. Т. 1—2. СПб., 1902.

<sup>230</sup> Архимандрит Серапион (Машкин) скончался внезапно в ночь на 20.02.1905 в Оптиной пустыни.

<sup>231</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 149—150.

(...) Занятия в академии возобновились и экзамены, по-видимому, будут, но мы думаем послать в Синод петицию относительно церковных и школьных реформ. Ходят слухи, что скоро будет учреждено патриаршество и собран поместный Собор. Первое, однако, при современном положении дела едва ли желательно и будет переходом из огня в полымя, тем более что есть основания думать, что управление захватит в свои руки партия «антонианская» — сторонников и учеников Антония Волынского, односторонне понимающего интересы Церкви<sup>232</sup>. Во многом она очень хороша, по крайней мере в нее входят наиболее умные и светлые головы из русского монашества, но, как бы ни была хороша партия, раз она партия, то она тем самым изменяет духовной свободе и христианству и, значит, нежелательна, — в особенности же нежелательна в Церкви.

С нашим ректором я теперь разошелся — не то, чтобы поссорился, но просто отдалился от него, воспользовавшись отъездом. Дело в том, что во время наших беспорядков он проявил себя с таких сторон, которые, будучи вполне понятны и объяснимы психологически, по-моему, не оправдываются. От человека, от христианина, и тем более от епископа, я думаю, можно ждать иного, высоты духа. До поры до времени человеку нужно доверять вполне; но если он не хочет оправдывать доверия, то не остается ничего, как отойти, потому что тут уж ничего не поделаешь. Зато я все ближе схожусь с некоторыми из студентов — отчасти, из профессоров. Троицкого, о котором я писал тебе, непременно постараюсь привезти к нам, да и он хочет, если только позволят обстоятельства. (...)

---

<sup>232</sup> Антоний (Храповицкий, 1863–1936) — архиеп. Волынский и Житомирский (1902–1914), один из организаторов Союза русского народа (1905).

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>233</sup>

[22.03.1905. СПб. — Киев]  
1905.III.22

Как очень важное, посылаю это письмо, дорогой Петр Павлович, заказным. Общецерковное дело теперь в существенном известно Вам. Сегодня Митрополит Антоний<sup>234</sup> едет к Государю с адресом от лица «Архипастырей священников Русской Церкви» (так называется адрес) о восстановлении патриаршества, основанного на соборном начале. Известны нам все детали Синодского заседания после нашей записки.

Победоносцев прислал Митрополиту письмо, в котором высказывал свое большое неудовольствие по поводу благосклонного приема группы молодых священников, просил унять их и прекратить их колобродство. Письмо это, к счастью, понято было как внушенное личными интересами, о назначенном в квартире Митрополита Антония заседании Саблер<sup>235</sup> намеренно был не извещен. Составителем же протокола приглашен был некто Самуилов. (К слову сказать, мы были огорчены: не могли найти священника...) Пред самым началом заседания вваливается с большим портфелем Саблер. Антоний Храповицкий говорит Митрополиту Антонию:

«Когда крестьяне совещаются об освобождении от помещика, то ведь они не приглашают его к себе». — «Ну что же, не гнать же его», — сказал Митрополит. Оказалось, Саблер накануне заседания ездил к некоторым членам Синода, просил их оставить старый порядок, а Клименту<sup>236</sup> говорил

<sup>233</sup> Печатается с комментариями по: Балакшина, 2014. С. 301–303.

<sup>234</sup> А. Храповицкий.

<sup>235</sup> Владимир Карлович Саблер (1845–1929) — государственный деятель Российской империи, обер-прокурор Святейшего Синода (1911–1915).

<sup>236</sup> Климент (Верниковский, 1863–1909) — епископ Винницкий, викарий Подольской и Брацлавской епархии.

даже: «Ведь Вы всем обязаны мне». Началось заседание. Митрополит Антоний поставил вопрос: нужна ли автономия Церкви. Саблер просил слова и прочел присланную Победоносцевым записку, составленную Рункевичем, — подлую по своему содержанию: мы ее заслушали на минувшем заседании нашего кружка. Записка эта, сказали ему, не защита, а полный провал.

Тогда Антоний Храповицкий начал говорить горячую речь о неотложности освобождения Церкви. Голосовка началась с младшего, Климента. «Нужна, — сказал он. — Нужна. Нужна...» И вопрос решен единогласно. Патриархом намечен Митрополит Антоний. Владимир<sup>237</sup>, согласившись с предыдущим, настаивал на Москве как местожительстве патриарха. Собор для выбора патриарха назначен, по слухам, в Москве на май или июнь.

По словам епископа Антония, соборность в адресе понимается в широком смысле, т. е. с участием пресвитеров и мирян. Но мы ему не верим. У меня лично от прежнего пиетета к нему ничего не осталось, и на собраниях кружка я являюсь лицом, предостерегающим от этого епископа, по мнению которого Церковь — монашество. Неотложное наше дело в данную минуту — это добиться того, чтобы на первом же соборе были и пресвитеры, и миряне. «Не добьемся этого, — говорит, ныне уже архимандрит, Михаил (Семенов)<sup>238</sup>, — для последующих соборов это будет

<sup>237</sup> Владимир (Богоявленский, 1848–1918, расстрелян) — митрополит Московский и Коломенский (1898–1912), вполн. митр. Киевский и Галицкий, сщмч.

<sup>238</sup> Михаил (Семенов, 1873–1916) — архимандрит, магистр богословия, доцент СПбДА, духовный писатель-публицист, апологет. Был одним из 32 петербургских священников, публично выступивших за реформирование церкви, в 1906 объявил себя христианским социалистом, за что был Святейшим Синодом запрещен в служении, а впоследствии лишен сана. Деятельность архимандрита Михаила подвергалась резкой критике со стороны правых политических деятелей, которые концентрировали внимание на его еврейском происхождении. Разрабатывал учение

еще труднее...» Высказана была мысль деятельно работать в этом направлении. На следующее воскресенье отец Михаил представил нам все данные за то, чтобы на соборе были и пресвитеры, и миряне. Пойдем к Митрополиту. Будем печатать статьи в этом направлении. Постановлено просить и все другие города о возбуждении соответствующих петиций. Я по отношению к Киеву исполняю. Ты, пожалуйста, немедля передай нашу просьбу Зотиковичу и проси его дать ход делу. Петиции должны быть обоснованы. В Москву я пишу о том же Павлу Васильевичу Тихомирову.

Все Синодские чиновники, которые смеялись над нами, серьезно встухнули. Митрополиту пришлось успокаивать их: «И при патриархе найдется вам дело». Саблер теперь всегда говорит: «Я всегда стоял за восстановление патриаршества», хочет, говорят, быть референдарием при патриархе... В некоторых Петербургских газетах передается «достоверный слух» о выходе в отставку Победоносцева. Кстати, прочти в 46 № «Русского Слова» статью отца Петрова о нашем кружке и Саблере... Наш кружок ширится, но... заметно ухудшается: затесались люди, с нами ничего общего не имевшие; затесались, потому что наша взяла... В следующее воскресенье я говорю речь с просьбой постановить: только те могут быть членами кружка, кто подпишет приготовленные мною тезисы. Не подпишешь, ходи, слушай, но членом кружка не можешь быть. Какой же это союз пастырской взаимопомощи, когда в нем сидят на равных началах и «Московские Ведомости» и «Слово» и «Русь» и даже «Сын отечества»?

---

«голгофского христианства», сутью которого были свобода творчества, духовное обновление, совершенство, стремление к восстановлению на земле идеалов первохристианских общин. Сторонники этого учения считали, что путь к спасению, к «Новой Земле» (как аналогу Иерусалима небесного) лежит через Голгофу, а вся жизнь христианина должна быть постоянной Голгофой. В число организаторов группы сторонников «голгофского христианства» входил будущий священник Валентин Свенцицкий, этому движению сочувствовал Павел Флоренский.

Дорогой Петр Павлович, мы все — не говорю о себе — очень дорожим вашими письмами, содержанием которых по соответственным вопросам мы делимся на заседаниях. Между тем ты пишешь мало. От Зотиковича на последнее мое письмо ни привета, ни ответа... Уже не обиделся ли он? Спроси у него.

Сие строго между нами.

Над моею головой тучи собираются. Граф<sup>239</sup> называет меня Гапоном<sup>240</sup>. Но это еще не беда. Особенно мне тяжело то, что и... графиня<sup>241</sup> думает вызвать в Петербург Петра Павловича, чтобы он унял меня. Когда же узнала от меня, что моя последняя деятельность, включая сюда и литературную, известна Петру Павловичу и получает от него одобрение, совсем отчаялась возвратить меня к «прежнему» состоянию... Положение чрезвычайно тяжелое: лично мы по-прежнему дороги друг другу... Дело клонится к моему уходу из института<sup>242</sup>...

На 6-й неделе вся моя семья едет в Киев. Я буду в Киеве в мае. В июле будем в Лутове. В апреле получу от Николая Николаевича Неплюева окончательный ответ относительно журнала. От этого ответа зависит многое в моей личной судьбе.

---

<sup>239</sup> Николай Алексеевич Протасов-Бахметьев (1834–1907) — граф, почетный опекун Санкт-Петербургского присутствия опекунского совета учреждений императрицы Марии, главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии. Состоял попечителем Императорского Александровского лицея, член Государственного совета. — *В. К.*

<sup>240</sup> Георгий Гапон (Георгий Аполлонович Николов, 1870–1906) — священник, участник революционного движения. Был разоблачен, как агент охранного отделения и казнен эсером П. М. Рутенбергом. — *В. К.*

<sup>241</sup> Мария Акинфиевна Коновницына (урожденная Суковнина, 1856–1941) — графиня, главная надзирательница Рязанской Мариинской женской гимназии (1887–1892), начальница Киевского института благородных девиц, начальница Александровской половины Смольного института благородных девиц в Петербурге. Далее в письмах Аггеева упоминается как «графиня». — *В. К.*

<sup>242</sup> Смольный институт благородных девиц.

Вероятно, выставлю свою кандидатуру в Педагогический институт. Но все это лишь в глубине души...

Целую тебя, Анну Елисеевну и всех вас.

**И. П. Каляев<sup>243</sup> — великой княгине Елизавете Федоровне<sup>244</sup>**

[24.03.1905. Москва, Бутырская тюрьма]

Великая княгиня<sup>245</sup>,

<sup>243</sup> Иван Платонович Каляев (1877—1905) — поэт, член Боевой организации партии социалистов-революционеров. 4 февраля 1905 г. на территории московского Кремля бросил бомбу в карету великого князя Сергея Александровича, убив его и кучера. Был задержан полицией на месте преступления и помещен в одиночную камеру Бутырской тюрьмы. Особым присутствием Правительствующего сената он был приговорен к смертной казни через повешение. Каляеву настойчиво предлагали написать на имя императора прошение о помиловании, но он отказался. Казнен 23 мая 1905 в Шлиссельбургской крепости.

<sup>244</sup> Печатается по: Иван Платонович Каляев. б. м. 1905. С. 9—13.

<sup>245</sup> Елизавета Федоровна Романова (при рождении Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская, 1864—1918) — великая княгиня дома Романовых, супруга московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича (1857—1905), пятого сына Александра II, дяди царствующего императора Николая II.

7 февраля 1905 года директор Департамента полиции Алексей Лопухин по инициативе великой княгини организовал ее встречу с Каляевым. Она в тюрьме передала ему прошение от имени Сергея Александровича <Sic!>, оставила ему икону. Более того, Елизавета Федоровна подала прошение императору Николаю II о помиловании террориста, но оно не было удовлетворено.

Вскоре после гибели мужа продала свои драгоценности (отдав в казну ту их часть, которая принадлежала династии Романовых) и на вырученные деньги купила на Большой Ордынке усадьбу с четырьмя домами и обширным садом, где расположилась основанная ею в 1909 году Марфо-мариинская обитель милосердия (это не был монастырь в точном смысле слова, сестры обители занимались благотворительной и медицинской работой).

Отказалась покинуть Россию после прихода к власти большевиков, продолжая заниматься подвижнической работой в своей обители. 7 мая

После Вашего посещения я дважды просил у Вас свидания и оба раза безуспешно. Не считаю себя в праве входить в рассмотрение мотивов Вашего отказа, хотя в объяснение дальнейшего должен тут же отметить, что, по-моему, самый этот Ваш отказ от вторичного свидания плохо рекомендует бескорыстие первого. Но я на этом пока не настаиваю.

Как бы то ни было, я был вынужден до сих пор хранить в молчании то, что хотел давно сказать Вам вслед за Вашим посещением. Я был стеснен условиями дознания, но теперь, когда имя мое установлено и почерк мой известен, я считаю долгом своей совести и чести изложить в настоящем письме к Вам все то, что имел в виду заявить на несостоявшемся втором свидании с Вами.

Ваше посещение, имевшее место при интимной обстановке, 7-го февраля, было для меня такой неожиданностью. Я не звал Вас, Вы сами пришли ко мне. Вы пришли ко мне со своим горем и слезами, и я не оттолкнул Вас от себя, непрошенную гостью из вражьего стана. Вы были так беспомощны в несчастье, быть может, впервые постучавшемся в Ваше сердце с криком ужаса жизни, который нас всех окружает. Вы были так бессильны в ничтожестве своего развенчанного величия перед лицом карающего рока.

Впервые член императорской фамилии склонил перед народным мстителем свою голову, отягченную преступлениями династии.

Но я не оттолкнул Вас от себя и по другим, более интимным побуждениям. Вы разделили со мной успех моего дела. Будь Вы в карете, Вы так же погибли бы. Но лишение вас

---

1918 года, на третий день после Пасхи, в день празднования Иверской иконы Божьей Матери, патриарх Тихон посетил Марфо-Мариинскую обитель милосердия и отслужил молебен. Через полчаса после отбытия патриарха Елизавета Федоровна была арестована чекистами и латышскими стрелками и сослана вместе с сестрой обители Варварой Яковлевой. Приняла мученическую смерть вместе с другими членами семьи Романовых и инокиней Варварой (сброшены живыми в шахту). Прмц.



жизни не входило в план действия Боевой Организации, и Ваша смерть была бы ненужной случайностью, против которой Организация шла обдуманно<sup>246</sup>. С этой точки зрения интересов Организации, я, тая в себе ненависть ко всему царствующему дому, думал о Вас, «молился за Вас». Да, я молитвенно не желал вашей гибели в той же степени сознания, в какой я сделал все, от меня зависящее, для того, чтобы обеспечить себе успех нападения на великого князя. То обстоятельство, что Вы остались в живых, это также моя победа, которой, после убийства великого князя, я был рад вдвойне.

Вы знали об этом, и мне думалось с первого же момента свидания, что за личиной христианского смирения, с которым Вы пришли ко мне, в Вашей душе скрывалось самое обыкновенное земное чувство благодарности к судьбе за сохранение Вашей жизни. Недаром Вы убеждены, что все люди эгоисты. Не это ли чувство благодарности испытывали Вы, когда Вы сжимали мне ту руку, от которой, кто знает, будь Вы в карете, и Вы могли бы погибнуть вопреки всем моим расчетам... Не говорило ли в Вас то же самое, тайное, хотя бы и беспредметное, чувство, когда Вы заявляли мне о своих «молитвах» за меня, в которых я, счастливый Ваш враг, и не нуждался ...

Что же касается меня, то я охотно признаюсь, что моя «молитва», это явствует из вышеизложенного, была самого земного свойства. Отсюда ясно, что в моем выражении «молился» — нет ничего такого, что могло бы подать повод к обольщению насчет твердости моих убеждений. Да, я действительно «молился» за успех моей партии, как пред-

---

<sup>246</sup> 2 февраля 1905 года Каляев не бросил бомбу в карету, потому что увидел, что рядом с Великим князем сидят его жена и малолетние племянники. Фраза Каляева о том, что в случае решения организации он бросит бомбу в карету, не считаясь с тем, кто в ней будет находиться, была продиктована необходимостью отдать должное партийной дисциплине; Каляев хорошо понимал, что решение убить всю великокняжескую семью организацией принято никогда не будет.

ставительницы народа в борьбе с самодержавием. Я отдал всего себя делу борьбы за свободу рабочего народа и все мои страдания и надежды облек в ненависть к самодержавию. В этом смысле дело Боевой Организации 4-го февраля было и моим личным делом, и я исполнил его с истинно религиозной преданностью. В этом смысле я религиозный человек, но моя религия — социализм и свобода, а не мрак и насилие. Моя религиозность против вас, а не с вами, что я доказал делом 4-го февраля.

Вы это хорошо почувствовали, несколько раз умолкая в страхе перед моими резкими репликами Вам всякий раз, как разговор переходил на почву убеждений, и недаром Вы с покаянной грустью признали то чудовищное зло насилия, против которого мы вынуждены бороться бомбами. В этом признании я видел признание моей победы, покаяние Вашей совести в преступлениях великого князя, и вот почему я не отказался принять от Вас иконку (но не целовал ее, как изображено в газетах... бррр...)

Я был к Вам сострадателен, как виновник вашего человеческого страдания, я был снисходителен к Вашему религиозному суеверию, как победитель на вершине счастья. Да, я жалел Вас, я не желал растравлять Вашу рану признаниями о Вашем изверге-муже, я щадил Вас именно как победитель. И я не думаю, чтобы Вы, уходя со свидания, не могли почувствовать этого. Я вообще немножко романтик в чувствах, а тогда к тому же был так счастлив. Из моего разговора с Вами Вы могли явственно понять, что Вы имеете дело с человеком, вполне сознательно, по чувству и по убеждению, действовавшим против великого князя.

Но я не желал говорить с Вами о личности великого князя и о мотивах исполненного над ним приговора, ибо об этом я буду говорить на суде. Я не представил бы Вам и настоящего моего объяснения, столь неприятного для Вас, если бы к тому не принуждало меня и для меня не совсем приятное обстоятельство — появление в печати известия о принятии мною иконки в тенденциозно-

оскорбительном для меня освещении. Не будь этого нового для меня обстоятельства, и мое объяснение оказалось бы не нужным до суда, ибо, если у кого-либо (конечно, кроме Вас) и могли зародиться втайне обольщения насчет корыстности принятия мною иконки (при отсутствии точных данных о нашем разговоре на свиданьи), то по ходу дознания, а также на суде, для всякого стала бы очевидной полная неосновательность подобных обольщений.

Но оставим пока в стороне вопрос, как это случилось, какие интриганы, несомненно из-за каких-то расчетов, опубликовали сведения о нашем свидании<sup>247</sup>, как о каком-то торжестве православия, и, скрыв самое существенное, открыли простор самым вольным толкованиям о характере нашего свидания. Под личиной безобидного извещения о «факте», они бросили в публику семя клеветы и тревоги за честь революционера. Они пожелали, быть может, скандализировать мое имя, с благословения цензуры и двора, но плохую услугу оказали они Вам: они скандализировали и Вас. Я не звал Вас, Вы сами пришли ко мне: следовательно, вся ответственность за последствия свидания падает на Вас. Наше свидание произошло, по крайней мере с наружной стороны, при интимной обстановке. Все то, что произошло между нами обоими, не подлежало опубликованию, как нам одним принадлежащее. Мы с Вами сошлись на нейтральной почве, по Вашему же определению, как человек с человеком, и, следовательно, пользовались одинаковым правом инкогнито. Иначе как понимать бескорыстие вашего христианского чувства? Я доверился Вашему благородству, полагая, что ваше официальное высокое положение, Ваше личное достоинство может служить гарантией, достаточной против клеветнической интриги, в которую так или иначе были бы замешаны и Вы. Но Вы не

<sup>247</sup> Министру внутренних дел Лопухину содержание разговора стало известно в тот же вечер, и описание визита великой княгини было через Российское телеграфное агентство передано в газеты.

побоялись оказаться замешанной в нее: мое доверие к Вам не оправдалось.

Клеветническая интрига и тенденциозное изображение нашего свидания налицо. Спрашивается: могло ли произойти и то, и другое помимо Вашего участия, хотя бы пассивного, в форме непротивления, обратное действие которому было обязанностью Вашей чести? Ответ дан самим вопросом, и я решительно протестую против приложения политической мерки к доброму чувству моего снисхождения к Вашему горю. Мои убеждения и мое отношение к царствующему дому остаются неизменными, и я ничего общего не имею какой-либо стороною моего «я» с религиозным суеверием рабов и их лицемерными владыками.

Я вполне сознаю свою ошибку: мне следовало отнестись к Вам безучастно и не вступать в разговор. Но я поступил с Вами мягче, на время свидания затаив в себе ту ненависть, с какой естественно я отношусь к Вам. Вы знаете теперь, какие побуждения руководили мною. Но Вы оказались недостойной моего великодушия. Ведь для меня несомненно, что это Вы — источник всех сообщений обо мне, ибо кто же бы осмелился передавать содержание нашего разговора с Вами, не спросив у Вас на то позволения (в газетной передаче оно исковеркано: я не объявлял себя верующим, я не выражал какого-либо раскаяния).

Но я ведь также заинтересованная сторона, если Вы, великая княгиня, изменили элементарному правилу частного свидания, нарушив интимность беседы. Я оказал уважение Вашему религиозному чувству, хотя бы и внешнее, — почему же Вы допустили оскорбление моего чувства снисхождения к Вам, зная, что защитить себя от наветов до суда я лишен всякой возможности.

Может показаться странным, что я протестую против гласности, против опубликования фактических данных. Но это представление ложное: я против тенденциозного освещения «фактов», против намеренной клеветы. Почему Ваши агенты умолчали обо всем, неприятном для Вас,

из моего разговора с Вами? Почему Вы не опубликовали моего признания Вам, что великий князь был убит, как вредный народу политический деятель, что я действовал против него сознательно, что мне не в чем раскаиваться, так как моя совесть чиста. Почему Вы не упомянули о том чувстве возмущения, с которым я говорил про войну, про жестокости правительства, почему Вы не опубликовали моего замечания, что если бы у меня была тысяча жизней, я отдал бы всю тысячу, что я исполню свой долг до конца... Все это скрыто от публики, сообщены безобидно одни «факты»...

В результате я получил незаслуженное оскорбление, но пусть моя жизнь, мое дело и мое поведение на суде и следствии свидетельствуют о моей честности.

Иван Каляев.

24-го марта 1905 г.

**Н. Н. Глубоковский<sup>248</sup> — В. В. Розанову<sup>249</sup>**

[26.03.1905]

1905 год, 26 марта

Достоуважаемый Василий Васильевич!

Опубликованные (не в полноте) сегодня сведения (за 26 марта) о духовной цензуре могли бы служить достаточным предостережением насчет того, чем грозит нам столь

---

<sup>248</sup> Николай Никанорович Глубоковский (1863—1937) — русский православный богослов, экзегет, патролог, историк Церкви. Наряду с А. П. Лопухиным один из редакторов Православной богословской энциклопедии. Главным предметом его изучения была жизнь и деятельность апостола Павла. — *В. К.*

<sup>249</sup> Печатается с комментариями по: Сосуд избранный: История российских духовных школ в не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также секретных документах руководителей советского государства. 1888—1932 / Сост., предисл., послесл., коммент. М. Складовой. СПб., 1994. С. 73—75.

Василий Васильевич Розанов (1856—1919) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист.

муссируемая монахами реформа в устройстве нашей церкви. Ведь в приведенных Вами (с моих слов) случаях поступил так сам Синод (в лице председателя митрополита Палладия) с Константином Петровичем Победоносцевым, который действовал во имя разума и в интересах знания<sup>250</sup>... Что же будет с духовной наукой при автономном патриаршестве? Нельзя не пожалеть, что в этом вопросе «Новое время» встало на неведомую (resp.<sup>251</sup> ложную) дорогу и по недоразумению защищает вождения верных «воздыханцев» (— кстати, и вдохновителем этого дела является именно Антоний Волынский, или «малый», величайший из принципиальных мракобесов, особенно «воздыхающий» о патриаршем «жезле»...). Здесь нужно иметь в виду следующее.

1) Сии монахи говорят о возвращении церкви к «богоустановленному» строю, но пусть кто-нибудь наперед докажет резонными доводами на основании писаний Нового Завета и истории апостольской церкви, что требуемый ими строй был учрежден Богом в лице Христа и освящен (санкционирован) апостольскою практикой. Предложите-ка этот вопрос отцам «воздыханцам» для гласного обсуждения, чтобы верующие слышали не жупельные устрашающие слова, а здравые соображения, доступные разумной проверке. Посмотрим, что тогда выйдет?..

2) Кто ссылается на пример новозаветно-апостольской истории, тот должен знать, что тогда церковь была еще вне государства, а отсюда следует, что в таком случае и теперь необходимо полное разделение между ними. Желают ли сего «воздыханцы» патриаршества, воздыхающие о всяком ордене, не говоря уже о звездах?..

3) В истории митрополитанская и патриархатная системы вырабатывались (слагались) в связи с государственным устройством и в зависимости от его задач, потому странно апеллировать к этому прошлому в интересах оправда-

<sup>250</sup> А напечатал он свой перевод тоже вопреки монахам своею властью в своей синодальной типографии. — *Прим. Н. Глубоковского.*

<sup>251</sup> Соответственно (*англ.*). — *В. К.*

ний лицемерных воздыханий об автономии со свободой от всякого государственного контроля.

4) Главное же в том, что — значит — патриархатая система исторически обусловлена, а вовсе не «богочужденная».

5) Следует ли желать восстановления при такой — единственно приемлемой — точке зрения? Для сего вспомните историю нашего патриаршеского периода и сравните с Синодальным: тогда для каждого беспристрастного наблюдателя едва ли будет вопросом, что это грозит нам умственным застоєм и моральною спячкой — и даже в сугубой, трегубой или какой угодно степени.

6) Знамения сего ясны. Заметьте, что предполагается собор монахов, которые будут выбирать патриарха сами из себя, с устранением даже белого духовенства, автономию которого они так ненавидят, что управление протопресвитера военного и придворного открыто зовут «протопресвитерскою церковью», т. е. чуть не еретическим... А что ожидать от монашества, несомненно должно быть для всякого, кто оглядывается кругом. Иерархия пала во всех отношениях и никак не может служить образцом даже благочестия или добродетелей... Это и понятно, если монашество стало не способом устройства своей нравственной жизни («созидания спасения»), а самым дешевым средством скверного ради прибавка... И разве нормально, что везде в церкви выдвигаются вперед не люди за свои достоинства, но балахоны известного черного цвета, хотя бы там скрывались не добродетели, о которых говорил Спаситель в обличительной речи против книжников фарисеев?... Как можно желать узаконения подобной противоестественности?... Духовная школа сверху донизу развращена монахами, и свет знания едва мерцает, причем могу Вас уверить, что для всех иноков наука есть величина только едва терпимая... парада ради... Белое духовенство и парализовано, и деморализовано, и напрасно бьется в этих тисках...

7) Неужели мало всех этих знамений?.. А ведь в основе всех рассуждений «воздыханцев» — чистейший папизм. Узурпи-

ровав в свою пользу епископию, монахи желают захватить в свои руки полное и бесконтрольное верховенство в церкви с устранением народа и с обречением белого духовенства на роль требоисполнителей. Но у нас не было и не ожидается талантов в монашестве, а потому вместо столь внушительного явления, каково даже современное папство, получается несмелая деспотия, — просто грубый произвол... В этом случае все речи о том, что тогда церковь больше будет служить благу верных<sup>252</sup>, и лицемерны, и коварны, причем церковь отождествляется именно с монашеством...

8) Ожидают, что при патриархе исчезнет чиновничий бюрократизм. Но а) последний в известной мере необходим и неизбежен; б) вспомните, что исторически было при наших патриархах и кто тогда правил церковными делами; в) о современном положении скажу, что здесь господствует: а) крайний формализм, доведенный до *nesesse ultra*<sup>253</sup>. Пример сего — к сожалению, — у всех нас в СПб «под носом». Либо б) совершенный произвол, не сообразующийся ни с какими законами и в) правителями везде являются личные секретари архиереев и секретари консисторий — вместе или порознь... *Tertium non datur*<sup>254</sup> — д) и едва ли можно указать, где бы царствовала истинно законная правомерность. Об этом вопиют камни.

9) Архиереи напрасно плачут об отсутствии у них власти. Напротив, этого у них слишком много, и для своих епархий они являются пастырями деспотами, которые часто и действуют с чистейшим вандализмом. Адресуйтесь-ка, например, к таврической епархии или к уфимской, когда там правил Антоний Волынский<sup>255</sup>, и что оттуда Вам ска-

<sup>252</sup> Разумею речь епископа Сергия при вручении архимандритского «жезла» известному Михаилу <Семенову>. — *Прим. Н. Глубоковского.*

<sup>253</sup> Сверхнеобходимо (*лат.*).

<sup>254</sup> Третьего не дано (*лат.*).

<sup>255</sup> О первой хорошо знаю по ежегодным личным наблюдениям, а о второй у меня было (а может быть, и теперь есть) огромное письмо, писанное



жут?.. Не будет ни сладу, ни спасения без особого контроля, а как его устранить?

10) Не есть ли обер-прокурор (по принципу) именно тот законный способ соучастия верующих в делах церковных? И если пастыри вопиют о выбираемом патриархе, то почему бы нам не мечтать о выбираемом обер-прокуроре (хотя бы под другим именем при нем?)

11) Вину своего порабощения монашествующими и монахоманами «церковь» напрасно сваливает на других. Этого никогда не случилось бы, если бы она делала дело Божие во имя Господне и не стремилась прикасаться ко всякому делу человеческого с какими угодно унижениями. Ведь было именно второе, откуда и величайшее падение всей монашеской иерархии, между коим чиновничество духовное безмерно [нрзб] всячески и не уступит никакому другому, вынося на себе всю работу церковно-административной машины.

12) Предлагаю Вам произвести еще один опыт насчет затаянных вожелений отцов «воздыханцев». Низшие и средние школы духовные служат, прежде всего, потребностям культа и должны находиться во владении [нрзб] последнего. Но высшая духовная школа обязана удовлетворять запросам знания и не связываться по существу с сословием и т. п. Было бы вполне законно вывести ее из «духовного затвора» на широкий простор для удовлетворения требований религиозной мысли, — например, в виде факультетов при Университетах и т. п. Опасения за судьбу иерархии нашей напрасны, ибо 1) она не связана (не должна быть связана) непременно с сословиями и 2) в автокефальных (восточных) церквях не оскудевает без академий. Итак: опростились бы печатно отцы «воздыханцы» о таком проекте, и по ответам мы узнали о помышлениях сердечных этих святителей и учителей...

---

кровавыми слезами... А ведь оба эти иерарха наиболее образованные и «культурные». — *Прим. Н. Глубоковского.*

Но довольно... Не достанет ли поминающу сие. Можно воспользоваться как и сколько угодно, но просил бы не упоминать, что это происходит от профессора какой-то Академии.

С истинным почтением

Н. Глубоковский

Прилагаю для сведения еще два документа, которые прошу вернуть мне с ранее посланными по истечении лично вашей надобности. О письме послушника замечу, что сообщается там, к сожалению, не монастырское исключение, а теория, которую исповедуют и практикующие ныне «воздыханцы».

Сейчас получил Ваше письмо и прибавлю несколько строк.

1) Написал я плохо — неразборчиво, ибо придавал значение не моим, случайно брошенным, замечаниям, а документам... Последних, впрочем, можно достать целую массу, и Вы увидели бы великолепные образцы и цензурского «индифферентизма» ко всему заветному, и владычные усмотрения, которые хуже всякого подозрения. За самое недавнее время (от 1904 г.) я знаю и могу документированно удостоверить факты, как здешние (Ваши напрасно восхваленные) цензоры запрещали перепечатывать в «Странник» заметки из официальных «Церковных Ведомостей» и... даже просто перечень заглавий разрешенных книг из «Православного Вестника»... Правду — значит — рассказывал мне бывший секретарь духовно-цензурного комитета, доселе здравствующий профессор Евграф Иванович Ловягин<sup>256</sup>, что министр Внутренних дел Валуев<sup>257</sup>, побывав самолично в здешнем духовно-инквизиционном чистилище, не удер-

<sup>256</sup> Евграф Иванович Ловягин (1822–1909) — богослов, профессор СПбДА, активный участник подготовки синодального перевода Библии. — В. К.

<sup>257</sup> Петр Александрович Валуев (1815–1890) — граф, государственный деятель, министр внутренних дел (1861–1868), разработчик земской реформы 1864 года, председатель Комитета министров (1879–1881). — В. К.

жался от восклицания, что такого учреждения он нигде не видывал... и никогда не предполагал.

2) Полагаю, что за цензуру Вы напрасно вините Константина Петровича<sup>258</sup>. Духовная цензура и ее представители подлежат непосредственному ведению Святейшего Синода, т. е. — прибавкой: «но эта сволочь за него Богу молитесь»... Сам я читал это в собственноручном дневнике митрополита Исидора и не понял лишь одного, что стоит и кем приемлется молитва сволочи?.. И где ее место, и как ей не быть? Ведь, например, в здешней Лавре вся власть из мужиков и «монастырского образования». Что же касается иерархии, то достаточно вспомнить Исидора (Колоколова). Последний в бытность инспектором здешней академии (вопреки всяким правилам, как и нынешний Феофан<sup>259</sup>, держался незаконно лишь ради монашества)<sup>260</sup> — помимо всего прочего занимался педерастией с одним студентом (Пинчуковским из гимназистов, потом кончившим Военно-Медицинскую Академию), как удостоверяет письменно этот последний<sup>261</sup>. по настоянию всех студентов Исидор

<sup>258</sup> К. П. Победоносцев. — *В. К.*

<sup>259</sup> Феофан (Быстров, 1873–1940) — архиепископ, инспектор СПбДА — *В. К.*

<sup>260</sup> 20 января 1893 г. Святейший Синод отозвал иеромонаха Исидора из Тифлиса в С.-Петербург, где его назначили исполняющим обязанности инспектора СПбДА. Из дневника начальника архива Святейшего Синода А. Н. Львова: «Исидор, пригодный только, быть может, для преподавания в духовном училище, взойдя на академическую кафедру, с апломбом заявил студентам о своем полном невежестве, что он может читать только по книге, что не будет в претензии, если студенты не будут ходить к нему на лекции, но будет преследовать тех, которые не пойдут в церковь, потому что это гораздо важнее всяких лекций, всякой науки. Студенты, пораженные этой развязностью, стали ему хлопать. Говорят, впрочем, что некоторые совершенно искренно». Википедия, статья Исидор (Колоколов). — *В. К.*

<sup>261</sup> 26 мая 1911 г. за «деяния, недостойные сана епископа», лишен кафедры епископа Михайловского. С этого времени проживал в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре. 19 октября откомандирован

был удален исключительно вмешательством Обер-Прокурора, но монахи нашли это несправедливым («велика штука побаловаться немного»: так говорил Антоний во-лынский) и скоро устроили его епископом-викарием черниговским, откуда он переведен в Нижний Новгород, где — даже по газетным известиям — творил дела неопи-суемые... Можно ли удивляться, что еще и ныне устроить женские обители посылаются опытные игумены, которые и действуют там не хуже «по отцам», а ничуть не прокура-туры. Значит, Константин Петрович должен быть вмешан-ным в чужую сферу, но ведь его и так винят во своевла-стии. Да и по опыту он хорошо знает, что значит иметь дело с «отцами» Синода, когда они чувствуют под собою почву: ведь именно им мы обязаны, что сначала духовную цензуру

---

в распоряжение епископа Омского с назначением местопребывания в Покровском общежительном монастыре, а 9 декабря назначен управ-ляющим Омским Покровским монастырем. В июне 1913 г. освобожден от управления монастырем с назначением местопребывания в Алек-сандро-Невском Филейском монастыре Вятской епархии. В декабре того же года перемещен в Трифоновский Успенский монастырь той же епархии. Прослужил там три года, но там оскандалился, возникло «дело епископа Исидора». В результате в 1916 г. указом Святейшего Си-нода направлен в Спасо-Каменный монастырь Вологодской епархии, где с него были сняты мантия и панагия и ему было запрещено слу-жить. Благодаря заступничеству митрополита Петроградского Пити-рима (Окнова) он был назначен управляющим на правах настоятеля Тюменского Свято-Троицкого монастыря, где ему довелось познако-миться с Григорием Распутиным, который часто посещал Тюменский монастырь, живя в Тобольской губернии. Распутин сделал возможным приезд епископа Исидора в Петроград и представил его императрице Александрой Федоровной, а через нее и императору Николаю II. В од-ном из писем к супругу Александра Федоровна упоминала: «Провела чудный вечер с нашим другом [Распутиным] и с Исидором (...) Он не-сравненно выше митрополита [Питирима] по духу, с Григорием один продолжает то, что начинает другой, — этот епископ держится с Григо-рием с большим почтением. Царило мирное настроение... — это была чудная беседа!» (Там же.). Расстрелян большевиками в Вятке 20 сентя-бря 1918 г. без суда. — *В. К.*

отняли от Академии, а потом оттуда выжили даже членов белого духовенства, чтобы сажать всяких сопливых монахов... Приведу от себя, что все документы касательно цензурного произвола были предъявлены председателю Синода, но он... взглянул на них лишь с точки зрения потешного анекдота... Повторяю, по данным духовно-цензурного произвола должно судить, чем грозит нам монашеская автономия...

3) О последней надо писать и писать энергичнее и скорее, ибо бороться будет невозможно... Монахи теперь широковещательно говорят даже о синодской конституции.

**Николай, архиепископ Токийский и Японский.**  
**Дневник<sup>262</sup>**

[27.03.1905]

27 марта (9 апреля) 1905. Воскресенье 4-е Великого Поста.

За Литургией много было христиан и порядочно причастников.

После Литургии заходили ко мне христиане из Акуцу и Мито, после был еще христианин из Касивазаки. Приятно всегда от провинциальных христиан слышать, что война не вредит церковному делу.

— При начале войны все думали, что Церковь разрушится, — говорил сегодня христианин из Акуцу, — а она по-прежнему благополучна.

— Не мешает ли война Христову делу у вас? — спросил я христианина из Касивазаки.

— Нисколько: война — одно, вера — другое, война — земное дело, вера — небесное; все это знают.

А до войны этого не знали и были убеждены, что православная вера, идущая из России, — пагуба для Японии.

<sup>262</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870—1912).

**В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>263</sup>**

[27.03.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Сегодня с Бугаевым и Соловьевым были у Рачинского<sup>264</sup> по поводу «Религиозно-философского общества», о котором я вам говорил. Дело очень налаживается. Все относятся горячо и деятельно. Решили уже в четверг<sup>265</sup> на этой неделе в 8 часов вечера устроить предварительное совещание у Рачинского. Будет несколько священников. Сообща и выясним, как и что. Очень просим приехать на это совещание — вас и Алексея Сергеевича. Это не моя личная просьба — а всех.

Совещание это важно. От него зависит, быть может, судьба всего дела. Пожалуйста, приезжайте — как-нибудь освободите этот вечер. Я буду очень вас ждать.

Всего доброго. Ваш В. Э.

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>266</sup>**

[2.04.1905. Москва — Тифлис]

Дорогой Саша! Будь так добр, — если Асатиани<sup>267</sup> в Тифлисе, сообщи мне поточнее его адрес. Писем на твое имя больше не получалось. После твоего отъезда у нас довольно много событий. 1) От Морозовой получили средства

<sup>263</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 151.

<sup>264</sup> Григорий Алексеевич Рачинский (1859–1939) — церковный и общественный деятель, философ, писатель, переводчик. В 1919 г. арестован как участник и один из организаторов Союза объединенных приходов г. Москвы, член исполнительного комитета совета Союза.

<sup>265</sup> 30 марта.

<sup>266</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 66–67; *Чертков*, 2017. С. 153–154.

<sup>267</sup> Михаил Михайлович Асатиани (1881–1938) — одноклассник П. А. Флоренского по 2-й Тифлисской гимназии, муж Ю. А. Флоренской, с которой разошелся в 1911 г. — *Прим. Н. Н. Павлюченкова*.

и будем получать<sup>268</sup>. 2) Технически наконец устроились<sup>269</sup>. 3) Во Владимире объявилась целая компания, которая просит приехать, чтобы устроить там отделение<sup>270</sup>. 4) Совокупными силами<sup>271</sup> Рачинский, Духовная Академия и наша компания открываем Религиозно-Философское Общество памяти Соловьева — где выступим с целым рядом рефератов на общественные темы, прения, широкий доступ публики. Уже есть духовенство, рабочие, радикалы и профессора. Пока все на частных квартирах, а параллельно с этим пойдут хлопоты об официальном разрешении<sup>272</sup>. Всего доб-

<sup>268</sup> Вопреки утверждению В. В. Розанова: «...Ее понесли бы на руках, покорми она из своего миллиона разных радикалистов. Она этого не сделала. Теперь ее клянут» (*Розанов В. В. Опавшие листья*. С. 441), настоящее письмо дает основания предполагать, что М. К. оказывала финансовую помощь ХББ и его изданиям. — В. К.

<sup>269</sup> Ср.: «На даче под Москвой была поставлена своя типография, в которой печатались воззвания. Первое из них было расклеено нами ночью по улицам Москвы — и надо было видеть лицо Францыча, когда он с свертком прокламаций, банкой клея и кистью в кармане уходил на это опасное предприятие!» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 601). «Эрн... рассказывал, как в студенческие годы в Москве он соединился с друзьями... Они наняли сарай, где работали и спали на дощатом полу с большими щелями. Там он страшно разболелся и нажил себе хронический нефрит» (*Иванова Л.* Воспоминания. С. 51).

<sup>270</sup> Отделение ХББ.

<sup>271</sup> При финансовой поддержке М. К. Морозовой. — В. К.

<sup>272</sup> «Помимо назревшей потребности разобраться в тех теоретических вопросах религии и философии, которые имеют первостепенное значение для жизни, Общество задается целью удовлетворить ту растущую духовную жажду, которая связана с повышенным темпом нашей общественной и политической жизни за последние годы.

Любопытна история его возникновения. Своим зародышем оно имеет религиозно-философскую секцию студенческого общества, возникшего по инициативе покойного кн. С. Н. Трубецкого. Эта секция, оказавшись наиболее жизненной из всех остальных секций студенческого общества, с большим оживлением работала в стенах университета 2 года. При этом бывало так, что заседания секции происходили почти еженедельно. Весною 1905 года (университет был уже закрыт) у группы лиц, составляющих ядро секции, явилась мысль выйти из тесных рамок сту-

рого, искренний привет Елене Викторовне и Марии Семеновне. Как у вас в Тифлисе, пожалуйста, напиши. Большой привет Флоренским, если их увидишь.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>273</sup>**

[*Вторая половина марта — первая половина апреля 1905 г.*]<sup>274</sup>

Суббота. 5 часов

«Свидания невозможны» (хотя не знаю, почему?), но возможны мимолетные случайные встречи, такие как в четверг.

Я сегодня буду на Портретной выставке<sup>275</sup>. Вы давно уже хотели быть там. Я отлично знаю, что Вы сегодня ту-

---

денческого кружка и организовать на широких началах Религиозно-философское общество. Эта мысль нашла живое сочувствие в тех кругах общества, которые были близки названной группе лиц; в несколько вечеров был составлен устав и немедленно же послан на утверждение; а пока устроено было первое неофициальное заседание нового Общества (с приглашенными гостями), на котором В. Ф. Эрн прочел реферат на тему “Христианское отношение к собственности”. После октябрьского манифеста Общество открылось явочным порядком. В одном заседании В. П. Свенцицкий прочел реферат под названием “Христианское братство борьбы и его программа”, а в другом Д. Д. Галанин прочел реферат под названием “Мирозозерцание русского народа до XVII в.”. Все три названных реферата вызвали оживленнейшие прения, которые были особенно интересны тем, что в них принимали участие, с одной стороны, духовенство, а с другой — представители крайних партий. Дальнейших заседаний не удалось устроить, вследствие того что явочным порядком собираться было уже нельзя, а утверждения устава все еще не получалось. Устав утвердили только в августе 1906 г., несколько времени шла подготовительная работа, и с ноября Общество открыло самую оживленную деятельность» (Б. а. Новое общество // Стрелы. 1906. № 1. С. 2).

<sup>273</sup> Печатается с комментариями по: Быстров, 1994. С. 215.

<sup>274</sup> Датируется по содержанию.

<sup>275</sup> Выставка русских портретов, организованная С. П. Дягилевым, открылась 8 марта 1905 г. в залах Таврического дворца. по словам рецензента,



да не пойдете именно для того, чтобы не встретить меня; но я все-таки буду ждать Вас в 10 часов вечера в зале Александра I (последняя зала). Это безумие? Ну что ж, мне ведь теперь остается надеяться только на мое и на Ваше безумие. О, будьте безумною! Недаром же в Ваших чудесных колдовских глазах проходят иногда искорки безумия. Не мудрый и «корректный» Аполлон, а безумный и «некорректный» — пьяный Дионис — Ваш бог!<sup>276</sup> Недаром же Вы любите шампанское. Моя безумная мечта пить с Вами вино. Хотите?

Я тоже колдун. Я очертил Вас очень широким кругом, но круг будет становиться все уже и уже, и мы опять встретимся, и Вы вернетесь ко мне, и Вы будете — не смею договорить безумного слова, — Вы пока слишком благородны, слишком «корректны». Я жду.

Я буду ждать Вас и сегодня. Если Вам скучно ехать одной так далеко (на хорошем извозчике всего 20 минут), я мог бы

---

«цель выставки — историко-художественная: воскресить историю русского портрета преимущественно в живописных изображениях русских исторических лиц» (Новое время. 5 (18) марта 1905. № 10 416. С. 4). Можно предполагать, что Мережковского более всего интересовали залы Александра I и Павла I (как раз в то время он собирал материалы об этой эпохе, задумав новую трилогию под общим названием «Царство Зверя»). Тот же рецензент особо отметил портреты Павла «в юношеском возрасте в генерал-адмиральской форме, и такой же — в лейб-кирасирском мундире».

<sup>276</sup> Идея «дионисийского», экстатического (наряду с «аполлиническим») начала в жизни, противостоящего року, смерти, обыденности, всесторонне развивалась Ф. Ницше (особенно в «Рождении трагедии из духа музыки»), влияние которого испытал на себе Мережковский (см.: *Коренева М. Ю.* Д. С. Мережковский и немецкая культура (Ницше и Гете. Притяжение и отталкивание) // На рубеже XIX и XX веков. Л., 1991. С. 44–76). на рубеже столетий религиозно-философская проблематика, связанная с мифами о Дионисе (главным образом в интерпретации Ницше), получила довольно широкое распространение и обсуждение. Ср.: *Вольнский А.* Аполлон и Дионис (Северный вестник. 1896. № 11); *Иванов Вяч.* Ницше и Дионис (Весы. 1904. № 5); *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога (Новый путь. 1904. № 1–3, 5, 7; Вопросы жизни. 1905. № 6, 7 — под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияние») и др.

заехать за Вами в 9 часов вечера. Не отвечайте «нет» — я устал от Ваших «нет». Пусть Ваше молчание значит «нет». Без Вашего позволения я к Вам не приеду. Но лучше скажите: «да», а потом тысячи «нет». Тогда Ваши «нет» сделаются сильнее, вернее, чем теперь. А то теперь Ваши «нет» еще слишком похожи на «да» — о, разумеется, против Вашей воли, против Вашего «благословенного», патриархального библейского, розановского<sup>277</sup> благоразумия. Значит, да? Но если и нет, то, рано или поздно, будет да, будет да, будет да!

Видите, мои письма становятся похожи на заклинания. Ну, простите все это безумие, или все эти глупости. Я же Вам говорил, что я глуп. Аполлон слишком умен, а мы с Дионисом всегда были глуповаты. И не только этого не стыдимся (так же как нашей «некорректности» — хотя и мы корректны, только по-другому), но даже этому радуемся.

А все-таки я Вас жду.

Д. Мережковский

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>278</sup>**

[2.04.1905. СПб. — Киев]<sup>279</sup>  
1905.?.2.

Вот когда, дорогой Петр Павлович, чувствую я недостаточность бумаги для передачи тебе всего, что занимает меня. Начну с личных дел. Мой разлад — идейно-фатальный с графиней, и я ни на минуту не сомневаюсь, что ты станешь на мою сторону. Положение еще особенно тяжело потому, что — повторю сказанное в одном из прошлых писем — мы остаемся по-прежнему дорогими друг другу. Столковаться не можем: одинаково считаем позиции про-

<sup>277</sup> Здесь В. Розанов подразумевается как защитник брачных уз, семейных устоев, ветхозаветных представлений.

<sup>278</sup> Печатается с комментариями по: *Балакшина*, 2014. С. 304–310.

<sup>279</sup> Датируется по содержанию письма.

тивника безнадежными как по существу, так и в применении к воспитательному делу.

Первою несчастною мыслью графини служит враждебное отношение к разуму и исключительная опора на чувство. Отсюда — 1) вражда к тому, что мы называем культурой и к носителям ее — интеллигенции; 2) навязчивый какой-то гипноз на настроение учащихся, создающий как раз обратное желанию и ожиданию действия. Переданная тебе Баркаловой система религиозного воспитания — здесь в Петербурге прямо ожесточает учениц. «Все бы хорошо, но эти проповеди графини — одни чего стоят», — говорят оканчивающие курсы и далеко не из худших. Идет читать в неделю говения о посте, молитве с ученицами старшего педагогического класса, прямо озлобленными против графини и веры. «Ведь они не верят, — говорю я. — Зачем же идете с тем, что у них вызывает только смех, если не хуже?» — «Пусть посидят, авось западет». Мой метод совершенно иной. Я, скорее, если грешу, то тем, что у тебя в последнем письме называется осторожностью, деликатностью... И знаю, что это графине не по сердцу. «Иное, — говорю, — для меня психологически невозможно. Я даже пред исповедью старшим педагогичкам не нашел в себе сил говорить что-либо...»

Возвращаюсь к первому пункту. Графиня никому буквально не доверяет из учителей. Так здесь, так было и в Киеве, где она только по недоразумению доверяла Петру Павловичу Кудрявцеву, Вл. П. Р-му<sup>280</sup>. Обо всех учителях думала хуже, чем они на самом деле. Пойми, какой у нас создается враждебный лагерь. Все мои попытки разогнать тяжелую атмосферу совершенно бесплодны. А мое положение даже у учениц не из легких: с кем я действительно мог бы быть близок на пользу дела, я не имею никаких связей. Оскорбленный недоверием старших педагогичек, я демонстративно не ходил к ним последний месяц на уроки. А кого винить? Недовольная разбором «Дворянского гнезда» очень талантливым и популярным учителем, она

<sup>280</sup> Фамилия не распознана.

сказала воспитанницам, сочувствующим общественным тенденциям передового учителя: «Я попрошу батюшку изложить вам свои взгляды. Надеюсь, от него услышите иное». Посуди только, что из этого могло выйти. Прибавь к этому, что графиня по отношению к нашим пепиньеркам применяет те же воспитательные меры, что и к маленьким. Пойми, как далеки они от нее. Один разбор книг, дозволенных к чтению и недозволенных, — чего стоят. Опасения графини на этот счет просто непонятны для такой умной женщины!..

С начала года у нас ведутся горячие беседы по этим вопросам, и одну из бесед закончил я словами, которые, помню, говорил тебе летом на моей временной даче у тебя: «Мое привилегированное положение связывает совершенно мои руки. Как ни один порядочный человек не может в покровительствуемых изданиях вроде “Московских ведомостей” <Sic!>, так и чужие ученицы должны отвращаться от меня, монополизировавшего их...»

И это ужасная, по своим последствиям, правда.

Еще больший расход в наших общественно-политических взглядах. Графиня — вылитые «Московские Ведомости» — но только редко честная, редко высокой личной нравственности. В вопросе социализма и индивидуализма она безнадежный квиетист, в данном случае так близка Толстому его последних писем. И вместе с тем, как и следует ожидать, шовинист в русско-японской войне и человеконенавистник в отношении к Западу: ведь эти противоречия всегда соединяются...

Она почти требовала, чтобы я прямо-таки без оглядки проклял Гапона и все рабочее движение, чего я не мог, да и не могу сделать...

По этим только намекам ты сможешь видеть ту бездну, какая — увы! — разделяет нас теперь... Мы договорились до конца и в конце концов сами увидели эту бездну. «Как же мы теперь можем работать вместе? Ведь я Вас боюсь...» — «Я, — говорю, — дорогая графиня, сознаю все последствия своих взглядов. Со следующего года постараюсь оставить Институт...»

Теперь у нас период особенно, так сказать, «нежных» отношений: хотим мирно беседовать, обходя опасные камни. Я сознаю искренно то, что ты пишешь мне, недостаток душевной самособранности и то, что мало занимаюсь собою особенно теперь, когда я в пылу общественной работы. Но я также сознаю, что принципиальная правда на моей стороне. И в этом я лишь твой строго последовательный ученик. В данное время отказаться от этих исповедуемых мной истин значит отказаться от самого себя...

Каков же вероятный исход положения дела?

На Фоминой неделе приезжает с Афона отец Петров. Втроем — еще Егоров — мы обсудим положение дела. Выставлю свою кандидатуру в Педагогический институт. Не удастся это, обращусь к Петру Петровичу Извольскому<sup>281</sup>. Во всяком случае, меня гнать не будут — это несомненно, и я, следовательно, буду иметь время для устройства своей судьбы.

Институт оставлять тяжело: 1-й, 2-й, 3-й классы в последнее время особенно привязались ко мне, да и я полюбил очень их. Для них будет мой уход полной и горькой неожиданностью. Впрочем, может быть и иной исход. Может быть, графиня перейдет в один из лучших институтов — Катерининский, куда ее прочит Императрица. Институт выше Смольного.

Еще один вопрос, который мы иногда решаем: кто изменился из нас. Я думаю, никто. Я изменился к худшему в данный момент в характере. Мои нервы развинтились до последней степени, и я нередко напоминаю — кого бы ты думал? — Петра Павловича — прочти это дорогой Анне Елисеевне<sup>282</sup>. Увы! это так. «Скорблю» нередко, и несть помогающую... Графинины выпады обострились под влия-

<sup>281</sup> Петр Петрович Извольский (1863—1928) — член Государственного совета (1909—1917), обер-прокурор Святейшего Синода (1906—1909).

<sup>282</sup> Анна Елисеевна Кудрявцева (урожд. Левинская, 1879—?) — жена П. П. Кудрявцева. — *В. К.*

нием личных тяжелых обстоятельств и под влиянием прямо-таки злого ее гения Александры Алексеевны Голохвастовой<sup>283</sup>, с которой я разошелся окончательно...

Присоединяюсь и присоединяемся всецело к твоему желанию: как бы спасти церковь от Антония (Храповицкого). Мой личный пиетет к нему заменился противоположным чувством, и я порываю с ним и внутренние, и внешние связи. В «Христианском Содружестве» выступаю его обличителем, что, конечно, ему же небезызвестно. Я имею основание винить его прямо в цинизме: убежденный (сам от него слышал в присутствии 10 человек у отца Рождественского<sup>284</sup> за обедом) в том, что самодержавие не имеет никакого оправдания в религии, он бахвалится тем, что пишет по поручению Синода проповеди противоположного характера. Прибавь — все более растущий отвратительный апломб... Все у него дураки поголовно. Любви — помину нет. И его участие в деле церковной реформы для нас — по крайней мере, некоторых — полезно тем, что заставляет прать<sup>285</sup>...

Инцидент с Никольским печальный<sup>286</sup>. Мы все очень высоко ставили его и совершенно солидарны с ним. Большое спасибо Сергею Николаевичу Булгакову. На днях он после сношения со мной устроил при редакции «Вопросов жизни» заседание литературно-философского общества по вопросу церковной реформы. Я привел на заседание из своих 10 человек. Через одного знакомого пригласил Никольско-

---

<sup>283</sup> Александра Алексеевна Голохвастова (1866 — после 1930) — выпускница Смольного института благородных девиц, служила в Ведомстве Учреждений Императрицы Марии. — В. К.

<sup>284</sup> Александр Петрович Рождественский (1864–1930) — протоиерей, профессор Священного Писания Ветхого Завета в СПбДА. — В. К.

<sup>285</sup> Прать — попира́ть, давить, упорствовать (*устар.*).

<sup>286</sup> В статье проф. СПбДА Н. К. Никольского «Почему 32?», опубликованной в газете «Новое время» (28 марта (9 апреля) 1905. № 10439. С. 3), группа «32-х священников» обвинялась в сокрытии имен, что оставляло «место подозрению, что дело идет не о пользе церкви, а идет борьба за власть, за личные преимущества...».

го. Собрались в 8 часов. Начало собрания было в 9. Целый час тузили бедного Николая Константиновича, все же виноватого, несмотря на прекрасные мысли статьи. на заседании были Мережковский, Розанов, Бердяев, Волжский-Глинка, Аскольдов<sup>287</sup>, Лосский, Философов, Минский и др. Председательствовать просили Сергея Николаевича. Подробности этого весьма интересного заседания узнай от Сергея Николаевича. Мы подробно изложили ход дела. Неправ Никольский: мы все подписались, а дополнительные подписи с возражениями — моя, например, — не напечатана в «Новом времени» неизвестно почему.

В числе резолюций совещания. Если будет собор из одних епископов, он нами признан не будет, и мы по долгу своей совести будем протестовать против него всеми явными, т. е. с подписями — способами. Движение против монахократии растет так, что с ним придется считаться. Боюсь, чтобы не вышло чего похуже. Завтра собираемся для редактирования нашей записки о необходимости хотя бы не полноправного участия в Соборе пресвитеров и мирян. Предвидим, что Митрополит не разрешит печатать. Наступает первый шаг открытой борьбы... Наступает испытание и для нашего кружка, теперь механически разросшегося...

В Москве идет усиленная агитация против монашества, как я получил сведения от Павла Васильевича: один из ближайших №№ «Богословского Вестника» целиком будет посвящен вопросам церковного управления.

Митрополит наш колеблется. Запретил было статью Владимира Зеноновича Завитневича, а тем самым и твою. Александр Петрович Рождественский сам ходил объясняться и только ссылкой на Москву убедил его в нужно-

---

<sup>287</sup> Сергей Алексеевич Аскольдов (Алексеев, 1871—1945) — философ, член ПРФО (вышел из него в 1914 г.), профессор С.-Петербургского университета, внебрачный сын философа А. А. Козлова. Главные работы рассматриваемого периода: «Основные проблемы теории познания и онтологии» (1900); «Мысль и действительность» (магистерская диссертация; М., 1914).

сти печатания таких статей. Обе будут напечатаны, как мне сказал Александр Петрович на заседании литературно-философского общества. Шлите еще!

Ты, конечно, согласишься, что отсрочка собора, проектировавшегося как собрание епископата, нам на руку.

На всех нас заседание религиозно-философского общества оставило самое хорошее впечатление, а наши светские оппоненты кричали: «Говорите так, как теперь, мы за вами пойдем». Положено собираться по крайней мере два раза в месяц. Хотели еженедельно. Мы завопили. В следующий четверг будет заседание. Были стенографистки, мы все единогласно на запрос сказали: просим и стенографировать, и печатать вполне откровенно, только по предварительном прочтении, чтобы была возможность исправить ошибки. Говорили ведь горячо. Помню, когда я заговорил, то стенографистка беспомощно остановилась, опустив руки...

Мне трудно писать тебе о своих взглядах на интеллигенцию. Но есть между ними верующие. Мы, несомненно, теперь страдаем за нашу дружбу с политическими врагами наших интеллигентов. Мы, несомненно, страдаем, далее, за наше церковное... Что же удивляться, что теперь на нас вымещается так долго бывшее наше господство и гонение на свободу? Разве ты этого не чувствовал всегда, не предвидел? Теперь, ввиду своих институтских дел я более, чем когда-либо, сознаю естественность вражды к нам: подлинно — посеешь ветер, пожнешь бурю... Конечно, не отрицаю того, что много среди интеллигенции нигилизма, отрицаемого мною во имя религии всей душой. Но ведь сей факт теперь лишь вскрывается: будущее, каково бы оно ни было, снимает лишь маску, прикрывавшуюся полицией. Мне ли говорить тебе об этом?!

Верую, что с оживлением церковной жизни придут к нам многие, доньше чуждые нам. Какой реферат на заседании закатил нам Мережковский: «Записке 32-х, — говорил, — ничего еще подобного не было: одна она среди массы всевозможных записок ставит вопрос, волнующий всех, на самом глубокою почву в родном нам направлении».



Познакомь с письмом во второй его части Зотиковича. Что он не пишет о своих делах? Повидайся с Сергеем Николаевичем Булгаковым<sup>288</sup>.

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>289</sup>**

[3.04.1905. Москва — Тифлис]

Дорогой Саша! Получил твою открытку. Спасибо. Вести приятные. Соколовскому не поддавайся. Вот бы его обмо- рочить! У нас дела пошли совсем не дурно. Изготовили не- сколько важных вещей и сейчас заняты их мультиплици- рованием посредством ми-ми и ти-ти<sup>290</sup>. При первом удоб- ном случае вышлем. У нас не совсем спокойно. Носятся слухи о готовящихся избиениях. Многого ждут в мае. Мы, конечно, откликнемся как сумеем. Всего самого доброго. (...)

Твой В. Эрн

**Л. И. Шестов — Г. Л. Ловцкому<sup>291</sup>**

[5.04.1905. Киев]

(...) Рецензия Айхенвальда<sup>292</sup> не огорчила меня, скорей обрадовала. Я только удивляюсь, что прежде, по преды-

<sup>288</sup> Думаю, что с Евлогием теперь прости-прощай. — *Прим. свящ. Констан- тина Аггеева*. Евлогий (Георгиевский, 1868–1946) — епископ Русской Православной церкви; митрополит (1922), доктор богословия honoris causa (1943), член 2-й и 3-й Государственной думы. — *В. К.*

<sup>289</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 67; *Чертков*, 2017. С. 154–155.

<sup>290</sup> Имеются в виду mimeограф и типографский станок.

<sup>291</sup> Печатается с комментариями по: *Баранова-Шестова*, 1983. С. 79.

Герман Леопольдович Ловцкий (1871–1957) — композитор, музыковед, литературный и художественный критик. С 1898 г. был женат на сестре философа Л. И. Шестова, Фане Исааковне Шварцман

<sup>292</sup> *Ю. А. [Ю. И. Айхенвальд]. Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности.*

душним книгам, не догадался, что я «разменивался» на нестоящее дело. Но вообще почти все недовольны «Апофеозом беспочвенности» и считают, что он хуже, чем все, что я прежде писал. Говорят, что «не ожидали» от меня такой книги. Но это хорошо, что можно сделать нечто такое, чего не ожидали. В мартовской книжке «Вопросов Жизни» (она уже вышла, и ты, верно, получил ее или получишь завтра) есть статья Бердяева<sup>293</sup> обо мне. Он ее уже больше двух лет собирался писать — увидишь, что у него вышло. Верно, полемизирует... Называется статья «Обыденность и трагедия». Раз он принимает мое деяние — то этим уже показывает, что понимает смысл поставленной мной задачи. Бердяев на днях приезжает в Киев: будем воевать. Доволен ты вообще «Вопросами Жизни»? Я их выписал на полгода, если доволен, то — еще на полгода выпишу.

### **В. В. Розанов — Д. В. Filosoфову<sup>294</sup>**

[13.04.1905]

Спасибо, дорогой и милый Дмитрий Владимирович, за присылку № 6 «Мира искусства» Получил, вспомнил всегдашнюю Вашу доброту ко мне, внимательную и прощающую [нрзб] — и так мне стало грустно, что... потерялась или расклеилась наша многолетняя дружба. Конечно, мы разные люди и разная у нас судьба, но ведь понимать-то мы всегда могли друг друга? Все вы, весь «Мир искусства» стали отходить от меня, [нрзб] — не ссорясь, не крича. И мне грустно, что Ваша долгая вереница уходит за горизонт, когда я еще хотел бы любоваться на Вас и быть с вами.

<sup>293</sup> Бердяев Н. Трагедия и обыденность (Л. Шестов. «Достоевский и Ницше» и «Апофеоз беспочвенности») // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 255–288.

<sup>294</sup> Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глуховой по архивному оригиналу: РО РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 80. Сохранился конверт с датой 13.04.1905, вероятно относящийся к данному письму.

И [нрзб] мои, Нувеля, Бенуа, конечно, Бакста<sup>295</sup>, даже малознакомого Нурока<sup>296</sup>. Вы все были талантливы, все [нрзб], понимали многие (все), и [нрзб] с вами всегда было легко. Ну, как бы вы обо мне ни думали (верно: «мещанин», «ремесленник» etc.), а я искренно благодарю судьбу, что вас всех узнал, и все же буду с гордостью всегда говорить: “Мир искусства” считал меня своим, дураком я и им не казался, а напротив, даже умным человеком».

NB В редакцию «Мира искусства» я послал (со служителем «Нового времени») статью о Таврической выставке<sup>297</sup>. Верно, она не <нужна?>. Редакция «Мира искусства» закрыта. [нрзб] Не вернете ли?

Целую и обнимаю, а Вы на это не сердитесь. В. Розанов.

---

<sup>295</sup> Вальтер Федорович Нувель (1871–1949) — русский пианист и композитор-любитель, член объединения «Мир искусства», организатор музыкальных вечеров и других предприятий объединения. Впоследствии секретарь и биограф С. П. Дягилева, чиновник особых поручений канцелярии министерства Императорского двора; приятель детства Д. В. Filosofova, с которым они вместе обучались в гимназии Мая.

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) — художник, историк искусства и художественный критик «Мира искусства», также друг детства Д. Filosofova (сохранился большой массив переписки Бенуа с Filosofovym, который находится в хранении Русского музея; воспоминания о нем Д. В. Filosofova были опубликованы в: Юношеские годы Александра Бенуа. (Воспоминания о дружбе в гимназии, университете (1885–1894), совместной работе в журнале «Мир искусства» (1895–1899) / Вступ. ст., публ. А. П. Банникова // Наше наследие. 1991. № 2. С. 202–239). Бенуа не был близко знаком с Розановым, хотя и упоминает о нем в «Моих воспоминаниях» (Т. 2. М., 1980. С. 291, 294–299).

Лев Самойлович Бакст (Розенберг, 1866–1924) — живописец, график, театральный художник, участник объединения «Мир искусства» и театрально-художественных проектов С. П. Дягилева, один из законодателей европейской моды на экзотику и ориентализм в начале XX века.

<sup>296</sup> Альфред Павлович Нурук (1860–1919) — критик, публицист; участник редакционных заседаний «Мира искусства»; приятель Filosofova.

<sup>297</sup> Статья В. В. Розанова «Русские исторические портреты на выставке в Таврическом дворце» была позднее опубликована в кн.: Когда начальство ушло. СПб., 1910.

Сергею Павловичу<sup>298</sup> низкий поклон. Маме тоже.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>299</sup>**

[7 или 14.04.1905]<sup>300</sup>

Четверг

Скоро я уезжаю. Сегодня вечером в «Вопросах Жизни»<sup>301</sup> мы увидимся, может быть, в последний раз. И в последний раз прошу: назначьте мне свидание — у Вас, у меня, в Летнем саду (там теперь прелестно — весна Боттичелли<sup>302</sup>), на выставке, в театре, в кружке Полонского<sup>303</sup> (завтра, в пятницу) — где угодно, только бы видеть Вас и переговорить с Вами наедине. Нельзя обвинять, не выслушав. Выслушайте же меня<sup>304</sup>. Не будьте упрямой. Будьте прежней умной, милой, простой и веселой «девочкой», какой Вы на-

<sup>298</sup> Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) — русский театральный и художественный деятель, один из основоположников группы «Мир искусства».

<sup>299</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 216–217.

<sup>300</sup> Датируется по содержанию. Письмо написано незадолго до отъезда Мережковского в Крым, дату которого (вторник 19 апреля 1905 г.) он указал в письме от 18 апреля 1905 г.

<sup>301</sup> Редакция журнала «Вопросы жизни» находилась в то время в Саперном переулке (д. 10, кв. 6).

<sup>302</sup> Картина Сандро Боттичелли (1445–1510) на аллегорическую тему «Весна» (ок. 1477–1478) — одно из наиболее известных его полотен.

<sup>303</sup> Мережковские нередко посещали «пятницы» Я. П. Полонского в 1890-е годы. После его смерти (в 1898 г.) решено было сохранить традиции «пятничных» собраний. по инициативе жены поэта, Ж. А. Полонской, в 1900 г. был создан Литературно-художественный кружок имени Я. П. Полонского, члены которого устраивали еженедельные собрания.

<sup>304</sup> Очевидно, в тот момент между Мережковским и Вилькиной произошли какие-то серьезные разногласия, грозившие разрывом. В недатированной записке, также, судя по всему, относящейся к апрелю 1905 г., Мережковский писал: «Конец уродливый и глупый, недостойный даже той легкой игры, которая была между нами. Письмами ничего не объяснишь. Прошу Вас, назначьте день и час, когда бы я мог видеть Вас, чтобы переговорить обо всем лично» (РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. № 882. Л. 123).

всегда и несмотря ни на что останетесь в моем воспоминании. Неужели же Вы не видите — это, только это Ваша правда, а все остальное ложь.

Обещаю Вам: если Вы захотите, это свидание будет последним и никто никогда не узнает о нем. Я чувствую, что Вы сами хотите видеть меня, — по крайней мере, иногда хотите. Зачем же Вы противитесь своему желанию? Кому от ~~этого может~~ нашей мимолетной встречи может быть вред? Будьте свободною — ~~Вы~~ такой, какой Вы созданы...

Если же Вы и на это письмо не ответите, значит, действительно, игре и неигре — всему между нами конец.

Надеюсь. Но еще надеюсь, — до свидания!

Д, Мережковский

### Л. И. Шестов — Ф. И. Ловцкой (Шварцман)<sup>305</sup>

[14.04.1905. Киев]

(...) Булгаков, действительно, человек искренний — и умеет хорошо писать. А что он о страданиях распространяется — так иначе ему нельзя. Он думает или, по крайней мере, хочет думать, — что страдания не страшны, не должны быть страшными для верующего человека. Ведь в этом главное преимущество веры — что она может ничего не бояться. Отними это убеждение — и ничего не останется. Иной, конечно, вопрос, насколько он прав в своей вере, но раз допустить правоту и веру, уже нельзя ни на чем останавливаться. Ведь вот Толстой то же самое проповедует. В Евангелии сказано: ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, все остальное вам приложится<sup>306</sup>. И еще: претерпевший до конца спасется<sup>307</sup>. Как ни толкуй эти слова, а смысл их в том, что мирских страданий бояться не следу-

<sup>305</sup> Печатается с комментариями по: *Баранова-Шестова*, 1983. С. 80.

<sup>306</sup> Ср.: Мф. 6:33.

<sup>307</sup> Мф. 26:13.

ет. Правда, Булгаков, как и все другие, не умеет последовательно провести эти заповеди. Но ведь люди на то и люди, чтобы ничего до конца не доводить. Бердяев уже в другом роде человек. Он любит теоретическую философию и хочет логическим, разумным путем фиксировать иррациональность. Это ты увидишь из его статьи обо мне и в особенности из его возражений. Он признает онтологические и моральные доказательства бессмертия души, и даже полагает, что всякий их обязан признать. Но все же это ему не мешает быть очень чутким человеком и не уходить в отвлеченности. Только его статьи нужно всегда читать по два или три раза: иначе они непонятны, так как он не боится противоречий и больше хлопочет о том, чтобы высказаться, чем о том, чтобы придать своим мыслям логическое единство (...).

Рецензией «Русских Ведомостей»<sup>308</sup> я не огорчился. Я знал, что книга будет недружелюбно принята, и теперь, когда мои предвидения оправдались, только сообщил тебе об этом. Между прочим, «Апофеоз беспочвенности» не имел успеха даже у тех, которые справедливо относились к моим предыдущим работам, никто из моих знакомых, которым я разослал книгу, не ответили мне ни словом. Но стороной я узнал, что все недовольны: и Левин<sup>309</sup>, и Лурье<sup>310</sup>, например. Даже Бердяев, как ты увидишь или уже увидела из его статьи в «Вопросах Жизни»<sup>311</sup>, недоволен. Правда, он мне признался, что прочел книгу наскоро, так как она ему была некстати: у него уже сложилась в голове статья по прежним моим работам, а «Ап. бесп.» немного расстраивал готовый план. Но все же впечатление было не в мою пользу. Володя сказал мне, что ты тоже «не понимаешь». Так вот тебе совет: прочти статью о Чехо-

<sup>308</sup> Ю. А. [Ю. И. Айхенвальд]. Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности.

<sup>309</sup> Давид Абрамович Левин (1863–1930) — петербургский журналист, сотрудник петербургской газеты «Речь», юрист.

<sup>310</sup> Семен Владимирович Лурье (1867–1927) — русский философ, юрист, журналист, публицист, литературный критик и редактор, предприниматель.

<sup>311</sup> Бердяев Н. Трагедия и обыденность (Л. Шестов).

ве<sup>312</sup> — в ней связнее и проще передано содержание «Апофеоз беспочвенности». Правда, связность и упрощение обрезают материал, но зато дает некоторую нить. Мне кажется, что после статьи о Чехове «Ап. бесп.» будет понятнее.

**Д. В. Философов — В. В. Розанову**<sup>313</sup>

[15.04.1905]<sup>314</sup>

Вы мне, конечно, сделаете величайшее удовольствие и придете ко мне в субботу, 17 декабря, в 10 часов вечера.

<sup>312</sup> Шестов Л. И. Творчество из ничего (А. П. Чехов) // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 101—141.

<sup>313</sup> Подг. текста к изданию и коммент. Е. В. Глухой по архивному оригиналу. РО РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 80. Л. 9—10.

<sup>314</sup> Аналогичное письмо Философов отправил несколько позднее Вячеславу Иванову; скорее всего, статья читалась дважды в кругу разных лиц: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович.

Хотел быть у Вас вчера, чтобы убедительно просить Вас пожаловать ко мне завтра, в пятницу, к 10 часов вечера. У меня соберутся близкие Вам люди, которым я хотел бы прочесть свою статью о Розанове.

К сожалению, не мог попасть к Вам вчера, так как моя сестра собралась ехать в Женеву и вчера провела у нас последний вечер.

Пользуюсь случаем еще раз поблагодарить Вас и Лидию Дмитриевну за то участие, которое Вы приняли в семье Ратьковых. До сих пор я льнул к Вам с точки зрения отвлеченной, как к людям, с которыми я могу общаться на той же плоскости. Теперь же я чувствую с Вами живую, житейскую связь, я ясно ощутил Вашу доброжелательность, внимание и благородную простоту.

От души спасибо. Надеюсь, что когда-нибудь Вам пригожусь более реально. Ваш Д. Философов» (НИОР РГБ. Ф. 109. К. 35. Ед. хр. 71. Л. 1—2).

<sup>315</sup> «Полярная звезда» — еженедельный журнал, вышедший под редакцией П. Струве и С. Франка с 15 (28) декабря 1905 г. по 19 марта (1 апреля) 1906 г. В 1906 в журнале (№ 8. С. 524—540) Струве опубликовал один из очерков Розанова — «Русская церковь»; статья эта, вошедшая в состав сб. «Русская церковь и другие статьи» в виде оттиска была передана Струве Розановым (об этом см. письмо Розанова С. Л. Франку начала 1906 г.: ГПБ АДП. Ф. 753. Ед. хр. 200. Л. 1—2); в журнале статья была опубликована с цензурными купюрами 3 февраля 1906 г. (полностью — в отдельном издании 1912 г.). См. также: Неопубликованные письма

Мне хочется прочесть Вам в присутствии редакции «Полярной звезды»<sup>315</sup> — Струве<sup>316</sup> и Франка<sup>317</sup>, а также Бердяева и Мережковских, статью<sup>318</sup>, написанную мною о Вас для «Полярной звезды».

---

С. Н. Булгакова к В. В. Розанову / Предисл., коммент. М. А. Колерова // Вопросы философии. 1992. № 10 С. 87.

<sup>316</sup> Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — русский философ, историк, экономист, общественный деятель, публицист. В 1890-х гг. теоретик «легального марксизма», автор Манифеста РСДРП (1898). С начала 1900-х гг. один из руководителей «Союза освобождения». С 1905 г. член партии кадетов и ее ЦК. Депутат 2-й Государственной думы. С 1907 г. фактический руководитель журнала «Русская мысль» (РМ), участник сборника «Вехи» (1909). С 1920 г. в эмиграции.

«Отношения его [Струве] с Розановым были историей сначала отталкивания “консервативного” публициста от его “либерально-демократического” оппонента, а с 1906 г. — неприятия розановской политической “беспринципности” со стороны Струве» (*Примеч. М. А. Колерова*). Об итогах полемики см.: *Струве П. Б. Patriotica*. СПб., 1911. С. 138–146; Неопубликованные письма С. Н. Булгакова к В. В. Розанову; Письма В. В. Розанова к Н. М. Михайловскому и П. Б. Струве / Предисл., коммент. М. А. Колерова // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 121–126.

<sup>317</sup> Семен Людвигович Франк (1877–1950) — русский религиозный философ и психолог. В юности был марксистом. В 1905–1906 гг. совместно с П. Б. Струве редактировал журнал «Полярная звезда». Является одним из создателей сборников статей: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). В 1922 г. выслан из Советской России, жил и преподавал в Германии (до 1937), во Франции и в Англии (1945–1950).

В начале 1900-х Франк с некоторой осторожностью относился к идеям Розанова, однако, признавая за ним право критической способности к философскому мышлению; в своей рецензии на первый том «Истории русской философии» Зеньковского он так сказал о Розанове: «Он мыслил совсем не умом, а какими-то реакциями своего духовного нутра». Новый журнал. Нью-Йорк. 1949. № 22. С. 294–298.

<sup>318</sup> В «Полярной звезде» появилась только одна статья Философова: Художественная сатира // Полярная звезда. 1905. № 3. С. 234–236. Можно предположить, что, прочитав в рукописи статью Философова, Розанов препятствовал ее публикации.



Вы поймете из этого, насколько Ваше присутствие мне желательно.

Душевно Ваш Д. Философов.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>319</sup>

[16.04.1905. СПб.]

1905. IV.16

Христос Воскресе, дорогие мои Петр Павлович и Анна Елисеевна!

Целую Вас Пасхальным целованием. О, если бы эта Пасха была началом воскресения нашей Церкви!

Сижу в своей квартире один: семья уже в Староселье, куда она проехала чрез Фастов вчера. Я с сегодняшнего дня отдыхаю. Измучился я и физически, и еще более нервно. Говорят, что очень похудел и пожелтел. Но дух бодр!

Мои служебные занятия прекратились. Наш институт, начиная с 3 класса, распущен до сентября. Свободного времени много, и я его хочу посвятить предполагаемому журналу. В этом вопросе произошла небольшая хорошая эволюция. На днях я говорил с Мережковским — «мы с ним теперь приятели»<sup>320</sup> — даже и с Гиппиус, всегда одетой лилией. Мережковский тебя очень ценит, к слову сказать. Журнал-газета предполагается недельный, по направлению должен примыкать к «Церковному Вестнику» и «Вопросам жизни». Особенность физиономии в сотрудничестве светских и духовных. Распорядителями дня будут духовные, а в числе постоянных сотрудников многие из редакции «Вопросов жизни». Редактор — светское лицо, что необходимо в делах церковных, при нем второй, негласный, — редактор духовный. Я лично намечаю редактором Александра Сергеевича Глин-

<sup>319</sup> Печатается с комментариями по: Балакишина, 2014. С. 310–312; Чертков, 2017. С. 169–170.

<sup>320</sup> Цитата из романа Г. Сенкевича «Без догмата» (1890). — Прим. С. Черткова.

ку-Волжского, если позволят (он из поднадзорных). Чрезвычайно милый, и я его считаю глубоким по убеждениям, как и Мережковский признает, наиболее подходит к нам. Мы бываем друг у друга. Вторым редактором сую себя: мне не хочется выпустить из своих рук это дело. Это совпадает с желанием большинства духовных и светских.

Отец Петров говорит, что если светские примут деятельное участие в журнале, то средства он даст: его одного слова достаточно Сытину<sup>321</sup>, и тот ссудит нас. Пред своим отъездом в Палестину отец Григорий заходил ко мне и сказал, чтобы на всякого рода издательское дело я располагал его средствами. «Если бы понадобилось сто тысяч на самое широкое распространение наших сборников, Вы не смущайтесь». Его мы ожидаем на Фоминой неделе<sup>322</sup>.

Кстати. Я получил от него письмо из Одессы, где он пишет, что неожиданно заезжал в Киев. Вот жалость! Я бы попросил его зайти к тебе и лично познакомиться...

Во вторник на Пасху у меня собираются пионеры нашего пастырского кружка для обсуждения вопросов главным образом организационного характера. Будет речь и о журнале. На Пасху я не поеду в Москву. Очень может быть, мы с Петровым поедem к Сытину после Фоминой. Вот брезжится давно лелеемый МОСТ<sup>323</sup> или, как остроумно выразился Павел Николаевич Лахостский<sup>324</sup>, — «Перекладина!»

---

<sup>321</sup> Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934) — один из крупнейших российских издателей. Начал издательскую деятельность в Москве в 1876 г. С 1884 г. печатал книги издательства «Посредник», учебники, научно-популярные и религиозно-философские дешевые брошюры «Религиозно-общественной библиотеки» (РОБ). Неоднократно привлекался к судебной ответственности за издание «антиправительственных» книг. Прототип Титова из драмы Свенцицкого «Интеллигенция» (См.: *Свенцицкий В., прот. Собрание сочинений*. Т. 1. С. 324—421). — *Прим. С. Черткова*.

<sup>322</sup> 24—30 апреля 1905 г.

<sup>323</sup> Речь идет о названии проектируемого журнала.

<sup>324</sup> Павел Николаевич Лахостский (?—1931) — протоиерей, настоятель церкви Пресвятой Троицы Общества распространения религи-

У нас в институте тиф. Если он будет прогрессировать, то я буду в Киеве в первой половине мая.

Пожалуйста, сообразуйся со своим временем так, чтобы побывать в Староселье.

На днях Александр Петрович Рождественский говорил мне, что твоя заметка уже набрана. Не вышла в прошлом № или потому, что материала много было обязательного, или Сергей за протестовал. Узнаю. Сергей не тот, Финляндский. на месте его Сергей семинарский<sup>325</sup>, прости «Церковный Вестник»!

Целую. Твой свящ. К. Аггеев.

Не увидишься ли с Сергеем Николаевичем Булгаковым? Передай ему. Во вторник на Пасху предполагалось в моей квартире заседание литературно-философского общества. Но за отъездом Бердяева, Философова мы отложили до приезда Сергея Николаевича, т. е. до Фоминой. Тогда надеюсь повидать его у себя.

Увидишь Аркадия<sup>326</sup>, расцелуй его.

Целую Зотиковича. И его семью.

Вот благо-то: у нас ни одного визита. А помнишь с тобою, бывало, скакали...

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>327</sup>**

[18.04.1905. СПб.]

18 апреля 1905

---

озно-нравственного просвещения в духе православной церкви — В. К.

<sup>325</sup> В 1905 г. еп. Сергия (Страгородского) на посту редактора журнала «Церковный вестник» и ректора СПбДА сменил еп. Сергей (Тихомиров), бывший до этого ректором СПбДС.

<sup>326</sup> Троицкий Аркадий Дмитриевич (1873—?) — профессор Киевской духовной академии, один из дружеского триумvirата (Аггеев, Кудрявцев, Троицкий) издателей журнала АКТ. — В. К.

<sup>327</sup> Печатается с комментариями по: Быстров, 1994. С. 219—220.

Уезжаю завтра вечером в Москву, оттуда в Крым и, может быть, в Константинополь, Смирну и Эфес<sup>328</sup>.

Хотел бы зайти к Вам завтра, во вторник, в Ваши приемные часы вместе со всеми, в качестве обыкновенного гостя. Но боюсь, что это будет Вам неприятно. Во всяком случае, без Вашего позволения не приду.

Если бы Вы знали, как Вы были ко мне несправедливы и с какой легкомысленной грубостью Вы оттолкнули меня!.. Вы просто не заметили, что я отдельное живое существо, а не тень другого человека, которого Вы не любите<sup>329</sup>. Великая не-красота была в Вашей грубости, и если наши отношения этим и кончатся, то, значит, их вовсе не было...<sup>330</sup> Но я еще надеюсь, что они этим не кончатся.

<sup>328</sup> З. Н. Гиппиус в мемуарах писала: «А весной (...) мы поехали втроем в Крым, который так неизменно любил Дмитрий Сергеевич, и прожили там несколько недель. Потом Философов уехал в Петербург, но Дмитрий Сергеевич не хотел туда возвращаться: у него явилось, желание отправиться из Севастополя — в Константинополь, и лишь оттуда, через Одессу, ехать домой...» (*Гиппиус З. Дмитрий Мережковский*. Париж, 1951. С. 134). Мережковский свидетельствовал, что поехал в Константинополь (он называл этот город «местом первого соприкосновения Запада и Востока») с желанием увидеть «храм Бога живого и прекраснейшее из всех зданий, построенных людьми и доныне уцелевших (...) — храм св. Софии, Премудрости Божией» (Св. София: очерк // Мережковский Д. С. *Грядущий Хам*. СПб., 1906. С. 147). В статье «Последний святой» он позднее писал об этом соборе: «Если бы в христианстве не было чаяния Церкви Вселенской, то не раскинулся бы подобный своду небесному свод константинопольской св. Софии — первое видение грядущей вселенской соборности» (*Мережковский Д. С. Не мир, но меч*. СПб., 1908. С. 191). В Смирне (Измире) Мережковского могла привлекать находившаяся там «евангелическая школа» греческого ученого общества с ее библиотекой и музеем малоазиатских древностей. Эфес (Ефес) славился некогда своим храмом Артемиды, причисленным к семи чудесам света. Кроме того, это, по преданию, — место пребывания Богородицы в последние годы ее жизни. В 431 г. здесь состоялся Третий Вселенский собор.

<sup>329</sup> Имеется в виду З. Н. Гиппиус.

<sup>330</sup> Сохранился черновик ответного письма Л. Н. Вилькиной, написанного сразу же по получении данного письма Мережковского: «Мне не хо-

Хотите, я Вам буду писать? Но, разумеется, с тем условием, что Вы мне будете отвечать и верить, что письма Ваши никто чужой читать не будет кроме меня; я также должен знать, что мои письма никто никогда не прочтет кроме Вас.

---

чется ни укорять вас перед отъездом, ни возражать против вашего упрека в не-красоте. Я действовала, подчиняясь инстинктивному чувству, которому привыкла верить. Вы, конечно, отдельное живое существо, а не тень другого человека, которого я будто не люблю. В сущности, я очень мало знаю и вас, и этого человека. Но вокруг наших отношений была создана атмосфера, которая мне казалась некрасивой. Вот где скрывается некрасота нашего разрыва, над которой я бессильна.

Искренно говоря, я не особенно виню Зинаиду Николаевну за ее склонность уродовать человеческие образы и отношения. Я лично вижу жизнь сквозь кристалл доверия и несуществующего совершенства. Но демонизм, даже мелкий, я понимаю. Он как-то освобождает нас от людей и судьбы.

Завтра «вторника» не будет. Я и Николай Максимович будем рады вас видеть перед отъездом. Удобнее всего от 1 до 3. Людмила» (РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. № 796. Л. 4).

О сложном, по большей части неприязненном, отношении Л. Н. Вилькиной к З. Н. Гиппиус свидетельствует ее письмо к Мережковскому, написанное в июне 1905 г.: «Дмитрий Сергеевич. Мне Николай Максимович передал все, что Зинаида Николаевна вчера рассказала ему будто бы с ваших слов о наших отношениях. Я уверена, что вы не способны на ложь и что все то грязное, обидное и уродливое, что Зинаида Николаевна говорила, родилось в ее же голове. Знаю, что Зинаида Николаевна клеветала (не только Николаю Максимовичу), но и другим нашим общим знакомым, намеки которых стали для меня теперь понятны) с единственной целью нас поссорить. И этой цели она, кажется, достигла. Впрочем, грязь всегда достигает своей цели, так как не пачкать она не может. Хотя вы — не она и не отвечаете за чужую ложь, но не хочу я быть знакомой с человеком, зная, что его ближайший друг, оставаясь его другом, превращает всякое мое слово и жест в уродство. Не могу вам передать всю глубину отвращения, которое мне внушает эта вечно клеветущая, вечно ссорящая, вечно злословящая женщина. Пока вы находитесь поблизости от этого источника вражды и злословия — я вашей близости буду избегать. Л. Вилькина» (Там же. Л. 6—7). Возможно, о получении именно этого письма, огорчившего его, Мережковский писал Л. Н. Вилькиной. 24 июня 1905 г.

Мой адрес до 7 мая: Ялта. Почтовое отделение. До вос-  
требования.

От души желаю Вам всего хорошего!  
Д. Мережковский

**Андрей Белый — П. А. Флоренскому**<sup>331</sup>

[18.04.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой, многоуважаемый Павел Александрович, будьте не-  
пременно в Москве. В среду [20 апреля] от 12-1 Вас очень хотят  
видеть Мережковские. Они остаются только два дня. В пятни-  
цу Дмитрий Сергеевич читает у Морозовой<sup>332</sup> лекцию о церков-  
ной реформе<sup>333</sup>. Надо быть. Если можно, пусть будут и академи-  
ки<sup>334</sup>. Цена с них 1 руб. Для Вас можно так. Пожалуйста, доро-  
гой, приезжайте. Важно для дела. Христос Воскресе!<sup>335</sup>

Любящий Вас Б. Бугаев

**А. С. Петровский — П. А. Флоренскому**<sup>336</sup>

[18.04.1905. Москва — Сергиевский Посад]

<sup>331</sup> Печатается с комментариями по: Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подг. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004. (Далее: *Иванова*, 2004). С. 467.

<sup>332</sup> Среда в 1905 г. приходилась на 20 апреля, пятница — на 22-е.

<sup>333</sup> А. Белый записал об апреле 1905 г.: «Участие в беседе, устроенной у Морозовой (Мережковский, я, Свенцицкий, Эрн, Кречетов и др.) (...) Мой резкий отход от Христианского братства борьбы, которое заподозреваю в реакционности» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 28 об.).

<sup>334</sup> Т. е. слушатели Императорской Московской духовной академии. на первом этапе существования Религиозно-философских собраний Мережковские искали союзников в церковных сферах, но к этому времени обозначилась их критическая позиция по отношению к исторической церкви, отчего ее защитники выступали обычно оппонентами Мережковских. — *Прим. С. Черткова*.

<sup>335</sup> В 1905 г. 17 апреля по ст. стилю была Пасха.

<sup>336</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 169.

Христос воскрес!

Дорогой Павел Александрович. Приезжайте к пятнице. Мережковский будет читать лекцию. Сбор в пользу Эрна и Свенцицкого, цена 2 руб. (но и за 1 рубль можно). Привезите, если можно, кого-нибудь (Ивана Васильевича Попова<sup>337</sup>) из студентов. Спросите Махаева, кто и что его однофамилец священник Иверской общины в Москве<sup>338</sup>. Приехал Вячеслав Иванов.

Любящий вас А. Петровский

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>339</sup>**

[21.04.1905. СПб. — Киев]

1905.4.21

Христос воскрес!

Дорогой Петр Павлович. Еще раз говорю тебе это, только что прочитав твое письмо в «Церковном Вестнике»... Спасибо тебе за него — говорю заранее от лица всех нас. Завтра мы, четыре человека, у Аксакова редактируем вторую нашу записку о составе собора. Перечитаем вслух твое письмо.

Во вторник на Пасхе у меня собирались пионеры нашего пастырского кружка, человек десять, для обсуждения не-

<sup>337</sup> Иван Васильевич Попов (1867–1938) — экстраординарный профессор патологии МДА, с марта 1903 г. по ноябрь 1906 г. редактор журнала «Богословский вестник», член Предсоборного присутствия и Собора Православной российской церкви 1917–1918 гг., новомученик. — *Прим. Ю. Балакишиной.*

<sup>338</sup> Николай Константинович Махаев (1883–1966) — однокурсник Флоренского, председатель совета старост студенческих организаций с 1905 г., окончил МДА (1908), редактор рукописей свт. Луки (Войно-Ясенецкого) в 1950-х; брат сщмч. Сергия (1874–1937), законоучителя и духовника в Иверской общине сестер милосердия Российского общества Красного Креста, находившейся под попечительством вел. кн. Елизаветы Федоровны.

<sup>339</sup> Печатается с комментариями по: *Балакишина*, 2014. С. 312–314; также: *Чертков*, 2017. С. 169–170.

которых вопросов, на которые не хватает времени на рядовых заседаниях. Вопрос об организации решен так. Всеми делами и подготовкой к заседаниям заведует избранное бюро из пяти человек, в которое предызбраны — общее собрание окончательно должно избрать — кроме меня, отцы Чельцов, Колачев, Кремлевский (секретарь и казначей нашего кружка)<sup>340</sup> и Аксаков Николай Петрович.

Заседания бюро постоянные. О месте и предмете рассуждений извещаются все члены кружка. И каждый из последних может приходиться с правом голоса. Детальные стороны устава разрабатываются мною и будут представлены на первое же собрание кружка, т. е. в среду Фоминой.

Первым делом бюро служит немедленное издание сборника «32-х». Материалом послужит уже имеющееся в печати и вновь приготавливаемое. План сборника лишь рисуется в таком виде. После редакционной заметки — «вместо предисловия» — моя записка — она довольно обширная. Затем записка 32-х. Анализ ее. Статья Павла Васильевича Тихомирова, немного переделанная. Наша записка о составе собора. Статья Владимира Зеноновича Завитневича, о которой через тебя прошу заранее, а лично буду просить вторично. Статья отца Петрова о соборе — «Мысли Соловьева и Аксакова». Статьи Аксакова «Изменяемость канонов» и «По поводу записки 32-х». Предположены — «Церковь и общественные задачи» отца Михаила, «Церковь и интеллигенция» свящ. Аггеева... О, если бы ты удосужился прислать что-либо соответствующее нашей задаче. Средства на издание сборника дает нам отец Петров в неограниченном количестве. Цель сборника — возможно шире осведомить с нашими взглядами — особенно сельское духовенство.

На собрании я прочитал свою маленькую статейку «Да простит любящий правду Владыка искреннее слово»

---

<sup>340</sup> Петр Магистрианович Кремлевский (1870—1943) — прот., руководитель благотворительной и просветительской организации «Мефодиевское братство», корреспондент Павла Флоренского — В. К.



с эпитафией «Озлобление и мщение явно дает себя знать в трескучей брани из библейских текстов в устах вечно ругающегося Лютера» (Из сочинений епископа Антония Храповицкого). Статья против Антония с обозначением его имени. Нашим она понравилась, а Александр Петрович Рождественский вырвал ее у меня для «Церковного Вестника». Все очень хотели напечатать ее от лица многих кружка. Но оставили этот шаблонный прием. Она появится, если цензура пропустит, в чем я лично сомневаюсь, зная дружеские отношения Сергея к Антонию, в «Церковном Вестнике», а на другой день будет перепечатана в «Руси» и «Слове». Если «Церковный Вестник» возвратит мне ее, то напечатаю в «Руси». Статья и в том, и в другом случае пойдет за моей подписью, а затем будет видно... Статья ужасная, но поделом зарвавшемуся фанатику...

Вчера был у меня Волжский-Глинка. Приехал из Москвы с предложением нам объединиться в издании газеты по церковно-общественным вопросам. Они уже имеют 15 000 руб. А у нас почти несомненная поддержка Сытина. Проектируются два редактора. Отложили вопрос до приезда Петрова и Булгакова, т. е. конца Фоминой, когда мы соберемся у меня для обсуждения этого вопроса. Дело, кажется, на рельсах!

Вот бы тебя взять редактором-то, а при тебе я — вторым!

Твое письмо об изменяемости канонов (по поводу статьи Никольского) имело у нас большое значение. Я «сорвал» два заседания, на которых возымели было силу археологи. Центром второй записки<sup>341</sup> должно и, несомненно, будет служить прежде всего Слово Божие, а затем требования современной жизни. на качество записки я не надеюсь, но она будет точным и ясным выражением нашего взгляда, недостаточно рельефно выраженного в записке...

<sup>341</sup> О составе церковного Собора // Церковный вестник. 26 мая (7 июня) 1905. № 21. Там же (17 (30) марта. № 11) была опубликована первая записка «группы 32-х» под названием «О необходимости перемен в русском церковном управлении».

Пиши мне чаще по вопросам. Мы постановили читать эти письма в собраниях.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>342</sup>

[22.04.1905. СПб. — Киев]

1905. IV.22

Вчера, дорогой Петр Павлович, просидели вчетвером над редакцией второй нашей записки о составе собора. Чельцов составил корпус, но нами он после предварительных прений на заседании тщательно просмотрен, изменен и дополнен. Я рад, что наша партия перевесила: центр тяжести — Слово Божие и Церковная История. О канонах ни разу не упомянуто. Твоя хорошая ссылка на «Православное Исповедание» с добавлением о позиции между католицизмом и протестантизмом служит заключительным словом пред приложением. Записка все же суховата! Перцу и соли... (...) Завитневича или Аггеева нет. Логическая структура записки такова.

Понятие о Церкви — слова Спасителя и апостолов. — Практика апостольского века. Практика эпохи Вселенских Соборов.

Итак — твои слова.

История Русских допетровских соборов. Тоже, — «протопоп, как и миряне».

Современные условия жизни — епископ не ограничен: он не выборный и по статистике (ужасная) некоторые в 10 лет меняли 7 епископий!.. Итак, созвание собора из одних епископов грозит расколом Церкви, и такие соборы останутся лишь съездами...

Хотя прибавить проект выбора. Я по логическим основаниям протестую против этого приписка, ни для кого не обязательного, и настаиваю на отдельной записке или приложе-

<sup>342</sup> Печатается с комментариями по: Балакшина, 2014. С. 314–316.

нии. Завтра с Чельцовым идем к Папкову<sup>343</sup>, а в понедельник в 1 час дня назначено второе заседание: спешим подготовить все к среде Фоминой — т. е. к заседанию Союза<sup>344</sup>.

Сейчас только закончил проект устава для бюро.

Теперь настоятельное дело — это сборник. Моя записка есть нечто вроде предисловия «От марксизма к идеализму». Она довольно логично обнимает весь вопрос, и каждая статья будет развитием последовательных ее положений. Даже моя «Нужды деревни» закрепится ею.

Обращаюсь к тебе с просьбой, на которую жду немедленного ответа. Мне нужна статья о духовной цензуре. Светлов пишет. Его я и хочу заполучить. Но не знаю адреса. Узнай и имя, и отчество, пожалуйста, и немедленно сообщи. Конечно, было бы самое лучшее, если бы ты повидался

<sup>343</sup> Александр Александрович Папков (1868–1920) — церковный писатель, с 1900-х гг. губернатор Тавастгусской губернии в Финляндии, автор работ по истории западнорусских церковных братств и жизни прихода, сторонник необходимости обновления православного церковно-общественного строя (см.: *Папков А.* Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. СПб.: Типография В. В. Комарова, 1902).

<sup>344</sup> Под этим названием здесь и далее Аггеев подразумевает формирующийся при его активном участии из группы «32-х» «Союз церковного обновления» (в дальнейшем переименован в «Братство ревнителей церковного обновления»), Главной его задачей участники провозгласили всемерное содействие созыву церковного Собора весной или осенью 1906 года. Предполагалось, что в работе Собора наравне с епископами примут участие миряне и белое духовенство. Члены Союза составили и опубликовали программу, подчеркнув необходимость полного обновления современного им церковного строя и возрождения церковной жизни. В конце 1905 года был принят «Проект церковных работ». Программа свидетельствовала о полном несогласии обновленцев с существовавшей в России моделью церковно-государственных отношений. Государственные идеалы православного государства не воспринимались клириками как идеалы православные, а само государство характеризовалось как преходящее учреждение. Подробнее об уставе Союза см. *Фирсов С.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.) // Круглый стол по религиозному образованию и диаконии. М., 2002. С. 330–335. — *В. К.*

с ним и ввел бы его в ход дела: это так ускорило бы и помогло бы нам, но на это я не надеюсь...

Читал ли ты в сегодняшнем № 15 «Права» <Е. Н.> Трубецкого «Церковь и современное общественное движение»? Прочти. Очень нам нужна статья на поставленный им вопрос, но она ответственна и нам не по плечу. Пишет кое-что Чельцов, но он суховат и не особенно просвещен. О, если бы ты накатал ее! Тебе ведь среди своих занятий, включающих этот вопрос, можно сделать это в 2–3 дня. Согласись: сборник наш — дело серьезное и неотложное.

По моему расчету, он должен выйти в августе. В мае я готовлю материал. В июне и июле будет типографская работа, которую поручу одному студенту, бывшему моему ученику, который будет жить у меня. Наш сборник будет тоже платформа, новоиспеченный термин.

Имеющийся материал: 1) моя записка, 2) две записки от Союза, 3) Тихомирова<sup>345</sup>, 4) Зотиковича, 5) Аксакова, 6) Петрова, 7) Светлова<sup>346</sup>, 8) о, если бы твоя, 9) мое «Нужды деревни». Идея сборника — анализ записки «32х».

Я буду ждать от тебя по содержанию этого письма самого скорого ответа.

Своей антиантониевщины пока от Александра Петровича Рождественского не получил. Очень возможно, пропустят. «Русь» уже просила. По напечатании в «Церковном Вестнике» будет перепечатана.

Целую всех вас. Дорогую Анну Елисеевну прошу поцеловать дорогого Аркадия. Он меня приветственными телеграммами и радуется, и стыдит.

Любящий свящ. К. Аггеев.

Корабли Антония сожжены: Победоносцев рвет и мечет. Говорят, не принял Митрополита. Вечный секретарь. В со-

<sup>345</sup> Вероятно, имеется в виду работа Л. А. Тихомирова «Запросы жизни и наше церковное управление» (М., 1903).

<sup>346</sup> Павел Яковлевич Светлов (1861–1941) — протоиерей, богослов, профессор богословия Киевского университета. — В. К.

боре тоже, кажется, буду секретарем. В Содружестве секретарь. В союзе секретарь. Обзавелся даже портфелем, а шапирограф<sup>347</sup> имею от общества.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>348</sup>**

[26.04.1905. Севастополь — СПб.]

26 / IV — 05. Севастополь

Итак, я для Вас только «чудовище»? Не могу совсем по верить в это. Но пусть даже так. Во всяком чудовище есть чудо, есть чудесное!

Может быть, Вы полюбите во мне чудо, то есть могли бы полюбить. Потому что я отлично знаю, что между нами не было, нет и никогда не будет любви, но есть возможность любви; не прекраснее ли возможность любви, чем сама любовь? — вот вопрос — по крайней мере, не прекраснее ли она той существующей любви, которую доньше знают люди<sup>349</sup>.

Все люди вообще разделяются на два рода: на тех, которые *хотят* умеют любить, не желая быть любимыми, и на тех, которые *хотят* быть любимыми, не умея любить. Вы принадлежите ко второму роду, я — к первому. Я знаю, что хотя Вы никогда меня не полюбите, но Вам хочется,

<sup>347</sup> Вид копировального аппарата.

<sup>348</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 220–221.

<sup>349</sup> Здесь Мережковский, по существу, близок в выражении именно той невоплощенной любви, о которой Л. Н. Вилькина писала в своих сонетах. Ср.: «Быть может, не любовь — одно стремление / Моя любовь к тебе, далекий друг» («Не любовь» // *Мой сад*. С. 44); «Страшит меня довольство обладанья / И достижения мертвенный покой» («Обладание» // Там же. С. 46); «Покуда ты любовь свою таил, / Я верила — ей нет предела в мире» («Слова» // Там же. С. 49). Противопоставление «возможного» (невоплощенного) и реального нередко в поэзии символистов. Ср. в стихотворении И. Коневского «В небывалое» (1900), которое могло быть известно Мережковскому: «Возможность берегу, в возможность убегу я...»

чтобы я Вас любил. У меня нет любви, но я могу Вам дать вечную возможность любви. Это не солнечный, а лунный свет. Но разве иногда лунный свет не лучше солнечного<sup>350</sup>?

Вчера я был на мысе Фиолент, где в древности был храм Дианы Таврической<sup>351</sup> — и где обитала жрица ее Ифигения<sup>352</sup>. Глядя на море, страшное и великолепное, «многосмеющееся» (слово Эсхила<sup>353</sup>) — темное небо — вспоминал о Вас.

Прочел Ваш сонет «Влюбленность» в Северных Цветах<sup>354</sup>. Он мне нравится, в самом деле нравится. Я никогда не лшу, никогда не лгу. В этом одна из моих «чудовищностей». Особенно нравится мне стих: «Для тщетных ласк и чистых обнажений»<sup>355</sup>. В этом стихе есть Ваша прелесть,

---

<sup>350</sup> Ср. в «Женском сонете» Л. Н. Вилькиной: «И я люблю обман, как свет луны...» (Мой сад. С. 55). Видимо, эту же метафору использовала З. Н. Гиппиус в названии своего очерка об А. Блоке: «Мой лунный друг» (*Гиппиус З. Н. Живые лица*. Вып. 1. Прага, 1925). В несколько ином значении употреблял ее В. В. Розанов, называя «людьми лунного света» религиозных аскетов. Как заметил В. Н. Ильин, «этот символический образ (...) связан с устремленностью вдаль, с жадной необыкновенного, неизведанного...» (*Ильин В. Н. Арфа Царя Давида в русской поэзии*. Брюссель, 1960. С. 7).

<sup>351</sup> По преданию, на мысе Фиолент в Крыму находился храм богини Дианы (Девы Таврополийской) — Парфенион; в нем тавры приносили в жертву своей богине чужестранцев, потерпевших крушение у берегов Трахейского полуострова.

<sup>352</sup> Согласно греческой мифологии, Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры, была спасена от смерти богиней Артемидой (в римской мифологии — Диана), которая перенесла ее в Тавриду и сделала жрицей в своем храме.

<sup>353</sup> Мережковский перевел трагедию Эсхила «Скованный Прометей».

<sup>354</sup> Стихотворение «Влюбленность» опубликовано в составе цикла «Пять сонетов» (Северные цветы ассирийские. Альманах IV. СПб., 1905. С. 60).

<sup>355</sup> Мережковский не совсем точно цитирует строчку из сонета «Обладание», второго в цикле; у Вилькиной:

именно Ваша и более ничья. И никто в мире так не может чувствовать этой Вашей прелести, как я...

Бэла, разве Вы не чувствуете силы моего колдовства чрез тысячи верст, которые нас разделяют? Разве Вы не слышите, что я с Вами, еще ближе к Вам, чем когда ~~обнимаю~~ обнимал бы Вас.

Разве и Вы не хотите быть со мною — «для тщетных ласк и чистых обнажений»?..

Что Розанов? Очень о нем беспокоюсь. Люблю его, как родного<sup>356</sup>. Не обижайте его!

Напишите мне: Ялта. Почтовое отделение. До востребования.

Ну, до свидания. Иду греть свои зеленые чешуи на солнце.  
Д. Мережковский

---

«О, приходи для неземных сближений, / Для тщетных ласк, для чистых обнажений» (Там же. С. 61).

<sup>356</sup> Считаю В. В. Розанова гениальным писателем и отмечая «личное неизменно-дружеское отношение» к нему, Мережковский подчеркивал, что их близость — это «близость сходящихся противоположных крайностей», что в сфере религиозных идей у них имеются принципиальные расхождения (см.: *Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 167*). В статье «Революция и религия» он писал о В. Розанове: «Друзьям церкви он кажется отступником, врагам ее — изувером, а большинству равнодушному — просто юродивым. Единственные люди в России, которые поняли и приняли его как великого, может быть, величайшего из современных русских писателей, — так называемые “декаденты”» (*Мережковский Д. С. Не мир, но меч. С. 98*). В. Розанов позднее так характеризовал свои неоднозначные отношения с Мережковским: «Перипетии отношений моих к Мережковскому — целая “история”, притом совершенно мне непонятная. Почему-то (совершенно непонятно почему) он меня постоянно любил, и когда я делал “невозможнейшие” свинства против него в печати, до последней степени оскорбляющие (были причины), — которые всякого бы измучили, озлобили, восстановили, которых я никому бы не простил от себя, он продолжал удивительным образом любить меня» (*Розанов В. Опавшие листья. С. 275*). В другом месте книги он, касаясь Мережковского, свидетельствовал: «Мало от кого я видел долгие годы непонятную (для меня) дружбу, которая, казалось, даже имела характер любви» (Там же. С. 473–474).

Е. Г. Брандт<sup>357</sup> — Федору Сологубу<sup>358</sup>

[26.04.1905. СПб.]

26 апреля 1905 г. Петербург.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

Вчера Вы доставили мне большую радость! Первое время после отправки своего письма я ежедневно ждала ответа, — но его не было. Тогда я стала думать, что тот, которому я написала, вероятно, совсем не Сологуб. Сологуб бы ответил. А потом, последний месяц, я была так занята, что совсем даже перестала думать о Вас. И вдруг вчера — Ваше письмо и даже книги. В нашей бедной, тусклой жизни такие радостные минуты так редки. И потому я Вам очень благодарна. Я никак не ожидала, что вы пришлете мне книги. Неужели я могу оставить себе все три? Или вернуть Вам две маленькие обратно? Я теперь еще очень занята и могу наслаждаться ими только урывками; недели через две я надеюсь освободиться и переехать на дачу (деревня Глазово близ Павловска, № 43). Тогда примусь за чтение Ваших книг.

Вы спрашиваете, что именно в Ваших произведениях остановило мое внимание, и говорите, что Ваши вещи, вероятно, не стоят такого лестного внимания. Не знаю, удастся ли мне высказаться и поймете ли Вы меня.

Мне сперва понравился Ваш своеобразный слог, новые слова, которые Вы употребляете (например, «мимовольно»), постоянное употребление двойных эпитетов вслед за определяемым словом (например, «смерть, утешительная, спокойная»). Затем мне нравится — и мне так понятно — Ваше отношение к жизни. Она Вас не удовлетворяет: мир лежит в пороке и зле, здесь все грубо и тесно. Вы страдаете. «Мы вечно хотим того, чего нет». Единственная надежда — это смерть. И я тоже нахожу, что самое интересное для живущего человека, самое при-

<sup>357</sup> Елена Брандт — домашняя учительница из Петербурга.

<sup>358</sup> Печатается с комментариями по: Мисникевич Т. В. Федор Сологуб, его поклонницы и корреспондентки // Эротизм, 2004. С. 362–363.



влекательное — это смерть. Она Вам является освободительницей. И я с Вами вполне, вполне согласна. Но только не знаю, веруете ли Вы в будущую, новую и лучшую жизнь. Как будто да. («И если страшно людям имя смерти, то не знают они, что она-то и есть истинная и вечная, навеки неизменная жизнь. Иной образ бытия обещает она, и не обманет. Уж она-то не обманет»<sup>359</sup>.) А иной раз мне кажется, что Вы не веруете, и тогда мне Вас так жаль, и так хочется, чтобы Вы уверовали, как Соня в «Дяде Ване»: «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания, потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую... Мы отдохнем!»<sup>360</sup>

Когда зерно, лежащее в земле, пускает корешок книзу и росток кверху, то оно думает, что живет, хотя не видит еще ни света, ни воздуха. И оно действительно живет. Но потом, когда оно уже превратилось в растение и пользуется воздухом, солнцем и влагою, оно думает: «Вот она, настоящая жизнь. То, что прежде казалось мне жизнью, было только зачатком жизни». Так будет и с нами.

Верно ли я поняла Вас?

Что касается литературных достоинств Ваших произведений, — то я не берусь судить о них. Для меня лично — они очень хороши, я как будто ослеплена ими и потому не могу иметь беспристрастного мнения.

Прилагаю листок с выписанными мною местами из «Жала Смерти»<sup>361</sup>.

С истинным почтением Е. Брандт<sup>362</sup>.

<sup>359</sup> Цитата из рассказа Сологуба «Жало смерти» (впервые: Новый путь. 1903. № 9).

<sup>360</sup> Отрывок из монолога Сони из IV действия пьесы Чехова «Дядя Ваня» (1896).

<sup>361</sup> Имеется в виду сборник рассказов Сологуба «Жало смерти» (М.: Скорпион, 1904).

<sup>362</sup> В архиве Сологуба сохранилось 7 писем Е. Г. Брандт за 1905—1906 гг. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 88); читательница делилась с Сологубом впе-

**В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>363</sup>**

[27.04.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! 4-го мая в семь часов вечера мы, т. е. Рачинский, Бугаев et cetera, предполагаем вкуче с духовенством устроить первое неофициальное заседание Религиозно-философского общества, на котором я прочту свой реферат о христианском отношении к собственности<sup>364</sup>. Мне очень хочется, чтоб были на реферате вы и Алексей Сергеевич<sup>365</sup>, ибо в реферате я принципиально и по существу объясняюсь по поводу многих вопросов, которые слышны от окружающих. Попросите Сергея Семеновича<sup>366</sup> и вообще всех, кто интересуется Обществом. Если паке чаяния день заседания как-нибудь переменят, я уведомялю. Впрочем, и так черкну вам открытку еще раз.

**Николай, архиепископ Токийский и Японский.  
Дневник<sup>367</sup>**

[28.04.1905]

28 апреля (11 мая) 1905. Четверг.

---

чатлением от его сборников «Стихи. Книга 1» (СПб., 1896), «Тени. Рассказы и стихи» (СПб., 1896), «Собрание стихов. Книги III—IV (1897—1903 гг.)» (М.: Скорпион, 1904), «Книга сказок» (М.: Гриф, 1905), «Родине. Стихи. Книга V» (СПб., 1906); романа «Тяжелые сны» (отдельное издание: СПб., 1896).

<sup>363</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 170.

<sup>364</sup> См. в наст. изд. примечание к письму С. Н. Булгакова к А. С. Глинке от 22 июня 1905 г. Также см.: *Эрн В.* Христианское отношение к собственности. М., 1906.

<sup>365</sup> А. С. Петровский.

<sup>366</sup> Сергей Семенович Троицкий (1881—1910) — одноклассник по МДА и друг П. Флоренского, женился в 1909 г. на сестре Флоренского Ольге и переехал к ней в Тифлис. — *В. К.*

<sup>367</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870—1912).

Rev. Bishop, седой американский миссионер, казначей и Такеси Укай, секретарь, принесли мне 2000 иен, пожертвование американцев на больных и раненых русских солдат в госпиталях. Десять тысяч собрано было в Америке; из них 8 тысяч определено на вдов и сирот японских воинов и на больных и раненых японцев, а две тысячи — на русских, для употребления по моему усмотрению, с замечанием, что часть суммы я могу, если сочту нужным, уделить в Общество духовного утешения военнопленных. Я принял, поблагодарил и обещал сообщить после, как эта сумма будет употреблена.

### **Христианское Братство Борьбы — Епископам Русской Церкви<sup>368</sup>**

[Апрель 1905. Москва]

Теперь заговорили о церковной реформе. Надеются на созыв Поместного Собора. Газеты говорят об этом как о вопросе решенном. У всех верующих начинает подыматься радостная уверенность, что близится час освобождения Русской Церкви от векового гнета, час наступления истинно церковной жизни, которой у нас не было, к позору нашему, целые столетия. Мы глубоко чувствуем всю ответственность и важность предстоящего устройства русской церковной жизни на канонических основаниях и потому думаем, что удачно реформа может быть проведена лишь в том случае, если она будет действительно отвечать на назревшие нужды и запросы, для этого необходимо, чтобы последние обозначились и стали для всех ясными. Нужды и запросы духовенства еще более или менее известны, но нужды и запросы мирян неизвестны почти совсем, потому что до сих пор в церковном бесправии своем миряне в церковной жизни не имеют никакого голоса. О запро-

<sup>368</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 156–167.

сах мирян, об их главных ожиданиях от Собора мы и хотим сказать в этом послании. Мы просим внимательно выслушать нас и смотреть только на существо дела.

1. Прежде всего, мы просим освободить нашу религиозную совесть от страшного соблазна. В чем этот соблазн, видно из нижеследующего.

По определению закона, самодержавная власть неограниченна. «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный»<sup>369</sup>. Это — выражение закона, и значит, смысл его обязателен для всякого подданного Российской империи. И значит, когда в самые торжественные минуты богослужения нас приглашают молиться за самодержавного царя, мы должны молиться за него как за неограниченного монарха. А между тем мы не только не можем молиться за неограниченного монарха, но решительно не можем просто его признавать, ибо такое признание есть явное отступничество от Христа и продажа своей христианской свободы. Почему — это видно из дальнейшего. Признавать по совести царя своим неограниченным государем — это значит признавать, что он может делать с признающим так все, что захочет (ибо власть его неограниченна), может приказывать ему все, что хочет, и он должен повиноваться всякому приказанию, каково бы оно ни было, согласно обещанию, ибо обещание дано было по совести<sup>370</sup>. Значит, если царь прикажет поклониться идолу или совершить богохульство, то и тут признающий царя своим

<sup>369</sup> Свод законов Российской империи (ст. 1). Слово «неограниченный» упразднено 23 апреля 1906 г.

<sup>370</sup> Ср. всеподданнейший адрес К. П. Победоносцева Николаю II: «Ты властен творить по Твоему разумению и влечению Твоего сердца, Ты властен казнить и миловать своих верноподданных; Ты властен простирать Твою милость и Твой гнев на кого пожелаешь»; далее обер-прокурор Синода сетовал на «осмелившихся нарушить Твою священную истинно православную душу дерзновенными помыслами» о созыве Земского собора. Ср. также: царь — «высший представитель правды, носитель Божественной воли, ответственен за свои деяния только перед Богом» (*Тихомиров Л. Монархи-*

неограниченным государем должен будет повиноваться согласно обещанию. Вот яркая иллюстрация: дословный разговор с офицерами после событий 9-го января.

— И вы могли стрелять, зная, что рабочие ни в чем не виноваты?

— Мы не могли не стрелять, потому что дали присягу исполнять всякое приказание государя.

— Всякое?

— Да.

— И если бы царь приказал расстрелять какого-нибудь святого, положим Серафима Саровского (ведь приказал же самодержавный царь Иоанн Грозный задушить святого митрополита Филиппа), и вы бы заведомо знали, что это — святой, вы бы все же расстреляли?

— Да, расстреляли бы. Мы не можем не повиноваться.

— И даже если бы случилось так, что между нами появился Христос, и государь приказал бы вам Его расстрелять, и вы бы знали, что это Христос, что бы вы сделали?

Офицеры смутились, подумали немного, но потом один за другим ответили:

— Да, стреляли бы: мы обещали государю, мы уж несвободны.

«Мы уж несвободны»... В этом все и дело. Ибо признание царя самодержавным равносильно утрате всякой свободы<sup>371</sup>. Признавший царя своим неограниченным государем тем самым окончательно теряет способность служить Христу, ибо такое признание включает в себе потенциальное утверждение, что в случае возникновения дилеммы — царь или Христос — нужно стоять за царя, а не за Христа. Признавший царя

---

ческая государственность. СПб., 1992. С. 539); «высший вершитель вопросов совести» (Катехизис для военно-учебных заведений).

<sup>371</sup> О том же в мае 1906 г. писал Булгаков: «Вообще события показывают, что самодержавие не только искалечило тело нашего народа, но и глубоко въелось в его душу, вытравив у многих на некоторое время способность и умение быть свободным и уважать чужую свободу» (Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому // Вильнюс. 1990. № 94. С. 160).

неограниченным государем навсегда и окончательно выбирает себе господина; но, выбрав в действительности одного господина, он уже теряет свободу и возможность служить всякому другому, т. е. не может служить и Христу. Ибо сказано Христом: «Никто не может служить двум господам» (Мф. 6:24).

Таким образом, каждый акт согласия на признание неограниченной царской власти равносителен утверждению в далеких логических следствиях отпадения от Христа, т. е. признание самодержавия есть скрытое (а для тех, кто знает это, и явное) отступление от Христа; и значит, с христианством такое признание абсолютно не соединимо и религиозною совестью не приемлемо.

На это могут сказать, что самая дилемма — царь или Христос — невозможна, ибо царь, по вере церковной и народной, является помазанником Божиим и исполнителем не своей воли, а воли Самого Бога. Но те, кто так утверждают, пусть зададут себе по совести такой вопрос: тем, что царь — помазанник Божий, отнимается ли у него возможность и отпасть от Христа? Если не отнимается, тогда сказанное выше сохраняет всю свою силу. Если же отнимается, если признается, что царь не только благочестив, но и выше возможности погрешить, т. е. выше всякого греха, тогда получается уже нечто совсем неподобающее. Вся условность человеческого существа снимается с царя, он становится безусловным — абсолют, человекобогом, богом. Остается воздвигать ему алтари и кадить фимиамом, воздавая божеские почести, как это делали в древнем языческом Риме. А в Писании сказано: «Да не будут тебе бози инии, разве Мене» (Исх. 20:3). Наша Церковь считает за ересь папизм, но тут больше папизма, тут языческий необузданный цезарепапизм<sup>372</sup>, открытое покло-

<sup>372</sup> «Пленение церкви было естественным и неизбежным результатом развития ложного начала самодержавия... В петербургский период... православная церковь становится церковью бюрократического цезарепапизма» (*Трубецкой С.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1907. С. 478).  
«В основе русской абсолютной государственности лежало богоотступ-

нение «гению» императора, забвение святой крови всех мучеников первых времен христианства, и больше того: тут уже совершается поклонение еще не пришедшему Зверю, ибо в самом принципе самодержавия лежит возможность Антихриста. Это понято народным религиозным сознанием. Изучающие раскол знают, как много места в нем занимает ужас пред антихристианским наклоном самодержавной власти<sup>373</sup>.

Сказанного было бы довольно. Но некоторые свою явно антихристианскую приверженность к самодержавию хотят оправдать мнимо-доказательными ссылками на произвольно выхваченные отдельные места из Святого Писания. Взявшись нечистыми руками, можно и снег замарать и создать иллюзию, что снег действительно грязен. Поэтому нужно разобрать «библейские» основания культа самодержавной власти. Часто приводят слова апостола Петра: «Будьте покорны всякому человеческому началь-

---

ничество, человеческое самоутверждение (...) цезарепапизм есть (...) соблазн человечества, не принявшего еще внутрь себя Христа и ищущего внешней опоры, а не особенная метафизика православия. Свенцицкий прав, когда говорит, что тут действуют “силы, противоположные Христу”. Папоцезаризм и цезарепапизм — два великих соблазна в христианской истории, две уступки князю мира сего, загнипнотизированность блеском его царства» (*Бердяев Н.* К вопросу об отношении христианства к общественности // *Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии.* СПб. 1910. С. 214, 216). В 1917 г. очнулся и Евг. Трубецкой: «Царское самодержавие в России... поставило свою власть выше Церкви, и в этом было самопревознесение и тяжкое оскорбление святых... Церковь издавна находилась в плену у самодержавия. Цезарепапизм — изначальный грех нашего церковно-государственного строя... Самодержавие оказалось сосудом дьявола» (*Е. Н. Трубецкой.* О христианском отношении к современным событиям // *Новый мир.* 1990. № 7. С. 221, 227).

<sup>373</sup> «И совсем не “обряд”, но “Антихрист” есть тема и тайна русского Раскола (...) Весь смысл и весь пафос первого раскольничьего сопротивления не в “слепой” привязанности к отдельным обрядовым или бытовым “мелочам”. Но именно в этой основной апокалиптической догадке» (*Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 67).

ству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1 Пет. 2: 13–14). Из этого заключают: раз апостол Петр заповедует покорность всякому человеческому начальству, то, значит, и покорность самодержавному царю. Сколько лжи и отступничества в таком формально правильном заключении, видно из следующего.

Когда тому же самому апостолу Петру начальники, старейшины, книжники, первосвященники и «прочие из рода первосвященнического» приказали «не учить об имени Иисуса» — что сделал апостол Петр? Повиновался ли во исполнение своих же слов: «Будьте покорны всякому человеческому начальству»? Конечно, нет. Вместе с апостолом. Иоанном, «столпом Церкви», он сказал: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога», и отказался повиноваться (Деян. 4: 5–20). В другой раз на второе запрещение Петр вместе с другими апостолами (значит, это голос всех апостолов) сказал еще яснее и резче: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5: 29).

Значит, апостол Петр учит нас повиноваться человеческому начальству не всегда и не безусловно, а только тогда, когда приказания этого начальства не противоречат нашей совести, и больше того — своею жизнью апостол Петр учит нас быть непокорными и открыто не повиноваться человеческому начальству, когда оно запрещает делать то, что мы считаем нашим религиозным долгом. И значит, у апостола Петра мы можем найти не защиту самодержавия, а совершенно ясный завет открыто заявить и исповедать религиозную неправду самодержавия и отказаться его признавать.

Но если словами апостола Петра злоупотреблять невозможно ввиду ясных других его слов, то, быть может, хоть с видимостью правдоподобия можно недобросовестно использовать следующие слова апостола Павла: «Всяка душа влаstem предержавшим да повинуется: несть бо власть,



аще не от Бога» (Рим. 13: 1—2). К счастью, и этого сделать нельзя ввиду одного несомненного и бесспорного факта: как признает Церковь, апостол Павел, говоря словами мужа апостольского Климента Римского, «мученически засвидетельствовал истину перед правителями» (1 Кор. 5), т. е. вместе с другими мучениками погиб за то, что отказался воздать императорской власти божеское поклонение. Этот факт, прежде всего, значит, что тот же самый апостол, который говорил: «несть бо власть, аще не от Бога», не только не считал возможным исполнять всякое приказание этой, по его же словам, Богом установленной власти, но даже открыто не повиновался ей и не слушал известных ее приказаний, за что и поплатился мученичеством. Этим апостол Павел учит, что из того, что власть установлена Богом, вовсе нельзя заключать, что она не имеет пределов, является неограниченной и может приказывать все что угодно. Фактом своего мученичества апостол указывает, что императорскую власть в качестве неограниченной, т. е. посягающей на то, что ей не принадлежит, он не признавал. А если мы скажем, что в этом непризнании, т. е. в мученичестве, он, Богом вдохновенный святой апостол, поступал не по случайным соображениям, а действовал, как он считал должным действовать, то, значит, в его непризнании неограниченной императорской власти лежит прямой завет всем верующим — так же, как и он, ее не признавать и открыто заявлять о своем непризнании. Если же мы вспомним, что в этом непризнании апостол Павел был не одинок, а с ним вместе не признавали целые тысячи святых мучеников и запечатлели свое непризнание мученической кровью, то получится, что вся эта святая кровь ставит нам тот же завет, что и святые апостолы:

Во имя Христа отказаться от признания нашей теперешней неограниченной царской власти — самодержавия.

После этих разъяснений, за неимением места, мы не будем останавливаться на других «библейских» основани-

ях языческого культа самодержавной власти и переходим к выводам.

По указанным соображениям, самодержавие абсолютно не приемлемо христианской совестью. Сознательное признание его равносильно отступничеству от Христа, и потому Русская Церковь, не искушая более долготерпения Божия, должна первым своим сознательным и воистину церковным, т. е. Христовым, действием сделать исповедание «истины перед правителями», другими словами — на предстоящем Соборе необходимо именно Церкви потребовать от царя отказа от самодержавия. И сделать это исключительно во имя религиозных соображений. Этим мы вовсе не говорим, что Церковь не должна была и не должна теперь бороться с самодержавием и как со злой политической и общественной силой. Но только делать это она должна не чрез духовенство, а чрез мирян, ибо «каждый должен служить сообразно с тем даром, который получил от Бога»<sup>374</sup>. На Церковном Соборе, созванном для устроения Церкви, мотивировка может быть только религиозная. Итак, вот чего мы ждем от Собора прежде всего. Только совершив это, Собор получит действительную свободу, без которой совершенно немыслима созидательная работа по устройству Церкви на канонических основаниях.

2. Теперь перейдем к тому, какую реформу Церкви мы считаем безусловно необходимой. Безусловно необходимо то, что сказано и заповедано в Евангелии, и потому обратимся прежде всего к Евангелию.

Что такое Церковь по Евангелию? Церковь, прежде всего, есть тело Христово — живой организм, отдельными членами которого являются верующие. «Вы — тело Христово, а порознь — члены» (1 Кор. 12:27). Но, составляя, как и всякое тело, однообразную, бесформенную массу, Церковь носит в себе живые расчленения. «Тело же не из одного члена, но из многих». Эти разные члены по

<sup>374</sup> См.: 1 Пет. 4:10; Рим. 12:6–8; 1 Кор. 12:4–1.

самому существу своему несводимы друг на друга, и один другой заменить не могут. Если один захочет вырасти за счет других, их себе покорить и подчинить, то это незаконно, ибо тогда вместо многообразно расчлененного тела получился бы один член и тело как таковое исчезло. «Если бы все были один член, — спрашивает апостол, — то где было бы тело?» «Если все тело — глаз, то где слух? Если все — слух, то где обоняние?» Значит, нормальная жизнь организма Церкви возможна только тогда, когда каждый член функционирует по-своему, развивает специфическую, ему присущую энергию, и значит, ставить препятствия этому функционированию, стеснять его и совсем запрещать — является совершенно невозможным со стороны одного члена по отношению к другому. «Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна, или также голова ногам: вы мне не нужны». Что же это за расчленения в теле Христовом — Церкви, говоря конкретно? Тот же апостол языков разъясняет это вполне: «Иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1 Кор. 12: 14–28). Если мы вспомним, что пророчествовали, чудодействовали, учили, целили и говорили разными языками не особо поставленные апостолом люди, а все верующие (ярким доказательством этого служит вся 14-я глава 1-го послания к Коринфянам), т. е. миряне, то тогда становится совершенно ясным, что наряду с апостолами, т. е. священнослужителями и совершителями таинств, особым самостоятельным расчленением Церкви, по апостолу, являются миряне. Каждый из мирян является живым храмом Бога (1 Кор. 3: 16), «согражданином святым и своим Богу» (Еф. 2: 19), живым камнем строящейся Церкви, обладателем святого звания, «царственного священства» (1 Пет. 2: 5, 9; Откр. 1: 6) во исполнение древних пророчеств: «Вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх. 19: 6; Ис. 61: 6).

При таком внутреннем соотношении между главными расчленениями Церкви — священнослужителями и мирянами, и во внешней церковной жизни миряне необходимо должны быть не пассивными зрителями, а активными участниками. Так и было в Апостольской Церкви, потому что Апостольская Церковь была живым явлением Церкви Вселенской. Когда в иерусалимской общине жизнь выдвинула потребность в новой должности — «диаконах», которые бы «пеклись о столах», — что сделали апостолы? Поставили ли они этих диаконов без согласия верующих? Ничего подобного. Они собрали собрание «множества» верующих и, объяснив им, почему явилась нужда в новой должности, сказали: «Итак, братия, выберите из среды своей семь человек». Собрание верующих согласилось на это, как говорится в Деяниях, «и угодно было это предложение всему собранию». Приступили к выборам, избрали семь человек и, избравши, «поставили перед апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки» (Деян. 6:2–6). Таким образом, в избрании священнослужителей проявилось в Апостольской Церкви органическое единство и взаимная обусловленность двух главных расчленений Церкви — священнослужителей и мирян, обусловленность, необходимо вытекающая из самого существа Церкви, о котором сказано выше. Миряне — церковный народ — свободно и самостоятельно выбирают из своей среды доверенных людей, апостолы рукополагают их и сообщают дары. Такое же органическое единство проявилось и в так называемом Апостольском Соборе, когда «апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили» (Деян. 15:22) подымавшиеся вопросы. Вот что говорится и заповедуется о существе церковной жизни в Новом Завете.

Но Церковь историческая постепенно забыла эти заветы, по примеру светских властителей стала закрепощать церковный народ, лишать его церковных прав и выводить из церковной ограды. Это длинная и печальная история, которой касаться мы здесь не можем. Но результаты ее налицо: церковного народа в настоящее время не существует,

живой Церкви — нет, или, по крайней мере, она не совпадает с тем, что принято называть Церковью<sup>375</sup>. Это положение ввиду усложнения жизни, ввиду надвигающейся исторической грозы — становится совершенно невозможным. Часть духовенства это почувствовала и заговорила о реформе. Но если в духовенстве после столь долгого и позорного молчания воистину заговорил и ожил Дух Христов, то ограничиться и серьезно удовлетвориться теми полумерами и «заплаточками», которые предлагаются в печати духовенством, — конечно, совершенно немыслимо. В деле церковного строительства мирские соображения являются совершенно неуместными, а пренебрежение «главою угла» — Христом и Его Евангелием — есть отступничество и коллективное повторение отречения Петра. У Церкви только один путь жизни: это Христос и Его Евангелие, все остальное — от лукавого и есть путь смерти.

То, что заповедано в Евангелии, для Церкви Христовой должно быть безусловной нормой, лежащей в основе церковной жизни, каноном, определяющим существенные черты ее устройства. Конечно, Церковь как живая носительница Духа Святого, развиваясь и возрастая в меру возраста Христова, может и должна создавать новые нормы. Но эти нормы никак не могут противоречить тем безусловным и отменять их, а могут только дополнять, только нахо-

---

<sup>375</sup> Здесь участники ХББ следуют за основателем славянофильства: «Церковь... обратила человека себе в раба и, вследствие этого, нажила себе в нем судью... А это все оттого, что оно совершило самоубийство; оттого, что перестало быть Христианством, с тех пор как перестало быть Церковью; оттого, что приняло самую смерть в свои недра, когда решилось заключиться в мертвой букве; оттого, что присудило себя к смерти, когда задумало быть религиозною монархией, без органического начала; оттого, наконец, что жить и противостоять действию веков и человеческих мыслей может только истинно живое, то есть только то, что в себе имеет начало неразрушимой жизни... Государство земное заняло место Церкви Христовой» (Хомяков А. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 43, 111–112).

дить конкретные применения их вечной сущности и живого Духа в зависимости от многообразия жизненных условий. Поэтому, как бы ни была богата церковная практика за все время ее исторического существования, уклад и правила церковной жизни, выработанные ею, для нас обязательны лишь в том случае, если они дополняют и разъясняют нормы и каноны, данные Евангелием, и ни в коем случае, если они им противоречат. И значит, если духовенство возревновало действительно о Церкви, а не о своем положении, которое станет вконец незавидным при установлении в России свободного режима, то, не смущаясь фактическим укладом обмирщенной и поработанной государством Церкви, — необходимо вернуться ко Христу и Его Евангелию. Как смотрит Евангелие на существо Церкви и церковной жизни — мы сказали выше; теперь перейдем к тому, что же именно нужно сделать, чтобы построить нашу церковную жизнь на действительно канонических, т. е. евангельских, основаниях.

а) Прежде всего, необходимо раскрепостить церковный народ, вернуть ему свободу церковной самостоятельности и церковного самоопределения. Это может быть достигнуто только путем восстановления истинно приходской жизни. Приход должен стать живой единицей, живущей полной церковной жизнью и органически объединяющей в себе духовенство и мирян. Для создания этого единения необходимо, чтобы священнослужитель не являлся в приход бог весть откуда, чужим, никому не известным лицом, назначенным канцелярским путем из далекого Петербурга, а был бы по доверию избираем самою паствою<sup>376</sup>. Верую-

<sup>376</sup> Ср.: «С сознанием ошибки, с самоотвержением должно отказаться от всех уклонений человекоугодливых, преступных в отношении к Богу.. Восстановить древнейший обычай Церкви: епархия да избирает для себя архиерея, а приход — иерея, диакона и причетника, свидетельствуя о их благочестии. (...) Уничтожить в духовенстве рабство, по мысли и указанию святых Апостолов (1 Пет. 5:2–3). Для достижения сего необходимо уничтожение касты и приготовление в приходские

щие, группируясь около храма, должны получить право сами, на месте и из своей же среды выбирать себе в священнослужители тех лиц, которых они знают, любят и считают наиболее подходящими и которым они действительно могут верить по свободному расположению столь важную и ответственную должность. Выбранные прихожанами лица, подготовившись к служению в течение известного времени, рукополагаются епископом и возвращаются в свой приход. Выбранные этим путем приходские священники, принадлежащие к одной епархии, съезжаются вместе и избирают архиерея из своей среды (т. е. архиерей может быть женатым, что не только не противоречит, но даже требуется церковными канонами) или из монашества. Архиереи всех епархий Русской Церкви, съезжаясь вместе, выбирают опять из своей среды или из монашества патриарха. Только таким путем выбранный патриарх будет действительно связан со всей Церковью и явится истинным представителем и руководителем ее в делах общецерковного характера, т. е. междуприходских и междуепархиальных, с одной стороны, и в отношениях к государству — с другой. Учредить же патриаршество, не обновив и не построив на евангельских началах самых низов и оснований церковного управления, является простым закреплением того позора, который совершается в Русской Церкви теперь, но так как это закрепление будет сознательным действием, то значит, это будет и новым, уже перед всеми открытым заявлением, что для Русской Церкви господин — не Христос, а кто-то иной.

б) Материальная сторона приходской жизни переходит в руки прихода. Все дела, связанные с доходами и расхо-

---

священники избранных лиц приходом, а во епископы — епархией, по древнему обычаю Церкви и по преданию Апостольскому». (*Игнатий (Брянчанинов)*, *ст.* О необходимости Собора по нынешнему состоянию Российской Православной Церкви // Полное собрание творений. Т. 3. М., 2002. С. 187).

дами по храму, ведаются особо wybranными всем приходом лицами. Обязательность платы за требы уничтожается безусловно, и взимание добровольной платы производится не священнослужителями, а теми же доверенными лицами. Этим прекращается невозможная в Церкви торговля и барышничество — особенно сильное в деревне, которое превращает служителей Слова и совершителей таинств в откупщиков, что имеет результатом почти повсеместное или враждебное, или пренебрежительное отношение к духовенству. Кроме того, постепенно верующие должны взять на себя не только заведование обеспечением текущей приходской жизни, но и содержание самих священнослужителей, так чтобы священнослужители содержались не на счет государства, а на счет самого же прихода. Этим подготовится важный и крупный шаг, который рано или поздно все равно придется сделать, это — отделение Церкви от государства, мера, которая должна быть страстно желаемой искренно верующими<sup>377</sup>. Только необходимо, чтобы отделение это было совершено не по предложению государства, как это теперь во Франции, а по почину са-

<sup>377</sup> «С государством должны быть порваны все связи, которые налагают какие-нибудь внешние обязательства и мешают внутренней свободе действия, и, таким образом, проведено полное отделение Церкви от государства» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 60). «Внутреннее отделение Церкви от государства при всяком внешнем положении Церкви должно быть для нее нормой», но необходимо и внешнее — «совлечение с нее государственного мундира, орденских знаков с аксельбантами и мечами, навязанных самодержавием» (*Булгаков С.* Церковь и государство // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 61, 77). Через несколько лет к тому же пришел и Евг. Трубецкой: «Религиозный идеал требует не подчинения государства Церкви и тем более — Церкви государству, а как раз наоборот — полного их взаимного освобождения. Чтобы быть действительной и совершенной выразительницей Царствия Божия, Церковь должна стать царством не от мира сего; для этого она должна окончательно отрешиться от всякой юридической связи с государственной властью» (Спор Толстого и Соловьева о государстве // О религии Льва Толстого. М., 1912. С. 59–76).



мой же Церкви. Церковь не должна ждать, пока ее отделят насильно, по мирским соображениям, оставив ее без содержания<sup>378</sup>, а должна отделиться сама, во имя Христовой свободы.

в) Когда приход станет живой единицей, а священнослужители выборными и доверенными людьми, тогда сразу станет возможным уничтожить коренные недостатки теперешней Церкви. С одной стороны, в приходе верующие перестанут быть друг другу чуждыми людьми, случайно встречающимися на богослужении и совершенно не знающими друг друга. Храм станет центром, вокруг которого будут формироваться новые отношения и связи. Верующие станут друг к другу сторонами, теперь не раскрытыми; из этого соприкосновения сначала затеплится, а потом и ярко разгорится жизнь, которая будет интимнее и глубже, чем самая высокая индивидуально-уединенная жизнь, и в то же время более любовная и более проникнутая единением, чем самая высокая семейная жизнь. Из отдельных посетителей храма — прихожан — верующие станут единой общиной, живущей коллективной жизнью. Индивидуальные действия и поступки, сплавляясь и очищаясь соборными переживаниями, превратятся в религиозное делание. Одним словом, зародится общинная жизнь. Тогда сам собой устранился среди верующих современный камень преткновения — социальный вопрос. В каждом при-

---

<sup>378</sup> 2 декабря 1917 г. было принято определение с требованием: «Православная Церковь получает из государственного казначейства по особой смете, составляемой высшим церковным управлением и утверждаемой в законодательном порядке, ежегодные ассигнования в пределах ее потребностей» (Определение Священного собора Православной российской церкви о правовом положении Православной российской церкви // Русская православная церковь и коммунистическая государство. 1917–1941. М., 1996. С. 15).

Позднее, после принятия 20 января 1918 г. декрета Совнаркома об отделении Церкви от государства. С. Булгаков и Евг. Трубецкой выступили на Поместном Соборе против — В. К.

ходе все бедняки, калеки, старики, сироты и все нуждающиеся станут общей тяготой и общей заботой. Горькое станет сладким и трудное легким, и, помогая им, будут радоваться, что могут излить любовь и восполнить от своего избытка их недостаток. И тогда можно будет сказать словами Деяний апостольских ([См.:] Деян. 4: 32–35): у множества верующих будет одно сердце и одна душа, и никто из имени своего не будет называть своим, но все у них будет общее; и не будет больше среди них нуждающихся, ибо всем будет уделяться, смотря по нужде каждого. Установится полное общение мыслей, переживаний и имуществ, как было в Апостольской Церкви<sup>379</sup>; только тогда это было потому, что близко было время, когда сам Господь приходил и обитал среди людей, а теперь потому, что близко уже время, когда мы увидим лицо Пресвятой Матери нашей, Церкви, и близко время, когда Господь придет в силе и славе судить живых и мертвых. Для общения имуществ и правильного распределения по нуждающимся необходимо, чтобы в Церкви возродилась благодать диаконства. А так как женщинам свойственна особая мудрость к устройению имущественных отношений, то необходимо возродить в Церкви апостольский институт диаконис<sup>380</sup>.

<sup>379</sup> «Для нас предназначено скорее общее, чем отдельное, владение вещами, и оно более согласно с самой природой» (Иоанн Златоуст, свт. Творения. Т. 11. СПб., 1905. С. 705). Так же считали мч. Иустин Философ, сщмч. Киприан Карфагенский, свт. Василий Великий. Ср. находящуюся в конверте письма Флоренского от 10 февраля 1906 г. записанную Эрном цитату: «Тертуллиан, *Apologeticus* XXXIX гл. “Мы братья, соединенные взаимною помощью друг другу своим имуществом, что у вас, напротив, разъединяет родных братьев. Составляя одно сердце и одну душу, мы не колеблемся несколько в вопросе об общности имущества. Все у нас общее, кроме жен. В этом одном пункте мы не признаем общения”». (Архив В. Ф. Эрна (Далее АЭ). Листы не нумерованы).

<sup>380</sup> См.: Рим. 16: 1. Активными сторонницами восстановления душеполезного апостольского учреждения были игум. Екатерина (Ефимовская) и прмц. вел. кн. Елизавета. Предсоборное присутствие единогласно высказалось за институт диаконис и включило выработанные правила

г) Народ мистически связан с землей. И потому духовенство, оторвавшись от церковного народа, постепенно перестало по-Божьему понимать все земное. Монашество, бывшее когда-то сильнодействующим средством, — когда было принято в большой дозе и проникло во все стороны церковной жизни, как и всякое лекарство, принятое в большой дозе, стало действовать разрушающим образом и превращаться в яд, отравляющий Церковь. Оно окончательно угасило идею царственного священства мирян и окончательно лишило Церковь зрения на землю. Церковь, будучи высшей руководительницей в индивидуальной жизни, во всем остальном, в общественных и политических отношениях, была и есть беспомощно слепа. От этой слепоты и зависит длинный исторический ряд позорных соучастий представителей Церкви в общественных и политических, малых и крупных злодеяниях, соучастий, из которых последним и всем памятным было послание Синода по поводу событий 9 января и преступное молчание всего духовенства<sup>381</sup>. А между тем возрождение церковного народа, связанное с восстановлением истинно приходской жизни, исцелит Церковь от этой слепоты: земля опять попадет в поле ее зрения, и восстановится к ней истинное и должное отношение. Вся история и культура, все вопросы, которыми мучилось

---

в «Положение о приходах», согласился и Синод, но общему желанию воспротивился Николай II.

<sup>381</sup> Еп. Платон (Рождественский) на пастырском собрании в Киеве 15 февраля 1906 г. молчание пастырей о текущих событиях назвал «по меньшей мере неуместным», а митр. Флавиан (Городецкий) вынес резолюцию: «Духовенству в настоящее время молчать не только нельзя, но и преступно» (Церковный вестник. 1906. № 2. С. 42). Ср. единый глас участников ХББ, взывающий и к нынешнему времени: «Теперь под страхом лишения некоторого благополучия заблудшая Церковь требует молчания от всех своих членов, и почти все молчат... С каждым днем молчание Церкви становится преступнее» (Свенцицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 12, 300); «Церковь православная опять не остановила кровопролития, опять... промолчала Церковь» (Флоренский П. *Вопль крови.* С. 5).

человечество прошлого и которыми болеет человечество современное, через мирян будут ставиться не перед отдельным сознанием отдельных более или менее высоких христиан, а пред соборным сознанием Церкви. Церковь как такая должна пережить все, чем жили отдельные люди, и ответить на все соборно как истинное тело Христово, носящее в себе ум Христов. Этот ответ будет для людей новым откровением, потому что полноты Христовой истины мы не имеем в себе — не только в жизни, но и даже в сознании. Кроме того, начнется общественное служение Церкви, т. е. действительное утверждение Христовой правды в чуждых ей политических, общественных и экономических стихиях<sup>382</sup>. Верующие миряне, утверждаясь в общинной жизни и прикасаясь в ней к идеалу истинно христианских отношений, понесут свой опыт ко всем стоящим вне общины и не верующим и будут стараться всеми силами установить среди них справедливые отношения, помогая слабым против сильных, уничтожая безбожную эксплуатацию капиталом труда.

Итак, наши чаяния от будущего Собора сводятся к следующему:

Собор во имя Христово откажется признавать царя самодержавным и потребует от царя как от одного из верующих отказа от самодержавия.

Собор восстановит истинно-каноническую жизнь в Церкви созданием живой церковной единицы — прихода, ведающего весь свой внутренний распорядок и избрание священнослужителей.

На Собор в качестве равноправных с духовенством членов будут допущены миряне<sup>383</sup>.

<sup>382</sup> «Православие имеет в себе необходимую силу все упорядочить — и внутренний наш, и внешний мир, и политику, и всякую семейную, гражданскую и экономическую жизнь» (Иоанн Кронштадтский, *св. прав. Живой колос с духовной нивы*. М., 1998. С. 46).

<sup>383</sup> При апостолах на Соборе присутствовала вся Церковь Иерусалимская — пресвитеры и братья (См.: Деян. 15). «На Соборе должны быть депутаты: 1) от монастырского монашества русского, по избранию это-

Последний пункт мы считаем очень важным и потому скажем о нем в следующем обращении к епископам отдельно.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>384</sup>

[30.04.1905. СПб. — Киев]

1905.IV.30

Ну, дорогой Петр Павлович, совершаются у нас такие дела, о которых даже и не снилось. Начну с конца. Я сижу в ожидании пристава и чиновника при С.-Петербургской светской полиции, которые у меня сегодня уже были...

Хроника газет «Нового времени» и слава оповестили уже мир о том, как нас разогнала полиция.

Ввиду агитации, поднятой охранительной печатью и обер-прокурором Св. Синода против нашего Митрополита, серьезно грозившей переводом его в Москву и заменю Владимиром<sup>385</sup>, среди Петербургского духовенства возник вопрос о выражении ему сочувствия. На общепастырском собрании епископ Кирилл не дал хода делу. Тогда отец Лахостский перенес вопрос на кружок. Прихожу я 27-го апреля для последнего обсуждения нашей записки о составе собора и застаю речи «за» и «против» подачи адреса от кружка. Держал речь, в которой высказал ту мысль, что Митрополит терпит за наше общее дело церковного обновления и нам не должен кусок в рот идти, если мы отнесемся к этому равнодушно. Решено было поднести адрес. Поручили мне составить его тут же на собрании. Ввиду того что у меня лично мысль об адресе являлась раньше,

---

го монашества; 2) от белого духовенства русского, по избранию этого духовенства; 3) от православных мирян, по избранию мирян. Примерно каждая епархия должна избрать по два депутата из каждого разряда» (*Иенатий (Брянчанинов), свт.* О необходимости Собора... С. 187).

<sup>384</sup> Печатается с комментариями по: *Балакшина*, 2014. С. 316–321.

<sup>385</sup> Имеется в виду митрополит Владимир (Богоявленский).

я в полчаса написал текст, который с небольшими поправками был принят. Текст адреса таков.

Ваше Высокопреосвященство!

Законоположник нашей веры Господь Иисус Христос говорил Своим ученикам: «Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. (Ин 15:20). И мы знаем, какой наивысшей силе клеветы и преследованию подвергся от руководителей религиозной жизни Тот, Кто есть Свет, Путь, Истина и Жизнь...

И вы, Первосвяtitель нашей Церкви, сделали в последние дни предметом злых наветов со стороны некоторых органов печати, издавна взявших на себя под лицемерным покровом охранения религиозной истины нехристианскую задачу чернить всех разномысленных с ними людей.

Не верим газетным известиям о том, что к этим инсинуациям присоединились лица, близко стоящие к нашему церковному управлению. Но самое появление этих летучих слухов глубоко возмутило нас. Обидные угрозы по Вашему адресу раздались в то время, когда Вы, Владыко, твердо решили возратить строй нашей церковной жизни к древнему каноническому началу вселенской соборности и тем самым дать возможность нашей православной церкви проявить всю присущую ей силу и величие. И это не одно только простое временное совпадение...

Примите от нас, наш Архипастырь, выражение сыновнего страдания за своего отца и нашего преданного Вам сочувствия. Верьте, Владыко, скорби и боли, наносимые Вашему сердцу за одинаково дорогое всем нам дело церковного обновления — наши скорби и наши боли. И верные завету Спасителя об одинаковом кресте учителя и преданных ему учеников мы готовы разделить с Вами возможные в будущем тяжелые последствия недостойной агитации против Вас...

По обычаю хотели дело подписи адреса отложить на неделю, — я вызвался в один день написать на машинке адрес и оповестить все столичное духовенство. Я выполнил это, хотя и пришлось написать около 400 адресов и облизовать столько же марок. Экземпляр повестки прилагаю, как имеющей значение для последующего.

К началу собрания 29-го явился в залу пристав и потребовал разойтись, ссылаясь на распоряжение градоначальника. Документа на мое требование не показали. В течение часа происходил приезд и отъезд иереев, протоиереев. Некоторые не могли воздержаться от слез огорчения. Заявление мое, что на наши собрания дано раз навсегда благословение Митрополита, осталось безрезультатным. Четверо нас тут же в соседнем доме решили созвать на завтра пастырский кружок...

Сегодня с утра начались приезды многих иереев и протоиереев. Некоторые подписывались, а других я убедил обождать. Сегодня же утром был вызван к митрополиту отец Лахостский как председательствовавший на нашем кружковом собрании. «Я глубоко благодарен духовенству, в сочувствии которого я не сомневался. Но ради послушания прошу адреса мне не подносить». Когда отец Павел сказал ему о вмешательстве полиции 29-го, он был очень поражен и возмущен...

В 2 часа дня ко мне пришли пристав нашей части и чиновник особых поручений С.-Петербургской высшей полиции. У меня был отец Егоров, который удалился по моей просьбе в соседнюю комнату, из которой, как думаю, все слышал. Удалился он потому, что гости хотели говорить наедине. Вот диалог.

— Был у Вас лист с подписями?

— У меня.

— Позвольте его нам.

— Не дам.

— Но мы имеем распоряжение начальства об отобрании его у Вас.

- Предъявите мне документ об этом.
- Мы его не имеем. Но наше служебное положение...
- Тогда извольте письменно потребовать от меня. Вот

Вам и бумага, и чернила.

Начал что-то писать:

- Ну, а тогда отдадите его нам?
- Нет. Я вам также письменно напишу, что Вы не имеете никакого права просить его у меня.

Опять начал писать. Не выходит, видимо, ничего...

- Лучше, быть может, поедемте к начальнику сыскного отделения, и Вы объясните ему все.

— Самый факт Вашего присутствия в моей квартире я как священник считаю глубокой обидой для себя и не оставляю его без расследования и доведения до сведения самого высокого сыскного отделения! Пусть Ваше начальство потребует меня к себе, а по своей инициативе никогда нога моя не будет у Вас. Я прошу передать Вашему самому высшему начальнику, что о Вашем поведении мною будет официально сообщено ведомству учреждений Императрицы Марии, в котором я служу... Я глубоко уверен, что самое высшее начальство разъяснит Вашему начальству, какое возмутительное деяние совершили Вы, полиция, вчера, — совершаете допросом меня сегодня... В противном случае я был бы оскорблен в самых святых чувствах...

- Я тогда поеду к начальнику и вторично, если будет нужно, приеду, или кто-либо другой за меня к Вам.

Я дома до 5 часов вечера и с 9—10 часов вечера, а гостей нет...

Что ты, дружище, скажешь на сие? Графине я все сообщил. «Ну, теперь как же с теорией одного внутреннего совершенствования?» Она возмущена.

Появление у меня сыщика с требованием листа с подписями явно указывает на то, что все дело идет от обер-прокурора... Позорит он Церковь. Позорит Государя. Нет, дорогой, «в удушливой атмосфере помойной ямы розами пахнуть не может». Завтра еду к Митрополиту с докла-



дом о происшедшем. А вечером обсуждаем, как поступить в дальнейшем. Возбуждены все очень...

Сегодня же вызываю игуменью Екатерину, которая изъявила желание лично доводить по делу церковной реформы до сведения Императрицы Александры Феодоровны, которая просила ее об этом. Я лично убежден, что здесь и в других случаях бюрократы-сыщики — наизлейшие враги Государя. И доведение до него истинных сведений необходимо. Суди, даже Митрополит не знает, какая ведется против него агитация. А мы знаем от многих сановных лиц. У графов Игнатьева и Шереметьева<sup>386</sup>, мечтающих об обер-прокуратуре, ведутся деятельные собрания с участниками из духовенства, кумовьев Победоносцева. А Синодские чиновники без скрежета зубовного о нас говорить не могут. Я почти разошелся с лучшими из них, как, например, с Вишневским Н. Л.<sup>387</sup> Я теперь всем нутром сознаю, какое величайшее зло Синодальный бюрократизм...

Одно дело, несомненно, сделано. 6-го мая Саблер возводится в действительные тайные советники и увольняется от должности, говорят, по настоянию Победоносцева. Если и так, то верно. Второе дело — Митрополита от нас не возьмут: будет великий скандал. «Если оправдается вздорный слух об увольнении Петра Павловича, — говорил я графине, — для меня нет психологической возможности оставаться на службе. Подавлюсь Вашим хлебом. Я решил отправить тогда свою семью вместе с его в Алексеевское, а сами найдем здесь пока, что делать.... В известной степени приладилось это и к Митрополиту: последние слова адреса для меня — и не одного меня — больше, чем фраза... Трудно предвидеть ход дела в будущем. Одно немного страшит, как бы не расправились со мною в мое отсутствие... Отличный у нас обычай — 20 мая выдавать жалованье за июнь и июль...

<sup>386</sup> Вероятно, имеются в виду граф Николай Павлович Игнатьев (1832—1908) и граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844—1918).

<sup>387</sup> Сотрудник журнала «Миссионерское обозрение». — В. К.

Думаю, что граф Протасов ухватится за последние события, чтобы обличить меня в «гапонстве» но... почему-то и тут смотрю на будущее спокойно.

11 часов, а «гостей» нет!

### К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>388</sup>

[1.05.1905. СПб. — Киев]

1905.V.1. 12 часов ночи

Сейчас только возвратился с собрания кружка. Спать не хочется. Пишу в дополнение сегодня опущенного письма.

Был у Митрополита. Утром у него был уже с извинением градоначальник. по словам Митрополита, дело обстояло так. В самый день нашего собрания генерал-губернатор получил, мол, повестку с анонимным письмом, в котором предупреждалось, что под видом пастырского собрания готовится революционная сходка. Полезли справляться о моей личности в «Весь Петербург» по изданию... 1903 года, где, конечно, я не значился. Такого священника и нет... И пошли писать губернии! А пристав вместо того, чтобы догадаться разъяснить ошибку, ничтоже сумняшеся, начал просить об уладе...

Как видишь, по такой передаче совершилось нечто до того несуразное, что нарочно не выдумашь. Градоначальник, по-видимому, извинялся пред Владыкой за меня, в то же время выставил на вид, что я резко обошелся с его чиновником. Другим Митрополит говорил, что они обидели отца Аггеева. А Лахостский сказал, что я бы прямо выгнал сыщиков...

Я передал свою беседу и сказал, что иного говорить я не мог и не могу. Я лично и все духовенство глубоко обижено. С объяснением градоначальника не вяжется факт посылки ко мне сыщика и пристава. Ну, сделана ошибка.

<sup>388</sup> Печатается по: Балакишина, 2014. С. 321–323.

Зачем же на другой день ее усугублять? И потом, при чем же здесь требование списков.

Я указал на это Владыке. — «Хотели проверить!»

Что-то тут неладно! А газеты трубят. Прочти сегодняшнее «Слово».

Митрополит просил приостановить все собрания кружка. «Все мы измучились, исстрадались, изнервничались. Жду не дождусь, когда вы разъедетесь на летний отдых. А с осени начнем...»

Собрания приостановлены. Сегодня избрано бюро из известных тебе пяти лиц. Вторую записку о составе Собора подал Митрополиту, и постановлено теперь же напечатать ее во что бы то ни стало, т. е. хотя бы вопреки категорически выраженной воле начальства. Мы, впрочем, надеемся на согласие Митрополита, ибо записка строго научна и корректна.

Отец Чельцов ввиду стряпшейся надо мной курьезной оказии взял в типографии «Руси» мое антиантониевское письмо и советует мне пока его не печатать. Я так и поступлю. Пусть поутихнет немного брожение.

Целую всех.

Любящий свящ. К. Аггеев.

Екатерину вызвал. И чрез нее представляю доклад Императрице о составе Собора.

Прочти в «Русском Слове» от 1 мая о последнем общепастырском собрании и последующем собрании кружка 29 апреля.

**В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому**<sup>389</sup>

[01.05.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Заседание произойдет в среду 4 мая ровно в 7 ½ вечера на квартире Шер. Мы оставили для вас и для Алексея Сергеевича 10 билетов (билеты бесплатны). Если у вас не найдется столько желающих, то, будьте доб-

<sup>389</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 170.

ры, черкните открытку (адрес мой: Пречистенка, д. Со-рокиной, кв. 15). Если вы и Алексей Сергеевич не очень уж заняты, то я очень прошу вас приехать.

Всего доброго. В. Э.

### Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>390</sup>

[1.05.1905. Ялта — СПб.]

Ялта. 1 мая 1905

Мне грустно, что я не получил от Вас ни одной строчки. А я думаю о Вас так часто. Простые детские мысли, которые бы Вам понравились, но написать их невозможно. Здесь чудесно: земля, небо и море — одна воплощенная влюбленность — в кого — в Кого — неизвестно. Кипарисы такие нежные и стройные, что их хочется обнимать. Запах распускающихся лоз, в котором есть уже запах вина, — душа юного Диониса<sup>391</sup>, — смешан с крепким и соленым пронзительным запахом моря. Вы любите запахи? Я знаю, что любите. Мне хотелось бы вместе с Вами вдыхать теплый солнечный аромат чайной розы, так чтобы наши губы сближены были почти поцелуем в этом благоуханьи.

Но как ни хорошо здесь, вспоминаю, как Вы сидели, белая, на корточках перед розовым пламенем камина. Вспоминаю Ваши чуждые милые смеющиеся глаза. Зачем я их не поцеловал на прощание? О, Бэла, позвольте их поцеловать хоть отсюда, из-за тысячи верст. Кажется, поцелуй будет достаточно невинный.

<sup>390</sup> Печатается с комментариями по: Быстров, 1994. С. 222.

<sup>391</sup> В ответном письме от 7 мая 1905 г. Л. Н. Вилькина, рассказывая о собрании литераторов в редакции журнала «Вопросы жизни», где выступил с рефератом Ф. Ф. Зелинский (см. об этом в примеч. к письму от 11 мая 1905 г.), в частности, заметила: «...если бы вы были среди собравшихся — событие стало бы ярче и прекраснее. При вас, может быть, к нам сошла бы «душа молодого Диониса», которую вы чувствовали в запахе распускающихся роз» (РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. Ед. хр. 803. Л. 18).

Мы уедем через неделю в Константинополь. Но пиши сюда в Ялту до востребования. Я велю переслать письма.  
Д. Мережковский

**И. П. Каляев — матери**<sup>392</sup>

[Б. д. май 1905?]

Дорогая, незабвенная моя мать!

Итак, я умираю. Я счастлив за себя, что с полным самообладанием могу отнестись к моему концу. Пусть же Ваше горе, дорогие мои, — Вы все, мать, братья и сестры — потонет в лучах того сияния, которым светит торжество моего духа.

Прощайте. Привет всем, кто меня знал и помнит.

Завещаю Вам: храните в чистоте имя нашего отца.

Не горюйте, не плачьте. Еще раз прощайте. Я всегда с Вами.  
Ваш И. Каляев.

[2.05.1905]

Дорогая мать моя!

Пользуюсь еще раз случаем, чтобы передать Вам мой привет, хотя я и не уверен вручат ли Вам это письмо.

Состояние моего духа неизменно! Я счастлив сознанием, что поступил так, как этого требовал мой долг. Я сохранил в чистоте мою совесть и не нарушил целостности моих убеждений. Вы знаете хорошо, что у меня не было личной жизни для себя и если я и страдал в жизни, то лишь страданиями других.

Было бы смешно заботиться мне о сохранении жизни теперь, когда я так счастлив своим концом. Я отказался от помилования и вы знаете почему. Не потому, конечно, что я расточил все свои силы телесные и душевные — напротив — я сберег все, что мне дала жизнь ради моего конечного торжества в смерти. Я всегда чувствовал, что я обречен

<sup>392</sup> Печатается по: Иван Платонович Каляев. С. 45—46.

с малых лет, и мне ничего не жаль из моей личной жизни. Я не могу принять помилования, потому что мои личные убеждения не позволяют мне этого. И вы должны принять мое решение твердым мужеством, какое только может проявить любящее сердце. Не плачьте обо мне — будьте счастливы, все равно как если бы я был с Вами не разлучен, потому что действительно я буду всегда с Вами не разлучен.

Если более не увидимся на свидании, — прощайте!

Кажется, мне не у кого просить прощения личных обид. Вот сейчас разворачивается передо мной картина варшавской жизни, шумных улиц и сияющего над ними солнца. Кланяйтесь же от меня Варшаве. — Прощайте.

2 мая

Ваш неизменный И. К.

### Иоанн Кронштадтский. Дневник<sup>393</sup>

[2.05.1905]

2 мая. Убей во мне, Господи, всякое плотское греховное стремление, оскверняющее меня и разлучающее от Тебя, Источника жизни и святости. Буди!

Господи, болит душа моя грешная тлением. От тли избави мя Духом Твоим Святым. Вижу плоты из многих деревьев и сжимается сердце мое: зачем, думаю, истребляют леса и оголяют землю, а богачи наживают огромные капиталы и плохо, скудно оплачивают труд простолудинов, крестьян. В Архангельске лесопромышленники наготовили горы бревен и досок для продажи англичанам. Но что тебе за дело, что лесами торгуют и лесопромышленников обогащают? Уж не жаль ли тебе, что и луга косят, и сено

<sup>393</sup> Печатается по: *Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. 1908, май — ноябрь. М. ; СПб. ; Кронштадт, 2006. ([https://azbyka.ru/otechnik/Ioann\\_Kronshtadtskij/dnevnik/3](https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshtadtskij/dnevnik/3)). (Далее: *Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник*).*

убирают, и нивы пожинают, и хлеб в житницы убирают? Уж не жаль ли тебе, что и солнце лучезарное светит и всю землю освещает и оживотворяет? Горняя помышляй человек, а не земная. О как хитер враг бесплотный, уязвляющий сердце пристрастием к тленным вещам видимого мира, — сердце, которое должно быть храмом Божиим.

**Андрей Белый — П. А. Флоренскому<sup>394</sup>**

[2.05.1905. Москва]

2 мая 1905, Москва

Дорогой Павел Александрович! 4-го мая Эрн читает реферат о собственности у Христофоровой<sup>395</sup>, и в то же время мы приурочили к дню этого чтения собрание будущего общества памяти Владимира Соловьева<sup>396</sup>. Пожалуйста, приезжайте с Алексеем Сергеевичем и, быть может, Троицким. Более 30—40 человек не будет. Будут только действительно интересующиеся. Глубокоуважающий Вас и любящий Б. Бугаев

P. S. Зайдите ко мне.

**Вяч. И. Иванов — Андрею Белому<sup>397</sup>**

[Май 1905. Москва]

Дорогой, я приехал сегодня в Москву дня на четыре; мой адрес №№ Троицкой (№ 28) у Никитских Ворот. Как уви-

<sup>394</sup> Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 467—468.

<sup>395</sup> Клеопатра Петровна Христофорова (?—1934) — хозяйка московского салона, интересовавшаяся религиозными вопросами, близкая к кругу символистов, руководительница московского оккультного кружка. О ней см. в воспоминаниях А. Белого «Начало века».

<sup>396</sup> В это время МРФО только создавалось, первые его заседания начались осенью 1905 г.

<sup>397</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов, Малмстад*, 2015. С. 43. Записка карандашом. Датируется по содержанию. После приезда в Мо-

даться? Буду ждать записки, потому что едва ли когда буду дома.

Вячеслав Иванов.

[На полях:] Ради Бога — адрес Эрна!

### **В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>398</sup>**

[7.05.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Во вторник, 10-го в часов 8, «учредители» Общества соберутся к Рачинскому, чтоб: 1) подписать устав; 2) условиться насчет 1-го заседания; 3) сообразить, кто что может написать летом; 4) вообще поговорить и выяснить сообща много недоговоренностей. Хорошо бы было, если б вы и Алексей Сергеевич приехали. Это просит вам передать Рачинский. Всего вам самого лучшего. Когда вы думаете ехать в Тифлис?

Ваш В. Э.

### **П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну<sup>399</sup>**

[8.05.1905. Сергиевский Посад — Москва]

Дорогой Володя!

---

скву Ивановы отправились в Петербург, но в середине мая вернулись в первопрестольную. О мае 1905 г. Белый записал: «...приезд в Москву Вячеслава Иванова (...) Бурные прения на моих воскресеньях (с участием Иванова)» (*Белый А.* Автобиографические своды, 2016. С. 359). В дневнике Зиновьевой-Аннибал читаем: «Андрей Белый злой и выдохшийся» (*Зиновьева-Аннибал Л. Д.* Из дневника 1904 и 1906 гг. / Публ. А. Шишкина // на рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М. ; СПб., 2009. С. 792).

<sup>398</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 171.

<sup>399</sup> НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 3. Ед. хр. 93. Л. 1. Открытка. Адрес: Москва, Пречистенка, д. Сорокиной, кв. 15. Владимиру Францевичу Эрну. Почт. шт. отпр.: Сергиевский посад. 8.5.1905.



К сожалению, никто из нас не мог приехать на заседание, так как у всех экзамены, и следуют друг за другом так часто, что при даже невероятно легкомысленном отношении к делу приходится сидеть за книгами (или рукописями) почти целый день. Дать же знать Вам заранее я не мог, так как получил Ваше письмо поздно и ответ все равно опоздал бы.

На днях тут был проездом папа. Он оставил мне для Вас посылку и письмо из дому (от Вашей мамы), но я не знаю, когда я смогу доставить Вам их. Хотите — пришлю посылкой. Или, быть может, Вы заедете ко мне (хорошо бы в понедельник 10-го, после 1-го часа дня) повидаться: после экзаменов не знаю, увидимся ли, так как я, по всей вероятности, уеду по делам в С.-Петербург, и даже не знаю как и что, хотя, по всей вероятности, поеду домой на время.

Ваш П.  
198/V 05

**В. В. Розанов — Д. В. Философов<sup>400</sup>**

[1905?]

Дорогой Дмитрий Владимирович!

Принесите завтра статью вашу обо мне — ужасно хочется заглянуть хоть! 1—2 страницы, начало и конец. Пожалуйста!! Почему-то я думаю, что она не будет напечатана за сим [нрзб].

В. Розанов.

<sup>400</sup> РО РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 80. Л. 6. Подготовлено к публ. Е. В. Глухой.

По-видимому, речь идет о статье: *Философов Д. В.* В. В. Розанов. Около церковных стен. Статья включена в книгу: Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901—1908 гг.). СПб., 1909. — В. К.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>401</sup>**

[9.05.1905. СПб. — Киев]  
1905.V.9

Сегодня в один день два письма, чрезвычайно порадовавшие меня: одно от тебя, дорогой Петр Павлович, другое от жены. Маня даже как-то поднялась над своей семейственностью: «Чтобы с тобой ни случилось, — пишет, — я нимало не беспокоюсь, ты поступал честно». И вместе с тобой просит приехать поскорее.

Не нужно, конечно, дело представлять мрачно... При всем том граф Протасов поднял бурю. По сообщенным мне вчера утром сведениям из несомненно достоверного источника, полицмейстеру Смольного Института — есть такая особая должность — поручено иметь наблюдение за моей квартирой, которая сделалась, по словам графа, «местом преступных собраний...». Получил я это известие утром, а вечером предположено было у меня маленькое собрание с участием из «Вопросов Жизни» Булгакова, Волжского, Аскольдова, Карташева. Мы решили с графиней никоим образом не прекращать моей деятельности. И собрание состоялось... Графиня, ты, конечно, это поймешь, теперь, может более, чем когда-либо, готова защищать меня... Но чувствуется к тому же то, что в ее воззрениях происходит эволюция, вроде также необычайно порадовавшей меня перемене в Зотиковиче... Последние факты возмутительного и какого-то нелепого давления уклада жизни оказались более убедительными, чем все теоретические рассуждения...

Положение дела такое. Граф рад был бы меня спихнуть. К нему теперь присоединяется и Олив<sup>402</sup>, который демон-

<sup>401</sup> Печатается с комментариями по: Балакишина, 2014. С. 323–325; Чертков, 2017. С. 171–172.

<sup>402</sup> Сергей Васильевич Олив (1844–1909) — генерал-лейтенант, почетный опекун по Санкт-Петербургскому присутствию, товарищ главноуправляющего Собственной Е. И. В. канцелярией по учреждениям императрицы Марии. — В. К.

стративно в моем присутствии, неизменно молчаливом, говорит: «Если бы мне власть хотя бы на один день, я бы заполнил все улицы Петербурга виселицами...» Мое молчание его, видимо, как-то раздражает... И все-таки я думаю, что без всякого преступления с моей стороны если что и можно сделать, то так называемый «почетный уход»... Как назло: с ученицами удивительно хорошие отношения. Второй и первый классы моим уходом, если бы таков оказался необходимым, будут очень огорчены.

На днях пойду благодарить Митрополита за крест, данный мне, конечно, по его инициативе. К слову: он наградил вне очереди даже всех главарей кружка — Лахостского, Слободского, Чельцова, Егорова — скуфьей раньше меня. Остался один Колачев и то потому, что не его ведомства. Этому факту придает значение... С Митрополитом, вероятно, буду говорить, хотя он со мною как-то уважительно сдержан.

Флавиан<sup>403</sup> «32-мя» очень недоволен, а мною особенно. Говорил Матушке Екатерине: «Вот будут выборы патриарха. Пусть выберут Константина Марковича...» — «Передайте — сказал я, — Владыке, что в случае избрания был бы не хуже некоторых.... С Антонием Волынским и с Флавианом связь порвана, что с моей стороны выражено, конечно, в одном: не иду к ним. Сегодня прочитал в газетах о приезде в Петербург Платона. И все же не иду и не пойду в случае телефонного зова на Киевское подворье<sup>404</sup>.

Флавиан говорил, что ни за что не допустит на собор белое духовенство и мирян. А мы свою вторую записку, читанную вчера на нашем собрании и одобренную всеми, заканчиваем словами: Собор из одних епископов неминуемо вызовет раскол.

<sup>403</sup> Флавиан (Городецкий, 1840–1915) — епископ Русской Православной церкви, митрополит Киевский и Галицкий. — *В. К.*

<sup>404</sup> Киевским подворьем называлась церковь Успения Пресвятой Богородицы Киево-Печерской Успенской лавры Киевской епархии, расположенная на набережной Васильевского острова (ныне — подворье Оптиной пустыни).

Вчерашнее собрание прошло очень хорошо и мило. Сергей Николаевич Булгаков говорил мне о собеседовании у тебя. Он результатами его очень доволен. Читали мы нашу записку и корректурную статью Булгакова по поводу Собора и записки 32-х<sup>405</sup>.

Много говорили о сборнике и о еженедельной газете с участием, самым деятельным, «Вопросов жизни»<sup>406</sup>. Открываем новое обстоятельство: «Церковный Вестник» гибнет за уходом Сергия, и Александра Петровича Рождественского, и сотрудников таких, как Карташев: он вел «Последние заметки и известия». Между нами, он ведет в «Вопросах Жизни» «Религиозную хронику» под псевдонимом Уральского. Намечены редакторами... свящ. Аггеев и Карташев. Это тоже между нами. Официальным будет кто-либо безвинный. Теперь я веду деятельные письменные сношения с отцом Петровым: журнал может быть изданием Сытина... Но обо всем этом так много нужно говорить с тобою, что оставлю до личного свидания. Когда состоится оно? Проситься раньше у графа, ты понимаешь, нельзя. Да и не придется ли съездить к Сытину?..

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>407</sup>

[10.05.1905. СПб.]

1905.V.10. Смольный

Дорогой Петр Павлович!

После общего совета с графиней я сегодня утром отправил изложение дела последних дней генералу Оливу. И очень хорошо сделал. Оказалось, генерал наш далеко

<sup>405</sup> См.: Булгаков С. Политическое освобождение и церковная реформа // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 491–522. — Прим. С. Черткова.

<sup>406</sup> О попытке издания еженедельника см.: Колеров М. Не мир, но меч. С. 164–170. — Прим. С. Черткова.

<sup>407</sup> Печатается по: Балакишина, 2014. С. 321–324.

не безобидный старик. Узнав от своих агентов, «которые живут и среди вас», как говорил Олив, о том, что главными инициаторами священнического движения являются законоучители Смольных Институтов., затаил в себе большое неудовольствие против нас. А как только донесли ему, что у меня были полицейские, мигом полетел к генерал-губернатору, надеясь получить против меня веские данные. Там лишь узнал оставленные против меня фактически ложные обвинения, что я устроил у себя на квартире недозволенное вечером собрание: так понято было приглашение подписывать адрес.

Я пришел к Оливу с жалобой на градоначальника и в этом тоне говорил с ним. Передал ему все известное. Олив старался подчеркнуть хорошие отношения ко мне и Егорову. Граф, по его словам, человек старинный и никак не может примириться со священниками новой формации. Вот предшественники Ваши — для пояснения — наши антиподы — были в его духе.

А я ему говорю: «Тех время прошло. Теперь нужны люди, не одними поборами занимающиеся и панским величанием. Теперь нужны идейные работники»... Очевидно, он относит нас к последним.

— Не хотите ли Вы поговорить с графом?

— Охотно, но думаю, что ничего кроме раздражения этот разговор не даст. Я ведь сам знаю отлично, насколько я не подхожу под мерку графа. Вас, во всяком случае, прошу представить дело так, как оно было, за что буду очень благодарен...

Этим и кончилась наша беседа, длившаяся 1 ½ часа. Чего-чего только я не наслушался: и о Комитете министров, и о Государственном Совете!.. Повторю, что писал в прошлом письме: без улик нелегко вышвырнуть человека. Прими же к тому во внимание: каждый из нас слабый в отдельности — силен, как находящийся в полосе определенного течения... С этим нельзя не считаться. Я лично спокоен. А графиня так подчеркивает свое отношение ко мне, что у меня не подыма-

ется язык сказать о переходе в Педагогический Институт. На защиту меня она смотрит как на радостный подвиг.

Сегодня готовлю — сообщи непременно Зотиковичу — доклад о неотложных нуждах наших для передачи в Царское Село. Завтра графиня едет туда. Передаю и обе наши записки. В докладе ставлю вопрос о необходимости немедленной организации союзов православия, объединенных между собою свободою сношений. Прошу только о том, чтобы оставлена была мысль о таких союзах, председателями которых делается начальство: из этого, пишу, ничего не выйдет. Что вышло из пастырских собраний в Петербурге и Киеве, кроме траты времени?

Нужны свободные организации священников и мирян. Пишу далее о неотложной необходимости широкой литературной деятельности в противовес атеистической пропаганде. Всякие ограничения нас в этом отношении послужат только ко вреду Церкви...

Как много мне дал нынешний год! Как уяснились мои собственные воззрения! Много я тебе писал, но все эти письма только вскрывают мой внутренний мир. Суди, как хочешь: беседы уста ко устами.

Передай Завитневичу, что было бы очень желательно собраться кружку в день моего приезда. Ввиду будущей совместной работы необходимо нам уясниться. Я передам всю историю нашего движения и те определенные выводы, к которым мы пришли.

Целую всех вас.

Любящий свящ. К. Аггеев.

**В. А. Кожевников — Ф. Д. Самарину<sup>408</sup>**

[10.05.1905. Исар]

Исар. 10 мая 1905

<sup>408</sup> Печатается с комментариями по: Дубинин, 2005. С. 290.

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич!

Уезжая, по хозяйственным делам<sup>409</sup>, на лето из Москвы, считаю долгом принести Вам искреннюю, сердечную благодарность за неустанные и разнообразные труды Ваши по делам нашего Кружка<sup>410</sup>; тем более признателен Вам, чем менее я сам мог содействовать Вам вследствие своего малого опыта в делах этого рода. Дай Бог, чтобы труды Ваши принесли возможно большую пользу родине в предстоящих ей тяжелых переменах переустройства внутреннего, а может быть, и внешнего.

Корреспонденцию, относящуюся к делам Кружка, будьте любезны направлять по следующему адресу: Ялта. Исар, мне, своя дача. Отсюда мне будут пересылать присланное Вами на места моих летних передвижений.

С совершенным почтением остаюсь преданный Вам  
В. Кожевников

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>411</sup>**

[11.05.1905. Ялта — СПб.]

11/V 05 Ялта

Обрадовался Вашему письму, но огорчился, что Вы пишете о всяких важных пустяках — о политике, о полицейских, о Зелинском<sup>412</sup>, об Елене Прекрасной<sup>413</sup>, а не о главном,

<sup>409</sup> Как выясняется из письма от 7 июля 1905 г., В. А. Кожевников ездил в Тамбовскую губернию в свое имение.

<sup>410</sup> Вероятно, речь идет о «Кружке москвичей».

<sup>411</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 223.

<sup>412</sup> Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944) — российско-польский исследователь, популяризатор античности, литературовед, поэт-переводчик, профессор классической филологии С.-Петербургского университета. Он поддерживал дружеские отношения с И. Анненским и особенно с Вяч. И. Ивановым, увлекался музыкой Р. Вагнера и философией Ф. Ницше.

<sup>413</sup> В письме от 7 мая 1905 г. Л. Н. Вилькина сообщала Мережковскому: «Здесь последние дни были полны событий, и все живо чувствовали ва-

единственном, что мне хотелось бы узнать от Вас: могу ли я когда-нибудь сделаться Вам ближе, чем я теперь, можете ли Вы меня полюбить хоть чуточку. Зачем мне это? Значит, надо, если я хочу. Я чувствую, что мог бы сделаться «неосторожным» и даже, пожалуй, «беззащитным»<sup>414</sup>. Но для этого нужно, чтобы Вы мне поверили, — вернее, чтобы Вы поверили в меня, в мое существование, поверили, что я есмь. А до сих пор Вы в это не верите. Вы как-то писали мне, что меня совсем не знаете. Почему же Вы не хотите узнать меня? Неужели же я так мало любопытен, даже помимо моего отношения к Вам, просто как человек, ну, хотя бы просто как писатель? Поймите же, я хочу, чтобы Вы увидели меня, а для этого нужно посмотреть на меня. Вы же до сих пор смотрели мимо меня, сквозь меня — на другое, что за мною. Я для Вас — пустое место. Это грустно, это даже унижительно. И неужели это будет так всегда? И если я продолжаю приставать к Вам,

---

ше отсутствие. Вчера вечером Зелинский читал в редакции “Вопросов Жизни” реферат “Соперница христианства Елена Прекрасная” (мне реферат показался не по-русски красноречивым и скучным). В половине первого, в самом разгаре прений, в редакцию ворвалась полиция с городовыми и понятыми. Бердяев и Чулков, вспомнив свое славное прошлое, набросились на полицейских с бранью и стали их гнать из квартиры. Бедный Зелинский, на которого молодежь смотрела с ожиданием, растерял все свое красноречие и молчал так, как будто он никогда не слышал о существовании Цицерона. Впрочем, история кончилась ничем» (РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. Ед. хр. 803. Л. 23). Ф. Ф. Зелинский в своем реферате утверждал, что героиня мифов о Троянской войне Елена Прекрасная, олицетворение всепобеждающей женской красоты, являлась одним из воплощений борьбы языческих религий Запада с христианством, что образ ее играл определенную роль в процессе «эллинизации христианства» (см.: *Зелинский Ф.* Из жизни идей. Т. 3. Соперники христианства. СПб., 1907. С. 153–185).

<sup>414</sup> В начале того же письма от 7 мая Вилькина писала: «Я рада вашим ласковым письмам. Письмо человека как будто больше его слова. В особенности письмо, полученное издалека, обвеянное магией пространства. Но как вы осторожны! Как боитесь, что я поверю в вашу любовь! Как вы защищаете себя! Не кажется ли вам, что в любви “блаженны беззащитные”, ибо они возбуждают взаимность и сочувствие» (РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. Ед. хр. 803. Л. 23).



значит, я смотрю на Вас серьезно. И это ли еще не «беззащитность» — чувствовать, что не существуешь для человека, и все же приставать к нему? Положим, мне иногда нравится, что Вы меня не любите и не можете полюбить, но Вы меня уж слишком не любите — до того, что Вам со мною скучно, и нечего сказать мне, и, так как Вы все-таки не хотите быть невежливы, то, отвечая на мое письмо, в высшей степени не политическое, Вы пишете мне о политике!..

Первый признак, что Вы не верите в мое существование, — то, что Вы стали искать доказательств, чтобы поверить. Что-то внешнее могло заставить Вас не верить мне; Вы ищете знамений. И знаменья Вам не дадутся, пока Вы будете их искать. Не вера от знамений, а знаменья от веры. Не вера от чудес, а чудеса от веры — и может быть, величайшее из всех чудес, которое — пока Вы не верите — мне и называть не хочется...

Через три дня едем в Константинополь. Напишите туда. Вернусь в Петербург 1 июня или немного позже. Будете ли Вы там? Можно ли к Вам прийти<sup>415</sup>?

<sup>415</sup> Сохранился черновик письма Л. Н. Вилькиной (возможно неотосланного), являвшегося ответом на данное письмо Мережковского. В нем она в завуалированной форме, но достаточно ясно и откровенно, высказывала свое отношение к Мережковскому в тот период их «дружбы»: «Вы мне кажетесь беседкой, стоящей на вершине горы. Кто достигнет этой вершины, перед тем откроется беспредельный вид на землю и море. Над ней склонились широкошумные деревья (?), даряя прохладу и тень, кругом растут райские цветы, но беседка выкрашена едкой, несмываемой ядовитой краской, и к ней прибита надпись: *prenez garde a la peinture* [осторожно! окрашено! (*фр.*)]. Дмитрий Сергеевич! Я люблю далекие горизонты и умею их созерцать, я люблю прохладу и тень и знаю толк в аромате цветов. Но я дорожу чистотой своей белой одежды и никогда, никогда не приближусь к беседке, выкрашенной в едкую, несмываемую ядовитую краску. Слишком белы мои одежды и слишком я люблю их белизну. Пишите мне, я рада письмам. Я, может быть, остаюсь в Петербурге все лето. Ваша Людмила» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. № 796. Л. 1—1 об.). на другом листе — фрагмент, относящийся к этому письму: «Ваш упрек или ваша жалоба на то, что я вас не вижу как человека и писателя, не достойны ни меня, ни вас. С тех пор как я впервые на вас

**В. Ф. Эрн — Андрею Белому<sup>416</sup>**

[15.05.1905. Москва — Москва]

(...) Сергей Николаевич Трубецкой<sup>417</sup> очень охотно согласился быть членом Религиозно-философского общества и обещал непрерывно прочесть воспоминания о Владимире Соловьеве. Лопатин<sup>418</sup> тоже согласился и тоже обещал приготовить свои воспоминания.

Устав уже, кажется, двинут в ход.

**Г. И. Чулков<sup>419</sup> — А. С. Глинке<sup>420</sup>**

[16.05.1905]

16 мая 1905

Дорогой Александр Сергеевич!

---

взглянула, я вижу вас. А как писателю я вам обязана многим, что считаю среди сокровищ души. Говорю вам это, хотя знаю, что такие слова странно звучат. И тем не менее...» (Там же. Л. 2).

<sup>416</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 172.

<sup>417</sup> Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905) — религиозный философ, общественный деятель, публицист, профессор Московского университета (1900–1905). Перед самой смертью был избран ректором, один из редакторов ВФП, близкий друг В. С. Соловьева, старший брат Е. Н. Трубецкого.

<sup>418</sup> Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) — философ, профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», корреспондент В. С. Соловьева. — *В. К.*

<sup>419</sup> Георгий Иванович Чулков (1878–1939) — поэт, прозаик, литературный критик, в 1904–1905 гг. литературный редактор журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», в 1906–1908 гг. издатель альманаха «Факелы» (орган мистического анархизма), в 1908–1910 гг. сотрудник журналов «Золотое руно» и «Весы».

<sup>420</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 5–6. на бланке редакции журнала «Вопросы жизни», СПб., Саперный, 10. Тел. 3315. Адрес на конверте: Заказное. Тетюши, Казанской губ. в село Чернышевку, Знаменской. ЕВБ Александру Сергеевичу Глинке. Штемпель: получ. 19 мая 1905.

Ведь я был на вокзале, ей-Богу! Бывают же чудеса и в постороннем мире! Не видел Вас!

Пересылаю Вам гранки, вероятно из «Мира Божия»<sup>421</sup>.

Ваш стол с красным сукном оставляю, хочу оставить за собой<sup>422</sup>. Сколько он стоит?

Передайте мой привет Ольге Федоровне<sup>423</sup>.

Жму Вашу руку. Всего хорошего.

Искренне Ваш

Георгий Чулков

### **Николай, архиепископ Токийский и Японский. Дневник<sup>424</sup>**

[17.05.1905]

17 (30) мая 1905. Вторник.

Ужасное поражение русских! Флот адмирала Рождественского<sup>425</sup> уничтожен: из 28 боевых судов, которые он вел, 15 пущено ко дну, 5 взято в плен<sup>426</sup>; в числе последних такие первоклассные новые броненосцы, как «Орел» и «Император Николай». Адмирал Рождественский ранен и взят в плен,

<sup>421</sup> В журнале готовилась к публикации статья: *Волжский*. Религиозно-нравственная проблема у Достоевского // Мир Божий. 1905. № 6 (июнь). I Отд. С. 161–178 (Гл. I); Мир Божий. № 7 (июль). (Гл. II) / I Отд. С. 109–132; Мир Божий. № 8 (август). I Отд. С. 137–160. (Гл. III–IV).

<sup>422</sup> В результате смены состава редакции «Вопросов жизни» заведующим литературным отделом стал Г. И. Чулков, занявший место А. С. Глинки.

<sup>423</sup> Ольга Федоровна Глинка (урожд. Знаменская, 1877–1960) — супруга А. С. Глинки.

<sup>424</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870–1912).

<sup>425</sup> Зиновий Петрович Рожественский (1848–1909) — командующий Второй Тихоокеанской эскадрой, был тяжело ранен в ходе Цусимского сражения и взят в плен. По окончании войны был отпущен в Россию вновь занял должность начальника Главного морского штаба. Оправдан в ходе судебного разбирательства («Дело о сдаче японцам миноносца “Бедовый”»).

<sup>426</sup> В Цусимском сражении приняло участие 38 русских кораблей и судов. 21 погибли, 7 сдались или были захвачены. Остальные были интернированы или прорвались во Владивосток.

адмирал Небогатов<sup>427</sup> тоже в плену; до 3000 пленных взято<sup>428</sup>, а погибло с судами сколько! Боже, Боже, в отчаяние можно прийти от таких несчастий, непрерывною вереницею тянущихся, одно горше другого. Над воротами Миссии и, конечно, по всему городу и по всей Японии — красные флаги, и японский народ торжествует; теперь для него на море нет врага, он — господин всех окрестных морей. Ничто не идет в голову, одна печаль, молча в одиночестве переносимая... Тем не менее, 8 пакетов отправлено на почту.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>429</sup>**

[18.05.1905. СПб.]

1905.V.18. Смольный

Дорогие Петр Павлович и Анна Елисеевна!

При всем моем желании быть с Вами в день Вашей печали не могу. Отношения мои к графу таковы, что нельзя и думать просить о раннем отъезде. Он поднял против меня опять кампанию. Выяснилось на приеме графини у Императрицы, что граф заканчивает всякий свой разговор с Государыней словами: «Увидите, Ваше Величество, какой священник Аггеев будет Гапон».

Вчера был у Митрополита с благодарностью (за крест). Он подчеркнул, что внес в списки наградных меня он сам по своей инициативе.

---

<sup>427</sup> Николай Иванович Небогатов (1849–1922) — контр-адмирал, участник Цусимского сражения. В 1905 после заключения Портсмутского мира был передан вместе с тремя русскими офицерами французскому консулу, который отправил их на пароходе в Шанхай. За сдачу кораблей («дело о сдаче 15 мая 1905 г. неприятелю судов отряда бывшего адмирала Небогатова») приговорен военно-морским судом к смертной казни с заменой на заключение в крепость на 10 лет. по состоянию здоровья был помилован императором и освобожден через два года.

<sup>428</sup> Всего в плен попало 7 282 военнослужащих, включая 2 адмиралов.

<sup>429</sup> Печатается по: *Балакишина*, 2014. С. 327–328.

Мне необходимы теперь адреса возможных подписчиков и авторов. по справедливым словам отца Петрова, новый журнал должен создать и новых сотрудников. Быть может, приехали студенты, с которыми я познакомился. Пусть напишут они! Пусть сообщат адреса знакомых им батюшек, к которым я мог бы обратиться с письмами. Захватить в первых номерах вопросы о духовно-учебных заведениях, начиная с академий, было бы великолепно! Разнообразие вопросов важно с точки зрения выброски флага...

Вздумал написать Бельковскому и остановился: где он — в Саратове или Самаре?

**Николай, архиепископ Токийский и Японский.**  
**Дневник<sup>430</sup>**

[19.05.1905]

19 мая (1 июня) 1905. Четверг.

Опять красные флаги кругом. Бесперывное ликование у японцев. «Japan Daily Mail» захлебывается от лакейского восторга и упивается блаженством пересчитывать, сколько у России погубило, какие беспримерно великие трофеи у Японии, и долго-долго еще не отнимет уст от этой чаши наслаждения.

Иван Акимович Сенума<sup>431</sup> пишет: «Завтра мы справим ликование, отслужим утром молебен и будем гулять; все школы будут гулять», — говорит. Что же я мог ответить, кроме «хорошо!». На «ликование» свое и позволения не спрашивает, а только докладывает о нем. И они правы со своим ликованием. Где же бы не ликовали при таких обстоятельствах?

В невыносимой душевной тяжести в эти дни я занялся переводом и приведением в порядок расписок к сче-

<sup>430</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870–1912).

<sup>431</sup> Иван Сенума (1868–1933) — инспектор (в дальнейшем ректор) православной семинарии при духовной миссии в Токио.

там — полумеханическое дело, не мешающее грустить, но и не оставляющее совсем в жертву грусти.

**Николай, архиепископ Токийский и Японский.**  
**Дневник**<sup>432</sup>

[20.05.1905]

20 мая (2 июня) 1905. Пятница.

Не морская держава Россия. Бог дал ей землю, составляющую 6-ю часть света и тянущуюся непрерывно по материку, без всяких островов. И владеть бы мирно ею, разрабатывать ее богатства, обращать их во благо своего народа; заботиться о материальном и духовном благе обитателей ее. А русскому правительству все кажется мало, и ширит оно свои владения все больше и больше; да еще какими способами! Маньчжурией завладеть, отнять ее у Китая, разве доброе дело? «Незамерзающий порт нужен».

На что? на похвальбу морякам? Ну вот и пусть теперь хвалятся своим неслыханным позором поражения. Очевидно, Бог не с нами был, потому что мы нарушили правду. «России нет выхода в океан». Для чего? Разве у нас здесь есть торговля? Никакой. Флот ладился защищать горсть немцев, ведущих здесь свою немецкую торговлю, да выводить мелких жидов в больших своими расходами, много противозаконными. Нам нужны были всего несколько судов, ловить воров нашей рыбы, да несколько береговых крепостей; в случае войны эти же крепости защитили бы имеющиеся суда и не дали бы неприятелю завладеть берегом.

«Зачем вам Корея?» — спросил я когда-то адмирала Дубасова<sup>433</sup>. «По естественному праву она должна быть наша, —

<sup>432</sup> Там же.

<sup>433</sup> Федор Васильевич Дубасов (1845–1912) — адмирал Тихоокеанского флота, московский генерал-губернатор (1905–1906), руководивший подавлением Декабрьского вооруженного восстания (1905 г.). После

ответил он, — когда человек протягивает ноги, то сковывает то, что у ног; мы растем и протягиваем ноги, Корея у наших ног, мы не можем не протянуться до моря и не сделать Корею нашею». Ну вот и сделали! Ноги отрубают!

И Бог не защищает Свой народ, потому что он сотворил неправду. Богочеловек плакал об Иудее, однако же не защитил ее от римлян. Я, бывало, твердил японцам: «Мы с вами всегда будем в дружбе, потому что не можем столкнуться: мы — континентальная держава, вы — морская; мы можем помогать друг другу, дополнять друг друга, но для вражды никогда не будет причины». Так смело это я всегда говорил до занятия нами отбитого у японцев Порт-Артура после китайско-японской войны. «Боже, что это они надделали!» — со стоном вырвавшиеся у меня первые слова были, когда я услышал об этом нечистом акте русского правительствa. Видно теперь, к какому бедствию это привело Россию.

Но поймет ли она хоть отныне этот грозный урок, даваемый ей Провидением? Поймет ли, что ей совсем не нужен большой флот, потому что не морская держава? Царские братья стояли во главе флота доселе, сначала Константин Николаевич<sup>434</sup>, потом — доселе Алексей Александрович<sup>435</sup>, требовали на флот, сколько хотели, и брали, сколько забирала рука; беднили Россию, истощали ее средства, — на что? Чтобы купить позор! (...) Помогите ей, Господи, сделаться и умнее и честнее!.. Исстрадалась душа из-за доро-

---

ранения в результате нападения террористов был уволен от должности генерал-губернатора и назначен членом Государственного совета. Пережил второе покушение. Обратился к царю о помиловании покушавшихся, приговоренных к смертной казни.

<sup>434</sup> Константин Николаевич Романов (1827—1892) — великий князь, второй сын российского императора Николая I, главный начальник флота и Морского ведомства 1855—1881 гг.

<sup>435</sup> Алексей Александрович Романов (1850—1908) — великий князь, четвертый сын императора Александра II, главный начальник флота и Морского ведомства 1881—1905 гг.

гого Отечества, которое правящий им класс делает глупым и бесчестным.

**Николай, архиепископ Токийский и Японский.**  
**Дневник**<sup>436</sup>

[22.05.1905]

22 мая (4 июня) 1905. Воскресенье.

Иереи после Обедни служили благодарственный молебен о своей блестящей морской победе над русским флотом. Я стоял в алтаре, (молясь за бедное мое униженное Отечество). Хорошо, что с самого начала войны звон и трезвон в Соборе прекращен, еще горчее было бы слушать, как русские колокола торжествуют японские победы.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>437</sup>

[22.05.1905. СПб. (отрывок)]

Поздравь, дорогой Петр Павлович, с осуществлением дорогой мечты. Вчера у меня был Сытин. Предлагает все нужные средства на издание с сентября журнала еженедельного. Редакторы — священник Константин Аггеев и Карташев Антон Владимирович. Официальным — некто Пушкин<sup>438</sup>, товарищ Карташева.

В предстоящий четверг выйдет в свет в «Церковном Вестнике» наша вторая записка о составе Собора<sup>439</sup>. Митро-

<sup>436</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870–1912).

<sup>437</sup> Печатается с комментариями по: *Балакшина*, 2014. С. 328.

<sup>438</sup> Пушкин Валентин Михайлович (1872 — после 1931) — историк русской. и западно-европейской литературы, педагог, сотрудник Санкт-Петербургской ПБ. — *В. К.*

<sup>439</sup> Вторая записка «32-х петербургских священников» была опубликована в № 21 «Церковного вестника» от 26 мая 1905 г.



полит разрешил, но какая была предварительная беседа! Одновременно будет напечатана во всех газетах Петербургских. Сегодня передал рукопись Ивану Дмитриевичу Сытину для «Русского Слова». В Петербурге епископ Евлогий. Подробности при свидании.

**К. М. Аггеев — А. С. Глинке<sup>440</sup>**

[22.05.1905. СПб. — Симбирск]

1905.V.22.

Дорогой Александр Сергеевич.

Дело можно считать решенным в хорошую сторону. Вчера у меня был Иван Дмитриевич Сытин. Сегодня он и Антон Владимирович завтракают у меня.

Сытин предлагает издание журнала на условиях лучших, чем мы предполагали.

Он ассигнует на издание 25 000 руб. С такими условиями. Если будет возможность, деньги эти возвращаются ему. За свой же риск просит принять его в известную часть прибыли. Дело будет вестись по его проекту на тех же началах, на которых ведется «Русское слово». Мы образовываем из себя нечто вроде издательского товарищества. С одной стороны группа лиц, дающих исключительно свой труд, — я бы назвал ее редакционным комитетом. С другой стороны — Сытин, дающий материальные средства. Возможная в будущем прибыль распределяется по особому выработанному соглашению.

Таким именно путем Сытин, по его словам потеряв предварительно на «Русском слове» 90 000 руб., ныне возвратил их и получает известную часть дохода.

Официальный редактор найден. Это товарищ по семинарии Антона Владимировича, ныне педагог в Петербурге, личность очень подходящая.

<sup>440</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Л. 1—5.

В согласии с нашими намерениями Сытин выражает желание, чтобы ходатайства об издании начаты были теперь же с расчетом начать выпуск издания в октябре.

15 июня постараемся подать прошение. В данное время заняты выработкой программы, придумываем название. Помогите нам, пожалуйста. Пришлите проект со своей стороны мне по адресу: Ст. Городище Киевской губ. Старосельский ящик, свящ. К. М. Аггееву. А я со своим проектом и со своими пожеланиями перешлю Антону Владимировичу.

Редакционный комитет нами лично предположен в таком составе. Редактор — Пушкин (официальный), Карташев и отец Аггеев. Члены комитета — Александр Сергеевич Глинка, священник Чельцов, священник Колачев и, может быть, священник Петров. Можно причислить и Н. П. Аксакова.

Выскажите свое мнение и по этому вопросу.

В ожидании Вашего письма

Преданный свящ. К. Аггеев.

Как Вы думаете о Сергее Алексеевиче Аскольдове как члене Комитета? Будет много, но думается, лучше иметь больше лиц, привязанных к делу.

### **Иоанн Кронштадтский. Дневник<sup>441</sup>**

[31.05.1905]

2 часов ночи, 31 мая 1905.

Благодарю Господа, принявшего тайное покаяние мое в судительных и резких словах о Правительстве Русском, допустившем своими неправильными действиями Японскую войну; скорбь и теснота отошли от меня, и мир Божий воцарился в сердце моем с простором душевным. Слава Тебе, Всеблагому и Всеблагоуветливому Спасителю моему.

<sup>441</sup> Печатается по: *Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник.*

**П. А. Ивашева<sup>442</sup> — В. Ф. Эрну<sup>443</sup>**

[31.05.1905]

Многоуважаемый Владимир Францевич! Если есть время, пожалуйста сделайте тот список книг для чтения, о котором я Вас просила, — списка этого очень ждут. Только теперь адресуйте мне так:

Москва, Конная площадь, Городская Морозовская Детская больница, Контора, на мое имя.

Это потому, что в течение двух летних месяцев, июня и июля, я буду жить в помещении уезжающей в отпуск старшей конторщицы, которую я буду заменять.

Как Вы поживаете? Шлю Вам сердечные пожелания всего-всего хорошего. Сережа<sup>444</sup> Вам кланяется.

До свидания.

П. Ивашева

31 мая 1905 года

**В. В. Тржецяк<sup>445</sup> — П. П. Шувалову<sup>446</sup>**

[6.06.1905. Москва]

Совершенно секретно

---

<sup>442</sup> Пелагея Александровна Ивашева (1879 — ?) — учительница, лишенная права преподавания из-за участия в нелегальном обществе (ХББ) и соиздательница газеты «Народ»; с Эрном познакомилась осенью 1901 г., ред.-изд. газеты «Стойте в свободе».

<sup>443</sup> НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 47. Л. 9 об. Почт. шт. 23.5.1905. СПб.

<sup>444</sup> Сын Ивашевой.

<sup>445</sup> Владимир Валерианович Тржецяк (1865 — после 1919) — подполковник, исполняющий должность начальника Отдела по охране общественной безопасности и порядка в Москве с 22 апреля по 22 августа 1905 г.

<sup>446</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 172.

Павел Павлович Шувалов (1859—1905), граф — генерал-майор, московский градоначальник с 18 апреля по 28 июня 1905 г.

Представляя при сем распространенные ныне в обществе и среди российского духовенства воззвания вновь образованного преступного сообщества, именуемого «Христианским братством борьбы»: 1) «К обществу», 2) «К епископам русской Церкви», 3) «О задачах Христианского братства борьбы»<sup>447</sup>, доношу Вашему Превосходительству, что меры к выяснению агентурным путем личного состава названной организации мною приняты и о последующем имеет быть представлено дополнительно<sup>448</sup>.

**Д. В. Философов — А. С. Глинке<sup>449</sup>**

[15.06.1905. СПб.]

Понедельник 13 июня 1905

СПб., 21, Басков пер.

Дорогой Александр Сергеевич.

На днях я мирно сижу дома, как вдруг звонок и говорят, что меня желает видеть барышня. Выхожу и вижу — очень милая девушка (Вы ее знаете), которая мне приносит 1500 руб. от Ф-кого<sup>450</sup> на сборник. Таким образом, сборник стал приобретать почву под ногами. Я не знаю, все ли это, что мы получили, или еще есть надежда на дополнительный взнос, но, во всяком случае, решили немедленно приступить к делу, 1500 руб. думаем истратить на гонорар, а печатать сборник в кредит. Если вам нужны деньги, напишите, Вам будет немедленно доставлен аванс!!!

Теперь дело за статьями.

<sup>447</sup> См.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 13–38.

<sup>448</sup> Согласно материалам заведенного Охранным отделением дела, ни один участник ХББ установлен не был.

<sup>449</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 1.

<sup>450</sup> Лицо не установлено.

Просмотрел список участников, составленный Вами с Зинаидой Николаевной. Я обращаюсь к Вам с просьбой взять на себя Сергея Николаевича Булгакова. Голубчик, напишите ему, попросите его что-нибудь для сборника. Ваш голос будет авторитетнее моего. Флоренского статью я получил. Карташева, Успенского<sup>451</sup>, Белого и Ко, Бердяева, Вячеслава Иванова, Розанова мы берем на себя. Что-то у меня явилось сомнение насчет Аскольдова и Лосского. В случае если признаете желательным их участие, переговоры с ними возьмите Вы также на себя. А главное, поскорее выясните дело с Булгаковым.

У Мережковских существует предположение пригласить Шестова. Они его видели теперь в Киеве, подружились и говорят, что он мог бы, если бы захотел, дать что-нибудь интересное. А что вы скажете насчет Вернера?

Когда Вы думаете быть в Петербурге? Я слышал, что газета налаживается, и Вам, очевидно, предстоит большая работа.

В Петербурге я думаю пробыть до 1-го июля, а затем буду у Мережковских. Так что пишите после 1-го на их имя. Адрес: ст. Суйда, Варшавской ж.д. Имение Малое Кобринно.

Не знаю, что Вам писать о петербургских делах. Вероятно, Вы в переписке с редакцией.

Записочку Вашу получил (с парохода) и очень ею был тронут.

Душевно Ваш  
Д. Философов

Посылаю письмо с оказией, потому что только вчера узнал точный Ваш адрес.

Д. Ф.  
15.VI.

---

<sup>451</sup> Василий Васильевич Успенский (1876—1930) — доцент Петербургской духовной академии (до октября 1905), входил в эти годы в ближайшее окружение Мережковских, а также сестер Гиппиус.

**К. И. Чуковский. Дневник<sup>452</sup>**

[16.06.1905. Одесса]

1905. 16-е июня. Одесса

Ночью пришел на дачу Сладкопевцев<sup>453</sup> с невестой. Они только что из города. Началась бомбардировка. Броненосец<sup>454</sup> норовит в соборную площадь, где казаки. Бомбы летают около. В городе паника.

Я был самым близким свидетелем всего, что происходило 15-го. Опишу все поподробнее<sup>455</sup>.

Утром часов около 10 пошел я к Шаевскому<sup>456</sup>, на бульвар — пить пиво. Далеко в море, между маяком и концом

---

<sup>452</sup> Печатается с комментариями по: *Чуковский К. И. Дневник*. Т. 1 / Подг. текста и коммент. Е. Ц. Чуковской. М., 1991. С. 115–116. В период, о котором идет речь, Чуковский сотрудничал в либеральной прессе: «Нива», «Речь», РМ, где публиковал литературные эссе и критические очерки, собранные в сборниках «От Чехова до наших дней» (1908) и «Критические рассказы» (1911).

<sup>453</sup> Владимир Владимирович Сладкопевцев (1876–1957) — актер, театральный педагог, литератор. — *В. К.*

<sup>454</sup> Восстание на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический» — одно из заметных событий революции 1905–1907 гг. в России и первый случай вооруженного мятежа целой воинской части в ходе этой революции. Проходило с 14 по 25 июня 1905 г. В ходе стихийно начавшегося из-за некачественной пищи вооруженного выступления матросы захватили корабль в свои руки, убив при этом часть офицеров. Не имея четкого плана дальнейших действий, восставшие повели корабль в Одессу, где намеревались пополнить запасы угля, воды и продовольствия, поддержать проходившие в городе антиправительственные выступления и встретиться с главными силами Черноморского флота, которые, как полагали восставшие, присоединятся к ним. После того как планы и надежды мятежников не оправдались, броненосец, совершив поход до Констанцы, затем к Феодосии и обратно, спустя одиннадцать дней сдался румынским властям в порту Констанца.

<sup>455</sup> Чуковский дважды посетил восставший броненосец «Потемкин», кроме прочего приняв письма к близким у восставших моряков.

<sup>456</sup> Антон Тимофеевич Шаевский — владелец пивного ресторана в Одессе при гостинице «Ришелье», расположенного по адресу: угол Ланжероновской и Ришельевской дом 15. — *В. К.*

волнореза, лежал трехтрубный броненосец. Толпа говорила, что он выкинул красный флаг, что в нем все офицеры убиты, что матросы взбунтовались, что в гавани лежит убитый офицером матрос, из-за которого произошел бунт, что этот броненосец может в час разрушить весь наш город и т. д.

Говорю я соседу, судейскому: пойдем в гавань, поглядим матроса убитого. — Не могу, говорит, у меня кокарда.

Пошел я один. Народу в гавань идет тьма. Все к Новому молу. Ни полицейских, ни солдат, никого. На конце мола — самодельная палатка. В ней — труп, вокруг трупа толпа, и один матрос, черненький такой, юркий, наизусть читает прокламацию, которая лежит на груди у покойного: «Товарищи! Матрос Григорий Колесниченко (?)<sup>457</sup> был зверски убит офицером за то только, что заявил, что борщ плох... Отмстите тиранам. Осените себя крестным знаменем (а которые евреи — так по-своему). Да здравствует свобода!»

При последних словах народ в палатке орет ура! — Это ура подхватывается сотнями голосов на пристани — и чтение прокламации возобновляется. Деньги сыплются дождем в кружку подле покойного — они предназначены для похорон. В толпе шныряют юные эсдеки<sup>458</sup> — и взывают к босякам: товарищи, товарищи!

Главное, на чем они настаивают: не расходиться, оставаться в гавани до распоряжений, могущих прийти с броненосца.

<sup>457</sup> Правильно: Григорий Никитич Вакулечук (1877–1905) — артиллерийский унтер-офицер броненосца «Князь Потемкин Таврический». Погиб в начале восстания. — *В. К.*

<sup>458</sup> На броненосец прибыли представители местных социал-демократических организаций и «Соединенной комиссии» — меньшевики А. П. Березовский, О. И. Виноградова, К. И. Фельдман и другие, большевик И. П. Лазарев (последний покинул корабль вечером того же дня и более на корабль не возвращался). (*Кардашев Ю. П.* Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. Киров, 2008. С. 455.)

Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>459</sup>

[18.06.1905. Суйда — СПб.]

(...) Зачем Вы меня все время отталкиваете, зачем не верите мне, не видите меня, не хотите увидеть. Я не умею говорить, но надо понимать без слов. Я страшно стыдлив, неимоверно робок, до глупого застенчив. И от этого происходит то, что Вам кажется моею неискренностью. О самом моем глубоком я совсем, совсем не могу говорить<sup>460</sup>. Но Вы должны угадывать. Вы должны идти ко мне навстречу, Вы должны ловить меня. А Вы убегаете.

Зачем Вы мне нужны? Потому что я почувствовал Вашу самую тайную, бесконечно стыдливую и робкую, и дикую, как у меня, <душу?> и детскую, невинную прелесть. Прелесть Ваша в том, что Вы любите радость и умеете быть радостной, наперекор жизни. Вы любите всех, Вы влюблены во всех — и в меня, как во всех, могли бы быть влюбленною, а мне больше ничего не надо. И Вы умеете желать беспредельным желанием, никогда не доходя до конца желаний, где всегда измена тому, чего желаешь<sup>461</sup>, Вы умеете пить вино поцелуев, опьяняясь и все-таки оставаясь трезвою в опьянении... Но нельзя, нельзя об этом говорить и еще меньше писать...

<sup>459</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 225–226. Датируется по почт. шт. Начало письма отсутствует, верхняя часть листа оторвана.

<sup>460</sup> З. Н. Гиппиус свидетельствовала: «Он был не то что “скрытен”, но как-то естественно закрыт в себе, и даже для меня то, что лежало у него на большой глубине, приоткрывалось лишь в редкие моменты» (Дмитрий Мережковский. С. 115). Ср. в стихотворении Мережковского «Молчание»:

Как часто выразить любовь мою хочу,

Но ничего сказать я не умею,

Я только радуюсь, страдаю и молчу:

Как будто стыдно мне — я говорить не смею

(*Мережковский Д. С.* Собрание стихов. 1883–1910. СПб., 1910. С. 15).

<sup>461</sup> Ср. в сонетах Л. Н. Вилькиной: «Боюсь скреплять желаний тайный круг» («Не любовь» // *Мой сад*. С. 44); «Ужасней, чем забвенья мрак пустой, / Час дерзко утоленного желанья» («Обладанье» // *Там же*. С. 46).



Ну, хоть в одно поверьте: я хочу быть с Вами вне жизни, хочу совершенной тайны наших свиданий<sup>462</sup>. Хотел бы, чтобы мы видались — во сне, как во сне я почувствовал в первый раз Вашу прелесть. Думаю, что если Вы поверите мне, то мы достигнем этой тайны, хотя это очень трудно, для меня еще труднее, чем для Вас.

Не знаю, удастся ли мне увидеть Вас еще раз до Вашего отъезда, потому что я не хочу видаться с Вами иначе как в совершенной тайне, так, чтобы об этом никто никогда не мог узнать и даже подозревать не мог. Уходить от жизни трудно. Но мне кажется, что рано или поздно мы свидимся так, как оба этого желаем. И Вы наконец увидите меня и вспомните? и опять будет то, чего не было. Напишите сюда.

Д. Мережковский

Варшавская железная дорога. Суйда. Имение Марковичей. Малое Кобрино.

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>463</sup>**

[21.06.1905. Тифлис — Гомборы Тифлисской губ.]

Дорогой Саша! Пишу тебе во избежание всяких могущих произойти недоразумений! Дело вот в чем. Завтра я выезжаю из Тифлиса в Сигнахский уезд по одному важному для меня делу, о котором никто из домашних моих не должен знать. Поэтому я дома сказал, что еду к тебе в Гомборы. Это не полная ложь, потому что я к тебе действительно собираюсь заехать на обратном пути, так числа — 31 июля.

<sup>462</sup> Ср. сходные мотивы в стихах Вилькиной: «Я не любви ищу, но легкой тайны. (...) Моей любви приюта в жизни нет...» («Освобождение» // Мой сад. С. 52); «Но правда страсти в тайне. Страсти нет, / Где взор чужой, печальный иль пылливый» («Женский сонет» // Там же. С. 54) и т. п.

<sup>463</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 69–72; *Чертков*, 1997. С. 173. Почт. шт.: Тифлис, 21.06.1905; на конверте: Гомборы, Тифлисской Губернии, ЕВБ Александру Викторовичу Ельчанинову.

Если (паче всякого чаяния) по твоему гомборскому адресу придет на мое имя какая-нибудь телеграмма или письмо — то уж будь так добр: телеграфируй мне два слова: «Володя? приезжай» — по такому адресу: Царские Колодцы, Векиловым<sup>464</sup> (они уж мне передадут). Тогда я немедленно выеду и буду у тебя на другой день. Прости, что я тебя беспокою, но тут дело имеет для меня весьма существенное значение.

Всего доброго. До скорого свидания. Искренний привет всем вашим.

Твой В. Эрн.

P. S. Ты не удивляйся. Дело все это очень простое. Я тебе потом объясню, впрочем, если понадобятся объяснения.

### **П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну<sup>465</sup>**

[22.06.1905]

Получила Ваше письмо, — спасибо за выписку книг, за Соловьева принялась и я — я нарочно отложила было писать Вам до сегодня, думала, что сегодня выяснится вопрос с драмой, но летнее отсутствие «начальства» тормозит окончательное решение дела, и хотя мне обещан ответ 27 июня, я все-таки думаю, что, вернее всего, придется ждать до августа. А между прочим эта неопределенность так мешает отдаться другой работе: все кажется, что драма как будто еще не окончена, и так и тянет снова взять в руки черновик.

Никак не могу свыкнуться с этим оставлением на целую сплошную половину дня Сережи — и даже чем дальше, тем хуже. Пробую утешить себя в этом отношении одним —

---

<sup>464</sup> Семья Давида Моисеевича Векилова (1849–1903) — подполковника 43-го драгунского Тверского полка Кавказской кавалерийской дивизии, дворянина армянского происхождения. Жена Елизавета Лазаревна Векилова; дети: Георгий (Жорж, Зюн), Герасим, Александр, Иона (Оник), Николай (Карл), все братья офицеры царской, а впоследствии Белой армии; Евгения — с 1904 г. жена В. Ф. Эрн.

<sup>465</sup> НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 47. Л. 10 об.

надеждою на осень. Вообще — тревожно, неопределенно, смятенно как-то на душе.

Знаете, Владимир Францевич, я боюсь, как бы и в Вашем Тифлисе не началось что-нибудь ужасное, и утром прямо со страхом разворачиваю газету. В случае, если это так и будет, не забудьте, что меня испугает Ваше молчание.

Ну, всего, всего Вам хорошего. До свидания.

П. Ивашева

22 июня 1905 г.

### С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>466</sup>

[22.06.1905. Кореиз — Чернышевка]

Крым, станция Кореиз, 22.VI.1905.

Дорогой Александр Сергеевич!

Как я разочарован, что Вы не приезжаете теперь и, как мне кажется по тону Вашего письма, совсем не приедете. Кроме того, сомневаюсь, чтобы в августе я был здесь. Тогда Вас извещу. Как Ваше здоровье и не является ли это некоторым легкомыслием переезжать Вам снова в Петербург?

Переезжайте-ка в Киев, может быть, будет и газетная работа (сейчас есть возможность), подумайте. Я и не работаю и не отдыхаю: не работается от волнения по поводу происходящего и угрызений по поводу своего бессилия и неучастия, а уж, конечно, и отдыха нет, так что натурально трачу судьбой отсчитанные дни. Все-таки готовлю статью о Фейербахе<sup>467</sup>. Я ведь был проездом в Москве на совещании о проектированном там Соловьевского общества. По-

<sup>466</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 69–70; *Чертков*, 2017. С. 173. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 2–3 об. на конверте: г. Тетюши Казанской губ., село Чернышевка. Александру Сергеевичу Глинке. Письмо на бланке: «Вопросы жизни. Ежемесячный журнал. СПб, Саперный, 10, телефон 3515».

<sup>467</sup> См.: *Булгаков С.* Религия человекобожия у Фейербаха // *Вопросы жизни*. 1905. № 10/11. С. 280–289. № 12. С. 74–102.

знакомился там со Свенцицким<sup>468</sup> и им очаровался. Это огромная величина и сейчас уже, а что из него выйдет! Да и оба они так чисты, так хороши. Эрн дал статью о собственности<sup>469</sup>, она мной принята уже. Не все в ней хорошо, но все-таки она замечательна по силе духа и убеждения. Дмитрий Евгеньевич<sup>470</sup> здесь и, по обычаю, ноет. У меня нет уверенности, что журнал будет существовать в следующем году, а если будет, то в очень измененном и сокращен-

<sup>468</sup> Характеристика, данная В. П. Свенцицкому его петербургским оппонентом В. А. Тернавцевым: «Сущность действия Свенцицкого на слушателей в том, что он гипнотизер: сначала молча внушает человеку, а потом уже обращается к нему со словом, так что слушателю кажется, что это все — его собственные мысли, что Свенцицкий идет к нему навстречу, а не тянет за собой: в этом суть всякого мороченья и ведьмовства. (...) Я (А. Ельчанинов. — В. К.) спросил у Валентина Александровича, как он представляет себе самый механизм такого воздействия на нас людей подобного типа.

— Я других не знаю и буду говорить только о нем. Это можно пояснить сравнением. Это великолепно поясняет апостол: “Я в муках рождения, пока в вас не вообразится Христос”. Ведьмы поступают в этом же роде, только мук рождения они не берут на себя: они вкладывают в вашу душу такого болвана, марионетку, а потом дергают его за нитки по своему желанию» (*Ельчанинов А., прот. Записи*) / Предисл. и коммент. Н. Струве // Вестник РХД. Париж, 1984. № 3 (142). С. 66). — В. К.

<sup>469</sup> См.: Эрн В. Христианское отношение к собственности // Вопросы жизни. 1905. № 8. С. 246–272; № 9. С. 361–382.

<sup>470</sup> Дмитрий Евгеньевич Жуковский (1883–1968) — издатель и финансист журнала «Вопросы жизни», писатель, переводчик, участник сборника «Проблемы идеализма», член «Союза освобождения». «...Писатель, философ и помещик. Свои, довольно значительные, средства он тратил на издание двух журналов. В Петербурге он давал деньги на “Вопросы жизни”, в Штутгарте оплачивал большую часть расходов по “Освобождению”. Жуковскому было лет тридцать. Милый, привлекательный, тонкий, образованный, он был до смешного скромн. Он добродушно признавал превосходство, часто мнимое, своих более шумных, более честолюбивых и напористых приятелей, а себе, раз навсегда, отвел место во втором ряду. Только изредка, да и то робко, позволял он себе помещать в собственном журнале свои статьи, хотя его философские этюды были написаны ясно, понятно, даже изяшно, что не обо всех его сотрудниках можно сказать» (*Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Лондон, 1990. С. 173*). — В. К.

ном виде. Таково настроение Дмитрия Евгеньевича (впрочем, Вы знаете, как оно изменчиво), и трудно его убедить, зная, что он в этом году теряет 30 тысяч. Но продолжать это дело следовало бы, и в конце концов оно себя окупило бы.

С газетой дело обстоит сложновато, вследствие милой литературности и вообще некоторой наивности Аггеева, который недавно прислал мне отчаянный проект редакционной конституции (тоже с Аксаковым). Но я все-таки надеюсь, что все это в конце концов уладится в желательном для дела смысле, только нужно смотреть в оба и держать твердый курс в начале. Беда: опять нет официального редактора, ибо найденный Карташевым отказался. Не можете ли Вы все-таки разубедить Мережковских в их настойчивости издать сборник? Ведь такая уйма серьезной и неотложной работы на руках, что совсем не до причуд. Я при всем желании окажусь банкротом, ибо при теперешнем состоянии и в «Вопросах жизни» не могу достаточно писать. А их статьи охотно были бы приняты в «Вопросы жизни».

У меня есть еще план, осуществление которого я предлагаю взять в свои руки Москве: дешевой народной христианско-демократической газеты (типа «Рабочей газеты»). Это насущнейшая необходимость при теперешнем положении вещей, если только печать освободится. Не знаю, согласятся ли они (проект собственной газеты ими оставлен). Идейная и внутренняя связь этой газеты с петербургской очевидна. У меня нет веры в серьезность и прочность газеты, во главе которой стоит теперь Лашнюков<sup>471</sup> в Киеве

<sup>471</sup> Владимир Николаевич Лашнюков (1874—?) — публицист, поэт. В 1892 г. привлекался к судебной ответственности за прокламацию «К голодающим», содержавшую призыв к борьбе против самодержавия. В 1903 г. привел ко Христу В. В. Зеньковского, считавшего его «подлинным миссионером, вдохновенным, искренним, всецело живущим верою». Ведущий сотрудник газет «Юго-Западная неделя» (1904), «Голос Юга» (1905), журнала «Христианская мысль» (1916) и др. За редактирование газеты «Народ» осужден на год крепости; автор книги «В плену (Из тюремных воспоминаний)» (К., 1909). С 1908 г. член Киевского

и в которой он убеждает меня принять участие. Но в благоприятном случае ваше жительство в Киеве могло бы оказаться полезным и для этой газеты.

Поправляйтесь и отдыхайте. Пишите. Возможно, что в июле мне-таки придется ехать на север из-за политики. Но сейчас не знаю. Ваш С. Б.

### П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну<sup>472</sup>

[Лето 1905 г. ?]

Иногда кажется, будто я умер, даже не иногда, а всегда, когда я один. Ждешь в каком-то чистилище последнего, завершительного. Но еще не наступила окончательная полнота, но все случайное ушло; сделалось злое таким ничтожным и незаметным в общем, в целом, что как-то и не замечаешь его. Это — специальное коджорское настроение; вне времени и пространства, особенно вне времени ходишь... только отблеск, только тени... Вот я снова в Коджорах<sup>473</sup>. Тот же, прежний ветер бессиль-

---

РФО (в 1915 г. избран в Совет), где в 1915–1917 гг. выступал с докладами «О ценности жизни», «Ум Христов», «Церковь и социализм», изданными в книге «Из религиозных переживаний» (К., 2004). В 1918 г. чиновник министерства исповеданий в правительстве Украины, редактор газеты «Слово», ставившей целью распространение идей христианизации жизни.

<sup>472</sup> Печатается с комментариями по: Павлюченков, 2014. С. 212–214.

<sup>473</sup> Коджоры — «дачное место под Тифлисом», куда Флоренского в детстве на лето брал его отец — Александр Иванович (см.: Флоренский П., свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / Игумен Андроник (Трубачев), М. С. Трубачева, Т. В. Флоренская, П. В. Флоренский, сост., игумен Андроник (Трубачев), предисл., коммент. М., 1992. С. 331). В этом высокогорном районе в 18 км от Тифлиса, на высоте около 1 300–1 400 (около 4 500 футов), на вершине потухшего вулкана, располагалась летняя резиденция грузинских царей. «Коджорское настроение», о котором пишет Флоренский, может быть связано с его созерцаниями

но хочет сорвать деревья с земли, тот же пронизывающий холод, тот же разговор за стеною. Почти не можешь решить, был ли я уже или буду там, на земле. Т. е. я не сомневаюсь, конечно, что это я, Павел Александрович Флоренский, пишу что-то бессвязное, но это — эмпирия, если на этом надо сосредотачиваться. А когда не думаешь, то и не знаешь. Личины уплыли куда-то, будто их не было. Будто личин не было и то [нрзб] только в виде бледных воспоминаний. Я = я, только это не если «я», мое, оно тоже уплыло еще дальше других, это «Я», и в него входишь таким малым со смирением, что думаешь и не надеешься в Нем. Спиритуалисты напрасно против этого говорят: «Так уж самим Богом устроено».

Всю силу приходится [нрзб], чтобы вспомнить об экзаменах, о их существовании. Не то что готовиться. И тем тянутся года.

«Куда-то, куда-то в безвестности».

Свистят паровозы, проходят поезда. Несутся, суетятся. Это надо там, надо [нрзб]...гардероб, личину масок. Вроде воспитания и образования «Я». Пускай же себе поучится, «развивается». Но так ясно, так ясно, куда все паровозы науки, перед [нрзб] свистят и взывают грудными контральто. Могу повторить [нрзб]: «несусь я точно так, но двигаюсь вперед, а ты несешься сидя...»<sup>474</sup>, т. е., наоборот, мне нужно сказать: я несусь сидя, а паровоз двигаясь [нрзб]. Хотя неизвестно, кто окажется дальше и кто «нанесет» больше. Вы не смущайтесь, дорогой Володя, моими вульгарно-

---

горных напластований и слоистых камней. Ср.: «Я видел в этих слоях ожившие века, окаменелое время... Вот они — слои времени — спят друг на друге, крепко прижавшись, в немом покое, но напрягусь я, и они заговорят со мною» (Там же. С. 46). Взгляд на горные слои — это взгляд «сбоку», «на само время». «Четвертая координата — времени — стала настолько живой, что время утратило свой характер дурной бесконечности, сделалось устойчивым и замкнутым, приблизилось к вечности» (Там же. С. 99).

<sup>474</sup> Неточная цитата из басни Козьмы Пруткова «Чиновник и курица» (1855).

стями. Они сейчас не вульгарности, а чем будут завтра, уже не знаю. А теперь буду бредить и брести извивчатыми тропинками, [нрзб]. Тут есть несколько комнат пустых, пока еще не занятых, так что если Вы или Свенцицкий захотите приехать, я могу предоставить свою комнату в полное распоряжение, а сам быть в других, и Вы сможете заниматься, как будет угодно.

Тут соловьи, ландыши, березки, и, для полноты, не хватает грибов. Впрочем, может, они и имеются, только я их не видал покудова.

### А. А. Блок — Г. И. Чулкову<sup>475</sup>

[23.06.1905. Шахматово]

Дорогой Георгий Иванович. Большое спасибо за отписки и книгу Котляревского<sup>476</sup>. Мне хотелось воспользоваться Вашим предложением и возразить на Вашу статью о Соловьеве в «частной переписке»<sup>477</sup>. Но у меня не оказалось под рукой не только прозы, но и стихов Соловьева. Вероятно, возражение пришлет Вам Сергей Соловьев<sup>478</sup>.

<sup>475</sup> Печатается с комментариями по: *Чулков Г.* Годы странствий. С. 368. См. также: *Блок А.* Собрание сочинений в 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 126–129.

<sup>476</sup> Книга Н. А. Котляревского «Лермонтов». — *Прим. Г. Чулкова.*

Нестор Александрович Котляревский (1863–1925) — литературовед, критик, публицист, первый директор Пушкинского Дома (с 1910 г.). О его книге «М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения» (1905) Блок написал статью «Педант о поэте», напечатанную в газете «Слово» 27 февраля (12 марта) 1906 г. № 396. Литературное приложение № 4. С. 4–7.

<sup>477</sup> Намек на то, что письмо С. Соловьева было опубликовано в журнале в отделе «Из частной переписки»; в печати по поводу статьи Чулкова Блок не выступил.

<sup>478</sup> См.: Вопросы жизни. 1905. № 5. С. 111–113. Эта статья вошла в брошюру «О мистическом анархизме» с заглавием «О софианстве» и впоследствии напечатана в собрании сочинений Георгия Чулкова (Т. 5. СПб., 1912. С. 111–117).



Просматривая булгаковское возражение<sup>479</sup>, мне не захоте-

<sup>479</sup> Булгаков С. Без плана: Несколько замечаний по поводу статьи Г. И. Чулкова о поэзии Вл. Соловьева // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 293—317. — В. К.

Своеобразная оценка Блоком статьи С. Н. Булгакова — «что-то совсем, совсем не о том...» — объясняется романтическим высокомерием, которое было свойственно поэтам той эпохи. на самом деле, несмотря на отсутствие в этой статье символизма, в ней все-таки ставится и отчасти разрешается существенный вопрос об аскетизме и трагедии с христианской точки зрения. Блок понимал только один язык — язык символизма. А если он иногда высказывал суждения о произведениях, написанных на ином «языке», это его понимание всегда надо принимать весьма условно. Автор статьи «Поэзия Владимира Соловьева» в настоящее время не согласен с тогдашними своими заявлениями. А тогда он писал: «Соловьев последователен, когда говорит с обычной для него определенностью: Вся жизнь, с которою так тягостно считаться, Какой-то сказкою считаю я теперь...»

Здесь необходимо отметить, что взгляд Соловьева на жизнь как на “сказку” коренным образом отличается от того понимания мира, которое хотя и характеризуется чувством трагического надлома этой жизни, однако вовсе не исключает святости жизненной основы. Для такого мирозерцания жизнь раскрывается в своей глубине не только как процесс трагического освобождения, сопряженного с мировым и индивидуальным страданием, но и как процесс непрерывного тайнодействия, непрерывного счастливого общения с истинно-реальной первоосновой. Если Соловьев-философ не отвергает всего мира, то Соловьев-поэт не может скрыть своего презрения к этому миру, к этой жизни, с которою так тягостно считаться. Для нас драгоценна эта открытость поэта. Она дает нам возможность заметить то, что ускользает от нас в его метафизических построениях. Я говорю о непримиримости психологии исторического христианства с любовью к жизни». И далее: «Поэзия смерти празднует свою черную победу в стихах Соловьева. Мы не хотим отрицать, что в трагическом мирозерцании монаха-поэта есть истинное величие. Мы желали только отметить, что душевное настроение, которое преобладало у Соловьева, несомненно с любовью и творчеством здесь, на земле. Между спящей ледяной вершиной и цветущей долиной разверзается пропасть. Перебросить через эту пропасть мост не умел Соловьев, как не сумело это сделать все историческое христианство. Всю свою жизнь, во всех философских и богословских трудах, Соловьев стремился именно к совмещению мира и Христа, к примирению религии Христа с религией Земли, — и если ему удавалось

лось и читать его, что-то совсем, совсем не о том...

Я хотел спорить с Вами о тех пунктах Вашей статьи, где говорится о трагическом разладе, аскетическом мировоззрении и черной победе смерти. В противовес этому я думаю поставить: 1) совершенную отдельность и таинственность, которой повиты последние три года жизни Соловьева; 2) лицо живого Соловьева и 3) знание о какой-то страшной для всех тишине, знание в форме скорее чутья, инстинкта или нюха (все эти три пункта, конечно, нераздельны).

К последним трем годам относится и наибольшая интенсивность Соловьева как поэта, и апофеоз того смеха (дарящего, а не разлагающего), который он точно от всех Соловьевых по преимуществу вобрал в себя, воплотил, «заключил» — сделал законченным это захлебывание собственным хохотом до икоты; этот смех — один из необходимейших элементов «соловьевства»<sup>480</sup>, в частности Владимира Соловьева; и этот смех делает Соловьева совершенно неуязвимым от тех нападок Розанова, которые звучат похоронно — «хорошо бы-де Соловьеву иметь ребенка», «Соловьев-де вялый, пасмурный, нежизненный», словом — Соловьев «во сне мочалку жует» (конечно, это я формулирую Розанова)<sup>481</sup>.

---

иногда внешним образом примирить эти начала, в минуты поэтического творчества он не мог быть неоткровенным, и тотчас же наступал разлад, и хаос праздновал свою страшную победу». — *Прим. Г. Чулкова.*

<sup>480</sup> Статья А. Блока «Рыцарь-монах» — обработка выступления поэта 14 декабря 1910 г. на вечере в Тенишевском училище, посвященном 10-й годовщине со дня смерти Вл. Соловьева.

<sup>481</sup> Возможно, такие «формулировки» высказываний В. В. Розанова сложились у Блока под впечатлением следующих работ философа: «На границах поэзии и философии. Стихотворения Владимира Соловьева» (1900); «Памяти Вл. Соловьева» (1900); «Размолвка между Достоевским и Соловьевым» (1902); «Христианство пассивно или активно?» (1897), в которых Розанов полемизировал со статьей Вл. Соловьева «Судьба Пушкина» (1897), считая, что тот осудил Пушкина за «активность»; не согласился с трактовкой философом плотской любви как «низменного инстинкта» (эти мысли он в дальнейшем развил в исследовании «Люди лунного света» (1909).

Последние годы Соловьев в моем предположении и впечатлении начинал прекрасно двоиться, но совершенно не было запаха «трагического разлада» и «черной смерти». Скорее, по-моему, это пахло деятельным весельем накануне освобождающегося духа, потому что цитированное Вами о «днях печали», «гробнице бесплодной любви» и подобное в стихотворении Соловьева насквозь перегорало в Купине Несказанности, о которой теперь часто (или всегда) говорит Андрей Белый. Соловьев постиг тогда, в период своих главных познаний и главных несказанных веселий, ту тайну игры с тоскою смертной, которую, мне сейчас кажется, тщетно взваливает на свои плечики Мережковский... Он так хохотал, играючи, что могло (и может) казаться, что львенок рычит или филин рыдает (о филине как-то выкрикнул Соловьев в большом обществе, помните, это у глупейшего Велички<sup>482</sup>). А ведь филин вовсе и вовсе не тоскует, когда кричит, я думаю — ему весело.

Знание наполнило Соловьева неизъяснимой сладостью и весельем (ведь его стихи имели роковое значение, говорите Вы), и этот Рок исполнил его всего Несказанным, и не от убыли, а от прибыли пролилась его богатейшая чаша, когда он умирал (и на меня упала капелька в том числе). Помню я это лицо, виденное однажды в жизни на панихиде у родственницы. Длинное тело у притолки, так что целое мгновение я употребил на поднимание глаз, пока не стукнулся глазами о его глаза. Вероятно, на лице моем выразилась душа, потому что Соловьев тоже взглянул долгим сине-серым взором. Никогда не забуду — тогда и воздух был такой. Потом за катафалком я шел позади Соловьева и видел старенький желтый мех на несуразной шубе и стальную гриву. Перелетал легкий снежок (это бы-

<sup>482</sup> Василий Львович Величко (1860–1903) — литератор, автор первой книги о Соловьеве — «Владимир Соловьев. Жизнь и творения» (СПб., 1902). О ней Блок отзывался весьма пренебрежительно.

ло в феврале 1900 г., в июле он умер), а он шел без шапки, и один господин рядом со мной сказал: «Экая орясина!» Я чуть не убил его. Соловьев исчез, как появился, незаметно, на вокзале, куда привезли гроб, его уже не было<sup>483</sup>.

Мне хочется написать Вам именно так, без теорий, а облик во мне живущий<sup>484</sup>, и просить Вас не показывать письма. Конечно, это не возражение, но это самое спорит во мне с Вами, тем более что я знаю угол, под которым стихи Соловьева (даже без исключений) представляются обмокнутыми в чернила (смерть, и смерть, и смерть...). Но сквозь все это проросла лилейная по сладости, дубовая по устройству жизненная сила, сочность Соловьева, которой Розанов при жизни его не сломил, а после смерти — подпачкал. Эту силу принесло Соловьеву то Начало, которым я дерзнул восхититься, — Вечно Женственное, но говорить о Нем — значит, потерять Его: София, Мария, влюбленность — все догматы, все невидимые рясы, грязные и заплеванные, поповские сапоги и водка.

<sup>483</sup> О встрече с Соловьевым в этой же статье Блок пишет: «Одно воспоминание для меня неизгладимо. Лет 12 назад в бесцветный петербургский день я провожал гроб умершей. Передо мною шел большого роста худой человек в старенькой шубе с непокрытой головой. Перепархивал редкий снег, но все было одноцветно и белесовато, как бывает только в Петербурге, а снег можно было видеть только на фоне идущей впереди фигуры; на буром воротнике шубы лежали длинные серо-стальные пряди волос. Фигура казалась силуэтом, до того она была жутко не похожа на окружающее. Рядом со мною генерал сказал соседке: “Знаете, кто эта дубина? Владимир Соловьев”. Действительно, шествие этого человека казалось диким среди кучки обыкновенных людей, трусивших за колесницей...» (А. Блок. Рыцарь-монах // Сборник первый. О Владимире Соловьеве. М., 1911. Стр. 96). Ср. также статью Блока «Владимир Соловьев и наши дни». «Записки мечтателей». 1921, [№] 2–3. — Прим. Г. Чулкова.

Имеется в виду предисловие к третьему изданию стихотворений Вл. Соловьева (СПб., 1900).

<sup>484</sup> Первоначально (в 1910 г.) свою речь «Рыцарь-монах» Блок хотел озаглавить «Невидимый образ Вл. Соловьева», что явно перекликается с использованным в письме к Чулкову определением.

От Соловьева поднимался такой вихрь, что я не хочу согласиться с его пониманием в смысле черного разлада, аскетизма и смерти. Аскетизма ведь не было и фактически, и не им вызывался тот хаос, о котором Вы говорите, и сквозь который вечно процветал подлинный, живой стебель. Вступление к стихам — загадка<sup>485</sup>, многое мне здесь разрешается, когда вспоминаю о хохоте Соловьева. Вступление искренно несомненно, но и хохот искренен. И когда хохот заглушен, губы серьезно сдвинуты, а борода разложена по сюртуку, как на фотографии Здобнова, еще неизвестно, что услышим, что откроется... Еще многому надлежит явиться, о чем провещал маститый философ, заглушив в себе смех и на миг отвернувшись от игр ребенка. Еще в Соловьеве, и именно в нем, может открыться и Земля, и Орфей<sup>486</sup>, и пляски, и песни... а не в Розанове, который тогда был именно противвесом Соловьева, не ведая лика Орфеева. Он Орфея не знает и поныне, и в этом пункте огромный, пышный Розанов весь в тени одного соловьевского сюртука.

Дорогой Георгий Иванович. Мы с Любой<sup>487</sup> ужасно жале-ем, что не можем пригласить Надежду Григорьевну<sup>488</sup> и Вас

<sup>485</sup> О странном смехе Соловьева см. статью Блока «Рыцарь-монах» в сб. «О Влад. Соловьеве», изд. «Путь». М., 1911. С. 99: «Он научился забывать время, он только усмирлял его, набрасывая на косматую шерсть чудовища легкую серебристую фату смеха; вот почему этот смех был иногда и страшен и странен». О смехе Соловьева есть и в воспоминаниях В. Н. Княжнина: А. А. Блок. СПб., 1922. С. 45. — *Прим. Г. Чулкова.*

<sup>486</sup> Орфей (*Orpheus*, *Ορφεύς*) — поэт догомеровской эпохи, мифическое лицо. Он так хорошо пел и играл на лире, полученной им от Аполлона, что усмирлял диких зверей и приводил в движение деревья и скалы. Он женился на нимфе Эвридике, которая умерла, укушенная змеей. Орфей спустился в ад за своей супругой, где своим пением приостановил страдания умерших (См.: *Кори М.* Краткий словарь мифологии и древностей. СПб., 1894).

<sup>487</sup> Любовь Дмитриевна Блок (урожд. Менделеева, 1881—1939) — жена А. А. Блока, актриса, историк балета, мемуаристка. — *В. К.*

<sup>488</sup> Надежда Григорьевна Чулкова (урожд. Петрова, в первом браке Степанова, 1875—1961) — жена Г. Чулкова, переводчик.

к нам. Дело в том, что мы живем не одни, а с родственниками, часть которых, как мы убедились по приезду Андрея Белого и Сергея Соловьева, страшно тяготится близкими нам разговорами и страдает от них чуть ли не физически. Я думаю, что это скоро прекратится, т. е. мы будем жить в более согласном обществе, и, может быть, на будущее лето Вы с Надеждой Григорьевной посетите нас. Теперь как-то совсем нельзя говорить, и отношения между партиями обострены, так что люди как-то оскалились до степени понятий: здесь — «мистики», а там — «позитивисты». Но рознь глубже понятий. Кланяемся Вам и Надежде Григорьевне. Жму Вашу руку.

Любящий Вас Ал. Блок

23 июня 1905 г. Николаевская ж. д. Ст. Подсолнечная, с. Шахматово<sup>489</sup>

Прилагаю еще три рецензии<sup>490</sup>.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>491</sup>**

[24.06.1905. Малое Кобрино — СПб.]

Пятница. Малое Кобрино

Получил Ваше письмо и не то что понял умом, а как-то вдруг, точно наитием, почувствовал, поверил, что Вы

<sup>489</sup> Шахматово — имение, приобретенное делом А. Блока А. Н. Бекетовым (неподалеку от г. Солнечногорска Московской обл.). Блок многократно бывал в Шахматове и написал здесь множество своих произведений. В разные годы в Шахматове гостили друзья поэта — Андрей Белый, Эллис, С. Соловьев и др. Ныне — музей-заповедник А. Блока.

<sup>490</sup> Очевидно, имеются в виду рецензии на книги: Мирэ «Жизнь», «Зеленый Сборник», А. Эрнефельта «Три судьбы», опубликованные в «Вопросах жизни» (1905. № 7).

<sup>491</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 226–227. Датируется по почт. шт. Это письмо, вероятно, явилось ответом на июньское послание Л. Н. Вилькиной, текст которого приведен в примеч. к письму Мережковского от 18 апреля.

действительно мне никогда не поверите. Вы заразили меня Вашим неверием. Вы не верите в меня, в мое существование, а я перестаю верить в Вас. Это неверие Ваше не то что удаляет Вас от меня, а как будто уничтожает, сводит к небытию. Мне даже не грустно, не жалко, а ~~просто~~ — мне все равно — опять просто «скучно»<sup>492</sup>. Воспоминание о Вас стало как воспоминание о том, что видел во сне. Кто-то хотел быть Вами, но не был, потому ли что недостаточно хотел или не смог — не знаю, но, во всяком случае, не был и уже никогда не будет<sup>493</sup>. Это весьма отвлеченно и весьма реально. Думаю, впрочем, что Вы едва ли поймете всю метафизическую иронию этого случая...

Ну, будьте счастливы и не поминайте лихом. От души желаю Вам всего хорошего. Это не фраза: дружеское чувство к Вам у меня навсегда останется.

В понедельник буду в Петербурге, но к Вам, конечно, не приду. Теперь незачем<sup>494</sup>.

Д. Мережковский

<sup>492</sup> Мотив неистребимой жизненной «скуки», не раз возникающий в письмах, характерен и для лирики Мережковского. Ср. в стихотворении «Скука»: «Страшней, чем горе, эта скука» (*Мережковский Д. С. Собрание стихов.* С. 28). Ср. также в стихотворении «Так жизнь ничтожеством страшна...»:

Так жизнь ничтожеством страшна,  
И даже не борьбой, не мукой,  
А только бесконечной скукой  
И тихим ужасом полна...

(Там же. С. 64). Очевидно, что любовь, по Мережковскому, — одно из средств преодоления мертвящей скуки будней.

<sup>493</sup> Ср. в стихотворении Л. Н. Вилькиной «Противоречие»: «Я — то, что быть должно и не сбылось» (*Мой сад.* С. 19).

<sup>494</sup> 22 июня, в среду, Мережковский послал Вилькиной короткое письмо, в котором сообщал: «Приеду в понедельник 27 июня, нарочно чтобы видеть Вас. Если позволите, зайду к Вам вечером в 9 часов, или немного позже. Ответьте сюда сейчас, чтобы я успел получить письмо» (*РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. Ед. хр. 882. Л. 28*).

Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>495</sup>

[1.07.1905. Кобринo — СПб.]

1/VII 05

Спасибо за милое письмо. В нем как будто промелькнула тень прежней Бэлы — той, которой Вы не захотели быть. И мне опять стало грустно и жалко этой [мил~~ой~~] тени. Зачем Вы не поверили в меня? Зачем сделали так, что и я уже почти не могу верить в Вас?

А все-таки спасибо за эту хотя бы неверную ласку. По-итальянски «*ti voglio bene*» значит «я тебя люблю» — «я тебе желаю добра». Не знаю, люблю ли я Вас, но я хотел бы сделать Вам что-нибудь доброе, сделать так, чтобы Вам хоть одну минуту было от меня светло и радостно. Но я не могу ничего сделать для Вас, не могу даже ничего сказать, потому что Вы ничему не поверите.

Зачем Вы не написали мне раньше? Я ждал в Петербурге два дня, что Вы мне напишете.<sup>496</sup> Я теперь пришел бы проститься. А теперь мы так и не увидимся.

Кто смеет молвить: до свиданья,

Чрез бездну двух или трех дней?<sup>497</sup>

Напишите из-за границы. Когда возвращаетесь? Я люблю Ваши письма. А Вы мои любите? Любите хоть письма.

Я поцеловал бы милую тень легким как тень поцелуем, если бы знал, что он будет принят.

Д. Мережковский

<sup>495</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 227–228.

<sup>496</sup> Можно предположить, что именно тогда, приехав на короткий срок из Кобрин в Петербург, Мережковский послал Вилькиной записку следующего содержания: «Среда [29 июня]. Литейная, 24. Я на один день приехал в Петербург. Хотелось бы Вас повидать, хотя чувствую, что Вы меня совсем забыли... Всего удобнее мне было бы зайти к Вам завтра в четверг в 10 часов вечера. Если можно, черкните два слова в ответ. Д. Мережковский» (РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. Ед. хр. 882. Л. 153).

<sup>497</sup> Из стихотворения Ф. Тютчева «Увы, что нашего незнания...» (1854).



**Николай, архиепископ Токийский и Японский. Дневник<sup>498</sup>**

[3.07.1905]

3 (16) июля 1905. Воскресенье.

(...) Наказывает Бог Россию, то есть отступил от нее, потому что она отступила от Него. Что за дикое неистовство атеизма, злейшей вражды на Православие и всякой умственной и нравственной мерзости теперь в русской литературе и в русской жизни! Адский мрак окутал Россию, и отчаяние берет, настанет ли когда просвет? Способны ли мы к исторической жизни? Без Бога, без нравственности, без патриотизма народ не может самостоятельно существовать. А в России, судя по ее мерзкой не только светской, но и духовной литературе, совсем гаснет вера в личного Бога, в бессмертие души; гнилой труп она по нравственности, в грязного скота почти вся превратилась, не только над патриотизмом, но над всяким напоминанием о нем издевается.

Мерзкая, проклятая, оскотинившаяся, озверевшая интеллигенция в ад тянет и простой, грубый и невежественный народ. Бичуется ныне Россия. Опозорена, обесславлена, ограблена; но разве же это отрезвляет ее? Сатанический хохот радости этому из конца в конец раздается по ней. Коли собственному позору и гибели смеется, то уже не в когтях ли злого демона она вся? Неистовое безумие обуяло ее, и нет помогающего ей, потому что самое злое неистовство ее — против Бога, самое имя которого она топчет в грязь, богохульством дышат уста ее. Конечно, есть малый остаток добра, но он, видно, до того мал, что не о нем сказано: «Семья свято стояние ее...»<sup>499</sup>. Душа стонет, сердце разорваться готово. Единственное утешение, что смерть не за горами, не долго еще мытариться видом всех мерзостей, неистового безбожия и падения в пропасть проклятия Божия навлекаемого на себя моего Отечества.

<sup>498</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870–1912).

<sup>499</sup> Ср.: Ис. 6: 13.

**В. А. Кожевников — Ф. Д. Самарину<sup>500</sup>**

[7.07.1905. Исар]

Исар. 7 июля 1905

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Вернувшись сюда из поездки в имение, нашел здесь присланные Вами статьи и брошюры<sup>501</sup>; письмо же Ваше переслано мне было раньше в Тамбовскую губернию. Ознакомившись со всем присланным, приношу Вам мою сердечную признательность за добрую память обо мне и за доставление стольких интересных документов, которые, что бы ни воспоследовало, оставят, несомненно, свой след в истории столь важного переживаемого нами перелома в судьбах России.

От всей души радуюсь Вашему неутомимому трудолюбию и неослабевающей энергии в борьбе. Дай Бог Вам сил для продолжения трудного дела! Одолеть противоположную партию при настоящих обстоятельствах едва ли воз-

<sup>500</sup> Печатается с комментариями по: *Дубинин*, 2005. С. 291–292.

<sup>501</sup> Ф. Д. Самарин рассылал издаваемые «Кружком москвичей» материалы (брошюры, записки, программы) родственным монархическим патриотическим организациям и частным лицам, в том числе самим членам кружка. В фонде Самариных в ОР РГБ (в «Описи дел Кружка москвичей») хранятся как отчетная документация почтовые квитанции, полученные при отправке по многочисленным адресам различных материалов, напечатанных в типографиях И. Т. Шубина, А. И. Снегиревой, «Нового времени» и «Московских ведомостей» (ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Ед. хр. 13). Ф. Д. Самарин посылал и свои статьи и брошюры тем, для кого они представляли интерес, например, К. П. Победоносцеву (Ф. 265. К. 198. Ед. хр. 22), В. К. Саблеру (Ф. 265. К. 200. Ед. хр. 1), архимандриту Феодору (Поздеевскому) (Ф. 265. К. 205. Ед. хр. 19). Исходя из последующего текста письма можно предположить, что В. А. получил изданные «Кружком москвичей» уже после его отъезда из Москвы записки «О способе осуществления предначертаний Высочайшего Рескрипта 18 февраля 1905 г.» (от 31 мая 1905 г.) (проект, составленный самим Ф. Д. Самариным) и «О съезде земских и городских деятелей» (от 18 июня 1905 г.).

можно; но уже и то должно считать крупным успехом, что, по Вашему влиятельному почину, теперь есть противодействующие им, что каждый крупный шаг их встречает серьезный отпор и что этот последний исходит из среды людей, перед нравственным уровнем которых должна чувствовать себя бессильною столь бесцеремонная в своем обычном злословии партийная пресса.

Особенно важным представляется мне сделанное Вами и «Союзом русских людей»<sup>502</sup> разоблачение бесстыжих подлогов разных господ<sup>503</sup>, которые, с одной стороны, искажают

<sup>502</sup> Союз русских людей — московская монархическая организация, близкая к «Кружку москвичей», но отличавшаяся от него более широкой деятельностью и более «пестрым» составом. Сообщения об образовании Союза русских людей во главе с графом П. С. Шереметевым появились в печати в конце апреля 1905 г. (В газете «Русское слово» от 27 апреля (11 мая) 1905 г., № 113, он был неточно назван «Союзом русского народа»). Известный славянофил и светский богослов генерал А. А. Киреев (возглавлял петербургскую политическую группу «Отечественный союз») в дневниковой записи от 14—15 июня 1905 г. следующим образом отзывался о московском Союзе: «Московский Союз (Союз русских людей) уже довольно многочислен, очень пестр, есть всякие люди, к ним примыкают даже целые деревни. Они деятельнее нас, но ведется дело Павлом Шереметевым, еще очень молодым и неопытным человеком. Те же люди, которые авторитетны, напр. Феодор Самарин, от него держатся в стороне, от этого некоторые (...) над ним «очень смеются»; однако, несмотря на этот «смех», они дело делают, и дело у них спорится!» (НИОР РГБ. Ф. 126. К. 14).

<sup>503</sup> В конце мая и в июне 1905 г. в условиях революционного брожения, продолжающейся русско-японской войны, поражения 14—15 мая при Цусиме в русском обществе обострилась борьба между либеральным и консервативным направлениями за влияние на характер преобразований в государственном устройстве, намеченных рескриптом 18 февраля, по которому предполагалось созвать выборных представителей от народа для участия «в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Эта борьба сопровождалась ожесточенной полемикой в печати. Хотя характер органа выборных представителей по рескрипту 18 февраля определялся как совещательный, либеральная часть общества начала борьбу за придание ему прав органа решающего, иначе говоря, за ограничение монархии, превращение ее из самодержавной в конституционную. Велась также борьба по вопросу о том, будет ли пред-

слова Государя, а с другой — выдают свое личное мнение или мнение своей кучки за убеждение и требование всей страны. В практическом отношении оба протеста должны быть признаны как нельзя более целесообразными. Не менее порадовало меня письмо Ваше (в «Новом времени») к князю Петру Николаевичу Трубецкому<sup>504</sup>. Буду надеяться, что за этим не-

---

ставительство сословным или всенародным. Хроника событий того времени, имеющих отношение к содержанию данного письма, такова. 24—25 мая состоялись совещания городских и земских деятелей, настроенных оппозиционно по отношению к существующей власти, и общий их съезд. Депутация от съезда во главе с С. Н. Трубецким 6 июня была представлена в Петергофе царю Николаю II. Речь С. Н. Трубецкого была умеренной сравнительно с тоном, преобладавшим на съезде. О содержащемся в адресе съезда предложении созыва народных представителей для решения вопроса о войне и мире он не упомянул. 18 июня московский и петербургский предводители дворянства, князь П. Н. Трубецкой и граф Гудович, после совещания 26 губернских предводителей дворянства 12—16 июня, представили Государю записку, в которой поддержали адрес съезда городских и земских деятелей. 21 июня граф П. С. Шереметев и А. А. Киреев, после состоявшегося 14 июня соединенного собрания возглавлявшихся ими «Союза русских людей» и «Отечественного союза», на приеме у Государя призывали его «не разделять власть с учредительным собранием» (чему, по их мнению, соответствовало предложение «о совместном строительстве», содержащееся в земском адресе) и не отказываться от принципа сословного представительства. 24 июня Ф. Д. и А. Д. Самарины, А. Г. Щербатов и Ф. Н. Шипов в открытом письме к П. Н. Трубецкому опротестовали записку губернских предводителей — прежде всего за содержащуюся в поддерживаемом ими адресе концепцию выборного органа, который рассматривается ими не как совещательный только, но как имеющий решающий характер. Они упрекали П. Н. Трубецкого за то, что он говорит от своего имени, игнорируя мнение большинства дворян, стоящих, как показали результаты голосования в Московском Дворянском собрании в январе 1905 г., за сохранение самодержавия. О депутации «Союза русских людей» и «Отечественного союза» и об открытом письме П. Н. Трубецкому и пишет В. А. Кожевников.

<sup>504</sup> Петр Николаевич Трубецкой (1858—1911) — в то время предводитель московского дворянства. Сводный брат (по отцу) жены Ф. Д. Самарина Антонины Николаевны Самариной (урожд. Трубецкой, 1864—1901). В январе 1905 г. П. Н. Трубецкой отказался от должности предводителя, после того как собрание проголосовало за вариант адреса Государю, предложенный Ф. Д. Самариным, но после рескрипта 18 февраля, в из-

обходимым объяснением последует и коллективное заявление со стороны г.г. московских дворян<sup>505</sup>. Нельзя же, в самом деле, вводить в общественные привычки манеру говорить за других и от лица других, не имея на то полномочий и согласия! Как зорко следят с противоположной стороны за точностью в этом отношении, видно из предъявленного уже к графу Павлу Сергеевичу Шереметеву (в «Русском слове») требования назвать поименно сочувствующих его направлению представителей науки<sup>506</sup>; сами же эти требовательные проверятели не церемонятся говорить от лица «всех просвещенных», «всех честных» людей, да и за всю Россию!

Не знаю, скоро ли суждено нашей родине окунуться в дрязи парламентаризма, но к грязным приемам партийной аги-

---

менившихся обстоятельствах, на чрезвычайном Дворянском собрании выразил готовность баллотироваться и был избран московским губернским предводителем дворянства, набрав 183 голоса против 82, причем речь его, как сообщала газета «Русское слово» (от 1 (14) мая 1905 г., № 117. С. 3), «была покрыта громом аплодисментов».

<sup>505</sup> К протесту Ф. Д. и А. Д. Самариных, А. Г. Щербатова и Ф. Н. Шипова вскоре присоединились Сергей Николаевич Кологривов (впоследствии член Братства святителей Московских) (Московские ведомости. 2 (15) июля 1905 г. № 178. С. 2) и группа дворян, из которых многие были членами Кружка москвичей: Клавдий Никанорович Пасхалов, князь Александр Михайлович Голицын, Эдуард Андреевич фон Беренс, Юрий Петрович Бартенев, Алексей Константинович Варженевский, Николай Николаевич Кисель-Загорянский (Новое время. 4 (17) июля 1905. № 10 537. С. 2–3).

<sup>506</sup> 21 июня 1905 г. граф П. С. Шереметев на приеме императором Николаем II депутации «Союза русских людей», говоря от лица Союза, среди людей «всех званий и состояний», пославших его сказать Государю «свое откровенное слово», упомянул и о «людях науки». Известный математик академик А. Марков в открытом письме графу П. С. Шереметеву, опубликованном «Санкт-Петербургскими ведомостями» 1 (14) июля 1905 г. № 158. С. 2, и перепечатанном рядом газет, в том числе и «Русским словом» (2 (15) июля 1905 г. № 176. С. 2), предложил ему назвать имена людей науки, участвовавших в составлении адреса «Союза русских людей», а самим людям науки, солидарным с этим адресом, высказаться в печати. Ответом А. Маркову было письмо академика А. И. Соболевского, разделявшего идеи адреса и бывшего членом «Союза русских людей» (Санкт-Петербургские ведомости, 5 (18) июля 1905 г. № 162. С. 2).

тации уже приступлено в широких размерах. Это можно считать началом практического политического воспитания той части «полноправного (?)» общества, которую социалист Каутский называет «голосующей скотиной» (Stimmvieh).

Перечитавши Ваш проект в отпечатанном виде и еще более убедившись в его основательности (даже в тех пунктах, которые сначала казались мне слишком спорными), я не мог не пожалеть, что он стал общим достоянием позднее, чем было бы желательно. Надеюсь все же, что в Петербург он дошел не слишком поздно и был там рассмотрен?.. Не этим ли обстоятельством следует объяснять перемену в отношениях к проекту Булыгина<sup>507</sup> и проникшие в печать толки о предполагаемом переобсуждении вопроса о сословном начале как основе для выбора «доверием народа обремененных людей»?..

Спасибо Вам за отгиск Вашей переписки с Киреевым<sup>508</sup>. Я прочел ее еще раньше в «Мирном труде»<sup>509</sup> и порадовал-

<sup>507</sup> Александр Григорьевич Булыгин (1851–1919) — с 20 января по 22 октября 1905 г. министр внутренних дел России. Рескриптом от 18 февраля 1905 г. Булыгину была поручена разработка проекта о законосовещательной Думе. Ф. Д. Самарин, участвуя в работе образованного с этой целью совещания, отстаивал необходимость сословного представительства в Думе.

<sup>508</sup> Александр Алексеевич Киреев (1833–1910) — православный мыслитель и светский богослов славянофильского направления; генерал от кавалерии. Длительное время состоял адъютантом наместника Царства Польского великого князя Константина Николаевича; активный член Славянского благотворительного общества и издаваемых этим обществом «Известий»; член Предсоборного присутствия, член политической группы «Отечественный союз» (лето 1905 г.). Известен своей деятельностью по объединению старокатоликов с православными христианами (см.: *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 382); сторонник реформирования государственного строя России. Сочинения в 2 ч. СПб., 1912 г. О нем см.: *Штакельберг Ю. И.* Киреев А. А. // Русские писатели. Т. 2. М., 1992. С. 532–533; *Дубинин А. И., диакон.* Киреев А. А. // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 253–254.

<sup>509</sup> Переписка Ф. Д. Самарина и А. А. Киреева, относящаяся к лету 1904 г., была опубликована в 1905 г. в журнале «Мирный труд» (№ 4), органе Харьковского отделения петербургского «Русского собрания» под за-

ся ее опубликованию: не говоря уже о внутренней содержательности, это — как бы предсказание того, что случи-

головком «Может ли земский собор вывести нас из настоящего нашего положения?» В том же году переписка вышла отдельным оттиском, а также была переиздана с обширными комментариями С. Ф. Шараповым (см.: Русское дело. 1905. № 22, 23, 25, 26, 28—31), назвавшим ее «интимнейшим ключом к мировоззрению и политической деятельности очень крупного современного деятеля Федора Дмитриевича Самарина». Поводом и основанием переписки, как пишет А. А. Киреев в ответе С. Ф. Шарапову в связи с ее публикацией (см.: Русское дело. 1905. № 33), послужила брошюра Киреева «Россия в начале XX столетия», с трудом разрешенная цензурой и изданная небольшим тиражом на правах рукописи в количестве 96 экземпляров. Основная тема переписки — обсуждение своевременности созыва Земского Собора. Причину охватившего Россию общественно-политического кризиса А. А. Киреев видел в несостоятельности бюрократического режима, полностью себя исчерпавшего и износившегося. Киреев считал, что самодержавие должно быть «усилено, освящено советом земли», и свою программу называл славянофильской, поскольку она приводила к установлению фактически старого московского строя. Ф. Д. Самарин, не отрицая принципиально желательности созыва Собора (правда, в отдаленном будущем), указывал на опасность изменения государственного строя в критической ситуации и старался доказать Кирееву, что и самодержавно-бюрократический строй обладает достаточными возможностями преодоления кризиса посредством осуществления «возможно более широкой свободы верующей совести, некоторого обеспечения личной неприкосновенности и свободы ограждения частных лиц от административного и судебного произвола». Такие преобразования показали бы обществу, что стеснения личной свободы не вытекают из существа самодержавия и «могут быть вполне устранены без перехода к конституционному строю». «Если же устроить совещательное собрание (представительное), — писал Ф. Д. Самарин, — или просто усиление государственного совета — публика это может понять как обещание парламентского строя, конституции, ограничения Верховной власти. Новое учреждение неизбежно станет средоточием недовольства, направленного против правительства, вся деятельность его будет направлена на превращение из совещательного в конституционный — к захвату власти, политическому перевороту. Смута получит организацию, станет бесконечно сильнее и опаснее — будет действовать на законном основании».

лось с тех пор и что имеет, кажется, совершиться в недалеком будущем<sup>510</sup> не к благу родины. Не скрою, однако, что, если рассматривать вопрос о Земском Соборе независимо от более чем вероятных искажений и злоупотреблений, я, по существу, смотрю менее пессимистично, чем Вы, на «совет Земли», должным образом поставленный и составленный. Прошу Вас принять искренние пожелания Вам доброго здоровья и всего хорошего — и уверения в глубоком к Вам уважении — В. Кожевникова.

**Г. И. Чулков — А. С. Глинке<sup>511</sup>**

[11.07.1905. СПб. — Тетюши Казанской губ.]

Дорогой Александр Сергеевич!

Ваша статья о Бердяеве<sup>512</sup> идет в июле, о Пшибышевском<sup>513</sup> — в августе (Август, впрочем, составляет Жуковский<sup>514</sup>).

Я живу теперь на даче в Райволе, дом Якова Фирсова, но довольно часто, к сожалению, бываю в Петербурге.

<sup>510</sup> Высочайший манифест от 17 октября 1905 г. объявлял о созыве законодательной Государственной думы. Законодательные функции Государственной думы были ограничены манифестом 20 февраля 1906 г., по которому Дума не могла изменять Основные законы, правами Государственного совета и новой редакцией Основных законов, опубликованных накануне открытия 1-й Государственной думы 27 апреля 1906 г.

<sup>511</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 308. Письмо на бланке редакции журнала «Вопросы жизни».

<sup>512</sup> См.: *Волжский*. Полемика. Pro domo sua. Обыденность трагедии (О Шестове в ответ на статью о нем Бердяева «Трагедия и обыденность») // Вопросы жизни. 1905. № 7. Июль. С. 324–350.

<sup>513</sup> См.: *Волжский*. Станислав Пшибышевский // Вопросы жизни. 1905. № 8. С. 29–42; № 9. С. 126–146.

<sup>514</sup> «Хозяин наш, издатель “Вопросов жизни” Дмитрий Евгеньевич Жуковский, замечательный человек, философ, микробиолог, обаянный двумя страстями: купить имение и жениться, впоследствии и женившийся на поэтессе Аделаиде Казимировне Герцык» (*Ремизов А. Кукха*. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 11).



И Луначарского, и Бельтова<sup>515</sup> Бердяев уже передал кому-то. На будущее время собираюсь послать Вам новые книги. А скоро ли Вы в Петербурге? Я что-то не видел давно Карташева<sup>516</sup> и ничего не знаю о Вашей православной газете.

Настроения Жуковского не могут отразиться на «Вопросах жизни» в смысле их прекращения: есть пайщики, да и сам он, кажется, соблазняется продолжать журнал<sup>517</sup>.

---

<sup>515</sup> Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — российский революционер, советский государственный деятель (нарком просвещения), писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед.

Речь, по-видимому, идет о несостоявшейся рецензии Глинки (Волжского) на полемические тезисы, задевавшие лично его и позже выраженные А. Луначарским в статье «Тьма» (Литературный распад: сб. кн. 1. Спб., 1908. С. 163–164), где будущий «богостроитель», воспроизводит свой диалог с Глинкой (Волжским): «Христос воскрес. И мог и должен был воскреснуть. Когда-то один идеалист (Волжский) просил меня печатно: “Уж Христа-то вы нам оставьте”. Нет, не можем мы вам оставить Христа. Если мы пытаемся исторически реконструировать его как личность — мы видим в нем своеобразного вождя пролетарских масс Галилеи. Если мы возьмем его как героя легенды, то он идеал пролетарских масс Римской империи эпохи упадка, сложной и многообразной. Пусть он герой слишком пассивный для нашего современного духа, он все же пролетарский герой, учитель великой любви и великой ненависти тоже. (...) Христос-то воскрес, но вот вы не воскреснете, а если воскресил бы вас Христос, то были бы вы Элеазарами (...) как пустые призраки безвременья, не славившие ничему, а хотевшие только жить, жить».

Бельтов — один из псевдонимов Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918), родоначальника марксистской литературной критики в России. Ср. критическую статью о нем К. Чуковского «Циферблат г. Бельтова» (1906), в которой система эстетических представлений, развиваемых Плехановым, уподобляется механическому прибору марксометру, используемому «для измерения марксистских идей в любом одушевленном или неодушевленном предмете». Цит. по: *Лавров А. В.* Хорошо забытый Корней Чуковский // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 322–326.

<sup>516</sup> А. В. Карташев входил в круг Мережковских — Философова и их религиозную общину, активно сотрудничал с журналом «Новый путь».

<sup>517</sup> Журнал закрылся в декабре 1905 на № 12.

Дорогой Александр Сергеевич! Получили ли Вы письмо Надежды Григорьевны<sup>518</sup>, в котором она возобновляет свою просьбу о том, чтобы Вы, в случае запроса из консистории или еще откуда, согласились показать, что я и Надежда Григорьевна живем вместе? Боюсь очень, что это Вас затруднит теперь. Напишите откровенно, я тогда должен буду предупредить г-на Степанова.

Всего хорошего. Искренне любящий Вас Георгий Чулков.

Привет мой и Надежды Григорьевны Ольге Федоровне и ребятишкам.

И я, и Надежда Григорьевна, и вся редакция соскучились о Вас.

**А. Р. Минцлова<sup>519</sup> — М. В. Сабашниковой<sup>520</sup>**

[12 / 25.07.1905. Париж]

<sup>518</sup> Н. Г. Чулкова.

<sup>519</sup> Анна Рудольфовна Минцлова (1865–1910?) — теософка, влиятельная в кругах религиозной интеллигенции обеих столиц. О А. Р. Минцловой см.: *Минцлов С. Р.* Далекие дни. Воспоминания 1870–90 гг. Берлин, б. г. С. 4–6; *Белый А.* Между двух революций. Л., 1934. С. 355–362.

«Что такое эта Минцлова <Sic!>? — спросил меня Чуйко на другое утро, пока я его писала. — Вы все рассказываете про нее такие вещи”. Наученная горьким опытом не стараться сводить людей, не хвалить друг другу друзей, я сказала: “Она немолодая уже девушка. (...) Она неуклюжая, с большим лбом, плохо видит, очень рассеянная. Еще... она очень образованная... видит судьбу по руке — и телепатические способности у нее очень сильны...”» (Недатированная запись М. В. Сабашниковой (судя по содержанию — 15 июня 1905 г.), озаглавленная «День второй» (РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед. хр. 23. Л. 1).

<sup>520</sup> Печатается с комментариями по: «Я чувствую в Вас вечность...» Письма А. Р. Минцловой Маргарите Сабашниковой / Публ. и коммент. К. М. Азадовского // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н. Богомолова. М., 2011. (Далее: *Азадовский*, 2011). С. 7–29 (<https://www.litmir.me/br/?b=247084&p=1>).

Маргарита Васильевна Сабашникова (Волошина) (1882–1973) — художница, переводчик, видная участница антропософского движения, первая жена поэта М. А. Волошина.

Вторник. Ночь

Милая и дорогая Маргарита Васильевна!

Я сейчас только вернулась из Руана с Максимилианом Александровичем, мы с ним два дня провели там<sup>521</sup>, он три раза писал Вам оттуда, так что Вы многое уже знаете от него теперь, конечно. Уже ночь, очень поздно — но мне сейчас же хочется написать Вам, дорогая, обнять Вас, заговорить с Вами. Я Вам ответила на Ваше письмо в Лондон<sup>522</sup>, надеюсь, Вы получили его своевременно и немедленно же? Я знаю, оно было бледно и смутно, потому что мое изумление, мой безумный восторг от Лондона в первый раз еще в моей жизни не нашли слов для себя — и все слова, слова, которые я так люблю и поклоняюсь им, как богам, — они все точно позабыли свой цвет, свои звуки и отступили назад в безумии и испуге... Татьяна Алексеевна<sup>523</sup> получила Ваше письмо в Лондоне, очень радовалась ему и ответит Вам из Генуи — в Лондоне она не успела. Я проводила ее до последнего мгновения ухода корабля. Это была страшная минута, когда при звуках музыки чудного духового оркестра — отплыл пароход. И по волнам полились трубные звуки марша из «Пророка»<sup>524</sup>. И корабль ушел, ушел далеко... Настроение Татьяны Алексеевны при отъезде была радость, что она уезжает в Индию. Физически она поправилась. Но чтобы она была спокойна душой — этого я не могу сказать. Сейчас после ее отъ-

<sup>521</sup> 25 июля 1905 г. Минцлова и Волошин ездили в Руан. Посещение Руанского собора Нотр-Дам произвело на обоих огромное впечатление.

<sup>522</sup> А. Р. Минцлова ездила в Лондон на Теософский конгресс (Конгресс Федерации европейских секций Теософского общества), проходивший с 6 по 10 июля 1905 г.

<sup>523</sup> Имеется в виду Татьяна Алексеевна Бергенгрюн (Бергенгрин, урожд. Андреева, 1861—1942) — одна из первых русских теософок; позднее — штейнерианка. Присутствовала на лондонском Теософском конгрессе. Тетка М. В. Сабашниковой.

<sup>524</sup> Знаменитый коронационный марш из оперы Дж. Мейербергера «Пророк» (1849; автор текста — Э. Скриб).

езда, по ее просьбе еще из Саутгемптона, я написала Вашей бабушке, Наталье Михайловне<sup>525</sup>, подробное письмо об ее отъезде, т. е., конечно, внешнюю форму и облик его, которые действительно чудесны и великолепны. Сейчас я нашла у себя, вместе с Вашим, и ее письмо (т. е. Татьяны Алексеевны) из открытого моря близ Гибралтара. Письмо счастливое, довольное. К 12 августу (1 августа нашего стиля) она будет уже в Коломбо на Цейлоне, и если Вы напишете ей туда, это будет ей громадное удовольствие, так как она с истинной, настоящей радостью думает о Вас и любит Вас... Адресуйте письмо так (буквально):

Madame T. Bergengrün  
 Au Bord des Reichspostdampfers «Seidlitz»  
 17-ten Juli von Southhampton nach Colombo  
 Asien. Colombo. Ceylon.  
 Freudenberg and Cie.  
 (von<sup>526</sup> — Ваше имя).

Все это непреренно нужно написать.

Сегодня же у меня письмо от Екатерины Алексеевны<sup>527</sup>, она пишет, что Константин Дмитриевич<sup>528</sup> не едет в Индию, а что он сегодня уже в Лондоне<sup>529</sup> (мое предчувствие опять оправдалось!), затем едет в Париж и в Мер-

<sup>525</sup> Наталья Михайловна Андреева (урожд. Королева, 1832 или 1835—1910) — московская благотворительница, вдова купца А. В. Андреева (?—1876). Бабушка М. В. Сабашниковой.

<sup>526</sup> Госпоже Т. Бергенгрюн. на борт имперского пакетбота «Зейдлиц» [отправившегося] 17 июля из Саутгемптона в Коломбо. Азия. Коломбо. Цейлон. Фройденберг и К°. От (нем.).

<sup>527</sup> Екатерина Алексеевна Бальмонт (урожд. Андреева, 1867—1950) — переводчица, мемуарист. Вторая жена К. Д. Бальмонта.

<sup>528</sup> Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942) — русский поэт-символист, переводчик и эссеист, один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века.

<sup>529</sup> Завершив свое продолжительное путешествие по странам Центральной Америки, Бальмонт в июле 1905 г. вернулся в Европу (в Лондон, откуда — в Париж).

рекуюль<sup>530</sup>, где надеется встретить ее. Но Екатерина Алексеевна уже телеграфировала ему в Лондон, что она советует ему поехать прямо морем в Петербург из Лондона, не заезжая в Париж, — разумеется, это будет самое лучшее — и тогда Екатерина Алексеевна выедет и встретит его в Меррекуюле.

Я не знаю никого прекраснее Екатерины Алексеевны Бальмонт<sup>531</sup>.

Вот Вам все известия о Ваших, какие я могу дать, мне кажется, это будет Вам приятно узнать поскорее.

Да, Сергей Васильевич выздоравливает<sup>532</sup>.

О Париже я еще напишу Вам — и, разумеется, я буду рада, если Максимилиан Александрович будет писать Вам все про меня. Но именно о Лондоне я не писала почти никому ничего — кроме Максимилиана Александровича и Екатерины Алексеевны (отчасти) — и я Вам все напишу,

<sup>530</sup> Меррекуюль (Мерекуюль) — дачный поселок в Эстляндской губернии на берегу Финского залива; популярное место отдыха в начале XX века. Ныне не существует. Летом 1903 г. Бальмонт жил в Меррекуюле, где написал большинство стихотворений, составивших сборник «Только Любовь» (М., 1903); одно из стихотворений этого сборника называется «Меррекуюль» («Ветры тихие безмолвны...»). Однако в августе 1905 г., вернувшись в Россию, Бальмонт выбрал для отдыха не Меррекуюль, а соседний поселок — Силламяги, где провел конец августа и большую часть сентября.

<sup>531</sup> В своих воспоминаниях М. В. Сабашникова упоминает о том, что «Екатерина Бальмонт была первым человеком, у кого она [Минцлова] нашла более глубокое понимание» (*Волошина-Сабашникова М. В.* Зеленая змея. История одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой. М., 1993. С. 124).

<sup>532</sup> Сергей Васильевич Сабашников (1873—1909), основавший в 1891 г. со своим братом Михаилом Васильевичем Сабашниковым (1871—1943) известное московское книгоиздательство М. и С. Сабашниковых. 23 мая 1905 г. был ранен психически ненормальным кредитором, оперирован в Москве немецким профессором Краузе, а затем доставлен в его берлинскую клинику. См. подробнее: Записки Михаила Васильевича Сабашникова / Подг. текста А. Л. Паниной и Т. Г. Переслегиной / Предисл. и примеч. А. Л. Паниной. М., 1995. С. 292—296.

как только соберусь с силами, потому что Вы это поймете, я знаю. Сейчас не могу, потому что измучена и потрясена впечатлениями до изнеможения и полного уничтожения почти.

Но еще хочу рассказать Вам немного о Сомове<sup>533</sup>. Он только что уехал в Россию — и я должна сказать, что эти дни после моего возвращения из Англии он на меня и на всех нас производил самое лучшее впечатление. В нем вспыхнул вдруг неожиданно тот священный огонь, загорелась какая-то нежность души, какая-то страшная чуткость и отзывчивость. Последний вечер (воскресенье 23-го) накануне его отъезда и нашего с Максимилианом Александровичем в Руан мы провели вчетвером, я, Чуйко<sup>534</sup>, Сомов и Волошин, мы бродили по старому Парижу. Я взяла руку Сомова — и он не выпускал ее все время, всю ночь почти, пока мы бродили, — и он так слушал, так звучал в ответ всему тому, что я рассказывала ему, — у меня осталось самое лучшее, самое светлое воспоминание о нем, и я обещала ему написать скоро в Петербург ему <Sic!>— конечно, я это сделаю, и на днях же.

Что касается Макса<sup>535</sup> Александровича, — я очень сблизилась с ним, мы ведаемся постоянно, и он много светлого и радостного дает мне. Я вижу в нем пробуждение новой жизни, новой личности, сильной и своеобразной. Эти два дня в Руане мы почти все время были вместе — только от одного часу ночи до девяти утра мы расходились и засыпали мертвым сном по нашим комнатам, на верхушке фантастического отеля на берегу Сены,

<sup>533</sup> Имеется в виду художник Константин Андреевич Сомов (1869–1939).

<sup>534</sup> Михаил Самойлович Чуйко (1875–1947?) — художник. В 1900-е годы жил в Париже; член парижского кружка русских художников «Монпарнас». Знакомый М. В. Сабашниковой с 1901 г. Арестован в 1938 г.; в мае 1939-го приговорен ОСО при НКВД СССР к ссылке в Казахстан на 5 лет. Реабилитирован в 1998 г.

<sup>535</sup> В своих письмах того времени Минцлова нередко называла Волошина сокращенно — Макс.

горевшей странными тревожными огнями. Но я думаю, Вы все это уже знаете из писем Максимилиана Александровича. Целую Вас, дорогая и любимая. До завтра, так как сейчас я падаю от усталости. Но я завтра кончу это письмо. Все время я ни на один день не забывала Вас — Я люблю Вас и думаю о Вас все время, постоянно и неизменно. — Вы для меня — радость; и счастье для меня — воспоминанье о Вас, об этих одиннадцати днях с Вами в Париже. Ведь я знаю, я увижу Вас скоро, мне так кажется, по крайней мере. Вы знаете ведь, что Макс Александрович собирается скоро в Цюрих?<sup>536</sup> Он тогда много расскажет Вам обо мне. Чуйко я выдаю часто и много. Он — прелестный, и для меня это настоящий праздник видеть его. Если он и не пишет Вам, то, во всяком случае, вспоминает Вас постоянно и ежечасно, могу заверить. Писать меня он уже начал, сделал один набросок — я не знаю, удачен он или нет, так как вообще не знаю себя и своего лица, — но меня поразила красота и странность рисунка — я не знала, что такая глубокая ночь у меня в углах глаз и в концах рта. Ну, завтра утром я кончу письмо. До завтра, милая, милая —.

[13 / 26.07.1905]

Среда, 26 июля.

С трудом поднялась сегодня, после этих дней Руана я чувствую огромную усталость — я боюсь, Вы не разбираете моих слов, ведь мои руки и слова очень быстро становятся невнятные, когда я начинаю волноваться. Я Вам напишу скоро еще раз, милая. Сейчас мне хочется ответить на то, что Вы говорите о теле, о его победе конечной над духом. Что касается меня лично — это мой главный недостаток, переутонченность и безграничность впечатлительно-

<sup>536</sup> Летом 1905 г. Волошин дважды покидал Париж, чтобы навестить Сабашникову в Цюрихе: с 20 июля по 5 августа и с 14 по 24 августа.

сти. Анни Безант<sup>537</sup> сразу обратила на это внимание, и это главное, с чем надо мне будет бороться... С усталостью своей я легко справляюсь — я совсем не считаюсь с ней, и когда ощущаю ее, я поступаю совсем так же, как если бы ее не было. Например, вчера я легла спать около пяти утра, после потрясающих сказочных впечатлений этих двух дней. Но я поступила сегодня так же, как всегда, не считаясь с усталостью, — я встала в 8 часов и не думаю совсем о ней, и она уходит тогда сама наконец, так как утомление и боль не выносят равнодушия и невнимания, они требуют заботы и ухода за собой. Что касается Вас, я думаю не так: мое мнение, убеждение мое глубокое таково, что сейчас, в этот момент, надо Вам заботиться о теле, об организме — об этом футляре, о котором Анни Безант требует, чтобы очень заботились, так как его сила и состояние много значат для работы в высших сферах, и это имеет большую важность. Это Анни Безант говорила в лекции своей «Об оккультизме»<sup>538</sup>. И Вам нужно поработать над Вашим футляром сейчас. У Вас есть несоразмерность духа с телом, и от этого страдает тело, так как оно у Вас слабее. Мне так жаль, что мы не с Вами. Я знаю, что, если бы у нас был месяц времени, я могла бы помочь Вам вступить на путь победы над организмом. Первое и главное сейчас — сделайте так, чтобы у Вас не было головных болей. Это возможно. Обратите внимание, отчего они идут, — это не только от впечатлений, ведь в Париже это было у Вас редко? Я Вам буду помогать немного на расстоянии — это можно, я это знаю. Целую Вас, дорогая, до свидания!

А. Минцлова

Я здесь еще останусь. Довольно долго, я надеюсь.

---

<sup>537</sup> Анни Безант (урожд. Вуд, 1847–1933) — известный теософ, борец за права женщин, писатель и оратор, сторонница независимости Ирландии и Индии.

<sup>538</sup> Вероятно, имеется в виду лекция, прочитанная А. Безант в Париже 15 июня 1905 г.



К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>539</sup>

[14.07.1905. СПб. — Киев]  
1905.VII.14

Дорогой Петр Павлович!

Прости за долгое молчание. Дела журнала в таком положении. Подставной редактор Пушкин отказался от предложенной ему роли. В [нрзб] дела последует в первых числах августа. 3–5 августа постараемся собраться в Москве — Булгаков, Карташев, Волжский и я. Там, совместно с Сытиным, окончательно решим все вопросы и двинем дело. Трудность и сложность указанных тобою сторон я сознаю. После отказа Пушкина хочу предложить в Редакторы трех лиц, т. е. добавляю к прежним Волжского. При такой комбинации будут налицо три работника, более или менее свободные для дела. Вот и у меня с будущего года число уроков может быть доведено до 18!

С Булгаковым мы письменно уясняем все стороны дела. Между прочим он настаивает чуть не на пяти печатных листах еженедельных: на такой обширный материал надеется он... Я тоже думаю, что в обилии материала журнал обеспечен: отчасти «Церковный Вестник» говорит за это. Протекшее время прошло хорошо. Серьезно прочитал труды Тареева<sup>540</sup> «Жизнь Иисуса Христа», «Истина и символ в области духа». Какие глубокие и хорошие книги. Ты с ними, конечно, знаком. Все вопросы твоей диссертации. Из книги Городенского<sup>541</sup> ничего

<sup>539</sup> Печатается с комментариями по: Балакишина, 2014. С. 328–329.

<sup>540</sup> Михаил Михайлович Тареев (1867–1934) — русский религиозный философ, богослов, писатель, с 1902 г. профессор кафедры нравственно-богословия МДА. Автор «нового богословия», отрицающего всякую «мистику» в христианстве и сводящего всю суть искупительной жертвы Христа к событиям Его искушения в пустыне. В 1917 г. сменил Флоренского в должности редактора академического «Богословского вестника».

<sup>541</sup> Николай Гаврилович Городенский (1871–1936) — русский педагог и богослов. Вероятно, речь идет о его книге «Нравственное сознание человечества». (Сергиев Посад : Св.-Троиц. Сергиева лавра, 1903). — В. К.

не вычитал, но за формулировку известных положений благодарен ему. Прочитал «Апофеоз беспочвенности» Шестова, а теперь занят книжками «Вопросов жизни».

И тут — как приятно было бы побеседовать с тобою, особенно о Тарееве...

### П. А. Флоренский — Андрею Белому<sup>542</sup>

[15.07.1905. Тифлис]

15 июля 1905, Тифлис

Дорогой и многоуважаемый Борис Николаевич!

Хотя Вы, кажется, и сердитесь на меня за наши разногласия этой зимою и хотя в результатах наших, действительно, разногласия, но я все-таки считаю Вас так близким к себе и по цели, и даже по путям, что пишу. Близким считаю, потому что знаю одинаковость наших основных настроений (сказочность) и исходных пунктов развития. Поэтому, мне кажется, я в каждом Вашем движении понимаю Вас и, быть может, каждую минуту мог бы сделать его сам, если бы с самого начала не стал обрабатывать своих переживаний иначе, чем делаете это Вы. А во многих случаях я спорю с Вами, и жестко, но это — видимость; на самом деле я разговариваю с самим собою, и отсюда — жесткость приемов. Перед отъездом из Посада прочел Вашу статью<sup>543</sup>. В качестве схемы она мне представляется очень интересной, особенно в понимании Валерия Яковлевича<sup>544</sup>. Но именно как

<sup>542</sup> Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 468–471.

<sup>543</sup> *Белый А.* Апокалипсис в русской поэзии // *Весы*. 1905. № 4. С. 11–28.

<sup>544</sup> В статье Белого выделяются две традиции — пушкинская и лермонтовская; наиболее ярким представителем пушкинской в современной лирике назван Валерий Брюсов, о котором сказано: «Безраздельная цельность брюсовской формы, рисующая землю, тело, лишена, однако, огня религиозных высот. Прекрасное тело его музы еще не оживлено, оно механизировано хаосом: это автомат, движимый паром и электричеством» (*Весы*. 1905. № 4. С. 20). Белый отмечал, что творчество

схема<sup>545</sup>. Удовлетвориться таким развитием темы я не могу, потому что тут вся доказательность зависит от жизненной сочности и конкретности переживаний. Если статья Ваша возросла бы раз в 20—30, то стала неизмеримо ценнее.

За последнее время я все собираю материалы для «Софии»<sup>546</sup>. Собрать очень трудно, так как приходится внимательно прочитывать груду сырья, просматривать кучи икон, рисунков и т. д., чтобы выловить несколько жемчужин. Но есть у меня в материалах (это — один из перлов моих) икона совершенно апокалиптическая, где — «Жена, облеченная в солнце», Богородица, Зверь из бездны и т. д. Работа будет закончена не скоро, работа в высшей степени неблагодарная, так как масса энергии уходит безрезультатно, но для Софии «жалеть ли мне рук»?<sup>547</sup> Пусть все остальное не идет, как следует: но уяснить то, что необходимо теперь всем, заставить согласиться — это так важно, что надо забыть об остальном. Мелкие вещи пишу. Недавно закончил о «типах возрастания»<sup>548</sup>. Это подготовка (математико-психологическая) к вопросу о «лицах под специальным покровительством Софии»<sup>549</sup>, как, например, Ваша Дама<sup>550</sup>, как другая Да-

---

Брюсова чуждо мистицизму. В лермонтовской традиции, выразителем которой были Вл. Соловьев и Блок, Белый видел ветви русской поэзии, которая ощутила присутствие в мире «Жены, облеченной в Солнце».

<sup>545</sup> Валерий Брюсов, написавший ответ А. Белому «В защиту от одной похвалы» (Весы. 1905. № 5. С. 37—39), также упрекал Белого за схематизм.

<sup>546</sup> В результате была создана одна из работ Флоренского — глава «София» в кн. «Столп и утверждение Истины», где на основе православной иконографии и гимнографии он изложил свое понимание софийности. Наброски к ней, относящиеся к этому периоду, см. в «Записной тетради 1904—1905 годов».

<sup>547</sup> Ср. описание киевской Софии в кн. Флоренского «Столп и утверждение истины» (М., 1914. С. 382).

<sup>548</sup> См.: *Флоренский П. А.* О типах возрастания // Богословский вестник. 1906. № 7. С. 530—568.

<sup>549</sup> Набросок статьи см. в «Записной тетради 1904—1905 годов».

<sup>550</sup> Возможно, жена Блока Л. Д. Блок, которую Белый, Блок и С. Соловьев некоторое время почитали как земное воплощение Вечной Женствен-

ма<sup>551</sup>, которая мне известна и Алексею Сергеевичу<sup>552</sup>, как еще кое-кто из «особенных» благодатных. Приходится и тут, в области философской (например, теория символов), все подготавливать почву, обосновывать и потом неожиданно вдруг сделать такое резюме, которого будет нельзя не признать даже врагам нашим. Им тогда придется объявить, что они не отрицают того, что мы говорим, но не хотят этого, волею противятся этому. До тех пор же, как «споры» не перенесены на почву сознательного волевого утверждения и отрицания, до тех пор пока они остаются просто вопросами обсуждения, Апокалиптическое начаться не может. *Τὸ κατέχον*, «удерживающее», т. е. эмпирическое, условное, еще не пробито, раз возможны споры. Конец при дверях, но не в дверях, и я не верю, чтобы мог наступить конец до тех пор, пока каждый не получит всего «важного» в столь разжеванном виде, чтобы мог сказать вполне сознательно с волею: «я хочу этого» или «я не хочу этого»<sup>553</sup>. Если же возможны рациональные соображения и эмпирические возражения, то еще — не конец. Даже Валерий Яковлевич не дорос до конца: он пускается в область «исторической критики», «как историк»<sup>554</sup>. А конец, разре-

---

ности (см. переписку Блока и С. Соловьева в: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. С. 308–344).

<sup>551</sup> Вероятно, корреспондентка Вл. Соловьева А. Н. Шмидт, считавшая себя земным воплощением Софии, рукописи которой были изданы при участии С. Н. Булгакова и Флоренского в кн.: Из рукописей А. Н. Шмидт. М., 1916.

<sup>552</sup> А. С. Петровский. — В. К.

<sup>553</sup> Ср.: «Безусловная внешняя свобода — необходимое условие, чтобы всякий свободно и окончательно определился к Добру или Злу, а это самоопределение необходимо для победы Добра над Злом, в которой весь смысл мирового процесса... Жизнь ожидает новое откровение, или, правильней, новые силы для уразумения, приятия и раскрытия откровений, частью не понятых, частью не изжитых. Это будет новое великое благовещение!» (*Свенцицкий В, прот.*. Собрание сочинений. Т. 2. С. 441; Т. 3. С. 108). — *Прим. С. Черткова.*

<sup>554</sup> Флоренский подразумевал критические выступления В. Брюсова, где он настаивал на том, что на современную поэзию он смотрит как историк.

шение всех противоречий, высшее счастье, сделался бы для меня невыносимым насилием над миром, если бы предлагался миру недозревшему до сознательности к нему. Помните «спелые смоквы»<sup>555</sup>. Помните «пшеницу и плевелы»<sup>556</sup>, растущие до полной зрелости. Помните «виноград», из которого давится сок, т. е. виноград зрелый (в Апокалипсисе)?<sup>557</sup>

Как идут Ваши работы — главное, конечно, 4-я Симфония и стихи<sup>558</sup>? Ваши симфонии мало кому понятны, но тут Вы ни при чем. 3-я («Возврат»)<sup>559</sup>, кроме тех чисто литературных промахов, о которых мы с Вами говорили (например, конспективность и непропорциональная сжатость последней части), мне представляется вполне законченной и легко понимаемой при известном развитии; если же его нет, то, как бы Вы ни писали, вы все равно останетесь непонятым. Если Вы будете выпускать 4 симфонии вместе, то я непременно разражусь статьей, и большой; о «Золоте» была вполне обдумана и почти написана черне, но так не хочется печататься (прямо как-то претит), что она и осталась, как и множество других вещей, в портфеле. Но тут мне надо сказать очень много важного теоретического и много восторженного. Если увидите с Мережковскими, то кланяйтесь им от меня и передайте сердечный привет. И Зинаиде Николаевне также: хотя я видел ее всего несколько часов, но многое понял в ней, и прежде всего то, что она неизмеримо лучше, чем кажется. Я знаю, что если бы я только и видел ее, что в обществе (например, у Рачинского), то она бы возбуждала некоторую досаду и недоумение. Но когда я увидел ее в интимном кружке, то стало ясно, что в конце концов то, что способно возбудить досаду, есть результат известной внутренней чистоты, внешняя изломанность —

<sup>555</sup> Мф. 24: 32.

<sup>556</sup> Мф. 13: 24–30.

<sup>557</sup> Откр. 19: 15.

<sup>558</sup> Четвертая симфония Белого была завершена позднее и опубл.: *Белый А.* Кубок метелей: Четвертая симфония. М., 1908.

<sup>559</sup> См.: *Белый А.* Возврат: Третья симфония. М., 1905.

проявление внутренней боязни сфальшивить. Это странно как будто, я даже не могу объяснить Вам толком, что именно хочу сказать, но я хорошо знаю, что бывают такие люди, которые, боясь неестественности, надевают маску неестественности — такую неестественность, которая не искажает подлинную природу личности, а просто скрывает ее. Зинаида Николаевна при нашем свидании сказала мне такую характеристику меня, которая в высшей степени тяжела, скажу более, оскорбительна, хотя я сильно боюсь, что Зинаида Николаевна во многом права. Она сказала то, подозрение чего меня мучило и мучает непрестанно, хотя я этого никому не скажу. Но вместе с тем в самой Зинаиде Николаевне я увидел столько скрытого болезненного и деликатности, что чувствую себя с ними обоими близким, хотя знаю, что оба они, особенно Дмитрий Сергеевич, ни за что этого теперь не признают и что они сердятся на меня все из-за того же, из-за исторической Церкви.

Я хорошо понимаю, почему в этом отношении я расхожусь со всеми, почему я разошелся в некоторый момент и с самим собою. Тогда я подходил к Церкви, смотря на нее объективно, «как на мать ребенок, который отделился от ее организма» (Дмитрий Сергеевич). И тогда я видел тысячи недостатков, видел толстейшую кору, под которой для меня не было ничего, кроме выдохшихся символов. Но не знаю что — толкуют как хотите — что-то поставило меня против воли моей в субъективное отношение к народу, а вместе с ним и к Церкви, которую он любит. Я зашел внутрь всех скорлуп, стал по ту сторону недостатков. Для меня открылась жизнь, быть может, чуть бьющаяся, но жизнь, открылась безусловно святая сердцевина. И тогда я понял, что уже не выйду оттуда, откуда увидел все это, — не выйду, потому что не верю в духовную *generatio spontanea*<sup>560</sup>, не верю в возможность «устройства» Церкви. Церковь «наша», сказал я себе, либо вовсе нелепость, либо она должна вырасти из святого зерна. Я нашел его и буду растить теперь его, доведу до мистерий, но не брошу на по-

<sup>560</sup> Естественное порождение (*лат.*).

жрание социалистам всех цветов и оттенков. Если я виноват, Борис Николаевич, что воспринимаю жизнь и святость за толстой корой грязи (которая для меня, может быть, кажется гораздо толще, чем для других, потому что она мне делает больно), если грешно любить святое, то я, действительно, виноват перед всеми, кто расходится со мною. Но только могу сказать им: я могу притвориться, но не могу перестать чувствовать то, что чувствую. Делайте, что хотите и как хотите. Ваше осуждение сделает больно, но любовь только усилится от них...

Как Ваше настроение и Ваше здоровье? Надо запастись и тем и другим на зиму, так как приходится предвидеть зиму небывало трудную и напряженную, в сравнении с которой прошедшая — тишина и спокойствие. Мне этим летом не только не удалось отдохнуть и поработать, как хотелось, но еще более измучился и издергался. Тут такая обстановка, столько напряженности в воздухе, столько взаимного раздражения и столько крови<sup>561</sup>, что невозможно сосредоточиться и не нервничать. Немного успокаиваюсь на одном только Шиллере.

До свиданья, дорогой Борис Николаевич, — если только оно возможно еще тут: ведь ни за один день рассчитывать не приходится. Желаю Вам всего хорошего и, главное, не оставаться нравственно одному.

Ваш П. Флоренский, искренно любящий.

Адрес (до начала августа) Николаевская, 67, П. А. Флоренскому. (После начала августа): Сергиевский Посад (Московская губ.), Духовная Академия, П. А. Флоренскому.

**В. П. Свенцицкий — И. А. Беневскому<sup>562</sup>**

[15.07.1905. Москва — Дубровка]

<sup>561</sup> В это время в Тифлисе происходили политические волнения.

<sup>562</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 176.

Иван Аркадьевич Беневский (1880—1922) — участник ХББ, друг Свенцицкого, многократный посетитель и корреспондент Л. Н. Толстого,

Нам передал Борис Николаевич Бугаев, что Вы желали бы войти в более тесное общение с ХББ и для этого хотели бы подробнее ознакомиться с теоретической и практической стороной деятельности Братства.

С этой целью к Вам может приехать лицо, близко стоящее к делу, между 10 и 15 августа. Если Вы ничего против этого не имеете и время это для Вас удобно, не откажите известить. В письме, кроме того, сообщите, пожалуйста, с какими изданиями Вы знакомы.

Письмо адресуйте: Рязанско-Владимирская железная дорога. Станция Спас-Клепики, имение Шер, Валентину Павловичу Свенцицкому. Пишите обязательно заказным. Ответить просим возможно скорее.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной**<sup>563</sup>

[15.07.1905. Кобринo — СПб.]

15/VII 05. Кобринo

Но теперь я не верю, что Вы мне верите<sup>564</sup>. Вы так далеко. И уходите все дальше и дальше. Голос Ваш почти не достигает до меня. Почти не вижу Вас и не узнаю прежнюю в этой бледной, бледной, исчезающей тени. Напишите из-за границы. Может быть, расстояние приблизит Вас.

---

который говорил о «его глубокой религиозности, милой доброте, особенностях: придает значение крестному знамению». Считал, что «обладание землей как собственностью несогласно с евангельским учением» (Жизнь для всех. 1912. № 2. С. 349–351). В 1910 г. отказался от прав на полученное по наследству имение (пос. Дубровка, Орловская губ.), передал землю сельскому обществу и организовал на ней сельскохозяйственную общину, где работали все члены семьи Бенеvских; с 1915 г. там действовала колония для детей-сирот.

<sup>563</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 228.

<sup>564</sup> Мережковский, видимо, отвечал на письмо Л. Н. Вилькиной, посланное в Кобринo после 1 июля 1905 г.



Хотелось бы сказать что-нибудь ласковое на прощание, но, чувствую, что все равно ничего не дойдет в такую даль.

Ну, будьте счастливы и вспоминайте иногда обо мне.

Д. Мережковский

**А. Р. Минцлова — М. В. Сабашниковой**<sup>565</sup>

[16 / 29.07.1905. Париж]

Париж, 16 / 29 июля 1905.

Дорогая моя, я получила вчера Ваше письмо, спасибо Вам. Да, я хочу, и я знаю, я могу помочь Вам избавиться от многого, что Вам тяготит и давит душу, что мешает жить. Сначала я хочу снять с Вас головные боли Ваши — и я надеюсь, это удастся мне. Но, конечно, это все потом, я напишу Вам много и подробно с Максимилианом Александровичем, который на днях едет в Цюрих.

Сейчас Константин Дмитриевич в Париже. Он здоров, но я с ним почти еще не говорила и еще не узнаю его, того, кого я любила так долго и неизменно (16 лет).

Он думает провести здесь неделю и ехать в Меррекюль к Екатерине Алексеевне.

Что касается Максимилиана Александровича — нет, это не отражение. Это было пробуждение души. Как это говорится в одной из последних книжек теософских («Венок из асфоделей»)<sup>566</sup>? Душа многих людей спит, спит долго, и разбудить ее может иногда только страшный толчок... Другие просыпаются легче, иные труднее — но это все равно в конце концов, так как время — это лишь условность, какая-то бледная ширма, поставленная людьми, чтобы смягчить для своих глаз слишком яркий свет вечности.

<sup>565</sup> Печатается с комментариями по: *Азадовский*, 2011.

<sup>566</sup> Имеется в виду брошюра теософского содержания: *Cloth H. B. The Crown of Asphodeles*. London, 1904. Настоящее имя автора — Хелен Берчиер (Bourchier).

Макс Александрович очень много дает мне. В нем очень много поднялось неожиданного. И мне радостно видеть его таким. Он много помогает мне. В Руане в соборе, когда я вдруг неожиданно увидела совсем безумный фиолетовый цвет «vitraux»<sup>567</sup>, опустившийся и остановившийся у моих ног на полу, — я вздрогнула, чуть не вскрикнула — и, если бы не Макс Александрович, я бы вдребезги расшиблась, грохнувшись во весь мой изрядный рост об каменную плитку. Он все время следит за мной и заботится обо мне. Я вижу его и Чуйко каждый день. Посылаю Вам мой лик, который Макс Александрович снял с меня в мастерской Чуйко.

Целую Вас крепко, любимая. Не пишу много, потому что это появление Константина Дмитриевича сегодня вечером, хотя я и ожидала его эти дни, — все же это поразило меня очень, и я все еще не могу совсем придти в себя. У меня как раз сидел Макс Александрович в это время. Мы сговорились каждый день видеться, и завтра Константин Дмитриевич придет в 4 часа. Мой портрет теперь придется отодвинуть на эти дни, так как времени не будет. Целую Вас, до свидания, дорогая. Это письмо мое не считается, оно совсем лихорадочное.

Сомову я написала, и Чуйко написал ему — на самом деле Сомов был так удивительно привлекателен и мил, что ему можно и следует писать. Его адрес: С.-Петербург, Ораниенбаум, Кирочная улица (это до 15 августа русского стиля).

А. М.

**А. В. Каргашев — К. М. Аггееву**<sup>568</sup>

[17.07.1905. СПб.]

(...) Я все более и более отдаюсь хлопотам и думаю о церковно-реформационном журнале. На этой неделе при-

<sup>567</sup> Витражей (*фр.*).

<sup>568</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 177.

едут Сытин и Сергей Николаевич Булгаков, и мы подадим прошение о разрешении. На роль официального редактора не находится никого, кроме меня. (...) Дело, вероятно, не может начаться ранее декабря. Однако ищем и сотрудников и других работников. (...)

**А. Р. Минцлова — М. В. Сабашниковой**<sup>569</sup>

[19.07/1.08.1905. Париж]

Париж, 1 августа 1905.

Дорогая моя, сейчас получила Вашу открытку из Германии. Я Вам написала в Гейдельберг<sup>570</sup>, послала одну из моих фотографий (снятых Максимилианом Александровичем в мастерской у Чуйко). Это письмо передаст Вам Максимилиан Александрович. Я не вполне спокойна сейчас — здесь, как Вы уже знаете, вероятно, в Париже, Елена<sup>571</sup> и Константин Дмитриевич. И мне очень тяжело. У меня все время болят руки — эти корни моей души, самое чувствительное, что есть во мне.

Я рада, что Вы видели Нюрнберг <Sic!>. Я знаю его, я была там трое суток и пережила всю сказку и красоту его. Вы были в Германском музее?<sup>572</sup> Вы ходили ночью при луне по улицам, где живут тени погибших и те, кого нет уже больше, тихо, не-

<sup>569</sup> Печатается с комментариями по: *Азадовский*, 2011.

<sup>570</sup> Во время своего путешествия по Южной Германии (вместе с А. Л. Любимовым, приятелем ее брата) Сабашникова 30—31 июля посетила Гейдельберг, где жила ее приятельница О. Э. Залманова (урожд. Сиверс).

<sup>571</sup> Елена Константиновна Цветковская (1880—1944) — дочь генерала К. Г. Цветковского, тогда — студентка математического факультета Сорбонны и страстная поклонница поэзии К. Бальмонта, впоследствии ставшая его третьей (гражданской) женой, сопровождавшая его (с 1905 г.) во всех путешествиях.

<sup>572</sup> Германский национальный музей в Нюрнберге, открытый в 1852 г., — богатейшее в мире собрание, посвященное истории и культуре германских (немецкоязычных) стран.

связно договаривают свои сказки тем, кто слышит их. Желтая страшная Pegnitz<sup>573</sup>, до сих пор еще не позабывшая всего того, что она видела, кипящая и рыдающая у дверей, позабытых теперь. Как я люблю реки, уносящие с собой время, убегающие вдаль в страшном и непонятном смятении. Мы жили в Нюрнберге у Frauenthor<sup>574</sup>, возле дома герцога Альбы<sup>575</sup>. Я люблю его с тех пор, эти камни рассказали мне все про него, про всю муку, изведенную им, — как никто другой, я испытываю ее. Этот человек знал счастье и боль, неведомые никому больше. У него была мысль, как удав, сковывавшая ему душу, мысль, за которой было легко ему идти...<sup>576</sup>

До свидания, дорогая. Я еще напишу Вам, и Максимилиан Александрович расскажет Вам про меня. Он сделал много, много для меня теперь. Я радуюсь, я счастлива, что я узнала его. В нем проснулись громадные силы, глубоко спавшие в нем до сих пор, очевидно, но это его силы, это он, настоящий, — это не отражение, о нет! Целую Вас.

А. М.

---

<sup>573</sup> Пегниц — река, протекающая через Нюрнберг (по названию баварского городка Пегниц, где она берет начало).

<sup>574</sup> Женские ворота (*нем.*). Часть стены XV века, окружающей Старый город.

<sup>575</sup> Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба (1507–1582) — испанский военачальник и политический деятель. В 1567–1573 гг. — губернатор Нидерландов, получивший известность благодаря учрежденному им «Кровавому Совету» и жесточайшим репрессиям.

<sup>576</sup> Столь же восторженные описания Нюрнберга можно найти и в письмах Бальмонта, посетившего этот город в июле 1902 г. «Но какое очарование Нюрнберг! — писал он, например, З. А. Венгеровой 21 июля 1902 г. — Вот где до сих пор живо средневековые и где можно дни и недели быть в сказке. Эти старинные дома, башни, рвы и ворота, эти причудливые крыши и таинственные затоны — какая роскошь архитектурной декорации, какой замкнутый, сильный, законченный мир! И деревья. Нигде, после Англии, я не видел таких пышных и так умело посаженных деревьев. Весной, когда цветет акация, здесь должно быть сказочно хорошо. Мы застали расцвет лип и во время прогулок каждый раз поражались их нежно-пряным, медвяным ароматом» (РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 492. Л. 11).

**Иоанн Кронштадтский. Дневник**<sup>577</sup>

[23.07.1905]

23 июля 1905

«Нечестивии не узрят славы Твояе, Христе», то есть неверующие, неправо верующие, католики злые, лютеране богохульники и реформисты, евреи, магометане, все буддисты, все язычники. А мы узрим ли? Это зависит от нашей жизни, веры, благочестия. Если мы имеем Дух Христов (Рим. 8:9), если мы будем «новою тварью во Христе» (2 Кор. 5:17), то, несомненно, увидим славу Христову и вечно будем наслаждаться ею. Кто мудр и поймет это? — Кто понудит себя к достижению Царствия Божия (Мф. 11:12)?

**П. А. Флоренский — Ю. А. Флоренской**<sup>578</sup>

[23.07.1905. Тифлис — Берлин]

(...) Для вас всех, любящих «справедливость», требующих «права», стремящихся к городскому шуму и «электрической жизни», для вас, одним словом, американцев и американок, я столь чужд со своим стремлением к деревне, к тихой, беспробавательной любви. Вы хотите благодетельствовать «простой народ»; а мне крестьянин дорог так, как он есть. Для вас он нечто низшее вас, обладающих «научным мировоззрением» и пренебрежительно смотрящих на «материал», над которым надо поработать. Я же думаю, что крестьянин мне равный, у которого я могу очень многому научиться и которому могу очень немного дать взамен. Одним словом, я хочу обращаться как равный к равному, и всякое иное отношение счи-

<sup>577</sup> Печатается по: *Святой праведный Иоанн Кронштадтский*. Предсмертный дневник.

<sup>578</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 177–178.

Юлия Александровна Флоренская (1883–1947) — врач-психиатр, сестра П. А. Флоренского, в письмах — Люся.

таю оскорблением крестьянину, а потому и себе, потому что я с ними, а не с нашими европеизирующими.

Я не осуждаю последнего направления, быть может, во многом даже одобряю его. Но одобряю, так сказать, формально, со стороны: не лежит у меня сердце к «реформаторам».

Я знаю: то, чего я хочу, то, что мне и народу моему дорого, — это кажется вам жалким, отсталым, наивным. Ну, а я хочу лучше быть наивным с народом, чем современным с западниками. Скучно и холодно с ними; будто ходишь в паркетной зале. А мне дорога земля, черная, сочная, рассыпающаяся и дышащая остро пахнувшими облаками. (...)

Я уважаю тех, кто стремится водворить в странах родимых «яркое небо»; но единство и любовь (смешанную с жалостью, так как жалеть = любить, на народном языке) чувствую к тем, кому дороги небеса наши, «полияльные и унылые». (...) Я не хочу отнимать от них права сознать все то хорошее, что есть. Но, говорю я, не лежит ко всему этому мое сердце, а пред мужиком, пьянствующим и безобразничающим, преклонюсь, и преклонюсь без всякого насилия над гордостью, без надлома, так как вижу, что в какой-нибудь момент, миг — у него появляется тоска по Богу, появляется плач. Может быть, мне это дорого так именно потому, что в себе самом я нахожу такую черту — может быть, единственное хорошее...

(...) Всю эту зиму пришлось столько нервничать всем, что когда летом нагрянули свои беды, то все переутомились нравственно. Кровь, озлобление, дикость со всех сторон... Я знаю, что надо изменить внешний порядок; но знаю также, что то, что делается, невозможно, что это — хаос и зло. Я вполне понимаю озлобление людей, понимаю, что не смогли терпеть; быть может, втайне сочувствую многому, т. е. в том смысле сочувствую, что знаю, что, будь я несколько иным, я бы и сам стал так же действовать. Но, понимая психологию всего этого, я решительно отказываюсь признать нормальность того, что происходит. Это — такой хаос, какого не видала русская земля, кажется, никогда, разве только в Смутное время.

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — В. К. Шварсалон<sup>579</sup>

[25.07.1905. СПб.]

(...) Мы наняли удивительную квартиру, которая хотя и имеет лишь 4 комнаты, но так вместительна, что вы все могли бы поместиться! Она находится на 6-м этаже в башне дома на углу Тверской и Таврической. Из ее окон кажется, что живешь в самом парке и расстилается весь город, и Нева, и дали, а внизу совсем крыша нашего бывшего домика. И все стены в ней полукруглые. С 25 июля поселимся в ней<sup>580</sup>.

С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>581</sup>

[29.07.1905. Кореиз — Чернышевка]

Крым, ст. Кореиз. 29. VII.1905.

Дорогой Александр Сергеевич!

Сегодня получил письмо Ваше. Я по-прежнему начинаю находить, что издание сборника теперь клином врезается в наши планы, но раз дело обстоит так серьезно, я, разумеется, приму участие в сборнике, хотя продолжаю просить Вас это дело затормозить<sup>582</sup>. Я написал большую и тяжеловесную статью о Фейербахе, которую готовил в качестве тяжелого орудия для «Вопросов жизни» и теперь с явным ущербом для

<sup>579</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: документальные хроники. М., 2009. (Далее: *Богомолов*, 2009). С. 129–130.

Вера Константиновна Шварсалон (1890–1920) — дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака.

<sup>580</sup> Почтовый адрес, который будет действовать до весны 1912 г.: Таврическая 25/1, кв. 24.

<sup>581</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 73–78.

<sup>582</sup> То есть вообще, затягивать же издание, раз оно состоится, не следует, нужно, напротив, ускорить и выпустить осенью. — *Прим. С. Н. Булгакова.*

«Вопросов жизни» (к удовольствию Зинаиды Николаевны<sup>583</sup>) задержу ее для сборника<sup>584</sup>. по идеям она к нему вполне подойдет. Сборник будет, конечно, интересен, и не участвовать в нем было бы грехом. У меня, чем дальше, тем больше, — обостряется чувство виновности за хамский, хотя и не предостратимый поступок наш с ними<sup>585</sup>. О Дмитриии Владими-

<sup>583</sup> З. Н. Гиппиус.

<sup>584</sup> Статья «Религия человекобожия у Фейербаха» была все-таки опубликована в «Вопросах жизни».

<sup>585</sup> Речь идет об эпизоде, положившем начало конфронтации между старым и новым составом редакции «Нового пути», приведшей в итоге к ее распаду. Вот как вспоминает об этом З. Гиппиус: «...скажу вскользь: “Новый путь”, по многим причинам разнообразного характера, мы решили 1904 годом закончить, и, конечно, желательнее было его кому-нибудь передать. Одна из причин была та, что мы хотели уехать года на три за границу. Срока отъезда мы, впрочем, не назначили, и если бы удалось привлечением новых людей к журналу, перестроить его так, как того требовало время (не изменяя, однако, его основ), мы рады были бы его продолжать. Короче и яснее — “Новый путь”, журнал религиозный, был слишком индивидуалистичен: ему недоставало струи общественной. “Идеализм” группы Булгакова — Бердяева был тем мостом, по которому эта группа вчерашних чистых общественных (эс-деков) переходила к религии — может быть, сама еще того не зная. (Будущее показало, что мы указали верно, — в общем. Всем известно, как далеко, в последующие годы, ушли в сторону религии Булгаков и Бердяев и как скоро мосты за ними были сожжены).

Надежды наши оправдались не вполне. Идеалисты вошли в “Новый путь”, но при самом соединении было ясно, что для совместной работы еще не настал момент: они еще слишком “эс-деки”, мы — еще слишком индивидуалисты. И, фактически, уже к концу года журнал был передан им, с тем чтобы далее он, переименовавшись в “Вопросы жизни”, продолжался без нашего участия. Естественно, изменялся и состав сотрудников. Это было решено полюбовно, хотя не могу не сказать, что у нас было больше доброй воли к соединению и уступкам. Но привычное недоверие чистых общественных к людям искусства, да еще с уклоном к христианству (не привычно ли “религия-реакция?”), не удивило нас и в “идеалистах”. Секретарь журнала Чулков оставался секретарем и в “Вопросах жизни”. Он уже и при конце “Нового пути” перешел всецело на сторону новой группы. С ним и с Булгаковым у меня было — в декабре, кажется, — единственное журнальное столкновение, очень характерное для наших взаимоотношений и показательное



ровиче<sup>586</sup> я без боли не могу вспоминать, и теперь только соображаю, как много они должны были перестрадать. Мои чувства эти обострились еще грубой выходкой Чулкова в его безвкусной статейке о мистическом анархизме, которая причинила мне много огорчений (было поздно ее задержать). У меня что-то сломалось внутри после этой статейки по отношению к нему, я думаю, и у Вас? Вообще в «Вопросах жизни» за последнее время крепнет скорпионовская<sup>587</sup> — в дурном смысле — струя, это неизбежно, ибо это есть все-таки стихия Георгия Ивановича<sup>588</sup>, — но это огорчительно. О будущем «Вопросов жизни» я не знаю ничего кроме того, что Жуковский хрятит и отказывается.

Я даже не собираюсь читать Минского<sup>589</sup> о религии, ничего не жду, но надо бы его разделить. Я не прочь был бы отдать его на «психологическое» растерзание Шестову, который желал это сделать, но не напишите ли Вы? Напишите! Если кто-нибудь столкнется с Вами, не беда, будет две заметки. Как меня огорчает, беспокоит состояние Вашего здоровья. Очевидно, там Вы не поправитесь, приезжай-

---

для тогдашнего положения Блока. Ибо оно вышло как раз из-за моей статьи о Блоке, первой, кажется. Она была, конечно, о его стихах. И вот Чулков и Булгаков дали мне понять, что тема недостаточно общественна, а Блок недостаточно замечателен и статейка моя, при новом облике журнала, не может пойти. Признаюсь, эта нелепость меня тогда раздосадовала, и правдами и неправдами — заметку удалось напечатать. Все-таки это был еще “Новый путь”! В “Вопросы жизни” мы больше ни с чем не ходили, конечно, хотя до конца оставались со всеми его участниками в самых дружеских отношениях, — с Бердяевыми в особенности» (*Гуннуц* 3. Живые лица. Кн. 2. Тбилиси, 1991. С. 16—17).

<sup>586</sup> Д. В. Философов.

<sup>587</sup> «Скорпион» (1900—1916) — издательство символистов. Булгаков намекает на декадентский характер некоторых публикаций в журнале и духовную близость к декадентству Г. Чулкова, единственного сотрудника, оставшегося из прежнего состава редакции, который заведовал в нем отделом поэзии и художественной прозы.

<sup>588</sup> Г. И. Чулков.

<sup>589</sup> С. Булгаков, видимо, имеет в виду книгу: *Минский Н.* Религия будущего. СПб., 1905.

те сюда на виноград, если только любите, право. К несчастью, я совершенно не могу сказать, буду ли я здесь август, ибо каждый день могу быть вызван, но считаю возможным, что пробуду здесь до двадцатых чисел. Приезжайте скорее. Мне бы очень хотелось и нужно бы повидаться теперь с Вами и обсудить несколько практических вопросов о предстоящих на этот год начинаниях. У меня назревает еще один план, связанный с литературными надеждами, основание «Союза христианской политики»<sup>590</sup> (несколько измененная идея легального «Братства борьбы»), и теперь обдумываю доклад на эту тему в петербургском кружке<sup>591</sup>.

<sup>590</sup> «Булгаковский проект создать радикально-реформистский “Союз христианской политики” не обрел широкого круга приверженцев ни в среде либеральной интеллигенции, ни в кругах духовенства, ни, тем более, в народной среде. Идеи “Союза” на некоторое время сплотили небольшой круг единомышленников, среди которых были не только молодые “христианские социалисты” В. Эрн, В. Свенцицкий и А. Ельчанинов, но и Н. Бердяев, А. Карташев, А. Глинка (Волжский), А. Аскольдов, священники К. Агтеев, Н. Цветков и др. Из опыта участия в “Союзе освобождения” Булгаков знал, что созданию партии предшествует долгий подготовительный период вынашивания ее идей, программы и организационной структуры. Согласно первоначальному замыслу, образование партии должно было стать конечным этапом деятельности “Союза”. Однако тактические соображения требовали неотложного создания именно партии, отстаивающей интересы своего “направления”, к чему сам Булгаков не был готов. Идея “христианско-политического союза”, задуманного как “сверхиндивидуальный коллективный организм”, противоречила идее партии. Поэтому проект объединения сил, “непримиримых на почве направленных программ”, остался неосуществленным» (Акулинин В. Н. Вступительная ст. // Христианский социализм (С. Н. Булгаков). Новосибирск, 1991. С. 17).

<sup>591</sup> В докладе содержался проект создания надпартийного движения «христианской общественности», опубли.: Булгаков С. Неотложная задача (О Союзе христианской политики)// Вопросы жизни. 1905. № 9, С. 58–70; № 10, С. 76–90; № 11, С. 69–93; №12, С. 78–97. Тоже: М. : Т-во И. Д. Сытина, 1906. (РОБ. Сер. 1. № 1). «Всю гамму интеллигентской непримиримости к самодержавию я извещал и пережил. В студенчестве я мечтал о царевубийстве (хотя, разумеется, меня начинало трясти уже при мысли об исполнении акта), когда я вступил на путь, самодержавие

Кроме того, у меня явилась мысль, если осуществится газета, не присоединитесь ли Вы в редакцию? Наша молодежь идеальна как работники, но еще нуждается в совете. Если Вы не можете оставаться на зиму в деревне, то в случае неудачи с Киевом, может быть, поселитесь в Москве? Однако пока не удалось сделать никаких шагов относительно Сытина, а на него все надежды. Я сильно надеюсь на поддержку Петрова (во влиянии на Сытина), которого хочу заинтересовать идеей народной газеты и вообще издательства. Относительно Киева вы правы: Лашнюков неустойчив и «стечкиных»<sup>592</sup> легион, но надо еще выяснить дело. Во всяком случае как было бы хорошо нам здесь встретиться. Напишите мне, по получении этого письма,

---

казалось мне главнейшим религиозным врагом, с которым связана основная ложь нашей церковности. И в своих мыслях и чувствах я не находил никакого подхода к тому, чтобы можно было мистически познать и признать самодержавие. В подготовке революции 1905 г. участвовал и я. (...) Развернувшаяся картина революции очень скоро показала, что представляет собою революция как духовная сущность; и я уже с этого времени отделился от революции и отгородился от нее утопической и наивной мыслью о создании христианского освободительного движения, для чего нужно создать “союз христианской политики” (ранний прототип “живой церкви”)» (*Булгаков С., прот. Автобиографические заметки.* С. 54.). «Булгаков написал статью... где в pendant к ярко революционным, но в строго христианских тонах статьям Свенцицкого и Эрна (а позднее — на Пасху 1906 г. и о Флоренского в его проповеди “Голос крови”) развивал идеи социального христианства, идеи христианизации социальных и политических отношений. Именно эти идеи и привлекали меня особенно к этой группе... идея христианизации общественных отношений, высказанная с такой яркостью (хотя и недостаточно) Влад. Соловьевым в его “Оправдании добра”, была мне очень дорога» (*Зеньковский В. Из воспоминаний // ВРХД. Париж, 1983. № 139. С. 118*). «Булгаков (...) опубликовал брошюру (...) где обратился уже не к духовенству, а ко всем гражданам-христианам, приглашая соединяться в “Союз христианской политики” (в развитие Христианского братства борьбы Эрна — Свенцицкого)» (*Карташев А. Мои ранние встречи с о. Сергием. С. 51*).

<sup>592</sup> Владимир Николаевич Стечкин — журналист, литератор, с 1915 г. редактор киевской газеты «Южная копейка».

приедете ли Вы сюда, а я извещу Вас о своем отъезде, если таковой скоро и неожиданно состоится, телеграммой по указанному адресу.

На север я не ездил<sup>593</sup> и рад этому, делать нечего было там. Мой политический кризис, вероятно, еще больше углубится со введением представительства. А какую тучу брошюрной литературы выпустили марксисты! Всякую залежавшуюся немецкую дрянь перепируют! Но это, конечно, медовый месяц цензурного послабления!

В религиозно-общественную хронику на август пойдет интересная корреспонденция Эрн о движении грузинского духовенства и мой *post scriptum*, но могут застрять в цензуре. На сентябрь напишет Карташев. С большинством Ваших возражений и замечаний о Бердяеве я вполне согласен. Жду Вас или ответа. В случае решения известите о дне приезда.

Ваш С. Б.

#### П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну<sup>594</sup>

[29.07.1905]

Вы хороший и добрый, Владимир Францевич, — говорю Вам это за Ваше письмо Сереже. Сережа делал самые умильные рожицы, пока я ему письмо читала, особенно в конце. Он шлет Вам «большущий, самый большущий поклон» и очень благодарит Вас за цветочки. Просит написать Вам, что «нельзя ли намочить цветы водичкой и поло-

---

<sup>593</sup> Вероятно, речь идет о нелегальном организационном совещании «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», проходившем в Финляндии летом 1905 г. и подготовившем учредительный съезд партии конституционалистов-демократов в Москве 12–18 октября 1905 г. С. Булгаков весьма сочувственно относился к программе «Союза освобождения» и ко многим основателям партии, но отказался войти в состав ее учредителей.

<sup>594</sup> НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 47. Л. 12 об.

жить в коробочку с травой и так привезти, а то, все равно, и засохшие, пожалуйста, привезите, только чтобы не очень сдавливать им головки, чтобы можно видеть было, какие на Кавказе цветы». Совет относительно воды и коробки дала Сереже я — можно ли его применить на деле, я не знаю.

Очень, очень желаю Вам удачи в Ваших планах — только позволят ли, даже и теперь, думать о народе официально? До чего я жалею, Владимир Францевич, что раньше — ну, хоть в прошлом году что ли, — я не попросила Вас указать мне, что и как надо читать по философии. Она всегда притягивала меня, но и всегда это было совершенно бессистемное чтение, потому что я бралась то за одного, то за другого философа, ссылка на имя которого заинтересовала меня в какой-либо статье или книге. Когда я получила Ваше письмо с выпиской книг для моей сослуживицы, я сначала взялась было за Соловьева, но потом подумала, что лучше отнести себя к разряду начинающих, и стала читать книги по Вашей выписке. Все они, кроме Грота, были уже раньше читаны мною, но, должно быть, громадная разница между чтением как попало и чтением по выбору, потому что раньше все, что я прочитывала в философских книгах, представлялось мне хотя и очень интересным, но все-таки туманным, а теперь мне думается, что я могла бы своими словами изложить то, что читаю. Или, может быть, тогда, прежде, внимательно читала? Хотя не думаю. Теперь Вы мне скажите, как продолжать. Конечно, я могу ждать и до Вашего приезда, тем более что из намеченных Вами томов Соловьева читается еще только первый.

Мое лето — по крайней мере, с внешней стороны — полная противоположность Вашему. Вы там всюду путешествуете и много всего видите, а я только дома да в Нескучном саду с Сережей.

Ну, до свидания. Всего Вам хорошего.

Ваша П. Ивашева.

29 июля 1905 года.

А. Р. Минцлова — М. В. Сабашниковой<sup>595</sup>

[31.07/12.08.1905. Париж]

Париж, 12 августа 1905.

Дорогая моя, милая. Сегодня получила Ваше письмо и целую Вас обоих за него. Мне доставили большую радость Ваши карточки, я налюбоваться не могу на них.

Нет, дорогая моя, Максимилиану Александровичу не надо приезжать для меня. Я теперь сильнее, чем когда бы то ни было. Еще вчера (11-го августа) мне было ужасно. Я была на краю отчаяния, и силы подходили к концу. Но вечером вчера я получила письмо из Лондона и узнала, что Mrs. Besant<sup>596</sup>, уезжая, благословляла меня в таких словах, которые она редко говорит о живущих на земле. И от слов ее огнем зажглось мое сердце, навеки теперь.

И вместе с этим я получила письмо от Штейнера<sup>597</sup>, его встревожило мое молчание, и он пишет, что он хочет приехать сам за мной, сейчас... Я никогда не забуду этой ночи, этого счастья, пережитого мной, этой силы, сошедшей на меня. Да, я знаю теперь, как Дух Святой сходит на людей! Я написала Штейнеру огромное письмо (12 страниц)<sup>598</sup>. Я поражена была сегодня утром, перечитав его, — никогда я не говорила так, я не знала, что я могу так говорить. Нет. Мне не нужно никого сейчас, я сильна несокрушимой силой. Я Вас целую и люблю, милая. Будьте спокойны и счастливы. Ничего дурного Вы не делаете, Вы встанете, сильная и светлая, и пойдете в жизнь, с лампой Психеи в руках<sup>599</sup>. Вы на-

<sup>595</sup> Печатается с комментариями по: *Азадовский*, 2011.

<sup>596</sup> А. Безант.

<sup>597</sup> Рудольф Штейнер (Steiner, 1861–1925) — философ, основоположник антропософии.

<sup>598</sup> Сведений об этом письме не имеется (возможно, оно не было отправлено).

<sup>599</sup> Этот образ Минцлова заимствовала, скорее всего, из стихотворения Волошина «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...» (июнь 1904; первое стихотворение из цикла «Когда время останавливается»). У Воло-

чнете работать — это нужно. И Вам будет удаваться то, что Вы начнете. Отчаяния и тьмы не будет больше у Вас, потому что глаза Ваши теперь обращены к Свету.

Спасибо Вам за весть о Екатерине Алексеевне. Теперь, когда все это прошло, я могу рассказать все. Дня за два до отъезда Константина Дмитриевича я получаю отчаянные письма от Екатерины Алексеевны, от которых у меня чуть сердце не разорвалось (не в переносном смысле, а буквально). Она пишет, что она ничего не знает о Константине Дмитриевиче (я ей писала ежедневно, и Константин Дмитриевич посылал несколько телеграмм), что она с ума сходит от муки и неизвестности и умоляет его, меня, кого-нибудь — дать ей телеграмму о числе, когда он выезжает, что она едет уже в Петербург встречать его и просит телеграфировать ей по адресу Евреиновых<sup>600</sup> в Петербург. Я письмо получила в 7 часов вечера за обедом и помертвела, и обезумела совсем. Я не знаю ресторана, где они обедали здесь (и я с ними несколько раз). Я бросилась к Чуйко, он, к счастью, помог мне найти этот ресторан. Их не было. Я чувствовала, что я с ума схожу. Я бросилась на телеграф, отправила огромную телеграмму Екатерине Алексеевне в Петербург. Чуйко увел меня домой. Но я чувствовала, что я должна отдать это письмо Константину Дмитриевичу, и я в 9 часов вечера отправилась к ним, rue Corneille<sup>601</sup>. На площади у Luxembourg<sup>602</sup> я почувствовала, что я ничего не вижу, что кругом тьма и ужас. Я обратилась к кому-то, попросила отвести меня к Одеону.

---

шина сказано: «Лампу Психеи несущая в руке — / Синее пламя познанья» (*Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Сост., подг. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова. Комментарий В. П. Купченко. М., 2003. С. 38).

<sup>600</sup> Имеются в виду курский сахарозаводчик Алексей Владимирович Евреинов (1853–1903) и его жена Нина (Антонина) Васильевна Евреинова (урожд. Сабашникова, 1861–1945).

<sup>601</sup> Улица Корнеля (*фр.*).

<sup>602</sup> Здесь: Люксембургский сад (*фр.*).

Кто-то сделал это и, уходя, поцеловал мне руку. У меня слезы этого чужого человека остались на руке. Но Константин Дмитриевича не было дома, я оставила ему записку и вернулась домой в фиакре. В 10 часов Константин Дмитриевич с Еленой пришли ко мне (они каждый день приходили). Но на другой день, в субботу, день отъезда Константина Дмитриевича, я получаю с телеграфа Montparnasse отметку, что моя телеграмма не могла быть передана по назначению, так как M-me Valmont выехала обратно в Москву... Что был для меня этот день, я не хочу и вспоминать. Даже теперь мне страшно вспомнить этот беспомощный ужас и эти слезы мои. Я бросилась к Чуйко. Он посоветовал мне не говорить об этом Константину Дмитриевичу, так как у них были взяты билеты заранее до Петербурга, они получили деньги от Михаила Васильевича Сабашникова — и от этого моего сообщения, Бог знает, какие последствия могли возникнуть. Чуйко подал мне мысль после отъезда Константина Дмитриевича с вокзала телеграфировать Вашему отцу<sup>603</sup> еще, чтобы он известил Екатерину Алексеевну. Вообще, если бы не Чуйко — я бы вряд ли пережила эти два дня, говоря по правде. У меня еще было одно очень тяжелое переживание и сверх всего — этот ужас —.

Мы так и сделали. 23 июля (старого стиля) вечером я и Чуйко проводили Константина Дмитриевича и Елену на Gare du Nord<sup>604</sup>. И я послала Василию Михайловичу (Вашему отцу) телеграмму: «Dites Catherine Constantin parti ce soir Petersbourg»<sup>605</sup>. Значит, 24 июля утром Василий Михайлович получил это — и 25-го Екатерина Алексеевна уехала в Петербург, а вечером 26-го должен был приехать в Петербург Константин Дмитриевич. Вот история этих двух дней

<sup>603</sup> Василий Михайлович Сабашников (1848–1923) — купец, часторговец из Кяхты; кузен М. В. и С. В. Сабашниковых. Отец М. В. Сабашниковой.

<sup>604</sup> Северный вокзал в Париже.

<sup>605</sup> Передайте Екатерине, что Константин сегодня вечером уехал в Петербург (*фр.*).



последних бальмонтского пребывания. Первые же два дня после отъезда Максимилиана все было хорошо, с этой стороны.

Чуйко я вижу два раза в день — в 11 часов утра (до 12?) он пишет мой портрет<sup>606</sup>, а в 5 часов вечера (от 5–7) мы с ним играем Шумана.

О том, где Максимилиан Александрович, никто не знает, так как я никому не говорила, и все знают только про его открытки с Gare Montparnasse<sup>607</sup> в день отъезда.

Я ему напишу еще сегодня или завтра утром. Нет, пусть он не приезжает, не надо. Теперь я сильна. Скажите ему, что я люблю его и что я много бываю с ним теперь.

Анна Рудольфовна

Это письмо сообщите Максимилиану Александровичу. Я ему напишу завтра, сегодня я очень, очень устала. Целую Вас и его.

Анна Рудольфовна

### Л. Д. Зиновьева-Аннибал — В. К. Шварсалон<sup>608</sup>

[1.08.1905. СПб.]

(...) Уже 3-й день на новой квартире. Единственная квартира во всем Петербурге. Что-то дико фантастическое и прекрасное. 6-й этаж, из кухни ход на крышу и прогулка по крышам самого высокого дома города с видом на все че-

<sup>606</sup> В августе 1905 г. Чуйко писал портрет Минцловой (нынешнее местонахождение неизвестно). «Сейчас я иду к Чуйко, — писала Минцлова Маргарите Сабашниковой 21 июля / 3 августа 1905 г., — он вчера начал готовый этюд с меня, где еще ярче и яснее руки. Бальмонт и Елена пришли в восторг от него вчера. Елена говорит, что она не может себе представить меня без этого жеста руки, судорожного и сосредоточенного, — неужели это правда. Я не замечала за собой этого никогда!» (РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед. хр. 87. Л. 7).

<sup>607</sup> Вокзал Монпарнас (*фр.*).

<sup>608</sup> Печатается с комментариями по: Богомолов, 2009. С. 123.

тыре стороны города и боров в синих даях. Сама квартира: огромная передняя. Прямо вход в огромную, глубокую комнату, к концу ее обращаящейся в свод и с единственным суживающимся кнаружи <Sic!> окном. Что-то готическое. Из нее вход в большую, составляющей <Sic!> круглый угол дома (Тверской и Таврической). Она разделена перегородками (стенками внутренними) на три комнаты, и они представляют странную форму благодаря башне. Все комнаты очень просторны.

Утро. Вчера, пока писала, Вячеслав разбирал у кладовой твою библиотеку. Больше половины отобрал себе. (Кстати, ты ни слова не пишешь о том, что я взяла твою мебель. Или тебе неприятно!? Мне же кажется, что в складе нечего платить. Выгоднее, чтобы стояла у нас, уже не говоря о радости иметь это общение с тобою, эту память первых дней нашей дорогой близости (...).

**Вяч. И. Иванов — М. М. Замятниной<sup>609</sup>**

[1.08.1905. СПб.]

1 Августа

Маруся милая, целую. Пользуюсь и услаждаюсь Вашими *deyouilles*<sup>610</sup>. Обогащен добычей. Все говорит о Вас, — точнее, говорит Вас. Сiju за вашим бюро у окна *a*, люблюсь отражением деревьев в зеленом озере Таврического парка. Прекрасное окно забрызгано дождем. Исаакий в светлой мгле. Что-то таит на своем дне Ваша чернильница? Ваша серебряная <серебристая?> ванна хранит орудия писателя. Ваша мягкая мебель украшает прекрасный полукруглый кабинет

<sup>609</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 124.

Мария Михайловна Замятнина (1865–1919) — подруга Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, взявшая на себя попечение о доме Ивановых.

<sup>610</sup> Букв.: вещи, оставшиеся после умершего (*фр.*). Здесь речь явно идет о книгах, отобранных Ивановым из библиотеки Замятниной.

мой. О, вдохновительные виды на все стороны! От Лидии, из окон *due*<sup>611</sup> раскрывается Россия будущего. Фабрики дымят на фоне боров. по Неве проходят пароходы. Но у меня больше Хариты, Дриады и Наяды, — и храмы, но всюду великолепие монументального Петрограда. А Валерий пишет, что уходит и передает мне редакторство. *Timeo Danaos*<sup>612</sup>. Вчера с Жуковским мы делали тур по крыше, вокруг нашего купола. Можно брать деньги за посещение *Aussichtsturm*'а<sup>613</sup>. Оба полукружия оклеены обоями цвета терракоты с веночками (*empire*). Это гармонирует с высокими коричневыми нитями. Все залило солнце. — Ваш Астролог. Катерине Павловне нежный привет. Детей-друзей целую.

В.

**П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну**<sup>614</sup>

[5.08.1905]

Сегодня весь день стучит дождик в окошко, и я прямо с радостью к нему прислушиваюсь, потому что дождик напоминает мне о сентябре, а я жду сентября, как ждут мая.

Все это — всякий раз, как ко мне вместе с Сережей приходят его товарищи, — я вспоминаю свою службу в гимназии, и мне становится страшно тоскливо. Весь длинный ряд всевозможных бессмысленных унижений, соединенных с тем временем, когда я вынуждена была эту службу оставить<sup>615</sup>, так и проходит опять по душе невыносимо больным царпаньем, и маленькая кучка мальчишек, входя ко мне в комнату с таким веселым шумом, несет с собою ключ к самым

<sup>611</sup> Два (*ит.*).

<sup>612</sup> Бойся данайцев (*лат.*). Начало поговорки: «Бойся Данайцев, дары приносящих».

<sup>613</sup> Смотровой башни (*нем.*).

<sup>614</sup> НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 47. Л. 14—15 об.

<sup>615</sup> Ивашева была лишена права преподавания из-за участия в нелегальном обществе (ХББ).

тяжким моим воспоминаниям. Ужасно то, что все так ярко опять встало передо мною, точно это было вот совсем-совсем недавно... Знаете, что было тогда для меня самым страшным? То, что моим ученицам запретили ходить ко мне, и они бежали ко мне потихоньку, и я сама, своими усилиями всячески старалась отдалить их от себя. Ах, как я помню эти ужасные минуты! Бывало, слышу звонок и знаю по времени, а иногда и в окошко увижу, что это они, из гимназии, по дороге домой, и — кричу поскорее прислуге, чтобы сказала, что меня нет дома. Один раз — на Рождество — они целый час простояли на моей лестнице, ожидая, что я вернусь, и я знала это, знала, что они за моею дверью... И вот весь этот ужас, бывший тогда, прямо мучает меня теперь, прямо покоя мне не дает какой-то страшной жестокостью воспоминанья...

Ваша П. Ивашева

5 Августа 1905 г.

**А. М. Горький<sup>616</sup> — В. И. Ульянову (Ленину)<sup>617</sup>**

[7.08.1905, Куюккала]

Владимиру Ильичу Ульянову

---

<sup>616</sup> Алексей Максимович Пешков (Максим Горький, 1868–1936) — русский писатель.

<sup>617</sup> Печатается с комментариями по: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 5. 1905–1906. М., 1999. С. 75.

Владимир Ильич Ульянов (Николай Ленин, 1870–1924) — основатель и глава большевистской фракции РСДРП.

<sup>143</sup> записки к Ленину можно понять следующее. Во-первых, бежавший после событий 9 января 1905 года Гапон общался за границей с верхушкой РСДРП. Строго говоря, он и бежал к ним. Так что не только Плеве и Зубатов были повинны в провокации 9 января. Во-вторых, для Горького Ленин уже тогда был главным авторитетом в РСДРП. Учитывая то, что Горький понимал неизбежность своего отъезда за границу (слишком тесно сотрудничал с теми силами, которые развязали революцию), он зондировал почву для знакомства с Лениным, о котором был уже наслышан как о человеке волевым и широко образованном. Последнее было для Горького едва ли

Глубокоуважаемый товарищ!

Будьте добры — прочитав прилагаемое письмо — передать его — возможно скорее — Гапону.

Хотел бы очень написать Вам о мотивах, побудивших меня писать Гапону так — но, к сожалению, совершенно не имею свободной минуты.

Крепко жму Вашу руку.

Да, — считая Вас главой партии, не будучи ее членом<sup>618</sup> и всецело полагаясь на Ваш такт и ум — предоставляю Вам право, — в случае если Вы из соображений партийной политики найдете письмо неуместным — оставить его у себя, не передавая по адресу.

**А. М. Горький — Г. А. Гапону<sup>619</sup>**

[7.08.1905. Куоккала]

Уважаемый товарищ!

---

не самым важным. В-третьих (и это самое главное), Горький зондировал почву для своего вступления в партию. *Басинский П. В.* Страсти по Максиму. Девять дней после смерти. М., 2011. С. 60). — *В. К.*

<sup>618</sup> О времени вступления Горького в РСДРП сохранились разные свидетельства. М. Ф. Андреева в воспоминаниях 1950-х годов относила это событие к февралю 1904 г. (Архив Горького. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 713. Кн. п. 1218). по словам друга писателя Л. А. Сулержицкого, сам Горький в 1909 г. вспоминал о лете 1905 г. как времени вступления в партию. В интервью газете «Утро России» (20 ноября (3 декабря) 1909. № 38.) Сулержицкий утверждал, что А. П. Чехов в свое время сожалел о вступлении Горького в партию, на что Горький ответил: «Антон Павлович ничего не мог знать о моем вступлении в партию, что случилось год спустя после его смерти» (*Горький М.* Собрание сочинений в 30 т. Т. 29. М., 1954. С. 100). по всей вероятности, этот факт относится к концу ноября 1905 г. (см.: *Спиридонова Л. А.* Был ли Горький членом партии // *Известия. ЦК КПСС.* 1990. № 5. С. 133—137).

<sup>619</sup> Печатается с комментариями по: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 5. С. 75—78.

В письме к Гапону Горький пытался убедить провокатора отказаться от планов создания в России новой рабочей партии без участия интел-

Буду говорить просто и кратко. Заранее извиняюсь перед Вами — если как-либо задену самолюбие Ваше, чего я, поверьте, не хочу. «Сила в единении»<sup>620</sup> — это неоспоримая социальная аксиома, и она наиболее приложима к великому и трудному делу освобождения пролетариата от ига капитала и самодержавия. Ведь у рабочего нет друзей, кроме рабочих, и поэтому весь рабочий класс должен быть твердо организован в одну семью, в одну дружину борцов за свои человеческие права.

До сей поры организацией рабочего класса в нашей стране занималась социал-демократическая интеллигенция, только она бескорыстно несла в рабочую среду свои знания, только она развивала истинно пролетарское миропонимание в трудящихся классах, только она социалистична, а Вы знаете, что освобождение рабочих достижимо лишь в социализме, только социализм обновит жизнь мира, и он должен быть религией рабочего.

Широко развившееся революционное настроение в рабочем классе, с одной стороны, разногласия в партии<sup>621</sup> по вопросам о наилучшем способе организации пролетариата и ускорении победы над врагом, с другой, поставили ныне партию в трудное положение — она чувствует себя не в силах удовлетворить назревшие боевые настроения массы, и это вызывает у рабочих недоверчивое, а порою даже — и враждебное отношение к социал-демократии.

Задача всякого истинного друга рабочего класса должна быть такова: нужно принять все меры, употребить все уси-

---

лигенции: «Вашу работу считаю вредной, малопродуманной и разъединяющей силы пролетариата». *Басинский П. В.* Страсти по Максиму. Девять дней после смерти. С. 60. — *В. К.*

<sup>620</sup> Социал-демократический лозунг (см.: Письма к рабочим // Рабочий. 3 (16) августа 1905. № 2. С. 1.).

<sup>621</sup> После III съезда (12–27 апреля 1905 г.) в РСДРП обострилась полемика по вопросу о вооруженном восстании, об отношении к политике правительства и о тактике пролетариата в момент вооруженного восстания (см.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в 55 тт. Т. 10. М., 1975. С. 72–83, 396–397).

лия, все влияние для того, чтобы возникающая рознь между интеллигенцией и рабочими не развивалась до степени отделения духа от плоти, разума от чувств, тела от головы. Элемент сознания в рабочем движении еще не так велик и обширен, чтобы рабочие могли обойтись без тех знаний, которые несет им социал-демократия, хотя и юная, и не крепко организованная, но уже сравнительно сильная своим опытом и техническими средствами, имеющимися в ее руках, — подумайте над этим.

С другой стороны, либеральная буржуазия, стремясь к захвату власти над страной и народом, явно рассчитывает воспользоваться революционным настроением народа и, руководя им, использовать это настроение в своих целях, а когда власть будет в ее руках, она, конечно, употребит ее прежде всего на закрепощение народа.

Рабочим трудно самостоятельно разобраться в разногласиях программ, они идут и за либералами, которые выставляют приманкой для них политическое освобождение, и никогда еще помощь социал-демократии не была так необходима для рабочего, как теперь. Со всех сторон к его шее ласково тянутся цепкие руки буржуев, отовсюду он слышит грубую лесть, развращающую его разум, его самосознание, едва вспыхнувшее, всячески хотят загасить, и все — либералы, демагоги, полиция, все в один голос кричат ему — долой интеллигенцию! — подразумевая под интеллигенцией именно социал-демократическую партию, что они не скрывают. Это стремление отделить голову от тела ясно и понятно так же, как подло. Никто не обращается к разуму рабочего класса, все взывают к его чувству, ибо чувство легче обмануть, проще эксплуатировать.

Момент, который мы переживаем, страшно важен и страшно опасен. Все искренние друзья народа должны понять огромное значение момента, и все они должны в действиях своих не отходить от великого истинно социал-демократического принципа: «сила в единении», все они должны работать для концентрации сил рабочего класса, для сохранения

его энергии, чтобы в решительный момент борьбы за власть эта энергия завоевала народу необходимое ему и только ему принадлежащее народовластие.

В единении — сила, товарищ!

А Вы, подчиняясь мотивам, мне плохо понятным, очевидно, не продумав значения Ваших намерений, работаете в сторону разъединения<sup>622</sup>, в сторону желаемого всеми врагами народа отделения разума от чувства. Это ошибка, и последствия ее могут быть неизмеримо печальные.

Не самостоятельную рабочую партию, разъединенную с интеллигенцией<sup>623</sup>, нужно создавать, а нужно влить в партию наибольшее количество сознательных рабочих, нужно ввести в партию новую энергию тех интеллигентов-рабочих, чей разум освобожден от предрассудков и чье классовое самосознание развилось, стало ясным, создало нового человека.

Не обижайтесь на меня — дело идет об интересах народа — личным самолюбиям не место в этом деле — не обижайтесь, но я принужден совестью моей сказать Вам, что Вашу работу считаю вредной, мало продуманной и разъединяющей силы пролетариата.

---

<sup>622</sup> Горькому стали известны письма, которые Гапон послал из-за границы в Петербург, «полные злых и несправедливых выходов против революционной интеллигенции». Об их содержании он мог узнать от П. М. Рутенберга и рабочих-гапоновцев.

<sup>623</sup> Гапон хотел создать «Всероссийский союз рабочих и неимущих крестьян», который был бы вне влияния передовой интеллигенции и идей социал-демократии. Возражения Горького Гапону сходны с мыслями Ленина в статье «Новый революционный рабочий союз» (*Ленин В. И. Т. 10. С. 278–290*). Идея «рабочей партии без интеллигенции» была подвергнута критике на страницах газеты «Рабочий» (орган ЦК РСДРП), выходявшей в Москве с августа 1905 г. (см.: Письма к рабочим. С. 1). Опубликованные под псевдонимом «Третий», «Письма к рабочим», по мнению одних исследователей, были написаны Горьким, по мнению других — при его участии и с использованием письма Гапону, которое одобрил Ленин (см.: М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов. М., 1957 С. 244, 297).



Укажу Вам на некоторые частности, очень характерные и важные для освещения Вашего дела. Вот, например, Петров<sup>624</sup>, один из людей, которых Вы ставите во главе Вашей организации, как это видно из его слов и действий. Я 18 лет живу среди революционной публики и хорошо знаю ее — я вижу, что Петров — человек тупой, неразвитый, совершенно неспособный разобратся в вопросах политики и тактики, не понимающий значения момента, не понимающий даже Ваших задач.

Такие люди во главе дела — невозможны, они опасны, ибо, не умея ни в чем разобратся, действуя по велениям чувства, а не разума, они могут наделать непоправимые ошибки, платить за которые придется их товарищам.

В том практическом деле, которое Вы так успешно начали, Вы допустили опасное фантазерство, которое неизвестно еще как пройдет и, очень вероятно, уничтожит всю Вашу работу, все средства, потраченные Вами, да прихватит немало людей. Вы говорили о боевой организации Вашей как о факте, а где она? И Ваши люди очутились нос к носу с полной невозможностью принять Вашу посылку<sup>625</sup>.

Дорогой товарищ! Я Вас знаю, уважаю Вас за энергию, за бескорыстие Вашей работы для освобождения народа, но истинный революционер есть разум! И я всей силой сердца моего убеждаю и прошу Вас — не разъединяйтесь с социал-демократией, в ее руках горит светоч разума — идите же рядом с нею! Это сделает Вашу работу более продуктивной, менее ошибочной, это избавит Вас от личной ответственности, которую никто не вправе брать на себя в деле истинно народном, в деле, которое только народ санкционирует, и которым, со временем, должен править

<sup>624</sup> Николай Петрович Петров — близкий друг Гапона и деятельный участник его организации. Письмо Петрова, опубликованное в газете «Русь» (8 (21) февраля 1906. No 23), послужило первым шагом в цепи разоблачений Гапона. Его цитирует Горький в очерке «Поп Гапон».

<sup>625</sup> Речь идет об оружии с парохода «Джон Графтон» (см. ниже).

сам народ. Со временем — когда его чувство и разум сольются в одну необоримую силу.

Может быть, товарищ, я был резок в моем письме, но ведь я пишу к человеку, который стоял под пулями<sup>626</sup>, и — мне кажется — слова не должны и не могут задеть его. Повторяю: в великом деле борьбы народа за свои права не может быть места личным самолюбиям — так? Подумайте над этим письмом, товарищ, прошу Вас, подумайте над ним! Его писал демократ по крови, человек, много видевший, много испытавший на своем веку и искренно всей душой уважающий Вас.

Нам нужно бы, нам необходимо видеться лично!<sup>627</sup> Лицо, которое передаст Вам это письмо<sup>628</sup>, будет говорить с Вами о важности свидания и об устройстве его.

Жму Вашу руку, товарищ!

---

<sup>626</sup> Имеется в виду 9 января 1905 г. В очерках «Поп Гапон», «Савва Морозов» и в эпосе «Жизнь Клима Самгина» Горький дал иную оценку поведению Гапона в день Кровавого воскресенья, изобразив его жалким и беспомощным.

<sup>627</sup> Встреча не состоялась. В 1927 г. Горький вспоминал в письме к Н. Е. Буренину: «К Тенрену заезжали мы только затем, чтобы узнать, где спрятан Гапон. К Гапону же я имел определенное дело, порученное Красиным: убедить попа, чтоб он передал оружие с парохода (...) Петербургскому комитету большевиков, а не отдавать его “гапоновцам”, которые в ту пору уже разлагались и никакой нужды в оружии не чувствовали. О том, что пароход взорван, мы с тобою узнали из газет на обратном пути» (М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. С. 63). Пароход «Джон Графтон» сел на мель и был взорван командой 26 августа 1905 г. в Ботническом заливе у западного побережья Финляндии в шхерах Ларсмо к северу от г. Якобстада (Пиетрсаари) (Там же. С. 64). К этой акции, помимо Гапона, имели отношение провокаторы Азеф и Житомирский. Оружие частично попало к большевикам, так как член боевой технической группы при ЦК РСДРП Н. Е. Буренин организовал его закупку у финских рыбаков, подобранных оружие после взрыва.

<sup>628</sup> Николай Евгеньевич Буренин (1874—1962) — музыкант, участник революционного движения, многолетний корреспондент Горького. на заседании ЦК РСДРП 28 июля 1905 г. Буренин доложил о переговорах с Гапоном по поводу оружия, отправленного эсерам из-за границы на пароходе «Джон Графтон». Было принято решение просить Горького

А. Р. Минцлова — М. В. Сабашниковой<sup>629</sup>

[7/20.08.1905. Париж]

Париж. 20 августа 1905, воскресенье.

Дорогая Маргарита Васильевна,

Спасибо Вам за Ваши строки, милая. Пишите мне, когда Вам захочется, и никогда не заставляйте себя... Я могу и без писем знать и чувствовать все — но только письма очень много значат для меня, не меньше, чем слова, которые я люблю глубоко. В письмах руки играют таинственную роль<sup>630</sup>. И у Лермонтова есть стихотворение, которое я не могу вспомнить без страшного, страстного волнения: «Есть речи — значение темно иль ничтожно — но им без волнения — внимать невозможно...»<sup>631</sup> Он говорил о письме...

Я рада, что Вы начали работать. Я знаю, что Вы сделаете много. Не останавливайтесь, не колебайтесь, не оглядывайтесь назад. Говорите то, что вы думаете и чувствуете, — но думайте только о том, что прекрасно и невозможно.

В Вас есть огромный талант и сила. Вы идете и берете из сказки, из волшебства — это лучший, верный путь. Я не могу до сих пор забыть Вашей Волховы<sup>632</sup>, той атмосферы сказки,

---

связаться с Гапоном и убедить его передать оружие большевикам. ЦК РСДРП постановил: «Для определенного воздействия на Гапона решено устроить свидание его с тов. Высокопоставленным (Горьким)» (Ленинский сборник. Вып. 5. М.; Л., 1929. С. 538–539).

<sup>629</sup> Печатается с комментариями по: *Азадовский*, 2011.

<sup>630</sup> Воссоздавая в своем стихотворении, посвященном Минцловой («Безумья и огня венец...», 1911), портрет «готической сивиллы», Волошин отметил ее «ясновидящие руки».

<sup>631</sup> Первые строки известного стихотворения Лермонтова (1839).

<sup>632</sup> Одна из неоконченных работ Сабашниковой (1905), навеянная произведением Врубеля «Прощание царя морского с царевной Волховой» (1898) — на сюжет из «оперы-былины» Н. А. Римского-Корсакова «Садко». Ср. запись в дневнике Сабашниковой от 12 июля 1905 г.: «Мама вернулась из Цюриха. Я работала над эскизом Волхову <Sic!>. Предрассветный мрак; голубые ясные от слез глаза — ива. Я ходила к Чуйко в мастерскую и писала итальянца Тулия в костюме Садко. Он спал на

мглы и тумана, которая сразу захватила меня при виде Вашего эскиза, неконченного, но уже прекрасного. Кончайте то, что Вы начали, не останавливайтесь. Я знаю, что Вы найдете и что Вы на пути уже. Да благословенны Вы будете, навсегда. С радостью и нежностью я думаю о Вас, нежно любимая, очень дорогая и глубоко милая Вы моя, дитя моей души!

От Екатерины Алексеевны я получила письмо. Все устроилось благополучно. Она получила мои телеграммы и письма (с опозданием, конечно), и она встретила Константина Дмитриевича в Петербурге вовремя. Елена уехала. Она с Константином Дмитриевичем (т. е. Катя, конечно) уехали в Силдамяги (близ Меррекюля). Мне страшно тяжело, я боюсь, что Константин Дмитриевич уходит от меня, от Екатерины Алексеевны, но... я еще не знаю ничего наверное и не хочу знать и видеть наверное.

От Сомова я получила прелестное письмо, обрадовавшее и взволновавшее меня безгранично. Адрес Дурнова<sup>633</sup>: Пречистенка, Штатный переулок, дом Даниловой. От него я тоже получила восхитительное письмо и прелестный потрет его.

С Чуйко мы все [конец текста].

**М. А. Новоселов — Ф. Д. Самарину**<sup>634</sup>

[10.08.1905]

10 августа. 1905 г.

---

синем ковре. (...) Так шли дни за днями. Я не видела Макса. Я думала о Волхове и о Садко. “Прощай, будь славен и счастлив Садко! А я, царевна Волхова, подруга вещая твоя...”» (РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед. хр. 22. Л. 72 об. — 73; цитируются строки из либретто оперы, написанного Римским-Корсаковым совместно с В. И. Вельским по мотивам новгородских былин о Садко).

<sup>633</sup> Модест Александрович Дурнов (1868–1928) — московский художник, близкий к символистскому кругу.

<sup>634</sup> Печатается с комментариями по: *Полищук*, 2013. С. 430–432. Оригинал: НИОР РГБ. Ф. 265. К. 195. Ед. хр. 26. Л. 3–4. Письмо без конверта.

Досточтимый и дорогой  
Федор Дмитриевич!

Осмеливаюсь напомнить Вам о просьбе, с которой я обращался к Вам прошлой весной, когда Вы дали мне прочесть Ваше письмо Кирееву о старокатоличестве<sup>635</sup>. Я просил Вас — и паки убедительно прошу: изменив начало письма, дать мне его для издания в качестве выпуска Религиозно-философской библиотеки. Был бы несказанно Вам благодарен, если бы Вы не отвергли моего прошения. Заглавие выпуска могло бы быть приблизительно такое: «Не лицо (папа), не собор, не книга (Священное Писание), а Дух Божий — критерий религиозной истины».

Засим благодарю Вас за присланные протоколы. Впрочем, теперь сердце мое отвалилось от политики, в которую вовлекли его особые обстоятельства. Может быть, Вы удивитесь, если я скажу Вам, что в свободное от разных дел время я занимался летом ветхозаветными пророчествами и Апокалипсисом Святого Иоанна... Печатаю, впрочем, 2-й выпуск по церковным вопросам, который, надеюсь, выйдет в начале сентября. Если первый, который есть у Вас, был критический, то этот можно назвать основополагающим<sup>636</sup>.

Живу я с начала июня в деревне, где предполагаю пробыть до конца августа. 1-го сентября думаю приехать в Москву.

<sup>635</sup> Имеется в виду письмо А. А. Кирееву от 17 августа 1904. См.: *Самарин Ф. Д.* Письмо А. А. Кирееву. 17 августа 1904. Ассерн // ОР РНБ. Ф. 349. Ед. хр. 60. Л. 39–50. Черновик: НИОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Ед. хр. 10. Л. 132 об. — 175 об. Вторично Ф. Д. Самарин вернулся к этой теме в письме от 3 марта 1909 г. См.: ОР РНБ. Ф. 349. Ед. хр. 60. Л. 72–76.

<sup>636</sup> 1-й выпуск: О возрождении русской церкви: Сб.: А. А. Папков, Н. А. Зазерский, А. М. Иванцов-Платонов, еп. Порфирий (Успенский), Н. П. Аксаков, А. П. Лебедев, Д. Синицкий, М. Новоселов. Вышний Волочек, 1905; 2-й выпуск: Высшее церковное управление в России: Сб.: Влад. Соловьев, И. С. Аксаков, Л. А. Тихомиров, А. М. Иванцов-Платонов. Оба вышли как издания РОБ. Было напечатано 27 выпусков.

Прошу передать мой поклон дочери Вашей и сыну<sup>637</sup>.  
Храни Вас Господь! Уважающий Вас М. Новоселов.

**А. Р. Минцлова — М. В. Сабашниковой<sup>638</sup>**

[11 / 24.08.1905. Париж]

Париж. Четверг, 24 августа 1905.

Дорогая моя, сегодня я получила Ваше письмо. Мне было радостно читать его... Не удивляйтесь! Есть печальные, страшные вещи и слова, от которых мне становится легко, и странное чувство счастья охватывает меня. Я начну с самого начала Вашего письма. Отчего я люблю Вас, отчего я восхищаюсь Вами? Я не знаю. Я вижу Вас — своими незрячими глазами я вижу Вашу красоту и люблю ее. Вы знаете, как называют меня самые близкие мои друзья (Строганов<sup>639</sup>, которого Вы, кажется, немного знаете?). Он часто, обращаясь ко мне, говорит: «Послушайте, Вы фантазмагория».

Я знаю, что в Вас есть огромные силы и возможности. И я знаю, что Вы скажете, что в Вас есть, что такое в Вас... и горит неугасимым огнем. Во времени я могу ошибиться, так как со временем я не умею очень точно обращаться. Сергею Васильевичу я предсказала пятью годами раньше, чем должно было случиться, то, что я увидела в нем... Но я почти никогда не ошибаюсь в сущности... И в Вас я, быть может, не точно могу сказать момент. Но от этого не меняется сущность... И Вы все сделаете, что Вы думаете, и скажете людям все, что надо, про Волхову и Лесного Духа<sup>640</sup> и про многое, многое еще. Если сейчас Вы не може-

<sup>637</sup> Дмитрий Федорович Самарин (1890–1921).

<sup>638</sup> Печатается с комментариями по: *Азадовский*, 2011.

<sup>639</sup> Алексей Николаевич Строганов (1871–?) — ботаник, ученик и ассистент К. А. Тимирязева. Профессор ботаники в Московском университете.

<sup>640</sup> Имеется в виду стихотворение Сабашниковой «Лесной царь», позднее разделенное на стихотворения «Пан» и «Лес» (последнее опубликовано

те работать — это вполне объяснимо, и темного, тяжелого здесь ничего нет. У Вас есть время еще в этой жизни — и годы, месяцы Вы можете ждать еще. — Почему я думаю, что в Вас есть талант? Потому что от Вашей Волховы у меня до сих пор осталось ощущение счастья и молитвы предрасветной... И портрет Ваш<sup>641</sup>, и Ньюши<sup>642</sup>, и Чуйко<sup>643</sup> дали мне много... И все время я чувствую в Вас вечность, дыхание сил, еще не вставших и дремлющих глубоко... У Вас есть во всем, что Вы пишете, еще иная подземная сила и волнение. И это дает особую окраску для меня Вашей личности. Мне грустно за Вас, что Вы не можете взглянуть на себя теми глазами, какими я вижу Вас, дорогая. Но я покажу Вас Вам самим, я отдерну эту завесу, мешающую Вам дышать и видеть ясно... Милая, милая, я целую Вас. Простите за это письмо. Я очень измучена — я всю ночь не спала (сейчас 5 часов утра), и завтра, т. е. сегодня, мы едем в Версаль. Сомов так упорно и настойчиво просит и пишет о том, чтобы я съездила с Чуйко в Версаль и взглянула бы там на свой портрет, удивительно похожий, говорит он. — Он говорит, что я, живая, стою там, в Версале, до ужаса похожая... Я была тогда тоже Анна — Anne comtesse de Thou<sup>644</sup> — и я умерла в 1547 году... Странно, что я не успела

---

в кн.: Цветник Ор. Кошница первая. СПб., 1907. С. 213; четвертое стихотворение цикла «Лесная свирель»).

<sup>641</sup> Скорее всего, имеется в виду автопортрет 1905 г.

<sup>642</sup> Выполненный Сабашниковой портрет А. Н. Ивановой «Нюша» (1903) экспонировался в начале 1903 г. на 10-й выставке Московского товарищества художников (ныне — в Астраханском музее).

<sup>643</sup> Анна Николаевна Иванова (1877–1939) — кузина М. В. Сабашниковой. Возлюбленная К. Д. Бальмонта, покинувшая в 1920 г. Советскую Россию (вместе с ним, Е. К. Цветковской и Миррой — дочерью Бальмонта и Цветковской).

Портрет М. С. Чуйко, написанный Сабашниковой в 1905 г., в 1906-м демонстрировался на выставке «Мир искусства».

<sup>644</sup> Портрет Анны де Ту, графини де Шеверни (?–1584) приписывается художнику Франсуа Кенелю Старшему; датируется третьей четвертью XVI века.

еще отдохнуть с тех пор — а времени было достаточно! Со-мов прислал мне точный адрес, где мне найти себя, № и залу (это из новых, оказывается, недавно открытых зал Версаля). Завтра я еду туда с Чуйко (Максимилиану Александровичу некогда, так как он уезжает в субботу<sup>645</sup>, и я не хочу ни за что, чтобы он слишком утомлялся). Он и так много сделал для меня.

Теперь об Алеше<sup>646</sup>. Про его руку я ничего не скажу Вам. Мне нужно держать его руку своими руками, слышать и видеть пальцами его жизнь и душу — ведь глаза мои весьма смутны, а ошибиться всегда так тяжело!

Я очень хочу видеть Алешу. Скажите ему, что я приеду в Цурик <Sic!> (по дороге в Берлин)<sup>647</sup>, чтобы говорить с ним и видеть его. Вчера я очень тяжело и мучительно видела его во сне. Я очень много перестрадала за него в эту ночь, и у меня явилось огромное чувство нежности и ласки к нему. Мне кажется, я много могу дать ему, — и мне хочется дать ему, сейчас<sup>648</sup>.

Мне хотелось бы обратить глаза его в ту сторону, где свет жизни... Он в состоянии увидеть его, потому что душа его высока и прекрасна. Отсюда, издали, я благословляю его и люблю, и своими огненными и нечеловеческими почти руками я касаюсь его лица, рук, глаз. Я мыслью ухожу к нему и думаю о нем сейчас... Бедный мальчик мой, быть может, я помогу ему!

О Чуйко я хочу Вам написать бесконечно много, как только у меня заведется побольше сил. Он — прелестный, и я с каждым днем все больше привязываюсь к нему. Он все

---

<sup>645</sup> 26 августа Волошин уехал к М. В. Сабашниковой в Цюрих; пробыл вместе с Сабашниковой до 6 сентября.

<sup>646</sup> Алексей Васильевич Сабашников (1883—1954) — брат М. В. Сабашниковой. В 1902 г. участвовал в студенческих беспорядках и подвергся аресту. Жил и умер в Германии.

<sup>647</sup> Приезд Минцловой в Цюрих не состоялся.

<sup>648</sup> Алексей Сабашников переживал в то время тяжелый нравственный кризис, порывался бросить учебу (в Цюрихе) и т. д.



лучше, прекраснее с каждым днем становится, и я не могу налюбоваться на него. Он работает много и хорошо — и будет работать еще больше, еще лучше. Но об этом потом я напишу, так как буквально падаю от усталости, а мне нужно непременно (т. е. я хочу) отослать сегодня это письмо Вам. Целую Вас нежно. До свидания!

А. Минцлова

**М. А. Волошин — М. В. Сабашниковой<sup>649</sup>**

[11 / 24.08.1905]

(...) Вчера я опять пережил страшную ночь около Анны Рудольфовны. Это были опять моменты безумия — когда всходила ущербная Луна-Геката...

Я чувствовал в своих руках пламя, которое то вспыхивало, то совсем замирало.

У нее был еще кроме всего еще припадок с сердцем. Да, я знаю теперь, что есть колдуньи со всеми ужасами колдовства. Было очень жутко... Разные люди, которые живут и жили в ней, говорили разными языками...

Были мгновения, когда я чувствовал полное бессилие сдержать эти взбунтовавшиеся стихии духа...

И ужас и боль за нее, и смертельное утомление.

Какое счастье, что она сама забывает об этих мгновениях...

**М. А. Волошин — М. В. Сабашниковой<sup>650</sup>**

[12 / 25.08.1905]

Мы сидели у Анны Рудольфовны. Пришли Гриф<sup>651</sup> и Чуйко...

<sup>649</sup> РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 108. Л. 62.

<sup>650</sup> РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 110. Л. 41–42.

<sup>651</sup> С. А. Соколов.

Я случайно подошел к кровати и дотронулся рукой до покрывала. И вдруг оно вспыхнуло и загорелось... Я только дотронулся рукой. Вблизи огня не было. Я быстро свернул покрывало и потушил. И сказал, что случайно уронил спичку, чтобы не испугать Чуйко. Они поверили, но не совсем. Анна Рудольфовна видела, как это было. (...)

Я проводил Анну Рудольфовну домой и сидел у нее. Когда мы вошли в комнату, меня охватило сразу ощущение присутствия какого-то множества. В зеркалах что-то поминутно мелькало. Какие-то крылья веяли в воздухе. Какие-то касания.

И у меня не было ни капли страха. Какая-то острая радость. Все тело обливалось трепетом и дрожью. Я знал, что ужас стоит рядом, но не может коснуться меня. И холод восторга все время. Точно какое-то тонкое пламя пронизывало.

Но я чувствовал, что я сильнее всего, что наполняло комнату, что я могу приказывать.

«Не делайте резких движений, не вглядывайтесь в зеркала. Вы можете неожиданно прорвать пелену. Вам с этим миром еще нельзя соприкоснуться. У Вас еще нет достаточных знаний и подготовки. Это придет значительно позже...» И она стала передо мной и окутала меня каким-то странным покровом пассивности, и я почувствовал, что движения и крылья уходят дальше, становятся неслышны и тот поток радостного ужаса, который струился по моему телу, прекращается.

Еще мгновение, и все стало спокойно. Точно я стоял совсем нагой и на меня надели непроницаемые латы.

«Сейчас очень близки элементарные силы. В Вас громадная сила, которой Вы не умеете владеть. Вы неожиданным движением пробудили огонь и заставили его вспыхнуть. Теперь это может быть еще опасно для Вас. Это астральная зала, которую нельзя проходить одному»...<sup>652</sup>

<sup>652</sup> Впрочем, на Волошина образные слова и артистические жесты Минцловой оказывали хотя и сильное, но все же ограниченное действие. Уже че-

А. Р. Минцлова — М. В. Сабашниковой<sup>653</sup>

[14/27.08.1905. Париж]

Париж, 27 августа 1905, Воскресенье.

Дорогая моя, любимая, целую Вас за письмо. Пишу сегодня немного, так как много работать мне придется ночью. Скажите Алеше, что я по дороге в Берлин заеду в Цюрих, чтобы видеть его, и что на днях я напишу ему лично, а пока я прошу его носить тот камень, который привез ему Максимилиан Александрович<sup>654</sup>. Три раза, в четверг, в пятницу и в субботу ночью (от 1 часу до 2-х), я приходила к Алеше. Я это говорила Максимилиану Александровичу подробно. Я подходила к нему, наклонялась над его постелью и целовала его в лоб, а потом рукой три раза проводила по лицу его, ограждая его от боли и тоски. Сегодня приехал к Вам Максимилиан Александрович, он знает, что нужно сделать для Алеши, так что сегодня ночью я не пойду к нему. Но я теперь знаю, что я могу помочь ему, и радостно сделаю это. Усталости я от этого не испытываю совсем — в начале и в конце только небольшое головокружение, как от высокого взмаха на качелях — подъем и спуск... «Недалека воздушная дорога...»<sup>655</sup>

---

рез месяц, 25 сентября 1905 г., в письме к Сабашниковой он признается, что «чары» Минцловой, которые он испытал на себе в ночь на 25 августа, «когда весь воздух трепетал крыльями и чьим-то присутствием», обернулись для него через несколько дней «какой-то смертельной, больной усталостью» (*У истоков русского штейнерианства / Публ. и коммент. К. Азадовского и В. Купченко // Звезда. 1998. № 6. С. 165*).

<sup>653</sup> Печатается с комментариями по: *Азадовский*, 2011.

<sup>654</sup> Минцлова просила Волошина передать Алексею Сабашникову некий «магический камень» (ср.: *Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества 1877–1916. СПб., 2002. С. 144*).

<sup>655</sup> Первая строка стихотворения К. Бальмонта «Воздушная дорога. Памяти Владимира Сергеевича Соловьева» (1903). Вошло в сборник «Только любовь» (М., 1903).

До свидания, дорогая моя. Я еще напишу Вам. У меня странное убеждение и уверенность явились теперь — я знаю, что Вы напишете одну картину, удивительную, из Египетской Жизни — один из эпизодов «Книги Мертвых»<sup>656</sup>. Это я Вам расскажу потом.

Максимилиану Александровичу мой привет. Нет, мне не нужно совсем теперь, ничего совсем! И никого из людей не нужно. Я окружена сейчас кольцом огня, из которого я не выйду больше. Я с глубокой нежностью и благодарностью думаю о нем и люблю его навеки, и я считаю его одним из прекрасных, необычайных людей земли. Но он далек от меня. — Целую Вас и его, и Алешу. Будьте счастливы и радостны все. Алеше я напишу отдельно.

А. Минцлова

Татьяна Алексеевна теперь, вероятно, в Калькутте. Пишите ей теперь: Colombo, India, Ceylon, poste restante<sup>657</sup>. Последнее письмо ее было из Порт-Саида, очень бодрое и светлое.

Да, чуть не позабыла главное: пожалуйста, пришлите мне поскорее карточку Алеши (я ее Вам потом могу вернуть). Мне это поможет думать о нем. Если можно, то лучше ту карточку, где он снимался в тяжелом настроении.

**Андрей Белый — П. А. Флоренскому**<sup>658</sup>

[14.08.1905. Москва]

Многоуважаемый и дорогой Павел Александрович, был так обрадован Вашим письмом. Я часто думал о Вас. Много

<sup>656</sup> Сборник древнеегипетских религиозно-магических текстов (молитв, песнопений, заклинаний и т. п.), связанных с заупокойным культом; представляет собой примерно 160–190 не связанных между собою глав. Эти тексты, написанные на свитках папируса, клали мертвым в могилу, чтобы помочь им преодолеть опасности загробного мира.

<sup>657</sup> Коломбо. Индия. Цейлон. До востребования (*фр.*).

<sup>658</sup> Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 471–473.

раз собирался писать Вам, но до последних чисел июля все отвлекался. Лето разразилось над нами с Сережей<sup>659</sup> грозное и значительное. Все оно состояло из зарниц прорицания. Все собирался разгадать эти зарницы. Приходилось много бороться с Химерами. Химера, когда-то вылезшая из Валерия Яковлевича, многих людей для меня (для нас вместе с Сережей) занавешивала своей пеленою<sup>660</sup>, пока я не обратился от людей к самой Химере, этому Дракону. Знаете ли, Павел Александрович, воистину Дракон близко. Часто мне он открывается как Фафнер<sup>661</sup>, но Фафнер одна оболочка. Вот еще Он приблизится и станет не Фафнер, а Змий Древний. Ясно одно: Змий близко, он прикидывается то тем, то другим. Он вмешался во все и все запутал. Ясно одно: где многое создается как твердыня, там же рядом многое подрывается. Дракон гнездится всегда рядом с Брунгильдой<sup>662</sup>. Иногда, высунув язык, он выползает из норы, чтобы коварной пастью своей словить Брунгильду. Но Брунгильда не Брунгильда. И Фафнер не Фафнер. Вот так и я: попал в какое-то опасное место между Фафнером и Брунгильдой; с места моего ничего не разберешь в пылу войны (как в современной войне), машешь руками и ногами, попадаешь мечом в своих и чужих, чувствуешь, кто-то со стоном валится, не видишь кто: свой или чужой, знаешь только, что надо не падать духом, а рубиться, рубиться без конца во славу... долга. И вдруг спасение: а что, если туман рассеется и картина павших в бою врагов откроет все знакомые лица не врагов, а ... друзей. Страшно. Но я признаюсь: я все растерял, все критерии, знаю одно: 1) чувство несказанного знакомое и близкое, 2) гносеологи-

<sup>659</sup> С. М. Соловьев. — В. К.

<sup>660</sup> Эти образы Андрей Белый впоследствии развил в своей прозе: см. «Сфинкс» (Весы. 1905. № 9–10. С. 23–49) и «Химеры» (Там же. 1905. № 6. С. 1–18).

<sup>661</sup> Фафнер — персонаж музыкальной тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунгов».

<sup>662</sup> Брунгильда — героиня «Кольца Нибелунгов», ее образ см. в драматической симфонии А. Белого «Кубок метелей».

ческий критерий. Вот два несоизмеримых друг с другом моих оплота, а все прочее — под вуалью. Эта зима (2-е полугодие) меня очень изменила: я еще раз усумнился во всем, что я считал ценностью, усумнился в искусстве, в символе, в Боге, в Христе, но и: в пренебрежительном отношении к социологии, к тенденции, к террору и т. д. В результате: презирал в себе Андрея Белого, захотел стать Андриюхой Краснорубашиным<sup>663</sup>. И т. д. В результате стал серьезно относиться ко всем мнениям и не мог примирить друг с другом и с собой различных людей. Устал смертельно и возненавидел беспричинно всех. Вопросы о религии стали для меня тошнее касторки: слишком много весной собирались и говорили, говорили, говорили. И все с пылом, с жаром, с нервами. Могу сказать, что общение с вопросами «Христианского Братства борьбы» выбило из меня на несколько месяцев всякую религию, а оторваться от Элліса и Соловьева<sup>664</sup> не могу, потому что вижу в них пылающих ревностью о Боге людей. И браню их, и устал от них, а все-таки принимаю их серьезно и значительно. Но что мне делать: все несказанное во мне стыдливо спряталось в такую глубину, что для нее нет слов (там, кажется, и Христос, и счастье, и радость), но только для слов все это «ни о чем», а на словах могу только быть скептиком и гносеологом (Риккерт<sup>665</sup> для меня откровение. Хочу основать на нем всю эстетику). И не знаю, усталость ли это или отврат от религии. Кажется, усталость, потому что как только «вопросы» выкину за борт, так начинается интимная мистерия в жизни. Эта мистерия называется «ни о чем». Но мистерий

<sup>663</sup> Андриюха Краснорубашин — иронически обыгрывается псевдоним Андрей Белый (возможно, по ассоциации с красной свиткой из «Сорочинской ярмарки» Н. В. Гоголя).

<sup>664</sup> А. Белый наряду с Эрном и Свенцицким был учредителем ХББ. Это его увлечение не разделяли Элліс и С. М. Соловьев, также входившие в ближайшее окружение Андрея Белого этих лет. Под их влиянием А. Белый отошел от Братства.

<sup>665</sup> Генрих Риккерт (Rickert, 1863–1936) — философ-неокантианец, оказавший большое влияние на эстетические взгляды Белого в 1905–1906 гг.

«ни о чем» не бывает: стало быть, мой путь углубленно интимный. И вот делюсь на две половины: одна собирается говорить, исследовать, писать рефераты, собирается производить все это с одушевлением в обществе памяти Владимира Соловьева. Григорий Алексеевич Рачинский уж мне ставит категорические императивы в этом смысле, а другая половина называет это воодушевление машинным воодушевлением и, наоборот, в интимной глубине «Ни о чем» отдыхает несказанно. Вы спрашиваете меня о «Симфонии». Нет, не пишу. Спросите, почему? Ей нет места между двумя половинами моего сознания: Андриуха Красный и батюшка Алонзанфанделапатреображенский<sup>666</sup> (член будущего общества памяти Вл. Соловьева) презирают сии занятия (да и возвращаться им приходится в атмосфере, внутренне не могущей принять художника). А другая половина сознания, переживя действительность, бесконечно «симфоничнее» исполненной, нежели всякие симфонии, отказывается передать то, перед чем «мертв язык». И опять-таки, где выход, не знаю. Буду ли писать «Симфонии», не знаю. 4-ю во всяком случае допишу. А пока задумал поэму и ½ написал, другая же половина разрастается в драму, и я отложил ее дописывать. Поэма будет богоборческая<sup>667</sup>, и чем глубже со мной моя интимная радость «Ни о чем», тем слаще боль писать богоборческий выкрик. Теперь же пишу ряд статей: 1) Темы будущих рефератов и статей, 2) Все главы моей книжки «Основы символизма»<sup>668</sup>, которую думаю выпустить к весне. Стихов не пишу. Христос с Вами. Надеюсь, скоро увидимся. Глубокоуважающий и любящий Вас Б. Бугаев

Христос с Вами.

<sup>666</sup> В основу каламбура положено соединение в одно слово первой строки «Марсельезы» «Allons, enfants de la Patrie...» (*фр.*: «Вперед, сыны Родины...»).

<sup>667</sup> Возможно, имеется в виду несохранившаяся поэма «Дитя-Солнце» (см.: Литературное наследство. Т. 27–28. М., 1937. С. 580).

<sup>668</sup> Вероятно, будущая книга «Символизм» (М., 1910).

Р. С. Все-таки я думаю, что все осталось по-прежнему, и я — христианин, хотя за эти 2 месяца со мной произошел ряд переворотов. Несомненно, что-то очистилось. Письмо от Вас было для меня очень хорошим и радостным знамением: спасибо за него. Я как-то вдруг живо Вас почувствовал и успокоился почему-то. О Вас в последнее время я ничего не знал, и мне думалось, что если увижу Вас, то вдруг.. не узнаю. Но теперь ясно, ясно вижу Вас и страшно хочу Вас видеть.

Господь да хранит Вас.

Преданный Вам всей душой Борис Бугаев.

Р. С. Алексею Сергеевичу Петровскому мое приветствие. Писал ему — не отвечает. Страшно интересуюсь Вашим трудом о Софии. Часто о нем думаю. Не познакомите ли нас вообще с добытыми результатами? Мы все были бы так благодарны. Чувствую, что веяние Софии есть мой удел, но теоретизировать здесь я не умею. С благодарностью бы послушал Вас как учителя. «Дама» под покровительством Софии знает о Вашей работе. Она интересуется всем «о Софии» весьма серьезно.

**К. М. Аггеев — А. С. Глинке<sup>669</sup>**

[16.08.1905. СПб. — Чернышевка]  
1905.VIII-16. СПб.

Дорогой Александр Сергеевич.

Простите, ради Бога, что я так долго не писал Вам. Вы смущали меня своим обещанием уехать на вторую половину июля в Крым к Сергею Николаевичу<sup>670</sup>. Свои письма в Кореиз я и направлял в полной уверенности, что они известны Вам...

Дело о журнале — в таком положении. Антон Владимирович Карташев уходит с сентября из Академии и становится офи-

---

<sup>669</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 2. Конверт: Станция Тетюши Канзанской губ. Село Чернышевка Е. Алек. Знаменской для А. С. Глинки. Почт. шт.: Сдано почтарем 28 авг. 1905.

<sup>670</sup> С. Н. Булгаков.



циальным редактором нашего органа. Я же буду негласным его помощником. Свою задачу полагаю в том, чтобы по возможности освободить от черновой работы Антона Владимировича и дать ему полную возможность развернуть свои силы...

Не ныне завтра придет в Петербург Иван Дмитриевич Сытин. Немедленно «вчиняем дело» и приступаем к организации редакции и составлению первых приблизительно четырех номеров.

Если бы входило в Ваши предположения приехать в Петербург осенью, то мы были бы очень рады, если бы Вы перенесли эту поездку на конец августа и начало сентября. Мы мечтаем, Вы возьмете у нас какую-либо отдельную область для более или менее систематического ведения. А во всяком случае просим прислать нам для первых №№ статью другую по литературно-философскому вопросу.

Журнал будет носить имя «Наши думы». Программу его Вы себе представляете, а официальные рубрики будут — общего характера.

Очень затрудняемся в организации конторского и секретарского дела. В двадцатых числах приезжает в Петербург Сергей Николаевич. Ожидаем его с нетерпением.

Отзовитесь!

Привет супруге.

Ваш свящ. К. Аггеев.

Вашего письма буду ожидать с нетерпением. Сообщите почтовый свой адрес.

Окончательно ли Вы решили жить в деревне?

**П. А. Флоренский — А. И. Флоренскому<sup>671</sup>**

[17.08.1905. Толпыгино — Тифлис]

Дорогой папочка!

<sup>671</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 180—181.

Александр Иванович Флоренский (1850—1908) — отец П. А. Флоренского, по происхождению из духовных, работал инженером на строительстве Закавказской железной дороги.

(...) Отдыхаю тут в почти полном безделии, разве только что поковыряю в физической работе или в книге. Беседую с крестьянами, хотя и того не очень много, так как теперь самый разгар страды, и все заняты. Написал одну большую проповедь и прочел ее крестьянам; но насколько она удачна, еще не знаю. В Церкви тут хорошо. Со священником — мы в приятельских отношениях (...) Книг тут, слава Богу, немного, газеты приходят очень редко и «благорастворение воздуха» полное. День пролетает так неожиданно, что к вечеру кажется, будто только что пили утренний чай. (...)

**Николай, архиепископ Токийский и Японский.**  
**Дневник**<sup>672</sup>

[17.08.1905]

17 (30) августа 1905. Среда.

(...) по газетам — толки о мире. Но в душе было еще упование, что мир не будет бесславным для России. Линевиц<sup>673</sup> стоит еще со своим войском против японской армии, и знать же силен он, что вот уже сколько месяцев японцы не осмеливаются напасть на него. Должно быть, скоро будет большое сражение, и в нем, наверное, мы победим, а тогда положение дел совсем изменится; мы еще можем со славою для себя кончить эту войну.

Так мечтая, я в самом хорошем расположении духа делал обычный получасовой моцион от библиотеки к дому и обратно перед вечерней работой; надеялся много писем написать сегодня вечером. Увидев Акилу Кадзима<sup>674</sup>, остановив-

<sup>672</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870–1912).

<sup>673</sup> Николай Петрович Линевиц (1838–1908) — генерал от инфантерии, участник, Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. руководитель подавления Боксерского восстания, ему принадлежит честь взятия Пекина; с марта 1905 г. Главнокомандующий сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии.

<sup>674</sup> Акила Кадзима работал в переводческом отделе миссии. Он являлся автором книги «Преподобный отец наш Серафим Саровский чудотворец».

шегося на крыльце, я подозвал его, чтобы спросить что-то. Он ответил и говорит: «Мир заключен, получена телеграмма из Америки»<sup>675</sup>. Меня точно холодной водой обдало. Мгновенно отлетела веселость и охватила тоска. Совершенно так, как было при разбитии нашего флота, когда я, не зная о том, весело шагал между домом и библиотекой, мечтая о возможной победе Рождественского, и неожиданно увидел у соседа красный флаг, возвещающий, что он уже разбит.

Мир! Но, значит, это не смываемый веками позор России! Кто же из настоящих русских пожелает теперь мира, не смыв хоть бы одной победой стыда непрерывных доселе поражений? Мир — это новое великое бедствие России... Я проворчал что-то Акиле, ушел к себе и целый вечер не мог заняться делом, а перелистывал и читал накопившиеся «Московские Ведомости».

### С. Н. Булгаков — М. Э. Здзеховскому<sup>676</sup>

[18.08.1905. *Кореиз*]

Крым, 18 августа 1905 г

Глубокоуважаемый профессор!

От души благодарю Вас за Ваше последнее письмо, — интереснее Вы не могли для меня написать, чем эти, хотя

<sup>675</sup> Портсмутский мирный договор был заключен 23 августа (5 сентября) 1905 г. в г. Портсмут (США). Россия уступала Японии южную половину Сахалина (50 параллель) и «все прилегающие к последней острова», а также выводила российские войска из Маньчжурии и передавала Японии Ляодунский полуостров и Южно-Манчжурскую железную дорогу.

<sup>676</sup> Печатается с комментариями по: «...Между нами не может быть ни малейшего спора...» Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому о необходимости церковного обновления / Подг. текста к публ. и коммент. И. В. Воронцовой // Отечественные архивы. № 4 (2010). (Далее: *Воронцова*, 2010). С. 101—102. Оригинал: РО БВУ. Ф. 33—341. Л. 1—4. Автограф. Чернила. Мариан Эдмундович Здзеховский (1861—1938) — польский историк литературы, критик, публицист.

и [нрзб] указания, какие Вы даете о религиозно-демократическом движении Запада, о существующем там интересе к Соловьёву и т. д.

Часто я думаю последнее время о том, найдем ли мы близкое настроение на Западе, в особенности в недрах католической Церкви (между нами не может быть ни малейшего спора о том, что религиозный вопрос в мало-мальски серьезной его постановке есть и вопрос церковный). И те разрозненные указания, которые делаете Вы в письме, возбуждают во мне сильнейший интерес, — при личном свидании нашем я надеюсь получить от Вас более подробные указания. Должно победить вселенское<sup>677</sup> христианство, и вселенскость есть высшая точка, к которой должны мы стремиться. С брошюрой Вашей<sup>678</sup> познакомлюсь тотчас по приезде в Киев. Рецензию Eucken'a<sup>679</sup> прочел с интересом<sup>680</sup>. Я знаком с некоторыми<sup>681</sup> из его трудов, но точно нахожу его известность несколько преувеличенной, и, во всяком случае, он менее характерен, чем Виндельбанд. Для меня вообще он принадлежит к числу неинтересных протестантов, в противоположность тем, которые и сами больно волнуются и других волнуют (Гарнак!<sup>682</sup>).

<sup>677</sup> Здесь и далее подчеркнуто С. Н. Булгаковым.

<sup>678</sup> См.: *Zdziechowski M. Pestis perniciosissima. Rzecz o wspolczesnych kierunkach mysl katolickiej.* Warszawa, 1905.

<sup>679</sup> Рудольф Кристоф Эйкен (Eucken, 1846—1926) — немецкий философ-идеалист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1908 г.; автор концепций «ноологического метода» и «метафизики духа». Призывая к созданию новой религиозно-жизненной системы, в центре ее мыслил личностное существо; духовную жизнь представлял пронизанной нравственным началом. Обращаясь к религии как абсолютной основе духовной жизни, Эйкен критиковал ее исторические формы, отрицательно относился к церкви.

<sup>680</sup> О какой рецензии идет речь, установить не удалось.

<sup>681</sup> Возможно: *несколькими*. Булгаков сокращал середину слова, ставя наверху отметку о сокращении.

<sup>682</sup> Адольф фон Гарнак (von Harnack, 1851—1930) — лютеранский теолог либерального направления, церковный историк, автор фундаментальных трудов по истории раннехристианской литературы и догматов.

Спасибо Вам за статьи по польскому вопросу. Вы, бесспорно, правы в одном, что существует взаимная отчужденность и, как результат этого, недоверие между русскими и поляками, плод ли это истории или наша собственная вина. И необходимо духовное сближение между поляками и русскими, между обеими культурами. Результаты, оплодотворяющие действия этого мира, будут, может быть, сложней и неожиданней. Это сейчас можно предвидеть, и конечно, не «консерватизм». Только («жупел» для русских!) дает польский народ, как и русский, не один же<sup>683</sup> разрушительный же нигилизм, представляющий для западного буржуазного<sup>684</sup> мира также творческую силу первого ранга. Ведь недаром у европейца закружилась голова от Ницше, а что для нас Ницше, нас разве таким испугаешь!

В надежде на личное знакомство и беседу с Вами заканчиваю свое письмо. Завтра я еду на север, в Москву и Петербург, а оттуда к сентябрю (старого стиля<sup>685</sup>) попаду в Киев (Б. Житомирская, 26).

Буду спорить с Вами о том, будто бы Соловьев слишком рационалист и мало мистик. И, во всяком случае, если он мало, то кто в новейшей философии (кроме, конечно, Беме или Баадера) много?

Искренне Вас уважающий, Булгаков.

Р. С. О статье Вашей для «Вопросов жизни» я считаю разговор еще не оконченным.

**М. А. Новоселов — Ф. Д. Самарину<sup>686</sup>**

[22.08.1905]

22 августа 1905 г.

<sup>683</sup> Вставлено над строкой.

<sup>684</sup> После части слова: «буржуаз-», вписан над строкой постскрипtum.

<sup>685</sup> Уточнение С. Н. Булгакова.

<sup>686</sup> Печатается с комментариями по: *Полищук*, 2013. С. 432—435.

Досточтимый  
Федор Дмитриевич!

Сердечное Вам спасибо за дружеское письмо Ваше, вчера мною полученное. Спешу ответить на него, чтобы поддержать в Вас намерение, ослабляемое разными сомнениями, заняться пересмотром и переделкой письма Вашего к Кирееву. Отвечаю по пунктам, Вами установленным.

1. Что Киреев не будет ничего иметь против опубликования этого письма — в этом я уверен. Не говорю уже о том, что появится в печати не письмо, а статья (так мне представляется), вероятно не связанная даже с вопросом о старокатолицизме и, конечно, не упоминающая о Кирееве... Неужели же, наконец, автор письма отказывается навсегда от права собственности на мысли, в письме им высказанные?! Словом, я не вижу с этой стороны никаких препятствий к печатанию столь ценной вещи.

2. Поскольку сохранилось в моей памяти содержание письма, главное в нем — не «разбор брошюр Киреева», а установление основного принципа, уничтожающего эти брошюры. Этот принцип-то и дорог, потому что он служит ответом не на одни статьи Киреева, а на кучи богословских трактатов о критериуме религиозной истины. Я не читал всех брошюр Киреева<sup>687</sup>, но для меня совершенно понятна и глубоко интересна была Ваша статья. И мне представляется, что переработки требует главным образом (если не исключительно) введение.

3. Возражать против третьего пункта я не решаюсь: можно ли порицать скромность? Но... всегда можно сказать это «но» — достоуважаемый Федор Дмитриевич, ведь и скромность может быть чрезмерна — и в данном случае, смею думать, она такова. «Исход пятого десятка» говорит гораздо больше за право человека высказывать свои думы, чем за обязанность таить их от людей.

---

<sup>687</sup> Брошюры А. А. Киреева по вопросу о соглашении со старокатоликами заняли большую часть второго тома его сочинений: *Киреев А. А.* Сочинения. Часть вторая. Политика и полемика. СПб., 1912.

Щадя Вашу скромность, не продолжаю речи... Разве прибавлю одно: не Ваш ли долг развить и пустить в оборот ценную мысль, высказанную, если мне не изменяет память, Вашим дядей в письме к баронессе Раден?<sup>688</sup> Вы помните его? Там есть очень сильные места, призывающие нас к непрестанному духовному бодрствованию, если мы вместо истины не хотим очутиться перед идолом. Кажется, я не путаю, и это говорится именно в названном письме. Не знаю, надавил ли я сколько-нибудь всем вышесказанным на чашу весов в сторону переработки и печатания, но знаю, что очень хотел это сделать. — Однако я и не подозревал, что Вы хвораете. Я думал, Вы устали — и только. Оказывается, потребовалось лечение. Что с Вами? Как ни грустно не видеть Вас полгода, тем не менее скажу: сидите в деревне и копите здоровье! Дай Бог, чтобы только погода благоприятствовала этому! У нас пошли дожди и сравнительные холода, что, впрочем, не мешает мне ежедневно купаться. Недельку, вероятно, проживу здесь. Николай Дмитриевич Кузнецов<sup>689</sup> за границей. Хотел вернуться домой в начале сентября. У него приращение семьи: кроме племянницы-сироты, взятой в прошлом году, пришлось взять 3-летнего племянника. Забот немало прибавилось.

<sup>688</sup> Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессою Э. Ф. Раден. 1861–1876. М., 1893. Это письмо М. А. Новоселов цитирует в Письме двенадцатом из «Писем к друзьям». («Я любил Вас любовью брата...» Переписка Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден (1861–1876) / Отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб., 2015 С. 164). Смысл его в том, что истина Церкви заключается в царящем в ней Духе Божиим, а не во внешнем авторитете. В свое время на публикацию этой переписки отозвался В. С. Соловьев: *Соловьев В. С. Из вопросов культуры. Ю. Ф. Самарин в письме к баронессе Э. Ф. Раден // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 473–480.*

<sup>689</sup> Николай Дмитриевич Кузнецов — член ХББ. См. у Киреева: «Кузнецов. Адвокат-богослов, бывший членом Предсоборного присутствия, знает многих думцев, он был у них вчера. Затея — устроить “пресвитерианскую православную церковь”» (*Киреев А. А. Сочинения. Часть вторая. С. 207.*)

А епископы наши продолжают отличаться: к Исидору<sup>690</sup> и Антонину присоединился, как я слышал, и Евдоким<sup>691</sup> (ректор, напечатавший будто бы статью в «Богословском вестнике», где уболажает передовых владык Исидора и Антонина<sup>692</sup>).

Никона<sup>693</sup> собираются, слышно, бить за его «политическую» поездку в пределы князей Долгоруких и за распространение брошюры Пасхалова<sup>694</sup>.

Однако пора дать отдых Вашим глазам. Простите, что так заболтался.

---

<sup>690</sup> Епископ Исидор (Колоколов).

<sup>691</sup> Евдоким (Мещерский, 1869–1935) — епископ РПЦ (до 1922 г.) — ректор МДА в 1903–1909 гг. В 1894 г. окончил МДА, в 1898 г. защитил магистерскую диссертацию «Св. Апостол и Евангелист Иоанн Богослов. Его жизнь и богословно-историческое исследование». С 1907 г. в Сергиевом Посаде издавал журнал «Христианин», в котором печатался Флоренский. В 1914–1917 гг. архиеп. Алеутский и Северо-Американский. Член Священного Собора Православной Российской Церкви. С 6 марта 1918 г. — управляющий Костромской, затем Нижегородской епархией. С 1922 г. — один из вождей обновленчества. С 1927 г. — обновленческий митрополит.

<sup>692</sup> Имеется в виду статья епископа Евдокима (Мещерского) в защиту «Записки 32 священников»: «На заре новой церковной жизни» // Богословский вестник. 1905. № 5–7. С. 145–185. Она направлена против статьи «Церковный переворот», опубликованной в «Московских ведомостях» (25 марта (7 апреля) 1905. № 82. С. 2.). 26 марта против этой публикации выступил также епископ Исидор (Колоколов). «29 марта в газете был напечатан ответ епископу Исидору Льва Александровича Тихомирова, в котором последний указывает, что позиция “Московских ведомостей” есть реакция “православной общественности г. Москвы”, присутствовавшей на реферате М. А. Новоселова». *Тихомиров Л. А.* По поводу письма епископа Исидора // Московские ведомости. 29 марта (10 апреля) 1905. № 95. С. 2.

<sup>693</sup> Никон (Рождественский) осуждал смуту 1905 г.; вместе с митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским) участвовал в открытии 2-го Всероссийского съезда русских людей в Москве 6 апреля 1906 г.; писал статьи, обличающие революционеров.

<sup>694</sup> Клавдий Никандрович Пасхалов (1843–1924) — член «Русского собрания», «Кружка москвичей». Возможно, это статья в «Новом времени» летом 1905 г. против записки 25 губернских предводителей о необходимости созыва Думы.



Храни и укрепи Вас Господь!

Любящий Вас М. Новоселов.

Р. С. Об изысканиях в области пророчеств и апокалиптики — при свидании. Если когда приедете в Москву на несколько дней, может быть, сообщите?..

**Вяч. И. Иванов — В. Я. Брюсову<sup>695</sup>**

[*Конец августа 1905*]

(...) Живем (вдвоем с Лидией Дмитриевной) на верху круглой башни над Таврическим парком с его лебединым озером. За парком, за Невой фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте. В сумеречный час, когда тебе пишу, ухают пушки, возвещая подъем воды в Неве, и ветер с моря, крутя вихрем желтые листья парка, стонет и стучится в мою башню. (...)

**М. К. Морозова — Е. И. Полянской<sup>696</sup>**

[*Конец августа 1905 г. Biarritz — Москва*]

Дорогая моя! Мы приедем в субботу 29 августа днем по Брестской дороге. Если бы Вы знали, как я жду возвращения. Это хорошо, что я пожила внутренней жизнью, почитала, подумала, отдохнула, но теперь довольно. Мне хочется жизни и деятельности. Но насчет Обломова и Штольца<sup>697</sup> Вы правы. Житейски это так, Штолец мог бы мне многое

<sup>695</sup> Печатается по: *Брюсов В. Я.* Переписка с Вячеславом Ивановым 1903—1923 // Литературное наследство. Т. 85. С. 479.

<sup>696</sup> НИОР РГБ. Ф. 171.3.10. Л. 9—11 об.

Екатерина Ивановна (?) Полянская (1840—1915) — подруга-наперсница, домоправительница М. К. Морозовой. Полянские — купеческий род, известный с XVIII века.

<sup>697</sup> Под именами известных персонажей зашифрованы Е. Н. Трубецкой и П. Н. Милюков.

дать, но никогда не мог бы дать того, что может дать «он». Кроме «него» может только Христос. Положение моей души поистине драматическое сейчас. Вы не знаете и не можете пока этого понять, когда поговорим — все увидите. Борьба моя вовсе не житейская, а в самой глубине, борьба личного с Богом, с Христом, который здесь личного не допускает, как в нем, так и во мне совершенно одинаково. А что конец или победа должна прийти, я в этом не сомневаюсь. И придет, но искусственные решения здесь не возможны, мы слишком близки. Особенно мы пережили сильные и какие-то священные минуты здесь, за границей. Все Вам расскажу при свидании. Победу я предполагаю только в том, что угаснет такое острое желание, но сохранится то светлое с ним, что мне так дорого и незаменимо. Это зависит от его сил и от моих. Конец будет, если даже и будет известное событие, то будет потеряна светлая небесная сторона всего. Уверяю Вас, что у меня даже все волосы поседел, так я здесь мучилась. Я предполагаю для себя возможным теперь, в крайнем случае, какого-нибудь другого человека, чтобы только успокоить эту бурю.

Пишу очень беспорядочно, трудно такие важные вещи так просто сказать. Поймите одно, что я «его» люблю очень-очень глубоко и не расстраивайтесь этим, а радуйтесь. Только через глубокие страдания можно прийти к Богу и к людям. Конечно, жалко людей бесконечно и Вам жалко меня, но пока мир так несовершенен, до тех пор это еще так. А неужели Вам хотелось бы, чтобы моя жизнь разрешилась буржуазно-благополучной связью с обманом. Чтобы моя душа на этом остановилась! Если бы душа не была затронута, а так общие характеры, общие интересы — это другое, я допускаю компромисс. Со Штольцем это возможно. А здесь, где вся моя душа, и вдруг в ее святыню ложь-обман! Никогда! Возможна катастрофа — это другое дело! Или какой-нибудь другой случай, но без души для меня! Прочтите это письмо со вниманием и услышьте его, умоляю Вас, и Вы поймете. От подвига я не только не отказываюсь, но вижу единствен-

ный в нем исход для своей души! А житейское должно разрешиться непременно само скоро.

Целую очень крепко.

**В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>698</sup>**

[2.09.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Я только что приехал из Тифлиса. Привез Вам большую кошелку винограда — по поручению Ваших — как Вы о том просили. Не знаю теперь, как быть. Может быть, Вы приедете за ней. Виноград может испортиться через несколько дней. Газета налаживается. Если приедете, то будет очень хорошо, потому что сейчас переговоры с Сытиным находятся в периоде окончательности. Здесь Волжский. Приезжайте! Мой адрес: Нащокинский пер. (он идет из Гагаринского), д. Яковлевой, кв. 16.

Ваш В. Э.

На днях приедет Саша Ельчанинов — будет работать с нами.

Немедленно напишите, как быть с виноградом.

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>699</sup>**

[3.09.1905. Киев — Москва]

Киев, 3 сентября 1905 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Мне пришла в голову мысль, что, может быть, если даже Сытин и не возьмет наш журнал, то рекламируя еженедельник и газету, он может заодно рассылать объявле-

<sup>698</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 181.

<sup>699</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 9. Закрытка. Адрес: Москва, Пречистенка, Зачатьевский пер. дом и квартира Шер. В. П. Свенцицкому с просьбой передать А. С. Глинке.

ния и о «Вопросах жизни», а мы бы ему за это что-нибудь заплатили. Ведь он намерен рассылать и сельским учителям, и священникам и т. д. Кроме того, если Вы увидите, что для пользы нашего дела нужно, чтобы я все-таки дал статью для «Русского слова» (может быть, и для Петрова), и если Ваше субъективное впечатление будет таково, что не страшно опачкаться, то я считаю возможным дать, как Максим Ковалевский<sup>700</sup>, политический фельетон. Жду Ваших указаний и ранее их, может быть, не буду приступать к пристраиванию этой статьи или пришлю ее Вам. Намерение устранить беллетристику (хотя не безусловно) у меня все крепнет. Обнимаю Вас.

Ваш С. Б.

Киев, Большая Житомирская, 26.

**В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>701</sup>**

[4.09.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Волжский просил меня передать вам, что 8-го утром в Москву приедут петербургская компания (священник Аггеев, Карташев и т. д.) совещаться здесь о петербургской ежедневной религиозной газете, которая

---

<sup>700</sup> Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) — историк, юрист, социолог эволюционистского направления, академик Петербургской АН (1914), издатель журнала «Вестник Европы» (1909–1916), один из руководителей русского масонства, член 1-й Государственной Думы и Государственного Совета. Большая часть его деятельности проходила за границей, что, вместе с признанием его трудов, в том числе на иностранных языках, сыграло роль в получении им известности в мире. Академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (29.03.1914, чл.-корр. 1899). В 1901 г. вместе с Е. В. де Роберти и основал в Париже Русскую высшую школу общественных наук, где проходили обучение российские политики оппозиционного направления. Лекции в ней читали ученые и политические деятели самой разной ориентации (С. А. Муромцев, П. Б. Струве, Г. В. Плеханов, В. И. Ульянов (Ленин), Г. Тард).

<sup>701</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 181.

уже налажена совсем. Они очень хотят, чтоб были вы. Приезжайте, потому что и насчет нашей газеты есть много чего, о чем нужно вам рассказать и сообщить. Как мне быть с виноградом? Он портится. Если вы не приедете за ним, то он весь сгниет. Лучше напишите, и я тогда отдам кому-нибудь другому. Если вы не приедете непосредственно, то сообщите мне адрес Люси. Она, кажется, в Петербурге. Адрес ваших (в Петербурге) я тоже не знаю. Всего вам доброго. Хорошо было бы, если б вы приехали. Тут пока Волжский.

Ваш В. Э.

**В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому**<sup>702</sup>

[6.09.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Я не знаю, может быть, Вы почему-нибудь не приедете 8-го в Москву, и значит, мы тогда не увидимся, а мне до 10-го непременно нужно узнать петербургский адрес ваших, т. е. Вашей мамы и сестры, и кажется, туда уже приехала Люся. 10-го я еду в Петербург для подачи прошения — для хлопот о газете. Хотелось бы забежать к вашим и, особенно, увидеть Люсю. У меня есть дело. Пожалуйста, напишите их адрес. Я очень прошу, не забудьте.

Мой адрес повторяю: Москва, Сивцев Вражек, Нащокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16.

Ваш В. Э.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>703</sup>

[10.09.1905. СПб.]

1905. IX.10. СПб. Смольный

<sup>702</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 182.

<sup>703</sup> Печатается с комментариями по: *Балакишина*, 2014. С. 329—332; *Чертков*, 2017. С. 182—183.

Дорогой Петр Павлович!

Давно я не писал тебе: измотался уже в начале года. Вчера только возвратился из Москвы, куда ездил на два дня. Дело нашей газеты в таком положении. 1 сентября подано прошение в главное управление по делам печати. «При нормальном порядке, — говорили чиновники, — к половине октября нужно ждать разрешения». При ускоренности делопроизводства надеемся получить разрешение к 1 октября. В течение сентября собираем материал. На одном заседании решили вместо перечня сотрудников в готовящейся декларации поместить перечень статей, уже имеющихся в редакционном портфеле. За тебя и Зотиковича я, разумеется, ручаюсь. Ожидаю от Вас в самом непродолжительном времени заглавия предполагаемых статей.

В Москве к моему приезду — со мной был и Карташев — собрались у Павла Васильевича — Попов, Громогласов, Смирнов, Мышцын<sup>704</sup>. Все это ядро Московской Академии с полной охотой примыкает к нашему органу. На другой день были у Эрна и Свенцицкого — стипендиаты Сергея Николаевича Трубецкого<sup>705</sup>. Карташев по моему отъезду должен был переговорить с Бугаевым (Андрей Белый), с Соловьевым и Рачинским. Как только получится разре-

<sup>704</sup> Илья Михайлович Громогласов (1869–1937) — преподаватель МДА, специалист в области церковного права и истории старообрядчества, член Поместного собора 1917–1918 гг., в 1922 г. рукоположен патр. Тихоном в священный сан, сщмч.; Смирнов: вероятно, Сергей Иванович Смирнов (1870–1916) — ординарный профессор МДА по кафедре истории русской церкви; Василий Никанорович Мышцын (1866–1936) — русский православный библиист и историк Церкви. Вел курс Священного писания, а затем церковного права в МДА. В 1906 г. перешел в Демидовский лицей (Ярославль), где был профессором церковного права.

<sup>705</sup> Справедливо только в отношении Эрна. О визите Свенцицкий вспоминал: «Как сейчас помню, входят к нам петроградские гости: проф. Карташев и свящ. К. М. Агтеев. Оба поражены нашей “францисканской жизнью”, и Константин Маркович, добродушно улыбаясь, говорит: “Вот вы какие диогены...”» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 601). — *Прим. С. Черткова.*

шение, в Москве состоится общее собрание сотрудников, на котором будет и Сергей Трубецкой.

В Москву я приехал 6 августа. Пробыл там до 8-го вечера. Согласно моему письму приехал туда отец Григорий. Дело о журнале порешено. Наиболее вероятная комбинация такова. У Сытина есть в запасе орган «Русская Правда»<sup>706</sup>. Придется искать лишь редактора. В последние дни у меня явилась мысль выставить третьего редактора, который будет таковым и фактически. За болезненным состоянием Глинки остаиваюсь на Аскольдове. Послал письмо к Булгакову с вызовом его в Петербург. К тому времени приедет Антон Владимирович Карташев. Немедленно приедет и Сытин. Здесь порешим детали вопроса и с Богом — за дело... С меня отец Григорий взял «нравственную ответственность» за сотрудников.

Отделом — «Епархиальные Ведомости» — занялся я, чтобы выяснить форму ведения его. Пришел к выводам — а) одному лицу вести этот отдел немыслимо; б) он должен вестись в форме этюдов под общим заглавием: «Страничка из жизни наших епархий». Иногда одна-две строки тех или других «Епархиальных Ведомостей» дают материал для очерка. Первый этюд я составил. Он далеко меня не удовлетворяет, то, что называется, не удался, но из него видно, что, собственно, желательно. Каждый работник в этом отделе очень желателен. По мнению Петербургских и Московских сотрудников «Страничка из жизни наших епархий» — чрезвычайно важный для духовенства отдел. по содержанию — критика является в нем преобладающим элементом, хотя приятно и обнаружение отрадных явлений. Мне рисуется наилучшим возможным соединением обоих элементов. Пишу это главным образом к сведению Зотикова, хотя и тебя считаю сотрудником и по этой части.

<sup>706</sup> Через неделю о. Константин писал: «Если он не отдаст нам “Русской правды”, то подаем прошение о новом журнале “Наши думы”». — *Прим. С. Черткова.*

Неотложное дело для тебя и Зотиковича. Пришлите — если не статьи, то заглавия предполагаемых статей, необходимые теперь же для декларации. Пришлите адреса священников по Ставрополю и Подольской губернии, — а ты чрез студентов и других епархий — адреса священников, которым мы будем высылать первые №№ журнала. Чем больше адресов, тем большую благодарность возбудите вы. Спроси, пожалуйста, у студентов. Замедление по тому и другому пункту — замедлит у нас дело.

Пишу последние строки потому, что вы на все мои письма — ни ответа, ни привета. На вопросы Карташева и других мне просто становится неловким отвечать: пока ничего нет. Еще раз прошу обоих — заглавие статей и адреса. Москвичи читали нам проект церковных реформ<sup>707</sup>, которые они думают разослать по академиям. Проект обнимает все наши с тобой пожелания<sup>708</sup>. Спрашивали у меня, могут ли они ожидать сочувствия в Вашей академии. Я отказался ответить что-либо определенное. Передай Зотычу, что наш кружок уже отчаялся получить от Киевского третью записку о предметах, подлежащих предстоящему собору.

**П. А. Флоренский — Д. С. Мережковскому**<sup>709</sup>

[1905?]

Многоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

<sup>707</sup> См.: Проект краткой программы Христианского братства борьбы (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 54–64). — *Прим. С. Черткова.*

<sup>708</sup> Ельчанинов резонно замечал: «Общие и частные положения прогрессивной церковной реформы, намеченные Братством, вполне соответствуют желаниям и чаяниям всех истинных сынов Церкви, ожидающих обновления церковной жизни» (*Церковно-общественная жизнь. 1907. № 29. С. 904.*) — *Прим. С. Черткова.*

<sup>709</sup> Печатается с комментариями по: *Иванова, 2004. С. 513–514.* Черновик не окончен, неизвестно, было ли письмо отправлено.



Хочется написать Вам несколько соображений, касающихся отчасти и «Нового пути»! От души сочувствую Вам лично в Ваших стараниях дать отвлеченному христианству тело — живой многосторонний организм, воплотить мистическое во всех сторонах и деятельности духа, раскрыть все потенции. Из желающих Желание оставить искусство, науку, технику и т. д. неосвященными, в лакейской, постоянное забвение того, что «обитатели многи суть»<sup>710</sup>, что много типов святости, — такое желание лишает христианство его всеобъемлемости. Устраняющее и связывающее «и» — символ Христа — вытесняется изображением черта, серой, пыльной пленкой покрывающего стремящегося все покрыть собою, как это выяснено Вами, — именно разделительным союзом «или». Разделительный союз! Даже в грамматике черт не может скрыть своего хвоста и обнаруживает себя внутри нелепым, т. е. несвязным, невысказанным, неорганизованным словосочетанием: союз (т. е. соединение) разделительный. Таков черт везде — нелепое, мнимое,  $\mu\eta\ \acute{o}\nu$ <sup>711</sup>. Есть — пока на него не направлено созидание; нет, как только нет, как созидание только организующее займется им. Мгла — тающая в лучах Солнца. Христианство без универсальности есть одна из религий, мировоззрение — одно из многих. Да не будет, чтобы Мы не можем и не хотим ставить его в одну плоскость с каким бы то ни было мировоззрением. Оно поглощает все, что есть в существующих других мировоззрениях, потому что те только узкие недостаточные аспекты христианства, но а то, что там не есть — то исчезнет в потоках исчезает и окончательно исчезнет, когда брызнут потоки лучей от светильника — седмиочитого Агнца.

«Новый путь» несет на себе ответственность, какая, может быть, никогда и нигде еще не лежала на журнале. Ошибки опасны, но это еще самая малая беда. Ведь «Но-

<sup>710</sup> Ср.: «В доме Отца Моего обитатели многи суть» (Ин. 14:2).

<sup>711</sup> Не сущее (*греч.*)

вый путь» — единственный журнал, который можно взять с любовью и читать тоже с любовью тот материал, который он предлагает, порой даже малоценный. Причина этого в том, что этот журнал живой, не преследующий обычных журнальных целей, нечто действительно переживаемое и единое несмотря по общему настроению, несмотря на кажущуюся пестроту, а не груда перетаскиваемого с книги в статью, из статьи в книгу и т. д. ad infinitum<sup>712</sup>. При такой жизненности живости ошибок избежать совершенно невозможно, они, может быть, иногда и желательны. Но мне все время чудится опасность в измене всеобщности, в превращении группы «Нового пути» в партию, одну из немногих. Если дело дойдет до того, что можно будет сказать в истории литературы общественных течений, что были народники, потом марксисты, потом новопутейцы, то наше дело безусловно проиграно. Ведь наш смысл (выходит «мы пахали», но это для удобства выражения) в том, что мы не партия, а просто люди, жившие одновременно. Ничего своего мы не уступим ни на пядь, потому что оно универсальнее всего другого, но не все свое, золотыми искорками сверкающее у партии, разумеется, возьмем себе и этим претворим Христом в собственное тело.

Но тут подымается существенный вопрос, на который мы обязаны ответить, и поскорее. Как мы относимся к исторической Церкви? Церковь не партия

[конец текста]

**П. А. Флоренский — Мережковским<sup>713</sup>**

[1905?]

Дмитрий Сергеевич, Зинаида Николаевна.

<sup>712</sup> До бесконечности (*лат.*).

<sup>713</sup> Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 512–513. Черновик не окончен, неизвестно, было ли письмо отправлено.

Прежде всего, прошу Вас: если мое письмо покажется Вам неуместным, передайте забвению его, как будто я ничего не писал: живя в уединенности, я растерял все критерии тактичности и бестактности.

Мне крайне горько, что не мог повидать Вас в Москве лично, а видел лишь деятелями. Вечером, когда читал лекцию Борис Николаевич, я заходил к Вам, но не застал дома. А между тем казалось важным и нужным видеть именно лично. Внутренно я слишком связан с Вами, особенно с Дмитрием Сергеевичем, чтобы можно было просто быть в стороне. Я знаю и то, что Дмитрию Сергеевичу многим обязан. И в то же время несомненно, что есть пропасть между Сергиевским Посадом и Санкт-Петербургом — между обителем Преподобного и городом Императора.

Может быть, вследствие непереступаемости этой пропасти, многое кажется преувеличенным отсюда. Но я не хочу и не могу таить от Вас, что подозрения вызывали враждебность. Теперь, победив и то, и другое, я могу сказать, что предметом подозрений была Ваша интимно-религиозная жизнь, таинства. Пишу это не в качестве вопрошаний. Я понял, что раз Вы сами не считаете себя принадлежащими к Православной Церкви, то нет ни смысла, ни основания судить Вас по канонам Православной Церкви. Это во-первых. А во-вторых, я вспомнил, что хотя я сам никогда не решал окончательно вопроса о неиерархическом совершении таинств в положительную сторону, но лет 7 или даже 6 положительное решение вовсе не казалось мне при известных условиях чем-то безусловно невозможным<sup>714</sup>. Все это настраивает примирительно.

<sup>714</sup> В «Материале к биографии» Андрей Белый делал такое признание: «В “Начале века” не указаны причины, особенно соединившие меня с Мережковскими. Они приняли меня на свои тайные моления, их модельная община имела свои молитвы, общие, было два чина; 1-й: чин ежедневной вечерней молитвы; 2-й — чин служебный: этот чин совершался приблизительно раз в две недели, по “четвергам”; во время этого чина совершалась трапеза за столом, на котором было поставлено и ви-

Попадая в Москву, расстраиваешься и делаешься фанатичнее при виде многих культурных явлений. Попадая обратно в свою келью, собираешься и ясно видишь, что можешь отвечать, думать и чувствовать только за себя самого. Ну, допустим, у Вас есть своя Церковь. Но разве я знаю что-нибудь, допустимо это или недопустимо для Вас? Разве я знаю, спасет это Вас или погубит? Для меня ясно только то, что я должен быть в Православии и должен бороться за него. Если Вы будете нападать на него, то, быть может, я буду бороться с Вами. Но я не говорю и, надеюсь, не скажу, что Вы — не правы, как не скажу, что я — не прав.

---

но; горели светильники (...) В числе участников “четвергов” в то время были Мережковский, Гиппиус, Философов, Карташев, я, Наталья Николаевна Гиппиус, вот и все. Мережковские одно время надеялись ввести в чин свой Бердяевых и Волжского; но те скоро отошли от них» (*Белый А.* Автобиографические своды, 2016. С. 113–114. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Сообщено М. М. Павловой). «Ракурс к дневнику» Андрея Белого позволяет предположить, что его вхождение в тайную церковь Мережковских началось в январе 1905 г., во время его поездки в Петербург (см.: Ракурс к дневнику // Там же. С. 113–114), видимо, от него об этом знал и Флоренский, и это проливает свет на его процитированное выше письмо.

В комментарии Е. В. Ивановой во вступ. статьи к публикации «Переписка с Мережковскими» (*Иванова*, 2004. С. 508–509) отмечается, что подробную историю создания тайной Церкви З. Гиппиус описала в своем дневнике «О Бывшем (1899–1914)». Впервые мысль о том, что новая церковь, посетила Мережковского в октябре 1899 г., но конкретные шаги в этом направлении стали предприниматься в 1901 г., одновременно с организацией публичных заседаний РФС. Осенью 1901 г. З. Н. Гиппиус «стала работать над молитвами, беря их из церковного чина и вводя наше» (Гиппиус З. Н. О Бывшем (1899–1914) // Гиппиус З. Н. Дневники. Т. 1. М., 1999. С. 112). Поначалу была только вечерняя служба, но постепенно сложилась та молитвенная практика, которую описывал Белый и которую подробно описывала Гиппиус в дневнике (см.: Там же. С. 111–137). В разные годы в этих тайных богослужениях участвовали В. В. Розанов, А. Н. Бенуа, А. В. Карташев, Н. А. Бердяев и др. Темира Пахмусс опубликовала сочиненный З. Н. Гиппиус «Молитвенник»: *The Prayer Book* // *Pachmuss*, 1972. P. 713–769.

Может быть, у Вас есть своя миссия, которой мне не дано знать, [конец текста]

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке**<sup>715</sup>

[*Б. д. Август — сентябрь 1905?*]

Дорогой Александр Сергеевич! Я 19-го выезжаю из Крыма, 21-го в Москве (Остоженка, д. 5/15, кв. 63), где пробуду дня три-четыре, а оттуда в Питер. Там нам предстоит решающие, быть может, переговоры о «Вопросах жизни» на будущий год<sup>716</sup>, а кроме того, Аггеев убеждает меня и Вас скорее приехать для выяснения окончательного вопроса с газетой. Денежная сторона устраивается совершенно, ибо Сытин дает денег не в обрез, а сколько нужно, но тем важнее сразу же поставить верно литературную. На переговорах в Москве присутствовал Петров и вообще, по моему впечатлению, он начинает опять влиять больше, чем желательно, т. е. не на Сытина, а на дело. Ввиду этого, как я не дорожу

<sup>715</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 1. Закрытка. Адрес: г. Тетюши Казанской губ. село Чернышевка. Александру Сергеевичу Глинке. Почт. шт. нрзб Датируется по контексту.

<sup>716</sup> «(...)Наступило 17 апреля 1905, вызвавшее самые большие надежды (принят указ «Об укреплении начал веротерпимости» — В. К.). Настоятельной задачей “Вопросов жизни” теперь стало освобождение религии от диктата политики, религиозного переосмысления ее основ. Нужно было усмотреть взаимосвязь религиозной инертности и политического максимализма, неспособности к позитивному общественному строительству той среды, к которой обращались “Вопросы жизни”, и самим обнаружить внутреннюю погрешность в связи “богочеловеческого” с “идеал-реализмом”. Следовало изменить само представление об интеллигенции как предназначенной к внешнему действию изолированной группе, вспомнить о высшем понимании Церкви как открытой во вне религиозной общности, строящей свою духовную и социальную жизнь в согласии с абсолютными ценностями» (*Булгаков С. Н. Политическое освобождение и церковная реформа // Вопросы жизни. № 4—5. С. 491—522*).

Вашим покоем и здоровьем, я считаю приезд Ваш в Петербург хоть на короткий срок чрезвычайно желательным, я буду нуждаться в Вашем совете и поддержке. Известите сюда или в Москву, или в Петербург, будете ли Вы.

Ваш С. Б.

Адрес для телеграмм сюда: Кореиз, Булгакову.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>717</sup>

[13.09.1905. СПб.]

13.IX.1905

(...)

Теперь о журнале. Дела обстоят неожиданно хорошо. Карташев уходит из академии совсем и всецело отдается журналу. В каких надежных руках будет дело! Вчера мы долго беседовали с ним. Он с восторгом принял известие о согласии твоём иметь свой угол и о «самоотверженной», по его выражению, работе отца Зотиковича с Епархиальными ведомостями. Наша настоятельная просьба — принимайтесь теперь же за дело. Постараемся повысить плату, т. е. догнать до 80 рублей за лист в 8-ую, иначе говоря, 10 коп. за строчку. по мере изготовления материал можно присылать. Тебя просим первые передовые статьи — о задачах журнала в церковном отношении — лучше о желательном направлении церковной жизни. Официальным редактором будет Карташев. Сегодня идем с ним осматривать квартиры для редакции, где будет квартира и для него. Я повысил ему содержание на 1500 руб. при готовой квартире — себе оставил, конечно, тоже. При первых успехах журнала буду ходатайствовать о повышении Карташеву. Программа пойдет твоя. Обзорение русской и иностранной жизни как отдел берет сам Карташев. Я — обзорение периодической печати. Главное идейное руководство —

<sup>717</sup> Печатается по: Балакишина, 2014. С. 332.

Карташев. Я — чтение, редактирование провинциальных статей. Секретари и конторщики — особые лица. В каком положении Коля<sup>718</sup>? Может быть, возьмет он контору. Секретарем должно быть лицо опытное и постоянное. Ну, пока до свидания.

Целую тебя, твой свящ. К. Аггеев.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>719</sup>**

[15.09.1905. СПб.]

Как ошеломленная, упала на кушетку твою, Маруся, быть может, как упоенная сильными напрягающими впечатлениями дня. Бальмонт. Бальмонт свалился с неба в 11 ½ вечера вчера на наше сборище! Бальмонт. Когда Вячеслав пошел на звонок открывать дверь и провозгласил в столовую, где сидели Сологуб, Ремизовы<sup>720</sup>, Чулковы и молодой писатель со своеобразно и сильно намечающимся талантом, пришедший в первый раз, Осип Дымов<sup>721</sup> («Солнцеворот»), провозгласил: «Константин Бальмонт», я почувствовала нечто вроде судороги ужаса. Слишком было тяжело видеть, ощущать медленное заочнение трупа в прошлую московскую весну. Вошел Он. Лицем <Sic!> возмужал как-то, даже почти похорошел, и Вячеслав с ним на ты. Оказывается, когда увидел его, то поцеловал и об-

<sup>718</sup> Прот. Николай Николаевич Автономов, родственник П. П. Кудрявцева. В конце 1880-х гг. получил образование в Ефремовском духовном училище, инспектором которого в те годы был К. М. Аггеев. — В. К.

<sup>719</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 127–128.

<sup>720</sup> Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) — русский писатель, один из наиболее ярких стилистов в русской литературе; его жена Серафима Павловна Ремизова (урожд. Довгелло, 1876–1943) — палеограф, участвовала в работе РФО, была близка с Мережковскими в продолжение всей жизни, переписывалась с З. Гиппиус в 1905–1935 гг.

<sup>721</sup> Осип Дымов (Иосиф Исидорович Перельман, 1878–1959) — русский и еврейский (на идиш) писатель и драматург.

ратился на ты. «А я думал, ты меня ненавидишь», так они в радостной встрече побратались. С первого взгляда я увидела, что Бальмонт воскрес, но еще он был стеснен общением, смутно враждебен, и все напряжение мое и Вячеслава было в уравнивании всех подводно текущих самолюбий. Сологуб и Бальмонт казались себе врагами до сих пор, и действительно, первый тотчас встал и пересел от стола на твою кушетку к пальме и латании (в половине гостиной, а не столовой). Дымов читал новый рассказ (неудачный и довольно-таки длинный), а Бальмонт злился, то ко мне, то к Вячеславу приставал: зачем вы в Петербурге? Неужели вам нравятся мертвые? И это вы так проводите все Среды: слушаете рассказы?

Кончился, однако, благополучно рассказ... Хотя успеха не имел. Нужно было выслушать четыре сказки Сологуба. А Бальмонт: «Неужели вы слушаете каждую Среду сказки? Я хочу с вами поговорить. Расскажите мне про себя. Или вы не живете!»

Прочитались, однако, благополучно сказки, божественно талантливы и юмористичны. Потом новые стихи Блока. Не понравились. Потом новые стихи Брюсова — понравились. Читал Чулков, в карманах коего всегда редакционные рукописи<sup>722</sup>. Бальмонт то уводил меня в комнату рядом и все упрекал, то Вячеслава. Его умоляли читать стихи. Не желал. Все трусили и благоговели и меня умоляли умолить. Наконец началось: вынул Бальмонт бумажку из бокового кармана и прочитал дивно легкое, свирельное стихотворение Брюсова с припевом «тралала!»<sup>723</sup>. Брюсов сам нам его читал в Москве, но у Бальмонта оно нам впервые понравилось и это были первые ритмы, погнавшие за собой целый прибор и примирившие все аппетиты <Sic!> и са-

<sup>722</sup> Г. И. Чулков в это время был секретарем редакции журнала «Вопросы жизни».

<sup>723</sup> Речь идет о стихотворении «Крысолов» (впервые опубликовано в сборнике Брюсова «Stephanos. Венок»).



молюбия. Бальмонт стал очаровательно любезен, хвалил с тактом, и все расцвели. Бальмонт читал и читал. Его чтение новое, его стихи новые, лице новое, душа новая, Бальмонт умер и воскрес. Он большой и живет. Глубоко счастливы мы оба. Сидели после последних гостей мы втроем или «с вами вдвоем», как выражался радостно наш преобразившийся, возродившийся друг. Бальмонт пил вино и не пьянел. Сидел до 5½ утра и ушел трезвый, радостно вдохновенный, нежный, страстный, и при этом корректный и порядочный. Тронула нас глубоко его верность. С Вячеславом он как брат. Со мною нежен, ласков, как было так мало часов между нами в Москве. Весь вечер почти (при гостях еще) сидел со мной, говорил: «Как в угаре кажутся мне воспоминания московские». Я говорю: «Я имею прекрасные: имею наше первое знакомство, вечер в Большом Московском» Бальмонт страшно волнуется, боится, очевидно, что я сердита за ту знаменитую поездку с ним после «Грифа», и говорит: «О, но там, в ту ночь... это было ужасно...» Я: «Ведь я говорю о Большом Московском, до выхода. А потом помните, как мы с вами проводили Страстную Субботу, встречали Пасху». Он: «Это навсегда радостное воспоминание, и глубоко запомнилось!» — Таким образом, вычеркнули все дурное из прошлого, и стало легко. Мне вчера было еще одно радостно: я вижу, что по-прежнему как-то сильно действую на Бальмонта как женщина. И с ним это как-то хорошо и чисто, несмотря на его страстность и на странные слова, которые он нам говорил и вчера: «Я в Москве имел план...» Но не передаю, так не выйдет в письме... Мы не заснули с Вячеславом до 7-ми утра. А сегодня он был опять с 2—5. Завтракал: я ему яичницу сделала, стакан подала и груздей (...). Опять пил степенно вино. (Ведь первая капля отравляла в Москве). Читал стихи, говорил жарко и близко. Воскрес, воскрес. И такие стихи проникновенные, глубокие, то трагические истинно, то истинно стихийно лирические, то зло бичующие сатирой.

И верится снова, что он велик, что гениален, что священен сосуд, его носящий, и хочется обнять его и целовать бережно и свято. (...) Теперь Вячеслав ушел проводить Балмонта на вокзал.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>724</sup>

[16.09.1905. СПб. — Киев]

1905.IX.16. Смольный

Дорогой Петр Павлович!

Приступаем к составлению первых четырех номеров, без которых не рискнем начать дело. Пожалуйста, на эти номера пришли две статьи. Я ручался за тебя отцу Петрову и Карташеву. Очень были бы рады, если бы ты зацепил своим углом «Призраки»<sup>725</sup>, с них бы начал. Пишу это на основании твоих слов в последнее наше свидание. «Какую эпоху переживаем мы!» — говорил ты. Вот анализ этого бьет в центр наших предположений о направлении журнала. Схема номера приблизительно такова:

№ 1

Передовая статья — Карташева

Корпусная статья — твоя

Литературная — Волжского

Обозрение жизни — Карташев

Обозрение печати — между прочими я Хроника — священник Егоров

Сигнальный отдел

№ 2 и следующие

Могут быть новые авторы: ты — в передовую; Булгаков, быть может, я — в корпус и т. д. Прежде всего, мы бы с первого № хотели твой угол. С передовицей первым, может быть, нужно будет выступить редактору.

<sup>724</sup> Печатается с комментариями по: *Балакишина*, 2014. С. 333–334.

<sup>725</sup> Имеется в виду драма Г. Ибсена «Призраки» (Привидения) (*Gengangere*, 1881).

Дорогой Петр Павлович, я сознаю, что в данный момент тебе трудно, но для нашего общего дела необходимо теперь же взяться за перо... Завтра приезжает Сытин. Если он не отдаст нам «Русской правды», то подаем прошение о новом журнале «Наши думы». Программа будет представлена твоя.

23 августа ожидаем Сергея Николаевича.

При организации дела мы с Карташевым увидели, как хорошо должна быть поставлена контрольная сторона дела, мы увидели, какой важный гвоздь это. Выпуск №№ — дело секретаря. Если займутся этим редакторы, дело пойдет плохо. Предположено — секретарь при 50 руб. жалованья с квартирой и два конторщика. Оказывается, только до приступления к делу эта сторона представляется так себе не важною. Очень возможно, что секретарством займется у нас, если только позволит здоровье, сам Волжский. Секретарь редакции — это ближайший помощник редактора, лучше даже — негласный соредактор. Надеемся начать выпуск №№ с октября. И страшно, и радостно! Несказанно буду рад, когда получу твою рукопись. Присылай поскорее изготовленное.

Целую Колю. Любящий свящ. К. Аггеев.

### **В. Ф. Эрн — в Главное управление по делам печати<sup>726</sup>**

[17.09.1905. СПб.]

Желая издавать в г. Москве новое повременное издание без дозволения предварительной цензуры под названием «Народная газета», имею честь покорнейше просить Главное управление по делам печати испросить на то разрешение господина Министра внутренних дел.

Издание это я предполагаю выпустить по следующей программе:

<sup>726</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 185–186.

1. Руководящие статьи по вопросам текущей жизни.
  2. Статьи и заметки по вопросам внутренней и иностранной жизни, экономической, социальной и культурной.
  3. Руководящие статьи по вопросам текущей жизни.
  4. Статьи и заметки по вопросам внутренней и иностранной жизни, экономической, социальной и культурной.
- Корреспонденции внутренние и внешние.
5. Фельетоны литературные, научные и религиозно-нравственные.
  6. Телеграммы.
  7. Телефон.
  8. Театр и зрелища.
  9. Судебная хроника.
  10. Церковная хроника.
  11. Городская хроника
  12. Критика и библиография.
  13. Новости науки, искусства и литературы.
  14. Среди газет и журналов.
  15. Смесь.
  16. Объявления.
- Срок выхода в свет — ежедневный.

Подписная цена с доставкой и пересылкой на год — 3 рубля; на полгода — 2 рубля; на три месяца — 1 рубль; на один месяц — 35 копеек; без доставки и пересылки — по одной копейке за номер.

Издание будет печататься в типографии товарищества Кушнерева.

Редакцию издания принимаю на себя я, издатель, Владимир Францевич Эрн.

При сем прилагаю документы о личности моей: 1) засвидетельствованную копию с вида на жительство; 2) свидетельство о полученном мною образовании.

Потомственный дворянин Владимир Францевич Эрн.

Жительство имею: Москва, Сивцев Вражек, Нащокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16.<sup>727</sup>

<sup>727</sup> Через месяц временно управляющий МВД утвердил программу газеты, и разрешение к выпуску ее в свет было получено. 31 октября 1905 г.

**О. В. Шер<sup>728</sup> — В. Ф. Эрну<sup>729</sup>**

[19.09.1905. Москва — СПб.]

Многоуважаемый Владимир Францевич!

Валентин<sup>730</sup> увез свою рукопись с собою и сказал, что придет ее мне с тем, чтобы я ее отдала переписать. До сих пор он мне не присылал. Я в тот же день отдала ее переписывать, но вряд ли она может быть готова до Вашего отъезда из Петербурга, если Вы пробудете только до 23-го.

Мы получили три письма на Ваше имя, и я их Вам пересылаю. Мы их получили давно, но не знали Вашего адреса и не могли переслать. От Валентина пока никаких известий нет. Ваша О. Шер.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>731</sup>**

[19.09.1905. СПб. — Киев]

19.IX.05

Теперь к тебе, дорогой Петр Павлович. Для первого № журнала я уже приготовил статью «Привет сельскому духовенству», в которой в ответ светским обличителям стараюсь изобразить правовое и экономическое положение сельского духовенства. Статья удалась. Но факты некоторые, помещенные в ней, требуют проверки. Вот буквально одно место из статьи: «Припоминается мне незабвенный факт, по времени покры-

---

Главное управление по делам печати (ГУДП) выдало Эрну соответствующие свидетельства № 12227 и 12228 и уведомило об этом Московский цензурный комитет (РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2092. Л. 8–13). См. об этом также: *Носов А. А.* К цензурной истории религиозно-общественной печати (1905–1906 гг.). С. 37.

<sup>728</sup> Ольга Владимировна Шер (1888–1963) — сестра Владимира и Дмитрия Шеров, участница ХББ, впоследствии жена Д. Д. Галанина (мл.).

<sup>729</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 186–187.

<sup>730</sup> В. П. Свенцицкий — В. К.

<sup>731</sup> Печатается с комментариями по: *Балакшина*, 2014. С. 334–335.

тый десятилетней давностью, но отзывающийся свежестью текущего дня: изменились ведь только формы, а не суть дела. В одной центральной губернии был большой неурожай. Светская власть стала на столь испытанную у нас почву — “молчат, бо благоденствуют”. Епархиальным начальством даны были соответствующие инструкции сельским иереям. Не подчинился этим внушениям, психологически не мог сделать этого отзывчивый пастырь одного села. Окруженный пухнувшими от голода своими прихожанами, он излил в печати вопль наболевшей души. В результате ссылка в монастырь и затем, уже по своей воле, переход с родного пепелища в одну из южных епархий. И это — священник идейный, отдавший себя на служение народу, священник, которым особенно нужно было бы дорожить!» Ты, конечно, видишь, что речь здесь о Григории Степановиче<sup>732</sup>. Нет ли каких-либо неточностей в моей передаче? Было бы хорошо, если бы ты напомнил мне эту историю — время, село и т. д. Могут быть запросы.

Запоем читаю Ибсена «Столпы общества», «Кукольный дом», «Привидения» и «Враг народа». Переживаю твоё настроение, которое ты в последней беседе назвал антиномизмом... Начинаю поджидать с почты рукописи от тебя. Захвати — Шестова<sup>733</sup>, «Трагедия и обыденность» Бердяева, ответ ему Волжского<sup>734</sup>. Все это входило всегда в круг твоих идей.

Завтра высылаю тебе 50 руб. для покупки билета. Послали запрос, не согласится ли Александр Сергеевич Глинка быть у нас секретарем.

Любящий свящ. К. Аггеев

<sup>732</sup> Вероятно речь идет о священнике Григории Степановиче Гагинском (1873 — после 1932).

<sup>733</sup> Предположительно речь идет о книге Лев Шестов. Достоевский и Ницше. Философия трагедии (СПб., 1903).

<sup>734</sup> Речь идет о статьях: *Бердяев Н. А.* Трагедия и обыденность (Л. Шестов) // Вопросы жизни, 1905, № 3. С. 255–288 и *Волжский*. Pro domo sua. Обыденность трагедии (О Шестове в ответ на статью о нем Бердяева «Трагедия и обыденность») // Вопросы жизни, 1905, № 7. С. 324–350. — В. К.

П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну<sup>735</sup>

[21.09.1905. Сергиевский Посад]

Сергиев Посад, 21 сентября 1905 г.

Дорогой Володя! Не сможете ли Вы достать мне на короткое время книг:

Darstellung über Zeit und Raum<sup>736</sup> (из библиотеки семинарской, брошюра). Renan. Vie de Jesus (или русский перевод)<sup>737</sup>. «Ассирийские северные цветы»<sup>738</sup>. Вячеслава Иванова «Религия Диониса»<sup>739</sup>. Фишер<sup>740</sup>. Шеллинг.

<sup>735</sup> Печатается с комментариями по: Павлюченков, 2014. С. 218.

<sup>736</sup> Возможно, имелась в виду книга основателя Ордена баварских иллюминатов, профессора естественного и канонического права, известного противника философии Канта Адама Вейсгаупта (1748–1830): *Weisshaupt A. Darstellung des Kantischen Systems über Zeit und Raum. Regensburg. 1788.* («Представление кантовской системы времени и пространства»).

<sup>737</sup> Книга Эрнста Жозефа Ренана (1823–1892) «Жизнь Иисуса» (1863) в русском переводе была издана в 1902 г. (затем в 1906-м в серии «История религии»), в полном русском переводе вышла только в 1911 г. Равным образом ее запрещали и ограничивали в распространении как в России до 1905 г., так и в Советском Союзе. Вновь появилась в репринтном издании в Москве только в 1991 г.

<sup>738</sup> «Северные цветы ассирийские». М., 1905. — 4-й вып. альманаха «Северные цветы» под ред. В. Я. Брюсова.

<sup>739</sup> Работа «Религия Диониса» была написана Вячеславом Ивановым в 1905 г. и опубликована в «Вопросах жизни» (1905. № 6. С. 185–220; № 6. С. 122–148). — В. К.

В 1904–1905 гг. Вячеслав Иванов в изданиях Мережковских «Новый путь» и «Вопросы жизни» также публиковал свой очерк «Эллинская религия страдающего Бога». Флоренский ссылается на него в своей курсовой работе 1907 г. (см.: *Флоренский П., свящ.* Священное переименование. М., 2006. С. 332). Впоследствии В. Иванов эту работу определял как сосредоточенную «на проблеме дионисийской психологии и, в частности, на мистике дионисийской жертвы» (см.: *Иванов В. И.* Дионис и прадионисийство. СПб., 2000. С. 11–12). Это именно тот круг идей, которые Флоренский воспринял и позже использовал в своей «Философии культа».

<sup>740</sup> Куно Фишер (Fischer, 1824–1907) — немецкий историк философии, автор «Geschichte der neueren Philosophie» («Истории новейшей философии»), 3-е издание которой вышло в 1898 г. и охватывало период от Декарта до Гегеля и Шопенгауэра.

Пишу о связи культа Митры с христианством, причем хочу главное внимание обратить на принципиальные вопросы о христианстве и язычестве, о символах, мифах etc. — [нрзб] идей? давно ждущих случая, чтобы вылиться. Быть может, это нам пригодится как-нибудь. Еще: мама спрашивает адрес меблированных комнат, где бы ей остановиться в Москве вместе с Люсей. Быть может, посоветуйте мне. Я решительно не знаю ничего. Как доставили Вам отписки? Как журналы? [нрзб] Приедете ли?

Ваш П. Флоренский

Как Борис Николаевич?

Поклон.

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>741</sup>

[22.09.1905. СПб.]

Ну, вчера была содержательная Серeda: 12 человек. Ме-режковские, Сологуб, поэт молодой студент Пестовский — Пяст<sup>742</sup> («Вопросы Жизни»), Ремизов, Чулков, Эрн (божественный), Карташев, профессор духовной академии, молодой, писатель, горящий деятель, тонкий, симпатичный, редактор новой еженедельной газеты, скоро основывающейся, куда Вячеслав послал по его просьбе стихи<sup>743</sup>. Анастасия Чеботаревская<sup>744</sup> (критик «Правды» и сотрудница

<sup>741</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 129–130.

<sup>742</sup> Владимир Алексеевич Пяст (Пестовский, 1886–1940) — русский поэт-символист, прозаик, литературный критик, переводчик, теоретик литературы, один из биографов поэта А. А. Блока, с которым много лет дружил.

<sup>743</sup> Речь идет не о газете, а о еженедельном журнале «Вестник жизни», планировавшемся к выпуску под редакцией А. В. Карташева и К. М. Аггеева. Проект не осуществился. Подробнее см.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 163–172.

<sup>744</sup> Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876–1921) — сестра Александры Николаевны Чеботаревской, переводчица, писательница, драма-



«Русского Богатства») и ее приятель, московский литератор, критик и историк литературы Гершензон, Шеголев<sup>745</sup>, филолог, видная личность, журналист («Наша Жизнь»<sup>746</sup>), монографист, Философов. Собрание было интересно по высоте тона и тэм <Sic!> бесед, по разнопартийности, централизованной нами, и потому что четверо из этих лиц были у нас впервые, и по своему почину. Тон собраний устанавливается изящно-богемный благодаря странности, безумия квартиры, неожиданной красоте вида, изящности трех комнат башни и странного готического, просторного «мансарда» <Sic!> с низким потолком, где столовая в части у двери из прихожей, и зало — в глубине с финиковой пальмой (довольно большой), латанией и лавром, с освещением 2-х бронзовых канделябров (бабушкины 6-ти свечные) и твоей лампы на скульптурной бронзовой ножке под тво-

---

тург, впоследствии жена Ф. Сологуба и литагент мужа, действительно сотрудничала в журналах «Правда» и «Русское богатство». Однако Ивановы знали ее, скорее всего, по Парижу, где она окончила Русскую Высшую школу общественных наук и была личным секретарем М. М. Ковалевского. по возвращении в Россию осенью 1905 г. работала в редакции «Журнала для всех». Подробнее см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. ст., публ. и комм. А. В. Лаврова // *Неизданный Федор Сологуб*. М., 1997. С. 290–302.

Александра Николаевна Чеботаревская (1869–1925) — русская писательница, переводчица,

<sup>745</sup> Павел Елисеевич Шеголев (1877–1931) — выдающийся филолог, пушкинист и историк общественного движения, основатель масонской ложи «Полярная звезда» (1907). Библиография его работ включает более 600 наименований, среди которых монографии и статьи, научные публикации документальных материалов, рецензии, исторические пьесы, киносценарии. Он был одним из редакторов журналов «Былое» (1906–1907, 1917–1926) и «Минувшие годы» (1908) — первых периодических изданий, посвященных истории освободительного движения в России. Близкий знакомый А. М. Ремизова по вологодской ссылке.

<sup>746</sup> «Наша жизнь» — ежедневная бесцензурная петербургская газета (1904–1906), издававшаяся Л. В. Ходским. Закрыта по приговору Петербургской судебной палаты.

им зеленым (...) тем абажуром на твоём высоком консоле<sup>747</sup>. Удаётся, кажется, против обычая холодного, неритмичного Петербурга, завести обычай чтения стихов. Пяст, застенчивый, почтительный, красивый, как будто со сдерживаемым пламенем человек, читал наизусть прелестно (нечто между поэтического и актерского чтения) стихи Бальмонта, Белого, Сологуба и Вячеслава Иванова и свои, где чувствуется стиль и желание что-то сказать из глубины<sup>748</sup>. Вячеслав за чаем занимал остроумными схемами (Дон Кихот и Гамлет<sup>749</sup>) Зиначку<sup>750</sup> и Философова, и к ним примыкал верх стола, где у самовара Анюта<sup>751</sup>, представленная гостям, разливала чай, а внизу сидела я, Дмитрий Сергеевич<sup>752</sup>, Карташев, братишка дорогой Володя Эрн (глядящий ежеминутно на меня любовно-братскими глубокими очами), Гершензон... Я занималась тем, что била метко по Мережковскому, и Дмитрий Сергеевич потел, думаю. Я была воистину в ударе, и Вячеслав вечером и утром пел дифирамб моей «гениальности». Нас в доме так уважают (дай Бог

<sup>747</sup> Сверху вписано с непонятным отнесением: «с тремя группами различной мебели (твоя кушетка и 3 кресла, бабушкина и моя перебитая зеленая из Финляндии)».

<sup>748</sup> Некоторое дополнение мы находим в воспоминаниях Пяста: «Была еще такая “среда”, в самом начале сезона, когда в присутствии большого количества наиболее избранных гостей я решил, как бы сказать, “поднести” каждому из бывших там поэтов — “самого его”. Я произнес по несколько стихотворений каждого. Присутствовавшие поэты одобрили. на некоторых впечатление было произведено сильное. Дамы, вроде Анненковой-Бернар, отдавая должное эмоциональной стороне, начали говорить, однако, что-то о технических недочетах...» (*Пяст В. Встречи*. М., 1997. С. 71).

<sup>749</sup> По наблюдению А. Б. Шишкина (См.: *Русские пиры*: Сб. М., 1998. С. 292), данное соотнесение легло в основу статьи Иванова «Шекспир и Сервантес», оконченной в 1916 г. (См.: *Иванов В. Собрание сочинений*. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 101–108).

<sup>750</sup> З. Н. Гиппиус — В. К.

<sup>751</sup> Анна Николаевна Шустова, «кума» — одна из «девушек», воспитанниц Зиновьевой-Аннибал. В то время уже жила в Петербурге отдельно.

<sup>752</sup> Д. С. Мережковский — В. К.

не сглазить), что без нашей просьбы швейцар держит электричество до 3, когда ушел последний гость Щеголев. (...)

В «Нашей Жизни» была статья сегодня о театре-«Студии» Мейергольда<sup>753</sup>, где мы члены бюро и в программе поставлен «Тантал»<sup>754</sup>. Вячеслав был болен influenza. Лежал воскресенье и понедельник, а во вторник уже вдруг все наши узнали, и были Сологуб с Васильевского Острова узнавать о здоровье (сидел долго), Эрн, Чулков, который потащил сейчас новое стихотворение, написанное накануне Вячеславом «Тихая Воля» (вдохновение на мечту о земельном коллективизме), чтобы, если еще поспеет, втиснуть в «Вопросы Жизни»<sup>755</sup>.

Вот вышло солнышко, истинной улыбкой загло терракотовые обои кабинета, а то все было пасмурно, но не у нас. А «Искусство», неодекадентский новоявленный журнал, ругает меня и Вячеслава...<sup>756</sup>

А Гиппиус вчера мне сказала: «Я никогда не уехала бы с вашей квартиры».

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>757</sup>**

[23.09.1905. СПб.]

23.IX.1905

Со дня на день ожидаем разрешения и через две недели после него пустим в ход машину. В течение этих двух не-

<sup>753</sup> Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940) — русский театральный режиссер, актер и педагог. Теоретик и практик театрального гротеска, автор программы «Театральный Октябрь» и создатель актерской системы, получившей название «биомеханика». Народный артист республики (1923).

<sup>754</sup> См.: Ремизов А. Театр «Студия» // Наша жизнь. 22 сентября (5 октября) 1905. № 278. С. 3.

<sup>755</sup> Стихотворение опубликовано: Вопросы жизни. 1905. № 10/11. С. 321.

<sup>756</sup> См.: Нарцисс. [Рец. на] Северные цветы ассирийские. М., 1905 // Искусство. 1905. № 5–6–7. С. 165. По предположению Иванова (См.: Литературное наследство. Т. 85. С. 479), автором рецензии был С. А. Соколов.

<sup>757</sup> Печатается с комментариями по: Балакшина, 2014. С. 335–336.

дель — нанимаем квартиру и обставляем ее. Редакция будет местом для заседаний пастырского кружка и будущих литературно-философских собраний. В течение же этих двух недель должна быть разослана всем буквально священникам и учителям декларация о журнале с перечнем предполагаемых статей. Я лично собираю в настоящее время адреса священников по всем епархиям, которым будем высылать безвозмездно первые №-а. Хотелось бы собрать до тысячи.

Пастырский кружок наш стал на твердую почву самоопределения. Все ведение дела передано в бюро. Ему предоставлено выработать устав союза, входить в сношения с провинцией и готовить доклады для общих заседаний. Члены бюро отцы Чельцов, Колачев, Егоров, Аггеев и Аксаков. Сегодня через час первое заседание для выработки платформы. Я приготовил критику двусмысленной и лукавой брошюры отца Потехина<sup>758</sup> «О церковном соборе». Но об этом подробнее буду писать — замечу — сейчас же.

На днях были из Москвы Эрн, автор Религиозно-философской хроники за август в «Вопросах жизни». Состоялось у меня маленькое редакционное собрание.

Узнал: автор критического разбора твоей речи о браке в «Новом Пути» — Антон Владимирович Карташев.

Шестов — твой сосед — Шварцман, сын Подольского торговца Шварцмана.

Целую всех вас.

Три раза в день встречаю с нетерпением почтальона, надеясь получить твое письмо.

Любящий свящ. К. Аггеев.

Сергей Николаевич Булгаков хотел передать тебе о нашем первом заседании по вопросам журнала. Состоялось ли свидание?

---

<sup>758</sup> Речь идет о брошюре свящ. Саввы Потехина «О церковном соборе» (М., 1905), изданной Н. Д. Кузнецовым как приложение к газете «Русское дело».

**Христианское братство борьбы — рабочим<sup>759</sup>**

[24.09.1905. Москва]

Братья христиане! по всей России началась забастовка<sup>760</sup>. Народ требует свободы. Требует, чтобы чиновники не творили самоуправств; чтобы не расхищали казны; чтобы давали отчет народу в истраченных деньгах; чтобы можно было сходитья и обсуждать свои нужды; чтобы народ избрал людей, которым доверяет, и на учредительном собрании решил сообща, как править страной. Забастовка одна может принудить чиновников уступить. Забастовщики никого не хотят убивать, не хотят проливать ничьей крови. А правители, забыв Бога и совесть, безоружных расстреливают, невинных избивают шашками<sup>761</sup>. Но им этого мало. Книжники и фарисеи, распявшие Христа, подстрекают еще и вас бить, «забастовщиков», «студентов», «крамольников». Да не будет! Вспомните Бога! Забастовщики идут спасать Россию. Все христиане пусть встанут на их сторону<sup>762</sup>. Последнее средство — мученичество. К мученичеству

<sup>759</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 187—188.

24 сентября 1905 г. пристав 1 участка Пятницкой части препроводил в Московское охранное отделение экземпляр прокламации из числа брошенных во время сходки рабочих завода Товарищества Добровых в механических мастерских. Над текстом стоял крест (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 30. Т. 4 (3). Л. 239).

<sup>760</sup> Всероссийская забастовка началась 19 сентября 1905 г.

<sup>761</sup> Ср.: «Волны крови затопляют родину. Тысячами гибнут сыны ее — вешаются, расстреливаются, тысячами переполняют тюрьмы... Под видом “умирения” избиваются мирные крестьяне и рабочие. Людей, не имеющих куска хлеба, расстреливает живущий за счет их трудов» (*Флоренский П.* Вольф крови. С. 3).

<sup>762</sup> Ср. сказанное митрополитом Московским 30 октября 1906 г.: «[Церковь] не должна нападать на то, что есть в этом социал-демократическом движении справедливого и основательного. Протестовать против правды и истины она никогда, ни при каких обстоятельствах не может. Стремление рабочего и вообще низшего сословия к улучшению своего тяжелого быта нельзя считать дерзостью и беззаконием, захватом чего-то ему

за Христа мы вас и призываем<sup>763</sup>. Ибо за теми, кто страдает, — Христос, а все те, кто терзает народ, от дьявола.

Христианское братство борьбы.

### **В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>764</sup>**

[26.09.1905. СПб. — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Мережковские просили меня передать Вам, что они очень хотели бы Вас видеть. Они будут завтра (во вторник, 27-го) в Москве, останутся в «Славянском базаре», т. е. где и в прошлом году. Пробудут в Москве завтра и послезавтра, а может, и еще один день.

Ваш Володя Э.

Дорогой Павля! Выезжаем 28-го числа. Если тебе не трудно, пожалуйста, встретить нас. Эрн заходил к нам. Мы пробудем в Москве 2 дня. Целую тебя. Твоя Люся<sup>765</sup>.

### **П. Н. Милюков — М. К. Морозовой<sup>766</sup>**

[28.09.1905]

Милая Маргарита Кирилловна.

---

не принадлежащего, но его необходимо только вставить в надлежащие рамки, направить на законный путь....Мы не должны осуждать справедливые желания и домогательства рабочих» (*Владимир (Богоявленский), смчч.* Проповеди, слова, поучения. М., 2008. Т. 3. С. 121–150).

<sup>763</sup> Очевидно, что называющие ХББ «экстремистской организацией» современные исследователи прямо противоречат фактам.

<sup>764</sup> Там же. С. 188.

<sup>765</sup> Приписка Ю. А. Флоренской.

<sup>766</sup> Павел Николаевич Милюков (1859–1943) — историк, социолог, публицист, один из основателей партии конституционных демократов (кадетов, партии народной свободы), депутат 3-й и 4-й Государственной Думы. «Слушать Милюкова всегда было наслаждением. Был он оратором англо-саксонского типа: говорил спокойно, избегая всяческого пафоса, цветистых образов, красивых фраз, почти не жестикулиру-

Ужасно Вы меня тронули своим сердечным письмом. Ну как же можно писать такие славные, ласковые письма? Ведь эдак скоро от моей «лимпидности» ничего не останется. Растаю, ей-Богу, растаю, как сахар в горячей воде, — и Вы будете в ответе! Нет, кроме шуток, как бы хотелось сейчас, сию минуту, пожать Вашу руку и поблагодарить за дружеский отклик. Письмо Ваше пришло как раз, когда я был в Москве и в той самой квартире, куда оно было адресовано. Теперь я останавливаюсь в другом месте, у присяжного поверенного М. Л. Мандельштама<sup>767</sup>, у Никитских ворот, д. Элькинд (телефон 27—20). Начиная с 5-го октября я наверное буду в Москве и останусь до 15-го, а может быть и дольше. Сговоримся по телефону, когда Вас можно будет видеть! Не негодуйте на начальство: оно умное; знает, когда посадить и когда выпустить; все идет на пользу — не ему, так другим. И ведь не написали бы, кабы ничего не случилось!

Газетное мое предприятие окончательно устраивается — но, увы, не в Москве, а Петербурге<sup>768</sup>. Теперь я занят последними приготовлениями, а также и подборкой октябрь-

---

вал, не пользовался звуковыми модуляциями. Был у него один, очень характерный жест — он слегка вытягивал вперед правую руку, словно что-то выкладывал перед слушателями на кафедре, и это помогало воспринимать его слова. Форма всегда подчинялась содержанию его речи; для Милокова вообще важна была не форма, а основная мысль. И, вместе с тем, как-то естественно получалось, что и с точки зрения стилистической выступления Милокова всегда были блестящими. Он говорил на прекрасном, очень точном русском языке» (*Седых А.* Далекие, близкие. Нью-Йорк, 1962. С. 162).

НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 1—4 об.

<sup>767</sup> Михаил Львович Мандельштам (1866—1939) — адвокат, литератор, участник революционного движения, защищал Каляева, Баумана, Гершуни.

<sup>768</sup> «Речь» (оригинальное название: *Речь*) — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в 1906—1917 гг. Орган Конституционно-демократической партии. При этом позиционировала себя как «внепартийную» независимую газету. Выходила с 23 февраля 1906 г.

ского съезда<sup>769</sup>. Вообще, дела по горло. Положение так же сложно и трудно, как летом, — если не сложнее еще; но моя линия вырисовывается все определеннее — та же, в общих чертах, которую я наметил для себя, только что вернув-

---

Редакция, главная контора, экспедиция и типография располагались в Петербурге по адресу: ул. Жуковского, 21.

Издатели в разное время: Ю. Б. Бак, Н. К. Милоков, В. Д. Набоков, И. И. Петрункевич. Фактические руководители — И. В. Гессен и П. Н. Милоков (он же основной автор политических передовиц). В «Речи» сотрудничали А. Н. Бенуа, С. А. Венгеров, В. И. Вернадский, И. М. Гревс, А. С. Изгоев, Н. И. Кареев, С. Ф. Ольденбург, П. Б. Струве, Д. С. Мережковский, С. Л. Франк, А. А. Шахматов, Т. Л. Щепкина-Куперник и мн. др. ученые, деятели политики и культуры. «Речь» публиковала хронику столичной, провинциальной и международной жизни, аналитические материалы, освещала события культуры.

<sup>769</sup> Несмотря на транспортные проблемы, вызванные Всероссийской политической стачкой, Первый (учредительный) съезд партии прошел в Москве с 12 по 18 октября 1905 г. Во вступительной речи Павел Николаевич Милоков охарактеризовал конституционно-демократическое движение как идейное, внеклассовое, социально-реформистское, определил главную задачу создаваемой партии как «вступление в Думу с исключительной целью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство» и провел границы партии в политическом спектре России следующим образом: от более правых партий кадетов отличает отрицание бюрократической централизации и манчестерства (направление экономической политики 19 в. в Англии, требующее безусловного невмешательства государства в хозяйственную жизнь), от более левых — приверженность конституционной монархии и отрицание требования обобществления средств производства. на заседании 14 октября 1905 г. съезд принял постановление, в котором приветствовал «мирное, и вместе с тем грозное» рабочее забастовочное движение и выразил поддержку его требований. на следующий день, 15 октября, на съезде было оглашено сообщение о подписании императором Николаем II Высочайшего манифеста о даровании народу прав и свобод. Это известие делегаты встретили громкими аплодисментами и криками «ура». В прочувственной речи Михаил Львович Мандельштам вкратце описал историю освободительного движения, результатом которого стал Октябрьский манифест, и приветствовал союз интеллигенции, студентов и рабочих. Собравшиеся почтили вставанием память борцов, погибших за народную свободу, и поклялись не отдавать эту свободу назад.



шись из-за границы. И, однако, с тех пор сколько событий, впечатлений, знакомств! Кажется, точно века прошли с тех пор, как я был в Америке.

Ваш всем сердцем

П. Милюков

Душевный привет Вашей сестре.

**П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну**<sup>770</sup>

[1.10.1905]

1 октября 1905

†

Дорогой Володя! Сижу в своей келлии «в католическом духе», как выразился Глазов<sup>771</sup>, и захотелось написать. Но не стану писать ничего определенного, кроме нескольких «деловых» заметок.

Получился № 9 «Вопросы жизни». Прочел я Ваши статьи<sup>772</sup>. Первая из них... Впрочем, сообщу сначала то, что просил передать преосвященный Евдоким<sup>773</sup>. Он «не забыл и помнит» Вас и выражает свои симпатии. Если Вы сердитесь на него (это все его слова), то перечтите те страницы Евангелия, где советуется противное. Статья Ваша «о собственности» ему очень нравится и он, как всегда де-

<sup>770</sup> Печатается с комментариями по: *Павлюченков, 2014*. С. 218–219. После сверки с рукописью из Архива Павла Флоренского (Далее: АПФ) в настоящую публикацию внесена корректура.

<sup>771</sup> Владимир Гаврилович Глазов (1848–1920) — генерал от инфантерии, русский государственный деятель, в 1904–1905 гг. министр просвещения. Автор нового университетского устава и положения о гимназиях.

<sup>772</sup> В журнале «Вопросы жизни» была опубликована самая первая статья В. Эрн «Христианское отношение к собственности». Отдельное изд.: *Эрн В. Ф. Христианское отношение к собственности*. (РОБ. Сер. 1, № 3.) Склад изданий: Москва, Моховая, дом Бенкендорф, книжный магазин Д. П. Ефимова. 1906.

<sup>773</sup> Евдоким (Мещерский).

ляет, сделал из нее выписки. Весьма доволен статьей Тарев. Итак, первая из них мне показалась «хорошей» (независимо от содержания) и в известном смысле — в применении к практике, я, как Вам известно, согласен с основными мыслями ее, настолько согласен, что не нашел ничего нового для себя, кроме поддержки в своих собственных мыслях и словах. Но мне думается, что психологически у Вас естественное, хотя и нежелательное явление: центр тяжести настолько перекосялся в известную практику, в приближенный и временный способ реализаций христианского сознания, что незаметно для Вас он делается безусловным и вечным. Впрочем, это еще не так важно. Но как будто Вы совершенно не слыхали о мерещковистых вопросах, и это меня поразило. Если бы все были христианами, то, быть может, сказанные вопросы были бы еще разрешимы экономическим устройством апостольского века. Быть может. Но при неоднородности сознания современного общества и при невозможности христианам изолироваться экономически и культурно от «мира» вопрос страшно усложняется.

Конечно, можно разрубить мерещковистые узлы, отказавшись от культуры. Но если мы не откажемся, то мы, община, Церковь — как хотите — вынуждены иметь капитал, доколе имеют капитал окружающие «миряне», а имея капитал, вынуждены терпеть и все его прелести. Конечно, субъективно, для прихожан, капитал прихода более нравственен, чем капитал личный, но все же это капитал. Какое отношение не было бы у нас к марксизму, нельзя не признавать в нем значительной доли правды; какова бы ни была его общеисторическая ценность, для нашей эпохи он удачно объединяет экономические факты; это и понятно, разумный человек отвлекает свою теорию от нашей экономической действительности. Тут-то вот и встречается роковое затруднение, разрешимое весьма легко в пределах сколь угодно большой общины или Церкви, но не разрешимое таким способом (экономическим устройством

Церкви по образцу первых веков) для экономических отношений Церкви с не-Церковью. Может ли Церковь изолироваться? Если она достаточно велика, то я допускаю возможность для нее жить самостоятельной культурной жизнью. Но это только под условием, чтобы все население страны было в церкви или, иными словами, чтобы церковь образовала вместе с тем и государство. Тут незаметно прокрадывается вместе с Церковью и Великая Блудница — социализм, — мысль о которой отравила для меня у Соловьева все его сочинения, кроме «Трех разговоров». Идея устройства людьми теократии в ясной форме или чуть видной струйкой проползает у Соловьева всюду и делает его таким двойственным, что только «Повесть об Антихристе» успокаивает, что же все-таки было для Соловьева главным<sup>774</sup>. В других же произведениях так и жду, что далее вот он провозгласит многолетие Великой Блудницы<sup>775</sup>.

<sup>774</sup> Данное место представляет собой одно из немногих прямых указаний Флоренского на главную причину того, почему, взяв так много из философии Владимира Соловьева, он не считал себя его последователем. Через несколько лет та же идея станет основой резкой критики Флоренским такого непререкаемого для многих авторитета, как А. С. Хомяков («Около Хомякова» (1916); см.: *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 278—336). И те же самые мысли высказаны Флоренским в критических замечаниях на последнюю часть книги С. Булгакова «Свет невечерний» (1917) — «Власть и теократия». «Я знать не хочу, — писал Флоренский, — власти от суверена народа... Я не хочу ни президента, ни конституционного монарха, кто бы он ни был, раз он от меня же получил власть... И мне душно в теории суверенитета, лишаящей меня прямого взаимодействия с онтологической властью. «Священнокнут» дарует мне свободу духа, провозглашение же «прав человека и гражданина» ее отнимает» (запись 15 августа 1917 г. // Переписка Флоренского с Булгаковым, 2001. С. 132). Такая позиция Флоренского, высказанная по вопросу о государственной власти, была для него тем более принципиальной в отношении к вопросу о власти в Церкви, о едином и нераздельном трансцендентном источнике властных полномочий церковной иерархии.

<sup>775</sup> Ср.: Откр. 17:1.

Вот почему я говорю (отчасти потому, а отчасти и по более серьезным мотивам), что Ваши мысли я принимаю ценными, как практическое решение — решение наилучшего устройства общины и общины общин, но не безусловного исключения понятия капитала, а умственного рынка христианства. А последнее должно если не быть (думаю, что не будет до конца); то делаться, бывать; тут думается, что, Вы, со своей упрощенной постановкой, запутаетесь.

Напишите о газетах (обеих). Мне необходимо распределять свои занятия, и я, не зная о газетах и о работе для них, не могу действовать зряче. Между прочим: у меня намечен ряд статей (предварительная работа для «Софии»<sup>776</sup>) и «об Ангелах», «о свете от святых», «об изменении имен», «о возрастании типов», «София в иконографии» и т. д.<sup>777</sup>, думаю, ин-

---

<sup>776</sup> Согласно записи Флоренского от 29 апреля 1905 г., первоначально свое кандидатское сочинение в МДА он хотел озаглавить «София Премудрость Божия» (см.: *Иванова*, 2004. С. 337). на практике работа «София» первоначально появилась как машинописное приложение к кандидатской диссертации «О религиозной истине» (1908) — «Письмо десятое: София». В одном из писем А. Белому в 1905 г. Флоренский также сообщал, что собирает материалы по Софии (См.: *Андроник (Трубачев), игумен*. Из истории книги «Столп и утверждение истины» // *Флоренский П. А. Сочинения* в 2 т. Т. 1 (2). М., 1990. С. 830–831). Впервые опубликовал эту работу Флоренский в 1911 г. (См.: *Флоренский П., свящ.* София (Из писем к Другу) // *Богословский вестник*. 1911. № 5, 7/8), а в 1914 г. она появилась в составе вышедшей в издательстве «Путь» книги «Столп и утверждение Истины».

<sup>777</sup> Работы «Об Ангелах» и «О свете от святых» Флоренским завершены не были. Замысел статьи «Об изменении имен» реализовался в курсовых сочинениях Флоренского в 1906–1907 гг. Флоренский планировал опубликовать эти материалы в 1907 г. под заголовком «Священное переименование», о чем свидетельствует одно из примечаний к «Столпу» (См.: *Флоренский П. А. Сочинения* в 2 т. Т. 1 (2). С. 617). Публикация не состоялась, и материалы пролежали в архиве до начала 2000-х гг. (См.: *Флоренский П., свящ.* Священное переименование). Работа «О возрастании типов» была задумана как продолжение уже написанной в июле 1905 г. статьи «О типах возрастания» (См.: *Флоренский П. А. О типах возрастания* // *Богословский вестник*. 1906. Т. 2.

тересных по общему замыслу; но не знаю, подойдут ли они к газете. Форма их будет изящная (т. е. сравнительно, для меня): учености мало — вернее, она останется в моих тетрадах. Но все-таки вопросы, может быть, кажутся слишком специальными, хотя они мне необходимо нужны. Кроме того, имеются проповеди, и будет их много еще<sup>778</sup>.

Я так до сих пор не знаю в точности, на какого читателя рассчитывает газета. Главное же — меня интересует газета народная. Как она? **Быть может**, для Соловьевского общества я предложу одну из трех статей: «София в иконографии», «О вере через насилие» и «Первое начало философии о. Серапиона»<sup>779</sup>. Вторая из них будет без всяких источников и содержит в себе изложение новой фазы моего религиозного развития, но, конечно, обработанное теоретически. И тут снят пункт, из-за которого я поссорился с Соловьевым: он только в последний, кажется, год понял этот вопрос, а до тех пор, по-видимому, даже не замечал его.

---

№ 7), но также не была закончена. Материалы, собранные для статьи «София в иконографии», были помещены в главу («письмо») «София» книги «Столп и утверждение Истины» (1914).

<sup>778</sup> К сентябрю 1905 г. у Флоренского уже были записи проповедей: «Психологическое изъяснение 125-го псалма» (февраль 1905), «Начальник жизни» (апрель 1905), «Земной путь Богоматери» (август 1905). В конце августа — начале сентября 1905 г., работая с архивом Машкина в Оптиной пустыни, Флоренский, в числе прочего, готовил запись проповеди «Слово на освящение храма». Некоторые из последующих проповедей Флоренского публиковались в 1906–1908 гг. Собрание проповедей Флоренского (всего 11 проповедей, в том числе публикуемых впервые) см.: Гомилетическое наследие священника Павла Флоренского // Ныне и присно. 2006. № 3–4. С. 154–184.

<sup>779</sup> Под такими названиями статьи не публиковались. Ср. записи Флоренского от апреля 1905 г.: «Христос не делал насилия ни над кем, даже благодеяния оказывал... спрашивая на то позволения... Это — полное уважение к личности... Он всегда как бы говорил: “Ты — вполне свободен. Ты можешь остаться на своем, и Я вовсе не перестану любить тебя. Только помни: если ты почувствуешь острый приступ неудовлетворенности, то... попробуй придти ко Мне; помни, что у тебя всегда есть плечо, на которое ты сможешь опереться”» (Иванова, 2004. С. 356).

У меня хранится для Вас и для Саши оттиск кантовской «монадологии»<sup>780</sup>... Если кто-нибудь приедет из вас сюда, то, пожалуйста, привезите мне книжку (брошюра небольшого формата) «Les anges et les démons selon Thome d'Aquiens»<sup>781</sup> (в серой обложке) из книг Свенцицкого. А если не слишком затруднит, то и сундук: положительно некуда деваться от собственных Opera edita atque inedita<sup>782</sup>. Приходится перекладывать с места на место. Знаете ли, какую прыть обнаружил «Лева»?<sup>783</sup> Он (еще Новгородцев<sup>784</sup>, Иннокентий Китайский<sup>785</sup>) прислал преосвященному Евдокиму привет и сочувствие по поводу его книги «На заре церковной жизни», это не будучи знакомым. Во так Лева!

Целую Вас. П. Флоренский.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной**<sup>786</sup>

[2.10.1905. СПб.]

Воскресение

Я сегодня тоже болен — инфлуэнца. Если пройдет, то вторник приду, а если нет, то назначим другой день. Мне очень хочется Вас видеть. Когда Вы больны, я чувствую к Вам тихую нежность. Я мог бы сидеть около Вас и ухаживать, как за ма-

<sup>780</sup> Флоренский перевел «Физическую монадологию» И. Канта и издал перевод в 1904 г. со своим предисловием «От переводчика» (см.: Флоренский П., свящ. Сочинения в 4 т. Т. 1. С. 682–686).

<sup>781</sup> «Ангелы и демоны согласно Фоме Аквинскому» (*фр.*).

<sup>782</sup> Труды изданные, а также неизданные (*лат.*).

<sup>783</sup> Предположительно речь идет о Льве Михайловиче Лопатине.

<sup>784</sup> Павел Николаевич Новгородцев (1866–1924) — философ, историк права, профессор Московского университета. Депутат 1-й Государственной думы (от партии кадетов). — В. К.

<sup>785</sup> Иннокентий (Фигуровский, 1863–1931) — митрополит Пекинский и Китайский.

<sup>786</sup> Печатается с комментариями по: Быстров, 1994. С. 229. Датируется по почтовому штемпелю.

ленькою девочкою. Мне кажется, в Вас больную я мог бы влюбиться скорее, чем в здоровую. Впрочем, знаю; это Вам, больной, так же ни к чему не нужно, как здоровой...<sup>787</sup> Если во вторник не приду, то извещу заранее<sup>788</sup>. Во всяком случае, до скорого свидания. За границу еду в конце октября<sup>789</sup>.

Д. Мережковский

### А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>790</sup>

[3.10.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Прости, что не еду до сих пор — ты знаешь, как трудно прерывать занятия (а в Питер, небось, уехал, каналья, думаешь ты). Все же надеюсь быть у тебя дней через 5–7, так как хочется. Помнишь, ты предлагал мне поместить куда-то моего Сперанского? Обстоятельства мои, и главным образом семейные, таковы, что за гонорарий (какой угодно) я готов отдать мою работу опять-таки куда угодно, тем более что ты почти убедил меня в прошлый раз, что вреда от помещения этой работы в духовном журнале не будет<sup>791</sup>.

Ну, прощай, надеюсь скоро увидеть. Твой С.

<sup>787</sup> В недатированной записке, относящейся, по всей видимости, к тому же времени, Мережковский писал: «Бэла бедненькая! Что такое с Вами? Очень беспокоюсь о Вас. Если бы можно было, я бы пришел к Вам, больной, и исцелил бы Вас моею тихою нежностью» (РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. Ед. хр. 882. Л. 147).

<sup>788</sup> Во вторник (4 октября) Мережковский извещал Вилькину: «Я еще не совсем здоров. Если позволите, приду в четверг или пятницу в 10 часов вечера» (Там же. Л. 132). Еще через день или два (6 либо 7 октября) он сообщал: «Инфлуэнца почти прошла. Приду в субботу в 10 часов вечера» (Там же. Л. 139).

<sup>789</sup> Это намерение Мережковского не было осуществлено; сроки отъезда за границу переносились, по разным причинам, до конца февраля 1906 г.

<sup>790</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 189.

<sup>791</sup> См.: *Ельчанинов А.* Мистицизм М. М. Сперанского (Предисл. П. Флоренского) // Богословский вестник. 1906. № 1. С. 90–123.

**В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>792</sup>**

[3.10.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Петербургские<sup>793</sup> просили меня осведомиться у вас (я забыл вам сказать об этом), не можете ли вы отдать им для напечатания в ихней ежедневной газете<sup>794</sup> письмо отца Серапиона<sup>795</sup>. Им это весьма было бы желательно. Помните, что у них и тени нет каких-нибудь задних соображений. И для издания сочинений отца Серапиона это было бы хорошо. Все же его фигура стала бы интересной для многих, привлекла бы к себе внимание. Если можете, сообщите. Я пришлю вам ихний адрес. Или же перешлите заказным мне. Всего вам доброго от души.

Ваш Володя.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>796</sup>**

[3.10.1905. СПб.]

1905.Х.3

Когда ты получишь это письмо, из газет будешь уже осведомлен о событиях последних дней. Во избежание возможных инотолкований сообщаю тебе все происшедшее с полной достоверностью.

Смерть князя Трубецкого меня поразила страшно<sup>797</sup>. Не так давно я слышал от Павла Васильевича Тихомирова, — насколько религиозен был почивший: ведь это был

<sup>792</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 189.

<sup>793</sup> О. Г. Петров. — *В. К.*

<sup>794</sup> Правда Божия: Народная политическая, общественная, экономическая и литературная газета. Выходила ежедневно в Москве с 1.01.1906 по 6.06.1906 (№ 1–132). Ред. свящ. Г. С. Петров. Приостановлена московским градоначальником за «вредное направление» — *В. К.*

<sup>795</sup> Неясно о каком именно письме здесь идет речь. — *В. К.*

<sup>796</sup> Печатается с комментариями по: *Балакшина*, 2014. С. 336–341.

<sup>797</sup> Сергей Николаевич Трубецкой умер 29 сентября 1905 г.



минус в его личности в глазах многих, и он никогда не прятался с ним от русского прогрессивного общества. В последнее время Трубецкой — символ разумно-освободительного движения в нашем обществе. И такое или иное отношение к нему со стороны духовенства имеет важное общественное значение.

Вот главные мотивы — помимо непосредственного порыва сердца, — почему я взял на себя руководящую роль по чествованию князя со стороны нашего кружка. После первой же панихиды я полетел к Петрову и Колачеву. Решили поднести венок с надписью «от группы Петербургских священников», намереваясь в случае обвинения нас в своеволии опубликовать фамилии участников и тем самым отделить себя от кружка. На вторую панихиду, которая была в 10 часов вечера, явился уже около шести человек членов нашего союза, и ото всех я услышал лишь благодарность за свою инициативу. На другой день состоялась панихида от нашего кружка, перед которой я сказал свою речь, предварительно одобренную женой, Чельцовым, Колачевым и Егоровым. После произнесения получил одобрение и некоторых других собратьев. Между прочим с полным сочувствием отнесся к нашему участию во всенародном чествовании Трубецкого и теперешний член нашего Союза протоиерей Горчаков<sup>798</sup>.

К слову сказать, на панихиде от пастырей предводительствовал я, по желанию всех участников, да — представь! Я был и старший. К концу панихиды вышел на середину и Горчаков. Перехода, конечно, не произошло.

Теперь уже известный тебе инцидент в здешней академии произошел 30 сентября, сделался известным нам лишь утром 10 октября. Значит, совершенно не правы те, которые хотят нас считать демонстрантами против епископа Сергия.

---

<sup>798</sup> Михаил Иванович Горчаков (1838—1910) — протоиерей, профессор церковного права в Петербургском университете. Член-корреспондент Петербургской академии наук. — В. К.

С речью я выступал сознательно, т. е. предвидя возможные последствия ее. И последствия не замедлили обнаружиться. Вчера имел очень неприятную и обоюдно тяжелую беседу с графиней. Ожидаю много дальнейшего.

Какая-то глухая тоска пала на сердце! Чем я изменил своему пастырскому долгу? Ко всякому общественному делу примешиваются в душе пакостные мотивы. Были они и у меня, но не ими определяется мой поступок.

Содержание речи? Но в ней мысли, которые я исповедую повсюду. Умолчать в такой подлинно исторический момент при всей миниатюрности факта — мне казалось и кажется по днесь делом постыдным. Я и теперь говорю: будь, что будет...

Тебе известно то, на какой плодотворный путь в организационном отношении стал наш кружок. Выбрали подготовительный Комитет, который на своих плечах несет всю работу. В предварительных заседаниях мы выработали Устав «Союза церковного обновления», проштудировали доклад священника Егорова «Государственная Дума и пастырь церкви», доклад Николая Петровича Аксакова «По поводу предложений Обер-Синоду о предстоящем церковном соборе». И все это огромное дело представили на заседание Союза.

29 сентября собрались члены Союза. Пришли, между прочим, Стахович Александр Александрович<sup>799</sup> и еще другой земец. Председателем был избран твой покорный слуга. И посмотрел бы ты, как удивительно прошло собрание.

1) Чтение Устава. Вопрос, голосование и снятие с очереди.  
2) Доклад Егорова. Мое резюме. Просьба остановиться на существенном, предоставив редактирование будущему заседанию бюро. Прения — неизбежный из «левой» Колачев; правые — Лахостский, Слободской. Умеренные — Петров,

---

<sup>799</sup> Александр Александрович Стахович (1857–1915) — дворянин, житель города Ельца, брат видного земского деятеля Михаила Александровича Стаховича. См. также примеч. к письму П. Н. Милюкова М. К. Морозовой, октябрь 1905 г.

Аггеев. Выделение председателем достигнутых соглашений. Выступление в прениях Стаховича. Резюме всех желательных изменений в докладах. Обзорение. И вдруг — старая песня: поднимаются ораторы: «Позвольте поставить вопрос на голосование...» Председатель: «Прошу не брать моих полномочий». Вторично говорю свое резюме, — вторичное одобрение.

Объявляю перерыв.

Какое великое дело организация!

После перерыва — доклад Аксакова, прекрасный доклад, в пух и прах разбивающий все предложения Обер-прокурора, вскрывающий его ужасную неканоничность и противоречия. Доклад прерывался не раз аплодисментами.

Ставится вопрос о способе осуществления нашего протеста. 1. Исполнить пастырский долг — идти к митрополиту, не связывая с этим печатание, каковое должно быть безусловно (Петров). 2. «Не мечите бисера...»: можно повредить факту существования кружка. Вопрос оставлен до будущего собрания.

Сегодня заседание у меня Комитета. Окончательно редактируем доклад Егорова и печатаем. Дальнейшая задача бюро — окончательная редакция доклада Аксакова и новые доклады об отношении церкви к государству и социальным задачам времени, составление программы кружка — программа Собора.

На что без организации требуются месяцы, то проходит в несколько дней.

Наш Союз вещает мне новые тучи.

Существование его противозаконно... И все же мы будем собираться. Мы, члены Комитета (Чельцов, Колачев, Егоров, отец Михаил, Медведев<sup>800</sup>, Аксаков), подвергаемся ка-

---

<sup>800</sup> Вероятно, Ярослав (Роман) Медведь (1874–1937) — один из участников группы «32-х», священноисповедник. 3 марта 1901 г. был рукоположен епископом Черниговским и Нежинским Антонием (Соколовым) в сан священника ко храму Воздвижения Креста Господня, находившемуся

ре в первую голову. И согласишься — повернуть немислимо... Каков будет исход — одному Богу известно.

Чего можно ожидать от Митрополита? Реши сам. Вот тебе данные. 1. Митрополит отказался подписать Синодальное предложение по поводу Обер-Прокурорского предложения, и последнее состоялось в его отсутствие. по сему поводу между ним и Обер-прокурором произошли крупные недоразумения. 2. на днях Митрополит совершенно разошелся с Обер-Прокурором из-за заместителя Климента Винницкого<sup>801</sup>. Митрополит настаивает на протоиереевдовце без монашеского пострижения... Последний факт при всей видимой его невероятности, по-видимому, достоверен. 3. В то же время идут слухи о болезни Митрополита. Говорят о прогрессивном параличе мозга. Мы подозреваем подвох.

Ужасную ношу возложила на наши плечи история. Я порой физически чувствую что-то давящее.

Журнал — новое дело, чреватое всевозможными последствиями. Программа наша как-то сама собой намечается — радикальная. После первых же моих статей все корабли будут отрезаны.

Со дня на день ожидаем разрешение нашего «Вестника жизни». Вчера просил м. Екатерину съездить в Министерство внутренних дел.

Карташев очень рад твоим темам.

Вчера виделся с одним студентом академии, участвующим в сходках. Он сообщал о получении от Вашей или

---

в имении помещика Неплюева, возглавлявшего в то время Крестовоздвиженское братство. В 1902 г. был переведен в С.-Петербург, где получил назначение в храм Святой равноапостольной Марии Магдалины при Училище лекарских помощниц и фельдшерниц и где во время его служения образовалась многочисленная духовная община.

<sup>801</sup> 27 августа 1905 г. еп. Климент (Верниковский) был освобожден от присутствия в Св. Синоде с увольнением на покой и отменой наименования его епископом Винницким.

Московской Академии резолюции — не приступать к занятиям, пока не будет дана автономия. Петербургская академия, действительно, постановила войти в сношение с нами. Я вчера говорил студенту: «Судя по первому впечатлению, нам не стоит вмешиваться в вопрос об автономии академической науки: наше уважение к последней как будто не позволяет нам лезть в Ваше дело».

— Но нам нужна Ваша поддержка.

— Решительно пока не могу придумать, в какой бы форме могла состояться наша совместная деятельность.

**С. Л. Франк — П. Б. и Н. А. Струве<sup>802</sup>**

[4.10.1905. Москва]

Москва. 4/17 Октября 05.

Дорогие друзья, пишу несколько строк всего, только вчера приехал и очень занят. Здесь оказалось лучше, чем я ожидал. Болезнь моего отчима<sup>803</sup> — грудная жаба — очень опасна, но положение его пока не безнадежное. Однако, каков бы ни был исход, я остаюсь прикованным к Москве, так как в случае выздоровления его увезут отдыхать, и я должен остаться в положении заведующего коммерческим делом (!!!!)<sup>804</sup>. Пожалейте меня!

Здесь я еще никого не видал, но, благодаря присутствию брата, который в Питере много видел и слышал, знаю, что делает и думает публика. По-видимому, все объаты еди-

---

<sup>802</sup> Печатается с комментариями по: Письма С. Л. Франка к Н. А. и П. Б. Струве (1901—1905) / Коммент. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова // Путь: Международный философский журнал. 1992. № 1 (2). (Далее: *Колеров, Плотников*, 1992). С. 296—297.

Нина Александровна Струве (урожд. Герд, 1867—1943) — жена П. Б. Струве. — *В. К.*

<sup>803</sup> Василий Иванович Зак (1854—?) — отчим С. Франка. С 1892 по 1894 гг. и в 1899 г. Франк жил у него в пригороде Нижнего Новгорода Канавино.

<sup>804</sup> Аптека отчима.

ным чувством — паническим ужасом перед «партиями двух букв»<sup>805</sup> и желанием не ударить перед ними в грязь лицом. Идею бойкота<sup>806</sup> разделяют кое-кто из приличной публики, например Анненский<sup>807</sup>. Но главное — бойкот отвергается не принципиально, а потому, что ему предпочитают отречение от думы в самой думе. Все питерские коллеги категорически отмежевываются (под предводительством генеральской четы Про<sup>808</sup>) от сторонников «органической» работы в думе и видят единственную обязанность депутатов в заявлении, что они не признают думы и требуют четыреххвостия<sup>809</sup> и пр.; после такого заявления они должны немедленно удалиться. Спрашивается, зачем же тогда идти в думу? И раз законность думы отрицается, то какой вес имеет заявление людей, которые сами не признают в себе народных представителей? — Вы видите, питерцы спятили с ума. — Между прочим они говорят, что деление на бойкотистов и небойкотистов есть результат чисто словесного недоразумения; основное деление — на обструкционеров думы и сторонников ее, и они себя решительно причисляют к первым (совместно с бойкотистами). Я думаю, дело близко к полному разрыву между левыми и правыми, и надо признать, что левые веду себя идиотски. Печально!

Крепко жму ваши руки. Не забывают меня.

Ваш Нюнич.

---

<sup>805</sup> Социалисты-революционеры и социал-демократы.

<sup>806</sup> Речь идет об идее бойкота выборов в Думу как «неполноценного» представительного органа по сравнению с Учредительным собранием.

<sup>807</sup> Николай Федорович Анненский (1843–1912) — статистик, общественный деятель народнической ориентации, товарищ председателя Совета «Союза Освобождения», нижегородский знакомый Франка.

<sup>808</sup> Сергей Николаевич Прокопович (1871–1912) — экономист, член Совета «Союза Освобождения», его жена Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) — знакомые Струве с их марксистских лет и в эмиграции 1930-х гг.

<sup>809</sup> «Четыреххвостие» — всеобщие, прямые, равные и тайные выборы.

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>810</sup>

[5.10.1905. СПб.]

Тут же подошла Настя и Александра Николаевна Чеботаревские и попросили позволения кружку «Реалистов» (Юшкевич<sup>811</sup>, Арцыбашев<sup>812</sup>, Скиталец<sup>813</sup>, Башкин<sup>814</sup> и пр. и пр.) собраться в Среду у нас!! для прочтения Арцыбашевым своей новой повести. Вот чудеса-то! Наши враги и ругатели протягивают руку! Мы рады, потому что душно, душно, душно в кружке. И вот Среда — монстр! Анютина сестра вздумала рожать, и я одна! Да еще весь день гости: Жуковский наш милый только что вернулся с юга, и Генриетта Егоровна Пабст<sup>815</sup> откуда-то трогательно свалилась между двумя далекими поездками. Ну, что делать! Вячеслав «декоратором» устраивал комнаты, 1-ую и 2-ую. Я бегала покупать ситники и колбасы. Затопила плиту, поставила куб и намазала 80 бутербродов <Sic!>. Затем начали приходить. Была и Оленька Беляевская<sup>816</sup>. (А Юльки<sup>817</sup> нет. Она переехала на Пески с мужем, но не является. Верю, им обоим стыдно. Оба они бездельники и развратники в конце концов прежде, нежели люди.) Оленька хотя и вела себя богоделкой <Sic!> и на всех фыркала, но помогла мне

<sup>810</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 133–134.

<sup>811</sup> Сергей Соломонович Юшкевич (1868–1927) — русский писатель, драматург, представитель т. н. русско-еврейской литературы.

<sup>812</sup> Михаил Петрович Арцыбашев (1878–1927) — русский писатель, драматург, публицист.

<sup>813</sup> Скиталец (Степан Гаврилович Петров, 1869–1941) — русский писатель, поэт и прозаик.

<sup>814</sup> Василий Васильевич Башкин (1880–1909) — русский писатель, поэт.

<sup>815</sup> Генриетта Егоровна Пабст, «старушка», как ее обычно называет Зиновьева-Аннибал, была ее давней знакомой, однако собрать о ней сколько-нибудь значимых сведений нам не удалось.

<sup>816</sup> Ольга Александровна Беляевская — детская поэтесса, близкая знакомая Ивановых и Замятниной.

<sup>817</sup> Юлия Михайловна Корф, сестра Замятниной. Ср. также: *Ремизов А.* Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. М., 2002. С. 49.

разлить первый залп чаю. Потом пошло с помощью Шуры, брата Анюты, героя дня, бастовавшего «политически» наборщика. Первыми пришли Скиталец и Юшкевич. Тотчас завязали разговор о взаимном недоверии и нужде примириться. Юшкевич, кажется, неглуп и речист задорно и бестолково. Скиталец верзила, ломающий руки, славный [нрзб], крестьянином молчалив. Потом привалило еще всяких в блузах, в армяках, в сапожищах. Пришли и наши: Чулков, Ремизов, Жуковский, Сологуб. Были Скирмунт<sup>818</sup> (милейший), Овсяннико-Куликовский<sup>819</sup>. Арцыбашев глух и безголосен. За него читал бас — Жилкин. 30 человек всего. Уместились незаметно, так что комната была еще пустая посреди. Чтение длилось долго. После чтения Вячеслав настоял на организованных прениях (впервые в их кружке, где, по признанию Чеботаревских, было всегда грубо и скучно). Юшкевич председательствовал шумно и эгоистически, но все же многим удалось высказаться. Были с их стороны резкие нападения на рассказ: история падения (с откровенной порнографией), самоубийство и неудачное террористическое покушение — каких-то бес- сильных к вере и к действию, но вождедеющих к лучшему личностей. Овсяннико-Куликовский нашел автора пессимистом и сказал, что он сам, хотя и не пессемист <Sic!>, но любит, когда художество рисует жизнь с пессемистических высот. Вячеслав поразительно хорошо говорил. Он сказал, что, не вдаваясь в то, верно ли автор изобразил молодежь и современное движение объективно, — субъективно автор их изобразил гамлетами, долженствующими свершить подвиги Дон Кихотов, но не могущих и гибнущих за недостатком веры, и что они подходят близко к богоисканию... здесь Вячеслав стал говорить о богоискании,

<sup>818</sup> Роман Александрович Скирмунт (1868–1939) — белорусский и польский государственный и политический деятель.

<sup>819</sup> Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (1853–1920) — русский литературовед, лингвист.



боготворчестве, и вне всяких форм даже, присущей <Sic!> духу человека, и умно выставил программу внутреннюю [нрзб] «Вопросов Жизни». До этого «божественного» момента всё слушало, открывши рты. Но здесь вдруг, как при речи апостола Павла Эллинам, в момент провозглашения о Воскресении Христа, все перестали слушать, и поднялся спор. Юшкевич глупо подтасовал слова Вячеслава и стал вдруг на защиту движений современных. Многие стали защищать Вячеслава, и появились умные люди. Стало очень интересно. Вячеслав приставал ко мне, чтобы я говорила. Я еще ждала. Кто защищал молодежь, кто говорил, что герои страдают оттого, что ушли с лона природы, кто обвинял автора за приставленность «бомб», не вытекающих органически из повести. «Отчего бомбы, отчего не дыни?». Наконец я спросила, можно ли мне говорить. И, получив разрешение, при гробовом молчании сказала медленно и очень отчетливо: «Я хотела возразить против мнения Дмитрия Николаевича (Овсяннико-Куликовский, очень меня не любящий за Дарью Михайловну<sup>820</sup> и очень глупый, позитивист à outrance<sup>821</sup>). Он сказал, что автор трактует мир с высот пессемизма. Я же думаю, что пессемизм действительно находится на высоте и с высоты мерит жизнь, осуждает жизнь и отвергает ее как власть имеющий, но автор “Теней Утра” ни на какие высоты не взбирался. Он просто с большим терпением и очень длинно рассказал нам несколько эпизодических приключений из жизни нескольких бессильных душ!» Вот и все. И длилось гробовое молчание. Потом все встали. Принялись за пиво и вино. А потом мне сказала Анастасия Николаевна, что поэт Башкин (задорно обругавший «Северные Цветы» и «Тантала» неприлично, но приславший Вячеславу свой сборничек для

<sup>820</sup> Дарья Михайловна Дмитриевская (1864–1933) — первая жена Иванова, жившая в Харькове (видимо, оттуда ее и знал Д. Н. Овсяннико-Куликовский).

<sup>821</sup> До крайности (*фр.*).

отзыва!) сказал: «Самое значительное, что было сказано, сказала г-жа Иванова». Не то чтобы значительно, но, как говорит Вячеслав, «вершительно», как крышкою захлопнуло повесть и все дальнейшие толкования ее.

Поднялись беседы жаркие и веселые, все расхрабрились. Чай приносился подносами из кухни мною и Шуркой. Выпили 5 бутылок вина и 3 пива, съели 70 тартинок! И уходя в 2 часа, были довольны, и Скиталец, ломая руку мою, спросил: «Всегда у вас так весело?», а я: «Это вы все принесли такое оживление». Все собирались еще заходить по Средам. Скиталец принесет стихов. Не сам ли Максим придет? Чеботаревские, Ремизов (все-таки совсем свой брат), Скирмунт и Шура остались до 3-х. Утром было дружно...

### П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну<sup>822</sup>

[6.10.1905. *Сергиевский Посад — Москва*]

Сергиев Посад, 6 октября 1905 г.

Дорогой Володя!

1) Письма отца Серапиона вышлю Аггееву, когда получу его адрес. Письма эти только надо будет проредактировать и переписать.

2) Саше передайте, что «Сперанского» я отдал в редакцию для просмотра. Только не знаю, как быть, — я куда-то запрятал его «материалы» и копию с них и не могу отыскать. Впрочем, покуда это и неважно.

3) Пришлите адрес Аггеева.

4) У нас беспорядки, занятия прекращены и т. д. Быть может, придется уехать отсюда.

5) Хочет ли Саша, чтобы я приделал к «Сперанскому» несколько примечаний и вступление?

6) Плата в «Богословском вестнике» 20 руб. с листа, но лист разгонистый.

<sup>822</sup> Печатается по: Павлюченков, 2014. С. 221–222.

7) Если будет «Сперанский» печататься, то сколько заказать оттисков? Может быть, для отдельной продажи? и сброшюровать как следует? — Это стоит недорого и будет вычтено из гонорара...

П. Ф.

1905 X 6 Сергиев Посад

### П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну<sup>823</sup>

[Октябрь 1905 г. Топтыгино Костромской губ.]

Дорогой Володя. Перед отъездом я 2–3 раза заходил к Вам, но не застал, так как Вы уехали. Сейчас я в деревне. Думаю подготовиться (это между прочим) к газете, о которой мы говорили с Вами летом. Поговорю с крестьянами [нрзб]. Между прочим мне надо поснимать фотографии с интересных типов, раскольников [нрзб]. Быть может, часть моего материала (равно как и часть кавказских снимков) можно будет использовать для газеты. А у меня есть очень интересный снимок для [нрзб] посмотрим. Дайте непременно знать о себе, когда Вы поедете в Москву и т. п., главное же, адрес московский. Числа до 20 я наверно буду тут, а после уезжаю в Оптину пустынь редактировать [нрзб] отца Серапиона<sup>824</sup>. Вообразите: кроме большого (или даже во множественном числе) [нрзб] по философии сохранился дневник за много лет, писанный не то в экстазе, не то в [нрзб] изображая переход от веры к неверию, до [нрзб] (когда отец Серапион был уже

<sup>823</sup> Печатается с комментариями по: Павлюченков, 2014. С. 222.

<sup>824</sup> Флоренский ездил в Оптину пустынь в конце августа 1905 г. и тогда впервые ознакомился с архивом о. Серапиона (Машкина). Из следующего текста данного письма видно, что Флоренский уже знаком с содержанием бумаг Машкина, а само письмо написано в Костромской губернии, куда Флоренский ездил обычно на зимних каникулах. Поэтому можно предположить, что письмо написано в декабре 1905 г. и после 20 декабря Флоренский планировал повторно посетить Оптину пустынь. Состоялась ли эта поездка, неизвестно.

иеромонахом), и затем возвращение полной, убежденной веры. Описание включает множество разговоров с Христом [нрзб], светами<sup>825</sup>. Пусть Саша напишет хоть ½ слова о себе и адрес. Ведь это безобразие уже, как он манкирует своими обязанностями.

Ваш П.

Поклон Вашим.

Адрес: ст. Яковлевское, Костромской губ., Нерехтского у. 1. священнику села Толпыгина, о. Симеону Троицкому<sup>826</sup>, для передачи мне.

**П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну**<sup>827</sup>

[7.10.1905]

Владимир Францевич! Сегодня я переезжаю. Мой адрес: Остоженка, дом Варваринского Акционерного Общества, кв. № 92.

Завтра я именинница, и если бы Вы хотя вот совсем ненадолго зашли ко мне, Вы бы сделали мне такое огромное удовольствие. У меня не будет никаких гостей, да вообще никого не будет. Но, во всяком случае, как хотите

Ваша П. Ивашева.

Милый Владимир Францевич, Сережа тебе кланяется. Как давно я тебя не видел!

Сережа.

7 октября 1905 года<sup>828</sup>.

<sup>825</sup> Записи о. Серапиона, о которых идет речь, были опубликованы Флоренским в 1917 г. (см.: Данные к жизнеописанию архимандрита Серапиона (Машкина). Моя автобиография // Богословский вестник. 1917. Февраль — март, а также: *Флоренский П., свящ.* Архимандрит Серапион Машкин (жизнь мыслителя). Кострома, 2012. С. 183–196.

<sup>826</sup> Симеон Троицкий, священник Воскресенского храма с. Толпыгино, отец Сергея Семеновича Троицкого.

<sup>827</sup> НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 47. Л. 16.

<sup>828</sup> На полях простым карандашом: Ивашева П. Синим карандашом: 19 7/х 05 г.

С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>829</sup>

[7.10.1905. Киев — Симбирск]

7.10.1905. Киев, Б. Житомирская, 26

Милый Александр Сергеевич!

Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний<sup>830</sup>! Я так виноват пред Вами своим молчанием. Вы простите меня, если узнаете, что у меня была больна в Крыму scarлатиной дочь и я ездил туда и потерял две недели (она, слава Богу, поправляется). А в настоящее время я так занят всевозможными мелочами (выборами, митингами, лекциями, политикой), как никогда еще не был. Неотвеченные письма лежат ворохами и Ваша рукопись<sup>831</sup>, которая сначала ожидала моего приезда, потом ждала своей очереди. Теперь, едва успев пробежать ее бегло, посылаю Вам, боясь и без того, что задержал. По-моему — интересная и полезная статья. Она и по внешности лучше Ваших последних статей (проще, хотя все-таки, по моему вкусу, недостаточно проста) и, главное, местами дает религиозные апокалиптические настроения, так что я ее приветствую и ничто же вопреки глаголю. Но помимо ее, так сказать, художественной стороны, со стороны отвлеченно рационалистической, я, как и раньше не был убежден или даже, точнее, не понимал Ваших возражений против Соловьевских (и моих) рассуждений о зле, так и теперь вижу здесь какое-то недоразумение. Главное, Вы думаете, что своими указаниями на переживаемое зло и мистически-молитвенное его преодоление, ссылками на Достоевского возражаете Соловьеву (и мне), между тем как я вполне с Вами здесь соглашаюсь (и Соловьев согласился бы), и никакой противополо-

<sup>829</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан, 1997*. С. 79–82. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 10–13 об. на бланке журнала «Вопросы жизни».

<sup>830</sup> Цитата из Покаянного канона свт. Андрея Критского.

<sup>831</sup> См.: *Волжский*. Ст. Пшибышевский и Вл. Соловьев о смысле любви // Вопросы жизни. 1905. № 10/11. С. 51–70. — *Прим. С. Черткова*.

ложности, даже разницы между Соловьевым и Достоевским тут нет, просто они в разных плоскостях, говорят на разных языках, но не противоречат. В интересах исторической полноты обращаю Ваше внимание на то, что у Вас отсутствует ссылка на французскую книгу Соловьева<sup>832</sup>, а между тем там изложение космогонии, падения злых духов, грехопадение и подобное изложены полнее и даже несколько иначе, чем в «Чтениях о Богочеловечестве», так что это может быть отчасти звеном между «Чтениями» и «Тремя разговорами», хотя ближе к «Чтениям». Не горела ли у Вас рука, когда Вы коснулись вопроса о вечных муках? Не рано ли об этом писать? Мне еще страшно. Я об этом постоянно и пристально думаю много лет, но жду озарений. То, что Вы написали, меня не шокирует нисколько, так что вопрос мой не надо понимать в отношении литературном.

В вопросе о либерализме и Соловьеве Вы переборщили и, мне кажется, не соблюли перспективы. Я думаю, что отношения Соловьева к «Вестнику Европы»<sup>833</sup> объясняются так же, как мои к «Освобождению»<sup>834</sup>: то и другое религиозно нейтрально и терпимо. Это не есть, конечно, достоинство с религиозной точки зрения, но здесь нет и ненависти к религии, которая всегда была и есть в партиях революционных (хотя она там и соединяется со своеобразной религиозностью).

Для Соловьева «Вестник Европы», как и для меня «Союз Освобождения»<sup>835</sup>, есть только временная политиче-

<sup>832</sup> La Russie et l'Église Universelle. Paris, 1889.

<sup>833</sup> «Вестник Европы» — русский ежемесячный журнал либерального направления. Издавался в Петербурге в 1866–1918 гг. М. М. Стасюлевицем (по 1908 г.), в 1913–1918 гг. выходил под редакцией Д. И. Овсяннико-Куликовского. Наряду с В. Соловьевым здесь печатались Н. Минский, Д. Мережковский.

<sup>834</sup> «Освобождение» — нелегальный журнал «Союза освобождения», издававшийся с июля 1902 г. по октябрь 1905 г. в Штутгарте под редакцией П. Б. Струве.

<sup>835</sup> «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов» — две организации либерального направления, оформившиеся летом — осе-

ская квартира, без которой, однако, нельзя обойтись пока. Ограничусь этим. Будем говорить лично. Писать не могу и некогда. С «Вопросами жизни» хорошего мало. Жуковский был в Киеве в ином, лучшем настроении, но оно может измениться<sup>836</sup>. Говорил, что условно обещал дать 10 тыс. Пирожков<sup>837</sup>, но с редакционными правами. Пирожкова я менее боюсь, потому что не знаю, но вот Туган<sup>838</sup> предлагает пай и себя в редакцию, правда на экономический отдел, но ведь как разграничить; что у нас будет за редакция!

Напишите свое мнение, я же боюсь, тем более что он переезжает в Петербург. Больше нет ничего. Я решил, если в половине октября поеду в Москву, поговорить прямо, по душам с Сытиным и думаю, что если «Вопросы жиз-

---

нью 1903 г., а в октябре 1905 г. ставшие основным ядром партии конституционных демократов (кадетов). В 1905–1907 гг. С. Н. Булгаков сотрудничал с «Союзом освобождения», формально не принадлежа к организации. После закрытия в Киеве издававшейся им совместно с В. В. Зеньковским и В. Лашнюковым газеты «Народ» и избрания депутатом Государственной Думы Булгаков переходит на христианско-социалистическую позицию примирения, призвав в своей думской речи 12 марта 1907 г. прекратить и революционный, и правительственный террор. Опыт «думского года», как и анализ революционных событий 1905–1907 гг. в целом, приводит С. Булгакова к отказу от политической деятельности и переключению в основном на религиозно-философскую и литературно-публицистическую работу.

<sup>836</sup> «Хозяин Дмитрий Евгеньевич Жуковский, издатель неподъемных кирпичей Куно Фишера, философ, сам не писал, а любил в философских разговорах вставить замечание о трансцендентном, по образованию зоолог» (*Ремизов А.* В розовом блеске. Лондон, 1969. С. 301).

<sup>837</sup> Михаил Васильевич Пирожков (1867–1927) — петербургский книготорговец, владелец (1902–1908) издательства книжного склада «Литературная книжная лавка». В конце 1908 г. коммерческий суд признал Пирожкова несостоятельным должником; тогда же был выявлен грубый обман издателем своих авторов. Пирожков печатал книги значительно большими тиражами, чем было предусмотрено договорами с авторами.

<sup>838</sup> Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919) — русский экономист, историк, представитель «легального марксизма».

ни» должны существовать, то будут деньги. Эрн уже подал прошение, Карташев тоже, так что эти дела налаживаются. В «Русское слово» я статейку послал, не знаю, цензурна ли, и не задержал бы Петров<sup>839</sup>.

Кстати: там появился Озеров и выступает на тему о религии и общественности в качестве религиозного человека. Это совершенно неожиданно. Статья была противная, хотя я не решаюсь не верить искренности. Во всяком случае, это осложнение. Pronunciamento<sup>840</sup> Карташева (которое еще ждет своей очереди на моем столе) мне мало нравится, длинно и неэнергично. Кроме того, излишне упоминание о конституционно-демократической партии, в этом, впрочем, я сам виноват.

Значит, Вы совсем в Симбирске? Как обстоит дело с Вашим поселением в Москве? Вы знаете, я решил в будущем году, если будет заработок у Сытина, переехать тоже в Москву. Больше не в силах выносить кафедры в политехникуме<sup>841</sup>. Но пока это еще мечта.

Как Ваше здоровье? Будете ли Вы приезжать на Север? Я еще не решил, когда поехать, но по-видимому, около 15 октября.

Как поразила всех смерть Сергея Николаевича Трубецкого! Я оплакиваю в нем философа-соловьевца. Придется

---

<sup>839</sup> Священник Григорий Петров, в свое время привлечший внимание придворных кругов своим талантом проповедника, пришел в «Русское слово» с планами создать массовую газету, воспитывающую читателя в христианском духе. Эти планы пришли в столкновение с редакторскими установками Власа Дорошевича. В редакции не было мира: Вас. И. Немирович-Данченко и Григорий Петров составили некую внутреннюю оппозицию Дорошевичу. Правда, победа осталась на стороне последнего. Григорий Петров был практически отстранен от газеты, Сытин платил ему деньги, но статьи, которые священник предлагал, не печатались. См.: *Махонина С. Я. История русской журналистики. Газетное дело и газетные люди.* М., 2004.

<sup>840</sup> Предварительное заявление (*utm.*).

<sup>841</sup> С. Н. Булгаков с 1901 по 1906 г. был профессором Киевского политехнического института и приват-доцентом Киевского университета.



написать о нем<sup>842</sup>. Обнимаю Вас. Всего Вам доброго. Пожалуйста, простите за молчание. А знаете, я опять уже не настаиваю на уничтожении беллетристики (отдохнул что ли) и согласен с Вами о «блокаде». Но закрыть «Вопросы жизни», даже если не найдем пайщиков, у нас не хватает духа, при возможности следует попытаться. Это я чувствую.

Николай Александрович<sup>843</sup> был здесь и принимал участие в довольно, впрочем, безрезультатных совещаниях. Хотя мы спорили, но дружески, и вообще у меня от этой встречи осталось светлое впечатление<sup>844</sup>.

### П. А. Флоренский — А. И. Флоренскому<sup>845</sup>

[1–9.10.1905. Сергиевский Посад — Тифлис]

Дорогой папочка!

---

<sup>842</sup> «Я мало знал покойного Сергея Николаевича, но тем не менее должен засвидетельствовать, что немало ему духовно обязан. Его звезда ярко светила на моем духовном небосклоне, указуя путь, радуя, ободряя. В ту пору, когда я переживал ломку мировоззрения, проходя свой длинный путь от марксизма к христианству, кн. Трубецкой, в числе других религиозных мыслителей, являлся тою крепкою и мужественной опорой, которая так нужна человеку, пробирающемуся через чашу совершенного неверия или чаще всего религиозного индифферентизма» (*Булгаков С. Кн. С. Н. Трубецкой как религиозный мыслитель // МЭ. 1908. № 14. С. 11*). — Прим. С. Черткова.

<sup>843</sup> Н. А. Бердяев.

<sup>844</sup> Вот характеристика, данная Н. Бердяевым журналу «Вопросы жизни» много лет спустя: «Это была попытка соединения бывших марксистов, ставших идеалистами и двигающихся к христианству, с Мережковскими и символистами, частью с представителями академической философии идеалистического и спиритуалистического направления, и с публицистами радикального направления. Синтез был недостаточно органическим и не мог быть прочным» (*Бердяев Н. Русская идея. Париж, 1973. С. 246–247*). Цит. по: *Бердяев Н. А. Письма Андрею Белому / Публ. и примеч. А. Г. Бойчука // De visu. 1993. № 2. (Далее: Бойчук, 1993). С. 21*).

<sup>845</sup> Печатается по: *Чертков, 2017. С. 192–193*.

(...) У нас тут в академии и в Москве кипение проектов и начала разных дел, вернее, разных сторон одного дела. Теперь целый ряд внешних условий складывается, по-видимому, так благоприятно, что практическое осуществление наших планов кажется возможным гораздо ранее, чем можно было мечтать, — настолько ранее, что мы едва ли успеем подготовиться. В числе других дел на мне лежит редактирование сочинения отца Серапиона, о котором я уже писал тебе. Там очень много интересного и ценного, но с внешней стороны это сочинение очень неудовлетворительно.

Как идут дела в Москве — я знаю мало, так как давно там не был, да и некоторые из моих знакомых сейчас отсутствуют. В общем — беспокойно и постоянно бывают волнения, хотя, кажется, не особенно интенсивные. (...)

Я теперь живу вдвоем с Троицким, в комнате невероятной высоты. Потолки — сводчатые, комната длинная и узкая, так что в академии была ранее известна под именем «щели», а потом — под именем «фермопил».

Прошло уж не знаю сколько времени с тех пор, как начато это письмо. (...) У нас в академии сильные волнения из-за автономии. Мы послали петицию в Синод, а в подкрепление ее устроили забастовку. Приехал митрополит, но профессора его отчитали, изругали неслыханным образом, студенты отказались выслушать, и, в заключение всего, выехав из Посада, он застрял посередине дороги к Москве, так как забастовали железные дороги. Мы действуем дружно, и профессора всецело на нашей стороне. Чем все это кончится — не знаю, быть может, придется выехать из академии. Через каждые 5 минут можно услышать новые вести, меняющие все дело. Хотя одно верно: наша забастовка продолжится до ответа Синода, и остановить дело теперь нет никакой возможности.

Занятия в академии приостановлены на «неопределенное время» «по распоряжению митрополита» (а на самом деле нашими усилиями). Сходки происходят раз 5 в день,

депутации к ректору, в Совет профессоров и т. д. бегают туда и сюда, и нормальный ход жизни совершенно нарушен.

Еще через 2 дня.

Из академии предложено уезжать на неопределенно долгий срок. Куда я поеду — еще не знаю. Быть может, что с Троицким приедем в Тифлис. Но пока ничего не известно.

Целую тебя, дорогой папочка. Сейчас положительно невозможно писать — твой П.

### П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну<sup>846</sup>

[10.10.1905. Сергиевский Посад]

Сергиев Посад, 10 октября 1905 г.

Дорогой Володя! Вот адрес мамы: Николаевская у., д. № 2. номера Шрейбер. Впрочем, скоро оттуда переедут, но куда, пока не знаю. Если узнаю скоро, то напишу Вам, Поклон от меня Мережковским<sup>847</sup> (побольше), Розанову (поменьше) и Волжскому (совсем маленький). Впрочем, им этой градации не объясняйте...

<sup>846</sup> Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, 2014. С. 222—223.

<sup>847</sup> Молодой Флоренский сотрудничал с Мережковскими, которые брали для публикации его статьи: «О суевории» (Новый путь. 1903. № 8), «Спиритизм как антихристианство» (Новый путь. 1904. № 3), «О символах бесконечности (очерк идей Г. Кантора)» (Новый путь. 1904. № 9). В середине лета (15 июля) 1905 г. Флоренский написал А. Белому письмо, в котором уже пояснял причину своего расхождения с Мережковскими: «безусловно святую сердцевину» он увидел именно в той, «исторической», «официальной» Церкви в России, которую они отвергали (см.: *Иванова*, 2004. С. 471). В черновом письме к самим Мережковским он писал: «Для меня ясно только то, что я должен быть в Православии и должен бороться за него. Если вы будете нападать на него, то, быть может, я буду бороться с вами». Черновик не датирован, но по ряду свидетельств можно заключить, что окончательный отход Флоренского от Мережковских произошел уже к середине 1906 г. (см.: Там же. С. 515).

Если можно, попросите Мережковского, чтобы мне в счет гонорара напечатали 200 экземпляров оттисков и кроме того прислали 2 экземпляра «Сборника». Желаю успеха.

П. Флоренский

**А. В. Карташев — Д. С. Мережковскому**<sup>848</sup>

[10.10.1905. СПб.]

10 октября, воскресенье

Дорогой Дмитрий Сергеевич. Был я у Аггеева. Предлагал. Не только не «зажглись», но без стыда замяли вопрос, как будто удивляясь моей наивности. Наполовину искренне не понимают, наполовину пугаются, как благонамеренные чиновники.

Сначала был один Аггеев. На мое предложение, ясное и довольно пространное, он сделал большие глаза, отвел их в сторону, протянул: «мм...» — и занял меня другим разговором. Я почувствовал, что он в данную минуту не ввернется мне, потому что накануне видел меня с вами.

Через 5 минут явились Григорий Петров и Егоров — с азартом рассказывают о своем участии в последних событиях «духовного ведомства». Я все-таки снова предложил проект митинга. Поддакнул один Григорий Петров, да и то с издевательским почти добавлением: «Конечно, можно высказаться на пастырском собрании и пригласить туда даже светских лиц, например Антона Владимировича Аксакова, преподавателя семинарии...» Это говорил тот Григорий Петров, который в «Русском слове» громит священников за «поповство».

Все они — только «попы».

---

<sup>848</sup> Из частного собрания; письмо датируется по календарю. Мережковский поддерживал революцию 1905–1907 гг., стремясь заразить революционным пафосом духовенство и верующий народ. А. В. Карташев в этот период принадлежал к кругу ближайших друзей Мережковского и его жены Зинаиды Николаевны Гиппиус.

На этих днях у них — интереснейшие собрания и рефераты по духовно-академическому вопросу. Общее собрание разрешено даже Митрополитом (во вторник или среду). Больше им ничего не надо. Они чувствуют себя героями, занимаясь своими делишками, и воображают, что этот их домашний «бунт» есть бунт общероссийский и что больше с них ничего не требуется. Нечего и надеяться на быстрое собрание митинга, нужно договориться с этими колодами. Поджигать их с разных концов. Сегодня я возьмусь за Колачева<sup>849</sup>. Не загорится ли кто из семинарских педагогов и т. д.? Вполне своего человека они послушают. «Далеко нам до Европы» — «Далеко им до политики». От Колачева приеду к Розанову.

Ваш Антон Карташев

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>850</sup>**

[12.10.1905. СПб.]

Вячеслав все болен. Какие-то лихорадки, какие-то неврологии. А Петербург весь в гнилом сумраке. Мороза еще не было. Вячеслав то в постеле <Sic!> проваливается, то побродит по комнатам. Но после похорон Писарева не выпускала<sup>851</sup>. Он на них и простудился. Мы выехали тогда в 11 ½

---

<sup>849</sup> Карташев пытался убедить участников Союза церковного обновления и в частности священника В. Колачева, как одного его лидеров Союза, вместо закрытого собрания столичного духовенства организовать совместный митинг с представителями «христианской общественности» в поддержку церковной реформы и радикальной смены российской политической системы.

<sup>850</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 129–130.

<sup>851</sup> Речь идет об известном актере Модесте Ивановиче Писареве (1844–1905). Не раз упоминаемая в письмах Н. П. Анненкова-Бернар, которая одно время была его гражданской женой, почему, видимо, Ивановы и отправились на похороны. Описание этих похорон (и других действий Ивановых в эти дни) содержится в том же письме: «Затем шла неделя

утра и протолкались по визитам (были даже у архимандрита, цензора «Вопросов жизни», и плавали у него в сиропе сладчайших любезностей, кончившихся обещанием все пропускать, что бы мы ни написали), не евши до 8½ вечера, когда я забежала в лавку, купила баранины, в одно мгновение растопила плиту и сжарила. Каша была готова с утра. И к 9-ти мы уже сидели за столом и обедали. Но расскажу тебе о Средах<sup>852</sup>. На позапрошлой было собрание небольшое: Розанов с падчерицей<sup>853</sup>, Ремизов, Дымов. Розанов был в ударе и свежо рассказывал анекдоты из области любовных переживаний его супруги... Но ушли около часу. Тогда остальные и мы сели за спиритический сеанс (Дымов объявил себя новоявленным медиумом). Но ничего не вышло. Потом я поставила еще раз самовар, и пили вторично чай, вели чисто профессиональные беседы, со сплетнями, полезно для опыта, но тоскливо. Дымов набросал наши карикатуры. Вячеслава старым носатым с острыми сверлящими глазами... Меня ужасной волчицей с оскаленной огромной челюстью и большими белками, в которых ост-

---

тяжая. Умер Писарев. Были на Васильевском Острове на панихидах. Воскресенье в 2 часа панихида, потом ехали к Гревсу (исчез, и прислуга не знает куда, но не арестован) и Шляпкину (переехал), к Сологубу и снова к Писареву, и вечер у Нины, а ночь у Сологуба снова, где были все наши и Александр Блок, очень симпатичный и красивый. Много стихов читалось им, Сологубом, Вячеславом, были еще несколько молодых поэтов (Пяст, Кондратьев, Чулков и еще, не знаю имени). В понедельник Вячеслав пошел к Чулкову с Александрой Николаевной Чеботаревской, которая очень мила (она здесь 2 недели), но очень глупа. Я же легла в постель. Во вторник похороны; Далматов (с ним познакомилась у Нины) говорил речь, вернее, рыдал речь, кончившуюся перекатными криками: “Прощай, товарищ, — нет, не прощай: до свидания. Скоро. Скоро до свидания, дорогой Модест!” И ему вторили дикие крики Марии Модестовны: “Прощай, отец! Спасибо!” Актер был весь правда. Она же — вся ложь. Так казалось».

<sup>852</sup> 28 сентября 1905 г.

<sup>853</sup> Падчерица В. В. Розанова — Александра Михайловна Бутягина (1883—1920), дочь В. Д. Бутягтной (Розановой) от первого брака.

ро торчит маленький зрачок. Похоже, но кошмарно, и вечер навел на нас (ушли в 3) тоску подавляющую. Очень неприятный человек Ремизов. Вечный фигляр, врун такой, что ничему нельзя верить. Умен и зол на язык... головокружительно! А жена его, великая корова, подруга Гиппиус<sup>854</sup>, глуповата, недобра, фанатична и самовлюбленна. Разговаривает только о себе и улыбается сладкой нелепой во всю расплывшуюся розовую харю — улыбкой<sup>855</sup>.

### 3. Н. Гиппиус — Д. В. Философову<sup>856</sup>

[17.10.1905. СПб.]

Понедельник 17 октября 05

«По делам их узнаете истину их»

Пожалуйста, прочти внимательно. Благодаря некоторым, быть может и неважным, т. е. не первым, фактам, знания которых, однако, у меня вчера не было, а сегодня есть, фактам, которых я сейчас и назвать не могу (их именно)

<sup>854</sup> О дружбе Серафимы Павловны Ремизовой с Зинаидой Николаевной Гиппиус см.: *Lamp! H. Zinaida Hippus and S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistisher Almanach. Wien, 1978. Bd. 14. S. 155—194. Об отношениях Иванова и Ремизова см.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Публ. А. М. Грачевой и О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 72—118.*

<sup>855</sup> Дневниковая запись Ремизова об этом собрании: «28.9. У Вяч. Иванова занимались спиритизмом. О. Дымов — играл в медиума. А я по плутовской части: и скреб, как кошка, и стучал, как черт. Очень страшно. Потом: кто как пишет?»

В. В. Розанов сказал: когда он в ударе и исписанные листы так само собой не просохшие и отбрасываются, у него это торчит, как гвоздь.

— И ни один наборщик не разберет! — заметил О. Дымов» (*Ремизов А. Собрание сочинений. Т. 7. С. 47*).

<sup>856</sup> Печатается с комментариями по: Из писем Зинаиды Гиппиус / Публ. В. Аллоя // *Минувшее. Исторический альманах. Т. 4. М., 1991. С. 329—332.* на первой странице оригинала в левом верхнем углу наискось пометка карандашом: «Писано за час до Манифеста».

да и не надо, — благодаря им, все же, — получилась во мне какая-то стройная ясность, и хотелось бы ее запечатлеть, потому что отсюда можно перейти к выводам (и для нас между прочим).

Я буду повторять сейчас старое, давно всем, даже мне в отдельности, известное, при этом буду говорить грубо и резко, потому что мне важны не оттенки и переходы, уклонения и отклонения, так же, как и не что-нибудь в отдельности, а только общая картина, несомненная, реальная, действенная, волевая, сознательная, глубоко разумная и разумная (что почти вменяет нам в обязанность отнестись к этой картине, теории, плану — все равно! — тоже и с точки зрения разума, сознания и т. д. Вменяет в обязанность, — не только лишь позволяет.) И даже не разумная, как одно из свойств, а ведь и построенная, исходящая из действительно высокого человеческого разума.

Не скучай же повторениями, всем для тебя столь знакомыми. Если и вся картина у тебя уже есть так же, как у меня сейчас — (в таком же виде) — то почему у нас до сих пор не сошлись (наши) выводы? Или почему они не ясны?

Эта повелительная, конкретная теория, уже сейчас как бы воплощенная — у социал-демократов. Их подкожное знание ее близкой реализации передалось мне. Вот что они делают, думают и — знают, что это будет.

Прежде я скажу о их далеких целях, так сказать — об их идеале, потому что, перейдя к верным реализациям — я до этих идеалов не дойду, запнусь раньше, — все вопросы для меня раньше. Т. е. я уже не так ощущаю там реализацию, как в планах ближайших. (Я сейчас все это пишу абсолютно без всяких рассуждений, без метафизики, совсем иначе, нежели всегда. Под другим углом.) — Итак, наличие идеала русских социал-демократов — всемирность социальной революции для устранения экономического государства в приближении к системе федеративной. Все-европейская (кроме Англии) социальная революция даже кажется им если не завтрашним, то послезавтрашним



днем. Если хочешь — элемент ощущений, что делается то, «чего никогда не бывало» — присутствует (я это отрицала). «Мы начинаем новую эру всемирной истории». (Франция.) А вот конкретный проспект их завтрашнего дня. Сегодняшняя душа, ее огонь, воля и разум такого действительно-го деятеля. — Организация их огромна и блестяща. В этом они незыблемо правы, не сомневаюсь более. Забастовку, которая была и начата с мыслью лишь о пробе, они теперь прекратят. В момент известий о Харькове<sup>857</sup> и Потемкине<sup>858</sup>, когда казалось, что проба перешла в действие (перешла черту) — среди организаторов был страх, потому что они знают, что сейчас вооруженное восстание преждевременно. К марту, при их громадных средствах и настоящей организации, оно вполне обеспечено, если правительство не задержит движения, какими-нибудь уступками. Всякая уступка для них камень на дороге. Более же всего замедлить может учредительное собрание, которого они не хотят даже и в случае падения правительства. Вот этот пункт их плана очень важен (тут и расхождение с социал-революционерами, к этому я еще вернусь). Вооруженное восстание, произведенное сразу во всех городах (нет никакой причины, что, начатое с такой силой расчета и разумности, оно не удастся, конечно, заставит сдать теперешнее правительство с частью войск, той, которая не перейдет. В одно и то же время везде будет учреждено временное правительство «демократической республики» и — вот тут начинается «нечего себя обманывать», и сами социал-демократы тут себя не обманывают, а утверждают это с полным сознанием — временное правительство это будет совершенно таким же насильническим, «будет держаться силой» с обоих концов: с конца старого правительства и части

<sup>857</sup> 10—14 октября 1905 г. в Харькове проходила массовая забастовка, переросшая в вооруженные столкновения с черносотетцами и правительственными войсками. — В. К.

<sup>858</sup> Имеется в виду восстание на броненосце «Потемкин». — В. К.

войск и с конца народа, который социал-демократы (глубоко разумно и трезво, гораздо трезвее социал-революционеров) признают некоторым иксом и считают, что в момент учреждения временного правительства народ может не быть с ними на одном уровне. И даже наверно не будет, пока кое-чего не переживет. Аграрный вопрос — слабое место социал-демократов. Но его они, решают так. Народ — пока некоторый икс, но некоторый. Нет икса в первом: народу прежде всего, единственным и главным образом нужна земля. И делить эту землю временное правительство предоставит самим крестьянам, не вмешиваясь, предполагая, опять с полным основанием, что тут будет террор и, конечно, почти поголовное вырезывание помещиков. Этот внутренний террор отвлечет крестьян от какой бы то ни было — попытки даже — восстания против временного правительства, которое оно, впрочем, должно иметь силу победить насилием, — ведь оно должно продержаться, а может — только силой. В этом смысле, в это время, оно с полным сознанием признает себя одинаковым со всяким правительством (всеобщая вооруженность, демократическая милиция и т. д.). Предрешенный заранее, разумный, логический, неизбежный хаос, длящийся более или менее определенное время. Правительство занято подготовлением учредительного собрания. И, наконец, — (момент созыва учредительного собрания определяется правительством в связи с выяснением положения аграрного вопроса) — наконец общее учредительное собрание, мирно вырабатывающее общие коммунистические положения. Забыла сказать, что они, совершенно опять правильно, не боятся буржуазии. — Вот грубая, простая и незыблемая схема всего движения, в этих своих грубых чертах непременно должна оставаться; и для того, чтобы могло реализоваться даже то, что уже реализовано, — она должна была быть создана; и, основанная на разуме, с идеей разума, она, на суде нашего разума, оказывается, в самом деле, единственно разумной, т. е. могущей реализоваться. Жизнь за нее — что

показывает и преобладание социал-демократов над социал-революционерами, которые идеализируют по-своему народ и стоят за немедленное учредительное собрание.

С церковью социал-демократы естественно (и опять разумно) не считаются вовсе, в смысле земель; народу монастырские и церковные имущества предоставляются наравне с помещичьими. На вопрос о христианской религиозности народа социал-демократы почти не отвечают, вопрос им кажется не очень важным и простым. «Христианство у народа православное, внешнее, традиционно-бессознательное, связанное с идеей самодержавия, которая тоже лишь признак некультурности, и которая теперь очень потрясена у них неудачной войной (быть может, в этом последнем они тоже правы). С идеей свободы, естественно, народ отшатнется от церкви, где с этой идеей ему совершенно нечего делать. Конечно, дело каждой личной совести — его убеждения интимные, культ и т. д. Но никакая форма религии, то есть религия с определенным содержанием — к общественности отношения не имеет. Возможны частичные, временные бунты народа на почве отживающей религиозной реакции, внешней, христианской бессознательности, граничащей с фетишизмом, — но это неважно, главная масса народа, для которой “земля” сейчас сильнее всякой слезающей религиозной лигатуры, пойдет через эту “землю” — к сознанию свободы, а свобода открывает ей уже открытые для интеллигенции и пролетариата пути для бесконечного социального и личного творчества, даже (пусть, конечно, отчего же?) творчества и новой, какой угодно, религии, — ведь будет же расцвет искусства, науки и т. д.»

Знаешь, все это до такой степени стройно, и так исходит из действительности, связано корнями с прошлым и настоящим, сегодняшним, что я думаю — так и будет. В одной точке, в одном моменте у меня есть еще вопрос. Хорошо, народ будет занят пожиранием и раздиранием земли, хорошо, религиозность его внешняя, слабая, спа-

дет с него вместе с идеей самодержавия, хорошо, хорошо; церковь слаба, бездейственна, сотрется; но я хотела бы узнать, прямо знать, усчитан ли процент — из народа тех, которые считают себя христианами помимо идеи самодержавия, христианами с Христом прежде всего, прежде земли? Бросятся ли на эту землю, данную сильным безбожным правительством все раскольники, все сектанты без различия? Идея свободы у них (у последних) уже есть, не отнимая Имени. Они верят, что тут нет противоречия, — «Истина сделает вас свободными». Новое правительство не будет им мешать, — но часть обезвоженного народа, — не столкнется ли тут одна часть с другою? Не церковь, пусть, но ведь есть истинно и свободно верующие (+ фанатики, сюда же, раскольники, с которых не «слезешь» скоро) — не встанут ли они с чувством: «делается неправда»?

«Этот процент сравнительно мал», — отвечают социал-демократы. «И во всяком случае они не “встанут”, тем менее, чем они более христиане. Конечно, возможно, что у них явится порыв “пострадать”, они могут “пойти на смерть”. Это будут, в таком случае, еще жертвы, больше ничего».

Но для меня тут все-таки остается некоторое мутное место... — дающее простор многим ярким мыслям, которые я теперь пока оставляю в стороне.

Итак — вот грубая — и детальная картина, которую я принимаю, как без сравнения самую вероятную, — неизбежную. Реальные внутренние последствия (насущные, каждодневные) такого принятия следующие. (Так как начинается мое реагирование, то я начинаю считаться и с моими чувствами-со-знанием, вполне; и принадлежащими, связанными с нами, без исключительно моего личного.)

Дело это такое громадное, такое сложное и великолепное, стройно сцепленное, что в нем нет ни одной детали, которую бы можно было взять отдельно. Нет ни одного малого дела, которое можно было бы сделать, не слу-

жа всему, не соединяясь с главным, не причащаясь всему, вплоть до насилия пролетарского временного правительства и народного террора. Мало того, если я беру частное нечто, в дело входящее, и отрываю, делаю помимо цельной этой организации — я ей врежу. Если бы я, скажем, приняла участие в каком-нибудь союзе людей, добивающихся уступок от теперешнего правительства, и помогла бы им этих уступок добиться — чем больше уступок мы бы добились — тем надольше затормозился бы ход действия людей, которые они действительно сделают ярче: я должна, добиваясь от правительства ну хоть свободы печати, действовать абсолютно не веря в успех, если я верю в социал-демократическую теорию; а если надеяться на успех, то открыто в нее не верить. Или как-то нарочно не смотреть ни туда, ни сюда, не думать ни о возможностях, ни о пользе, ни о прямом вреде. Не относиться, в сущности, ни к правительству, ни к социализму — ни к чему даже с той добросовестной сознательностью, с которой ко всему они относятся. Ты скажешь, конечно! конечно! что и тут я сумела напустить схоластики, ненужной тонкости, арифметичности и теоретизма. Ну, а мне бы еще поучиться теоретизации, тонкой выдержке и арифметичности (это их излюбленное слово!) у социал-демократов, которым ты в реальности не откажешь. Впрочем, слишком ясно. Я вот к чему — хочу или не хочу! — но должна, кажется, прийти: независимо от того, могла ли бы я, фактически, принять сейчас какое-нибудь участие в общественной жизни или не могла (деятельное) — у меня не оказалось бы, все равно, ни волосинки внутренней возможности это сделать. Напротив, я думаю, что фактическая возможность и человеческая способность сделать не хуже других, быть полезной не хуже других в деле, в партии (торжество которой для меня несомненно) — нашлась бы, при желании, хоть завтра. И ведь это осложняется тем, что масса вкрапленных в картину деталей совпадают с желанными для меня! То есть, кроме веры в них,

понимания их, принятия их неизбежности и необходимости — мне нужно многое из им нужного! Но весь путь их и вся эта картина так мною неприемлема, противна, отвратительна, страшна, — что коснуться к ней (т. е. войти во всю) равносильно для меня было бы предательству моего. Я приемлю ее, в меру ее величественности, целиком как врага. И тут моя честность. Но открыто как врага; веря в него, только в него, — и вредить с полуврагами не стала бы.

Социал-революционеры до времени, до момента торжества временного правительства, могут вполне идти вместе с социал-демократами. У них до этой точки путь абсолютно один, да и дальше, в сущности, один, — направление одно, к югу, скажем, — ну а кто прямее и вернее выберет дорогу — ясно. Для нас неважно.

Если бы мы были на той точке нашего развития, на которой сейчас социал-демократы своего, — ясно, что сейчас делали бы мы. Но, думаю, не случайно, что это не так. И начало нашего действия мне брезжит в исторической точке мутного пятна, о котором я писала выше. Сюда должна врезаться наша нота, как вдруг врезается одна, новая, в гремющий оркестр. Отсюда может ввиться новая мелодия. (Когда говорю «мы» — совсем не понимаю непрерменно и только нас. Это мне, сейчас, все равно.)

Изнемогла, а к последующему еще только перейти надо. Извини, если поскучал над давно известным. Важно к этому известному относиться твердо, а не то, что оно известно. Если я что-нибудь не так понимаю — то поговорим, без философии, а конкретно. Очень важно знать.

Зина.

Французская революция — ничего общего!

Главное — я реально представила грядущее насильническое (сами говорят) правительство и народный террор и кровь. И то, что это — в плане! Для их истины — такой путь! Это делать, так делать — мы не можем физически. Ни шагу на это не могу.

С. Л. Франк — П. Б. и Н. А. Струве<sup>859</sup>

[19.10.1905. Москва]

Москва, 19 Октября (1 Ноября) 05, второй день русской свободы (?)

Дорогие друзья, я не писал вам долго не потому, что забыл о вас, а потому, что сначала потрудился в деле — участвовал в конституционно-демократическом съезде<sup>860</sup> — а потом Москва оказалась отрезанной от мира<sup>861</sup>. За эти немногие дни произошли такие головокружительные события, мы жили так лихорадочно, что сегодня, первый день, когда я освобожден от занятий, я положительно не в состоянии опомниться. Вчера я со всей Москвой пережил день глубокого счастья. Восторг был всеобщий — в самом точном смысле слова. Юлия Григорьевна<sup>862</sup> может быть теперь удовлетворена русским обывателем. Никогда не мог бы я поверить, чтобы русский человек мог быть столь экспансивным, чтобы русская улица могла так интенсивно реагировать на политические события. Я убедился также воочию, как глубоко заложены не только в обществе, но и в народе освободительные идеи. Приказчики, лавочники, рабочие — все высыпали на улицы, все сияли, — как объяснил мне один приказчик с счастливой улыбкой, раздвигавшей широко его рот, — «по случаю радостного известия»<sup>863</sup>. Был я и на митинге на Театральной площади, где восторженно встречали Мануйлова<sup>864</sup> (Корни-

<sup>859</sup> Печатается с комментариями по: Колеров, Плотников, 1992. С. 297—299.

<sup>860</sup> Первый съезд Конституционно-демократической партии состоялся в Москве 12—18 октября 1905 г.

<sup>861</sup> К 10 октября 1905 г. забастовка железнодорожников блокировала московский узел по всем направлениям.

<sup>862</sup> Вероятно, речь идет о Юлии Григорьевне Губаревой (урожд. Топорковой, 1867 — ?) — секретаре редакции «Освобождения» — В. К.

<sup>863</sup> Манифест Николая II от 17 октября 1905 г., даровавший основные политические свободы, был обнародован на следующий день.

<sup>864</sup> Александр Аполлонович Мануйлов (1861—1929) — профессор политической экономии, проректор Московского университета в 1905—

лов<sup>865</sup>, бывший со мной, тоже говорил там речь) и где студенты, по выражению одного извозчика, «причитывали о свободе». Как освобождались московские Бастилии, как дом генерал-губернатора был украшен красными флагами и как он говорил речь «свободным гражданам Москвы», как и обо всем прочем, вы конечно знаете из газет. Расскажу только об одном впечатлении, в газетах, вероятно, не описанном, которое навело меня на серьезные политические размышления.

На наш съезд явился вчера представитель стачечного комитета благодарить за собранные деньги и просить о дальнейшей помощи. Рабочий этот — самый подлинный, необыкновенно умный и энергичный. Из публичной его речи, как и из частных бесед, оказалось, что стачечный комитет действует по своему собственному разумению и очень несочувственно относится к социал-демократам. Привожу подлинные слова рабочего: «Нам нужны конкретные умы, понимающие реальное соотношение сил, люди, богатые опытом и рассудительностью. От социал-демократов мы ничего, кроме фраз; не слышали. Они кричали “долой Самодержавие”, а мы его свергли, не крича». Наш председатель, Винавер<sup>866</sup>, просил его принять «наш низкий земной поклон», да и было за что. Глядя на этого народного вождя в лучшем смысле слова, я поверил в возможность политической свободы, поверил в политическое чутье и такт народа. Социал-демократы или преобразуются радикально, или исчезнут бесследно — в этом не может быть сомнения. Любопытно, как вчера революционеры, да и наши конституционалисты, пытались в себе и других под-

---

1908 г., член ЦК кадетской партии, один из авторов ее аграрной программы.

<sup>865</sup> Александр Александрович Корнилов (1862–1925) — историк, в 1904 г. — сотрудник редакции «Освобождения», с 1905 г. — секретарь ЦК кадетской партии.

<sup>866</sup> Максим Моисеевич Винавер (1863–1926) — адвокат, член ЦК кадетской партии.



держивать скептицизм и холодность; хотя в действительности никто не в состоянии был воздержаться от радости. Несмотря на все речи революционеров, Руднева (помощника градоначальника<sup>867</sup>) качали за то, что он шел вместе с манифестантами (конечно, вынужденно), и говорят, что казаки в манеже целовались с народом. Правда, уже сегодня наступает Katzenjammer<sup>868</sup>, у меня по крайней мере: на моих глазах сегодня казаки и драгуны били толпу на Мясницкой — вот и свободная Россия. Есть некоторые привычки, которые стали для правительства второй природой. Зачем нужно было откладывать амнистию, когда всем уже известно, что не сегодня-завтра ее все равно дадут? Когда вы получите мое письмо, положение уже определится и намерения правительства будут ясны, пока ничего неизвестно, и говорят о возможности возобновления стачки, которая еще не всюду прекратилась. А сколько жертв было еще вчера! Для меня, при моем индивидуализме, убийство одного человека омрачает величайшее политическое торжество, и на душе все-таки кошки скребут.

Теперь поговорим о вашей судьбе. Вчера было заседание Совета, на котором я был. Журнал решено, конечно, немедленно прекратить, и выбрана спешная финансовая комиссия для ликвидации. Питерцы (Про и другие) обещали в течение трех дней набрать нужную сумму и направить человека к вам, для обсуждения дел<sup>869</sup>. Мы хотели как-нибудь взять вас под защиту партии, вынести какую-нибудь подходящую резолюцию, но это оказалось невозможным. Сотрудники, конечно, могли бы объявить свои имена<sup>870</sup>, но и это не сняло бы

<sup>867</sup> Иван Николаевич Руднев (1851—1912) — генерал-майор, помощник московского градоначальника (1905—1906). — В. К.

<sup>868</sup> Похмелье (нем.).

<sup>869</sup> Издание журнала прекратилось с отъездом Струве, техническая сторона его ликвидации легла на Н. А. Герд-Струве и Ю. Г. Топоркову (см.: *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. С. 210).

<sup>870</sup> Имена сотрудников объявлены не были. Лишь позже, при переиздании своих статей в сборниках и т. д., свое авторство признали: Н. А. Бердя-

с вас вашей ответственности. Так как, далее, в принципе никакие сношения партии с правительством не через посредство думы не допускаются (решение, может быть, и не очень умное, но необходимая дань настроению, да и незачем Витте помогать), то официально нельзя было вести переговоры о вас. Бюро съезда решило также не предпринимать никаких решений, которые могли бы провоцировать вас на приезд. Но индипендент<sup>871</sup> (он же входит в финансовую комиссию) обещался поговорить от себя с Витте<sup>872</sup>. Боюсь говорить что-либо определенное, но думаю, что при амнистии, даже неполной, вас не посмеют тронуть. Жду дня, когда я встречу вас на вокзале и заживу с вами вместе на родине.

Теперь расскажу вкратце о нашей «партии». В общем, она остается тоже «Ноевым ковчегом». Генерал Про считает себя социал-демократом, вождем рабочих, и находит, что только по утилитарным соображениям участвует в партии<sup>873</sup>. Приблизительно даже смотрит на дело Лутугин<sup>874</sup>, в котором я разочаровался. Он между прочим предлагал на съезде поправки в умеренном духе с явной целью провалить партию. Я ему весьма дружелюбно, но серьезно сказал, что «за это бьют». В общем, однако, несмотря на почти полное отсутствие провинциалов (из-за забастовки дороги), преобладало

---

ев., С. Н. Булгаков, В. И. Вернадский, П. Н. Милуков, С. Л. Франк, В. В. Хижняков. Об этом см.: *Шаццлло К. Ф.* Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 111–114.

<sup>871</sup> Независимый (англ.) — псевдоним В. Д. Набокова в его статьях для «Освобождения». Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922) — политик, юрист, публицист; сын министра юстиции Д. Н. Набокова; принимал активное участие в редактировании юридических журналов «Вестник права», «Право» и др. сотрудник «Освобождения», член «Союза освобождения», товарищ председателя ЦК кадетской партии.

<sup>872</sup> Амнистия была дарована Струве по личной просьбе С. Ю. Витте.

<sup>873</sup> С. Н. Прокопович и круг его единомышленников отказались вступить в кадетскую партию из-за ее «буржуазности».

<sup>874</sup> Леонид Иванович Лутугин (1864–1915) — геолог, член кадетской партии, прежде — Совета «Союза Освобождения».

реалистическое и серьезное политическое настроение. Муравьев<sup>875</sup>, за исключением нескольких серьезных поправок по рабочему вопросу, бил на популярность грошовым радикальством. Должен сказать вообще — говорю это Нине Александровне: я: получил глубокое убеждение, что теперь и в нашей среде (т. е. если исключить учащуюся молодежь) самыми симпатичными людьми, даже с точки зрения непосредственного морального впечатления, являются не «интеллигенты» — радикалы, а земцы и провинциалы. Радикализм такой публики, как адвокаты и журналисты, есть фраза и рисовка, тогда как люди, вроде, например, бывшего тифлисского головы Вермишева<sup>876</sup>, А. М. Колюбакина<sup>877</sup> и т. п. поражают своей страстной преданностью делу и полнейшей правдивостью. — на этом месте меня застает почтальон, принесший номер 78/79 и телеграмму Нине Александровне (шла 4 дня). Скажу, кстати, про номер, и теперь уже держу речь вправо, т. е. к Петру Бернгардовичу. Конечно, Вы не знали, к каким событиям подоспеет номер, но как факт должен отметить, что сейчас он производит удручающее впечатление (прошу не сердиться на меня!) обилием выходов налево и полемикой с революционерами. Вы знаете, что я, безусловно, разделяю Ваши политико-философские воззрения, я горячо стою за философское размежевание (которое мы хотим осуществить нашей книгой<sup>878</sup>) и сейчас даже хочу написать осо-

<sup>875</sup> Николай Константинович Муравьев (1870—1936) — присяжный поверенный, член кадетской партии.

<sup>876</sup> Христофор Аввакумович Вермишев (1863—1963) — городской голова Тифлиса с 1904 по 1905 г. С 1909 г. редактировал издававшуюся в Баку русскую газету «Баку», отдельные публикации которой подвергались строгой критике. Х. Вермишев являлся автором многих научных, идеологических и публицистических материалов.

<sup>877</sup> Александр Михайлович Колюбакин (1868—1915) — председатель Новгородской губернской земской управы, член ЦК кадетской партии.

<sup>878</sup> Книга Струве и Франка, которая должна была называться «Культура и свобода», известна лишь как две части «Очерков философии культуры» (Полярная Звезда. 1905. № 2. С. 104—117; № 3. С. 170—184).

бую статейку «борьба за власть и борьба за право»<sup>879</sup> (смысл ее Вам, конечно, понятен). Но политическая борьба налево и даже резкое, подчеркнутое политическое размежевание сейчас — колоссальная ошибка. Говорю не из оппортунизма и не из «трусости», а в силу непосредственного и совершенно безошибочного (я в этом глубоко убежден) чутья жизни. Только Ваша оторванность от родины не дает Вам возможности видеть это — я ведь в Париже думал почти так же, как Вы. Сейчас, с самого начала забастовки, и теперь, после победы движения, вся страна, вся улица раскололась на два лагеря — за казаков и против них. Черная сотня и казаки на одной стороне, народ, студенты, революционеры, рабочие, общество, конституционалисты — на другой. Это носится в воздухе, это вы видите, слышите, нюхаете, как только выйдете на улицу. Я бы хотел поэтому, чтобы номер не пришел совсем в Россию. И не только мы должны воздержаться от всякой борьбы налево, мы не можем и размежеваться налево. Во-первых, все, кто идут к нам, кто по тактическим соображениям, по чутью политической реальности хоть на время примыкает к конституционно-демократическому движению, должны быть приняты нами, опять-таки потому, что идеи конституционализма суть теперь идеи не только общества, но толпы и улицы. Во-вторых, так как размежевание принципиальное должно быть основано на признании философского либерализма, то если его произвести, вся партия не наберет и двух десятков людей. Это печально, но это факт. Я говорил с многими членами съезда, и оказалось, что, кроме Котляревского, еще только один Колюбакин дорожит политическим либерализмом как философским принципом прав личности. Боль-

<sup>879</sup> См. статьи Франка в «Полярной Звезде»: «Политика и идеи» (1905. № 1. С. 18–31), «Проект декларации прав» (1906, № 4. С. 243–254). Его университетский профессор А. И. Чупров писал ему 5 февраля 1906 г.: «Видел первые номера “Полярной Звезды”. Ваши статьи — лично Ваши — мне обе очень понравились. Ваши взгляды и Ваши настроения мне очень близки» (РНБ. АДП. Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 1 об.).

ше сторонников я не нашел. Меня «ругали» толстовцем, говорили о полнейшей «бесплодности» моей точки зрения, отрицающей насилие. На днях в обществе, состоявшем человек из 10–15 виднейших членов партии (Кокошкин<sup>880</sup>, Мандельштам, Винавер, Прокопович, и многие другие) было признано, что мы отделяемся от крайних партий только тактически, а не принципиально. Я протестовал, и меня поддержал один Колюбакин, а для других мои слова звучали китайской грамотой. То же обнаружилось на самом съезде. Когда обсуждался пункт о неприкосновенности личности и жилища, Маклаков<sup>881</sup>, в общем очень рассудительный и мыслящий человек, сказал, что мы скоро будем у власти и нам невыгодно очень ограничивать власть! Я не мог возразить по случайным причинам, и слова его прошли без всякого протеста. Вы скажете, тем более нужно пропагандировать эти идеи и бороться с якобинством. Конечно, но только в философских рассуждениях, потому что в политической борьбе с якобинством сейчас мы провалимся с позором и треском. Мы должны поступать так, как поступали профессора со студентами (передаю со слов Павла Ивановича Новгородцева): употребить всю силу воли, чтобы на них не рассердиться, хотя бы они давали тысячу поводов для этого. Когда студенты разгромили без надобности минералогический кабинет, Вернадский<sup>882</sup> пришел в бешенство и сказал, что сейчас же напишу в газеты. Его удержали, и через полчаса он сам согласился, что нельзя: писать против студентов сейчас значит направлять на них охотнорядцев. Так и по отношению к «двум буквам». Dixi<sup>883</sup>.

Спасибо Вам, дорогая Нина Александровна, за Ваши два письма (рукопись тоже получил) и за телеграмму. на

<sup>880</sup> Федор Федорович Кокошкин (1871–1918) — член ЦК кадетской партии.

<sup>881</sup> Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) — адвокат, с 1906 г. член ЦК кадетской: партии.

<sup>882</sup> Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) — геохимик, член «Союза» и кадетской партии.

<sup>883</sup> Сказал (*лат.*)

последнюю не отвечаю, так как уже вчера телеграфировал. Меня глубоко трогает Ваше доброе отношение ко мне, и для меня оно — одно из самых ценных благ моей жизни. Я не пишу ничего о себе лично, так как сейчас никто о себе не думает. Надеюсь, что, когда мое письмо придет; к моим четырем маленьким друзьям благополучно присоединится пятый. Надеюсь, что Вы мне протелеграфируете об этом.

Крепко жму всем вам руки, рассчитываю очень скоро увидеть вас. Пишите мне почаще или лучше телеграфируйте, что вы думаете делать теперь и когда вас можно ждать.

Да здравствует свобода!

Ваш Нюнич.

Только что получил вашу телеграмму. Поздравляю, дорогая Нина Александровна, и Вас, Петр Бернгардович. Надеюсь заслужить благосклонность нового члена Вашей семьи<sup>884</sup>. Крепко, горячо жму вам руки.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>885</sup>**

[19.10.1905. СПб. — Киев]

1905.X.19. Смольный

Дорогой мой друг Петр Павлович!

Забастовка оторвала меня от вас на несколько дней — и таких, которые стоят целых годов. И не знаю, с чего начать письмо. После 18 октября многое из пережитого имеет лишь историко-психологическое значение. Сообщаю наиболее важное.

Из газет ты знаешь историю академической забастовки. На одной из сходов студентами решено было пригласить к себе священников из кружка «32-х», и с этой целью явились ко мне два выбранных студента для переговоров. Я со своей

<sup>884</sup> Аркадий Петрович Струве (1905—1951), родившийся 17 октября 1905 г.

<sup>885</sup> Печатается с комментариями по: Балакшина, 2014. С. 341—348.

стороны ответил им, что наше участие мыслимо лишь в том случае, если профессора единодушно выскажутся за это. В противном случае лучше пожертвовать нами, чем повредить делу солидарности профессоров и студентов. Отвечал на личный страх и предложил им прийти в заседание Комитета нашего союза, которое имело быть через день. На заседании Комитета со всей ответственностью не рискнули разобраться в студенческом вопросе, — предложили устроить экстренное собрание «Союза» с участием комиссии студенческой, действовавшей во все время студенческого движения (16 человек). Экстренное собрание состоялось через несколько дней — точно числа сейчас не помню.

Нас иереев было мало — 15 человек, но это ядро Союза, обречшее себя на всякие случайности. В начале собрания студенты изложили историю собраний. Затем мы выяснили свое отношение к последним. Единогласно студенческое дело сочли своим. Перешли к обсуждению практических путей совместной борьбы и постановили:

1. Не откладывая дела, послать во все академии телеграммы (составление редакции выпало на... твоего корреспондента: образуется какое-то мое своеобразное амплуа).

2. Потребовать от Религиозно-Просветительского Общества созыва экстренного собрания духовенства столицы.

3. Открыть подписку для студентов, если они будут уволены и 4. немедленно составить записку от имени «Союза церковного обновления».

Первое было осуществлено тогда же. Второе — только вчера.

Митрополит Антоний отрицает, а мы имеем данные, что посылка им по академическим городам телеграмм и вообще перемена состоявшегося уже в Синоде решения уволить студентов академии состоялась после нашего заседания со студентами. Говорят, позволительны здесь выводы.

Общее пастырское собрание Митрополит разрешил, зная его подпочву, но отказался сам по нездоровью приехать.

Предстояла нашему комитету трудная задача привести это собрание к желательным результатам.

В субботу ко мне пришли Егоров, Петров и Карташев. Закончили беседу в 12 часов ночи. А после ухода я с воспаленными мозгами писал свою речь, которую должен был представить в Комитет, назначенный нами телефонным извещением на воскресенье. Взял на себя задачу ярко нарисовать современное положение духовной школы. Можешь судить, что вылилось из-под моего пера. Пишу тебе начало и конец (она целиком будет напечатана в «Вестнике жизни»).

«На самой заре человеческой истории святые страницы Библии вскрывают перед нами основное зло людской жизни, — тот оголенный эгоизм, который выражается в совершенно безучастном отношении ко всему, что не затрагивает нашего личного благополучия. “Разве я сторож брату моему?”<sup>886</sup> — ответил Каин на вопрос Господа об Авеле. Ныне вдали и вблизи от нас, во многих местах нашей родины так же лежат трупы не братьев, а наших матерей, вскормивших и вспоивших нас, — духовных семинарий и духовных академий. И только люди Каинова настроения могут равнодушно относиться к этому весьма печальному и грозному явлению. Только люди Каинова настроения могут быть равнодушными зрителями тех операций, которыми обычно стремятся задержать разложение трупа или парализовать запах его.

Оставались мы Каинами до сих пор, когда наши духовные школы жили хроническими паралитиками. Нас здесь свыше 200 иереев. Пусть откликнутся те, которые воспитывают своих детей в духовных учебных заведениях. Много ли их? Мы, лицемерно говорящие о высоте священного сана, молчим на этот вопрос, который сама жизнь задает нам. Но самый факт, подобно камням Иерусалима, вопиет об ужасной истине. Одно из двух: или мы ненавидим наше

<sup>886</sup> Быт. 4:9. — В. К.



положение и стремимся избавить от него наших детей, или бесповоротно осуждаем нашу школу. Правда, убежден, — второе. А тогда какой стыд нам, говорящим: “Мы ли виноваты в том, что наши духовные вертограды сплошь поросли репейником и крапивой”.

Но да простит нам Бог грех былой! Отзовемся же теперь, когда молчать и бездействовать преступно до последней степени».

Изложение... Много пафоса в изображении начальников — монахов, лиц, в самом акте принятия монашества торгующих великой религиозной идеей. Конец: «Отцы и братья! Нам предстоит задача весьма ответственная. Такое или иное отношение будет или свидетельством нашей животворности, или... Ныне суд міру сему! Так называемое освободительное движение напрасно ожидало от нас освещения. Теперь оно подошло к нам в конкретном факте, имеющем непосредственное отношение к Церкви. Иногда солнце свободы освещало всю Русь, неужели мы, служители Солнца правды, принесшего Евангелие свободы человеческого духа, не откликнемся на вопли наших собратьев и детей. Да не будет!»

Ход собраний Комитетом был намечен в таком порядке.

Краткие доклады, взаимно представляющие цельную картину: 1. Слободского; 2. Аггеева; 3. отца Егорова. Прения. Резолюция.

Резолюция была вами формулирована по пунктам. (Пишу не точно.) 1. Волнения — плод ненормального положения дел. Осуждение массовых увольнений. 2. по отношению к академии — необходимость научной и административной автономии. Выборы ректора и инспектора. 3. Уничтожение привилегии монашествующим в занятии административных мест. Выборы ректора и инспектора. 4. Уравниение семинарий и епархиальных женских училищ в программах и правах со светскими учебными заведениями. 5. Реформа может быть произведена только особым совещанием свободно избранных лиц из преподавателей, духовенства

с полным вниманием к голосу воспитанников. 6. Отечески просить студентов не обострять положения особого рода действиями.

Приезжаем на собрание и вдруг — белый клубук! Митрополит Антоний приехал. Отступления, конечно, быть не может. Выбираем намеченного нами председателя протоиерея Орнатского<sup>887</sup>, секретаря — Колачева. Слово-доклад Слободского. Речь — изустная моя — ни на йоту не смягченная. Своеобразный эффект. Доклад Егорова.

Председатель резюме: Отец Слободской — то-то и то-то, отец Аггеев — «в резких чертах характеризует положение школы», отец Егоров то-то и то-то. Прения. Отец Аггеев просит слова. Председатель: «За Вами слово». Отец Аггеев: «Я заявляю решительный протест против нарушения отцом председателем элементарных правил председательской этики. Его дело не квалифицировать мою речь, а только резюмировать. А если он хочет как член собрания говорить, то пусть возражает мне по существу». Отец Чельцов: «Протестую против слов председателя относительно речи Аггеева. Последний говорил только правду, а если она глаза колет, то это вина правды». Председатель отказывается от своих слов. Чельцов продолжает не менее резкую критику. Ярослав Медведь вскрывает академические нравы, Лахостский в самых резких словах монашескую тучу, облегшую нас, со статистикой в руках. Впечатление — ужасное. И все ораторы из нашего кружка.

Слово за митрополитом: «Не скрою: тяжело все это было мне слушать и т. д.» по существу разошелся с нами. 1. Автономия невозможна. 2. Поддерживать студентов — значит

---

<sup>887</sup> Философ Николаевич Орнатский (1860–1918) — протоиерей, настоятель Казанского собора в Спб. Сразу же после рукоположения стал членом Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, с которым впоследствии была связана вся его жизнь. Арестован и расстрелян вместе с тремя сыновьями Владимиром, Николаем и Борисом. Сщмч. — В. К.

совершать преступление. 3. Я терпеливо выслушал обвинения. Выслушайте и мое. Так называемый кружок «32-х» собирает фонд — этим создает движение. Не будь этого сочувствия, студенты успокоились бы. 4. При всем том «ни йоты обиды не имею ни на кого из говоривших».

Говорил хорошо и тепло, но... патриархально. Ясно: языки разные. Уехал. После дальнейших речей и давлений — на почве убеждения, конечно, нашего кружка — резолюция пастырского собрания. Единогласно приняты все пункты. От имени пастырского собрания столицы довести официально через председателя подписанный им и секретарем протокол до сведения митрополита.

Колачев не дает лукавому Орнатскому смигульничать: это имелось в виду при избрании его секретарем.

Что значит организация!..

Описал я тебе все это подробно в надежде помочь тем или другим вашему движению.

---

Мое положение в Институте поколебалось было настолько, что на слова графини: «Ваша деятельность несовместима с положением в Ведомстве», — я ответил: «Я немедленно ухожу». Начались просьбы. А теперь... мы опять друзья, и я являюсь ее опорой. В один день перевернулись отношения. 15-го наш Институт забастовал. На собрании учителей я лично про себя сказал, что в отношении к священнику самую мысль о забастовке считаю недопустимой. Считаю своим долгом не бастовать, а идти и кричать, и детей без своего влияния не оставлю ни на минуту. Если бы вся Россия требовала от меня решения — я бы остался тверд. Уроков в этот день не было. 18-го манифест<sup>888</sup>. 18-го же общее собрание учителей и учительниц о продолжении забастовки. Наклон дал длинной речью

---

<sup>888</sup> 18 октября 1905 г. в газетах был опубликован Высочайший манифест (от 17 октября) «Об усовершенствовании государственного порядка».

Шохор-Троцкий<sup>889</sup> за забастовку на почве недоверия к манифесту. Я попросил слова. Высказал свое кредо, ссылаясь на всем присутствующим известные факты моей публичной деятельности. Разобрал по пунктам его речь. С утра для меня была Пасха. И говорил хорошо. Дружные несмолкаемые долго аплодисменты, и вопрос решен всеми за открытие занятий. Каким-то образом не только графиня, но и вся канцелярия наутро знала ход прений. И я теперь член «правой» — такой «правизной» горжусь. Недоразумений как не бывало, а весь состав обратился с просьбой организовать собрания для обсуждения институтских дел. Осведомились от кого-то и воспитанницы. И никогда еще таким общим доверием я не пользовался ни у состава учительского, ни у учениц. «Ну как же ему не верить в Бога», — сказал бы Аркадий...

Одно плохо: нервы напряжены до высшей степени и... отражаются головными болями. Начинается журнал. Что-то будет. Я, вероятно, если будет дальше идти такая же безумно-лихорадочная работа (во все дни «революции», когда забастовавшие сидели по кабинетам, мы с Егоровым ни одного вечера не были дома: заседания и в отдаленных, и центральных местах Петербурга, и ни разу мысль об опасности не приходила в голову. Электричество потухло, газетчиков не было, а мы идем), возьму отпуск, как только наладим журнал, и уеду на недельку к вам на отдохновение. Сидя в Петербурге, я отдохнуть не могу.

---

Для журнала по совету отца Петрова снимаем квартиру в 3000 руб. При редакции будет собираться наш Союз и будут религиозно-философские собрания. При редакции же

---

<sup>889</sup> Семен Ильич Шохор-Троцкий (1853–1923) — педагог, преподаватель математики. С 1 января 1906 г. «удален от исполнения возложенных на него должностей» из Александровского и Смольного институтов за участие в декабрьской политической забастовке.

будут жить приезжающие сотрудники. На Рождество к нам придут семьи Кудрявцева и Капралова. Все женщины и дети будут жить в моей квартире, а мужской элемент будет ночевать в редакции. Кажется, мы вскроем уже всем известные карты. Я и себя объявлю редактором.

Разумеется, Коле найдется дело. Жить он будет при редакции. Работы черновой я даже не предлагаю ему. Будем рады его иметь сотрудником по политико-экономическим вопросам (рабочий вопрос) — отдел, на котором у нас пока один Сергей Николаевич Булгаков. Могу я с ним делиться чтением рукописей.

Как только найму квартиру, пусть немедленно приезжает. Я думаю, теперь пойдут занятия. Но хорошо было бы Коле перейти в Петербургский университет. Витте берет Министром Кони<sup>890</sup>, друга Петрова. Я мог бы узнать, возможен ли будет переход.

Сегодня я телеграфировал тебе статьи! Шли немедленно. О том же прошу и Зотиковича. С часу на час ждем Сытина, и пойдет машина независимо от машиниста, мы получили сведения на прошлой неделе, что нам разрешен бесцензурный.

Рука утомилась. Не могу больше писать. Обер-Прокурор Святейшего Синода — князь Оболенский<sup>891</sup>, друг Соловьева, Трубецкого и Сергея Николаевича Булгакова. С таким человеком и церковная реформация пройдет мирно.

---

Об организации монашества против нас знаем. У нас экземпляр циркуляра по епископам Антония Волынского. Мы ответили на его циничную критику «кружка 32-х свя-

---

<sup>890</sup> Анатолий Федорович Кони (1844—1927) — русский юрист, общественный деятель и литератор.

<sup>891</sup> Алексей Дмитриевич Оболенский (1855—1933) — князь, русский государственный деятель, шталмейстер, в 1905—1906 гг. обер-прокурор Святейшего Синода. Одним из ближайших последствий октябрьского «Манифеста» была отставка обер-прокурора К. П. Победоносцева, занимавшего этот пост более 25 лет.

щенников-декадентов и профессоров академии» тоже циркуляром. Задача благородная: его письмо пошлое, и если Евлогий принял его к руководству, он, безусловно, больше, чем не наш. Автором такого циркуляра может быть только потерявший всякий стыд. Так думает и митрополит Антоний, он высказал это в беседе с Петровым.

Какое Ваше мнение о наших записках «Государственная Дума и пастырь Церкви» и «Духовное ведомство и Церковный собор»?

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>892</sup>**

[20.10.1905. СПб.]

20/X 05

Получил Ваше письмо слишком поздно. Все-таки был у Вячеславов<sup>893</sup>. Там была отвратительная скука. Читали дурацкую повесть какого-то Каменского под заглавием «Четверо»<sup>894</sup>, и происходили еще более дурацкие прения. В такие дни — хамство русской интеллигенции непости-

---

<sup>892</sup> Печатается с комментариями по: Быстров, 1994. С. 229–231. Датируется по почтовому штемпелю.

<sup>893</sup> Имеется в виду одно из собраний на «башне» у Вяч. Иванова.

<sup>894</sup> Мережковский подразумевает рассказ Анатолия Каменского «Четыре», в котором повествуется о том, как герой его, поручик Нагурский, гедонист-циник «саннинского» типа, соблазнил в течение двух дней четырех молоденьких женщин (см.: Каменский А. Рассказы. Т. 1. СПб., [б. г.]. С. 179–206). З. Н. Гиппиус писала, имея в виду и «среды» Вяч. Иванова: «Литературный эстетизм переживал тогда момент судороги, — революция, неудавшаяся, сказывалась. Оживление немножко сумасшедшее, напряженно-разнузданное... Частью оно потом выродилось в порнографию» (Гиппиус З. Н. Живые лица. Вып. 1. С. 92). Критическое отношение Мережковских к собраниям у Вяч. Иванова могло быть обусловлено, в частности, пестрым, разнородным составом их участников. Ср. замечание З. Н. Гиппиус: «Новый эстетический круг этого писателя, поэта, ученого, горячего эллиниста, широкий, очень смешанный, казался нам — более всех прежних — смутно-беспорядоч-

жимо. Мне иногда кажется, что все мы провалимся так, что от русского просвещения ничего не останется<sup>895</sup>.

Очень хотелось видеть Вас. И теперь хочется. Когда мы вместе одни — между нами какая-то нежная уютность. И я чувствую, что Вы мне все больше верите или все меньше не верите. Но действительно скучно «продираться сквозь толпы»<sup>896</sup>. Всюду казаки и хулиганы. На днях к нам даже в квартиру ворвались какие-то пьяные «киевские журналисты», требуя денег.

Третьего дня была минута радости («Самодержавие пало!»)<sup>897</sup>, но потом опять все замутилось. А тогда недаром выглянуло солнце. Теперь опять слякоть и грязь — и кровь, черная, как грязь, холодная, как слякоть. Мне чудится, — чтобы дойти до Вас, надо переходить через лужи грязи и крови.

---

ным» (*Гуннуис* 3. Слова и люди (Заметки о Петербурге в 1904—1905 гг.) / Публ. Н. Богомолова / Литературное обозрение. 1990. № 9. С. 109).

<sup>895</sup> Свои мысли о сущности и предназначении русской интеллигенции Мережковский высказал в таких публицистических статьях этого периода, как «Грядущий Хам», «Чехов и Горький», «Мещанство и русская интеллигенция», «Страшный суд над русской интеллигенцией». При всем требовательно-критическом отношении к интеллигенции, Мережковский неизменно подчеркивал ее роль в прогрессивных преобразованиях, освободительном движении, в духовном развитии нации.

<sup>896</sup> Ср. в воспоминаниях З. Н. Гиппиус: «Длиннейшие манифестации с флагами, с пением, с криками мы наблюдали из открытых окон нашей квартиры, когда толпы двигались по широкому Литейному проспекту» (*Гуннуис* 3. Дмитрий Мережковский. С. 140).

<sup>897</sup> Имеется в виду манифест 17 октября. Ср. в письме Вяч. Иванова к В. Брюсову от 24 октября 1905 г.: «...не радоваться нельзя тому, что самодержавие, принужденное к самоубийству, нанесло себе рану на этот раз смертельную, — тому что самый лозунг недавней борьбы — “долой самодержавие” — отныне стал праздным» (Литературное наследство. Т. 85. С. 487). Несколько иначе восприняла это событие З. Н. Гиппиус: «Первые слова человека, пришедшего к нам со свеженьким манифестом: “Ну, все кончено. Все получено. Свободы. Парламент. Конституция”. Радости в голове — никакой» (*Гуннуис* 3. Слова и люди. С. 109).

В продолжающейся забастовке есть что-то тупое, дикое и бездарное, главное — бездарное<sup>898</sup>.

Но все же буду у Вас при первой возможности. Грустно только, что Вас так редко можно видеть одну. Теперь и внутри домов толпа. И сколько лишних разговоров. Если бы вся Россия дала обет трехдневного молчания — все бы выяснилось...<sup>899</sup>

Бэла, милая, как бы мне хотелось сейчас, сейчас быть с Вами и положить голову на Ваши колени! Вы это чувствуете?

Не выходите эти дни на улицы: каждую минуту могут произойти неожиданности<sup>900</sup>.

Д. Мережковский

---

<sup>898</sup> З. Н. Гиппиус вспоминала: «В октябре разразилась наконец известная, первая в России, всеобщая забастовка. Погасло электричество, приостановились железные дороги. Помню мерцанье свечей у кого-то в квартире... Но в общем все наши “духовные” знакомства на это время оборвались, как будто их и не бывало никогда» (*Гиппиус* З. Дмитрий Мережковский. С. 140).

<sup>899</sup> Есть все основания предполагать, что к тому же времени (вторая половина октября — начало ноября 1905 г.) относится недатированное письмо Мережковского, в котором он, в частности, писал: «Бэла, не сердитесь на меня. В эти дни трудно было выйти из дома, не сказав, куда идешь. А я не хотел ни лгать, ни говорить, что к Вам иду. И потом — Вас так трудно видеть одну: Вы окружены социал-демократическим вихрем, сквозь который к Вам не пробиться. Чем ближе я к Вам внутренне, тем для меня тягостнее эта внешняя суета. Так хотелось бы теперь молчания, тишины, одиночества. А где их взять? Я бесконечно устал, болен от усталости. (...) Уехать? — но как уехать, бежать в такую минуту?..».

<sup>900</sup> Отчасти впечатления, навеянные событиями осени 1905 г., отразились позднее в очерке Мережковского «Зимние радуги»: «Осенью 1905 года я как-то раз вечером шел по Невскому. Вдруг все электрические фонари потухли. Наступила темнота, словно черное небо обрушилось. Подростки-хулиганы засвистели пронзительно, и раздался звон разбитого стекла. По направлению от Аничкина моста к Литейной бежали черные толпы. Ковыляющая старушка-барыня со съехавшей набок шляпой закричала мне в лицо: “Не ходите, там стреляют!” И мне, действительно, послышались или почудились выстрелы. Было страшно, как во сне» (*Мережковский Д.* Больная Россия. СПб., 1910. С. 4).



**П. А. Флоренский — О. П. Флоренской<sup>901</sup>**

[21.10.1905. *Сергиевский Посад — Тифлис*]

Дорогая мамочка!

(...) В академии пока положение неопределенное. Вследствие нашей энергической деятельности и вследствие забастовки железных дорог, нас еще не погнали, хотя и старались, из академии. Но теперь, по всей вероятности, уж придется уезжать. Профессора соединились с нами и тоже послали мотивированную петицию в Синод о необходимости коренной реформы духовных учебных заведений. Но пока что нас все-таки, кажется, погонят. Если это будет так, то я еще не решил, куда ехать. Вероятнее всего, останусь в Посаде и займусь своими делами. (...)

Собственно теперешнее движение в академии вызвано возбужденным нами вопросом об автономии. Но целый ряд мелких и крупных бестактностей со стороны инспекции осложнил то, что было достаточно просто. Дело дошло до того, что мы экстренно собрали по особому приглашению своих профессоров, чтобы посоветоваться с ними — случай небывалый, кажется, в летописях академии. (...)

**К. М. Аггеев — В. Ф. Эрну<sup>902</sup>**

[21.10.1905. *СПб. — Москва*]

Дорогой Владимир Францевич, вчера получено разрешение на бесцензурное издание «Вестника жизни»<sup>903</sup>. Обращаемся к Вам с усердной просьбой: Побывать у Ивана

<sup>901</sup> Печатается по: *Кейдан*, 1997. С. 83–84; *Чертков*, 2017. С. 193.

<sup>902</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 193–194.

<sup>903</sup> Журнал под таким названием в 1905 г. не вышел. Через год под этим названием стал выходить легальный орган большевиков.

Дмитриевича Сытина и попросить его дать нам возможность немедленно начать дело. Ни Антон Владимирович<sup>904</sup>, ни я не обладаем никакими капиталами: вдвоем не можем дать суммы, нужной в качестве задатка за квартиру. О другом нечего и говорить. Сегодня вечером едет в Москву отец Григорий Спиридонович Петров. И это письмо пишу на вокзале в ожидании отца Григория. Мог бы я все нижеследующее передать Сытину через него. Но отец Григорий устраняется, каким-то холодком постоянно обдает нас. У меня при разговоре о журнале просто язык прилипает к гортани. Помогите Вы нам. Разъясните Ивану Дмитриевичу то, что по неизвестным мне причинам неясно отцу Григорию: наш журнал единственный в своем роде.

Ведь он берет в себя все реформационное движение Церкви. Как же ему не пойти... Подограйте Сытина!

Я буду ожидать от Сытина телеграммой разрешения нанять квартиру. В данном пункте у нас планы широкие. Нам хотелось бы при редакции иметь залу для заседаний «Союза церковного обновления» (бывший кружок «32-х») и для собраний по религиозно-общественным вопросам. То и другое мы начинаем «явочным порядком». Квартира нужна в 2–3 тысячи. Проектируем — это по совету отца Григория — организовать собрания с платой за вход по 20 коп. Предложите Сытину, не найдет ли он возможным нанять квартиру, а весь сбор с заседаний будет идти уже в пользу издателя. Предложите это с предваряющим зондом почвы, постоянно памятуя, что все мы беднота!..

Шлите нам свои статьи.

В воскресенье назначаю заседание Союза по вопросу о Движении грузинского духовенства. Приехал отец Иосиф Чавчавадзе<sup>905</sup> и был уже на заседании Комитета. Резолюцией собрания, быть может, начнем «Вестник жизни».

<sup>904</sup> А. В. Карташев.

<sup>905</sup> Лицо не удалось выяснить.

Целую Вас и Валентина Павловича<sup>906</sup>. Любящий свящ. К. Аггеев.

Ожидаю от Вас писем.

**С. Л. Франк — П. Б. и Н. А. Струве<sup>907</sup>**

[22.10.1905. Москва]

Москва 22 Октября 05 / 4 Ноября.

Дорогие друзья, итак, амнистия дана, и вы, значит, приезжаете на родину. Я думаю, что ликвидация дела и здоровье Нины Александровны не позволяет вам выехать немедленно, и предполагаю, что вы можете быть здесь самое раннее через месяц. Хорошо было бы, если бы вы успели на второй съезд, который предполагается около 15 Ноября старого стиля<sup>908</sup>. Мы бы вам знатную овацию устроили!

На этих днях переселяюсь в Питер. И бы уже давно был там, если бы в Москве не ходили все эти дни грозные слухи о погромах (Крушеван<sup>909</sup> приехал сюда для их организации). Пока же должен еще несколько дней сидеть здесь для успокоения моих стариков. Пишите мне, пожалуйста, на адрес моего брата: СПб. Петербургская сторона, Теряева ул. д. 5, кв. 23<sup>910</sup>.

После дарования Конституции в России началось что-то невообразимое: полиция, черная сотня и казаки устраивают прямо какое-то нашествие варваров и истребление огнем и мечом. Надо думать, что наверху какая-то очень сильная кучка людей таким путем подставляет ножку Витте и конституции. Вообще, настроение

<sup>906</sup> В. П. Свенцицкий — В. К.

<sup>907</sup> Печатается с комментариями по: Колеров, Плотников, 1992. С. 296—297.

<sup>908</sup> Второй съезд кадетской партии прошел в Петербурге 5—11 января 1906 г. на нем был избран постоянный состав ЦК (в том числе — Струве).

<sup>909</sup> Паволакий (Павел) Александрович Крушеван (1860—1909) — публицист, деятель черносотенного движения.

<sup>910</sup> С 1964 г. часть ул. Вс. Вишневецкого — В. К.

в России самое подавленное и смутное, и с каждым днем все больше начинает казаться, что Россия верными шагами идет к анархии и настоящей междоусобной войне. Во всяком случае, борьбе еще далеко не пришел конец, и впереди, ждут, вероятно, еще большие ужасы.

Я мечтаю в Питере о журнале для пропаганды наших идей<sup>911</sup>. Петр Бернгардович может писать в газете Милюкова<sup>912</sup>, и ему незачем заводить свою, а журнал необходимо иметь. Того же мнения Сергей Андреевич Котляревский. Вы, конечно, поселитесь в Питере. Москва все-таки — убийственно-тоскливая деревня.

Итак, до скорого свидания. Ваш приезд меня все-таки беспокоит — никто сейчас ни в чем не уверен — но, конечно, вы не останетесь сидеть за границей, и я не буду вам это советовать. Кто предполагал, что мы так скоро увидимся на родине!

Горячо жму вам руки.

Ваш Нюнич

### В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>913</sup>

[23.10.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Во-первых, что это вы скрылись совершенно с горизонта и не подаете о себе знать? Кто-то нам говорил, что вы, кажется, собираетесь ехать в Тифлис. Тогда побывайте у нас. Мы хотим дать вам несколько тем для нашей газеты<sup>914</sup>, чтобы вы, значит, написали. Во-вторых, может быть, как-нибудь вы могли бы доставить нам

<sup>911</sup> С 19 декабря 1905 г; под редакцией Струве начал выходить еженедельный журнал «Полярная звезда».

<sup>912</sup> Центральный орган кадетской партии газета «Речь» (во главе с П. Н. Милюковым, И. В. Гессеном) выходил с февраля 1906 г.

<sup>913</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 194.

<sup>914</sup> Вероятно, речь идет о «Правде Божией» — В. К.

«Северные цветы»<sup>915</sup>, потому что нам с Сашей хотелось бы их прочесть, а уже нужно возвращать Ивановым. Я ведь взял их у Ивановых с тем, что возвращу. Прощайте, всего доброго.

Ваш В. Эрн.

P. S. Сообщите адрес Алабиной<sup>916</sup>.

**М. А. Новоселов — Ф. Д. Самарину**<sup>917</sup>

[26.10.1905]

26 октября 1905 г.

Многоуважаемый

Федор Дмитриевич!

К сожалению, не могу быть завтра в Москве. Особые обстоятельства, о которых сообщу Вам при свидании, не позволяют мне отлучиться сейчас из Волочка и «соутешиться общей верой» со всеми, сущими у Вас.

Если удосужитесь, черкните словечко о себе, о своих занятиях и о результате заседания<sup>918</sup>.

Приехал ли Клавдий Никандрович? Улучшилось ли его положение? Впрочем, теперь, кажется, всюду положение русского человека ухудшается. «Свобода» создала такой гнет, какой переживался разве в период татарщины. А главное — ложь так опутала всю Россию, что не видит ни в чем просвета. Пресса ведет себя так, что заслуживает ро-

<sup>915</sup> «Северные цветы» — литературный альманах, выходивший в Москве под редакцией В. Я. Брюсова в 1901–1904 гг.

<sup>916</sup> Татьяна Петровна Алабина (в замужестве — Сократова), падчерица друга семьи Флоренских в Батуми врача Жилинского; в то время работала воспитательницей в приюте «Дом трудолюбия» в Сокольниках. Впоследствии автор ряда научно-популярных книг по истории Древнего мира и истории XVIII–XIX вв. См.: *Иванова, 2004*. С. 166.

<sup>917</sup> Печатается с комментариями по: *Полищук, 2013*. С. 436. Письмо без конверта.

<sup>918</sup> Имеется в виду заседание «Кружка москвичей».

зог, чтобы не сказать — гильотины. Обман, наглость, безумие — все смешалось в удушающем хаосе. Россия скрылась куда-то: по крайней мере, я почти не вижу ее. Если бы не вера в то, что все это — суды Господни, трудно было бы пережить сие великое испытание. Я чувствую, что твердой почвы нет нигде, всюду вулканы — кроме Краеугольного Камня — Господа Нашего Иисуса Христа. На Него возвращаю все упование свое.

Простите бессвязность речи. Очень спешу.

Прошу передать мой низкий поклон всем собравшимся у Вас и пожелание мира Христова.

Храни Вас и присных Ваших Господь!

Любящий Вас М. Новоселов.

Р. С. А статьи не разыскали? Будет очень жаль, если она затерялась. Я печатаю (кончаю) 9-й выпуск «Библиотеки» — и сдал в типографию 10-й.

Не знаете, был ли Александр Дмитриевич у Писаревых<sup>919</sup>? Или последние события задержали его<sup>920</sup>?

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>921</sup>**

[27.10.1905. Киев — Симбирск]

27 октября 1905 г. Киев.

Дорогой Александр Сергеевич!

Письмо Ваше (открытое) повергло меня в смущение и волнение. Дело в том, что статья о Соловьеве<sup>922</sup> вместе

<sup>919</sup> Леонид Иванович Писарев (1865 — не ранее 1920), профессор Казанской духовной академии.

<sup>920</sup> Имеется в виду октябрьская всероссийская политическая стачка. 7 октября забастовали железнодорожники Москвы (кроме Николаевской железной дороги), а вслед за ними встали все железные дороги.

<sup>921</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 15–16 об. Ранее: *Кейдан*, 1997. С. 84–86.

<sup>922</sup> Здесь может идти речь о статье: *Булгаков С. Н.* Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева? // От марксизма к идеа-

с письмом по поводу ее выслана Вам около месяца (с опозданием из-за того, что вследствие приключившейся у моей девочки<sup>923</sup> скарлатины, благополучно прошедшей, я ездил в Крым, где моя семья, и потерял две недели). Наведите справки, статью я сам отправлял заказной бандеролью, на которой написан и мой адрес, так что она могла бы вернуться в случае ненахождения. Смотрю на вашу открытку и вижу, что она от 11-го, а получена сегодня. Начинаю надеяться, что причина замедления в железнодорожной забастовке и Вы уже получили теперь все.

Итак, конституция!<sup>924</sup> Стало быть, идем в открытый бой с драконом, и да укрепит Бог наши слабые силы! Я сейчас, несколько опомнившись от окружающих ужасов, всецело захвачен мыслями о Союзе христианской политики (интересные письма по этому поводу получаю), об организации учредительного съезда, вообще этой черновой, но неотложной деятельности. Даже курс политической экономии с христианской точки зрения хочу писать, надо дать такую книгу сельскому духовенству. Последнее растет на глазах, как я в этом убедился здесь, в Киеве, во время епархиального съезда.

Равным образом меня заботит петербургская газета, московская газета и народная литература. Этого, по крайней мере, на полгода хватит. Ввиду этого я легко помирил бы с временным закрытием «Вопросов жизни», например на год или на полгода. Да и вообще по изменившимся условиям печати теперь надо изменять тип журнала. У меня опять неудовольствие накапливается против «Вопросов

---

лизму. Сборник статей (1896–1903). СПб., 1903. С. 195–262. Или о рукописи А. С. Глинки с отзывом Булгакова, впоследствии опубликованной в сборнике: *Волжский [А. Глинка]*. Человек в философской системе Владимира Соловьева // *Волжский [А. Глинка]*. Из мира литературных исканий. Сборник статей. СПб., 1906. Или: *Волжский*. Проблема зла у Соловьева // *Вопросы религии*. 1906. Вып. 1. С. 221–297.

<sup>923</sup> Мария Сергеевна Булгакова (1898–1972).

<sup>924</sup> Манифест 17 октября 1905 г.

жизни» и Георгия Ивановича, и вот мое последнее слово. Для поддержания «Вопросов жизни» в теперешнем их виде я не ударю пальцем о палец, говорить же и убеждать Сытина мне не позволит совесть. Если журнал продолжится помимо меня, я выставлю условие своего участия в редакции — перенесение ее в Москву, куда перееду при первой возможности (весной или осенью)<sup>925</sup>. Георгия Ивановича

<sup>925</sup> Между участниками прежней редакции журнала «Новый путь» и влившейся группой было больше различий, чем общего. «Новый путь» стал местом встречи всех новых течений русской идеалистической мысли. Пришедшие из разных миров, спустя короткое время, осознав неорганичность их союза, они разошлись, сохранив, впрочем, взаимно необходимые связи культурного и духовного «притяжения — отталкивания». В этот период их объединило отрицание народнических материалистических позиций, присущих большей части русской интеллигенции, завещанных Чернышевским, Добролюбовым и Михайловским. Однако их различала мера отрицания этих позиций и исходные мировоззренческие ориентиры. Основатели «Нового пути» сформировались на эстетизме журнала «Мир искусства», к кругу авторов которого они принадлежали, с его аполитичной ориентацией на художественную элитарность. В поисках «нового религиозного сознания» они пытались сочетать эллинизм и христианский гнозис. Разочаровавшись в «исторической Церкви», они объявили ей войну за новую мистическую Церковь «Третьего завета». Философы-идеалисты имели за плечами несколько лет политической деятельности в рядах социал-демократической партии, опыт общения с простым народом в марксистских кружках и публицистических выступлений в левой прессе, где общим местом было отрицание самодержавия и установка на демократию. В 1904 г. в общем фронте политических сил они держались левого фланга, и потому их сотрудничество в «Новом пути» предполагало смену политического курса редакции. Новые сотрудники журнала, пришедшие вместе с С. Булгаковым, экономисты и публицисты Водовозов, Туган-Барановский, Яснопольский по своим взглядам были совершенно чужды основателям журнала. Вскоре эта чуждость проявилась в разногласиях между Мережковским и Булгаковым, который не скрывал своей антипатии к декадентской тенденции журнала. В результате в декабре 1904 г. «Новый путь» прекратил существование, и с января 1905 г. на той же издательской базе начал выходить новый журнал «Вопросы жизни». Под этим названием он просуществовал еще год вплоть до своего закрытия в 1906 г. См.: *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение. Париж, 1974. С. 100–125.



нужно подчинить определенной конституции. Если журнал не осуществится, то я буду убеждать и надеюсь убедить Сытина издавать (может быть, при Соловьевском обществе) «Соловьевский вестник», журнал христианской философии и христианской политики, без беллетристов и без позитивистов, с широкой терпимостью, но все же свой<sup>926</sup>. За такой журнал я буду распинаться, и нужен — в дополнение к другим нашим органам — именно такой журнал, а не сецессион<sup>927</sup>, к которому я лично все-таки холоден. Напишите, дорогой мой, или лучше телеграфируйте, можете ли Вы в начале ноября или в начале декабря быть в столицах для налаживания всех дел наших. Без Вас обойтись-то можно, но совет Ваш и для дела и для меня дорог.

Обнимаю Вас.

Ваш С. Б.

Статью в «Русское слово» я посылал (на церковно-общественную тему), но она возвращена по нецензурности, но я подозреваю здесь чары Артабана, который предпочел бы меня в качестве социолога.

### **Иоанн Кронштадтский — Игумении Таисии<sup>928</sup>**

[После 27.10.1905. СПб]

Дорогая, неоцененная Матушка Таисия!

Благодарю тебя за твое дорогое письмо и за твои родственные чувства, коими всегда бывают полны все твои письма. Относительно моего здоровья — чувствую я себя довольно хорошо по-стариковски, а при служении Бо-

<sup>926</sup> Этот проект не был осуществлен.

<sup>927</sup> Модный в то время тип журнала декадентского искусства и литературы (от *лат. secessio* — отделение, уход, отступничество).

<sup>928</sup> Печатается с комментариями по: Письма о. протоиерея Иоанна к игумении Таисии. СПб., 1909. С. 73. Таисия (Солопова, 1842–1915) — настоятельница Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря, духовная дочь о. Иоанна.

гу — очень хорошо, и благодарю Бога. В Кронштадте у нас сущая беда: морские и артиллерийские войска громят и поджигают дома, грабят магазины, лавки, убивают, кого попало<sup>929</sup>. Ужас берет не только видеть, а и говорить о происходящем. Я выехал на время из Кронштадта; пока живу в своем монастыре<sup>930</sup>.

Твой богомолец Протоиерей Иоанн Сергиев.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>931</sup>**

[29.10.1905. СПб. — Киев]

1905.Х.29. СПб. Смольный

Дорогой Петр Павлович!

Сегодня в «Нашей жизни»<sup>932</sup> вышла твоя корреспонденция в несколько измененном виде.

1. Твои краткие лирические отступления вынесены в периодовую статью и развиты за страх редакции.

2. Факт изорвания портрета Государя опущен.

Первое не должно смутить тебя: ты не являешься ответственным. Не сердись, ради Бога, и за второе: мне лично

<sup>929</sup> По воспоминаниям очевидцев беспорядки в Кронштадте достигли пика в ночь с 26 на 27 октября, когда взбунтовавшиеся матросы завладели ружьями, разбили буфет морского собрания, открыли беспорядочную стрельбу на улицах и предприняли попытку освободить заключенных гражданской тюрьмы. (*Левицкий П. П., прот.* Прот. И. И. Сергиев Кронштадтский. Пг., 1916. С. 62–63).

<sup>930</sup> О. Иоанн 27 октября покинул Кронштадт на общем пароходе через Лисий Нос, отслужив утреню и Литургию. по воспоминаниям Е. Духониной, в Иоанновском монастыре он отслужил молебен, а затем отправился служить всенощную в дом своих почитателей, исполняя обещание, данное двумя неделями ранее. — (*Духонина Е. В.* Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери) // Рядом с батюшкой. Воспоминания духовных чад о святом праведном отце Иоанне Кронштадтском. М., 2012. С. 221–222.) В Кронштадт о. Иоанн вернулся 31 октября.

<sup>931</sup> Печатается с комментариями по: *Балакшина*, 2014. С. 348–349.

<sup>932</sup> Наша жизнь. 29 октября (12 ноября) 1905. № 246. — В. К.

известны взгляды Ходского<sup>933</sup>, одного из лидеров конституционно-демократической партии, — партии беспристрастной. Но прими во внимание тактику, предписываемую переживаемым моментом. Мы в страшном ожидании избегания интеллигенции, предпринимаются всевозможные меры. Скрыть в таких случаях факт, будирующий против интеллигенции, согласишься, позволительно в целях общего успокоения, без которого мы исстрадались.

Ради Бога не предпринимай ничего, хотя бы в данный момент, а затем я буду от твоего имени у Ходского. Может быть, против передовой статьи напишет свою с течением времени статью.

Мне лично очень тяжело живется. Графиня меня просто мучает. Вчера был выговор за то, что я как-то похвалил ученицам «Нашу жизнь». Сегодня разговор на ту же тему. Я говорил, что больше той деспотии, которую она проявляет в отношении ко мне, и придумать нельзя. Не будь у нее известных тебе отношений, я бы просто плюнул на эти речи. Но при них она доводит меня до ежедневной головной боли. С аристократа никакие воды не смоют яда самодержавия.

Целую всех. Любящий свящ. К. Аггеев.

Завтра, 30-го, у меня собрание с делегатами Московской Духовной академии (Попов, который сегодня был у меня, Громогласов и Глаголев Сергей Сергеевич<sup>934</sup>). Напишу. Твой номер 10 или 11<sup>935</sup>?

<sup>933</sup> Леонид Владимирович Ходский (1854–1919) — экономист, общественный деятель, публицист, издатель. Многолетний редактор «Земского ежегодника». Помимо «Новой жизни», в 1900–1905 гг. издавал журнал «Народное хозяйство». — *В. К.*

<sup>934</sup> Сергей Сергеевич Глаголев (1865–1937) — духовный писатель, профессор МДА по кафедре апологетики, член Поместного собора 1917–1918 гг.; расстрелян.

<sup>935</sup> Речь скорее всего идет о номере журнала, в котором опубликовано начало серии статей П. П. Кудрявцева: «В области церковно-приходской жизни» (в журнале «Руководство для сельских пастырей» за 1905, № 10, 13, 18). — *В. К.*

**К. М. Аггеев — В. П. Свенцицкому<sup>936</sup>**

[31.10.1905. СПб. — Москва]

СПб. Смольный

Дорогой Валентин Павлович, сию минуту получил Ваше письмо. Я только могу от всего сердца благодарить Вас за приглашение, столь мне приятное. Я был бы счастлив, если бы чем-либо мог помочь делу, связанному со столь дорогим мне именем...<sup>937</sup>

Завтра у нас совещание у отца Григория<sup>938</sup>. Приглашен Иван Дмитриевич Сытин. На мое письмо по поводу газеты и совершенно неожиданного поворота отец Григорий ответил мне сегодня: газета будет, так говорит об этом полученное мною письмо от Ивана Дмитриевича. Целую Вас и Владимира Францевича.

Священник К. Аггеев

Сегодня или завтра приезжает в СПб. Сергей Николаевич Булгаков<sup>939</sup>. Подробнее напишу на днях.

**Иоанн Кронштадтский — Игумении Таисии<sup>940</sup>**

[31.10.1905. СПб]

31 октября 1905. Санкт-Петербург.

<sup>936</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 86.

<sup>937</sup> Речь шла о приглашении участвовать в МРФО. — *Прим. С. Черткова*.

<sup>938</sup> Священник и христианский публицист Григорий Петров.

Ср.: «Подлинное религиозное чувство, которое волновало и будило в первый период деятельности свящ. Петрова, сменилось газетными фельетонами... которые обращали на себя внимание только своей либеральной, политической стороной... Петров-пастырь стал Петровым-фельетонистом» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 420). — *Прим. С. Черткова*.

<sup>939</sup> Видимо, это произошло позже, поскольку 31 октября 1905 г. Эрн из Москвы писал Глинке: «Завтра приезжает Булгаков», а на следующий день: «Говорили много об осуществлении “Союза христианской политики”» (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 314. Л. 2, 4).

Неоцененная Матушка Игуменья Таисия!

Благодать и мир тебе и всем сестрам обители твоей от Господа нашего Иисуса Христа.

Пишу в твоей подворской келье после фриштыка<sup>941</sup> у Марии Ивановны<sup>942</sup>, нашей общей благодетельницы. Благодарю тебя за письмо твое и за приглашение прибыть к тебе и пожить, пока пройдет смутное время. Теперь, по-видимому, все в Кронштадте успокоилось, хотя, впрочем, не успокоились ограбленные и лишившиеся своих жилищ чрез поджоги хулиганов. Горе, великое горе! Сколько осталось без крова, без пищи, лишившись всего чрез всепожирающее пламя<sup>943</sup>! Чем все это кончится? Когда Господь накажет крамольников, убийц и поджигателей? Кажется, в Содоме и Гоморре жили лучше, чем ныне в России живущие некоторые люди! Но по всему виновники — евреи, подкупившие наших хулиганов убивать, грабить, изводить пожарами русских людей.

На твоё имя я послал письмо с тремястами рублей в Ферапонтов монастырь. Нина<sup>944</sup> твоя здорова. Я несколько раз видел ее. Еще останется здесь ненадолго по делам. Храни Бог вашу святую обитель, тебя и всех сестер.

<sup>940</sup> Печатается с комментариями по: Письма о. протоиерея Иоанна к игумении Таисии. С. 78.

<sup>941</sup> После завтрака (*нем., устар.*). — В. К.

<sup>942</sup> Мария Ивановна, петербургская знакомая отца Иоанна и игумении Таисии. — В. К.

<sup>943</sup> 1 ноября 1905 г. батюшка получил письмо от «гражданок земли Российской». В котором говорилось: «узнав случайно, что Вы вернулись в Кронштадт после отъезда из него 27 октября, переживши страшную ночь общего разгрома, произведенного моряками и артиллеристами. Пользуясь своим влиянием на Батюшку Царя, Вам следовало бы приложить все свое старание до мольбы включительно за несчастных, некогда обезумевших, страдальцев, наших матросов и других солдат, дабы не погибнуть им еще от рук палачей — своих же братьев. Несть больше тая любви, да еще кто положит душу свою за други своя». Гражданки земли Российской. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Л. 14.

<sup>944</sup> Нина — старшая сестра Леушинского подворья в СПб.

Протоиерей Иоанн Сергиев.  
31 октября 1905 г.

## П. Н. Милюков — М. К. Морозовой<sup>945</sup>

[*Октябрь 1905?*]

Милый друг, третий день я с утра до вечера провожу в Петербурге в хлопотах по газете<sup>946</sup> и домой возвращаюсь после полуночи, с последним поездом. Политическое положение складывается с каждым днем все мрачнее. Витте, по-видимому, решил, что все равно, хуже не будет, и что надо испробовать твердую руку. на совещании с министрами общественные деятели (Гучков, Шипов<sup>947</sup>, Стахович<sup>948</sup>,

<sup>945</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. К. 2. Ед. хр. 1. Л. 5–8 об.

<sup>946</sup> Газета «Речь», орган партии конституционных демократов.

<sup>947</sup> Александр Иванович Гучков (1862–1936) — российский государственный и политический, лидер партий «Союз 17 октября» и «Либеральная республиканская партия России». Председатель 3-й Государственной думы (1910–1911), член Государственного совета, Председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917). Военный и морской министр Временного правительства (1917).

Иван Павлович Шипов (1865–1919?) — русский государственный деятель, финансист. Министр финансов (1905–1906), торговли и промышленности (1908–1909), управляющий Государственным банком России (1914 [— 1917]. 1906), торговли и промышленности (1908–1909), управляющий Государственным банком России (1914–1917). Переехал из Петрограда в Екатеринодар, где в 1919 г. стал членом Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России (ВСЮР). Затем переехал в Ростов-на-Дону, где принимал активное участие в формировании Центрального управления Государственного банка ВСЮР. Дата смерти неизвестна. по некоторым сведениям, умер в Ростове-на-Дону от тифа в конце 1919 г.

<sup>948</sup> Под этой фамилией в то время могли подразумеваться по крайней мере два человека из клана Стаховичей: Александр Александрович Стахович (1858–1915) — орловский (елецкий) помещик, общественный деятель, депутат 1-й Государственной думы от Орловской губернии, участник религиозно-философских собраний в Петербурге, знакомый, корре-

Кузьмин-Караваев, Муромцев<sup>949</sup>) все высказались за «все-

спондент и адресат Л. Н. Толстого, сторонник церковных реформ. Подписав «Выборгское воззвание», он уже не мог быть избран во 2-ю Государственную думу, однако продолжил общественную деятельность и занялся журналистикой. С начала 1907 г. издавал газету «Елецкий край», близкую по направлению «Веку». В ее программе было объявлено: «...Изменившееся настроение общества и, главное, обещание многих убежденных и талантливых сторонников дают мне надежду осуществить мою трудно, на первый взгляд, осуществимую мечту: в органе, поставившем себе главной задачей освещение вопросов практической, реальной политики, предоставить широкое место обсуждению вопросов, чисто идеалистических, церковно-религиозной жизни русского народа, религиозное настроение которого составляет, без сомнения, одну из самых характерных его черт».

Михаил Александрович Стахович (1861–1923) — русский политический деятель, поэт. С 1899 г. камергер императорского двора. За участие в земском съезде он в 1902 г. получил Высочайший выговор от Николая II. В 1904 г. Стахович напечатал в № 2 «Права» резкую статью по поводу избиения в Орле полицией и жандармами ни в чем не повинного мусульманина. Этот номер «Права» был конфискован, и статья появилась в заграничном «Освобождении». В этом же году, 18 декабря, получил чин действительного статского советника.

В 1904–1905 гг. М. А. Стахович был на маньчжурском театре военных действий уполномоченным по санитарной части. В 1905 г. был одним из деятельных организаторов «Союза 17 октября».

Весной 1906 выбран в Орловской губернии в 1-ю Государственную думу, где занял видное место как один из лучших ораторов и как один из весьма немногих членов правой партии. Он высказался против требования амнистии в той форме, как оно было предъявлено большинством Думы, настаивая на том, чтобы одновременно с этим требованием Дума обратилась с воззванием к населению с призывом прекратить террор. Когда его предложение не было принято, он, вместе с шестью другими правыми, отказался голосовать за ответный адрес на тронную речь, но, чтобы не голосовать против него, ушел из залы заседания до голосования. Восставал против идеи парламентаризма, настаивая на ответственности министров лишь перед государем. 14 июня М. А. Стахович вместе с графом Петром Гейденом и Николаем Львовым основал думскую фракцию Мирного обновления, к которой под конец Думы принадлежало 24 депутата.

<sup>949</sup> Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев (1859–1927) — русский юрист, общественный и политический деятель. Депутат 1-й и 2-й Государственной думы.

общее» — последний и за прямое<sup>950</sup>, — а министры молчали. Дурново<sup>951</sup> был за минимальные прибавки к избирательному закону 6 августа<sup>952</sup>; от «всеобщего»<sup>953</sup>, по-видимому, за исключением двух-трех министров, все остальные готовы отказаться. Все это упрощает положение: о «поддержке» при таких условиях уже и речи быть не может. Сегодня депутация от бюро съезда<sup>954</sup>, по желанию Витте, представила резолюцию с объяснительной запиской, очень хорошо и решительно написанной. Витте, по-видимому, этого не ожидал, намекая, что съезд находится под влиянием неземских элементов — например... Максима Максимовича Ковалевского — и заявил, что ответит письменно и опубликует ответ вместе с запиской. Это еще не так плохо: теперь съезд очень выиграет в общественном мнении, после ответа Витте<sup>955</sup>.

---

Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) — известный русский правовед, один из основоположников конституционного права России, социолог-позитивист, публицист и политический деятель. Профессор Московского университета. Председатель 1-й Государственной думы (1906).

<sup>950</sup> Кадеты предлагали ввести всеобщее прямое голосование на выборах депутатов Государственной думы.

<sup>951</sup> Петр Николаевич Дурново (1845–1915) — государственный деятель, министр внутренних дел России (1905–1906).

<sup>952</sup> Высочайший Манифест «Об учреждении Государственной думы» — законодательный акт Верховной Власти Российской империи, обнародованный 6 (19) августа 1905 г. Манифест объявлял об учреждении Государственной думы и определял принципы выбора депутатов Думы. Одновременно было опубликовано «Положение о выборах» от 6 августа 1905 г., которое вводило для избирателей имущественный ценз, непропорциональное представительство сословий и многоступенчатую процедуру посредством избранных на местах выборщиков.

<sup>953</sup> Речь идет о всеобщем избирательном праве, эта поправка к избирательному закону была отвергнута большинством министров.

<sup>954</sup> Речь идет об учредительном съезде Конституционно-демократической партии (Партия Народной свободы), состоявшемся в СПб. 12–18 октября 1905 г.

<sup>955</sup> Отношения сотрудничества между кадетами и новым правительством графа С. Ю. Витте не сложились. Витте предложил кадетам войти



У нас газета еще не началась — начнется 1-го декабря, — но начались уже некоторые внутренние трения. Друг мой, — между идеей — даже не отвлеченной, платоновской, а конкретной — политической — и ее осуществлением — какое огромное расстояние! Сколько разнородных элементов надо съюзить, ассимилировать, чтобы машина делала именно то, что Вам хочется, чтобы она работала. А при общем остром питерском настроении, которое совершенно не то, что среднее настроение в Москве и в провинции — страшно трудно, почти невозможно. Я хотел было, памятуя наш разговор, назвать газету «Миром». Куда тут! «Борьбой» еще можно бы, а «Мир» — это измена, предательство! Ну, вот Вам сколько деловых сообщений.

Переходя к отделу «неофициальному», чувствую некоторое затруднение, которое в первые дни по возвращении не чувствовал вовсе. Опять закрадывается сомнение, опять кажется, что все мое настроение висит в воздухе, и там, за 600 верст, не встретит отклика, окажется совсем не нужным, никчемным. Не сердитесь, голубчик, — или нет, пожалуйста, рассердитесь и разбраните меня хорошенько, как Вы умеете бранить, за эти тени и облака. Но как Вы разбраните, как узнаете? Ведь письмо неизвестно когда дойдет — и тогда будет какое-нибудь совсем новое настроение. Не грешно ли, право, что мы даем пройти этому времени, которое могли бы превратить в чистое золото личных отношений.

Меня прервали на полуслове, и только день спустя могу вернуться к письму. Целые дни вожусь с газетой: чем бли-

---

в состав кабинета министров, но не принял их предложения о всеобщих выборах в Учредительное собрание с целью выработки конституции и его переговоры с делегацией кадетских деятелей земского союза (Н. Н. Львов, Ф. А. Головин, Ф. Ф. Кокошкин) закончились неудачей. Делегацию земско-городского съезда, на котором кадеты имели большинство, С. Ю. Витте не принял, упрекнув либеральную общественность в «нежелании содействовать власти в осуществлении начал манифеста и охране порядка».

же подходишь, тем виднее, какая это огромная и сложная машина. Нервы сильно треплются, а на душе в то же время сумятица. От той «логической ясности», которая Вам так не нравилась, не осталось и следа, и только Вы могли бы ее вернуть. Мне страшно нужно Вас видеть, Вас чувствовать близко: я уверяю себя, что Вы ведь скоро приедете, двухнедельный срок подходит к концу, и сам себе не верю, что это было: сон или действительность? Порыв доброты или внутренняя потребность? Может быть, Вы жалеете, что обещали? Может быть, это будет милостыня. Я и жду Вас и боюсь смертельно этого свидания. Оно столько должно дать, столько выяснить; и вдруг, что если со спокойным тактом светской женщины Вы мне скажете, что я думаю и чувствую, как мальчик! Ведь может быть, это и правда, но мне-то от этого не легче. Скажите мне, что я на Вас клеветчу, что я неблагодарен, обрушьте на меня новую бурю: Вы не поверите, как мне это страшно нужно.

Опять перерыв в целый день — день, полный неопределенных переговоров по поводу газеты. Издатель «Биржевых ведомостей» — Проппер<sup>956</sup>, выражаясь деликатно, человек очень практический, что называется жила-человек. Отдав газетку нам, он в то же время старается сохранить в ней достаточно простора для себя и для своего фактотума<sup>957</sup>, юркого полячка из типа таких, которые «без мыла пролезут». Отпор приходится давать главным образом мне: мой приятель утверждает, что я «держу его за горло». Но несмотря на мою адамантову твердость, он выскальзывает, увертывается и в ближайший момент ищет нового пути к прежней цели с какой-нибудь неожиданной стороны. Это непри-

<sup>956</sup> Станислав Максимилианович Проппер (1853–1931) — издатель газеты «Биржевые ведомости». Газета выходила в двух изданиях: для СПб. и для провинции, с 1905 г. обе стали органом кадетов и в декабре дважды меняли название («Свободный народ» и «Народная свобода»). Закрыта в октябре 1917 г. в числе многих других изданий за «антисоветскую пропаганду».

<sup>957</sup> Юридически доверенное лицо.

ятно, утомительно, да и главное, рисует очень неприятные перспективы столкновений самого низменного свойства в будущем. Начинаю понимать правильность Ваших осторожных предостережений. Сегодня отправил ему довольно резкий отказ на одну из его финансовых атак — и мечтаю, просто-таки мечтаю, что вся комбинация разрушится, и я буду свободен!

На душе стало немножко спокойнее, какой-то отлив, затишье после бури. Перечитал в этом настроении все письмо, и стало немножко стыдно. Почему стыдно, в точности не сумею сказать. Может быть, потому, что писал его как будто 16-летний, а не 40-летний субъект; может быть, потому, что как-то уж бледно легло на бумагу все, что терзало и мучило в последние дни; может быть, и самый предмет или, лучше, повод терзаний и мучений как будто не такой уже реальный, как тогда казался; может быть, все это как-то чересчур по-детски прочувствовано. Но пусть все идет к Вам; Вы уж там разберете и, должно быть, поставите три с минусом, если не меньше. А ведь хотелось бы, знаете, какую-нибудь богатейшую натуру в себе ощутить, чтобы все это перед Вами рассыпать: на, бери!

Странно, написал это и, как в лабиринте, чувствую, что нечаянно вышел неведомыми путями опять на прежнее место, знакомое место, бойкое место. Leitmotiv все тот же: «полюби нас серенькими»... Почему я люблю Ваше лицо? Ведь не потому, что оно — абсолютный образец красоты. Я люблю не одну его красоту, но и его недостатки; и может быть, даже недостатки в нем люблю больше его красоты, потому что эти недостатки делают это лицо — индивидуальным, милым, дают ему характер. Мне эта живая связь дорога.

Ну, нет, не буду писать, что в нем лучше и что хуже, а то, пожалуй, опять зарাপортуюсь. Я хотел только сказать то, что когда-то сказал Вам в первые дни знакомства. Страшно больно и тяжело делается на душе, когда Вы чувствуете, что в Вас интересуются не Вами самими, а какой-нибудь

частностью в Вас, чем-нибудь показным, что всегда видно, — тем, что блестит, а не тем, в чем корень Вашей жизни. А уж если кто и этим заинтересовался, подошел поближе, разобрал внимательно, поморщился и прошел мимо: угадайте сами, каково это вынести. Да и не «кто-нибудь», а тот один человек в мире, которого (по Платону) Вы признаете своей «половинкой».

### С. Л. Франк — Н. А. Струве<sup>958</sup>

[1.11.1905. Москва]

Москва 1/14 Ноября 05.

Дорогая Нина Александровна, давно уже я собирался написать Вам большое письмо, да, по обыкновению, откладывал. Хочу сегодня побеседовать с Вами по душе обо всем, что меня и нас всех волнует эти дни. Положение сейчас очень неопределенное, настроение смутное, в воздухе как-то пахнет кровью, разгромом, шаткостью всего — и конституции, и самой монархии — никто не знает, что принесет завтрашний день — и ко всему этому, несомненная полная неподготовленность всего русского общества к ответственному делу активного устройства жизни. С тех пор как приехал Петр Бернгардович<sup>959</sup>, я еще сильнее, чем прежде, убедился, что он единственный мыслящий у нас политик и что у всех других, собственно, никаких практических политических идей в голове нет.

Петр Бернгардович совершенно справедливо говорит, что вместо того, чтобы вотировать, разные дешевые резолюции о недоверии и требовать учредительного собрания, конституционалисты должны были поставить ряд условий Витте и на этих условиях обеспечить ему поддержку.

<sup>958</sup> Печатается с комментариями по: Колеров, Плотников, 1992. С. 297–299.

<sup>959</sup> Не дожидаясь политической амнистии, Петр Бернгардович Струве выехал из Парижа 19 октября 1905 г. и прибыл в СПб. 25 октября.

Витте, несомненно, пошел бы на это, так как он беспомощен. Но никто об этом не подумал, да никто этого и не хочет, так как критиковать, будировать, готовить резолюции и удобнее, и красивее, и привычнее, чем возложить на себя тяжелую ответственность рисковать популярностью. А между тем именно сейчас истинный гражданский долг категорически повелевает сделать это. Если сейчас конституция будет сметена, реакция зальет кровью всю Россию, анархия возрастет, и, может быть, только через год-два мучительнейших судорог, крайностей в обе стороны страна пораженная получит то же, а может быть, и меньше того, что могла бы получить сейчас — то в этом будет виновато уже не только правительство, а общество, т. е. мы все. Момент неповторяющейся исторической возможности непозволительно упускается: из-за лени и инертности правых и самомнения и доктринерства левых. Вы знаете, что сейчас идет раскол по всей линии. Новообразовавшаяся партия «кадетов» (конституционалистов-демократов), как ее здесь окрестили, гибнет, не успевши и организовать. Говорят, по обыкновению, о ее буржуазности, неискренности правых, о желании их захватить власть (когда недостаток их в том и состоит, что они вовсе не желают нести власть) и т. п. и т. п. Не все тут абсолютно несправедливо, но решительно все — несвоевременно. После удаchi всеобщей забастовки социал-демократия празднует какие-то непостижимые триумфы — вся интеллигенция идет к ним, не только Минский и Венгерова<sup>960</sup> стали социал-демократами (эти, конечно, и по расчету и по политической безграмотности), но и вообще масса самой рассудительной и мыслящей интеллигенции. Если исключить земцев, некоторых генералов вроде Гессена<sup>961</sup> и Милюкова, то я и Петр Бернгардо-

<sup>960</sup> Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867—1941) — русская писательница, литературный критик и переводчица.

<sup>961</sup> Иосиф Владимирович Гессен (1866—1943) — адвокат, член ЦК кадетской партии.

вич — единственные интеллигенты, кажется, говорящие о необходимости единения и слышущие заядлыми «правыми». Петра Бернгардовича здесь чествуют как «знатного иностранца» и относятся к нему с чувством холодного респекта и горячего отрицания, а генерал Про на каждом шагу дает ему понять, что он отстал и ничего не смыслит в политике. на общих собраниях я поддерживал Петра Бернгардовича, но вообще последние дни отстал от этих дел и споров, так как в совещания начальства и главарей доступа не имею<sup>962</sup>, да и не стремлюсь туда. Сейчас дело стоит так, что разрыв уже вряд ли даже что испортит, а может быть, будет даже полезен, так как правые будут свободнее. Так как я не практический политик, а только наблюдатель, который, быть может, именно в силу этого яснее видит неизбежность, чем деятель, то я с грустью констатирую (и уверен, что это еще через 100 лет в учебниках истории будет написано), что интеллигенция не оказалась на высоте положения и, ради частью удобства, частью прямолинейности, предала и предает Россию в самую опасную минуту. — Петр Бернгардович еще собирается урезонивать левых, но вряд ли из этого что-нибудь получится. А кругом бесчинствует, режет и убивает черная сотня<sup>963</sup>, в Польше военное положение<sup>964</sup>, которое вводится будто бы из-за намерения отложиться, но в действительности само может повести и к восстанию, и к торжеству реакции, духовенство проповедует народу, что царь клялся сохранить самодержавие, не мог его нарушить и не нарушил, реакционеры организуются и находят несомненную почву в мещанстве, босяках, крестьянах — страшно жить и обидно дать себя съесть живьем, когда можно было спасти и Россию и свободу!

<sup>962</sup> Франк не был избран ни в один из руководящих органов кадетской партии.

<sup>963</sup> В конце 1905 г. погромы прошли в Одессе, Киеве и т. д.

<sup>964</sup> Военное положение в Польше (официально: в десяти «Привисленских» губерниях) сохранилось с 28 октября по 17 ноября 1905 г.

Теперь поговорю на другие темы. Петр Бернгардович участвует в газете Милюкова, которая, по-видимому, получит название «Освобождение», но, к моему большому удивлению, не хочет отдавать ей много сил<sup>965</sup>. Зато мы устраиваем журнал — идут переговоры с «Вопросами жизни»<sup>966</sup>, но, по всей вероятности, мы устроим совершенно самостоятельное дело, в котором будем полновластными хозяевами, именно еженедельный журнал типа *Zukunft*<sup>967</sup>, т. е. без беллетристики, без хроники и обзоров, а только с оригинальными статьями по политическим и философским вопросам и будем помещать в этом журнале по кусочкам нашу предполагавшуюся книгу<sup>968</sup>. Я очень доволен этим планом, он, вероятно, очень скоро осуществится.

Лично у меня ничего особенно хорошего, я чувствую себя физически очень плохо, а если бы не было здесь Петра Бернгардовича, то и морально чувствовал бы не очень ладно. Его присутствие мне очень много помогает, но все-го лучше мне будет, когда Вы с Вашей семьей переселитесь сюда, у меня будет тогда родной дом, в котором можно отдыхать душой. Когда же Вас можно ждать? Пишите, пожалуйста, мне почаще, не забывайте меня. Мой адрес: Разъезжая 23 кв. 20. Крепко-крепко жму Вашу руку, целую Ваших ребят и шлю привет всем Вашим.

Ваш Нюнич

<sup>965</sup> В «Речи» Струве не сотрудничал.

<sup>966</sup> Франк имеет в виду переговоры с Д. Е. Жуковским, издателем «Вопросов жизни», который фактически прекратил финансирование этого журнала, переориентировавшись на предприятия Струве (см. письмо С. Н. Булгаков — А. С. Глинке от 28.12.1905).

<sup>967</sup> «Die Zukunft» («Будущее») — немецкий социал-демократический еженедельник (1892–1923), основатель и редактор Максимилиан Харден.

<sup>968</sup> Франк писал Н. А. Герд-Струве 27 октября 1905 г.: «Петр Бернгардович сидит у меня в комнате, и мне все чудится, что это какой-то сон. И все-таки это действительность — не знаю только, насколько прочная. Приезжайте скорее, заживем на славу!» (приписка на письме Струве: РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 136 об.).

Г. И. Чулков — А. С. Глинке<sup>969</sup>

[4.11.1905. СПб. — Симбирск]

4 ноября 1905

Дорогой Александр Сергеевич!

«Вопросы жизни» прекращаются. Дела мои очень плохи. Завидую Вам: у Вас все-таки «Вестник жизни»<sup>970</sup>. Удивляюсь, что не собираюсь повеситься: буквально не знаю, что будет завтра: неловко теперь брать жалованье у Дмитрия Евгеньевича, ибо аванс мой велик (более 300 руб.). Жалко, что нет Вас в Петербурге: с Вами как-то легче.

Привет Ольге Федоровне. Надежда Григорьевна кланяется.

Сердечно любящий Вас

Георгий Чулков

К. М. Аггеев — В. Ф. Эрну и В. П. Свенцицкому<sup>971</sup>

[4.11.1905. СПб. — Москва]

Дорогие Владимир Францевич и Валентин Павлович.

Сергей Николаевич посвятил меня в ваше настроение по отношению к отцу Григорию. А сам отец Григорий передавал мне о заседании у Астрова, оставившем в его душе «столь неприятный осадок». Мне почудилось в передаче отца Григория какая-то смущенность, нечто вроде сожа-

<sup>969</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 7. Письмо на бланке «Вопросов жизни».

<sup>970</sup> Под таким названием был задуман печатный орган «Союза церковного обновления», однако проект не был осуществлен из-за разногласий издателей.

<sup>971</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 86–88; *Чертков*, 2017. С. 196–197. Оригинал: НИОР РГБ. Ф. 348.1.2. Л. 6–8 об. В Москву. Приложен конверт с типографской надпечаткой: «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви». СПб. Стремянная, 20.



ления о бывшем. Представьте: мне самому почему-то стало его жалко. Это, быть может, чисто субъективное.

Как бы то ни было, мне очень хочется перекинуть отсюда к вам, в ваш флигелек, ветку примирения. Нас так мало, что всякий разрыв тяжел — а с лицом, сделавшим, несомненно, многое для торжества Христовой истины, особенно...

Есть и особые обстоятельства, дающие мне смелость просить Вас вменить бывшее в небывшее. Отец Григорий целый год находился в исключительных условиях: целый год все носят его на руках. Петербург и провинция соперничают в восхвалении его. Ну как не закружиться голове от этого вихря? Позволительна в таких случаях снисходительность?

Вы, дорогие друзья, простите меня за это письмо, которое я вам пишу после беседы с Сергеем Николаевичем Булгаковым, который тоже разделяет мои чувства при согласии с Вами по существу. Кстати, письмо в «Руси» о Кронштадте написано отцом Григорием исключительно по собственной инициативе.

Вчера составили первый № «Вестника жизни». Ваша статья «Деморализация войск» вошла в него. Ожидаем с часу на час приезда Ивана Дмитриевича Сытина и примемся за дело.

Вопрос о народной газете с редакторством Сергея Николаевича Булгакова не нужно считать отрицательно решенным: такое я вынес впечатление из беседы с отцом Григорием. Подробнее напишу на днях.

При «Вестнике жизни» можно будет учредить Петербургский секретариат партии Христианской политики<sup>972</sup>. Во всяком случае, Антон Владимирович<sup>973</sup> и я рады будем служить этому делу.

Любящий Вас всей душой свящ. К. Аггеев.

Хорошо было бы хотя бы для второго № получить от вас обоих что-либо.

<sup>972</sup> Проект партии не был осуществлен.

<sup>973</sup> А. В. Карташев.

При случае сообщите отцу Петру Петровичу<sup>974</sup>, что мой адрес не Стремянная 20, как он пишет, а Смольный. Я тоже буду писать ему. Его ввел в заблуждение конверт, в котором за отсутствием чистых шлю свое письмо.

### **А. М. Горький — В. В. Розанову<sup>975</sup>**

[4.11.1905. Москва]

ноябрь 4. 905

Уважаемый Василий Васильевич!

Письмо Ваше получил только сегодня здесь, в Москве, — вот почему не отвечал так долго<sup>976</sup>.

Драму Вашу, мне кажется, я чувствую<sup>977</sup>. И думаю, что все честные и талантливые должны переживать в наши дни — в разных степенях ощущения — ту боль, которую переживаете Вы.

Откуда она? Я так объясняю: однажды, в юности, я видел картинку — бледный, хилый мальчик с большими умными очами на грустном лице принес собаке в конуру кусок

---

<sup>974</sup> Петр Петрович Поспелов (1874—1938), прот. — окончил КДА (1898), иерей (1903), преподаватель в Московской духовной семинарии (1898—1903), член Общества любителей духовного просвещения, член-учредитель МРФО, служил в храме Св. Василия Кесарийского на Тверской (1900—1911), настоятель храмов апостолов Петра и Павла на Н. Басманной (1911—1923) и иконы Божией Матери «Знамение» (1925—1931), полковой священник (1914—1917), расстрелян.

<sup>975</sup> Печатается с комментариями по: Письма А. М. Горького к В. В. Розанову и его пометы на книгах Розанова / Публ. Архива и Музея А. М. Горького. Вступ. заметка, подг. текста и примеч. Л. Н. Иокар // Контекст 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 300—302.

<sup>976</sup> Первое письмо Розанова, написанное, по-видимому, в сентябре-октябре 1905 г., было послано в Нижний Новгород. Оригинал письма отсутствует в Архиве Горького.

<sup>977</sup> В период нарастания революционных настроений в обществе Розанов болезненно ощутил пропасть, отделяющую его творчество от интересов народа, свое трагическое одиночество.

хлеба. Собака была такая славная, здоровая, добродушно угрюмая, но почему-то ее приковали на цепь, она протягивала морду до куска хлеба, а мальчик боялся подойти к ней ближе. И так они стояли друг против друга, боясь и не понимая. Подошла большая сытая свинья и, понюхав воздух, вырвала хлеб из рук мальчика. Он убежал прочь.

Мы все — вот такие мальчики, мы никогда не отдавали себе отчета, кого нам нужно кормить духовным хлебом, и вместо того, чтобы дать нашу мысль верным псам правды, — отдавали ее сытой свинье, а она жевала наш мозг, забавляясь.

Мы должны мужественно и честно сознаться самим себе в трагической ошибке — далеко ушли от народа, близко встали к его паразитам. В стране, где так мало разума, так мало сознания, мы ушли от народа и — остались одни.

Вот Вы работали много и талантливо и вдруг с недоумением и болью видите: «ничего не нужно!» Почему? Потому что служили свинье — пресыщенному, нездоровому, ленивому и жадному животному, которое одинаково равнодушно жрет Бодлера и Толстого и рокфор, Розанова, Бальмонта, Горького, устрицы, парижские альманахи и порнографические фотографии.

Великие дни духовного воскресения народа застали нас врасплох, волна радости, охватившей землю нашу, отбросила нас в сторону, где мы, одинокие, сами себя обманувшие, медленно и скучно погибнем, сгнием, как гниют осенние листья. «Общество» мещан, объятое страхом, уже не интересуется нами — время забав и развлечений прошло, нужно позаботиться о сохранении своей шкуры, ибо уже протянулась к ней железная рука справедливости и хочет содрать ее.

Вот Вы — кому отдали Вы ваш талант и кто оценил его? Вы — недюжинный мыслитель<sup>978</sup>, дерзкий человек, взяв-

---

<sup>978</sup> Горький, прежде всего, имел в виду розановскую моноидею обожествления пола, абсолютизации «святой плоти» как могущественной первоосновы жизни: «Сочинения мои замешаны не на воде, и даже

ший на себя решение большого вопроса. Вы всю жизнь грызли зубами одно из толстых звеньев той цепи предрас-судков, которою окован наш народ. Но разве народ оценит Вашу работу? Вы — не к нему обращались, Вы не видели его пытливого, огромное лицо, когда писали Ваши книги, Вы писали их каким-то разнузданным, извращенным языком, даже мешане, читая Вас, смеялись над Вами за Вашу манеру одевать мысль в пестрые, хитро изогнутые слова. Правда — проста, все великое — просто, народ — прост, как небо, с ним нужно говорить хорошими, твердыми словами, одевая истину, нарочно спрятанную от него и Вами найденную, — в огонь, в пафос. Задача искусства, как и философии, сроднить весь мир. Мир — это народ, в будущем объединенный одной мыслью, одной красотой, мир — титанически гордый Человек. Нужно служить искусству, нужно размышлять так, чтобы рождение каждой новой мысли и образа было праздником всего мира, — вот до чего должно прийти искусство, философия и наука, вот чем объединятся люди в одну семью братьев по духу.

Нужно скорее освобождать людей из пут государства и общества, из плена жадных зверей.

Вы говорите: «Мне ясно огромное значение моей работы, но — ничего не нужно!»

Скажите то, что Вы сказали во всех Ваших книгах, — в одной, скажите это твердо, ясно, жарко, и Вы сразу почувствуете себя нужным на земле, и народ даст Вам понять, что ему — все нужно! Понимаете — все, что просто, ясно, все, что освобождает его разум из клейкого хаоса предрас-судков, все, что облагораживает инстинкт, возвышает человека.

Нужно служить народу, миру, мы служили обществу ду-ховно мертвой компании сластоежек, и она развратила нас

---

не на крови человеческой, а на семени», «я постоянно хотел видеть весь мир беременным» (*Розанов В. В. Опавшие листья. С. 337, 298*).

своими похвалами и порицаниями. Ныне в жизнь вступает ее законный хозяин и устроитель, народ. Что мы можем дать ему? Далеки мы от жизни. И Ваше письмо еще одно доказательство тому. Всюду льется кровь передовых людей народа, кровь рабочих, всюду власть, разъяренная предчувствием гибели, цинично избивает лучших людей — юную Русь, — а Вы пишете о себе. Да, Вы — ценность, это так. Но сколько этих ценностей погребло в наши дни? И сколько погребнет? Я знаю — среди них будут убиты великие сердца, умы, таланты, да. А Вы о себе. Знаете, чего желаю я Вам и всем вам подобным талантливым, но далеким и чужим народу людям? Красиво погибнуть на его глазах. Тут — ничего обидного: не лучше ли сгореть на костре, чем утонуть в помойной яме? И вообще — не обижайтесь на меня. Я — грубоват, но я Вас знаю, читал, у меня нет намерения сделать Вам больно.

А из «Нового времени» Вы бы ушли<sup>979</sup>. Поганое место. Сколько грязи ядовитой излилось и льется оттуда в русскую жизнь! Какие там противные, дрянные люди. Ничего они не любят, ничего не хотят, о мертвецы! Души этих людей — сами себе противны, и отсюда — желчный цинизм больных сифилисом, которые, не уважая себя, не надеясь на исцеление, — всех хотят заразить своим позорным ядом.

Всего доброго Вам!

А. Пешков

---

<sup>979</sup> Сам Розанов в ответном письме Горькому объяснял причину своего безразличия к тем изданиям, в которых сотрудничал: «Где я ни писал (“Московские ведомости”, “Русский вестник”, “Русское обозрение”, “Новое время”, только условно и частью любил “Новый путь”), я решительно ненавижу и презираю те журналы, в которых писал, и редактора и всех сотрудников, буквально сытых и посмеивающихся. Из “Нового времени” я порывался выйти, особенно когда наступили “события” (1905 г. — *Л. Иокар.*). Там меня связывает только сам Суворин...» (Беседа. 1923. № 2. С. 407). Сотрудничество Розанова в «Новом времени» было особенно длительным — с 1897 г. до закрытия газеты, 1917 г.

**В. Ф. Эрн — Г. П. Медему<sup>980</sup>**

[5.11.1905. Москва]

Его Превосходительству господину Московскому Градоначальнику заявление.

Честь имеем довести до сведения Вашего Превосходительства, что нами предположено к открытию в г. Москве Религиозно-философское общество памяти Владимира Сергеевича Соловьева.

Устав при сем прилагается<sup>981</sup>.

Члены-учредители: священник К. М. Аггеев, А. Н. Булгаков<sup>982</sup>, проф. С. Н. Булгаков, Д. Д. Галанин<sup>983</sup>, А. В. Ельчаинов, приват-доцент С. А. Котляревский, проф. Л. М. Лопатин, В. П. Свенцицкий, М. И. Сизов<sup>984</sup>, С. Синельников, Б. Сыроечковский, В. Сыроечковский, священник П. П. Поспелов, М. В. Штандель, Д. В. Шер<sup>985</sup>, оставленный при Университете В. Ф. Эрн, оставленный при Университете И. М. Херасков<sup>986</sup>, Г. А. Рачинский.

<sup>980</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 197.

Георгий Петрович Медем (1849–1911) — барон, начальник штаба Отдельного корпуса жандармов в 1903–1905 гг., московский градоначальник с 16 июля по 30 декабря 1905 г., генерал-лейтенант с 1906 г.

<sup>981</sup> См.: *Чертков*, 2017. С. 197–200.

<sup>982</sup> Алексей Николаевич Булгаков — брат С. Н. Булгакова.

<sup>983</sup> Дмитрий Дмитриевич Галанин (старший) (1857–1929) — преподаватель математики Первой мужской гимназии в Москве, историк математики, был членом Совета МРФО в 1905–1908 гг.

<sup>984</sup> Михаил Иванович Сизов (1884–1956) — биофизик, переводчик, литературный критик. Поступил на физико-математический факультет Московского университета в 1903 г., участник секции истории религии ИФСО, кружка «аргонавтов», сотрудник издательства «Мусагет». Антропософ, близкий друг Андрея Белого. — *В. К.*

<sup>985</sup> Дмитрий Владимирович Шер (1885–1941) — участник ХББ. — *В. К.*

<sup>986</sup> Иван Михайлович Херасков (1878–1963) — публицист, литературный критик, приват-доцент по кафедре истории Московского университета, с 1908 г. в эмиграции, автор статей в журнале «Новый Град». Летом 1902 г. в компании со Свенцицким и др. путешествовал по Волге и Кавказу.

За всех подписал: оставленный при Московском Университете (Сивцев Вражек, Нащокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16) Вл. Фр. Эрн.

**А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>987</sup>**

[8.11.1905. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Сейчас я был в «Весах». Полякова<sup>988</sup> не было, была девица. Она сообщила, что рукописи твои у Полякова на просмотре, что задержка произошла от необходимости всунуть туда чертёж (или рисунок), что она сообщит Полякову о твоём желании или видеть статью напечатанной сейчас же, или получить её обратно<sup>989</sup>. Твой адрес они знают. Помнишь ли ты о твоём обещании и моей просьбе — полесские монастыри Ефимовской? Недавно проглядел три неплюевских тома<sup>990</sup> и не одобрил.

**С. Л. Франк — Н. А. Струве<sup>991</sup>**

[8.11.1905. СПб.]

СПб. 8/21 Ноября 05.

Дорогая, милая Нина Александровна!

Только что получил Ваше письмо, посланное на адрес брата<sup>992</sup>, и устыдился, что так редко пишу Вам, Я себя сейчас чув-

<sup>987</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 201.

<sup>988</sup> Сергей Александрович Поляков (1874–1943) — купец, предприниматель, один из меценатов русского символизма, на деньги которого было основано издательство «Скорпион» и журнал «Весы». по образованию был математик, пробовал свои силы как переводчик.

<sup>989</sup> Вероятно, так и не изданная статья «Гамлет».

<sup>990</sup> Собрание сочинений основателя Крестовоздвиженского православно-го трудового братства Николая Николаевича Неплюева (1851–1908).

<sup>991</sup> Печатается с комментариями по: *Колеров, Плотников*, 1992. С. 299–302.

<sup>992</sup> Михаил Людвигович Франк (1878–1942) — математик. — В. К.

ствую довольно плохо во всех отношениях, и тем более меня радует и трогает Ваше неизменно доброе отношение ко мне. С отъездом Петра Бернгардовича в Москву я здесь остался почти так же одинок, как Вы в Париже, так как личных друзей у меня почти нет, а всякое общение на политической почве может сейчас наводить лишь глубочайшее уныние. Но теперь положение очень изменилось уже потому, что левые сами решительно от нас откальваются. Больше всего тут виноваты супруги Про; Сергей Николаевич ушел, я не сомневаюсь, по личным мотивам<sup>993</sup> — он хочет играть роль в рабочем и социал-демократическом движении, и ему невыгодно оставаться в партии, не пользующейся популярностью, хотя он сам составил всю ее экономическую, рабочую и аграрную программу. А так как супруги Про требуют себе беспрекословного повиновения, то они потянули за собой много народу, между прочим и Василия Яковлевича<sup>994</sup>, с которым — помните — нам приходилось сражаться за его «правость». Но, конечно, я не объясняю всего движения влиянием Про. Здесь какое-то поветрие. Чем больше я наблюдаю теперешнюю политическую жизнь, тем более она мне представляется в виде какого-то муравейника или улья, где вся жизнь движется не на разуме и сознательной воле, а на глубочайших и неискоренимых инстинктах, слепых побуждениях, привычках и традициях. Все аргументы, выставляемые в пользу раскола, с точки зрения рассуждения и существа дела, настолько слабы, что о них даже говорить не приходится. Но эти аргументы — только поводы; действуют тут инстинкты — инстинкт нелюбви к «земцам», инстинкт продолжения «революции» (когда, по существу дела, она уже кончилась<sup>995</sup>), вообще ин-

<sup>993</sup> С. Н. Прокопович, Кускова и их круг не вступили в кадетскую партию.

<sup>994</sup> Василий Яковлевич Богучарский (Яковлев, 1861–1915) — член «Союза освобождения».

<sup>995</sup> Здесь очевидно влияние идей Струве. Ср. в современной письму Франка статье Струве: «“Революционная” тактика в деле воздействия на народные массы себя исчерпала...» (*Струве П. Б. Patriotica* : Сб. ст. СПб., 1911. С. 10) — и в его «веховской» статье: «Актом 17 октября



стинкт слепого радикализма, сложившийся десятилетиями и не желающий понять, что время требует новых идей, новой деятельности, новых задач. (Боюсь, что Вам это наблюдение не понравится, так как и Вы очень и очень заражены этим инстинктом — *entre nous*<sup>996</sup>!). Разительный пример — нынешняя забастовка<sup>997</sup>. Она была полной нелепостью — это понимали все — и все-таки: все подчинились тем двум-трем безумцам из совета рабочих депутатов<sup>998</sup>, которым она пришла в голову — потому что это... очень «радикально» и «революционно». Я присутствовал при отвратительном зрелище стадности и трусости в союзе писателей, где все без исключения были по одиночке против забастовки, в частности наборщиков (она, вызвав отсутствие газет, повредила делу Польши и Кронштадтских матросов<sup>999</sup>, конечно, неизмеримо больше, чем им помогла сама стачка), и все коллективно вотировали ей сочувствие<sup>1000</sup>. Тут какой-то фатум. 50 лет все честные люди воспитывались в убеждении, что все радикальное хорошо, и теперь люди мыслящие, как только они сознают нелепость и ненужность какой-либо радикальной меры, начинают конфликтоваться, чувствуют себя неловко, молчат, трусят и уступают первому бесшабашному горлодеру. Людей, вроде Петра Бернгардовича или меня, которые философски и принципиально стоят на другой почве, которые имеют собственную веру,

---

по существу и формально революция должка была бы завершиться» (Там же. С. 350).

<sup>996</sup> Между нами (*фр.*).

<sup>997</sup> 5 ноября 1905 г. петербургский Совет рабочих депутатов принял решение прекратить забастовку в связи с начавшимися локаутами.

<sup>998</sup> Совет рабочих депутатов Петербурга был создан 13 октября 1905 г. На его заседаниях (на гостевых галереях), проходивших в здании Вольного экономического общества, присутствовали Струве и Франк. Арестован и прекратил свое существование 3 декабря 1905 г.

<sup>999</sup> Восставшие 26—28 октября 1905 г. кронштадтские матросы и солдаты предстали перед военно-полевым судом, но прошедшая 1—3 ноября в Петербурге забастовка солидарности вынудила власти 5 ноября передать их дело в гражданский суд.

<sup>1000</sup> Это произошло 17 ноября 1905 г.

дающую им смелость выступать против общественного мнения, почти нет, по крайней мере здесь в Петербурге. Все «правые» исповедуют, в сущности, веру левых и только по темпераменту или тактическим соображениям не сходятся с ними. Поэтому все они в глубине души считают сами себя морально стоящими ниже «левых» и пасуют перед ними. Поэтому и тактика их не принципиальная, и они постоянно делают уступки настроению левых, — уступки, по существу недопустимые и практически ни к чему не приводящие, так как левых ничем не проймешь. Таков, например, Милюков, который, например, после манифеста совершил губительнейшую ошибку, выработав благородную резолюцию о недоверии к правительству конституционно-демократической партии (и внушив тот же ответ земскому бюро), вместо того чтобы поставить Витте ряд строгих, но приемлемых условий, на которых можно было бы поддерживать правительство и водворить в России свободу и порядок. Это, быть может, решило на несколько лет судьбу России, если сейчас — что неизмеримо труднее — Петру Бернгардовичу не удастся поправить эту ошибку на земском съезде<sup>1001</sup>. И главное — если бы этим хоть удалось сохранить единство демократического движения! Но ведь «левых» это ничуть не остановило в антипатии к земцам и к тому же Милюкову, а раскол все-таки состоялся. — У Петра Бернгардовича с Милюковым отношения малодружелюбные, он старается избежать конфликта, но положение натянутое; хоть он наверно мог бы победить Милюко-

<sup>1001</sup> «Последние месяцы 1905 г. если не представляют развязку драмы первой русской революции; то вводят в преддверие этой развязки... по внешности продолжается наш флирт с “друзьями слева”, лишь постепенно охлаждаясь по мере того, как “друзья” все более очевидно превращаются в “друго-врагов”... по отношению к левым выбор позиции принадлежал не нам, а им. В итоге их выбора год закончился их резким отказом от параллельных действий с нами и полным разгромом их собственной тактики», — писал позже главный оппонент Струве в кадетской партии и автор знаменитого лозунга «у нас нет врагов слева» П. Н. Милюков (Воспоминания. С. 225).

ва у земцев, но этим Милюков был бы отброшен к радикалам, и еще одна крупная сила ушла бы от кадетов.

Сейчас у нас положение такое: питерские «освобожденцы» ушли почти все от кадетов, и эта партия состоит пока здесь из одних генералов без войска (Иосиф Гессен, Милюков, Набоков и еще несколько человек «генералов» — вот и вся «партия»; из не генералов остались, кажется, только я и Жуковский<sup>1002</sup>, да еще несколько профессоров<sup>1003</sup>; все же левые освобожденцы не знают, куда приткнуться. Адвокат Маргулиес, подлинный буржуй из буржуев, основал «радикальную партию»<sup>1004</sup>, требующую «соединенных российских штатов» и имеющую программу нелепейшую, составленную с очевидной целью выдумать хоть что-нибудь и нелепое, но более радикальное, чем (по существу очень радикальная) программа кадетов. О такой партии говорить всерьез вообще не приходится. по всей вероятности, освобожденцы будут поглощены социал-демократами и социал-революционерами или останутся вообще не у дел. Общий разброд, общее смятение и глубокое одиночество людей, не поклоняющихся идолам и мыслящих самостоятельно, — таково наше теперешнее состояние. Я бы очень охотно отстранился совсем от политики, так как сам я — политически совсем не влиятельный человек и мог бы быть полезен партии только рядовым в армии интеллигенции; но я остаюсь у кадетов по тому чувству, по которому матрос остается на гибнущем корабле.

<sup>1002</sup> Д. Е. Жуковский.

<sup>1003</sup> В Конституционно-демократической партии состояли профессора: В. Э. Ден, М. Я. Герценштейн, В. М. Гессен, Д. Д. Гримм, Н. И. Кареев, В. Д. Кузьмин-Караваев, Е. Н. Трубецкой (до 1906 г.), В. Е. Якушкин и др.

<sup>1004</sup> Мануил (Эммануил) Сергеевич Маргулиес (1868–1939) — российский общественно-политический деятель, доктор медицины, адвокат, юрист, публицист, предприниматель, масон. В 1905 и 1908 г. арестовывался властями и высылался из столицы за революционную деятельность. Основатель Радикальной партии демократических реформ, редактор-издатель ее печатного органа газеты «Радикал».

Вы знаете, что мы основываем с Петром Бернгардовичем еженедельный политический и философский журнал (вероятно, будет называться, как предполагавшаяся книга «Культура и свобода») <sup>1005</sup>. Дело затягивается вследствие отъезда Петра Бернгардовича в Москву и вследствие того, что у Жуковского финансовый кризис, а вместе с тем Петр Бернгардович считает себя обязанным перед ним дать ему возможность денежно участвовать в журнале. Во всяком случае, через неделю вопрос вырешится.

Петра Бернгардовича я здесь видел урывками и при всем желании не мог бы как-либо влиять на его настроение и самочувствие. (Впрочем, в общем, он все-таки бодр и весел.) Его я не мог поймать иначе, как ночуя у Жуковского (он жил в одном доме с ним); приходилось ждать, когда он зайдет ко мне — иногда он заходил два раза в день, а иногда пропадал на несколько дней. Теперь он должен вернуться из Москвы числа 10–11-го (23–24).

Крепко жму Вашу руку, жду с нетерпением Вашего приезда. Пишите мне чаще, я Вам обещаю тоже. Целую Ваших ребят. (Мой адрес: Разъезжая 23, кв. 20).

Ваш Нюнич

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной** <sup>1006</sup>

[9.11.1905. СПб.]

После того вечера с чтением описанного мною в старом прилагаемом письме, было еще такое же собрание «кружка

<sup>1005</sup> «Полярная звезда» после ее закрытия властями 20 марта 1906 г. возобновилась 1 апреля под названием «Свобода и культура» (редактор С. Л. Франк). Прекращена 31 мая 1906 г.

<sup>1006</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 135–136. Автор-публикатор напоминает: «Для сегодняшнего читателя эти даты малозаметны, но достаточно вспомнить, что 13 октября началась всеобщая забастовка, а 17-го был подписан знаменитый манифест, чтобы понять нерв этих собраний, — политические новости. О первом (шестом) собрании Ремизов

литературы». Читал молодой автор Каменский<sup>1007</sup>. Что-то есть в рассказе, но чисто внешнее. Вечер был тем интересен, что соединил действительно несоединимое. Были с этими «реалистами» Ардебашевым <Sic!> и К<sup>о</sup> Мережковский с Зиной, Розанов, Сологуб, Философов, Максим Белинский (это уж их)<sup>1008</sup>, Миролюбов («Журнал для Всех»)<sup>1009</sup>, Чулков, Ремизов, Жуковский, Бердяев, словом, весь литературный Петербург, исключая [нрзб] Горького, Андреева<sup>1010</sup>, но москвич [нрзб] и Куприна<sup>1011</sup>. Ведь Каменский из «Мира Божия». Но в результате оказалось, что невозможно дружеское собеседование даже на почве литературы. Мережковский всех напугал и обидел резкою критикою против пошлости и безнравственности самой темы<sup>1012</sup>. Я же сказала, что нет пошлых тэм, есть только художественная и антихудожественная трактовка. Художественность всякую тэму утончает до пронизаемости глазу за нее. И некоторую художественность в рассказе я вижу<sup>1013</sup>. Но Мережковского нельзя больше обидеть,

---

записал: “Коновод Аничков. И бесчисленное количество новых. Разговор о событиях. Еще бы!”» *Ремизов А.* Собрание сочинений. Т. 7. С. 50.

Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) — русский историк литературы, критик, фольклорист, прозаик.

<sup>1007</sup> Анатолий Павлович Каменский (1876–1941, умер в лагере, осужденный Особым совещанием НКВД в 1939 г. на 10 лет за клевету) — российский писатель, популярный в начале 20 века. Реабилитирован в 1957 г.

<sup>1008</sup> Максим Белинский — псевдоним писателя и литературного критика Иеронима Иеронимовича Ясинского (1850–1931).

<sup>1009</sup> Виктор Сергеевич Миролюбов (1860–1939) — редактор и издатель. — *В. К.*

<sup>1010</sup> Леонид Николаевич Андреев (1871–1918) — писатель, представитель Серебряного века русской литературы.

<sup>1011</sup> Александр Иванович Куприн (1870–1938) — писатель — *В. К.*

<sup>1012</sup> Ср. описание этого вечера в письме Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной от 20 октября 1905 г. в наст. издании. — *В. К.*

<sup>1013</sup> На этом вечере читался прославленный впоследствии рассказ А. П. Каменского «Четыре». Так как сам автор читать отказался, то его обязанности выполнял Вл. Пяст и оставил об этом выразительные воспоминания.

как восхвалив искусство. Бедный, чего мы уже не можем — то мы презираем. Мне возражал Карташев (прелестная, тонкая, но мучительно бьющаяся [нрзб] в поисках себя поэтическая душа. Он боится формы, боится, что поклонение ей не свято). Розанов, все время злившийся на то, что читают вообще, а не разговаривают, с рассказа перевел обвинение на автора и заявил, что он просто неопытный и неудачливый ловелас. А Вячеслав председателем был выбран и потому говорил последним, сказал, что автор пытался изобразить одну из разновидностей Дон Жуана. Но не могу описать ничего сносно. Скучно все это. Скучны и почти бездарны «реалисты». Невыносимо постыдны наши буржуйные идеалисты в своих удобных вуаяжах с Куковским билетом<sup>1014</sup> за Богом. Ах, опротивели мне все. Одну минуту я верила в чудо. Теперь вижу впереди серую конституцию и пошлое политиканство. Еще безумно хватаюсь за социал-демократов и их армию. У них есть одно, чего ни у кого нет<sup>1015</sup>. Свобода от собственности, от государства даже. Если они и кричат о материализме, то это не правда, это 1) оттого, что они должны все силы собрать для земной борьбы за земную жизнь, и 2) оттого, что мерзость политической религии с нагайкой и гнусным буржуем слишком оскорбила душу истинного человека.

Среды наши тянутся своим чередом. А вот «Вопросы Жизни» умирают<sup>1016</sup>. Нужно изыскать капитал от 10 до 30 тысяч. Пораскинь умом. Сибирякова<sup>1017??</sup> Думаю, завтра

<sup>1014</sup> Буквально: путешествовать по билетам туристической компании Кука. Thomas Cook AG ведет историю с 1841 года, является первой туристической компанией в мире, основана и названа в честь англичанина Томаса Кука (1808–1892), изобретателя организованного туризма. — В. К.

<sup>1015</sup> Вставка синим карандашом: «Об С<оциал> Д<емократах> у меня свое, иное мнение. В.»

<sup>1016</sup> О кризисе в журнале «Вопросы жизни» см.: письмо С. Н. Булгакова А. С. Глинке-Волжскому от 11.11.1905.

<sup>1017</sup> Предположительно: Конкордия Николаевна Самойлова (урожд. Громова; псевд. Сибирякова Н., Сибирский Н., 1876–1921) — журналистка. Род. в Иркутске в семье священника. Участница женского ком-

придется нам ехать в Москву к Андреевой<sup>1018</sup>, но ожидаем известия, там ли она<sup>1019</sup>.

**А. С. Глинка — М. О. Гершензону<sup>1020</sup>**

[9.11.1905]

Милостивый Государь

Михаил Осипович!

Простите, что беспокою Вас. Дело вот в чем. Мне говорили (в Штерберге, Ремизов, Алексей Михайлович), что Вы при нем (он чуть вслушался) говорили Вячеславу Ивановичу Иванову, что у Вас имеются какие-то интересные (ненапечатанные) письма Достоевского к Тургеневу, характеризующие их отношения. (Вячеслава Ивановича Иванова я уже не успел спросить, так как вскоре после свидания с Ремизовым должен был уехать). Если<sup>1021</sup> верно, что говорил Ремизов, то не сочтете ли Вы возможным в той или иной форме помочь мне Вашими письмами. Я теперь готовлю (уже давно) большую (быть может, листов в 80 или

---

мунистического движения. Окончила гимназию, училась на Высших женских курсах в СПб. — В. К.

<sup>1018</sup> Мария Федоровна Андреева (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская, 1868–1953) — русская актриса, общественный и политический деятель, гражданская жена Максима Горького (с 1904 по 1921 гг.).

<sup>1019</sup> Еще один раз группа «реалистов» побывала у Ивановых 19 декабря. См. в письме Зиновьевой-Аннибал: «Вчера на нас неожиданно нагрянул “кружок литературы” (Арцыбашев и компания) без предупреждения (вышел беспорядок у них, так как секретарь Настя Чеботаревская в Москве). Читалась какая-то дрянь. Я кое-как поила чаем. Вячеслав сбежал за пивом и колбасой. Люди славные, простые, теплые, но уж до печали бесталанные! Скушно» (НИОР РГБ. Ф. 109. Ед. хр. 15. Л. 59).

<sup>1020</sup> Текст подготовлен к изданию и откомментирован А. И. Резниченко. Публикуется впервые. Оригинал: НИОР РГБ Ф. 746 (Гершензон М. О.) К. 31. Ед. хр. 39. Л. 1–10 об.

<sup>1021</sup> После *если* вычеркнуто: *это*.

более) биографию Федора Михайловича Достоевского). Понятно, что разыскиваю все, везде, — тем более заволновался, узнав о существовании таких значительных писем у Вас. Письма (ненапечатанные в Первом Собрании Писем Тургенева) к Достоевскому есть у вдовы (Анны Григорьевны Достоевской), но сейчас она их затрудняется разыскать. В будущем, быть может, мне удастся их у него посмотреть. Писем же Достоевского к Тургеневу, конечно, нет. А они были бы мне ужасно важны.

Быть может, Вы раньше сами используете их или прямо передадите на каких-либо условиях (в копиях) мне. Очень прошу Вас об этом. Биографию я, быть может, при удачном ходе работы, закончу в начале<sup>1022</sup> 1907 года. Хотелось бы, конечно, иметь их как можно раньше.

Простите, что беспокою Вас, но, конечно, поймите, что вынуждает меня к этому. В Москве — ни через Ветринского<sup>1023</sup>, ни через знакомых не мог узнать Вашего адреса. Это письмо посылаю Сергею Николаевичу Булгакову — с просьбой при первом случае передать Вам.

С совершенным почтением

А. Глинка

(Волжский — по литературе)

Адрес

Симбирск

Стрелецкая 13

Александрю Сергеевичу Глинке

Ваш ответ можно передать и устно Сергею Николаевичу, если увидите его. Он напишет. Это<sup>1024</sup> если Вам меньше хлопот, чем написать. Пожалуйста же, сообщите, что имеете.

19 9/XI 05

<sup>1022</sup> После *В начале* вычеркнуто: *будущее<го>*.

<sup>1023</sup> Василий Евграфович Чешихин-Ветринский (1866 (7) — 1923) — историк русской литературы и общественной мысли, публицист, журналист. — *В. К.*

<sup>1024</sup> После *Это* вычеркнуто: *чтобы*.



**Г. П. Медем — Приставу 2 участка Пречистенской части<sup>1025</sup>**

[9.11.1905. Москва]

Проживающий по Сивцеву Вражку, в Нашокинском пер., в доме Яковлевой, кв. 16 Владимир Францевич Эрн заявлением, поданным мне 5 ноября с. г., довел до моего сведения, что им, совместно с другими лицами, поименованными в его заявлении, предположено открыть в Москве «Религиозно-философское общества памяти В. С. Соловьева».

К своему заявлению г. Эрн приложил никем не утвержденный устав этого Общества.

Принимая во внимание, что существующий порядок утверждения разного рода Обществ и утверждения их уставов не отменен, предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить г. Эрну, что открытие действий упомянутого Общества может быть признанным законным лишь по утверждении составленного учредителями устава, для какового утверждения надлежит представить устав Министру Внутренних Дел.

Расписку г. Эрна в объявлении сего доставить мне<sup>1026</sup>.

Генерал-майор Г. П. Медем.

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>1027</sup>**

[11.11.1905. Киев — Симбирск]

11.11.1905 г. Киев

Дорогой Александр Сергеевич!

Воротился я из Москвы и Петербурга и ничего Вам определенного сказать не могу, как ни хотелось бы Вас

<sup>1025</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 200.

<sup>1026</sup> Эрн дал расписку 22 ноября 1905 г. Устав был утвержден и МРФО зарегистрировано канцелярией московского градоначальника 1 августа 1906 г. (ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 73. Д. 142. Л. 25).

<sup>1027</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед.хр. 198. Л. 18. Закрытое письмо. Адрес: Симбирск, Смоленский пер. д. Дмитриева. Александру Сергеевичу Глинке.

чем-нибудь порадовать: все неясно и смутно. От газеты Сытин отваливает (быть может, не без влияния отца Григория<sup>1028</sup>, хотя это не достоверно). «Вопросы жизни» мы решили попробовать продолжать без денег и, не платя почти гонораров, исключив текущую политику и позитивистов. Но, конечно, вопрос, осуществляются ли они без денег. Жуковский от нас отказался совсем. Георгий Иванович<sup>1029</sup> ограничен одним беллетристическим отделом. Был принципиальный и откровенный разговор. Больше всего я надеюсь на «Вестник жизни», хотя Сытин и от него не прочь увильнуть. Но он так или иначе будет. Напишите мне немедленно для первого номера и отошлите в Петербург не очень большую статью о чем хотите, религиозную. Вероятно, Вам уже писали об этом, но прошу Вас сделать немедленно. Как только выяснится что-либо, извещу. Будьте здоровы. С. Б.

**К. М. Аггеев — В. Ф. Эрну и В. П. Свенцицкому<sup>1030</sup>**

[14.11.1905. СПб. — Москва]

Дорогие Владимир Францевич и Валентин Павлович, после мучительно нерешительных недель, истерзавших нас обоих, «Вестник жизни», переименованный в «Свободу и религию»<sup>1031</sup>, близок к появлению на свет Божий. Сегодня у Антона Владимировича Карташева были Сытин

---

В адресную строку другим почерком вписана буква Z с длинным волнообразным росчерком. На оборотной стороне письма пером нарисован торс женщины с развевающимися волосами, запутавшейся в паутине, рисунок зачеркнул. Рядом изображена монограмма в виде цифры 2, в сильно увеличенной верхней петле которой расположена буква Z с подчеркиванием. Над монограммой прописная русская буква П.

<sup>1028</sup> Священник Григорий Петров.

<sup>1029</sup> Г. И. Чулков.

<sup>1030</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 203.

<sup>1031</sup> Журнал под таким названием не вышел.

и солидный петербургский книгоиздатель Сойкин<sup>1032</sup> и заявили, что берут совместно наш орган в свои руки.

В самых первых числах декабря выйдет первый номер. А раньше будет публиковаться составленный Сергеем Николаевичем Булгаковым и принятый всеми нами проспект издания. Мы ожили со вчерашнего дня. Трудно в достаточной степени изобразить вам пережитую душевную муку: свыше полугода жить идеей журнала и вдруг по каким-то роковым стечениям событий потерять его...

Григорий, к слову сказать, от издания и даже сотрудничества пока устраняется: по его желанию в объявлении его фамилии значиться не будет. Это слова отца Григория — для возможности писать о нем.

Обращаемся к вам с горячим призывом — объединиться около нашего новорожденного детища и отдать ему свои силы...

«Народная газета» в Москве будет издаваться Сытиным. Главным деятелем в ней будет отец Григорий, который даже, как мне передавали, переезжает на жительство в Москву. Было бы, конечно, очень хорошо и ваше участие, но боюсь я за его возможность: чисты вы для компромиссов и не захотите идти по указке людей, несколько чуждых вам. Во всяком случае, не откажите поделиться сведениями о предстоящем народном органе, если они у вас имеются.

Ожидаем статей. В первом № будет отзыв о вашем сборнике<sup>1033</sup>. А я, надо полагать, посвящу ему не одну статью.

Антон Владимирович очень просит сообщить имя и отчество Флоренского. Попросите его при свидании о статьях.

Всего вам хорошего! Преданный свящ. К. Аггеев.

<sup>1032</sup> Петр Петрович Сойкин (1862–1938) — книгоиздатель, специализировался на естественнонаучной, научно-популярной литературе и собраниях сочинений русских и зарубежных писателей. — В. К.

<sup>1033</sup> Место публикации отзыва не установлено.

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>1034</sup>

[14.11.1905. СПб.]

1905.XI.14

Дорогой Петр Павлович!

Целые три недели переживал ужасные душевные страдания: порою терял голову. И не думал, чтобы так мог пристраститься к нашему журналу. Душевная мука мешала и писать тебе.

Наш «Вестник жизни» чуть было не умер до рождения. Сытин в последний месяц потерял в делах свыше 300 000 руб. А к тому же отец Григорий подливает пессимизму. Нужно сказать тебе, что отец Петров с самого начала зарождения идеи о журнале стал к последнему в скептическое отношение. И мне с августа по сей день приходилось выносить это дело на своих плечах. Горячее спасибо Сергею Николаевичу Булгакову и москвичам его друзьям, которые поддерживали меня в неравной борьбе. Ты спросишь, где причина такого отношения. Отказываюсь уяснить тебе. Повидайся с Сергеем Николаевичем и побеседуй с ним.

Со вчерашнего дня мы с Антоном Владимировичем Карташевым. Вопрос о журнале, которому мы даем новое название «Свобода и Религия», окончательно решен положительно. Сегодня были Сытин и петербургский солидный книгоиздатель Сойкин, и они вдвоем берут дело в свои руки. Первый № выйдет в самых первых числах декабря. На днях печатается проспект органа и будет опубликован в самых широких размерах. Объявление начинается:

«Свобода и Религия»

(Орган христианского возрождения и христианской политики. В редакции принимают участие А. В. Карташев, священник К. Аггеев и проф. С. Н. Булгаков).

Сергей Николаевич настоял на этом: «Теперь нужно выставить единение духовенства и интеллигенции — того

<sup>1034</sup> Печатается по: Балакшина, 2014. С. 349–350. Также: Чертков, 2017. С. 203.

требует исторический момент» (Какая вера глубокая у Сергея Николаевича.) Нам всем бы такую! Князь Евгений Трубецкой присылает статью для первого №: «Памяти Вл. С. Соловьева». Разве с такими людьми нельзя дела сделать!..

Контору организует сам Сойкин у себя. Редакция будет отдельно. Снимают обширное помещение. Как только наймут и передадут нам, выпишу Колю для работ, но не черных, а сотрудничества. Хорошо бы было взять для идейного обозрения «Начало», «Новую Жизнь» и другие социал-демократические органы.

Главный мотив нашего органа — борьба с социал-демократическим материализмом, который у нас в проспекте назван драконом. Признавая практическую сторону социал-демократов, мы с тем большим отрицанием относимся к его атеизму<sup>1035</sup>. (...)

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>1036</sup>**

[14.11.1905. СПб.]

14/XI 05

<sup>1035</sup> Ср.: «Церковь... должна признавать и освящать все то положительное, ценное и истинное, что есть в программах отдельных политических и общественных партий, отделяя зерно от мякины» (Трубецкой Е. Церковь и современное общественное движение // Право. 1905. № 15. С. 1173). «Вырабатывать заново конкретные требования или практическую программу христианской политики для нашего времени не приходится, ибо это давно уже сделано гуманистическим движением, хотя и чуждым религии, но бессознательно выразившим именно ее требования, нужно прямо учиться у него. (...) Принять и усвоить основную программу, уже выставленную нашими демократическими социалистическими партиями в их практической, так сказать, деловой части» (Булгаков С. Неотложная задача. С. 19–20). «Христианство и должно воспользоваться долгим опытом крайних партий, выработавших себе наилучшие приемы борьбы, и принять и использовать их. Программа-тактика христиан — это программа крайних партий, с исключением из нее убийства» (Свенцицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 114). — *Прим. С. Черткова.*

<sup>1036</sup> Печатается с комментариями по: Быстров, 1994. С. 231–233.

Вы получили мою карточку? Заходил к Вам вчера вечером и не застал.

У меня есть надежда, что суд над Николаем Максимовичем не состоится<sup>1037</sup>. Дмитрий Владимирович Философов

<sup>1037</sup> Письмо свидетельствует об участии Мережковского в судьбе Н. М. Минского, попавшего в сложное положение: он был арестован, ему грозило судебное разбирательство по делу запрещенной властями большевистской газеты «Новая жизнь», официальным редактором которой он являлся. Суд не состоялся, поскольку Минский, выпущенный на свободу под залог, тут же уехал за границу. См. текст доклада министра юстиции Щегловитова Николаю II в связи с делом Минского в статье Б. С. Мейлаха «Символисты в 1905 году» (Литературное наследство. Т. 27–28. С. 192–195). См. также статью В. А. Максимовой о «Новой жизни» в кн.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 4–23. З. Н. Гиппиус так объясняла подъем революционных настроений Минского: «И многих удивила поспешность, с какой Н. Минский (...) кинулся прямо к социал-демократам (большевикам), стал даже подписывать газету Ленина. Но этот умный — более умный, нежели талантливый — стихотворец-философ (...) страдал всю жизнь каким-то странным беспокойством: где ни почуетея ему “последний крик времени”, туда, не разбирая, он и кинется» (*Гиппиус З.* Слова и люди. С. 110). Минский, по свидетельству З. Н. Гиппиус, мотивировал свое сближение с социал-демократами тем, что хотел сделать «надстройку» над марксизмом из собственной «мэонической» религии (См.: *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский. С. 142). Интерпретируя позднее этот эпизод своей биографии, Минский, в частности, писал: «Союз между символизмом и революцией — явление внутренне необходимое. Художники с наиболее утонченными нервами не могут не оказаться наиболее отзывчивыми на голос правды. Новаторы в области искусства не могут не стать рука об руку с преобразователями практической жизни. Что касается меня, то союз между практическим и теоретическим идеализмом всегда казался мне неизбежным. Для меня не было и нет сомнения, что, для того чтобы русская личность очнулась от оцепенения, в которое ее повергла наша ненормальная государственность, ей одинаково необходимо как внешний простор политической свободы, так внутренний простор религиозной истины» (*Минский Н.* На общественные темы. СПб., 1909. С. 195).

был у своего брата — государственного контролера<sup>1038</sup> и настоятельно и, кажется, не безуспешно советовал ему сделать все что возможно, чтобы предстоящий закон о печати<sup>1039</sup> возымел действие амнистирующее на «преступления» Николая Максимовича.

Разумеется, с уверенностью ничего нельзя сказать, но — если суд отменят, то Вы этим будете обязаны Дмитрию Владимировичу). И мне в таком случае будет очень радостно, что я хоть чуточку своим влиянием на Дмитрия Владимировича способствовал этому делу.

Но умоляю Вас, Бэла милая, будьте тверды, решительны и извлеките Николая Максимовича как можно скорее из социаль-демократического<sup>1040</sup> болота! «Гимн рабочих» меня огорчил: «из развалин, из пожарищ»<sup>1041</sup> — ничего не возникнет, кроме Грядущего Хама<sup>1042</sup>.

<sup>1038</sup> Двоюродный брат Д. В. Filosofova Дмитрий Александрович Философов вскоре стал министром торговли и промышленности в кабинете П. А. Столыпина.

<sup>1039</sup> 24 ноября 1905 г. были утверждены «временные правила», регламентирующие деятельность печатных органов.

<sup>1040</sup> Такое написание слова (специально подчеркнутое Мережковским) подразумевало, вероятно, некий особый смысловой оттенок. Ср. в письме А. Блока к А. В. Гиппиусу от 9 ноября 1905 г., где он также выделил это слово: «Я — СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТ» (См.: *Блок А. Собрание сочинений*. Т. 8. С. 141).

<sup>1041</sup> Мережковский цитирует слова из третьей строфы «Гимна рабочих» Н. Минского, опубликованного в большевистской газете «Новая жизнь» (13 (26) ноября 1905. № 15. С. 2): «Мир возникнет из развалин, из пожарищ...»

<sup>1042</sup> Обобщенный, символизированный образ Грядущего Хама возникает в одноименной статье Мережковского, написанной в 1905 г. «У этого Хама в России, — писал он, — три лица. Первое, настоящее — над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины... (...) Второе лицо прошлое — рядом с нами, лицо православия, (...) той церкви, о которой Достоевский сказал, что она “в параличе”. (...) Третье лицо будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу, — хулиганства, босаячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц» (*Мережковский Д. С. Грядущий Хам*. С. 37).

Ну, всего хорошего. Не забывайте Вашего друга.  
Д. Мережковский

**М. А. Новоселов — Ф. Д. Самарину**<sup>1043</sup>

[16.11.1905]

16 ноября 1905 г. †

Многоуважаемый

Федор Дмитриевич!

Очень благодарю Вас за приглашение в Крым, к сожалению, опять не могу воспользоваться, так как 18-го состоится заседание Отделения Училищного Совета, где мне необходимо быть (как члену) ввиду особых вопросов, предположенных к обсуждению. Кроме того, я пытаюсь эти дни объединить здесь единомысленных для совместного действия. Сегодня вечером будем иметь суждение об этом предмете. Числа 20-го я все-таки надеюсь быть в Москве, где проведу, вероятно, несколько дней. Научите, как и когда я могу видеть Вас, чтобы получить от Вас некоторые указания. Черкните, пожалуйста, об этом несколько слов по адресу: 4-я гимназия, у Покровских ворот, кв. В. Д. Мощанского, мне.

Прошу передать от меня сердечный привет и пожелание успеха собранию.

Храни, умудри и укрепи всех нас Господь!

Чтущий Вас М. Новоселов.

P. S. Спасибо за сказанное в «Русском листке»<sup>1044</sup>.

<sup>1043</sup> Печатается с комментариями по: *Полищук*, 2013. С. 437. Оригинал: НИОР РГБ. Ф. 265. К. 195. Ед. хр. 26. Л. 9–10. Письмо без конверта.

<sup>1044</sup> Имеется в виду статья: *Самарин Ф. Д.* По поводу так называемого все-русского крестьянского съезда // *Русский листок*. 14 (27) ноября. 1905. № 307. С. 2. Съезд выдвинул программу отмены частной собственности и социализации земли. Ф. Д. Самарин писал по этому поводу А. А. Кирееву: «необходимо высказаться решительно против таких преступных возгласов. Теперь при отсутствии цензуры это



А. К. Герцык — В. Я. Брюсову<sup>1045</sup>

[28.11.1905. Москва]

28 ноября

В последних стихотворениях Ваших в «Вопросах жизни»<sup>1046</sup> Вы сказали, что живете «грядущим» и что это делает Вас гордым и свободным, несмотря на то что варвары будут «творить мерзость во храме и складывать книги в корзины»...

Ваши слова, прозвучавшие среди многоголосого шума, исходят именно оттуда, откуда со страхом ждут теперь слова все, кому дорого и нужно ваше искусство. Что делают,

---

единственное средство борьбы. Да и цензура тут мало помогла бы. Она только вогнала бы болезнь внутрь, а надо лечить ее радикально и для этого одно средство — общественное негодование. Арест руководителей съезда не должен останавливать. Во-первых, по всему вероятию, их так же выпустят, как выпускают теперь всех преступников. Во-вторых, надо, чтоб общество не только не высказывало им сочувствия, а поддержало бы власть в этой ее попытке бороться с разнузданностью слова. Иначе административные и судебные кары только послужат на пользу революции» (*Самарин Ф. Д.* Письмо А. А. Кирееву. 15 ноября [1905] // ОР РНБ. Ф. 349. Ед. хр. 60. Л. 86 об.

<sup>1045</sup> Печатается с комментариями по: Сестры Герцык. Письма / Сост. и коммент. Т. Н. Жуковской. СПб. ; М., 2002. С. 85–87. В 1904–1907 гг. Аделаида Казимировна Герцык (1874–1925) — поэт, прозаик, переводчица сотрудничала в журнале «Весы», фактически возглавляемом Брюсовым. В рубрике «Новые книги» она под псевдонимом «Сирин» писала рецензии на русские, немецкие, итальянские и английские книги. В 1910 г. В. Я. Брюсов откликнулся на сборник стихов Аделаиды «Стихотворения» (СПб., 1910) в статье «Женская поэзия» (РМ. 1910. № 8). В 1910–1912 гг., когда Брюсов возглавлял литературно-художественный отдел РМ, их деловые контакты снова возобновились. Письма хранятся в Рукописном отделе РГБ: Ф. 386. Оп. 82. Ед. хр. 23.

<sup>1046</sup> Имеется в виду цикл стихов В. Брюсова «Из современности», опубликованный в «Вопросах жизни» (1905, № 9 и 10–11). «Это был для меня поэтический пир», — писал о них Вяч. Иванов. (*Иванов. В.* О «факельщиках» и других именах собирательных по поводу статьи Аврелия // Весы. 1906, № 6. С. 53).

что думают «хранители тайн и веры», где и как будут любить то, чему отдавали себя до сих пор?

Не на общественные темы собиралась я говорить с Вами — я, так же как все, хочу того, чего хотят они, эти «невольники воли», и знаю, что они неповинны ни в чем, и знаю, что другого пути теперь нет. Я обращаюсь к Вам с другим. Вы — из того мира, которым я жила и за ростом которого следила с радостным волнением. Вот почему я пишу Вам. Больно видеть, как с вторжением этого правого безумия в жизнь грубеет и душа, топчется все лучшее, с любовью возвращенное. Иногда кажется, что присутствуешь на похоронах чего-то дорогого и безвозвратного.

Конечно, это временно, грубые голоса смолкнут, газетная обличительная литература перестанет заполнять жизнь, но вернется ли нежное, утонченно-прекрасное, умное и художественное, что понемногу — благодаря вам, нашим поэтам, благодаря «Весам» — все шире разливалось в жизни и из роскоши, доступной избранным, обращалось в духовную потребность для многих? Наши странные, договоренные пророчества, недопетые песни — что будет с ними? Вы скажете, что для истинного поэта то, что мы переживаем, послужит лишь новым источником творчества, для слабого же, лишенного самобытности, будет лучше, если его сметут хлынувшие волны. Да? Вы скажете это? Или, быть может, пожалеете многое бессильное, неокрепшее, но все же милое и близкое в нашей поэзии, что не выдержит юра жизни и смолкнет? Останется мало — всего два, три, — и ждешь с тревогой: что они сделают? Как применятся к жизни? Как преломится она в них? Такая страшная жизнь, как наша, может найти себе воплощение лишь через много лет — да она останется далеко позади (ведь нынешние отклики на действительность и на злобы дня в прозе и стихах не могут же иметь художественного значения!).

Да и потом, культура, которая возродится после, когда люди устроят свою жизнь и захотят опять красоты и веч-

ности, будет уж другая, и выражение ее, и слова, и облик, и прозрения будут новыми. А безгранично дорог именно наш, неповторимый в своих сочетаниях момент, его случайности, в его чуде.

Вы сами пишете: Погибнет то, что ведомо лишь нам<sup>1047</sup>, — и вот с этим не мирится душа; она жила вами и хочет узнать до дна все, что ведомо вам, ее пророкам и певцам, — она имеет право на это, потому что взлелеяна ими.

Вы говорите, что надо унести свой свет<sup>1048</sup> в пустыни и пещеры, чтоб его не загасили, не затоптали здесь. Но нужна смелость, чтоб уйти и продолжать любить то, что теперь звучит так одиноко, так изменнически. Вячеслав Иванов пишет, что теперь время соборного искусства<sup>1049</sup>. Едва ли он прав. Моменты, когда поэт, зажженный судьбой народа, сливается с ним, не порождают истинного искусства. Пропасть непереходима, все одиноки, всякий более, чем когда-либо, индивидуалист. Вы — наш самый большой индивидуалист, в вас нет стихийности, которая на время дает иллюзию слияния с миром. Вы всегда в себе, замкнутый, нерастворимый. И я верю, что у Вас будет мужество проявить искренность — «последнюю, крайнюю», какую требовал Ницше. Трудно сказать и спросить все в письме и потому решаюсь просить Вас зайти ко мне когда-нибудь

<sup>1047</sup> Измененная строка из стихотворения В. Брюсова «Грядущие гунны»: «Бесследно все гибнет, быть может, / Что ведомо было одним нам, / Но вас, кто меня уничтожит, / Встречаю приветственным гимном» (Осень 1904; 30 июля — 10 августа 1905); «пророкам и певцам...» — скорее всего, парафраз строки этого же стихотворения: «А мы, мудрецы и поэты...»

<sup>1048</sup> Отсылка к тому же стихотворению: «Унесем зажженные светлы / В катакомбы, в пустыни, в пещеры».

<sup>1049</sup> Речь идет о статье Вяч. Иванова «Кризис индивидуализма. К трехвековой годовщине “Дон-Кихота”», где заявлено: «Индивидуализм, в своей соборности невольной и несознательной метаморфозе, усваивает черты соборности: знак, что в лаборатории жизни вырабатывается некоторый синтез личного начала и начала соборного.... Мы стоим ныне под знаком соборности...» (Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 58).

в свободную минуту, если это не слишком затруднит Вас. Мое участие в «Весах»<sup>1050</sup> (хотя и такое незначительное) дает мне смелость просить Вас об этом. Я не вижу и не знаю никого, кто бы разделял мою любовь ко всему «беспокойному», чуждому современной жизни. А мне по-прежнему интересны вопросы эстетики — я так жду Ваши новые переводы Верхарна и Энеиды<sup>1051</sup>...

И хочу спросить Вас о судьбе их. Хотелось бы узнать и о судьбе «Весов». А главное — о том, что думают, что делают те, от которых ждешь вечных художественных образцов в ответ на безумие жизни?

Может быть, Вы передадите моему посланнику, когда я могу ждать Вас? Во всяком случае, все ближайшие дни буду дома и во всякое время рада Вас видеть.

Собачья площадка, д. 9 (угол Николо-Песковского пер.), кв. 3. Адель Казимировна Герцык.

**Д. С. Мережковский — Н. А. Бердяеву<sup>1052</sup>**

О новом религиозном действии  
(Открытое письмо Н. А. Бердяеву)  
[1905]

Глубокоуважаемый Николай Александрович!

Для меня нет никакого сомнения в том, что Ваша статья «О новом религиозном сознании» — самое глубокое и про-

<sup>1050</sup> Имя Герцык появилось в печати в самом начале века как переводчицы трудов Дж. Рескина, Ф. Ницше и автора литературно-критических и мемуарных эссе («Религия красоты» о Дж. Рескине, 1902, и др.), опубликованных в разных журналах. С 1904 г. Герцык сотрудничала как автор рецензий в журнале символистов «Весы» под псевдонимом Сирина.

<sup>1051</sup> В 1905 г. Брюсов опубликовал ряд переводов Верхарна, в том числе «Лики жизни» в «Вопросах жизни» (№ 10–11). Позже эти переводы вошли в книгу: *Верхарн Э. Стихи о современности*. М.: «Скорпион», 1906). Фрагменты из перевода «Энеиды» Вергилия появились лишь в 1912 г.

<sup>1052</sup> Печатается по: Вопросы жизни. 1905. № 10–11. С. 358–376.

никновенное из всего, что было сказано, как у нас, в России, так и за границей, о моих религиозных идеях. Вы сказали о них почти все, что в настоящих условиях, литературных и общественных, можно и должно сказать; далее начинается область, где уже нельзя только говорить, а надо говорить и делать вместе, где доказывать значит показывать.

«Полюби не меня, а мое» — эта незаглушимая потребность всякого писателя, у которого есть что-нибудь, чем он дорожит больше, нежели самим собою, — отнюдь не потребность внешнего литературного успеха, а внутренней живой связи с читателем — в любви к Единому. До сих пор у меня этой связи почти не было. В России меня не любили и бранили; за границей меня любили и хвалили; но и здесь и там одинаково не понимали моего. Я испытывал минуты такого одиночества, что становилось жутко; иногда казалось, что или я нем, или все глухи; иногда хотелось воскликнуть с тем последним отчаянием, которым искушал меня мой вечный искушитель, Василий Васильевич Розанов, в статье своей «Среди иноязычных», с таким нежным и предательским лукавством: никто ничего не понимает, никто ничего никогда не поймет. Если я не впал в отчаяние, если сохранил надежду, то только благодаря тому, что, будучи один в литературе, в жизни я не был один: сколько бы нас ни было сейчас, будет все больше и больше; дело не в численном количестве; Вы, впрочем, сами знаете, какая таинственная неодолимая сила и власть в этом троичном символе: 1, 2, 3.

И надежда не постыдила меня. Вот уже в литературе я не один. Вы со мною? Или, может быть, я с Вами? Не все ли равно? Главное, мы вместе. Вы полюбили не меня, а мое. Это великая радость. Ибо для меня литература — вторая жизнь, не менее глубокая, чем первая.

«Мережковский приближается к разгадке какого-то секрета, ходит около него, не знает ли он уже его, или знает только о нем? Наши с ним желания тождественны, мы хотим разгадать ту же тайну, и потому путь у нас один».

Я не хочу сомневаться, что эти слова имеют для Вас такое же значение, как для меня, как для нас. И когда Вы смешиваете маленькое слово «секрет» (никаких «секретов» у меня нет, да они и не нужны мне) с великим словом «тайна», Вы, может быть, это делаете нарочно для того, чтобы прикрыть этими двумя словами третье, такое великое и святое, что Вы его не хотите произносить, и я произнести не смею; но Вы его знаете, и знают все, кому должно знать. «Путь у нас один» — значит ли это, что мы идем с Вами именно к этому слову, которое не может оставаться только словом, но должно кончиться действием! Значит ли это, что единство нашего пути более, чем умственное, более, чем нравственное, более, чем жизненное, что оно религиозное! Так ли я Вас понял? Если так, то, когда Вы писали слова о единстве наших путей, Вы подписывали святой и страшный договор, святой и страшный для нас обоих, для нас всех, для Единого во всех нас. Вы это знаете? Вы не отступите? Во всяком случае, мы не отступим. Если, впрочем, Вы примете этот договор так же, как мы его примем, — а иначе принять мы не можем, — то и для Вас уже нет отступления.

Но прежде чем принять договор, я должен ответить на вопросы, которые Вы мне предлагаете, и, в свою очередь, предложить Вам вопрос: только ответ на этот вопрос решит окончательно, один ли у нас путь.

Вы совершенно справедливо заметили мой недостаток — «отсутствие философской критики» — отчего у меня происходит иногда большая неясность не столько религиозных понятий, сколько их выражений. В этой слабости моей Вы оказываете мне великую помощь: то, к чему я подхожу лишь более или менее темным, религиозным чутьем, Вы освещаете светом философского сознания. Вы показали, что поставленная мною с недостаточною твердостью метафизическая проблема о «духе» и «плоти» разрешается не в метафизическом, а в мистическом порядке, в откровении триединства Божественных ипостасей, в со-

единении двух ликов, Отчего и Сыновнего, в третьем лике Духа; Вы показали, что моя борьба с монашеским аскетизмом и спиритуализмом исторического христианства слишком внешняя, поверхностная, слишком «позитивная»; что эта борьба должна происходить на иной, гораздо большей глубине; предстоит победить не столько метафизический «спиритуализм», сколько мистический «дуализм», заложенный в основу исторического христианства. Религиозная проблема духа и плоти, полярности бездн, двойственности рождается не из онтологического дуализма человеческой природы, а из величайшей для нас тайны разделения Бога на два лика и отношения этого раздвоения к эманулирующему из Бога множественному миру; и религиозно разрешается эта проблема, двойственность замирает в третьем лике Бога.

И в этих словах, которые, надеюсь, будут часто повториться как руководящие, Вы дали метафизическую формулу такой прозрачности, какая только возможна в настоящее время, и я принимаю эту формулу целиком. Надо преодолеть в христианстве историческом не метафизикой метафизику, не мыслью мысль, а опытом опыт, откровением откровение; надо не говорить о том, что два суть едино, а явить едино в двух, сделать, чтобы два были едино. А пока это не явлено, не сделано, не следует отречься от метафизики для мистики. Должно пройти все пути человеческой мысли до конца — и только с их последней вершины можно «лететь», а преждевременный мистический полет в «новое небо» может оказаться только метафизическим провалом в пропасти «старой земли».

Там, где я карабкался по дикой круче, блуждая, срываясь и падая, Вы намечаете план светлой и широкой лестницы, по ступеням которой могут идти все, — как бы Пропилеи человеческой мудрости, философии — во храм Премудрости Божией Святой Софии. Этот план должны исполнить будущие поколения работников. И когда он будет исполнен, то, может быть, окажется, что мудрость человеческая и Премуд-

рость Божия, философия и Святая София ведут к одному — к созерцанию Божественного триединства. Когда это солнце взойдет, то не нужен будет свет земных светильников; но пока оно не взошло, пока мы идем как бы в подземной ночи, — мне, шедшему донныне почти ощупью, — как не радоваться Вам, готовому пойти со мной рядом и осветить мой темный, иногда столь страшный путь светом философского сознания, спасая меня от ложных, может быть, непоправимых шагов? В этом смысле Вы мне нужнее, чем кто-либо.

Возьму только один пример — мое отношение к Василию Васильевичу Розанову<sup>1053</sup>. Русские богословы очень охот-

<sup>1053</sup> Н. Бердяев охарактеризовал влияние В. Розанова на Д. Мережковского так: «Огромное влияние оказал на Мережковского Розанов, его постановка религиозных тем, его критика христианства. Как ни враждебен сейчас Мережковский Розанову, но и донныне не может он освободиться от обаяния розановской религии плоти, и ему импонируют те непосредственные розановские мироощущения, которых нет у него самого. Мережковский некогда провозгласил Розанова русским Ницше. Розанов, несомненно, predetermined подход Мережковского к христианству, привил ему христианские темы в своей постановке. Розанов органически связан с православным бытом, вышел из него и может мыслить только от него. Он не чувствует веселия духа и подъема, когда нет против него православного священника, нет вокруг него тепла православной плоти. Православная восковая свечечка — родная и близкая Розанову, и он хочет сохранить ее даже в моменты своего антихристового восстания против Христа. Он — церковный человек по своим истокам, и он произносит свою хулу на Христа, неслыханную по дерзости, как свой человек. Это импонирует Мережковскому, такому оторванному от всего церковного, такому далекому от всего православного. Он даже как будто бы впервые знакомится с православием по отрицательной критике Розанова. Он и теперь, после всего длинного своего пути, плохо знает православие и говорит о нем со стороны. Свое религиозное питание и воспитание Мережковский получил на религиозно-философских собраниях, отчеты о которых печатались в “Новом пути”. Там встречался он с представителями православного духовенства, с православными монахами, там слушал вдохновенные речи апокалиптика В. А. Тернавцева, пророчески возвещающего правду о земле, которая раскроется в хилиазме. На этих религиозно-философских собраниях, которые должны быть признаны очень зна-



но связывают нас в неразрывную парочку: «наши неохристиане, г.г. Розанов и Мережковский». В темноте только увидели или, вернее, услышали, что мы близки друг другу. Но никто не подозревал, что это — близость сходящихся противоположных крайностей, близость двух противников, которые готовятся на смертный бой. Вы первый осветили светом философской критики наше непримиримое положение относительно друг друга; вы первый в литературе отметили: «несмотря на свою кажущуюся близость с Розановым, Мережковский в сущности стоит на диаметрально-противоположном конце: Розанов открывает святость пола («плоти») как бы до начала мира, хочет вернуть нас к райскому состоянию до грехопадения; Мережковский открывает то же самое после конца мира, зовет нас к святому пиршеству плоти в мире преображенном. Мережковский прав, потому что смотрит вперед, а не назад».

Я считаю Розанова гениальным писателем; за то, что он всем нам дал, нельзя заплатить никакой благодарностью; критика исторического христианства у него глубже, чем критика самого «антихриста» Ницше. Но, несмотря на всю мою благодарность и личное неизменно дружеское отношение к Розанову, — в области религиозных идей, если бы только он мог или захотел понять то, что я говорю, — он оказался бы

---

чительным фактом в нашем религиозно-философском брожении, встречались представители новой культуры с представителями старого православия, и от этой встречи родились новые темы. Вокруг этих религиозно-философских собраний образовалась атмосфера новых религиозных исканий. Но одному Мережковскому удалось создать целую религиозную конструкцию, целую систему неохристианства. Он претворил в своей конструкции и темы Толстого и Достоевского, и религию «плоти» Розанова, и хилиастическую «правду о земле» Тернавцева, и все споры религиозно-философских собраний об отношении христианства к культуре и к земле, и все предчувствия нового открытия. В нем меньше религиозной инициативы, чем у Розанова и Тернавцева, но значение его было основное для интересующего нас типа религиозной мысли». Впервые опубликовано: *Бердяев Н.* Новое христианство (Д. С. Мережковский) // РМ. 1916. № 7. С. 68.

моим злейшим врагом. По всей вероятности, тот поединок, для которого мы как будто сходимся, никогда не состоится, не потому, что Розанов не захочет принять мой вызов, а потому, что он его просто не услышит. Мы сошлись на мгновение, совпали в одной точке, как две пересекающиеся линии, и навсегда расходимся. Чтобы вернуться к Розанову, я должен вернуться назад, а я не хочу назад. И ежели начнется последняя борьба уже не между мной и Розановым, а всеми нами, ищущими Церкви вселенской, и теми, кто считает себя представителями поместной греко-российской церкви, то Розанов, несмотря на все свое отрицательное отношение к христианству вообще, станет все-таки на сторону исторического христианства против нас. Во всяком случае, Вы оказали нам большую услугу, разорвав этот ложный, не нами заключенный союз: мы хотим быть лучше явными врагами, тайными друзьями Розанова, чем наоборот.

Столь метко указанная Вами онтологическая неясность моего отношения к проблеме о «духе» и «плоти» отразилась неизбежной, соответственной неясностью и на моем отношении к проблеме о церкви и государстве. Тут возникает первый из тех трех вопросов, на которые я хочу ответить.

Вы спрашиваете: признаю ли я и теперь, как тогда, когда писал «Л. Толстого и Достоевского», что в государственной власти заключено положительное религиозное начало? Отвечаю по необходимости кратко, но я хотел бы, чтоб этот краткий ответ не только для вас, но и для всех, кто интересуется моими идеями, имел такой же вес, как для меня.

Нет, и этого не признаю; я считаю мой тогдашний взгляд на государство не только политическим, историческим, философским, но и глубоким религиозным заблуждением. Для нас, вступающих в третий Завет, в третье царство Духа, нет и не может быть никакого положительного религиозного начала в государственной власти. Между государством и христианством для нас не может быть никакого соединения, никакого примирения: «христианское государство» — чудовищный абсурд. Христианство есть религия богочеловече-

ства; в основе всякой государственности заложена более или менее сознательная религия человекобожества. Церковь — не старая, историческая, всегда подчиняемая государству или превращаемая в государство, — а новая, вечная, истинная вселенская Церковь так же противоположна государству, как абсолютная истина противоположна абсолютной лжи, царство Божие — царству дьявола, теократия — демонократии. «Всякая власть от Бога», это значит, что человеческая, только человеческая власть — не власть, а насилие, не от Бога, а от дьявола. Отношение церкви грядущей теократии к земной человеческой власти может быть выражено словом «безвластие», «анархия» — весьма несовершенно, не потому что слово это чрезмерно, а потому что оно недостаточно выражает силу отрицания власти, заключенную в идеи теократической общины: голое отрицание меньше, чем утверждение противоположного; теократия не только отрицает всякую власть человеческую, но и утверждает «власть Божию», которая лишь извне кажется «анархией», а внутри есть беспредельная свобода в любви, — взаимовластие: в царстве Божием — все цари, все господа, а единый Царь царствующих и Господь господствующих — сам Христос. Теократическое вневластие страшнее, убийственнее для государства, чем всякая политическая «анархия».

Вы говорите: «ничем так не повредил себе Мережковский и великому делу религиозного возрождения России, как фальшивыми нотами в вопросе о государственности и общественности. Как хорошо было бы, если бы он окончательно высказался».

Я сознаю это так же, как Вы. Ничего бы я так не хотел, ничего бы мы все так не хотели, как «высказаться окончательно». Но есть ли возможность сделать это сейчас, в те острые мгновения, которые мы переживаем? Теперь все слова еще заглушаются громом событий. Но эти события, верю, ускорят и облегчат религиозную работу, которой посвящена моя — наша жизнь. Пока же скажу лишь несколько слов.

Вы удивляетесь, что «Мережковский не сознал сразу того, что теперь, по-видимому, начинает сознавать, — что государство, царство есть одно из искушений дьявольских». А я удивляюсь, что Вы этому удивляетесь. Вы же сами указываете, что не только я, но и такие люди, как Достоевский и Владимир Соловьев, не сознали этого «сразу» и даже совсем не сознали. Думаю, что тут вообще страшнее соблазн, чем кажется. Недаром же самого Сына Человеческого дьявол искушал царством земным — и не Сын Человеческий, а Сын Божий победил искушение. Так же, как некогда человек, искушается ныне все человечество. И это искушение победит не человечество, а только богочеловечество.

Тут хитрость дьявола в том, что он никогда не показывает истинного лица своего, лица зверя, а прячет его за тремя личинами, тремя подобиями Божескими. Первое подобие — разума: насилие власти оправдывается разумною необходимостью; насилие во имя порядка и разума признается меньшим злом, то есть благом по сравнению с насилием во имя хаоса и безумия, которым грозит будто бы всякая анархия. Второе подобие — свободы: внутренняя личная свобода каждого ограничивается и определяется внешнею общею свободою всех; и в том и в другом случае свобода, признаваемая только как нечто отрицательное, как свобода от чего-нибудь, а не свобода для чего-нибудь, постепенно сводится к ничтожеству. И, наконец, третье, самое лукавое подобие — любви: человек жаждет личной свободы; но человечество жаждет «всемирного объединения»; и дьявол, обещая утолить эту жажду, учит людей жертвовать личной свободой всеобщему братству и равенству. Для того чтобы обличить ложность этих подобий, мало знать истину, надо быть в истине.

Вы говорите: «Теократия есть царство любви и свободы». Легко сказать, трудно сделать; трудно, при теперешних силах наших, почти невозможно найти даже первую реальную точку для теократического действия. «Царство любви и свободы»? Но разве Вы не видите, какая страшная антиномия между тем, что люди называют «любовью», и тем,

что они называют «свободой»? Быть свободным — значит для них утверждать себя, хотя бы против других; любить — утверждать других, хотя бы против себя. Как же соединить отрицание себя с утверждением себя? Люди не только этого не делают, но не и подозревают, что это можно и нужно сделать: когда они любят или, вернее, хотят любви, то естественно отказываются от свободы; когда свободны или, вернее, хотят быть свободными, то естественно отказываются от любви.

Кровавого пота стоило Сильнейшему из людей слово, соединяющее последнюю любовь с последней свободой: Не Моя, а Твоя да будет воля. Чего же оно будет стоить нам?

Заповедь новую даю вам, да любите друг друга. Если это повторение того, что уже сказано в Ветхом Завете: «люби ближнего твоего, как самого себя», — то это была бы заповедь не новая. Любовь, которую заповедал Христос, потому и есть «новая», что она не только любовь, но и свобода, не только путь личного, но и общественного, всечеловеческого, вселенского спасения. Эта любовь — бесконечная свобода и, вместе с тем, бесконечная власть, о которой сказано: «Мне принадлежит всякая власть на земле и на небе». Если жив Христос, — а Он воистину жив, потому что воистину воскрес, — то жив наш царь, и не может быть иного царя, иной власти ни на небе, ни на земле, кроме Христа. Власть Христова — власть новой любви вселенской — и есть единственное подлинное основание нового по отношению ко всем прежним земным властям безвластного, анархического, общественного строительства, Царства Божиего на земле — теократии. Историческое христианство, приняв новую заповедь как старую любовь, как дело личного, одинокого, а не общественного, вселенского спасения, не могло принять и новую власть Христа, как живую, не только небесную, но и земную реальность; вознесло эту власть в область идеальных и, в сущности, праздных отвлеченностей, а в области земных общественных реальностей признало за власть, идущую от Бога, власть, идущую от дья-

вола — государственное насилие, как будто усомнившись в этом обетовании нашего единого царя и первосвященника: «Вот — Я с вами до скончания века. Аминь» — подменило живого, вечно с нами и в нас живущего Христа двумя мертвыми призраками, оборотнями, «наместниками Христовыми» — на западе — римским первосвященником, на востоке — римским кесарем. И получилась безобразно нелепая, кошунственная химера — «христианское государство», «православное самодержавие». Но химера стала страшною реальностью. А новая любовь; новая власть Христова все еще — не открывшаяся тайна, не совершившееся чудо. Мы предчувствуем эту любовь, как, может быть, никто никогда не предчувствовал. Но этого мало. Для того чтобы не впасть в ошибку исторического христианства, мы должны ответить на реальность государства не идеальной отвлеченностью, а еще большею реальностью новой любви, новой власти. А кому из нас открылась тайна этой власти, в ком совершилось чудо этой любви?

«Я научу вас истине, и истина сделает вас свободными», — обещает Христос. Надо полюбить, чтобы быть свободным. Не свобода прежде любви, а любовь прежде свободы. Будьте свободны и познаете истину — это обман человекобожества. Познайте истину — любовь и будете свободными — это истина богочеловечества. То, что называют безвластием, анархией, колеблется между этим обманом и этой истиной.

Провозгласить анархию — это еще не значит провозгласить теократию. Уйти из государства — это еще не значит войти в теократию. Анархия во имя свободы без любви есть путь не к Божескому порядку, а к бесовскому хаосу.

Для того, чтобы развенчать человекобожество какого-нибудь президента Лубэ<sup>1054</sup>, Рузвельта<sup>1055</sup> или Наполеона

<sup>1054</sup> Эмиль Лубэ (1838–1929) — французский политик, президент (1899–1906).

<sup>1055</sup> Теодор Рузвельт (1858–1919) — политик, президент США (1901–1909).

Маленького<sup>1056</sup>, не нужно никакой анархии, никакой Божеской или бесовской свободы; для этого вполне достаточно свободы человеческой, поскольку она выразилась хотя бы в «декларации прав человека». Но вот — Наполеон Великий, «новое воплощение бога солнца». «Ты прекраснее всех сынов человеческих!» — готов был сказать Наполеону Байрон, как пророк сказал Мессии. Разумеется, Байрон чувствовал религиозную святость свободы не менее, чем вожди революции. Но для Наполеона не пожалел и свободы, не пожалел революции, которая оказалась только бунтом черни, «издыхающим Пифоном» пред лучезарным лицом нового бога.

Лук звенит, стрела трепещет —  
И клубясь, издох Пифон,  
И твой лик победой блещет,  
Бельведерский Аполлон<sup>1057</sup>.

«Аполлон Бельведерский встретил Христа», — говорит Достоевский об идее человекобожества, заключенной во власти древнеримских кесарей. В свободе, только свободе, без любви, Байрон так и не нашел ничего, что бы мог противопоставить соблазнительному величию кесаря. И свободнейший из людей, творец «Каина», восставший на Бога небесного во имя свободы человеческой, «падши ниц, поклонился» богу земному. А ведь и Наполеон Великий покажется маленьким в сравнении с тем, кому поклонятся все племена и народы земли, говоря: «Кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним? Он дал нам огонь с неба».

В моем прежнем ложном отношении к власти, к идее всемирной монархии, Вы видите только «старое славянофильство», «старый романтизм». Это неверно. Ложь, которая меня соблазняла, была гораздо глубже и опаснее. Это

<sup>1056</sup> Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873) — французский политик, президент (1848–1852), затем император (1852–1870).

<sup>1057</sup> Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Из Антологии» (1827).

не «старый», а вечный романтизм, вечный демонизм вос-  
кресающего язычества.

Трудно заглянуть в лицо дьяволу и, сорвав с него маску  
Прометей, Люцифера, Демона, —

Гордый демон так прекрасен,

Так лучезарен и могуч<sup>1058</sup>, —

увидеть обыкновенного и этой именно обыкновенно-  
стью страшного черта. Трудно победить простым белым  
светом, реализмом Божеской истины сложный и радуж-  
ный романтизм демонической лжи. Во всяком случае, это-  
го нельзя сделать «сразу». Чтобы до конца преодолеть иску-  
шение, надо его пройти до конца.

Я теперь сознаю, как близко был к антихристу, какую  
страшную силу его притяжения испытал на себе, когда бре-  
дил о грядущем «папе-кесаре», «царе-священнике» как пред-  
тече Христа грядущего. Но я благодарю Бога за то, что про-  
шел этот соблазн до конца. Дорогой ценой купил я неко-  
торое подлинное и несомненное знание, которого иначе  
не купишь. Я был достаточно вежлив с моим романтическим  
демоном, чтобы иметь наконец право быть не совсем вежли-  
вым с моим реальным чертом. Я достаточно чувствовал вели-  
чие антихриста, чтобы иметь право сказать о грядущем само-  
званце, который станет на место Христа, единого царя цар-  
ствующих и Господа господствующих: это не царь, а Хам.

С представлением об антихристе как о Хаме грядущем  
связан второй вопрос, который Вы мне предлагаете.

«Мережковский делает попытку спастись от соблазнов  
демонизма, принизить Сатану, приняв черта как полное  
ничтожество и лакейство. К середине, к плоскости и пош-  
лости он сводит дух зла, дух небытия. Но где же тогда ан-  
тихрист, чем страшен он и соблазнителен?» И Вы решаете:  
«гордой идеи о человекобоге и всего, что за ней скрывается,  
к черту — Смердякову, к середине и пошлости не сведешь...  
Нет ли тут еще какой-то тайны?»

<sup>1058</sup> Из стихотворения А. Н. Майкова «Ангел и демон» (1841).



Мой ответ прост: антихрист соблазнителен не своей истиной, а своей ложью; ведь соблазн лжи в том и заключается, что ложь кажется не ложью, а истиной. Разумеется, если бы все видели, что антихрист — Хам, он бы никого не соблазнил; но в том-то и дело, что это увидят не все, и даже почти никто не увидит. Будучи истинным Хамом, «лакеем Смердяковым» *sub specie aeterni*<sup>1059</sup>, он будет казаться величайшим из царей земных, прекраснейшим из сынов человеческих. по древнему преданию церкви, «антихрист во всем Христу уподобится». Этим-то ложным подобием он соблазнит всех, кроме избранных. Почему это кажется Вам невероятным? Разве на наших глазах во всемирной истории не происходит то же самое: истинные хамы кажутся великими царями, а великие цари оказываются истинными хамами. Так было, есть и будет — будет в большей степени, чем было когда-либо. Современное государство есть мещанство; окончательно победившее, воцарившееся мещанство есть хамство. Ежели Бог — абсолютная свобода, то дьявол — абсолютное рабство. Раб, который стал на место Божие, на место царя царствующих, и есть последний величайший Хам.

Вы полагаете, что «гордой идеи человекобожества к пошлости и плоскости не сведешь». Но если это так, то на каком основании Вы сводите к пошлости и плоскости идею всякого государства, даже народовластия, чей последний метафизический предел не что иное, как та же «гордая идея человекобожества»? Пока есть малейшее сомнение в том, нет ли какой-нибудь истины в этой последней идее, до тех пор остается сомнение, нет ли какой-нибудь истины и в государственной власти. Ежели сам антихрист не абсолютная ложь, то и царство антихриста, всякое земное царство, всякое государство — не абсолютная ложь. Не покончив с вопросом о человекобожестве, как Вы могли покончить с вопросом о государстве?

<sup>1059</sup> С точки зрения вечности (*лат.*).

Одно из двух — или Вы должны согласиться со мною, что тайна антихриста есть тайна лжи и что за этой ложью не скрывается ни тени истины; или Вы должны признать, что Ваше отрицание государства, Ваше безвластие — не религиозное. В таком случае можно бы сделать и Вам тот же упрек, который Вы делаете позитивистам: «позитивисты, какими бы радикалами и анархистами они ни представлялись, никогда не освободятся от соблазна государственности».

Вам кажется, что для меня не решена проблема о дьяволе. Вы ошибаетесь: для меня эта проблема решена окончательно. Я не сомневаюсь в том, что «дух небытия» есть дух вечной середины, пошлости, плоскости: ведь пошлость и есть не что иное, как абсолютное небытие, которое хочет казаться абсолютным, единственным бытием. Вы недоумеваете, где же в таком случае противоположная Богу «нижняя бездна», то, о чем идет речь в Апокалипсисе, как о «так называемых глубинах сатанинских»? Ежели дьявол есть плоскость, то как он может быть вместе с тем глубиною? Быть глубиною плоскость, разумеется, не может, но когда она отражающая, зеркальная, то она может казаться глубиною. Я и утверждаю, что дьявол, — насколько нам дано судить о нем в явлениях, а большего нам не дано или пока не дано, — и есть такая зеркальная, ложная, плоская глубина, плоская бездна. Так называемое «величие» дьявола, демона, Люцифера и есть отраженное величие Божие, ложное подобие лика Божиего. В этом ложном подобии заключается бесконечный соблазн. Совершенная зеркальная поверхность становится невидимой, и получается полный обман зрения, так что мы почти не можем отличить отражение от действительного предмета. И чем совершеннее наше метафизическое созерцание Бога, тем зеркало дьявола становится совершеннее. Нижняя бездна, нижнее, обратное, опрокинутое небо манит к себе соблазном полета вниз, полета вольного, без того усилия, которое нужно для полета вверх. И пока мы только смотрим, только метафизически созерцаем, мы не можем убедиться, что кажушая-

ся бездна — на самом деле не бездна, а плоскость. И только тогда, когда соблазняемся, уже окончательно срываемся, падаем, желая лететь, — мы, разбившись о зеркало, осязаем слишком поздно плоскость «глубин сатанинских» и убеждаемся, что лететь было некуда.

«Но нет ли тут еще какой-то тайны?» Во всяком случае, тайна эта не в явлении, а в последней сущности, в происхождении зла. Это вопрос о том, что такое зло не для нас, людей, а для Бога; откуда зло, зачем зло в окончательном порядке мира, который должен осуществить премудрость Божию окончательно, так что «Бог будет все во всем»? Ежели Бог будет все во всем, то где же будет зло? «Я видел Сатану, спавшего с неба как молния», — свидетельствует Сын Божий. Как мог пасть светлейший из херувимов, ближайший из всех сынов Божиих к Сыну Единородному? Зачем нужно было это падение? Восстанет ли павший? Будет ли прощен Сатана? В этом вечном вопросе Оригена скрыта действительно тайна неисповедимая, перед которой доселе в смирении останавливается испытующий разум. «Вся тварь донныне совокупно стенает об избавлении». Ежели «вся тварь», то и дьявол, который тоже тварь. Будет ли услышано это стенание? Дьявол ненавидит Бога. Но Бог, совершенная любовь, может ли ненавидеть дьявола?

С вопросом о вечности зла связан вопрос о вечности суждения, вечности мук. «Идите от меня, проклятые, в муку вечную». Зачем обманывать себя? Мы уже не можем принять этого слова так, как оно принималось некогда. Тут что-то раскрывается для нас, доселе сокровенное. Что значит «мука вечная»? В понятии метафизическом вечность едина. Но, может быть, в мистической вечности отражается триединство ипостасей Божеских? Может быть, в единой вечности есть три ипостаси, три Эона — вечность Отца, вечность Сына, вечность Духа? И осуждение вечное, в Эоне второй ипостаси, не вечно в вечности ипостаси третьей — в Эоне Духа? «Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными». Но есть ли это ходатайство Духа о по-

следней благодати Отца и Сына, которая покроеет последнее осуждение вечной любовью утолить муку вечную?

Может быть, все эти вопросы, неразрешимые в круге откровений, данных во второй ипостаси, в Сыне, будут разрешены в круге новых откровений третьей ипостаси, Духа. О конце мира не знает Сын, знает только Отец; может быть, и о конце зла не знает ни Отец, ни Сын, а знает только Дух? Может быть, потому и назван Дух Утешителем? Когда Отец отступит и Сын покинет, Дух не отступит, не покинет и неутешных утешит?

Но тут кончается наша вера и начинается наша надежда, такая новая, такая робкая, что мы почти не смеем говорить о ней словами, а только молимся вместе с Духом «воздыханиями неизреченными». Тут наша последняя сыновне-покорная любовь к Отцу: «Авва Отче, не моя, а твоя да будет воля». Во всяком случае, эта, повторяю, неисповедимая тайна — не темная, а светлая, не демоническая, а Божественная. Дьявол не может омрачить Бога, но Бог может просветить своим светом и дьявола — ту последнюю тьму, о которой сказано: «Свет светит во тьме, и тьма не объяла его».

Во всем, что Вы говорите о моем представлении дьявола, мне чувствуется какое-то глубокое, не столько метафизическое, сколько мистическое недоразумение. Как будто, возражая мне, Вы все-таки со мной соглашаетесь и, как будто соглашаясь, Вы все-таки возражаете. В конце концов я так и не могу понять, совершенно ли мы согласны или совершенно расходимся. Вы соглашаетесь: «О, конечно, середина, плоскость, мещанская пошлость, позитивистское небытие — есть черт... Есть плоское человекобожество, когда человек с лакейским (я говорю: хамским) самодовольством ставит себя на место Бога. Тут нет полярной бездны, а середина». Это положение я принимаю целиком. А вопрос, который Вы мне предлагаете: где же в таком случае не отраженная, не ложная, а истинная «полярная бездна»? Вы сами отвечаете точно так же, как и я: «На великих богоборцах (разумеется, таких святых богоборцах, как Иаков, борю-

шийся с Богом, Иов, роптавший на Бога) почил Дух Святой, а не дьявольский... Бог любит таких богоборцев; тут есть бездна, но одного из лиц самого Бога». И далее Вы излагаете учение о Троице так же, как я его излагаю: «Двойственность, две полярно противоположные бездны, о которых говорит Мережковский, — это не Бог и дьявол, не доброе и злое начало, а два равно святых, равно Божественных начала, примиряемых в троичности. Вне троичности, вмещающей безмерную полноту, остается дух небытия, середины и пошлости». Это ведь и значит, на долю дьявола ничего не остается, кроме пошлости и плоскости; дьявол сводится к плоскости без остатка; черт есть черт, и сам Сатана, великий в своем ничтожестве, своем небытии — тот же черт, дух вечной плоскости. Иного черта нет, и нет иного противоположного Бога. Дьявол — не противоположный Бог, не противоположная абсолютная истина, а абсолютная ложь, противоположная абсолютной истине, Богу. Человекобог не противоположный, а ложный Богочеловек; антихрист — не противоположный, а ложный Христос. Ежели дьявол сводится к плоскости без остатка, то так же точно сводится к плоскости без остатка и воплощение дьявола — человекобог, антихрист. Как Вы утверждаете: «гордой идеи о человекобоге не сведешь к плоскости». Ежели не сведешь, то учение о Троице не истинно, а ведь Вы его только что приняли как истинное. Тут какое-то непостижимое для меня противоречие.

Вы совершенно справедливо замечаете, что троичность — единственный и окончательный мистический исход из двойственности, из метафизического дуализма, то есть учения о двух равных и противоположных началах, добром и злом, светлом и темном. Об эту подводную скалу дуализма разбиваются все религии, кроме религии Троицы. Учение о Троице есть необходимое мистическое раскрытие метафизического монизма, необходимое мистическое преодоление метафизического дуализма. Три — едино — есть окончательная победа над соблазном двух в едином, окончательная победа рели-

гиозного монизма над религиозным дуализмом. Но, приняв учение о Троице и все-таки утверждая, что дьявола не сведешь к плоскости, Вы это принятое Вами учение опровергаете и возвращаетесь от побеждающего единства к непобежденной двойственности, от монизма к дуализму.

«Вопрос о значении зла, — говорите Вы, — может получить два решения. Или дьявол есть жалкая тварь, поднявшая раздор между Богом и миром, во имя небытия, так как никакого бытия он утвердить не может, тогда в нем нет никакой бездны, а лишь середина, и в демонизме нет ничего соблазнительного. Или дьявол — самобытное, предмирное, несотворенное начало, и тогда мы приходим к дуалистическому учению о двух вечных царствах, предстоящих нашему выбору». И Вы заключаете: «Мережковский еще не решил этой проблемы». Тут поистине, кажется, сам черт нас путает! Помилуйте, как же бы я мог, не решив этой проблемы о монизме и дуализме, принять учение о Троице, которое, по Вашему и моему признанию, есть окончательный мистический исход из дуализма в монизм, окончательная победа монизма над дуализмом? Как же бы я мог принять триединство Божие, не приняв единства и не отрекшись окончательно от всякой двойственности, вне ипостасей Божеских? Нет, не только теперь, но уже и тогда, когда я писал «Л. Толстого и Достоевского», проблема эта была для меня решена. А то, что Вы считаете ее не решенной для меня, я могу объяснить лишь тогдашней неясностью моего философского изложения. Но теперь вопрос не во мне, а в Вас. Как же Вы, приняв и выразив с такой, казалось бы, совершенно прозрачной ясностью единое учение о едином троичном Боге, — тем не менее утверждаете, что возможны два решения проблемы о дьяволе и продолжаете колебаться между этими двумя решениями, между монизмом и дуализмом? Я отказываюсь думать, что это только ошибка Вашего ума. Тут не в отвлеченных умственных выводах, а в реальных мистических переживаниях Ваших — какая-то для меня, повторяю, непостижимая тайна.

О моей собственной тайне, или, как Вы выражаетесь, о моем «секрете», вы предлагаете мне последний и самый важный вопрос, который возвращает меня к началу моего письма — к вопросу о единстве наших религиозных путей. «Есть какая-то тайна, которую Мережковский не в состоянии выразить, хотя мучительно пытается это сделать. Не упирается ли он в неизреченное, постижимое лишь в действии?»

Прежде чем ответить на Ваш вопрос о моей последней тайне, которая еще только ведет меня к новому религиозному действию, я должен ответить на вопрос о моей первой тайне, которая уже привела меня к новому религиозному сознанию. Тайна эта почти две тысячи лет тому назад сделалась откровением; но откровение это ныне для нас опять сделалось тайной; это откровение и тайна о том, что человек Иисус, распятый при Пилате Понтийском, был не только человек, но и Бог, истинный Богочеловек, едиnorodный Сын Божий, что «вся полнота Божества обитала в нем телесно» и что «нет иного имени под небом, коим надлежало бы нам спастись».

Это для нас всех твердо, это незыблемо; это единственное, что мы приобрели окончательно и чего никогда не можем лишиться; это еще не все, но начало всего.

Мы могли бы спросить Вас: есть ли у Вас это начало всего? Мы не признаем за собой права требовать от Вас исповедания и за Вами признаем право не отвечать, по крайней мере, сейчас. Но рано или поздно Вам все-таки придется ответить на этот вопрос, который не мы, а Вы сами себе предложили Вашей статьей о новом религиозном сознании. И только Ваш ответ на этот вопрос решит и вопрос о том, один ли у нас путь. Мы уже предчувствуем, угадываем Ваш ответ, но сохрани нас Боже торопить Вас и этой торопливостью нарушать свободу Вашей веры и Вашего сомнения. Мы ведь знаем по собственному опыту, что современному человеку, который прошел «горнило сомнений» и для которого уже нет веры к преданию историче-

ского христианства, что такому человеку, чтобы поверить во Христа, недостаточно правильно мыслить, знать о Христе, — ему нужно узнать самого Христа, как бы снова встретить его на пути своем и снова узнать в Сыне человеческом Сына Божиего. Это мгновенная точка, но в этой точке — Божия тайна, чудо Божие. Это зависит не от человеческого разума и не от воли человеческой. Нам, точно так же, как первым исповедникам, «не плоть и кровь, а сам Отец Небесный» может открыть тайну о Сыне. Никто, кроме Отца, не может привести к Сыну. Мы уже любим Вас в нем, а потому надеемся и верим, что эта великая тайна уже в Вас совершается.

Но повторяю и настаиваю, не столько, впрочем, для Вас, сколько для других, которые могли бы соблазниться преждевременностью нашего соглашения: только с этой, именно этой точки, с исповеданиями Христа как Богочеловека — и никак не ранее — может начаться подлинное религиозное единство наших путей. Если бы мы сошлись в ней, то все наши остальные совпадения оказались бы реальными; в противном случае — они только обман зрения, только метафизическое марево, обратное, опрокинутое, как в зеркале, ложное подобие. Тут, в самом деле, одна почти неуловимая черта, один волосок отделяет истинные глубины Божии от их отражения в «зеркальной плоскости», от ложных «глубин сатанинских». Мы должны помнить это во избежание самой опасной и пагубной лжи.

Для примера возьму учение о Троице. Метафизическим понятием о Троице вовсе не обеспечено мистическое принятие Троицы Божественной. Отражая в ложном подобии все существо Божие, дьявол отражает и троичность Божеского лика. Трем ипостасям Божественным соответствуют три ипостаси демонические, о которых сказано в Апокалипсисе: первый зверь, второй зверь и лжепророк — нечистая троица. Величайший соблазн демонизма — непобежденный дуализм, двойственность (дьявол равный Богу, два Бога), кощунственно раскалывает, раздваивает и удваи-



вает Божественное единство Троицы. Три вверху, в истине, и три внизу, в ложном, зеркальном подобии; удвоенное три — шесть. Каждая из трех Божеских ипостасей есть соединение двух остальных, так что всю полноту Троицы можно выразить символическим числом 333. Повторенное в дьявольском зеркале, удвоенное 333 дает 666. То же отношение дуализма, двойственности к троичности выражается и в ином сочетании этих символических чисел 2 и 3:  $2 \text{ деленное на } 3 = 0,666\dots$  Получается непрерывная дробь, «дурная бесконечность», по выражению Гегеля, и первые три знака этой дроби образуют 666 — «число человеческое» и «звериное». Вот почему о том, кто пришел к Троице метафизической, еще нельзя решить, пришел ли он к истинной или ложной, к Божеской или дьявольской Троице. Только тогда, когда дуализм окончательно побежден монизмом, то есть исповеданием единого Бога Отца и Единородного Сына Божия — эта победа есть несомненное ручательство в принятии истинной, Божеской Троицы. Недостаточной ясностью и твердостью Вашего религиозного сознания в этой первой исходной точке — в исповедании Христа, пришедшего во плоти, я объясняю Ваши колебания между монизмом и дуализмом, между Богочеловеком и человеко-богом.

Все это значит, что без христианства нельзя прийти к религии Троицы. Вы говорите: «Религия Мережковского — не историческое христианство и не христианство, так как слово это образовалось лишь от одной из ипостасей, а религия Троицы, никем еще не раскрытая». Эти слова могут подать повод к опаснейшему для меня недоразумению, будто бы я считаю возможным религию Троицы без христианства. Но я считаю это абсолютно невозможным. Не без христианства, а через христианство — к религии Троицы. Именно догмат о Троице и связывает неразрывную связью историческое христианство с христианством апокалипсическим. Последнее не нарушает, а исполняет первое. Новое откровение есть не что иное, как движущее действ-

ное откровение о Троице, которое осталось в историческом христианстве недвижимым, бездейственным догматом, запечатленным источником. Не человеческий разум, не человеческая воля, а сам Дух, воплощенное богочеловечество, грядущая Церковь вселенская, Святая София, Премудрость Божия, «Жена, облеченная в солнце», сорвет семь печатей с этого запечатленного источника — и потекут «реки воды живой» — нового откровения. Но Церковь второго пришествия не может противоречить Церкви первого пришествия. Апокалипсическое христианство примет все предания, все догматы, все таинства, все откровения, всю святость исторического христианства. Все в нем — истина, и нет ничего, кроме истины, но не вся истина в нем одном. Без исторического христианства нельзя прийти к христианству апокалипсическому. Без Христа пришедшего нельзя прийти ко Христу грядущему. Христос пришедший и Христос грядущий — один и тот же Христос.

Только тот, кто принял Иисуса Христа, пришедшего во плоти, сможет отличить Христа от антихриста. По преданию церкви, пришествие антихриста будет заключаться в смещении лжи с истиною. Теперь, когда на наших глазах это смещение уже совершается, следует более, чем когда-либо, помнить слово нашего, по преимуществу нашего, апостола, Иоанна, сына громова, слово, как меч, разделяющее ложь от истины:

Духа Божия и духа заблуждения узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет, и теперь есть уже в мире.

И вот наш последний ответ на Ваш вопрос: у нас путь один, ежели этот единый путь наш — Христос, тот самый, о котором говорит Господь: Я есмь путь, истина и жизнь, на этом и только на этом пути мы Вас и ждем, и надеемся на Вас, и молимся, чтобы Вы скорее вступили на него

и чтобы всем нам идти вместе с Вами от нашей первой тайны к нашей тайне последней, от нового религиозного сознания к новому религиозному действию.

Помоги Вам Господь, а Вы помогите нам!

**Вяч. И. Иванов — Андрею Белому<sup>1060</sup>**

[1.12.1905. СПб.]

1 декабря

Дорогой Борис Николаевич.

После нашего свидания в Москве дошла до меня весть, что причину твоего разрыва с «Искусством» послужила моя трагедия...<sup>1061</sup> Я не мог уже увидаться с тобою, как не мог потом и писать тебе (вследствие перерыва почтовых сообщений), — но все время мне хотелось сказать тебе, до какой степени я тронут этой истинно дружеской и великодушной защитой меня как поэта. Итак, благодарю тебя

<sup>1060</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов, Малмстад*, 2015. С. 44–45.

<sup>1061</sup> «Искусство. Журнал художественный и художественно-критический» выходил в Москве с января 1905 г., издание прекратилось на восьмом номере; с лета 1905 г. С. А. Соколов заведовал в нем литературно-критическим отделом. Здесь подразумевается инцидент, происшедший в сентябре 1905 г., когда Белый отказался участвовать в «Искусстве» после появления в этом журнале (№ 5/7) возмущившей его рецензии на альманах «Северные цветы ассирийские» за подписью Нарцисс, содержащей резкий отзыв о помещенной в альманахе трагедии Вяч. Иванова «Тантал». Он собирался печатно объявить в «Весах» об отказе от сотрудничества в «Искусстве», но Соколов (в письме к Белому от 8 сентября 1905 г.) заявил, что появление такого письма расценит как оскорбление ему в качестве редактора и потребует «удовлетворения путем дуэли» (см.: *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 250–253). Согласно дневниковой записи Брюсова, Белый исполнил все требования Грифа (взял назад «письмо в редакцию» из «Весов»). (РГБ. Ф. 386. К. 1. № 16 (1). Л. 38). См. также: *Литературное наследство*. Т. 85. С. 388–389, 479–480. Иванов полагал, что за псевдонимом «Нарцисс» скрывается Соколов.

и обнимаю от всего сердца. Знаю обо всем, однако, в общих чертах и не ясно представляю себе, почему из твоего протеста как критика против чужой критической оценки могла развиться ссора.

Как бы то ни было, я послужил причиной личных твоих несогласий, и потому, когда пришли ко мне вчера Сергей Алексеевич Соколов и Николай Яковлевич Тароватый<sup>1062</sup> с предложением сотрудничества в «Золотом руне» и при этом сказали мне (в ответ на мой вопрос о твоем участии в новом журнале), что осложнения личного характера делают для редакции невозможным обратиться к тебе с приглашением сотрудничать, но что ты в глазах их, твоих почитателей, являешься одним из самых желанных сотрудников, — мне было трудно согласиться на предложение, ими ко мне обращенное, при условии твоего неучастия в «Золотом руне», — несмотря на все мое желание дать свое имя и помещать там свои писания. Ибо «Золотое руно», прежде всего, не «Искусство», а совершенно незави-

<sup>1062</sup> С. А. Соколов был инициатором издания и (в первой половине 1906 г.) заведующим литературно-критическим отделом московского символистского журнала «Золотое руно» (официальный редактор-издатель — Н. П. Рябушинский). В октябре 1905 г. Николай Яковлевич Тароватый (1876–1906) — художник, редактор-издатель журнала «Искусство», который к этому времени закрылся, сообщил Константину Эрбергу: «...из “Искусства” возник новый журнал “Золотое руно”, каковой предполагается выпускать ежемесячно начиная с января 1906 г. Состав сотрудников, за немногими добавлениями(...), тот же, что и в “Искусстве”, я же приглашен заведовать в нем художественным отделом» (*Лавров А. В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 458). О визите Соколова и Тароватого см. запись в дневнике А. М. Ремизова от 30 ноября: «Собрание “Золотого руна”: С. А. Соколов-Кречетов (“Гриф”), Тароватый (“Искусство”) — это главные. А прочие — Блок, Сологуб, Мережковский, Кондратьев, Дымов и Бакст. Издатель же Н. П. Рябушинский, но его не было» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 34). Несмотря на художественную природу этой книги, включенные в нее документы, в том числе и дневниковые записи Ремизова конца 1905 г., являются подлинными.

симое от последнего предприятие, и притом предприятие, долженствующее объединить все наши литературные силы и могущее занять в области новой поэзии и нового искусства центральное место, — а что касается критики на моего «Тантала» в «Искусстве», я, безусловно, предоставляю каждому иметь свое мнение о моих произведениях и их ценности, и если бы мне было неловко после того писать в «Искусстве», то никак уже не неудобно писать в «Золотом руне», сохранившем только некоторые общие редакционные имена.

Итак, ты сделаешь нечто крайне желанное для журнала как нового (иначе, по-видимому, и симпатичнее окрашенного) органа нашего литературного движения для меня лично и всех товарищей-поэтов лично, наконец, нечто внутренне естественное, почти необходимое и для тебя хорошее, если будешь участвовать в «Золотом руне»<sup>1063</sup>.

Для этого или обещаю им что-нибудь, или пошла заявление в том смысле, что если Вяч. Иванов согласен участвовать, то и ты предлагаешь свое сотрудничество. Дмитрий Сергеевич пишет тебе об этом от себя — ты доверишься его авторитету и совету, конечно для тебя благожелательному и основанному на ревнивом ограждении всех твоих прав<sup>1064</sup>.

<sup>1063</sup> Белый сотрудничал в «Золотом руне» с первого номера 1906 г. («Пасть ночи. Отрывок из задуманной мистерии» (С. 62–71) и рецензия на «Сборник по философии естествознания» (М., 1906) (С. 150–153)). Отказ журнала напечатать его ответ Э. К. Метнеру на статью «Борис Бугаев против музыки» (Золотое руно. 1907. № 5. С. 56–62; под псевдонимом Вольфинг) привел Белого к разрыву с журналом в августе 1907 г. См.: *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 139, 247; *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. М., 2004. С. 61–83; *Он же.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М. 1999. С. 140–141. Отметим, что вскоре после получения комментируемого письма Белый провел около трех недель в Петербурге, где началось его тесное общение с Ивановым.

<sup>1064</sup> Имеющееся здесь в виду письмо Д. С. Мережковского см.: «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...»: Письма Д. С. Мереж-

Необходимо, чтобы ты высказался в этом смысле тотчас же, до воскресенья, известив редакцию коллективно или редактора-издателя Рябушинского<sup>1065</sup> о твоём решении примкнуть к органу. Если же ты не заявишь о своём желании участвовать в журнале до воскресенья, я не уполномочил называть мое имя в числе сотрудников.

А установить их список надобно немедленно для больших анонсов <Sic!>. Только предложение с твоей стороны сделает возможным наше (обоих) участие в «Золотом руне». Но поступай, как найдешь для себя лучшим и правильным.

Любящий тебя и благодарный за твою дружбу и в недавнюю пору видимой борьбы

твой

Вячеслав.

**К. М. Аггеев — В. Ф. Эрну и В. П. Свенцицкому<sup>1066</sup>**

[3.12.1905. СПб. — Москва]

Валентин Павлович, Владимир Францевич, Вам теперь известен финал нашей газеты. Больно, но рук покладать не стоит.

Я делаюсь более или менее постоянным сотрудником «Церковного вестника» и, если только смогу быть полезным, — Вашей библиотеки<sup>1067</sup>. Прошу Вас располагать всеми моими статьями, как напечатанными, так и имеющими появиться на свет, делать в них редакционные изменения

---

ковского Андрею Белому / Вступ. статья, публ. и коммент. А. Холикова // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 167–168.

<sup>1065</sup> Николай Павлович Рябушинский (1877–1951) — меценат, издатель журнала «Золотое руно» (1906–1909), литератор и художник-дилетант.

<sup>1066</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 89–90.

<sup>1067</sup> Речи идет об РОБ. Подробнее см.: *Колеров М. А.* Издания «Христианского братства борьбы» (1906–1908) // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 299–308. — *Прим. С. Черткова.*

по своему усмотрению. В прошлом году, в конце, была напечатана в «Церковном вестнике» моя заметка «Нужды деревни», имеющая принципиальное значение, написанная по поводу книги «Нужды деревни» изд. «Право»<sup>1068</sup>. Не будет ли она полезна Вам? «Московские ведомости» окрысились на нее: значит, в ней есть нечто достойное внимания. В начале 1906 года будут напечатаны «Церковь и государство»<sup>1069</sup>, «Смертная казнь перед судом христианского сознания». Возможно, редакция их немного кастрирует, тогда я пришлю Вам оригинал...

Откликнитесь о ходе Вашего издательского дела. Боюсь, что мои письма до Вас не доходят. Напишите, можно ли мне будет пристроить куда-либо (разумею «Нашу жизнь») «Деморализацию войск». В Вашем книгоиздательстве, уверен, примут участие мои киевские друзья. Повторяю: напишите поподробнее. Как был бы я рад Вашей народной газете. Помните и об этом. Целую Вас.

Священник Аггеев.

Примемся с Антоном Владимировичем Карташевым за религиозно-философские собрания.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1070</sup>

[4.12.1905. СПб.]

Сегодня был Белый. Все эти вечера Вячеслав возвращается к 2-м часам ночи, потом беседует до 4-х. Он закручен вихрями рождения «Факелов» и умирания «Вопросов Жизни». (Я больна и не выхожу). Был и Чулков сегодня по моей просьбе, чтобы при моем посредничестве окончательно сговориться. Вячеславу нужно было уладить с ним. Кажется,

<sup>1068</sup> См.: Сб. Нужды деревни. СПб.: «Право», 1904.

<sup>1069</sup> См.: Аггеев К. Церковь и государство // Полярная звезда. 1906. № 6. С. 433–437. — Прим. С. Черткова.

<sup>1070</sup> Печатается с комментариями по: Богомолов, 2009. С. 137–139.

сговорились на том, что 1) Вячеслав и Мейерхольд получают редакторство Театрального отдела, что несказанно важно, так как помимо рецензий есть и свой театр «Факелы», и Вячеслав может наконец не только развивать свои программы возрождения театра, но и учиться практикой, как нужно и как не нужно писать драмы самому. Кроме того, Вячеслав 2) в коллективной редакции и 3) соредактор с Габриловичем<sup>1071</sup> философского отдела. Еще Чулков просит помогать ему готовить и судить рукописи по беллетристике, и за эти функции 100 р. в месяц, кроме гонорара за статьи и рецензии. Кроме того, Чулков, который настаивает твердо на своем юридическом диктаторстве в беллетристическом отделе, согласен дружески подчиняться veto Вячеслава и в этом отделе в случае принципиального несогласия, это уже по дружбе и всецело между ними двумя, а вообще у каждого редактора есть право останавливать своим veto любую статью в любом отделе и доводить до суда собрания редакционного совета. на таких основаниях можно работать с чувством, что журнал действительно свой. И он так свеж и так широк своей духовно-анархической, а в политике социалистической программой!

[5.12.1905. СПб.]

Теперь совершается великая переоценка ценностей. Горький сказал кому-то мудрое слово про себя, Андреева, Куприна и пр.: «Все мы пойдем насмарку. Будет другая литература, не буржуазная, а пролетарская душою. Новый писатель родится для родившегося нового читателя, и еще останутся крупнейшие из декадентов». Душа меняется, и всякое действие, и всякий уклад жизни кидаешь на весы и говоришь: что это, жизнь свободного человека (пролетария) или жизнь позорного раба буржуа? И есть буржуа по доходам, но еще больше буржуа по качественным расхо-

<sup>1071</sup> Леонид Евгеньевич Габрилович (псевд. Л. Е. Галич, 1878–1953) — математик, философ, инженер-изобретатель.



дам. Все, утверждаю, все буржуа по расходам. Я это узнала теперь. И недаром моя дикая, вольнолюбивая душа с таким отвращением входила в уклад вашего уюта, который развратил Вячеслава и Веру. Потому что было что-то вольное в них обоих до Villa Java — тюрьмы душам. Вячеслав неузнаваем, даже походка изменилась, ступает легко, как на цыпочках, за все благодарен, часто не обедает даже, когда устанем и поздно вернемся. Попьет чаю, поблагодарит Бога и радостно идет работать на ночь. Есть что-то неуловимое, несказанное, что улегчает душу, освобождает тело в отменении старого человека. О, все мое детство, вся моя молодость теперь осуществляется.

О нас скажу так: Вячеслав действительно (это видно по отношению к нему людей) становится во все более широких кругах известностью. К нему большое уважение. Даже Буренин ругал с уважением. Ругали вообще несчетно и с пеной у рта. Но узнавали от других и у других, наскоро прочитывали. А в союз писателей его неожиданно вводят Анненский<sup>1072</sup> и Семевский [нрзб]!! Вчера у Розанова его окружили, слушали, уже разнесся слух<sup>1073</sup>, что он и Брюсов будут вести какой-то «политический» театр<sup>1074</sup> (кстати, «Весы», слава Богу, оставлены (?) в стороне). Словом, лучшие люди всех направлений за ним следят. В «Русском Богатстве» упрекали «Вопросы Жизни» за то, что не Вячеслав во главе литературного отдела...<sup>1075</sup> Напротив, мое поло-

<sup>1072</sup> Сверху карандашом вписано: «Русское Богатство». Речь идет, конечно, об Н. Ф. Анненском, видном публицисте-народнике.

<sup>1073</sup> Сверху карандашом вписано: «В Малом театре». Имеется в виду упоминавшийся выше Театр Литературно-художественного общества (Суворинский).

<sup>1074</sup> Слух этот был основан на действительности. В письме осени 1905 г. (датируется просто: 1905) Брюсов писал Г. И. Чулкову: «Осколки труппы театра “Студия” в единении со мной затевают “политический театр”» (*Чулков Г. Годы странствий. С. 344*).

<sup>1075</sup> Такого утверждения в журнале нам обнаружить не удалось. Единственный материал, в котором упоминается Вяч. Иванов, — неподписанная

жение очень опасно. Я выступила с тяжелой артиллерией, вся моя личность вольно-невольно имеет вид какой-то (говорят) вызывающий серьезностью, строгостью, парадоксами и злыми нападками. Но мою драму никто не читал, мои статьи пугают теми же свойствами, как моя личность, мои «Тени Сна» не могут подвергнуться осмеянию. И это все злит всех и все ждут. Я должна или сейчас же сделать что-нибудь очень крупное, не в пример другим «талантливым беллетристам» с их легкими красотами рассказов, или скажут: «Ну конечно, все это была ошибка, просто одна дуговая наглость».

1 час дня. Вячеслав встал, выпив в постели кофе, проглядев газеты, прослушав ваше письмо и мое к вам, над которым расплакался. Сейчас поставила самовар твой, Маруся, попьем чаю с чайной колбасой и — на почтайт. А пишу, чтобы рассказать о «Золотом Руне». Приезжал Гриф и Тароватый к Вячеславу приглашать его сотрудничать в новом затеваемом каким-то миллионером журнале<sup>1076</sup> вроде

---

(как и все аналогичные материалы) рецензия на «Северные цветы ассирийские»: «Гвардия декадентства умирает, но не сдаётся. (...) Бальмонт выпаливает “политическим” стихотворением, Вячеслав Иванов восклицает нечто мало вразумительное, но злободневное о Цусиме, поэтический декаданс механически соединяется под обложкой общего журнала с боевой публицистикой; однако при этом публицисты с жаром отдаются “вопросам жизни”, а цимбалисты по-прежнему увлечены вопросами жизни нездешней, — если, впрочем, оставить в стороне ту настойчивость, с которой они хвалят друг друга» (Русское богатство. 1905. № 8. С. 53 3-й пагинации).

<sup>1076</sup> Речь идет о будущем ежемесячном художественном и литературно-критическом журнале «Золотое руно» (*фр.* Toison d'or), выходившем в Москве в 1906–1909 гг. Всего вышло 34 номера. Задумывался он как продолжение петербургского «Мира искусства». Редактор-издатель — миллионер Н. П. Рябушинский, фактический руководитель литературного отдела в первое время — С. А. Соколов (Кречетов). Значительные финансовые средства, вложенные в «Золотое руно» Рябушинским (беспрецедентные для модернистских изданий), способствовали как привлечению широкого круга именитых сотрудников, так и высокому художественному уровню оформления журнала.

«Мира Искусства», но еще роскошнее, по-русски и по-французски, обещая Вячеславу прекрасную плату за статьи и стихи. Заманивал. Интересно, что этот Гриф в «Искусстве» обругал «Тантала» (как и мои «Тени Сна»). Из-за этой критики на «Тантала» Андрей Белый (считающий «Тантала» высшим произведением декадентства) послал письмо в «Весы» о своем выходе из «Искусства» на основании того, что обругал «Тантала». Тогда Гриф вызвал его на дуэль! если письмо будет напечатано. Белый не напечатал, но вышел из сотрудников. В письме было сказано, что Андрей Белый сам находит, что «Тантал» высокое произведение, но что все декадентские органы должны относиться к нему прямо с благоговением, так как это самое высшее произведение, которое представила новая школа.

Узнал все это Вячеслав в Москве и поэтому ответил Грифу вопросом, будет ли Белый сотрудничать у них (Гриф и Тароватый, бывшие редактор и издатель «Искусства» — теперь оба единственные редакторы «Золотого Руна») и на их ответ, что они его ценят и рады были бы, но приглашать сами не могут по личным причинам и на отрицательный ответ объявил, что не может сотрудничать, если и Белый не в числе сотрудников. Но Вячеслав обусловил свое участие его участием. Для этого с Грифом послано было в Москву письмо Вячеслава и Мережковского <Sic!> Белому с убеждением присоединиться к «Золотому Руну» как к новому самостоятельному журналу. Тем временем Белый оказался в Петербурге и по совету Вячеслава и Мережковского послал телеграмму Грифу, что высылает статью. Вячеслав в свою очередь заявил телеграммой о своем окончательном присоединении к «Руну».

Таким образом, «Искусство», занимавшее враждебное положение по отношению к Вячеславу, капитулировало. Ко мне держатся [нрзб] (не пригласив). Я очень враждебно держала себя в Москве относительно Грифа и его жены — неприличной женщины Нины Петровской.

**П. А. Флоренский — В. Я. Брюсову<sup>1077</sup>**

[5.12.1905. Сергиевский Посад]

5 декабря 1905, Сергиев Посад

Валерий Яковлевич!

(Не пишу «многоважаемый», так как теперь это — одна «скорлупа», *imago*<sup>1078</sup> и личина, не имеющая внутренней сути; не пишу «дорогой», и это не из боязни шокировать Вас, а просто потому, что в отношении к Вам такой эпитет я могу употребить с ограничением: очень дорогой в одном и очень не дорогой в другом). Валерий Яковлевич! Только что вернулся из Москвы, после нашего собрания у Бориса Николаевича<sup>1079</sup>, и меня потянуло написать Вам. Не «исправлять» наш вечер хочу я, а просто сказать иное, чем было говорено, потому что нельзя было сказать то, что хотелось. Если распластывать на чисто эмпирической плоскости (а Вы, избегая столкновений в иных сферах, весьма часто спускаетесь до рассуждений, под которыми подписался бы самый плюгавенький любовью из позитивистов), то многое из сказанного нами должно было показаться грубыми мальчишескими выходками; может тогда показаться, что Вы терпели эти выходки из одной снисходительности, и тогда мы, несомненно, окажемся виноватыми перед Вами. Вот поэтому-то хочется привести в исполнение давнишнее намерение — написать Вам о своих отношениях к Вам; насколько я знаю, это не только мое отношение, но и наше общее. «Но какое мне дело до Ваших отношений?» — скажете Вы. Спешу согласиться, что Вы, с Вашей точки зрения, может быть, и правы; но моя, признающая безусловную ценность всякой личности, даже моей, заставляет действовать так, как будто Вам есть дело до наших отношений. Итак, я знаю хорошо зная, что Вы пренебрежительно не заметите всего сказанного, я действую так, как будто Вы с терпе-

<sup>1077</sup> Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 518–520.

<sup>1078</sup> Подобие, образ (*лат.*).

<sup>1079</sup> Т. е. у А. Белого.

нием будете вникать в смысл письма и в его настроения. Вы не признаете слова «любовь»; это мне сейчас безразлично; я вполне искренно говорю, что люблю Вашу личность, чувствую ее (это — главное) и ставлю ее очень высоко. Но это — личность. Но есть ли у нее своя личина, свое проявление, этого я не знаю — точнее, знаю, что этого нет. Я понимаю, что такое магия, и потому, быть может, вижу в таких уголках Вашей души, которые Вы не хотели бы обнаруживать; тут-то мне и делается Ваша личность дорогой, но вместе с тем (не возмущайтесь и не сердитесь слишком!) жалостной и порою даже жалкой. Магия не проходит даром. Она засасывает в себя, и в тот момент, когда маг торжественно кричит: «они в моих руках», он сам бывает в руках их. Когда слышишь от Вас фразы наиболее мощные, то невольно улыбнешься контрасту, и притом вовсе не тому, чтобы мощности в них не было. Нисколько не отрицаю известной доли мощи, но не могу не улыбнуться жалостливо, когда вижу, что такая сильная личность, как Вы, является в руках темных сил простым аппаратом для передачи воздействий. Только изредка, сквозь чужие слова прорываются струйки исстрадавшейся и измучившейся личности, и это так искренно и просто выходит, что готов в разговоре сказать: «дорогой Валерий Яковлевич». Ваш поэтический талант, Ваши познания, Ваше умение схватывать суть дела и, главное, Ваша «потенция» сильно любить (настаиваю на этом, хотя Вы и отрицаетесь «любви и всех дел ее»<sup>1080</sup>) — все это отнято у Вас, и награбленным пользуется тот легион, который Вы принимаете за легион «своих» душ. Души-то души, да не свои, а чужие. Вас эксплуатируют, над Вами издеваются, Вас гипнотизируют, Вас непрестанно, днем и ночью мучают, щекочут и заставляют судорожно передергиваться (эти передергивания Вы принимаете за выражения удовольствия), — и Вы не замечаете или не хотите замечать всего этого, отдаетесь во власть истя-

<sup>1080</sup> Переосмысление крещальных отрицаний от сатаны. На вопрос священника: «отрицаетесь ли сатаны и всех дел его» крещающийся должен троекратно произнести «отрекохся».

зателей. Неужели Вы не чувствуете, что многие стихи Ваши — Ваши только потому, что там Ваши рифмы, размер и т. д., но что самая сердцевина, «душа» стихотворения, то, что, собственно, и составляет продукт творчества, что это — не Ваше. Я лично уже гарантирован от того, чтобы поддаться чарам, че-рез Вас (но вовсе не Вами) распространяемым, но именно благодаря этому обстоятельству могу особенно ясно сознавать всю остроту их яда, и первым пострадавшим оказываетесь Вы.

Дорогой Валерий Яковлевич! на одну минуту проснитесь, скиньте власть гипноза и посмотрите, что они с Вами делают. Только на минуту очнитесь, и Вы — я уверен в этом — закричите нечеловеческим голосом из той тьмы внешней, которую Вы, как полагаете (а на самом деле не Вы, а они в Вас), так любите, осветите сумрак и <склонитесь перед Бальдером<sup>1081</sup>>. И тогда, когда слетит легион масок, надеваемый на Вас, когда Вы перестанете смотреть на все через «мутную среду» — тогда Вы увидите, что у Вас — не враги, а искренно любящие Вас братья.

П. Флоренский

### П. А. Флоренский — О. П. Флоренской<sup>1082</sup>

[5.12.1905. Толпыгино — Тифлис]

(...) Здоровы ли вы, дорогая мамочка? (...) Что Ельчанинов и Эрн? Они, как оказалось, неожиданно для меня, уехали в Тифлис на праздники.

Пишу тебе из Толпыгина; хотелось сколько-нибудь отдохнуть от всех событий и дел, но это удастся плохо. Все время приходится разговаривать о политике и положении Церкви, спорить, доказывать и волноваться. Заниматься — почти не занимаюсь, а все разговариваю или вовсе бездельничаю.

<sup>1081</sup> См. вступ. заметку Е. В. Ивановой к переписке Флоренского с Белым // *Иванова*, 2004. С. 520–521.

<sup>1082</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 204–205.

Что будет в академии — неизвестно. С автономией нас явно обманывают, но невозобновление занятий вносит очень серьезные осложнения, главным образом для новопоступающих. Как устроятся дела, стараюсь пока не думать, тем более что все равно ничего не придумаешь. Но мои церковные интересы принимают все более и более живую и жизненную форму.

(...) Больше всего меня занимает изыскание сокровенных корней религии и отношение религии к быту, к обыденной, к повседневной и еженощной жизни. И если экономическую сторону и физиологию, как говорят, можно прослушать повсюду, то для меня более очевидна та мысль, что религиозные начала проникают собою все существование человека, даже когда он не знает и не подозревает о них. То, что сначала кажется чисто практическим делом, то потом оказывается пронизанным традицией и обрядом; то, что сперва можно было бы принять за утилитарность, то самое скрывает в себе культ и ритуал. Мне нужно выявить эти религиозные начала жизни и показать связь их с религиозными системами.

(...) Мне бы хотелось и оставить всякие занятия, и академию, и все, и уйти странствовать или поселиться в лесу. Куда ни оглянешься, нет полной честности, бескорыстия и объективного отношения к вопросам и делам. Этим я не хочу сказать, что я сам не таков; нет, но жаждет видеть таких людей. Впрочем, кое-кого, пожалуй, я знаю, но этого мало.

Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Твой П.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>1083</sup>

[7.12.1905. СПб.]

1905.XII.7. Смольный

Дорогой, Петр Павлович!

Сообщаю горькую весть: журнал наш пока не увидит света. Сытин, по его словам, почти банкрот. Может быть, есть

<sup>1083</sup> Печатается с комментариями по: Балакишина, 2014. С. 351–357.

тут и некие мотивы, но можно и поверить его словам. Ввиду общего положения дел — «Русское слово» прекращается, «Русь» — полный банкрот, даже «Новая жизнь» почетно умирает, соединяясь с «Началом». Где же тут, говорят, начинать новое издание? Я лично уже перестрадал этот факт, и теперь мне кажется, справедлив был тот, кто считал наше предприятие опасным. Утешение, конечно, слабое.

Другое утешение лучше. «Церковный Вестник» уже бесцензурный орган. С Нового года редактором будет твой коллега Миртов<sup>1084</sup>. Он обратился ко мне от лица редакции с приглашением быть постоянным сотрудником. «Церковный Вестник» в будущем хочет по смелости своей столь же возвышаться над всеми новыми органами («Голос церковный» — редактор Лахостский и Слободской, с которым я резко разошелся до предания мною дела третейскому суду нашего кружка), насколько он возвышался над прежними. И первые шаги Миртова ручаются за это. В 1-м же номере «Церковного Вестника» будет помещена моя статья: «Так ли виноваты они?» (к вопросу о правовом и экономическом положении сельского духовенства) — предназначенная для I № неродившегося детища — без малейших изменений. Миртов далее предложил: мне вести отдел чрез 2 недели «Страничка из епархиальной жизни». Первый очерк я послал ему сегодня. Тоже написал в том виде, в каком предполагал напечатать в нашем органе. Лично мне, таким образом, есть где душу отвести. Антон Владимирович Карташев, по моему убеждению, согласен ваять опять «Известия и заметки». Наконец, Миртов будет настаивать на увеличении объема «Церковного Вестника».

Для нас с Антоном Владимировичем стоял вопрос о том, чтобы не разделять своих сил. Кроме личных мотивов в этом отношении для меня стоял вопрос, прежде всего,

---

<sup>1084</sup> Дмитрий Павлович Миртов (1867–1941) — профессор СПбДА по кафедре истории философии, с 1906 г. редактор журнала «Церковный вестник».



о тебе. Миртов просил передать тебе, что он с восторгом будет помещать твои статьи. Если бы ты захотел иногда прислать тоже «Страничку из...», — будем рады ей: отдел будет без подписи. Это первое.

Наши московские друзья — ученики Трубецкого — Эрн, Свенцицкий предприняли религиозно-философскую библиотеку. Издателем у них Сытин. Они просят всех нас принять участие. Пришли, пожалуйста, и ты. Материалом может быть и уже напечатанное и будущее. Это второе.

Эрну и Свенцицкому Морозова дала 20 000 руб. для издания народной христианской газеты. Это будет конкуренция народной газеты, предпринимаемой отцом Петровым, «Правда Божия». Говорю — конкуренция: явится она ввиду отрицательного отношения Эрна и Свенцицкого к отцу Григорию. Эрн и Свенцицкий очень просят об участии. Я лично не мастер для этого, хотя попробую. Убедительно прошу тебя.

Это третье.

Вчера был Александр Александрович Стахович. Он с начала года издает «Елецкую газету» — политическая платформа — конституционная демократия; экономическая — христианский социализм. Я вошел в число сотрудников. Очень прошу принять участие и тебя. Без отношения с тобою я не рискнул позволить за свой страх тебя внести в число сотрудников. Но это никогда не поздно.

Это четвертое.

По всем этим пунктам я ожидаю от тебя скорого ответа. Всякого рода статьи, заметки присылай на мое имя — пока с обозначением, куда бы ты желал направить. А потом, если ты позволишь, я установлю личные сношения всех поименованных выше лиц непосредственно с тобою.

Сегодня я получил повестку о посылке. Думаю, что это твои рукописи. Всем материалом распоряжусь по твоему указанию: что в «Церковный Вестник», что Стаховичу, что Эрну. Можно ли и «Христос и антихрист» направить Стаховичу?

Еще: возможно, что первые №№ «Церковного Вестника» будут безвозмездно разосланы по имеющимся у меня адре-

сам с объявлением вроде: «Журнал не состоялся, некоторые сотрудники вошли в “Церковный Вестник”». Если бы потребовалось указать имена сотрудников, можно ли будет тебя обозначить?

Несколько событий, в том числе и крах журнала, как-то пригнули меня. И это, как вижу теперь, делает большую пользу. Наш институт ввиду скарлатины закрыт до 20 января. В качестве реакции мне временно опостытели постоянные собрания, и я засел дома за книги. Вторично перечитываю Тареева, за ним начну систематическое чтение Слова Божия. Хочется самособраться. Есть и другой мотив. Осенью я во что бы то ни стало хочу покинуть Институт и перейти в одно из высших учебных заведений. И тогда снова взяться за идею журнала своего. Но для этого нужна степень. Наша академия вступила в новый период, и я сделаю, может быть, первый опыт. С января приступаю к изданию отдельной книги своей под одним заглавием «Христианство и его отношение к земной жизни» (Сборник статей). Приблизительный план таков.

I отдел.

Принципиальный

1. Христианство в его отношении к земной жизни (положительное решение вопроса в связи с критикой Архимандрита Сергия «Слова и речи»<sup>1085</sup>).

2. Христианство и социализм (по поводу сочинений Герцена («христианство — апофеоза смерти»), Исаева, Зомбарта и других).

3. К. Н. Леонтьев (Опыт...)

4. Личность и общество (свод напечатанных статей).

5. Церковь и государство.

6. О смертной казни<sup>1086</sup>

<sup>1085</sup> Речь идет о книге еп. Сергия (Страгородского) «Слова и речи. 1901—1905 гг.». (СПб., 1905).

<sup>1086</sup> Уже отдано в «Церковный Вестник». — *Прим. свящ. К. Аггеева.*

## II отдел.

Христианство в отношении к культуре

1. О Толстом.
2. О Гоголе.
3. О Горьком.
4. Возрождающийся идеализм.
5. Нужды деревни.
6. Речь о Трубецком.

## III отдел

Профессиональный

1. О преподавании Закона Божиего.
2. Так ли виноваты они и др.

Книга выйдет размером самое меньшее 300 страниц. Издать ее согласился: Эрн, если бы я сам не справился с этим делом.

Духовной академии теперь при вопросе о степени можно, не только должно, руководиться существом дела, т. е. степенью научности. Вот мне и нужно узнать, примет ли Киевская академия мою книжку к рассмотрению. Как раньше получить официальный ответ? Мне это знать очень хотелось бы: в случае отрицательного отзыва я подал бы ее в МДА, которая и прежде допускала это (так, недавно рассматривался сборник статей, внешне не связанных, некоего Боголюбова — Петербургского миссионера). В случае утвердительного ответа, я бы теперь взялся за подготовку к устному экзамену. Посоветуй, пожалуйста, мне, а еще лучше, узнай как-нибудь.

Вот уже несколько дней нахожусь под впечатлением несколько новой общественной работы. Я писал тебе, что я время от времени ходил в близлежащую фабрику беседовать в обществе трезвости. Аудитория человек в 500. Вся фабрика 12 000 человек. И всегда удивительно удовлетворенное состояние выносишь оттуда. Общество трезвости помимо меня (вчера случайно узнал об этом) возбуждает ходатайство пред Орнатским (чтения ведутся от имени Религиозно-Просветительского Общества) о назначении меня заведую-

щим всем обществом трезвости: там кроме 10 человек иереев — ведут чтения и студенты академии. Обратись они ко мне прежде, я отказался бы: лучше останусь рядовым, на заведывание просто времени нет. Но в этом не будет нужды: Орнатский побоится меня — «двоюродного брата Гапона» назначить. Пойдет к митрополиту, и тот, несомненно, тоже отклонит. Все же интересно, чем кончится.

Отцы Чельцов, Рудинский<sup>1087</sup>, я, Фомин<sup>1088</sup>, Егоров открыли «митинги» с народом в другом пункте в центре Сенного базара. Там есть дом Трудолюбия, который предложила нам Дума. Прекрасный зал. Вчера был второй опыт. Могли прийти те же, Чельцов и я. Сначала говорил Чельцов — о Евангельских блаженствах. Затем я о богатстве и бедности применительно к Евангельскому чтению прошлого Воскресения. В перерывах общее пение. Затем предложил самим слушателям — большинство рабочие — выйти на кафедру. Нашлись, и началась беседа. И о духовенстве и о пьянстве. Удивительно хорошо прошло. Было около 300 человек. А в следующее воскресенье придет вдвое больше. Нам еле позволили окончить беседу. Потом пришли в нашу комнату. Какая жажда! Я поехал на конке, а потом пришлось вернуться пешком по той же Садовой улице. Встречаются группы слушателей — и как-то особенно радостно встречают и приветствуют. Ни одного выжившего!

Против дома Трудолюбия помещается церковь Николая Морского с многочисленным штатом. Собратья уже отправились к военному протопресвитеру с жалобой: «К нам вошли священники революционеры и открыли беседы какие-то». Протопресвитер по просьбе поручил бывать на каждой беседе одному из членов причта и докладывать о происходящем. Собираются идти к митрополиту. По слухам «пристав ужа сообщил, что беседы ведутся очень хорошо, и он ничего не находит».

<sup>1087</sup> Николай Семенович Рудинский (1871–1937) — священник (с 1911 протоиерей), преподаватель СПбДА. — *В. К.*

<sup>1088</sup> Неустановленное лицо — *В. К.*

Вчера был пристав интеллигентный. Вступил с нами сам в разговор.

Вот тебе картина наших нравов!

Отец Соллертинский<sup>1089</sup> организует митинги всего Петербургского духовенства. Меня зачислили в организационное бюро — вчера так передавал мне отец Чельцов — и заранее в число ораторов. И раскачу же я наших протопопов! Они открывают против меня чуть ли не кампанию. Ни йоты нет у меня страха. Самые лучшие протоиереи — Прозоров<sup>1090</sup>, член Консистории, Перетерский<sup>1091</sup>, заведующий свечным заводом, удивительно ласково относящиеся ко мне, говорят: помните, наши иереи только и живут выливанием помой, и Вы пожалуйста не особенно придавайте этому значение. А Никифоровский<sup>1092</sup>, член Консистории и мой духовник, еще сильнее поддерживает «Ведь вы только и работаете за нас. Разве мы этого не видим!».

Поделись о содержании письма с Зотиновичем, которого целую.

Целую Анну Елисеевну и деток.

Ответа буду ожидать с нетерпением, хотя бы краткого и даже только делового.

Любящий свящ. К. Аггеев.

Владимир Петрович<sup>1093</sup> без данных напугал тебя и совершенно напрасно. Карташов человек безусловно верующий

<sup>1089</sup> Сергей Александрович Соллертинский (1846—1920), прот. — ординарный проф. СПбДА, доктор богословия.

<sup>1090</sup> Василий Аникитич Прозоров (1857—1933?), прот. — доктор богословия, член СПб Ивановой Консистории и Епархиального училищного совета.

<sup>1091</sup> Василий Иванович Перетерский (ум. 1915), прот. — священник Свято-Пантелеймоновской церкви, председатель комитета Петербургского епархиального свечного завода, духовник писателя И. А. Гончарова.

<sup>1092</sup> Федор Николаевич Никифоровский (ум. 1910), прот. — священник Смольного Воскресенского собора всех учебных заведений.

<sup>1093</sup> Владимир Петрович Ильинский (?—?) — церковный публицист, автор критического отзыва на программу ХББ. — В. К.

во Христа и в Церковь. Сам Д. И.<sup>1094</sup> после общей беседы признал, что мы «Слишком возвышенные идеалисты...».

Тареев очень глубокий человек. Чем больше я читаю, тем больше в этом убеждаюсь. Его «Цель жизни» — тоже серьезный труд, органически связанный с «Жизнью Иисуса Христа» и «Духом и плотью»<sup>1095</sup>. После Тареева прочту Несмелова<sup>1096</sup>. Это будет лучшей подготовкой к первой части моей книги, которую в значительной части нужно вновь написать.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>1097</sup>**

[9.12.1905. СПб.]

1905.XII.9

Смольный.

Дорогой Петр Павлович!

Вчера я послал тебе заказное письмо. В дополнение его пишу еще несколько строк.

Как я и ожидал, посылка оказалась твоей рукописью. Перечитал я их. Больше всех и безотносительно очень пришла мне по сердцу — о политике и участии в ней священника. Очень она подойдет к «Церковному Вестнику». Без твоего разрешения я понесу ее на днях Миртову. Предупредить меня о напечатании ты, если захочешь, успеешь: имеем еще ½ месяца.

Остальные заметки произвели на меня впечатление несколько болезненное своим пессимизмом — порой принципиального характера — по отношению к церкви. Я способен на резкости в этом отношении: но такого убийственного

<sup>1094</sup> Лицо не установлено. Возможно, имеет место опечатка и речь идет о Д. С. Мережковском.

<sup>1095</sup> Речь идет о книгах «Цель и смысл жизни» (М., 1902), «Жизнь и учение Христа» (М., 1902) и статье «Дух и плоть» (Богословский вестник. 1905. № 1–3).

<sup>1096</sup> Виктор Иванович Несмелов (1863–1937) — русский философ и богослов, профессор КазДА, автор трудов по философской антропологии.

<sup>1097</sup> Печатается с комментариями по: Балакшина, 2014. С. 357–360.

долбления об одном и том же — т. е. о смерти Церкви и мне вынести нелегко. Что же чувствуют менее меня искушенные? Говорю это вот к чему. Первою мыслью было послать их Стаховичу. Но в твоих ли интересах возможный эффект их. Я понимаю печатание таких стихотворений в прозе систематическое: твой основной взгляд более или менее положительный станет ясным хотя с течением времени. Отрывочные же эти статейки — лучшие пособия «Началу» и «Новой жизни» (социально-демократические журналы). А я теперь особенно считаю их нашими античадами или лучше антихристами, демонски соблазнительными, но именно поэтому особенно опасными врагами. По крайней мере, если бы от меня зависело, я бы безусловно напечатал их, но с редакционным примечанием или контрстатьей.

Буду ожидать от тебя указаний. Хорошо было бы, если бы ты к присланным прибавил еще, в качестве корректива.

У меня с графиней порвано окончательно. И не я тому виной. Тебе известно, что наши воспитанницы, как и ваши, подали петицию весьма умеренную. Граф и Олив считают меня виновником всей этой истории. Графиня не то, что присоединяется к их мнению, но весьма недовольна (как и всеми Киевскими академиками), что я по существу согласен с просимым... «Если бы батюшка захотел, он мог бы предупредить Вас». Эти слова графа, сказанные графине, передала она мне без комментариев.

— Передайте графу, — ответил я, — что я никогда не был доносчиком на своих учеников и учениц...

Об этом больше речи после не было.

Сегодня графиня, забыв свою обычную большую нравственную чуткость и деликатность и даже такт, сказала мне, что вот-де она пригласила меня в Петербург не для того, чтобы...

— Я своей души никому никогда не продавал, — ответил я. — Неужели Вы хотите, чтобы я говорил противное своим убеждениям?..

— Нет. Но здесь и трагизм: мы с Вами люди чужие. Вы, с моей точки зрения, социалист...

С точки зрения графини это низшая степень падения.

Из предшествовавших разговоров выяснилось, что графиня, будучи лично замечательно хорошим человеком, аристократ и крепостник до мозга костей — бессознательно для себя. Я ей выяснял это. Мужика она любит и порой удивляется ему точно так же, как своей собачке Сно. Крепостное право, телесные наказания и закрытые учебные заведения — все это нужно оставить: вся культура зло. «Графиня! — вскрикнул я: зачем же Вы сына-то Вашего в Университет отдавали». Ну и прочее.

Сегодня я объявил, что в Институте останусь только на полгода. А если будет возможность, уйду раньше.

Теперь для меня особенно нужен твой ответ относительно магистерской степени. Напиши, пожалуйста.

Возможно, что ты скоро увидишь меня приходским пестербургским священником.

Хотя, но, очевидно, боятся предложить мне Пажеский корпус. Недели две тому назад пришел проситься на мое место один священник. Его послал отец Розанов<sup>1098</sup>, его родственники. «А я же куда денусь?» — спрашиваю его. «Да, Вы уже назначены в Пажеский?» «Ничего, — говорю, — не слышал. Там не могут ужиться законоучители. Ныне там Лисицин, которому предложили искать место. Если попаду я, то через ½ года, несомненно, выпрут и меня — князя да Клейгельсы<sup>1099</sup>.

Целую и ожидаю писем. Любящий свящ. К. Аггеев.

Действия революционеров — совершенное самодержавие, попрание свободы, порою инквизиция. Отныне я лич-

<sup>1098</sup> Николай Иванович Розанов (1867–1938 расстрелян) — протоиерей, настоятель Воскресенского собора, член Санкт-Петербургского епархиального училищного совета, сшмч. — *В. К.*

<sup>1099</sup> Клейгельс Николай Васильевич (1850–1916) — генерал-адъютант, русский военный и государственный деятель, в 1895–1903 гг. петербургский градоначальник.



но отказываюсь сказать, как прежде: я на стороне наличного освободительного движения...

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1100</sup>**

[11.12.1905. СПб.]

11 Декабря. 12 часов дня. Теперь о Среде. Она была в некотором роде замечательной. Были: Розанов с падчерицей<sup>1101</sup>, М-ме Бердяева<sup>1102</sup> (он хотел, но не смог [нрзб]), Ремизов, Габрилович, Чулков, Кондратьев<sup>1103</sup>, Пяст, молодой поэт (Мережковские не приехали, задержанные в последнюю минуту), Блок, Белый, Яша, еще какая-то София Юльевна<sup>1104</sup> (верно, нелегальная) с еврейскими глазами и с любопытством нас рассматривавшая (ее привела Бердяева), писатель Лундберг<sup>1105</sup>, Нина<sup>1106</sup> и Борисов<sup>1107</sup> и математичка, — кажется, все. Поздно, часов в 12, Вячеслав предложил устроить по примеру «Пира»<sup>1108</sup> — бесе-

<sup>1100</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 142–144.

<sup>1101</sup> Александра Михайловна Бутягина.

<sup>1102</sup> Лидия Юдифовна Бердяева (урожд. Трушева, в первом браке Рапп, 1871–1945) — жена Н. Бердяева, русская поэтесса, участница Русского католического апостолата, деятельница русской диаспоры во Франции.

<sup>1103</sup> Александр Алексеевич Кондратьев (1876–1967) — русский поэт, писатель, переводчик и литературовед. В 1898 году Кондратьев познакомился с А. А. Блоком, в 1903 г. — с Д. Мережковским и З. Гиппиус, в дальнейшем посещал поэтический салон Ф. Сологуба и переписывался с В. Брюсовым. В конце концов Кондратьев стал секретарем кружка К. Случевского.

<sup>1104</sup> Яша и Софья Юльевна — неустановленные лица.

<sup>1105</sup> Евгений Германович Лундберг (1883–1965) — российский писатель, переводчик, критик, в 1905–1906 гг. примыкал к «Христианскому братству борьбы». Автор книги о Д. Мережковском (1914).

<sup>1106</sup> Нина Павловна Анненкова-Бернар (урожд. Дружинина, 1864–1933) — русская актриса, писательница.

<sup>1107</sup> Евгений Васильевич Борисов (1854–1924) — российский математик, профессор С.-Петербургского университета.

<sup>1108</sup> Диалог Платона.

дование о Любви. Ах да, самое неожиданное: был Павел Владимирович Безобразов<sup>1109</sup> и председательствовал, скажи Марии Сергеевне<sup>1110</sup>.

Блок первый прочитал прекрасные стихи о «Влюбленности»<sup>1111</sup>. Говорил Белый о мировой душе, отблеск которой мужчина ищет в любимой женщине, из этого как-то рождается лик Христа, потом все обращается в церковь и в Жену, обличенную <Sic!> солнцем по апокалипсису. Все это в смутных, цветисто облачных образах и длинно. Общее мнение — что очень красиво. По-моему, нет. Вячеслав говорил раньше, и все, сказанное Белым, языком арбатского апокалипсиса (мое мнение) было (по словам Блока) продолжением, добавлением к словам Вячеслава. Вячеслав напишет статью о любви<sup>1112</sup>. Здесь его теория о матери-дочери-сестре, отце-брате-сыне, соединенных в одно зерно в любви между мужчиной <Sic!> и женщиной, и дальше о бросании колец совершенной любви двух в пурпуровые моря божественной соборности. Розанову и Блоку не понравилось. Габрилович говорил о невозможности соединиться всецело ни в страсти, ни в *amitié amoureuse*<sup>1113</sup>, ни в общественности, о вечном одиночестве, о разрешении в одиноком творчестве, закончил красивым, пышным своим стихотворением. Потом я сказала, что могу говорить только о реальности и поэтому отвечаю Габриловичу: признаю, что любовь есть высшая разлука, ибо пока человек томится в своей одиночной тюрьме, у него есть окошечко тоски, но когда двое одиноких соединятся, они заколачивают свое окошечко от всего мира и уже безнадежно

<sup>1109</sup> Павел Владимирович Безобразов (1859—1918) — русский историк-византист, публицист, прозаик, переводчик.

<sup>1110</sup> Мария Сергеевна Безобразова (урожд. Соловьева, 1863—1919) — жена П. В. Безобразова, сестра В. С. Соловьева.

<sup>1111</sup> Имеется в виду стихотворение «Влюбленность» («Королевна жила на высокой горе...»).

<sup>1112</sup> Такая статья написана не была.

<sup>1113</sup> Любовная дружба (*фр.*).

отъединены. Но не в отказе от страсти и любви спасенье, а в обращении порока нашего в добродетель. В любви двоих — пороке против соборности — есть искупление, это самая сущность любви, ибо любовь есть то, что не прощает. Любовь ищет свое и без жалости отмечает все, что не подходит под ее глухое искание: отсюда измены, холодные казни некогда любимых существ, но не ответивших бессознательным алканием любви. И вот любовь идет, карая, бестелесно, без прощения, и святым нездешним днем пепелит все то, что хочет навеки запечатлеть себя в несовершенной эмпиреи <Sic!>. То, что не прощает, — добродетель любви, но всякое кольцо, сомкнутое на земле любовью, — порок любви. на это я напишу на днях небольшую повесть для «Факелов». Председатель был возмущен: как! любовь не прощает? Она все прощает... А Розанов говорил: «Умница какая!» Он говорил, что я геркулесова дочь. Потом Борисов-позитивист. Сначала рассказал очень красивую и глубокую Египетскую легенду, но гора мышь родила, и после великой легенды пошла позитивистическая психология всяких преимуществ влюбленного состояния. Закончила диспут Mme Бердяева красивой сказочкой, ею придуманной (мне не нравится). Божество бросило на землю четыре розы: белую, розовую, алую и черную. Люди подбирали, и каждый подобравший любил сообразно с цветом своей розы. Счастлив подобравший себе весь букет! (буро-серый)<sup>1114</sup>.

<sup>1114</sup> В качестве дополнения следует привести еще фрагмент из сравнительно малоизвестных воспоминаний Андрея Белого:

«...помню я, что о любви говорили: Иванов, Бердяев, я, Л. Ю. Бердяева; говорил ли Д. С. Мережковский — не помню; молчал В. В. Розанов; этот последний ко мне подошел после речи моей (кажется, я говорил о трех фазах любви: любви к Богу, к Ней, к людям; и называл эти фазы — любовью по чину один, два и три); подошел В. В. Розанов и спросил:

— А скажите, — наверное, не переживали того, о чем только что говорили.

Спросил его:

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1115</sup>

[16.12.1905. СПб.]

16 Декабря 11 ½ утра. (...) Третьего дня была Среда. Она вышла поразительной, могу сказать — блистательной по истинной глубине своих бесед. Тема была «Одиночество и Анархизм». Так вотировали за это соединение. Председатель — Бердяев идеально. Присутствовали Ремизов, Сологуб, Габрилович, Чулковы, Нина, Борисов и 2 девочки, Сомов и Добужинский<sup>1116</sup> (известный карикатурист и художник), Сюннерберг<sup>1117</sup>, Корин<sup>1118</sup> (плохой поэт), Рослав-

---

— Почему вы так думаете?

Он — настаивал:

— Если бы вы пережили хоть часть из того, что сказали, вы были бы — гений...

И приговаривал он, поплеывая словами:

— Не переживали, конечно... Признайтесь?

А. А. Блок сидел в дальнем углу, прислонив свою голову к стенке, откинувшись, очень внимательно слушая, с полуулыбкой; когда обратились к нему, чтоб и он нам сказал что-нибудь, он ответил, что говорить не умеет, но что охотно он прочитает свое стихотворение: и прочел он “Влюбленность”; он был в этот вечер в ударе; уверенно, громко, с высоко закинутой головою бросал в нас строками...» (Андрей Белый о Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 200).

<sup>1115</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 144.

<sup>1116</sup> Мстислав Валерианович Добужинский (1875—1957) — русский художник, мастер городского пейзажа, участник творческого объединения «Мир искусства», художественный критик, мемуарист.

<sup>1117</sup> Константин Александрович Сюннерберг (псевд. Эрберг, 1871—1942) — российский поэт-символист, философ-идеалист, символист и теоретик искусства. Основатель инормизма. Входил в группу «Мир искусства». Опубликовал сборник стихотворений «Плен» (Пг.: «Алконост», 1918; обложка М. Добужинского) и трактат «Цель творчества. Опыты по теории творчества и эстетике» (М., 1913; переиздание: Пг.: «Алконост», 1919). Один из руководителей Института живого слова (1918—1924). Член Совета и активный участник Вольной философской ассоциации (1919—1924). Оставил мемуары.

<sup>1118</sup> Василий Иванович Корехин (псевдоним — В. Корин) — сослуживец и друг Сологуба, поэт, автор книги в двух частях «Зарницы».

лев (поэт-реалист в поддевке)<sup>1119</sup> и из их же кружка с талантом молоденький Годин<sup>1120</sup>. Кажется, все. Начался диспут тем, что я прочитала свою «Тоску Смертельную»<sup>1121</sup>, сказала, что из тоски одиночества и безвыходности ее нужно сделать добродетель крайнего индивидуализма в анархизме и, доведя индивидуум до высшей силы, надеяться, что совершится какой-то крах (сострила о теории социал-демократов, доводящей до высшего расцвета капитала и высшего напряжения его борьбу с трудом, чтобы в одном крахе совершилось падение капитала и социалистическое распределение), в доказательство прочитала эпиграф свой и из «Кормчих Звезд» «И будет мир Духов»<sup>1122</sup>. Все это интересно и глубоко поставило вопрос. Говорилось многое многими весьма важное, Вячеслав очень сердечно и лично рассказал целый цикл развития своей муки над проблемой одиночества и иллюстрировал их отрывками, начиная с «Покорность», кончая «Гостем»... Обрываю и отсылаю письмо.

### А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>1123</sup>

[17.12.1905. Москва — Сергиевский Посад]  
Дорогой Павлуша!

<sup>1119</sup> Александр Степанович Рославлев (1883–1920) — поэт, прозаик.

<sup>1120</sup> Яков Владимирович (Вульфович) Годин (1887–1954) — русский и советский поэт; в свое время прославившийся скандальной статьей «Оргиасты», посвященной карикатурному описанию Сред. Подробнее см.: *Азадовский К.* Эпизоды // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 116–121. Ср. далее описание среды 21 декабря.

<sup>1121</sup> «Стихотворение в прозе» из цикла «Тени сна».

<sup>1122</sup> Речь идет об эпиграфе к стихотворению Иванова «Пламенники», взятом из одноименного романа Зиновьевой-Аннибал: «Будет мир, подобный миру светлых духов, ликующих каждый своим отдельным ярым порывом» (*Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 548).

<sup>1123</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 205–206.

1. Немудрено, что мы не откликнулись на твои письма — мы не получали их, т. к. была забастовка, сначала почтовая, потом железнодорожная — всего месяц.

2. То же относится и к «Весам», в которых я был (я писал об этом) по твоему делу.

3. Деньги мне нужны, так как мы с Эрном собираемся домой, пришли, если можешь и если надеешься скоро получить за Сперанского.

4. О «кризисах детского развития» в научной литературе нет ничего: что есть, то только в беллетристике, романах и т. д.; впрочем, если под кризисом разуместь переходный возраст, то об этом есть много экспериментальных работ, библиографию и материал которых см. у StanlyHoll'a<sup>1124</sup> в *Adolescentia*<sup>1125</sup>.

5. С пожаром сытинской типографии<sup>1126</sup> дело с газетой становится неопределенным вполне.

6. «Вообще» мы имеем: было два заседания религиозно-философского общества<sup>1127</sup>, приходят попы, завязываются связи.

<sup>1124</sup> Стенли Холл (1846—1920) — американский психолог, один из основателей педологии и возрастной психологии, популяризатор психоанализа в США. Речь, видимо, идет о его работе: *Hall S. Adolescence*. N. Y., 1904. Знакомство с этой книгой свидетельствует о профессиональном интересе А. Е. к литературе по возрастной психологии.

<sup>1125</sup> Отрочество (*лат.*)

<sup>1126</sup> Типография И. Д. Сытина сгорела 11 декабря 1905 г. во время вооруженного восстания в Москве.

<sup>1127</sup> «18-го ноября состоялось учредительское собрание религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Председателем общества избран проф. С. Н. Булгаков, товарищем председателя — В. П. Свенцицкий, членами совета: профессор С. А. Котляревский, В. Ф. Эрн, Д. Д. Галанин, А. В. Ельчанинов. Канцелярия общества, Остоженка, Зачатьевский пер., д. Шер, открыта ежедневно от 12 до 2 часов дня» (Русское слово. 21 ноября (4 декабря) 1905. С. 3; Московские вести. 21 ноября (4 декабря) 1905. С. 2). На первом открытом заседании МРФО 21 ноября Свенцицкий выступил с докладом «Христианское братство борьбы и его программа», в прениях участвовали священники Н. И. Боголюбский и П. П. Поселов. «На другом заседании был прослушан доклад Д. Д. Галанина «Христианское мировоззрение до XVII века». Автор

7. Мы получили «Монадологию»<sup>1128</sup>, за которую и благодарим; Лопатину его экземпляр будет доставлен сегодня.

8. О «Критике отвлеченных начал»<sup>1129</sup> я скажу Валентину, как увижу.

9. Перевод *Sohm*'a<sup>1130</sup> идет и будет напечатан немедленно по окончании перевода<sup>1131</sup>. Опубликовано о нем будет в следующей же нашей брошюре. К тебе собирается Петровский, который расскажет подробности.

Твой Саша Е.

## В. П. Свенцицкий. Дневник<sup>1132</sup>

[Декабрь 1905]

Дорогой бесценный друг мой! Я пишу это только для одного тебя, чтобы ты понял меня, простил, если я грешен,

---

доклада пытался найти в мировоззрении русского народа, поскольку оно выразилось в памятниках допетровской эпохи, — ответ на злободневные вопросы современности. Славянофильски-народническая точка зрения автора вызвала горячую критику г. Кузнецова (присяжного поверенного), г. Гантунга (присяжного поверенного), В. Ф. Эрна и свящ. П. П. Поспелова. Общество обещало развернуться очень широко; через несколько недель число членов возросло до 150 человек, но введение чрезвычайной охраны положило конец начавшейся деятельности общества, и оно временно прекратило свое существование» (О. М. По России. Москва // Народ. 2 (15) апреля 1906. № 1. С. 4).

<sup>1128</sup> Перевод Флоренского «Физической монадологии» И. Канта (Богословский вестник. 1905. № 9. С. 95–127).

<sup>1129</sup> Возможно, упоминание «Критики отвлеченных начал» в связи со Свенцицким связано с существованием студенческого кружка по ее изучению, возникшего в сентябре 1904 г.

<sup>1130</sup> Готтхольд Юлиус Рудольф Зом (*Sohm*, 1841–1917) — немецкий юрист, профессор германского и канонического права. — В. К.

<sup>1131</sup> См. примеч. к письму П. А. Флоренский В. Ф. Эрну от 24 февраля 1906 г.

<sup>1132</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 206–208. Включено Свенцицким в статью «Террор и бессмертие» с оговоркой: «Две странички из дневника одного христианина, решившегося на террористический акт (который не состоялся в силу случайности) и затем понявшего

и помолился обо мне. Они мучают народ; знаешь ли ты, чувствуешь ли ты это, как я? Я не могу больше... пойми ты это! Сегодня я прочел, как у Крымского моста два казака кружились вокруг лежащей на земле женщины и хлестали ее, полумертвую, нагайками. Кровь ее на меня брызнула, она жжет меня, душу, мозг, сердце. Я понял, что жить больше не могу, не могу, не должен, понимаешь ты, не должен. Я молился всю ночь об одном, чтобы Господь лишил меня жизни. О Господи, ведь я не могу воскресить ее, не могу спасти ее. Тело ее дорогое, родное мне, как мое собственное, Христом прославленное, они терзали, мучили, и я ничего не могу, ничего не в силах, так, стало быть, я не достоин жизни, которую Ты дал мне. И мне казалось, что Господь не может не услышать меня, что Он сжалится над слабостью моей и пошлет мне смерть...

А утром, когда я встал, не знаю как, но ясно понял, что мне нужно убить их. Прости меня за это слово, родной мой, брат мой; тебе страшно слышать его из моих уст, ты кроткий и чистый сам, но, Господи, дай мне сил передать тебе то, что на душе моей. Я одно могу, мне одно дано, не могу духом убить, то разреши хоть рукой своей уничтожить жизнь тех, кто терзал ее. Пойми, что я люблю эту валяющуюся под нагайками женщину больше, гораздо больше, чем себя. Если бы я мог ее спасти самоубийством, я бы сделал это с восторгом<sup>1133</sup>. Бог видит, как я люблю. Бог простит меня, я знаю, что простит.

---

всю глубину искушения, которое ему пришлось пережить». Вторая часть предварялась замечанием: «А через некоторое время этот же человек писал в своем дневнике следующее...» В заключение автор писал: «В этом живом документе, можно сказать с кровью вырванном из сердца, с яркостью видна черта, отделяющая любовь человеческую, высшей точкой которой является желание ради спасения ближнего убить мучителя, и любовью христианской, которая поднимается надо всем, дает силы вместить в душу свою страдание жертвы и грех мучителя» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 253–255).

<sup>1133</sup> Оправданию этого порыва посвящен рассказ Свенцицкого «Старый чорт» (См.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 512–



О, только теперь я понял, какое великое искушение было послано мне Господом! С радостью и благоговением вижу, что Он спас меня. Как все расширилось, исполнилось духом в моей душе: вижу все, весь мир как единое прекрасное божественное творение. Новой мукой страдаю и жалею новой жалостью сестру мою, поруганную женщину. Боже мой, как мог я не видеть, как поругана, обесчещена душа терзавших ее казаков!<sup>1134</sup> Убить их — это было хуже, чем добить умирающую женщину. Они стали мне ближе ее. Все во мне рвется к ним. Пойду, обязательно пойду, разыщу их, на колени перед ними встану и все-все расскажу. Бог поможет мне. Теперь только понял я, что за моей любовью к женщине стояло человеческое отчаяние, а теперь за любовью к казакам стоит божественная надежда. Пусть они не покаются — молиться буду! Принимаю в душу свою

---

519). Ср.: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти... Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей» (Рим. 9: 3; Исх. 32: 32); «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13).

<sup>1134</sup> В другом отрывке «Из дневника» Свенцицкий писал: «Покойный С. Н. Трубецкой как-то сказал мне: “Вы умеете воспринимать боль и ужас тех, которых убивают, — но вы слишком мало чувствуете ужас тех, которые убивают”. Тогда я согласился с ним, но последний год научил меня видеть другое... Послушайте, все должны понять это: гибнут не только те, которых убивают, — но еще больше те, которые убивают. Потерять Бога в душе своей, потерять уважение к человеческой жизни, перестать чувствовать человеческую боль — это больше чем смерть... Ничто так не развращает душу, как чувство власти, но если власть давать безграничную над жертвой беззащитной — то это значит толкать в самый омут грязи и преступлений... Ужас этой вечной смерти, жвавший в руках своих десятки тысяч душ, страшнее самых ужасных казней» (Свенцицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 270—271). Ср. сказанное в те же дни: «Людей убивают, христиан терзают. Жалко, невыносимо... Но другое, братья и сестры, другое ужаснее. Христиане убивают, христиане терзают, христиане православные проливают кровь повсюду» (Флоренский П. *Вопль крови.* С. 4). «Христиан убивают... Но есть еще более ужасное — христиане убивают» (Лашнюков В. *Белый террор и Церковь* // Страна. 23 ноября (6 декабря) 1906. № 220. С. 2).

их грех и вместе с ними всей жизнью своею буду искупать его. Для одного Тебя, Боже мой, хочу жить, все для Тебя отныне.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — Н. П. Анненковой-Бернар**<sup>1135</sup>

[18.12.1905. СПб.]

(...) Увы, вернулись в 4 часа! И дома говорили до 6-ти. Обсуждали коренные и мучительные вопросы нашего устройства. Сологуб читал чудесный рождественский рассказ, смешанный из Сологубовской фантастики и реализма рабочей революции. Критиковали. Я нападала порядочно против всех остальных, хваливших за несколько лишних слов там и сям, особенно в чертовщине (...)

Пока Петербург единственный безопасный город. Да, наш прекрасный, просто героический Яша с 13-го числа в Москве! Получила «священное» письмо из огня [нрзб] пушек. Он санитар. Но Красный Крест объявлен был мятежным, и в санитаров сильно стреляли. С 14-го не имею писем. Жив ли? Это не подлый ломака Брюсов, который присылает письмо Вячеславу с нарочным, начинающееся вроде как так: «Я жив, хотя и хожу под выстрелами, любопытствую (гадина!), ни к какой партии не принадлежу (гниль купеческая!). Константин Дмитриевич (Бальмонт!) жив (я не сомневалась!), Сергей Алексеевич Гриф жив (жаль для блага людей, что этот клан декадентский не раздавлен), все наши (!) живы». У меня нет наших в московских декадентах-купцах. Затем следует предложение конституции «Весов», названное Вячеславом «курьезным аппаратом для снятия сливок с подойников музыки»<sup>1136</sup>.

<sup>1135</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 145–146.

<sup>1136</sup> Точная цитата из письма Иванова к Брюсову от 17 декабря, где рассуждение о меморандуме начинается со слов: «Для меня подобная дистилляция моих писаний неприемлема» (Литературное наследство. Т. 85.

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1137</sup>

[20.12.1905. СПб.]

16 декабря «...мы были в мастерской Сомова. Он нам показывал многое. Он истинный художник в смысле французском, влюбленный в свою «кривую», в форму. Это от радно, потому что это первые «художники» в России (...)

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1138</sup>

[21.12.1905. СПб.]

А сегодня Среда, и Анюты не будет, так как бани усиленно работают перед праздником. А я так устала. И так тяжело говорить. Предполагается окончание темы об одиночестве и анархизме, а мне хочется рыдать и рыдать. Что человек: зверь или Бог, подлец или герой? (...)

[24.12.1905. СПб.]

Среда была сумасшедшая. Человек 30, отовсюду, даже поразительный оратор студент Гидони<sup>1139</sup>, социал-демократ, кем-то приведенный. Он так блистательно говорил, что опьянил нас на мгновение. Через верблюда и льва (мы в стадии льва) придем к ребенку, с легкостью сбросим тяжесть жизни и кончим Творящим Странником (удивительная концепция!), тогда уже не нужно будет искусства, мы сами станем творцом и творением, и все вступим в бли-

---

С. 488). Следующее письмо Иванов написал Брюсову только через месяц, да и то как ответ на присылку посвященного ему сборника «Stephanos».

<sup>1137</sup> Печатается по: *Богомолов*, 2009. С. 144–145.

<sup>1138</sup> Там же. С. 146.

<sup>1139</sup> Александр Иосифович Гидони (1885–1943) — русский искусствовед, художественный критик, драматург, прозаик. В этот период был деятельным участником «Кружка молодых», кружка «Реалисты», устроитель «общественных судов», редактор (совместно с Ю. Б. Кричевским) журнала «Студенчество».

стающую стену Творящих Странников<sup>1140</sup>! О, блестящий Люцифер социал-демократической безбожности. Мне чуеться большая пустота... Но где полно?

Были Поликсена Соловьева<sup>1141</sup>, Манасеина<sup>1142</sup>, Андрей Белый с невралгией все время грозил говорить, но, к счастью для меня, мне удалось отбить затянувшийся диспут Мережковского с Вячеславом, призвав председателя Бердяева к порядку дня. Тогда говорил Сюннерберг свои глубоко трагические мысли о борьбе с насилием природы — времени, пространства и Бога — как начала начальствующего; против чего Вячеслав противопоставляет Бога как страдающего в мире с нами. Ну, толком не пишу. Читал стихи Рославлев. Были из «кружка литературы», между прочим один мальчик 18 лет Годин. Он пришел и вчера почитать стихи, чтобы узнать критику Вячеслава, еврей, талантлив глубоко, сын фельдшера, родился в Петропавловской крепости. Дома — ад, и мальчика спасет только талант. Бредит самоубийством, а пишет так, что я ушла рыдать к себе. 18 лет! И весь мир передумал, а образования никакого! даже гимназии! И ни гроша денег. Ну вот. Больше не могу.

Л. Н. Толстой — Л. Л. Толстому<sup>1143</sup>

[27.12.1905. Ясная Поляна]

1905 г. Декабря 27. Я. П.

<sup>1140</sup> Ср.: Я назвал вам три превращения духа: сначала дух стал верблюдом, потом сделался львом, и наконец, лев стал ребенком. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 38. — *В. К.*

<sup>1141</sup> Поликсена Сергеевна Соловьева (псевд. Allegro, 1867—1924) — поэтесса, прозаик, переводчица и художник, сестра В. С. Соловьева.

<sup>1142</sup> Наталья Ивановна Манасеина (1869—1930 — детская писательница, редактор-издатель (совместно с П. С. Соловьевой) журнала «Тропинка».

<sup>1143</sup> Печатается с комментариями по: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений в 90 т. (Далее: *Толстой.* ПСС) Т. 76. М., 1956. Письма за июль 1905 — июнь 1906 гг. С. 70—72. Подготовка текста и коммента-

Только нынче 27 декабря получил твое письмо, милый Лева, и нынче же отвечаю тебе. Всё, что ты пишешь, я бо-

---

рии Т. Н. Волковой. Почти полностью, с пропуском нескольких слов и фраз, опубликовано Л. Л. Толстым в его статье «Две деятельности» — «Новое время» 6 (19) января 1906. № 10 709. С. 3.

Лев Львович Толстой (1869—1945) — писатель, публицист, сын Л. Н. Толстого). Л. Л. Толстой написал Николаю II два письма, после которых 27 января 1905 года произошла их личная встреча. В письмах Толстой под впечатлением событий Кровавого воскресенья призывал царя созвать Земский собор в качестве русской формы парламента, провести реформу православной церкви и ужесточить цензуру для улучшения ситуации в стране и на фронте. В письмах, написанных после встречи, Толстой просил царя принять его в качестве тайного советника. *Басинский П. В.* Лев в тени Льва: История любви и ненависти. М., 2015. С. 401—411. Лев Львович был членом праволиберального Союза 17 октября. — *В. К.*

Данное письмо — ответ на письмо Л. Л. Толстого от 28 ноября 1905 г., написанное в самый разгар революционных событий 1905 г. и полуценное в Ясной Поляне через месяц, когда вооруженное восстание было подавлено. В своем письме Л. Л. Толстой, хотя и резко отрицательно относится к происходящим революционным событиям, дает очень яркую их картину: «Ты не можешь себе представить, до какой степени сильно, стихийно и непоборимо то движение, что охватило теперь Россию... учебные заведения закрыты или в них собираются мужчины и переписывают с десятилетними девочками русскую марсельезу со словами: “Вставай, поднимайся, рабочий народ. Бей их, злодеев проклятых” и т. д. В городских аудиториях собрания и митинги союзов и обществ, на которых требуется демократическая республика. Сейчас идут страшно интересные собрания рабочих железнодорожников и переплетчиков в Соляном городке, на которые я зашел. В буржуазных домах страх и пустые разговоры, но карты по прежнему. В войсках — брожение и глухое недовольство. Наверху — философское и беспомощное бездействие сравнительно с быстротой и движением жизни... Сейчас, глядя на толпы в несколько тысяч рабочих и пропуская мимо себя бесконечный поток входивших в Соляной городок грубых, возбужденных, сильных рабочих людей, слушая властные их голоса: “Билеты, товарищи! Товарищи, за дело!” — я понял, какая это стихийная сила, с которой никому не справиться. Это — тот самый демос, который и создает республику... Им только одно нужно — это получить право считаться и быть людьми. И они добьются этого, добьются несомненно, как добились теперешнего права собираться на свои собрания». (*Толстой.* ПСС. Т. 76. С. 70)

лее или менее знаю, но ты так хорошо описываешь, что я еще живее почувствовал весь ужас, ужас нравственного упадка нашего общества.

Теперь положение внешним образом изменилось, но эта сдержанная внешними средствами подавленная злоба людей также ужасна.

Я не читаю газет, но невольно, по рассказам домашних и посетителей — а и тех и других так много, — знаю всё, что делается, и не могу удержаться продолжать свои, не имеющие отношения к революции занятия и то написал «Конец Века», которая вышла уже недели две тому назад за границей<sup>1144</sup>, а теперь написал небольшое обращение к правительству, революционерам и народу<sup>1145</sup> и никуда не посылал и не знаю, куда отдам. Писал только, чтобы «animam Ievavi». <sup>1146</sup> — Прочти, если у тебя есть, в Мыслях мудрых людей на нынешний день 27 декабря.<sup>1147</sup>

То, что улучшить положение всех людей может только улучшение отдельных людей, как то, чтобы согреть котел воды, надо, чтобы согрелась всякая капля воды, это такой трюизм, что не стоит повторять его, так как никто никогда и не оспаривает его. А между тем, признавая это, всякий говорит: «разумеется», но все-таки продолжает говорить и делать свои глупости и гадости, не понимая того, что вся эта общественная деятельность не только никогда не содействует улучшению состояния людей, но самым решительным и верным способом ухудшает ее. Ухудшает тем, что, как мы это видим теперь, страшно понижает общий уровень нравственности. А понижение уровня нравственности выгодно и удобно всем людям безнравственным, а потому, чем безнравственнее лю-

<sup>1144</sup> Статья «Конец века» вышла в «Свободном слове» (Лондон) 26 декабря 1905 г. См. *Толстой Л. Н.* ПСС. Т. 36. М.; Л., 1936. С. 260. — В. К.

<sup>1145</sup> Статья «Обращение к русским людям». Там же. С. 700–714.

<sup>1146</sup> Облегчить душу (*лат.*).

<sup>1147</sup> В «Мыслях мудрых людей» на 27 декабря приведено высказывание Ф. Гартмана о том, что улучшение общественного положения может быть достигнуто только самоусовершенствованием людей.

ди, тем они усерднее занимаются общественными переворотами. Что же делать? Людям не религиозным ничего другого нельзя делать, как то, что они и делают, пристать к какой-нибудь партии и бороться, ненавидеть, вредить... Людям же религиозным — жить своей жизнью, стараясь исполнять перед богом свой долг, в который входит обязанность жалеть людей, любить их, служить им, чем можешь, но никак не устраивать ту или иную думу или учредительное собрание и тому подобные глупости.

То, что это так, можно убедиться потому, что, как скоро занят внешними условиями, так, кроме того, что сам теряешься и путаешься, сам не знаешь, что хорошо, что дурно, тотчас же всходишь в враждебные отношения с людьми. Если же думаешь только о своих обязанностях перед богом, то всё ясно, легко, нет никаких препятствий, кроме как в тебе самом, которые поэтому могут быть преодолены, и не только не испытываешь вражды к людям, а напротив, испытываешь любовь к ним и вызываешь ее к себе. И потому я одного желаю и тебе и всем людям, это чтобы они поняли, что без религии человек есть и злое, и гадкое, и несчастное существо и что самое важное для человека это, если его нет, то установить в себе религиозное отношение к жизни и на основании его относиться ко всем явлениям жизни. Необходимость этого особенно чувствуется в такое время, как наше. Очень, очень советую тебе это. Целую тебя, Дору<sup>1148</sup> и детей.

Л. Т.

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>1149</sup>**

[28.12.1905. Киев — Симбирск]

Киев, 28.12.1905.

<sup>1148</sup> Дора Федоровна Толстая (1878–1933) — жена Л. Л. Толстого.

<sup>1149</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 90–92. В конверте журнала «Новый путь».

Милый Александр Сергеевич!

Как давно от Вас нет известий и как хотелось бы, как внутренне нужно свидеться. Не нужно рассказывать, как переживались и мною и Вами эти томительные дни предварительного антихристового разгула<sup>1150</sup>. Можно сказать здесь только одно: в терпении спасайте души ваши! В то же время как поучительны эти ужасные дни, как выжигают они «солому» в душе, обесценивают гленные ценности и заставляют искать только нетленных<sup>1151</sup>.

Литературные дела наши окончательно расстроились. Так как я полтора месяца почти отрезан, то имею только самые скудные сведения. «Вопросы жизни» окончательно разложились. Дмитрий Евгеньевич<sup>1152</sup>, почувствовавший к нам со времени возвращения Струве<sup>1153</sup>, род брезгливого презрения и раздражения за понесенные убытки, не хочет издать даже декабрьскую книжку. Денег, конечно, не достали, до «Вопросов жизни» ли сейчас. Но произошло и окончательное внутреннее разложение. Николай

<sup>1150</sup> Имеется в виду разгром вооруженного восстания в Москве.

<sup>1151</sup> В конце жизни отец С. Булгаков напишет: «С 1905 года я стал преодолевать революционные искушения, и однако также не в смысле измены свободе — повторяю, здесь я не могу и не хочу ничему изменять, но в отношении к идее священной власти, которая получила для меня характер политического апокалипсиса, запредельного метаисторического явления Царствия Христова на земле. [Примеч. С. Булгакова:] Вспоминаю следующий жест: 18 октября 1905 г. в Киеве я вышел из Политехникума с толпой студентов праздновать торжество свободы, имея в петлице красную тряпицу, как и многие, но, увидав и почувствовав происходящее, я бросил ее в отхожее место. И мне открылось Евангелие со следующим текстом в ответ на мое вопрошание: “сей род изгоняется молитвой и постом”» (*Булгаков С., прот.* Автобиографические заметки. С. 28–29).

<sup>1152</sup> Д. Е. Жуковский, издатель «Вопросов жизни».

<sup>1153</sup> П. Б. Струве вернулся из Штутгарта, где в 1902–1905 гг. редактировал журнал «Возрождение», орган «Союза освобождения», на страницах которого дискутировались и формулировались идейные и организационные принципы будущей Конституционно-демократической партии. С 1907 г. и до его закрытия Струве редактировал РМ.



Александрович<sup>1154</sup> отзывается теперь о Георгии Ивановиче<sup>1155</sup> так, как, вероятно, отзываются Мережковские. Я, как ни охладел к нему за последнее время, этого не понимаю и этим огорчаюсь. Одним словом, идет гниение. Еженедельник наш хотели издавать Сытин с Сойкиным (?!), но, очевидно, в конце концов отказались, и я приписываю это враждебному влиянию Петрова, иначе нельзя это понять<sup>1156</sup>. Впрочем, я этого не знаю.

Теперь на нашем горизонте появился Александр Стахович<sup>1157</sup>, который хочет финансировать журнал, но почти нет тоже ничего осязательного, и я боюсь верить. Наконец, из нашей народной газеты родилась кошунственно-безбожная — по проспекту и названию — «Правда Божия», редактируемая священником Петровым! Как верен был Ваш инстинкт относительно него, теперь для меня ясно, что Вы были правы. У москвичей остаются еще какие-то надежды и комбинации. Впрочем, в данный острый момент реакции нельзя было начинать газету. Вообще же я внутренне все-таки как-то успокоился в вере, что у нас будет орган, а если не сейчас, значит, еще не нужно.

Как Ваше здоровье? Боюсь, что смерть «Вопросов жизни» произведет у Вас финансовый крах. Как бы нам повидаться? Не могли бы Вы без ощутительных для себя потрясений приехать в Москву или Петербург в 10-х числах января? Я бы Вас известил телеграммой о точном сроке своего выезда.

Нужно бы всем сообща посовещаться относительно съезда «христиан», как говорят москвичи, или «Союза христианской политики», как его организовать и проч. Есть прак-

---

<sup>1154</sup> Н. А. Бердяев.

<sup>1155</sup> Г. И. Чулков.

<sup>1156</sup> Ср.: «Петров вступил в дело с тем, чтобы поставить под свой контроль, возглавить или, на худой конец, торпедировать совместные проекты Сытина и каких-либо иных... представителей религиозной общности» (*Колеров М.* Не мир, но меч. С. 176—177).

<sup>1157</sup> А. А. Стахович предположительно финансировал издание первого сборника «Вопросов религии».

тические предложения, и ввиду церковного собора<sup>1158</sup> это получает важное значение. Если не можете приехать, то напишите о себе, о здоровье, о занятиях, о настроении. Желаю Вам всего лучшего, больше всего здоровья.

Весь Ваш С. Б.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1159</sup>**

[29.12.1905. СПб.]

Четверг 29-го Декабря<sup>1160</sup>

Но чтобы вернуться к нашей оскорбленной квартире и опустошенному моему столу, скажу, что вчера был у нас обыск от 11 вечера — 4 утра, произведенный вооруженной толпой полиции. Солдаты полицейские стояли со штыками ружей наготове во всех дверях и у стен на часах. Была Среда, назначено было говорить о границах Религии и Мистики. Собралось блестящее (ровно 30 человек) и, как всегда, отчасти не-

<sup>1158</sup> Всероссийский поместный собор Православной Греко-Российской церкви, намеченный императорским указом на ближайшие, после 1905-го, годы, был созван лишь в 1917 г.

<sup>1159</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 148–150.

<sup>1160</sup> Самой легендарной стала Среда 28 декабря, последняя в 1905 г. Приведем только одно печатное свидетельство. Под рубрикой «Вести отовсюду» в первом номере «Золотого руна» была напечатана заметка: «Нам сообщают, что в Петербурге, в ночь на 29 декабря в квартиру нашего сотрудника г. Вячеслава Иванова, в то время, когда у последнего собрались обычные посетители его литературных “сред”: Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Ф. Сологуб, Д. Философов, Л. Вилькина и проч., явился полицейский пристав в сопровождении десятка городских и произвел обыск, оказавшийся для полиции безрезультатным. Задержанная по подозрению, возбужденному заграничным паспортом, г-жа Волошина, только что приехавшая из Парижа, была освобождена по удостоверении личности. Более ошутительные результаты испытал на себе присутствовавший на вечере Д. С. Мережковский, так как шапка его, в числе пяти других, куда-то бесследно исчезла из передней г. В. Иванова после обыска» (<http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/biografiya/bogomolov-hroniki/glava-iv-pervyj-god-bashni.htm>).

ожиданное общество: Мережковские, Соловьева<sup>1161</sup>, Философов, Вилькина-Минская, Венгерова (позвонили, бедные, обе уже после прихода полиции и были захвачены насильственно в нашу компанию), Нувель, Добужинский, Сюннерберг, Бакст, был и Арцыбашев, но ушел до полиции, Годин, Пяст, Мейерхольд с женой<sup>1162</sup>, актер и актриса Мунд<sup>1163</sup>, Щеголев с женой<sup>1164</sup> (ученый и издатель журнала «Былое», сотрудник «Нашей Жизни»), Габрилович, Бердяевы<sup>1165</sup>, Чулковы (Ремизовых нет, а Розанов собирался, но к сожалению! не пришел), Сологуб с сестрой<sup>1166</sup>, мать Волошина<sup>1167</sup>, милая дама в шароварах, сестра Гиппиус — художница<sup>1168</sup>, и еще не припомню. Удивительно, что все приехали к нам первыми, даже без приглашения, и что и старым мы не делаем визитов. Аня и Васюня! были. В 11 часов дикий звонок. Я иду, ворча, кто это так настойчиво звонит, но незапертая дверь сама раскидывается, и вваливается с устремлением вперед и ружьями на отвес орда полиции человек в 20, 30. Я оборачиваюсь в столовую и кричу: «Господа! полиция!» Тишина. Вскрикивает свирепо пристав, по-оперному протягивает жестом руку и возвещает: «Никто не сдвигается с места!» Мгновенно в каждой двери вырастают по два вооруженных ружьями

<sup>1161</sup> Поликсена Сергеевна Соловьева.

<sup>1162</sup> Ольга Михайловна Мунд (1874–1940) — актриса, супруга В. Мейерхольда — В. К.

<sup>1163</sup> Вероятно, это пояснение относится к Мейерхольду и Мунд.

<sup>1164</sup> Валентина Андреевна Щеголева (урожд. Богуславская, 1878–1931) — жена историка и пушкиниста П. Е. Щеголева, драматическая актриса, поэтесса. А. А. Блок посвятил ей свои стихотворения «Возмездие», «Три послания к В.» (1908–1910).

<sup>1165</sup> Н. А. Бердяев и его жена Л. Ю. Рапп.

<sup>1166</sup> До женитьбы в 1908 г. на Анастасии Николаевне Чеботаревской Сологуб жил с сестрой — Ольгой Кузьминичной Тетерниковой (1865–1907).

<sup>1167</sup> Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина (урожд. Глазер, 1850–1923) — переводчица, из обрусевшей немецкой семьи, отец инженер-полковник Оттобальд Андреевич Глазер (1809–1873), мать Надежда Григорьевна Зоммер (1823–1881).

<sup>1168</sup> Т. Н. Гиппиус.

со штыками полицейских, ведь полиция теперь преобразена в солдат, и в комнату проникает еще один к окну у стены вооруженный. В передней ряды солдат со штыками вытянуты, кухня заполнена, моя спальня охраняется в темноте вооруженными часовыми с ружьями впереди. Я бегу спасать свои аметисты в свою спальню, из темноты кричит солдат: «Нельзя сюда!» — «Мне нужно в мою комнату!» — «Иди прочь». — «Вы что грубите здесь!» — «Сама виновата!» — Этот аргумент поразил меня неожиданностью своего философского смысла. Иду к гостям и говорю: — И Достоевский сказал: всякий за все и передо всеми виноват.

Общество старалось отнестись легко и с шуткой, пили чай, смеялись, читали стихи.

Полиция принялась с моего стола. Вытащила все письма, в кучу смешала рукописи и «Великий Колокол»<sup>1169</sup>. Я завопила: «Это срочная рукопись! Оставьте мне мою работу!» — «А вы думаете, я не работаю? Думаете, я люблю свою работу?» — «Тем более оставьте мне мою работу, которую я люблю. И почему же это вы делаете работу, которую не любите? Жизнь вам один раз дается, а вы ее как употребили? Не безумно ли вы поступаете, употребляя так скверно вашу жизнь? Умрете, и все кончено. А могли бы честнее жить». — (Потом я «Колокол» отстояла) и Вячеславу не дали его переписку из его стола, только мою, и остальные мои рукописи (кроме «Пламенников», которых каким-то чудом не нашли) увезли в Охранное Отделение. Затем, после моих бумаг начался личный обыск, обшаривание карманов. Нас, женщин, обыскивала жена швейцара, притащенная полицией, безграмотная, напуганная. Гоняли нас из комнаты в комнату, оцепляя ружьями. Сначала полиция имела такой вид, что ожидала вооруженного сопротивления и была разъярена и испугана. Потом понемногу успокаивалась. Начался обыск квар-

<sup>1169</sup> Рукопись драмы «Великий колокол», над которой она работала до 1907 г., и оставшейся незаконченной.

тиры. Боже мой, разворошили все твои сундуки и ящики, Маруся, все комоды и шкапы, всю кухню, печи, чердак и особенно тщательно ящик с провизией, где вынимались все банки с грибами и квашеная капуста. В одном шкапу нашли крем в жестянке выжимной, двое околоточных с уморительным страхом осторожно разворачивали, разрывали внешнюю бумажку, передавая друг другу, отворачивали тихонько крышечку, я хохотала над ними, а они говорят: «Да, видели мы жестяночки с кремом. Также научены! Слава Богу, что у вас тихо встретили нас, а то встречали пулями!» Печальное отродие<sup>1170</sup>.

Длилась гнусность до 4-х часов. Часовые все время не выпускали. Составили протокол подробный, где именно было: что при обыске ничего не нашли, кроме 3-х № «Революционной России» прошлого года, органа социалистов-революционеров, случайно давно ко мне попавшего и еще не прочитанного. Но к концу вдруг сюрприз ужасный: уводят под арест мать Макса Волошина. Бедная, седая голова этой сильной, энергичной честной женщины с басом и в шароварах (крымская помещица) подернулась в первую минуту судорогой, она заплакала среди полицейских, потом оправилась тотчас, взяла немножко денег, взяла книг и отправилась под конвоем вниз по лестнице. Оказалось, нашли в ее пальто не отданный ею заграничный паспорт, а при ней здешний. Это случается. Но они объявили нам, что получили от Дедюлина<sup>1171</sup> по докладу о результатах обыска приказ арестовать ее. Но закончилась тяжелая ночь. Затем выпустили всех и ушли сами. Интересно, что Вячеславу и всем гостям отдали под расписку все конфискованные бумаги и письма, а мои все увезли, кроме «Колокола», который пристав просмотрел лист за листом. И на бумаге было написано: кварти-

<sup>1170</sup> Далее 5 с половиной строк густо зачеркнуты.

<sup>1171</sup> Александр Яковлевич Дедюлин (1858–1913) — командир Отдельного корпуса жандармов.

ра г. Ивановой, хотя [нрзб] и пристав отвергал это Вячеславу<sup>1172</sup>.

Когда настала тишина и, поставив самовар, мы сели вдвоем, весь дух заговорил. Не могу сказать, что за мысли и за подсознательные открытия происходят в такие минуты. Когда жизнь реальная, низкая, злая, как голый стальной штык, промелькнет перед человеком. Москва! Москва! Дикая смелость, безумие стрелять револьверами в этих вооруженных людей и подставлять беззащитную грудь под озверелый штык. И здесь, говорят, только что накрыли компанию социалистов-революционеров с планами вооруженного восстания, и всем грозит казнь. Кстати, господа в штатском из полиции пытались делать допрос о «Кружке литературы», который «во вторник собирался у вас». Там были рабочие. Это горьковские подражатели в блузах. И еще сказал агент Вячеславу: «У вас все знакомые социалисты-революционеры!» Вчера встал еще раз вопрос с вызывающей силой: признаю ли борьбу в мире или признаю только преобразование в духе? Если первое, то мне стыдно, что солдатам и проклятым опричникам нечего делать в моей квартире и что я не встречаю их револьверными пулями. Ибо в мире для меня нет среднего, и болото худшая опасность для мира. Но в духе полное отречение не только от насилия, но от всякого внешнего строительства. Преобразим души, и мир построится сам в тот миг божественно, ибо как может человек позорить землю и свою свободу на ней?

Это наивно кажется, но это именно самая глубокая и последняя постановка вопроса. Но против пути духа говорят 1) рассудок, ибо захотят ли все? и когда? и если не все, то никогда. 2) Есть ли простое, жаркое, кровью возмущения бьющееся и кровью жалости обливающееся сердце в отказе от непосредственного, простого, человеческого и героического вмешательства? Но всякое вмешательство невольно насилие и убийство, и принимающий мир хотя бы

<sup>1172</sup> Далее 2 с половиной строки густо зачеркнуты.

на один волос принимает убийство, вот это факт, на который подло и трусливо закрывать глаза!..

Сейчас встал Вячеслав. Спешу одеться и ехать по делам: прежде всего в охранное отделение узнать о судьбе Елены Оттобальдовны Волошиной. Потом съездить на Петербургскую к ее хозяйке. Заеду к маме твоей. Но теперь 3 часа, я встала в 11, а легла в 7.

**С. Л. Франк — Н. А. Струве**<sup>1173</sup>

[29.12.1905. СПб.]

СПб. 29 Декабря 05.

Дорогая Нина Александровна, давно уже не писал Вам — страшно завален работой по «Полярной звезде»<sup>1174</sup>, да и все жду, что Вы на днях будете уже с нами. — Прошу Вас исполнить непременно одну просьбу: вышлите нам тотчас же в закрытом конверте напечатанные листы книги Розанова<sup>1175</sup>, может быть, что-нибудь подойдет нам в «Звезду»<sup>1176</sup>.

<sup>1173</sup> Печатается с комментариями по: Колеров, Плотников, 1992. С. 302.

<sup>1174</sup> Финансовые затруднения Д. Е. Жуковского послужили причиной закрытия «Вопросов жизни». Струве искал иные источники финансирования «Полярной звезды» и остановился на М. В. Пирожкове. Франк был фактическим секретарем редакции журнала. См. письмо Д. С. Межежковского Струве от 30 января 1906 г. (РНБ. АДП. Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 66). В письме к жене Струве в декабре 1905 г. только себя и Франка называл среди создателей журнала (РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 66. Л. 149 об.).

<sup>1175</sup> См.: Розанов В. В. Русская церковь // Полярная звезда. 1906 г. № 8. С. 524–540. См. также: Розанов В. В. Последнеехождение Кречинского // Свобода и культура. 1906 г. № 4. С. 289–291.

<sup>1176</sup> Об этом идет речь в письме В. В. Розанова к С. Л. Франку 1906 г.: «Многоуважаемый Семен Людвигович! Сегодня я получил в конверте со штемпелем “Полярная звезда” напечатанное предисловие к сборнику статей моих, предположенных к изданию в Берлине Д. Е. Жуковским. Его я не видел почти ½ года и понятия не имею, что и как с этим сборником. Но если он появится в Петербурге (при переменявшихся условиях цензуры), то само собою, что печатать в «Полярной звез-

Пошлите на адрес Петра Бернгардовича — У нас с Петром Бернгардовичем большие споры теперь: он хочет яростно бороться с революционерами в «Полярной звезде», а я убеждаю его, что их надо воспитывать теоретическими философскими статьями, а не отталкивать резкостью. Вы-то, конечно, на моей стороне, пожалуй, многое бы не пропустили, что и я одобряю. Приезжайте скорее, будем работать вместе в «Полярной звезде». Я погибаю от корректур, пропускаю массу опечаток и служу за это объектом, на который изливается ярость Петр Бернгардович.

Крепко жму Вашу руку, до скорого свидания.  
Ваш С. Ф.

**С. Н. Булгаков — М. Э. Здеховскому<sup>1177</sup>**

[30.12.1905. Киев]

Киев, 30 декабря 1905 г.

Глубокоуважаемый Мариан Эдмундович!

Не вмените мне в вину продолжительное мое молчание. Причина ему наша революция, которая то ставит в физическую невозможность, то нравственно настолько обессиливает, что написать письмо является подвигом. Я только что прочел Вашу корреспонденцию о нас в «Demain»<sup>1178</sup>, переданную мне князем Григорием Николаевичем Трубецким, и искренно благодарю Вас за Ваше стремление постепенно знакомить

---

де» статью, Вам мною посланную, нельзя, так как она входит в этот сборник. В таком случае не откажитесь мне ее вернуть — Шпалерная, д. 39. Раньше или позже я Вам пришлю на место ее что-нибудь другое. Ваш В. Розанов. Пишу на тот случай, что, очевидно, редакция «Полярной Звезды» что-нибудь знает насчет сборника Жуковского. Сам я ничего не знаю» (РНБ. АДП. Ф. 753. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 1–2).

<sup>1177</sup> Печатается с комментариями по: *Воронцова*, 2010. С. 107–109. Оригинал: РО БВУ. Ф. 33–341. Л. 1–4. Автограф. Чернила.

<sup>1178</sup> «Demain» («Завтра») — французский журнал либерального направления, издававшийся в г. Лионе.



Запад с нашим миром и тем содействовать уничтожению стены, воздвигнутой историей. А получив номер «*Annales de la philosophie chretienne*»<sup>1179</sup>, благодарю Вас за содействие. Программа его, как Вы и предугадывали, показалась мне слишком расплывчатой, так что я не составил себе окончательного представления об этом журнале. Вероятно, это объясняется между прочим и развитием аудиторий, для которых пишется у нас и там. О Вашей польской статье уже готова была заметка, но никак не могла напечататься<sup>1180</sup>. Вообще у нас в литературно-издательском мире с новым законом о печати<sup>1181</sup> и благодаря революционной эпохе происходит целая революция, возникают и гибнут предприятия ежечасно, и сейчас еще не выяснено, в какой форме я и мои друзья будем работать в наступающем году. Между прочим есть проект церковно-общественного еженедельника, в котором предположено участие лиц светских и духовных. Я участвую в редакции и, до известной степени, определяю направление. Как видите, это предприятие совершенно новое и симптоматически очень интересное, которое, вероятно, будет иметь

<sup>1179</sup> М. Здзеховский в 1905 взял на себя руководство журналом «*Анналы христианской философии*» (*Annales de philosophie chrétienne*) и выполнял эти функции до 1913 г., когда журнал был внесен Ватиканом в «Индекс запрещенных книг».

<sup>1180</sup> О какой статье идет речь, установить не удалось.

<sup>1181</sup> Высочайший указ от 24 ноября 1905 г. «О временных правилах о повременных изданиях» отменил: «предварительную общую и духовную цензуру» периодических изданий, «выходящих в городах империи»; постановления об административных взысканиях, налагаемых на периодические издания; правила о залогах для повременной печати. С 19 октября по 24 ноября, когда вышли «Временные правила» о периодических изданиях, господствовала бесцензурность и издания выходили без всяких разрешений. Временные правила, дополнявшие и развивавшие положения указа от 24 ноября 1905 г., смягчали административные меры воздействия со стороны власти на периодическую печать. Вводилась юридическая ответственность для лиц, нарушивших данные правила. Действовали до февраля 1917 г. (См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1907. Т. XXV. № 26963).

значение для религиозно-общественного движения. В программу издания между прочим входит христианский сверхконфессиональный универсализм и идеал соединения церквей (хотя среди нас нет сторонников того воззрения, которое в своей французской книге развивал Соловьев<sup>1182</sup>, и мы все сторонники соборного строя Церкви). Ввиду этого, может быть, и Вы согласились бы быть нашим сотрудником и, познакомившись с журналом, взяли бы на себя труд указать на него и своим друзьям, и сочувствующим универсалистическому течению в церковной жизни. Если журнал осуществится, я пошлю Вам его проспект, хотя много чего неожиданного или нового для себя Вы там не встретите. Со светской стороны там участвуют сотрудники «Вопросов жизни» определенно христианского направления и, кроме того, некоторые профессора духовных академий, из духовных — передовые представители духовенства, разделяющие программу<sup>1183</sup>.

---

<sup>1182</sup> См.: *Soloviov V. La Russie et l'Eglise Universelle*. Paris, 1889.

<sup>1183</sup> Продолжение письма отсутствует.

---

# ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА 1906 год

**В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке**<sup>1184</sup>

[4.01.1906. Москва — Симбирск]

Дорогой Александр Сергеевич!

Давно я не видал Вас, но я всегда чувствую Вашу близость, и если не писал Вам, то не потому, что забыл об Вас, а потому, что сил не хватило говорить пером. И сейчас ничего не прошло, ничего не изменилось, по-прежнему живешь на краю пропасти и молишь Бога об одном, чтобы Он послал Своих сил, ибо сил человеческих не хватает и с минуты на минуту ждешь, что психический аппарат не выдержит.

Тиски кругом давят и мука нечеловеческая заставляет в иные минуты молиться о том, чтобы скорей Он взял к Себе, скорей позволил перешагнуть через черту, зачем-то еще удерживающую в этом диком огне, который называется жизнь.

Но видит Бог, духом я не падал.

«Последняя лесть»<sup>1185</sup>, самая безбожная, самая глупая подделка христианства, которая все более и более нагло

---

<sup>1184</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 209–210.

<sup>1185</sup> Мф. 27:64. В церковнославянском переводе: «...и будет последняя лесть горша первья».

захватывает «передовое» духовенство, безобразная морда зверя, которую теперь могут не видеть только слепые, — все это не отчаяние вызывает во мне, а вызывает сейчас — и не ведомую мне доселе огненную веру в близко грядущую Церковь. Антихрист придет. Но для того, чтобы он пришел, надо, чтобы было, с кем ему бороться. Край светлой ризы Жены, облеченной в солнце, ослепительным светом уже загорается над миром.

Вот что в душе.

А «дела» по-прежнему неопределенны. «Правда Божия» была для нас не неожиданность. Задолго до ее появления до нас доходили слухи о том, что Петров затевает «Народную газету». Нужно Вам сказать, что Сытин все время затягивал дело и наконец сказал так: если вы достанете тысяч 15—20, я стану издавать газету. Мы напрягли все свои силы, и нам удалось склонить Морозову дать 20 тысяч рублей. Тогда Владимир Францевич пошел к Сытину и сказал ему, что вот Морозова согласна, но что его смущают слухи о том, что Петров собирается издавать газету, тогда Сытин заявил, что Петров действительно будет издавать газету, но что это никакого отношения к нашей газете не имеет и что нашу газету, раз Морозова согласна дать 20 тысяч рублей, он будет издавать. Но тут началось восстание, сгорела Сытинская фабрика, деятельность которой начнется лишь с марта месяца, — и временно опять мы ни с чем.

Но в настоящее время другое дело — съезд христиан, о котором Вам писал Булгаков, — притягивает меня не меньше газеты. По поводу созыва съезда необходимо выяснить очень много вопросов, и если Вы имеете возможность, и особенно, если вообще собирались в Москву или Петербург, то было бы так хорошо повидать Вас. Пожалуй, лучше всего было бы приурочить Ваш приезд к приезду сюда Булгакова. Он прислал мне телеграмму, что будет в Москве или Петербурге около 10-го.

Покуда прощайте, до скорого свидания. Горячо целую и обнимаю Вас. Вал. Свенцицкий.

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1186</sup>

[4.01.1906. СПб.]

Вчера разошлись поздно. Были Котляревские, и поднял он тему-допрос: почему декаденты льнут к революции. Обсуждали долго, Вячеслав закончил блистательным доказательством неизбежной «крайности» у декадента, т. е. у художника — бунтаря. Но Котляревский не убедился и ему сказал дерзость, что при пожаре декадентском утаскивают имущество [далее нрзб].

Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>1187</sup>

[5.01.1906. СПб.]

5/1 06 Четверг

Я уезжаю, потому что безмерно устал и потому что Вы все равно уже не здесь.

Вы не поверите, но я все-таки скажу Вам — может быть, когда-нибудь потом поверите, узнаете, что это правда: за эти последние дни, да и раньше, у меня были мгновения, когда я любил если не Вас, то что-то в Вас, кого-то за Вами. В темноте вспыхивала огненно-чистая точка. Почему она не разгоралась? Кто в этом виноват, я или Вы, не знаю. Может быть, это произошло оттого, что Ваша последняя сущность — «нет», — а моя сущность — «да»?<sup>1188</sup> Твердо знаю одно, да это и Вы уже почти знаете: Вы ошибались, думая, что

<sup>1186</sup> Печатается по: *Богомолов*, 2009. С. 151.

<sup>1187</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 233–234.

<sup>1188</sup> На языке Мережковского «последнее да» и «последнее нет» означали: веру или неверие в любовь как нечто вечное, неуничтожимое, противостоящее тлену, смерти, возвышающее человека над «земной» жизнью. Так, в статье «Меч» он писал о борьбе «любви и смерти, последнего да, которое я хочу сказать себе и людям в сознании любви, и последнего нет, которое я должен сказать себе и людям в сознании смерти» (*Мережковский Д. С.* Не мир, но меч. С. 7).

у меня нет страдания к Вам, что у меня все «игра». Если бы была только «игра», я бы сейчас не убежал от Вас. Главное страдание мое в том, что я не могу Вам сделать добра, не могу Вам дать ни капли счастья и света. Не сумел «расплавить» Вашего последнего «нет». Если бы сумел, то полюбил бы окончательно.

Но и теперь я Вас никогда не забуду. Никогда не забуду трепет Вашего сердца на голосах ночного ветра, который говорил свое вечное «нет», а сердце Ваше отвечало: «да». Но Вы сами не слышите, не знаете Вашего сердца, Вашего последнего «да». Может быть, когда-нибудь услышите — тогда вспомните и обо мне — не о словах моих, а о моих молчаниях, — с отрадою.

Если вернусь до отъезда, то зайду еще проститься с Вами. Хотя я ужасно не люблю прощаний и проводов: в них есть всегда что-то похожее на торжественность похоронную.

Напишите мне из Бельгии<sup>1189</sup>. Может быть, встретимся за границей. Если нужно, то встретимся. Мой адрес в конце марта: Nice. Post restante<sup>1190</sup>. В начале мая буду, вероятно, в Париже.

Книгу стихов пришлите. Я напишу о ней<sup>1191</sup>. Я рад, что хоть это маленькое могу сделать для Вас. И если будет очень грустно и одиноко, и холодно в жизни, в простой «житейской жизни», — напишите, — я Вам помогу, как сумею. Иногда в Вашем лице бывает выражение веселой, почти резвой девочки — брови подняты, и глазки Бэлы — «белочки» смеются каким-то удивленным смехом. Я ужасно люблю это выражение: в нем Ваше безмолвное, Вам самим не слышное «да».

Ну, простите, Бэла милая! Дай Вам Бог всего хорошего. Не забывайте меня, как я не забуду Вас.

<sup>1189</sup> Л. Н. Вилькина в это время собиралась уезжать к мужу за границу.

<sup>1190</sup> Ницца. До востребования (*фр.*).

<sup>1191</sup> Речь идет о сборнике Л. Н. Вилькиной «Мой сад».

Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>1192</sup>

[6.01.1906. Иматра — СПб.]

11 часов утра 6 января 1906 Финляндия. Иматра. Hôtel Cascade  
Вот уже два дня Вы меня преследуете, как наваждение. Больше чем когда-либо верю в реальность демонического — о, не в Вас черт, да и не во мне, а где-то между нами — в невозможности Вам почувствовать меня и мне — Вас — до конца — до полного знания, которое и есть и полная радость, полная любовь<sup>1193</sup>.

Нет, Вы меня никогда не забудете, Бэла. Никогда, Бэла, Бэла милая: я повторю Ваше имя, Бэла, я его так люблю — в нем облачная нежность и холодная мягкая белая снежность<sup>1194</sup>. Вы меня никогда не забудете — ведь Вы мне почти принадлежали, и это почти, может быть, больше, чем совсем. У меня были ласки беспредельные, которым Вы не могли противиться, не имели власти им противиться. И теперь, сейчас, Вы со мною, Вы почти моя.

Сегодня ночью я вдруг проснулся под шум водопада среди глубокой тишины, под гул водопада, похожий на голоса ночного ветра, древнего хаоса, и мне так безумно захотелось услышать трепет Вашего чуждого близкого сердца, что я едва не вскочил и не поехал к Вам. Это было бы торжество страсти, но падение воли, падение чего-то более глубокого, вечного во мне — и в Вас? — чем страсть. Я не хочу страсти, только страсти. И если я Вас не люблю, не полюблю никогда, то мне оправдание в том, что я уже люблю любовь...<sup>1195</sup>

<sup>1192</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 234–235.

<sup>1193</sup> Существенно, что «демонизм» здесь является как бы подоплекой того длящегося любовного «невоплощения», которое чревато нарастанием чувственной страсти.

<sup>1194</sup> Эти образы стали ключевыми в стихотворении Мережковского «Ослепительная снежность...», посвященном Л. Н. Вилькиной (см. примеч. к письму от 10 января 1906 г.).

<sup>1195</sup> Ср. в сонете Вилькиной «Слова»: «Люблю любовь, как робкий вздох цветов...» (Мой сад. С. 48). Ср. также в ее записной книжке: «О, как

Но как я страдал от невероятного, неистового желания. Зачем Вы не дали целовать Ваши ноги, Вашу грудь и последнюю тайну Вашего тела? Простите, Бэла милая... Вы видите, что мне не нужно было ехать к Вам и этого письма, может быть, не нужно было писать. Не посылать его Вам, разорвать?.. Но я не могу, не хочу, чтобы Вы не знали моего страдания — ведь оно все-таки Ваше — от Вас и к Вам. И если Вы его не поймете, если Вы его недостойны, — мне все равно — мое страдание вернется ко мне, неоскверненное, огненно-чистое, такое, какое оно есть<sup>1196</sup>. Не я его дал себе, и я не виноват в нем. В эту минуту нет во мне никакой лжи. И если даже просто скучно станет от этих наивных детских, глупо-страстных, глупо-откровенных строк, простите — я Вам больше не буду писать. Да и что писать? Я достигаю предела, за которым уже нет слов, а есть только вечный шум водопада, ночного ветра, хаоса и тишина вечная. Простите<sup>1197</sup>.

Д. Мережковский

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>1198</sup>**

[7.01.1906. *Иматра* — СПб.]  
7/1 06 Иматра

---

я люблю любовь! Одна любовь соперница красоте» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. № 778. Л. 6).

<sup>1196</sup> Мотив страдания в любви не раз возникает в стихах Вилькиной. Ср.: «Отрадны в жизни мне мои страдания» («Страдания» // Мой сад. С. 14); «Стремясь к любви душой, / Мы для любви любили бы страдания» («Обладанье» // Там же. С. 46).

<sup>1197</sup> В тот же день Мережковский послал вслед этому письму открытку, в которой писал: «Простите глупое письмо, которое послано сегодня утром. Хотя если бы теперь я начал писать, то вышло, пожалуй, еще глупее. Получите ли это письмо в России, — не знаю, если получите, то ответьте. (...) Очень грустно. Ну, счастливого пути!» (Л. 62 об.).

<sup>1198</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 235.



Может быть, это письмо Вы еще получите до отъезда<sup>1199</sup>. Я здесь не выздоровел: теперь чувствую, что не надо было уезжать. Тяжело, Бэла милая. Всего тяжелее, что Вам так легко, что Вы уже забыли меня совсем. Отсюда напишу завтра в Бельгию. Счастливого пути. Я все время с Тобой.

Д. Мережковский

**Н. А. Бердяев — Андрею Белому**<sup>1200</sup>

[7.01.1906. СПб. — Москва]

Петербург. Саперный 10, кв. 6

7 января

Дорогой Борис Николаевич! С радостью прочел Ваше письмо, так как написано оно о самом важном и дорогом в общении человеческих душ. Я отметил Вас в сердце своем и хотел ближе подойти к Вам, и мне дорога любовь Ваша. Так хотелось бы, чтобы пути у нас сошлись, чтобы полюбили мы одно. Я многого жду от Вас, Вы богато одаренный человек, есть у Вас талант поэта и философа, и, что самое важное, есть талант религиозный. Простите, если посмотрю на Вас не вполне бескорыстно. Хотел бы видеть в Вас идейного сотрудника, с которым можно делать общее дело. Если осуществится наш «Меч», то я рассчитываю на Ваше ближайшее участие в журнале<sup>1201</sup>. Если возродятся «Вопросы жизни», что

<sup>1199</sup> Вилькина получила это письмо до отъезда за границу.

<sup>1200</sup> Печатается с комментариями по: *Бойчук*, 1993. С. 12—23.

<sup>1201</sup> «Меч» — неосуществившийся журнальный проект, задуманный Бердяевым совместно с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус, с которыми философ сближается во второй половине 1905 г. Новое издание должно было сменить прекратившиеся «Вопросы жизни». Членов редакции «проектированного “Меча”» в письме В. Я. Брюсову от 5 (18) августа 1906 г. перечислил Д. В. Философов: Мережковский + Бердяев + Булгаков (НИОР РГБ. Ф. 386. К. 106. Ед. хр. 32. Л. 24). Уже 12 февраля 1906 г., изъявляя желание сотрудничать в «Весах», Бердяев сообщал Брюсову: «“Меч”, в который мы Вас звали, отклады-

еще не решено, то я тоже хотел бы, чтобы Вы писали, хотя в этом случае журнал будет менее острый и определенный, более компромиссный<sup>1202</sup>. Но необходимо, пора уже соединиться в литературе; это все-таки некоторое действие. Очень жалею, что мы мало с Вами говорили. С Новым годом! Не думаете ли еще приехать в Петербург<sup>1203</sup>?

Ваш любящий Николай Бердяев.

---

вается до осени, это во всех отношениях удобнее» (РГБ. Ф. 386. К. 77. Ед. хр. 17. Л. 1). Неудачей окончились и попытки Мережковских объединиться в 1906 г. с «Весами» и «Золотым руном» (о переговорах Мережковских с Брюсовым, в ходе которых З. Н. Пипиус и Д. В. Философов настойчиво рекомендовали последнему Бердяева в качестве сотрудника и помощника в редактировании журнала, см.: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. Т. 85. С. 290–293; *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 114–115).

<sup>1202</sup> «Компромиссность» «Вопросов жизни» в восприятии Бердяева была связана, по-видимому, в первую очередь с тем, что на страницах журнала представлялись в 1905 г. такие разные теоретические программы, как «религиозная общественность» Мережковских, «христианский социализм» В. Ф. Эрн и С. Н. Булгакова, и в особенности «мистический анархизм» Г. И. Чулкова, к которому Бердяев начинал относиться все более критически. «...Произошло... окончательное внутреннее разложение, — писал 28 декабря 1905 г. С. Н. Булгаков А. С. Глинке (Волжскому) о трениях внутри редакции «Вопросов жизни». — Николай Александрович Бердяев отзывается теперь о Георгии Ивановиче Чулкове так, как, вероятно, отзываются Мережковские. (...) Одним словом, идет гниение» (См. полностью в наст. издании). Уместно привести, по-видимому, в этой связи и позднейшую характеристику «Вопросов жизни», данную Бердяевым: «Это была попытка соединения бывших марксистов, ставших идеалистами идвигающихся к христианству, с Мережковскими и символистами, частью с представителями академической философии идеалистического и спиритуалистического направления и с публицистами радикального направления. Синтез был недостаточно органическим и не мог быть прочным» (*Бердяев Н.* Русская идея. Paris, 1973. С. 246–247).

<sup>1203</sup> Первый обмен письмами Белого и Бердяева — результат их общения в Петербурге в декабре 1905 г. Предыдущая поездка Белого в столи-

Р. С. Я глубоко люблю Мережковских, это здесь единственные близкие мне люди, и хорошо, что мы встретились через их посредство.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>1204</sup>**

[8.01.1906. *Иматра*]

8 января 1906 г. Иматра

Ну, вот что, Бэла. Я внутренне почти решил ехать к Вам<sup>1205</sup>. Это внешне сделать чрезвычайно трудно, и не только внешне. Но вот вопрос, на который Вы должны мне ответить так же правдиво и серьезно, как я спрашиваю Вас: хотите ли Вы, чтобы я к Вам приехал? Имейте в виду: я приеду один. Мне было бы важно, чтобы и Вы были одна, то есть чтобы мы пробыли вместе то время, которое пробудем, — без Николая Максимовича. Это не ревность, а стыдливость — глупая, детская — но таков уж я уродился, — имея со мною дело, надо считаться с моею глупостью и детскостью<sup>1206</sup>. Впрочем, это не условие, а только просьба, желание: если Вы это желание сможете исполнить, то мне будет легче. Если же нет, то, может быть, я преодолею и эту трудность, то есть приеду не к Вам одной, а к Вам обоим. Во всяком случае, мне нужно знать заранее, как Вы решите. В зависимости от Вашего — будет и мое решение.

---

цу (январь 1905 г.), когда и состоялось его знакомство с философом, устроенное Мережковскими, не привела к установлению сколько-нибудь прочных связей между ними.

<sup>1204</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 236—237. Это письмо было послано вместе со следующим письмом от 10 января 1906 г.

<sup>1205</sup> У Мережковского возникла мысль поехать на некоторый срок одному за границу, в Бельгию или во Францию, чтобы там встретиться с Вилькиной. Этот план живо занимал его во время пребывания на Иматре.

<sup>1206</sup> О «детскости» Мережковский говорил неоднократно, считая ее одной из главных черт своего характера. Ср. его стихотворение «Детское сердце» (*Мережковский Д. С. Собрание стихов*. С. 69).

Затем, вот еще что мне нужно знать: до каких пор Вы остаетесь в Бельгии? Безразлично ли Вам, — если Вы вообще решите ехать со мною, — поехать в Париж или на южный берег Франции? Впрочем, я еще не знаю, как мне будет удобнее, — может быть, я останусь там же, где и Вы теперь, или мы вместе с Вами переедем в соседний городок, или даже я почувствую, что мне лучше не с Вами вдвоем, а только при Вас и что присутствие Николая Максимовича мне нисколько не мешает. Мне сейчас нужна свобода решения, чтобы ничто внешнее не мешало и чтобы все шло изнутри.

Повторяю: я еще не совсем решил ехать к Вам. Это «не совсем» зависит не от житейского, а от более важного (ведь и у Вас есть это важное или Вы хотите его иметь). Между прочим, тут решается дело об основании нового журнала, в котором я принимаю близкое участие<sup>1207</sup>.

Еще вопрос: если окажется, что мне ехать теперь нельзя, то хотите ли встретиться со мною в конце или середине марта в Ницце? Но так, чтобы эта встреча была не случайною, а заранее решенною. Впрочем, мне кажется, сейчас легче ехать к Вам, потому что в марте я уже буду, наверное, не один.

Если решу ехать, то выеду в начале или в первой половине февраля.

---

<sup>1207</sup> Речь идет о попытках создания журнала под названием «Меч». Во втором номере журнала «Золотое руно» за 1906 г. сообщалось: «В Петербурге возникает новый религиозно-общественный, философский и литературный журнал “Меч” при близком участии гг. Мережковского и Бердяева» (с. 120). «Ядро» редакции должны были составить Мережковские, Д. Философов, Н. Бердяев, С. Булгаков. Смысл названия журнала до некоторой степени проясняют заключительные строки из одноименной статьи Мережковского: «Христианская церковь (...) всегда или уходила от мира, или, входя в него, теряла остроту свою, притупляла свой меч. Истинная Церковь войдет в мир, врежется в исторически-реальное человечество, как в живое тело врежется меч. Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч (Мф. 10: 34). Церковь Грядущего Господа и есть этот меч» (*Мережковский Д. С.* Не мир, но меч. С. 39). Замысел этот реализовать не удалось.

Отвечайте немедленно в Петербург (Литейная, 24, кв. 10). И, пожалуйста, точнее, деловитее.

Получили ли письма, которые я писал Вам с Иматры в Петербург?

О «чувствах» не могу писать — слишком мучительно. Да и вообще я писать писем не умею.

Вы всегда со мною.

Д. Мережковский

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>1208</sup>

[8.01.1906. СПб. — Киев]

1906.I.8

Не помню, на чем в событиях я остановился в последнем письме к тебе, дорогой Петр Павлович!

Ужасный период времени! И газета Стаховича, с которой я было стал осваиваться, лопнула. Теперь надежды на Эрн и Свенцицкого, да кроме того затеваем свою газету от «Общества Веры и милосердия», от которого мы ведем беседы с рабочими. Сегодня у нас маленькое по этому поводу совещание. Рукописи твои я обратно пока еще не получил от Стаховича. «Церковный Вестник» — все-таки не пал: вчера получил от Миртова письмо, которым он извещает меня, что вопреки его желанию в № 1 пришлось поместить статьи «собственника изданий», а твою и мою статью перенести на 2-й и 3-й номера.

На днях послал статейку «Церковь и государство», написанную с темпераментом, Струве с письмом. «Статья, — писал ему, — очень элементарна, но не такова она для многих». Получил ответ. «Ваша статья, правда, “элементарна”, но появление ее в “Полярной звезде” уместно по разным соображениям». В одном из следующих №№ увидим ее. Статья может создать для меня затруднения,

<sup>1208</sup> Печатается с комментариями по: Балакишина, 2014. С. 360–363.

но предназначалась же она для первых №№ нашей газеты?!

У митрополита вели еще долгие беседы по делам нашего Союза, — отстояли его, но отцы Егоров, Чельцов, Аггеев — выходят: мое предложение перейти на практический путь работы — организация лекций-собеседований, чтение с рабочими и т. п. не встретило сочувствия, а проводить вечера в говорении — смысла не находим. Сегодня у меня были 5 представителей рабочих с района Путиловского завода с просьбой бесед с ними. Мы организуем там такие же беседы, как и в Доме Трудолюбия. Время у меня распределяется так: каждое воскресенье — Дом Трудолюбия — 3 версты от меня; каждая пятница — Путиловский завод — 5 верст. Через четверг — фабрика. Кроме того «Маяк»<sup>1209</sup>, где я, например, сегодня читаю лекцию с 8 часов. на «разговоры» в Союзе и выслушивания многоречивого Калачева и сладкоречивого Саши Рождественского времени нет. Уход наш равносителен уничтожению Союза, но не оставимся и перед этим: я не вижу резона бытия.

С графиней и княжной разошелся самым резким образом. Желая отделаться от одного из сослуживцев, они позволили себе уволить его по ужасным безнравственным 788, 789 статьям 3-го тома (так называемый 3 пункт)<sup>1210</sup>.

<sup>1209</sup> Общество для оказания молодым людям содействия в достижении нравственного, умственного и физического развития под названием «Маяк» открылось 22 сентября 1900 г.; находилось под негласным патронатом международной протестантской Ассоциации христианских молодых людей (УМСА). Его члены, возраст которых составлял 17–25 лет, занимались здесь не только спортом, но и посещали учебные курсы и лекции по истории и литературе, стенографии и машинописи, обучались игре на музыкальных инструментах, а по воскресеньям ходили на познавательные экскурсии или участвовали в велосипедных походах. — В. К.

<sup>1210</sup> Согласно статьям 788, 789 (Свод уставов о службе гражданской), увольнению подлежат «чиновники, кои по убеждению начальства, неспособны к исправлению возложенных на них должностей (...) или сделали вину, известную начальству, но такую, которая не может быть

Вчера я написал длинное письмо графине, в котором говорил, что христиане так не поступают. Сегодня, после обеда, она и княжна<sup>1211</sup> стали отстаивать свою точку зрения. Я сказал, что между нами в таком случае нет ничего общего. Кто пользуется этой возмутительной статьей (уволенный лишается даже «права просить суда над собой», по моему мнению неотъемлемого), тот мой враг, с которым я могу только бороться. «Единственным последовательным шагом с Вашей стороны теперь должно быть увольнение меня по той же статье!» С этими словами вышел из комнаты, впрочем простившись. У нас уволено 5 учителей — и самых талантливых! Будь малейшая возможность, ушел бы сию минуту. «А ожившийся печется о мирском...»<sup>1212</sup> Надеюсь, что с нового академического года буду уже на другом месте. И этим даже удовлетворены мои сослуживцы.

Нет, дорогой Петр Павлович, аристократия — крепостники. Ни в какой воде его не отмоешь. Мне становится понятной психология социалистов-революционеров. К примирению не зови: правда на моей стороне.

Твое письмо о магистерстве несколько обескуражило меня. Нужно «исследование», — и ведь по существу, а не по форме? Моя первая статья разрастается в голове больше и больше. В среду в частном доме я предлагаю беседу о христианском социализме. Пересмотрел я некоторые свои статьи. В одной — о преподавании. Закона Божия буквально — 20 строк написаны на основании 5–6 сочинений. «Исследование» это или нет? О Гоголе моя статья — «исследование» или нет? Тоже будет и о Леонтьеве. Тоже будет и о социализ-

---

доказана фактами». Полный свод законов Российской Империи. Т. 3. Спб., 1912. С. 134. — В. К.

<sup>1211</sup> Елена Александровна Ливен — светлейшая княжна, фрейлина ее императорского величества, в 1895–1917 гг. начальница Императорского воспитательного общества благородных девиц (Смольного института). — В. К.

<sup>1212</sup> 1 Кор 7:33.

ме. Во всяком случае, я решил так. Подаю прошение в Совет о теме — «Христианство в его отношении к земной жизни». Печатаю отдельный сборник. Посылаю Василию Ильичу Экземплярскому<sup>1213</sup> к Павлу Васильевичу Тихомирову с просьбой дать отзыв. И потом подаю к вам или в Москву. Боголюбов не имел успеха — да, но статейки Боголюбова и мои все же немалая разница: его статьи — простая благочестивая беседа с паломниками на борту пароходов.

О Леонтьеве пришлю в Труды (Киевской Духовной академии)<sup>1214</sup>. Первую же статью буду печатать в «Церковном Вестнике».

Дай отзыв мне о «Церковь и государство» и о «Так ли виноваты они?»

Целую всех, всех и особенно дорогую Анну Елисеевну, с которой так хочется повидаться.

Весь твой любящий свящ. К. Аггеев.

Вчерашний и сегодняшний день — день переписки с графией. Все кончено, и я готов на суд Божий идти со своими письмами.

Митрополит вчера по моему адресу сказал очень лестное слово: «Я старик уже и пришел к такому убеждению: нужно бояться не тех людей, которые бранятся, как Аггеев и Чельцов, а тех, которые ласкаются». Удивительный он человек.

Вчера вечером провел с выборными от рабочих. Что за умницы, что за золото! У них грандиозные затеи: беседы, общеобразовательные чтения, школы грамоты, амбулатории. «Придите к нам, а мы за вас будем стоять горой!» Завтра Чельцов и я начинаем беседу. Все дело берем от Общества Веры и милосердия<sup>1215</sup>, — конкурирующего с Ор-

<sup>1213</sup> Василий Ильич Экземплярский (1875–1933) — богослов, профессор Киевской духовной академии. — В. К.

<sup>1214</sup> Вероятно, слова «Киевской духовной академии» вставлены Е. К. Кисиль.

<sup>1215</sup> Православное благотворительное общество ревнителей веры и милосердия в СПб (1892–1918) учреждено в честь спасения царской семьи при железнодорожной катастрофе 1892 г. — В. К.



натским. В среду я читаю свою лекцию среди интеллигенции — Соловьевцев, очень идейных. Вместо лекций, может быть, будем вести речь о новом деле. Порою мне является мысль — бросить все и погрузиться в работу с головой. А вот где жатва!

Вчера читал-произносил наизусть лекции в Маяке. Пришлось очень по вкусу.

Петербург не Киев. Выгнали бы сейчас. Иду к рабочим, заведующим всеми их начинаниями, и кусок хлеба будет.

В Доме Трудолюбия вчера не был. Народу было битком, т. е. около 1000 человек. И это — на 5-ое чтение, когда у соседей в Александровском [нрзб] в громадном зале едва 50. Я бы теперь не задумываясь пошел на беседы с любыми рабочими.

До 17 октября трудно было вести дело. А теперь «время благоприятное». Я как-то «двигал» речь при открытии одного политического клуба рабочих. С удовольствием слушают. Ну, будет, расхвалился.

Любящий свящ. К. Аггеев.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1216</sup>

[9.01.1906. СПб.]

В прошлую Среду явилось [нрзб], что кроме литературных (всегда балансирующих [нрзб], как канатные плясуны) знакомцев, у нас образуется кружок, связанный с нами по-человечески сердечно. Например, Волошина, которая даже к сыну не ехала 8 дней лишних, чтобы с нами встретиться год и еще одну Среду провести. И с нею милая учительница Орлова, художница из Парижа Давыденко<sup>1217</sup>, две

<sup>1216</sup> Печатается по: *Богомолов*, 2009. С. 151.

<sup>1217</sup> Давыденко Елизавета Николаевна (1867 — после 1918) — художница, приятельница Волошина. Посещала «башню» в новогоднюю ночь 1906 года и, возможно, 1 февраля 1906 г. — *В. К.*

милые и жадные к знанию и красоте девушки-курсистки Шиховы (Нина Павловна), молодой поэт бедняжка Годин, Поликсена Соловьева и Манасеина, Беляевские...

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной**<sup>1218</sup>

[10.01.1906. *Иматра*]

10/1 1906. Иматра

Вместе с этим письмом отправляю другое, написанное два дня тому назад<sup>1219</sup>, но задержанное мною, потому что у меня тогда была «психопатия». Теперь я более трезв и спокоен; это, впрочем, не значит, что нет страсти (πάθος — значит по-гречески «страсть» и «страдание» — «болезнь», «аффект»), но я ею более владею, подчиняю себе. Но и спокойно и сдержанно предлагаю Вам тот же вопрос: хотите ли, чтобы я приехал к Вам в начале февраля в Бельгию? За эти два дня «почти решил» еще более склонилось к «совсем решил». Но, разумеется, может случиться внешнее и внутреннее, что от Вас, от Вашего желания не зависит и что изменит мое решение. Главное препятствие — все та же «психопатия». Я не хочу ехать к Вам в грубом чувственном аффекте. Только стихийно, бессознательно. В том-то и беда всякой страсти, Эроса, что в нем, особенно теперь, при нашем декадентстве, в нем, в Эросе, есть Эротомания, «роанизм» (от Розанова<sup>1220</sup>). А я бесконечно люблю здоровье:

<sup>1218</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 237.

<sup>1219</sup> Имеется в виду предыдущее письмо от 8 января 1906 г.

<sup>1220</sup> Имя В. Розанова не случайно упоминается в данном контексте: ему был присущ острый и постоянный интерес к проблемам пола, эроса, плотской, «земной» любви, о которых он часто и предельно откровенно высказывался публично. Ср. в мемуарах З. Н. Гиппиус: «Так называемые розановские “вопросы”, — то, что в нем, главным образом, жило, всегда его держало, все проявления его окрашивало, — было шире и всякого эстетизма и уж, очевидно, шире всяких “политик”». Определяется оно двумя словами, но в розановской душе оба поня-

оно мне кажется бесконечно прекрасным. Может быть, потому и люблю его так, что не имею. В эти два дня чувствовал себя больным, слабым, старым, смешным и беспомощным ребенком. Тут начинается мой «страх смешного» (*ridicule*<sup>1221</sup>). Боюсь и Вам, когда приеду, показаться смешным и жалким и некрасивым — «скучным» — это хуже всего. Вы еще не знаете всего уродства моего и позора. И я не хочу, чтобы Вы увидели его. Не хочу причинять Вам этого ненужного страдания.

Склоняюсь я теперь и к тому, чтобы быть поближе к тому месту, где будет жить Николай Максимович — для того, чтобы Вы могли сейчас вернуться к нему, если я Вам надоем, что, вероятно, случится скоро.

Посылаю Вам стихи, которые здесь написаны и которые Вам посвящены<sup>1222</sup>. Они тоже старые, смешные и банальные. Но все-таки примите их. Если хотите, то пошлите их сами в «Весы» или в «Золотое руно». Вообще, делайте с ними, что угодно: они Вам принадлежат. И посвящение напишите, как сами хотите: или Л. Н. Вилькиной или (что,

---

тия, совершенно необычно, сливались и жили в единстве. Это Бог и пол. (...) Последний “вопрос” и вообще-то, для всех, пребывал тогда в стыдливой тени или в загоне; как же могло яркое вынесение его на свет Божий не взбудоражить, по-разному, самые разные круги?» (*Гитиус* 3. Живые лица. Вып. 2. Прага, 1925. С. 20–21).

<sup>1221</sup> Смешной, нелепый (*фр.*).

<sup>1222</sup> Речь идет о стихотворении «Ослепительная снежность...»:

Ослепительная снежность, / Усыпительная нежность, / Безнадежность, безмятежность — / И бело, бело, бело. / Сердце бедное забыло / Все, что будет, все, что было. / Чем страдало, что любило — / Все прошло, прошло, прошло. / Все уснуло, замолчало, / Где конец, и где начало, / Я не знаю, — укачало, / Сани легкие скользят, / И лечу, лечу без цели, / Как в гробу иль в колыбели, / Сплю, и ласковые ели / Сон мой чуткий сторожат. / Я молось или играю, / Я живу иль умираю, / Я не знаю, я не знаю, / Только тихо стынет кровь. / И бело, бело, безбрежно, / Усыпительно и нежно, / Безмятежно, безнадежно, / Как последняя любовь!

Автограф стихотворения при письме не сохранился.

по-моему, гораздо красивее) — «Бэле»<sup>1223</sup>. Имя Бэлы звучит в белизне моих стихов<sup>1224</sup>.

Хочу писать книгу (в прозе) маленькую и очень странную «о любви»<sup>1225</sup>.

Итак, Бэла, Бэла, Бэла милая, жду скорого ответа. Отсюда уехать не могу — здесь так упоительно — но все-таки отвечайте в Петербург — я там буду около 14 января. Трезво и все-таки пьяно целую Ваши руки... и не только руки.

Д.

**С. А. Соколов — Вяч. И. Иванову**<sup>1226</sup>

[10.01.1906]

Глубокоуважаемый  
Вячеслав Иванович!

«Руно» усиленно работает над выпуском I №, который выйдет в пределах января, в последних его днях. Одновременно формируются и последующие №№. Мы очень надеемся, что Вы не откажетесь дать «Руно» статью и несколько Ваших стихотворений (не политического оттенка). По поводу желательных размеров статей у нас еще не выяснилось твердой точки зрения, так как взаимное соотношение отделов (в смысле количественном) определится точнее, лишь когда весь № будет сверстан.

Пока же приходится руководиться общими соображениями о тех 200 страницах (коих половина — французский текст), в пределах которых пока установился объем журнала.

<sup>1223</sup> Стихотворение было опубликовано с посвящением «Л. Н. В-ной» в журнале «Весы» (1906. № 3—4. С. 1—2). Мережковский в это время был за границей. В открытке, посланной 24 апреля 1906 г. (н. ст.), он сообщал Вилькиной: «Сегодня прочел в “Весях” мое стихотворение, посвященное Л. Н. В-ной, и многое вспомнил».

<sup>1224</sup> Слева на полях приписано: «Стихов этих не показывайте в рукописи Николаю Максимовичу — мне стыдно».

<sup>1225</sup> Замысел этот, видимо, не был реализован.

<sup>1226</sup> Печатается по: Богомолов, 2009: С. 160.

Прошу принять мои приветствия по поводу Нового Года и выражения твердой надежды видеть Ваше имя на страницах «Золотого Руна».

Преданный Вам совершенно  
Сергей Соколов

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1227</sup>

[Б. д. 1906?]

...в 8½ явилась Юлаша<sup>1228</sup> с гаденьким супругом, защитником железнодорожных делишек. (...) Холодное самообладание и лживость, как в Женеве после разрыва со мной. Всё же мы взяли ее к Ремизовым, чтобы сделать ей возможным участвовать (если сойдутся) в труппе «Факелов». Он ни за что не пошел (верно, стыдится). У Ремизовых же было странно и глупо весело. Ели кутью с медом и узваром, потом Ремизов надел маску козла и окутал пояс и спину козлиной шкурой. Он прыгал, падал, ворожил (?), озорничал и чесался и был художественно великолепен. Потом каждый из нас написал три предсказания, бумажки свернули в трубочки и смешали. Козел подходил по вдохновению к кому-нибудь и с разными ворожбами (?) и штучками вынимал, и из-под маски прочитывал судьбу. Мне вышло: 1) Совершить чудо. 2) Упоительное бракосочетание! (вот судьба (?): очевидно, Бердяев: он шутник в этом духе) 3) Молю тебя, Господи, дабы мне не быть таким захудалым чертом. Всё подходит. Я еще захудалый черт. Упоительно бракосочетанна и жду Чуда, иначе давно покончила бы с жизнью. После чаю решили гадать с [нрзб]. Мущины решили выбрать женщину и выбрали меня. Посадили меня на стул в полутемной комнате, накрыли толстой серой шалью. (...) Когда все вошли в комнату, то зашептали: как страшно, и мне стало страш-

<sup>1227</sup> Печатается с комментариями по: Богомолов, 2009. С. 152—153. Описание крещенского вечера у Ремизовых.

<sup>1228</sup> Юлия Александровна Беляевская. — В. К.

но. Подходили сзади на цыпочках, прикладывали палец к моей голове. От нажатия происходил какой-то магнетический ток, и я впадала во что-то очень похожее на транс и говорила трудно с перерывами странные слова. Угадывала некоторых. Хотя бы, например: сказала раз: «Ты сильный человек... но на тебя ляжет рука... тяжело... придавит... [2 слова нрзб] ... но будет помощь (?) ... думаю, что встанешь... не знаю... больше я ничего не знаю». Потом подходит еще человек: «Это душа близкого той, которая отошла». Оказалось, что это были две сестры. Я же не знала их и не знала даже, что есть сестры в комнате. А таинственному мрачному Зонову<sup>1229</sup>, который интересуется моими произведениями, я напророчила: «ты будешь любить... прошлый год умер... всё умерло... ты будешь любить... умерло... ничего больше не знаю...» Ремизов говорил Вячеславу: «Вот угадала! вот угадала!» А Зонов, оказывается, в прошлом году женился... кажется, неудачно. И был сумасшедшим! — Вячеславу напророчила: «Этот год будет зеркалом, и ты угадаешь себя... и казнишь себя... иногда найдешь себя...» — Бердяеву: «Ничего не выходит. Ничего... ничего... Разве если умрешь... не знаю, воскреснешь ли. Может быть. Но тогда должен отвергнуть всё, до конца отрешиться от всего... Больше ничего не знаю».

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1230</sup>

[13.01.1906. СПб.]

Среда<sup>1231</sup> вышла блестящая в смысле совершенно нового прилива лиц. «Жупел»<sup>1232</sup> был в лице своего представи-

<sup>1229</sup> Вероятно, Аркадий Павлович Зонов (1875–1922) — театральный режиссер. — В. К.

<sup>1230</sup> Там же. С. 152.

<sup>1231</sup> 11 января.

<sup>1232</sup> «Жупел» — русский литературно-художественный журнал политической сатиры (издатель С. П. Юрицын, главный редактор З. И. Гржебин), издавался в Санкт-Петербурге в 1905–1906 г. Был закрыт цен-

теля Гржебина<sup>1233</sup>, и художники (Билибин<sup>1234</sup> тоже) принесли листы неизданного №. Политическая сатира в рисунках подняла новое искусство в России. (...) Беседа была по собранию: «О декадентстве как философски-идейном движении». Очень много было скрыто, потому что все было разъяснительно и малохудожественно. Вячеслав говорил просто, ясно и свел все концы блистательно к общему синтезу: набросал историю декадентства и общий дух во всех разнообразиях ярких индивидуальностей.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>1235</sup>**

[14.01.1906. *Иматра — Маастрихт*]

14 / I 06. Иматра

Сегодня наконец уезжаю отсюда. Не знаю, как выберемся — такая вьюга. Пожалуй, на дороге застрянем от снежных заносов. Вверху воеет вьюга, а внизу — Иматра. В окнах бело, бело и грустно<sup>1236</sup>. Пора в Петербург. Там — бесконечные дела. Приехал Булгаков, Волжский — хотят устраивать новый журнал<sup>1237</sup>. Зовут нас. 28 января я читаю юбилейную

---

зурой после выхода третьего номера, после чего перевыпущен под названием «Адская почта». — В. К.

<sup>1233</sup> Зиновий Исаевич Гржебин (1877—1929) — художник, издатель («Шиповник»). Журнал «Жупел» был его первым издательским проектом. — В. К.

<sup>1234</sup> Иван Яковлевич Билибин (1876—1942) — художник, книжный иллюстратор и театральный оформитель, участник объединения «Мир искусства». — В. К.

<sup>1235</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 241—243. Письмо адресовано в г. Маастрихт (Бельгия).

<sup>1236</sup> Обыгрывается рефрен из стихотворения «Ослепительная снежность...». См. примеч. к письму от 10 января 1906 г.

<sup>1237</sup> С. С. Н. Булгаковым Мережковские сотрудничали в 1904—1905 гг. в журнале «Новый путь», когда заключили союз с группой так называемых «идеалистов»; затем этот журнал был преобразован в новый орган («Вопросы жизни»), который С. Булгаков редактировал совместно с Н. Бердяевым и Н. Лосским.

лекцию о Достоевском в Философском Обществе, если только разрешат («Пророк русской революции»)<sup>1238</sup>. 18 января идет «Антигона» в моем переводе<sup>1239</sup>. Мне жаль, что Вы

<sup>1238</sup> Лекция была приурочена к 25-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. Она должна была предшествовать той, которую Мережковский намеревался прочесть по приглашению Литературного фонда. В связи с этим 29 января 1906 г. Мережковский писал П. И. Вейнбергу: «7 февраля я буду читать мою лекцию в Философском Обществе. (...) Там, впрочем, я буду читать ее в более нецензурном виде, чем публично. Но по тому впечатлению Вы тем вернее будете судить о впечатлении публичной оцензенной лекции. Боюсь, что мне ее разрешит — разрешат, а потом, когда раскусят, то начнутся гонения не только на нас, но и на Литературный Фонд. Ибо все же главная тема: “православие — самодержавие” — весьма щекотливая, и “ортодоксией”, “абсолютизм” ее не прикрыть. Впрочем, может быть я и ошибаюсь и преувеличиваю. Очень хотелось бы также, ввиду моего скорого отъезда, назначить лекцию пораньше — не 20 февраля, а так 14—15 или даже еще раньше» (ИРЛИ. Ф. 62, № 22. Л. 1 об. — 2 об.). 12 февраля 1906 г. газета «Слово» сообщила: «На днях в здании университета состоялось закрытое собрание петербургского философского общества, на котором известным писателем Д. С. Мережковским был прочитан доклад на следующую тему: “О религиозно-общественных идеях Достоевского”. (...) Талант г. Мережковского, огромный интерес темы, связь ее с переживаемыми событиями, — все это собрало много публики. Доклад продолжался до 11-ти часов. Остальной час предоставлен был для возражений» (Слово. 12 (25) февраля 1906. № 382. С. 4). Лекцию, организованную Литературным фондом, Мережковский прочел 18 февраля в зале Тенишевского училища. Эти лекции о Достоевском являлись сокращенным вариантом статьи «Пророк русской революции», которая в это время печаталась в журнале «Весы» (1906. № 2. С. 27—45. № 3—4. С. 19—47).

<sup>1239</sup> Трагедия Софокла «Антигона» (ок. 442 г. до н. э.) была впервые поставлена на русской сцене (в переводе Мережковского) 12 января 1899 г. в Художественно-общедоступном театре (ныне МХАТ) в Москве. Спустя семь лет, в январе 1906 г. премьера трагедии состоялась в петербургском Александрийском театре (см. примеч. к письму от 22 января 1906 г.). Следует учесть при этом, что в конце 1899 г. и в начале 1900 г. в Петербурге были осуществлены постановки «Антигоны» (в зале Кононова и в Малом театре), инициаторами которых были петербургские актрисы К. Дестомб и Л. Яворская. Узнав о постановке трагедии в зале



ее не увидите. Эта трагедия — мне родная. Потом предстоит подготовка «Эдипа-Царя»<sup>1240</sup>. Выходит книжка «Грядущий Хам»<sup>1241</sup>. Надо писать статью в «Полярную звезду»<sup>1242</sup>. Вообще вихрь дел. Уже и здесь мы встретили в глухом лесу — кого бы Вы думали? — Максима Горького. Разговаривали очень любезно. Он, в сущности, милый «товарищ»<sup>1243</sup>. Но все это внешнее могу оборвать, чтобы приехать к Вам. Только нужно ли Вам, чтобы я приехал? Не хочу, впрочем, думать об этом, пока не получу решительного ответа на мои два последние письма, которые, надеюсь, Вы уже получили. Одно мне ясно: мне легче и отраднее Вас увидеть в Бельгии в феврале, чем в Ницце в марте. В Бельгию могу приехать один, а в Ницце я должен быть не один.

Здесь, на Иматре, я все время был с Вами. И мне отсюда грустно уезжать, — точно опять с Вами расстаюсь.

Ах, Бэла, Бэла, если бы Вы могли меня хоть чуточку любить, то есть верить мне — все сразу выяснилось бы для нас

---

Кононова, Мережковский, находившийся в то время в Италии, прислал в газету «Новое время» письмо, в котором заявлял, что он не только не принимал никакого участия в подготовке спектакля, но даже не был предупрежден устроителями его о намерении воспользоваться переводом (Новое время. 7 (20) января 1900. № 8571. С. 4).

<sup>1240</sup> Перевод в стихах трагедии Софокла «Эдип-царь» (ок. 429 г. до н. э.) также принадлежал Мережковскому. Впервые он был опубликован в журнале «Вестник иностранной литературы» (1894. № 1. С. 48—103).

<sup>1241</sup> Книга «Грядущий Хам», включающая шесть публицистических статей, вышла в Петербурге (изд. М. В. Пирожкова) в начале 1906 г.

<sup>1242</sup> В этом журнале Мережковский опубликовал статьи «Мещанство и русская интеллигенция» (№ 1) и «Грядущий Хам» (№ 3). В февральских и мартовских номерах журнала статей Мережковского нет.

<sup>1243</sup> А. М. Горький находился в это время в Финляндии из конспиративных соображений, опасаясь возможных репрессий за активное участие в революционных событиях. Горького Мережковский воспринимал прежде всего не как художника, а как выразителя неприкрашенной правды жизни, философии и настроений «босячества», знаменательное общественное явление (см. статью «Чехов и Горький» в книге «Грядущий Хам» (С. 43—101). Слово «товарищ» Мережковский обычно употреблял применительно к социал-демократам.

обоих. Страсть уменьшилась бы, утихла бы, но явилось бы то, что неизмеримо лучше страсти. И даже не нужно мне Вашей любви (я слишком убежден, что ее быть не может), а нужна только последняя правда, последнее сознание, что у Вас нет и никогда не будет ко мне любви. Эта правда, сказанная Вами искренне и просто, бесконечно приблизила бы меня к Вам. И я мог бы тогда сделать Вам добро, которое мне так хочется сделать.

Очень жду Ваших писем. Целую руки, только руки на этот раз.

Д. Мережковский

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1244</sup>

[17.01.1906. СПб.]

В понедельник мы обязательно должны были до вечера вернуться из-за концерта Современной музыки, куда нас звали все наши музыканты и художники-меломаны и обидятся, если не будем (т. е. Вячеслав пойдет, а у меня нога, т. е. нога у меня ничего себе, а вот «Великий Колокол» захватил; так до его окончания будет болеть нога: невралгия!!!). И еще после концерта будет собрание «святош» у Бердяева. Это я называю так сей малоталантливый или выдохшийся талантами кружок Мережко-Бердяево-Булгаково-Волжско-Розановский. Там же будут показаны знаменитости: Петр Струве, Франк и К<sup>о</sup>... Я их называю «серыми дьяволами серединности». Это кадеты, социалисты.. Но на земле, как я и сказала Булгакову, может быть только крайнее, только оно делает, остальное квасится.

(...) 17-го утро. (...) Брюсов должен приехать сегодня. Ждем с утра. (...) Вячеслав вчера вернулся поздно со страшной скуки. Недаром ему не хотелось ехать. Он в полоне лирических стихов. Третьего дня ночью написал три стихо-

<sup>1244</sup> Печатается по: Богомолов, 2009. С. 153.

творения. У него готов 3-й сборник. Будем издавать до весны. Мечтаем о нем: «Сог Ardens».

### А. А. Блок. Записные книжки<sup>1245</sup>

[18.01.1906]

18 января

#### Религия и мистика

Они не имеют общего между собой. Хотя — мистика может стать одним из путей к религии. Мистика — богема души, религия — стояние на страже. Относительно «религиозного искусства»: его нет иначе, как только переходная форма. Истинное искусство в своих стремлениях не совпадает с религией. Оно — позитивно или мистично (то и другое — однородно). Искусство имеет свой устав, оно — монастырь исторического уклада, т. е. такой монастырь, который не дает места религии. — Религия есть то (о том), что будет, мистика — что было и есть.

Мистицизм в повседневности — тема прекрасная и богатая, историко-литературная, утонченная; она к нам пришла с Запада: это позитивизм. Между тем эту тему, столь сродную с душой «декадентства», склонны часто принимать за религиозную. Какая в этом неправда и какая богатая почва для обмеления! Ибо сильная душа пройдет насквозь и не обмелет в ней, так как не убоится здорового смысла. А слабая душа, вечно противящаяся «здоровому смыслу» (во имя нездорового смысла), потеряет и то, что имела. (Лучше ничего не иметь, чем иметь хлыстик вместо бича).

Мистика проявляется наиболее (характеризуется) в экстазе (который определим как заключение союза с миром против людей). Религия чужда экстаза (мы должны спать и есть и читать и гулять религиозно), она есть союз с людьми против мира КАК КОСНОСТИ (?). NB: все, что в мире

<sup>1245</sup> Печатается по: Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 72–74.

откроется как НЕ КОСНОЕ (может быть, и все), — сейчас же становится предметом религии.

Просто и банально на примере: развратное отношение к женщине — косность (может быть, и мистика), чистое — религия. Мистицизм повседневности обогащает ее. Это — что-то навязываемое творчески, требующее формулировки, рассуждения. После того как эти формулировки обмелеют (обнажатся, — ибо наступает и это), остается или уснуть (ждать терпеливо и долго возвращения старого), или разбить окно и, просунув голову, увидеть, что жизнь проста (радостна, трудна, сложна). Последнее (через нищету) — путь к религии. Крайний вывод религии — полнота, мистики — косность и пустота. Из мистики вытекают истерия, разврат, эстетизм. Но религия может освятить и мистику, например: красное вино с золотыми (зелеными) змейками освящено уже. Краеугольный камень религии — бог, мистики — тайна; крайний мистик может стать машиной тайновиденья (Verhaeren), крайний позитивист — машиной понятновиденья (профессор). Оба они — одинаковы (профессор Verhaeren).

Мистики любят вожжаться с «городами» и «деревнями», они любят скарб; они — переплетчики, библиотекари, книголюбы, антиквари. Мистика требует экстаза. Экстаз есть уединение. Экстаз не религиозен. Мистики любят быть поэтами, художниками. Религиозные люди не любят, они разделяют себя и свое ремесло (искусство).

Мистики очень требовательны. Религиозные люди — скромны.

Мистики — себялюбивы, религиозные люди — самолюбивы.

\* \* \*

Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение. Тем оно темнее, чем отдаленнее эти слова от текста. В самом темном стихотворении не блещут эти отдельные слова, оно питается

не ими, а темной музыкой пропитано и пресыщено. Хорошо писать и звездные и беззвездные стихи, где только могут вспыхнуть звезды или можно их самому зажечь.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1246</sup>

[19.01.1906. СПб.]

Четверг. 3 ½ дня

Вчера была среда — страда. 40 человек, кроме нас и Аниюты. Список прилагаю. Вышло разнообразие невольное. Поговорив группами часов до 11 ½, принялись по предложению Вячеслава за «тему». Поставлена наконец прерванная еще тогда полицией тема Религия и Мистика! Вячеслав сказал вступление по моему совету, тут же высказанному, о том, насколько эта тема соприкасается непосредственно с конкретными опытами художественными, с литературными и философскими интересами. (Но я плохо слушала, так что не могу точно передать.) Потом, увы! стал говорить и читать реферат Габрилович, этот «утонченный эстет социал-демократии!». От Адама философии и религии и что-то еще и т. д. Бунт! бунт! Выхожу в переднюю: взбунтовавшиеся художники: Сомов, Добужинский, еще кто-то. «Что это, Лидия Дмитриевна, так нельзя. Нужно живой обмен мнений, а не лекция!» — «Отвратительно. Как же быть?» — «Да прекратить». — «Но — как?» — «Давайте сорвем [нрзб]!». — Выходит Бердяев (Аничков председательствовал фельетонно хлестко и фельетонно элегантно). Я: «Николай Александрович, давайте сменим председателя и референта и водворим вас!» — «Нет, нет, я боюсь!» — «Ну, давайте же бунтовать!» — «Пойдем снимать слушателей». Я иду к двери, вызываю шепотом, машу красными рукавами<sup>1247</sup>. Выходят один за другим. Передняя наполня-

<sup>1246</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 154–155.

<sup>1247</sup> Дневник М. Кузмина: «Габрилович читал длинейший и скучнейший реферат о “религии и мистике”, профессора возражали, а поэты и дамы куда-то исчезали (...) Я несколько скучал, пока меня не вызвал Сомов в дру-

ется. Выскакивает Вячеслав, бранит нас, но мы непоколебимо бунтуем. Брюсов с нами. Наконец я предлагаю устроить параллельное, но поэтическое заседание. Закрываемся в спальню Вячеслава, где висит тусклый желтый фонарь и стоит кровать его, покрытая персидской шалью. Сначала мы, женщины, — забираемся на кровать, потом я, видя человек 15 бунтарей мужского пола без седалищ, ибо стульев давно уже не хватало и вся мебель стuhlей породы была стащена давно в столовую, — соскочила и села на пол по-турецки. Образовался кружок на полу, и началось заседание. Но все «не так, как у них!», без председателя, т. е. Ремизов самозванно сделал себя председателем, но за ним было признано лишь право кричать: «Тише!» Постановлено было, что ни одно слово не допустимо, кроме бунта или ритма! Начали читать поэты. Их было много, и они все прибывали, ибо

---

кую, “бунтующую” комнату, где за отсутствием стульев все сидели на полу, читали стихи, кто-то про липу, очень хорошо. Просили и меня, но мне казалось, что я ничего не помню, и я отказался». *Кузмин М.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. (Далее: *Кузмин*, Дневник). С. 102.

Ср. запись гораздо более позднего времени (видимо сверенную с ранним дневником): «Кто-то, вроде Эрн и Аничкова, читал доклад. Публика понемногу переходила в соседнюю комнату, где за неимением стульев сидели на полу и читали стихи. Блок читал “Балаганчик” и “В голубой далекой спальне”, Городецкий про “липу”. Я ничего не помнил и не читал» (*Кузмин М.* Дневник 1934 года. СПб., 2007. С. 73). Воспоминания о самом Кузмине во время этого первого посещения им Сред находим в некрологе, написанном А. А. Кондратьевым: «Впервые я увидел Кузмина на одной из многолюдных сред Вячеслава Иванова. Автор “Курантов Любви” носил еще тогда черную поддевку (в которой походил несколько на цыгана) и, несмотря на некоторый шум, произведенный его повестью “Крылья”, держал себя весьма скромно и незаметно. Помню, однажды наш гостеприимный хозяин обратил внимание всех собравшихся на “Александрийские Песни” начинающего писателя, бывшего, впрочем, лет на пять старше меня. До выступления на литературном поприще Михаил Алексеевич занимался музыкой, собиранием старых икон и путешествиями. Вот все, что удалось мне узнать относительно его жизни по окончании той же 8-ой петербургской гимназии, в которой учился и я. Но там мы с ним хотя и встречались, но, находясь в разных классах, знакомы не были, а потому и не помнили друг друга» (*Кондратьев А.* Из литературных воспоминаний: М. А. Кузмин († 3.III.1936 г.) // Наше время. 12 апреля 1936. № 85 ([http://www.russianresources.lt/archive/Kndr/Kndr\\_11.html](http://www.russianresources.lt/archive/Kndr/Kndr_11.html)).

делегаты от нас несколько раз ходили к ним «снимать». Читали из больших: Сологуб, Блок, Брюсов и молодые. Тем временем там ораторы мистики и метафизики остались без слушателей и, возразив каждый самому себе, освободили председателя и себя и с восторгом присоединились к нам в наше полусветлое убежище с аркой-окном. Аничков тоже сел на пол... Когда он уходил, я подошла и сказала: «Ну что, Евгений Васильевич! Не ожидали?» — «Чего?» — «Что сядете на пол...» — «Нет, отчего, это ужасно весело!» Да, было «ужасно» весело и поэтически. Были прочтены поистине хорошие стихи также и младшими. Читал Вячеслав свои совсем новые три мистических в средневековом стиле сонета. Потом дурачились, дразнили друг друга, шутили, потом пошли частью в столовую, где кто-то разыскал в буфете 3 четвертных вина (я покупаю Бекетовское вино четвертями, по 35 коп. обходится бутылка, и премилое винце), съедали весь ситник и черный хлеб, всю колбасу чайную и ветчину... всю скромную дрянь на столе с восторгом и аппетитом, разливали себе чай из колосса-самовара, присланного мамочкой твоей с денщиком. Мыли стаканы и делали всё, что хотели. Вячеслав говорит, что я спасла вечер своим бунтовством и находчивостью. Габриловича я ругала: «Что же это читать нам лекции? Я и в жизни не умела понять ни одной лекции! Лучше скажите нам стихи!» И он читал эффектные свои, но пустые стихи и был очень доволен. Читала его подруга — сестра Лохвицкой<sup>1248</sup> — Теффи<sup>1249</sup>. Она была всего один раз при Горьком тогда, и снова вчера, и вдруг, уходя, просит: «Можно вас поцеловать!», и мы нежно обнимаемся. (...)

А сегодня только что получила и уже ответила на письмо Гиппиус, в котором она (по поводу одного грубого (не-

<sup>1248</sup> Мария Александровна Лохвицкая (в замужестве — Жибер, 1869–1905) — русская поэтесса, подписывавшаяся псевдонимом Мирра Лохвицкая.

<sup>1249</sup> Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая, в замужестве — Бучинская, 1872–1952) — русская писательница и поэтесса, мемуаристка, переводчица, младшая сестра Мирры Лохвицкой.

чаянно) слова со стороны Ремизовой о наших Средах Вячеславу) высказывает свое мнение о неправильности нашей «соборности», т. е. о том, что наши Среды слишком «доступны публике» и это неверная «тактика» для достижения истинного общения с людьми<sup>1250</sup>. Я ответила, что я инстинктивна, но не рационалистична <Sic!> и не имею пафоса проповеднического, Среды же не устраивались мною или Вячеславом, но сами сложились. Люди приходят — значит, им нужно. А если им нужно, то и на меня их приход накладывает радостную обязанность давать им то, что им годно, из открытой души и открытого сердца. Ибо я не своя и не одна, но всех и Божья, и т. д. Назвала ее «милая и всё же близкая душа». Я всё-таки ее люблю, как и она меня. Она лучше мужа гораздо. Дно ее души хорошее.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1251</sup>**

[20.01.1906. СПб.]

20 января: «Брюсов вчера не был. Будет сегодня вечером. Умоляет Вячеслава писать в «Весы», где все осталось по-прежнему, т. е. «сам и молодец». Говорит, что меня впечатал сотрудником на 1906 г. Буду давать рассказы в беллетристический отдел».

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1252</sup>**

[21.01.1906. СПб.]

От них<sup>1253</sup> летели на свиданье к 10 часам в «Северную Гостиницу» к Брюсову. Пили много вина с сыром в их ресто-

<sup>1250</sup> Данное письмо неизвестно.

<sup>1251</sup> Печатается по: *Богомолов*, 2009. С. 157.

<sup>1252</sup> Там же. С. 157–158.

<sup>1253</sup> Н. И. Манасеиной и П. С. Соловьевой.



ране и говорили важные вещи теоретически и практически литературные. Напряжение несказанное, потому что с Брюсовым каждое слово взвесить необходимо, иначе клевета или ненависть. Выяснилось, что «Весы» на прежнем положении и Вячеслав так же желанен. Я тоже приглашена как нужный сотрудник «во все отделы».

### П. А. Флоренский — О. П. Флоренской<sup>1254</sup>

[21.01.1906. Сергиевский Посад — Тифлис]

(...) Правда в том, что для меня семья — вовсе не все. Папа и ты хотели бы сделать из семьи бога, который бы поглощал все существо. Я не стану сейчас оспаривать такое желание, но скажу словами Ибсена: «Можно умереть за жизненную идею другого, но нельзя оставаться жить для нее»<sup>1255</sup>. Когда мне говорите вы: сделай то-то и то-то, это твоя обязанность, я принимаю ваши слова во внимание и, поскольку другой дом или моя слабость не мешают мне, стараюсь делать. Так делают решительно все, но ваша идея — сделать семью всем, центром, высшим началом и заставляет вас не удовлетворяться этим и требовать не дела, а души. Вы не то говорите: сделай дело, вот это, а говорите: хоть греши, хоть не делай дела, но принеси душу свою, всего себя на алтарь нашему богу. И я отвечаю: «Если нужно, я готов умереть за вас, готов делать все, что хотите, но души своей не дам, потому что считаю идолопоклонством отказаться от Бога и кланяться вещи очень хорошей, очень высокой и святой, но не абсолютной, не составляющей всего». Если бы я был сейчас женатым,

<sup>1254</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 211—212.

<sup>1255</sup> Неточная цитата из 5-го действия драмы Г. Ибсена «Претенденты на корону»; в издании 1896 г.: «Человек может пасть из-за жизненной задачи другого; но, если он остается жив, он должен жить ради своей собственной».

то мог бы привести в исполнение свои заветные планы, сделаться священником. Может быть, из-за неисполнения их вся жизнь моя будет сломлена. И все-таки я говорю, что никогда в жизни не женился бы, потому что знаю, что это свяжет совесть, и, сознаваясь или не сознаваясь себе, я на место Бога поставлю на первый план семью. Тут не то важно, что нужно дело делать. Дела я не боюсь, да и не боялся, а важно то, что самое дело придется счесть за что-то безусловное. Папа хорошо говорит: «Я не могу чувствовать иначе».

Думаю, и ты бы сказала это. Ты думаешь, я не понимаю вашего положения? Думаешь, мне не больно за вас? Напрасно так думаешь: и понимаю, и больно с сердцем, но считать его за высший подвиг тоже не могу. Мне больно, что вы настолько отказались от высшего, что все эти чувствования, хорошие, святые и честные, но не высшие, заняли первое место в вашем сознании. Посмотри: матери древнего мира с радостью благословляли своих детей на борьбу с дикими зверями в цирке или на костер. А вы разве сделали бы так? Этим не то я хочу сказать, что я, мол, таков, как их дети; далеко нет, но то, что моя задача в том, чтобы меня укрепляли и поддерживали в подвиге и чтобы сами просили у меня помощи и опоры, а не то, чтобы ослабляли и связывали, каждый день навязывая по паутинке или по ниточке и создавая, в общем, такую цепь, что только Самсон порвет ее.

Единство тела (семья) высоко, но еще выше — единство духовное, и еще выше — единство с Абсолютным. Ты меня пугаешь одиночеством. Во многом опять-таки соглашаюсь с тобой. Но ты сильно ошибаешься, думая, что я «могу остаться в одиночестве». С самого детства я был всегда одинок. Я ли тут виноват, другие ли, это особый вопрос, но это — факт. С самого детства я жил всегда какой-нибудь идеей и отдавался ей весь, хороша ли она или плоха, умна или глупа была, но в этом своем основном настроении я всегда был одинок. Ты мне говорила, что

я не думаю ни о ком. Положим, что это — так. Но поверь, и о себе, как о себе, я не думаю, потому что, право же, моя жизнь как жизнь личная и не богата, и не весела, и кроме вечных дум, мучительных, утомляющих, да статеек, которых не только никто не понимает, но которые даже и печатать решительно негде, я ничего не имею. Ты думаешь, мне лично так уж и не хотелось бы иногда просто повеселиться или просто пожить для себя?.. Когда мое одиночество нарушается, я принимаю это как дар Неба. Но в общем, быть одиноким мне суждено от рождения, и тут ни слова, ни сожаления твои или мои не помогут. Я люблю вас и думаю о вас, и знаю, что вы заботитесь обо мне незаслуженно много; мне стыдно, что я не могу сейчас отплатить за заботы заботами, искренне прошу уменьшить ваши заботы, чтобы не наваливать на меня лишнего бремени и лишних смущений. Но я знаю хорошо, что святыня души моей чужда для вас, что вы ее даже за святыню не почитаете. Мне больно это, но не могу же я отказаться от совести. (...)

Целую вас всех. Целую тебя, дорогая мамочка, твой П.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной**<sup>1256</sup>

[22.01.1906. *Иматра*]

22/1 06

Я совсем решил ехать к Вам, когда получил Ваше письмо о «ревности». Не столько огорчился, сколько удивился. Я и не подозревал, что Вы «окружены ревностью». Это так не похоже на Вас и на Николая Максимовича. Ну, просто, не поверил бы, да и теперь еще, признаюсь, это кажется мне маловероятным. Но, во всяком случае, я не хочу Вам доставлять никакого беспокойства, а пото-

<sup>1256</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 242–244. Письмо адресовано в г. Маастрихт (Бельгия).

му не бойтесь, не приеду. Может быть, так и лучше, как Вы решили — «женственно», «жизненно». Вообще, Ваша жизненность, практичность меня изумляет и даже несколько смущает. А я-то разлетелся!.. Вообще во мне много глупой наивности, ребячества, от которых я никак не могу отделаться. «Юродство»<sup>1257</sup>. Ну, да теперь это дело прошлое. Я в сущности даже рад, что вышло так, как вышло.

Увидимся ли в Ницце? Я буду около Ниццы (Antibes или Cannes) ~~ожю~~ между 10—15 русского марта. Будете ли и Вы там в это время? Но ведь и в Ницце, так же как в Бельгии, Вы будете «окружены ревностью». Знаете ли, что я Вам предложу очень серьезно (как бы только опять не вышло наивности, ребячества?): пусть наши свидания в Ницце «под небом вечно голубым» (помните у Пушкина: «в тени олив, любви лобзанья мы вновь, мой друг, соединим»)<sup>1258</sup> — будут совершенною, непроницаемою тайною для всех? Пусть никто никогда не узнает, что мы виделись? Хотите? Можете? Мне бы так отрадна была с Вами глубокая тайна. Ведь Вы теперь не можете не верить, что я Вас не предаю...

...Пришел Карташев, помешал писать. Трудно возобновлять письмо. Вообще здесь в Петербурге навалилась лавина всяких дел. Сегодня был на последней репетиции «Антигоны». Как мне жаль, что Вы ее не увидите! Вам бы понравилась постановка — в ней много моего, родного мне. Антигона-Лачинова так хороша, что в нее можно влюбиться (ко-

---

<sup>1257</sup> В статье «Последний святой» Мережковский, назвав юродство «христовством в самом христианстве», отметил: «Юродство есть отречение от человеческого разума во имя Божеского» (*Мережковский Д. С.* Не мир, но меч. С. 169, 179). Возможно, он подразумевал также то место в статье В. Розанова «Среди иноязычных» (она посвящена Мережковскому), где речь идет о «юродстве» христианском и языческом (См.: Новый путь. 1903. № 10. С. 228).

<sup>1258</sup> Строки из стихотворения Пушкина «Для берегов отчизны дальней...» (1830).

нечно, только на сцене)<sup>1259</sup>. Есть там песня об Эросе, которую нельзя слушать без восторга и ужаса<sup>1260</sup>. на репетиции был розоволицый художник (фамилию забыл) с черноокою женою, за которою я когда-то ухаживал. Я удивился, как она могла мне нравиться. Это Ваше действие, Бэла? Бэла? Вы еще слышите нежность, с которою я произношу Ваше имя, Бэла, маленькая моя девочка? Или уже забыли? Последнее Ваше письмо как будто ласковое, но такое далекое, далекое. Зачем Вы не захотели, чтобы я приехал, милая?<sup>1261</sup>

Ваш Д. Мережковский

<sup>1259</sup> Премьера спектакля состоялась 24 января 1906 г. Рецензент газеты «Новое время» отметил, что постановка «оставила самое неопределенное впечатление»: «С одной стороны, величие античного политического протеста, которым полны хоры, и прекрасный перевод г. Мережковского, с другой — плохое исполнение... (...) Вопрос: зачем тревожили великую тень Софокла? Ответ: такова воля директора». Характеризуя исполнительницу роли Антигоны Лачинову, он писал: «У нее в игре было много старания, много намерений, но очень мало искусства» (Новое время. 26 января (8 февраля) 1906. № 10 729. С. 4). Рецензент газеты «Наша жизнь» Г. Чулков расценил постановку трагедии как «большой культурный факт». Назвав героиню Софокла «душой мира», страдающей в темнице времени и пространства, он, в частности, писал: «Антигона — это вечный символ освобождающейся личности, которая мятежно отказывается от всех велений, — слишком “человеческих”» (Наша жизнь. 26 января (8 февраля) 1906. № 353. С. 4). Такая трактовка трагедии, в общем, — вполне в духе Мережковского.

<sup>1260</sup> Мережковский имел в виду «песню» Хора:

Эрос, бог всепобеждающий, / Бог любви, ты над великими / Торжествуешь, а потом, / Убаюканный, покоишься / на ланитах девы дремлющей, / Пролетаешь чрез моря, / Входишь в хижину убогую. / Ни единый в смертном племени, / Ни единый из богов, / Смерти чуждых, не спасается, / Но страдают и безумствуют, / Победенные тобой. / Ты влечешь сердца к преступному / И к несправедному праведных, / Вносишь в мирную семью / Ты губительную ненависть; / И единый взор, сияющий / Меж опущенных ресниц / Юной девы, полный негою, / Торжествует над законами / Вековечными богов, — / Потому что все живущее, / Афродита вечно юная, / Побеждаешь ты, смеясь!

(Софокл. Антигона / Перевод Д. С. Мережковского. СПб., 1902. С. 40).

<sup>1261</sup> На полях приписано: «Я даже письма боюсь Вам писать ввиду “ревности”».

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятиной<sup>1262</sup>

[22.01.1906. СПб.]

22 января: «В Воскресенье была опять лавина. Брюсов пришел в час к Вячеславу. Я поила чаем и ветчиной. Разговоры: стихи и политика. Брюсов участвует в «Слове». Ненавидит побежденную! революцию, очень гнусен он, и Вячеслав с ним все время на краю разрыва. Это странная дружба чисто на почве художественной. Брюсов большой художник, но не поэт, по-моему. (...) Пришел Чулков весь в неисполняющихся проектах. Ушел Брюсов, ушла Инна [Блок]<sup>1263</sup>, остался Чулков посоветоваться о стихах перевода своего и тоже ушел. (...) А в 11 выехала к Сологубу. Там слушала его рассказ «Чудо отрока Лина». Стиль равный Флоберу, глубина и пафос Сологубовские. Красота и сила такого совершенства, что слезы капали, круглые и полные слезы блаженства, радости. Рассказ блистательно оправдал жестокого «Змея-Дракона», Солнце, распаляющего кровь убийц на убийство и... ярким зноем мертвых убитых. Подобного проклятия убийства еще не было и не будет. После него читал Брюсов фантазмагорию без юмора и скудного воображения из будущих времен, где люди бездушные манекены движутся на колесиках, как сам Валерий. Провал. И ожесточен же Брюсов Петербургом.

(...) пришла Брюсова<sup>1264</sup> и стала говорить, что она и прочие «обыватели» Москвы благодарны Дубасову и что лучше ей слушать пристава, нежели еврея. Я ругалась, а Вячеслав сказал, что в своем доме не допустит больше ни одного слова, оправдывающего расстрелы (удалилась в слезах злая бедная дурочка).

<sup>1262</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 158.

<sup>1263</sup> Однофамилица поэта А. Блока.

<sup>1264</sup> Иоанна Матвеевна Брюсова (урожд. Рунт, 1876–1965) — жена поэта В. Брюсова. Выступала также как переводчица с французского.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1265</sup>

[24.01.1906. СПб.]

5 часов дня. Только что нежно жала руку Валерию. Кудесник этот человек! Чарует в нем художник и дикая, вольная личность! Но не слишком вольная. Купец связал его вольность. Ну, как бы то ни было. Он приехал на три дня, но останется даже и на эту Среду! Что-то таинственное и, верю, светлое создает в нем дружбу к Вячеславу. Вячеслав еще в постели прочитал мне великолепное новое стихотворение «На 1906 год».

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>1266</sup>

[24.01.1906. СПб. — Киев]

1906.I.24

Дорогие, Петр Павлович и Анна Елисеевна!

В понедельник была у Митрополита графиня. Вчера вечером имела свыше часовую беседу с ним по его приглашению.

Графиня в своей жалобе отдала все должное мне. «Но насколько прежде мы работали заодно, настолько теперь отец Константин может разрушить все создаваемое мною. Так мы разошлись во взглядах». Конкретным фактом выставила мое отношение к факту увольнения учителей. «Как честный человек, он будет говорить, что думает, и ученицам».

— Главная моя вина, — говорил я, — в том, что ученицы считают меня не только давателем уроков, но и своим духовным отцом, к которому они несут все свои горести. Второе: в своей законоучительной практике я руководствуюсь принципом — никогда не говорить своим ученицам не-

<sup>1265</sup> Печатается по: *Богомолов*, 2009. С. 158.

<sup>1266</sup> Печатается по: *Балакшина*, 2014. С. 363–365.

правды. Третье. Вопрос в существе становится так: или я, или графиня. Единственным звеном, связывающим графиню с ученицами, был я. Теперь это звено обращается против нее, усиливая вражду против графини: дети все понимают и чувствуют. Графиня только чиновником не хочет быть... Я же, по ее мнению, и справедливому, самим фактом своего бытия и хотя бы молчаливого протеста, буду парализовать всякого рода попытки к тому.

Ценя очень графиню как человека я не могу с христианской точки зрения оправдать ее меры педагогические — в них нет именно правды Божьей. Запросы родителям — келейные совещания с ними и выслушивания наветов друг на друга (одни родители, обеляя своих детей, чернят других) — деморализуют классы.

— Мне трудно разобраться среди вас, — говорит Митрополит, — у вас тонкая психология. Но не можете ли Вы дать мне обещание: при обращении к Вам воспитанниц с вопросами о событиях последних дней отстранить от себя обсуждение с ними их?

— Фактически, Владыка, в этом нет нужды: воспитанницы — ведь речь о педагогичках и I классе — по своей чуткости не обратятся ко мне. Но при всем том могу дать Вам в этом обещание и действовать согласно ему. Главное здесь — пост и исповедь, где уклониться от обсуждения я не могу и должен действовать исключительно по пастырской совести.

— Ну, вот хорошо. Я к Вам приду до масленицы на уроки. По-видимому, графиня просила Владыку восстановить наши отношения (мы прекратили и устные, и письменные сношения...). Он и хочет сделать это.

Я написал существенное, важные эпизоды. Говорю, графиня на этом не может успокоиться: ей нужен мой уход. Сначала Владыка сказал, что в приходе нет места. А потом: «Вы, отец Константин, священник и я священник, будемте откровенны. Я пока боюсь Вас взять к себе. В Вас, по моему пониманию, мятежный дух. Вы можете мне наделать многого. Не к осуждению Вашему говорю это...»



Сообщаю ему, что мною получено предложение обмена на место настоятеля одного прихода в Москву (Плющиха. Был батюшка сам. Хлопочут там Поспелов, Эрн и Свенцицкий).

— Я препятствовать не буду. Но ведь там, примите во внимание, митрополит Владимир.

— В этом, — говорю, — для меня главная причина: я не хочу менять Вас на Владимира, переменюсь только в крайности.

Относительно моей судьбы остановлюсь на любом другом учебном заведении, и среднем, и высшем, «пусть изберут Вас в академию».

— Я думаю, — говорю, — об университете.

— Я лично буду содействовать такому Вашему переходу.

Когда говорили об отношении графини к воспитанницам, Митрополит сказал между прочим: «Мой опыт: аристократ всегда останется аристократом и простых не любит».

Оканчиваю письмо экстренно. Еду к директору одного корпуса.

Целую. Любящий свящ. К. Аггеев.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1267</sup>

[28.01.1906. СПб.]

Вчера провожали Брюсова. Да, Среда<sup>1268</sup> была живая, остался-таки Брюсов к [на] ней. Читались стихи часа три. Были новые и из прежних гостей. Были Добровольские мать и дочь<sup>1269</sup>. Обе очаровательны и в восторге, а стихами Вячеслава прямо не нахвалятся. (...) Я ухаживала за «критиком» Аничковым, премилый толстяк, и во второй раз пришел без визита Вячеслава.

<sup>1267</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 157.

<sup>1268</sup> 25 января.

<sup>1269</sup> М. Э. Добровольская — женщина-врач, услугами которой Ивановы пользовались как в Женеве, так и в Петербурге.

**И. М. Брюсова — Н. Я. Брюсовой<sup>1270</sup>**

[31.01.06]

(...) «На среде» мы были. Замучу вас до конца и расскажу про среду. Было 44 человека самых разных людей. Некто Габрилович Социал-Демократ читал реферат, опять приплетал к учению социал-демократическому мистический анархизм. Было скучно, длинно. Люди, затосковав, уходили, убегали в переднюю. Валя<sup>1271</sup> очень демонстративно вышел один из первых. Все ушедшие собрались в комнате, где не было стульев, уселись в круг на пол и стали читать стихи<sup>1272</sup>. Круг все более и более увеличивался, а другая комната пустела. Говорили, что читающий сам себе возражал. Было интересно видеть столько знаменитостей. на следующий день мы были у Сомова. Расскажу, когда увидимся, ведь мы скоро увидимся. (...)

Как ни грустно, а в Петербурге я поссорилась с Ивановыми. Повод — мои черносотенные убеждения, но уже когда я приехала, то заметила странное обращение Лидии со мной. Нелепое восклицание, как только я вошла: «Как, и вы приехали, мы вас не ждали, мы вас не ждали», и разочарование в голосе. Когда я стала о чем-то говорить с Лидией (Валерий, Чулков и Иванов были в соседней комнате), вместо ответа она попросила переждать говорить, а то в другой комнате очень интересно беседуют, она хочет слушать Я удивилась ее нелюбезности и пошла в другую комнату к беседающим. Чулков и Вячеслав разъясняли Вале, что такое мистический анархизм<sup>1273</sup>. Это такая *idée fixe*, иного, по их понятию

<sup>1270</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 156, 158–160. Написано 28, отослано 31 января. Надежда Яковлевна Брюсова (1891–1951) — сестра В. Я. Брюсова, музыковед.

<sup>1271</sup> В. Я. Брюсов.

<sup>1272</sup> В черновике: «Было, пожалуй, интересно. Но я убедилась, что ни Лидию, ни Иванова не уважают их гости, хотя приходят к ним люди интересные».

<sup>1273</sup> В черновике: «...на котором они помешались. Этот мистический анархизм я бы объяснила так: они хотят быть вместе с революционерами,

в мире нет выхода. на этом мистическом анархизме построено <Sic!> целый ряд «Факелов» — журнал, театр, издательство. Но «Факелы» не загорятся — нет денег. Валя им, факельщикам, не очень сочувствует, а они не находят у Вали «неприятия мира» и повинования им. Понятно, что Валя не будет в школе ни Чулкова ни даже Вячеслава. И так, прослушав идеи «Факелов», мы стали уходить. Нас пригласили на среду. Вы, наверное, слышали — у них собираются разные люди. Я почему-то спросила о М-те Блок, Лидия заявила, что она у них не бывает, что вообще она причисляет ее к категории злюк, к которой причисляет еще вас, Зиночку и меня, после этого я решила, что г-жа Блок — хороший человек. (...)

Утром в пятницу я была одна у Ивановых. Заранее было условлено, что я могу приходить в день и час, когда захочу, но только что я открыла дверь, Лидия оглушила меня возгласом: «Так и знала, что сегодня целый день к нам будут приходить, это так всегда, стоит одному явиться» (у ней сидела невестка). Я поспешила заявить, что сейчас же ухожу, что я, мол, только их пригласить пришла к нам. Невестка тоже, сказав два-три слова, стала уходить. Наблюдения г-жи Ивановой оказались верными, так как пришел Мейерхольд с юным актером.

Иванов еще только вставал.

Еще при невестке Лидия говорила о Дубасове всякие ужасы, о зверях-солдатах, я ей что-то возражала. Ничего ужас-

---

но сознают, что нашли совсем. Чулков взял Мережковского и Вячеслава Иванова, смешал их произведения и прибавил «освободительного движения», а Вячеслав стал сочувствовать этой смеси и разработал в подробностях как что. Валю как-то они не очень принимают, потому что они хотят создать свою школу и, кроме того, нужно, во-первых, “неприятие мира”, а во-вторых нужно сделаться их учеником, так как они хотят создать свою школу. Явно, что Валя не будет в их школе, к тому же ни у Чулкова ни даже Иванова. Но у них нет денег для осуществления Факелов. Просили они у Горького, он обещал, но не дал. Если бы у них были деньги, то они издали бы журнал и альманах “Факелы” и основали бы театр “Факелы” с Меерхольдом <Sic!> во главе».

ного я не говорила, а так, обычные слова, вроде что бы стали говорить революционеры про зверей-солдат, если бы они к ним присоединились, и т. д. Когда ушла невестка, Иванов, проводив ее, накинулся на меня, что он не позволит, чтоб в его доме защищали убийц, так же, как и Валерий не позволяет, чтобы в его доме осуждали Толстого. Конечно, это была давно затаенная месть. Когда-то, действительно, Валя такие слова говорил Лидии. Но, видит Бог, я не виновата, что Валя может наговорить грубостей. Я была поражена, стала ругаться, например я сказала, что я бы не говорила этих слов в доме какого-нибудь присяжного поверенного, инженера или доктора, потому что знала бы, что они будут встречены так, как он их встретил, но все-таки я не сумела говорить, слезы выступили на глаза, и я ушла.

Иванов, проводив меня вниз, уговаривал не обижаться, но я все-таки рассердилась очень. Пришла домой. Вале ничего не сказала и боялась, он бы их заел. В этот вечер я с ними не разговаривала почти совсем. В воскресенье они (у Сологуба) сторонились меня. Тут Валя уже знал о моей ссоре. Он говорил удивительно противореволуционные вещи. Иванов только слегка защищался. Лидия очень глупо осуждала Валин рассказ, который он прочел вслух (...) Смотрю, в письме все о Петербурге, а теперь я уже забыла о нем. С Ивановыми несколько помирились, то есть они были очень милы, я к ним еще раз съездила на «среду», и уехали мы, но Валя теперь их будет преследовать.

Вчера Броня<sup>1274</sup> передавала Валин разговор с Сергеем Александровичем Поляковым: «Иванов и Лидия Дмитриевна очень согласны сотрудничать, но, я думаю, их надо держать в черном теле».

---

<sup>1274</sup> Бронислава Матвеевна Рунт (1885–1983) — сестра Иоанны Матвеевны Брюсовой (Рунт), в 1905–1906 гг. активно помогавшая в редактировании «Весов».

П. А. Флоренский — Андрею Белому<sup>1275</sup>

[31.01.1906. Сергиевский Посад]

31 января 1906, Сергиевский Посад

Дорогой и многоуважаемый Борис Николаевич! Много раз начинал писать Вам и столько же раз бросал письмо. С Вами особенно хотелось бы быть в общении, но я не писал (да и сейчас не напишу того, что хотелось бы), так как жизнью завладело ἄρρητον<sup>1276</sup>, и даже для самого себя не находится слов, чтобы охватить внутреннее. Одно только ясно: всюду какие-то серые перегородки, и об них хоть лоб расшиби, а все не проломишь брешу.

На науку, философию и все такое я давно уже махнул рукой, не стал их рассматривать как «все». А смысл и цель деятельности тогда стал видеться в общении с личностью, — и не в «деятельности любви» и не в «служении ближним» (и на них я не смотрел и не смотрю, как на «все»), а в прикосновении голой души к голой душе. Если чего можно достигнуть положительного, то только в и через такое слияние, так чтобы всегда хотя бы два человека до конца, до дна понимали друг друга, чтобы каждый из двоих представлялся другому бесконечностью. Я увидал, что в таком единстве — основание всего и оно постулат всякой жизни. Но возможно ли оно? Это для меня роковой вопрос. И если в отдельные моменты оно вполне реально, то в другие — бесследно тает и являются грани между личностями. Начинает казаться, что все усилия выйти за них, за грани, остаются мучительной потугой... Но нужно не друга, хотя бы гения, не умных, не утонченных и переутонченных отношений, а просто Друга, просто близких, всецело человеческих, тех отношений, которые дают себя, а не свое и берут меня, а не мое. Это возможно ли? Если нет, то вся жизнь окрашивается безвыходно мрачным покровом, потому что без этого представляется не-

<sup>1275</sup> Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 522–523.

<sup>1276</sup> Несказанное, невыразимое (*греч.*).

возможным и всякая деятельность. «Дела» же сами по себе, не освященные личными отношениями, мне кажутся слишком ненужными; всякие «дела» для меня ценны только символически, поскольку они выражают и служат для личного общения, не для периферических прикасаний, но для внутренних объединений.

Может быть, я по-философски и по-литературному говорю сейчас слишком наивно и слишком плоско. Но не до «глубин», когда жизнь уходит и ничего из нужного не делаешь. Я не хочу «глубин», не хочу литературы, не хочу «дел», хотя бы даже мог сделать гениальное. Безусловная ценность, знание Бога не наше, не «зеркалом в гадании» — в зыблущихся и крутящихся символах поэзии и философии, не вкрадчивые улыбки Софии, а все — или ничего<sup>1277</sup>! Рукой щупать Бога — думаю, что если это можно, то не иначе как чрез душу другого, Друга, — все наполнить сознанием незыблемости, рукой схватиться за «мышцею Сильного»<sup>1278</sup> ... Остальное все благословенно, свято, хорошо, но не есть, а будет только тогда. Только начнешь видеть, налетит туман, и все заволочено. Только пойдешь бодрым шагом, и ... стена. Я знаю, что грешен, знаю, что недостойн, я не бурчу и не жалуясь. Но... тяжело, хотя «да будет воля Твоя». Из всех поэтов читаю только Никитина.

Много Вас вспоминаю, дорогой Борис Николаевич, но чем чувствую Вас ближе, тем менее хочу ехать повидаться, так как знаю, что Москва и московская обстановка мне испортят настроение. Что касается до моих «письменных работ», то тут

<sup>1277</sup> «Формула ибсеновского Бранда “Все или ничего” была встречена с необычайным энтузиазмом. (...) Была как раз той формулой, которая выражала основные стремления того времени» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 554). Любопытно, что в статье «Религиозный смысл “Бранда” Ибсена» Свенцицкий этих слов вообще не упомянул, сосредоточившись на требовании «Выбирай — ты на распутье!» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 2011. С. 190). — *Прим. С. Черткова.*

<sup>1278</sup> Встр. 5 :15; ср. главу «Дружба» в книге «Столп и утверждение Истины».

я столько раз наталкивался на затруднения, что начинаю видеть в этом знамение, признаться сказать совпадающее с моими тайными желаниями. Печататься решительно негде: для одного журнала — слишком учено, для другого — слишком «в новом стиле»; для одного — слишком математично и т. п., другому противны элементы мистические и богословские. Одним словом, угодить ни на кого не могу, а изменять тот метод, который мне кажется настоящим моим путем (исследование понятий и синтез разнородных материалов), не могу по совести. В результате предпочитаешь больше думать, нежели писать. Все встает вопрос: «Для чего? Все равно останется в портфеле». Да по правде сказать, я вполне сочувствую редакциям, которые бы стали мне отказывать: что же печатать то, чего читать не станут. Впрочем, я лично рад данному обстоятельству: с более спокойной совестью могу менее отвлекаться от своей жизни и своей работы...

Прочел «Сфинкса». Особенно почувствовал «Зияния», «День Господень — тьма»<sup>1279</sup> А знаете ли, мистики говорят, что предпоследняя ступень лестницы восхождения<sup>1280</sup> — «сумрак веры», сумрак, т. е. как в торжественном еловом лесу — готическом храме<sup>1281</sup>. Вы, дорогой Борис Николаевич, многое поразительно как угадываете. Мне (простите!) часто кажет-

<sup>1279</sup> «Сфинкс» — статья А. Белого (Весы. 1905. № 90. С. 23–49). «Зияния» — название второй главы этой статьи, откуда Флоренский приводит не совсем точную цитату: «Горе желающим дня Господня! Для чего вам этот день Господень? Он — тьма, а не свет — тоже, как если бы кто убежал от льва — и показался ему навстречу медведь» (Амос 5: 18–20; Весы. 1905. № 90. С. 25).

<sup>1280</sup> Лестница восхождения в христианской мистике — различные ступени созерцания Божества (см. об этом: *Ладыженский М. В.* Свет незримый: Из области высшей мистики. СПб., 1912. С. 17, 201–215). «Лестница райская» — заглавие руководства к иноческой жизни прп. Иоанна Лествичника. В этом трактате иноческая жизнь предстает как непрерывное восхождение по лестнице духовного совершенства и освобождения от земных страстей.

<sup>1281</sup> Сумрак веры — об этом см.: *Ладыженский М. В.* Сверхсознание и пути к его достижению. СПб., 1912. С. 214.

ся, что сами Вы не хорошо знаете, что Вы угадали, не понимаете подлинной важности прозрения. Вот хотя бы Ваши Светозаровы и К<sup>1282</sup>. Да сознаете ли Вы, что Вы лучше выясняете ими сущность солярно-лунных мифов, лунного астартизма<sup>1283</sup>, приливов и отливов души от тяготения месяца. Вы выяснили мифы об Адонисе, Таммузе<sup>1284</sup> и проч., периодически умирающих и оживающих, учение о грехопадении (Хандриков), сути зла и проч., лучше, чем это выясняют многочисленные специальные тома по истории религии. Хвалить было бы слишком плоско, да и кто я, чтобы высказывать свое одобрение. Но говорю о своем восхищении, потому что, читая Ваши произведения, яснее, чем в иные разы, уразумеваю интимнейшую сторону в процессах познания и религиозного творчества...

Вот опять письмо, обрываемое десятки раз, пролежало несколько недель. Это не по лености: я думаю и работаю, Борис Николаевич. Но я одичал и ушел в себя за последнее время. И возвращаться-то назад не хочется: то, что кажется важным и живым, когда живешь в Москве, принимает довольно мизерный вид при взгляде издалека. Самохвальство же всяких «направлений» и «течений» невыносимо, не потому невыносимо, что раздражало бы, а потому, что становится жалко людей, жалко до боли и до слез. Вот проходит вся жизнь, совершается бесповоротная и невозвратимая потеря возможности сделать то, что можно сделать только в жизни. Кажется, будто в пустыне мы жаждем,

<sup>1282</sup> Светозаров — герой 4-й симфонии А. Белого «Кубок метелей».

<sup>1283</sup> Солярно-лунные мифы — в мифологиях архаического типа группа так называемых астральных мифов. Героями солярных мифов бывает Солнце, лунных, или лунарных, — Луна, при этом тот и другой персонаж находятся в сложных отношениях взаимодействия. Астарта — богиня любви и плодородия в некоторых семитских мифологиях, Луна в мифологических представлениях олицетворяет женское начало.

<sup>1284</sup> Адонис в греч. мифологии — полубог, прекрасный юноша, возлюбленный Афродиты, убитый на охоте вепрем. Таммуз — ассиро-финикийское божество, тождественное греческому Адонису.



а бесценные капли протекают сквозь пальцы, впитываются жадным песком, и, как ни сдавливаешь пальцев, вода все каплет. Об этом забываем мы и губим себя. Я не о смерти как о смерти говорю, потому что не верю в смерть и не боюсь смерти. Но сознание долга мучает, потому что смерть не позволит уже выполнить долга. Мы, христиане, чувствуем себя слишком свободно, чтобы не быть слишком ответственными за каждый вздох, за каждый взгляд, за каждое мгновенье. Никто не насилует нас; никто не тянет нас. Мы — в полной, безусловной свободе самоопределения.

На нас Отец не хочет производить даже давления, не хочет нас даже уговаривать. Он хочет, чтобы мы сами, свободные, пришли к Нему. И вот это-то полное доверие, это полное уважение к нашей личности, к нашим желаниям заставляет быть до конца серьезным...

Желаю Вам бодрости и радости. Христос с Вами. Искренно любящий Вас.

П. Флоренский

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1285</sup>

[31.01–2.02.1906]

С утра, т. е. к часу, пришел вдруг парижский знакомый журналист и писатель, еврей Поляков<sup>1286</sup>. Интересный сионист Моисеевского типа. Ушел. Готова ванна Вячеславу, но он бегаёт по комнате, отдавшись мыслям о двух статьях для «Руна». (...) Еще последняя приписка, через силу, но чтобы закончить: Вячеслав уже в ванне, а на столе планы обеих статей в «Руно».

<sup>1285</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 161–162.

<sup>1286</sup> Соломон Львович Поляков (также Поляков-Литовцев и С. Литовцев, 1875–1945) — российский критик, прозаик и публицист, корреспондент российской газеты «Русское слово»; писал на русском языке и на идише, с 1920 г. в эмиграции.

Вячеслав и Бердяев до полного моего головокружения говорили о свободе Воли, реализме и идеализме Богоисканий, Логосе и т. п., но у них жесткие мозги и сильные желудки, пищеварение совершалось *quand même*<sup>1287</sup>. Потом Вячеслав потащил-таки меня на Остров к Сологубу. Замаялась: слушала плохую аллегорию, наряженную в стильный, блестящий наряд. Были и Мережковские, и еще куча народа. Какой-то поразительный поэт из кружка Случевского<sup>1288</sup> Уманов-Каплуновский<sup>1289</sup> бегал с альбомчиком, зачатым в ночь на 9 Января 05 года, и ко всем писателям приставал вписать ему что-либо на общественную тэму. Все писали. Но я сделала бунтовскую грубость и отвязалась. (...)

Вчера Вячеслав поехал на Остров к Аничкову и Гревсу<sup>1290</sup>, а я была у старухи Корф<sup>1291</sup>, а потом у Гиппиус. От 5 до 8 сидела с нею и отчасти Дмитрием Сергеевичем. Оставили обедать. Гиппиус оказывается единственной женщиной, с которой можно разговаривать с пользой и наслаждением. Сдружились.

[1.02.1906] «Факелов» окончательно не будет в этом году. Театр будет, может быть, и грандиозный (Дягилев загорелся его внешней, архитектурно-художественной стороной и хочет строить), но с февраля 1907 года.

<sup>1287</sup> Тем не менее (*фр.*).

<sup>1288</sup> Литературный кружок («Пятницы») Случевского — литературно-общественные вечера, проходившие, как правило, два раза в месяц по пятницам с 23 октября 1898 г. до декабря 1903-го на квартире у поэта и писателя Константина Случевского (1837—1904). После смерти Случевского «пятницы» были переименованы в «вечера» и продолжались до октября 1917 г.

<sup>1289</sup> Владимир Васильевич Уманов-Каплуновский (1865—1939) — русский поэт, писатель, переводчик, Секретарь кружка петербургских поэтов «Вечера Случевского», коллекционер автографов.

<sup>1290</sup> Иван Михайлович Гревс (1860—1941) — русский и советский историк, медиевист.

<sup>1291</sup> Ю. М. Корф (Замятнина) — В. К.

[2.02.1906]...припишу Среду<sup>1292</sup>. Вечер был опять с новыми. Да еще многие не пришли из тех, кто собирался: Гревсы, Аничков, Гуревич Любовь Яковлевна<sup>1293</sup>, «Тропинка»<sup>1294</sup>, Венгеровы, Мережковские и т. д. Очень вышло оживленно. Вечер распался на две половины: литературную и философскую. 1) Читался мой «Бред» Вячеславом (ставилось на голосование, читать ли прозу в 200 строк без имени автора) мастерски, вы удивились бы! Как истинный актер, вжившийся в роль! Посылаю вещь вам: пусть Сережа разучит и прочитает! Впечатление «ошеломляющее»: долгое молчание, потом слова; но не умею их передать. Ничего важного, в сущности. «Сила», «Музыка», «Лирика», «Не может быть, чтобы не писали стихи!», «Ново, так ново, что ошеломило» и т. д. Но вот что важно: возмущение еще глухое, но уже яростное революционеров: «Не может ваш герой испытывать психологию революционера и усмирителя». Из таких неожиданных из нескольких углов нападков я вдруг поняла свою вещь, и... свою душу. Я анархистка последней глубины, но нет для революционера худшего и опаснейшего врага, как истинный анархист! О, как я люблю свой «Бред», это великое, гениальное произведение, в нем весь мир и весь приговор его. О, какое счастье, какое острое, молниеносное счастье так вдруг постигнуть все, все, все... дойти... не до последней ли своей мудрости? (...)

После «Бреда» читали поэты стихи, каждый по два. Председателем был Соколов, Факельщик. И..., представь себе, читала Оля Беляевская прелестное стихотворение «Новогодняя ночь» с «убрусами парчевыми». Что с нею? Она приходит к нам, сидит с людьми, вся в порыве творческом. Даже могла описать могилу Насти (мне одной про-

---

<sup>1292</sup> 1 февраля.

<sup>1293</sup> Любовь Яковлевна Гуревич (1866–1940) — русская писательница, литературный критик, переводчица, общественный деятель.

<sup>1294</sup> Имеются в виду Н. И. Манасейна и П. С. Соловьева.

читала эти стихи) и свою скорбь у креста могильного<sup>1295</sup> (...) Стихотворение Вячеслава «Солнце» (новое) произвело восторг и побило всех поэтов. Если бы ты знала, до чего он теперь стал прекрасно и кристально писать. «Сог Ardens» будет чудо и ближе к моим «Кормчим Звездам». (...)

А Среда наша закончилась очень интересным и строгим собеседованием на тему... Федор Сологуб! Это остроумно предложил и еще остро и хитроумно ввел Вячеслав, так оборудовав ее, что вышла под этим живым соусом тема Мистика и Религия<sup>1296</sup>. Говорилось горячо и очень глубоко

<sup>1295</sup> Речь идет о могиле дочери, умершей очень рано.

<sup>1296</sup> В. Пяст вспоминал по этому поводу: «Из литературных тем помню предложенную Вячеславом Ивановым беседу “О Федоре Сологубе”. Последний, помню, присутствовавший при выборе темы, протестовал, — а в знак протеста и совсем покинул собрание» (*Пяст В.* Встречи. С. 51). Не исключено, что именно к этому вечеру относится список присутствовавших, карандашом сделанный Ивановым: Бердяев, Блок, Сологуб, Габрилович, Байков (проф. Политехникума, юрист [нрзб]), Ю. Верховский (поэт), Нувель, Гернгросс (поэт) Ремизов, Ремизова, Рославлев (поэт), Пашенко (художник), Годин (поэт), Макс Ли (беллетристка), Чулкова, Крандиевская (поэтесса), О. А. Беляевская (беллетристка и поэтесса), Мирэ (беллетристка), Сюннерберг, Смирнов (филолог), Ковальский (беллетрист), Борис Зайцев (беллетрист), Тэффи (поэтесса), Давыденко (художник), Мальфетано (скульптор), Городецкий (поэт), Чапугин <Sic!> (беллетрист), Гордин (Наша Жизнь), Кондратьев (поэт), Андрусон (поэт), Соколов (юрист), Орлова (учительница). РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 7. Л. 46.

Впервые здесь появляются ставшие впоследствии навсегда Сред Вальтер Федорович Нувель, одушевлявший многие культурные предприятия и друживший едва ли не со всем Петербургом, а также писательница Александра Михайловна Моисеева (1874–1913), пользовавшаяся псевдонимом Мирэ (более подробно Зиновьева-Аннибал пишет о ней в далее печатаемых письмах). Наталья Васильевна Крандиевская (1888–1963) — начинающая поэтесса, впоследствии жена А. Н. Толстого; Алексей Павлович Чапыгин (1870–1937) — в будущем известный советский прозаик. Байков — возможно, Александр Александрович (1870–1946), известный ученый, но не юрист, а химик и металлург, с 1903 г. профессор Петербургского Политехнического института.

ко. Умы и сердца зияют и горят. Когда кончили, я подошла к председателю Бердяеву и написала на его листе крупно: Мистика есть воление Невозможного. Эта формула была принята собранием. Потом радостные, ласковые и богатые друг от друга все разошлись в 3 часа.

**А. В. Бельгард**<sup>1297</sup> — **П. К. Камышанскому**<sup>1298</sup>

[6.02.1906. СПб.]

Господину прокурору С.-Петербургской судебной палаты.

С.-Петербургский цензурный комитет, рассмотрев напечатанную в № 8 журнала «Полярная звезда» статью под заглавием «В. Свенцицкий. Открытое обращение верующего к Православной Церкви», нашел, что статья эта заключает в себе признаки преступления, предусмотренного п. 5 ст. 129 Уголовного уложения (Отдел 9 Закона 24 ноября 1905 года).<sup>1299</sup>

Вследствие сего Цензурный комитет постановил привлечь редактора этого журнала Петра Бернгардовича Стру-

<sup>1297</sup> Александр Валерьянович Бельгард (1861—1942) — российский государственный деятель, эстляндский губернатор, сенатор. 1900 года состоял членом совета Главного управления по делам печати. 4 марта 1905 года назначен начальником Главного управления по делам печати.

<sup>1298</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 215. Петр Константинович Камышанский (1863—1910) — прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты в 1906—1909 годах. Провел ряд политических процессов, вызванных революционными событиями 1905—1907 гг. Составил обвинительный акт по делу о Выборгском воззвании (1906 г.). — *В. К.*

<sup>1299</sup> Ст. 129. Виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения, или в распространении, или в публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих: (...)

5) к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы, наказывается: ... ссылкой на поселение или заключением в исправительном доме. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 25. СПб., 1908. С. 837—840.

ве (Вознесенский пр. 31, кв. 8), а равно и других лиц, могущих оказаться виновными по настоящему делу, к уголовной ответственности по силе п. 5 ст. 129 названного Уложения.

О таком постановлении Цензурного комитета Главное управление по делам печати, на основании ст. 1213 Устава Уголовного Суда, считает долгом сообщить на распоряжение Вашего Превосходительства.

№ 8 журнала «Полярная звезда» при сем прилагается.

Начальник Главного управления по делам печати Бельгард.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1300</sup>

[7.02.1906. СПб.]

Сейчас должна на блины к Ремизовым (приходила сама умолять), оттуда в университет в философское общество на реферат Мережковского «Достоевский и Революция»<sup>1301</sup>.

Вчера был у нас кружок так называемых «маленьких реаллистов» с их лидером Арцыбашевым, был Луначарский, Муринов<sup>1302</sup>, должен был быть Вейнберг<sup>1303</sup>, было целая

<sup>1300</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 164–167.

<sup>1301</sup> Речь идет о лекции Д. С. Мережковского под приспособленным для цензуры названием «О литературно-общественных идеях Достоевского», основанной на его большой работе «Пророк русской революции». Она состоялась 7 февраля в здании университета на закрытом заседании петербургского философского общества (см. подробнее: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. С. 241. — *Прим. В. Н. Быстрова*).

<sup>1302</sup> Владимир Яковлевич Муринов (1863–1919) — прозаик, публицист, издатель, книгопродавец.

<sup>1303</sup> Петр Исаевич Вейнберг (1831–1908) — русский поэт, переводчик, историк литературы, приват-доцент С.-Петербургского университета, председатель Литературного фонда, почетный академик.

кучи <Sic!> молодежи писательской. Человек 28! И я одна поила и ставила (с помощью Арцыбашева) твоей мамы самовар, увидев его в кухне, Арцыбашев воскликнул: «С таким самоваром вам нужно открывать трактир!» Читал повесть «Кровавое пятно» Арцыбашев. Это лучшая его вещь. Много «силы видения и благородный поступок», как сказал Вячеслав, открывая «обсуждения». Обсуждения затянулись до 4-х часов! Очень уж тема потрясающая: расстрелы в Москве. Ораторствовали много два адвоката: Луначарский и Волькенштейн<sup>1304</sup>. 1-й требовал больше подъема на завоевание бессмертного будущего спасенного человечества. Говорил Ивановский<sup>1305</sup> очень дельно и живо говорил о том, что революцию сделал «резонанс», а не вожаки и не со... деятели», всякие были всякими выставляемы требования, но в конце концов я сделала-таки «бунт» (уж смешно, как все меня знают и «раек» всегда «вопреки Олимпу» со мною). Я сказала несколько слов о том, что все мы «бродим вокруг» (на что Вячеслав с председательского места мне заявил, что это не парламентское и обидное определение, но я не уныла и продолжала), потому что не хотим ремесленно отнестись к рассказу, мы мало [нрзб] и потому малокультурны. Если бы мы разобрали по существу дела, то увидели, что упреки и похвалы (рассказу) относятся не к содержанию, а к его неправильному построению, где не всегда соблюдена перспектива, и если бы Арцыбашев усовершенствовал форму, мы не спорили и толклись бы, как это случилось!». Раек (я лидер Рай-

<sup>1304</sup> Владимир Михайлович Волькенштейн (1883–1974) — русский поэт, драматург, театральный критик и сценарист, с 1895 г. был владельцем и редактором журнала «Новое слово».

<sup>1305</sup> Владимир Николаевич Ивановский (1867–1939) — российский философ, приват-доцент Московского и Казанского университетов. Ученый секретарь журнала «Вопросы философии и психологии», впоследствии профессор философии историко-филологического факультета Казанского университета.

ка<sup>1306</sup>) и Муринов очень поддержали меня. С Луначарским и Арцыбашевым дружески объяснялась частным образом после. Но бунтовала порядочно в смысле срывания ораторов, так что Вячеслав после отчаянных и бесплодных звонков однажды сорвался с места председательского и перебежал всю комнату «усмирять» меня. «Что, досталось?» — спрашивал раек. Ушла в кухню, потом перебежала в другие двери скандалить. Вячеслав закончил собрание словами о Луначарском: «Наш критик желает быть пророком, но хуже, что он требует, чтобы и художник был пророком. Арцыбашев же только художник-историк».

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>1307</sup>**

[8.02.1906. СПб. — Ницца]

С.-Петербург. 8/II 06

Не писал Вам так долго, Бэла, потому что рад был своему выздоровлению от Вас. Ибо все-таки моя страсть к Вам на  $\frac{3}{4}$  или еще больше — болезнь, психопатия, и только частица в ней здоровья. И очень мало надежды, чтобы здоровая часть победила болезненную. Для этого мне нужна бы помощь Ваша, а Вы для этого ничего сделать не хотите или не можете. Теперь я почти выздоровел ~~от Вас~~. Увидимся ли в Ницце, зависит от того, захочу ли я выздороветь совсем. Может быть, и захочу. Может быть, Вы и сами поможете мне выздороветь ~~совсем~~. Вы уже сильно помогли ~~моему выздоровлению~~ письмом о «ревности». Это письмо было для меня, как ушат холодной воды. Другого, более примитивного и нормального человека ~~мысль о ревности~~ ревность воспламенила бы еще больше, а меня почти потушила...

Во всяком случае, если Вы действительно хотите, чтобы мы увиделись в Ницце, то вот мое условие: я приеду

<sup>1306</sup> Раек (*устар.*) синоним галёрки. — В. К.

<sup>1307</sup> Печатается с комментариями по: Быстров, 1994. С. 244–246.



к Вам один, и Вы будьте одна. Приезжайте ко мне навстречу в Cannes или в Antybes, где мы и увидимся. Вам Сколько времени останемся вместе и наедине, я не знаю — сколько захотим, сколько сможем. Никаких обязательств я не хочу ни с Вашей, ни с моей стороны. Каждый пусть уезжает тотчас, когда ему захочется. Вам неудобно такое условие? Опять — «ревность»? Ну что же, тогда не надо. Но иначе сделать я не могу и не хочу.

И если даже Вы согласитесь (думаю, впрочем, что согласитесь), то я все-таки не знаю, приеду ли к Вам: так я люблю здоровье и так мучительна мне всякая болезнь, даже сладостная болезнь страсти. Решу окончательно в Париже и тогда напишу Вам или телеграфирую что и подожду Вашей ответной телеграммы, что Вы выезжаете ко мне навстречу одна и принимаете мое условие: иначе не выеду, и если мы не согласимся, то уеду на Корсику или в Испанию, чтобы подальше быть от Вас (видите, как я любезен!). Пожалуйста, отнеситесь серьезно к этому предложению моему и не заставляйте понапрасну трястись на железных дорогах мои «старые кости»: будьте и Вы со мною любезны!

На это письмо ответьте тотчас же сюда, в Петербург. Выеду отсюда прямо в Париж не раньше 24–25 марта, но, вероятно, и не позже (все по русскому стилю)<sup>1308</sup>. Остановлюсь в Берлине день два, три дня и, значит, буду в Париже в первых числах нашего русского апреля. Напишите также на всякий случай и в Париж: Paris. Poste restante.

Здесь в Петербурге все спокойно, как в могиле. Насколько я знаю и чую политические веяния, ни о каких преследованиях Николая Максимовича не может быть и речи<sup>1309</sup>. Все вообще устали и как-то оглупели или впали в обморок.

<sup>1308</sup> Мережковские уехали за границу 25 февраля 1906 г.

<sup>1309</sup> Предположение Мережковского не оправдалось. Н. М. Минский вынужден был оставаться на положении эмигранта до 1913 г.

Философов отсюда уезжает послезавтра — вперед<sup>1310</sup>. И мы готовим сундуки, — из этого Вы можете заключить, что отъезд наш дело решенное и более не отложится.

Ну, до свидания — или простите, Бэла, Бэла милая, про-изношу Ваше имя, Бэла, с прежнею нежностью, потому что в страсти, несмотря на всю ее жестокость, есть все-таки нежность, и всего мучительнее, что никак нельзя узнать, что такое эта нежность — обман или правда. Но свобода лучше страсти — это все-таки правда для нас обоих несомненная? Не так ли, Бэла?

Всегда помнящий Вас

Д. Мережковский

### З. Н. Гиппиус. Дневник<sup>1311</sup>

[10.02.1906]

1906-го года пишу, 10-го февраля, почти через 5 лет после 29 марта 1901 года.

И через 3 года после последней записи.

Три года эти для Главного — были для нас самыми важными.

Господи, Твоя воля и сила, а во мне — любовь, вера, свет и радость. Чудесно все Твое.

Хочется подробно писать, но нельзя. Да и не упомнишь всего. Главное, страшное, светлое и великое.

Мама моя скончалась 10 октября, в пятницу, 1903 года<sup>1312</sup>.

У нее с осени, еще на даче, сердце болело, и все хуже было, и все видели, только мы, четыре сестры, ничего не видели. Точно глаза были удержаны.

<sup>1310</sup> З. Н. Гиппиус писала: «Философов уехал раньше нас, в Швейцарию, кажется, где были тогда его мать и сестры...» (*Гиппиус З. Дмитрий Мережковский*. С. 149).

<sup>1311</sup> Печатается с комментариями по: *Гиппиус З. Н. Собрание сочинений*. Т. 8. Дневники: 1893–1919 / Коммент. А. Н. Николокина. М., 2003. С. 102.

<sup>1312</sup> Анастасия Васильевна Гиппиус (урожд. Степанова, ?–1903).

Утром за мной прибежали, я пошла, а она лежит мертвая, на полу. Рука еще теплая, без пульса. Сразу, во сне.

Потом пришел доктор и сказал, что кончено.

Я лежала в комнатке под пледом и не плакала, а все спрашивала, где же любовь, ее любовь, если кончено. Ведь был, — и кончилась? Как же это может быть? Ведь моя не кончилась?

За сестрами Татой и Натой я послала. Записку. Они пришли. Окаменели сразу.

А я вот что забыла написать раньше, важное: в 1901 году 29 марта, т. е. после 29 марта, на другой день, Тата и Ната днем пришли, а я им почему-то в столовой попробовать из рюмочки оставшегося в бутылке красного вина дала, того. Тата сказала: «Какое, точно причастие». А я налила еще в рюмочку, к ней ландыш привязала и сказала: «Отнеси мамочке, пусть выпьет. Так и несите осторожно в рюмке», и отнесли, и она выпила.

Так вот и умерла наша мамочка. И тут все, что затаилось в нас, вдруг наружу вышло. Дмитрию надо было нас поддержать, и он свое со всей силой отдал. Умел раскрыть правду. Помог мне. И нам, сестрам.

Тут ясна стала и Тата. И Ната. И даже Ася<sup>1313</sup> тогда, на то время, вышла, только потом закрылась опять.

А Философов с первого дня, тотчас же, пришел к нам и так сразу подошел, и почти все время около был, я все время его видела — оглянись, тут, рядом, близкий, понимающий до дна, вместе страдающий.

Но у гроба в первый день вечером мы одни молились и Апокалипсис ей читали. «Отрет всякую слезу...»

На похоронах, когда могилу засыпали, мы вдруг все поцеловались, светло, друг другу «Христос Воскрес!» сказали.

И опять Философов тут близко где-то, помню.

---

<sup>1313</sup> Анна Николаевна Гиппиус (Ася, 1872–1942) — врач, религиозный публицист (псевдоним Анна Гиз). Сестра З. Н. Гиппиус. С 1919 г. в эмиграции.

Потом у нас все переменялось вскоре, Ася уехала, Та-та и Ната стали жить у нас, спали в столовой, а для вещей и работы рядом наняли крошечную, в две комнатки, квар-тирку, куда днем часто и уходили.

А вечером мы все молились вместе, «Отче наш» читали, «Дух Святой», «Матерь Божия», и еще сложилась сама мо-литва, чтоб мамочка за нас молилась.

А Философов все приходил, часто, и все ближе был. Мы с Татой и Натой понемногу говорили...

Началась тут еще мука с «Новым путем». Перцов отка-зывался; и продолжать можно было только, если Дмитрий Сергеевич роман Петра отдаст и будет новый редактор<sup>1314</sup>.

И уж видно было, что Философов любит нас и любил, любит наше и любил, и даже не как наше оно все, а как его же собственное, и это всегда было.

«Новый путь» — мое детище дорогое было, ему я много сил отдала. Оно, маленькое дело, родилось ведь из большо-го же, единого, Главного.

И Философов согласился быть редактором, Дмитрий Сергеевич отдал роман. И этим реальным делом выявилось наше единение, наша некоторая связь жизни.

Философов с Татой и Натой тоже сблизился. И несколь-ко раз был, когда мы все вместе молились.

Я с Татой говорила все больше. И выяснилось, что она не только понимает, а у нее все точно и было, только не опре-деленно так.

И у Наты, по-своему, по-особому.

Дмитрий Сергеевич на масленице был болен. Я много тут пережила.

На Иматру ездили вчетвером. Философов оставал-ся, но я его уже начала тогда особенно, по-новому, ощу-щать, знать о нем. Знать, когда ему хорошо, когда плохо.

---

<sup>1314</sup> Речь идет о романе Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» (Но-вый путь. 1904. № 1–5, 9–12), завершающем его трилогию «Христос и Антихрист». Летом 1904 г. редактором «Нового пути» стал Философов.

И чувствовала, что и у него что-то свое, но тяжкое, свое — но и наше.

Все время непрерывная началась внутренняя нужда в нем для всех нас. И вот Страстная неделя уже близка стала.

### П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну<sup>1315</sup>

[10.02.1906. Сергиевский Посад — Москва]

Книжку («Полярная звезда») получил. Со статьей Свенцицкого согласен вполне<sup>1316</sup>.

+ + +

Написать бы о необходимости привлечь к обсуждению религиозных вопросов крестьянство. Выяснить почву антагонизма с духовенством etc. Быть может, я пришлю Вам статейку для какой-нибудь газеты. Хорошо бы послать ее коллективно.

+ + +

О «взыскующих града» не успел справиться. Мне говорят, что это слово специально принадлежит бегунам, а не старообрядцам вообще и потому едва ли может быть найдено в старообрядческой литературе; взято из посла-

<sup>1315</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017 С. 215—217. После сверки с рукописью из АПФ внесена корректура.

<sup>1316</sup> См.: *Свенцицкий В.* Открытое обращение верующего к Православной Церкви // *Полярная звезда*. 1906. № 8. С. 561—564. (См. также: *Свенцицкий В. прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 65—68). Знаменательно, что начиналась статья словами «Я не могу молчать», через 2,5 года ставшими популярными после выступления Л. Н. Толстого. А единомыслие Флоренского со Свенцицким ярко выразилось в проповеди «Вопль крови», произнесенной спустя месяц в МДА. Очевидное сходство поступков и чувствований в обращениях к христианскому народу, многочисленные текстуальные совпадения (См. подр.: Переписка В. П. Свенцицкого и П. А. Флоренского // *Новый журнал*. 2011. № 264. С. 189) и данное письмо доказывают, что об «оппозиции» или неприятии Флоренским ХББ на тот момент не может идти речи.

ния к Евреям 13: 14. У меня в бумагах (материалы) имеется «Паспорт бегунов», но там «взыскивающие града» не помещены. Думаю, что в документах подобного рода Свенцицкий найдет нужную справку. Впрочем, я порасспрошу еще.

+ + +

Напишите, какого мнения Вы о «Догматизме»<sup>1317</sup>? Мне хочется дать целый ряд статей на эту тему, исследуя некоторые основные догматы, и предварительно интересно знать ваше (московское) мнение. Жду ответа. Деньги за январскую половину Ельчанинова получу на днях. Что с ними делать? Оттиски 2-й половины будут скоро. Попросите Ельчанинова или устройтесь как христианин, достать у Алабиной Татьяны Петровны (Москва Сокольники, Ермаковская ул. Городской Дом трудолюбия, Воспитательница приюта Алабина). «Приложение» к работе о Сперанском и проверить снятую копию. Тогда я скорее отдам в печать, а то она может слишком задержаться. Желательно, что былы доставлены поскорее. За пересылку уплочено.

Нельзя ли к письмам отца Серапиона «присовокупить» его портрет? Карточка у меня имеется на время.

+ + +

В предисловии непременно упомянуть просьбу ко всем читателям говорить о съезде крестьянам. Говорится обо всем, кроме того, что первое — о желаниях паствы. Ратующие за соборность подменяют олигархию высшего духовенства деспотией «интеллигентных (?)» христиан. Нужно знать подлинные желания крестьян, хотя этим, конечно, не исключается и параллельность известной проповеди. Но если будет церковная реформа проведена благодаря стараниям кого бы то ни было и вопреки или не в согласии с свободными решениями настоящей паствы (в интеллигенцию, как це-

---

<sup>1317</sup> Работа «Догматизм и догматика» была написана Флоренским во время Московского восстания и произнесена 26 января 1906 г. на заседании философского кружка при МДА (См.: *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. Т. 1. С. 550–570).

дое, я не верю в этом смысле; каждый из интеллигентов хорош, но все в общем «моему праву не препятствуй»; каждый желал бы ломать Церковь по-своему, а если это сразу не выходит, то сейчас же начинаются разговоры об устройстве «истинной» (!) Церкви, как будто Истинную Церковь, какова бы она ни была, можно выращивать при помощи чисто человеческих средств, чудо *generatio spontanea*<sup>1318</sup>), то, как бы идеально-хороша она ни была, да будет она проклята. Крестьян обижают все решительно. И не то еще важно, что их грабят или заставляют скверно жить, а то ужасно, что им хотят «благодетельствовать», не считаясь ни с личностями, ни с желаниями и, главное, со святынями... Итак, необходимо по возможности привлечь к съезду не интеллигенцию, а крестьянство; если невозможно иметь дела с большим количеством лично явившихся, то необходимы хотя бы письменные сношения... Снесться с батюшками по селам, кабы они помогли. А? У крестьян нет денег для проезда. А ежели бы добыть некоторые суммы для этого? — Второй мой вопрос — о старообрядцах разных толков. Им Собор важнее всего (клятвы). Как с ними снесться? Хорошо бы с редакцией ихнего журнала.

Может, она согласилась бы провести идею общеправославного съезда в своем журнале? Во всяком случае, предала бы гласности, может быть, даже сочувственно настроила бы... Старообрядцы (не беспоповцы) настроены самодержавно. Как тут? И т. д.

+++

Когда будете делать посылку мне, то пришлите конспект «Критики отвлеченных начал» и рисунок Распятия Веласкеза, взятое у меня Свенцицким. Последний (рисунок) ведь дан мне на память.

+++

Говорил с С. С. Глаголевым, профессором, относительно статьи для сборника.

<sup>1318</sup> Самозарождение (*лат.*).

1) он говорит, что неудобно (ему как профессору) писать на данную тему;

2) он по существу не согласен с неперменной теоретической необходимостью отделять Церковь от государства. Необходима «автономия церковных общин», необходимо, чтобы на Церковь не было давления со стороны государства, но это не исключает возможности для государства считаться с указаниями Церкви. Впрочем, он сам сказал, что тут более речь о словах. Путь революционный в этой области он считает могущим привести к... (не помню, как он сказал). Необходимо предварительно подготовить население. Общины содержать священников могут, но сейчас им придется выбирать священников не из своей среды, и это представляет ту опасную сторону, что без развития населения может развиться кондотьерство и расплодятся священники-авантюристы, предлагающие свои услуги на сходных условиях etc. Я не могу передать нашей беседы: долго. Почти во всем я лично с ним согласен. Относительно статьи (но не под предложенным заглавием, а под другим) — даст статью через неделю, так как должен уехать. по моим соображениям, нам выгоднее всего иметь статью именно от Глаголева, так как иначе может случиться, что мы получим либо статью слишком общую, либо консервативную в плохом смысле, либо же просто прогрессивную. С. С. Глаголев человек верующий и в то же время специалист по истории религий. Это дает ему много широты и терпимости и в то же время помогает сознательно воспринимать превосходство христианства.

Нужные мне книги по математике (Свенцицкому) ... [список]

Володя! Может быть, Вы можете попросить кого-нибудь из профессоров, чтобы Вам (для меня) выдали из архива канцелярии мои конспекты, представленные в государственную комиссию. Это, именно, лекции Млодзеевского по 1) Теории функций действительного переменного и 2) Дифференциальная геометрия. Мне они очень нужны,



особенно «теория функций», так как я туда собирал материал 1½ года. если можно, пожалуйста, как-нибудь пришлите мне. Я посылал прошение, но мне не дают. Хоть у Жуковского или Млодзеевского попросите записку. Пожалуйста...

— — —

О Серапионе готовлю. Писем дам много, так как все интересно. Но надо будет оговорить, что мы не со всем им высказываемым согласны. Это важно, так как иначе взвоят на нас то, в чем мы неповинны. Напишите насчет портрета и автографа.

Если можете, Володя, пожалуйста, купите или как-нибудь достаньте эту весьма нужную Троицкому книгу и вышлите поскорее. Деньги, хотите, пришлю, хотите как-нибудь передам. [другим почерком:] Бенедикт Спиноза. Трактат об усовершенствовании разума. Перс. с лат. Г. Политковского с прилож. главы из «Истории новой философии» Куно Фишера. Одесса, 1883 г.

### П. А. Флоренский — А. И. Флоренскому<sup>1319</sup>

[10.02.1906. *Сергиевский Посад — Тифлис*]

(...) Мы издаем в Москве сборник<sup>1320</sup>, посвященный предсоборным вопросам<sup>1321</sup>. Думается, что он будет интересен. Туда войдут письма отца Серапиона с написанным мною

<sup>1319</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017 С. 217–218.

<sup>1320</sup> «Вопросы религии»

<sup>1321</sup> «Широта и глубина мысли, жгучий характер трактуемых вопросов, смелый правдивый их анализ, художественная живая форма изложения, многие другие достоинства — все это делает “Вопросы религии” книгою, имеющею право на исключительный интерес, особенно в настоящее предсоборное время. Она является наилучшей апологией христианства и хорошим источником для всякого, кто хочет и стремится уяснить подлинное значение и сущность церковных вопросов в России» (*Церковно-общественная жизнь*. 1906. № 51. С. 1702).

очерком его личности, статьи Булгакова, Волжского, Карташева, мои, Свенцицкого, Эрна; может быть — Мережковского, Философова, Евгения Грубецкого, Рачинского и Глаголева. Это люди все с более или менее яркими убеждениями, хотя во многом далеко не совпадающими. (...)

**Н. А. Бердяев — А. С. Глинке**<sup>1322</sup>

[11.02.1906. СПб. — Симбирск]

11 февраля.

Петербург. Саперная ул. 10, кв. 6.

Дорогой Александр Сергеевич!

Простите, что не сразу ответил Вам, но я не мог сразу решить вопроса в «плане деловом». Я охотно согласился бы дать свои статьи для Вашей библиотеки<sup>1323</sup>, но есть одно деловое препятствие. Пирожков издает мою книгу (сборник статей)<sup>1324</sup>, что для меня во всех отношениях важно, а он, может, не согласится, чтобы статьи из сборника появлялись отдельными брошюрами. Во всяком случае, это очень затруднит мои занятия и мои <гонорары?>, а я так нуждаюсь теперь в деньгах, что приходится дорожить каждым гонораром. Я не даю Вам окончательного ответа, но это соображение может помешать. В таком случае я мог бы что-нибудь специально написать<sup>1325</sup> для Вашей библиотеки. «Меч»<sup>1326</sup> откладывается до осени, это во всех отношениях удобнее. Поэтому мне даже нужны места, в которых будут печататься мои статьи. Так как журнала больше [нрзб]

<sup>1322</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 1.

<sup>1323</sup> Речь идет о РОБ.

<sup>1324</sup> См.: *Бердяев Н.* Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. 1900—1906. СПб.: М. В. Пирожков, 1907.

<sup>1325</sup> См.: *Бердяев Н.* Рец.: Проф. Булгаков. Краткий очерк политической экономики. 1907. (РОБ. Сер. I. Вып. 1.) // Книга. 1906. № 4. С. 10—11.

<sup>1326</sup> Подробнее о сборнике см.: *Колеров М. А.* «Меч». Мечта о журнале (1906) // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 307—313.

не будет, то я решил приступить к книге о социализме и религии<sup>1327</sup> [нрзб]. Первая глава будет называться «Великий инквизитор». Дмитрий Владимирович<sup>1328</sup> уже уехал, Мережковские уезжают через неделю. Дмитрий Владимирович прислал мне чек, по которому я должен буду получать деньги [нрзб]. Что мне сделать с этими деньгами? Что «собирает» сборник? Жуковский выпускает [нрзб] номер «Вопросов жизни»?

Ваш Ник. Бердяев

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1329</sup>

[11–12.02.1906. СПб.]

Среда<sup>1330</sup> была небольшая благодаря игре литераторов на сцене Яворской<sup>1331</sup> — «Плодов Просвещения»<sup>1332</sup>. Но было уютно. Читались стихи. Изумительный, с ног сшибающий талант Городецкого<sup>1333</sup>. Пьяный поэт, пьяных слов,

<sup>1327</sup> См.: *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: изд. М. В. Пирожков, 1907.

<sup>1328</sup> Д. В. Философов.

<sup>1329</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 165–166.

<sup>1330</sup> 8 февраля.

<sup>1331</sup> Лидия Борисовна Яворская (урожд. фон Гюббенет, в замужестве — княгиня Барятинская, 1871–1921) — русская драматическая актриса.

<sup>1332</sup> Имеется в виду спектакль в Новом театре «при благосклонном участии Ю. Л. Безродной, барон. Е. А. Биля, З. А. Венгеровой, М. К. Куприной, Е. М. Манасеиной, П. С. Соловьевой (Allegro), В. Г. Чириковой, А. А. Черевковой, О. А. Химона, З. Ю. Яковлевой, Л. Б. Яворской, гг. Е. В. Аничкова, К. И. Арабажина, кн. В. В. Барятинского, К. С. Баранцевича, О. И. Дымова, В. Е. Ермилова, А. М. <Sic!> Куприна, Л. В. Македонова, В. А. Тихонова, Н. И. Фалеева, Ф. Ф. Фидлера, Ф. Н. Фальковского, В. В. Чехова, Е. Н. Чирикова, А. М. Хирьякова» (Новое время. 8 (21) февраля 1903. № 10 742. С. 4). Отчет Н. Носкова см.: Биржевые ведомости. 9 (22) февраля 1906. № 9187. Вечерний выпуск. С. 3.

<sup>1333</sup> Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) — русский советский поэт, переводчик и педагог.

пьяных образов, вакхически, хаотически закруживающий вихрь в нервах слушателей... Вячеслав прочитал несколько стихов, и одно с безумными, бьющими по сердцу рифмами<sup>1334</sup>. Пришлю. Большой эффект <Sic!> был. Читали еще молодые: Верховский<sup>1335</sup>, Фридман<sup>1336</sup> <Sic!>, Пяст. Противный Чулков удрал, а были два красивых стихотворения. Потом предложили и исполнили тему «О ритме», председатель Бердяев. Был композитор с Вечеров Современной музыки: Коротыгин<sup>1337</sup> <Sic!>. Беседа была глубоко интересная. Городецкий говорил о теории Бюхера<sup>1338</sup>

<sup>1334</sup> А. Б. Шишкин убедительно показал, что это знаменитое стихотворение, впоследствии названное «Мэнада» (*Шишкин А.* Симпозион на петербургской башне // Альманах «Канун». СПб., 1998. Вып. 3. С. 349–350). Там же замечания Иванова о прошедшей Среде.

<sup>1335</sup> Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) — русский поэт, переводчик, историк литературы. Верховский наряду с Кузминым и его племянником Ауслендером принадлежал к кружку стилизаторов русской словесности «золотого века». В некоторых публикациях их объединяют под названием «классических символистов».

<sup>1336</sup> Судя по всему, имеется в виду поэт круга «Нового пути» Дмитрий Наумович Фридберг (1883–1961).

<sup>1337</sup> Вячеслав Гаврилович Каратыгин (1875–1925) — российский музыкальный критик. С 1906 г. публиковался как музыкальный критик в журналах «Золотое руно», «Аполлон», «Театр и искусство», «Северные записки», газетах «Речь», «Наша газета», «Современное слово» и др.

<sup>1338</sup> Карл Бюхер (Bücher, 1847–1930) — выдающийся немецкий экономист, автор многочисленных трудов по истории первобытной культуры, народного хозяйства и рабочего движения. В области искусствознания Бюхер известен как автор нашумевшей в свое время книги «Труд и ритм» (*Arbeit und Rhythmus*. Leipzig, 1896). В этой книге систематизирован и подвергнут анализу звуковой и словесный материал, накопившийся в процессе чисто экономических изысканий, в частности при изучении древнейших форм рабочей ассоциации. Исследуя производительный процесс и технологию труда у диких народов, Бюхер пришел к тому выводу, что на первых ступенях своего развития работа, музыка и поэзия были органически связаны между собой, причем доминирующим и обуславливающим элементом являлась работа. Ритм «вытекает из внутреннего строения тела и из технических условий исполнения работы, то есть следует сам собою из применения экономи-

и Зелинского<sup>1339</sup> научно, о том, что ритм присущ человеку не только в искусстве, но и в обыкновенной речи и индивидуален. Вячеслав — о том, что ритм двоеначален, Аполлон и Дионис, и «очищает» от хаоса... Я протестовала, заявив, что ритм не сливает своих двух начал и может губить

---

ческого принципа к человеческой деятельности». Корни музыкального и поэтического ритма лежат всецело в рабочем ритме. Вместе с этим Бюхер дает картину зарождения музыкального поэзия из соприкосновения орудий труда с предметом обработки и — поэзия — из элементарной рабочей песни. Он доказывает, что возникновение поэзии из рабочего процесса «относится столько же к формальной, сколько и к материальной стороне поэзии». Для установления облегчающего работу ритмического контакта человек прибегает к рабочему крику, постепенно переходящему в рабочую песню. «Исходя из бессмысленных естественных звуков и возгласов, затем переходя к постоянно повторяющимся словам и предложениям, выражающим чувства работающих», рабочие песни «вскоре достигают более богатого и связанного содержания, или сопровождая ход работы лирическими отступлениями, или изображая какие-либо события, или награждая соучастников и посторонних шуткой, насмешкой и увещанием». Ритм этой поэтической речи не мог быть заимствован извне, он исходит из рабочих движений, при которых сокращение и растяжение мускулов соответствует арсису и тезису в стопе античного стиха.

<sup>1339</sup> Противоречие между либеральным рационализмом и символистическим вкусом к иррациональному разрешается профессором С.-Петербургского университета Фаддеем Францевичем Зелинским в представлении о правильном ритме, в котором культурно-историческую эпоху рационализма сменяет очередная эпоха духовного взлета: «...Исторический опыт доказывает нам, что человечеству нужна полнота миросодержания, охватывающая также и ту область, которая лежит за пределами опыта и основанного на опыте знания; нарушение равновесия в одну эпоху ведет естественно к его восстановлению в следующую» (Религия эллинизма. Пг., 1922. С. 136). Фактически это означает, что либеральный идеал культуры включает в себя религию и мистику как один из своих моментов. С этим связано представление Зелинского о том, что позитивное содержание христианства (этическая «заповедь любви», «задушевный символизм», сакральность эстетики) полностью восходит к Элладе, между тем как «роковая иудаизация христианства» внесла только дух нетерпимости (Древнегреческая религия. Пг., 1918. С. 121).

и разъединять строй, так же, как извлекать лики из хаоса...

11 час. утра. 11-ого Февраля

Вчера обедали у Жуковского с снеговерхими главами Кадетской партии: Струве, Франком, Борман и Ко<sup>1340</sup>. Жуковский передал Вячеславу, что Ростовцев<sup>1341</sup> просит свидания с Вячеславом и очень озабочен ненапечатанием Публиканов<sup>1342</sup>. Струве и Франк очень просили о статье для «Полярной Звезды». Кроме того, Жуковский устроил даровое печатание двух книг: «Религия Страдающего Бога» и сборника напечатанных статей Вячеслава. Придется наладить дело лично. Просили стихов и слушали с «вниманием и уважением», и вообще отношение самое почтительное к Вячеславу. (...)

Воскресенье 12 Февраля

Прервал письмо Чулков с проэктми, сметами и выкладками «Факелов». Повесть Андреева даст деньги на издание, хотя сама стоит огромного гонорара! Выходит без сомнения и «Прометей», и рвут оба мой «Бред»<sup>1343</sup>. (...)

<sup>1340</sup> Шутливое именование Ариадны Владимировны Тырковой (1869–1962), журналистки и будущего члена ЦК партии конституционалистов-демократов, Её первым мужем с 1890 по 1897 гг. был корабельный инженер Альфред Николаевич Борман, не имевший никакого отношения к шоколадно-кондитерской фирме «Жорж Борман и Ко».

<sup>1341</sup> Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) — русский и американский (в эмиграции) историк античности. Специалист по социально-экономической истории Древнего Рима и эллинизма, а также по античному Причерноморью. Автор научных и популярных работ, публицист. Академик Российской и Берлинской академий, профессор С.-Петербургского и Йельского университетов, почетный доктор.

<sup>1342</sup> Речь идет о диссертации Иванова на латинском языке, опубликованной лишь в 1910 г.

<sup>1343</sup> В первом альманахе «Факелы» была напечатана повесть Л. Андреева «Так было» и рассказы Зиновьевой-Аннибал «Медвежата», «Помогите вы: Бред красным карандашом», «Пасха» (под общим заглавием «Нет»). Трагедия Иванова «Прометей» была закончена много позднее (опубликована: РМ. 1915. № 1).

Кружится голова: 4 издания: 1) «Cor Ardens», к осени заготавливать, и тотчас 2) и 3) «Религия Диониса» и Дионисические его статьи, 4) Публиканы. Потом новые заказанные по теме статьи в пять изданий срочно, и драма «Прометей» дописать и издать осенью в Скорпионе.

Воскресенье был ужасным днем <Sic!>. Были у Розанова, который пленил нас ласкою и проникновенностью.

Мы с Вячеславом за последнее время нелепо, но сильно ссоримся из-за государственности, целостности России, славянском союзе и тому подобных святынях «национальных поэтов» вроде Пушкиных, Тютчевых, Никольских (!)<sup>1344</sup> и Ивановых.... А Розанов говорил, что у нас всегда медовый месяц, что мы страшно похожи друг на друга и душою можем даже разойтись, мирил нас, благословил и заставил на лестнице поцеловаться, предварительно заявив, что ему смертельная охота поцеловать меня, но сделает он это только через 1 или 2 недели (срок выздоровления его жены! это старичок из деликатности душевной). Только уж руку поцеловал! Смех, и трогательно. Уехали в 11 к Сологубу. Тот читал конец «Мелкого Беса» (слабо и неважно, т. е. не насыщенный хлеб) до 4-х утра. А после 4-х, до 5 объяснение с Вячеславом, очень бурное и, увы, в результате которого Сологуб явился мне таким беденьким, бьющимся о свои грани и о свое ненапитанное тщеславие зверьком. Все-таки всеми правдами и неправдами помирила их. А вышло все из-за чертей сплетен и наускиваний, чертей, так обильно обитающих в литературном болоте. Только Вячеслав до сих пор не принял еще к этому болотному душку и разгуливает невинным обормотом. Хотел Вячеслав сделать «доброе» Сологубу, а тот «увидел» себе обиду и оскорбление. Смешно и глупо. Ну, пока еще все устрои-

<sup>1344</sup> Борис Владимирович Никольский (1870–1919) — поэт, историк литературы, переводчик с древних языков, правовед, профессор Юрьевского университета, публицист консервативного направления. Сотрудничал в «Новом времени». Приобрел известность в «Русском собрании» и в «Союзе русского народа». Расстрелян по приговору ВЧК.

лось, но, увы, мы оба потеряли истинное уважение к нему и к тому же убедились, что обманывали себя наивно в его чувствах якобы дружбы и любви к нам.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал (Вяч. Иванов) —  
М. М. Замятниной<sup>1345</sup>**

[13.02.1906. СПб.]

Дорогие мои, и сегодня даже не знаю, что удастся написать. Это была не неделя, а пожарная скачка. Сажу в зале в уголке. У окна по обе стороны стола с красным сукном сидят Вячеслав и Сомов друг против друга. Вячеслав [нрзб] к окну так, что падает мягкий, но ясный свет из небольшого высокого окна в глубокой готической амбразуре на одну половину лица, освещая и второй глаз. Сомов пишет карандашом черным голову и часть бюста с рукой. Потом будет слегка расцвечивать цветными карандашами. Он приезжает, начиная с субботы, ежедневно от часу до 4-х и дольше... Вот уже много раз отрывалась для беседы бесконечно тонкой, изящной и интересной с этим тонким, изящным, детски геньальным художником... Вот только что позвонила Allegro и читает с Вячеславом свое стихотворение рядом в кабинете, Сомов что-то устраивает в своем рисунке и рассуждает со мною о моей привычке писать лежа с (твоей) [нрзб] в руке, опершейся о локоть... Сомов на днях сказал: «Мне хотелось бы просить у вас позволения написать дуэт вас масляными красками. Лидию Дмитриевну вот в этом прекрасном красном хитоне. Только мне хотелось бы оранжевую шаль!» Мы, конечно, были очень счастливы, но боимся, что при его ужасной занятости несколькими заказами здесь и из Германии он не найдет времени... Но оранжевая идея меня воспламенила, и вчера урвала час (кстати, там же у Гостиного двора сделала позорно запущенный визит) и разыскала оранжевого, горящего кашемира.

<sup>1345</sup> Печатается по: Богомолов, 2009. С. 174–175.



Сегодня солнце и зимнее сверкание. Светла Сомова в светлый кабинет с его двумя арками-окнами и накинула на себя красную — оранжевую ткань. Он пришел в судорожный восторг, от этого смешения прямо спазмы были с ним. Примерялся так и иначе, нашел, что цвет тела зеленый от этого оранжевого, велел отрезать кусок ткани так, чтобы спадая через спину и перевесив локти, она достигала двумя змеями оранжевыми полу.

**Л. Н. Толстой — Г. Е. Бычкову**<sup>1346</sup>

[13.02.1906. Ясная Поляна]

1906 г. Февраля 13. Я. П.

Григорий Егорович,

Так как я считаю всякое насильническое правительство с войсками, тюрьмами, податями, одинаковым злом, при котором не может быть осуществлена справедливость, то для себя полагал бы дурным делом всякое участие в выборах членов какого бы то ни было правительства: монархического, конституционного ли республиканского. Что же касается до выбора той или иной партии, то я считаю, что участие в какой бы то ни было из них одинаково вредно, как, простите меня за сравнение, одинаково вредно и дурно напиться водкой, вином или пивом.

Разъяснение моих взглядов на этот предмет и о том, как нужно относиться к теперешнему движению самому главному элементу русского народа — крестьянству, я высказал в последней моей книге: Конец века.

Лев Толстой.

<sup>1346</sup> Печатается с комментариями по: Толстой. ПСС. Т. 76. С. 96–97.

Григорий Егорович Бычков (1867–?) — крестьянин д. Федорино Калужской губ., в 1906 г. конторский служащий. Ответ на письмо Бычкова от 10 (?) февраля 1906 г.: «Будьте добры ответить, следует ли участвовать в выборах представителей в Государственную думу и в какую лучше записаться партию: конституционно-демократическую, Союз 17 октября или Союз русского народа».

**А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>1347</sup>**

[13.02.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Ты спрашиваешь, что тебе делать с деньгами, которые ты получишь за мою статью. Я думаю, самое лучшее будет выслать их нам, удержавши что следует переписчику, корректору и на все прочие расходы. Оттиски я получил, за что очень тебе благодарен. Валентин Павлович<sup>1348</sup> и Эрн постараются к четвергу выполнить твои поручения. Прощай. Твой С.

**К. М. Аггеев — В. П. Свенцицкому<sup>1349</sup>**

[15.02.1906. СПб. — Москва]

Дорогой Валентин Павлович. По поводу Вашего «Обращения»<sup>1350</sup> мною было послано Вам 3 письма. Получены ли

<sup>1347</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 218.

<sup>1348</sup> В. П. Свенцицкий. — *В. К.*

<sup>1349</sup> НИОР РГБ. Ф. 348.1.2. Л. 2—1. Почт. шт.: СПб. 15.02.1906, в Москву.

<sup>1350</sup> «В начале истекающего года идеалист-христианин Валентин Павлович Свенцицкий прислал мне нервами истрадавшей души написанное “Открытое письмо” по поводу тех ужасов, которые пережила Москва за неделю вооруженного восстания. Глубоко возмущенный тем, что кровь лилась с одной стороны во имя Христа... В. П., для которого вера во Христа — все, умоляет Церковь прийти на помощь его страданиям: научить его, успокоить своим святым голосом по поводу бывших страшных событий — сказать, что убийство и Христова вера не имеют между собою ничего общего, наложить на своих чад духовное наказание в виде епитимьи, поста... В. П. просил меня поместить его письмо в одном из периодических изданий. Я замедлил исполнением его просьбы. Через несколько дней я получил второе письмо с тою же просьбой, а на другой день он пришел ко мне с своими друзьями. Подождите, говорили мы, лучшего времени. Теперь вы не услышите голоса Церкви, а если и ответят вам от имени последней, то это могут быть самозванные речи. — “Я не знаю, в каких эмпирических формах услышу я голос Церкви, но я верю, что его услышу. Я не могу ждать более, психологически не могу”. — Мы замолкли. Мне казалось и тогда и те-

они? (2 письма и бандероль) Во всяком случае, простите за медленность исполнения поручения.

На днях я получил из редакции 22 руб. за Вашу статью, каковые деньги высылаю Вам завтра. Получил их во время перевозки своей на новое место, потому и замедлил несколькими днями. И сейчас еще не знаю, где в новом месте обитает почта. Во всяком случае, на этой неделе они будут в Москве. Перешел я на должность законоучителя самой «буйной» гимназии *Ларинской* и настоятелем гимназической церкви. Чувствую себя отлично.

Не так давно получил письмо от князя Евгения Николаевича Трубецкого, чрезвычайно порадовавшее меня. на другой же день послал ему письмо с изъявлением полной готовности быть полезным, чем могу. на днях посылаю ему еще с указанием нескольких подходящих сотрудников. Отзовитесь вы с Владимиром Францевичем.

Пока — в периоде устройства своего угла. Надеюсь со второй недели заняться кое-чем в области вопроса о т. н. христианском социализме.

Целую Вас и Владимира Францевича. Любящий священник К. Аггеев.

Мой теперешний адрес: СПб. Васильевский остров, 6 линия, Ларинская гимназия.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>1351</sup>

[15.02.1906. СПб. — Киев]

1906. II.15

Васильевский Остров. 6 линия. Ларинская гимназия.

---

перь, что всем нам было как-то стыдно; пред нами сидел человек той веры, которая способна горы двигать, а мы холодным скептицизмом невольно усиливали боль его души» (Аггеев К. Доколе... // Век. 24 декабря 1905 (6 января 1906). № 7. С. 84—85). — *Прим. С. Черткова.*

<sup>1351</sup> Печатается с комментариями по: *Балакишина*, 2014. С. 365—367.

Сижу, дорогие мои, уже в гимназии. Переехали в понедельник на 1-й неделе. Указа пока еще не получал, но вступил по бумаге из Округа в отправление всех своих обязанностей. Сегодня почти уже прибрана квартира. Пишу это письмо за письменным столом.

С понедельника вечером начали великопостную службу. «Вступал» в Воскресенье.

Все чувствуем себя великолепно. Я с особой радостью вхожу в приходскую деятельность. Сослуживец мой — хороший человек, — разумею диакона. Отличный голос: он бывший солист Исаакиевского собора. Несколько грубоват, но, кажется, в твоем стиле! на Великий пост нанял 6 человек певчих за 180 рублей. Служба идет отлично. Прихожан ходит много. Кажется, никакого разочарования я своей персоной не внес. А моя проповедь очень понравилась. У меня с деятельностью среди рабочих развился проповеднический зуд. Думаю говорить по возможности за каждой службой хотя бы по 10 минут.

В субботу предстоят большие труды: исповедников слыше 300 человек, и это на один день. Уроки мне распределили удобно для исполнения приходских обязанностей. Пройдет дня два, и примусь за кабинетные работы.

Люсю<sup>1352</sup> взял из Института: действительно, лучше совсем развязаться. Пока она будет заниматься с учительницей дома, а затем поступит на месяц в гимназию Шафе — через два дома от нас — и будет держать экзамен во 2-ой класс. Гимназия — лучшая, хотя кусается — 160 р. право учения, но мне, как педагогу, кажется, есть скидка.

Был вторично у Гагарина<sup>1353</sup>. Беседовал долго с ним и с княгиней. Боюсь сказать, но, кажется, дело ладится.

<sup>1352</sup> Елена Константиновна Кисиль (урожд. Аггеева 1894—1970) — дочь священника К. М. Аггеева. — В. К.

<sup>1353</sup> Возможно, имеется в виду кн. Андрей Григорьевич Гагарин, который с 1900 г. занимал пост директора Петербургского политехнического института.

«Номерная звезда» князю пришлось по вкусу. Вопрос решится, кажется, теперь же. Институтский персонал, живущий в одном доме, чрезвычайно осторожно принимает в свою среду новых лиц. Им, а особенно князю, нужны «известности». Вот и вопрос, подойду ли я под эту мерку. С князем мы уже говорили о постановке лекций по богословию. Но... не верится. Отпуск я взять не могу. К моей квартире примыкает приготовительный класс: прямая дверь в него, на каникулярное время он присоединяется ко мне. Как хорошо было бы, если бы всей семьей приехали к нам на страстную и на Пасху. Отдохнули бы мы все всласть. А службу-то какую бы совершали! Ведь этот проект очень исполним. Расходы на дорогу окупятся, а если получу институт, я вышлю Вам всем билеты.

На днях иду к князю Оболенскому. Просят меня из Москвы быть у него и сократить Владимира<sup>1354</sup>, который думает возбудить дело против Попова<sup>1355</sup>. («Богословский Вестник»). Говорливый князь заговорит со мной о предсоборной комиссии. Думаю со всевозможным тактом подвинтить его и подготовить к борьбе с реакцией... Ожидаю письма по поводу Трубецкого<sup>1356</sup>.

Целую крепко.

Любящий свящ. К. Аггеев.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>1357</sup>

[16.02.1906. СПб. — Киев]

1906. II. 16.

Васильевский Остров. 6 линия. Ларинская гимназия.

<sup>1354</sup> Митр. Владимир (Богоявленский).

<sup>1355</sup> Имеется в виду конфликт вокруг считавшегося «либеральным» проф. МДА И. В. Попова.

<sup>1356</sup> Возможно, речь идет о сборнике статей памяти кн. С. Н. Трубецкого.

<sup>1357</sup> Печатается с комментариями по: *Балакишина*, 2014. С. 367–369.

Ты неправ, дорогой Петр Павлович, по отношению к графине. В данном случае мыслите и чувствуете заодно с моей женой. Вами руководят, наперекор всему, любовь ко мне и известная доля обиды. Я лично ничего к ней не чувствую и понимаю ее. Задолго до окончательного разрыва по поводу ее письма к тебе — какое недоразумение! — я говорил ей: «Ваш путь неизбежно ведет к инквизиции, а наш отрицает ее и по отношению к Вам Вы писали Петру Павловичу обо мне. Но знаете ли Вы, что первого погнали бы Вы его. Вот тут — то и трагизм Вашего положения!» Это же я повторил ей во время самого последнего разговора. Она, никогда не плачущая, тут плакала, и разрыв со мной считала чуть ли не одним из главных во всей ее жизни... Всего этого вы не хотите понять за мотивами личности: ведь у Вас обоих любовь ко мне — любовь к себе. Уступая жене, в полном согласии с тобою, я взял Люсю, и знаю, что нанес этим новую рану, как ни маскировал свой поступок

-----

Чувствую себя как никогда в Петербурге. Квартира не так тесна. Но какие удобства! Электричество всюду. Ванна. Из моего кабинета — детской спальни — вход в учительскую и телефонную через приготовительный класс. К сослуживцам пришел с неким ореолом. Церковь полна прихожан. Ведь действительно трудно найти чего — либо лучшего. При 18 уроках я получаю вдвое больше прежнего, и лето свободное. Петро уже ходит в класс. Вандро — на следующий год<sup>1358</sup>.

Имею два урока на вечерних курсах Стоюниной<sup>1359</sup> в «революционной» школе. на прошлом уроке — объяснение мо-

<sup>1358</sup> Речь идет о двух старших сыновьях о. Константина — Петре (род. 1896) и Иване (род. 1898).

<sup>1359</sup> Мария Николаевна Стоюнина (урожд. Тихменева, 1846–1940) — основательница частной женской гимназии в Петербурге; с 1922 г. в эмиграции.

литвы Господней — были посетительницы из высшего педагогического мира — жена председателя Педагогического Общества академика Фаминцина<sup>1360</sup>. «За всю жизнь впервые слышу такой урок. Можно мне не для занятий с моим сыном, а для себя лично посещать Ваши уроки», — говорила мне при руководителях этой школы. Даю там уроки с большим пафосом. Во 2 классе 30 учениц — и все уволившиеся — цвет гимназий. Сидят как вкопанные. А катехизис — моя специальность.

-----

Вчера, как только опустил тебе письмо, получил письмо от Карташева. Он взялся заведывать религиозным отделом в новой газете «Страна»<sup>1361</sup>. Просит деятельного участия — моего и твоего. За тебя я ручался ему. Газета Кадетская. Редактор, кажется, Иваньков. Видел сегодня на тумбах объявление.

Пиши и шли мне.

В «Руководство для сельских пастырей» — пришлю деньги. Решительно не могу писать для них. Мука невыносимая. А удастся что — к ним не подойдет. Ведь не подошло бы к ним ни «Так ли виноваты они», ни «Церковь и Государство». А эти вещи — из удачных: Чувствовал это, когда писал. Первый был признак: написал за один присест.

Прошу посерьезнее подумать о Пасхе и приезде к нам. Дружеский долг должен заставить Вас прикатить. Я слишком нуждаюсь в успокоении, а вы с Анной Елисеевной дадите мне его. Жду ответа. Деньги на дорогу, во всяком слу-

<sup>1360</sup> Андрей Сергеевич Фаминцин (1835—1918) — ботаник, ординарный профессор С.-Петербургского университета, ординарный академик Императорской С.-Петербургской Академии наук, общественный деятель.

<sup>1361</sup> «Страна» — ежедневная, политическая, общественная и экономическая газета, выходившая в Санкт-Петербурге в 1906—1907 гг. по своему направлению примыкала к Партии демократических реформ, образованной вышедшими из партии кадетов умеренными либералами. — В. К.

чае, я могу выслать, ты мне заслужишь их своим псаломничеством в Великий Четверг.

Крепко целую вас. Любящий свящ. К. Аггеев.

**С. Н. Булгаков — М. Э. Здзеховскому<sup>1362</sup>**

[17.02.1906. Москва]

Москва, 17 февраля [1906].

Глубокоуважаемый Мариан Эдмундович!

Сердечное Вам спасибо за Ваши усилия сблизить и познакомиться наших западных соседей с нашими идеями. Простите за запоздалый ответ, я был в отъезде на выборах, а теперь иду в Государственную Думу как ее член. Потому сейчас буду краток. Ваши представления об архиерейском «либерализме» преувеличены, и вообще, за совершенно единичными исключениями (например, Кирион<sup>1363</sup>), наш епископат отличается пороками бюрократического властолюбия, и этим определяется и его позиция, занятая относительно участия мирян в соборе. Отрицать это право, стоя на почве даже самой консервативной церковной ортодоксии православия, невозможно, но епископат в целом стремится свести влияние мирян к нулю, наделив их «совещательным» (?) голосом<sup>1364</sup>.

<sup>1362</sup> Печатается с комментариями по: *Воронцова*, 2010. С. 108–109.

<sup>1363</sup> Очевидно, епископ Орловский и Севский Кирион (Садзалишвили, 1855–1918), затем архиепископ Мцхетский и Тбилисский, в сентябре 1917 г. избран Грузинской автокефальной Церковью католикосом-патриархом всей Грузии под именем Кирион II. 27 июня 1918 г. его нашли убитым в патриаршей резиденции в Марткопском монастыре.

<sup>1364</sup> 17 марта 1905 г. в присутствии митрополитов Московского, С.-Петербургского и Киевского, под председательством митр. Антония (Вадковского), обер-прокурора В. Саблера, было принято решение о необходимости созыва Всероссийского церковного собора, на котором предполагалось провести выборы патриарха (Русское слово. 28 марта (9 апреля) 1905. № 78. С. 2). То, что патриарха должны были выбирать одни архиереи, вызвало протесты в печати, писали о необходимости



Прения предсоборной комиссии<sup>1365</sup> изобличают всю безжизненность церковной бюрократии и это стремление, хотя вполне возможно, что с католической точки зрения некоторые мнения, которых не решаются опровергать открыто даже наши охранители, покажутся смелым новшеством. Но это объясняется догматическими различиями восточной и западной церкви, особенно после Ватиканского догмата<sup>1366</sup>. Полные протоколы прений предсоборной комиссии с выдержками и из архиерейских отзывов о соборах и церковной реформе (собиравшейся совершенно бюрократически по инициативе Победоносцева) Вы найдете в следующем издании: «Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия». Т. I, стр. I–XIII и 1–694 и том II, стр. 1–674.

---

участия в выборах патриарха и мирян (См.: *Новоселов М.* О воссоздании живой церковности в России // Русское дело. 24 марта (5 апреля) 1905. № 11. С. 3; *Он же.* Церковные вопросы // Русское дело. 23 апреля (6 мая) 1905. № 17. С. 3; *Он же.* Голос мирянина // Русское дело. 31 марта (12 апреля) 1905. № 13. С. 3). Резолюция Николая II от 31 марта 1905 г. на докладе членов Синода гласила о невозможности «в переживаемое ныне тревожное время» созвать Собор, созыв Собора был отложен. Синод решил просить епархиальных архиереев высказать свое мнение о необходимых для Церкви реформах. 27 июля 1905 г. вышел соответствующий указ в «Церковных ведомостях». См.: *История Русской Церкви.* Кн. 8. Ч. 2. М., 1997. С. 696.

<sup>1365</sup> 27 июля 1905 г. К. Победоносцев разослал епархиальным архиереям опросник относительно реформ в Церкви. Записки архиереев составили три фолианта «Отзывов епархиальных архиереев» и том «Прибавлений» к ним. по вопросу о составе Поместных соборов часть архиереев была решительно против участия приходского духовенства и мирян, часть — за соборы епископов, приходского духовенства и мирян с равными решающими голосами. В марте 1906 г. Николай II разрешил созвать Предсоборное присутствие с участием епископов, духовных лиц, ученых и общественных деятелей, под председательством Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) для обсуждения «Отзывов» и подготовки будущего Поместного Собора (1917–1918). Присутствие засело до декабря 1906 г.

<sup>1366</sup> В 1870 г. на 1-м Ватиканском соборе был провозглашен догмат о непогрешимости в вопросах веры верховного понтифика Римско-католической церкви, приведший к усилению централизации власти Римского папы.

СПб., 1906, цена по 2 руб. за том. Мнения более либерально настроенных церковников (отнюдь не выходящих за пределы существующего учения церкви) Вы найдете в изданном в Москве сборнике «Перед церковным собором». Москва, 1906. Надежды церковной бюрократии удержать власть и для этого фальсифицировать собор тесно связаны с поддержкой теперешнего правительства и рушатся с его крушением. Я лично надеюсь, что собор как лжесобор совсем не состоится (за внутренней ненадобностью), но если изменятся к лучшему политические условия России и клерикальная бюрократия потеряет опору со стороны бюрократии светской, то великие препятствия к реформе церкви будут в значительной степени устранены, а как велики внутренние препятствия, об этом мнения среди нас расходятся, и вопрос этот еще не ясен, может быть ясен только для веры.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1367</sup>

[17.02.1906. СПб.]

(...) Среда<sup>1368</sup> вышла колоссальная: 41 человек, причем многие не пришли из собиравшихся быть. Тема была: Социализм и Искусство на канве лекции в Религиозном Обществе где-то... Аничкова. Он поставлял тезисы, и они обсуждались. Ему не позволили повторить лекцию подряд, так как все боялись соскучиться лекцией (у нас на Средах мало ewiger Studenten!<sup>1369</sup> Вот в чем горе, Мару!). Но вышло, пожалуй, хуже. Плохо довольно, ибо Аничков не сумел ясно формулировать и путанно шли прения. Раек бунтовал. Я поставила предложение: «Не живет ли и не гениальнее ли подойдем к теме, если начнем с последнего тезиса, кстати, он тогда окажется парадоксом и будет веселее!» Это было дерз-

<sup>1367</sup> Печатается с комментариями по: Богомолов, 2009. С. 168.

<sup>1368</sup> 15 февраля.

<sup>1369</sup> Вечных студентов (нем.).

ко и не принято Олимпом, но послужило громоотводом на время для страстей райка и все же поторопило угрозою философов? Аничков было рассердился, но я ему потом «приватно» напомнила «Le Promethee mal enchainee»<sup>1370</sup> и как он читал лекцию при помощи fusees<sup>1371</sup> и photographies неприличных! и сказала я Аничкову: «Радуйтесь, что до второго не дошло, а первое я пустила, чтобы удержать для вас внимание публики!» После прений, во время которых Вячеславу не удалось, так как очень торопили председателя бунтовавшие, произнести своих слов, отчего все и вышло как-то сбивчивое и тусклее обыкновенного), вотировалось чтение стихов. Вызвал опять одобрение, смешанное с изумлением на странную новизну мелодии (именно больше новизны мелодии, по-моему, нежели ритма) Городецкий и безусловный восторг Вячеслав одним еще в Москве написанным стихотворением «Неотлучное». Мережковский принес свою новую книгу «Грядущий Хам» с дружеской (нахальной, по-моему) надписью, но в книге оказались полемические красоты непорядочного свойства, направленные на Вячеслава (подлые клеветы притворщика и негодяя Мережковского, по-моему). Оба они коварные предатели, и это последнее и окончательное мое мнение, плюс еще, что Гиппиус — циничная девка).

В общем, все-таки сошло пышно и затронуло не одну глубокую струну. Много уже, заметь, новых посетителей и молодежи.

### Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятиной<sup>1372</sup>

<sup>1370</sup> «Плохо прикованный Прометей», сатирическо-гротескное произведение Андре Жида (первое издание: Париж, 1899). Автор выражает глубокое отвращение к банальности буржуазного мира и к литературным вкусам обывателя. Проповедь свободы личности оборачивается фарсом о Прометее, съевшем на завтрак своего орла и восхищающемся Мелибеем, который шествует по Парижу счастливый, беззаботный, под звуки флейты.

<sup>1371</sup> Здесь: пиротехнические эффекты (*фр.*).

<sup>1372</sup> Печатается по: *Богомолов*, 2009. С. 169.

[20.02.1906. СПб.]

(...) Сидим за твоим самоваром. Вячеслав перелистывает газету. Оба проснулись в пять часов и оба от навязчивых образов не могли заснуть. Вячеслав написал прелестные стишки еще о бессоннице и письмо некогдаю Мережковскому, нелепо ласковое и великодушное. (...)

**Вяч. И. Иванов — Д. С. Мережковскому**<sup>1373</sup>

[После 17.02.1906]

Дорогой Дмитрий Сергеевич.

<sup>1373</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “Земля”». Письма. Автобиография (1926). Публикация, вступительная статья и комментарий Г. В. Обатнина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 161–164. Оригинал: ИРЛИ. Ф. 607. Оп. 118. Л. 118. Черновой автограф карандашом. Датируется по содержанию.

Отношения между В. Ивановым и Д. С. Мережковским к 1906 г. уже не носили того безмятежного характера, как в период напечатания «Эллинской религии страдающего бога» в 1904 г. в журнале Мережковских «Новый путь» (см. письма Мережковского к Иванову этого времени — НИОР. Ф. 109. К. 29. № 91). После предварительного обмена полемическими выпадами в 1904 г. (стихотворный ответ Иванова «Лицо или маска?» на статью Мережковского «За или против?» // Новый путь. 1904. № 9. С. 270) писатели продолжали расходиться в своих позициях. Анализ идей Мережковского Иванов провел в статье «Апокалиптики и общечеловечность» (Весы. 1905. № 6. С. 35–39). Публикуемый черновик, видимо, неотправленного письма является откликом на книгу Мережковского «Грядущий Хам» (СПб., 1906), которую он подарил Иванову в феврале 1906 г. Л. Д. Зиновьева-Аннибал сообщала об этом М. М. Замiatниной: «Мережковский принес свою новую книгу “Грядущий Хам” с дружеской (нахальной, по-моему) надписью, но в книге оказались полемические красоты непорядочного свойства, направленные на Вячеслава (подлые клеветы притворщика и некогда Мережковского, по-моему). Оба они, наверно, предатели, и это последнее и окончательное мое мнение плюс еще что Гиппиус — уличная девка» (письмо от 17 февраля 1906 г. — НИОР РГБ. Ф. 109. К. 23. № 16. Л. 19 об. — 20).

Об истории этих отношений см. статью: *Rosenthal B. G.* From Decadence to Religion. Ivanov and Merezkovskij // *Cultura e Memoria. Atti del terzo*

С горестным изумлением и сердечною болью прочел я на стр. 34 Вашей книги слова, относящиеся ко мне<sup>1374</sup>. Не-

Simposio dedicato a Vjaceslav Ivanov. I. Testi in italiano, francese, inglese. A cura di F. Malcovati. Firenze, 1988. S. 141–150. В ИРЛИ хранится автограф рукой Замятниной с правкой Иванова статьи о Мережковском «Мимо жизни» (Ф. 607. № 170). См.: *Иванов В.* Родное и Вселенское: Статьи (1914–1916). М., 1917. С. 75–84.

<sup>1374</sup> Имеется в виду фрагмент из статьи Мережковского «Грядущий Хам» (впервые опубликована в: Полярная звезда. 1905. № 30. С. 185–192): «Одну половину Ницше взяли босяки, другую наши декаденты-оргиасты. Не успел еще скрыться Пляши-Нога, как поклонники нового Диониса запели: “Выше поднимайте наши дифирамбические ноги!” (Вяч. Иванов. “Религия Диониса” в “Вопросах жизни”). Одного немца пополам разрезали, и хватило на два русских “новых слова”. Глядя на все эти невинные умственные игры рядом с глубочайшей нравственной и общественной трагедией, иногда хочется воскликнуть с невольною досадою: золотые сердца, глиняные головы!» (*Мережковский Д. С.* Грядущий Хам. С. 34). Приведенное место из Мережковского намекает на следующие положения Иванова: « (...) есть бури, которые одним дыханием развевают мелочную паутину нашего рассудка. Когда наш поработанный язык разучится лепетать слова молитвы, само вещество возопит; молитвенно воспляшут дружные с дифирамбом ноги, и загремит экзотическая молитва музыки (...)» (*Иванов В.* Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 139). Обыгрываемое выражение является перифразом из стихотворения В. Иванова «Земля»:

Ах! по Земле, по цветоносной, много  
Светлых полян для куш святых:

Много полян ждут ваших уст приникших

И с дифирамбом дружных ног!

(*Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 551)

Еще раз это стихотворение цитируется в статье В. Иванова «Спорады. IV. О лирике» (*Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 122), сходное описание дифирамбического танца см. в стихотворениях «Астролог» (Там же. С. 253), «Увенчанные» (*Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 748) и др. Претензии к Мережковскому Иванов высказал в статье «О “факельщиках” и других именах собирательных»: «...я ...считаю себя оклеветанным... лично в книге Мережковского “Грядущий Хам”, где я сопричтен не только к “декадентам”, но и к каким-то “оргиастам” (кто они?) и даже (на этот раз в компании с М. Горьким) к “босякам”, “глиняным головам” и попугаям Ницше,

сколько дней уже не знаю, как преодолеть душевную смуту и оттого пишу эти строки. Как? Предо мною очевидная на-личность преднамеренного и коварного оклеветания, очер-нения, дискредитирования? Но Вы не можете не знать, на-сколько велико мое уважение к Вашей личности и к Вашим святым в моих глазах исканиям, ко всем ореолам Ваше-го духовного величия. Очевидность эмпирическая не со-гласна с этою высокою уверенностью. Но не понимать ме-ня в такой мере Вы не можете. Где дело шло о тончайших расхожденииах, об интимнейших различиях внутреннего опыта, недопустима возможность столь грубого недоразу-мения. Вы не можете искренне смешивать меня, занятого исканием религиозным, с какими-то (?) «декадентами-ор-гиастами», если бы даже таковые существовали и была бы в самом деле группа, так себя определяющая. Вы не мо-жете не знать — и когда-то определенно знали, — что мое «Слово» не искаженный перепев ницшеанства, а попыт-ка раскрыть Диониса как начало религиозное (о чем Ниц-ше и не думал, — хотя, прибавлю кстати, и назвал себя од-нажды в период уже безумия и в почти бессознательной, но уже пророческой ассоциации христианских и родных своих антихристианских [нрзб] представлений «распятым Дионисом», только в этом случайном и метафорическом для него восклицании предвосхищает он мою концепцию эллинского, страдающего бога)<sup>1375</sup>.

Как могли Вы впасть в такое искушение, написать эти недостойные Вас строки? И, окончательно обличая пред-намеренность Вашего лжесвидетельства, подкреплять его (невероятно!) фальшивую несуществующую цитатую из моих статей «Религия Диониса» в «Вопросах жизни» —

---

в доказательство чего приведена обличителем хамства из моих писа-ний одна фальшивая цитата...» (Весы. 1906. № 6. С. 53).

<sup>1375</sup> Развернутое изложение этих мыслей см. в статье Иванова «Ницше и Дионис» (вошла в сборник его статей «По звездам» // Иванов В. Со-брание сочинений. Т. 1. С. 715–726).

и это после неоднократных предупреждений в эпоху написания статьи, что нигде подобного у меня не говорится — так понимать [нрзб] эти предупреждения.

Нет, Вы не можете не знать, что «оргиазм» — не канкан или кэкуок<sup>1376</sup> московских трактиров, а ощущение связи экстаза мистического. Довольно я об этом говорил с Вами. Вы вправе исследовать критически и полемически содержание этого мистического оргиазма, но Вам нужно считаться с ним, Вы не убьете живой идеи передержками и затравливанием.

Пишу Вам все это, ища выхода из душевной смуты, из беспорядка противоречий и противочувствований, скорбного недоумения и вместе очевидности Вашей глубокой вражды, душевного отчуждения. Я же не могу, как всегда, не почитать и не любить Вас во всей полноте этих слов.

Ваш весь сердцем

В. И.

**П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну<sup>1377</sup>**

[24.02.1906]

Володя!

Получили ли Вы мое письмо с цитатой и т. п.?

Когда Вы пришлете книги, рукописи и особенно спинозовский «Трактат»<sup>1378</sup>? Если не можете, напишите, я приеду сам за ними. И попросите Свенцицкого непременно при-

<sup>1376</sup> S cakewalk (англ., букв. «прогулка с пирогом») — негритянский танец под аккомпанемент банджо, гитары или мандолины, с синкопированным ритмом и краткими неожиданными паузами на сильных долях такта. Был популярен в 1890–1910 гг. На эстраде получила распространение кафешантанная форма кекуока, близкая по характеру к канкану. Здесь как образ пошлой имитации экстаза.

<sup>1377</sup> Печатается с комментариями по: Павлюченков, 2014. С. 223.

<sup>1378</sup> Не вполне ясно, какая из работ Б. Спинозы имеется в виду. Слово «трактат» находится в составе большинства названий его сочинений.

слать рукописи: я ведь ему дал их под условием немедленного возвращения, так как они мне нужны.

Перевод Somm'a<sup>1379</sup> (мои листы)<sup>1380</sup> совершенно не исправлены, так как Александр Сергеевич<sup>1381</sup> не дал мне их тогда исправить, пообещав до печатания дать снова. Так печатать их невозможно. Там что ни фраза, то безграмотность. Это было бы недобросовестно относительно наборщиков. Пока набираются первые листы, пришлите мне мои хотя бы на 2–3 дня. Это очень важно.

Может быть. Вы сможете справиться, нет ли в Университете или в Румянцевской библиотеке книг: P. De Lagarde, *Onomast. Sacrum*<sup>1382</sup>; Krebs, *Schediasma de mutatione nominum in professione religiosomm et Pontificum Romanorum inaugurationis*<sup>1383</sup>; Von Moneta, *Dissertat de mutatione nominis*<sup>1384</sup>; Jo. Hen. Stuss. *De nominum mutatione sacra*<sup>1385</sup>.

<sup>1379</sup> Р. Зом.

<sup>1380</sup> В процессе совместной учебы в МДА Флоренский и А. С. Петровский сделали перевод с немецкого работы: *Зом Р. Церковный строй в первые века христианства*. Гл. 1. М., 1906. (РОБ. Сер. 3).

<sup>1381</sup> А. С. Петровский.

<sup>1382</sup> См.: *Lagarde P., de. Onomastica Sacra // Lagarde P., de. Studio Et Sumptibus Alterum Edita. Gottingen, 1887.*

<sup>1383</sup> Можно предположить, что Флоренский смешивает два издания: *Krebs Joh. Fr. De nominum mutatione, potissimum in Religiosorum Professione, atque Pontificum Romanorum Inauguratione. Dissertationes. Norimbergae apud Andr. Othonem et Hochmuth A. Schediasma: historico-literarium de Nominum impositione, et mutatione. Vitteb. 1715*, — которые идут подряд в библиографическом списке (см.: *Cancellieri F. Storia de' solenni possessi de' Sommi Pontefici, detti anticamente processi o processioni dopo la loro coronazione. In Roma. 1832. S. 6*).

<sup>1384</sup> *Moneta Jo., Graum A. F. Šinnŭy haš-šēm seu de mutatione nominis: ad illustranda varia scripturae sacrae loca... 1721.*

<sup>1385</sup> *Stuss Jo. Hen. De nominum mutatione sacra. Goth. 1735* (см.: *The antiquities of the Christian church: Translated und compiled from the Works of Augusti... L., 1841. S. 129*). Относительно перечисленных книг Флоренский, приводя их названия в предисловии к своей курсовой работе 1906 г., отмечает: «...старинные же латинские диссертации, касающиеся его же (т. е. вопроса об изменении имен. — Н. Павлюченков), на-



5) Что со «сборником»?<sup>1386</sup> Будет ли он печататься, мне почему-то кажется, что нет, и поэтому не хочется писать об отце Серапионе.

6) *corpus inscriptionum semiticarum*<sup>1387</sup>.

7) Cumont. [нрзб] *cinetica de* [нрзб].

### В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>1388</sup>

[24.02.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Спасибо большое вам за справку. Вы простите меня: я до сих пор не мог исполнить ни одного из ваших поручений. Дело в том, что у меня разболелось ухо и выходить на воздух мне почти нельзя. Как я ни кутаюсь, но после каждого невольного выхода оно начинает болеть сильнее и мешает мне работать. О новостях наших расскажет вам Валентин<sup>1389</sup>. Он же привезет газет, книг и рукопись Зома. Дело в том, что встретилось неожиданное затруднение: в типографии нашей разгром, нет греческого шрифта, а в Зоме много

---

столько редки, что даже в библиотеке МДА и библиотеке Румянцевской не имеется ни одной из них» (*Флоренский П., свящ.* Священное переименование. С. 7–8; ср.: Там же. С. 325).

<sup>1386</sup> Вероятно, речь идет о сборнике «Вопросы религии», в котором Флоренский опубликовал первые материалы об архимандрите Серапионе (Машкине) (см. выше).

<sup>1387</sup> Вернее, *Corpus Inscriptionum Semiticarum*. V. 16В. 1867–1943.

<sup>1388</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 220–222.

Конверт исписан Флоренским (видимо, это первый набросок «Вопля крови»): «Дубасов насосался крови, и, как комар, вспух от крови; и губами, с которых течет кровь, марает иконы, и — ужас! — может быть, без епитимии, без малейшего раскаяния, осыпaeмый похвалами, принимает Св. Дары. Таких много, и наши пастыри молчат, умывая руки в крови. Как говорим мы — нам указывают место: мы должны молчать. Но и сами молчат. Они могут добиться, они могли бы умиротворить всю страну, но они молчат. [нрзб] тем яростней убивали [нрзб] которых об смерти [нрзб] значит, христиане убивают без [нрзб]».

<sup>1389</sup> В. П. Свенцицкий. — В. К.

цитат по-гречески. Теперь из открытки Алексея Сергеевича<sup>1390</sup> уясняется, что все цитаты должны быть переведены. Что же касается отдельных слов (терминологического характера), так ведь их можно написать латинскими буквами. Так пишут даже в иных немецких сочинениях, а латинского шрифта в типографии много. Сообщите об этом Алексею Сергеевичу. Скажите ему еще, что цензура в Москве столь медлительна, что ни об одной из наших брошюр, поданных в конце января, доселе не дала никакого ответа. Конечно, и Зома она может точно так же похоронить в себе на целые месяцы. (...)

Ну, всего доброго, пока! Прощайте. Кланяйтесь Троицкому и Алексею Сергеевичу. Господь с вами!

Любящий вас В. Эрн.

Вы просили сообщить «московское» мнение о вашей статье «о догматизме». Я скажу о себе лично, что она поразила меня неприятно. Мысль ясная и простая, но зачем этот исковерканный, истерзанный — искусственно — язык? Ведь все это придумано, ведь это не ваш язык. Если б вы были в бреду, вы бы никогда так не говорили. Или не стали бы молиться таким языком. Это не органически, не от души. Это какая-то безлично-механическая мешанина, а не трепетно-личное, живое отражение и выражение вас. на днях мне попалась ваша статья из «Весов» «Об одной предпосылке». Я бессознательно потянулся к ней, прочел с увлечением ее всю и невольно и с болью подумал, насколько больше Павлуши тут, чем там, в «Догматизме». Я теперь припоминаю такое же смутное впечатление, когда, помните, вы читали мне в академии свою «проповедь» на какой-то текст из Библии<sup>1391</sup>.

Не рассердитесь, простите, но ведь вы сами просили сказать мое мнение. Я говорю, что действительно почувствовал. Вы же простите, если вам это неприятно!..

<sup>1390</sup> А. С. Петровский.

<sup>1391</sup> Имеется в виду проповедь «Начальник жизни» на Песн. 2 : 10–14.

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>1392</sup>

[24.02.1906. СПб. — Киев]

1906.П.24

Васильевский Остров. 6 линия. Ларинская гимназия.

На днях, дорогие мои друзья, получена бумага о моем назначении в гимназию, а пока я был все частным образом. по нынешним временам меня это немного беспокоило: делались же шаги — доносы на меня как на «члена стачечного комитета».

Вошел в свои обязанности вполне. по гимназии — как будто давний законоучитель. С детьми в отличных отношениях. Вчера присутствовал на первом при мне родительском собрании. Избирался председателем, каковым оказался Острогорский, «кадет», брат известного педагога<sup>1393</sup>. После института с его атмосферой как будто вновь начинаю жить. по церкви — на этой неделе было и напутствие, сегодня елееосвящение, в субботу погребение.

Дело наших бесед в Доме Трудолюбия разрастается до грандиозных размеров. Большая зала битком набита народом, полна и лестница.

Писал ли я тебе, что мы открыли в том же доме Воскресную школу. Заведующим состою я, а моими сотрудниками — бывшие ученицы, а частью (впрочем, главная помощница) сослуживица. Я каждое Воскресенье хожу и бываю там с 2 часов до 4, хотя на мою долю выпадает только организация. Учительниц довольно. Обратились рабочие с просьбой открыть вечерние курсы. Учительницы рвутся на дело. 26-го марта у меня в доме молебен на новоселье и затем заседание всех деятелей по этому вопросу. Преподносится нам «вольный университет». Только что получил

<sup>1392</sup> Печатается с комментариями по: Балакшина, 2014. С. 369–371.

<sup>1393</sup> Моисей Яковлевич Острогорский (1854–1921) — общественный и политический деятель, член 1-й Государственной думы, состоял в партии кадетов; Александр Яковлевич Острогорский (1868–1908) — директор Тенишевского училища. — В. К.

просьбу беседовать на Выборгской стороне, где открыл беседы один англичанин в зале Нобеля. Только что получил усиленную просьбу на 5 марта в «Маяк». Только что получил просьбу на речь на общем собрании в Обществе веры и милосердия, от имени которого мы ведем свои дела (председатель и делопроизводитель мои друзья отцы Рудинский и Чельцов). Только что ... и т. д.

Выпускной класс института на другой день после выпуска снимается со мной (теперь им не разрешили...) и приходят ко мне с подношением, кажется, бюста Достоевского, «любимого писателя батюшки». Почти весь выпуск — Петербургские жительницы и преданные мне. Вот на следующий год сколько у меня работниц. С курсами Стоюниной устанавливаются большие лады. Начались беседы на тему «Да приидет царствие Твое!» с присутствием посторонних. В старших классах аналогичных курсов мужской гимназии, устраиваемых «Союзом родителей», тоже согласился вести беседы — давать уроки Закона Божия. Все это в проекте — моя будущая армия. на курсах Стоюниной урок продолжался в прошлый раз на лестнице.

Трубецкому готовят ряд статей под одним общим заглавием «Современные думы служителей Церкви»<sup>1394</sup>.

1. Развитие сказанных мне золотых слов Антонина: «В глубине церковного учения лежит зерно постоянного просвета».
2. Церковь и освободительное движение, больше по части: тот-то говорил мне то-то... мысли и впечатления.
3. Смертная казнь перед судом христианского сознания.
4. Еще об отношении Церкви к обществу (по поводу статьи отца Силина в «Богословском Вестнике»<sup>1395</sup>).

<sup>1394</sup> Речь идет о подготовке статей для общественно-политического журнала МЕ право-либерального направления, который издавался известным религиозным философом и общественным деятелем князем Евгением Николаевичем Трубецким с 1906 по 1910 годы. — В. К.

<sup>1395</sup> Вероятно, речь идет о статье свящ. Д. Силина «К вопросу об оживлении церковно-общественной деятельности» (См.: Богословский вестник. 1905. Т. 3. № 9. С. 169–190; № 10. С. 324–347).

5. Церковь и интеллигенция (по поводу статьи архимандрита Андрея в 52 № «Церковного Вестника»<sup>1396</sup>)

6. По поводу статьи П. П. Кудрявцева.

Последнюю статью пушу во 2 номере; она и логически примыкает к первой.

Просто, скажешь, смешно даже читать эти бредни. И, представь, надеюсь осуществить. Вся суть в том, что душевно спокоен. У меня уйма времени тратилась последние месяцы на «скорбение». Помнишь, ты по целым дням рассматривал стену.

Жалею, что «Так ли виноваты они» поместим в «Церковном Вестнике» — лучше бы Трубецкому<sup>1397</sup>. Досадно, ведь не прочтут даже наши архиереи, а, согласишься, батюшкам читать — только раны растревлять. А там хоть интеллигенция прочтет. Моя «Церковь и государство» оказалась для многих светских лиц в известном смысле откровением. А наших не прошибешь. У них одно: «Потише! Зачем резкости?»

Граф, говорят, уходит. Но даже наивно интересоваться этим. Для меня ясно, что этот факт ровно никакого значения не имеет. Ведомства все нужно взорвать. Олив еще хуже графа.

**А. В. Каргашев — В. Ф. Эрну**<sup>1398</sup>

[26.02.1906. СПб. — Москва]

26 февраля 1906

Дорогой Владимир Францевич.

Предисловие<sup>1399</sup> не могу написать. Почувствовал окончательно и ясно, что не моя это роль. Не могу я требовать ни-

<sup>1396</sup> Пока не поздно // Церковный вестник. 1905. № 51–52. С. 1616–1621.

<sup>1397</sup> Имеется в виду МЕ, выходявший под редакцией братьев Г. Н. и Е. Н. Трубецких.

<sup>1398</sup> НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 54. Л. 1. Открытка, адрес: Москва, Сивцев Вражек, Нащокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16. Владимиру Францевичу Эрну.

<sup>1399</sup> Не удалось выяснить, о предисловии к какой книге идет речь.

чего оттуда, откуда ничего не надеюсь получить. Тут я пессимист. А статью охотно бы написал, если бы мог вообще что-нибудь серьезное писать. Кроме газетной мелочи пока не могу — ничего.

Итак, считайте меня импотентом. О том же извещаю и Сергея Николаевича Булгакова. А в «Церковный вестник» заметку о статье Валентина Павловича я писал<sup>1400</sup>.

Дай Бог вам успеха.

Душевно Ваш А. Карташев.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1401</sup>**

[20–27.02.1906. СПб.]

20–23 февраля

(...) дивный концерт на «Вечерах современной музыки» — Reger-Abend<sup>1402</sup>. (...) Но горе в том, что перед концертом приходил Габрилович (он же друг и тайный почему-то муж незаконный сестры Лохвицкой, поэтессы Тэффи, которая нам очень симпатична) и умолял нас быть у него хотя бы после концерта. Он же давно замышлял этот вечер. Пришлось быть. Было мило. Но отравляло злое лицо несчастного Сологуба. Боюсь прямо, что он не совсем нормален. Хотя и обещал быть у нас и как будто на словах ласков, но ежесекундно вламывается в нелепые обиды. Габрилович дал нам № газеты театральной «Театр и искусство» (...) <sup>1403</sup>.

<sup>1400</sup> Возможно, в заметке идет речь о статье: *Свенцицкий В. П.* Христианское отношение к власти и насилию // Вопросы религии. 1906. Вып. 1. С. 5–38.

<sup>1401</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 169–172. Отослано 27.02.1906.

<sup>1402</sup> Подробное описание этого «Вечера Регера» см.: *В. К[аратыгин]*. Вечера современной музыки // *Весы*. 1906. № 3–4. С. 73–74.

<sup>1403</sup> Мы не приводим размышлений Зиновьевой-Аннибал о статье Габриловича. См. их с исчерпывающим комментарием: *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 238.

Было 45 кроме нас, легли в 5? (...)

Среда прошла несколько путанно, но очень оживленно. Темой был поставлен Бердяевым (председатель) «О Черте», и прошло на вотировке. Сначала как-то шутили. Поднялся вечный шут Ремизов и вышел, чтобы продемонстрировать себя как экземпляр в руках Черта. Наладил серьезно Вячеслав и довольно злобно поставил в центр книгу «Грядущий Хам» (писала ли тебе, что там прямо клевета сознательная на Вячеслава, «выше подымайте ваши дифирамбические ноги» — якобы выписка из «Религии Страдающего Бога»). Вышло как-то, что не черт ли Мережковский.

Он старался верно поставить тему: или говорить о Черте исторически или мистически (тогда черт, идущий от Достоевского, объясненный Мережковским как Черт середины, которого Вячеслав отрицал, противопоставляется его глубинам сатанинским, вопреки Мережковскому, выводящему Антихриста, он же «Грядущий Хам», из черта мечанства и плоскости).

Очень закругленно и интересно сказал Габрилович, выведя черта из Индии. «Мара злой, заткавший покрывало Майи», и свел черта к нашему «главному врагу — Мелкому Бесу». Еще Вячеслав говорил, что в его глазах черт есть только Geist der Schwere<sup>1404</sup> по Ницше. Я сказала так: «Не знаю, следует ли говорить, потому что выходит, что это у меня слишком радикально: все существующее Черт, и только Невозможное есть выход из него. Поэтому нет человека, который не волил бы Невозможного, и даже все те, кто думают, что признают возможным будущее счастье на этой, таковой земле, думают так по недоразумению. Но я так широко и так убежденно признаю всю вселенную, начиная от ее возникновения из первого яйца и движения от первой причины — от Черта, что, собственно, мне нечего и говорить о нем». Это подняло очень оживленные прения, в которых постоянно возвращались к высказанному

<sup>1404</sup> Дух меча (нем.)

мною<sup>1405</sup>. Интересно было, как общество часам к 2-м разделось: часть хотела определенного продолжения диспутов, часть — стихов. Ставилось на голосования по несколько раз. Прошло стихи незначительным большинством. Ставилось на голосование прочтение трех стихотворений в прозе: Allegro, мое («Тени») и Гернгросса<sup>1406</sup>. Прошли. Читали несколько поэтов, потом Гернгросс. От чтения Allegro и себя я отказалась, ибо было поздно, и многие ушли. Я не нашла это тактичным и выгодным. Остались почти до 4-х: Жуковский, Герцык (говорила ли, что она написала глубочайший филологический и философский разбор «Тантала», многое объяснивший Вячеславу в трагедии своей и показавший без похвал всю многогранность и необъяснимое значение этой вещи). Герцык-Сирин<sup>1407</sup> поразительно лицом похожа на Вячеслава (могла бы сойти за сестру), Чеботаревская, Ивановский и еще поэт Цензор<sup>1408</sup> — ре-

<sup>1405</sup> Вячеслав согласился со мною по существу в смысле Неприятия Мира, но мир существующий отказывается отождествить с Чертом, видя в нем священную жертву Страдающего Бога. — *Прим. Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.*

<sup>1406</sup> Всеволод Николаевич Всеволодский-Гернгросс (1882–1962) — российский актер, театровед, доктор искусствоведения, профессор.

<sup>1407</sup> Речь идет о Евгении Казимировне Герцык (1878–1944), писавшей временами под псевдонимом Сирин. Оставила воспоминания «Вячеслав Иванов» (*Герцык Е.* Воспоминания. М., 1996. С. 115–136), ее письма к Иванову опубликованы: *Сестры Герцык. Письма.* М., 2002. С. 569–612. В письме от 27 февраля Зиновьева-Аннибал добавляла: «...весь день у нас сидит прелестная девушка Герцык, о которой писала уже. Вячеслав теперь читает ей начало своей трагедии “Прометей”» (НИОР РГБ. Ф. 109. К. 23. Ед. хр. 16. Л. 32 об.).

<sup>1408</sup> Дмитрий Михайлович Цензор (1877–1947) — русский поэт, в 1908 г. одновременно закончил филологический факультет Петербургского университета и Академию художеств. Был участником многочисленных литературных объединений Петербурга начала XX века, печатался в газете «Казарма» (1906) и журналах «Зритель» (1905) и «Пробуждение», был сотрудником редакции журнала «Бегемот», в 1908 г. стал членом кружка «Вечера Случевского», посещал собрания на «Башне», с февраля 1913 г. входил в «Цех поэтов» Н. Гумилева, издавал журнал «Златоцвет».



дактор нецензурного «Прометея». Вячеслав читал несколько новых стихотворений. Он их пишет почти каждый день. «Менада» и «Ветер»<sup>1409</sup>, «непутевый ветер-вай» ужасно понравились. Два стихотворения он дал в «Вопросы Жизни», и также «Тени» наши. В Четверг — vernissage. Вчера написала «За решеткой». Потом был долго Белый. Полу-ребенок, полу-подлец. Не писатель и никуда не гожд, по-моему. Вообще он ошибка кругом. (...) сегодня<sup>1410</sup> вечер отдыха, были на vernissage выставки Мира Искусства, куда нам прислали почетный билет.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1411</sup>

[27.02.1906. СПб.]

С Сологубом вроде ссоры. Розанов не принимает пока: увы, его жена очень больна. (...) В<ячесла>в переписывает (наизусть) свою «Ars Mystica» — произведение еще Берл<инск>ого периода, но прекрасной формы, но ценного пафоса и мыслей: история искусств с Греции беглым полетом через века к нам, и призыв к великой Религии, чтобы сделать его вселенским и соборным. Вячеслав хочет поместить свою «Ars Mystica» в сборник «Свободная Совесть» вместо статьи, которую они от него ждут<sup>1412</sup>. Вообще в нем

<sup>1409</sup> Вероятно, имеются в виду стихотворения: «Мэнада» (Скорбь нашла и смута на Менаду; / Сердце в ней тоской захолонуло. / Недвижимо у пещеры жадной / Стала безглагольная Менада...) // Факелы: [альманах] / [ред.-изд. Г. И. Чулков]. Кн. 1. СПб., 1906. С. 59–61; «Март» (Теплый ветер вихревой, / Непутевый, вестовой, / Про весну смутянит, шальный, / Топит, топчет снег отталый, / Куролесит, колесит, Запелалой голосит...) // Тропинка. 1906. № 6. С. 271–272. — В. К.

<sup>1410</sup> 23 февраля.

<sup>1411</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 171–172.

<sup>1412</sup> Большое стихотворение (или маленькая поэма) «Ars Mystica» осталось неопубликованным; в настоящее время оно подготовлено к печати С. Д. Титаренко. См. осуществленную ею публикацию фрагмента: Ан-

начался переворот от теории к искусству. Ему невыносимо трудно раскочкаться на статью, и все сильнее и страстнее захватывает лирика и замыслы художественные... Относит от мелей Мережко-Бугае-Бердяе-Булгако- и пр. плоскословенства в свой изначальный океан. Так да будет! Вячеславу предстоит сделать наконец серию дневных визитов.

Отвратительны, действительно литераторишки кружковые. И твое сообщение о сплетнике (?) Дм. Вл. Философове (сладким (?) барином я его зову), где он объясняет грубые нападки Сологуба тем, что этот великий писатель лопается от зависти к нашим Средам — на многое непонятное бросает свет: в прошлую среду Мережковские нарочно устраивали вечер у себя! Зазывают Блока, Ремизова, Карташева, удерживают Арбатского святошу Белого — это все их *fidèles*<sup>1413</sup>. Разве так поступают «друзья»? А Вячеслав все еще нежные струны не может оборвать. Но я прозрела, хоть поздно, но уже раз навсегда и без жалости<sup>1414</sup>.

(...) Понятно, что визит Философова не оставил ничего, кроме кислоты. Он не может любить нас: есть что-то внутри его, что его отталкивает от нас. Я же абсолютно с ним никаких ссор не имела, ибо вообще и дел не имела.

### С. А. Котляревский — В. Ф. Эрну<sup>1415</sup>

[28.02.1906? *Отрадино — Москва*]

Милый Владимир Францевич,

---

тичность и русская культура Серебряного века. К 85-летию А. А. Тахо-Годи. Предварительные материалы. М., 2008 С. 76—82.

<sup>1413</sup> Верные сторонники (*фр.*) — В. К.

<sup>1414</sup> Данный абзац ранее опубликован: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1981. С. 238, со справедливым комментарием: «...резкость Зиновьевой-Аннибал (...) выглядит чрезмерною, так как 25 февраля 1906 г. Мережковские уехали за границу на два с половиной года, и вечер в среду у них был фактически прощанием с друзьями» (Там же. С. 239).

<sup>1415</sup> НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 64. Л. 1 об. Год на почт. штемпеле не читается, датируется по времени выборов в 1-ю Государствен-

Письмо Ваше я получил с большим опозданием в деревне, так как уезжал из нее по губернии. У меня, к сожалению, есть лишь S [нрзб] в издании Сабатье, но это для Вас особого значения не имеет. В Москве я вообще буду, вероятно, не скоро: посылаю Вам удостоверение для Фундаментальной библиотеки.

Что у Вас делается? У нас хорошего мало. С тревожным напряжением все ждут весны. Выборы в Государственную Думу мало кого интересуют; более все-таки организованы черносотенные элементы. Вероятно, они у нас и одержат верх, чему вполне поможет и решение социал-демократов «бойкотировать»<sup>1416</sup>.

Что меня искренне радует, это положительно новые настроения среди сельского духовенства. Вы не можете себе представить, какая работа совершается в этой среде. Конечно, еще много робости, много неопытности. Но заговорила совесть, заговорило человеческое достоинство — а прочее приложится. Интересное также движение в здешнем сектантстве. Что касается до крестьянства, то, по-моему, пропаганда социалистов-революционеров принесла огромный вред, и на них падет ответственность за многое, что совершится в ближайшем будущем.

А рядом с этим начинается уже очарование ранней весны, уже купаешься в зазорах, такие красивые горизонты.

---

ную думу и призыва большевиков бойкотировать выборы.

<sup>1416</sup> Большевики призвали к бойкоту выборов в Государственную думу, надеясь свергнуть самодержавие революционным путем. Однако в условиях спада революционного движения бойкот не удался. Выборы в Государственную думу проходили в феврале — марте 1906 г. Из 478 избранных депутатов кадетов было 161, автономистов (члены Польского кола, украинских, эстонских, латышских, литовских этнических групп) — 70, октябристов — 13, беспартийных — 100, трудовиков — 107. В состав фракции трудовиков входили десять социал-демократов, в основном меньшевиков. Они были избраны голосами главным образом крестьянских и городских выборщиков. В июне 1906 г., по решению Четвертого съезда РСДРП, социал-демократические депутаты выделились в самостоятельную фракцию.

Напишите же, пожалуйста, о себе и о Ваших делах. Мне очень бы хотелось с Вами поговорить о многом, Владимир Францевич, о чем трудно писать. Чувствуешь в самом себе такие ужасные противоречия — а жизнь не дает времени их разрешить.

Ваш С. К.

### **Иоанн Кронштадтский. Дневник<sup>1417</sup>**

[Б. д. 1906?]

Примири меня, Господи, с памятью убиенного злодеями Императора Александра II<sup>1418</sup>, который хоть тяжко согрешил в жизни, но человеческими грехами, коих не чужд и я, многогрешный. Прости ему и мне грехи вольные и невольные и излей в сердце мое любовь к венценосному мученику, ко-ему Ты простил грехи за его насильственную смерть. — Он был верующий и доброжелательный; он любил Россию и сам был на войне за освобождение единоверных славян.

### **Д. В. Философов — В. В. Розанову<sup>1419</sup>**

[1.03. б. г.]

1 марта

Дорогой Василий Васильевич.

Я забыл попросить Вас вчера не полениться прийти на мой доклад<sup>1420</sup> 2 марта.

<sup>1417</sup> Печатается по: *Святой праведный Иоанн Кронштадтский*. Предсмертный дневник.

<sup>1418</sup> 1 марта 1881 г. Александр II после первых пяти неудавшихся покушений был убит бомбой, брошенной членом «Народной воли», ярым пропагандистом террора Игнатием Гриневицким.

<sup>1419</sup> Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу НИОР РГБ. Ф. 249. М3871. Ед. хр. 7. Л. 1.

<sup>1420</sup> Возможно, речь идет о выступлении Д. В. Философова на 2-м заседании РФС, по неизвестной причине он отсутствовал на заседании, и за-

Заглавие реферата искусственно банальное, неточно. Я касаюсь в нем главным образом народной психологии и отношения народа к самодержавию как началу религиозной общественности. Докладываю, что интеллигенция тут ни черта не понимает.

Выражаясь Вашими словами, могу сказать: «Пусть я бездарен, но тема моя гениальна»<sup>1421</sup>.

Я послал повестки в «Колокол», «Земщину» и 4 повестки в редакцию «Нового времени» (генерала Ефима Александровича Егорова)<sup>1422</sup>.

Искренне Ваш,  
Д. Философов

**А. С. Глинка — А. В. Карташеву**<sup>1423</sup>

[1.03.1906. Киев — СПб.]

Дорогой Антон Владимирович.

Судьба занесла меня в Киев, в воскресенье или в понедельник (5–6), мы будем с Сергеем Николаевичем Булгаковым в Петербурге. Здесь, в Киеве, мы затеваем в широких размерах свою газету, не областную, а всероссийскую. Не знаем, что выйдет, но хочется большого настоящего.

И вот я боюсь, что Вы (так страшно, так больно нужный нам человек) окажетесь, если не окончательно, то временно —

---

писка была прочитана В. А. Тернавцевым. (доклад не озаглавлен). См.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903) / Общ. ред., послесл., краткие сведения об участниках С. М. Половинкина. М., 2005. С. 32–39.

<sup>1421</sup> Неточная цитата. Ср.: «Я — бездарен, да тема-то моя талантливая» (*Розанов В. В.* Заметки на полях непрочитанной книги // *Розанов В. В.* Религия и культура. СПб., 1899.

<sup>1422</sup> Ефим Александрович Егоров (1861–1935) — сотрудник «Нового времени», секретарь редакции «Нового пути» и секретарь РФС в Петербурге (1901–1903).

<sup>1423</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 319. Л. 1–2 об. Без конверта.

не с нами (не в смысле, конечно, переезда в Киев, а в смысле истинно вдохновенного отношения к делу). У меня являются подозрения, что мы Вам со всеми нашими устремлениями становимся в боль и тягость. Помнится, как-то давно, давно, тяготясь своей «академией»,<sup>1424</sup> Вы говорили: «...куда угодно, в атеизм, в “Мир Божий”, в толстовство, но только отсюда...» Не начинает ли Вас наши все [нрзб], в виде сборников «от всей души», журналов, газет и т. п., так же нудно томить, как «академия»... Только уже в другом плане, по-своему. Быть может, Вам просто хочется уйти в своеобразный скит, «Старые годы» ли, «Церковный вестник» и т. д., словом, что-то не терзающее душу, не очень томящее, то, что оставляет паки в какой-то истоме по самому-то последнему, настоящему... Быть может, хочется отдышаться от всей тряски в своем экипаже и пересесть в конку, дешевую, вульгарную, скучную конку, но ни к чему не обязывающую, иногда захочется... Не знаю, не знаю... как сказать это лучше, но смутно чувствую, что что-то тут не ладно, потрескивает и, быть может, не надо судить, боюсь быть навязчивым... А потому не втягиваю в газету, насилия берегусь. И если мы очень нарушаем тишину души в скиту Вашем, то [нрзб] просим простить со смирением. И помогите понять, если это так.

В Петербурге хочется Вас видеть, но и опять боюсь врываний, доставляющих Вам хлопоты и нарушающих уединение Ваше.

Дайте отклик, так или не так, я же хотел бы быть терпеливым <и> не беспокоить души Вашей. Поймите и простите.

Ваш А. Глинка

**К. М. Аггеев — В. Ф. Эрну и В. П. Свенцицкому**<sup>1425</sup>

[2.03.1906. СПб. — Москва]

2 марта 1906.

<sup>1424</sup> А. В. Карташев с 1900 по 1905 гг. был приват-доцентом, а затем профессором СПбДА.

<sup>1425</sup> НИОР РГБ. Ф. 348.1.3. Л. 15–16.

Васильевский остров, 6 линия, Ларинская гимназия  
Дорогие Владимир Францевич и Валентин Павлович,  
вчера получил Ваше письмо. Сегодня отвечаю на него. Вероятно, потому, что за последнее время ввиду суеты я отдалился от жизни, но Ваше письмо удивило меня. Неужели и теперь могут быть затруднения цензурного характера? Ведь духовной цензуры нет. А «Взыскующим града»<sup>1426</sup>, ве-

<sup>1426</sup> См.: [Свенцицкий В., Эрн В.] Взыскующим Града. См. также: Свенцицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 119—161.

Г. Д. Векилов и Ельчанинов писали в сб. «Вопросы религии» (Вып. 2. М., 1908. С. 404): «Брошюра эта представляет из себя интересную попытку христианской публицистики. В ней одинаково с точки зрения вечной ценности рассматриваются и вопросы сегодняшнего дня, и коренные вопросы человеческой жизни... Будучи по времени издания одним из первых произведений так называемой “московской группы христиан”, эта брошюра в зародыше содержит почти все темы, которые потом уже более подробно разрабатывались в отдельных книжках».

Церковный публицист В. П. Ильинский, рассматривая также издание «ХББ и его программа», отмечал (Странник. 1907. № 4. С. 959—960): «Свенцицкий и Эрн по своим воззрениям примыкают к Владимиру Сергеевичу Соловьеву. Проникнутые сами искренним религиозным чувством, они хотят сделать христианство всесторонним жизненным фактором, чтобы люди не только веровали, но жили и действовали по учению Евангелия. Осуществление практического христианского учения, христианской морали, как в частной, так и в общественной жизни, или так называемая христианская общественность, составляет, впрочем, минимум их требований, как необходимого условие совершенствования личности или — как первый шаг по пути истинно-христианского ее развития. Раскрытию требований христианской морали в их надлежащей полноте и чистоте и посвящены поименованные книги... В них нет ничего еретического и нет никакой уклончивости в суждениях, маскировки, натянутости и софизмов. Авторы пишут так, как представляется дело простому и ясному здравому смыслу, не искусившемуся в хитросплетениях слова и чуждающемуся всяких кривых путей. В ряду сочинений по церковно-общественным вопросам эти книги, несомненно, являются наиболее интересными и способными вызвать наиболее сочувственный отклик в сердцах искренне ищущих».

Еще один публицист Евгений Матаковский подчеркивал (Церковно-общественная жизнь. 1906. № 37. С. 1245—1246): «Лучшие и наиболее чуткие люди из интеллигенции поняли, какая мерзкая жизнь окружала их, они ужаснулись той пошлости и грязи... и решили найти новый град... в котором человек мог бы расправиться во всю естественную

роятно, религиозно-общественного содержания... Во всяком случае, я готов, чем могу, служить Вам. Боюсь только, буду не особенно полезен: в светской цензуре у меня особенных ходов нет. Могу лишь торопить обычным путем. Если имеет силу духовная цензура и если Ваше произведение можно провести через нее одну, то могу быть более полезен. Председатель цензурного комитета (бывшего) — мой знакомый, знаменитый отец Матфей<sup>1427</sup>, который, надеюсь, сделает все возможное...

мощь, красоту и гармонию своего существа (...) Свенцицкий и Эрн (...) считая себя нашедшими этот град, открывшийся им в подлинном христианстве (...) пришли не к самодовольному почиванию от дел, а к стремлению открыть этот святой град людям, ищущим его и нередующим гибнущим в своих исканиях. (...) Показать во всей красоте, величии и привлекательности этот святой град, указать правильную дорогу к нему, указать и на те отклонения с этой дороги (...) и есть та задача, которую взяли на себя авторы... Идеалистическая точка зрения (...) искренность тона, живой и увлекательный язык, прямолинейность в суждениях — все это привлекает внимание читателя к этой книжке». В «Книжной летописи» брошюра не значится, на титульном листе отмечено: «Дозволено цензурою. Ростов н/Д., 30 ноября, 1905 г.». Через 2,5 года после выхода она вызвала негодование цензора А. И. Генуа. На его запрос ростовский инспектор по делам печати 11 февраля 1909 г. сообщил, что разрешительную надпись следует считать подложною, поскольку никаких сведений о дозволении этой брошюры, как и еще 52-х отпечатанных в типографии А. П. Поплавского, в делах его канцелярии не имеется. 10 марта Московский комитет по делам печати (МКДП) наложил на брошюру арест и 25 апреля, найдя в ней признаки преступлений, предусмотренных ст. 128 и п. 3, 5, 6 ст. 129 Уголовного уложения, просил прокурора возбудить против виновных лиц судебное преследование. По завершении следствия Московская судебная палата (МСП) 11 ноября определила дело прекратить, так как «брошюра выпущена Печатается с комментариями по: 17 октября 1905 г. и на виновных в ее издании распространяется действие п. 1 Высочайшего Указа от 21.10.1905»; а спустя полгода постановила уничтожить попавший в цензуру экземпляр (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 97. Д. 53; Ф. 31. Оп. 3. Д. 1023; Ф. 46. Оп. 4. Д. 16; Ф. 131. Оп. 75. Д. 100, 101. РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 2. Д. 242). — *Прим. С. Четкова.*

<sup>1427</sup> Архимандрит Матфей (Померанцев, ок. 1881–1918) — архимандрит Русской православной церкви. Участвовал в Поместном соборе 1917–1918 гг. как представитель Пермской епархии от монашествующих. На



Итак, шлите статью. С нею отправлюсь по назначению в первый же вечер по получении. Почему вы не хотите напечатать ее предварительно в «Еженедельнике» князя Трубецкого? Ведь он выйдет на днях. Оттиски в количестве 200 экземпляров — бесцензурны... Впрочем, вам виднее.

Чувствую себя на новом месте отлично. Постом занят очень. У меня церковь, открытая для посторонней публики, и при ней развита приходская жизнь. Я служу ежедневно, исключая только понедельник.

Напишите мне о том, принимаете ли вы участие в «Еженедельнике». Почему вы не поименованы в предварительном объявлении? Простите за спешное письмо: сейчас после долгой службы. Крепко целую вас.

Любящий свящ. К. Аггеев.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1428</sup>

[2.03.1906. СПб.]

Четверг. 4 часа дня. 2 марта 06

В кабинете Вячеслава пальма, латания, солнце, небо, снег на кровле, и на твоём сине-зеленом кресле — наша кошка La Vampa: белая грудь и лапы, а по спине и бокам в черных и серых пятнах снопы ржаво-огненных лучей... зеленые яркие глаза. Ленивая. Ласковая. Ластящаяся. Очень понравилась вчера художникам. Она пришла дней десять тому назад с чердаков, позвалась к нам и поселилась... Обладает всеми свойствами культурного квартиранта (...)

Вчера сговорено с Сомовым о начале работы по портрету: Сомов хочет сам приезжать и... по вечерам! Он писать будет

---

соборе входил в состав комиссии, занимавшейся разработкой вопросов о гонениях на церковнослужителей. Убит в поезде по дороге на заседание Собора. Прмщ.

<sup>1428</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 172–174.

карандашами, очень немного цветного. Мне велит чутьем «увеселять Джоконду».

В Москве все говорят о Средах.

Сошла Среда очень оживленно и плодотворно. По списку состава видишь, какой он был блестящий. (Ради Бога, не растеривай списки, посылаем их свято на сохранение. Все письма и списки хочу переплести на память этого горячего, бьющего родниками времени.) Тема — искусство будущего. Обострился спор до глубокой духовной враждебности в лице Белого и Вячеслава. Первый (после речи Вячеслава о желательном «хороводе» искусств) в яркой, хотя и через меру малопонятной речи, с большим нахальством формы и аксессуаров (голос, пафос, высказывания) проповедовал и пророчил не только слияние в будущем искусств между собою, но и слияние объекта творчества с субъектом творящим. Т. е. попросту обращение художника в теурга, творчества наружного в творчество внутреннее, смерть искусству в религии. А еще проще: через искусство человечество просветится, а само искусство станет ненужным и пойдет насмарку.

Вячеслав горяче <Sic!> говорил в защиту искусства. Бог человеку завещал продолжать Его творящую работу, и богоискание закончится в творчестве, направленном из человека в природу. Природа должна быть обогащаема, и Ангелы будут художниками. Они будут творить миры, и все, что сотворят, будет не мертвое, а живое. А. Белый буддист в эстетике.

Белый заявил, что Вячеслав творит мертвецов, ибо сотворяет глыбы каменные вместо живых, человеческих сердец. Вячеслав сказал, что человек в камень вдыхает жизнь и творчество: жив Парфенон, Гамлет и т. д., и здесь (а не в начале) сказал об ангелах. И еще о том, что пафос его — пафос Пигмалиона.

Забавно, что я в райке просила одного слова «кстати», но Бердяев не дал, а записал меня в порядок ораторов. Я же тогда соседям шепнула: «Белый подпадает искушению своего псевдонима: семицветный луч сливает в белый. Это са-

моуничтожение искусства. Это буддизм». Слово в слово почти то же возражает Белому Вячеслав с Олимпа в первой речи своей, возражающей Белому, и я глупо кричу на всю залу: «А... а!» Все хохочут надо мной. Уж очень хорошо, умно говорил Нувель в защиту l'art pour l'art<sup>1429</sup> в самом плодотворном для честного великого искусства смысле. Но под конец говорило много мямлящих или прихорашивающихся болтунов (кроме еще разве Осипа Дымова и, конечно, Бердяева<sup>1430</sup>), стало скучнее, Белый разболтался, отвечая всем, и атмосфера бунта в райке назревала... Тогда я (всегда жду этого срока) сбегала в свою комнату, нацепила красный хитон свой на палку из-под ваших рисунков (кстати: рисунки покажу спокойно Сомову. Вчера было нельзя: теснота и поздно: художники пришли к 12-ти! и еще кстати для картины: я была в белом хитоне) и принялась махать и вертеть этим длинным и широким красным флагом из-за дверей передней. Смех и волнение. Председатель осведомляется: «Чего требует красный флаг?» — «Очевидно, ниспровержения существующего строя!» Стали требовать стихов. Стали записываться поэты: провалился бедный Ивановский своим стихотворением о 9-ом января, очень стали теперь строги к форме. Плохо прошло еще одно стихотворение, читанное Леманом<sup>1431</sup>, —

<sup>1429</sup> Искусство ради искусства (*фр.*) — В. К.

<sup>1430</sup> Реплика Бердяева приведена в приписке наверху листа: «Бердяев говорил, что собственно народ никакого искусства, кроме классического по направлению, то есть объективирующего, а романтизм только приготовление к теургическому искусству, которое приводит к снятию (*Aufhebung*) искусства в его обособленности». После слова «объективирующего» Зиновьева-Аннибал явно пропустила какое-то слово с отрицательной частицей. А. Б. Шишкин делает конъектуру «не творит»; мы бы предпочли «не знает». *Шишкин А.* Симпозион на петербургской башне. С. 336.

<sup>1431</sup> Борис Алексеевич Леман (1982–1945) — поэт (псевдоним Дикс), критик, искусствовед, композитор, кузен О. Н. Анненковой. Служил в Министерстве торговли и промышленности. С 1906 г. активный участник символистского движения, в 1909 г. написал первую книгу о Максимилиане Волошине. Теософ, позднее — член масонского кружка мартистов. В 1911 г. оставил службу и поступил в Консерваторию. В 1912 г.

Анненковой<sup>1432</sup>. Очень мило было горное эхо — стихотворение Волькенштейна. Потом с блеском сошел Городецкий своими сильными самобытными мифологическими мазками. Потом пропел на цыпочках и с выкриками Белый. Общій восторг. Стихи некоторые недурны. Одно — художественно. Но я испытывала и допускала в себе удовольствие несправедливости и все время ненавидела и его, и его стихи. А соседям говорила, что «и подошва в сметане хороша». Дрянь он все-таки и шарлатан несомненный. Потом просили Вячеслава. Прочел два маленьких очень изящных стихотворений <Sic!>. «Ветер» попросили для «Адской Почты»<sup>1433</sup>,

---

стал одним из лидеров антропософского движения в России, секретарь Русского антропософского общества. В 1918 г. работал в ТЭО Наркомпроса, в ноябре, спасаясь от голода, уехал в Екатеринодар, служил в Осведомительном агентстве (ОСВАГ), пропагандистском ведомстве Добровольческой армии, после прихода красных работал в Театре для детей. В 1921 г. возглавил кафедру Древнего Востока Кубанского университета, где был издан его двухтомный конспект лекций. В мае 1921 г. вернулся в Петроград. В апреле следующего года был арестован за службу в ОСВАГе и приговорен к 5 годам концлагеря условно. Работал в Русском музее. В 1926 г. женился на Марии Федоровне Леман, урожд. Газе. 22 апреля 1927 г. вновь арестован при вызове на допрос в качестве свидетеля и привлечен к следствию по групповому «делу антропософов». 9 июня 1927 г. приговорен «за активную борьбу с рабочим классом при царском правительстве и при белых» к 3 годам концлагеря с конфискацией имущества. В 1930 г. после освобождения из лагеря выслан в Среднюю Азию. Занимался музыкально-педагогической деятельностью. В 1940-е годы заведовал музыкальной частью и дирижировал в Музыкально-драматическом театре Алма-Аты. В годы Второй мировой войны снова был в центре культурной жизни при эвакуации в город части Мосфильма, общался с С. М. Эйзенштейном и В. Б. Шкловским. В 1945 г. скончался в Алма-Ате. *Агеева Л.* Неразгаданная Черубина. М., 2006. ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 155. С. 95; Д. 167. Л. 340; Д. 227. Л. 44; Д. 320. Л. 29; Д. 680. Л. 147–163; Д. 684. Л. 28.

<sup>1432</sup> Ольга Николаевна Анненкова (1884? — 1949) — переводчица, антропософ.

<sup>1433</sup> «Адская почта» — еженедельный иллюстрированный журнал политической сатиры издавал в Санкт-Петербурге в 1906 г. Е. Е. Лансере, под редакцией П. Н. Троянского. Вышло 3 номера, четвертый конфи-

но он уже отдан в «Тропинку». Он уже в корректуре. Allegro сделала смешной, милый рисунок. Тянулась Среда до 4-х часов четвергового утра... Ушли. И с ними La Vampa — Билибин снизу принес ее.

### С. Н. Булгаков — М. О. Гершензону<sup>1434</sup>

[4.03.1906. Киев — Москва]

Киев. Б. Житомирская, 26.

Милый Михаил Осипович!

В Киеве возникает ежедневная христианская газета под моей редакцией (и Волжского), так сказать, Соловьевского и, уж несомненно, в общественно-политическом отношении самого прогрессивного направления, замышляется как орган всероссийский<sup>1435</sup>. Если Ваша теоретическая совесть не вос-

---

скован в типографии. Г. Чулков, зачинатель сборников «Факелы», которые по коммерческим соображениям примыкали к этому журналу, пишет: «В журнале “Адская почта” я только числился ближайшим сотрудником. В редакции я никакого участия не принимал и не печатал там ни одной строки» (Годы странствий. С. 223). — В. К.

<sup>1434</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 222–223.

<sup>1435</sup> В. Н. Лашнюков в феврале 1906 г. «задумал издавать религиозно-народническую газету “Народ”. Мы (...) решили, что если обещает свое сотрудничество С. Н. Булгаков (...) то стоит взяться за дело... Булгаков не дал нам сразу решительного ответа, так как он должен был списаться с тогдашними своими друзьями — Бердяевым, Волжским, Свенцицким, Эрном. (...) Ко второй половине марта было получено согласие группы Булгакова, причем в Киев должны были приехать Волжский и Свенцицкий. Булгаков становился фактическим редактором (официально числился В. Н. Лашнюков) (...) В начале Страстной недели приехал Волжский... Обнаружилось, что издатель не может предоставить тех средств, которые он обещал (...) В Святой четверг приехал в Киев Свенцицкий, слава которого тогда была очень велика и к которому питали благоговейное чувство и Булгаков, и Волжский. Обоим им он — наиболее пылкий из “троицы” (еще Эрн и Флоренский) в Москве — чрезвычайно импонировал, в нем до известной степени они видели пророка. (...) на 4-й день Пасхи стало ясно, что де-

препятствует Вам участвовать и быть в числе сотрудников открыто и решительно христианской газеты, то я был бы искренно рад иметь Вас в числе их. Но во всяком случае прошу Вас ответить немедленно. Ваше участие могло бы выразиться в статьях историко-литературного содержания (очерках, и вообще что бы Вы нашли нужным). Над нами висит драконовская цензура, и лишь это омрачает перспективы.

Ваш С. Булгаков.

### К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>1436</sup>

[11.03.1906. СПб. — Киев]

В ожидании личного свидания не пишу ничего о своих делах. Живу отлично, но страдаю общим страданием. Дурново<sup>1437</sup> запретил служить панихиды по Шмидту<sup>1438</sup> (...) А Антоний (Храповицкий) выразился: «Если на Соборе будут вонючие попишки, то мы Собора не признаем».

---

нег никаких нет, что дальше 7–8-го № газета продержаться не может» (*Зеньковский В.* Из воспоминаний. С. 116–121).

<sup>1436</sup> Там же. С. 224.

<sup>1437</sup> Петр Николаевич Дурново (1845–1915) — государственный деятель Российской империи, министр внутренних дел (1905–1906).

<sup>1438</sup> Петр Петрович Шмидт (1867–1906) — возглавил стихийное восстание части флота и севастопольского гарнизона осенью 1905 г., требовал немедленного созыва Учредительного собрания; казнен, несмотря на общественную кампанию за его помилование.

Ср.: «Лейтенант Шмидт от Церкви отлучен не был, перед смертью принял причастие и горячо молился за родину. Почему нельзя молиться за человека, которого Церковь удостоила крови Христовой?» (*Свенцицкий В.* Стойте в свободе! // Народ. 7 (20) апреля 1906. № 4. С. 1). «Церковь не отвергла их при жизни. Как же может она отвергнуть их ныне, как может она не молиться за убитых? Мы должны помолиться не раз и не два за душу убиенных, за душу казненных» (*Флоренский П.* Вопль крови. С. 8). «Когда правительство убивает революционера — оно запрещает служить панихиды... боится, что Бог услышит молитвы и простит убийцу. Оно принимает административные меры, чтобы грешник попал в ад!..» (Там же).

Время ужасное: нельзя ручаться за день. Ко мне в церковь пришли курсистки с просьбой отслужить панихиду по Шмидту. Директор просил меня убедить их отказаться от просьбы, ввиду того что этот факт послужит для гимназистов возбуждающим обстоятельством. Я лично, сознавая всю опасность, не мог отказаться служить, но предложил найти нейтральное место — Вольно-экономическое общество. На следующий день должна была состояться панихида. Но накануне отец Чельцов сказал мне: «Служить Вам панихиду после всего бывшего значит собирать свои пожитки. Я убедительно прошу наладить курсисток ко мне. Я рискую меньшим». Я так и сделал. Есть же и у меня в Петербурге приятели... Но будет. Много есть о чем поговорить, — всего не напишешь. Приедешь, отведем душу.

Любящий свящ. К. Аггеев.

**Д. В. Философов — А. С. Глинке**<sup>1439</sup>

[12/25.03.1906. St. Raphaël (Var) — Симбирск]

12/25 марта 1906 г.

St. Raphaël (Var)

Hôtel Beau-Rivage

Dmitri Philosophoff

Дорогой Александр Сергеевич.

Я уехал из Петербурга скорее, чем предполагал. Меня очень торопила мама, которая спешила в Швейцарию, где серьезно захворала моя старшая сестра. Я должен был ее туда довезти. Словом, обстоятельства так сложились, что я не успел написать Вам и выяснить вопрос с деньгами Фундаминского<sup>1440</sup>. Я их оставил в Петербурге на сво-

<sup>1439</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 299. С. 4–5 об.

<sup>1440</sup> Илья Исидорович Фондаминский (псевд. Бунаков, 1880–1942) — приятель Свенцицкого по гимназии, член партии эсеров с 1902 г., комиссар Черноморского флота в 1917 г., редактор журнала «Новый

ем текущем счету в Волжско-Камском банке, и теперь жду Ваших указаний, что с ними делать, причем от имени своего, Зинаиды Николаевны и Дмитрия Сергеевича считаю своим долгом обратить Ваше внимание на следующее: немножко очухавшись от Петербурга и соображая положение дела, мы более чем когда-либо решили издавать наш сборник, и именно здесь, в Париже, на русском и французском языках. Если цензура разрешит, мы будем продавать его в России, но нечего себя обманывать, что [нрзб] может нас задержать. Так как деньги не нашли и так как Вы один из «пайщиков», то, конечно, без согласия Вашего и Фундаминского мы денег тратить не будем, а потому не можете ли Вы как-нибудь списаться с Фундаминским и выяснить вопрос окончательно. Если Вы найдете сами и Фундаминский подтвердит, что деньги эти должны получить иное назначение, мы, конечно, беспрекословно подчинимся, но повторяем, мы лично своей первоначальной идеи отнюдь не бросили. На ваше сотрудничество, а также на сотрудничество всех Ваших, т. е. Сергея Николаевича, Эрна и Свенцицкого, мы по-прежнему очень рассчитываем и надеемся, что Вы нам в нем не откажете, но если бы Вы не нашли возможности сотрудничать с нами, то мы очень Вас просим все дело <оставить> на решающее усмотрение Фундаминского, так как его мы считали последней и решающей инстанцией.

Мне лично кажется, что мы с Вами страшно давно не виделись, так как последнее наше «соборное» свидание меня совсем не удовлетворило. Я как-то сохранил в своем сердце живой образ Вашей личности, «единой и нераздельной», и ставить ее в уровень Эрнам и Свенцицким не могу. Я их не знаю и совсем не прикоснулся к их душе. Очень я их уважаю, но не люблю, т. е. не люблю не только отрица-

---

Град» в 1930-х, казнен в Освенциме, канонизирован Константинопольской Православной Церковью как мученик. — *Прим. С. Черткова.*



тельно, в смысле нехорошего чувства, а в смысле положительном, в смысле отсутствия во мне известного чувства по отношению к ним. Слишком я их принимаю рационалистически, как, впрочем, мне кажется, единственно их принять и можно. Логика они очень большие.

Вышел ли сборник Ваших статей, главным образом о Розанове? Если да, пришлите, голубчик! Здесь мы пробудем до 15-го апреля нового стиля, а затем наш последний парижский адрес следующий: Paris 16<sup>e</sup>. Rue Théophile Gautier 15 bis.

Розанов несчастен и страдает более чем когда-либо. В письме не напишешь всего, но верьте, что это так. Варвара Дмитриевна<sup>1441</sup> крайне серьезно больна и вместе с тем мучает Розанова больше чем когда-либо.

Мы здесь в полном уединении. Маленькая рыбацкая деревушка, большие леса и море. Зинаида Николаевна очень слаба, и мы здесь главным образом для нее. Может быть, Вы слышали, что я состою корреспондентом «Страны». Если когда-либо прочтете мои корреспонденции, не судите строго. Я их пишу со всей возможной добросовестностью, но без любви. Нужен заработок, а то, где я пишу с любовью, остается у меня в портфеле, никому не нужное. Все мы Вас нежно и с любовью обнимаем. Христос с Вами.

Ваш Д. Философов

**Вяч. И. Иванов — Андрею Белому<sup>1442</sup>**

[13.03.1906. СПб.]

СПб. Таврическая 25 кв. 24.

1913/III 06

<sup>1441</sup> Варвара Дмитриевна Розанова (урожд. Руднева, вдова Бутягина, 1864–1923) — вторая жена Розанова.

<sup>1442</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов, Малмстад*, 2015. С. 45–46. Закрытое письмо. Отправлено по адресу: Арбат, д. Богданова. Штемпели: СПб. 14. III.1906. Москва. 15.3.06.

Дорогой Борис Николаевич! Хотелось бы мне иметь от тебя слова два, чтобы знать, как ты поживаешь. Ибо впечатление от недавних свиданий и твой внезапный отъезд наводят на мысль, что тебе внутренне тяжело живется и что ты в каком-то беспокойстве<sup>1443</sup>. Я же люблю тебя больше, чем

<sup>1443</sup> Белый выехал в Петербург 11 февраля 1906 г., думая, что останется там надолго. В это время в разгаре были его сложные отношения с Блоком и женой последнего. Объяснение в любви Белого и Л. Д. Блок состоялось 26 февраля (см.: *Блок Л. Д.* Были и небылицы. Времен, 1977. С. 53–56). Любовь Дмитриевна «просит меня временно уехать в Москву и оставить ее одну, — дать ей разобраться в себе; при этом она говорит, что она любит больше меня, чем Александра Александровича, и чтобы я боролся с ней же за то, чтобы она выбрала путь наш с ней. Я даю ей нечто вроде клятвы, что отныне я считаю нас соединенными в Духе и что не позволю ей остаться с Александром Александровичем. С этим обещанием я еду в Москву [Белый выехал в Москву 5 или 6 марта — Н. Б., Д. М.]; мы переписываемся каждый день, но в письмах Любови Дмитриевны — раздвоение: она де любит и меня, и Александра Александровича одинаково; она не знает, кого она любит больше; я борюсь с этими ее настроениями; чувствую себя тревожно и неопределенно» (*Белый А.* Автобиографические своды, 2016. С. 112). В апреле: «Тревога нарастает. Любовь Дмитриевна заболевает, я хочу броситься в Петербург, но Александра Андреевна Кублицкая, Александр Александрович Блок и Любовь Дмитриевна Блок заклинают меня не приезжать. Я тем не менее еду [Белый приехал в Петербург 15 апреля — Н. Б., Д. М.], но меня почти не принимают; Любовь Дмитриевна мне объявляет, что между нами все кончено, что она — ошиблась в своих чувствах; я напоминаю ей то обещание, которое она же у меня вырвала; а именно, чтобы я боролся с нею за нее. Положение мое — отчаянно трудное; Александр Александрович Блок, как бы давши нам с Любовью Дмитриевной свободу отношений, теперь, по просьбе Любови Дмитриевны, испугавшейся решительного шага, пытается встать между нами; я все время его отстраняю; наконец Любовь Дмитриевна таки признается мне, что все осталось по-старому, что она — любит меня, но что Александра Андреевна и Александр Александрович Блок воздействуют на ее волю» (Там же). В мае: «Морально я одерживаю победу над Любовью Дмитриевной; она дает мне обещание, что осенью мы с ней едем в Италию и что с этого времени как бы начинается наш путь с ней; она просит меня дать ей провести с Александром Александровичем последнее лето; я, уверенный в том, что на этот раз она сдержит свое слово, еду в Москву в ужасном состоянии духа» (Там же). Белый вернулся в Москву в начале мая, а 14 мая он получил от Л. Д. Блок письмо, «без всякой мотивировки приглашающее сызнова порвать все между нами; и на этот раз считаю ее поступок уже

ты, может быть, думаешь, и мне хотелось бы иметь от тебя успокоительную весть, что ты чувствуешь себя в мире с Богом, собою самим и солнцем... Я был бы тебе также благодарен за уведомление о судьбе посланной мною в «Свободную совесть»<sup>1444</sup> рукописи: быть может, она не дошла по назначению, как и мое письмо Павлу Ивановичу Астрову?

Сердцем твоей Вяч.

### В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому<sup>1445</sup>

[13.03.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Флоренский! Если у Вас готовы письма Серапиона и вступительная статья к ним, не будете ли Вы так добры прислать ее немедленно по получению этого письма.

---

настоящим предательством(...); с этого времени начинается непрекращающаяся мучительная переписка между нею и мною» (Там же). Весь июнь «провожаю ужасно: та же мучительная ситуация с Любовью Дмитриевной; разгон Думы, действующий на меня подавляюще» (Там же). Решительные встречи и объяснения Белого с Блоком и Л. Д. Блок состоялся в Петербурге с 23 августа до начала сентября 1906 г. Около 20 сентября Белый выехал за границу.

<sup>1444</sup> «Свободная совесть» — заглавие двух литературно-философских сборников, которые вышли в Москве в конце 1905 г. и в сентябре 1906 г. (на титульных листах: 1906). Среди авторов преобладали участники собраний на квартире П. И. Астрова. См. запись о сентябре 1904 г. в «Материале к биографии»: «...возник кружок Астровых “Свободная совесть”, где началось чтение рефератов, где происходили беседы и т. д. Этот кружок сильно окрасил мою моральную атмосферу» (*Белый А. Автобиографические своды*, 2016. С. 112). См. также: Начало века. С. 392–398; *Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов*: Словарь. М., 2004. С. 26. Видимо, рукопись статьи Иванова Астров не получил или же перестал выпускать сборники, до того как до нее дошла очередь (ивановских статей нет в двух вышедших томах). Белый печатался в обоих выпусках: *Белый А.* 1) О научном догматизме // *Свободная совесть*. Кн. I. М., 1906. С. 164–172; 2) О пессимизме // Там же. С. 173–177; 3) Общественная совесть // Там же. С. 296–304; 4) О субъективном и объективном // *Свободная совесть*. Кн. II. М., 1906. С. 268–274; 5) Религиозное основание индивидуализма // Там же. С. 275–279.

<sup>1445</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 224.

Сборник уже начали печатать, остались несданными письма Серапиона и Ваша вступительная статья к ним да моя статья<sup>1446</sup>. Я кончу к воскресению, если у Вас еще не готово, хорошо бы, чтобы и Вы кончили приблизительно к этому времени.

Отвечайте, пожалуйста, на это письмо Владимиру Францевичу. Я не в Москве<sup>1447</sup>. Ваш Вал. Свенцицкий.

**В. Ф. Эрн — А. С. Глинке**<sup>1448</sup>

[14.03.1906. Москва — Симбирск]

(...) Я отправился к Ефимову<sup>1449</sup>, который с удовольствием взялся за издание всей «Религиозно-общественной биб-

<sup>1446</sup> В сб. «Вопросы религии» (Вып. 1. М., 1906) вошли статья Флоренского «К почести высшего звания (Черты характера архим. Серапиона Машкина)» и письма последнего, а также статья Свенцицкого «Христианское отношение к власти и насилию» (См.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 162–187). За 20 лет до популярной работы И. А. Ильина здесь решался вопрос о допустимости насилия как ограничения злой воли и был выведен до сих пор не осмысленный критерий, по ценности сравнимый с категорическим императивом Канта и просящийся в основу общественных отношений: «Всякое насилие, в котором ограничивается человеческая свобода, есть насилие недопустимое». Речь шла не о вольном выборе, которым можно воспользоваться и для рабства, когда действия человека определяются внешними силами зла, но о свободе духа — «состоянии, которое было задушено грехом и восстановлено искуплением», содержанием которого является святость.

<sup>1447</sup> Во время голода весной 1906 г. Свенцицкий обратился к сенатору, дмитровскому уездному предводителю дворянства В. Г. Кристи с просьбой оказать помощь крестьянам Тетюшского уезда. «И вот он давал деньги. Много денег. И извинялся, страдал, стыдился, что мало дает, потому что деньги не его, надо брать у отца» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 634). На эти деньги Казанский комитет помощи голодающим учреждал бесплатные столовые, в т. ч. в особо пострадавшем Тетюшском уезде, но был закрыт полицией как не имеющий устава.

<sup>1448</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017 С. 225. С. 225.

<sup>1449</sup> Дмитрий Панфилович Ефимов (1866–1930) — владелец московского книжного магазина, наиболее известен как издатель высококаче-

лиотеки», с тем что через цензуру все брошюрки проведет он сам. У него есть ходы в Петербурге. Сборник как бесценный он уже сдал в набор. (...)

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>1450</sup>**

[15.03.1906]

15 марта.

Милая.

Хотя поздно, но напишу сегодня еще и пошлю.

Мне иногда очень страшно бывает; все время. Вы со мной. Как основание — это. А на нем все остальное.

Сегодня Карташев переехал<sup>1451</sup>. Помогали ему устраиваться и украшаться: я сожгла ему верхи его шкапов, унесла уродливый стол, перевернула диванные подушки изнанкой, выкрасили с Натой его стулья столовые

---

ственных видовых открыток, возглавлял товарищество «Контрагент печати». Жил в Москве по Тверской в доме Бахрушиных (1902–1904). Занимался и книгоиздательскими проектами, был тесно связан с авторами, входившими в ХББ, с 1906 г. издавал, в частности, «Религиозно-общественную библиотеку», участвовал в попытке издания С. Н. Булгаковым журнала «Христианство и социализм». О его отношениях с участниками ХББ см.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 228 и сл.

<sup>1450</sup> Печатается с комментариями по: Из «Дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного». Публикация, вступительная статья и комментарии М. Павловой / Эротизм без берегов. (Далее: *Павлова*, 2004). С. 407.

<sup>1451</sup> 19 марта 1906 г. Карташев сообщал Мережковским: «Переехал я 15-го. Читал, конечно. (...) В комнате у меня хорошо. Все нужное поместил. В простенке между окнами моя конторка. В простенке моя шифоньерка. На месте тахты Дмитрия Сергеевича (уже у Ремизовых) моя тахта, а над ней моя широкая, очень идущая к комнате “Scuola d’Athene” Raphael’я под электрическим рожком, далее в углу моя полка с книгами. (...) В день переезда была Серафима Павловна. Собирались в моей комнате перед лампадкой, несмотря на присутствие Успенского. Я чувствую себя хорошо, как-то надеюсь» (*Карташев А. В.* Письма Мережковским и Философому // *Pachmuss*, 1972. Р. 650).

из красных в коричневые и отлакировали. (...) Теперь ничего, не очень оскорбительно за Дмитрия<sup>1452</sup> кабинет, — что возможно, сделали. Еще надо конторку отдать подкоричневить и коричневое сукно наклеить. А то невозможная рыже-красная с ядовито-зеленым сукном. Хотел свою доску с фамилией наколотить. Я начисто отказалась. Заказала свою. (И его, кстати, пребезобразная.) И одну только и наколочу, а он может визитную. А то и неправильно — и неприлично. (...)

**С. Н. Булгаков — П. А. Флоренскому<sup>1453</sup>**

[15.03.1906. Киев]

15.III.06.

Киев. Б. Житомирская, 26.

Многоуважаемый Павел Александрович!

Поторопитесь, пожалуйста, высылкой обещанных адресов для рассылки объявлений.

Если у Вас имеется уже какой-либо литературный материал для газеты<sup>1454</sup>, прошу Вас присылать его немедленно в редакцию или, пока, лучше мне. Сейчас нам особенно нужен такой.

Ваш С. Булгаков.

<sup>1452</sup> Д. С. Мережковский. — В. К.

<sup>1453</sup> Печатается с комментариями по: Переписка Флоренского с Булгаковым, 2001. С. 56. Открытка. Адрес: Московской губернии Сергиевский Посад. Троицкая лавра. Духовная Академия. Студенту П. А. Флоренскому. Штемпели: Киев, 15.03.1906 и Сергиевский Посад, 18.03.6.

<sup>1454</sup> Речь идет о газете «Народ» (Киев, 1906 г., № 1–70), в издании которой принимал участие Булгаков. Газета пыталась соединить социально-политический радикализм и верность Церкви. В газете публиковался Флоренский. См.: Колеров М. А., Локтева О. К. С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать (1906–1907) // Лица: Биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 401–412. См. также: Колеров М. А. Не мир, но меч. С. 161–224.

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>1455</sup>**

[16.03.1906. Москва — СПб.]

Дорогой Саша!

Видишь, не успел ты уехать, а я уже пишу.

Была Ивашева. Спрашивала между прочим: был ли ты в Саду<sup>1456</sup> и узнал ли что-нибудь о нем<sup>1457</sup>, пожалуйста, напиши. Мы с ней поговорили сегодня очень хорошо, как давно не говорили. Сережа<sup>1458</sup> просил передать, что хотел вас спросить о диаволе. Ивашева читала «Церковь Апостольскую»<sup>1459</sup> Агаше<sup>1460</sup>. Та поняла все — выказала это в вопросах. Была очень довольна.

---

<sup>1455</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 93–94; *Чертков*, 2017. С. 225–226. На конверте: Петербург, Лиговка, 56 кв. Валенковых. Е. В. Б. А. В. Ельчанинову.

<sup>1456</sup> Вероятно, место конспиративных встреч. — *Прим. С. Черткова*.

<sup>1457</sup> Зашифрованное в целях конспирации место, возможно нелегальная типография, где печатались воззвания ХББ, вероятно, в этом месте скрывался Свенцицкий. — *Прим. С. Черткова*.

<sup>1458</sup> Сын П. Ивашевой.

<sup>1459</sup> См.: *Эрн В.* Апостольская Церковь, или Как нужно жить христианам. М., 1906. (РОБ. Сер. 2. № 7.) В «Вопросах жизни» (№ 8, 9) была опубликована работа В. Эрн «Христианское отношение к собственности», в которой на евангельской и святоотеческой основе сделана попытка раскрыть антиномию земного и небесного в жизни общества и отдельной личности. 7 марта 1909 г. МКДП наложил на брошюру арест и возбудил против виновных лиц судебное преследование по п. 5 ст. 129 Уголовного уложения, поскольку «она по содержанию своему представляет социалистически-анархический трактат», а автор на примерах преступления Христовых заповедей показывает, что люди угасили в себе дарованную им свободу, покорились внешним властям и в вере, и в жизни, сделались рабами государства. 2 июля 1909 г. МОС арест утвердил, а 17 августа 1910 г. МСП постановила: уничтожить издание брошюры, т. е. несколько конфискованных экземпляров давно разошедшегося тиража (РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 2. Д. 229. Л. 67). — *Прим. С. Черткова*.

<sup>1460</sup> Прислуга в доме Шер, где происходили встречи членов ХББ и была зарегистрирована канцелярия МРФО (Остоженка, 1-й Зачатьевский пер., д. 6, кв. 1).

Приходил Боголюбский (сын)<sup>1461</sup>. Как пришел, прямо заговорил о Церкви. Очень милый и хороший юноша. Рассказал о том, как пришел к Христу. Мы говорили много и долго. Расстались совсем друзьями. Это что-то бесконечно удивительное — как люди с разных сторон подходят к одному и тому же. Мы почти все время говорили об общине. Он тоже о ней мечтает и хочет дела. Еще увидимся с ним.

Твое «Житие» меня совсем очаровало<sup>1462</sup>. Я думал о нем и, между прочим, вспомнил такую вещь: отчего ты ничего не написал о стигматах. Ведь это же очень характерно для Франциска — такое чувство страданий Христа?

Или, может быть, у тебя были свои соображения. Мне почему-то кажется, что это вышло у тебя случайно.

Пока прощай. Господь с тобой и с Соней<sup>1463</sup>. Любящий тебя В. Э.

Не забудь справиться о «Fioretti» для «Библиотеки»<sup>1464</sup>.

**Вяч. И. Иванов — М. М. Замятниной**<sup>1465</sup>

[17.03.1906. СПб.]

17.III.

Дорогой друг Маруся!

<sup>1461</sup> Сергей Николаевич Боголюбский (1885–1976) — окончил Московский университет (1909), зоолог, доктор биологических наук (1934), член-корр. АН КазССР (1946). — *Прим. С. Черткова.*

<sup>1462</sup> См.: *Ельчанинов А. Житие святого Франциска Ассизского.* М., 1906. (РОБ. Сер. 2.) — *Прим. С. Черткова.*

<sup>1463</sup> Личность женщины, с которой А. Ельчанинов несколько лет прожил в гражданском браке, не установлена. — *Прим. С. Черткова.*

<sup>1464</sup> Имеется в виду перевод «I Fioretti di San Francesco» («Цветочки святого Франциска»), который вошел в написанное Ельчаниновым «Житие святого Франциска». — *Прим. С. Черткова.*

<sup>1465</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов, 2009.* С. 175. Написано рукой Вяч. Иванова как продолжение письма Зиновьевой-Аннибал от 13.03.1906.



Лидия не успела продолжать этого уже четыре дня тому назад начатого письма; посылаем листок как есть. Знаю, что письменное поздравление не удовлетворит Вас. Вам уже нужно теперь живое общение. Все же заочно обнимаю Вас и целую Ваши ручки. Поздравляю и желаю Вам здоровья и счастья. Ибо счастливой Вы можете быть. Редкое в наши дни свойство. Так вот, чтобы Вы были в себе очень счастливой — Вам желаю, как люблю Вас, гармоническая душа во всей своей эмпирической дисгармонии и шершавости, нехорошая «оптимистка», святая Маруся!

Только что был юноша von Guenther<sup>1466</sup> и читал мне ряд переводов на немецкий из моей лирики. Красивый и талантливый юноша. Он же перевел «Тени Сна». И своих стихов уже выпустил книжечку. Сомову нравятся его стихи и переводы. Представьте, я получил повестку, уполномочивающую меня подать выборный голос. Непременно воспользуюсь, в пользу кадетов (ибо более левые не выставляют кандидатов). Но индивидуальный бойкот, по-моему, не имеет смысла. Ваш всем сердцем Вячеслав.

Дорогим друзьям домашним привет сердечный.

Только что получил любезное письмо от Гиппиус из St Raphael как ни в чем не бывало.

Получены ли «Вопросы Жизни» XII и «Весы», февраль? (Там 14 моих стихотворений, в «Золотом Руне, II» — два.)

Нравится ли Лидии «Ветер» в измененном мною виде? «Гимн Свободе» пока не написан. Прилагаю стихотворе-

---

<sup>1466</sup> Иоганнес (Йоханнес) Фердинанд фон Гюнтер (Guenther, 1886–1973) — немецкий писатель, переводчик (ФРГ). Уроженец Прибалтики. В 1908–1914 жил в России, был связан с литературными кругами. Переводил произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. А. Блока, Вяч. Иванова, а также Б. Пастернака, С. Есенина, Б. Ахмадулиной и др. Издал несколько антологий русской классики и советской литературы. Перевел значительную часть лирики Лермонтова, поэмы «Песня про купца Калашникова», «Демон», «Мцыри», роман «Герой нашего времени» и отрывок «Штосс», автор мемуаров «Жизнь на восточном ветру» (М., 2010).

ние, посвященное Ольге Александровне Беляевской, и другое для сборника, протестующего против смертной казни.

**П. А. Флоренский — С. Н. Булгакову<sup>1467</sup>**

[18.03.1906. Москва — Киев]

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Эрн посылает Вам собранные мною адреса священников, остальные и текст «послания» вышлю на днях. Лица с NB отличаются особенной живостью или пописывают, их можно иметь в виду как сотрудников. Рекомендованы они товарищами. Некоторым посланы по несколько экземпляров плаката<sup>1468</sup> и послания<sup>1469</sup> для распространения, кое-кому уже дано знать.

Куда направлять их письма? В Академию ли, к Вам ли? Пришлите и мне плакатов, штук 30 и посланий штук 50.

На днях Эрн вышлет Вам мое кое-что. Попрошу только: если можно, то приготовьте мне оттисков или пришлите номера газеты. И вообще, будьте добры присылать мне по несколько (до 25 экз.) штук, что будет печататься из моего.

Профессоров потороплю и попрошу прислать что-нибудь теперь же. Если будут у товарищей подходящие статьи (кажется, есть кое-что), присылать ли?

Р. С. Стихи<sup>1470</sup> присылаю по настоянию Эрна, хотя великолепно знаю, что они скверны. Но если Вы захотите печатать их, то подпишите так: Ф. П.

Готовый к услугам

П. Флоренский.

1906. III. 18. Москва

<sup>1467</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Ед. хр. 327. Оп. 1. Л. 1. Открытка из Москвы. Почт. шт.: Москва 18.03.1906. Адрес: «Киев, Б. Житомирская, 12. Профессору С. Н. Булгакову».

<sup>1468</sup> Воззвание ХББ. Агитационный плакат.

<sup>1469</sup> Послание к архиереям: Листовка.

<sup>1470</sup> Стихотворения отсутствуют. Вероятно, речь идет о стихах Флоренского.

**В. В. Розанов — протоиерею А. П. Устьянскому<sup>1471</sup>**

[*Не позднее 20.03.1906*]

Спасибо, дорогой Александр Петрович, что не забываете меня: «Волховский листок». Я Вам не писал, потому что вот 2 месяца жена моя, изредка-изредка вставая с постели, лежит больная. Так неожиданно налетела болезнь сердца: доктора определили: «усталое сердце». Полное бессилие и боли в верхней части груди. Она, бедная, заработалась на 5 человек детей, при страстной заботливости своей.

О Вас: «Зачем свеча не на подсвечнике»? Вам будут высылать: Филевский<sup>1472</sup> из Харькова «Церковную газету» и из Москвы «Свободную совесть». Если бы Ваши превосходные работы появились в «Церковной газете» — сыграли бы большую роль. А в «Волховском листке» — слишком местно. Еще: нет ли у Вас экземпляра Вашей речи о триединном христианстве и отношении к евреям и мусульманам: я ее давал читать и кто-то «зачитал», а мне хочется ее

<sup>1471</sup> Печатается с комментариями по: Протоиерей Александр Устьянский и «неохристианство». Путь от «реформаторства» к расколу (на материале переписки с В. В. Розановым 1907–1919 гг.) / Вступ. ст. и коммент И. В. Воронцовой // Вестник ПСТГУ. II. 2011. Вып. 5 (42). С. 66–84.

Александр Петрович Устьянский (1854–1922) — окончил СПбДА со степенью кандидата богословия, был священником в Димитровской церкви в Старой Руссе, затем протоиереем и настоятелем церкви Рождества Богородицы Десятинного женского монастыря в Новгороде. С 1896 г. законоучительствовал в Лесной школе. А. П. Устьянский писал письма в редакции центральных газет и журналов, которые эти издания публиковали как его статьи. Они касались разных вопросов, но в 1899–1901 гг. преимущественно брака в христианстве. Списавшись в 1898 г. с Розановым, Устьянский на долгие годы стал его советником, наставником и помощником в религиозной обработке розановских тем в контексте «нового религиозного сознания».

<sup>1472</sup> Иоанн Иоаннович Филевский (1865–1925) — протоиерей, профессор Харьковского университета, богослов, духовный публицист, историк Церкви, деятель, обновленческий протопресвитер, друг Розанова. — В. К.

иметь. Пришлите, если осталось. О болящей Варваре<sup>1473</sup> помолитесь Я верю, что Ваша молитва доходит до Бога (Вы как-то писали: «да наши священнические молитвы доходят до потолка, а не до Бога»). Ваш любящий В. Розанов.

[Приписка:] Анна Сергеевна<sup>1474</sup> пишет, что Вы больны. Она написала прекрасные воспоминания о муже в «Свободной совести». Посылайте статьи Филевскому: Харьков, Коммерческое училище, отцу Иоанну Филевскому.

**С. Н. Булгаков — В. В. Розанову<sup>1475</sup>**

[21.03.1906. Киев]

Киев. Б. Житомирская, 26

21.III.06.

Добрейший Василий Васильевич! Начинаю это письмо с извинения пред Вами, что в декабрьскую книжку «Вопросов жизни» не попало окончание Вашей статьи<sup>1476</sup>. Это произошло не только помимо моего ведома, но и к искреннему моему огорчению, — дать окончание начатых статей, и в том числе Вашей, было для меня мотивом, по которому я особенно настаивал на необходимости выхода 12-й книжки. При-

<sup>1473</sup> Жена В. Розанова.

<sup>1474</sup> Вдова Ф. Бухарева.

<sup>1475</sup> Печатается с комментариями по: Неопубликованные письма С. Н. Булгакова к В. В. Розанову / Предисл. и коммент М. А. Колеров // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 149–150.

<sup>1476</sup> См.: *Розанов В.* Из старых писем. Письма Владимира Сергеевича Соловьева // Вопросы жизни. 1905. № 10–11. С. 377–390. В. В. Розанов, сотрудничавший в журнале «Новый путь», при преобразовании его в «Вопросы жизни» С. Н. Булгаковым и Н. А. Бердяевым был исключен из числа сотрудников как не соответствовавший их левой политической ориентации. Бердяев писал П. Б. Струве осенью 1904 г.: «Розанов может быть совершенно устранен, так же как и некоторые другие подобные писатели» (*Колеров М.* Не мир, но меч. С. 149.). На публикацию статьи Розанова, вероятно, повлияло учреждение МРФО в марте 1905 г. при ближайшем участии лидеров «Вопросов жизни».

ступая вместе с Волжским к опыту издания ежедневной религиозно-общественной газеты в Киеве<sup>1477</sup>, мы просили бы Вас уступить нам статью Вашу об Иисусе etc.<sup>1478</sup>, оттиск которой у меня есть. В случае Вашего согласия статья эта будет

<sup>1477</sup> В объявлении о предстоящем 2 апреля 1906 г. выходе газеты говорилось: «“Народ” ставит своей задачей всенародную религиозно-общественную проповедь. Исходя из идеалов вселенского христианства и, вместе с Владимиром Соловьевым, полагая, что христианская правда должна проникать не только в личную жизнь, но и область общественных отношений, мы будем отстаивать народную свободу, раскрывать неправду капиталистической эксплуатации и современных земельных отношений, а также настойчиво бороться против национальной вражды. Мы добиваемся преодоления недолжного отделения религии от жизни, унаследованного нами из предыдущей исторической эпохи, когда сложилась внерелигиозная и духовно мертвая общественность, а ей противопоставлялась лжехристианская проповедь человеконенавистничества, тупой реакции и насилия. Считая очередной задачей нашего времени создание христианской общественности, мы стремимся не только к литературному раскрытию ее идеалов, но и к творческой реализации их в жизни... Христианское возрождение требует не только внешней реформы церкви, но и углубления и прояснения религиозно-философского сознания, религиозного освещения запросов и нужд современной культуры». Среди сотрудников газеты были заявлены: ряд священников-обновленцев, С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, В. Я. Брюсов, А. Л. Вольнский, М. О. Гершензон, В. В. Зеньковский, Вяч. Иванов, А. В. Карташев, Н. О. Лосский, Д. С. Мережковский, В. П. Свенцицкий, Ф. К. Сологуб, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн и др. Не позже 4 марта 1906 г. Булгаков писал Гершензону: «В Киеве возникает ежедневная христианская газета под моей редакцией (и Волжского), так сказать соловьевского и уж несомненно в общественно-политическом отношении самого прогрессивного направления, замышляется как орган всероссийский. (...) Над нами висит драконовская цензура, и лишь это омрачает перспективы» (ОР РГБ. Ф. 746. К. 29. Ед. хр. 23. Л. 36–37). По выходе семи номеров газета была закрыта властями.

<sup>1478</sup> Возможно, имеется в виду оттиск статьи Розанова «Русская церковь», предполагавшейся к включению в его сборник, запланированный к изданию в Берлине Д. Е. Жуковским и вышедший в Париже в 1906 г. («Русская церковь и другие статьи»). Один из оттисков статей сборника Розанов передал в «Полярную звезду» П. Б. Струве (об этом см. письмо Розанова С. Л. Франку начала 1906 г.: РНБ АДП. Ф. 753. Ед. хр.

анонсирована в первом (пасхальном) номере. Кроме того, если Вы признаете возможным придать вид внешней законченности и самостоятельного целого (хотя в какой-либо степени) окончанию статьи о письмах Соловьева<sup>1479</sup>, то и она может найти себе приют на наших страницах.

Жму Вашу руку. Передайте мой привет Варваре Дмитриевне, которой желаю восстановления здоровья, — слышал об ее болезни.

Ваш С. Булгаков. Обяжете скорым ответом.

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1480</sup>

[21.03.1906. СПб.]

Вчера Вячеслав ходил в Соляной Городок и опускал свой бюллетень за кадетов, «так как левее нет выборщиков» и «так как индивидуальный бойкот, во всяком случае, бесполезен, даже если корпоративный и оказался бы действительным».

(...)

О Средах двух пропущенных отчетами что сказать. Нет сил. Были<sup>1481</sup> интересные, полезные и очень почти слишком специальные дебаты на тему Искусство будущего. Собираемся еще продолжать. Было еще несколько новых лиц. Ораторами были главным образом Вячеслав, Бердяев, Нувель (умница логическая и защитник истинный искусства), и в прошлую Среду очаровательное, умное, гениальное дитя Грабарь<sup>1482</sup>, и очень интересно говорил горящий мой друг

---

200); в журнале он был опубликован с цензурными купюрами 3 февраля 1906 г. (№ 8. С. 524–540), полностью — в отдельном издании 1912 г.

<sup>1479</sup> Окончание публикации писем В. С. Соловьева к Розанову появилось в 1907 г. в журнале «Золотое руно» (№ 2–3. С. 54–62) и в 1911 — в газете «Новое время» (1 (14) мая. № 12 619. С. 2).

<sup>1480</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 177–178.

<sup>1481</sup> 8 марта.

<sup>1482</sup> Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) — русский и советский художник-живописец, реставратор, теоретик искусства. В описанный

Миша Туган-Барановский. Грабарь по поводу тошнякавой <Sic!> статьи в «Руне» об индивидуализме в искусстве Бенуа<sup>1483</sup>, — говорил, что у нас слишком заботятся об индивидуализме и переходят в отъединенные экстравагантности, в эпохи же могучего творчества (Ренессанс, например) никто не боялся быть похожим на другого, наоборот, Veronese увидит у Тициана Венеру и Адониса, побежит домой и делает такую же позу, пытаясь во всем подражать, «плагиировать», и тогда-то и выйдет именно Veronese во всей силе индивидуальности. «Да здравствует плагиат». Это было так все свежо и богато сказочно. Не передается. Вячеслав придает значение этим разговорам о Искусстве, потому что теперь замечается поворот всех новых художников вообще прочь от индивидуализма. (Кризис Индивидуализма<sup>1484</sup>). А наши Среды так способствуют выработке новых идей, что, например, Бердяев говорит уже о плагиировании.

В прошлую Среду<sup>1485</sup> был тюремный редактор «Сигнала»<sup>1486</sup> — Чуковский, он 22-ого идет под суд. У него семья и нет денег, издатель подлец его не выручает. Он так нервен, что страшно за него, хотя храбрится ужасно. Остался один после всех до 5? утра. Говорил без конца, очень тонкий, изящный человек, юноша, проживший много лет в Англии и по-русски говорящий с акцентом. Кажется, очень талантлив. Странно было и страшновато за него. Странно и трогательно прильнул он к нам в первое же свое посещение. Он сотрудник «Весов». Очень хвалил «Кольца» и «Тени Сна».

---

период участвовал в работе творческих объединений «Мир искусства» и «Союз русских художников», на выставках которых экспонировались его пейзажи и натюрморты. — В. К.

<sup>1483</sup> См.: Бенуа А. Художественные ереси // Золотое руно. 1906. № 2. С. 80–88).

<sup>1484</sup> См.: Иванов В. Кризис индивидуализма // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 87–100.

<sup>1485</sup> 15 марта.

<sup>1486</sup> «Сигнал» — сатирический журнал, который издавал (а не был только «тюремным редактором») К. И. Чуковский.

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1487</sup>

[21–22.03.1906. СПб.]

Сегодня, о смелость моя! угощала обедом Сомова. В 4 часа побежала за провизией, так как на сеансе сидел Gunther и читал свои музыкальные стихи и переводы, растопив плиту, а в 5 сели за стол! Hors d'oeuvres sardines<sup>1488</sup>, макароны по-итальянски, телячий рулет и жареный картофель с моченой брусникой, битые сливки с яблочным пюре (испекла яблоки и протерла) и кофе турецкий. Сомов очаровательный собеседник, умница, утонченник, само изящество. Был при нем два раза Hans von Guenther, совсем юный балтийский немец дворянин, кажется, поразительно даровитый поэт из Modernes Dichter<sup>1489</sup> Кружка Steph. George<sup>1490</sup>. Вячеслав говорит: напиши, что он страшно хорошенький. Издавать собирается 25 томов!! с переводами новых русских поэтов. (Например, «Тантал» — отдельный томик, «Кормчие Звезды» и «Прозрачность» в одном.) Перевел, кажется, великолепно, много стихов Вячеслава. Также все мои «Тени Сна» (второй их перевод на немецкий язык). Был в первый его приход и один писатель из рабочих Чапыгин с талантом, но недостаточно ярким, он пришел ко мне прочитать мне одну свою сказку (очень недурную) для «Тропинки», и, таким образом, вокруг нашей Джоконды образовалась академия искусств<sup>1491</sup>, чем Сомов был очень до-

<sup>1487</sup> Печатается с комментариями по: Богомолов, 2009. С. 172–174.

<sup>1488</sup> Закуски из сардин (фр.). — В. К.

<sup>1489</sup> Современные поэты (нем.). — В. К.

<sup>1490</sup> Стефан Георге (George, 1868–1933) — немецкий поэт-символист, переводчик. — В. К.

<sup>1491</sup> В каком-то смысле «академия искусств», видимо, должна была служить противовесом Средам, все более и более клонившимся к философским диспутам, несмотря на усилия «райка». Председательство Бердяева этому, конечно, только способствовало. Сомов же, успешно создававший атмосферу «чистого искусства», задавал тон во время сеансов, и посещения И. фон Пюнтера (оставившего об этом времени воспоминания в своих мемуарах (Guenther Johannes, von. Ein Le-



волен и говорил, что моя оранжевая шаль даст тон всей академии. Он придумал мне три костюма и принес книги из Эрмитажа... (...).

Мережковские уперли не простившись, а какнув в Хаме (вот словечки одно к одному), и вдруг сладкое письмо из St. Raphael Гиппиус к нам обоим. (...)

Ну, принимаюсь за работу, а то Вячеслав проснется, а потом Сомов, а потом наша ужасная Среда, как лавина. Зовет: Лиля, Лиля! сонным голосом. *Finita la mia matinata!*<sup>1492</sup>

4 часа. Ушел Сомов, сегодня торжественно заявил в присутствии Чулкова по поводу обложки «Факелов», что оранжевый цвет он хочет сохранить для моего портрета осенью. Вячеслав вернулся вчера в два ночи с корректурами, которые и так правил и день до 4-х, и совершенно прекрасной обложкой «Факелов» Лансере<sup>1493</sup>: на темном пурпуре матовым серебром дивные огни факелов и венки.

### С. Н. Булгаков — П. А. Флоренскому<sup>1494</sup>

[23.03.1906. Киев]

23 марта 1906 г. Киев.

Многоуважаемый Павел Александрович! Спасибо за стихи и за Ваши произведения, которые я получил. «Сло-

---

ben im Ostwind: Zwischen Petersburg und München: Erinnerungen. Mn., [1969]), утверждавшего, «что самые тонкие и передовые люди Европы вот здесь, вот — мы, ибо Запад еще декадентствует в своих вершинах, а мы уже перевалили», должны были не только льстить Иванову, но и утверждать его в верности избираемого и формируемого пути.

<sup>1492</sup> Кончилось мое утро (*ит.*).

<sup>1493</sup> Евгений Евгеньевич Лансере (1875—1946) — русский и советский художник.

<sup>1494</sup> Печатается с комментариями по: Переписка Флоренского с Булгаковым, 2001. С. 18—19. Открытка. Адрес: Сергиев Посад, Моск. г., Духовная Академия. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Ручкой Флоренского: «Получ. 26. III». Штемпели: Киев, 23. III.1906 и Сергиевский Посад, 26.3.06.

во»<sup>1495</sup> пойдет, вероятно, в пасхальном номере. О стихах решит Волжский, который еще не приехал; мне они нравятся, особенно «In расе»<sup>1496</sup>. Надеюсь, что они тоже скоро у нас появятся. Дальнейших присылок Ваших ждем. Текст обращения Вашего<sup>1497</sup> опоздал для рассылки, но если он окажется удовлетворяющим общим нашим желанием, то его можно поместить в виде обращения в пасхальном номере.

Оттиски изготовлять Вам едва ли можно по типографическим соображениям. Газета Вам будет, конечно, высылаться; если Вам нужно большое количество экземпляров газеты, где будет напечатано Ваше, прошу Вас обращаться с специальной просьбой в контору газеты, потому что я не надеюсь на свою в этом отношении точность и не всегда в состоянии следить.

Ваш С. Булгаков.

---

<sup>1495</sup> См.: *Флоренский П.* Начальник жизни. Слово, сказанное в Покровском храме Московской духовной академии 18 апреля 1905 г. за литургией второго дня Святой Недели // *Народ.* 2 (15) апреля 1906. № 1. С. 3 (под сокращенным заглавием); То же: *Христианин.* 1907. Т. 2. № 4. С. 705–709; то же: отд. отт. Сергиев Посад, 1907.

<sup>1496</sup> См.: *П. Ф.* In расе. Посвящается похороненной 23 февраля 1905 г. на деревенском кладбище // *Народ.* 9 (22) апреля 1906. № 6. С. 3. В Архиве свящ. Павла Флоренского сохранилась вырезка из этой газеты стихотворения «In расе», подписанного Флоренским: «С. Троицкий и П. Флоренский». В начале написано посвящение: «Милому единственному Сергею (sit benedictum nomen ejus) П. Твоя от твоих тебе приносяще...».

<sup>1497</sup> Письмо в редакцию. «Открытое письмо студентов Московской духовной академии к архипастырям Русской Церкви» // *Народ.* 9 (22) апреля 1906. С. 2. Флоренский записал его проект 12 марта 1906 г. и был арестован именно за организацию состоявшейся в тот же день студенческой сходки. Сходство названий и содержания говорит о прямой преемственности с вышеупомянутой статьей Свенцицкого, с которой Флоренский был «согласен вполне». Подр.: *Флоренский П. В.* «Через подвиг же и крест...» // *Новый журнал.* 2006. № 243. С. 112–123. — *Прим. С. Черткова.*

**Д. С. Мережковский — А. С. Глинке<sup>1498</sup>**

[23.03.1906. СПб. — Киев]

(...) Могли бы и мы спросить вас — т. е. не Вас лично, а тех, с кем Вы и кому Вы верите больше, чем нам, и от кого не требуете «дела», как «знаменья», — т. е. Булгакова, Эрна, Свенцицкого и пр.: где же Ваше дело? Вы толчетесь на месте гораздо безнадежнее, чем мы: Вы не порвали с Церковью православной окончательно и не вошли в нее окончательно, — вы даже этого не «сделали», хотя уж это-то вы прежде всего обязаны были сделать! И что у вас у всех — кроме «слов», насколько «красивых» — об этом спорить не будем — это пусть другие рассудят — будущие историки русской литературы? Вы скажете: наши слова — тоже дело (...) Слова Булгакова, Эрна, Свенцицкого — не их собственные слова; вы все не пошли дальше Владимира Соловьева; ваши слова — не ваше, а его дело. (...)

**В. Ф. Эрн — А. С. Глинке<sup>1499</sup>**

[24.03.1906. Москва — Симбирск]

(...) Валентин Павлович будет в Москве в пятницу 24 марта. Должно быть, дождется здесь Вас. (...)

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1500</sup>**

[24–26.03.1906. СПб.]

(...) Говорила ли, что Понтер графолог поразительный и тонкий? по почерку моему определил во мне всякие ужасы: холодный огонь, мало темперамента, большая жалостливость, вы-

<sup>1498</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 229.

<sup>1499</sup> Там же. С. 229.

<sup>1500</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 179–182.

сокий полет мыслей, конструктивность творчества, честолюбие, тщеславие, кокетство, строгость, сильную чувственность... с последним проделывал несказанные церемонии, пока выдал. Я умоляла сказать все, только если это не глупость и не бездарность. (...) Но я очень довольна, и я же себя не знаю. И думаю даже, что это ближе к истине, нежели Александра Васильевна Гольштейн<sup>1501</sup> с моей «добротой». Недаром Гиппиус, глядя мне в глаза, спросила: «Вы умеете любить? Любите ли хоть кого-нибудь? Ну, хоть Вячеслава Ивановича?» Я и не хочу любви. Что-то иное нужно. И никогда не писала я столь безумно противоречивых вещей, как именно за это время поисков.

Ну, к Среде<sup>1502</sup>. Приходят гости, и являются цветы. Понемногу комната обращена в цветник<sup>1503</sup>. Это невероятно, безумно в Марте в Петербурге среди снега. Народа набирается 34 человека. Все со мною так ласковы и почтительны. Гюнтер читает стихи мне и Вячеславу и еще свою песенку... Он поразителен. Ему всего 19 лет! И он так умен и так безумен. Он был в каком-то экстазе в тот вечер. Еще вдвоем с Вячеславом он делал ему признания о себе, и пророчил, и читал прекрасные стихи странным чарующим ритмическим образом... Упоительный, красивый мальчик, и в первый раз мне юноша кажется интересным и мужчиною. У него есть сестра-консерваторка, с которой он глубоко и нежно дружен. Они называют друг друга смешными ласковыми именами, и я так ему завидую. (...) Тема была в Среду «О счастии для современной души», но, несмотря на все усилия Вячеслава поставить ее на место, она все сдвигалась и беспорядочно и *maussadement*<sup>1504</sup> вернулась вокруг. Никто не мог так посмотреть на счастье как на упоение мукою и блаженством в трагической среде, так

<sup>1501</sup> Александра Васильевна Гольштейн (урожд. Баулер, 1850–1937) — писатель, переводчик, журналист, врач. Участвовала в движении Гарибальди в Италии и русском революционном движении. — В. К.

<sup>1502</sup> 22 марта.

<sup>1503</sup> Цветы и подарки связаны с именинами Зиновьевой-Аннибал, приходящимися на 23 марта старого стиля.

<sup>1504</sup> Проклятие (*фр.*).

сказать. Верно, большинство людей голодны и сытого не разумеют. Но где вам голода? Имела ли ты счастье? Нет, святая Маруся, но полна до краев твоя сытая душа. (Странно, что одновременно с предложением Вячеславом этой темы ее же предложил Осип Дымов, который понимал верно.) А мне было стыдно говорить в среду, потому что я боюсь голодных, мне жалко. Я же не добрая, но жалостливая. Пишу дальше о теме: Вечер не удался, потому что Вячеслав решительно перетончил. Если им трудно уже понять упоение как соединение счастья и трагизма вместе, то совсем невозможным оказалось понять призыв к счастью простому за или по ту сторону этого упоения. А именно тезис его был: Я много разговаривал с Сомовым (Сомов присутствовал, но, как пойманный школьник, комично молчал даже на вопросы), что счастье люди знали до половины 19-ого века, по мнению Сомова, люди совсем уходят от счастья и человечество ожидает огромный провал, ибо жизнь уже не будет ни красивой, ни счастливой. Вячеслав же утверждает, что счастье, как кажется, действительно умерло, и для современной души возможно только упоение-экстаз, который соединяет высшую полноту мгновения с острейшим ощущением трагизма жизни. Или же возможно отрешенная солнечность. Но Вячеслав все же тоскует о прежнем счастье и цветка и сравнивает себя с Фаустом, который, достигнув всех вершин, зовет Мефистофеля для испытания мига, которому бы он сказал: остановись. На все предлагавшиеся формулы счастья Вячеслав восклицал: «Грустное счастье!» и спрашивал: «Неужели никто не чувствует пафоса Фауста bis?». Еще вставляю для ясности. Сравнение с Фаустом только параллель. Фауст все узнал и все созерцал, и дух макроkozма и микроkozма. Так и современный человек может сказать про себя: я узнал и Диониса и Аполлона, и экстаз и распятие, распятую солнечность и все сочувствия, все страдания и все радования... и ничего лично-человеческого во мне уже не осталось. А все же я хотел бы быть и человеком, и хотел бы не отвернуться и от того, что только *menschliches*, nur

menschliches<sup>1505</sup>. Голубая весенняя даль опять поднимает меня лететь куда-то в то место, где как будто ждет меня мой цветок счастья мига, как и Фауст говорит: «Кто не хотел бы летать весной с журавлями?» и пр., одним словом, слова Вячеслава были «реакционерны» в смысле реакции против его обычной и энергичной проповеди сверхиндивидуализма, мистического хорового экстаза, религии Страдающего Бога и других отраженностей и солнечностей. Он сам сожалеет, что внес смуту в публику, которую, как оказалось, нужно трактовать педагогично и которая не может понять поэта в его художественной универсальности. Уже после Среды Вячеслава упрекнули за его «арелигиозность», которую он будто бы неожиданно проявил. А он решительно испытывает какие-то латентные заражения от Сомова, которого очень любит и чувствует или даже «сверхчувствует» и с которым забавляется романтизмом (читает теперь по его приказанию «Кота Мура» и автобиографию Челлини) и носится по его советам с каким-то широко задуманным *Abenteuer Roman*<sup>1506</sup> à la *Wilhelm Meister* из современной жизни.

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову**<sup>1507</sup>

[26.03.1906. Москва — СПб.]

Дорогой Саша! Булгаков прислал письмо, где умоляет о присылке статей. Вспомни Ламенне!<sup>1508</sup> Кроме того, может быть, сочтешь возможным написать еще раз в Тифлис о присылке корреспонденции оттуда непременно к первому же №. У нас

<sup>1505</sup> Человеческое, только человеческое (нем.).

<sup>1506</sup> Приключенческий роман (нем.).

<sup>1507</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 95.

<sup>1508</sup> Фелисите Робер де Ламенне (de Lamennais, 1782–1854) — французский богослов и публицист, аббат, один из основоположников христианского социализма. Возможно, имеется в виду неизданная рецензия на диссертацию С. А. Котляревского «Ламеннэ и новейший католицизм» (М., 1904). — *Прим. С. Черткова*.

целая вереница гостей. Рабочие, между прочим тот художник, Грифцов<sup>1509</sup>, Сизов, графиня Баранова, Чми<sup>1510</sup>. Между прочим на другой день после твоего отъезда приходила Оля Шер, что-бы позвать тебя ехать к Королевым в Петелино<sup>1511</sup>.

Пока прощай. Всего доброго. Твой В. Эрн.

### В. Ф. Эрн — Е. Д. Эрн<sup>1512</sup>

[26.03.1906. Москва — Царские колодцы]

Вчера вечером пришел ко мне один академик и сообщил мне, что Павел Флоренский, бывший когда-то мне очень

<sup>1509</sup> Борис Александрович Грифцов (1885—1950) — критик, переводчик, литературовед, искусствовед, издатель.

<sup>1510</sup> Чми (Чмич) — прозвище друга В. Эрна, А. Ельчанинова и П. Флоренского Дмитрия Дмитриевича Галанина (младшего).

<sup>1511</sup> «В женской гимназии А. Д. Алферовой, где училась сестра Шера, ее подружками были сестры Королевы, Варя и Маруся. Через них познакомились с семьей Королевых Шеры, а через Шеров и мы — Свенцицкий, Орлов и я. Семья состояла из вдовы Александры Васильевны, энергичной и властной, не без самодурства, большой почитательницы Льва Толстого, а потом кадетской партии, — матери семерых дочерей и малолетнего сынишки. Королевой принадлежали два небольших именища, в 40—50 верстах от Москвы, в Звенигородском уезде. И в течение многих лет на Святки, на Масляную и на Пасху, а то и на неделю в свободное время, наезжали мы в Коренево и Пителино. (...) Размещались в тесноте, но в полном довольстве. Целые дни проходили в шуме, смехе, пении, беседах, спорах, играх, изошрялись в остроумии. Питались просто, но обильно, пили — не спиртные, конечно, напитки: хозяйка не зря считала себя поклонницей Толстого, — а чай, много чаю со сливками, самодельными вареньями и медом. Летом ходили по грибы, зимой ходили на лыжах при луне, а то ездили в гости к соседям или просто прокатиться... В такой атмосфере естественно возникали и легкие увлечения, и серьезные романы. В частности, для Шера и Орлова знакомство с Королевыми привело к тому, что они породнились: женились на Тане и Марусе Королевых» (*Вишняк М.* Дань прошлому. Н.-Й., 1954. С. 54—55). — *Прим. С. Черткова.*

<sup>1512</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 230—231. Евгения Давидовна Эрн (урожд. Векилова, 1886—1972) — супруга В. Ф. Эрна.

близким человеком (и теперь очень дорогой мне), арестован. 12-го марта в академической церкви он произнес проповедь (это уж у них такой обычай, чтобы студенты проносили проповедь), в которой с большим религиозным чувством он говорил о совершающихся теперь расстрелах, казнях и убийствах<sup>1513</sup>. Был составлен протокол. Академики, т. е. студенты, встретили проповедь его восторженно (это как раз было в тот день, когда пришло известие о казни Шмидта) и решили издать ее бесцензурно на свои собственные средства, что и сделали. А 23-го вызвали Павлушу повесткой власти и, арестовав, переслали в Москву в Таганскую тюрьму. В этой тюрьме сидят Владимир Шер и Орлов<sup>1514</sup>. Все это произошло страшно неожиданно, потому что Павлуша Флоренский был очень враждебно настроен к какой бы то ни было общественной деятельности и говорил всегда, что можно влиять лишь на отдельные личности, и в этом пункте как раз очень расходился с нами, а в остальном мы всегда были очень близки в воззрениях.

---

<sup>1513</sup> «Безбожное дело, убийство Сына Божия... свершилось. И этот урок, казалось бы, ужасом пред насильственной смертью должен наполнять душу всякого царя, всякого правителя, всякого священника, всякого патриота, всякого потатчика убийству. Своею казнью Христос казнил всякую казнь. Своим осуждением Христос осудил всякого вершителя чужими жизнями... Иль вы не понимаете, что это вновь и вновь Христа расстреливают и вешают, и бьют и оскверняют? Не понимаете, что каждый выстрел направлен в тело Христово?» (*Флоренский П.* Вопль крови. С. 5). Ср. написанное тогда же Свенцицким: «Отныне убивать людей — это значит издеваться над страданиями Христа... В великих словах “Воистину воскрес” — ваше вечное осуждение! ...Ведь Христос приходит на землю и теперь в виде голодных и обиженных людей. Вы не помогаете им, вы стреляете в них — вы стреляете в Христа» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 33, 49).

<sup>1514</sup> Александр Семенович Орлов (1883—?) — родился в крестьянской семье. Марк Вишняк вспоминает: «Быстрее и раньше других сошелся я со своим близким другом в будущем Орловым, Александром Семеновичем, — товарищем министра торговли и промышленности февральской революции». *Вишняк М.* Дань прошлому. С. 43.



И теперь вдруг этот самый Павлуша так удивительно и неожиданно выступил в роли проповедника. Проповедь поражает глубиной и искренностью чувства и производит даже при чтении сильное впечатление. А в церкви это, должно быть, совсем было удивительно. Пойду сейчас узнавать о подробностях, а главное, узнать, что ожидает Павлушу и нельзя ли ему как-нибудь помочь. Проповедь я тебе пришлю. Меня все это поразило, потому что, по-моему, это знамение Возрождения Церкви и подлинно христианской жизни не может обойтись без гонений, и потому арест Павлуши говорит моему сердцу очень много<sup>1515</sup>.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1516</sup>**

[26.03.1906. СПб.]

Воскресенье 10 утра

К вечеру<sup>1517</sup> пришел Гюнтер, стали обедать чем Бог послал моментально. Потом вдруг Юля, потом Бердяевы с цветами *hortensia* и вазочка: подражание древней с фиалками, нарциссами, гиацинтами и еще дивным глицинием, кажется, а Бердяев хотел «декадентке» (мне сплетничала Лидия Юдифовна, что они даже поссорились в магазинах) — принести черный ирис. И здесь началось что-то неожиданное. Да, явилась на часок Чулкова с чудным сладким пирогом. Между цветами двигались эти три красавицы. Чулкова — брюнетка еврей-

<sup>1515</sup> Приписка Е. Д. Эрн: «А 1-го апреля он пишет: “Относительно Павлуши Флоренского выяснилось вполне достоверно, что его отпускают в пятницу, т. е. через 5 дней”». После прошения ректора МДА московский генерал-губернатор В. Ф. Дубасов распорядился освободить Флоренского в Страстной Четверг (30 марта), дабы он мог, «как подобает христианину, встретить и провести Светлый праздник». См. также примеч. к письму В. Ф. Эрн А. В. Ельчанинову от 5 апреля 1906 г.

<sup>1516</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 68; *Богомолов*, 2009. С. 176–177.

<sup>1517</sup> 25 марта.

ского типа, но с большой нежностью, Бердяева — античная маска с саркофага, и Юля, сам Бердяев — красавец, кудрявый брюнет с алмазами — горящими талантом и мыслью глазами. Пюнтер красавец «schlanke Flamme's»<sup>1518</sup>, как его называет Вячеслав по заглавию его первого сборника «Schlanke Flammen». Затем старики: Вячеслав и я. Тоже интересные: тому порука вкус Сомова. Мой красный хитон с оранжевой шалью очень был хорош и вдохновил всех на маскарад. Лидия Юдифовна общицала от обилия цветов, украсили женщин и мужчин. Бердяева одели греческими складками в оранжевую кашемировую ткань, повязали оранжевую bandelette<sup>1519</sup> через лоб и розы в волосы.

Вячеславу одевали папоротник на голову. Юлю причесали châtelaine<sup>1520</sup>, уничтожив гнусную римскую репу, и она преобразилась от своего удручительного безвкусия. Лидия Юдифовна повязала греческую банделетку красную через лоб и устроила трагическую прическу, укуталась в старую, моей матери, персидскую шаль, увы, другой не было. Стали пить вино и шутить, потом стали говорить горячо о красоте и ее счастье, что нужно спасти ее для жизни, и вспоминали слова Горького, «что мало мы ценим себя и что мы правительство России», и слова Гюнтера, что самые тонкие и передовые люди Европы вот здесь, вот — мы, ибо Запад еще декадентствует в своих вершинах, а мы уже перевалили. <Вячеслав> написал Гюнтеру в его альбом стихотворение к нему: «На востоке Люцифер, Веспер на закате».

(...) Решено было, раз мы «правительство» и «первые люди», с осени начать «преображать» костюмы и нравы, устроив ядро истинной красоты при помощи наших художников. Сомов, бывший очень робким и несколько исключительным в своих идеалах 18-го века, теперь совершенно соблазнен моими хитонами и нашими жаркими

<sup>1518</sup> Язык огня (нем.).

<sup>1519</sup> Повязка (фр.)

<sup>1520</sup> Здесь, вероятно, дамская прическа (фр.) — В. К.

проповедями. С ним установились отношения любовные, сильнейшего взаимного заражения, и я написала ему на своих «Кольцах» то, о чем мы с Вячеславом говорили: «Чистому художнику, дорогому вдохновителю, милому мне Константину Андреевичу Сомову». Сомов называет каждый сеанс у нас сказкой Шехеразады и не спешит кончать свой делающийся, кажется, совершенно замечательным портрет. В Вячеславе ему нравится его многосторонность и всеотзывчивость. Да, ведь Сомов подарил нам дивный альбом своих произведений с надписью: «Глубокоуважаемым и дорогим мне В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал». А в день именин еще пришла телеграмма от Осипа Дымова: «Сердечный привет, доброе поздравление женщине, чья белая душа укутана в красный хитон». Кстати, поздравляли еще две сестры Гиппиус (непонятные) художница и скульптор<sup>1521</sup>, и еще поздравлял письменно Успенский.

### Н. А. Бердяев — З. Н. Гиппиус<sup>1522</sup>

[27.03.1906. СПб.]

Петербург, 27 марта

Дорогая, милая моя Зинаида Николаевна! Не писал Вам до сих пор не потому, что не помнил о Вас все время и не имел, чего сказать, а потому только, что слишком многое хотелось разом сказать и трудно это. Все хотел осмыслить и осознать окончательно свое отношение и к Вам лично, и к Дмитрию Сергеевичу, и Дмитрию Владимировичу. Вы, Зинаида Николаевна, родная мне душа, и казалось мне иногда, что близость с Вами могла бы дей-

<sup>1521</sup> Имеются в виду Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна Гиппиус.

<sup>1522</sup> Печатается с комментариями по: Письма Н. Бердяева / Публ. и коммент. В. Аллой // Минувшее. Вып. 6. Париж, 1988. (Далее: *Аллой*, 1988). С. 297–299. На первой странице сверху приписка: Когда возвращаетесь в Париж?

ти до абсолютного слияния. Но было бы ли это праведно, не знаю, часто сомневаюсь в этом. У меня есть к Вам отношение глубоко индивидуальное, интимное, несоборное, нецерковное, и отношение мое не изменилось бы, если бы я узнал, что Вы от дьявола. С ужасом отвернулись бы от Вас Ваши единоверцы, а я не отвернулся бы. Вот это-то и странно, Зинаида Николаевна! Это Вам лично я говорю, мистическую связь с Вами ощущаю, а теперь о вашем соединении, о вас всех. Почему я не соединяюсь с Вами окончательно, не вхожу в Вашу общину, не живу с Вами общей религиозной жизнью, в которой все показывается уже, а не доказывается? Думаю, что причина тут не только в раздвоении моей стихии и слабостях и недостатках моих, моем индивидуализме, антицерковности, боязни потерять свободу или разочароваться в соединенной жизни, не только в сомнениях моих, какому Богу поклоняться. Препятствие есть также и в сознании моем, и эта сторона недостаточно у нас выяснена. Я, кажется, расхожусь с Вами в понимании церкви и не думаю, чтобы Вы уже знали, что такое церковь. Это я ведь высказал в своей статье «о новом религиозном сознании»<sup>1523</sup>, поставил Дмитрию Сергеевичу вопрос о церкви, на который он мне не ответил. Боюсь, что у Вас есть тенденция образовать секту, маленькую интимную религию, очень интересную, глубокую, завлекательную, но не вселенскую. Где очертания вселенской церкви? Вот самый проклятый, не решенный еще вопрос. Я написал статью «О путях политики»<sup>1524</sup>, в которой высказываю сомнение, что до сих пор существовала видимая, определенным кругом обведенная церковь, так как не могу примириться с преступлениями христианской церкви против земли, против культуры и свободы. Самая крупная заслуга Дмитрия Сергеевича была в том, что он заговорил о религии, вмещающей

<sup>1523</sup> См.: Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 147–188.

<sup>1524</sup> См.: Свобода и культура. 1906. № 2. С. 106–121.

всемірную историю и всю полноту культуры, освящающей землю. И я с ужасом смотрю, чтобы Ваше религиозное развитие не пришло к церкви, из которой опять выходит и вся история, и вся культура, и плоть міра. Боюсь монастыря, боюсь аскетического отречения. Верю глубоко, что невидимая мистическая церковь должна сделаться видимою, воплощенной, мечтаю об этом, но процесс выявления представляется мне очень сложным, многообразным, вмещающим міровые богатства. Не могу с легким сердцем обречь человеческую личность на гибель, на небытие и потому должен признать многообразие путей спасения личности. Неужели Вячеслав Иванов, милый, добрый, необыкновенно культурный, но путаная голова, погиб, потому что не входит в церковь, как вы ее понимаете? Тут что-то не так. В церкви должна быть и истина гуманизма, она должна как можно больше спасать и как можно меньше осуждать. Образование церкви в истории должно идти от личности, утверждающей себя со всеми своими ценностями, и должно быть процессом органическим, а не механическим, внутренним ростом из разных мест земли и земной культуры. И трудно сказать, где и как образуется сейчас церковь, кто находится в мистическом круге. Вы склонны думать, что только ваш союз — церковный, что только от вас образуется церковь, новая и вечная, а вне вашего круга все осуждается. В этом я вижу соблазн. Я не сомневаюсь в глубине ваших религиозных верований, в огромной важности ваших религиозных идей, но все же вы мне представляетесь предтечами религиозной революции и религиозного возрождения, а не церковью уже. Я люблю Вас как предтечу, нуждаюсь в Вас, бесконечно обязан Вам, но не могу поверить, что в Вас и только в Вас осуществилась истинная теократия. Вы мои родные, бесконечно близкие и дорогие мученики великого религиозного процесса, все еще искатели, мятежные души. Вы потеряли только человеческие надежды, изверились в только человеческие пути и только человеческие утешения и спасае-

тесь от ужаса небытия, но вы еще не можете быть спасителями, не сошел еще Дух Утолитель, не исходит еще от Вас сияния, притягивающего к Вам души. Каждый из Вас может иметь человеческие недостатки и пороки, но вы, как целое, должны быть притягательны, обаятельны, должны радость вокруг себя распространять, а Вы отталкиваете. Ощущаю глубокую мистическую связь с Вами (не только с Зинаидой Николаевной, которую люблю, кто бы она ни была) и общность путей, но не ощущаю еще нашей церкви и боюсь тут ложного, сектантского, аскетического, не вселенского пути. А вот с Карташевым, с Серафимой Павловной<sup>1525</sup>, с Вашими сестрами<sup>1526</sup> такой связи не ощущаю, хотя хорошо к ним отношусь<sup>1527</sup>. Все в личности и че-

<sup>1525</sup> С. П. Ремизовой.

<sup>1526</sup> Сестры Гиппиус, Татьяна Николаевна и Наталия Николаевна. Ср. описание «интимной общины» у Андрея Белого: «я по счету принятия седьмой член (Карташев, две сестры Гиппиус суть четвертый, пятый и шестой члены)» (*Белый А. Почему я стал символистом... Ardis, 1982. С. 50*).

<sup>1527</sup> Бердяев был посвящен в существование учрежденной Мережковскими в 1901 году собственной церкви и созданной ими впоследствии религиозной общины, в которую входили Татьяна Николаевна и Наталия Николаевна Гиппиус, Антон Владимирович Карташев, Серафима Павловна Ремизова, Василий Васильевич Кузнецов; в совместных общинных молениях принимали также участие (в разные годы) — Андрей Белый, Мариэтта Сергеевна Шагинян, Евгений Павлович Иванов, Александр Александрович Мейер; до отъезда в Париж Мережковские пытались ввести в свою общину Н. Бердяева. Об истории церкви Мережковских см.: *Гиппиус З. О Бывшем // Возрождение (Париж). 1970. № 218. С. 57–75; № 219. С. 52–70* (публ. Т. Пахмусс); в предисловии Т. Пахмусс к публикации писем З. Гиппиус к Д. Философову в: *Pachmuss, 1972*). Наиболее полный материал об истории церкви и религиозной общины Мережковских содержится в дневниках Т. Н. Гиппиус 1906–1908 гг., хранящихся в архиве Амхерста (США); особое внимание в своих записях автор уделяет рассказам о «борьбе» за Бердяева. См. также монографию: *Сарычев Я. В. Религия Дмитрия Мережковского. «Неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение. Липецк, 2001*.

рез личность! Предчувствую новую религиозную общественность как любовь личностей, но этим не решается, а только обостряется, делается еще более трудным вопрос о церкви. В отношении моей личности к другим людям есть интимное, которого Вы не знаете и которое нельзя объяснить. Это должно быть признано и не должно стоять между нами. Я реально тоскую по Вас, скучаю, мне ведь действительно некуда пойти. Нежно целую Дмитрия Сергеевича и Дмитрия Владимировича, мои поклоны им. Целую Ваши руки.

Ваш любящий Николай.

### Продолжение

Еще хотел сказать. Меня всегда тянули в Церковь, в церковь социал-демократическую, в церковь либерально-идеалистическую, в партию, в «практическую» деятельность. Когда я был социал-демократом, то хотел быть свободным философом социализма и пролетариата и имел отвращение к тому, что называлось «практикой», не мог поместиться ни в какой «организации». Потом стал свободным искателем. Я верю, что есть призвание философа, как есть призвание художника, и самое важное — свое призвание исполнить. Мне иногда кажется, что Вы отрицаете индивидуальное призвание и всем навязываете одну задачу. Я же никогда не соглашусь на уничтожение философии, литературы, искусства, всего богатства культуры, хотя знаю, что всякое творчество должно быть подчинено религиозному центру. Но подчинение религиозному центру не упраздняет культуры, а обогащает ее. Так должно быть, если религия опять не будет аскетической. Быть может, я наконец войду в Церковь, в истинность которой поверю, но индивидуальная задача моей жизни останется та же — построить систему религиозно-философского гнозиса. Мне близки не практические строители христианской Церкви, а гностики, близки не апостолы, а Ориген и ему подобные.

Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой<sup>1528</sup>

[Б. д. 1906?]

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна

Моя жена лежит в постели, а потому лишена возможности Вам ответить. Благодарю за билет и прилагаю при сем 5 руб.

Искренне Вас уважающий

Кн. Е. Трубецкой

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1529</sup>

[30.03.1906. СПб.]

Ночью на Среду Вячеслав буквально импровизацией написал стихотворение Allegro шутивное, хотя высоким стилем с большими утверждениями о нас как *trésoriers de l'avenir*<sup>1530</sup> для «тощих» фараоновских годов (в ответ на стихотворный вопрос Allegro-фараона, присланный ему по почте по поводу пьесы Осипа Дымова — Юсуфа, не разгадавшего сон фараона)<sup>1531</sup>. И два P. S. шутивных, легких и очаровательных в защиту, с некоторой тонкой иронией, Дымова. Также великолепные длинные терцины Сомову, глубокий и изящный портрет художника и души — пессимиста, влюбленного в ушедшую красоту, в потерянное счастье. Терцины вышли, по-моему, безупречными. Сомову ужасно нравятся, и он их считает драгоценным подарком и шедевром. Вячеслав вписал их в Прозрачность — подарок Сомову. (...)

<sup>1528</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 13. Закрытка. Адресована: почерком Е. Н. Трубецкого — Ее Высокородию Маргарите Кирилловне Морозовой; другим почерком — от Кн. Трубецкой.

<sup>1529</sup> Печатается с комментариями по: Богомолов, 2009. С. 177–178.

<sup>1530</sup> Казначей будущего (*фр.*).

<sup>1531</sup> Речь идет о стихотворении Вяч. Иванова «Сновидение фараона».



Иду назад в днях — к неописанной Воскресной ночи. В театре на пьесе Дымова<sup>1532</sup>. Свежая, смелая проповедь жизни, не боящейся прошлого для будущего, не стесняющейся сказать «горе побежденным» на тонах чеховских. Вся зала почти знакомая. Но много и «публики». Чулков и Ремизов слышали в нескольких местах разговоры «публики»: «Сегодня интересный вечер: будут все декаденты, будет Вячеслав Иванов!» и «Интересно посмотреть на этого Вячеслава Иванова!»

После 12 поехали к Сологубу. Какая-то удручительная и мрачно бесовская атмосфера. Читал сказку, т. е. рассказ с бесовскими штучками. Ловко, но скверно. И публика очень подозрительная: какие-то плохие поэты сатанинского пошиба. Дома к 4 утра!

Во вторник Сомов, вечером ждем к обеду Гюнтера. Не едет. Вячеслав мчится к Ремизовым, где Гюнтер живет, со сценой неправильной ревности. Вечером является Гюнтер, занимавшийся весь день в редакции «Petersburger Zeitung» продажей ста своих стихотворений переводных... Утром я должна по делу спешно к Ремизовым. Возвращаюсь: Сомов уже на сеансе и меня ждет. Синилов<sup>1533</sup> <Sic!> говорит о либретто своем, чтобы я писала к будущему году. Образуется академия вокруг Джоконды. Приходит Гюнтер. (...) Приходит Леман со своим «вечером литературным», где мы должны читать. А мне некогда шить костюма. (...)

Прерывала для Чулкова: принес «Факелы!» Прелестная книжка. Вышло пока всего 400 экземпляров. Бумаги

<sup>1532</sup> См. в хронике: «Генеральные репетиции пьес передвижного театра П. П. Гайдебурова состоятся в театре гр. Паниной (угол Тамбовской и Прилуцкой). (...) 26-го «Не возвращайтесь» Осипа Дымова. (...) После генеральных репетиций театр уезжает в турнэ по провинции. В Петербурге спектакли состоятся осенью» (Биржевые ведомости. 26 марта (7 апреля) 1906. № 9224. Вечерний выпуск. С. 3). Вряд ли можно сомневаться, что речь идет фактически о премьере, которая не могла быть сыграна официально из-за Великого поста.

<sup>1533</sup> Владимир Алексеевич Сенилов (1875–1918) — русский композитор.

не хватило. Отправляют все в провинцию. Только после Пасхи выяснится разрешение цензуры...

### П. А. Флоренский — С. Н. Булгакову<sup>1534</sup>

[31.03.1906. Сергиевский Посад]

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Постараюсь прислать Вам что-нибудь, как только немного освобожусь. Прошу Вас внести поправки в одно из при- сланных стихотворений («In расе»): во-первых, при заго- ловке в скобках приписать («Акафист») и, во-вторых, заме- нить стих «В честный Ты свой омофор нас укрой», кажется заключающий в себе метрическую ошибку, через «В чест- ный нас свой омофор, Мариам, укрой».

Говорил Мышцыну<sup>1535</sup> о необходимости поторопиться со статьей. Обещал заняться ей в скором времени, как только по- кончит для «Богословского вестника». Неудобство в том, что мы все (он жаловался на это обстоятельство) плохо представ- ляем, как распределены у нас ампула, и потому могут быть со- впадения или, наоборот, важное останется неосвещенным.

Настоящее письмо написано более чем неделю тому на- зад, но некоторые личные обстоятельства, бывшие вполне неустранимыми, помешали отправить это письмо вовремя.

Прочел плакат «Народа» и... весьма удивлен, именно от- делом беллетристики. Перед произведениями Брюсова, от- части — Сологуба, Ремизова<sup>1536</sup>, стою с восхищением. Но это стояние превращается в столбняк, когда мне объявляют, что программу «Народа» будут реализовывать и подобные со-

<sup>1534</sup> Печатается с комментариями по: Переписка Флоренского с Булгако- вым, 2001. С. 18–20.

<sup>1535</sup> В газете «Народ» статей Мышцына не появилось. См.: Мышцын В. Н. Политические партии и их идеалы // Богословский вестник. 1906. № 1. С. 145–177; № 2. С. 284–322; № 3. С. 529–569.

<sup>1536</sup> В газете «Народ» произведений ни Брюсова, ни Сологуба, ни Ремизо- ва не появилось.

трудники, Сологуб и Соловьев. Общего тут только «Сол», а в остальном поклонник Зла (может быть, самый далеко идущий из всех мне известных) Сологуб, с почти гениальным умением напитывающий злом художественные образы, представляет собою антипод Соловьева. Я тут не вхожу в какие-нибудь общие рассуждения «двух путей», «двух бездн» и т. п. Я высказываю только практические соображения, что в известном смысле уважая Брюсова и других и, во всяком случае, не отрицая за ними каких-то для меня непонятных прав на самоопределение ко злу, я решительно не понимаю, как Вы, многоуважаемый Сергей Николаевич, склеиваете эти несовместимости. «Плевелы и пшеница»... Но ведь плевелы-то (и, может быть, великолепные: дурман, амарантус, лопух и по-своему восхитительный репей) посеял Враг ночью, воспользовавшись сном земледельцев. Вы же, по-видимому, сами намерены полными пригоршнями разбрасывать семена и плевел, и пшеницы.

Простите, Сергей Николаевич, если я, не зная в точности дела, может быть, наговорил лишнего. Я не думаю, что Ваше и Волжского<sup>1537</sup> мнение в данном вопросе могло по существу расходиться с моим, и, стало быть, сговориться можно. Может быть, завтра же я пойму, в чем дело, и откажусь от утверждения факта, который теперь, раз он мне представляется существующим, я не могу не обсуждать. Но сейчас я положительно не вижу даже эстетического согласования в таких комбинациях, как «церковная соборность» и «Ремизов», «Соловьев» и «Чулков», «нужды сельского духовенства» и «Брюсов».

Ваш П. Флоренский.

1906. III. 31. Сергиев Посад.

Р. С. Об этом я не говорил с московскими. Но глубоко убежден, что мои слова о несовместимости или, лучше ска-

<sup>1537</sup> Газета «Народ» выходила «при редакционном участии и постоянном сотрудничестве С. Н. Булгакова и А. С. Волжского».

зять, о нелепости некоторых совмещений плаката подтвердили бы и Эрн со Свенцицким, и, вероятно, священники.

**С. Л. Франк — А. С. Глинке**<sup>1538</sup>

[31.03.1906. СПб.]

С.-Петербург, 31 марта 1906

Многоуважаемый Александр Сергеевич!

Статья Ваша была мне переслана. Мы долго колебались по вопросу о ее помещении. Принципиально мы даем место взглядам, противоположным нашим. Но дело в том, что именно на тему Вашей статьи у нас уже была статья Сергея Николаевича Булгакова и есть еще статья Николая Александровича Бердяева, давно уже принятая, — обе по теме и основной идее близкие к Вашей статье. При невозможности — за другими делами — мне или Струве отвечать на эти взгляды и при отсутствии у нас кружка наших единомышленников, которые могли бы противопоставить в «Полярной звезде» идеям религиозной политики иную, нашу точку зрения, нам становится неудобным переполнять журнал статьями из Вашего философского лагеря, так как редакционная точка зрения грозит при этом совсем улечься. Поэтому нам пришлось остановиться на решении не печатать Вашей статьи, несмотря на несомненный интерес, который она представляет сама по себе.

Я надеюсь, что Вы не рассердитесь на меня за это. При решении я между прочим руководствовался соображением, что у Вас есть теперь собственный орган и Вы не бесприютны, как прежде. Этому органу желаю процветания и успеха.

Привет Сергею Николаевичу. Крепко жму Вашу руку, искренне преданный Вам

С. Франк

Наша «Полярная звезда» существует теперь в виде «Свободы и культуры».

<sup>1538</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 302. Л. 1. Написано на бланке журнала «Полярная звезда». Конверт с такой же надпечаткой.

**В. П. Свенцицкий и В. Ф. Эрн —  
Предсоборному присутствию<sup>1539</sup>**

[01.04.1906]

Подготовительные работы по созыву в России церковного Собора поручены вам, гг. членам комиссии<sup>1540</sup>.

Зная, что в числе вас находятся люди, к которым мы привыкли относиться с доверием и уважением, и потому полагая, что вам будут нужны всякие указания, могущие сделать вашу деятельность действительно плодотворной и нужной, мы позволим себе сказать ясно и определенно, что ждет от вас русское общество и русский народ, что вы можете и что вы пред Богом должны немедленно сделать.

Церковный Собор, сделавшийся в наши дни религиозно-нравственную необходимостью, конечно, не может быть долгом какой-нибудь частной группы церковного общества; будучи церковным — он должен быть делом всей Церкви. Каждый сознательный и живой член Церкви должен внести сюда долю своего призвания и своих дарований. Запросы и большие, и малые, как они понимаются самою Церковью, т. е. всеми верующими, взятыми в совокупности, должны быть представлены на Соборе в чистом и неискаженном виде.

Для этого необходимо, чтобы еще до начала Собора эти вопросы — эти большие вопросы — оформились; чтобы потребность в Соборе была осознана всей массой верующих и чтобы Собор был лишь голосом — лишь выражением чего-то гораздо большего — пробуждающейся и пробудившейся церковной жизни.

<sup>1539</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 232–234.

<sup>1540</sup> Николай II 14 января 1906 г. утвердил состав Предсоборного присутствия под председательством митр. Антония (Вадковского) для обсуждения вопросов церковной реформы. В течение года в работе участвовало более 40 человек (назначенных, а не избранных), в т. ч. Н. П. Аксаков, А. А. Киреев, Ф. Д. Самарин, Д. А. Хомяков, архиеп. Сергей (Страгородский), еп. Антоний (Храповицкий), еп. Арсений (Стадницкий). Подр. см.: *Ореханов Г., иерей*. На пути к Собору. М., 2002. С. 143–198.

Скажем прямо и откровенно, вы, гг. члены комиссии, не имеете никакого права вершить судьбами будущего церковного Собора. Не церковная власть вас призвала, не церковным народом облечены вы полномочиями, не Святой Дух вдохновляет вас каждого лично на это дело. Одна лишь случайность, личные связи и сила неразумной традиции поставили вас во главе дела, на которое вы имеете право не больше, чем всякий из верующих. Остерегайтесь поэтому воспользоваться случайностью вашего положения, не вздумайте, что вы в самом деле имеете власть что-нибудь связать или что-нибудь разрешить. Знайте, что в таком случае вы заранее осудите себя на религиозное бесплодие и свою работу лишите какого бы то ни было церковного минимума.

У вас есть только один путь, и, если вы христиане, если вы считаете действительно братьями всех живущих верою во Христа, вами могут быть сделаны только один шаг и только одно действие, которые, однако, могут иметь колоссальные последствия. Вы можете и вы должны потребовать у тех, кто вас призвал, немедленного уничтожения какой бы то ни было духовной цензуры. Вы должны требовать и настаивать, чтобы за каждым из верующих было признано право без всяких стеснений печатно обсуждать все вопросы, касающиеся церковного Собора, чтобы без всяких препятствий могли организовываться на местах кружки, устраиваться собрания, чтения, публичное обсуждение, съезды по районам и съезды всероссийские<sup>1541</sup> — все для той же единой цели: для пробуждения церковной мысли, церковного сознания — церковной жизни, пробуждения, безусловно необходимого для того, чтобы стал возможным самый Собор.

<sup>1541</sup> Ср.: «Подаваемые на Соборе мнения должны быть записываемы, как то было на Вселенских Соборах, после каждого заседания поверяемы и, по окончании Собора, оглашены печатно во всеуведение» (Там же). Ровно о том же говорил на первом заседании 8 марта Евг. Трубецкой, призывая к свободному обсуждению в епархиях на совместных съездах мирян и духовенства (Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. 1. С. 282).

Вы должны потребовать, чтобы выяснить все преграды и все препятствия, и если вас слушать не станут, если вам скажут — это не ваше дело, если реакционная вакханалия захочет надеть намордник и на вас, то вы немедленно же должны выйти из состава комиссии, заявив, что для пробуждения церковных сил нужна прежде всего свобода.

Вспомните, что вы стоите у дела, которого ждали с напряжением целые поколения подвижников веры, которого смутно жаждут все лучшие элементы русского народа, — и найдете в себе силы и мужество сделать то, чего требует от вас ваша христианская совесть:

Требуйте свободы для Церкви или уйдите, чтобы не быть сообщниками гасителей Духа!

**С. Н. Булгаков — М. Э. Здзеховскому<sup>1542</sup>**

[*Ранее 2.04.1906. Киев*]<sup>1543</sup>

Киев, Б. Житомирская, 26.

Глубокоуважаемый Мариан Эдмундович!

Благодарю Вас за сочувственное отношение к моей брошюре<sup>1544</sup>, которую посылаю по указанию Вами адреса, и за содействие ознакомлению с нашими идеями западного мира. Сейчас позволяю себе обратиться к Вам по следующему делу. В Киеве, если допустит цензура, возникает газета «Народ» под моей редакцией, которая, в случае [нрзб] по мысли моей, может стать руководящим органом христианской общественности и соединить в себе наличные силы. («Вопросы жизни» вследствие изменившихся условий печати прекратили свое существование, де-

<sup>1542</sup> Печатается с комментариями по: *Воронцова*, 2010. С. 110–111. Оригинал: РО БВУ. Ф. 33–341. Л. 1–4. Автограф. Чернила.

<sup>1543</sup> Датируется по содержанию.

<sup>1544</sup> Речь идет о статье С. Н. Булгакова «Неотложная задача», изданной в 1906 г. отдельной брошюрой.

кабрьская книжка выйдет на днях, о высылке номеров Вам я написал в контору.) Для меня было бы очень приятно иметь Вас в числе сотрудников, и, если Вы принципиально согласны, я просил бы Вас дать нам статью по национальному или религиозному вопросу. Первый номер выйдет на Пасху, 2 апреля, и чем скорее Вы пришлете статью, тем лучше. Участие Ваше, помимо прочего, имело бы и принципиальное значение как симптом начала фактического объединения русского и польского, католического и православного мира. (Кстати, для меня не ясно из Вашего письма, получили ли Вы мое последнее письмо, что я писал Вам о проекте еженедельного журнала, предварительный <план> которого послал Вам.) Если Вы можете привлечь к участию в газете кого-либо из западных своих друзей, близких к нам направлением, это было бы очень желательно. Только при теперешнем положении русской печати я боюсь делать всякие приглашения иначе как в предположительной форме.

В ожидании ответа, остаюсь искренно Вас уважающий  
С. Булгаков

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1545</sup>

[3.04.1906. СПб.]

Понедельник 3 Апреля 06

Среда описана. Теперь четверг<sup>1546</sup>. Писала вам письмо, что-то продумывала из нескольких своих замыслов. Вечером пришел Гюнтер. Потом пошла спать очень усталая. В пятницу Сомов. При нем получаю письмо из Москвы. Да, не сказала, что так как слова Брюсова о том, что имя мое уже им давно напечатано в сотрудниках «Весов», оказались ложью, то я просила его передать редакции, что я из сотрудников

<sup>1545</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 177–178.

<sup>1546</sup> 30 марта.



ухожу. Вот он и ответил мне, что поручение он исполнил, но, впрочем, неупоминание имени моего ничего не предвещало, так как мое имя недостаточно «выдающееся» и подразумевается под и др. на это я отослала ему письмо, все построенное на «And Brutus is a honorable man»<sup>1547</sup> и переделке в «And Brutus is a naughty, naughty child»<sup>1548</sup>. Все письмо ясно обвиняет его во лжи и в комичной вывертке с «недостаточно выдающимися» после «Колец», «Пламенников», оповещенных ответственных крупных статей и вступительной статьи Вячеслава к «Кольцам»... И, несмотря на все это, «Скорпион» не сумел сделать мое имя даже для себя самого достаточно выдающимся. Также имя Александра Блока (разделяющее мою участь) оценено ниже какого-то черносотенного поэтишки Кузьмина <Sic!>... и т. д. And Brut...

Я на днях вышлю копию с этого письма. В общем, Брюсов еще такого не получал. Кончаю: уверяю вас, что понимаю вас лучше и лучшим, нежели вы поймете об этом из этого мальчишеского письма<sup>1549</sup>.

Все-таки какая паскудная душонка у этого лгунишки, которого жалко и который умеет так детски мило улыбаться и делать неожиданно добрые, лучистые глаза! Но я ничего теперь не боюсь. Проживу и без «Весов». Хочется чистого и ясного в жизни, а также чувствуется какой-то родник творческих сил. Только бы время!.. Пришел Верховский, милейший поэт и привязавшийся к нам еще совсем молодой, хотя очень бородатый человек. Читал свои терцины — поэму. Вячеслав мастерски раскритиковал, и Верховский хотя и огорченный, но все же был доволен и обогащен. Академия пила чай. Потом ушел Верховский и вскоре Сомов, хотя долго медлил, беседуя. Вечером в пятницу ока-

<sup>1547</sup> И Брут — благородный человек (англ.).

<sup>1548</sup> И Брут — непослушный, непослушный ребенок (англ.).

<sup>1549</sup> Письмо хранится: РГБ. Ф. 386. К. 88. Ед. хр. 58. Фрагмент напечатан: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 243. Английская фраза — из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

зались у одного молодого композитора, нашего знакомого со Сред — Гнесина<sup>1550</sup>. Он играл и пел свое очень мелодичное и с симфоническим аккомпанементом хора для рояля на стихи Бальмонта. Потом пришел поэт Волькенштейн, с которым они вместе мечтают о пластическом творчестве как в музыке, так и в поэзии и работают над собою как истинные «ремесленники» своего дела. Какова бы ни была мера их дарований, радует видеть серьезное, плодотворное отношение к искусству, так близко напоминающее эпоху Возрождения. (...) Я распорядилась чаем, а милый, горящий Гнесин читал, потом играл и пел часами оперу новую Римского-Корсакова «Китеж». Задумана и местами исполнена совсем в духе и даже стиле мистерики. В чтении частями очаровывала. Легенда разработана почти лубочно и попадаются прекрасные слова и сцены. Но музыка расхолаживает оперностью, неновостью, прекраснотворением, вложенным во все народные мотивы, ложно понятые. (...)

В Пасху делали визиты. Вечер застряли у Ремизовых, пришел и Сомов. Ремизов читал изумительно фантастические свои сказки. (...)

Р. С. Сомов сошел с ума. Настаивает портрет подарить Вячеславу, напечатав его в «Руне», а не отдавать Рябушинского <Sic!>. Мы протестуем. Наша дружба, которую Сомов называет трехугольником (*honny soit qui mal у pense*<sup>1551</sup>) растет, крепнет и все украшается.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — Ал. Н. Чеботаревской**<sup>1552</sup>

[3.04.1906. СПб.]

<sup>1550</sup> Михаил Фабианович Гнесин (1883–1957) — русский и советский композитор, ученик Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Лядова.

<sup>1551</sup> Не совсем точное цитирование девиза Ордена Подвязки: *Honi soit qui mal у pense* (Пусть стыдится подумавший плохо об этом) — В. К.

<sup>1552</sup> Печатается по: *Богомолов*, 2009. С. 183.

Среды процветают. Вячеслав будет печатать «Религию Страдающего Бога» и свою германскую диссертацию<sup>1553</sup>. Я написала серию рассказов. Вышли «Факелы», но еще только 400 экземпляров, оттисков «Тени» нет.

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>1554</sup>**

[5.04.1906. Тифлис — Москва]

Дорогой Саша! Сегодня получил твои две открытки и 2 пересланных тобою письма. Большое спасибо. Доехал я хорошо, в 4 суток без одного часа. (...) Я был у твоих в первый день Пасхи. Они взяли 20 экз. Павлушиной проповеди<sup>1555</sup>, остальные взял священник Иона Брихничев<sup>1556</sup>, который,

<sup>1553</sup> Монография на основе написанной на латыни диссертации вышла спустя четыре года. Иванов Вяч. Общества государственных откупов в Римской республике. *Ivanov Venceslaus. De societibus vectigalium publicorum*. СПб., 1910. — В. К.

<sup>1554</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 95–97. Адрес на конверте: «Москва, Сивцев Вражек, Нашокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16. Е. В. Б. Александру Викторовичу Ельчанинову».

<sup>1555</sup> В Покровском храме МДА студент Павел Флоренский произносит пламенную проповедь, в которой содержится призыв к прекращению взаимного кровопролития и отмене смертной казни. Проповедь была нелегально издана брошюрой под названием «Вопль крови», на титульном листе которой было обозначено: «Слово в Неделю Крестопоклонную. Сказано в храме Московской духовной академии за литургией 12 марта 1873 г. от смерти И. Христа. Изд. М[якши]на и Х[аритонов]а. 1906». Студент Духовной академии Павел Флоренский был арестован и заключен в губернскую тюрьму на Таганке, но вскоре освобожден под давлением общественности (Подробнее см.: *Андроник (Трубачев), игумен*. Гомилетическое наследие священника Павла Флоренского // «Ныне и присно». 2006. № 23–24. С. 153–184).

<sup>1556</sup> Иона Пантелеймонович Брихничев (1879–1968) — окончил Тифлискую духовную семинарию, где учился в одном классе с И. Джугашвили; православный священник (до 1907 г.), поэт, публицист. С 1903 по 1907 гг. — приходской священник, преподаватель Закона Божия в кадетском корпусе, религиозно-общественный деятель, опубликовал в начале 1906 г. в тифлисской газете «Возрождение» два открытых письма про-

тив антиеврейских проповедей черносотенного крыла православного духовенства Кавказа и насильственной русификации инородцев. С апреля 1906 г. издавал в Тифлисе газету «Встань, спящий», в каждом номере которой помещал собственные статьи, стремясь показать с позиций христианского социализма «антихристианский» характер общественного устройства, основанного на собственности, неравенстве и насилии, вразумить «Ивана простого», к которому и был обращен призыв, вынесенный в название газеты: «Встань, спящий». По донесению наместника на Кавказе обер-прокурору Святейшего Синода, его статьи оказывали значительное влияние «на средние и низшие классы населения и войска». После нескольких запрещений газета возобновлялась под другими названиями вплоть до ареста о. Ионы в июне 1906 г., после которого он был приговорен к тюремному заключению сроком на год. После освобождения в июне 1907 г. был лишен сана и выслан в Егорьевск Рязанской губ. В те же годы сближается с членами ХББ и МРФО, сотрудничает в еженедельнике «Век», а с 1908 г. — с Мережковскими и заочно знакомится с А. Блоком. Продолжает издательскую и публицистическую деятельность, подвергается цензурным и административным преследованиям. В начале десятых годов при поддержке В. Свенцицкого, архимандрита Михаила (Семенова) и о. Григория Петрова образовал религиозно-политическое движение «Голгофские христиане», участники которого провозгласили, что путь к спасению, к «новой земле» лежит через самопожертвование, через «Голгофу». В его проповедях эклектически сочетались идеи французского теолога-просветителя аббата Ламенне и учение русского философа Н. Ф. Федорова о «научной» победе над смертью и всеобщем спасении через «воскрешение» предков. Призывал к обновлению Церкви и разрушению современного ему государственного устройства. Писал стихи в духе символистов. После октября 1917 г. вступил в РКП (б), работал в системе Пролеткульта, Наркомпроса, стал одним из организаторов Союза воинствующих безбожников, активно включился в антирелигиозную пропаганду и борьбу с Церковью, работая под руководством Емельяна Ярославского, председателя Антирелигиозной комиссии при Главполитпросвете ЦК РКП (б).

В этот период он писал: «Тихон от начала до конца — ставленник контрреволюции, ее поборник и застрельщик. Тихон — это символ черносотенства и знамя самой непроходимой реакции. Но этот волк на всем протяжении своей деятельности прикрывается овечьей шкурой смирения и святейшества» (*Брихничев И.* Патриарх Тихон и его церковь. М., 1923. С. 19).

Через два года в опубликованном письме Сталину (1925) он, жалуясь на Е. Ярославского, пишет: «...Трудно было согласиться с тем, что Костеловской и еврею Губельману можно быть антирелигиозниками в кре-

помнишь, написал письмо Городцову в «Вестник возрождения»<sup>1557</sup>. Он с несколькими другими лицами затевает

стьянской стране, а нам, русским, вынесшим и ссылки, и крепость, и десятилетние скитания с волчьим билетом при царизме, двадцать лет служившим революции, — нельзя быть антирелигиозниками, потому что я, например, двадцать лет тому назад был попом. Лично Ильичом моя деятельность была одобрена на 8-м съезде Советов (смотри стенограмму съезда). (...) И вот мы только “густопсовые попы”. Партия, где ты? Рабочие и крестьяне, — Вы, миллионы товарищей, ощутившие результаты нашей самоотверженной работы, почему вы молчите, почему позволяете топтать в грязь Ваших часовых на передовом посту безбожия?» (Цит. по: *Нежный А. И.* Комиссар дьявола. М., 1993. С. 14). Вскоре после этого письма И. Брихничев был исключен из РКП (б), но не переставал писать личные письма Сталину, на которые не получал ответа.

<sup>1557</sup> Сергей Дмитриевич Городцов (1866–1956) — был рукоположен 13 декабря 1892 г. экзархом Грузии архиеп. Владимиром (Боговльенским) во иерея и назначен вторым священником Александро-Невской церкви. С 1 янв. 1893 заведующий Второй миссионерской (Казанской) церковью, в 1903 возведен в сан протоиерея. С 28 дек. 1905 законоучитель и инспектор классов Иоанникийевского епархиального женского училища, затем до 1918 был настоятелем церкви Св. блгв. кн. Михаила Тверского. За диссертацию на тему «Книга Иова» был удостоен степени магистра богословия. Активно участвовал в жизни Грузинского экзархата, был председателем миссионерского братства, председателем епархиального училищного совета, благочинным русских церквей, законоучителем школы слепых. Не меньшую активность проявлял и в деятельности, направленной на борьбу с теми, кто стремился к отторжению от России кавказской окраины. Будучи убежденным монархистом и борцом за русское дело на Кавказе, был избран в 1906 г. почетным членом Тифлисского патриотического общества, наиболее активной и крупной монархической организации на Кавказе, активист «Союза русского народа», произносил проповеди антиеврейского содержания. Как председатель грузинского епархиального училищного совета, иерей Сергей Городцов дважды заступался за студента Иосифа Джугашвили против его отчисления из Тифлисской семинарии за распространение марксистских взглядов.

При советской власти подвергался гонениям: с 1924 по 1926 г. отбывал срок заключения на Соловках, затем ссылку в Сибири. С 1943 г. и до своей кончины — архиепископ Новосибирский и Барнаульский, управляющий Иркутской епархией (до 3 июня 1948) и временно управляющий Омской епархией.

здесь издание еженедельной газеты для народа в религиозно-прогрессивном направлении в противовес агитации о. Городцова. Сегодня мы совещались, и они очень просили участия нашего вообще. Я обещал, потому что хочется им помочь — дело симпатичное<sup>1558</sup>. С булгаковскими оттисками<sup>1559</sup> и Павлушиными брошюрками поступай, как знаешь. Что же, Павлушу дорогого выпустили наконец?

(...) Я много пишу для киевской газеты<sup>1560</sup> (...) <sup>1561</sup>

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой<sup>1562</sup>**

[Б. д. 1906?]

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна

Очень благодарен Вам за участие Ваше в том общественном деле, о котором я в настоящее время хлопочу. Завтра в среду постараюсь быть у Вас в 2 часа.

Искренне Вас уважающий

Кн. Е. Трубецкой

**Г. И. Чулков — А. С. Глинке<sup>1563</sup>**

[6.04.1906. СПб. — Киев]

<sup>1558</sup> В письме П. Грифцова В. Свенцицкому от 10.01.1907 говорится, что на Кавказе В. Эрн встречался с сектантом Иосифом Николаевичем Карякиным, «человеком, глубоко и мучительно переживающим религиозные вопросы и влиятельным в его среде».

<sup>1559</sup> Возможно, речь идет об оттисках статьи С. Н. Булгакова «Достоевский и самодержавие», опубликованной впоследствии под заглавием «Через четверть века» в Собрании сочинений Достоевского.

<sup>1560</sup> Имеется в виду газета «Народ».

<sup>1561</sup> Пропуски в тексте не удалось восстановить из-за недоступности подлинника.

<sup>1562</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 14.

<sup>1563</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 9.

6 апреля 1906

Дорогой Александр Сергеевич!

Благодарю за Вашу книгу и посылаю Вам «Факелы»<sup>1564</sup>.  
Напишите о ней. Право же, любопытная книга. Еще просьба: устройте бесплатное обменное объявление о «Факелах» в «Народе». Образец объявления при сем прилагаю.

Привет Ольге Федоровне!

Надежда Григорьевна кланяется.

С искренним уважением и любовью

Георгий Чулков

### В. П. Свенцицкий — И. С. Бланку<sup>1565</sup>

[08.04.1906. Киев]

Письмо г. Ветрова<sup>1566</sup> к Сергею Николаевичу Булгакову чрезвычайно интересно в том отношении, что в нем с большой яркостью обнаруживается одна из крупных причин

<sup>1564</sup> Первую книгу «Факелов» (1906) открывало следующее предисловие: «Стоустый вопль — “так жить нельзя!” — находит созвучие в сердцах поэтов, и этот мятеж своеобразно преломляется в индивидуальной душе. “Факелы” должны раскрыть — по нашему плану — ту желанную внутреннюю тревогу, которая так характерна для современности. Мы не стремимся к единогласию: лишь одно сближает нас — непримиримое отношение к власти над человеком внешних обязательных норм. Мы полагаем смысл жизни в искании человечеством последней свободы. Мы поднимаем наш факел во имя утверждения личности и во имя свободного союза людей, основанного на любви к будущему преображенному миру». Чулков Г. И. Предисловие // Факелы. Книга Первая. СПб., 1906. С. 3

<sup>1565</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 235–239.

<sup>1566</sup> Израиль Соломонович Бланк (псевд. Иван Сергеевич Книжник-Ветров, 1878–1965) — публицист, историк; исповедовал анархизм, затем перешел на позиции толстовства и христианского социализма. Цитируется его письмо «К вопросу о “Союзе христианской политики”» (Народ. 7 (20) апреля 1906. № 4. С. 2). Булгаков в своем ответе отмечал, что стоит «в религиозно-догматическом вопросе на той же точке зрения, которая выражена в ответе В. П. Свенцицкого» (Народ. 9 (22) апреля 1906. № 6. С. 3).

тех недоразумений, которые обычно возникают при обсуждении вопросов, связанных с христианством.

Если христианское отношение к политическим и социальным вопросам критикуется людьми, вполне определенно относящимися ко всякой религии как к отжившему суеверию, то совершенно очевидно, что не может быть и спора о том, насколько правильно решаются эти вопросы с христианской точки зрения.

Но когда в основу критики кладется христианство и доказывается внутреннее противоречие общественно-политических взглядов с духом Евангелия, тогда совершенно необходимым условием, во избежание каких-либо недоразумений, является признание центральной идеи христианства, без которой никакое учение, самое идеальное, не вправе себя называть этим именем.

Вскрыв противоречия между религиозной основой и решением социальных и политических вопросов, нельзя под христианством разуметь все, что вздумается. Если выводы какого угодно автора ставить в зависимость от собственных предпосылок, то, конечно, в самом логичном и стройном построении можно найти «внутренние» противоречия.

Центр христианского учения — Христос, Богочеловек, распятый, искупивший грехи мира и в третий день воскресший. Без веры во Христа, в Богочеловечество и воскресение, может быть, возможно гораздо более «здоровое» учение, для многих оно, может быть, будет несравненно выше и идеальней, — но во всяком случае оно уже не будет христианским<sup>1567</sup>.

Г-н Ветров как раз и стоит на точке зрения христианства без Христа, человечества — но не Богочеловечества.

«Религиозный человек может быть только индивидуалистом, — пишет г. Ветров, — и всякая извне навязываемая

---

<sup>1567</sup> Например, учение Л. Н. Толстого, которое Свенцицкий рассмотрел в статье «Религия “здорового смысла”» (См.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 339–351).



форма иерархии лишь оскорбляет святую свободу его души». Вот первое утверждение, которое стоит в полном противоречии с христианством и признав которое уже нельзя критиковать Сергея Николаевича Булгакова, якобы стоя с ним на одной плоскости.

Христианство учит, что где двое или трое соберутся во Имя Иисуса, там и Он посреди них. Религиозное чувство для верующих — не запертая для других драгоценность, «личное дело», а общее достояние, которое должно нести к людям. Христианство в корне уничтожает все перегородки, отделяющие людей друг от друга, оно зовет к жизни «единым сердцем» и раскрывает внутреннее единство всего мира. Христианин, индивидуализирующийся в своем религиозном чувстве, — овца, отпавшая от своего стада Христова. Наш великий грех современной религиозной жизни именно в том, что в ней слишком много уединенья, — но это не может возводиться на степень подлинной правды, — наоборот, в этом причина упадка церковной жизни<sup>1568</sup>.

И в тех усилиях сбросить тяжесть внутреннего религиозного «монастыря», которые переживает теперь большинство верующих людей, — залог и первые признаки грядущего религиозного возрождения.

Положив в основу своей критики совершенно антихристианский взгляд религиозного индивидуализма, г. Ветров напоминает Сергею Николаевичу Булгакову, «что существование духовенства как специального класса якобы духовных пастырей необходимо связано с мертвым формализмом обрядности, которая не укрепляет, а убивает рели-

<sup>1568</sup> Ср.: «Грехи исторического христианства в социальной области велики и многочисленны, их не надо замалчивать, их надо сознать в целях самоисправления... Эти грехи связаны не только со слабостью или порочностью воли, но отчасти и с односторонним пониманием христианства, с тем, что можно назвать индивидуалистическим гипераскетизмом, устраняющим само понятие истории, а следовательно, исторических задач и обязанностей» (*Булгаков С. Два града: исследования о природе общественных идеалов.* СПб., 1997. С. 205).

гию и неминуемо влечет за собой тот клерикализм, от которого вы с такой энергией отрешиваетесь».

Еще можно было бы понять столь категорическое заявление г. Ветрова, если бы он имел в виду фактическое положение вещей, — но он свое отношение к «духовным пастырям» возводит в принцип, что ясно из следующего места: «...как ни формулируйте духовенства, как сословие профессионально верующих, вы получите те же результаты, что и от реформы корпуса жандармов».

Если бы г. Ветров представлял себе действительный христианский идеал Церкви, то он из того положения, когда «иерархия навязана извне», не предложил бы «единственный» выход для всякого священника в виде «отказа от своего звания».

Для христианина иерархия не является чем-то навязанным извне, и если это фактически так в настоящее время, то из этого вовсе не следует, что такое положение лежит в самом существе дела.

Священнослужители должны выбираться всей Церковью. Они должны быть избранниками церковного народа — должны быть совестью его и его вождями. Если среди верующих должно быть единое сердце, если все должны быть братья и сестры, жить общей жизнью, общей молитвой, — то выборный из такой среды вождь духовный должен быть отцом в высшем смысле этого слова.

Мысля Церковь как тело Христово, состоящее из разных членов, которые несут каждый свое назначение, христианин видит в избрании отца духовного, всем церковным народом указанного, преемственно апостолами рукоположенного, — божественный акт вручения особому лицу особых полномочий.

Иерархия — не власть, в смысле организованной принудительной силы<sup>1569</sup>, это особый вид служения, столь же ответственный, сколь ответственно всякое служение членов

<sup>1569</sup> Внешней принудительной силой, механизмом внешнего принуждения славянофилы называли государство.

Церкви. Здесь связь не внешнего принуждения, а внутреннего, нравственного и божественного, авторитета. Вот потому-то и возможно такое утверждение. Церковь, признавая иерархию, — в то же время в своем внутреннем строе полагает идеал абсолютного безвластия<sup>1570</sup>.

Вопрос о государственном строе также решается г. Ветровым совершенно внешне. «Анархический коммунизм, — говорит он, — как социально-политический факт, есть лишь удобное средство для того, чтобы сделать возможным процветание высших, вечных философско-религиозных начал духа».

А причину, почему до сих пор анархический коммунизм не воцарился на земле, г. Ветров видит не в коренной порче человеческой природы, а «просто в силу того, что человек еще недостаточно додумался до наилучшей формы социально-политического устройства».

Во всем этом рассуждении совершенно ясно полное отсутствие идеи богочеловечества. Христианин не может отбросить апостольское учение о власти, он должен найти в нем тот высший смысл, который бы разрешил те внешние противоречия в этом учении, на которые часто указывают.

Этот высший смысл заключается в идее богочеловечества.

Апостолы установили двоякое отношение к власти — практическое и принципиальное.

---

<sup>1570</sup> Ср.: «Истинная Церковь внутри себя упраздняет всякую власть, внутри Церкви нет власти, но царит любовь и свобода» (*Булгаков С. Церковь и государство*. С. 62). Через три года после журнальной полемики со Свенцицким (см.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 443–455, 711–714) идеи ХББ повторил Евг. Трубецкой на заседании МРФО 30 ноября 1910 г.: «Идеал Царствия Божия не теократичен, а анархичен: ибо вместе с миром в нем окончательно исчезает всякая мирская власть... <В Церкви> не должно оставаться места для какого-либо принудительного властвования. В этом и заключается та правда религиозного анархизма, о которой говорится в Евангелии» (О религии Льва Толстого. С. 59–76). Тогда же он признал необходимым для религии принцип «все или ничего», переняв и взгляды оппонента на насилие и государство.

Первое имеет в виду повиновение властям, но до тех пор, пока власти требуют возможного для христианской совести. Это ясно из Деяний апостольских, где рассказывается о том, как начальники требовали от Петра и Иоанна не учить об имени Иисуса. «Справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?»<sup>1571</sup> — отвечали апостолы и продолжали проповедь. Таким образом, вопрос о повиновении властям разрешился практически в относительном смысле (недаром же почти все апостолы погибли за неповиновение власти).

Что касается вопроса второго, принципиального, то здесь апостолы учили о святости и божественности всякой власти. Смысл этого учения лежит в том, что власть признавалась апостолами как святая сила в богочеловеческом процессе. Предупреждая соблазн принципиального осуждения власти, апостолы раскрывали ту великую историческую роль, которая еще предстояла политической организации в историческом процессе. Власть от Бога — потому что в богочеловеческом процессе, в борьбе добра со злом, которое совершается в нем, она, как необходимое условие культуры, делает свое дело.

Если признать такой смысл в апостольском учении о власти, тогда станет ясно, что христианство благословляет эволюцию политических форм и видит конец возложенной на власть миссии только там, где начинается Церковь.

Лучший для христиан тот политический строй, который совершенно служит идее государства как становящейся Церкви. Никакой формы государства христианин не может ни признавать, ни отрицать как абсолютное, за исключением того случая, когда этот строй принципиально противоречит Евангелию.

Такое положение мы имеем только в одном случае: при самодержавном неограниченном образе правления<sup>1572</sup>.

---

<sup>1571</sup> Деян. 4 : 19.

<sup>1572</sup> Имеется в виду форма правления, а не государственная идеология.

Признание самодержавия есть уже отречение от Христа, ибо признать власть, ничем не ограниченную, значит принципиально допустить, что в случае, если власть потребует явно безбожного дела, я как признавший ее неограниченность должен повиноваться ей, а не Богу. Малюта Скуратов, задушивший святого митрополита Филиппа, должен был или отречься от признания царского самодержавия, или отречься от Христа, — он избрал последнее.

В таком же положении оказывается всякий и современный опричник.

В письме г. Ветрова попутно затрагивается много очень серьезных вопросов, которых я пока касаться не буду. Скажу только, что я совершенно не согласен с г. Ветровым, что будто бы, по мнению Мережковского, «добро и зло должны быть признаны по крайней мере равносильными стихиями», и тем более не согласен с тем, что «при свободе печати можно ожидать, что Толстой, по крайней мере на некоторое время, займет все внимание большинства русского народа».

По моему же глубокому убеждению, Толстой в своей вере не народен, и потому, когда народ его действительно узнает, он за ним не пойдет.

**В. А. Кожевников — Ф. Д. Самарину**<sup>1573</sup>

[10.04.1906. Москва]

Москва. 10 апреля 1906

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич!

Позвольте принести Вам мое сердечное поздравление с избранием Вас в члены Государственного Совета<sup>1574</sup>

<sup>1573</sup> Печатается с комментариями по: *Дубинин*, 2005. С. 295—297.

<sup>1574</sup> В соответствии с Высочайшими Манифестами 17 октября 1905 г. и 20 февраля 1906 г., в состав Государственного совета стали входить, помимо членов по назначению и в равном с ними числе, выборные члены от духовенства, дворянства и земств, а также представители науки, торговли, промышленности. Ф. Д. Самарин был избран членом Госу-

и от души порадоваться тому, что в этом учреждении, которое, надеюсь, хотя бы сколько-нибудь будет иметь возможность умерять нежелательные порывы Государственной Думы<sup>1575</sup>, будет находиться деятель такой испытанной и доказанной государственной мудрости, как Вы.

Очень сожалею, что довольно многолюдный и громогласный, но неделовитый Съезд<sup>1576</sup> лишает меня возможности отдохнуть душою и освежиться мыслью сегодня на

---

дарственного совета от дворянства собранием выборщиков от дворянских обществ, состоявшимся 6–8 апреля 1906 г. В 1908 г. после окончания 3-й сессии Государственного совета по болезни сложил с себя полномочия члена Государственного совета.

<sup>1575</sup> Законопроекты, разработанные Государственной думой, поступали на рассмотрение Государственного совета, который их либо отвергал, либо возвращал на доработку, либо направлял на Высочайшее утверждение. Таким образом, Государственный совет играл роль верхней палаты по отношению к Государственной думе.

<sup>1576</sup> В Москве с 6 по 12 апреля 1906 г. проходил Всероссийский съезд русских людей, на который собрались представители 17 монархических и патриотических организаций. Съезд должен был выработать принципы их объединения. Санкт-Петербург представляло «Русское собрание», которое возглавляли Н. А. Энгельгардт и Б. В. Никольский, Москву — «Кружок москвичей», Киев — Русское Братство и Киевский Отдел Русской Монархической партии, Одессу — Одесский Союз Русского народа. Были на съезде и депутаты от Тамбовского Союза русских людей (с Козловским отделом), главой которого был П. Б. Мансуров. Члены «Кружка москвичей» занимали на съезде видное положение: в число шести заведующих отделами съезда входили В. А. Кожевников (Государственный отдел) и Ю. П. Бартнев (Церковный отдел); последний также оглашал заключительные резолюции съезда. Однако еще перед открытием съезда «Кружком» было сделано заявление о возможности несогласия отдельных организаций с решениями съезда, что и произошло в действительности. См. письма в редакцию «Московского голоса» Ф. Д. Самарина и М. А. Новоселова (20 апреля (3 мая) 1906. № 3. С. 4–7) и В. А. Кожевникова (15 (28) апреля 1906. № 2. С. 5–7). Члены «Кружка» возражали против резолюций съезда по аграрному вопросу. Они считали нехристианским по духу заявление о неприкосновенности земельной собственности, о «священном праве собственности» (резолюция № 32); причину трагических событий 1905–1906 гг. видели не только в агитации, проводимой среди крестьян (резолюция № 33), но и в их малоземелье.

заседании «Кружка»<sup>1577</sup>. Как раз в 8 часов вечера назначено заседание для обсуждения проекта Никольского<sup>1578</sup> объединения всех монархических организаций, и от принятия этого проекта или даже одобрения его зависит вопрос о возможности для нашего «Кружка» оставаться в дальнейшем общении с очень подчас неудобными союзниками<sup>1579</sup>.

Примите мой сердечный привет и уверение в глубоком уважении. В. Кожевников.

<sup>1577</sup> Не совсем ясно, о каком «Кружке» пишет Кожевников. И он, и Самарин были членами «Кружка москвичей» и членами «Кружка ищущих христианского просвещения». Упомянутый в письме Кружок не мог быть «Кружком ищущих христианского просвещения», так как он был учрежден только в январе 1907 г. Если же речь идет о «Кружке москвичей», то непонятно, как можно было «освежиться мыслью» на заседании Кружка, на котором темы обсуждаемых вопросов мало отличались от того, что обсуждалось на Съезде. Можно было бы еще предположить, что речь идет о «частном кружке православных ревнителей Церкви» — клириков и мирян, о котором упоминается в истории с неожиданным ходатайством о восстановлении патриаршества и созыве Поместного Собора, относящейся ко второй половине марта 1905 г. (см.: *Полужук Е. С. Предисловие // Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994. С. XIX*). Самарин готовил материалы для этого «корниловского кружка» в конце марта — начале апреля 1905 г. (вариант проекта адреса Царю, который не был подан; ОР РГБ. Ф. 265. К. 116. Ед. хр. 46–47). Но, во-первых, отсутствуют какие-либо сведения о заседаниях этого Кружка в течение всего последующего года (с апреля 1905 по апрель 1906, когда было написано письмо), а во-вторых, Кружок, о котором говорится в следующем предложении, — несомненно, «Кружок москвичей». Остается предположить, что на заседаниях Кружка москвичей обсуждались и темы, непосредственно не относящиеся к политике.

<sup>1578</sup> Б. В. Никольский.

<sup>1579</sup> «Кружок москвичей» уклонился от участия в III Всероссийском Съезде русских людей, проходившем в октябре 1905 г. в Киеве, мотивируя свое решение недостатком времени для выработки общего взгляда на вопросы, подлежащие рассмотрению Съезда. На Съезд отправились члены «Кружка» кн. А. М. Голицын, В. Н. Ознобишин, К. П. Степанов и А. А. Чемодуров, но не в качестве депутатов, а по личному желанию (см.: ОР РГБ. Ф. 265. К. 13. Ед. хр. 10). В конце 1906 г. «Кружок» отказался от вступления в состав организуемого «Объединения русского народа». В ответе на уведомление члена Московской Об-

Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>1580</sup>

[10.04.1906]

Понедельник

Твое письмо получила, милая. Как радовалась, что тебе и вам было хорошо от моего письма. Значит, что-то было истинное во мне, подлинное. Сегодня с Натой чувствовали от твоей и вашей радости, от вашей Пасхи соединение и молились с ней ближе почему-то. Зато Карташев отчаялся сегодня оттого, что вы его не любите. Долго говорила с ним о нашем. Хочет написать вам, просит помочь в разных вопросах, но думает, что не услышите. Говорила ему, что, только обращаясь с любовью, — получишь помощь и любовь. Упрекала, что он свою к вам любовь прячет (она есть), и не обнажает себя перед вами, боясь. Пусть решится на самоожжение. (Тогда и поймет, что приобрел больше, чем имел раньше. Но решение на самоожжение должно быть. По любви. Говорила, что он засушенный конек и растет сразу — и с 10 лет на 11 и с 17 на 18 и с 30–31 год и т. д. Оттого и трудно. А что через меня, через мою заботу к нему пусть чувствует на себе и вашу любовь. И пусть помнит, что соединение уже есть, это факт, надо только не вперед смотреть, а чаще оборачиваться для сравнения назад. Что

---

ластной Управы объединенного русского народа протоиерея Иоанна Восторгова говорилось следующее: «По самому составу своему “Кружок Москвичей” не имеет характера политической партии; ставя себе задачей преимущественно разработку и выяснение выдвигаемых обстоятельствами важнейших государственных и общественных вопросов, он не принимает непосредственного участия в текущей политической борьбе, например не выступает на выборах в Государственную Думу со своею программю и не проводит своих кандидатов. Члены его в подобных случаях ничем не связаны и действуют каждый отдельно, без предварительного между собой соглашения. Поэтому “Кружок” как организация не может входить в состав какой бы то ни было политической партии» (Там же).

<sup>1580</sup> Печатается по: Павлова, 2004. С. 407–408.



(сегодня читали «все возможно верующему», Евангелие от Марка) в этом факте соединения дано зерно для будущего растения. Расти трудно, но все заложено в зерне. И т. д. и т. д. И измениться человек может (смотри себя семинаристом). (...)

### О. Н. Анненкова. Дневник<sup>1581</sup>

[11.04.1906]

Знакомство с Вячеславом Ивановым

11 Апр., 1906 г. Были с Monkey<sup>1582</sup> в концерте; там познакомились с Вячеславом и Madame<sup>1583</sup>. Милое у него лицо; в нем столько доброты и юмора, держит себя просто, но я все же стеснялась; думаю это оттого, что о слишком многом хотела бы поговорить. Он просил меня сегодня во время сеанса Сомова.

11-го 7 ч. веч. Была у Вяч. Ив. Ну, какой он милый! Мне повезло с ним, так как Сомов зашел раньше, а М-те был занята оранжерейной тогой, в которой, надо полагать, она и появится завтра, и мне удалось посидеть с ним en deux в его кабинете. Говорили много и о разном. Я ловила себя часто на том, что заслушивалась его своеобразным стилем речи в ущерб смыслу. Он красиво вставляет слова и иногда фразы французские, латинские и немецкие

<sup>1581</sup> Печатается с комментариями по: Вячеслав Иванов и Андрей Белый в дневниках и письмах О. Н. Анненковой. Подготовка к печати, комментарии Е. А. Глухой // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Выпуск II. Отв. редакторы Н. Ю. Грякалова, А. Б. Шишкин. СПб., 2016. С. 464–465. 11 апреля помечено первое знакомство Анненковой с семьей Ивановых, хотя, если судить по письму А. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной, Леман с кузиной были посетителями «башни» 1 марта 1906 г., тема заседания — «искусство будущего» (см.: Богомолов, 2009. С. 172–173).

<sup>1582</sup> Домашнее прозвище Лемана.

<sup>1583</sup> Имеется в виду Л. Д. Зиновьева-Аннибал.

и это придает какую-то интимность его разговору. Сначала, еще в гостиной, говорили обо мне, моих вкусах и занятиях, а потом у него о новом искусстве вообще. Как сильно он отличается от Бальмонта! Вяч. Ив. гораздо больше эстет, чем художник, и гораздо больше ученый, чем поэт. Он разлагает тему на части, подходя к ее основам, затем сравнивает, обобщает, делает логические выводы, en un mot<sup>1584</sup> — философствует. Наш же «Царевич Константин»<sup>1585</sup> блещет, прыгает с одного на другое, внушает, но не доказывает, вдохновляет и покоряет, но не убеждает. С Бальмонтом мне говорить легче, так как у него есть «хорошо» или «скверно»; «люблю», или «не люблю»; «красиво», или «уродливо»; а у Вячеслава есть «правильно», «ошибочно», «логично» etc. Но в своем роде он тоже очарователен. Говорит, что западное декадентство теперь ничего не дает и русское обещает больше, но именно еще «обещает» и нужно вывести его из замкнутого круга гостиных и освободить из рамок той (?) и специфичности, куда оно пришло путем Метерлинка, Берн-Джонса, Бердслея и др. Как раз то, что я так люблю!

Из разговора с ним для меня еще подтвердилось: не только я именно декадентка. А он хочет огромных зданий, дерзновений, пророчеств мистических, символических и иных. Боюсь, что и тут пахнет Миквой<sup>1586</sup> и Апокалипсисом, хотя от этого его спасет Аполлон и латинский язык. Он сказал, что «Факелы» и хотят вывести на воздух новое искусство, а не быть журналом узкой школы, а вот Руно это просто место свиданья, rendez-vous декадентов. Он много и глубоко верно говорил о Бальмонте и критика его так справедлива и добродушна, что не может обидеть. Он очень ценит Брюсова, хотя говорит, что он ведет на Парнас от жизни.

<sup>1584</sup> Одним словом (*фр.*). — В. К.

<sup>1585</sup> Прозвище, данное мной и Леманом Бальмонту. — Прим. О. Н. Анненковой.

<sup>1586</sup> «Миква» — наше прозвище для Розанова. — Прим. О. Н. Анненковой.

Он говорил: ...«больше отвергать, больше искать, больше стремиться все вперед и вперед. Не давать себя увлечь застывшими формами и шармом западных декадентов. Нужны преодоления и опираться на Ибсена, Ницше»... Я готова была слушать его без конца. Облокотившись против него на стол, я отвечала ему и улыбалась от удовольствия, доверия и симпатии.

Сомов толстый, маленький и некрасивый человек с апатичным взглядом и короткими пальцами. Сказал со мной несколько слов о Берн-Джонсе (у Вячеслава висит фотография его «Chant d'Amour»<sup>1587</sup>) и мне теперь неприятно ее вспомнить.

### В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке<sup>1588</sup>

[14.04.1906. Новосиль<sup>1589</sup> — Киев]

Дорогой Александр Сергеевич! Я нахожусь в большой внутренней тревоге: внешние обстоятельства мешают мне расположить время, как бы мне хотелось.

Из Москвы идут не очень утешительные вести — ефимовские издания затягиваются. «Взыскующих» до сих пор нет корректуры — Ельчанинов не может получить денег, чтобы уехать, — Галанин написал какую-то брошюру, которую без нашего редактирования хочет сдать в набор...<sup>1590</sup>

<sup>1587</sup> Картина английского художника Эдварда Берн-Джонса «Chant d'Amour» («Песнь любви», 1868–1873).

<sup>1588</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 239–240.

<sup>1589</sup> В Новосиле Тульской губ. в 1900–1909 гг. жили брат Свенцицкого Вячеслав и их мать Елизавета Федосеевна.

<sup>1590</sup> В «Религиозно-общественной библиотеке» под псевдонимом Д. Рябинин вышли брошюры Д. Д. Галанина (мл.) «Восьмичасовой рабочий день» и «Зачем нужны рабочим союзы?» (Сер. 2. № 8. М., 1906). Рассмотрев последнюю, 24 февраля 1909 г. МКДП «нашел в ее содержании нижеследующее: Д. Рябинин, охарактеризовав бедственное положение рабочих и выяснив их полную экономическую зависимость

А ко всему этому жена Шера (только что родившая) очень больна<sup>1591</sup>. Поездка по Волге, оказывается, не может состояться раньше конца мая. Ввиду всего этого я буду в Москве около 20, — а там увижу.

Пишите, пожалуйста, насчет газеты и вообще. Если Винокуров<sup>1592</sup> паче чаяния будет платить, присылайте мою долю в Москву на имя Ольги Владимировны Шер.

Прощайте — Вал. Свенцицкий.

Р. С. Галанин пишет, что Француз<sup>1593</sup> прислал письмо, в котором между прочим говорит, что в Тифлисе будет выходить газета такая же, как «Народ» (?!).

---

от фабрикантов и вообще хозяев, разъясняет, что для успешной борьбы с последними у рабочих существует вполне целесообразное средство, именно — стачка, для удачного проведения коей рабочим, однако, необходимо действовать настойчиво и дружно, соединяясь в союзы, всегда имеющие возможность поддерживать рабочих во время стачки и, таким образом, дающие средства для облегчения положения рабочих. Хотя рабочие окончательно освободятся от тяжелой зависимости от фабрикантов-хозяев лишь тогда, когда общество будет устроено так, что все будут работать на общую пользу, тем не менее в настоящее время рабочие могут улучшить, в той или иной степени, свое положение единственно лишь с помощью стачек, поддерживаемых профессиональными союзами, о заключении коих рабочим, следовательно, и надлежит прежде всего заботиться, тем более что правительство всегда держит сторону фабрикантов-хозяев». 23 марта МСП возбудила против лиц, виновных в напечатании брошюры, судебное преследование по п. 6. ст. 129 Уголовного уложения, и 19 марта 1910 г. автор был осужден на 4 дня (!) тюрьмы (РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 2. Д. 207. Л. 18).

<sup>1591</sup> Татьяна Николаевна Шер (в девичестве Королева) в апреле 1906 г. родила сына Васю. Роды прошли тяжело, затем семья для поправки перебралась из Москвы в свое имение, где младенец скончался. Второй сын также был назван Василием.

<sup>1592</sup> В. И. Винокуров обещал финансировать ежедневную газету «Народ» и получил свидетельство на право ее издания, но обещанных средств не предоставил.

<sup>1593</sup> В. Ф. Эрн — В. К.

**А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>1594</sup>**

[14.04.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Милый Павлуша! Присылай лучше свою статью, так как я не могу отсюда уехать: каждый день я трезвоню в телефон, хожу сам к Ефимову и каждый раз получаю ответ — завтра, так что должен ждать. Кроме того, я ужасно здесь засиделся, прямо тошно до неимоверности, готов плакать от злости и отчаяния. Ефимову о твоих условиях скажу — они вполне выполнимы. Мне бы очень хотелось к вам, но не могу сейчас, а когда освобожусь от корректуры, страшно хочется сейчас же домой.

Ну прощай, поклон Сергею Семеновичу<sup>1595</sup>. Твой Саша.

**А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>1596</sup>**

[15.04.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша!

Я почти уже уехал; во всяком случае после 12 часов 50 минут 15-го апреля меня уже не будет в Москве.

Все дела переданы Дмитрию Дмитриевичу Галанину.

Главная квартира остается там же — Нащокинский пер., д. Яковлевой кв. 16, куда и пиши и прочее.

Мой адрес отныне: Тифлис, Великокняжеская, 40.

В «Весак» я не был, в чем искренне каюсь.

Ну, прощай, твой Саша.

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>1597</sup>**

[15.04.1906]

<sup>1594</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017 С. 240.

<sup>1595</sup> С. С. Троицкий. — *В. К.*

<sup>1596</sup> Там же. С. 240–241.

<sup>1597</sup> Печатается с комментариями по: *Павлова*, 2004. С. 408.

(...) Вернулась в час. Карташев еще не спит, нас ждет. Кузнечика<sup>1598</sup> дома нет. Посидели с Натой у Карташева в комнате — пошли на молитву. Пришел Кузнечик. Вместе помолились. Я слабо от себя.

Был у проститутки — лицо ее вылепить ему надо. Она его не выпускала, заперла двери и рыдала. Хоть поцелуя требовала. Поцеловал. Карташев не спал часов до 3-х, все слушал. Кузнечик во всех деталях расписывал. Потом разговор на тему такую начался, Карташев про себя рассказывал, о соблазнах своих, о типе соблазнительных женщин (пухлые, лицом полугниловатые<sup>1599</sup>, невзрачные блондинки). Выспрашивала его для сведения...

(...)

### П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну<sup>1600</sup>

[15.04.1906. *Сергиевский Посад*]

Дорогой Володя!

Со мною советовался Мякшин<sup>1601</sup>, и я обещал ему написать Вам. Дело в том, что Вы у него брали 500 штук «проповеди», кстати, Саша брал еще 200, а он издавал их на свои деньги и теперь не сводит концов с концами. Он собирался их про-

<sup>1598</sup> Василий Васильевич Кузнецов (1881–1923) — петербургский скульптор, мастер монументально-декоративной скульптуры и малой фарфоровой пластики. Известно, что к 1907 году ему выделяют мастерскую при Академии художеств, которую он первое время делит с Натальей Гиппиус. В 1910 году был привлечен к оформлению русских павильонов для Международных выставок в Турине и Риме. Скульптор был другом А. М. Ремизова. — *В. К.*

<sup>1599</sup> Вероятно, словечко из «домашнего словаря» сестер Гиппиус для определения «декадентского» — бодлерианского идеала красоты.

<sup>1600</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 241.

<sup>1601</sup> Григорий Трофимович Мякшин — сокурсник Флоренского по МДА в 1904–1908 гг., издатель брошюры «Вопль крови. Слово в неделю Крестопоклонную» (М., 1906) с проповедью Флоренского, сказанной 12 марта 1906 г. в домово́й церкви МДА.

дать, и поэтому ему необходимо уплатить за них. Я бы сам расплатился, да у меня деньги на прожитые здесь летом, и никакого источника дохода я вообще не имею, разве что получу рубля 1½ за сахар и чай да вот справлю корректуры статьи Саши. Поэтому Вы либо соберите с тех, кому Вы давали брошюру, либо как-нибудь устройте дело. Больше моих брошюр нет вовсе, кроме небольшого количества авторских экземпляров и, как я говорил Вам, я тут совсем стою в стороне.

Ваш П. Флоренский.

Я не знаю, на каких условиях Вы брали брошюры.

P. S. На лето, вероятно, останусь тут.

### **В. П. Свенцицкий — С. Н. Булгакову<sup>1602</sup>**

[15.04.1906. *Новосиль — Киев*]

Дорогой Сергей Николаевич! Вы, вероятно, знаете от Волжского, что я буду в Москве числа 20; ввиду этого, если Вам пришлют корректуру моей статьи для сборника, пожалуйста, перешлите ее в Москву на имя Ольги Владимировны Шер.

Затем следующее. Галанин (сын) написал брошюру о профессиональном движении, которую одобрил Ельчанинов и которую он хочет сдать прямо в набор. Я написал ему по этому поводу очень решительное письмо, в котором указывал, что ни Ельчанинов, ни я, ни Францыч в этом вопросе ничего не понимаем — рекомендую послать брошюру для предварительного заключения Вам. Что он, вероятно, на днях и исполнит.

По моему мнению, печатать в нашей библиотеке такую брошюру имеет смысл только в том случае, если она действительно хороша, а наводнять рынок политической дребеденью — не имеет смысла. Я думаю, что галанинская брошюра не плоха, — но во всяком случае я лично очень бы Вас просил отнестись к ней построже.

<sup>1602</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017 С. 241.

Мне не дает покоя вопрос о том, чем должна быть литература и что она такое<sup>1603</sup>, — в настоящее время я прихожу к заключению, что Вы с Волжским совершенно не правы, что Вы не судьи в этом вопросе, потому что сами испорчены (!). Имею данные и из области эмпирии и эмпирии...<sup>1604</sup> Написал для второго номера «Взыскующих» главу под заглавием: «Нечто о литературе, смирении и авторитетности» — Волжский будет ругаться!!

Здесь весна в самом начале, — всюду радость какая-то, в душе словно лед сходит, жизнь чувствуешь такую хорошую, чистую. С ума не идут слова послания «Всегда радуйтесь!» И хочется всем говорить: Христос воскрес! Но говорить людям сил нет, и идешь в лес, и христосуешься с деревьями, и плачешь от бесконечного счастья.

Христос воскрес, дорогой мой Сергей Николаевич.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>1605</sup>**

[15.04.1906. СПб.]

Вот когда впервые с болящею спиной, руками дрожащими и т. д. дорвалась взяться за письмо. Было: 1) [нрзб] сеансе Сомова и один обед с ним, 2) Среда безумная, на кото-

<sup>1603</sup> «Публицистика, всякое частное мнение по частному вопросу должны быть органически связаны не только с мирозерцанием теоретическим, но и со всей внутренней жизнью, как они связаны в живом человеке. Литература не должна умышленно или неумышленно лгать, разрывая эту внутреннюю связь, но должна сохранять ее во всей ее действительной полноте. (...) Литература только тогда будет действительно отвечать своему великому назначению, когда она будет живым лицом. Для этого она должна стать подлинно выражением лучших, страдальческих минут жизни писателя» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 125–126).

<sup>1604</sup> Намек на Флоренского, автора диалога «Эмпирей и Эмпирия» (См.: *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. Т. 1. 146–195).

<sup>1605</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 184–186.



рой посетила нас Ida Aalberg, финская Дузе<sup>1606</sup>), и визит к ней в благодарность за присланный мне дивный букет красной гвоздики, 3) посещение Соловьевой и визит деловой к Озаровскому, актеру и профессору театрального училища, который пригласил Вячеслава читать лекцию о Греции в пользу бедных учеников театрального училища, т. е. чтобы они могли примкнуть к организуемой Озаровским поездке в Грецию, (...) У меня проект собрать все рассказы из воспоминаний детства (1 еще осталось дописать) в отдельную книжку «Трагический Зверинец», а «Отрывок из письма» составляет первый рассказ к третьей книге «Брак», вторая будет, вероятно, называться «Юность», там будет <Sic!> все социалистические переживания и трагедия с женою Гудлета и мои романы первые. 4-ая книга будет «Любовь». Напечатается она уже после моей смерти<sup>1607</sup>. И насколько три первые книги будут правдивы не протокольно, а лишь художественно, настолько эта последняя будет сухая протокольная запись событий и переживаний. (...)

Вячеслав завален делами. Юлия Беляевская упросила его читать лекцию в пользу учителей выгнанных. У него на совести 4 или 5 статьи <Sic!>. Каждый день в газете Булгакова «Народ» печатают о его двух статьях, и они еще не начаты<sup>1608</sup>. Нужно приготовить к печати книгу о «Религии Диони-

<sup>1606</sup> О знаменитой финской актрисе Ida Aalberg (1857–1915) см.: *Byckling Liisa. A Finnish Nora in St. Petersburg: Ida Aalberg in Ibsen's A Doll's House (1882–1902)* // Toronto Slavic Quarterly. 2006. № 16. Элеонора Дузе (1858–1924) — прославленная итальянская актриса.

<sup>1607</sup> План был осуществлен лишь частично. Книга «Трагический зверинец» была написана и издана (СПб., 1907), остальные три остались лишь в проекте. Рассказ «Кошка (отрывок из письма о неблагополучии мироздания)» был напечатан (Адская почта. 1906. № 1. С. 10–11). Трагедия с женою Гудлета — видимо, имеется в виду ситуация, когда Зиновьева-Аннибал задумалась вступить в фиктивный брак с женатым человеком (подробнее см. в ее письме к детям: Новое литературное обозрение. 2008. № 88. С. 120–121).

<sup>1608</sup> Вышло всего 7 номеров киевской газеты. Иванов в ней не печатался.

са», а ему еще не пришлось приняться, также диссертацию, также хоть начало «Сог Ardens» приготовить к печати. Собственно, ему не следовало бы уезжать, но, Бог даст, в мае выберемся хоть к концу. (...) Милые, я же давно уже не в Среду пишу, а уже в Пятницу в 9 утра. Напилась кофею и легла писать. Итак, дальше: в Среду меня притеснил Сенилов (композитор, талантливый, по словам Нувеля, одного из устройств Вечеров Современной Музыки), «думали ли вы о Стране Солнца?» (помните, либретто для его оперы?). Я сказала, что заканчивала несколько начатых работ, но что если он мне даст срок недели две и пришлет конспект своего сценария, то я тогда отвечу ему окончательно, могу ли взяться. (...)

Художники наши «Мира Искусства» мои большие друзья и оценщики. Бакст рассказывал мне, что Сомов с ним говорил о моем портрете, а Бакст ему советовал сделать его очень большим, а la David. На днях Сомов напомнил: «Помните, vous êtes engagée!<sup>1609</sup> Вы не можете мне отказать!» «Да вы ко мне сами охладеее» «Я не могу. Как я вас тогда увидел у камелии в белом и с оранжевой шалью. Этого нельзя забыть». «Да осенью нет камелий!» «Я достану». (...)

Та Среда<sup>1610</sup> вышла неожиданно пышная. Я думала, что всем надоели Среды, и в 11 час (было всего человек 12) отослала Анюту. Вдруг принялись валить. И новые по рекомендации прежних. И Ida Aalberg. Самовар мамин кончается. Я проклиная судьбу, ибо не имею времени ставить при таком сложном обществе, да и лампу одну нужно всегда долить два раза в вечер. Ida Aalberg моет чашки и в то же время просит экстагического репертуара на будущую зиму. Тэму избирают очень серьезную: Романтично ли современное искусство? Прения открывает Вячеслав чтением отрывков из своей статьи в «Руно»<sup>1611</sup>. И подымает очень глубокий

<sup>1609</sup> Вы наняты! (фр.).

<sup>1610</sup> 5 апреля.

<sup>1611</sup> Имеется в виду статья «Предчувствия и Предвестия: Новая органическая эпоха и театр будущего» (Золотое руно. 1906. № 4. С. 68–73). Про-

слой своим плугом. Человек сорок и много дам сидят и слушают ораторов, как публика в театре, терпеливо, благоговейно. Только я (в последний раз, ибо обещала Вячеславу и Бердяеву больше не бунтовать, а самой участвовать в прениях) спросила голос (по совету Нувеля и Сюннерберга), чтобы заявить, что ничего не понимаю. Собственно, тэма поставилась так: Что современное движение — романтизм или пророчествование? Вячеслав определял признаки того и другого и говорил, что пророчествование наше сводится к подготовке органической эпохи, которая должна сменить теперешнюю критическую (Это будет эпоха интеграции в противоположность эпохи дифференциации: термины, за которые я и разбесилась). (...)

В эту Среду (Ida Aalberg на 2 недели в Финляндии, поэтому тэма «Актер будущего» отложена) была тэма «Факелы», но литературное отделение поставлено вперед. Читала жена Щеголева, молоденькая актриса (т. е. теперь она не играет), сначала стихотворение Брюсова «Приходи путем знакомым...» по просьбе Вячеслава на первом месте (по-моему, раззолоченная ложь) очень хорошо, и потом стихотворение Вячеслава «Перед жертвой» («Факелы») так дивно, что я впервые поняла, что актер может читать лучше поэта. У меня чуть судороги не сделались от ее ритмики и трепещущей глубокой интерпретации, а также дивного глубокого голоса. Если бы Вера слышала, она поняла бы, что такое актер будущего, и, может быть, он к ней ближе, нежели актер настоящего. Читали потом Сологуб, Городецкий, Вячеслав три новых стихотворения, Волькенштейн и произвела гром рукоплесканий Ольга Беляевская: какой язык богатый русским словом, сияньем простоты, последнее стихотворение посвящено Ремизову «Кикимора». Оправдание Кикиморы. Ремизов был очень доволен, даже кряхтел. Публика просила Вячеслава прочесть еще

---

должение статьи печаталось в № 6 (С. 53–63), но, судя по всему, к моменту Среды это продолжение еще не было написано.

стихотворение Сомову, которое всем чрезвычайно нравится (даже Батюшкову<sup>1612</sup>).

Очень живо прошла тема. Я вела себя хорошо. Говорила первая, что такое «Факелы», хотя сначала и отказалась, объявив, что у меня ум, мозг не культивированный, потому что университета я не прошла. Но потом все же (так как вышла заминка. Вячеслав было предложил, чтобы раньше высказались не факельщики) запросила снова и сказала о расколдовывании мира, так как всегда в мироздании не все благополучно и т. д.

Суббота<sup>1613</sup> 5 часов. Увы, вчера не отослала письма. Пришел Сомов. При нем Лиза Зиновьева и девочки Блок<sup>1614</sup>, потом бежали мы трое на обед к Бердяевым и оттуда все на вечер к Манасеиным. Там было общество не обыкновенное их, а изысканное для нас: Ростовцевы, Котляревские, Дымов, Ремизовы, Бердяевы, мы, художник Мурашко<sup>1615</sup>. Было весело, даже после ужина пели: Соловьева дивным контральто в темноте без аккомпанемента русские песни и романсы, потом заставили меня, и я с эффектом и позорно распушенным голосом *Nabaneга*, но осветила меня, так как я была в красном хитоне с оранжевой шалью. Эффект огромный, прямо фурор. Только Ростовцев и Вячеслав божественно серьезны. Комическая штука вышла у Дымова. Он попросил позволение передразнить Вячеслава, читающего на Среде стихотворение. Встал в позу, поправив пенснэ рукой, прижав его к носу. А я говорю: «Нет, не позволяю, вы плохо передразниваете!», а он вдруг ко мне: «Ты мне своими шашнями отравляешь все Среды!» Хохот невероятный и т. д. Подражал Вячеславу бесподобно, особенно в манерах...

<sup>1612</sup> Павел Николаевич Батюшков (1864–1930) — переводчик, сотрудник Румянцевского музея, спирт и теософ.

<sup>1613</sup> 8 апреля.

<sup>1614</sup> Е. Н. Зиновьева — жена брата Зиновьевой-Аннибал А. Д. Зиновьева. Девочки Блок — близкие знакомых (или даже родственники) Зиновьевых, не имеющие отношения к поэту.

<sup>1615</sup> Александр Александрович Мурашко (1875–1919) — русский и украинский художник-портретист, педагог и общественный деятель. — В. К.

**В. А. Никольский — А. С. Глинке**<sup>1616</sup>

[16.04.1906. СПб. — Киев]<sup>1617</sup>

16 апреля 1906 г.

Многоуважаемый Александр Сергеевич.

Письмо Ваше получил вчера, 15 апреля. Думаю, что могу принять Ваше предложение, при условии гарантии двухмесячного содержания в случае каких-нибудь «независящих обстоятельств».

Но дело в том, что как раз в данное время обстоятельства мои складываются таким образом, что я не могу выехать, не получив аванса рублей в 300, чтобы ликвидировать некоторые неотложные обязательства и устроиться с квартирой, имуществом и т. п.

Думаю, что это не может создать затруднений для редакции, а мне даст возможность выехать быстрее и спокойнее. Аванс этот я хотел бы получить при условии погашения его в три-четыре месяца.

Работы я никогда не боялся, и ночные дежурства меня не особенно устрашают; к тому же я люблю процесс организации дела, процесс его постановки, тем более что техника газетного дела мне известна от управления конторой и — в экстренном случае — до верстки номера.

II <Sic!>

В ожидании ответа от Вас я буду все-таки готовиться к отъезду, чтобы не задерживаться. Дело в том, что я, к сожалению, не могу приехать один и, уезжая, должен разрушить свою квартиру, т. е. сдать мебель и книги на хранение.

Спасибо за память и, будем надеяться, до скорого свидания.

<sup>1616</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. К. 1. Ед. хр. 254–259. Л. 1–2.

<sup>1617</sup> Конверт: Киев, Б. Житомирская, 26, Его Высочородию Сергею Николаевичу Булгакову, для А. С. Волжского.

Фотий Николаевич Белявский<sup>1618</sup>, опечалившийся было по поводу приостановки «Народа», будет очень доволен, если газета возобновится.

Передайте мой привет Сергею Николаевичу<sup>1619</sup>.

Готовый к услугам

В. Никольский

СПб. Верейская, 29.

### В. П. Свенцицкий — С. Н. Булгакову<sup>1620</sup>

[Апрель 1906. Москва — Киев]

Дорогой Сергей Николаевич!

Ивашева передала мне, во-первых, о Вашей просьбе снести с Морозовой по поводу «паев». Не зная, в каком положении ~~финансов~~ киевские проекты о паевой компании, я не решаюсь дать ход этому делу, особенно ввиду своего несочувствия использовать этот ~~источник~~ единственный в своем роде источник для газеты «Народ» 10 тысяч. — Надо испробовать все возможные пути и тогда только обращаться к Морозовой, так как, раз обратившись, мы уже лишаем себя этого источника навсегда.

Во-вторых, она же сообщила мне, что у нее были Пятикрестовский<sup>1621</sup> и Пospelов, узнавшие о том, что одна из причин прекращения газеты — финансовые затруд-

<sup>1618</sup> Фотий Николаевич Белявский (1873 — не ранее 1913) — критик, публицист, автор работ по религиозно-церковным вопросам.

<sup>1619</sup> С. Н. Булгаков.

<sup>1620</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 1—2 об. Публикуются по копии, предоставленной А. И. Резниченко и сверенной с архивным оригиналом.

<sup>1621</sup> Александр Михайлович Пятикрестовский (1870—1938) — прот., окончил МДА, кандидат богословия (1895), настоятель московских храмов Спаса Нерукотворного Образа на Пречистенке (с 1902) и Спаса Преображения на Б. Спасской (с 1919), где в 1920-х часто служил и проповедовал Свенцицкий.

нения. Они предложили помочь делу деньгами. Я Ивашевой сказал, что этот источник необходимо утилизировать. Но для этого необходимо опять-таки знать, в каком положении киевские дела.

Ввиду всего этого, немедленно по получении этого письма известите меня, в каком положении газета. Если дело можно изложить кратко, например «надо три тысячи» или что-нибудь в этом роде, то лучше телеграфировать мне по адресу Шер.

С Ефимовым у нас начинает возникать путаница. Он что-то все затягивает, говорит, что очень велик гонорар, что он еще не знает, как будет расходиться «Библиотека» и т. д.

Если газета «Народ» начнет выходить в начале мая, то я с удовольствием приехал бы недели на две в Киев — так как свободен до 20 мая. Напишите мне об этом.

Прощайте. Вал. Свенцицкий

**Н. А. Бердяев — Д. В. Философов<sup>1622</sup>**

[20.04.1906. Киев — Париж]

Мой дорогой, родной Дмитрий Владимирович!

(...) В Петербурге меня доводили до тошноты «мистические анархисты», а здесь тошнит от православных христиан<sup>1623</sup>. (...) «Народ» временно прекратил свое существо-

<sup>1622</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 243–244.

<sup>1623</sup> О тогдашнем духовном состоянии Бердяева свидетельствует его доклад «Мистика и религия», произнесенный 14 декабря 1906 г.: «Особенно противоречит христианской религии аскетизм... В аскетизме нет положительного содержания. Сущность его в прославлении смерти, в самоумерщвлении... Жертва Христа освобождает человечество от жертвоприношений» (Церковно-общественная жизнь. 1907. № 1. С. 22); тот же дух проявился в книге «Новое религиозное сознание и общественность» (1907): «Жестокий и кровавый (...) аскетизм, пессимистический и враждебный мировой жизни (...) находится ближе

вание, но кажется, что скоро возродится. Я очень рад, что газета эта появилась, но высочайшие указы Свенцицкого и Эрна мне не нравятся, я не выношу религиозного самодовольства и религиозного бюрократизма. (...) Даже Булгакова это смущает, а Волжский совсем под влиянием этих инквизиторов. (...) В сборник<sup>1624</sup> нужно пригласить Булгакова и Волжского, равно как и Розанова, но не нужно приглашать Эрна и Свенцицкого. (...)

### О. Н. Анненкова. Дневник<sup>1625</sup>

[20.04.1906]

Первое знакомство с А. Белым

20 Апреля четверг 1906 г.

(...) Вчерашняя среда у Вячеслава была прекрасная. Я вернулась домой в 5½ утра, встретив рассвет на крыше их дома в обществе Вячеслава Ивановича, его жены, Белого, Аничкова, Ромберга<sup>1626</sup> <Sic!>, Волькенштейна и др. Как было хорошо! А. Белый читал стихотворения, а затем свою новую философскую вещь «Феникс»<sup>1627</sup>, после которой возгорелся горячий спор между ним, Вячеславом и Аничковым, который витийствовал, круглый как шар и самодовольный. Чуковского я видела мельком и не говорила по-

---

к чорту, чем к Богу» (*Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 32.). Через 10 лет философ в работе «Смысл творчества» заявлял: «Аскетика (...) есть общеобязательный формальный метод всякого религиозного и мистического опыта. Путь аскетический (...) есть возврат в лоно Божье» (*Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 382).

<sup>1624</sup> «Анархия и теократия». См. примеч. к письму Д. В. Filosofova В. В. Розанову от 11–26 августа 1906 г.

<sup>1625</sup> Печатается с комментариями по: Вячеслав Иванов и Андрей Белый в дневниках и письмах О. Н. Анненковой. С. 465–468.

<sup>1626</sup> Скорее всего, неправильно услышанная и записанная фамилия поэта-символиста, завсегдадая ивановских сред Эрберга.

<sup>1627</sup> Статья Белого «Феникс» была опубликована: Весы. 1906. № 7. С. 17–39.



чти. Все были поглощены Белым. На крыше спор длился, и хотелось дурачиться и бегать. Впрочем, это и делали, и пугали своей отвагой Лидию Дмитриевну.

Из сада пахло зеленой свежестью, воздух затрепетал от щебетанья, рвалась розовая дымка. Город смутно шумел, и Нева блеснула холодной стальной полосой. Хорошо было на высоте и вниз сошли в 4 утра и стали пить чай, а мы трое — Борис<sup>1628</sup>, Белый и я уселись в кабинете Вячеслава у открытого окна и скоро обрадовались друг другу, увидев, что свои и что можно говорить обо всем... И пошли, и пошли! Те двое оба мистики, переживали все одинаковое, я же хорошо понимала это объективно и слушала с интересом психолога-наблюдателя, тем более что это говорил Белый.

Он настоящий «гном» и снаружи, и внутри! Изгибается, сверкает острыми серыми глазами как-то вбок, лукаво улыбается, весь юркий, пушистый и хитрый, хитрый!.. Он может жить как угодно и заниматься чем угодно, но это «нарочно», а сам все знает, водит компанию с чужими, призывает и борется с ними, и заглядывает как свой в подземные пещеры и в подсознательные глубины духа.

Ходит по извилистым лабиринтам маленький гном в красном колпачке и кивает головой, хихикая и потирая руки. Он легко мог бы кончить в сумасшедшем доме, но его удержит на самом краю быть может — сила воли, которая у него, кажется, большая. Меня он пленил еще своим большим знанием философии и насколько я могла понять он

---

<sup>1628</sup> Борис Леман, мой родственник. — *Прим. О. Н. Анненковой.* Знаменательно, что в одном из своих не датированных, но судя по всему первых писем к Белому, Леман напоминал об встрече на башне: «Дорогой Борис Николаевич, быть может Вы еще помните меня, помните утро у Вячеслава Ивановича, утро, когда за окном внизу в едва видимой дымке тумана дремали деревья...» (ОР РГБ. Ф. 25. К. 18. Ед. 13. Л. 16об.). Сохранилось и другое свидетельство о встрече Лемана с Белым на башне: в одном из писем от 12 марта 1906 г. он просит прислать ему «то очаровательное стихотворение “Поповна”, которое Вы читали у Вячеслава Ивановича» (Там же. Л. 4).

в теории познания стоит на Канте, а потом сильно подъезжает к Ницше, особенно в идее ценностей, преодоления и вечного возвращения, принимая также волюнтаризм от Шопенгауэра. (Хотя и бранит его). Обещал ждать нас сегодня и пропал, хотя мы его усердно ловили в Бэль-Вю<sup>1629</sup>. В воскресенье он едет назад в Москву, авось еще увидимся, хочется поговорить еще. Мне приятно, что он сразу понял, что мы — близкие и открылся перед нами как книга, которую мы жадно читали.

Вячеслав отовсюду выкатится как кованный медный диск... Но оба весьма милы и интересны. В воскресенье 23 идем слушать лекцию Вячеслава о новом искусстве<sup>1630</sup>

**П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну<sup>1631</sup>**

[22.04.1906]

Милый, хороший Владимир Францевич! Пожалуйста, не думайте больше, что я обижена на Вас. Верно, что это было, — не в смысле такой обиды, чтобы я на Вас сердилась, а просто мне больно было думать, что, вот, Вы, — «Вы», — не подумали обо мне побольше, чем другие. Ваше письмо дало мне пережить такие хорошие минуты, я Вам благодарна за него.

Ваша П. Ивашева

От Сережи:

Владимир Францевич, теперь на Кавказе-то, я думаю, как хорошо! Ну, вот, когда ты гуляешь, — ну, думаешь ли ты, что вот и Сережа здесь бы тоже погулял? Что если ты не думаешь этого, то уж я и не знаю, что тебе сказать... Я бы на твоём ме-

<sup>1629</sup> Вероятно, популярный ресторан «Бель вю» (Каменный остров, 24.

<sup>1630</sup> Лекция Вяч. Иванова «Пути нового творчества и современная душа» в гимназии М. Н. Стоюниной (ул. Кабинетская, д. 20). Сообщение об этом: Наша жизнь. 1906. № 426; Страна. 1906. № 53.

<sup>1631</sup> НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 47. Л. 18 об.

сте непременно это думал. Хотя и то, по крайней мере, хорошо, что мы на Газетчиковой на вашей квартире. Жду теперь, скоро ли распустится сирень у нас под окнами. До свидания. Кланяюсь тебе, милый Владимир Францевич.

Твой Сережа.

22 апреля 1906 года.

### Н. А. Бердяев — З. Н. Гиппиус<sup>1632</sup>

[22.04.1906. Киев — Париж]

Киев. 22 Апреля

Моя милая Зинаида Николаевна! Пишу Вам перед отъездом из Киева обратно в Петербург. На этот раз я себя в Киеве тяжело чувствую, одичал совсем, хотя встречаюсь со старыми приятелями. Не знаю, что хуже, православное ли христианство Булгакова и Волжского, на котором почил дух Свенцицкого, или беспочвенность и безнадежность Шестова. Тяжело в Петербурге, хотя там меня встречает тотальный мистический анархизм.

«Народ» погиб, денег нет, и возродиться что-нибудь может только к осени. Я иногда мог бы писать в «Народе», но все-таки это чужое мне дело. Думаю о вас, и вопрос о церкви приобретает остроту необычайную, мучает меня. Будем вместе искать, открывать, но, может быть, иногда просто бороться друг с другом. Я твердо признаю «да» и «нет» и не признаю личностную человеческую наивысшую точку. Но личность получает высшее свое утверждение и высшую полноту в той религиозной точке, которая выше всего. И «нет» должно вести к окончательному и полному «да». В великих вещах мира можно и должно открывать «да», оно сокрыто и в искусстве, и в философии, и в любви, и во многом прекрасном. Был вчера на панихиде, одна знакомая умерла, и день прошел в думе о том, что религия Христа так прикрепилась к смерти и так оторвана

<sup>1632</sup> РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев Н. А. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 1. Закрытка.

от жизни. В одном христианстве нет уже спасения, для меня закрыт этот путь, хотя Христа люблю больше, чем когда-либо. Я хотел когда-нибудь Вам рассказать, насколько это возможно, о моем отношении к Лидии Юдифовне. Вы невнимательны к ней и потому не понимаете, какой полной и прекрасной любовью я люблю ее. Это единственный человек, с которым я могу жить, чувствовать себя свободно, хорошо и легко. Но роковая проблема пола этим не решается. Еще Вы мне близки, и больше никто. Пишите. Ваш Николай

**В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому**<sup>1633</sup>

[28.04.1906. Тифлис — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша!

Я лично взял 75 экз. ваших брошюрок. И хотя деньги за них получены не все, но я посылаю следуемые деньги сполна: 75 к.  $\times$  7 = 5 р. 25 к. Я не спешил высылкой только потому, что студент, вручавший мне брошюрки, говорил определенно, что с деньгами я могу не спешить. Прощайте, от души всего вам доброго.

Ваш В. Эрн.

**П. А. Флоренский — С. С. Троицкому**<sup>1634</sup>

[29.04.1906. Сергиевский Посад — Москва]

Сережа, братик мой ясный. Вот что я хотел написать тебе за всенощной сегодня; ты только будь здоров и радостен. Разве ты не видишь над собою покрова Пречистой, что думаешь о завтрашнем дне. Я много раз так ясно видел его над тобою, что не беспокоюсь за тебя: ты в надежных руках. Только побольше беспечности! Это о тебе.

<sup>1633</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 244.

<sup>1634</sup> Там же. С. 244–245.

По временам я так ясно сознаю в своей душе какую-то, будто стальную вещь, сторону, силу — не знаю, как назвать это, но что-то беспощадно твердое, с острыми режущими углами, может быть даже с острыми «губами», как у «острогубца», способными перекусить моментально какую угодно проволоку. Этот твердый предмет при всяком движении рвет и терзает мою душу, рвет и делает больно всякому, кого я прижму к груди. И в то же время я знаю, что в этом — то, что во мне узнают все другие, посторонние. То, что ужасно для меня, является силой для других; что дорого мне — не видно другим. И я знаю, как я мучаю себя, — может быть, ты и сам не понимаешь, чем именно; перед Богородицей говорю, что и я тоже почти ничего не понимаю, что я хочу тебе самого хорошего, чистого, радостного, жизненного и светлого, готов все сделать, чтобы тебе было только хорошо. Но... не выходит...

А после этого, после жизни с другим, мне желательно только одно. Поговорить о моей жадности. Может быть, это и так. Я сейчас объясню, как обстоит дело. Меня удовлетворило бы только одно — это непрерывный подвиг, требующий напряжения всех сил души, не дающий ни минуты подумать и в ближайшем будущем заканчивающийся крестом. Но я хорошо сознаю, что вполне недостоин этого, и мучаюсь своим недостойнством и знаю, что лучше стать могу не иначе, как через подвиг же и крест. Тут я путаюсь и терзаюсь.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — Ал. Н. Чеботаревской**<sup>1635</sup>

[24.04–1.05.1906. СПб.]

Уже утром отправила картолину. Но это последняя неделя такого ужаса. Последняя Среда<sup>1636</sup>. (...) Та Среда: 41 человек. Тема: вновь о «Факелах» и мистическом анархиз-

<sup>1635</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 187–190.

<sup>1636</sup> 26 апреля.

ме. Литературное отделение — стихи: читала Щеголева Верхарна в переводах Брюсова и еще раз «Перед жертвой» (в Понедельник перед той Средой мы ходили к ней с Вячеславом и свезли его стихотворение, написанное им ей в благодарность за прочтение<sup>1637</sup>. Она была так тронута, что говорила, что это счастливый день ее жизни и она как во сне. Она прелестного типа, тонкая, застенчивая, внутренняя женщина. После нее я была у мамы<sup>1638</sup> и не застала, и еще у Блоков — поэта с женой (...) После Щеголевой читал Городецкий, и по требованию публики еще раз Вячеслав читал терцины Сомову «О Сомов, чародей...» и «Фейерверк» ему же по поводу его картины на выставке. Потом Белый читал свою карикатурную<sup>1639</sup> статью «Феникс». Было скучно большинству, но Вячеслав увлекал и пришел в восторг, больше от снова блеснувшей надежды найти нить общую с Белым... Только я порасхолодила их, спросив Белого, не черным ли пуделем чертовским кончает он свою теодицею. В течение этой ночи несколько раз гости лазали на крышу, сначала при звездах, потом к утру, уже при свете. Вид и освещение были фантастичны и совсем невероятны. Мы бродили на семиэтажной башне вдоль карнизов и в месте труб по бесконечной крыше нашего дома-великана. На мне был бледно-лиловый хитон с белою шалью. Это было красиво в утреннем свете. (...)

Четверг<sup>1640</sup> 7 часов утра. (...) Апофеоз Сред — наша прощальная Среда. Напрасно считать гостей, их было за пятьдесят. За время прений «В чем состоит Красота Жизни?» посреди hall нашей я втиснула между креслами и стульями ковер, и мы сели на пол: Сомов, Кузьмин <Sic!>, Чуковский, Настя Чеботаревская, я и еще другие. Нам принес-

<sup>1637</sup> Имеется в виду стихотворение «Самоотчуждение» (Иванов В. Собрание сочинений. Т. 2. С. 330).

<sup>1638</sup> Речь идет о матери Замятниной — Павле Афанасьевне.

<sup>1639</sup> В оригинале: колитантурную.

<sup>1640</sup> 27 апреля.

ли изумительный букет из больших лилий, роз, гвоздики, гиацинтов, прямо великан, как подают любимцам-артистам с [нрзб] розовыми лентами, где золотыми буквами отпечатано: «Лидии и Вячеславу Ивановым от друзей Сред». Это было еpatant<sup>1641</sup> воистину. Также от Ремизовых явился куст ромашки — целая роща, так что, когда его поставили, комната оказалась ромашковым лесом. Лазали на крышу. Там говорились стихи. Потом продолжались прения. Поставил Вячеслав вопрос, к какой красоте мы идем: к красоте ли трагизма больших чувств и катастроф или к холодной мудрости и изящному эпикуреизму. Это то, что все это время занимает меня как проблема душевная и художественная. Много виноваты в столь острой постановке ее во мне — Сомов, Нувель и их друг поразительный александрец поэт и романист Кузьмин — явление совсем необыкновенное и тихим ядом изысканных недосказанностей приготовляющий новое будущее жизни и искусству и всей эротической психике человечества. Есть у нас заговор, о котором никому не говори: устроить персидский, Гафисский кабачок, очень интимный, очень смелый, в костюмах, на коврах, философский, художественный и эротический. На будущей неделе будет первый опыт. Пригласили мы основатели, т. е. Вячеслав, Сомов, я и Нувель, еще Кузьмина, Городецкого и, увы, Бердяевых (боюсь, что они не подойдут, потому что в них нет ни тишины, ни истинного эстетизма). Прощание со Средами было совершенно неожиданно трогательным. Да, после прений читалось еще немало хороших стихов, Щеголева прочитала Вячеслава «Бессоницу» и Брюсова «В публичном доме», читал много Городецкой. Меня Вячеслав заставил председательствовать, что я делала со всяким комизмом и анархизмом, хотя Сомов любовался на мой силуэт на рассветном небе. Ушли около 4? утра. Прощались все так ласково и по-человечески, что не хватало место <Sic!> на моих руках для поцелуев, а с да-

<sup>1641</sup> Потрясающе (*фр.*).

мами (обе были впервые — Лукш-Маковская<sup>1642</sup>, скульптор венский, и еще кузина Сюннерберга, очень глубокая и, кажется, несчастная девушка) всеми прощалась горячими поцелуями, даже с некоторыми мужчинами, и какая-то несомненная атмосфера любви и растворения одиночества индивидуального существовала в этот вечер. Городецкого мы оставили ночевать. Еще бродили по крыше, я поставила самовар, пили чай. Говорили странно без решеток о любви, он сказал свой роман<sup>1643</sup>. Легли все в 8 утра. В 11 он убежал «с Кольцами в зелень», как написал на записке в кусте ромашковом. Но нельзя написать мало-мальски адекватно истине. Я не умею найти стиль для этих дневников. Даже рябь поверхности не передается, и так многое не могу сказать, потому что показалось бы странным и не тем. Как же сказать черный фон глубины, трагедии, на котором мы ведем свой хоровод муз... Ведь 26-ого — Среда была кануном 27-ого! и <Sic!> ни слова не было сказано о Думе<sup>1644</sup>. — И, ради Бога, не пиши мне о политике. Неужели ты не замечаешь, что я не пишу никогда о ней, ты же наполняешь ею две страницы. Для меня, впрочем, политики не существует и не существовало. Если невозможное 18-го октября осталось навек невозможным, — я молчу, я «посыпала главу пеплом» и молчу. Пусть все совершается, как совершалось всегда и совершится. То я не хочу, то не мое, не моего Бога. Молчи и ты со мною. — Каждое слово, произнесенное в этой области, ссорит меня с Вячеславом. «Одним Всецелым умирима и безусловной синевой»<sup>1645</sup>. Он написал это обо мне, но он же и восстает за это на меня. Моя индивиду-

<sup>1642</sup> Елена Константиновна Лукш-Маковская (1878–1967) — русская и немецкая художница и скульптор.

<sup>1643</sup> Летом 1906 г. у С. М. Городецкого родилась дочь Ия от женщины по имени Ольга Александровна (возможно, Вебель).

<sup>1644</sup> 27 апреля 1906 в Таврическом дворце (т. е. совсем рядом с квартирой Ивановых) начала работу 1-я Государственная дума.

<sup>1645</sup> Из стихотворения Иванова «Ты — море» (Собрание сочинений. Т. 1. С. 762–763).



альность крепнет, и крепнет новая жизнь, которая не хуже прежней, которая заманчива и хочет быть легкой, легкой, как пляска на туманах утренних над бездною... Я не ми-рюсь ни с чем...

Думаю, что из написанного ничего нельзя понять. Все равно. Хуже, если поймется превратно; лучше уж ничего.

[1.05.]

Понедельник 1 Мая. Впрочем, последние три страни-цы были написаны также сегодня. Что было после той еще Среды 19-ого Апреля? В пятницу обедали у меня Сомов и Нувель. Это интимно эстетический и, скажу, эротиче-ский наш кружок. С ними входит атмосфера какого-то глу-боко красивого эпикуреизма в его истинном смысле с его фоном трагической мудрости, ведающей безнадежность ми-ра. Они оба люди очень добрые и очень честно относя-щиеся к России. А Сомов еще вдобавок великий художник. Нувель нас прямо полюбил как потребность умственного и душевного общения, почти прибавила бы и физического, если это можно понять очень верно и совершенно, впро-чем, в прямом смысле.

В Субботу у меня иной обед: Белый и Аничков. Белый, скользкий холодный угрь <Sic!>, к которому я была очень ласковою и постаралась из-за всех сил <Sic!> отнестись к нему с нова <Sic!>. Он платил мне сто тысячами улыбок и «ах» вежливыми и соответственными и казался очень тронутым, но, увы, не верю в угрей скользких и холодных. Москва враждебна и не симпатична, т. е. Москва нового искусства. Аничков засиделся долго и рассказывал траге-дию своей жизни. Мы были очень с ним ласковы. (...)

5½ вечера. (...) Во вторник было на сеансе Сомова засе-дание «Адской Почты»: Дымов, Куприн, Гржебин, Чул-ков (не пришел), Сомов и Вячеслав. Читались рукописи для 1-ого №. Приняли мой «Отрывок из письма о небла-гополучии ми-ра», в особенности понравившийся, даже за-живо <Sic!> задевший Куприна. Сомов сказал (это сплет-

ничал Вячеслав, потому что я отсутствовала на заседании. Они только попросили меня прочитать им. Это было как-то не очень приятно лично отдаться на суд. Меня «Скорпион» (с которым я поссорилась) все-таки избаловал безусловным приемом всякой моей строчки), Сомов сказал лаконично и веско: «Мне нравится и по форме и по содержанию». (Кстати, «Адская Почта» выходит на днях. Еще не вышла.) Они отвергли Арцыбашева, Ремизова, самого Куприна (он не решился прочитать, сказав, что сам находит вещь свою плохой), одну вещь Горького. Другую Горького приняли. Итак, в первый № выйдет из рассказов фундаментальных Горький и я. Ужасно мне стало жутко. (...)

Был Чулков и читал стихи свои новые недурные. Когда все ушли, мы с Вячеславом сели к окну, и тихо я прочитала ему роман «Крылья» Кузьмина, совершенно тонкая, новая и ядом тончайшей красоты пропитанная вещь<sup>1646</sup>. Это был вечер поэзии<sup>1647</sup>. В пятницу мы были вечер у Добужинских (...)

<sup>1646</sup> Зиновьева-Аннибал читала роман по рукописи; он был опубликован только в 11-м номере «Весов» за 1906 г.

<sup>1647</sup> Подробное описание последней официальной Среды сделано в дневнике Кузьмина. Но своеобразные итоги всего сезона подводились как в печати, так и в переписке. В несколько шутовском тоне, но оттого не менее серьезно Блок писал В. Пясту: «В деревне буду отдыхать и писать — и мало слышать о “религии и мистике”, чему радуюсь. В последнее время не бывал нигде, но все еще, пройдя экзаменное горнило, чувствую “жар и зной” последних “сред”, на которых, по рассказам, многотысячные толпы алчущих все еще... говорили о “мистическом анархизме”. При этом, ввиду сильного атмосферического давления, многие говорили на крыше, вися над безднами, и с высоты седьмого этажа видели, как за освещенными окнами “думает” новое правительство» (Речь идет о Государственной Думе, заседавшей в Таврическом дворце, вид на который открывался из окон Башни). Тому же Пясту сообщил С. М. Гордеецкий: «Бывал на последних средах, но приходил поздно. Это всего этого как-то отхожу. Темные места сред и тому подобного особенно выделяются. (...) В искусстве несомненно нарастает совсем другое, чем говорится, думается и пишется. Такие факты, как Ремизов, новый фазис Бальмонта, пропускаются без внимания... (...) Нужно отметить опять из литературы: 1. Стихотворение В. Иванова “Сомову”. Чудесные тер-

В Субботу был у нас троих интимный пир по случаю оконченного портрета. Сомов принес дивный горшок с пятью лилиями Вячеславу и большую гортензию голубую мне. Я ездила в город с утра и купила курочку, закусок, чесноку и масла для салата и 2 бутылки шампанского. Пили, говорили без конца, очень любили друг друга и разошлись к 2-м.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1648</sup>

[30.04–3.05. СПб.]

30 апреля, 2 и 3 мая.

Что касается продолжения дневника, то я остановилась на вечере в воскресенье у Манасеиных. Там было много выпито и немного слишком шумно. Но в конце вечера, вернее, ночи, когда уже кружок стеснился, что-то прекрасное случилось с Ростовцевым, который все повторял: «Слушайте, я это говорю теперь и больше никогда не скажу», и открыл перед нами глубоко экстатическую душу, призывающую Чудо и живущую только верою в древнюю живую Красоту. Потом он характеризовал Куприна и Вячеслава и всех нас (меня — как написавшую Кольца), благословил на наше дело! Он был так прекрасен и говорил так умно и остро-проникновенно, что я была как в прекрасном волшебном сне. И прощаясь, я поцеловала его в губы. А перед тем, как мы дико спорили на тэму «О вражде полов», где были выбраны представителями — я от женщин, Allegro от мужчин. И я велела мужчинам любить мужчин, а женщинам женщин с влюбленностью древнего Эроса и при встречах страстных между двумя полами не скрывать от себя свою вражду.

---

цины, дающие полную характеристику, до самых подробностей, почти со зрительными впечатлениями. 2. Стихотворение Блока “Незнакомка”» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 246).

<sup>1648</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 187–190.

Пусть так окрепнет каждый пол и вызреет в великий и прекрасный тип, и тогда, быть может, в момент высшей силы через много поколений встретится муштина и женщина на великою встречею любовного слияния. Но теперь борьба и, конечно, не за равноправие, а за первенство.

Тут перешел разговор или, вернее, страстные прения на физические доказательства преимущества мужчин как силы активной и потому могущей дать или не дать. На что я, мне кажется, нашла спасение в соображении, что если зарождение человечества и в руках мужчины, т. е. его воли, зато в воле женщины рождение, и не захочет она — все усилия мужчин будут излишни: она умрет, но с собою унесет и человечество. Останутся горы, цветы и звери. Началась беседа с речей в хвалу льда и вина. Вячеслав говорил о высшей красоте аполлинической многогранного и кристального льда и холоде Красоты и его союзе с огненным Ваххом.

Была очень интересная женщина, феминистка крупного типа — амазонка с секирой, жена одного художника. Она принадлежит к обществу женщин, во имя Красоты пляшущих и фехтующих нагими. Но это она сообщала тайно. Впрочем, ее имени не выдаю и прошу этого чужим не читать.

Вернулись в 7 часов.

Во вторник было важное собрание, о котором писать не имею права по общему согласию его членов-друзей<sup>1649</sup>.

Среда все же собрала человек двадцать, более близких. Темы не ставили принципиально. Прошло с шутками, и ловко передразнивали лиц: Дымов и Аничков. Но чувствовалось, что люди от Среды требуют Среды и недовольны, когда она как просто вечер<sup>1650</sup>.

<sup>1649</sup> Имеется в виду первая встреча «гафизитов», подробно описанная в дневнике Кузмина. См.: *Богомолов*, 2009. С. 190–193.

<sup>1650</sup> Несколько подробностей в описание Среды добавляет дневник Кузмина: «...немногочисленность гостей, большая привычка к ним делало более уютности. Аничков представлял всякий вздор, потом Дымов. Вячеслав Иванович обиделся на Нувель за вчерашнее (...) Разбирая, кто похож на какое животное, меня сравнили с серной...» (*Кузмин*, Дневник. С. 140).

**О. Н. Анненкова. Дневник**<sup>1651</sup>

[1.05.1906]

1 мая 1906 г.

Вчера была с Monkey<sup>1652</sup> у Городецкого. Познакомилась с А. Блоком. Он мне меньше нравится, чем его стихи и в нем нет той живости и легкости мысли, как у А. Белого; он какой-то тяжелый. Осенью выйдет его сборник «Нечаянная Радость»<sup>1653</sup>.

**М. А. Кузмин. Дневник**<sup>1654</sup>

[2.05.1906]

(...) Иванов был уже одет, Сомов одевал других, он врожденный костюмер. Пожалуй, всех декоративней был Бердяев в виде Соломона. Я не ожидал того чувства начинания, которое пронеслось в молчании, когда Иванов сказал: «Incipit Hafiz»<sup>1655</sup>. И платья, и цветы, и сиденье на полу, и полукруглое окно в глубине, и свечи снизу, все располагало к какой-то свободе слова, жестов, чувств. Как платье, непривычное имя, «ты» меняют отношения. Городецкого не было, и сначала разливал Сомов, но потом стали все своими сред-

<sup>1651</sup> Печатается с комментариями по: Вячеслав Иванов и Андрей Белый в дневниках и письмах О. Н. Анненковой. С. 467.

<sup>1652</sup> Борис Леман. — Прим. О. Н. Анненковой.

<sup>1653</sup> Блок А. Нечаянная радость. Второй сборник стихов. М.: Скорпион, 1907. — В. К.

<sup>1654</sup> Печатается с комментариями по: Кузмин, Дневник. С. 139–140. Именно к этому заседанию кружка относится открытка Нувеля к Кузмину от 28 апреля: «Только что получил известие от Сомова, с просьбой Вам его передать, что Hafiz-Schenke у Ивановых откладывается с субботы на ближайший вторник» (Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. С. 226).

<sup>1655</sup> Начинается Гафиз (от лат. Incipit — начального слова средневековых рукописей).

ствами доставать вино. И беседа, и все казалось особенным, и к лучшему особенным. Я был крайне польщен, что Лидия Дмитриевна меня назвала Антиноем. Я крайне наслаждался, но печально, что не будет Schenken<sup>1656</sup> и что предполагается серия дам. По-моему, Schenken могли бы быть несомнительные и даже наемные, с ними даже ловчее чувствовалось бы, чем, например, с тем же Городецким в качестве кравчего. Мои стихи толковались, как какая-нибудь *canzon'a Cavalcanti*<sup>1657</sup>. Утро было сероватое, когда мы разошлись (...).

**П. А. Ивашева — П. А. Флоренскому<sup>1658</sup>**

[5.05.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Павел Александрович!

Валентин Павлович говорил мне, что можно попросить у Вас то, что Вы написали относительно причастия, — если можно, пришлите мне, пожалуйста, эту рукопись. Адрес — это квартира Владимира Францевича: Нащокинский переулок, д. Яковлевой, кв. № 16. Пелагее Александровне Ивашевой. На лето Владимир Францевич передал мне квартиру.

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>1659</sup>**

[6.05.1906]

6 мая.

---

<sup>1656</sup> Здесь: слуга в таверне (от нем. Schenke — шинок, таверна). — В. К.

<sup>1657</sup> Гвидо Кавальканти (1259–1300) — итальянский философ и поэт, продолжил философско-мистическую любовную поэзию в стиле болонца Гвиницелли (*Dolce stil nuovo* — «сладостный новый стиль»). Известнейшее его стихотворение — канцона о природе любви: Кавальканти. Сонеты // Западноевропейский сонет XIII–XVII веков. Поэтическая антология. Л., 1988. С. 32–34).

<sup>1658</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 245.

<sup>1659</sup> Печатается с комментариями по: *Павлова*, 2004. С. 408–412.

(...) Ты не можешь представить, как меня Карташев заедает! Всячески. Я знаю, что это к моей и к нашей пользе. И что если не распутывать кома — дальше пути закрыты. Через это перешагнуть надо. Пока я занята внутри себя этим нераспутанным комом, потому что преграждает возможность движения нашего вне этого. Может быть, мне это послано. Надо считаться. Какие комбинации надо устраивать. Говорит, что он уйдет, потому что «мы люди разные», — «вы — люди отвлеченные» и т. д. Надо после долгих повторений упираться на то, что он для себя хочет найти вне то, чем он полностью своей не удовлетворится. Говорю ему, чтоб сам себя не обманывал, что романтизма у него 1 ложка, Осипово-Дымовского<sup>1660</sup> влюбления бездонное озеро, — и смешано это еще с элементом истинного требования и упования, которое и родится от слияния «в сознании» 2-х родов любви — идущего из вечного источника. Важен источник в любви.

Говорит — Тернавцевскую страсть не понимаю<sup>1661</sup> и не того хочу. А я доказываю, что...

[7.05.1906]

7 мая, 10 часов.

...он во многом себя не понимает. В нем есть, но он не хочет, чтоб было. Это уже другое, это сознание. Доказательство его «мужинского» <Sic! > отношения это то, что он вообще «женщин» выделяет как особое презренное по существу творение, которое, тем не менее, его волнует. Оттого я и говорю, что романтизма у него весьма мало. Его всякий мог бы спросить: «Вы как, любите женщин?» — и он сказал бы: «Да, это отравы моей жизни, я этим полон». Безличностное, чисто

<sup>1660</sup> Осип Дымов. З. Гиппиус критиковала его как автора «пьес в аморальных тонах» (недатированное письмо 1907 г. В. Брюсову: Литературное наследство. Т. 85. С. 322). В 1905—1907 гг. был увлечен Т. Гиппиус.

<sup>1661</sup> Мережковские разделяли его хилиастические идеи. Яркий портрет Тернавцева — блестящего и страстного проповедника идеи «нового религиозного сознания» дала З. Гиппиус в книге «Дмитрий Мережковский». С. 94—103.

«мужинское» влечение. Теперь мои усилия устремлены на то, чтоб заставить его ясно глядеть в себя, сознание. Ты верно, как раз то, что я хочу, мне пишешь. Откуда это, что мы об одном и одно?! (...)

Каша у него полная. Такая, что надо нечеловеческое терпение, чтоб помочь разобрать и чтоб не ввергнуть его в отчаяние от того, что он человек чужой, неприемлемый, непонятливый, неугодный и т. д. Я делаю это вот для чего: для себя, потому что я в Главном и, делая для дальнейшего движения, для Главного, — делаю для себя. Не делать не могу.. «Я положу душу свою за друзей своих». (Кто друг? — Кто в Главном.) (Душа моя, я, устремление в себя, в заботу о работе личной, мое рисование — это я. Вот где я страдаю. Я не могу уединиться только с перспективой будущего устремления вглубь себя.)

Кузнецов понимает это, и понимает, что даже он теперь менее плодотворен, чем мог бы быть. Ты мне поверь, потому что это так. Я сознательно действую. Теперь я хочу быть банальной, доступной, скрыть «свое» до времени. Что просвечивает — пусть. Сколько хватит возможности — соприкасаться со всякими (по чутью) нужными людьми. А работать «свое» пока мне не под силу. И соприкасаться со специалистами пока — нет для этого соков нужных. Ведь, например, Дмитрий надолго был без забот, когда уединился. Об одном он заботился — о истинно нужном всем — своем деле. А ты мучилась и тратилась. Бедная моя, как я теперь тебя чувствую и люблю! Во мне тоже по существу все соединено. В радость.

### 11 часов.

Буду продолжать. Сейчас чуть к Сологубу<sup>1662</sup> не поехала с Кузнецовым. Почти собралась. Но иссякла, понима-

<sup>1662</sup> Речь идет о «воскресенье» — собрании поэтов у Федора Сологуба в сезоне 1905/1906, 1906/1907 гг. Сологуб регулярно устраивал литературные чтения на своей квартире при Андреевском городском училище, в котором служил учителем-инспектором (Васильевский остров, 7-я линия, д. 20/2, угол Днепровского переулка). Татьяна и Наталья Гиппиус «воскресенья» Сологуба не посещали; см. его тетради, оза-



ешь — это отражение вчерашнего (и о нем напишу дальше). Осталась, потому что мызгаться так теперь не могу. Хочу и не могу. Первый тихий вечер, без звонков, без метания. Пишу тебе, сижу. Вчера у Бердяева Сологуб звал меня, обещал книгу подарить, если приеду. Сегодня дождь шел, гроза. Хочется мира и тишины травы. Не миквенной<sup>1663</sup> а нашей, хоть на минутку, чтоб не оглядываться беспрерывно, а голова хоть с минутку остановилась. Ты правду говоришь, что скушно <Sic! > тихо делается. Иногда от своего бессилия. И никто не помогает.

Ну, слушай, о вчерашнем. Вчера это мы с Карташевым говорили, говорили. Как-то странно — понимает и переживает, а когда найдет на него воспоминание о себе, Осиподымове, — так и стоит. Говорю — это в вас праведно (это осиподымовское), и только теперь, таким, каким вы себя полностью ощущаете в сознании — непременно до конца. Но бессознательно, задавленное «школой», аскетизмом, — прёт. Он и сам говорил: любовь самоотверженную, настоящую, я еще не знаю до конца, хотя хочу иметь, а имею влюбления запас на 40 людей, который не знаю, куда приложить. Оттого он может влюбиться в миллион сразу. В меня — потому что я постоянно около. Ты была бы — раздирался еще хуже<sup>1664</sup>. Если бы еще кто-нибудь из «блондинок» — то же самое. Это понимает. (Но утверждает, что ко мне и данное от начала, полнота.) Упираю на то, что это мужинское <Sic! >, безличное влюбление — правдивое, потому что не лживое, живое мировое явление. И у него для него нелживое, потому что еще не пережитое, еще власт-

---

главленные с записями о посещении разных лиц за 1906 и 1907 гг. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81).

<sup>1663</sup> От евр. «миква», названия регулярного ритуального омовения в иудаизме и бассейна с проточной водой для этой цели. На языке сестер Гиппиус: нечто житейское, будничное, опошленное.

<sup>1664</sup> В 1902—1905 гг. Карташев переживал глубокое чувство к З. Гиппиус; см. ее интимный дневник «Contes d'amour» // Возрождение. 1969. № 212. С. 46—53.

ное, и от него страдания. За страдания человека уважаю. Но то ценно, что мне близко, что это влюбление, страсть, до <зверства?> требовательна. Ты правду говоришь, что это символ. И романтизм и страсть. Правда, правда. Мне 2-е переносимее, потому что движение в этом есть. А романтизм надо или пережить — (и он как воспоминание до поры), или он человека остановит в его движении (это опять правда!). И когда останавливает — в этом ужас. Романтизм отравляет Успенского<sup>1665</sup>. Он дает «чистоту» — неприкосновенность, боязнь осквернить и оскверниться. Тут ты бесконечно права в символе. Это именно то, что я понимаю до дна, и радуюсь, что ты определила. Оттого и безжизненность, что подобие жизни. Как бы личность, а выходит, что через личность, на ней не останавливается глазом, не в упор смотрит, а через и любит не живое воплощение «истины», а через человека на истину смотрит. Тесно тогда человеку всему. Когда меня ставили в эту рамку — чистой небесноминдальницы<sup>1666</sup> — я, так, до дна от возмущения перевертывалась. Я говорила, что Дмитрий (с Бэлой)<sup>1667</sup> — это страсть животная, ближе к Главному, во-первых, как 2-я ступень в человеческой жизни, во-вторых, как нечто жизненное, подлинно подземное, мировое (человеческое и звериное). Вот и Карташев меня со своей осиподымовщиной не угнетает безысходной неподвижностью, как Успенский. Ведь Успенский стоит. Дмитрий говорил: «его

<sup>1665</sup> Василий Успенский был участником Религиозно-философских собраний. В 1902–1905 гг. испытывал романтическое увлечение З. Гиппиус (см. ее интимный дневник «Contes d’amour»: Указ. изд. С. 46–47); ему Гиппиус посвятила стихотворение «Иметь» (1905). Успенский входил в круг «посвященных» в «Главное», однако в «вечерах» не участвовал; в середине 1900-х гг. был увлечен Т. Гиппиус.

<sup>1666</sup> «Небесноминдальница» — живущая абстракциями и далекими от воплощения идеалами; одно из «домашних» слов сестер Гиппиус.

<sup>1667</sup> Имеется в виду полуинтимная дружба Д. Мережковского с переводчицей и поэтессой, женой Н. М. Минского — Людмилой Николаевной Вилькиной. О романтических отношениях, установившихся между ними в 1905–1906 гг., см.: *Быстров*, 1994. С. 209–252. Воспроизводится в наст. издании.

любовь спасет», — не спасет, потому что застыл он. Именно такая любовь и не спасет. И во 2-й ступени (страсть) есть подобие всемирности — в безличности. Может быть, и в истории тот же процесс? И в России? Сначала — символ царства личности (первая ступень), потом символ вселенскости, царства безличности (вторая ступень), а 3-е царство (1 — безличной Личности и 2 — личной «безличности») — Церковь. Ведь то, что происходит в зародыше человеческого, происходит и в развитии человека в мире?

Ну, так я продолжаю о вчерашнем. Говорит, что он мучится ревностью и своей несовместимостью со мной. Что ему надо излиться одинокой душе и т. д. — Уйду. Я говорю, что уходить не надо, а я с ним готова искать одинокую душу, которая его просто примет (жена!), без требования от него чего-нибудь непосильного. Поехали мы с ним к священнику Медведко. Есть у него сестра, фельдшерица, к нему равнодушная, ему нравится (блондинка, невзрачная, обыкновенная, здоровая). И жена Медведки — блондинка худая, психопатичная. Обе нравятся. Повезла. Чтоб ощутил их и посравнил, и себя сознал.

Скушно... скушно. Так, милая, уныло, так, что передать скушно... Все унылые и безличные. Со страданием, но без обещания. Потом повезла его к Бердяевым, чтоб сестру жены Бердяева<sup>1668</sup> увидел — понравилась она ему как-то (и он ей). А я ей и выявила. Она довольна. Там тоже скушно, но по-другому. Хуже, потому что притворяются много. Праздник «весны». Все в березах. Барыня в зеленой «тарталаме» (Sic!)<sup>1669</sup> автоматически до ужаса принесла корзину с ландышами. А у букета ландышей записочка со стихами о весне. Читали. И я с Карташевым. А сестра уж впилась в Карташева. Ы-ы-ы... (...)

<sup>1668</sup> Евгения Юдифовна Рапп (урожд. Трушева, 1875—1960) — сестра Лидии Бердяевой.

<sup>1669</sup> Имеется в виду — тармалама — плотная шелковая или полушелковая ткань.

Д. Н. Егоров<sup>1670</sup> — В. Ф. Эрну<sup>1671</sup>

[6.05.1906]

6/V-1906.

(...) Сейчас, сколько мне известно, нет вакансий на историю (...). Относительно истории, таким образом, дело скверно. Несравненно лучше дело обстоит с логикой и особенно «философской пропедевтикой». Последний предмет впервые вводится в следующем году в VIII классе, и потому он не заполнен во всех гимназиях. В целом ряде случаев он, быть может, будет «поручен кому-нибудь» из преподавателей (для «очистки совести!»), но, конечно, далеко не везде отнесутся так ремесленно. Во всяком случае, тут шансы исключительно большие, и этим нужно воспользоваться. При свиданиях с господами директорами непременно упирайте на то, что Вы ученик покойного Сергея Николаевича<sup>1672</sup>. Как Вам ни странным покажется этот совет, но он необходим; имя покойного князя читится одинаково в разных лагерях. Если же будут «рекомендации», то ими не пренебрегайте. Как видите, это — дело не из приятных, настоящее мытарство. (...)

Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>1673</sup>

[8.05.1906]

8 мая.

<sup>1670</sup> Дмитрий Николаевич Егоров — историк, преподаватель всеобщей истории и истории искусств гимназии Шелапутина, Высших женских курсов, Университета Шаняевского, Московского коммерческого института, однокурсник В. Эрн по Московскому университету.

<sup>1671</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 97. В этот период В. Эрн искал место преподавателя истории или философии в гимназии. Поиски не увенчались успехом.

<sup>1672</sup> Имеется в виду С. Н. Трубецкой.

<sup>1673</sup> Печатается с комментариями по: *Павлова*, 2004. С. 412–413.

8-е, 4 часа утра. Сегодня я писала портрет Лидии Юдифовны. Каждого из их семейства в отдельности с радостью принимаю (как легко было бы без Бердяева), а вместе не могу. Потом был Евгений Иванов<sup>1674</sup>. Он заходит часто. Рассказывал, как Розанов меня боится. Советовал даже мне не ходить к нему. А Розанов у Бердяева на «весне» отказался от меня принять из нашего «колдовского» дома книгу Танину<sup>1675</sup>, детскую, которую Дмитрий брал у него. Говорит: «и Татьяна! — ни за что». Успенский говорит, что, если бы я вышла замуж, он бы принял меня. А тут говорит: «Карташев свой облик потерял!» И ужасается. И не понимает. Какая теперь полоса людей протестующих против брачной любви пошла, косяк. Евгений Иванов, Блок, жена, Гюнтер, его товарищ. Активно, сознательно, для приобретения, а не ради умерщвления плоти протестующих. Я думаю, это без внимания оставить нельзя. Должно же начаться какое-то возрождение личности. А может быть — это выродки!

Ты подумай, какой у вас ^ . Димочка<sup>1676</sup> — самый первый (выпивший, оттого в глубине и восстающий на последних). Дмитрий — мятущийся, выпивающий, и Ты — твердая. На вас, в счет вас, следующие люди будут жить частью в новой реальности, переживать то же, но в новом, жить в новой реальности. Подумай, как это важно. (...)

Потом я упрекала Карташева в малой и «литературной» любви к вам. Потом — молились. (Не читали.) Потом говорил Карташев и впал в безнадежность от своей скудости. Ната ушла к себе (она очень похудела и совсем стала на вид скверная). А мы с Кузнецовым «оттирали» Карташева. После

<sup>1674</sup> Евгений Павлович Иванов (1879—1942) — публицист, детский писатель, член Петербургских религиозно-философских собраний 1900-х и 1910-х гг., член Вольной философской ассоциации, спорадический сотрудник символистских изданий, автор воспоминаний об А. А. Блоке. — В. К.

<sup>1675</sup> Татьяна Васильевна Розанова (1895—1975) — дочь писателя В. В. Розанова.

<sup>1676</sup> Дмитрий Владимирович Философов.

оттирания перестал трястись, утвердился, властно и радостно, серьезно под конец поцеловал в лоб нас и ушел. Надо оттирать неустанно. Но почему я всегда оттираю? Потому что лучше всех его знаю? Потому что больше всех сущностью на меня похож? Да везде нечеловеческие силы надо для бдения! А большие нужно, потому что без этого я его могу покинуть на одного себя — это грех — ему теперь из коренного одиночества вырасти надо, чтоб понять и вашу любовь к себе. Он ее не видит. Я ему говорю всегда одно — сознайте себя, веря мне, что я знаю больше вас, чем вы<sup>1677</sup>!

(...)

### А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>1678</sup>

[9.05.1906. Тифлис — Сергиевский Посад]

Дорогой и милый Павлуша! Последнее время много думаю о разных вещах, главным образом о любви и символическом познании. Я думаю, что если буду упорно думать, то выясню все, но, знаешь, мешает мысль, что ты уже знаешь все это, и просто забирает ужасное желание поскорее узнать, поскорее взять выводы. Я многое здесь чувствую, и, думаю, правильно, но мне страшно хочется, чтобы знали об этом люди...

<sup>1677</sup> 8 мая 1906 г. Карташев писал З. Гиппиус: «Мучусь, ревную, не сплю и прихожу часто к безотрадному выводу, что надо бежать вон, бросить общую жизнь, забыть, не встречаться. Не с желанием изменить делу, но, конечно, с фактическим неучастием. Последствия грустные. Но сил моих нет выносить эту пытку сдирания с меня плоти и крови, т. е. лишения меня влюбленности и личной любви. Хорошо людям, прожившим жизнь, им, обладающим русалочьей породой, — прописывать рецепты вселенскому человечеству — бросить “глупую” влюбленность, “глупую” исключительно-личную любовь. Но мы — обыкновенные смертные — этого вместить не можем. (...) Итак, пусть вы — правы. Но это для себя, а не для нас. Я страдать не хочу, да и не должен». (*Карташев А. В. Письма Мережковским и Философову // Pachmuss, 1972. P. 653.*)

<sup>1678</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков, 2017. С. 245–246.*

Скажи, думаешь ли ты писать об этом, и скоро? Я был бы неизмеримо счастлив, если бы ты в виде сжатого конспекта изложил бы мне о символическом познании — это было бы тем маленьким кристаллом, который кристаллизует раствор. Впрочем, я знаю, что времени у тебя мало, и только сильнейшее желание позаимствоваться из сокровища, которое лежит готовым, заставляет меня просить тебя. И ведь я имею некоторое право на твои сокровища; я, во-первых, люблю тебя, во-вторых, сам думаю и думаю, в-третьих, я глубоко уверен, что истина одна, что она лежит где-то под землей как драгоценная залежь и надо только ударами кирки явить ее миру. Вы только благовестники истины, которой вы удостоены, конечно, за свои качества, но и мы хотим увидеть, чтобы работать потом с вами, потому что нет муки сильнее, чем видеть жаждущего и не иметь, что дать ему. В смысле нравственной подготовки к принятию истины я делаю все... нет! не все, но стараюсь делать все, что могу, и клянусь тебе в самом серьезном отношении к тому, что ты скажешь, как всегда это и было.

Прости за бестолковость — ты ничего, должно быть, не понял.

Я думаю, что символическое познание это даже не совсем то, познания здесь мало, так как дело идет о таком же специфическом свойстве, как музыкальное творчество и т. д. Не познание, а восприятие мира символически. Тут масса вопросов: отношение этого к мистике, музыке, поэзии; символы истинные и фальшивые и т. д., отношение к математике. Суть символического познания я понимаю как такое состояние психики, когда весь видимый мир и когда отдельные предметы перестают быть ограниченными, темными, начинают просвечивать, по выражению Белого, и открывают бесконечные перспективы, — вплоть до мира умопостигаемого; собственно, платоновская мысль, но я не знаю, говорил ли Платон о восприятии мира как отражения идей — пожалуй, говорил в "Συμλοβίον"<sup>1679</sup>.

<sup>1679</sup> Диалог Платона «Пир».

Все это пишу, чтобы ты увидел, как я понимаю это и понимаю ли что-нибудь.

Ну, прости ради Бога, если трудно, не отвечай, но я хочу, чтобы ты ответил; может быть, ты найдешь более полезным для меня просто дать несколько пояснений, чтоб легче мне было думать самому.

Твой Саша. Поклон Сергею Семеновичу.

### **Николай, архиепископ Токийский и Японский.**

#### **Дневник<sup>1680</sup>**

[9.05.1906]

9/22 мая 1906. Вторник. День Святителя Николая Чудотворца (...) после обеда, в 9-м часу вечера, зашли ко мне директор Восточного института Позднеев<sup>1681</sup> и Д. К. Львовский<sup>1682</sup>, и до того печальные речи были о нынешнем положении России, что пришлось с горечью сказать: «Нет у нас Отечества! Россия — этнографический материал в пользу других народов, больше ничего».

---

<sup>1680</sup> Печатается по: Дневники святителя Николая Японского (1870—1912).

<sup>1681</sup> Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865—1937) — востоковед, Действительный член Русского географического общества. Преподавал историю Китая и экономическую географию стран Востока. В 1900—1903 гг. находился в Китае, составил экономические обозрения торговли китайских портов. В 1904—1906 гг. директор Восточного института во Владивостоке. В 1905 г. из-за русско-японской войны Восточный институт был эвакуирован в Верхнеудинск, где занятия в институте были прекращены из-за студенческих выступлений. Одной из причин выступлений считается поведение Позднеева. 27 сентября 1905 г. после студенческой сходки Позднеев подал в отставку. Находясь в 1906—1910 гг. в Японии, создал первый в России японско-русский иероглифический словарь. по возвращении участвовал в организации Практической восточной академии в Петербурге.

Расстрелян в 1937 г.

<sup>1682</sup> Дмитрий Константинович Львовский — регент хора Токийского собора.



**Договор пайщиков газеты «Московский еженедельник»<sup>1683</sup>**

[12.05.1906]

Копия

Мы, нижеподписавшиеся пайщики газеты «Московский еженедельник», собравшись 12 мая 1906 года для обсуждения положения дел, постановили: постараться собрать 24 сего мая ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ рублей (продажей 16 паев). Если бы к означенному сроку означенная сумма не была собрана, то приступить к ликвидации дел согласно товарищескому договору от 21 февраля сего года. Если сумма в восемь тысяч рублей будет собрана к 24-му сего мая, то сим уполномочиваем Хозяйственный Комитет войти в соглашение с Иваном Дмитриевичем Сытиным о дальнейшем издании «Московского еженедельника» при участии его, Сытина, согласно выработанному им бюджету.

Избрать кандидатом в члены Хозяйственного Комитета И. Д. Сытина.

Кн. Е. Трубецкой

Гр. Хребтович-Бутенев

Г. Рахманов<sup>1684</sup>

По доверенности кн. Г. Трубецкого Н. Давыдов<sup>1685</sup>

М. Морозова

Юрий Новосильцев

<sup>1683</sup> НИОР РГБ. Ф. 171.20.8. Л. 1. Машинописная копия. Подчеркнутые слова вписаны от руки.

<sup>1684</sup> Георгий Карпович Рахманов (1873–1931) — приват-доцент Московского университета, издатель «Московской недели», еженедельной общественно-политической газеты, выходившей в Москве в мае 1905 г. (всего три номера) под редакцией проф. С. Н. Трубецкого; после его смерти издание было продолжено Е. Н. Трубецким под названием МЕ.

<sup>1685</sup> Николай Васильевич Давыдов (1848–1920) — приват-доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета Московского университета, член попечительного совета Народного университета Шанявского, председатель Московского окружного суда, член редакции МЕ, родственник Е. Н. Трубецкого.

По доверенности М. А. Новосильцевой А. Новосильцев  
В. Рот  
А. Паршин  
Я. Левин  
Копия верна

**В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке<sup>1686</sup>**

[14.05.1906. Коренево — Симбирск]  
Дорогой Александр Сергеевич!

Вот уже больше двух недель прошло, а «издательские» наши дела все в прежнем положении, прямо-таки руки опускаются! Ничего писать не хочется, как подумаешь, что все это дойдет до читательского слуха через 3–4 месяца!

«Взыскующие» все еще «завтра выйдут наверное», корректура никаких новых не имеем, и первые листы «сборника» все еще «печатаются». Неужели же это всегда так бывает? Или мы только находимся под «чьим-то» особым покровительством!!

Я напрягаю все силы, чтобы 2-й № «Взыскующих» сдать в набор в начале июня — тогда будет надежда, что к осени он выйдет, — предполагаемое содержание его таково: 1. Террор и бессмертие. 2. Что такое «мистический опыт». 3. Наша вина. 4. Нечто о литературе, смирении и «авторитетности». 5. по поводу книги Ренана «Жизнь Иисуса». 6. Социалистический сон<sup>1687</sup>.

Центр тяжести моей жизни лежит сейчас совсем не в литературе, и «Взыскующим» поэтому так притягивают меня к себе, что здесь, может быть и «иллюзорно», но мне чудит-

<sup>1686</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 246–248.

<sup>1687</sup> Похожий список содержится в анонсе так и не вышедшего сборника, но там отсутствуют п. 4 и 6, зато упомянуты статьи «О правде и лжи», «Христианская общественность», «Партийная работа и освободительное движение», «Об одном романе» (Стойте в свободе! 17 (30) июля 1906. № 2. С. 1).

ся нечто отличное от литературы<sup>1688</sup>. Не подумайте, что мои «настроения» могут вредно отразиться на поисках денег для «Еженедельника»<sup>1689</sup>. Все возможное я сделаю, это особенно облегчается предположением Францыча довольно рано приехать в Москву (он писал Галанину, что приедет в июне).

Живу я во внешнем отношении очень тихо — деревня, лес, речка, даже пастух на свирели играет! — Но во внутреннем отношении со мной что-то «делается». И я чувствую какую-то странную связь этого «что-то» с своим пребыванием в Киеве...

Мне как-то в одно и то же время кажется совершенно очевидным и бесповоротным, что будет Соловьевское общество, «Еженедельник» и т. д. и что я осенью поселюсь в маленькой-маленькой пещере, как «заколоченные» пещеры в Киеве, и там беспрерывно буду в Нем, с Ним и для Него. Буду любить Его, как любишь иной раз ночью или в тихом лесу, словно жмешься к Нему, хочется Его ласки святой, целуешь раны Его, слышишь силу Его и плачешь от восторга и счастья.

Как же это будет все сразу? Не знаю я, но только сразу этим двойким образом и живу — да еще третьим, который зовется другим, но он теперь как пес лежит и чешется у меня в передней: я дальше его не пускаю. Он царапается, но я кричу на него: молчать! И мне жалко его униженного воя.

Я такой «тройственный союз» объясняю тем особым состоянием, которое было отчасти и в прошлом году перед началом моих «Записок странного человека»<sup>1690</sup>. По возвращении с Волги я засяду за 2-ю часть — но меня тянет уже и сейчас. Я, кажется, никогда так не чувствую свое спа-

<sup>1688</sup> Подробно см. заглавную статью «Взыскующим Града» в: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 119–136).

<sup>1689</sup> Участники ХББ выпустили в Москве два номера еженедельной газеты «Стойте в свободе!» (9 (22), 17 (30) июля 1906) и в Петербурге газеты «Два пути» (25 октября (7 ноября) 1906).

<sup>1690</sup> См.: *Свенцицкий В.* Антихрист (Записки странного человека). М., 1908. См. также: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 58–225).

сение, как думая об этой вещи, — и сейчас, дорогой мой Алексей Сергеевич, — не назовите это гордостью — во мне все так ясно говорит мне, что спасение мое близко.

И мне хочется зачем-то уйти в пещеру, для радости какой-то, для какого-то конца, чтобы конец стал началом. Всегда радуйтесь!<sup>1691</sup>

Мне так хотелось бы посмотреть на Вас, когда я поеду по Волге. Я из Москвы выеду 23, значит, из Нижнего 24, на меркурьевском<sup>1692</sup>. Рассчитайте сами, когда я буду в Симбирске. Если что-нибудь изменится, я Вам телеграфирую.

Крепко Вас целую. Вал. Свенцицкий.

Р. S. Адрес мой на Шеров. А Фондаминского следующий на наружном конверте. Петербург, Гусев пер., д. 1, кв. 30, Софье Абрамовне Шабат; на внутреннем; для Бунакова.

**Н. А. Бердяев — Д. С. Мережковскому<sup>1693</sup>**

[15.05.1906?]

Петербург. 15 Мая

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Неужели Вы могли усумниться в том, что я не только буду участвовать в Вашем сборнике, но и буду его считать своим? Я окончательно решил написать для сборника статью «Мистика и религия», которую считаю для себя важной. Могу доставить ее в течение двух месяцев. Мучительно тяжело жить сейчас в России и не знать, как по-своему принять участие в тех огромных событиях, которые сейчас совершаются. Я себя чувствую очень скверно: ничто не совершается во имя наших идей, ничто не образуется, нет людей, с которыми можно было бы соединиться. Декаден-

<sup>1691</sup> 1 Фес. 5: 16.

<sup>1692</sup> «Кавказ и Меркурий» — в начале XX века одно из крупнейших пароходств на Волге.

<sup>1693</sup> РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 1–2. Публ. и коммент. М. Живоной и В. Кейдана.

ты надоели мне до тошноты, я перестал выносить их пустоту, их безысходное круговращение. Вчера был у Розанова и страдал от пустоты; с тоской вспоминал времена, когда вы были здесь, прошлый год, когда, казалось, что-то образуется и происходит. А как вы себя чувствуете, знаете ли, что нужно делать и как делать, делаете ли? Неверно думать, что я не хочу действия и не знаю во имя чего действовать. Я не знаю, как действовать, что делать в данную минуту, и не вижу, чтобы кто-либо знал. Знаю, что я могу и должен писать и буду писать, но этого мало. Я хочу единения с вами, дорожу вами, но не вижу, чтобы вы многим больше меня знали, как отнестись к окружающему миру. Пишу также З. Н. и Д. В. Всегда жду вестей от кого-нибудь из вас. В конце Мая еду в деревню, надоел Петербург. Целую вас всех.

Любящий Ник. Бердяев

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>1694</sup>**

[15.05.1906]

15 мая.

(...) После обеда пришел Иванов Рыженький<sup>1695</sup> — пока сидел с Кузнечиком. Кузнечик все начинает, все сближения или столкновения — со своей специальности, вопроса наболевшего (и надоевшего даже ему) — «пол». Пока я была в ванне — говорили вдвоем долго. Я пришла к ним — продолжали. Иванов говорит, что он девственник, потому что ощущает проклятие на себе, Божие. И если женится — дети будут уроды (прокляты), потому что нельзя с этим сознанием идти во тьму — безнаказанно. Люди чувят это проклятие. Например, Блоки — Любовь Дмитриевна по существу мать, но подвиг ее тем сильнее. У него нет как будто радости в ожидании снятия этого проклятия. А о проклятии — верно, по-моему. (...)

<sup>1694</sup> Печатается с комментариями по: Павлова, 2004. С. 413—414.

<sup>1695</sup> Прозвище Евгения Павловича Иванова, принятое сестрами Гиппиус.

Вечером Кузнечик заснул от усталости и проспал до 3-х часов ночи (мучится реально от «несоединения» и «несвящения»), А я с Карташевым долго говорила, копала его, чтоб сам перед собой сознался. Хотела узнать, что за специфический элемент в его влюблениях? Знаю теперь что. И это меня удивило как-то поражающе: «нежность», бездонная. Ведь в этом же «человечность», — где же животная специфическая страсть? Погоди, я еще раскушу. Я опять в недоумении...

Вчера не молились. На мгновение вчера мне показалось, что Карташев очень точно и ярко понимает (может быть, неверное по существу), но мое, то, что я принимаю, как истину. Какой ждать любви (обращаясь лицом к миру лично). Жажда дать миру лицо. Вот основа всего и даже половиной любви. Потому что это в сущности одна часть, не все. А может быть, под даже не часть наравне с другими, а гораздо глубже, потому что дает звук, вкус, соль миру. Лицо миру. Я еще не знаю ничего. (...)

### О. Н. Анненкова. Дневник<sup>1696</sup>

[15.05.1906]

15 мая 1906 г.

Вчера делала прощальный визит Вяч. Ив. и просидела у них с Монкеу два часа. Какие они оба милые люди. Разговор быстро стал отвлеченным: о наших различных мировоззрениях: я пела под Шопенгауэра, Аннибал — под «Плясовую песнь» Заратустры, говоря, что ее сердце пылает на алтаре счастья и любви ко всем и ко всему. Монкеу больше издавал различные междометия, а Вячеслав сообщил мне, что его мировоззрение ни больше ни меньше как «мистический энергетизм»,

<sup>1696</sup> Печатается с комментариями по: Вячеслав Иванов и Андрей Белый в дневниках и письмах О. Н. Анненковой. С. 467—468.

что в сущности есть волюнтаризм, только в мистическом плане и что только это и дает ему силу жить, быть счастливым и надеяться, что мне было приятно слышать. Время летело незаметно и Madame еще успела рассказать мне о своем «романе с Вячеславом» и о том, что она «безумно жгла жизнь во всех сторон» ... (Вот она мэнада-то где!).

Вячеслав говорил, что существует некое X в макрокосме и некое X в душе человека, в микрокосме<sup>1697</sup>. По большей части это X прячется в подсознательной глубине, и задача его найти, оформить. По его словам, как будто выходит, что даже если этим X-ом явится отрицание, то все-таки это волевая монада и, следовательно утверждение! Мне это сильно напомнило силлогический *modus*, которому нас учили на Курсах, именно «*modus tollendo ponens*» (отрицая утверждающий).

Понятно, что Вяч. не может допустить полное неприятие, так как он мистик, и такое неприятие для него «потухшая монада».

Между ним и Аннибал та разница, что она в сильной степени иррациональна, в ней преобладают инстинкты, эмоции и интуитивное восприятие <Sic!>, которое всегда враждебно познанию, но, по существу, дает то же самое; очень хорошо про это сказал сам Вячеслав: «она уже все знает потенциально». Сам же он в значительной степени рационалист, хотя тогда он не может быть мистиком вполне.

### М. А. Кузмин. Дневник<sup>1698</sup>

[16.05.1906]

У Саши<sup>1699</sup> не был; в Троицу приказчики собираются в Сестрорецк и звали меня с собой. Сережа<sup>1700</sup> в восторге, получив ответ из «Руна», куда посылал своего «Кол-

<sup>1697</sup> См. сонет Вяч. Иванова «Небо —верху, небо —внизу...» из книги «Согарденс», в котором поэт развивает идею микрокосма и макрокосма.

<sup>1698</sup> Печатается с комментариями по: Кузмин, Дневник. С. 147–148.

<sup>1699</sup> Александр Михайлович Броскин, торговец иконами, затем сутенер. — В. К.

<sup>1700</sup> Сергей Абрамович Ауслендер (1888? — 1937) — русский писатель, драматург, литературный критик, племянник М. Кузмина.

дуна»<sup>1701</sup>. Это, конечно, отлично, что первый шаг именно здесь. Нувель предложил и ему идти навещать Вячеслава Ивановича. Там уже был Сомов. Диотима<sup>1702</sup> сейчас же попросила Сережу сходить за хлебом; было очень уютно и почему-то весело. Вячеслав Иванович был в духе, и даже приход Чеботаревской, при которой так проговаривались, что пришлось почти посвятить ее<sup>1703</sup>, не помешал почти. Сережа читал свой рассказ и стихи. Нашли, что он моей школы и что это симптом моей старости. Много разговоров вызвал рассказ Лидии Дмитриевны «33 уroda»<sup>1704</sup>, полнейшего романтизма и написанный по-дамски. Мечты Вячеслава Ивановича об лейке и <Зулейке?>, рассказы об голубом колпаке <с-ы?><sup>1705</sup> Кьяры «под двойной лазурью», ползанье Чеботаревской теперь уж не по Аничкову, а по Иванову, все казалось очень милым. Я стал делать смесь из вина, сначала белое с Мюскатом, красное с Мадерой, в обе подливал Reach Brandy, потом выжимал апельсина и даже подбавлял Кюммель, вообще что-то невообразимое. Сомов стал пьянеть, но был еще мил, перешли на французский, потом на итальянский, потом на английский. Чеботаревскую носили на руках и клали на колени. Под флейты я с Нувелем плясали, потом я один, все целовались. Мне стало вдруг скучно, что я никого здесь не люблю (так, особенно

<sup>1701</sup> Рассказ Ауслендера «Колдун» был опубликован в «Золотом руне» (1906. № 6. С. 87–95).

<sup>1702</sup> Л. Д. Зиновьева-Аннибал.

<sup>1703</sup> Слово *ее* вписано карандашом.

<sup>1704</sup> «Тридцать три урода» (СПб.: «Оры», 1907) — повесть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, оконченная в начале мая 1906 г. 5 мая она писала Замятниной: «а я вчера написала рассказ “Тридцать три урода”. Это моя мука высказалась в очень странной форме. Задуман он давно. Только, увы, так как я рассорилась с “Весами” и не в мире с “Руном”, то поместить такой рассказ — негде. Ужасно это». (*Богомолов*, 2009. С. 194). Воспринимался критиками как «женская» параллель к «Крыльям» М. Кузмина («Весы». 1906. № 11. С. 1–81).

<sup>1705</sup> Возможно: *sorell'ы*, — сестры (*ит.*).



не влюблен), и, главное, меня никто не любит, и что я какой-то лишний соглядатай. Я вышел в комнату с зеркалом и прислонился к стене с флейтой в руках, в красной бархатной рубашке. «Toujours des poses manières»<sup>1706</sup>, — сказал вошедший Петроний<sup>1707</sup> и опять стал говорить, что я влюблен в Сомова и т. д. А force d'en parler<sup>1708</sup>, я кончу тем, что влюблюсь в него. Я заметил, что это невозможно. «С Сомовым? гораздо возможнее, чем ты думаешь. Я могу это очень легко устроить. Ты не дожدهшься, чтобы Аладин<sup>1709</sup> сам что-нибудь предпринял». Я был несколько froissé<sup>1710</sup>. «Ты хвастаешь, зная, что я этого не захочу». Чеботаревскую предлагали для Гафиза, который будет в понедельник. Сомов свободен, помимо Гафиза, только на будущей неделе. Когда же я уеду к Глазенапу?<sup>1711</sup>

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>1712</sup>**

[17.05.1906. *Кореиз — Симбирск*]

Станция Кореиз, 17 мая 1906

Дорогой Александр Сергеевич!

Как Вы поживаете? Как Ваше здоровье? Есть ли что новое? Давно собираюсь Вам писать, да лень и хандра мешали. На Ваше имя прислана из Петербурга рукопись «Книжка» (?), очевидно, Эрна, она у меня лежит до дальнейших указаний, кому ее передать. Письмо распечатал, но, конечно, не читая, прилагаю. Из киевских газет я узнал, что «Народ» остановлен был постановлением судебной палаты еще

<sup>1706</sup> Всегда манерные позы (*фр.*).

<sup>1707</sup> Петроний — «гафизитское» прозвище Нувеля.

<sup>1708</sup> В силу этих слов (*фр.*).

<sup>1709</sup> Аладин — «гафизитское» прозвище Сомова.

<sup>1710</sup> Уязвлен (*фр.*).

<sup>1711</sup> Глазенап — инженер из Ярославля, поклонник творчества М. Кузмина.

<sup>1712</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 97–99.

17 апреля<sup>1713</sup>; почему-то нам об этом не сообщили своевременно. История эта у меня совершенно затянулась, если не считать «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» (примечание для моих хулителей: это Пушкин, посвящение Е. Онегина).

Я убедился и почувствовал с несомненностью, что издавать газету было великим соблазном и безграничной дерзостью при нашей слабости религиозной, и особенно милость Божия проявилась в том, что газета прекратилась в силу внешних условий, и вообще эксперимент прошел сравнительно нешумно, обнаружив перед нами только слабость нашу.

<sup>1713</sup> Решение Киевской судебной палаты о приостановлении газеты «Народ» и возбуждении против Лашнюкова уголовного преследования по ст. 128 и 129 было вынесено 19 апреля 1906 г. Глинка объяснял А. Белому 23 апреля: «Газета наша, в которую я Вас приглашал, после семи №№ встала: обманулись в издателя, давила и цензура». Эрн 4 мая в письме к Глинке сетовал: «Я знаю, что есть массы людей, которым такая газета очень нужна» (*Колеров М.* Не мир, но меч. С. 221). «На ее немногих страницах в течение всей Святой недели оживленно дебатировались вопросы о христианском мирозерцании, о возрожденной Церкви, как основе политической реформы, о недостаточности марксистского мирозерцания (...) о религиозной общественности. Нечего говорить, что часть местной публики, близкая к общественным задачам религиозности, с захватывающим интересом перечитывала новые статьи невиданной газеты. Для нее это был двойной праздник: воскресение Христа совпадало с пробуждением церковно-общественного творчества (...) Христианство (...) представилось читающей публике в качестве символа свободы, но никак не реакции... Газета была закрыта за то, что она решила подойти к вопросам политики с той стороны, которая более всего представляется у массы неприкосновенной. (...) Сознательный интерес к направлению “Народа” мог быть только у тех, для кого вопрос об отношении христианства к политике представляется насущным. А таких, нам думается, меньшинство. (...) Поэтому закрытие оригинальной газеты встречено было так холодно (...) В октябре состоялся разбор дела редактора В. Лашнюкова, который осужден на год в крепостное заключение. (...) Так будет до тех пор, пока существующее состояние Церкви в государстве будет пребывать неизменным» (*НВ.* Неудачи пропагандистов христианской социализации общества // *Церковный голос.* 1906. № 46. С. 1272–1274). — *Прим. С. Четкова.*

Не поражает ли Вас еще, что ведь все-таки отозвалось в конце концов поразительно мало из всех наших адресатов. Это наводит меня на пессимистические мысли и о еженедельнике. Судя по намекам Трубецкого<sup>1714</sup>, трещать начинает и его «Московский еженедельник». Впрочем, что еще будет до осени!

Я переживаю отчаянные приступы политической лихорадки, живу от газеты до газеты, пропадаю от своего бессилия и бездействия. Подлое состояние, не пожелаю и врагу. Надеюсь, что это минет с минованием критического момента. Вы не должны этого презирать. Хорошо, если стоишь выше и действителен, если же этого нет, болит совесть, а может быть, и сатана искушает. Что-то теперь переживаете Вы?

Я получил от Мережковского преувеличенно ласковое письмо, которое, однако, все-таки меня порадовало. Я продолжаю очень чувствовать связь с ними и в этом духе ответил. Он пишет про сборник<sup>1715</sup>, чтобы статьи были к сентябрю, и Вам поручает это передать. Хорошо бы, если бы они успели, только я не верю, а сборник очень жалею. Обещаю им тему: Христос и Антихрист в современном социализме<sup>1716</sup>. Дмитрий Сергеевич просит меня снестись с Флоренским и просить его описать свои переживания в тюрьме etc. (?!). Здесь приходится поставить только вопросительный и восклицательный знак перед такой непроницательностью даровитого беллетриста. Я отвечаю, что едва ли Флоренский согласится и излишне просить его об этом. Но вообще, списываться с ним взялся. В списке сотрудников есть все, кроме Свенцицкого и Эрн — Мережковский не может им простить, да и те сами не пошли. Как это грустно! Не попытаетесь ли уладить это Вы? Впрочем, не стоит.

<sup>1714</sup> Е. Н. Трубецкой.

<sup>1715</sup> Сборник не вышел из-за внутренних разногласий участников.

<sup>1716</sup> Статьи с подобным названием в библиографии Булгакова не найдено.

Мне Струве предлагает очень выгодные условия для постоянного сотрудничества в «Думе», пока газетке довольно паршивой — кадетской<sup>1717</sup> (200 руб. жалования при 4 статьях в неделю и 10 коп. построчно). Меня это отчасти соблазняет возможностью бросить кафедру и переехать в Москву, а вместе устрашает обязательностью многописания. Во всяком случае, в соединении с журналом это намного бы облегчило переезд в Москву.

Писать я ничего не могу, думать тоже. Писать курс политической экономии совсем не в состоянии, испытываю это как непролазную скуку и ложь, и это меня тоже обескураживает, тем более что половина работы сделана<sup>1718</sup>.

Кажется, будет революция у нас настоящая! О соборе вести в газетах беспокойные. Хочу писать об этом у Трубецкого. Удручает очень дальность от центров.

Сборник наш, очевидно, снова застрял — я, пока что, не имел еще ни одной страницы корректуры. Скверно!

Обнимаю Вас. Ваш С. Б.

Пишите. А какой паршивый вышел сборник о смертной казни<sup>1719</sup>! Не хватило у нас характера поступить нешаблонно.

Ради Бога, если у Вас есть лишний полный экземпляр «Народа», пошлите его проф. А. Е. Преснякову<sup>1720</sup> (СПб. Надеждинская, 56, кв. 9), а если нет, то хотя бы номер газеты с его статьей. Он просит об этом как об одолжении. Известите меня об этом, у меня нет.

Мой адрес все лето: Харьковско-Николаевская ж.д., ст. Люботин, имение Трушевой. А не изменится ли Ваш адрес на лето?

<sup>1717</sup> «Государственная Дума» — газета, основанная в 1906 г., выходила с приложением стенограмм и отчетов о думских заседаниях.

<sup>1718</sup> Речь идет о работе над книгой: *Булгаков С.* Краткий очерк политической экономии. М., 1906.

<sup>1719</sup> См.: *Булгаков С. Н.* О смертной казни // Против смертной казни: Сб. / Под ред. М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовского и И. Н. Сахарова. М., 1906; 2-е изд. М., 1907.

<sup>1720</sup> Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) — российский историк, с 1920 г. член-корреспондент РАН.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1721</sup>

[19.05.1906]

(...) Как будет жить Сережа<sup>1722</sup>. В конце концов случилось, что квартира стала тесна. При таком напряжении всех сил, при таком круге знакомств я должна, чтобы жить, иметь свой тихий угол для сна и труда. Вячеслав живет совсем своею жизнью, и здесь жизнь такая страшно неумолимая, что если нарушится равновесие, прямо ужас меня берет, что не выдержит силами и что не совершит намеченного и необходимого круга. Затем образовавшийся тесный круг друзей наших такой своеобразный и такой своеобразно-интимный (Сомов, Нувель, Кузьмин, Бакст, Городецкий), что новая, своя жизнь Сережи не должна бы стесняться этою нашею установившеюся своеобразно жизнью. Он должен бы иметь всегда приют умственный и сердечный у нас, но быть свободным от нас и нам оставлять нашу свободу от родительства (...).

**М. А. Кузмин. Дневник**<sup>1723</sup>

[22.05.1906]

Встал не рано, голова несколько кружилась, и не хотелось есть. Утром приходил Степан от Казакова с просьбою дать

<sup>1721</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 195.

<sup>1722</sup> Сергей Константинович Шварсалон (1887–1941) — старший сын Зиновьевой от первого брака. Особенность существования «Башни», где разгорались не только словесные обсуждения, но и вполне плотские вождения, вынуждали ее задуматься, подходят ли они Сергею. Вообще, после блестящего начала школьной жизни доставлял матери и отчиму немало хлопот. В 1905 г. он начал слушать лекции в Женевском университете, после возвращения в Россию учился в Дерпте, куда попал по протекции Иванова. Впоследствии юрист, до 1917 г. государственный чиновник.

<sup>1723</sup> Печатается с комментариями по: *Кузмин*, Дневник. С. 153.

денег, которых у меня у самого нет. Потом что-то разбираю дома, спал, пил чай, смотрел в окна на улицу и во двор, где в противоположной квартире Алексей<sup>1724</sup> что-то поправлял; он красивый, Алексей. Приехал Сережа, я стал одеваться, как приехал Нувель, он не стал нас дожидаться, так как ехал с вещами. Мы тоже поехали; Антон сказал: «Куда-то шампанское повезли» на мой завернутый вермут. Приехали рано, Вячеслав Иванович был еще не одетый, будто не в духе. Очень долго ждали Сомова, тревожась, так как долгое его отсутствие могло показывать плохое состояние его матери. Но он пришел. Городецкий приехал, когда Гафиз уже начался. Сегодня были отличны в своих костюмах Бакст и Нувель, эффектен Соломон, жесток Аладин, и вообще каждый раз костюмы — новый пир для глаз. Сначала прочитали стихи, потом принялись за мудрость, но дело подвигалось довольно сонно. И я не помню, как уж все стали приходить в гафизское настроение, но я с Корсаром<sup>1725</sup> плясали, Ассаргадон лежал распростертый, покрыв лицо голубым газом, и говорил, что он ничего не понимает. Диотима, против обыкновения, путешествовала по всем тьюфякам. Городецкий из своего хитона устраивал палатки и смотрел сверху, покровительственно улыбаясь, как благосклонное божество, на обнявшихся внизу. Почему-то под палатку все попадали Диотима, Апеллес<sup>1726</sup>, Аладин и я; потом я лежал, рядом был Петроний, сверху целовал Апеллес, поперек ног возлежал Гиперион и еще где-то (справа, на мне же) Диотима и Аладин. Когда поднимаешь голову вверх, <веселое?> лицо Городецкого, как высокий Ярило на палке<sup>1727</sup>. По очереди завязывали глаза и целовали, и тот отгадывал, и были разные поцелуи: сухие и нежные, влажные и кусающие,

<sup>1724</sup> Фамилия не установлена; предположительно — служащий иконописной мастерской Г. М. Казакова. — В. К.

<sup>1725</sup> Корсар — второе «гафизитское» прозвище Нувеля.

<sup>1726</sup> Прозвище Бакста — В. К.

<sup>1727</sup> Ср. в стихотворении Городецкого «Ставят Ярилу»: «Дубовый Ярило / на палке высокой».

и *furtifs*<sup>1728</sup>. Вячеслав Иванович будет писать роман в прозе «Северный Гафиз»<sup>1729</sup>. Когда он сказал, что осенью может выйти «Северный Гафиз», я подумал, что это альманах. Это страшно интересно, неинтересно только, что они, и Сомов, и на время Нувель, собираются в Рим. И хотелось бы быть с ними, и трудно будет без них, ах, как это печально. Впрочем: «как сладок весны приход после долгой зимы, после разлуки — свиданье»<sup>1730</sup>.

(...)

**В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке**<sup>1731</sup>

[22.05.1906. Москва — Симбирск]

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Сим извещаю Вас, что открытки Ваши получены!!! Редактор Валентин Свенцицкий.

<sup>1728</sup> Украдкой (*фр.*).

<sup>1729</sup> Роман «Северный Гафиз» задумывался Вяч. Ивановым (предполагалось также, что он будет писать его вместе с С. Городецким), однако написан он не был. О замысле см. в письме Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 20 июля 1906: «Решили вместе [с С. М. Городецким] писать роман (хотя он вначале испугался, что будет мною порабошен) “Северный Гафиз”; причем [он] желает изображать судьбы старшего героя, а мне даст младшего, — и никак не наоборот. (...) Зэйи [С. М. Городецкий] разделяет мое мнение, что молодой герой романа (т. е. он сам) должен быть звероподобен, бессердечен, пожалуй, в смысле характерной для нового поколения безжалостности и легкости в отношении к жизни. “Быть в природе”, — называет он это. А старый герой романа (Эль-Руми), по его мнению, таков: он как Данте — с двумя лицами, один обращен вперед к возрождению; его характеризует “хороший авантюризм”. Из младшего героя старший хочет сделать художественное произведение, отчасти по своему замыслу. Это — его канва» (РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 3—3 об).

<sup>1730</sup> Из стихотворения Кузмина «Что ж делать, что ты уезжаешь...», призывающего к «Александрийским песням». В оригинале: «Как светел весны приход...»

<sup>1731</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 250.

Секретарь: Дмитрий Галанин. Сторонний читатель: Владимир Эрн.

(Продолжение в ближайшем №.)

Заведующий редакцией «Религиозно-общественной библиотеки» Дмитрий Дмитриевич Галанин.

**Д. Д. Галанин — П. А. Флоренскому**<sup>1732</sup>

[24.05.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Долгое отсутствие всяких вестей о Вашей статье, наверное, Вас беспокоит, поэтому спешу сообщить, что, наверное, не позднее конца следующей недели корректура будет готова, и я тотчас пришло ее Вам. Сейчас готова корректура Владимира Францевича<sup>1733</sup>, а Ваша статья следует за ней<sup>1734</sup>. Зом еще пролежит без движенья, наверное, очень долго.

Валентин Павлович разыскал Ваш сундук. Волжский прислал 50 номеров «Народа», где Ваши стихи. То и другое можете получить в Нащокинском у Пелагеи Александровны Ивашевой.

Всего лучшего. Д. Галанин.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1735</sup>

[не ранее 25.05.1906]

[Б. д.]

Среды стали скромными, хотя прошлая<sup>1736</sup>, благодаря душе Гафиза, присутствовавшей на ней (были и Гафис-

<sup>1732</sup> Там же. С. 250.

<sup>1733</sup> В. Ф. Эрн. — В. К.

<sup>1734</sup> См.: Флоренский П. К почести вышнего звания. Черты характера архимандрита Серрапиона Машкина // «Вопросы религии» (Вып. 1. М., 1906. С. 143–173).

<sup>1735</sup> Печатается с комментариями по: Богомолов, 2009. С. 187–190.

<sup>1736</sup> 24 мая.



цы <Sic!>), оживилась. Дурачился Бердяев, его выбрали председателем, мы легли на ковер на пунцовую занавесь, головой на пунцовой (твоей) подушке, к его ноге прикрепили звонок, и так он председательствовал. Тема — «О поле». Сначала Ремизов говорил ужасно забавные и страшно смелые вещи, и стоял хохот, потом Вячеслав перевел все на физико-мистико, так сказать, и стал диспут серьезным очень. Были писатель датчанин и скрипачка датчанка, его подруга, с которой умеющие говорили по-английски. Она играла. Когда ушли не Гафисцы и Бердяев, остался состав Гафиза, и до шести утра, встретив еще в 3 часа солнце, продолжали тему на вопрос о том, что такое поцелуй, диспут шел на полу по латыни, ибо уже говорилось все до конца. И было многое сказано хорошо, и много вышло наружу правды. Мы теперь выдаем людей столь разных, что прямо непонятно и прекрасно. Вчера днем была Колмакова<sup>1737</sup>, прекрасная, горящая душа, социал-демократка и ищущая духа и добрая до полной красоты. Была несчастная талантливая Мирэ<sup>1738</sup>, которую я грею, как могу (она была изнасилована 15 лет, 20-ти в политической ссылке, а потом в Париже, брошенная любовником, сделалась моделью), теперь она пишет, и недурно, живет этим впроголодь, уже некрасива, хотя всего ей 32 года.

А вечер провели у Кузьмина, где слушали его песни Александрийские, подарившие мне мир, ощутимый гармонический мир красоты, слитого с душою неразрывно и верно тела, покорного Майе, и мудрого отречением от познания. Александрии не исторической, а какой-то «Каковии»

<sup>1737</sup> Вероятно, имеется в виду Александра Михайловна Калмыкова (урожд. Чернова, 1849–1926) — деятель народного просвещения, публицист, библиограф, издатель; сотрудничала с Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко, М. Горьким, поддерживала связи с группой «Освобождение труда».

<sup>1738</sup> А. М. Моисеева. История ее жизни послужила основой рассказа Чулкова «Шурочка и Веня» (См.: Чулков Г. Люди в тумане. М., 1916). Находилась под сильным влиянием Мопассана.

тонкого, пьянящего сладостно поэта. Кстати, и красив экзотично Кузьмин, которого я назвала (и все «друзья» приняли) Антиномем<sup>1739</sup>. (...)

Вячеслав и Чулков на днях выпускают книжку философских статей факельных. У Вячеслава тоже сто замыслов. Принялся с жаром за «Прометея», а нужно начать печатать свою большую книгу статей и диссертацию. И хочется писать роман «Северный Гафиз» и т. д. и т. д.<sup>1740</sup>

<sup>1739</sup> 3 июня в письме к Блоку С. М. Городецкий также вспомнил именно эту Среду: «Председательствовал Бердяев, лежа на полу, потому что говорили о поле. Все вопросы нерешенные, у Иванова четыре пола, у Бердяева преодоление смерти не родом (семьей), а замкнутой личностью. Ремизов за детей. Выразился по-ремизовски. У меня два пола и Третий (бог, сущее, экстаз), создаваемый их слиянием. Никто ничего не узнал, а говорили долго» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М., 1981. С. 26). Довольно подробен был Кузьмин, в дневнике своем зафиксировавший присутствие всех «гафизитов» (в том числе и исключенной Л. Ю. Бердяевой), Ремизовых, Б. Лемана и датского писателя О. Маделунга. Относительно содержания беседы он записал: «Бердяев председательствовал, лежа на полу между свечей, со звонком, привязанным к ноге, и потом отлично говорил. С тем, что говорил Вячеслав Иванович, я не был согласен ни с чем. Ремизов ехидно и коварно шутовался, все говорили враз и потом долго отдельными группами с жаром и с интересом. Датчанка смотрела, будто готовая сойти с ума. Говорил и Городецкий, постепенно как-то по-новому освещающийся для меня. Потом остались одни гафисты и долго еще беседовали о поцелуе, было очень много словесности и мерзковщины, и я был очень рад, когда Сомов сказал, что скорее всего согласен с моим мнением, которое было найдено циничным» (Кузьмин, Дневник. С. 155).

<sup>1740</sup> 8 мая состоялось второе собрание «Гафиза». 10 мая прошло и третье его собрание без Кузьмина, который записал на следующий день: «...говорят, было скучно. Бакст все-таки предлагает некоторую ритуальность и символичность» (Там же. С. 164). 12 числа Кузьмин приходит к Ивановым в гости. 16 числа Зиновьева-Аннибал сообщает Замятниной: «Только что Вячеслав хворал какой-то желудочной инфлюэнцией. Но при этом все писал свои статьи: Предисловие к книге Чулкова, и в «Руно», и ответ Брюсову в «Весы» в защиту «Факелов»» (Богомолов, 2009. С. 194).

Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>1741</sup>

[27.05.1906]

27 мая.

(...) Потом вот вечером я сцепилась с Карташевым опять на ту же тему; старалась, чтоб не боролась в нем 2 закона, а чтоб знать — чего сам, его «я» хочет. Говорил, что не все в мире принимает. Проклятие чувствует и радость. Вообще, либо не договаривал, либо сам путался. Ната впадала в безнадежность и заснула. Кузнечик молчал. Я хотела, чтоб уяснил бы, против чего и за что в своем праве стихийной влюбленности он борется. Стихийность — закон, почему в этом законе он не признает абсолютной правды и не отдается ей без борьбы, потому что только не борись — и будешь во власти. А он до конца не хочет. Почему? И боится, например, соблазниться, — боится опытов. Сам ли он и стихийно и сознательно не хочет? Или и это противоположный закон, аскетическая школа? Стихийность ли в этом протесте, органичность, или же головное решение (за которое нас всегда упрекает, за отвлеченность). Хочу узнать, борется ли в своей полноте и достатке за влюбленность против физического соединения как окончания, и сознательно, и инстинктивно, или же от страха и от недостатка, от школы — удерживается, лишь сам себе втайне признаваясь в мечтаниях, как вершине блаженства. Беспощадно хочу знать. Ему ведь непривычно так разговаривать — он и стыдится, и скрывается. (...) И когда я сказала, что теперь как мировое явление у людей явилось сознание не всему в мире покоряться, снять проклятие, — он оправдывался. Говорит — я же это знаю, я же это чувствую. Чувствует, что расходиться нам не надо, и уезжать домой, потому что каждый день что-нибудь уясняется и сознание утверждается. (...)

<sup>1741</sup> Печатается по: Павлова, 2004. С. 414–415.

**М. М. Пришвин. Ранний дневник**<sup>1742</sup>

[28.05.1906]

1906

28 Мая. Петербург. Сегодня на пристани у Летнего сада все, ожидая парохода, обратили внимание на странного матроса. Он ходил взад и вперед так, как ходят моряки по палубе во время качки, а когда подходил к краю, то останавливался и напряженно всматривался в даль Невы. Иногда он нервно вздрагивал и словно искал, ждал чего-то вдали. Его о чем-то спросили. Он быстро остановился, видимо, понял вопрос, но сделал руками такие жесты, как делают немые. Тогда все уже смотрели с удивлением на странного немого матроса. Ему дали кусок бумаги и карандаш. И вот что он быстро написал: «С крейсера “Баян”<sup>1743</sup>, паралич, Иван Новиков — обо мне в газетах писали». Он по-прежнему начал по-морскому ходить, нервно вздрагивать и всматриваться в даль вдоль Невы. Кто-то сказал:

— А, верно, я помню, о нем писали.

Высокий пожилой рабочий с сухим темным лицом и тусклыми малоподвижными глазами подошел к нам и громко сказал, указывая на матроса:

— Немного, немного осталось ждать, оплатим мы им!..

— Ну, брат, они теперь уже по заграницам разъехались, не достать их, — сказали мы.

И вдруг рабочий нагнулся и прошептал таинственно и убежденно:

— Вы не знаете... и там тоже пролетариат... теперь все соединились...теперь конец. Теперь никуда не укрыться, голубчики...

<sup>1742</sup> Печатается с комментариями по: *Пришвин М. М. Ранний дневник 1905–1913* / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной. СПб., 2007. С. 6–8.

<sup>1743</sup> Броненосный крейсер 1-й Тихоокеанской эскадры, участвовал в Русско-японской войне. — В. К.

— Это так, — сказал я, — будущее за рабочим классом, но ведь нельзя же думать, что мы сразу теперь достигнем всего...

— А отчего же нет, ведь это там они шли сначала через буржуа и все там такое, а у нас нет, а прямо, и к нам все пристанут.

Он говорил это пророческим тоном, глубоко убежденный. Мы сели на пароход. Он достал газету с какими-то стихами и просил меня прочесть вслух. Стихи были обыкновенные, газетные, с множеством слов о страданиях рабочих. Я стал читать. Меня сразу обступила толпа рабочих, и каждое слово ловилось на лету, все жили моментом, ловили слова, теснились ближе.

Заговорили о земле.

— Вот если бы хоть клочок земли, стал бы разве я вести ужасную жизнь? Эх, хорош у меня мальчонка! — И рабочий вытащил из кармана фотографии мальчика. — Это студент у меня будет, он впереди меня идет, газеты нам и все читает, а ведь только 12 лет. Вот бы землицы клочок, сейчас бы бросил все, ушел. Ну, скажите, кто им позволил землей завладеть. Земля Божья!

Я сказал, что если говорить о Боге, то и Горемыкин<sup>1744</sup> скажет, что частная собственность освящена Богом. И сра-

---

<sup>1744</sup> Иван Логгинович Горемыкин (1839—1917) — министр внутренних дел (1906), председатель Совета министров Российской империи (1906 и 1914—1916). «По природе, несомненно, умный, тонкий и вдумчивый, с заметной склонностью к философскому умозрению, он считался при назначении министром внутренних дел не только в либеральном лагере, так как по личным связям принадлежал к либеральному сенаторскому кружку, но даже сторонником, конечно платоническим, толстовского учения», — писал о нем коллега по службе в МВД Вл. И. Гурко. (*Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 79*). Он же приводил высказывание Горемыкина о воспитании гражданственности: «Основой действительной силы государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая к самостоятельности личность; выработать в народе способность к самоустройству и самоопределению может только привычка к самоуправлению, развитие же

зу десятки голосов заговорили: собственность на земле освящена Богом! Да где же это сказано, когда Бог это говорил? Нет, Бог никогда этого не говорил, и нигде об этом не писано.

Они говорили так убежденно, что не оставалось никаких сомнений в их глубокой вере в Бога. Это были люди убежденные, чистые, без тени сомнения.

А я им сказал:

— Но, может быть, Бога-то и нет совсем, и нет на земле правды, и никогда ее не будет...

Но мои слова приняли как не имеющие значения и, помолчав немного, продолжали:

— Никогда не говорил об этом так Бог, Бог никогда не говорил.

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>1745</sup>**

[*Май — июнь. 1906. СПб.*]

Среда

В четверг вечером я занят — не могу прийти. Но надеюсь, что мы в четверг же увидимся днем, так как мы условились с Николаем Максимовичем<sup>1746</sup> вместе завтракать. Конечно, и Вы придете? Тогда и условимся, когда увидеться. А если не придете завтракать, то напишите и назначьте, если возможно, время до 6 часов вечера, так как вечером к нам в Auteuil<sup>1747</sup>, где мы уже поселились, очень трудно добраться — извозчики не ездят, и конки перестают ходить.

---

бюрократии и правительственной опеки создает лишь обезличенные и бессвязные толпы населения, людскую пыль». Там же. С. 85.

<sup>1745</sup> Печатается с комментариями по: Быстров, 1994. С. 246. Датируется по содержанию.

<sup>1746</sup> Речь идет о Н. М. Минском.

<sup>1747</sup> Auteuil — район Парижа, где Мережковские сняли квартиру на улице Теофила Готье, «в самом начале этой, тогда новой, улицы, в только что отстроенном доме» (*Гиппиус* 3. Дмитрий Мережковский. С. 150).

То есть, конечно, можно доехать, — но сначала надо приспособиться.

А видеть Вас, Бэла, мне хотелось и хочется просто, без всяких углублений и соображений. Я ведь вообще гораздо проще и наивнее, чем Вы предполагаете.

Итак, надеюсь, до скорого свидания<sup>1748</sup>.

Д. Мережковский

### Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>1749</sup>

[1.06.1906]

Incipit<sup>1750</sup>

1 июня

Я должен теперь работать, не покладая рук. Гашиш фантазии, воссоздавая из намека осуществления, довольно водил меня, за это последнее время, «по садам услад». Я чувствую себя размягченным, изнеженным и нечистым. Вчера я проповедовал и там «мистический энергетизм»<sup>1751</sup>. Они сердятся на «моралиста» и думают, что это одно из моих

<sup>1748</sup> На обороте начального листа приписано: «У нас тут хорошо — зелено, листьями пахнет — совсем “дача”. И тишина провинциальная. Приезжайте к нам в гости, — на парходике по Сене превесело. Скажите Николаю Максимовичу, что “Грядущего Хама” я ему принесу завтра».

<sup>1749</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 744–745.

<sup>1750</sup> Начинается (*лат.*).

<sup>1751</sup> «В лоне еврейства родился мистический энергетизм, ставший душою христианской культуры и связанный с нашими конечными чаяниями. Еврейство дало нам в спутницы вечную Надежду, — она же распространяет свои радуги над всем нашим деланием, над всем творчеством европейской души, хотя бы душа эта и забыла до времени о своем таинственном и навеки действенном крещении. В самом деле, евреи, с исключительною среди всех племен земли настойчивостью, провозгласили право человека на свое свободное самоутверждение; они поставили его судьей над миром и истцом перед Богом» (*Иванов В.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 81).

девяти противоречий. («В чем мудрость Муз?» — спросили меня. Я сказал: «В том, что их девять: поэзия — девять противоречий»). Между тем это — мое настоящее и верное. Стихотворение Городецкого<sup>1752</sup> из Эль Руми<sup>1753</sup> было предостережением и напоминанием. — Вчера Сергей Котляревский и Струве<sup>1754</sup> у нас пророчили грядущее варварство и *postem longam*<sup>1755</sup>; одна мистика, говорили они, будет хранительницей культурного предания в распаде России.

Утром вчера — на кладбище Новодевичьего монастыря, на похоронах матери Сомова. Видел могилу Иванова<sup>1756</sup>. Со-

<sup>1752</sup> Стихотворение С. Городецкого:

#### ПОСВЯЩЕНИЕ ГАФИЗУ

Приветствую Гафиз, собравшийся неожиданно  
 В уюте новых стен и в блеске прежних тканей.  
 Опять вино густое устам моим желанно,  
 И взор друзей умильней очам моим желанья.  
 Гафиз, не оскудевший потерей и утратой,  
 Не я ли молвил скорбно: умри, навеки сгасни.  
 И вот опять роскошный, содружный и богатый,  
 Ты блещешь предо мной воскресший и прекрасный.  
 Как встарь чалму подьмет чело Ассаргадона,  
 И Эль Руми, объят истомой, сеет розы,  
 И Аладин нежнее выбрал упругим членам ложе,  
 И Антиной очами медлит [нрзб] огонь и грозы,  
 И Диотима увенчалась венком живым навеки  
 И [2 слова нрзб] вялой смолой слипает веки.  
 Но все мы на ступеньке, а ты, Гафиз, на троне.

Черновик из личного архива С. М. Городецкого, в законченном виде стихотворение не найдено. Печатается по публикации В. П. Енишерлова: «...Опасно, право, — быть судимым по законам для немногих» // Наше наследие. 2001. № 56. С. 148. — В. К.

<sup>1753</sup> Эль Руми — «гафизитское» прозвище Н. Бердяева на «башне» Вяч. Иванова.

Джелал-Эд-Дин-Эль-Руми (1208–1273) — персидский поэт.

<sup>1754</sup> Петр Бернгардович Струве.

<sup>1755</sup> Долгую ночь (*лат.*).

<sup>1756</sup> По-видимому, речь идет о могиле Александра Андреевича Иванова (1806–1858) — русского художника, создателя произведений на биб-



мова я люблю в его печали. — Сегодня корректура и окончание статьи «о неприятии мира» для книжки Георгия Чулкова<sup>1757</sup>. Диотима, ласковая, объявила сегодня, что не хочет больше со мною спорить — пусть буду таков, каким должен быть, *vel ut sum*<sup>1758</sup> — Антиноя и я бы любил, если б чувствовал его живым. Но разве он не мертв? и не хоронит своих мертвецов<sup>1759</sup>, — свои «миги»?<sup>1760</sup> Ужели кончилась *lune de miel*<sup>1761</sup> эротико-эстетического «приятия» и его, и других Гафизитов? по Гафизу, — это — «творчество». *Espérons*<sup>1762</sup>.

Беглые заметки, беглые обращения *ad interiora*<sup>1763</sup>. Заражение примером Харикла<sup>1764</sup> и *Renouveau*?<sup>1765</sup> Быть может. Лето не обещает быть богатым. Если б вел дневник зимой, имел бы огромное приобретение.

Три дня под впечатлением (конечно, тяжелым) письма из Харькова<sup>1766</sup>. Здесь, кажется, ничего уж не поделаешь.

---

лейские темы, самое знаменитое из которых «Явление Христа народу».

<sup>1757</sup> См.: *Иванов Вяч.* Идея неприятия мира и мистический анархизм: вступ. статья // Чулков Г. И. О мистическом анархизме. СПб.: «Факелы», 1906. С. 5—23. В основной части Чулков излагал свою теорию, утверждавшую индивидуализм и исповедовавшую внутреннюю свободу личности, отрицавшую любую форму контроля над ней, в том числе социального и политического.

<sup>1758</sup> Каков я есмь (*лат.*)

<sup>1759</sup> Аллюзия на Мф 8:21—22, ср. Лк 9:59—60.

<sup>1760</sup> Ср. у Кузмина: «Мне видится знакомая фигура, / Мне слышится Ваш голос — то не сон, / — Но тотчас я опять пройду понуро, / Пустой мечтой на миг лишь оболещен» (Утешение. 1906). Или: «Любви утехи длятся миг единый, / Любви страданья длятся долгий век» (К рассказу С. Ауслендера «Вечер у г-на де Севираж») // Кузмин М. Сети. Первая книга стихов. СПб.: «Оры», 1908.

<sup>1761</sup> Медовый месяц (*фр.*).

<sup>1762</sup> Надеемся (*фр.*).

<sup>1763</sup> К интимному (*лат.*)

<sup>1764</sup> М. А. Кузмин.

<sup>1765</sup> В. Ф. Нувель.

<sup>1766</sup> От оставленной Ивановым первой семьи: бывшей жены Дарьи Михайловны Дмитриевской, дочери Александры (Саши) и тещи Анны Тимофеевны Дмитриевской.

Fatum<sup>1767</sup>. Отнять у них Сашу можно только насилием, и оно уже морально невозможно по отношению к этим épaves<sup>1768</sup>. А девочка явно впадает в конечное идиотство. Анна Тимофеевна фатальное существо. Свидание почти сделано невозможным. Да Саша и не захочет покинуть мать и бабушку. Мать все какая-то несовершеннолетняя дочь этой сумасшедшей и совершенно пассивна в своем душевном маразме. Кого загубил я — живую душу или уже мертвую<sup>1769</sup>? Как был бы я счастлив — я с моим эросом к юношам, — если б Сережа<sup>1770</sup> был живой, а не мертвый юноша. На кого ни оглянешься — мертвые ларвы<sup>1771</sup>. Что сделать с отсутствующим другим<sup>1772</sup>, так и не знаем.

А впрочем — не мертв ли я сам? Пока довольно, однако, мой «Дневник» — «Двойник?»<sup>1773</sup> Vale et cura ne moriaris ante mortem<sup>1774</sup>. И чтобы твоя литература не обратилась в некрографоманию.

Ибо вера без дел мертва...

Как бы то ни было, travaillons ferme, travaillons toujours, et toujours en avant!<sup>1775</sup> —

Звонок. Привезли часы и рояль. «Memento mori»<sup>1776</sup> и «Сократ, занимайся музыкой!»<sup>1777</sup>

<sup>1767</sup> Судьба (*лат.*).

<sup>1768</sup> Развалины (*фр.*).

<sup>1769</sup> См.: Иванов В. Собрание сочинений. Т. 1. С. 10, 11, 25–27, 33–37, 177–179.

<sup>1770</sup> С. К. Шварсалон.

<sup>1771</sup> Ларвы в римской мифологии приведение, дух усопшего. — В. К.

<sup>1772</sup> Константин Константинович Шварсалон (1893–1918?) — младший сын Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака; офицер русской императорской армии. Убит восставшими солдатами.

<sup>1773</sup> По-видимому, аллюзия на одноименную повесть Ф. М. Достоевского.

<sup>1774</sup> Прощай и постарайся не умереть раньше смерти (*лат.*).

<sup>1775</sup> Давайте во всю силу работать, всегда работать, и всегда [стремиться] вперед! (*фр.*)

<sup>1776</sup> Помни о смерти (*лат.*).

<sup>1777</sup> Платон (Федон 61a). Загадочные слова из последней беседы Сократа с учениками перед казнью, в ожидании чаши с ядом. «Эти слова неоднократно снились Сократу, но он понял их смысл только после смерти»

**Вяч. И. Иванов. Дневник**<sup>1778</sup>

[2.06.1906]

2 июня

Попытался заснуть рано, но проснулся после короткого кошмара и провел ночь за чтением Гофмана. Утром опять разговоры об опасностях переселения семьи сюда, на вулкан. Кто к кому поедет на свидание?

В рукописи Ремизова («Завывает») <sup>1779</sup> для «Адской Почты» читаю вчера:

«Пророки проповедовали новое царство, но сердце их не вмещало пророчества, и глас их не жег сердца. Пророки проповедовали новое царство и продавали свое пророчество»<sup>1780</sup>.

Вчера в Государственной Думе кричали военному прокурору Павлову: «палач, убийца»<sup>1781</sup>.

---

ного приговора на суде. Божественный призыв означал приказание заниматься не только философией (как он думал раньше), но и «очищением поэтическим творчеством», причем в форме «мифов» (mythos), а не «рассуждений» (logos). В реальном политическом контексте Петербурга 1905–1906 г. формулы «Memento mori» и «Сократ, занимайся музыкой» были не только программой благочестивой жизни перед лицом угрожающей смерти. В высоком философском и этическом смысле это был императив героического вызова, который брошен стихии в ситуации гибели. Творчество и познание истины пытались противопоставить себя разрушению» (*Шишкин А. Б. Символисты на Башне // Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый — Вячеслав Иванов — Александр Скрябин / Под ред. К. Г. Исупова. М., 2012. С. 312–313*).

<sup>1778</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В. Собрание сочинений. Т. 2. С. 745–746.*

<sup>1779</sup> Текста с таким названием среди изданных произведений Ремизова не найдено. — *В. К.*

<sup>1780</sup> Последняя фраза обнаружена в: *Ремизов А. М. Придворный ювелир // Ремизов А. Собрание сочинений. Т. 3. М., 2000. С. 44. — В. К.*

<sup>1781</sup> Владимир Петрович Павлов (1851–1906) — генерал-лейтенант русской армии, с 1903 г. главный военный прокурор России и начальник Главного военно-судного управления, член Военного Совета. В связи с законом о военно-полевых судах В. П. Павлов регулярно получал анонимные письма с угрозами смерти и уговорами оставить должность

Старообрядцы во главе церковно-реформационного движения<sup>1782</sup>. Визит Зои Ивановны Таберио<sup>1783</sup> и молоденькой Варвары Степановны Врасской<sup>1784</sup>, только что вернувшихся из Парижа с поклонами и впечатлениями из кружка наших поэтов и философов en exil<sup>1785</sup>. Бальмонт собирает роты своих поклонниц, играет арии «на флейтах из человеческих костей», пишет какую-то драму для «театра юности и красоты», долженствующего упразднить «рампу наивною детскостью и сообщительностью, актера», жена<sup>1786</sup> его занимается жер-

---

Главного военного прокурора. Он продолжал работать. 27 декабря 1906 г. Главный военный прокурор был убит террористом, переодетым в форму флотского судебного писаря, после того как в Государственной Думе депутаты-кадеты пригрозили ему расправой, а в газете «Речь» появилась статья В. Беренштама, назвавшего Павлова «палачом», стоящим «по колена в крови». При нападении на него Павлов пытался отстреливаться, но его револьвер дал осечку. Убийца был задержан, но не назвал своего имени и был повешен как неизвестное лицо. Впоследствии выяснилось, что это был эсер, беглый матрос Николай Морозов.

<sup>1782</sup> Возможно, имеется в виду Михаил (Семенов), архимандрит РПЦ, один из 32 петербургских священников, публично выступивших за реформирование церкви. Проявлял интерес к старообрядчеству еще во время учебы, когда на проводившихся во время занятий по «истории и обличению раскола» диспутах играл роль сторонника старообрядчества, что требовало тщательного изучения первоисточников. Постепенно пришел к выводу о правоте «староверов». В 1907 г. был присоединен к Древлеправославной церкви Христовой (Белокриницкой иерархии). В 1908 г. был хиротонисан в епископа Канадского, но из-за отсутствия денежных средств не смог добраться до Канады. После ограбления и жестокого избиения умер в московской амбулатории при старообрядческом Рогожском кладбище 27 октября 1916 г.

<sup>1783</sup> Зоя Ивановна Таберио — актриса (?).

<sup>1784</sup> Варвара Степановна Врасская (по сцене Стахова, в замужестве — Котляревская, 1885–1950) — актриса МХТ в 1905–1911 гг., затем в Александринском театре. Во время первой мировой войны работала сестрой милосердия, после смерти мужа поступила в монашескую общину, во время гонений на церковь была отправлена в лагерь. Эмигрировала во Францию.

<sup>1785</sup> В изгнании (*фр.*)

<sup>1786</sup> Е. А. Бальмонт.

венным поклонением ему и страдает, когда слышит, что над ним смеются в аудитории ее соседи и т. д. Теперь все то же — *у compris*<sup>1787</sup> Елена<sup>1788</sup> и... Он хвалит Тантала (?)<sup>1789</sup>. М. Волошин с Сабашниковой увлекаются моими стихами в «Факелах». Минский тоскует. Мережковский опровергает теософов. Одним словом, я — не желал бы там быть.

— Неожиданное письмо от Сологуба, опять полное какой-то двоящейся любви-ненависти, с красивыми стихами на имя «Вячеслава»<sup>1790</sup>. Какая-нибудь новая попытка колдовства. Игра в загадки, за которой таится нечто, глубоко им переживаемое. — Письмо от милого и бедного Пояркова<sup>1791</sup>.

— Приходит Чулков, мой «ученик», как он теперь говорит. Серафима Павловна<sup>1792</sup> приносит рассказы о «бабуш-

<sup>1787</sup> Включая (*фр.*).

<sup>1788</sup> Е. К. Цветковская.

<sup>1789</sup> См.: *Иванов В.* Тантал. Трагедия // Северные цветы ассирийские: Альманах IV. М.: «Скорпион», 1905. С. 199–245. (Также: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 24–73).

Вопросительный знак поставлен рукой Иванова. — *Прим. О. Дешарт.*

<sup>1790</sup> Федор Сологуб. Вячеславу Иванову:

«В тебе не вижу иноверца. / Тебя зову с надеждой Я. / Дракон — Мое дневное сердце, / Змея — ночная грусть Моя. / Я полюбил отраду ночи, — / Но в праздник незакатный Дня / Ты не найдешь пути короче / Путей, ведущих от Меня. / Напрасно прославляешь Солнце, / Гоня меня с твоих Высот, — / Смеясь на твой призыв, Альдонса / Руно косматое стрижет. / От пламенеющего Змея / Святые прелести тая, / Ко мне склонилась Дульщина: / Она — Моя, всегда Моя. / Не о борьбе она мне скажет, / Она, чей голос слаще арф. / Она крестом на Мне повяжет / Не на победу данный шарф. / Простосердечную Альдонсу / За дух козлинный не казня, / Я возвестил тебе и Солнцу / Один Завет: Люби Меня». 15, 16 июня 1906 (Вячеслав Иванов: Pro et contra. Т. 2. СПб., 2016. С. 698–699). — *В. К.*

<sup>1791</sup> Николай Ефимович Поярков (псевд. Н. Ярков, 1877–1918) — поэт, литературный критик, примыкавший к кругу символистов; познакомился с Ивановыми летом 1903 г. в Париже, когда слушал лекции Иванова в Высшей школе общественных наук. Пользовался покровительством Вяч. Иванова.

<sup>1792</sup> С. П. Ремизова-Довгелло входила в круг самых близких Вяч. Иванову людей.

ке»<sup>1793</sup> и насмешку надо мной, Бальмонтом и Скитальцем в «Лешем».

— Вечером Сомов, Бакст, Кузьмин (Sic!), Нувель; итальянские арии XVII в. и Grétry<sup>1794</sup>. Пение Сомова. Музыка Нувеля. Так до солнечного восхода.

— Работа над статьей для «Золотого Руна» целый день прерывается.

**Н. А. Бердяев — З. Н. Гиппиус**<sup>1795</sup>

[2.06.1906. Люботин]

Люботин<sup>1796</sup>, 2 июня

Дорогая Зинаида Николаевна! Пишу Вам уже из деревни, куда наконец удалось выбраться из опостылевшего Петербурга. Здесь сразу себя почувствовал лучше, начал писать. Я не часто пишу Вам, так как очень серьезно отношусь ко всему, что пишу Вам, и мне трудно писать Вам письма нейтральные. Часто мне легко разговаривать с Вами, а писать не всегда могу. Я хорошо знаю, как несовершенно общение через письмо, и если не вполне еще преодолел романтизм, то возжелал уже реализма и тяготею к нему. Я во многом изменился, Зинаида Николаевна, и многое внутренне завоевал себе. Нет уже во мне этой ужасной раздвоенности,

<sup>1793</sup> Имеется в виду «бабушка русской революции» Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (урожд. Вериги, 1844—1934) — деятель русского революционного движения, народница, одна из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров, а также ее боевого крыла — Боевой организации.

<sup>1794</sup> Андре-Эрнест-Модест Гретри (1741—1813) — французский композитор валлонского происхождения, внесший решающий вклад в стиль французской комической оперы XVIII века, жанр увертюры и в такие технические приемы, как музыкальный «местный колорит».

<sup>1795</sup> Печатается с комментариями по: *Аллоу*, 1988. С. 300—302.

<sup>1796</sup> В Люботине находилось имение «Бабаки», принадлежавшее Ирине Васильевне Трушевой — теще Бердяева.

когда не знаешь, во что веришь, какому Богу хочешь поклониться и какой путь избрать. Теперь, кажется, трагическое переносится для меня в иную плоскость, и моя боль, может, сделалась еще тяжелее, хотя внутренне я тверже, последняя моя воля не так разбита. И мое отношение к Вам несколько изменилось, я окончательно освобождаюсь от остатков противного и глупого демонизма, который сидел во мне, когда я не знал, к чему может привести сближение между нами, когда говорил о возможности слияния против Бога, в которого верим и которого любим. Я не знал, от Бога Вы или от диавола, и это неведение доставляло мне особенное наслаждение, так как и про себя я не знал окончательно, что возлюбил и пожелал. Все эти «демонические» настроения, в конце концов, что-то детское в себе заключаю, и без всего этого я чувствую себя свободнее. Но мне думается, что Вы, лично Вы, не вполне еще освободились от соблазна демонизма, от властолюбия, от самолюбивой жажды по своей воле всех и все формировать. Не скрывается ли иногда под Вашим стремлением к действию и реализации эта властолюбивая жажда? Во мне нет желания властвовать, переделать по-своему, но моим соблазном было желание развращать человека, ставить от себя в какую-то неуловимую зависимость. Все это жалко и ничтожно и, кажется, прошло, давно уже начало проходить. Никогда еще я не был так близок Вам, вам всем, по своим верованиям и упованиям, никогда не преодолевал так внутреннего раздвоения, и потому моя позиция будет теперь гораздо более активная и воинствующая. Но теперь так мучительно сделалось сознание своего внешнего бессилия, своего неумения пересоздавать процесс жизни. И я утверждаю, что никто из нас не знает, как нужно в данную минуту действовать. Вы резко на меня нападаете за то, что я не стремлюсь к реализации, обвиняете меня в том, что я ничего не делаю, не пытаюсь даже преобразовать жизнь. Но, ради Христа, скажите мне прямо и открыто, что делаете Вы, что реализуете, как преображаете жизнь? Я не признаю права ни за Вами, ни за каким бы то ни было

человеком на свете ответить так: соединитесь окончательно с нами, тогда узнаете, что и как мы делаем, что и как вам реализовать. Это был бы демонический эзотеризм, допустимый лишь в подозрительных сектах. Горе вам, если будете сбиваться на этот путь. Вы укоряете меня в бездействии и в отсутствии реализма потому только, что я не соединяюсь с вами — это единственное реальное действие, которое Вы мне рекомендуете. Но что такое соединение? Что такое вы? Вы человеки, с которыми я чувствую себя соединенным общностью желаний, общностью идей, взаимным любовным влечением, и я вместе с вами и другими еще подобными нам человеками должен что-то реализовать, как-то действовать во имя одного и того же. Я соединяюсь с вами, когда я вместе с вами что-то открываю, вместе с вами делаю наше общее дело, но я ни к кому не присоединяюсь, да и никто не должен ни к кому присоединяться. Вы не масонская ложа, в которую таинственно вводят после епитимии, и вы, конкретные человеки, Зинаида Николаевна, Дмитрий Сергеевич и Дмитрий Владимирович, не Церковь. Это я говорю не для критики Ваших идей и верований, а для критики вас, людей, это наша самокритика. Боюсь, что вы впадаете в соблазн видеть центральную точку Церкви в своих человеческих личностях, придаете слишком большое значение себе, как будто только с вами может быть связана вне вас лежащая мистическая реальность. Реальное для меня дело — найти пути соединения с этой мистической реальностью и воплотить это соединение на земле. Это мы с вами должны общими усилиями делать, должны помогать друг другу, а Вы часто говорите так, как будто бы вы — сами мистическая реальность. Вы молитесь вместе, я молюсь уединенно, но из этого не следует еще, что я ничего не делаю, а вы делаете много. Не ругайте меня за бездействие, я жажду действия, скажите лучше, если знаете, что нам делать. И не говорите, что нам нужно соединиться, это бессодержательно, мне нужно знать, в чем реализуется наше соединение, знать теперь же. По глубокому моему убеждению историче-



ская христианская церковь была человеческой выдумкой, само христианство в истории в значительной степени человеческая выдумка и потому не имеет для меня никакого авторитета. И я не хотел бы новых человеческих изобретений, претендующих на авторитет. Я с горестью иногда вижу, что вы сбиваетесь на механическое понимание церкви как колпака, который делает святым и прекрасным то место, которое им прикрывают. Точно церковь есть механическое изобретение на все случаи жизни, прикроешь колпаком вино — и оно претворится в кровь, прикроешь целующихся людей — и их соединение будет свято. Я очень скромнен в вопросе о природе церкви, я ищу, но твердо убежден, что воплощение мистической церкви на земле есть органический, а не механический процесс. В вине должно быть что-то, из чего кровь получается, в поцелуях должно быть что-то, что их делает святыми. Изнутри, из глубины все органически должно расти и раскрываться. И нам нужно не отсекать как можно больше при помощи искусственного критерия, а искать в мире как можно больше задатков великого организма, бережно обращаться со всеми ростками жизни. Критерий во мне должен быть незыблемым, но я хочу и должен искать в мировой жизни органические почвы, в которых тот же критерий заложен. Пишу сознательно резко и подчеркиваю возможное различие между нами, так как никогда еще у меня не было такого серьезного желания соединяться и действовать. Раньше я слишком любил играть и шутить. Очень мне понравилась Ваша статья в «Свободе и культуре»<sup>1797</sup>. Я подумал, какой интересный и боевой журнал мы могли бы все вместе издавать. Но даже «Свобода и культура» слишком плохо расходится, Пирожков порвал с этим жур-

<sup>1797</sup> Еженедельный общественно-политический и культурно-философский журнал «Свобода и культура» выходил в СПб. с 1.04 по 31.05.1906, рассылался подписчикам вместо «Полярной звезды», прекратившей существование в марте 1906. Редактировал журнал С. Л. Франк, издателем (после отказа М. В. Пирожкова) стала М. Н. Могилянская.

налом, слишком не злободневен. Что вы думаете, каковы ваши планы? Мне грустно, что в последнее время я так мало о вас знаю. Пишу для сборника большую статью «Мистика и религия»<sup>1798</sup>. Жду с нетерпением от Вас ответа, для меня он очень важен. Целую Ваши руки. Сердечный привет Дмитрию Сергеевичу и Дмитрию Владимировичу. Получили ли они мои письма?

Ваш любящий Н. Бердяев.

### Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>1799</sup>

[3.06.1906]

3 июня

Солнце. Прекрасный зеленый пруд в зеленом парке — внизу. Я получаю от Валерия его «Верхарна»<sup>1800</sup>, — с надписью «Вячеславу Ивановичу от друга его поэзии». Холодность? Возвещены «*Cog Ardens*» и издание избранных стихотворений. Пишу Валерию. Обедают у нас Харикл и Renouveau. Есть «максималисты» и «минималисты» в жизни. Они — последний тип, их житейская философия — *pis aller*<sup>1801</sup>. Романтики — максималисты. Петроний замечает, что наибольшего достигают, однако, выступающие с программой — *minimum*. Он находит, что я неисправим, не понимает башенного уединения и пр. Мы с Диотимой чувствуем себя часто нерасторжимо скованными — нашим глубоким одиночеством среди

<sup>1798</sup> По-видимому, речь идет о сб.: *Merejkovsky D., Hippus Z. etc. Le tzar et la revolution*. Paris: Société du Mercure de France, 1907, который готовили Мережковские и Философов и где ожидалось, но не состоялось участие Бердяева. Впоследствии «Мистика и религия» стало названием вводной главы в кн.: *Новое религиозное сознание и общественность*. СПб.: изд. М. В. Пирожков, 1907.

<sup>1799</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В. Собрание сочинений*. Т. 2. С. 746.

<sup>1800</sup> См.: *Верхарн Э. Стихи о современности* / Пер. В. Брюсова. М., 1906.

<sup>1801</sup> Наихудшее (*фр.*).

людей. Речь шла о жизни Харикла: отравление лавровишневыми каплями<sup>1802</sup>, лечение от истерии, Александрия<sup>1803</sup>, похождения в Италии, каноник Мори<sup>1804</sup>, письмо которого к матери Харикла прочитано вслух.

### Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>1805</sup>

[4.06.1906]

4 июня, воскресенье

Я сочинил поэтический апотропэй<sup>1806</sup> против чар Сологуба. Был Леман, «ученик»<sup>1807</sup>, и Георгий Чулков, по своему обычаю последнего времени нежный и шутливый. Прогулка к Неве, у Смольного. Голубая река, быстрая, широкая, с большими валами, живописный вид на Охту. Сидели на плоту паровой пристани и глядели вдвоем на реку.

Стачка булочников. Предчувствие больших стачек. Белостокские ужасы<sup>1808</sup>. Звук копыт конного патруля на улице ночью...

<sup>1802</sup> В 1893 г. М. А. Кузмин познакомился с офицером конного полка «князем Жоржем», который был на 4 года его старше, и влюбился в него. Из-за неприятия себя как гомосексуала, разочарования в консерватории в следующем году он совершил попытку самоубийства, выпив лавровишневых капель, однако потом испугался и разбудил мать, его спасли.

<sup>1803</sup> «...сложные, смутные настроения при дымных закатах в больших городах, до слез привязанность к плоти, печаль кончившихся вещей, готовность на лишения, какая-то пророческая веселость, вакхика и мистика, и сладострастие — все это представляется мне... в древних культах смешанных — Рим, Александрия» (Кузмин, Дневник. С. 149).

<sup>1804</sup> Итальянский католический священник, с которым М. Кузмин совершил в 1897 г. путешествие по Италии.

<sup>1805</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 746.

<sup>1806</sup> Амулет, оберег.

<sup>1807</sup> С. М. Городецкий.

<sup>1808</sup> Погром в Белостоке, продолжавшийся с 1 по 3 июня 1906 г. В результате погрома свыше 70 евреев были убиты и около 80 были ранены, среди которых были младенцы, женщины и старики. Погромщикам достались 3 завода, 120 торговых помещений и более 100 квартир.

Записка Эмира Аpellеса<sup>1809</sup> к Эль Руми и столь же восточно великолепный ответ Эль Руми. Просьба Пояркова о рецензии в «Весах»<sup>1810</sup>.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>1811</sup>

[4.06.1906. СПб.]

Дорогая, нежно любимая Мару, события вот: Еще Гафиз, но увы без Сомова: у него умерла мать тою же болезнью, как и моя (я ее не знала). Когда я с Вячеславом приехали во вторник на панихиду, то он подошел ко мне у гроба и, поцеловав мне руку, поцеловал в губы. Это меня до глубины тронуло и навек соединило с ним. Ты не знаешь, что за красота в этом тонком, из дивных противоречий сплетенном художнике, он весь одно произведение искусства, и он не виноват, что Баксту недоступно нервное его лицо бледное матовою, густою бледностью, к которой так идет зеленый цвет, умный, то нежный, то шаловливый взгляд его темно-карих, почти черных глаз и милая непокорная мальчишеская растрепанность непокорных темных волос. Может быть, он не красив. Может быть, мал ростом, несколько полн, но я не желала бы изменить черты и повысить его на дюйм. Его небольшие, недлинные руки с пальцами-змейками (каждый последний сустав легко загибается вверх: это их особенность) я безумно люблю. Это какой-то фетишизм. Я целовала каждый палец, и не могу видеть эти руки возле себя без мучительного желания ласкать их и прижимать к щекам, к губам...

В Среду хоронили в Новодевичьем. Познакомились со всею семьей: отцом, невесткой покойного брата, детьми ее и сестрой Константина Андреевича. Вечером была чепуха. Гафиситы,

<sup>1809</sup> Прозвище художника Л. Бакста на «башне».

<sup>1810</sup> Рецензия была опубликована: Николай Поярков. Солнечные Песни. М., 1906 // Весы. 1906. № 7 (июль). С. 58–59.

<sup>1811</sup> Печатается по: Богомолов, 2009. С. 195–196.

вечно прибегающие теперь к нам, пришли (кроме Константина Андреевича) и... Струве и Сергей Андреевич Котляревский — два тошнявых кадета, принесшие из «Дворца» в «Башню» свою скуку и свои карканья. «Мы прикованы к тачке долга политического, к тачке скуки!» — и плакали оба о культуре, причем один говорил, что ее не было, другой — что она пропала, но оба говорили, что все же ее носители — кадеты. Один пророчил 5 лет революции и варварства, другой 50 лет!

Пришли они в 12½ ночи, а в 2 скатили свои тачки с башни вниз. (...) рояль мой приехал, и в Пятницу и вчера Гафиситы весь вечер, всю ночь пели и играли. Также я. Сомов был в пятницу. Встречали солнце вместе из моей комнаты, где в одной стене рисунок два окна дают мне последний красный луч и первый золотой. Ужасно странно: у Сомова оказался теплый, глубокий баритон. Вчера Нувель и Кузмин (Петроний и Антиной) обедали: ризотто, гулаш венгерский с красным перцем и апельсины. Состояние мое такое: если бы был огромный талант, то написала бы великие, вечные произведения, ибо душа моя большое пустое пространство, где образ за образом отражается чисто и бесцельно, и счастьем полно сердце над разнообразием мира. И не нужно единения («Пламенники»). С Вячеславом заключилась жаркая, безразрывно верная любовь.

Целую. Лидия.

Р. S. Хотя никогда мы так ярко не расходились, как теперь (даже буквально ссорились не на шутку). Он утверждает в своем облике пророка и апостола, а я — беспринципного созерцателя.

**П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну**<sup>1812</sup>

[5.06.1906. Москва — Царские колодцы]

Владимир Францевич! Напишите, получили ли посланные Вам экземпляры. Мы с Чми посылаем братские лист-

<sup>1812</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 250–252; см. также: *Кейдан*, 1997. С. 100.

ки<sup>1813</sup>, «Что нужно крестьянину»<sup>1814</sup> и «Взыскующим» через

<sup>1813</sup> Воззвания ХББ.

<sup>1814</sup> См.: *Свенцицкий В.* Что нужно крестьянину? М.: Т-во И. Д. Сытина, 1906. (РОБ. Сер.2. № 1); 2-е изд.: Д. П. Ефимов, 1906 (на обложке без знака вопроса); *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 73–80.

Е. И. Булгакова писала в газете «Стойте в свободе!» (9 (22) июля 1906. Вып. 1. С. 3): «В этой книжке очень просто и ясно рассказывается, что нужно крестьянину: ему нужен прежде всего хороший приход и священник, но хороший приход не может быть, пока крестьяне неграмотны и темны, значит, крестьянину нужно просвещение, нужны школы. На школы и другие нужды крестьян, живущих сейчас чуть не впроголодь, нужны средства. Все средства крестьянин получает от земли, и потому третье, что ему нужно, — это земля. Сейчас правительство, чиновники и помещики всячески притесняют крестьянина и не дают ему возможности достать себе земли, поэтому последнее, что нужно крестьянину, — это хорошее, выборное правительство и начальство».

Рукописный текст (ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 674А. Л. 6 об.), поданный 2 ноября 1905 г. в Московский цензурный комитет, 5 ноября был запрещен к изданию. 5 декабря без всякого разрешения был отпечатан тираж в 20 тыс., но 11 декабря пожар в типографии Сытина уничтожил его часть. Один экземпляр был представлен в Комитет 28 января 1906 г. и снова запрещен 4 февраля на заседании по письменному докладу цензора А. А. Венкстерна. Тем не менее тираж был пущен в продажу и успешно разошелся. ГУДП спохватилось только 5 апреля 1908 г., по его инициативе МКДП 7 июня наложил на брошюру арест (в книжных магазинах было конфисковано 165 экз.) и возбудил уголовное преследование против виновных в издании лиц. 23 августа к дознанию приступил судебный следователь по важнейшим делам Н. Н. Всесвятский и 15 декабря признал брошюру возбуждающей к ниспровержению существующего общественного строя, хотя «при осмотре обнаружилось, что автор указывает ряд мер (...) которые необходимы, чтобы жизнь крестьян стала хоть сколько-нибудь похожей на человеческую».

И. Д. Сытин на допросе 23 декабря виновным себя не признал: «В 1905 г. имел разговор с киевским профессором Булгаковым относительно издания целой серии брошюр под заглавием “Религиозно-общественная библиотека”. Булгаков указал Эрна как человека, который будет заведовать делами издания этих брошюр и состоять посредником между авторами и издателем. Эрн доставил 4 брошюры, постоянно являлся в типогра-

Государственную думу священнику Афанасьеву<sup>1815</sup>. Как Ваши дела вообще? Сережа кланяется. Всего, всего хорошего. Ваша Ивашева.

Владимир Францевич, χαίρετε!<sup>1816</sup> «Взыскующим» вышли. 20 книг послано в Царские Колодцы. Чми<sup>1817</sup>.

---

фию, брал корректуры, с ним производились денежные расчеты. Только он один принимал участие в издании брошюры, так как я доверился вполне авторитету Булгакова... Свенцицкого совсем не знаю... В Цензурный комитет брошюру не представляли по манифесту 17 октября. Толковали свободу печати как отмену всех цензурных законов». Признанный соучастником в издании брошюры Эрн на допросе 17 января 1909 г. всю вину возложил на Свенцицкого, который 20 января и был привлечен в качестве обвиняемого, но разыскать его властям не удалось.

В мае 1909 г. подсудимым вручили повестки, но 1 июня Эрн попросил отложить суд, ссылаясь на болезненное состояние, вследствие которого лето и осень ему надо провести на Кавказе. Приговор МСП вынесла 30 марта 1910 г.: «Признать невиновными за недоказанность учинения преступления». 12 апреля он был утверждён, конфискованные экземпляры подлежали уничтожению, но цензура недоумевала, «к какому именно изданию брошюры относится приговор — к первому или ко второму», ведь параллельно шло еще одно расследование...

10 февраля 1909 г. Московский отдел цензора по иностранной цензуре препроводил 2-е издание брошюры в МКДП, который 16 февраля наложил на нее арест и 5 марта просил прокурора возбудить судебное преследование против виновных в напечатании лиц. 16 сентября МСП постановила: «За смертью обвиняемого <Sic!> и давностью прекратить следствие». Спустя три года 1078 экз. обоих изданий «были преданы огню» (РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 1798; Ф. 776. Оп. 16, ч. 2. Д. 203. ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 792; Ф. 31. Оп. 3. Д. 920, 1004; Ф. 46. Оп. 3. Д. 168; Ф. 46. Оп. 4. Д. 16; Ф. 142. Оп. 17. Д. 2064; Ф. 131. Оп. 74. Д. 817, 818; Ф. 131. Оп. 75. Д. 44, 45). Любопытно, что в феврале 1981 г. последнее дело выдавалось во временное пользование в Верховный суд СССР Глазунову М. М.

<sup>1815</sup> Клавдий Иванович Афанасьев (1875–1920) — иерей, организатор митингов в поддержку освободительного движения (1905), депутат 1-й Государственной думы (фракция кадетов), за подписание Выборгского воззвания лишен сана и заключен в тюрьму.

<sup>1816</sup> Радуйтесь! (*греч.*). — В. К.

<sup>1817</sup> Абзац написан Д. Д. Галаниным (*мл.*).

**К. И. Чуковский. Дневник<sup>1818</sup>**

[5.06.1906]

1906. 5 июня

Не могу ничего сочинить — даже таких скверных, кривых стихуль, как вышеприведенные. День совершенно пустой. Денег ни копейки. В голове ни одной мысли. Ни одной надежды. Никого не хочу знать. Остановка. Даже книжного дурмана не хочется. Нужно где-нибудь достать 10—15 руб. и уехать к Луговому<sup>1819</sup>. Потом захочется возвратиться и... работать — без конца. Но где достать? Но как достать? Буду разве писать о Розанове.

Книжка Розанова очень талантливая<sup>1820</sup>. Чтобы написать такую талантливую книжку, Розанов должен был многого не знать, многого не понимать. Какая бы ценность была в стихах Лукреция, если бы он знал теорию Дарвина? «Солидные» революционеры, «революционных дел мастера», отвернутся от философских и психологических толкований Розанова — раньше всего потому, что солидные люди терпеть не могут философии, а во-вторых, потому что Розанов — посторонний. Человек подошел к кучке народа. Что здесь случилось? Убийство. Лежит убитая женщина, неподвижная в кровавом ручье, а подле нее убийца с ножом. — Тут нужно доктора — не спасет ли он убитую, тут нужно здоровых, смелых людей — связать убийцу, обезоружить, не убил бы еще кого? И вдруг является Розанов, суется в толпу, мешая всем и нашептывает:

— Погодите, я объясню вам психологию убийцы; погодите, вы ничего не понимаете, он заносит нож — по та-

<sup>1818</sup> Печатается с комментариями по: Чуковский К. И. Собрание сочинений в 15 т. Т. 11. М., 2006. С. 148—149.

<sup>1819</sup> Алексей Алексеевич Тихонов (псевд. Луговой, 1853—1914) — русский предприниматель, редактор, писатель-беллетрист и поэт; член литературного кружка «Пятница». Лауреат Пушкинской премии Императорской Петербургской Академии наук. — В. К.

<sup>1820</sup> Предположительно речь идет о книге: Розанов В. Около церковных стен. СПб., 1906.



ким-то и таким мотивам, он убегает от нас по таким-то и таким-то причинам.

Объяснения, может быть, и хороши, но только зачем же мешать ими доктору. — Каждая минута дорога. Доктора отвлечешь от работы и т. д. В участке разберут.

Розанов — посторонний. Разные посторонние бывают. Иной посторонний из окна глядел — сверху, все происшествие видел. Такому «со стороны видней» и понятней. А другой посторонний подошел к вам: а что здесь случилось, господа?

Г. Розанов, несомненно, именно такой посторонний. Он подошел к революции, когда она разыгралась уже вовсю (до тех пор он не замечал ее). Подошел к ней: что здесь случилось? Ему стали объяснять. Но он «мечтатель», «визионер», «самодум», человек из подполья. Недаром у него были статьи «В своем углу». Вся сила Розанова в том, что он никого и ничего не умеет слушать, никого и ничего не умеет понять. Ему объясняли, он не слушал и выдумал свое. Это свое совпало с Марксом (отчеркнутые страницы) — он и не знал этого, и отсюда та странная (вечная у Розанова) смесь хлестаковской поверхностности с глубинами Достоевского — не будь у Розанова Хлестакова, не было бы и Достоевского.

Отыскал 4 коп. Пойду за бумагой и сейчас же напишу.

### **Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>1821</sup>**

[5.06.1906]

5 июня

Работа над продолжением статьи о «действе» для Руна<sup>1822</sup>. Чулков и его ночной кошмар с двумя Мирэ, совпавший

<sup>1821</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 746–747.

<sup>1822</sup> См.: Предчувствия и предвестия: Новая органическая эпоха и театр будущего // Золотое руно. 1906. № 4. С. 68–73; № 6. С. 53–63. Продол-

с жалобами Мирэ на кошмар, мучивший ее ночью видением двойника. Чертков кажется часто ненормальным. Ненужные лжи, в которых сам сейчас же сознается.

Письмо от Даши<sup>1823</sup> о планах устройства дочери на строительных курсах в Москве — длинное, рассчитано сухое, так неприятно напоминающее и стилем и почерком и умственными идиосинкразиями и аномалиями ее мать. Это семья безнадежно дегенерирующая. Опять в душе от харьковцев смута, какая-то тупая обида, недоуменная безвыходность, но при этом отсутствие волнения сердечного...

На прогулке вечером встретил Струве, которого я проводил по Суворовскому проспекту. Советовал ему бросить политику и отдохнуть на научной работе. Он защищал свои способности к политике теоретической. И опять жалобы на политцизм, уничтоживший культурные ценности. Я утверждал, что это верно скорее для прошлого. *Élargissez vous*<sup>1824</sup>.

Как поэты и художники идут от интимного искусства к фреске, из уединения к соборности, — так и вся буржуазная культура должна искать более глубокое русло, интеллигенция — стремиться к всенародности. Потребность же культуры велика и жизненна в широких массах.

Перелистывал «Кормчие Звезды», и мне казалось, что равной им книги лирики, быть может, никогда мне не написать. И, конечно, *Cor Ardens* не будет на высоте моей первой книги.

Мы опять близки с Диотимой.

Она ездила сегодня на Остров — в университет, к Гревсу и т. д. для справок о Сереже, нет ли, осилив экзамены, возможности стать вольнослушателем и т. д. Напрасно.

---

жение статьи печаталось в № 6, но, судя по всему, к моменту Среды это продолжение еще не было написано. — *Прим. Н. Богомолова.*

<sup>1823</sup> Д. М. Дмитриевская, первая жена Вяч. Иванова.

<sup>1824</sup> Расширься (расширь свое сознание?) (*фр.*).

**Б. Е. Сыроечковский — В. Ф. Эрну**<sup>1825</sup>

[8.06.1906. *Щелково Московской губ. — Царские колодцы Ту-флисской губ.*]

Дорогой Владимир Францевич! Предпримите что-нибудь поскорее в 4-й женской гимназии благодаря уходу Михаила Николаевича Коваленского<sup>1826</sup> (ушел сам, бойкота не было). Инспектор Цабель едва ли возьмет без рекомендации. Вот и постарайтесь найти таковую. Там между прочим состоит другим историком Степан Федорович Фортунатов<sup>1827</sup>. Ищите туда хода, тормозите для сего Егорова. Нельзя ли как-нибудь через Любавского<sup>1828</sup> что-ни-

<sup>1825</sup> НИОР РГБ. Ф. 348. К. 3. Ед. хр. 75. С. 22. Открытка.

<sup>1826</sup> Михаил Николаевич Коваленский (1874—1923) — историк, педагог. Из дворян. В 1898 окончил историко-филологический факультет Московского университета, где занимался под руководством В. И. Герье, П. Г. Виноградова, В. О. Ключевского. В 1898—1915 преподавал историю в частных женских гимназиях, в Екатерининском ин-те и в учебных заведениях системы народного образования, в частности на Пречистенских рабочих курсах. Значима была его общественно-педагогическая деятельность.

<sup>1827</sup> Степан Федорович Фортунатов (1850—1918) — историк, окончил курс в Московском университете со степенью кандидата исторических наук. Оставленный при университете для подготовки к профессуре, отправился за границу, где слушал лекции фрейбургского профессора Гольста по истории Соединенных Штатов. С 1886 г. состоит приват-доцентом Московского университета, читая поочередно курсы по истории европейских государств XIX в. и Соединенных Штатов. В 1872—1876 гг. был лектором на высших женских курсах проф. Герье, позднее — на коллективных курсах при Обществе воспитательниц и учительниц. Написал две монографии: «Генри Вэн» (М., 1875) и «Политические учения в Соединенных Штатах» (ч. I, М., 1879). Принимал участие в «Критическом обозрении» и «Юридическом вестнике»; состоял постоянным сотрудником «Русских ведомостей».

<sup>1828</sup> Матвей Кузьмич Любавский (1860—1936) — российский историк, приват-доцент (1894), ординарный профессор (1902), ректор Московского университета (1911—1917), член-корреспондент РАН (1917), академик (1929).

будь сделать; он прежде служил в этом ведомстве. Я никаких путей не имею; переберите своих знакомых, не найдете ли кого. Посоветуйтесь с Дмитрием Николаевичем<sup>1829</sup>.

Прочел «Взыскующих». Не особенно хорошо издана книжка: и обложка и формат могли бы быть лучше. Надо желать скорейшего появления следующих номеров, чтобы яснее многое было, чтобы избежать лишних недоразумений, как раз среди «взыскующих» слова.

Я думаю, следует разослать кое-куда на рецензию опять-таки зараз с «Вопросами религии» и с «Христианским братством борьбы». Жду ответа на первое письмо.

Живу на даче, хотя несколько раз уже пришлось ездить в Москву. Дела мои в неопределенном состоянии. Есть кое-что в виду и для себя, и для Вас. Но Вы пока не упускайте 4-ю женскую гимназию, ибо это лучшее, наиболее просто устрояемое и вполне выяснившееся место. Остальное «яко в зеркале»... Всего доброго.

Ваш Б. Сыроечковский

**А. В. Ельчанинов — А. С. Глинке<sup>1830</sup>**

[8.06.1906. Москва — Симбирск]

Нас разогнали из Тифлиса, чему мы, пожалуй, были и рады, так как представляется возможность поставить газету здесь. Валентин Павлович с восторгом отнесся к этой идее, Флоренский тоже, словом, газета идет и 8-го будет первый номер<sup>1831</sup>. Мы очень просим вас устроить все возможное для

<sup>1829</sup> Д. Н. Егоров.

<sup>1830</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 255—256.

<sup>1831</sup> Стойте в свободе! 1906. 9 и 17 июля. Вып. 1—2.

В день выхода первого номера московской еженедельной газеты с подзаголовком «Ходите в свете» (редактор-издатель Ельчанинов) цензор Сергей Иванович Соколов подал начальству доклад, где указывал, что это «почти от первой до последней строки крайне преступное революционное издание (...) нельзя не преследовать. Кошунственно опираясь

и также кощунственно толкуя в революционных видах Евангелие, оно представляет собою кощунственный и революционно-боевой народный листок. (...) Доказывает, что можно не повиноваться властям и т. п.»). Найдя в содержании газеты наличие состава преступления, страж престола пытался конфисковать тираж в типографии, но все экземпляры были уже переданы заказчику. 10 июля МКДП просил прокурора МСП привлечь редактора к судебной ответственности и ходатайствовал о немедленной приостановке издания газеты. 11 июля министр внутренних дел П. А. Столыпин потребовал от московского градоначальника немедленно принять самые решительные меры в отношении газеты и признал «совершенно недопустимым при наличии чрезвычайной охраны возможность ее дальнейшего появления». 13 июля московский генерал-губернатор наложил подтверждающую резолюцию на ходатайство градоначальника о совершенном прекращении издания («крайне вредное направление, особенно ярко выразившееся в статье “Со святыми упокой!”»). 15 июля началось предварительное следствие по обвинению Ельчанинова за напечатание статей «Что можно и что нельзя» («во второй части коей содержится возбуждение вражды между отдельными частями населения») и «Стойте в свободе», автором которых был Свенцицкий (См.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 276–286). 16 июля вышел следующий номер газеты под названием «Духа не угашайте» (редактор-издатель Ивашева), набранный в типографии Мамонтова и отпечатанный в типографии Торгового дома Печковского и Буланже без всякого разрешения. 17 июля градоначальник по приказанию генерал-губернатора приостановил издание, «волнующее население и возбуждающее к беспорядкам», распорядился тираж конфисковать и произвести обыск на снимаемой сообща Ивашевой и Ельчаниновым квартире. Арестовать тираж в типографии властям снова не удалось. 26 июля МСП определила издание газеты приостановить впредь до судебного приговора.

12 августа началось следствие в отношении Ивашевой, но она 31 июля выбыла из д. Яковлевой, не указав адреса, и только 7 ноября зарегистрировалась в д. Шер; Ельчанинов до поры на повестки также не откликался. На допросах 12 декабря оба вину свою не признали и были отпущены под залоги по 150 руб., внесенные на следующий день. Ивашева и на повторном допросе 22 января 1907 г. обвинения отрицала и никого не выдала, но 15 ноября заявила МСП, что действительным редактором издания не состояла, предъявила вещественные доказательства и настаивала на допросе новых свидетелей. 27 ноября дело было отправлено на следствие (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 95. Д. 310; Ф. 31. Оп. 3. Д. 514. Л. 1–4; Ф. 131. Оп. 92. Д. 182. Л. 4–67; Ф. 131. Оп. 92. Д. 185. Л. 24–26; Ф. 16. Оп. 95. Д. 310. Л. 1–36. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 26. Д. 21. Л. 108–130. РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 102, ПО).

распространения газеты в Симбирске и губернии, там, где можете. Сколько вам выслать? 100? 1000? (...) на первый раз печатаем 30 тысяч — хотя, по-моему, это мало. (...)

**О. А. Флоренская — П. А. Флоренскому<sup>1832</sup>**

[10.06.1906. Тифлис — Сергиевский Посад].

10<sup>го</sup> июня 1906 г.

Тифлис

Дорогой Павля, благодарю тебя за книжку. Получила на днях. Но отчего ты все не пишешь?

Папа чувствует себя очень скверно, выглядит больным. Так устает, утомляется, что ложится в постель уже к девяти часам. Вообще настроение его самое мрачное, точно все уже на свете безвозвратно погибло, рухнуло, вернулось к хаосу. И когда ему что говорят, он возражает: «перестройте Россию. Ведь не можете? О чем же тут разговаривать». На днях Николай Алексеевич Худадов<sup>1833</sup> пришел, кричал, что он не имеет права теперь скучать и болеть и т. д., и т. д. Но несмотря на это, папа, кажется, не старается изменяться. Дома ходят все озабоченные, хмурые. Старшие все повторяют: «Что мне с ним делать?» Конечно, говорят, что все это дети, они беспокоиться заставляют, они расстраивают, не хотят ничего понять. Что папа о нас день и ночь думает. Может быть, это все и верно. Правда, что он

<sup>1832</sup> Печатается с комментариями по: *Флоренский П. В., Шутова Т. А.* «Три тысячи верст и четверть века пролегли между нами» / Комментар. А. И. Олексенко, В. П. Флоренского, П. В. Флоренского и Т. А. Шутовой // Наше наследие. 2006. № 79–80 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7917.php>). Конверт: Сергиев посад (Моск. губ.) Е. В. Б. Студенту П. А. Флоренскому Духовная академия. Штемпели: Тифлис 11.6.06; Сергиевский посад 17.6.06

<sup>1833</sup> Николай Алексеевич Худадов — друг семьи Флоренских, врач, общественный деятель радикальных убеждений, основатель в Тифлисе Общества трезвости, воскресных школ грамотности для рабочих; скончался 17 января 1907 г. от полученного при теракте ранения. Отец Марии и Владимира Худадовых.

много о нас думает, только уж не так мы виноваты все. Устал папа, отдохнуть пора, да некогда... Лиза тетя<sup>1834</sup> позавчера, кажется, к нам приехала. Не ждали ее, это неожиданностью было. Говорят, что сад их градом побило после ее отъезда. Вообще же в окрестностях много хлеба град попортил, так что голод грозит. И то мало в этом году посеяли из-за беспорядков.

Давид<sup>1835</sup> в деревне. Все занят. Народу в Ханалых<sup>1836</sup> масса бывает, за всеми надо смотреть, распоряжаться...

В Тифлисе эти дни хорошо, но жарко. Были дожди. Конки не ходят, пуршики<sup>1837</sup> готовятся бастовать.

На днях Эрн принес № 1 «Взыскующим града». Ведь ты уже читал? Мне эта книжка очень понравилась. Оставила огромное впечатление.

Что ты делаешь? Будешь ли летом в Посаде или куда-нибудь уедешь? Шура<sup>1838</sup> мне говорил, что хочет попросить тебя приехать. Не знаю, написал ли об этом. Сам он через час уезжает. Надо еще приготовить ему там что-то. Поэтому спешу.

Пожалуйста, ответь скорее. Как и что думаешь делать? Может быть, в самом деле приедешь? О, если бы ты приехал, Павля!

Твоя Валя

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>1839</sup>**

[10.06.1906. Кореиз — Симбирск]

10.6.1906. Станция Кореиз

Дорогой Александр Сергеевич!

<sup>1834</sup> Елизавета Павловна Мелик-Беглярова (1854–1919) — сестра О. П. Флоренской.

<sup>1835</sup> Давид Сергеевич Мелик-Бегляров (1875–1913) — сын Е. П. Мелик-Бегляровой.

<sup>1836</sup> Пригород Тифлиса.

<sup>1837</sup> Пуршики — армянские пекари.

<sup>1838</sup> Александр Александрович Флоренский (1888–1938) — брат О. А. Флоренской.

<sup>1839</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Ед. хр. 198. Оп. 1. Л. 26–29 об.

Сначала о делах, хотя — увы! — сообщить нечего. Хотя месяц, назначенный Терещенко<sup>1840</sup>, давно минул, от нее нет известий, и я теряюсь в предположениях, что это значит, во всяком случае, не значит ничего хорошего! От Валентина Павловича я письма не получил, значит, затерялось (если знаете его адрес, упомяните ему об этом), и о плане Пятикрестовского догадываюсь только по Вашим намекам, да видно, что это зыбкий песок. Возлагал надежды на приезд в Москву Эрн в связи с Морозовой, к чему подал повод Галанин, но тоже не подтвердилось. Наоборот, из слов Галанина я заключил, что он полон литературных планов на основании кавказского опыта, который производился без денег. Это скорее устрашает. Все это, в связи с полнейшей неопределенностью политического положения, заставляет меня смотреть на положение дела в этом году пока безнадежно. Дай Бог, чтобы этот пессимизм получил фактическое опровержение. Жаль огорчать Вас, но нечем и утешить.

Получил вчера «Взыскующих», перечел и сегодня просто отравлен ими. С тоской думаю, что это — ошибка молодости или «прелесть» и во что обещает это развиваться. И все у меня стоит образ огромного креста в их квартире<sup>1841</sup>, на который мне всегда было почему-то неловко глядеть... Когда я сталкиваюсь непосредственно с Валентином Павловичем и живое чувство любви заглушает все, мне не страш-

---

<sup>1840</sup> Вероятно, речь идет о члене семьи крупного банкира, предпринимателя, мецената, а впоследствии владельца петербургского издательства «Сирин» М. И. Терещенко, обещавшей финансировать журнал «христианских политиков».

<sup>1841</sup> С 1904 Свенцицкий и Эрн снимали квартиры вместе (Обыденский пер., д. Ковригина, кв. 44; Нащокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16). Ср.: «Голые стены, на столах разложены издания Религиозно-общественной библиотеки, вместо кровати — нары из досок, кажется, без подушек, в углу большое распятие, рядом портрет Влад. Соловьева и гравюра, изображающая Венеру Милосскую, и больше ничего не было» (*Русов Н.* Из жизни церковной Москвы // Накануне. 3 сентября 1922. № 124. С. 2).



но, а когда читаешь, тяжело... Боюсь думать о судьбе этой брошюры и о том значении, которое она может получить для движения... Нетрудно угадать, и лучше не будем угадывать. Интересно, какое впечатление у Вас получилось.

Относительно московского сборника я думаю, что лучше выпустить его в августе<sup>1842</sup>, да может быть, так и выйдет и естественным путем, при помощи забастовок и подобного. Относительно Бухарева<sup>1843</sup> Вы меня все-таки несколько разочаровали, я ожидал большего увлечения и заражения этой

<sup>1842</sup> Сборник под таким заглавием не вышел.

<sup>1843</sup> Александр Матвеевич Бухарев (в монашестве Феодор, 1824—1871) — религиозный мыслитель, профессор Московской и Казанской духовных академий, цензор религиозных изданий, архимандрит. В 1862 г. Синод запрещает публиковать его многолетний труд «Исследование Апокалипсиса», и архимандрит Феодор подает прошение о выходе из монашества и после лишения сана священника и ученой степени магистра богословия женится и посвящает себя литературной деятельности. Позже в письме М. П. Погодину он так объяснял свой поступок: «Имея за себя неподкупную историю, оправдывающую мое разъяснение Откровения, и правду православия, раскрываемую в моем труде вместе с откровением и историею, я не мог и не могу согласиться с усиливающимися скрыть этот свет под спудом. Так, не будучи в состоянии оставаться в добросовестных отношениях по монашеству к высшим даже аввам, я сложил с себя монашеский и священный сан, хотя до этого я был монахом не фальшивым, а по совести; поэтому-то, впрочем, мне и не хотелось, как и следовало, фальшивить, оставаясь в монашестве, когда я внутренне всеми силами протестовал против тех, кого должен был по монашеству слушаться...» (*Погодин М. П.* Сборник, служащий дополнением к «Простой речи о мудреных вещах». М., 1875. С. 204). Бухарев был близко знаком со многими деятелями русской культуры (См.: *Погодин М.* Воспоминания об Александре Матвеевиче Бухареве (Архимандрит Феодор) // Московские ведомости. 7 (19) апреля 1874. № 84. С. 5). Разработанное А. М. Бухаревым учение о сближении Церкви с повседневной жизнью на основе идеи об искупительной жертве Христа оказало большое влияние на тематику Религиозно-философских собраний (см.: *Розанов В. В.* О возобновлении Религиозно-философских собраний // Новое время. 8 (21) октября 1907. № 11 311. С. 2). В письме, вероятно, обсуждается книга: О православии в отношении к современности в разных статьях архимандрита Феодора. СПб. : «Странник», 1860.

музыкой-молитвой, какую являются все его произведения, какую были лучшие страницы у Соловьева. А Вы все-таки, мне кажется, литературничаете больше, чем следует. И, кроме того, относительно его литературности для современности: не только прямо по идеям, особенно относительно религиозного участия в общественности (а что такое иная «религиозная общественность» — это еще очень большая проблема, может быть именно не современная, ибо сверхсовременная), но еще больше по факту такого типа религиозного опыта, который, будучи исключительно подлинным и сильным, в то же время по своему относительному размаху был для своего времени ничуть не уже, чем наш размах, пока бессильный. Словом, для меня, для моей души (а не головы) он дал по-своему также много, как Соловьев и Достоевский. Этим, я понимаю, как много сказано, и однако говорю. Когда-нибудь православная церковь канонизирует трех неравнозначных, хотя и равнозначительных, «отцов и учителей»: Александра (Бухарева)<sup>1844</sup>, Феодора (Достоевского) и Владимира (Соловьева). Не знаю, доживем ли мы, но это будет.

Я ответил Мережковскому и теперь получил хорошее письмо от Дмитрия Владимировича<sup>1845</sup>. В конце его он дружески предостерегает нас от писаний Эрна и Свенцицкого с их «варварскою святостью». Я знаю, что в их устах значит это, но здесь, в его устах, меня это не шокировало, а по существу это то же самое, что и мы говорили. Пожалуйста, спишитесь же с Флоренским, я им так и скажу, что Вы это взяли на себя. У них уже есть французский и немецкий издатель. Что же, пускай издают! Заглавие — «Меч»!! (das Schwert, le glaive)<sup>1846</sup>.

<sup>1844</sup> П. А. Флоренский, работавший над книгой о Бухареве, также высоко оценивая наследие отвергнутого Синодом богослова, утверждал, что подлинное понимание духа его учения предстоит только в будущем.

<sup>1845</sup> Д. В. Философова.

<sup>1846</sup> Название проектируемого кружком Мережковских совместно с Бердяевым и Булгаковым сборника, который должен был продолжить ли-

Своих планов я не определил еще. В Ливны съезжу. Если революция будет развиваться, за границу не поеду. Если же правительство образумится и уступит, то, может быть, съезжу, у меня является практическая цель изучения. За это время я написал несколько газетных статей для «Думы»<sup>1847</sup> и князя Трубецкого и большую статью Франку «Маркс как религиозный тип»<sup>1848</sup>, хотя положительно

---

нию закрывшихся «Вопросов жизни». Предполагаемый состав участников указан в письме Д. В. Философова В. Я. Брюсову: «[Париж], 11/24-VIII-1906. (...) Издание сборника нашего подвигается постепенно к своему осуществлению. С октября надеемся приступить к его печатанию. Он будет состоять из статей наших, затем Розанова, Бердяева, Бегуна, Булгакова, Белого, Успенского, Карташева, Волжского, Минского, вероятно, Вяч. Иванова. Очень бы хотелось иметь и Вашу статью. В Вашей рецензии на книгу Дмитрия Сергеевича Вы очень точно определили ту общую почву, которая нас связывает, и я думаю, что Вы не сделаете никакого компромисса, если согласитесь участвовать в сборнике. Имейте в виду, что он будет издан на французском языке, т. е. преследует “вселенские” цели, следовательно, и тема статьи должна быть общего характера. Мы предоставляем Вам полную свободу, но конечно в той твердой уверенности, что Вы не забудете общей крыши, которая над нами. Мы будем работать вместе в “Весах” нисколько не стесняя друг друга, веря, что наши разногласия объединяются в общих культурных целях. Отчего же нам не выступить вместе и в сборнике?

Словом, рассчитываем на Вас. Статья должна быть не больше 1½–2 листов; прислать ее следует к 1 октября (нового стиля), конечно, если можно, так и раньше. Корректуру (французскую) мы можем прислать Вам на просмотр» (НИОР РГБ. Ф. 386.106.32. Л. 25 об.). Фрагмент письма публикуется по рукописной копии из собрания Н. В. Котрелева.

Сборник под таким названием и с вышеуказанным авторским составом не был издан. Вместо него был опубликован: *Merejkowsky D., Hippus Z., Philosophoff Dm. Le Tsar et la Révolution. Paris, 1907.* Позже были опубликованы: *Мережковский Д. Меч // Мережковский Д. Собрание сочинений. Т. 13. М., 1914. С. 1–41; Гуннуус Э. Алый меч. СПб., 1906. См. об этом: Колеров М. А. «Меч»: Мечта о журнале (1906) // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 307–313.*

<sup>1847</sup> См.: *Булгаков С. Н. Кабинет министров и обер-прокурор Св. Синода // Дума. 25 мая (7 июня) 1906. № 24. С. 2.*

<sup>1848</sup> В итоге статья, написанная для С. Франка была опубликована у Е. Трубецкого. (*Булгаков С. Карл Маркс как религиозный тип // МЭ. 1906.*

не знаю, кто наши статьи сейчас будет читать. От сердца политическая боль в таком виде, как она была у меня в первое время, слава Богу, отлегла, и я получил относительную ясность духа, хотя вообще, как я Вам рассказывал, жить здесь трудно. Политические события идут все грандиознее. Все-таки тяжело быть «лишними людьми» в такую минуту, и лично, и исторически, но воля не наша.

Я тоже, кроме этюда для сборника задумываю статью «Церковь и общественность»<sup>1849</sup>. Вопрос этот и мучит и сверлит, и я снова склоняюсь к дуалистическому его решению, т. е. при признании того большого и подлинного, что может проявиться только в ограде церковной и явится истинной религиозной общественностью, нужно и религиозное участие в общественности вне церковной ограды, т. е. огрубляя эту мысль, нужна и церковная партия, и моя идея «Союза Христианской политики» тоже верна, как относительное историческое средство. Ее нужно понести, может быть не как дар духа, вольный и радостный, а как тяжесть жизни, с которой, хоть и тягостно, но и обязательно «считаться». Иначе уж в монастырь, что ли, прямо!..

Не знаю, преимущество ли или недостаток Ваш, вернее всего, и то и другое в разных отношениях, что Вы так, мне кажется, спокойно не участвуете в «жизни», а я несу это участие не только как тяжесть, но и как грех, нахожусь в постоянном неравновесии, переходящем по каждому поводу в истерику..

Пока прощайте. Пишите сюда. Весь Ваш С. Б.

---

№ 22. С. 34–43; № 23. С. 24–33; № 24. С. 42–52; № 25. С. 46–54).

<sup>1849</sup> Статьи под таким названием в библиографии С. Н. Булгакова, составленной монахиней Еленой Казимирчак-Полонской (Богословские труды. Сб. 27. М., 1986. С. 179–189), не найдено. Речь может идти об одной из след. статей: Религия и политика // Полярная звезда. 1906. № 13. С. 118–127; Индивидуализм и соборность // Народ. 9 (22) апреля 1906. № 6. С. 15–19; Церковь и социальный вопрос // Вопросы религии. М., 1906. Вып. 1. С. 298–334.

**Е. Н. Грубецкой — М. К. Морозовой**<sup>1850</sup>

[10.06.1906. Пятовская<sup>1851</sup> — Ораниенбаум]

Пятовская, 10 июня 1906 г.

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна, только что вернулся из Москвы в мое имение. В Москве мне говорил Георгий Карпович Рахманов, что Вы просили его известить Вас о судьбах нашей газеты. Я сообщил ему, что сам Вам напишу. Рад случаю еще раз засвидетельствовать, насколько я тронут тем живым интересом, с каким Вы относитесь к нашей газете. Вы, вероятно, получили наш 12 номер, который запоздал на две недели из-за забастовки.

Теперь наши дела, кажется, налаживаются и это, разумеется, всецело благодаря Вам<sup>1852</sup>. В смысле распространения, понятно, идет плохо в такое горячее время, притом летом. Но соглашение с Сытиным устраивается, и теперь до конца года мы во всяком случае доведем. Сытин берется, а там будет видно. Вскоре увидите нас в новом приличном костюме (т. е. в обложке) и новом формате — брошюрном — в типе «Полярной звезды». Увидите и некоторые внутренние перемены — выигрыш и для читателя и для нас.

Один благоприятный симптом все-таки есть: хотя розница убывает, зато подписка прибавляется. Когда Вы у нас были, было 440 подписчиков. Теперь у меня полная надежда, что мы вскоре перевалим за 600. Если правительство уйдет, и настанут былые мирные времена, то круг читателей расширится. Но в случае революции, мы, разумеется, успеха иметь не будем.

На днях испугался за Вас, прочтя в газетах, что жители, и в особенности дачники Ораниенбаума, были встревоже-

<sup>1850</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 104—105.

<sup>1851</sup> Станция Пятовская и прилегающий к ней поселок Пятовский ныне относятся к Дзержинскому р-ну Калужской обл.

<sup>1852</sup> МЕ издавался группой пайщиков, главным из которых была М. К. Морозова.

ны пушечной пальбой из Кронштадта. Надеюсь, что дети Ваши не слишком перепугались.

Позвольте от души пожелать Вам того, что всем нам теперь так нужно — спокойного лета.

Искренне Вас уважающий и преданный  
Кн. Е. Трубецкой

### Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>1853</sup>

[12.06.1906]

12 июня

Если день начинается с полуночи, то начался он беседой с Renouveau. Очаровательный Петроний<sup>1854</sup> объясняет мне мое настроение по отношению к Гафизу так: Гафиз отвлекает меня от моего «богоборчества», от «прометеизма». Ему хотелось увериться, что я еще «жив». Или же ничего не осталось во мне для «жизни», при моей поглощенности мистикой, «идеологией», наконец, поэтической фантазией? — Я говорил о латентной борьбе с демоническим влиянием Антиноя. — Диотима, усталая, ушла спать. Мы продолжали беседовать до 3-го часа. Сначала о новом поколении. Я предполагал, что оно зачинает *adamantinam problem*<sup>1855</sup>.

Реалисты приходят отрицать «романтиков». Мы, романтики, требовали восстановления Тела. Они реализуют это требование по-своему. Бестиальны, невозмутимы; в сущности буржуазны. Через *intermezzo* о симптомах ослабления трагизма в любви и страсти (тезис Renouveau) разговор перешел к эротизму. Петроний полагает, что *les grandes*

<sup>1853</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 747–748.

<sup>1854</sup> Здесь: М. Кузмин.

<sup>1855</sup> Адамантовую (алмазную, несокрушимую) проблему, неразрешимую задачу (*лат.*).

passions<sup>1856</sup> отжили свой век — и приветствует эру des petites passions<sup>1857</sup>. Конечно, согласиться с этим невозможно, и это было бы, во всяком случае, capitis deminutio<sup>1858</sup> нарождающегося человечества. Мой тезис: параллелизм сексуальности и гениальности в коллективной жизни. Это эквивалент.

Бедный Renouveau неосторожен: он намекнул, что энергия половая может отчасти переходить в другие энергии. При допущении эквивалентности, это равнялось бы переходу части гениальности человеческой в другие энергии. Он рассказал мне несколько своих переживаний, несколько авантур и нашел меня до крайности любопытным. Впрочем, это любопытство ему, очевидно, не неприятно. Я немного учился; он немного аускультировал<sup>1859</sup>. Между прочим я собираю материал для романа, в возможность создания которого хотел бы и не вполне смею верить. День же был посвящен жизненному роману с Диотимой, которому очевидно еще не суждено замереть в спокойных дружеских и супружеских отношениях. Теперь это сложнейшие сменя любви и ненависти, какой-то гордой и горькой обиды, соревнования и — не ревность вовсе, как она убедительно доказывает, а «зависть»; завидует же она всему и, больше всего, мужчине во мне, ее глубоко оскорбляет гордость мужской самовлюбленности, абстрактный нарциссизм моей чувственности. — Не по отношению ко мне, ее настроение таково. Она горда и честолюбива, знает себя и все еще не нашла, величается и отчаивается. Замыкается и уединяется в мире своих идей и эмоций. Отчаянно борется за окон-

<sup>1856</sup> Больших страстей (*фр.*).

<sup>1857</sup> Малых страстей (*фр.*).

<sup>1858</sup> Снижение ценности (*лат.*).

<sup>1859</sup> Физический метод медицинской диагностики, заключающийся в выслушивании звуков, образующихся в процессе функционирования внутренних органов. Аускультация бывает прямой — проводится путем прикладывания уха к прослушиваемому органу — и не прямой — с помощью стетоскопа.

чательную внутреннюю эманципацию от моего идейного влияния. Сжигает то, чему поклонялась. Чувствует себя «гулкой пустотой»; она Пизанский баптистерий<sup>1860</sup>; хочет ничего не хотеть, быть только приемлющей и отзвучной, быть текучей покорно прозрачной влагой, своей Еленой из «Пламенников»<sup>1861</sup>. И ни во что не верить, ни на что не уповать. Если не удастся победить, — что же? Она скажет только, что жизнь ее была «*bien triste*»<sup>1862</sup>. Пафос апатетики. *Des velléités de l'adogmatisme*<sup>1863</sup>. И рядом срывы в самый бунтовской пафос.

Мы ходили гулять в Летний Сад и — после уже — *attendrissements passionnés*<sup>1864</sup> — жестоко ссорились по дороге. Любовались, как черный пудель долго, долго переживал драматический конфликт на берегу канавки, переплывать через которую боялся — и наконец переплыл. Задумали великие путешествия. Видели прелестный, нежный молодой серп луны на бледном небе справа, уже сидя на пароходе. Возвращались причудливыми пустынями нашего берега. Выработывался план поездки за границу: ей, чтобы отдохнуть и понабраться сил в горах, где дети, мне — порыскать, быть может, по Италии. Удовольствию этих скитаний она не завидует; завидует лишь моим отношениям с другими людьми, для нее невозможным, ей как женщине — закрытым. Кончили день все же миром и гармонией.

Искусство — сфера, насыщенная чувством пола. — За время, соответствующее перерыву дневника, следует отметить визит Баксту и впечатление от его работ (эскиз

---

<sup>1860</sup> Благодаря двухъярусному куполу в помещении Баптистерия св. Иоанна Крестителя в Пизе (XII в.) прекрасная акустика, придающая атмосфере особую торжественность.

<sup>1861</sup> Героиня неоконченного романа Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Пламенники».

<sup>1862</sup> Очень грустна (*фр.*). — В. К.

<sup>1863</sup> Склонность к адогматизму (*фр.*). — В. К.

<sup>1864</sup> Страстные чувства (*фр.*).



занавеса)<sup>1865</sup>. Это 6 июня. Приход Леонида Семенова<sup>1866</sup>, этого Хлестакова революции, если не ошибаюсь, и чело-

<sup>1865</sup> В 1906 г. на Офицерской улице (ныне улица Декабристов) в Петербурге В. Комиссаржевская открывает свой театр, приглашая из Москвы В. Мейерхольда. Именно тогда в театре на Офицерской происходило столь характерное для Серебряного века сближение всех видов искусства — поэзии, живописи, театрального искусства; переплетались и связывались творческие судьбы художников, музыкантов, писателей. Интерьер театра отличала простота. «Петербургская газета» писала: «Зал театра представляет собой как бы античный храм, весь белый, с мраморными колоннами, совершенно круглый. Белые античные скамьи (...). Куполообразный потолок обрамлен по кругу электрическими лампочками, потухающими во время действия, когда появляется из купола какой-то “ледяной” свет». Главной частью этого стильного интерьера стал созданный Л. Бакстом занавес «Элизиум».

<sup>1866</sup> Леонид Дмитриевич Семенов (1880—1917) — русский поэт, прозаик, драматург, публицист, толстовец; внук знаменитого ученого и путешественника П. П. Семенова Тянь-Шанского. Во время учебы на историко-филологическом факультете (был университетским товарищем А. Блока) слыл монархистом и «белоподкладочником». Был близок кругу Д. Мережковского и З. Гиппиус, в Москве подружился с А. Белым. Осуществил проповедовавшийся народниками, толстовцами, некоторыми символистами «уход» из «цивилизации» в народ. С репутацией «академиста» и монархиста, приверженец символистической поэзии, он пережил катастрофический духовный перелом после Кровавого воскресенья 1905 г., свидетелем которого ему довелось стать. Семенов резко изменил жизнь, стал революционным агитатором, депутатом 1-й Государственной думы, был дважды арестован, зверски избит жандармами. Вскоре отошел от революционной деятельности к толстовству, сблизился с сектантами. В 1908 г. окончательно ушел не только из литературы, но и из своего социально-культурного круга; батрачил, получив в наследство хутор, хозяйствовал там. За отказ от несения воинской повинности по религиозным убеждениям неоднократно подвергался арестам в течение 1911—1913 гг. С 1915 г. началось его возвращение к православию, и вскоре он выступил с публичным покаянием за отпадение от веры. В 1917 г., накануне женитьбы и принятия священнического сана, был убит окрестными крестьянами на пороге своего дома. Дом взорван, большая часть рукописей уничтожена. Русская поэзия «серебряного века». 1890—1917: Антология. М., 1993. С. 281—283. — В. К.

века мне не симпатичного (7 июня); в тот же день вечером свидание с Рафаловичем<sup>1867</sup> и Врангель<sup>1868</sup> у нас. Потом, на другой день, вразумления Валько-Отшельника<sup>1869</sup>, юноши-пролетария, литературного маньяка, понравившегося себе в роли гениального упрянца, графомана-лентяя, очень грязного, проголодавшегося, безграмотного и утомительного. Далее свидание с Городецким, его стихи, прогулка с ним белою ночью по улицам и Невской набережной, его сообщения о ходе его семейно-сердечной истории, его милый поцелуй на прощание. Свидание с Сомовым, проекты написать статью о его творчестве; — с Антиномем. Стихотворение, внушенное белостокскими погромами<sup>1870</sup>. Беседа с Мирэ о Марселе и других портовых городах, где она была и которыми бредит. Окончание статьи о театре. Чтение Тысячи и Одной Ночи. Голод путешествий.

<sup>1867</sup> Сергей Львович Рафалович (1875–1944) — русский и французский поэт, прозаик, драматург и эссеист.

<sup>1868</sup> Николай Николаевич Врангель (1880–1915) — русский искусствовед. В 1906 г. поступил на службу в отделение живописи Императорского Эрмитажа и пробыл там до 1908 г.

<sup>1869</sup> Валько-Отшельник — псевдоним; настоящее имя: Владислав Викторович Вальковский. Произведения: *Валько-Отшельник*. Герои: Из детских воспоминаний. М., 1914; *Он же*. Крапива: Из детских воспоминаний. М., 1917. Публикации в периодических изданиях: Жало (СПб.), 1906; Поединок, 1906. Источники: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4 т. Т. 1. М., 1956. С. 227; РНБ. Генеральный алфавитный каталог.

<sup>1870</sup> Язвы гвоздиные

Сатана свои крылья раскрыл, Сатана, / Над тобой, о родная страна! / И смеется, носясь над тобой, Сатана, / Что была ты Христовой звана: / «Сколько в лесе листов, столько в поле крестов: / Сосчитай прогвожденных христов! / И Христос твой — сором: вот идут на погром — / И несут Его стяг с топором»... / И ликует, лобзая тебя, Сатана: / Вот бежишь ты красна и черна; / Что гвоздиные свежие раны — красна, / Что гвоздиные язвы — черна.

(*Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 256.)

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой**<sup>1871</sup>

[13.06.1906 Москва — Ораниенбаум]

Пятницу семь вечера крайне важное заседание пайщиков редакции Еженедельника<sup>1872</sup>. Убедительно прошу передать кому-либо Ваш голос. Можно телеграммой, письменную доверенность потом пришлите почтой.

Трубецкой

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой**<sup>1873</sup>

[Б. д. 1906?]

Многоуважаемая  
Маргарита Кирилловна.

Сегодня я уезжаю на выборы в Калугу, откуда скоро возвращусь. По возвращении непременно зайду к Вам и с величайшим удовольствием воспользуюсь Вашим любезным приглашением, за которое очень благодарю. Сегодня, к сожалению, вряд ли успею к Вам зайти.

Искренне Вас уважающий  
Кн. Е. Трубецкой

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой**<sup>1874</sup>

[Лето 1906. Бегичево — Михайловское]

Станция Пятовская Сызранско-Вяземской железной дороги

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,

<sup>1871</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 1. Телеграмма б. г.

<sup>1872</sup> Речь идет о пайщиках МЕ.

<sup>1873</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 16.

<sup>1874</sup> Там же. Л. 6—7.

Пишу Вам, чтобы поделиться моими смущениями относительно журнала. Забастовка рано или поздно прекратится. Что мы будем делать тогда?

Каждый день в газетах печатают сообщения о штрафах, довольно крупных на них налагаемых. «Русские ведомости» до того съезжились и высохли, что читать в них уже почти нечего, и их все-таки бичуют штрафами.

Что, если мы подвергнемся той же участи? До сих пор нас щадили ввиду малого нашего распространения. Может быть, пощадят и теперь, но что делать, если не пощадят?

Вся ценность нашего журнала в том, что мы можем говорить все, что считаем нужным. Если нам стеснят свободу слова, самый смысл нашего существования исчезнет.

Я думаю поступить так. В дальнейшем не вызывать задорными статьями кар, но и не сбавлять тона против прежнего. Но, если кару все-таки наложат, по-моему, следует совсем приостановить издание, выплатив подписчикам недостающее до конца их подписки. Все же это будет менее убыточно, чем дальнейшее существование со штрафами. Но главное — не убытки, конечно. Суть в том, что цензурные стеснения могут довести издание до невозможности вести достойное существование. Пример — «Русские ведомости»: их оскорбительно читать.

Предвидя, что и нам может это угрожать, я счел долгом об этом предупредить Вас. Очень просил бы Вас написать, что Вы об этом думаете. Конечно, однако, прекратить издание следует не иначе, как придя к убеждению в невозможности его ведения, и тогда следовало бы нам посоветоваться с Вами, с Николаем Васильевичем<sup>1875</sup>.

Если Ваше письмо может поспеть к четвергу в Москву, то будьте так добры направить его туда. Я в то время буду там, и Ваше письмо было бы чрезвычайно желательно, чтобы вести разговор с Николаем Васильевичем Давыдовым. Потом опять вернусь в деревню.

<sup>1875</sup> Н. В. Давыдов.

Надеюсь, что Вы хорошо проводите лето. Я чувствую, что во мне что-то притупилось, т. е. в особенности, поистратилось негодование: как-то я не могу так негодовать на правительство, как бы следовало и гораздо менее взволнован, чем бы мог ожидать.

Искренне Вам преданный

**Вяч. И. Иванов. Дневник**<sup>1876</sup>

[13.06.1906]

13 июня

Я остаюсь. Диотима собирается. Слишком поздно выезжаем на Литейный, где она хочет заказать дорожное платье. Магазин уже закрыт. Заходим в «Адскую Почту» — редакция закрыта. Застаю Жебелева<sup>1877</sup>, с которым должен условиться о сдаче моей латинской работы<sup>1878</sup> в типографию Записок Археологического Общества. В глубине души не желал застать его дома и в Петербурге, чтобы не связывать себя обязательством летнего пребывания здесь. Но все устраивается; только он не ручается за быстроту печатания, так как наборщики от рук отбились. У него знакомлюсь с юным профессором, археологом Мальмбергом<sup>1879</sup>. Внешность Записок Археологического Общества мне заманчива. Убеждаюсь в этом по книге Мальм-

---

<sup>1876</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 749–750.

<sup>1877</sup> Сергей Александрович Жебелев (1867–1941) — российский филолог-классик, специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии.

<sup>1878</sup> *Ivanov Venceslaus. De societatis vectigalium publicorum.*

<sup>1879</sup> Владимир Константинович Мальмберг (1860–1921) — русский историк древнегреческого искусства, археолог, приват-доцент Казанского университета (1888–1890), профессор Юрьевского университета (1890–1907), директор Музея изобразительных искусств имени императора Александра III (1913–1921), заслуженный профессор Московского университета, действительный статский советник.

берга. Скучные специалисты с какой-то печатью заботности. В Жебелеве что-то вульгарное и не видел доброжелательности, при всей любезности. Верная Диотима ждет меня внизу. Заходим вместе к Браудо<sup>1880</sup> — и он чудом дома. Причудливый визит в 10 часов вечера. Экстренность привычна ленивым на внешние действия, как мы, которых столь метко охарактеризовал в Лондоне приметивший наши ежедневные опоздания к поезду контролер — словами: «you come always rather too late»<sup>1881</sup>. С Браудо я должен был также условиться о начале печатания моей книги — сборника статей, издаваемого Жуковским. Ко мне вышел, оторвавшись от беседы с врачом и корчась от боли, опирающийся на палку подагрик и просил начать дело через три дня, когда он надеется быть в силах, чтобы поехать в «Общественную Пользу»<sup>1882</sup>.

Моя Диотима устала, когда мы приехали ясным вечером, при благоприятном знаменнии молодого лунного серпа, домой. Но усталость прошла, как только мы завидели у подъезда одновременно прибывших Сомова и Кузмина. К счастью, мы подоспели как раз вовремя. Аладин улыбался своей милой улыбкой, ласково дарящей и как бы приглашающей к танцу Харит. А в глазах Антиноя было щедрое солнце, и он возвестил о своем желании прочесть наконец свой знаменитый дневник. Когда мы сели за чайный стол, прибыл и Renouveau. Замуртуд<sup>1883</sup> легла на кушетку, придвинутую к столу. Аладин протянул ноги на стулья. Я сидел между Антиноем и Замуртуд. Renouveau наблюдал очами en face<sup>1884</sup>, чтобы кидать мне иронические упреки, вро-

<sup>1880</sup> Александр Исаевич Браудо (1864–1924) — российский историк, библиограф, еврейский общественный деятель, член масонской ложи Великий Восток России.

<sup>1881</sup> Вы приходите всегда слишком поздно (*англ.*).

<sup>1882</sup> «Общественная польза» — издательство Российской империи, основанное в 1858 г. В 1895 г. издательство было вынуждено прекратить свою деятельность. Однако книги под маркой «Типография Товарищества “Общественная польза”» продолжали выходить вплоть до 1917 г.

<sup>1883</sup> Прозвище Зиновьевой-Аннибал.

<sup>1884</sup> Глядя в лицо (*фр.*).

де: «он ведь мертвый человек» и т. д. Чтение было пленительно. Дневник — художественное произведение<sup>1885</sup>. Это душный тепидарий<sup>1886</sup>; в его тесном сумраке плещутся влажные, стройные тела, и розовое масло капает на желтоватый мрамор. Дневник «специален», и только эта моноидейность грозит перейти в мертвенность. Я был прав, наследывая в Антиное то, и Другое, и третье, но то и другое и третье преувеличивал односторонне и грубо, как бывает, когда на долю анализа и угадывания выпадает чрезмерная работа при невозможности созерцать конкретное. Он нежен и по-своему целомудрен. Слегка демоничен (пассивно, т. е. в смысле истерической одержимости) — временами. Чистый романтик, но и это жаль — быстро удаляется, как я это и раньше заметил, прочь от своего прелестного романтизма. В своем роде пионер грядущего века, когда с ростом гомосексуальности не будет более безобразить и расшатывать человечество современная эстетика и этика полов, понимаемых как «мущины для женщин» и «женщины для мущин», с пошлыми *arras*<sup>1887</sup> женщин и эстетическим нигилизмом мужской брутальности, — эта эстетика дикарей и биологическая этика, ослепляющие каждого из «нормальных» людей на це-

<sup>1885</sup> Внизу страницы, под текстом в углу, направо, сделана карандашом рукою В. И. приписка: «Прочитано до 23 сент.; от 16 дек. до 22 янв.; с Пасхи до 12 июня». — *Прим. О. Дешарт.*

<sup>1886</sup> Тепидарий, тепидариум (лат. *tepidarium* — теплая комната) — теплая сухая комната в классических римских термах, предназначенная для (предварительного) разогрева тела. Тепидарий нагревался до 40–45°C от гипокауста (горячим воздухом из печи, проходящим по каналам, расположенным в стенах и под полом).

Тепидарий представлял собой большой центральный зал римских терм, вокруг которого были сгруппированы все остальные залы. По-видимому, в этом зале купальщики готовились париться в кальдариум или принимать холодные ванны в фригидариум. Тепидарий был наиболее богато отделан мрамором и мозаикой. В него падал свет из окон-фонарей (окон верхнего яруса) сбоку, спереди и сзади, и, вероятно, он был залом, в котором располагались самые прекрасные произведения искусства. — *В. К.*

<sup>1887</sup> Чарами (*фр.*)

люю половину человечества и отсекающие целую половину его индивидуальности в пользу продолжения рода. Гомосексуальность неразрывно связана с гуманизмом; но как одностороннее начало, исключая гетеросексуальность, — оно же противоречит гуманизму, обращаясь по отношению к нему в *petitio principii*<sup>1888</sup>. Для меня дневник Антиноя еще и *lecture édifiante*<sup>1889</sup>, помогающая преодолеть некоторое уклонение воли наглядным изображением правды и неправды смутных ее тяготений. Но прежде всего, дневник — художественное отражение текущей где-то по затаенным руслуам жизни, причудливой и необычайной по контрасту между усладой как объектом восприятия и воспринимающим субъектом, — отражение, дающее иногда разительный рельеф. И притом автор дневника знает почти забытый теперь секрет приятного стиля.

После чтения скучноватые разговоры и споры на темы пола. Если б Антиной не упрямылся и не рефлексировал раньше, боясь прочесть мне дневник, — не пришлось бы и мне насчет его упрямыться и рефлексировать, подчас абсурдно, и томить его анализами и полемиками.

Ганимед<sup>1890</sup> велел передать мне поклон.

### Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>1891</sup>

[14.06.1906]

14 июня

Явился Чулков с вестями из Гельсингфорса о «Савве» Леонида Андреева<sup>1892</sup> и слиянии издательства «Факелов»

<sup>1888</sup> Предвосхищение оснований (*лат.*) — логическая ошибка, заключающаяся в скрытом допущении недоказанной предпосылки доказательства.

<sup>1889</sup> Бодрящее чтение (*фр.*).

<sup>1890</sup> Ганимед — прозвище Й. фон Гюнтера на Башне. — *Прим. О. Дешарт.*

<sup>1891</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 750–751.

<sup>1892</sup> Пьеса Л. Андреева «Савва» была запрещена цензурой для постановки в октябре 1906 г. на сцене впервые показана труппой актера В. Р. Гар-



с «Адской Почтой», поклоном (вероятно, выдумкой чулковой дипломатии) от Леонида Андреева, его мнениями и недоумениями, цветами для Диотимы, с Звериного Острова, рассказами о финнах и их банщицах (будто бы моющих и массирующих мужских пациентов), о Серове etc.

Явились наконец, и все же внезапно, Анненкова-Бернард <Sic!><sup>1893</sup> и Сергей Александрович<sup>1894</sup>, с дружескими упреками за полугодовое молчание и бессодержательными впечатлениями Ривьеры, Парижа и Лондона. Интереснее всего — их обед у Кропоткина<sup>1895</sup>. Живет он в коттедже, как рабочий, и будто бы сам помогает стряпать обед. Вечером Ремизовы и Леман. Ремизовы едут ко своей Наташе<sup>1896</sup>. Очень милы. Алексей Михайлович прорицал о судьбе декадентов при будущем революционном терроре. Брюсов будет повешен вместе с Гиппиус, Бальмонт также повешен; Белый утонет в луже; я выскользну из рук судей благодаря предстательству какого-нибудь Ангарского, приласканного на Серее; Щеголеву будет приказано безостановочно хохотать, сидя на одном из коней Аничкова моста; Блок будет нести по приказанию, как автоматическая кукла, красное знамя; Ремизов и Сомов спасутся, спрятавшись в карманы Добужинского, которого спасет мифологическая длина его ног и т. д. Все это случится во время осады Эрмитажа.

---

дина в постановке В. Э. Мейерхольда летом 1907 г. (териокский театр в Финляндии). Ставилась в театрах Вены и Берлина. После революции, в 1918—1922 гг., ставилась повсеместно (Екатеринбург, Самара, Москва, Новороссийск, Казань, Одесса и др.).

<sup>1893</sup> Нина Павловна Анненкова-Бернар.

<sup>1894</sup> Вероятно, Жебелев.

<sup>1895</sup> Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921) — князь, русский революционер-анархист, географ и геоморфолог, историк, философ и публицист, был в 1874 г. осужден за революционную деятельность к тюремному заключению, в 1876 г. бежал из тюремной больницы и до 1917 г. жил в эмиграции, в данный период в Великобритании.

<sup>1896</sup> Дочка А. Ремизова и Серафимы Павловны — Наташа жила тогда в старинном замке родственников своей матери. — *Прим. О. Дешарт.*

Бальмонту, говорят, отрезали обратный путь в Россию помещением в «Красном Знамени»<sup>1897</sup> (парижском) его до крайности резких стихов. Приписываю снобизму его *volte-face*<sup>1898</sup> по отношению к Уайльду, которому он уже не прощает (так хочет мода) его капитуляцию перед мнением *vulgus'a*<sup>1899</sup>.

Сравнивая форму дневника с формой романа и отрицая, что дневник может стать произведением искусства, Диотима в разговоре со мной так противопоставляет искусство и жизнь: оба — враги Друг другу; задача художника сначала очертить жизнь своими гранями — вот так: (жест, рисуемый в воздухе подкову), потом отделить, отсечь очерченное от корней жизни снизу (горизонтальный быстрый жест снизу). Так поступает художник с жизнью, чтобы иметь искусство. Мне это нравится; я воображаю Персея, схватывающего в зажатый кулак левой руки хаотические волосы Медузы, потом отсекающего ее голову острым кривым мечом. Художник — Персей. Печаль предстоящей разлуки.

### Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>1900</sup>

[15.06.1906]

15 июня

Визит Нине Павловне. Ее скрытные тяготения к пиетизму нашли себе пищу в По, где она увлеклась священником Вер-

<sup>1897</sup> «Красное знамя» — журнал без определенного партийно-политического направления. Издавался в Париже А. В. Амфитеатровым с апреля 1906 до начала 1907. Сотрудничали: К. Бальмонт, М. Волошин, А. Куприн, М. Рейснер, А. Федоров и др. Журнал ставил перед собой задачу бороться с царизмом «в самодержавной его наглости и в конституционных лицемериях» (Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917) : справочник. М., 1957. С. 248).

<sup>1898</sup> Разворот (*фр.*)

<sup>1899</sup> Толпы (*лат.*).

<sup>1900</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В. Собрание сочинений. Т. 2. С. 751.*

шиным, — по-видимому, тайным католиком. Рассказы о Лурде etc. Я взял №№ католической *Semaine religieuse de Rome et de Jérusalem*<sup>1901</sup> и просматривал их ночью, так как люблю случайное чтение, разрозненные журналы и т. д. Вспоминал свои былые увлечения католичеством. Как далеко все это — и Субиако<sup>1902</sup>, и Ванутелли<sup>1903</sup> и — еще берлинские споры, вдохновленные идеями Владимира Соловьева. Досадные фигуры четы Сахаров<sup>1904</sup> у Анненковой Бернард. Сергей Александрович, вероятно, чахоточный, а его посылают в Англию лечиться щипками какого-то шведа, женатого на русской (все симптомы шарлатана). Чтение и справки у Шрадера<sup>1905</sup> о пророках еврейских занимали меня до 5 часов утра.

### Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>1906</sup>

[16.06.1906]

16 июня

Пятая вечера Гафиза. (без Городецкого). —

<sup>1901</sup> «Религиозная неделя в Риме и Иерусалиме» (*фр.*).

<sup>1902</sup> Субиако — или Субьяко (*ит.* Subiaco) — город в итальянской области Лацио, в 73 км к востоку от Рима, на речке Аньене. Известен как место рождения бенедиктинского ордена — первого монашеского ордена Католической церкви. Вяч. Иванов воспел сумрачную красоту Сакро-Спеко в сонете 1892 г. Над Субиако живописно вздымается крепость-аббатство, строительство которого началось в 1073 г. и продолжилось в XVI–XVII вв.

<sup>1903</sup> Примо Ваннутелли (1885–1945) — монсиньор, автор монографии о русском православии: *Vannutelli P. Russia. Studio religioso sopra la Russia. Roma, 1892.*

<sup>1904</sup> Сергей Иванович Сахаров (1885–1956) — автор пособий по химии, один из совладельцев издательства «Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова». — В. К.

<sup>1905</sup> Эберхард Шрадер (1836–1908) — немецкий ориенталист, крупнейший специалист своего времени по Ветхому Завету и ассириологии.

<sup>1906</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В. Собрание сочинений. Т. 2. С. 751–752.*

Я устремляюсь к вам, о Гафизиты. Сердце и уста, очи и уши мои к вам устремились. И вот среди вас стою одинокий. Так, одиночество мое одно со мною среди вас.

Столько о Гафизитах. А теперь уже не об них. Результат целой полосы жизни, протекшей под знаком «соборности», намечается отчетливо: я одинок, как никогда, быть может.

Сегодня какой-то «exit»<sup>1907</sup>. День, посвященный богу Terminus<sup>1908</sup>. Кто-то сказал о чем-то «КОНЧИЛОСЬ». Solitudo et perseverantia<sup>1909</sup>.

### Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>1910</sup>

[17.06.1906]

17 июня

Правда, я был плохой артист. Гафиз должен сделаться вполне искусством. Каждая вечеря должна заранее обдумываться и протекать по сообща выработанной программе. Свободное общение друзей периодически прерывается исполнением очередных номеров этой программы, обращающих внимание всех к общине в целом. Этими номерами будут стихи, песни, музыка, танец, сказки и произнесение изречений, могущих служить и тезисами для прений; а также некоторые коллективные действия, изобретение которых будет составлять также обязанность устроителя вечера — εἴρϋθμοϛ' а (или архонта). Необходимость покоя и промежутков между свиданиями продолжительностью от 3 до 5 недель.

<sup>1907</sup> Исход (англ.).

<sup>1908</sup> Термин — у древних римлян божество границ, под покровительством которого состояли пограничные камни и столбы, считавшиеся священными.

<sup>1909</sup> Выделение и сохранение (лат.)

<sup>1910</sup> Там же. С. 752.

Мысли о драмах. Об эпическом житии Христофора (не мистерии). Разговор о судьбе звонаря в Волоколамске. Мое предложение. — Поездка на пароходе, при великолепных брызжущих валах, на Остров, к Нине Павловне. Красота Невы, набережных, Мойки на возвратном пути. Рассказы о монетах, прилипающих к иконам в русской церкви в По; о пророческом сне, виденном в Пскове. В Нине Павловне много чуткости и дивинации<sup>1911</sup>. Диотима показалась ей в первый раз в черном платье (когда была в желтом). Решение (почти) напечатать статьи Диотимы об Андрэ Жиде как приложение к своему заготовленному к печати томику, для которого ампутирую старые статьи №№ Весов, etc.

Загадочное письмоцо Гершен-Зейна<sup>1912</sup> о таинственных и нежных причинах, его задержавших

**Д. Д. Галанин (мл.) — А. С. Глинке<sup>1913</sup>**

[18.06.1906. Москва — Симбирск]

Многоуважаемый Александр Сергеевич.

(...) Мой адрес лучше всего такой: Москва, Сивцев Вражек, Нащокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16. По нему меня письмо скорее всего найдет.

Затеваем в Москве еженедельную газету для народа, не знаю, писал ли Вам об этом Валентин Павлович. Как начнет выходить, так вышлем, конечно, Вам. С Ефимовым дела вошли в обычное течение, и хотя медленно, тише черпахи, но продвигаются вперед. Надо сознаться, что беспокойство о медленности зависело от того, что забывали о том, что все эмпирическое располагается во времени.

Всего хорошего. Ваш Д. Галанин.

<sup>1911</sup> Искусство, дар гадания, предсказания судьбы.

<sup>1912</sup> М. О. Гершензон.

<sup>1913</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 254.

Н. А. Бердяев — З. Н. Гиппиус<sup>1914</sup>

[21.06.1906. Бабаки — Paris]

Дорогая Зинаида Николаевна! Счастлив был получить от Вас весть. Очень тоскливо мне было после моего большого письма Дмитрию Владимировичу. Отчего не ответил он на это письмо настоящим образом? А впрочем, Вы правы: мы не можем перепиской уничтожить кучу недоразумений. Мне бесконечно много нужно сказать вам, более чем сказать. Мы с Лидией Юдифовной окончательно решили переехать с осени в Париж, план этот у нас созрел еще в Петербурге, а теперь окончательно оформился. Тяжело мне становиться жить, живем среди людей другой планеты. Вера моя крепнет с каждым днем, но с каждым днем нарастает во мне ужас от окружающего. В революции есть великая правда, но в ее же самой я вижу зарождение самого страшного и последнего зла. Вера в социализм и анархизм есть окончательное безумие человечества, предел богоотступничества, последнее искушение и потому более страшное, чем старое, уже разоблаченное искушение папизмом и царизмом. Теперь в русской молодежи я предчувствую соединение вульгарного революционизма с опошленным декадентством, мистическим анархизмом и пр. Смесь будет страшная. Не увлекайтесь с.-р., среди них есть люди, жаждущие правды на земле, но бес соблазнил их, и с бесом этим мы не можем вступать ни в какие комбинации. Опаснее всего то, что истинная теократия важным образом будет почти социалистической и почти анархистической. Каждым атомом своего существа чувствую я, в чем правда и в чем ложь и зло революции. Вы все-таки слишком далеко стоите, и я молю вас об осторожности. Будьте религиозно чуткими. Очень рад буду увидеть Вашего Робакидзе<sup>1915</sup>,

<sup>1914</sup> РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев Н. А. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 3. Открытка.

<sup>1915</sup> Тригол Титович Робакидзе (1880—1962) — грузинский писатель и общественный деятель, член литературной группы грузинских символистов «Голубые роги». В 1908 посещал С.-Петербург, где познакомился

как и всякого, кто от вас придет. Княжна Грузинская не была. А где она живет? Пишите и сообщите свой новый адрес. Нежно целую всех вас.

Любящий Вас

Николай Бердяев

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>1916</sup>**

[1.07.1906. Кореиз — Симбирск]

Кореиз, 1 июля 1906 г. Дорогой Александр Сергеевич!

Нового ничего нет. От Терещенко ответа нет и, очевидно, не будет<sup>1917</sup>, у Кульженки<sup>1918</sup> была забастовка, которая его, вероятно, подкосила, из Москвы нет ответа и, ввиду того что мне пришлось писать в последнем письме и о «Взыскующих», у меня немножко саднит на душе от этого молчания.

Должен поведать Вам свое решение, окончательно сложившееся у меня после долгих и мучительных колебаний, не оставляющих и теперь: я переезжаю в Москву. Это прыжок в неизвестность и, конечно, не весьма рассудительный поступок, если рассуждать обывательски. Но беспокоиться за этот год, кажется, у нас нет оснований (кстати, я печатаю политическую экономию) благодаря тому, что за это время образовался тонкий слой жира, а в течение года надеюсь приискать работу. Причина в том, что для меня все больше выяснялась невозможность и даже унижительность и двусмысленность возвращения в Киев и в Политехникум, где мне нече-

---

с русскими поэтами и писателями, среди которых были Андрей Белый, З. Гиппиус, В. Брюсов и др.

<sup>1916</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 106–107.

<sup>1917</sup> Вопрос о финансировании издания религиозно-общественного журнала.

<sup>1918</sup> Василий Степанович Кульженко (1836–1906) — педагог, издавал в Киеве журналы «Искусство и печатное дело» (1909–1910), «Искусство» (1911–1912), «Искусство в Южной России» (1913–1914).

го делать! Я не обольщаю себя и Москву, но думаю, что там я нужнее, больше могу сделать для основания органа. А если и разочаруюсь, то все же надо пойти и на это разочарование. Словом, надеюсь, Вы меня поймете и благословите. Елена Ивановна<sup>1919</sup> соглашается лишь скрепя сердце, ради меня, и это, конечно, делает для меня решение затруднительным. Валентину Павловичу об этом я еще не писал. В первой половине июля еду в Киев ликвидировать свои дела и — в Москву искать квартиру. Надеюсь, что и для Вас это удобнее будет, да вообще для всего нашего дела.

Из Парижа пока ничего нет. Я написал статью «Церковь и социальный вопрос» (1,5 листа), которую хочу непременно навязать в сборник<sup>1920</sup>, ибо это часть того, что там напечатано. Однако удастся ли — не знаю. Все равно пускать сборник в июле нет смысла.

«Дума» и «Полярная звезда», как Вы знаете, прекратились, а я на них сильно рассчитывал, но что-нибудь ведь восстановится. Если Вы захотите сообщить мне что-либо в Москву, то напишите или на Валентина Павловича, или Остоженка, д. 5/15, кв. 63.

Обнимаю Вас.

Ваш С. Б.

Пересылаю без комментариев полученное сюда письмо Лашнюкова, на момент вскрывшее старые раны.

**Д. Д. Галанин (мл.) и А. В. Ельчанинов —  
П. А. Флоренскому<sup>1921</sup>**

[1.07.1906. Москва — Сергиевский Посад]  
Многоуважаемый Павел Александрович!

<sup>1919</sup> Елена Ивановна Булгакова (урожд. Токмакова, 1873–1945) — литератор, с 1898 г. жена С. Н. Булгакова.

<sup>1920</sup> Опубликовано: Вопросы религии. Вып. 1. С. 298–334.

<sup>1921</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 256.



Петровский прислал открытку, где просит Зама всего прислать корректировать ему для единства терминологии. Не разберу из его открытки, спрашивал ли он Вас. Если согласны, пришлите мне открытку. Пишите для нашей газетки, предполагаем в следующее воскресенье выпустить 1-й №.

Ваш Д. Галанин.

Милый Павлушенька, умоляю о статье, о Сенаторове<sup>1922</sup> и прочем — Сенаторову и я писал уже. Дела наши очень хороши в общем. Позволишь упомянуть тебя в объявлении?<sup>1923</sup>

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>1924</sup>**

[2.07.1906. Царские колодцы — Москва]

2 июля 1906 г.

Дорогой и милый Саша! Я страшно обрадовался, получив сегодня твою открытку. Я уж было совсем забеспокоился о тебе, даже послал открытку с вопросом о судьбе твоей и Евгении Викторовне<sup>1925</sup>. Отчего ты не написал, что с отцом Ионой?<sup>1926</sup> Где он и почему он не с тобой? Я ничего не знаю. Я очень жалею, что я не с вами и не могу приложить своих стараний к газете. Я уже чувствую, что, когда я приеду, от газеты будут одни лишь воспоминания. Ну, ничего, у вас

<sup>1922</sup> Петр Ефремович Сенаторов (1853–?) — купец, депутат Самарской городской думы, гласный Самарского губернского земского собрания и член Земской управы, автор книги «Пробудитесь, архипастыри! Письма митрополиту Антонию С.-Петербургскому и другим епископам» (М., 1906) и «О ритуальных убийствах» (Самара, 1913).

<sup>1923</sup> Последний абзац написан Ельчаниновым.

<sup>1924</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 257–258. Оригинал: АЭ. Почт. шт. отпр.: 2.07.1906, Царские колодцы. Адрес на конверте: Москва, Нащокинский пер., д. Яковлева, кв. 16, П. А. Ивашевой (для А. В. Ельчанинова).

<sup>1925</sup> Евгения Викторовна Ельчанинова (1885–?) — сестра А. В. Ельчанинова — В. К.

<sup>1926</sup> После ареста И. Брихничева А. Ельчанинов покинул Тифлис.

сил достаточно. Я просил Валентина<sup>1927</sup> написать мне, когда по совести он считает нужным, чтобы я приехал в Москву. Спрашиваю теперь и тебя. До получения твоего ответного письма из Царских<sup>1928</sup> вряд ли выеду. Так что напиши на Царские — в крайнем случае перешлют. Мне очень приятно, что ты чувствуешь себя хорошо. И страшно жалко, что ты пробыл в Царских всего один день. Впрочем, этот день совсем как-то особенно вошел в мою душу и я испытываю большое удовлетворение от того, что ты взглянул хотя бы мельком на мою невесту. Она тронута, что ты ее не забываешь, и просит передать тебе искреннейший привет. Если Валентин не выслал еще мне денег (кстати, я не могу сообразить, за какую статью, вышло мне 246 руб.), то попроси его переслать эти деньги не по тифлисскому адресу, а по следующему: Царские колодцы. Тифлисской губ. Евгении Давыдовне Векиловой. Это делаю для того, чтобы деньги эти сохранить. Иначе они у меня расплывутся так, что я не замечу даже.

Беспокоюсь о Валентине. Передай сердечный привет Пелагее Александровне<sup>1929</sup>, Сереже<sup>1930</sup>, Чмичу, Валентину. Я с вами душой, часто думаю о вас. Не пишу для газеты, потому что слишком велико расстояние.

Пока прощай. Христос с тобой! Крепко тебя целую.  
Всем сердцем твой  
В. Э.

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>1931</sup>**

*[3.07.1906. Царские колодцы — Москва]*

<sup>1927</sup> В. П. Свенцицкий.

<sup>1928</sup> Царские колодцы — село в окрестностях Тифлиса, где находилась дача Векиловых, семьи будущей жены Эрн.

<sup>1929</sup> П. А. Ивашева.

<sup>1930</sup> Сын Ивашевой.

<sup>1931</sup> Там же. С. 258—259.

Дорогой Саша! Сегодня получил ответную открытку от сестры твоей, где она пишет, что отца Иону посадили в Карскую крепость, а жену его выслали в Уфимскую губ. Меня все это страшно поразило. Не буду говорить о своих чувствах, а скажу только о практической стороне дела. Может быть, и даже почти наверное, жена Брихничева нуждается в средствах. Тогда ведь ей нужно непременно помочь, и как можно скорей. Имеешь ли ты ее адрес, т. е. знаешь ли точно, куда ее выслали? Я думаю: 1) чем-то мог бы помочь Валентин — у него всегда есть возможность достать деньги на благотворительные цели; 2) можно было бы произвести сбор среди московского духовенства при помощи Пятикрестовского и Пospelова; 3) если все это окончится недействительным, можно будет взять 100 р. из полученных за мои статьи, т. е. если вы деньги еще не выслали, а если выслали — дайте немедленно знать — тогда я пришлю эти 100 рублей обратно.

Во всяком случае, я сегодня же опять спрошу письмом твою сестру, не знает ли она точно место высылки Брихничевой. Узнавши ее адрес, пошлю его тебе, для того чтоб всю переписку с ней насчет средств вел ты, ибо из Уфимской губернии до Москвы расстояние небольшое, а до Царских Колодцев письма будут идти целую вечность. Она так может раньше умереть с голоду.

Я так взволнован всем этим, что решил написать об отце Ионе для 2 № «Взыскующих»<sup>1932</sup>. Об этом передай Валентину. Кланяюсь всем до земли. Очень буду ждать твоих открыток, ибо горю нетерпением узнать, как идут у вас дела.

Всем сердцем твой, В. Э.

<sup>1932</sup> Историю тифлисского еженедельника Эрн изложил в брошюре: Пастырь нового типа. М., 1907. (РОБ. Сер.1. № 7). 28 ноября 1906 г. Московская судебная палата постановила: уголовного преследования против составивших и напечатавших ее лиц не возбуждать и наложенный на нее Московским комитетом по делам печати 2 ноября арест отменить (РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 923. Л. 2—3).

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>1933</sup>

[5.07.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Милый Павлуша! Я пошлю тебе 100 экз. первого номера. Ты с ними поступаешь следующим образом. Часть можешь раздать даром и разослать, что можешь, продай, очень будет хорошо, если штук 50 тысяч отдашь в тот книжный магазин, который предлагал тебе издать твой «Вопль», можешь уступить ему по 3½ коп. Вот и все. Я получил письмо Сенаторова — должно быть, воспользуемся для 2-го номера, а оригинал, конечно, вернем. Твоих статей очень ждем. Если напишешь о впечатлении от номера, мне будет очень важно.

Прощай, твой Саша.

Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>1934</sup>

[6.07.1906]

4—6 июля.

А вчерашний вечер (воскресенье), в сущности, был кошмар, но с точки зрения нашей истории и важен. Но мне лично было так трудно и сомнительно, что я рыдала от одиночества и безумно хотелось одну тебя, рыдала, что тебя со мной нет. И думала и молилась. Ослабела и впала в безнадежность от собственной лжи. От того, что, видно, никогда не увижу того, что хочу я, рыдала о небесных миндалях, о чаянии моем (и твоём), как о неосуществимом. Одним словом, была в Димочкиных сомнениях. Со страданиями готова испытания на себя принять, но только не ложь. Ложь — грех, и иного греха нет. Пусть, правда, ложь выявляется до дна, ложь — пустота. Если пустоту облекать, воплощать, — ложь переходит в грех,

<sup>1933</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 259.

<sup>1934</sup> Печатается с комментариями по: *Павлова*, 2004. С. 415—421.

который ведет к унынию, тупости и такой безнадежной плоскости, которая пала на меня. Расскажу все по порядку. (...)

Воскресенье была погода ни то ни се, полуветер, полудожь. Кузнечик как-то перед дождем спал, перед обедом мы занимались. Карташев тоже что-то делал и спал. Под вечер перед ужином (мы в 2—3 обедаем, а в 10 часов ужинаем и чай пьем), не помню по какому поводу, пустяковому, завели мы разговоры... Я еще спросила, приставали ли к Карташеву проститутки, по поводу Кузнечика, который дал одной один рубль, безработной проститутке в пустом Д<оме —?> т<ерпимости —?>.

Кажется, да, что-то было у меня нарисовано на бумажке на столе, — Кузнечик голову довольно противную нарисовал, женскую. Карташев что-то чиркал. Я и говорю в шутку — вот и вы нарисуйте ваш идеал, из тех женщин, которые вас привлекают, из ваших «гниленьких блондинок». (У каждого своя «полная брюнетка». У Карташева «гниленькая невзрачная блондиночка» — идеал влечения.)

Нет, говорит, я не умею рисовать. Тут Кузнецов что-то о гнилости заговорил, что тела есть гниленькие, и пошли они с Карташевым смаковать, какое такое понятие «гниленький». Кузнецов, оказывается, теперь лепит такие тела, свою «болезнь», как он говорит, воплощает, даже за несколько дней гриб раскисший увез в город с собой для натуры. Такое это тело, будто кожа утоньшилась, и яблоко налилось, и будто яблоко это лежалое, побитое, подгнившее. Без упругости. — И такое внутреннее ощущение, ощущение тонкого покрова плоти — проникновенность. Для примера Кузнецов мою руку взял — покачал, говорит — вот, здоровая рука. Кузнецов Карташеву говорит, где «гнилость» в теле чувствоваться может. Вот, говорит, ноги сверху, руки, пространство между шеей и грудь сверху никогда в гнилости чувствоваться не могут, а вот снизу грудь часто бывает так. Говорит: вот я теперь женщину леплю: тело у нее моложе, лицо старше и т. д. Сошлись мужчины и говорят, такое впечатление. Ната ушла, кажется, в глуби-

не возмущенная вкусом, у Кузнечика отношение отрицательное, как к минусу, как к болезни, у Карташева положительное, как к плюсу, к здоровью. Сами этой разницы не подозревают друг в друге и развивают тонкости. Пошли вниз, чай пили — все говорили. Я тоже в душе, инстинктивно, за себя возмутилась, потому что почуяла эту «гниленькость» Карташевскую и на себе, этого Карамазовского «цыпленочка».<sup>1935</sup> Помнишь, в самом начале в Заклинье<sup>1936</sup>? Стоптаные туфельки, пухленькие ручки и т. д.

Нельзя непосредственно внутренне не возмутиться за себя. Слушай дальше. Сначала стало противно и не могла скрыть долго, безнадежно как-то противно. Но я знаю, что это не должно, это ощущение противности остаться. Я победила его в себе. Сначала было желание оставить их себе смаковать и себя, себя унести. Для всех осталась. Ната, уткнувшись в книгу, читала почти вслух что-то, не слушая. А я сначала, когда Кузнечик сказал, что я угнетенная, говорю, что мне просто противно и больше ничего. Потом преодолела и думаю, до конца доведу. Пусть. Кузнечик спрашивает его, — а как Тата, по-твоему (они на «ты»), имеет «гнилость»? (Иными словами, чувствуешь ли ты сладострастие, имеешь ли похотливую слюнявость, карамазовщину?) Сначала как-то мямлил полу хохоча, а потом говорит, когда уж и я сказала, что да, говорит, да, некоторые части имеют «гниленькость». Я уж после окончательно себя одолела и решила его разжигать до какого-нибудь пункта. Начали опять говорить. Не помню последовательности. Скажу отрывки.

<sup>1935</sup> Карамазовский «цыпленочек» — символ сладострастия и похотливости Федора Карамазова — героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879): «...у Федора Павловича конверт большой приговорен, а в нем три тысячи запечатаны, под тремя печатями-с, обвязано ленточкою и надписано собственною их рукой: “Ангелу моему Грушеньке, если захочет прийти”, а потом, дня три спустя подписали еще: “и цыпленочку”». *Достоевский Ф. М.* Полное Собрание сочинений в 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 248.

<sup>1936</sup> Мережковские жили на даче в Заклинье под Лугой летом 1902 и 1903 гг.

Кузнечик доказывал, что гнилость — ощущение — есть болезнь, декадентство. Я пыталась выяснить, какой Карташев представляет себе идеал гниленькости, влечения — отдельное ли это имеет в нем место, зависит ли это у него от эстетики, если взять в чистом виде, или же идеал влечения может быть и некрасивый, даже до старухи с отвислым животом. Говорит — если, не смешивая в себе с другими требованиями, других сторон своего «я», то не... зависит; (то есть я хотела узнать — правда ли это у него есть эта похотливость). В чистом виде вот это что значит: он говорит, как будто бы изысканный развратник, даже до растления детей, со слюнным течением, масляными глазами: «я люблю мяконьких, нежененьких девочек». Все ему говорила, но отвлеченно, не от себя, а чтоб выяснить только, говорю — это «и — цыпленочку» <Sic!>. Говорит — «да, не скрываю. Я всегда понимал Карамазова, думал, что мое ощущение похоже. И не скрываю!» При этом до глубины возмущается, искренно, когда говорит: «вы мне навязываете “не мое”, что мне нужен брак. Мне говорят: вам надо бабу!» Я ему и говорю — конечно, иначе аскетизм опять. «Да, тут, безусловно, нужен и аскетизм, я не могу не ненавидеть мужчин. А женщин, как более закрытых в этом, мне точно скучно. От того, что я не желаю брачной любви и не хочу детей, я теряю мало, а приобретаю много». (Я чувю, что, может быть, все это голова.) Говорю: инстинкт вы ваш утверждаете — почему не утверждаете до конца? А головой решаете, что не должно быть. Рассердился.

Говорит: «Я сам за себя отвечаю. Дожил до тридцати лет. Как я могу утверждать собственное уничтожение? Да и вы не понимаете, значит, раз утверждаете, что головой можно что-нибудь победить, очевидно, у меня и другой инстинкт. А только женщины в этом от мужчин отличны: у них любовь начинается с духовного начала и кончается телесной, а у мужчин с самых низменных инстинктов и потом женщина делается божеством. Если Зинаида Николаевна занимается вопросами “пола”, то тут ей одной не разобраться, надо помощь сознания и мужчины».

Лежит на диване. Померк. Ната ушла спать. С Кузнечиком сидим. Говорю — вот, Кузнечик мимо этой гниlostности не проходит, не замечая, но относится к ней сознательно, а вы утверждаете в себе «цыпленочка», эту похоть, которая безусловно есть, если не уничтожение своей личности, то уничтожение другой, потому что личность со своими личными качествами, со своей сущностью не вмещается в личность другого, если отражается чисто индивидуально в том человеке, который ее воспринимает. Например, Карташев — своей гнилой рукой, Тернавцев — бедрами и т. д.

Он говорит: я заговорил с вами о гниlosti, но другие требования свои, всю полноту, я не выставляю теперь. Говорили об одной стороне. И я ее утверждаю, потому что через нее познаю плоть.

Я ему не верю. Не верю я его инстинкту аскетическому. Силен «цыпленочек» и главен пока. Если есть и если силен, то нечего его и скрывать. Знать хочу, истина в нем или самосохранение рассудочное. Все время имела в голове Димочку. И захотела я узнать еще поглубже сторону его «цыпленства». Сказала Кузнечнику (уже поздно было), что хочу с Карташевым поговорить вдвоем. А сначала, когда он лежал, я около него на тахте сидела, и мы говорили с ним и с Кузнечиком, что Кузнечик в типе, чтоб иметь страсть Дмитрия Карамазова, а Карташев — отца Карамазова. Кузнечик ему говорил: «Отчего бы мне к Тате страстью не воспылать? Помнишь, на болоте, как мы с ней “спевались”?» Спрашиваю я его, понимает ли он Дмитрия Карамазова? Говорит — понимаю. Слушай дальше. Карташеву я еще говорила: я бы хотела в 10 раз сделаться гнилее — что бы вы тогда? Говорит — довольно, все в гармонии для меня.

#### После прогулки. 9 часов вечера.

(...) Дальше теперь буду продолжать с того места, с того конца, как я с Карташевым говорить хотела. Еще при Кузнечике, когда он говорил — отчего не влюбиться бы ему в меня, страстно. Я так стала Карташева дразнить, чтоб



еще разжечь, говорю — почему бы нет, что я, не женщина?!! (Так, будто мне до дна весело.) Говорю Карташеву: — «Пойдем, “цыпленочек”, к старушкам болотным<sup>1937</sup>, недаром на шабаше хочешь лягушечку поласкать, цыпленочка пощупать?» Да так к нему прямо и наклоняюсь. Ты думаешь, я не умею? Ты не знаешь. (И Димочка не знает: я с ним хотела турецкий танец потанцевать — не захотел.) Ведь подумай, каково ему-то: прямо, чуть не «впилась жарким поцелуем». Говорю: вдвоем пойдем, миленький, со мною. Потом говорю, что хочу знать, когда он и что во мне гниленькое видит, пусть, вдвоем, мне одной скажет. Тут-то, думаю, и увидим. (Ты думаешь, мне Ремизов чем родственен, какой подземностью?) (Да, еще раньше я о 2-м закате говорила. Что 2-й закат — рубеж, что человек достигает ощущения своего одиночества, и тут у него веселье, потому что он как бы владыка и над существами, которые не ведают любви и хотят воплотиться, — и страх, потому что как бы опасность у него, соблазн уничтожиться, потому что те тянут его к себе в небытие. Второй закат со страхом — еще близко к тем, шабашным, второй закат с весельем — уже шаг в другую сторону, к утверждению себя в любви. Ну, это можно бесконечно развивать<sup>1938</sup>. Пока не к делу).

<sup>1937</sup> «Болотные старушки» — фантастические существа, наподобие «болотных чертенят», «болотных попиков», «болотных полууродцев-полудухов» из альбома Т. Гиппиус «Kindish» («Детское»), Об альбомах см.: А. А. Блок. Письма к Т. Н. Гиппиус / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 210—211.

<sup>1938</sup> В июле 1905 г. Т. Гиппиус в письме к А. Белому комментировала этот, часто употребляемый ею образ: «(...)Слушайте Боря, слушайте и скажите мне — “правда” ли здесь, или мое это — ощущение. Думала, кто в этом ближе мне? (нашла, что вы — вы закатам родной). Не объяснять вам буду. А вот как соединить в одно с Главным? Есть ли вообще 2-й закат? Помните, Боря, когда первый закат потухнет. Краски умрут, умирает он. Умер. Все тихо, а земля еще светится. Вдруг вам делается беспокойно, жутко. Вы ищите отчего, оглядываетесь. Вам кажется, что вы не один. И видите, что на землю легла тень — одна на всю землю. Глаза подымае-

Кузнечик ушел, а я его стала спрашивать, тут уже серьезнее опять несколько. Он говорит: вы моей плоти не бойтесь (!), я уже много думал, и знаю о себе; говорит — всякий мужчина то испытывает, что я, только он стремится сейчас же к...

### После чая.

...обладанию физическому и не сознает и не разбирает в той мере, как я, и не ощущает. А ощущать «гнилость» вот что значит: какая-нибудь одна часть тела или лица начинает как будто просвечивать сама, так ярко ощущается, будто зрительное ощущение — края резко контурами огненными обведены и внутри не жар, а будто коньяк пьешь, так жжет не спалююще, а согревающе. От этой части — на тело, на другие места — свет разливается, или лицо освещается. Говорю — ну, а у меня где? Говорит — в лице, в глазах, около глаз есть такое место, а от глаз и на лицо. Нос, например,

---

те наверх. Вот разгадка: это второй закат!! Сердцу радостно и страшно. Выше запада — небо накаляется, просвечивает насквозь розовым светом (это не цвет). На земле нет теней, как от раскаленного металла нет тени. Одна тень на всем, земля потускнела и запаутичилась: прикрывается как может серым туманом разделения: земля темная, небо светлое. Разрыв. Временный. Это время переходное. Земля прикрывается, потому что это момент перехода — от смерти дневной жизни к возрастанию ночной. В природе. В это время все возможности открываются. Момент напряжения. Невыявленное в человеке заглядывает в омут, ищет, и те оттуда к человеку тянутся — жить хотят. Тогда все возможно. Двойная жизнь, двойная природа, двойной человек. Веселье до опьянения, яркое, до безвозвратности. (...) Потом 2-й закат выливается в первый, небо потухает, земля от этого светлеет. Делается спокойнее и мирнее. Я думаю, что на 2-м закате надо приобщиться природе, чтоб быть в ней со Христом. Чтоб слитной жить с весельем, а не созерцать величие ее в одинокой грусти. Войти в Лоно. Но не одному. Одному не войти. (...) Ночью — жизнь своя, человек, не пройдя через страх второго заката, — чужд ночи. (...) Кому родственны мои скитания по 2-м закатам? Никто не знает захвата на 2-м закате!!! Без него — ужас. Боря! Неужели это только мое. Нет 2-го заката? И нет правды в моих словах?!». (НИОР РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 7. Л. 4–5 об.).

другое, нос уже нежность возбуждает, а усы на губе — очень важно. А еще «гнилость» — от походки вбок наклоненной. И, говорит, если б рост ваш или талия длиннее, не было бы того. А я говорю — ну, а если у меня шея голая, тогда? А тогда, говорит, шея нежная, и «гнилость» не в ней самой, а на нее разливается, и именно не сзади, а спереди. Я, говорит, говорю откровенно и прямо, что во мне зверь есть, но не только, и не лишайте меня всего, что во мне. Я, говорит, и трогательность чувствую бесконечно, как к ребенку, и нежность бездонную, и вакханизм <Sic! > необходимо и эстетику (о «Главном»<sup>1939</sup> — стыдится всегда говорить. И тебе обо мне, не мог писать, о соединении в «Главном»<sup>1940</sup>). К Зинаиде Николаевне <чувство> было неполно, потому что были только «гнилость» и эстетика. А тут, у вас, говорит, полнота, и правда для меня.

Этого мало всего. Когда говорил, меня обнимал и трогал руку всю с начала; я решила — до дна, только уж реагировать сил не имела, а думала — пусть, ощущаю «нечистоту» прикосновений, уж сколько могу — стерплю. Нарочно не уходила, сдержалась. Потом в шею стал целовать и ниже. Я очень содрогалась внутри. Конечно, писать, насколько содрогалась, нечего, ты чувствуешь сама. Димочку помнила и ради него, а через него ради всех — испытывала Карташева и себя<sup>1941</sup>.

<sup>1939</sup> З. Гиппиус требовала превращения тесной дружбы Мережковского, Гиппиус и Философова в неразрушимый союз трех личностей, сгармонированных в главной мысли, «сходящихся вместе, чтобы молиться, может быть, работать, писать вместе о наших мыслях, вместе уповать и ждать будущих. Других, для составления Начала, чтобы были три, могущие стать троими. Чтобы был миг реально-символизированной тайны и одного, и двух, и трех». Гиппиус называла этот союз и их деятельность в создании «нового религиозного сознания» — Главным. Конечной целью в Главном они считали создание единой человеческой семьи в соборной Церкви как основание будущего Царства Божьего на земле.

<sup>1940</sup> См.: *Карташев А. В.* Письма к Мережковским и Д. В. Философому // *Pachmuss*, 1972. P. 649–707.

<sup>1941</sup> Татьяна проводит параллель между собой и Философовым, подразумевая неудачную и трагическую попытку влюбленной З. Гиппиус соединить-

Опыт. Боже, какая это гадость! Какая серая скука, и даже уничтожение возможности радости. (Потому что «Ради» — точка отправления, не до дна истинная.) Стыд, гнусность. Насколько Карташев был правее меня в это время. Я ему и сказала твои слова, что он богаче меня теперь. Слушай еще.

Обнял меня и к себе прижал. Я наклонилась к нему, опираясь на диван, а он губы разжал и как бы не то целует меня, не то дышит так. А я все наблюдаю, как он дальше будет. А он в упоении повторяет: Господи, это лучше, чем мечты, это реально! Ужас! ужас! Боже, какая радость, какой экстаз! Ужас! ужас! И все не кончает. Смотрю на него, и мне даже показалось, что так побелел весь, глаза закрыл и будто бы в обморок упадет. Испугалась и говорю — спать надо, идите, довольно.

«Уж спать?» Долго оправлялся, радостно утопая в блаженстве. Чувствовала его богатым и правым (относительно), а себя скудной и лживой перед ним. Ушел в садик, потом к себе, а я со своей серой гнусностью в душе стала завиваться.

Легла спать, безрадостно и плоско. Тут и рыдала о тебе. Не то, не то. Будто: «то», но от этого еще хуже, потому что ощущаешь ярко, как подобно должно быть, чаянье ближе от сравнения. Где здесь наше, атмосферно-специфическое? Моя гнилость привела бы его в то же упоение и в Заклинные (помнишь, пухленькие ручки и т. д.). В чем же он меня утверждает, мою радость ему же в Главном, и свое отношение к Главному в связи со своим отношением ко мне? Где я была во время его экстаза и упоения моим телом? Я ему не отвечала, и он знал, что я не ощущаю его, — и не удовлетворялся. Все его богатство это — и с «цыпленочком» даже, я, как и ты, не хочу, чтобы вынес вне, раз для него это правда.

---

сы с Философовым (в июле 1905 г. в Богдановском). Философов не смог ответить на ее чувство и чувственность, он писал ей: «При страшном устремлении к тебе всем духом, всем существом своим, у меня выросла какая-то ненависть к твоей плоти, коренящаяся в чем-то физиологическом. (...) Если рассуждать грубо, можно сказать, что такое чувство должен испытывать всякий человек, соединяющийся с другим без полового влечения». (Цит. по: *Злобин В. А.* Тяжелая душа. Вашингтон, 1970. С. 54.

И я принимаю, пусть пока я беднее, лживее, все, что угодно. Но и во мне есть какая-то правда. Я утверждаю, что правда его — и общая и относительная. Я в своей и в Божьей правде, он в своей и в Божьей. Для меня источник любви — отношение человека к Главному, ощущение в себе любви к Главному через человека. Тогда источник вечный, радостный, и ничего нет здесь запретного. Показатель истины есть внутри человека дух силы, радости, любви, полета и всемогущества через Любовь к Богу и Бога к тебе.

К Карташеву у меня так: Он к Главному со мной — тогда и я с ним к Главному. Он ко мне с Главным — я от него с Главным. Что за заколдованный круг? Столкновения еще предстоят. Но разврата подобного больше не будет. Я утверждаю чувственную любовь, только взаимную, равновесную и вместе к Главному. Я смогу его любить с радостью, когда и он меня будет ценить в Главном, любить требовательно, ревниво к Главному, когда его «цыпленочек» (пусть все) будет так химически соединен с Главным, что от ослабления его в Главном, или меня, будет исчезать и «цыпленочек», пусть, я ценю эту любовь, и пусть она будет показателем моей силы и слабости.

Я хочу сама его любить с таким же захватом (пусть хоть и «цыпленочек»), потому что в этой радости и наслаждение есть правда, но она для меня пока невозможна. Я люблю и себя и его, а не его тело отдельно. После этого он еще больше ко мне тянется, а мне следующий день было невесело, плоско. Вот подъем без ощущения правды. Будни с серым дождем. (...)

**А. А. Блок — Г. И. Чулкову<sup>1942</sup>**

[7.07.1906. *Шахматово*]

7 июля 1906. С. Шахматово

<sup>1942</sup> Печатается с комментариями по: *Чулков Г.* Годы странствий. С. 368—371. Также: *Блок А.* Собрание сочинений. Т. 8. С. 157—159.

Дорогой Георгий Иванович. За книгу с надписью<sup>1943</sup> большое спасибо. Все лето думаю о многом, связанном с этой книгой. Прочел, и еще буду возвращаться. Ваши краткие статьи, как стрелы — одна за другой — ранят, пролетая, но откуда и куда летят — неизвестно. Много попадает прямо в сердце. Вы пишете жестоко и справедливо. Самое жестокое теперь — сказать: «социализм — по счастью — перестал быть мечтой»<sup>1944</sup>. Это главное, что жалит пока; в таких словах в наше время — полная правда (а это так редко в литературе вообще). Вывод из них: весь табор снимается с места и уходит бродить после долгой остановки. А над местом, где был табор, вьется воронье<sup>1945</sup>. Это — жестокая правда социализма в современной фазе. Этот вывод не связан с пре-

<sup>1943</sup> Книга, о которой упоминает Блок, была издана издательством «Факелы». Ее полный титул: Георгий Чулков. «О мистическом анархизме» — со вступительной статьей Вячеслава Иванова «О неприятии мира». СПб., 1906. Содержание: «На путях свободы», «Достоевский и революция», «О софианстве», «Об утверждении личности». Первые термин «мистический анархизм» стал появляться на страницах «Вопросов жизни» 1905 г. Под этим названием, например, в июльской книжке журнала была напечатана моя статья, которая служила отчасти ответом на статью С. Н. Булгакова «Без плана», появившуюся в том же журнале в июньском номере. — *Прим. Г. Чулкова.*

Чулков сделал следующую надпись на книге: «Александру Блоку в знак любви. — Георгий Чулков».

<sup>1944</sup> На полях книги Чулкова «О мистическом анархизме» против этих слов стоит помета NB! Следующие за ними: «Он сделался практикой и борьбой, жизнью и необходимостью. И с тех пор, как социализм потерял свой утопический характер, невозможно убежать от него, обнаруживая тем самым свою рабскую и мешанскую природу, скрыть которую не в состоянии никакие догматы и никакие доктрины» (с. 37) — подчеркнуты Блоком.

<sup>1945</sup> В стихотворении «Рожденные в года глухие...» (1914) Блок использовал найденный в этом письме образ:

И пусть над нашим смертным ложем  
Взовьется с криком воронье, —  
Те, кто достойней, Боже, Боже,  
Да узрят царствие Твое!

дыдущим, с событием эпохи Александра III<sup>1946</sup> и писателя Лейкина<sup>1947</sup>; не связан до такой степени, что люди богомольные сочтут его наказанием за грехи и по-своему будут правы: копили, копили — и вдруг все отдать, включая сюда письма невесты и кусок гвоздя, которым приколачивали ко кресту Христа. Это — социализм и «мистический анархизм», оба об этом говорят, и оба — не «учение», так же как «мистика» и «анархия» каждая отдельно: потому что они говорят о поступках, а на поступки решаются, не учась. Может быть, теперь особенно надо, решаясь на поступки, многое забыть и многому разучиться.

Почти все, что вы пишете, принимаю отдельно, а не в целом. Целое (мистический анархизм) кажется мне не выдерживающим критики, сравнительно с частностями его; его как бы еще нет, а то, что будет, может родиться в другой области. По-моему, «имени» Вы не угадали, — да и можно ли еще угадать, когда здание шатается? И то ли еще будет? Все — мучительно и под вопросом.

Получил извещение о том, что «Факелы» соединяются с «Адской почтой»<sup>1948</sup>, и еще раньше Ваш отчет о «Факелах» (спасибо!). Пусть остается мой пай в книгоиздательстве. Совсем не знаю об «Адской почте», послал туда стихи и просил ответить, но получил только 3 №№ «Адской почты» и потом — ни слуху ни духу.

<sup>1946</sup> Возможно, под «событием эпохи Александра III» Блок подразумевал политику контрреформ, усиление административно-полицейских мер, акцентирование русской «национальной самобытности», которыми характеризовалось его царствование (1881–1894).

<sup>1947</sup> Николай Александрович Лейкин (1841–1906) — писатель-юморист, автор более чем 10 000 рассказов-сцен, вошедших в сборники «Шуты гороховые» (1879), «Саврасы без узды» (1880) и др., романов-сериалов, комедий. Какое «собрание» в данном контексте имеет в виду Блок, не совсем ясно.

<sup>1948</sup> Соединение «Факелов» с «Адской почтой» (сатирическим журналом) было кратковременно и ограничивалось внешней издательско-деловой частью. Никакого внутреннего соединения не было и не могло быть. — *Прим. Г. Чулкова.*

«Скорпион» объявил, что символизм закончен<sup>1949</sup> — и пора было это сказать. В связи с этим манифестом, который стал моим убеждением, я теперь теряю или приобретаю надежды. Пока больше теряю — так и живу.

Еще раз спасибо. Всего, о чем думаешь, не написать. Крепко жму Вашу руку, дорогой Георгий Иванович. Надежде Григорьевне и Вам от нас поклон.

Любящий Вас Ал. Блок

Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>1950</sup>

[9.07.1906]

9-е. Приписка. Трезвее.

Если найдешь возможным, для Карташева (потому что они его мало любят, Димочка, главное), прочти им все это. Я теперь не хочу ничего своего прятать. Ничто меня не поколеблет, если не ощущаю лжи. Осуждений не боюсь, потому что все-таки что-то делаю, думаю о Дмитриии<sup>1951</sup> и Димочке — и пытаю, пока не чувствую лжи. А ложь не повторяю. Гнусно. Здесь конечно гнусность была во мне, но нужно было и это сделать, опыт, не прав ли Димочка, укоряя меня в самообмане. (...) Судите, рядите, если не надоело еще все это «ковырянье» Дмитрию и Димочке! Все для вас готова сделать, ради Главного, укажите мне только правду и для меня лично. (...) Хочет ли, велит ли Димочка мне опыт мой довести до конца? Зачем я так завишу от него и от Дмитрия в своей силе и слабости!! Что за безумная, тяжелая связь?!!!

<sup>1949</sup> Заметка «От издателей», подписанная «Скорпион», в кн.: *Верхарн Э.* Стихи о современности — в переводе В. Брюсова (М., 1906), — началась так: «Круг развития той литературной школы, которая известна под названием “новой поэзии”, можно считать замкнувшимся» (с. 3). Рецензия Блока на это издание опубликована в журнале «Золотое руно» (Золотое руно. 1906. № 7. С. 175–176.).

<sup>1950</sup> Печатается по: *Павлова*, 2004. С. 421–422.

<sup>1951</sup> Д. С. Мережковский. — В. К.



Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>1952</sup>

[10.07.1906]

10 июля.

(...) В пятницу приехал Карташев. С новым для меня запасом «цыплячества»... (Я без презрения! не думай.) Я разве цену не знаю всей тайны ко благу? И понимаю и «гнилость» и «цыпленочка». (...)

Ната легла. А потом мы долго еще говорили. Я говорила о том, что есть в мире и какая аналогия должна быть у нас.

В мире — одинокая личность — перегорает, творит — рождает произведение, которое живет вместо него (писатель, художник).

У нас — личность, творя, должна не перегорать (уничтожаться в момент творчества). Но как? — в решении — решение о «соединении».

В мире двойная личность в любви живет, перегорает, соединяясь, творит — рождает детей, которые живут вместо нее.

У нас — должно быть специфическое творчество между 2-мя, личности не должны перегорать (уничтожаться в момент творчества). (...)

В мире общество утверждает Государство. А личности — перегорая, творят, рожают устройство, это общество (...), которое живет вместо них.

У нас должно быть соединение между: творчество, общество, причем личности не должны перегорать. Ни 1, ни 2. Как? То есть специфичность утверждения личности нужна во всех 3-х пунктах, и утверждается любовью, то есть я и беру 2-й пункт как должный лечь в основание всех 3-х — любовь, источник жизни в мире — между людьми. А то откуда из мира же взять этот скреп? для 3-х? Специфичности творчества среди нас, в соединении у нас 2-х — я не вижу. Род отрицается — корона, завершение любви к телу — не совмещается

<sup>1952</sup> Печатается с комментариями по: Павлова, 2004. С. 422—423.

с полнотой личности у нас, несмотря на то, что имеет единственную праведность в мире в этом.

Отрицая в соединении 2-х творчество, рождение — отрицаешь мировую правду, и если не принимаешь, то во имя какого-то большого коронования в любви, большего творчества, а тут я слепа, потому естественно у меня отрицается утверждение исключительной любви к 2-м.

Карташев говорит, что он не понимает, почему в мире, в любви теряется личность. Вот, например, супруги Кюри дали радий<sup>1953</sup>! А, по-моему, это не есть плод их союза — может быть, они не любили друг друга, миру не то надо. Радий не есть их ребенок. Радий — дитя их соединения другого. Тоже дело делается и не любовниками. (...)

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>1954</sup>**

[11.07.1906. Царские колодцы — Москва]

Дорогой Саша! (...) на ваш вопль: «статей!» я вчера же откликнулся, написав статью «Сила уходит», и сегодня послал ее уже заказной корреспонденцией. От сестры твоей получил утешительный ответ, что жену Брихничева не высылали — она на даче — и в деньгах совершенно не нуждается. «Освящение пулеметов» и «По поводу “Жизни Иисуса” Ренана» — это для «Взыскующих».

Из Царских в Тифлис я выезжаю 16-го июля. Уже так решил. В Тифлисе пробуду с нашими недели полторы и двинусь в Москву. Если я буду нужен скорее, можете прислать телеграмму.

Пока прощай. Сердечный привет всем! Я настроен писать как можно больше. Искренне любящий тебя, негодный корректор.

<sup>1953</sup> Французские физики супруги Пьер Кюри (1859–1906) и Мария Складовская-Кюри (1867–1934) — создатели учения о радиоактивности, в 1898 г. открыли полоний и радий, лауреаты Нобелевской премии 1903 г.

<sup>1954</sup> Печатается по: *Кейдан*, 1997. С. 108; *Чертков*, 2017. С. 259.

**А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>1955</sup>**

[12.07.1906. Москва — Толыгино]

Дорогой Павлуша!

1. Выслали тебе 100 экз. на твое полное распоряжение.
2. «Вопросы религии» еще не вышли и, конечно, будут высланы тебе немедля по выходе.
3. По поводу человека, которого ты хотел устроить при редакции, скажу, что мы сидим без денег и пока не можем ничего.
4. Спасибо за Исаева: он очень пригодился; Глаголеву напишу.
5. Напиши, когда уехал в Кострому.
6. Очень ждем статей, стихов, всего.
7. Нашу литературу мы Исаеву дали.
8. Получил ли ты моего Франциска, если нет, пришлю заказным.
9. Мне будет очень жаль, если ты уедешь, не захав к нам.
10. О 2-м выпуске «Вопросов религии» говорить рано.
11. Сюда приезжает 13-го Булгаков навсегда.
12. С Сенаторовым вступили в прямое сношение.  
Твой Саша.

**А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>1956</sup>**

[17.07.1906. Москва — Толыгино]

Дорогой Павлуша! Мы посылаем тебе, как ты просил, II-й номер, конечно, даром, если ты так хочешь. Только очень прошу тебя, дай сейчас же знать открыткой, что получил, так как и II-й номер под запретом.

Познакомился я с Еловым<sup>1957</sup>, II-й номер он взял уже 100 экземпляров.

<sup>1955</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 259–260.

<sup>1956</sup> Там же. С. 260.

<sup>1957</sup> Михаил Савельевич Елов (1862–1930-е) — владелец книжного магазина вблизи Троице-Сергиевой лавры, издатель, в 1928 г. староста

Ждем твоих статей. Газета идет хорошо, особенно в провинции<sup>1958</sup>. Печатаем 30 тысяч.

Прощай, поклон Сергею Семеновичу.

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус**<sup>1959</sup>

[13.07.1906]

13 июля.

(...) Я получила от Л. Дм. Блок письмо — очень зовет приехать к ним, говорит, что очень нужно и хочется поговорить, и т. д.<sup>1960</sup> (...) Карташев говорил, что к Блокам ехать не надо. Очень щедрым быть пока нельзя. (Передаю общий смысл.) Надо, чтоб внутри было крепкое соединение, и выясненное. Даже я внутри удивилась, потому что не думала, что он так ясно и прямо начнет говорить. Говорил, что ему страшно важно, как у нас принципиально будет разрешен

---

Успенского храма в Сергиеве, проходил по одному делу с Флоренским, осужден на 3 года высылки.

<sup>1958</sup> Газета, действительно, разошлась по всей империи: например, 7 августа о ее появлении в продаже сообщал иркутский генерал-губернатор (РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 102. Л. 9).

<sup>1959</sup> Печатается с комментариями по: Павлова, 2004. С. 423.

<sup>1960</sup> Лето 1906 г. А. и Л. Д. Блок проводили в Шахматово. Стремление Л. Д. Блок повидаться с Татой, вероятно, было связано с обстоятельствами, о которых сохранилась запись М. А. Бекетовой (7 августа 1906, Шахматово): «Завтра Сашура едет с Любой в Москву по делам своей книги, но, главное, объясняться с Борей. Дела дошли до того, что этот несчастный, потеряв всякую меру и смысл, пишет Любе вороха писем и грозит каким-то мщением, если она не позволит ему жить в Петербурге и видаться. С каждой почтой получается десяток страниц его чепухи, которую Люба принимала всерьез; сегодня же пришли обрывки бумаги в отдельных конвертах с угрозами. Решили ехать для решительного объяснения. (...) Люба в восторге от интересного приключения, ни малейшей жалости к Боре нет». (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 617–618).

половой вопрос, или «брак», соединение двух личностей (тайна 2-х, по-твоему). (...)

**А. В. Ельчанинов — И. А. Беневскому<sup>1961</sup>**

[17.07.1906. Москва — Дубровка]

Многоуважаемый Иван Аркадьевич!

Согласно вашему требованию мы послали Вам в Дубровку 500 экземпляров в Харьков 200 и в Полтаву 200. Так как мы не имели никаких сообщений, дошел ли до места груз и сколько надо II-го номера, то посылаем теперь (II выпуск) только в Дубровку 100 экземпляров. Наша газета идет хорошо, только денег мало. II-й номер печатали 30 тысяч.

С уважением, А. Ельчанинов.

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>1962</sup>**

[19.07.1906. Тифлис — Москва]

Дорогой Саша! Вчера приехал из Царских. Застал дома твою открытку. (...) Жене отца Ионы позволили жить в Тифлисе. В Царских много писал для «Взыскующих». «Стойте в свободе» мне очень понравилась. Статьи Валентина превосходны. Только меня как-то неприятно поразил несколько нервный тон их. «Беседа с читателем» совсем не подходит. Сумбурно. Я очень прошу: оставляйте для меня номеров по 5 каждого выпуска, в том числе и первого. Мне нужно кой-кому послать. В Москву думаю ехать скоро. Выезжаю числа 27–28-го. Известие о переезде Булгакова<sup>1963</sup> меня страшно порадовало.

<sup>1961</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 260–261.

<sup>1962</sup> Там же. С. 261.

<sup>1963</sup> Летом 1906 г. С. Н. Булгаков переехал из Киева в Москву после закрытия властями газеты «Народ» (2–10 апреля 1906. № 1–7). «В октябре состоялся разбор дела редактора В. Лашнюкова, который осужден на год

Ну, до скорого свидания. Помогите Вам Господь. В. Э.

**В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову**<sup>1964</sup>

[20.07.1906. Тифлис — Москва]

Дорогой Саша! Наконец-то на четвертый раз застал в «Возрождении»<sup>1965</sup> кого нужно. Результаты такие: вы очень плохо запаковали экземпляры (нужно непременно в рогожу). По дороге бумага продралась, жандармы, узнав, что в тюках, хотели арестовать того, кто придет за ними. Но не [нрзб] хотя вместо 5 000 получили 4 100 — остальные были растащены. 700 у них сейчас осталось. Остальные направлены в Батум, Кутаис, Баку и т. д. Экспедитора самого не застал. Он уехал в Турцию. Гойта в это дело не вмешивался. Так что денег за разошедшиеся экземпляры не с кого было получить. Во всяком случае помощника экспедитора я просил деньги выслать как можно скорей. Они сумеют дальнейшие выпуски присылать непременно. О приостановке «Ходите в свете» прочел в «Речи». И кроме того, о распоряжениях относительно типографий. Так что я очень надеюсь на то, что вы сможете выпустить много номеров. Денег, о которых ты писал, я все еще не получил. Это меня тревожит, потому что в них я очень нуждаюсь.

Выезжаю 27–28-го. Пока прощай.

---

в крепостное заключение... “Киевская речь” в открытом письме одного из сотрудников взывала к христианскому чувству проф. С. Н. Булгакова, призывая его к идейной поддержке своего товарища по перу и в несчастье. Но пропагандист “христианской общественности” был в это время далеко от суда» (Церковный голос. 1906. № 46. С. 1272–1274).

<sup>1964</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 261.

<sup>1965</sup> «Возрождение» — ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся в Тифлисе с 1 октября 1905 г. После закрытия властями в феврале 1906 г. выходила под другими названиями до 1914 г.

Д. Д. Галанин (мл.) — А. С. Глинке<sup>1966</sup>

[20.07.1906. Москва — Симбирск]

(...) Наши брошюры выходят страшно медленно, но мы очень заняты и не остается ни сил, ни времени торопить. Ефимов любезен и деньги платит. Если Вам нужно получить за «Сборник», это можно сейчас же. Мы этого не делаем лишь из некоторых тактических соображений. В последнем письме Вашем Вы об этом ни слова не пишете — из этого я заключаю, что деньги Вам не очень нужны. Последние дни на нас обратил внимание «police» и беспokoит по ночам, пока вежливо и без ущерба<sup>1967</sup>. У нас приобретается все большая издательская ловкость и связи, на № 3 требований больше, чем на 50 тысяч.

Пока всего хорошего. Ваш Д. Галанин.

<sup>1966</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 262.

<sup>1967</sup> «Протокол. 1906 года июля 17 дня вследствие приказания Его Превосходительства господина Московского Градоначальника и отношения Особой Охраны от 17 сего июля за № 8418 исп. об. пристава 2 участка Пречистенской части подполковник Дзерожинский, в 6 ½ час. вечера, прибыв в д. Яковлева по Нащокинскому переулку в квартире 16, занимаемой сыном подполковника Александром Викторовичем Ельчаниновым, где в присутствии двух нижеподписавшихся сторонних свидетелей, произвел самый тщательный всесторонний обыск, во всей квартире господина Ельчанинова, причем по обыску ничего предосудительного не обнаружено. Отобрано 352 экземпляра газеты «Духа не угашайте», по поводу которой г. Ельчанинов объяснил, что он состоит секретарем этого издательства и означенные экземпляры у него остались нераспроданными. О чем положено записать в сей протокол». Через полчаса был составлен следующий протокол с идентичным началом: «...№ 16, где домашняя наставница Пелагея Александровна Ивашева сообща вместе с г. Ельчаниновым снимает квартиру, произвел там в ее комнате, так и в вещах ее Ивашевой в отсутствии ее, но в присутствии г. Ельчанинова с двумя сторонними свидетелями самый тщательный всесторонний обыск, причем по обыску ничего не обнаружено. Об отсутствии госпожи Ивашевой г. Ельчанинов заявил, что она на несколько дней выбыла куда-то на дачу по Виндавской железной дороге, но куда, ничего не знает» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 26. Д. 21. Л. 130, 126).

**А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>1968</sup>**

[21.07.1906. Москва — Толыгино]

Дорогой Павлуша! Дмитрий Сергеевич Мережковский очень просил передать тебе просьбу его прислать что-нибудь в его трехязычный сборник «Меч». Он не обратился лично, так как не знает твоего адреса. Чтобы ты знал, что и кто, то вот что я знаю о сборнике. Участвуют: Мережковские, Философов, Успенский, Карташев, Белый, Булгаков, Волжский, Розанов, Бердяев. Статьи приблизительно следующие: Отделение церкви от государства, Теософия (Философов), Христианство и анархизм (Мережковский), Любовь по Розанову и Соловьеву (Герцык), Теократия и анархизм, Христос и Антихрист в социализме (Булгаков) и прочее. Срок присылки материала 15-го августа. Оповещение так запоздало, потому что Мережковский просил Булгакова еще в мае дать тебе знать, но он почему-то не сделал этого. Вчера только он передал эту просьбу, и я пишу тебе. Мы живы и здоровы (Валентин не совсем). Ждем ареста; но 3 № выпускаем все же 31-го июля (пропустя неделю).

Все. Саша.

**Д. Д. Галанин — А. С. Глинке<sup>1969</sup>**

[23.07.1906?]

Многоуважаемый Александр Сергеевич!

Посылаю Вам перевод на 270 руб. Это гонорар за Достоевского<sup>1970</sup> и Гаршина<sup>1971</sup> за вычетом 300 руб., взятых Вами

<sup>1968</sup> Там же. С. 262–263.

<sup>1969</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 2–3.

<sup>1970</sup> См.: *Волжский А. С.* Достоевский и самодержавие // МБ. 1906. № 12. 27 мая. С. 377–382.

<sup>1971</sup> См.: *Волжский.* Гаршин как религиозный тип. СПб., 1906. (РОБ. Сер. 1. № 5). Склад изданий: Москва, Моховая, д. Бенкендорф, книжный магазин Д. П. Ефимова.



раньше. За «Сборник» расчет еще не происходил. Как только получу, пришлю Вам. Кажется, придется Вам получить немного меньше, чем вы ожидали. Достоевский оказывается меньше Гаршина. А в «Сборник» Ваших около 3, что ли, листов, значит, около 300 руб.

Газета наша задержалась на № 3. У нас сначала не доставало разрешения, а теперь грозит типографская забастовка. № 2 разошелся с большим эффектом, есть еще требования, на которые не хватает экземпляров. Печатали 30 тысяч. Очень досадна эта задержка, так как она много повредит увеличению тиража тысяч эдак до 60–70. Надежд мало. Сейчас в Москве Сергей Николаевич нашел квартиру себе, но что мало нашел денег для еженедельника, об этом он сам напишет Вам.

Пока всего хорошего

Д. Галанин

23/VII

Р. С. Когда выйдут Ваши брошюры, сказать трудно, особенно при забастовках; вышли «Христианское братство борьбы» Валентина Павловича и Владимира Францевича Эрна «Христианское отношение к собственности»<sup>1972</sup>, на днях вышлем Вам.

---

<sup>1972</sup> Брошюры вышли в составе РОБ (Сер.1. № 2 и 3. М., 1906). Ельчанинов и Г. Д. Векилов писали о работе Эрна: «Пока вопрос об отношении христианства к миру решался отрицательно, он, естественно, не дифференцировался, и отрицающее мир христианство отрекло оптом, огулом все вопросы “мира” — брак, собственность, политику, науку, искусство. Поворот христианских умов в сторону положительного отношения к жизни вызвал детализацию вопросов, но, к сожалению, вся область вопросов раньше игнорируемых и теперь остается почти вовсе без освещения с христианской точки зрения. Поэтому глубоко ценна всякая работа, пересматривающая ту или иную область жизни при свете христианской философии. Такой работой является рассматриваемое сочинение. Написанная живым языком, с волнением, которое передается и читателю, работа эта решает вопрос радикально: отречение от личной собственности и обуздание “экономической похоти” других — вот христианское

Д. Д. Галанин (мл.) — П. А. Флоренскому<sup>1973</sup>

[24.07.1906. Москва — Толыгино]

Дорогой Павел Александрович!

Сегодня прочел Вашу статью о «типах возрастания»<sup>1974</sup>, которую Вы прислали Саше и Володе. Мне хочется выразить Вам какое-то смутное, но хорошее и доброе чувство, которое у меня от нее осталось.

Сейчас я не смогу ничего путного написать по существу, но мне очень хочется послать Вам хотя несколько строк,

---

отношение к делу. Положения эти подробно и основательно мотивированы философскими, почти всегда оригинальными соображениями» (Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 405).

В марте 1909 г. МКДП наложил на брошюру арест и возбудил против виновных лиц судебное преследование по пп. 5 и ст. 129 Уголовного уложения. Поводом послужил призыв Эрн наполнить новым духом и сделать христианскими выработанные во всех странах мира формы борьбы с неправдой экономических отношений (стачки, забастовки и устройство профсоюзов). 12 июня 1909 г. МОС арест утвердил, а 23 марта 1910 г. МСП постановила издание уничтожить (РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 2. Д. 230).

Той же теме Эрн посвятил отдельную работу: Семь свобод. М., 1906. (РОБ. Сер. 2. № 5). В марте 1909 г. МКДП наложил арест на брошюру и возбудил против виновных лиц судебное преследование по ст. 281 Уложения о наказаниях и п. 6 ст. 129 Уголовного уложения. Недовольство цензуры вызвало то, что автор, доказывая неотъемлемость основных прав гражданина (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, печати, собраний, союзов и стачек), разъяснял, что Иисус Христос Своим примером и учением освятил эти свободы, что посягать на них преступно и противно Его заветам, поэтому необходимо добиваться их признания государством, ибо Евангелие настойчиво требует, чтобы люди жили в свободе, и лишь при наличности всех семи свобод, требуемых Христовою свободою, русский народ может начать строить свою жизнь по-Божьему. 5 мая 1909 г. МСП постановила: уголовного преследования не возбуждать и арест брошюры отменить (РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 2. Д. 216). — Прим. С. *Черткова*.

<sup>1973</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 264.

<sup>1974</sup> См.: *Флоренский П.* О типах возрастания // Богословский вестник. 1906. № 7. См. также: *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. Т. 1. С. 281. Т. 2. С. 317).

так как я сильно боюсь, что не сделаю этого потом, после того как рассеется первое впечатление...

Сейчас поздно, а завтра утром много дел...

В будущем у меня есть планы заняться приведением естественных наук в связь (если не зависимость) с философией и вообще христианским мировоззрением. Если эти планы осуществляются, мне хотелось бы иметь возможность поучиться у Вас и узнать подробнее некоторые Ваши взгляды. Но это в будущем, а кто может сказать, особенно в теперешнее время, что будет в будущем...

Пока большое спасибо за те хорошие минуты, когда я вникал в вашу статью.

Ваш Д. Галанин.

Р. S. Несколько слов о делах. Через неделю, наверное, выйдет № 3 нашей газеты, его задержало отсутствие разрешения и забастовка. № 2 очень быстро разошелся в 30 тысячах экземпляров. В Москву скоро приедет Володя Эрн. Хотелось бы от Вас известий, туда же ли посылать и как идет №.

**Е. Н. Трубецкой<sup>1975</sup> — императору Николаю II<sup>1976</sup>**

[24.07.1906. Москва]

Ваше Императорское Величество.

<sup>1975</sup> Евгений Николаевич Трубецкой был с 1905 года членом кадетской партии (партии Народной свободы). Член Госсовета (1907—1908, 1915—1917). В 1906 году выходит из кадетской партии и с группой единомышленников создает партию Мирного обновления. С марта 1917 года — член ЦК кадетской партии. Письмо Николаю II написано Трубецким через две недели после роспуска 1-й Государственной думы, именованной левыми кругами «Думой народного гнева». Как отнесся к этому письму император, — неизвестно (на оригинале письма никаких помет нет).

<sup>1976</sup> Печатается с дополненными комментариями по: А. С. Из записной книжки архивиста. Письмо кн. Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска 1-й Государственной думы // Красный архив. 1925. № 3. С. 300—304.

Не сочтите дерзостью мое непосредственное обращение к Вам. Решаясь на столь необычный шаг, я льщу себя надеждою, что он оправдывается тем долгом верноподданного, о котором говорится в изданном Вами 8 июля манифесте<sup>1977</sup>.

Вы призываете ваших подданных сплотиться вокруг престола, участвовать вместе с Вами в святом и великом деле обновления родины. Теперь, когда в России не слышен более голос народных представителей, я не вижу иного способа последовать Вашему призыву. И пример моего почившего брата князя С. Н. Трубецкого<sup>1978</sup> убеждает меня в правильности избранного мною пути.

Год тому назад он увидел престол в опасности и, горя любовью к родине, бесстрашно предстал перед вами. Вы вняли его смелой речи: ваши ответные слова никогда не изгладятся из памяти народной. Они укрепили ту нравственную связь между царем и народом, которая составляет залог величия и крепости русского государства.

Теперь я, — единомышленник моего брата и продолжатель его дела, — испытываю такую же, как и он, тревогу. Я также вижу престол в опасности и решаюсь следовать примеру того, кого Вы почтили Вашим вниманием.

---

<sup>1977</sup> 8 июля 1906 г. была распущена Государственная дума манифестом, в котором указывалось, что Дума уклонилась «в не принадлежащую ей область» и обратилась к «действиям явно незаконным». Манифест заканчивался словами: «верные сыны России, царь ваш призывает вас, как отец своих детей, сплотиться с ним в деле обновления и возрождения нашей святой родины».

<sup>1978</sup> Сергей Николаевич Трубецкой был участником принятой Николаем II 6 июня 1905 г. депутации уполномоченных Московского объединенного съезда земских, городских деятелей и дворян вместе с представителями Петербурга. Он произнес речь, в которой указал, что выходом в переживаемой смуте может быть лишь «созыв избранников народа», но народное представительство не должно быть сословным, указывал на узурпацию верховной власти безответственной бюрократией и на необходимость свободы печати и собраний. В ответной речи Николай II просил «отбросить сомнения» и выразил пожелание о восстановлении «единения между царем и всею Русью, общения между царем и земскими людьми».

Теперь, как и тогда, опасность заключается не в отдельных проявлениях смуты, не в периодически возникающих беспорядках, а в том приказном строе, благодаря которому предначертания Ваши или вовсе не исполняются, или искажаются в исполнении.

Я с невыразимой тревогой слежу за тем глубоким переворотом, который изо дня в день, из часа в час совершается в воззрениях и чувствах народных.

Прислушайтесь, Государь, к тому, что в различных местностях поют крестьяне на полевых работах! То самое, за что два-три месяца тому назад они растерзали бы. Социалистическая марсельеза начинает вытеснять народную традиционную песню! Ее поют даже в тех еще пока мирных уголках, которых не коснулись ни погромы, ни волнения; поют иногда даже без особого возбуждения, поют машинально, как что-то привычное. Меня приводит в ужас то, что говорится в этой песне про «царский чертог»! Ведь эти понятия только что вошли в обиход! Привычка выработывалась за последние два-три месяца управления министерства Горемыкина!

Еще во время выборов господствовало совершенно другое настроение: народ посылал выборных поведать царю свои нужды, — тогда лозунгом служило единение царя с народом. И это — вопреки пропаганде, направленной всецело к бойкоту Думы... Но то, что было не под силу пропаганде, теперь сделано злейшими врагами Вашего Величества — Вашими советниками.

Когда по повелению вашему министерство Горемыкина предстало перед Думою, у него был случай укрепить нравственную связь между Вами и народными избранниками, — теми, кого Вы признали лучшими людьми. Оно могло возвысить престиж безответственного монарха, прикрыв его ответственностью министров. Вместо того оно малодушно прикрывалось Вашею ответственностью. Когда думская депутация не была принята Вами, министры своим образом действий внушили народным массам не со-

ответствующую действительности мысль, что государь не желает выслушивать их выборных. Министры вместо Вас выступили с ответом на всеподданнейший адрес Думы и заговорили при этом тем языком, которым в праве выражаться только верховная власть<sup>1979</sup>. Узурпируя Ваши полномочия, они отказали в амнистии и заранее наложили veto на аграрные проекты Думы. Тем самым они внушили населению мысль, что их ответ — ответ самого царя, и взволновали крестьянство повсеместно расклеенными правительственными сообщениями.

Они обнажили корону. Они обнажали ее всякий раз, когда они выступали с тем или другим правительственным сообщением. Они постарались связать с именем монарха все ненавистное народу — отказ в дополнительном наделении землю путем принудительного отчуждения, господство исключительных законов, белый террор, полный отказ в милости политическим преступникам. Стерев всякую грань между монархом и его слугами, они дали пищу нелепым, клеветническим толкам. И, наконец, воздвигнув между Вами и народными представителями новое средостение, они создали то невозможное положение вещей, которое привело к роспуску Думы.

Верьте, Государь, что в суждении об этом событии мною не может руководить какое-либо пристрастие. Я не принадлежу ни к какой из существующих партий. К деятельности крайних я отношусь с глубокой антипатией; по моим убеждениям я стою правее партии Народной свободы и прошлую зиму вышел из ее состава. Тем не менее, узнав о роспуске

---

<sup>1979</sup> Автор имеет в виду декларацию Горемыкина от имени правительства в Государственной думе 13 мая 1906 г., явившуюся ответом на адрес депутации Государственной Думы по поводу тронной речи (как известно, Николай II не захотел принять эту депутацию). Правительство ответило категорическим отказом на требования думы о принудительном отчуждении частновладельческих земель, ответственности министров перед думой, упразднении Государственного совета, находя, что эти требования противоречат «основным законам» страны.

Думы, я был близок к отчаянию. Ибо как посторонний наблюдатель я не могу не видеть, что этим нанесен страшный удар монархической идее.

Трудно себе представить ту степень сочувствия, каким пользовалась Дума среди народных масс: вокруг нее сосредоточивались народные надежды, в особенности в тех местностях, коих не коснулись аграрные волнения. В этих местностях только надежда на Думу удерживала крестьян от насильственного захвата чужой собственности.

Государь, это не преувеличение! Стремление крестьян к земле имеет неудержимую силу: одними добровольными продажами земли они не удовлетворятся; и всякий, кто будет противиться принудительно отчуждению, будет сметен с лица земли. Крестьяне с напряженным вниманием следили за конфликтом между Думою и министерством. Из правительственных сообщений они узнали, что конфликт возник на почве земельного вопроса<sup>1980</sup>.

Теперь, когда Дума распущена, они убеждены, что причиной роспуска послужил отказ в наделении земель. И Ваши советники переложили ответственность за этот отказ на монарха. Они сумели превратить вопрос земельный в вопрос династический, в вопрос об образе правления. Они отдали в жертву крестьянство той самой республиканской пропаганде, за которую еще так недавно бросали в огонь агитаторов.

Государь, Ваши министры рассчитывают на преданность и верность войска. Но прислушайтесь к тому, что говорят солдаты! Где двое или трое сойдутся на разговор, там можно услышать отрывочные фразы: «за правду разогнали Думу», или: «сегодня я солдат, а завтра — пахарь; я это помню!» И с этими солдатами-крестьянами советники Ваши соби-

---

<sup>1980</sup> 20 июня 1906 г. было опубликовано правительственное сообщение по аграрному вопросу, полемизировавшее с крамольной Государственной думой, посягающей на священные устои земельной собственности, и обещавшее утолить земельный голод крестьянства при помощи Крестьянского банка.

раются воевать против крестьян, бороться против заветной мечты о дополнительном наделении! События в Свеаборге, Кронштадте, Брест-Литовске и на Кавказе<sup>1981</sup> наглядно доказывают, что такое в настоящее время преданность войска. И если теперь революционное брожение охватило еще не все части и правительство пока может подавлять военные бунты, то в ближайшем будущем положение должно резко измениться: гражданская война вскоре революционизирует всех. Это — не более как вопрос времени.

Повторяю, Государь, я из тех, кто желал бы последовать Вашему призыву — сплотиться вокруг престола! Но как это сделать, когда вокруг престола плотною стеною стали злейшие враги монархии, — те, кто под предлогом защиты Вашей прерогативы защищают свою прерогативу. Как и чем защитить престол против таких защитников! А потому я обращаюсь к Вам как монархист. Государь, удалите Ваших советников! Устраните от защиты престола их, ведущих Россию к республике: ведь они губят то самое, что защищают!

Ваше Императорское Величество! Я знаю, что Вы воодушевлены благим намерением защищать частное землевладение. А потому я обращаюсь к Вам как землевладелец. Нет большей опасности для землевладения, чем пребывание у власти нынешних министров! Их защита сулит землевладельцам нищету и гибель. Пока в Петербурге заседала Дума, мы могли надеяться сохранить часть наших земель и получить справедливое вознаграждение за остальные. Теперь надвигающаяся революция угрожает нам конфискацией, более того, — подвергает опасности самую нашу жизнь. Министры Ваши вселили в крестьянство убеждение, что Дума распущена во имя интересов частного землевладения, что роспуск

---

<sup>1981</sup> 28 июня 1906 г. — началась забастовка на промыслах братьев Нобель в Баку. Восстание в Свеаборге происходило 17–20 июля 1906 г. под руководством офицеров социал-демократов Емельянова и Коханского; 20 июля вспыхнуло восстание в Кронштадте среди 4-го и 5-го морского экипажа и части сапер.



вызван происками помещиков. Тем самым помещики отданы на растерзание; в деревне уничтожен самый призрак безопасности. И если раньше, нападая на нашу собственность, крестьяне щадили личность, то теперь нельзя ручаться ни за что.

Я всегда испытывал и неоднократно высказывал в печати глубокое отвращение к аграрным погромам. Я не из тех, кто думает, что можно смотреть на них, сложа руки. Необходимо защищать мирное население против разбойничьих нападений и отражать силу силою. Но при нынешнем настроении крестьян отказ в коренной земельной реформе делает силу никуда негодным орудием. Силой можно покарать мятежников, но невозможно предупредить волнений. Наконец, при нынешнем настроении войска нельзя предугадать, куда в решительную минуту повернутся штыки: против крестьян или против помещиков.

Но допустим, что среди пылающих усадеб владельцев можно восстановить мир и порядок! Что толку помещикам в кровавом порядке на развалинах! И если у них останется что-нибудь, кроме развалин, что станет с ними, когда, после удаления военной силы, они снова очутятся лицом к лицу с озлобленным и доведенным до отчаяния населением? Чем тогда может быть обеспечена их безопасность? Есть только одно средство умиротворить деревню: включить в правительственную программу широкую земельную реформу на основе принудительного отчуждения, ускорить созыв Думы и образовать новое общественное министерство. Тогда и применение военной силы будет вполне справедливым: ибо тогда придется бороться против отдельных бунтарей и громил, а не против всей крестьянской массы!

Вот те причины, Государь, которые побуждают меня обратиться к Вам. Я вижу, как стараниями Ваших министров прогрессивно ухудшается положение. Они всеми силами стараются изолировать Ваш престол, лишить Вас всякой поддержки и опоры. Я с ужасом вижу, что вокруг Вас постепенно образуется пустота, и под Вами разверзается бездна. И в до-

вершение всего русское общество взволновано тревожными слухами о нависшей над Россией грозной опасности диктатуры.

Да отвратит Господь от Вас и от России эту новую беду! Те, кто советует Вам учредить диктатуру, не отдают себе отчета в значении этого ужасного совета! Ведь это значит поставить престол против подданных и подданных — против престола. Это значит бросить в революцию или обречь на полное бессилие все те мирные слои русского населения, которые доселе ей не сочувствовали или прямо ей противодействовали. Опасность — не в революционерах и не в революционной пропаганде, а в том широком общественном сочувствии ей, которое растет с ужасающей быстротой благодаря правительственной политике последнего времени. Быть может, правительству удастся теперь репрессивными мерами подавить революционное движение, загнать его в подполье! Но да не вводят Вас в заблуждение эти временные успехи. Тем ужаснее будет тот последующий последний взрыв, который ниспровергнет существующий строй и сравняет с землею русскую культуру!

Теперь грозный призрак заключается в ужасающем бессилии умеренных партий. Защитники престола умолкают, ибо их не слушают: у них вырвана почва из-под ног, и отняты все доводы. Они не могут уверить население, что правительство когда-либо согласится на коренную земельную реформу, что оно когда-либо послушает голоса народных представителей и вернет земле тот мир, в котором она нуждается.

Но как ни грозно положение, оно еще не безнадежно. Ибо пока, к счастью, Государь, в Ваших руках Ваш престол и судьба родины. И есть исход для мирного разрешения тяжелого кризиса.

Я знаю, что невозможно сделать бывшее не бывшим; я прекрасно понимаю, что невозможно свести на нет совершившегося факта роспуска Думы. Но образование нового министерства из людей, не связавших свои имена с роспуском, министерства из одних общественных деятелей не вы-

ходит из пределов возможного. И в этом, я в том уверен, заключается единственный способ спасения. Если, в связи с ускорением срока созыва Думы, Вы составите кабинет из людей, коим верит страна, искренность конституционных убеждений коих не внушает сомнений, Вы успокоите общественное мнение, которое теперь взволновано опасением государственного переворота. Не скрою, Государь, что это опасение в настоящее время находит себе почву в обстоятельствах, сопровождающих роспуск Думы. Ибо вследствие назначения срока созыва новой Думы на февраль следующего года, государственный бюджет будет, вопреки основным законам, рассмотрен без участия Думы. Этим подрывается в населении вера в искренность желания министров исполнить Вашу волю — сохранить незабываемыми основные законы вообще и представительные учреждения в особенности.

Но дело не в одном успокоении общественного мнения. Вам нужны слуги, искренне Вам преданные, люди с общественным чутьем, понимающие значение переживаемого нами кризиса. Ибо нынешних Ваших соотечественников губит непонимание, бездарность, отсутствие непосредственной близости с деревней и полное незнание общественной жизнью.

Государь, тот приказный строй, который Вы осудили, во всяком случае обречен на гибель. Но если Вы будете медлить его упразднением, если Вы не поспешите удалить советников, воспитанных в его преданиях, Вы сами будете погребены под его развалинами. А вместе с Вами погибнет и наше лучшее будущее, наша надежда на мирное обновление родины.

Как монархист, я говорю от всей души: да сохранит всевышний Ваши дни, да минует Вас чаша сия.

Вашего императорского Величества верноподданный профессор Московского университета

Князь Евгений Трубецкой.

Москва. 24 июля 1906 года.

**А. В. Карташев — З. Н. Гиппиус**<sup>1982</sup>

[24.07.1906]

(...) Свенцицкий и Эрн только что издали в Москве номер маленького религиозно-анархического журнальца<sup>1983</sup>, как их прихлопнули; был обыск, не знаю арестовали ли? Ничего нельзя говорить прямо. Никаких «свобод» как не бывало. (...)

**Издательство «Стойте в свободе» —  
своим распространителям**<sup>1984</sup>

[25.07.1906. Москва]

Издательство «Стойте в свободе» предлагает своим комиссионерам, агентам и всем лицам, желающим получить газету оптом, следующие условия:

1. Аванс в размере не менее стоимости заказа.
2. Полный возврат непроданных номеров.
3. Цена 3 коп. экземпляра — продажная цена 5 коп.
4. Пересылка на счет издателя.

**«СТОЙТЕ В СВОБОДЕ»**

Издательство: Москва, Нащокинский пер., дом Яковлевой, кв. 14.

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке**<sup>1985</sup>

[25.07.1906. Москва — Симбирск]

<sup>1982</sup> Печатается с комментариями по: *Pachmuss*, 1972. С. 343.

<sup>1983</sup> Взыскующие Града. М., 1906.

<sup>1984</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 340. Л. 1. Официальное письмо, напечатанное на гектографе, в конверте с издательской надпечаткой. На конверте: г. Симбирск, Театральная, д. Коба. ЕВБ Александру Сергеевичу Глинке. Почт. шт.: 25.07.1906.

<sup>1985</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 108–110. Конверт с надпечаткой издательства «Стойте в свободе»: Москва, Нащокинский пер., дом Яковлевой, кв. 14.

Москва, 25 июля 1906 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

Спешу и буду краток. Ваших опасений не разделяю, но основания для Ваших предположений есть. Религиозная общественность есть проблема, и то «Царство Божие», которое ни здесь, ни там, но внутри нас и как его найти — в «уединении» или на людях — сказать трудно. А религиозное участие в общественности — долг перед жизнью. Решение переехать вызвано тем ясно сознанным убеждением, что этого требует наша политическая чреда и, если суждены разочарования, то необходимо все же таки разочароваться, пойти навстречу. Это Вы, конечно, поймете. Не скрою, конечно, что здесь играли роль и мотивы личные — утомление Киевом и полная безнадежность там. От политической экономии, кажется, не освобожусь и здесь. Очевидно, «Народ» все-таки сделал свое дело. Приезжайте в середине сентября. Если будут начинания, Вы здесь мучительно нужны. С Валентином Павловичем мы сходимся в стихии «Стойте в свободе»<sup>1986</sup>, но по-прежнему и непримиримо расходимся в понимании задач журнала (что символизируется в вопросе о Мережковских). Он настроен по-прежнему сектантски, и это очень тяжело, как-то тесно. Обсуждаем вопрос о съезде, разные проекты так и роятся. Прелестен Ельчанинов. Вообще все-таки здесь завертывается узел. О журнале ничего нового нет. Попы — дрянь и ерунда — ничего не сделали и едва ли сделают. Ефимов платит, несколько увлечен успехом (действительно большим) «Стойте в свободе», но ждет убытка от сборника, а я еще больше, чем он. Я печатаю у него первый выпуск «политической экономии»<sup>1987</sup>. Для Вас деньги получены Галани-

<sup>1986</sup> В статье «Индивидуализм или соборность?» (Народ. 9 (22) апреля 1906. № 6. С. 2—3) Булгаков свидетельствовал, что стоит в религиозно-догматических вопросах на той же точке зрения, которую выражал Свенцицкий. — *Прим. С. Четкова.*

<sup>1987</sup> См.: *Булгаков С.* История политической экономии. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1907 г. М.: Студенческая комиссия Общества взаимопомощи студентам, 1907.

ным за брошюры пока. С Сытиным я говорить готов, но говорят, его дела плохи, а кроме того, он принял на себя «Еженедельник» Трубецкого. Совсем потерял голову этот человек. Мое участие в «Русском слове» было для опыта, и, главное, мне хотелось в распространенной газете поместить статью о Розеггере<sup>1988</sup> [нрзб]. Рассчитывались со мной по 5 коп. (!) за строчку, впрочем, может быть, тут недоразумение.

Опыт журнала при моем переезде несомненно будет сделан, но внутренне без Вас это будет мука и, может быть, прямо для меня непосильная, вследствие сектанства. Хотя и временно, но мы Вас вызовем.

Я Мережковским ничего еще не написал и рад, что и Вы еще не готовы. Напишу «Христос и Антихрист в социализме», но опоздаю. Я нахожусь, как Вы верно угадали, опять в полосе «религиозного участия в общественности», лето дало себя знать. Огорчу Вас до конца: если будут выборы, в чем сомневаюсь, пойду в Думу, не так, как весной собирался, а именно во имя этих настроений, религиозно-общественных. Валентин Павлович меня понимает и одобряет<sup>1989</sup>. Конечно, не надо преувеличивать своих сил, трудности велики, но надо попытаться.

Вдова Достоевского обратилась ко мне с просьбой срочно написать очерк о нем для полного собрания сочинений — с Мережковским она разошлась. Я и смущен, и увлечен, и затруднен, ибо трудно настроиться в такой срок. Однако отказать было невозможно, согласился. Кроме того, немного смущает Мережковский, хотя ведь она права и дело яс-

---

<sup>1988</sup> Петер Россеггер (1843—1918) — австрийский писатель. Бытописатель австрийского крестьянства, Россеггер достигает наибольшей художественной силы в своих небольших народных рассказах, написанных в форме «Ich-Erzählung» и проникнутых тонким юмором. Особенно славились его «Das Volksleben in Steiermark» (1870) и «Die Äpler» (1872).

<sup>1989</sup> В речи на 8-м заседании 2-й Государственной думы Булгаков, единодушно со Свенцицким (См.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 298—300), возмущался введением военно-полевых судов. — *Прим. С. Черткова.*

но. Не написать ли ему? Буду занят ближайшее время этим. Буду до 2-го в Ливнах, а там опять в Крыму. Квартиру нанял в Б. Афанасьевском пер., д. Боршева, кв. 4.

По-видимому, осенью будет не до литературы и не до выборов. Вообще, волна подымается, почва колеблется. Как меня огорчает Ваше здоровье, Валентин Павлович тоже совсем болен (сердцем), ходит, как старик. Обнимаю Вас. Ваш С. Б.

**Н. А. Бердяев — Д. В. Философову<sup>1990</sup>**

[26.07.1906]

Киев, 26 июля

Мой дорогой Дмитрий Владимирович!

Отчего Вы меня совсем забыли? Так давно не было от Вас никаких вестей. Я часто в последнее время вспоминаю Вас, не только вас всех вместе, но и Вас лично. Очень грущу, что нет между нами живой связи, даже письмами обмениваемся редко. Пишу из Киева, куда меня вызвала из деревни тяжелая болезнь отца. Отец мой был при смерти, но теперь ему значительно лучше, и я надеюсь скоро вернуться обратно в деревню. Но семья моя переживает крах, все рушится и расплзается. Денежные дела настолько плохи, а возможность литературного заработка настолько проблематична, что я не знаю, как буду жить и где буду жить зимой. В деревне останусь до конца сентября. Там хорошо, но во мне вызывает романтическую грусть вторжение в наш сад новой демократии, играющей на проклятой гармонике. Необходимо и справедливо изменение русской жизни, старый быт рушится окончательно, но мне чужд и ненавистен новый быт и новые массовые люди, такие неблагородные и грубые. Очень тяжело сознавать, что не принимаешь непосредственного творческого участия в том, что совершается в русской

<sup>1990</sup> Печатается с комментариями по: *Аллой*, 1988. С. 303–304.

жизни, а совершается что-то огромное и страшное. И я начинаю думать, что наше положение сейчас безнадежно, безнадежно в смысле ближайших практических результатов. Весь опыт религиозной политики до сих пор оказывается мертворожденным. Очевидно, с другого конца надо начинать. Пути нашего воздействия на жизнь не могут быть еще заметны глазу невооруженному. Нужно гораздо большее воздействие на сознание, чем то, что до сих пор делалось нашим направлением во всех его оттенках. Одно дело — спасти себя и образовать в себе и вокруг себя приобретенную атмосферу, а другое дело — религиозно-культурное и религиозно-общественное творчество в мире. Первое дело почти преодолевает время, второе же дело слишком зависит от времени и сроков. В себе я ощущаю огромную внутреннюю перемену, огромную устойчивость религиозных переживаний. Многое и самое важное я окончательно, кажется, знаю и испытываю. Пишу очень много и настолько систематично, что скоро приближусь к идеалу, т. е. к Дмитрию Сергеевичу. Написал уже три главы своей книги<sup>1991</sup>: первая глава — «мистика и религия» (общее введение), вторая глава — «великий инквизитор» и третья глава — «государство». Теперь пишу четвертую главу — «социал-демократия». Считаете ли Вы подходящей для сборника главу «мистика и религия»? Или лучше что-нибудь другое? Вообще не знаю, в каком положении идея сборника. Напишите мне об этом. Я потерял надежду на свой журнал. У Пирожкова нет денег, и он поступил некрасиво с «Полярной звездой»<sup>1992</sup>. Да и времена такие, что никто не берет читать нашего журнала. Нет для нас места. Я послал свою последнюю статью «О народ-

<sup>1991</sup> Речь идет о книге «Новое религиозное сознание и общественность». Третья глава (в письме «четвертая») получила окончательное название «Социализм как религия», впервые опубликована в: ВФП. 1906. № 85. С. 508–545.

<sup>1992</sup> «Полярная звезда» перестала выходить на № 14 из-за того, что издатель М. В. Пирожков отказался от ее дальнейшего финансирования.



ной воле» в «Московский еженедельник» Трубецкого<sup>1993</sup>. Скоро выйдет мой сборник с несколькими новыми статьями<sup>1994</sup>. Теперь такие времена, что нужно писать книги и издавать сборники. Могу сказать, что за последнее время я очень много сделал и многого достиг для лично своего настроения и для выражения своего мирозерцания в писаниях, но для общественности не делаю ничего. Тут один человек бессилен и это меня удручает. Нужно соединиться, но пути соединения слишком еще неясны. Что Вы думаете о происходящем в России? Что все вы предполагаете делать? Очень, очень недостает мне вас, милые. Попасть осенью за границу у меня нет никакой надежды, и не знаю, когда увижу вас. Не представляю себе, что будет зимой. Получили ли Вы что-нибудь от пребывания в Париже, обогатились ли, не раскаиваетесь ли, что уехали? Все, что вас касается, меня глубоко интересует, имеет значение и для меня. Что пишете Вы, Зинаида Николаевна и Дмитрий Сергеевич? Я ведь ничего о вас не знаю, не знаю даже, в Париже ли Вы сейчас. В деревне я живу в атмосфере, для меня отрадней, и менее чувствую свое одиночество, но в Петербурге опять его почувствую. Напишите о своих планах. Напоминаю свой адрес: Харьковско-Николаевская ж.д., ст. Люботин, имение Трушевой. Нежно целую Вас, а также Зинаиду Николаевну и Дмитрия Сергеевича. Думаю о вас и люблю вас.

Ваш Ник. Бердяев

**Н. А. Бердяев — З. Н. Гиппиус<sup>1995</sup>**

[2.08.1906. Люботин — Finistère]

Люботин 2 Августа

Дорогая Зинаида Николаевна!

<sup>1993</sup> 1906. № 20. С. 31–33.

<sup>1994</sup> Имеется в виду книга: *Sub specie aeternitatis*.

<sup>1995</sup> РГАЛИ Ф. 1496. Бердяев Н. А. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 2. Открытка.

Вернулся из Киева и застал Вашу открытку с переменной адреса, а несколько дней тому назад я написал Вам и Дмитрию Владимировичу по старому парижскому адресу. Надеюсь, что письмо перешлют. Долго ли будете на новом месте? Получил от Успенского письмо относительно статьи для сборника. Жду от вас известий. Привет Дмитрию Сергеевичу и Дмитрию Владимировичу.

Ваш Ник. Бердяев

### **А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>1996</sup>**

[3.08.1906. Москва — Толпыгино]

Дорогой Павлуша!

1. № 3 газеты не вышел и долго еще не выйдет за полным недостатком редакторов.

2. Приехал Володя Эрн<sup>1997</sup>.

3. Нужно ли тебе что-нибудь из наших брошюр для распространения и посылал ли я тебе своего «Франциска»? Я пришлю всего экземпляра по три. Можно ли посылать к вам заказным?

4. Недавно здесь была Маня<sup>1998</sup> — поехала домой.

5. Получили «О типах», спасибо большое, много хочу написать тебе об этом.

6. Я очень жалею, что не знаю адрес Мережковского, а то ты мог бы снести прямо с ним.

7. У нас большие дела. Завязали связи с штундистами, «свободными христианами», толстовцами; собеседования, прения и т. д.<sup>1999</sup> Есть серьезное намерение открыть мага-

<sup>1996</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 266.

<sup>1997</sup> Эрн собирался выехать в Москву 26 июля 1906 г. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 84).

<sup>1998</sup> М. Н. Худадова. — *В. К.*

<sup>1999</sup> Ср.: «Третьего дня состоялось собрание вновь возникшего общества Христианского братства борьбы. Цель этого братства, как выяснилось на собрании, состоит в следующем: “мирная борьба для достижения

зин<sup>2000</sup>. Очень часто вспоминаем тебя: ты часто бываешь необходим; например, в разговорах с сектантами приходится говорить о таинствах, а этот вопрос теоретически не совсем ясен Валентину и Володе. Когда ты приедешь? (...)

**Твой С. Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>2001</sup>**

[14/27.08.1906. Бег-Мейл]

27/VIII 06

Fouesnant (Finistere) Beg-Meil.

---

правды в людских отношениях”; осуществление выборного начала при замещении епископов, священников и т. п. Осуществление среди верующих полного уничтожения частной собственности и перехода к общему владению землей и орудиями производства. Братство стремится к переходу всей земли в руки демократически организованных сельских общин и территориальных союзов. По рабочему вопросу это общество считает необходимым введение восьмичасового рабочего дня, государственного страхования рабочих, организацию рабочих в профессиональные союзы» (Свободная жизнь. 1 (14) августа 1906. № 11. С. 1.). «Вчера состоялось собрание членов общества Христолюбивых братьев борьбы. Выступало на собрании несколько ораторов, которые в своих речах призывали к мирной борьбе, к тому, чтобы обходиться без кровопролития и насилия. Цели общества следующие: 1) Уравнение земельного пользования. 2) Улучшение жизни рабочих. 3) Власть народа над страной. 4) Проведение всех реформ в жизнь. Собрание постановило свято идти по стопам Христа» (*Мельников Ф.* Новое общество // Народная газета. 1 (14) августа 1906. № 176. С. 1.).

<sup>2000</sup> Книжный магазин «Братство» был открыт в 1907 г. по адресу: Москва, Тверская ул., д. 28 (Олсуфьева), против Брюсова пер.

<sup>2001</sup> Печатается с комментариями по: *Быстров*, 1994. С. 246–248. Датируется по содержанию. Свой новый адрес (Бретань, местечко Бег-Мейл), куда написала из Сан-Себастьяна Л. Н. Вилькина, Мережковский сообщил в открытке, посланной 5 августа 1906 г.: «Хотелось бы Вам написать, но ответите ли, а без ответа я писать не могу. Где Вы? Я пишу Вам эти слова точно с того света. И вот, все-таки пишу. Значит, бескорыстно. Может быть, наш общий порок — чрезмерное бескорыстие. Всегда помнящий Вас Д. Мережковский. Адрес до начала сентября (здешнего): Fouesnant (Finistère). Beg-Meil. Hôtel de la Plâge. Потом — Париж» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. № 882. Л. 105).

## Hôtel de la Plage

Получил Ваше письмо и детски обрадовался. Вы в нем — прежняя милая Бэла. Если бы Вы были такая всегда! А я и не ждал ответа, думал, что Вы меня совсем забыли... Если я Вам все-таки написал, это значит, что есть у меня к Вам что-то подлинное; как это назвать, не знаю, но может быть и не нужно называть? Я только знаю одно, когда Вы простая и веселая, мне с Вами тоже просто и весело. И несправедливо, что я Вам ничего не давал, кроме «фельетонных разговоров»: я Вам отражал в моей нежности то, что Вы сами в себе любите. И если после того, как Вы оттолкнули меня с такою жестокостью в последнее наше свидание, я все-таки к Вам иду или, вернее, «лезу», — значит, и Вы мне кое-что давали, хотя бы нечаянно и против собственной воли<sup>2002</sup>. Кажется, мы нравимся друг другу тем, что мы оба очень свободны и бескорыстны<sup>2003</sup>. Это главное, подлинное, а все остальное — внешнее, второстепенное. По крайней мере, признайте, что я — верный: чем изменчивее, тем вернее — это можно бы сделать моим девизом...

Вы спрашиваете, как я живу? Уныло. Можно ли жить иначе во время того, что теперь происходит в России. Это уже не революция, а что-то гораздо более страшное и небывалое в истории. И всего мучительнее, что нужно на это смотреть со стороны и бездействовать. Ибо все-таки наше дело — слово и мысль, а тут никакие слова, никакие мысли ничего не сделают<sup>2004</sup>. Тут какое-то стихийное разрушение

<sup>2002</sup> В статье «О новом религиозном действии» Мережковский высказал мысль, что любить — значит «утверждать других, хотя бы против себя» (*Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 170*).

<sup>2003</sup> Ср. в записной книжке Л. Н. Вилькиной: «1) Цель — быть счастливой. 2) Чтобы быть счастливой, надо быть свободной. 3) Свобода дается освобождением. 4) Освобождение — отталкивать все притягательное, и счастье и привязанность» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. № 778. Л. 6).

<sup>2004</sup> О том же Мережковский писал в статье «О новом религиозном действии»: «Ничего бы я так не хотел, (...) как “высказаться окончательно”. Но есть ли возможность сделать это сейчас, в те острые мгно-

всего<sup>2005</sup>. Когда закрыли Думу, мы хотели было вернуться в Россию. Думали, вот когда «начнется»... Но теперь наступила такая безнадежность, что не имеешь силы думать о том, что будет...

Я живу в крошечной бретонской деревеньке на берегу Океана. Тихо и пустынно. Только шум океана и ветра в придорожных деревьях. Занимаюсь Павлом<sup>2006</sup>, пишу статьи для Сборника<sup>2007</sup>, катаюсь на парусе по морю, брожу по песчаным отмелям и порою думаю о Вас.

В Париже будем в начале сентября, но, может быть, оттуда поедем в Шантильи или Фонтенбло недели на две: очень хочется леса — он все-таки напоминает Россию. Пока, то есть до 1 сентября (здесь), пишите сюда в Beg-Meil, а потом в Париж: 15<sup>bis</sup> Rue Théophile Gautier. Paris (XVI<sup>e</sup>).

Вы требуете клятвы, что писем Ваших никто не читает. Клянусь. Но ведь и клятве не поверите? Что же мне с Вами делать? Я этого не заслужил от Вас, Бэла. Скажу Вам просто, без клятвы: Вы должны мне в этом верить: не только писем Ваших никто не читает, но никто не слышал от меня за все это время ни единого слова о Вас. Всегда моей мечтой было, чтобы наша дружба с Вами была совершенною тайною. И я надеюсь, что Вы когда-нибудь в этом убедитесь. Ведь от Вас зависит, чтобы мы виделись так, чтобы никто никогда об этом не знал. Я это-

---

венья, которые мы переживаем? Теперь все слова еще заглушаются громом события» (*Мережковский Д. С. Грядущий Хам. С. 169*).

<sup>2005</sup> Эти мысли о русской революции нашли развернутое выражение в статье «Религия и революция», где Мережковский писал о «беспредельной анархии, которая, кажется, и есть тайная, ночная душа русской революции» (*Мережковский Д. С. Не мир, но меч. С. 106*). Ср.: «В настоящее время едва ли возможно представить себе, какую всесокрушающую силу приобретет в глубинах народной стихии революционный смерч» (Там же. С. 116).

<sup>2006</sup> В то время Мережковский работал над пьесой «Павел I».

<sup>2007</sup> Речь идет о сборнике публицистических статей Д. Мережковского, З. Гиппиус и Д. Философова «Le Tsar et la Revolution», задуманном Мережковскими почти сразу по приезде в Париж. Мережковский работал тогда над статьёй «Религия и революция», одной из центральных в сборнике.

го хотел бы больше всего. А увидеть Вас мне хочется. Пришли-те Ваш парижский адрес. Где будете зимою? Не забывайте меня, а что я не забыл Вас, Вы ведь чувствуете, милая?

До свидания, Бэла.

Ваш Д. Мережковский

**Д. С. Мережковский — Вяч. И. Иванову<sup>2008</sup>**

[15.08.1906. Париж]

15-bis, Rue Théophile Gautier Paris (XVI)

15/28 VIII 1906

Дорогой Вячеслав Иванович, часто бывает, что люди в разлуке сближаются. Это и с нами случилось относительно Вас. Вы стали нам ближе издали, чем когда мы были в Петербурге<sup>2009</sup>. Мы все больше ценим Ваш дар и верим, что это дар от Бога, верим также, что Вы ищите и всегда будете искать только прекрасного и доброго. Это говорю Вам из глубины сердца. Между нами чувствуется если еще не любовь, то возможность любви, и этою возможностью не надо пренебрегать. Признаемся, что нас смущает Ваш союз с «мистическим анархизмом» или, вернее, с «мистическими анархистами» и что этот союз кажется нам недоразумением с обеих сторон, но, может быть, мы тут чего-либо не понимаем и, наконец, всякий ищет правды своими особыми путями<sup>2010</sup>. Во всяком случае, мы верим в Вас.

<sup>2008</sup> Печатается с комментариями по: *Цимборска-Лебода М., Богомолов Н. А.* К проблеме «Мережковский и Вячеслав Иванов» // *Studia Rossica VII. W kraju i na obczyznie. Literatura rosyjska XX w. Warszawa, 1999.* P. 83–84.

<sup>2009</sup> О конфликте Мережковских с Вяч. Ивановым и его кругом в 1906 г. см. подробнее: *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже // *Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992; Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: статьи и материалы. С. 97, 251.

<sup>2010</sup> Концепция «мистического анархизма», которая была в некоторых отношениях близка Иванову, подверглась резчайшей критике со сторо-

Кажется нам, что и Вы готовы бы пойти навстречу нам. Если это действительно так, то забудьте все наши сомнения относительно Вашего участия в нашем Сборнике («Меч» — Le Glaive), который мы скоро будем издавать, и пришлите нам какую-нибудь статью Вашу<sup>2011</sup>. Выбор темы предоставляем Вам, но хотелось бы, чтобы она имела какое-либо отношение к современным великим событиям в России, к вопросу о «самодержавии» и «православии». Вы знаете, как этот вопрос для нас решается, и потому сами сумеете определить меру возможных для нас и желательных для Вас схождения с нами. Мы уверены, что Вы могли бы дать нам статью или заметку, вполне подходящую и очень для нас ценную. Размер — не больше 1 или 1½ печатного листа. Статей много, а сборник надо сжать в книжку французскую за 3 francs 50.

Если решите прислать, то присылайте как можно скорее. Приложите также Ваш портрет и краткую (для одной страницы печатной) биографическую и библиографическую заметку о себе. Мы хотим издать сборник с портретами и биографиями участников.

Ждем ответа и очень надеемся, что он будет утвердительный и благодарим заранее.

Не забывайте нас. Искренно Ваш  
Д. Мережковский

---

ны как Мережковских, так и иных авторов журнала «Весы». Подробнее об этой концепции и роли Иванова в ее становлении см.: Переписка Г. И. Чулкова с Блоком / Публ. А. В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М., 1987. С. 374–377; Там же в примечаниях библиография.

<sup>2011</sup> Для сб. «Меч» Иванов ничего не написал. Гипотетическим предшественником «Меча» был сб. «Религия и общественность», о котором Иванов сообщал Брюсову 31 июля 1905 г.: «Мережковский и Философов продолжают говорить о намерении переселиться осенью в Париж. Даже сборник “Религия и общественность” должен появиться по-французски. И Мережковский недавно опять просил меня о статье для сборника, но уже французского» (Литературное наследство. Т. 85. С. 476).

Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>2012</sup>

[15.08.1906]

15 августа

Послал последнее (16-ое) письмо Лидии в горы<sup>2013</sup>. Эти 16 писем — дневник мой за время ее отсутствия. Записи одной из поворотных эпох жизни. Страницы переживаний из огня и отравленной тончайшими ядами крови. Хроника небывалого страдания и небывало-полного счастья.

Продолжаю в этой тетради бюллетени моих лихорадок. Во вторник 16-го Кассандра<sup>2014</sup> сидит у меня с послеполуночи до ночи и является свидетельницей сумасшедшего *va-et-vient*<sup>2015</sup> у меня и моего психопатического возбуждения. Я счастлив с утра телеграммой: «целую нежно друга, получил чудесное письмо от Диотимы». Я не привык к этой нежности Сережи<sup>2016</sup>. И кончаю дневничок-переписку словами: «*laudata sia alma suora mistica, sposa Diotima, amante amata ora sempre*»<sup>2017</sup>. Сергей забегает в течение дня и обещает придти после занятий у Тернавцева. Часам к деся-

<sup>2012</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 752–753.

<sup>2013</sup> За два месяца до этой записи Лидия Дмитриевна уехала к детям в Швейцарию, в горное местечко Combballaz.

<sup>2014</sup> Александра Николаевна Чеботаревская.

<sup>2015</sup> Саматоха (*фр.*)

<sup>2016</sup> С. М. Городецкий. — *В. К.*

<sup>2017</sup> «Да будешь ты благословенна, мистическая сестра, невеста Диотима, любящая и возлюбленная, сейчас и всегда» (лат.). Вячеслав Иванович и Лидия Дмитриевна Зиновьева много и многим говорили о священной возможности духовно-душевно-телесного единения трех. Маргарита Волошина в своих воспоминаниях пишет: «У них была странная идея: если два человека, как они оба, совершенно слились воедино, то они могут любить Третьего. (...) Такая любовь есть начало новой человеческой Общины, больше того, новой Церкви, где Эрос воплощается полностью даже в теле и крови» (*Волошина-Сабашникова М. В.* Зеленая змея. С. 97). — *В. К.* Выражение «новая Церковь», конечно, неточно передает мысль Вячеслава Ивановича, но, несомненно, и он, и Лидия усматривали тогда в единении трех первый шаг на пути к соборности. — *Прим. О. Дешарт.*



ти приходят спрашивать от лица ожидающей внизу дамы, здесь ли Сергей. Сбежав вниз, узнаю Ольгу, знакомую по портрету — в крайнем волнении. Выясняется, что ее девушка-немка разрешается от бремени, она без прислуги, едва оправилась сама. Стараюсь ее успокоить, обещая сам вместо Сережи съездить за акушеркой, которую и привожу вместе с *garde-malade*<sup>2018</sup> в ее квартиру после часа. Ольга мне кажется опасной женщиной. Ее хороший французский акцент, манеры, тип — все выдает сразу польку. Я вижу в ее передней на ее руках Ию, маленького изящного ребенка.

Меня ждут Кассандра и Renouveau. Приходит наконец Сережа. Нувель поет свои старые арии. Сережа читает последние стихи: я счастлив, чувствуя, что ему завидую. Вижу, как я его люблю. Как сладко и невероятно восхищаться юношей до зависти и гордиться этой осчастливливающей завистью перед собой самим. Он идет спать один, по моему приглашению, когда Нувель по уходе Кассандры читает мне свой дневник. Он уходит — и вот я мучусь желанием и страхом отворить дверь. И не смею. Ложусь в постель. Тушу лампу.

### Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>2019</sup>

[16.08.1906]

16 августа

16-го утром он говорит, что тотчас ушел бы, если б я отворил дверь. Зачем он так жесток? Он высылает меня, пока одевается, из комнаты. Я послушен всегда, всегда смирен. Уже приносят записку от Ольги, уже зовут его. Он обещает обедать со мной. Запаздывает на полчаса. В эти минуты воображение рисует мне уже наступившими все катастрофы, которых я так боюсь. Но он ласков и нежен. Он любит меня больше всех ему знакомых

<sup>2018</sup> Сиделка (*фр.*).

<sup>2019</sup> Печатается с комментариями по: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 753.

мужчин и все же — сам он настаивает — любить не может, понимая испытанную им любовь к женщине. По дороге в ресторан пробегаем письмо Диотимы, которая пишет о зависти, о моей отчужденности от нее, ставит вопрос — лучше ли мне быть с нею или без нее (о Диотима, и ты не мудра сегодня и не божественна, но я люблю твое нисхождение в человечность) — и в постскрипуме не велит ничему верить из написанного. Я провожаю Сережу к Тернавцеву, где сидит еще Евгений Иванов — и люблюсь на Сережу за работой. Они сидят и ломают голову над «букварем», сочиняя рассказы из данного числа букв, подлежащих усвоению учеников. Вечером у меня Мирэ счастливая; заходит Жуковский, и я провожу с ним два часа у Струве в обществе его жены и Франка. Философствуем... у двери встречаюсь с Сережей, паспорт которого швейцар требует для прописки. Он шутилив и нежен. Позволяет раздеть себя и смотрится в трюмо, а я читаю ему эстетический реферат об его теле. Я уговариваю его лечь со мной и в темноте чувствую сначала, обнимая его, что умираю. Потом он бегло отвечает иногда на поцелуи, позволяет мне экстазы. Потом он то спит, то дремлет; а я умираю. Сладостнее нет ничего... Если б он любил. И он все же любит, что бы ни говорил и как бы ни вел себя.

Жалкие записи, в которых я не успеваю отметить тысячной доли того, чем живу.

Вопрос, ехать ли на яхте. Сережа велит ждать себя до 12. Не пришел. Встречаюсь по условию с Тернавцевым в Исаакиевском соборе. Он уходит по делам. Жду за завтраком у [нрзб]. Потом едем. Яхта «Мцыри» (имя — прелесть) и прогулка восхитительная. Дома записка, что устал и едет к Ольге:

«Не страдай и будь счастлив — говорю без иронии». Что это значит? Не страдать уже не могу. Дальше милое об Ие<sup>2020</sup>.

Иду забываться к Гершензону, который заезжал за мной с Кассандрой. Там Ремизов, Жуковский, Ивановский<sup>2021</sup>.

<sup>2020</sup> Внебрачная дочь-младенец С. Городецкого и Ольги Александровны (?).

<sup>2021</sup> Владимир Николаевич Ивановский (1867–1939) — российский философ, ученый секретарь журнала «Вопросы философии и психологии»,

Гершензон мил, умен, интересен. Он en fête un peu<sup>2022</sup>. После яхты был еще в «Адской Почте», где хотят устроить клуб. Я предложил редакционные журфиксы. Без меня они, кажется, немного беспомощны.

В странные сумерки — день без теней — мы расстались с Тернавцевым, который много говорил о Сергее. Счастье или чары? Не начинаю ли сходить с ума? Какие-то песенки в ушах, мысль об одном, об одном, об одном. Иду и ничего не вижу. На меня смотрят. Я весел — или отчаян? Все как-то странно раскрыто в людях. Все люди — двойники меня и — где тот один, где он? Взгляд везде ищет его. Со всеми я хмельно оживлен, хмельно весел. А голова кружится, кружится, кружится.

### Вяч. И. Иванов. Дневник<sup>2023</sup>

[18.08.1906]

18

Жду, жду, жду. Ни письма, ни вести. Придет ли Сергей? Выезжает ли сегодня Диотима? С нетерпением жду ее. Послал Гюнтеру по телеграфу деньги, о которых он умолиительно просит. Так решил Сергей.

### В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову<sup>2024</sup>

[19.08.1906. Москва — Тифлис]

19 августа 1906 г.

Дорогой Саша! Ты просишь по правде сказать тебе, насколько ты нужен в Москве. Ты страшно нужен. Но это

---

профессор философии историко-филологического факультета Казанского университета.

<sup>2022</sup> Немного навеселе (*фр.*).

<sup>2023</sup> Печатается по: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 753.

<sup>2024</sup> АЭ. Фонд Ельчанинова. Ненумерованные листы.

не значит, что ты должен приехать. Духом ты с нами и мы с тобой. Так что речь может быть лишь о необходимости твоего физического присутствия. Ну вот мне и кажется, что это вовсе не так уж нужно. Постепенно я вошел вполне в практическую сторону дела и с помощью Чмича (который стал исполнять поручения с большей готовностью) справляюсь с хождениями по Ефимовым, Унфугам<sup>2025</sup>, градоначальникам, типографиям и пр. и пр. Конечно, с тобою все это было бы значительно проще и с меньшим трением. Но все же мы справляемся удовлетворительно. Во всяком случае, дело не останавливается. Так что ты не мучайся и оставайся с Соней, сколько будет нужно и, впрочем, сколько будет можно. А это «можно» определится для нас, когда 1) получится разрешение (его еще нет), 2) когда мы будем готовы к открытию «кружков» (а мы еще совсем не готовы — нужно выработать программу и пр., что нами еще не сделано). А когда это все обозначится, мы напишем тебе или, в крайнем случае, дадим тебе телеграмму. А пока не беспокойся. Тебе следует больше отдохнуть от сутолоки, которая окружала тебя здесь. Ведь все лето ты был усиленно занят. Я очень радуюсь за тебя и за то, что финляндская природа так хороша.

Пока прощай. Я спешу. Пелагея Александровна<sup>2026</sup>, должно быть, напишет тебе о новостях.

Искренний привет Соне. Всего доброго тебе.

Весь твой В. Э.

**Д. Д. Галанин — А. С. Глинке<sup>2027</sup>**

[?.08.1906]

Многоуважаемый Александр Сергеевич!

<sup>2025</sup> Отто Унфуг — владелец типографии, где печатались брошюры «Религиозно-общественной библиотеки».

<sup>2026</sup> П. А. Ивашева.

<sup>2027</sup> РГАЛИ. Ф. 142.1.205. Л. 6. Открытка. Москва — Симбирск.

Вашу просьбу о книжном магазине я передал Ефимову, и он пошлет все наши издания. Наши брошюры выходят страшно медленно, но мы очень заняты, и не остается ни сил, ни времени торопить. Ефимов любезен и деньги платит. Если Вам нужно получить за «Сборник», это можно сейчас же. Мы этого не делаем лишь из некоторых тактических соображений. В последнем письме Вашем Вы об этом ни слова не пишете — из этого я заключаю, что деньги Вам не очень нужны. Последние дни на нас обратила внимание police и беспокоит по ночам, пока вежливо и без ущерба. У нас приобретается все большая издательская ловкость и связи. На № 3 требований больше, чем на 50 тысяч. Пока всего хорошего.

Ваш Д. Галанин

**Д. В. Философов — В. В. Розанову**<sup>2028</sup>

[11–26.08.1906]

Дорогой Василий Васильевич.

<sup>2028</sup> Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: РО РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 80. Л. 12–13.

<sup>2029</sup> Речь идет о сборнике статей: *Le Tsar et Revolution*, в состав которого, однако, вошли только статьи Мережковского, Гиппиус и Философова (Философов Д. Царь-Папа; Гиппиус З. Революция и насилие; Мережковский Д. Религия и революция; Гиппиус З. Истинная сила царизма). См.: *Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В. Царь и революция*. М., 1999. Это был, первый из задуманных сборников; другие же не вышли. Согласно планам Мережковских, предполагалось издать сб. под названием «Меч» в двух книгах: «Самодержавие и русская революция», «Анархия и теократия». Работы упоминаемых в письме Философова авторов-участников предполагаемого сборника остались не собраны в единое целое (См. об этом: *Соболев А. Л. Мережковские в Париже (1906–1908)*. С. 319–371.) Ср. в письме Мережковского к Белому от 22 октября 1906 г.: «У нас есть для этого второго сборника (первый уже готов и переводится) — статьи Розанова, Бердяева (“Мистика и религия”), моя статья, Зины о “поле”, Дмитрия Владимировича о “социализме и анархизме”, Булгаков тоже обещал статью» (Там же. С. 349–350).

Вы знаете, конечно, что мы нынешней зимой намерены выпустить в Париже на французском языке сборник статей наших<sup>2029</sup>, а также Бердяева, Булгакова<sup>2030</sup>, Волжского, Успенского<sup>2031</sup>, Карташева, Минского<sup>2032</sup>, Вяч. Иванова<sup>2033</sup>, Белого<sup>2034</sup>, Брюсова<sup>2035</sup>, может быть, еще кого-нибудь.

Вы знаете также, что мы очень рассчитывали и на Вашу статью<sup>2036</sup>. В. В. Успенский, вероятно, говорил уже с Вами по этому поводу.

Так как через два месяца придется уже приступить к печатанию сборника, то я хочу поставить дело на более прак-

---

<sup>2030</sup> В письме к Глинке-Волжскому Философов прибегал к его посредничеству при приглашении к сотрудничеству в сборнике С. Булгакова: «Голубчик, напишите ему, попросите что-нибудь для сборника. Ваш голос будет авторитетнее моего. Флоренского статью я получил. Карташева, Успенского, Белого и К<sup>о</sup>, Бердяева, Вяч. Иванова, Розанова мы берем на себя» (*Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908). С. 346).

<sup>2031</sup> В. В. Успенский.

<sup>2032</sup> В тот же день, 11 августа, Философов также сообщал Брюсову, приглашая его к участию в сборнике, о своих планах включить в сборник и Минского: «Он будет состоять из статей наших, затем Розанова, Бердяева, Бенуа, Булгакова, Белого, Успенского, Карташева, Волжского, Минского, вероятно, Вяч. Иванова» (*Соболев А. Л.* Мережковские в Париже. С. 348).

<sup>2033</sup> О согласии Иванова на участие в сборнике нам ничего не известно. Однако в составе архива Иванова ОР РГБ сохранились письма Философова, в которых он также приглашал его к участию в сборнике.

<sup>2034</sup> Андрей Белый прислал для сборника статью «Социал-демократия и религия», которую он затем прочел в виде публичной лекции 7 февраля 1907 г. в Париже. (Опубл.: *Белый А.* Социал-демократия и религия. Из лекции, читанной в Париже // Перевал. 1907. № 5. С. 23–35.)

<sup>2035</sup> Ср. письмо Д. В. Философова к Брюсову от 11.08.1906 (Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Философова с В. Я. Брюсовым / Публ. и подг. текста М. В. Толмачева, вступ. заметка и коммент. Т. В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 276–322; 1996. № 7. С. 200–226; Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 124–260; 2005. № 19. С. 165–257).

<sup>2036</sup> Для этого сборника Розанов послал статью «О вере русских», которая не была опубликована и осела в архиве Мережковских (Опубл.: *Розанов В.* О вере русских / Публ., предисл. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 1. С. 111–121).

тическую точку зрения и сговориться с Вами о деталях. Буду говорить совершенно просто и откровенно.

Нам хотелось бы статью в 1½–2 листа печатных. Так как сборник будет издан для Европы и на французском языке, то желательно, чтобы тема была общая, без полемики, доступной лишь русским. Желательнее всего тема «Православие и самодержавие» (вроде «Ослабнувшего фетиша»<sup>2037</sup>). Так как статья должна быть написана специально для сборника, и не может быть напечатана в России ранее появления сборника в свет, то мы ее оплачиваем гонораром в 100 руб. за печатный лист. Гонорар Вам будет выслан немедленно по получении рукописи, по приблизительному расчету. Мы надеемся, что Вы заинтересуетесь сборником, вспомните старину — эпоху религиозно-философских собраний и пришлете нам статью «душевную», т. е. такую, которая Вам самим будет дорога, а не написанную по заказу. Очень бы только просил не касаться евреев!

Одна из статей Дмитрия Сергеевича<sup>2038</sup> будет посвящена новейшему религиозному движению в России. В ней он касается и Вас, таким образом, Вы предстанете перед «Европой» с некоторыми дружескими комментариями.

Итак, очень рассчитываем на Вас. Реакция и политика до такой степени опустошили русскую культуру, литература и культура в таком загоне, что наш сборник, нам кажется, появится кстати и даст возможность говорить, что думаешь, не боясь цензуры справа и слева.

Не откажите ответить на мое письмо по вышеуказанному адресу.

<sup>2037</sup> Речь идет о статье Розанова «Ослабнувший фетиш» (апрель — март 1906 г.), которую он предполагал напечатать в журнале «Полярная звезда», потом в «Русском богатстве», но затем вышло отдельное издание: *Ослабнувший фетиш (Психологические основы русской революции)*. СПб., 1906. Затем статья вошла в кн.: *Когда начальство ушло*.

<sup>2038</sup> Имеется в виду статья Мережковского «Религия и революция» в сб. «Царь и революция».

Мы провели август [нрзб] (нового стиля) в Бретани, у моря, и на днях возвращаемся в Париж. Когда распустили хулу и тем нанесли жестокую пощечину русским «лучшим людям» — у нас защемило сердце, хотелось вернуться в Россию, но теперь немного успокоились, и нам кажется, что нам возвращаться еще рано.

Дмитрий Сергеевич много пишет. Зинаида Николаевна все время не особенно хорошо себя чувствует, хотя тут она немного окрепла и отдохнула. Я стараюсь написать для сборника статью об «анархизме и социализме», но статья требует много подготовительных работ, и я с ней еще не справился.

Привет Варваре Дмитриевне и Александре Михайловне<sup>2039</sup>. Все ли у Вас здоровы? Где проводили лето?

Душевно Ваш,  
Д. Философов.

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной<sup>2040</sup>**

[29.08.1906]

(...) Ничего не известно, и какой-то вихрь, все висит в воздухе, кроме нашей любви с Вячеславом и нашего тройственного союза<sup>2041</sup>, но весь союз в воздухе, а вокруг рушатся судьбы.

---

<sup>2039</sup> А. М. Бутягина.

<sup>2040</sup> Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 199.

<sup>2041</sup> В жизни семейства Ивановых время с конца лета 1906 г. до конца весны 1907-го было чрезвычайно, едва ли не критически напряженным. Прежде всего это относится к личным обстоятельствам. 21 августа 1906 г. Из Швейцарии вернулась Л. Д. Зиновьева-Аннибал и сразу окунулась в водоворот, закруживший Иванова, пока она отсутствовала, благо в тот же день из летней поездки в Васильсурск возвратился и М. Кузмин, что давало возможность тут же возобновить интимные встречи «гафизитов» с участием С. М. Городецкого, в которого Иванов был влюблен.



**А. Р. Минцлова**<sup>2042</sup> — **М. А. Волошину**<sup>2043</sup>

[29.08.1906 / 12.09.1906. Кельн — СПб.]

Милый, дорогой Максимилиан Александрович. Я вчера вечером получила Ваше письмо. Страшно рада за Вас, бесконечно, глубоко рада, что все так сложилось и случилось! Вячеслав Иванов, конечно, самый большой из всех нынешних писателей, и самый интересный (для меня), и быть с ним вместе — это страшно важно для Вас обоих. Кроме того, в Петербурге Сомов, и будет Бенуа, с которым Вы близки. Все это так удивительно хорошо! (...)

**В. Ф. Булгаков**<sup>2044</sup> — **А. С. Глинке**<sup>2045</sup>

[1.09.1906. Москва — Симбирск]

Милостивый Государь! С охотой откликаясь на Ваш призыв («Русское слово»), шлю мою статью «Ф. М. Достоевский в Кузнецке»<sup>2046</sup>, написанную на основании собранных мною лично совершенно новых сведений. Советую Вам обратиться в контору типографии Петра Ивановича Макушина в Томске, откуда Вам за половинную цену могут прислать клише помещенных здесь 3 рисунков. Номер можете обратно не высылать, но в таком случае не найдете ли возможным прислать мне или какой-нибудь (хоть незна-

<sup>2042</sup> После смерти Л. Зиновьевой Анна Рудольфовна Минцлова, утверждая свое «посланничество», занималась мистическим просвещением Вяч. Иванова и Андрея Белого. После женитьбы Вяч. Иванова на В. К. Шварсалон исчезла и, как предполагают, умерла.

<sup>2043</sup> Печатается по: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 45.

<sup>2044</sup> Валентин Федорович Булгаков (1886–1966) — последний секретарь Л. Н. Толстого.

<sup>2045</sup> РГАЛИ. Ф. 142.1.198. Л. 1об. Открытка: Москва — Симбирск.

<sup>2046</sup> См.: *Булгаков В. Ф.* Ф. М. Достоевский в Кузнецке // *Сибирская жизнь* (Томск). 10 (23) октября 1904. № 221. С. 1–2.

чащий) автограф Федора Михайловича Достоевского, или бесплатно 1 экземпляр Вашей книги.

Готовый к услугам Вал. Булгаков.

Москва, Нижний Лесной пер. (близ храма Христа Спасителя), д. № 6 Станкевича и Белевича, кв. 16. Валентину Федоровичу Булгакову.

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке**<sup>2047</sup>

[4.09.1906. *Кореиз — Симбирск*]

Станция Кореиз.

Милый Александр Сергеевич!

Простите меня, что я так лениво и нерадиво отнесся к Вашей просьбе, которую исполняю только сегодня — написал к Достоевской (адрес ее: СПб., Спасская, 1), но думаю, что это не поздно. Мешали разные дела. Очерк пишу, мучит он меня бесконечно, но боюсь, что не удастся, — пишу все-таки об общественных воззрениях, конечно апологию. Мережковского статья — возмутительное кощунство над памятью Достоевского (вплоть до неверных цитат включительно), вдова права, что отвергла такую статью<sup>2048</sup>, и как ни коряво напишу я, все-таки я благоговею и люблю Достоевского и не буду кощунствовать. Письма Анны Григорьевны Достоевской очень деловые, чересчур, я Вам покажу<sup>2049</sup>. Статья о Достоевском меня затянула<sup>2050</sup>, и теперь я не знаю, когда и как справлюсь со статьей для

<sup>2047</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 110–112; *Чертков*, 2017. С. 267–268. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 142. Глинка-Волжский А. С. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 37–39 об. Почт. шт.: 4.09.1906. Кореиз.

<sup>2048</sup> Позже опубли. отдельным изд.: *Мережковский Д.* Пророк русской революции. СПб.: М. В. Пирожков, 1906.

<sup>2049</sup> А. С. Глинка в этот период также работал над книгой о Достоевском, которая так и не вышла в свет. 1 сентября 1906 «Русские ведомости» опубликовали его письмо с просьбой ко всем присылать ему библиографические материалы о Достоевском.

<sup>2050</sup> См.: *Булгаков С. Н.* Венец терновый (Памяти Ф. М. Достоевского) //

сборника Мережковских. А у тех все новые проекты: теперь уже два сборника: один о революции (для революционного райка?), а другой об анархии (последняя игрушка!), и, главное, к этим сборникам проектируются наши портреты и биографии, о чем просят Вас и меня. Вот бы злорадствовали москвичи! Уж не знаю, как отверчусь. Насколько привлекательно мне казалось быть с ними в обще-религиозном сборнике, настолько расхолаживаюсь теперь. Но все-таки постараюсь быть, хотя бы без портрета (!). Нежность с Мережковскими, конечно, искренняя с моей стороны в известных пределах, их же не преиждешь<sup>2051</sup>, кажется, никогда, привела к тому, что Дмитрий Сергеевич помимо моего ведома и ведома Николая Александровича Бердяева завел переговоры с Пирожковым о журнале под моей редакцией, и тот готов вступить в переговоры, особенно, если я принесу с собой денег.

Но, конечно, все это чушь, да и Пирожков настолько подсален<sup>2052</sup>, что надо справиться у Струве, да и с Николаем Александровичем неловко. Ответил, что принципиально от разговоров с Пирожковым не уклоняюсь, но считаю необходимым предварительно переговорить со Струве и Бердяевым. Последний, напротив, смотрит на журнал безнадежно. За лето он написал целую книгу и «Религию и мистику» дает Мережковским в сборник<sup>2053</sup>. Страшно ругает «Взыскующих». Еще бы! Я в Москве буду, вероятно, 18-го. Я-таки заделался на политическую экономию в Вольный коммерческий университет<sup>2054</sup>, увы и ура! Так что буду при своей тачке, но обеспечен.

---

Свобода и культура. 1906. № 2. С. 17–36.

<sup>2051</sup> Которые не преодолеешь (*церк.-слав.*).

<sup>2052</sup> Пирожков официально был обвинен в том, что, издавая книги, он нелегально увеличивал их тираж, присваивая себе дополнительную выручку.

<sup>2053</sup> Речь идет о не вышедшем в свет сборнике «Меч» на французском языке. Статьи Бердяева этого периода изданы: *Бердяев Н. Sub specie aeternitatis.*

<sup>2054</sup> Ныне Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова.

Получил и прочитал наш сборник<sup>2055</sup> и нахожусь еще в периоде острого им отравления. Объективно я им все-таки доволен, потому что в корявой форме он содержит здоровое и даже значительное зерно. Это если не событие, то все-таки — факт и знамение. Но вижу, что сектантский догматизм москвичей так значителен, разногласия — при действительном единстве настроения — так велики и неустранимы (сравните хотя последнюю мою статью и Эрна), что с этим надо считаться<sup>2056</sup>. И я впервые вижу и чувствую, что мы, пожалуй, общего журнала вести и не можем, иначе расплоземся хуже. Может быть, я и ошибаюсь, но сейчас мне кажется, что этот журнал, о котором мы с Вами думаем, может вести Бердяев, подобно тому как Иерусалимом лучше всего владеть туркам, а не одному из вероисповеданий в интересах христианской

<sup>2055</sup> Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. (РОБ. Сер. 1). Содержание: *Свенцицкий В.* Христианское отношение к власти и насилию; *Булгаков С. Н.* Церковь и культура; *Он же.* Церковь и государство; *Эрн В. Ф.* Церковное возрождение (О приходе); *Флоренский П. А.* «К почести вышнего звания»; *Серрапион (Машкин), архимандрит.* Письма; *Волжский.* Проблема зла у Вл. Соловьева; *Булгаков С. Н.* Церковь и социальный вопрос.

<sup>2056</sup> З. Н. Гиппиус в рецензии «Без мира» (Весы. 1907. № 1) четко определила основу сборника («Вера каждого в Личность Христа») и разницу в миропонимании его участников: у Булгакова — мягкость, нежность и терпимость, тихие мечтания; у Свенцицкого, верующего во Христа так же искренно и более пламенно, — суровость, беспощадность, резкость, похожая на жестокость. «За словами его так и чудится строгий коричневый лик со сжатыми бровями, с тяжким золотым нимбом, мерцающим в лампадных лучах. (...) Христиане, вроде Булгакова, непременно должны пугаться и трепетать, когда он говорит. Пока говорит. Он для них неубедителен, но — внушительен». Один призывает фабрикантов и рабочих оставаться «мирно тем, что они есть, исподволь пропитывая свою жизнь христианским духом»; другой сурово осуждает похоть, которая растлеивает человечество, и зовет бороться с экономическим гнетом. Один отрицает саму идею церковно-хозяйственной общины, которую не знает и в первые века христианства; другие (в т. ч. Эрн) ставят «общение имущества» идеалом экономической жизни христиан (С. 57–65).

веры. Обо всем этом много будем говорить лично. Сейчас для меня бесспорен тип «Трудов Соловьевского общества со стенографическими отчетами». «Стойте в свободе» особь статья, здесь я с Вами все-таки не согласен, и уж очень Вы омонастырились — правильно ли это? А все-таки в сборнике есть жар души, а это главное!

Пока кончу. До свидания! Целую Вас. Ваш С. Б.

Представьте себе, что как ни тяготит меня политическая экономия, но теперь, ввиду призывов к «общению имуществ»<sup>2057</sup> и прочей детской белиберды, я должен чувствовать себя экономистом и хочу быть экономистом<sup>2058</sup>. Ибо или к черту культуру, или же науку надо тоже уважать, иначе Лашнюковщина<sup>2059</sup> выходит!

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>2060</sup>

[б. д. начало сентября 1906]

Дорогая Марусенька, сама знаю, что это ужасно, мое молчание. Непростительно. Но как мне писать, когда с одной стороны напряжено до того, что нельзя себе и вообразить вечным спехом, а с другой стороны жизнь наша так мучительно непрочна, и что создалось вчера — крушится сегодня, и снова восстает, и живем надеждами и отчаяни-

<sup>2057</sup> Намек на содержащиеся в программе ХББ призывы к построению общества на основе «христианского коммунизма», быта первохристианских общин, описанного в книге Деяний святых апостолов (2: 42–47).

<sup>2058</sup> В том же году он признавал «общность имуществ... нормой имущественных отношений» (Булгаков С. Н. Неотложная задача. С. 15). Ср. другой характерный пример: «Я был всегда и остаюсь непримиримым противником самодержавного строя» (Булгаков С. Церковь и государство. С. 54); а спустя 17 лет: «Я ничего не мог и не хотел любить, как Царское самодержавие... хотел Россию только с Царем» (Булгаков С. Тихие думы. М., 1996. С. 331–332). — В. К.

<sup>2059</sup> В. Лашнюков, совместно с которым С. Булгаков издавал в Киеве газету «Народ», был психически неуравновешен, «экстатически настроен».

<sup>2060</sup> Печатается по: Богомолов, 2009. С. 199.

ем. Я отдалась течению и сама уже не умею анализировать ни себя, ни свои переживания. Тяжело очень. Но все лучше тихих пристаней застойных и событиям нашим (вернее внешнего мира, потому что у нас троих резко разделились миры на внешний и свой) принадлежит (...)

**Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной**<sup>2061</sup>

[8.09.1906]

...по телефону сказали Вячеславу, что из деревни, куда поехал отдохнуть Городецкий, — он уехал без вести, потом пришла Ольга Александровна — подруга Городецкого, и все вместе в страхе совещались. Городецкий в страшной неврастении, и являются худшие страхи. Кстати, завелась беседа о необходимости разрыва между ними, чтобы не было второго ребенка. И страшные глубоко трагические сцены. Тут же пришли Сомов и Кузмин к обеду, горела баранина, рыдала и геройствовала Ольга Александровна... Ушла. Кое-как уселись к обеду. Примчался брат Городецкого. Составляли телеграмму. Явилась вновь Ольга Александровна, и до 2 часов ночи продолжалось ее заклятие (?) и страшная небывалая комбинация нас троих, и ее слова: «Странно, я люблю всех, кто любит Сергея, но вас я боюсь, не Лидии Дмитриевны, а вас. Я не понимаю, почему вы его так любите». И какой-то поединок между нею и Вячеславом за обладание человеком. Не жизнь, а романтический ад<sup>2062</sup>.

<sup>2061</sup> Там же. С. 199–200.

<sup>2062</sup> К середине ноября 1906 г. отношения между четой Ивановых и Городецким претерпевают период явного охлаждения. Но в то же самое время начинается полоса новых бурь: 20 сентября в Петербург приехал М. А. Волошин, тут же пришел на «Башню», а через день договорился с художницей Е. Н. Званцевой, державшей художественную школу этажом ниже, о том, что будет у нее жить с 1 октября (на самом деле он вселился туда несколько позже, после возвращения из Москвы около 10 октября). Но приехал он не один, а с женой, Маргаритой Васильев-

**Е. Н. Грубецкой — М. К. Морозовой**<sup>2063</sup>

[Б. д. осень 1906]

Станция Пятовская Сызрано-Вяземской ж.д.

Многоуважаемая

Маргарита Кирилловна.

Только что получил письмо Ваше. Очень тронут всем тем, что Вы высказываете, и, прочитав еще раз, порадовался, что я не в Думе. Но относительно министерской комбинации, в которую я мог бы войти, Вы напрасно беспокоитесь. Мое имя всего только один раз промелькнуло в газетах в одной из самых неправдоподобных комбинаций. Да и вообще сейчас всякие такие комбинации, в которые я мог бы входить, совершенно невозможны.

Министерство Шипова или Гейдена<sup>2064</sup> еще было возможно месяц тому назад; теперь же ясно, что оно не могло бы сплотить вокруг себя думское большинство. Всякое же министерство, не опирающееся на думское большинство, было бы теперь слабым и потому вредным.

Кроме кадетского министерства, теперь никакое другое не было бы возможным: кадеты должны нести всю тяжесть и ответственность. В этом спасение: нельзя оставлять их в оппозиции, так как иначе они революционизируются.

---

ной Сабашниковой-Волошиной. Постепенное вхождение четы Волошиных (довольно скоро М. А. будет из этого круга вытеснен) в жизнь Ивановых, сложные извивы отношений нуждаются в тщательном прослеживании на основании не только мемуаров и дневников (прежде всего «Истории моей души» Волошина), но и сохранившихся писем, что не может быть здесь осуществлено. Скажем только, что некоторое разрежение сгущенной атмосферы произошло после того, как 19 апреля 1907 г. Сабашникова уехала в Москву к родителям, куда через 10 дней из Коктебеля прибыл и Волошин (*Богомолов*, 2009. С. 200).

<sup>2063</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 4–5 об.

<sup>2064</sup> Петр Александрович Гейден (1840–1907) — видный российский судебный, общественный и политический деятель, один из основателей «Союза 17 октября» (1905), депутат 1-й Государственной Думы, «чемпион» по количеству выступлений с думской трибуны — 190 раз.

Шипов был бы возможным премьером при условии раздачи остальных портфельей кадетам; но он на это не пойдет. Если меня позовет какой-нибудь Ермолов<sup>2065</sup>, то я могу по совести отказаться.

Очень благодарен Вам за приглашение приехать в Ораниенбаум и, в случае поездки в Петербург, рад бы им воспользоваться. Но вряд ли будет случай побывать в Петербурге: меня туда не требуют; партия центра что-то замолкла, да и не может сейчас проявлять особой деятельности, пока у власти Горемыкин и компания. А к тому же я боюсь далеко уезжать от моих сыновей. Хотя у нас в деревне все спокойно и настроение крестьян — самое мирное, полной уверенности в нынешние времена все же быть не может.

Что касается денег, то будьте так добры их переслать нашему фактическому казначею Алексею Семеновичу Вишнякову — директору Общества взаимного кредита. Следующий наш № выйдет уже брошюрой с обложкой и новым отделом «Дума» (еженедельный отчет). Желаю Вам всего лучшего.

Искренне Вам преданный  
Кн. Е. Трубецкой

**Н. А. Бердяев — Д. С. Мережковскому<sup>2066</sup>**

[21.09.1906. Киев — Париж]

г. Киев 21 Сентября

Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Пишу Вам из Киева, куда опять внезапно приехал, так как заболела моя мать. Все это время меня прямо пресле-

<sup>2065</sup> Алексей Сергеевич Ермолов (1847–1917) — помещик, государственный деятель, статс-секретарь (с 1903), член Государственного совета (с 1905), министр земледелия и государственных имуществ, действительный тайный советник.

<sup>2066</sup> РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 3–4.



дуют болезни: и сам я болен, и Лидия Юдифовна тяжело больна, отец был при смерти, мать тоже, да и все окружающие меня люди больны. Преследуют меня не только болезни, но и небывалый еще материальный кризис моей семьи. Вообще могу сказать, что трагический ужас эмпирического существования никогда еще не ощущался мной так, как теперь. И я не могу уже ко многому так легко относиться, как раньше. Все в жизни мне представляется гораздо более серьезным и значительным, жизнь каждого существа не пустяк, она полна религиозной важности. У всех у нас кровь отравлена нигилизмом, мы нигилистически относимся к сложному многому в жизни, к сложным многим живым существам. Я не выношу уже нигилистического чувства и ощущаю всю тяжесть перехода от нигилистической пустоты к новому положительному содержанию. Мистическое ощущение личности всегда было основным мотивом моей жизни, и, быть может, тут у нас с вами есть некоторое практическое разногласие. Питаю надежду, что этой зимой попаду за границу, Лидию Юдифовну взять лечиться. Тогда и к вам заеду, поговорю с вами всеми по душе. Я не знаю, что вы все приобрели за это время, в какую сторону сделали шаги. В основном я все ваше знаю, но оттенки на расстоянии могли от меня ускользнуть. В каком положении сборник? Много ли доставлено уже статей? Когда предполагаете выпустить сборник? Простите, что я до сих пор не прислал своей статьи, но очень уж неблагоприятно сложились в последнее время мои дела. Надеюсь скоро прислать. Какие нужно прислать биографические сведения? До меня случайно дошло известие, которое меня удивило. Мне передали, что у Вас возобновились переговоры с Пирожковым относительно журнала, что Пирожков поставил условием, чтобы редактором был Булгаков, и написал уже в этом смысле Сергею Николаевичу письмо. Это, по меньшей мере, странно со стороны Пирожкова. Еще в прошлую зиму в Вашем присутствии решено было, что я буду редактором журнала, издаваемого Пирожковым,

что журнал этот будет наш по направлению. Теперь возобновляется проект журнала, и я оказываюсь ни при чем, меня даже Пирожков не извещает о переговорах. Как Вы это объясняете и что сами предприняли? Говорю об этом бескорыстно, так как я очень не хотел бы быть редактором журнала, это занятие не по душе мне, и только материальная необходимость могла бы меня к этому принудить. Я сделался нервно-раздражительным, и мне опостытели Петербургские литературные нравы. Хотел бы писать только книги, если бы средства позволяли. Целую вас всех. Пишите мне пока в деревню (Люботин), куда я на днях возвращаюсь. Любящий вас Ник. Бердяев

**В. Ф. Булгаков — А. С. Глинке**<sup>2067</sup>

[26.09.1906. СПб. — Симбирск]

Милостивый Государь! Очень рад, что Вам пригодилась моя заметка<sup>2068</sup>. Насколько мне известно, этот маленький период в жизни Федора Михайловича Достоевского освещен одним лишь мною.

Что касается рукописи («автобиографии»), то она утеряна дочерью Тюменцева<sup>2069</sup>. Сам он умер. Об этой «автобиографии» я слышал от кузнечан разные мнения: одни говорили, что это была рукопись, другие — что большая книга, напечатанная Достоевским в малом количестве экземпляров и разосланная после его смерти, по его завещанию, его знакомым и друзьям по списку, составленному опять-таки им самим. Второе мнение более вероятно. Дочь священника Тюмен-

<sup>2067</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 3. Открытка: Москва — Симбирск.

<sup>2068</sup> См.: *Булгаков В. Ф.* Ф. М. Достоевский в Кузнецке.

<sup>2069</sup> Евгений Исакович Тюменцев (1828—1893) — протоиерей, благочинный г. Кузнецка. Настоятель церкви иконы прсв. Богородицы-Одигитрии, где зимой 1857 года Федор Михайлович обвенчался с М. Д. Исаевой. В 1884 г. в результате пожара сгорел архив священника.

цева сказала мне, что «автобиография» находится у взявшего ее почитать священника Минераллова<sup>2070</sup>, но когда я обратился к Минераллову, он ответил, что потерял «автобиографию». Я и отметил в примечании к моей статье, что «автобиография» утеряна. Меня уверяли, что Минераллов просто не хотел расстаться с книгой. Не знаю. Во всяком случае сообщаю Вам адреса Минераллова и дочери Тюменцева: 1) г. Кузнецк, Тюменской губ. протоиерею Спасо-Преображенского собора о. Виссариону Минераллову. 2) Там же, Екатерине Евгеньевне Васильевой (урожд. Тюменцевой), а за отсутствием ее Агнии Евгеньевне Тюменцевой. Желая всяческого успеха Вашей работе, беру на себя смелость повторить свою просьбу о высылке мне, если это возможно, какого бы то ни было автографа Достоевского. Если Вы — истинный почитатель Федора Михайловича, Вам моя просьба будет понятна. Сообщаю Вам адрес второй жены Достоевского. СПб., Фурштадская, 11. Если письмо не разыщет Тюменцевых, напишите мне — я наведу справки, мне это удобнее. Готовый к услугам, Вал. Булгаков.  
М. 1906. 26 сентября.

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой<sup>2071</sup>**

[Б. д. 1906?]

Многоуважаемая  
Маргарита Кирилловна

Сегодня вечером у нас заседание нашего комитета<sup>2072</sup>. Поэтому я могу зайти к Вам только днем в 1½, согласно Вашему письму.

Искренне Вас уважающий  
Кн. Е. Трубецкой

<sup>2070</sup> Виссарион Тихонович Минераллов (1866—1932) — священник церкви иконы прсв. Богородицы-Одигитрии.

<sup>2071</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 18.

<sup>2072</sup> По-видимому, речь идет о Редакционном комитете МЕ.

**В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому<sup>2073</sup>**

[Сентябрь 1906. Москва]

Дорогой Флоренский!

Когда Вы ушли, я сообразил, что мне очень бы хотелось прочесть Вам (покудова еще неоконченную) «Правду о земле», книжку для народа<sup>2074</sup>. Вы приехали из деревни, читали там наши вещи, и мне очень было бы важно, найдете ли Вы доступным мое изложение.

<sup>2073</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 269.

<sup>2074</sup> Брошюру «Правда о земле» (М., 1907; см. также: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 81–118) анонс изданий РОБ для народа объявлял «общим, принципиальным основанием для них всех (...) Остальные брошюры служат развитием отдельных глав и пунктов брошюры Свенцицкого» (Вопросы религии. 1908. Вып. 2. С. 405). «Внешняя законченность вполне соответствует внутреннему, строго продуманному и прочувствованному содержанию и является как бы следствием целостности последнего... Автор доказывает верующим христианам, что в задачи и цели их земной жизни должна входить забота и стремление просветить землю и сблизить с небом, приготовить к грядущему Царствию Божию... За каждой строчкой, написанной по поводу любой области разбираемой автором земной действительности, чувствуется единая глубокая основа, этой основой является принимаемая всецело Свенцицким христианская истина, как она дана нам во Христе и Его Евангелии. Пронизать и осветить ею всю нашу жизнь призывает нас автор. (...) Подчеркивает принципы, которые должны лежать в основе земной деятельности христианина, члена Церкви и члена государства, и дает приблизительные нормы этой деятельности» (*Михаил Семенов, еп.* Рец. // Старообрядец. 1907. № 6. С. 714–715). «В этой книжке впервые в систематической сжатой и понятной форме даны ответы на вопросы о религиозном смысле освободительного движения, о том, что говорит слово Божие о его нуждах, о земле, о свободах... Автор показывает, почему и христиане должны принимать участие в политической и экономической борьбе... и переходит к учению о Церкви, ее роли как собирательницы всего Добра, находящегося в мире. Последние главы выясняют, каковы должны быть Церковь, государственный строй и социальные отношения для того, чтобы эти три силы наилучшим способом служили Добру в его постоянной борьбе со злом» (*Михаил Семенов, еп.* Рецензия под титулом брошюры // Век. 1907. № 13. С. 168–169).

Мне оказалось нужным быть в одном месте — к 8, так что приходите часам к 5½.

Ваш Валентин.

**П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну**<sup>2075</sup>

[1.10.1906. Сергиевский Посад — Москва]

Дорогой Володя!

Будьте добры, по возможности скорее сообщите мне, кто из профессоров (кроме Ключевского) по русской истории в университете считается наиболее талантливым, ученым и все прочее; если можно, укажите нескольких и сообщите приблизительно их направление, и главное, их политическое направление и их отношение к деятельности<sup>2076</sup>. Это очень нужно для академии — для чего, объясню после. Каков Кизеветтер?<sup>2077</sup> И как к нему относится полиция?

Затем попросите Сашу поскорее прислать мне рукописи о Гамлете и о Флобере<sup>2078</sup>. Они мне необходимы для заседания в ближайшем будущем. Вместе с ним, пожалуйста, доставьте сколько есть листов Зома. Остальное Вы знаете.

<sup>2075</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 269–271.

<sup>2076</sup> Скрытое обозначение освободительного движения.

<sup>2077</sup> Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) — магистр русской истории (1903), член «Союза освобождения» (1904) и ЦК партии кадетов (1906), редактор РМ (1908–1910). автор ряда исторических статей. Читал лекции в Московском университете. В 1911 г. покинул университет по политическим мотивам. В 1922 г. выслан за границу, скончался в Праге.

<sup>2078</sup> Речь идет о рукописях двух статей, написанных Флоренским в 1905 году: «Гамлет» предназначался для печати в журнале «Весы», но по неизвестной причине остался неопубликованным, хотя на рукописи имеются указания для наборщика. Впервые опубликован: Литературная учеба. 1989. № 5. С. 137–150. Публ. игумена Андроника, П. В. Флоренского. Подготовка текста Н. К. Бонещкой.

Вторая статья посвящена анализу сочинения Г. Флобера «Искушение святого Антония». Впервые опубликована: Антоний романа и Антоний предания // Богословский вестник. 1907. Т. 1. № 1. С. 119–159.

Тут, в академии, идут такие дразги, такая борьба, что я совсем погрузился в уныние и отчаиваюсь в человеках вообще. Ничего особенно скверного (увы!!) и без конца «мелких бесов»<sup>2079</sup>. Поистине: «Так был изгрызен мышами Гаттон»<sup>2080</sup>. Удивительно, насколько в каждом из человеков много святого, если посмотреть *sub specie*<sup>2081</sup> *имярек* (уж не знаю чего: не *deitatis*<sup>2082</sup> ли?). И еще удивительнее, откуда берется столько мелкого беса. Мерзее же всего, что в самом себе я не могу справиться с этим насекомым<sup>2083</sup>. И кажется, что чем больше бьешься, тем хуже идут дела. «И падая стремглав я пробуждался»...<sup>2084</sup>

Деятельность Вас всех? Да, мило, хорошо. Но именно мило — не свято. Я это не в смысле упрека говорю, напротив, с ласкою. Мое несчастье, что я не перевариваю революционеров и их теорий и пр. А то бы чего лучше, как быть в какой-нибудь дружине. С досады, кажется, скоро придется ходить по гостям и наподобие какой-то водевильной дамы

<sup>2079</sup> Образ, заимствованный Флоренским из романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», в котором изображен порочный, невежественный и отвратительный интриган — учитель Передонов. — В. К.

<sup>2080</sup> По преданию, во время голода 914 г. архиепископ Майнцский Гаттон II приказал сжечь бедняков в амбаре и в наказание был съеден мышами. Цитируется перевод баллады Р. Саути «Суд Божий над епископом» (1799).

<sup>2081</sup> С точки зрения (*лат.*).

<sup>2082</sup> Божества (*лат.*).

<sup>2083</sup> Митя Карамазов тоже чувствовал, как растет, разрастается в душе жестокое насекомое: «И мы все... такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет, и в крови твоей бури родит» (*Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 14. С. 100). Его действия подробно описал Свенцицкий в романе-исповеди «Антихрист»: «Но я ничего не знаю отвратительнее насекомых под названием “наездники”. Они кладут свои яйца в живых гусениц других насекомых, гусеница не умирает, она продолжает жить, но внутри нее уже живет другая личинка, питается, растет и наконец выводится вместо настоящей... Я чувствую, что я именно такая гусеница с лицом человеческим и что меня проколот другой, и живет во мне, и ест душу мою» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 108).

<sup>2084</sup> Цитата из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

(не из Чехова ли?) восклицать: «Дайте мне восторгов, поэзии!.. Дайте мне бури!..»<sup>2085</sup>

Гнусно жить без подвига. А медленный подвиг, действительно начинаемый как подвиг, в моих руках мало-помалу всегда выдыхается, и каждый раз требуется новая встряска. Знаю, конечно, до тошноты знаю, что тут сейчас начинается разговор «о процессе», об Апокалипсисе, о постепенном созидании Тела и обо всем прочем. Все признаю, все подтверждаю. Знаю как дважды два. Но хочу вопреки, наперекор, сверх всякого знания. Хочу «вдруг». Верю во «вдруг». Говорю о процессе, о будущем, а живу и верю в нутре души только одним «вдруг», только одним «настоящим». Жажду чуда, жажду «теперь». Моя *disciplina arcana*<sup>2086</sup> — «прошибай стену лбом!», и может быть, я с высшей точки зрения все-таки неискренен, когда делаю вид, что соглашаюсь на кирпичи, ломы и все прочее. Всем сердцем верю в чудо и не весьма доверяю работе. Ну, да Бог с ним всем. Помолитесь обо мне.

Напишите, если найдется времени, о своих делах. Я в тот приезд так и не имел времени (все время кто-нибудь присутствовал третий) спросить Вас как следует об этих предметах. Как здоровье Свенцицкого?

В одном только я завидую вам всем. Хотя вы бегаєте ногами, но можете стоять духом. А я сижу в комнате, но духу разные внешние обстоятельства (визиты и т. п.) не дают успокоиться. Волей-неволей приходится «нестись сидя».

Напишите, о чем можете. Вы знаете ведь, что мне интересно знать о Вас все. Но я как-то ужасно боюсь приставать с вопросами: вопросы всегда кажутся какими-то неделикатными навязываниями. А ответ, добытый через насилие, теряет для меня всю свою ценность. Пишите же сами, что и как знаете.

Ну, прощайте. Целую Вас. Поклон всем.

П. Флоренский.

<sup>2085</sup> Цитата из пьесы А. П. Чехова «Свадьба».

<sup>2086</sup> Тайное учение (*лат.*).

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>2087</sup>**

[6.10.1906. СПб. — Киев]

(...) Об учебнике<sup>2088</sup> письмами получаю хорошие отзывы. Один из самых хороших — от княгини Трубецкой, «знакомой со всей учебной литературой». Свенцицкий жалеет, что мало философско-апологетического материала: «Неверие начинается с 2–3 класса гимназии!» Письма дают материал для статьи — ответа на отзывы.

Вчера 3 часа провел у Трубецкого, где был и Струве. «Разругали» Струве за то, что сына своего не крестит. Ему уже год. Предстоит у меня крещение. (...)

**И. П. Брихничев — В. Ф. Эрну<sup>2089</sup>**

[6.10.1906. Тифлис — Москва]

(...) Основываясь на прежних Ваших сообщениях, я рассказал здесь о скором выходе новых номеров «Стойте в свободе»<sup>2090</sup>, и все ждут с нетерпением... Когда же? Просил я еще Вас прислать мне некоторые брошюры, избранные Вами совместно с «Валентином», как Вы его называете, Александром Викторовичем<sup>2091</sup> и другими, а также — программу Христианского братства борьбы и книгу «Против смертной казни».

<sup>2087</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 271.

<sup>2088</sup> См.: *Аггеев К.* Христова вера: Изложение христианского вероучения и нравоучения в понимании Православной Церкви, приспособленное к умственному развитию учащихся в 4–5 классах мужских и женских гимназий, 3–2 классах женских институтов. Ч. 1. СПб., 1907.

<sup>2089</sup> Там же. С. 272.

<sup>2090</sup> Согласно подписи, автор письма был «арестантом Метехского замка» (тюрьмы в Тифлисе). В вып. 2 «Стойте в свободе!» было опубликовано стихотворное послание Брихничева от 23 июня 1906 г. из Карской крепостной тюрьмы.

<sup>2091</sup> А. В. Ельчанинов. — В. К.



**Н. А. Бердяев — З. Н. Гиппиус<sup>2092</sup>**

[10.10.1906. Люботин — Paris]

Дорогая Зинаида Николаевна!

Через два дня еду из деревни в Петербург и буду ждать от Вас известий по адресу Саперный 10. До сих пор не получил ответа на письмо к Вам. На днях перешлю в письме свою статью<sup>2093</sup>. Жду известий. Ваш Ник. Бердяев

Шлю вам свою фотографическую карточку. Почему вы до сих пор не прислали?

**Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной<sup>2094</sup>**

[10 / 23.10.1906. Париж]

X 10/23 06

15bis Rue Théophile Gautier Paris (XVIe)

Спасибо за милую записку. Только уж очень коротенькая, короче воробьиного носа. А хотелось бы знать, как Вы себя чувствуете в реакционном Петербурге. Напишите подробнее. Что Розанов и Вячеслав<sup>2095</sup> и другие?

Сейчас прочел Ваше стихотворение «Я» в «Золотом Руно»<sup>2096</sup>. Увы, кажется, все-таки Людмила победит Бэлу<sup>2097</sup>.

<sup>2092</sup> РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев Н. А. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 3. Открытка.

<sup>2093</sup> К этому времени в 1906 г. были опубликованы три статьи Бердяева: К истории и психологии русского марксизма // Полярная звезда. 1906. № 10. С. 678–686; О путях политики // Свобода и культура. 1906. № 2. С. 106–121. Социализм как религия. // ВФП. 1906. № 85. С. 508–545.

<sup>2094</sup> Печатается с комментариями по: Быстров, 1994. С. 250–251.

<sup>2095</sup> В. И. Иванов.

<sup>2096</sup> Золотое руно. 1906. № 7–8–9. С. 103.

<sup>2097</sup> Стихотворение построено на противопоставлении двух образов: «Бэла» воплощает некое стихийное, «демоническое» начало, а «Людмила» — «дух святости». Ср.: «Душа Людмилы с жизнью все светлела. / В толпе людей она всегда одна. / на Бэлу смотрит с горечью она, / От счастья бежит, страшась предела. / Когда с Людмилой встретилась любовь, / Она склонилась с нежностью лазурной. / Но в Бэле дерзко

По крайней мере, в отношении ко мне уже победила. А жаль Бэлы. Для меня-то Мне-то жаль, ну, а для Вас, пожалуй, хорошо. Я, впрочем, принимаю Вас и такую, как Вы есть. Мне нравятся обе — и Людмила, и Бэла.

В Париже — волчий холод. Николай Максимович мечтает о керосиновой печке. Он был недавно у нас, обедал. Кажется здоровым, бодрым и веселым. Ходит в библиотеку и работает. Собираюсь к нему. А вообще здесь пустынно, такое ощущение, как на необитаемом острове. Мы издаем наш сборник у Perrin'a<sup>2098</sup>. Выйдет, должно быть, в январе. Но неизвестно, кто его здесь будет читать. Французам ничего не нужно, кроме того, что у них есть.

А Пирожков что? Убедите-ка его издавать журнал. Бэла, а не Людмила, не забывайте меня. Пишите обо всем, — ведь мы здесь изгнанники, хотя и добровольные. А я Вас не забуду — ведь Вы это чувствуете?

Ваш Д. Мережковский

Пришлите Вашу книжку, когда она выйдет<sup>2099</sup>. Не бойтесь — я ругать не буду.

---

взбунтовалась кровь, / И страсть зажглась — пожар среди ночи бурной. / Кто ближе мне и кто сильнее из двух? / Дух святости иль страсти темный дух?..»

<sup>2098</sup> Речь идет о сборнике статей Д. Мережковского, З. Гиппиус и Д. Философова «Le Tzar et la Revolution». Deuxième édition. Perrin. 1907. Ранее в издательстве Perrin вышла книга: *Merejkovskij D. Tolstoï et Dostoïevsky*, Perrin, 1903.

<sup>2099</sup> Речь идет о сборнике «Мой сад». В открытке, посланной Вилькиной 24 апреля 1906 г. (н. ст.), Мережковский писал: «...вспомнил о Вашем обещании прислать мне книгу Вашу. Вышла ли она? Если вышла, то пришлите... Я напишу о ней рецензию. Я вообще вернее, чем Вы, в своих обещаниях» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 3. № 882. Л. 92). Намерение это, видимо, не осуществилось. По поводу предполагавшейся рецензии на книгу Л. Н. Вилькина писала В. Брюсову, решившему дать свой отзыв в «Весках»: «Милый друг, чего же лучше! Я очень довольна, что вы будете писать о моих стихах. Вы всегда были моим одобрителем и печатали у себя в самые тяжелые для меня минуты. А писала вам о Мережковском, потому что он мне это поручил. Что ж, напишет в другом месте или о другой книге, которую хочу выпустить или весной или ранней

**В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>2100</sup>**

[13.10.1906. СПб. — Сергиевский Посад]

Дорогой, милый Павлуша!

Прежде всего отвечу на ваши прямые вопросы. Сколько мне известно, в университете, помимо Ключевского, достойны внимания только три преподавателя по русской истории: 1) Кизеветтер, 2) Богословский<sup>2101</sup>, 3) Рожков<sup>2102</sup>. Кизеветтер как лектор безусловно талантлив, иногда прямо блещет удачными выражениями, особенно хорошо знает XVIII век с административно-хозяйственной стороны. По убеждению кадет, и ярый кадет. Часто выступает на кадетских собраниях против социал-демократов и, судя по газетным отчетам, бывает очень силен как оратор. Теперь, кажется, затевает большую газету наподобие петербургской «Страны».

Богословский очень знающий и серьезный лектор с своеобразным изяществом, получающимся от глубокого изучения. Специалист тоже по XVIII веку. По политическим убеждениям «октябрист». По личным впечатлениям моим, как личность — мало симпатичен. Нет идеи, нет убежде-

---

осенью и куда войдут все стихи и все рассказы. А ведь в этой книге — только близкие моему сердцу» (цит. по кн.: Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. М., 1990. С. 679. — Прим. Н. Богомолова.

<sup>2100</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 272–273.

<sup>2101</sup> Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) — приват-доцент (1898) и доцент (1908) по кафедре русской истории Московского университета, доцент (1908) и ординарный профессор (1912) МДА, академик РАН (1921).

<sup>2102</sup> Николай Александрович Рожков (1868–1927) — приват-доцент Императорского московского университета (1898–1906), член РСДРП (б) с 1905 г., затем перешел к меньшевикам, постоянный оппонент В. И. Ленина, который писал: «этот человек есть и будет... нашим врагом до конца» (В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 580); товарищ министра почт и телеграфа (лето 1917 г.), пропагандировал идеи нэпа с 1918 г., директор Государственного исторического музея (1926).

ний. Помню, при мне у Протопоповых говорил, атеистически аргументируя, что православие подлежит полностью уничтожению вместе с самодержавием, — это когда-то, а теперь в качестве члена Союза 17 октября принимает участие в заседаниях по церковной реформе...

Рожков — специалист по экономической истории старой Московской Руси. Знает, в каком месте мыши обьели «Писцовые книги», а в каком месте оставили след. Несколькo туповат. Но смел и решителен как практически, так и теоретически. По убеждениям — социал-демократ и ярый большевик. Сидел в тюрьме как редактор «Светоча»<sup>2103</sup>, недавно выпущен. Одна любопытная подробность: когда второй № «Стойте в свободе» попал в тюрьму и Орлов по общей просьбе стал читать его вслух, — Рожков вместе со всеми другими очень остался доволен и говорил, что теперь только такими газетами и можно что-нибудь сделать. Ну вот! Есть еще приват-доценты и магистранты, но такие жалкие и ничтожные, что я, право, ничего не могу о них сказать, хотя я видал их и даже забегал на практические занятия. Забыл профессора Любавского. Это уже просто дубина «стоеросовая».

Простите, дорогой Павлуша, приходится письмо прервать. Неожиданно понадобилось мне ехать в Берлин — отвезти больную *belle-soeur* в клиники<sup>2104</sup>. Еду всего на неделю. Потом напишу. Хотелось Вам много сказать. Откликнулось много в сердце на Ваше письмо. Пока прощайте. Господь с Вами, милый Павлуша. Целую и обнимаю Вас. Привет Троицкому.

Всем сердцем Ваш Володя.

<sup>2103</sup> «Светоч» — московская ежедневная газета, приостановлена властями в мае 1906 г. за «вредное направление».

<sup>2104</sup> Мария Давыдовна Эрн (Векилова) (?–1963) — сестра Евгении Давыдовны Эрн (Векиловой), жена Николая Францевича Эрна, брата В. Ф. Эрна. Братья Эрны были женаты на сестрах Векиловых..

Д. Д. Галанин (мл.) — П. А. Флоренскому<sup>2105</sup>

[15.10.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павел Александрович!

Дело вот в чем. Петровский уехал и оставил неконченной корректуру Зома. Вести ее очень трудно, так как он что-то исправляет и изменяет. Так как перевод делали и Вы, то, может, можно посылать корректуру Вам, если исправление Вас не затруднит. Подлинник Петровский, кажется, оставил. Сейчас нет в Москве ни Владимира Францевича, ни Саши (один уехал в Питер, а другой в Берлин)<sup>2106</sup>, поэтому никто не может вести корректуру с исправлением.

Если Вам это трудно, то, может, можно это дело дать кому-нибудь из Сыроечковских; летом Борис, кажется, хотел вести корректуру Зома. Ответьте возможно скорее.

Дела в застое. Газета, может, скоро будет печататься в Питере, но возможно, что разные случайности задержат.

Приехали в Москву Булгаков и Волжский. Велись переговоры с Ефимовым о двухнедельном журнале. Он обещал помощь, но самостоятельно не берется вести его. Владимир Францевич вернется дней через 10 в Москву, и тогда, наверное, откроется Соловьевское общество. Как Выживаете?

Всего лучшего. Д. Галанин. Адрес: Мал. Толмачевский, д. 2, кв. 22. Д. Д. Г. (сыну).

Р. S. Вы знаете, что Володю из избушки (в Нащокинском пер.) выгнали, они живут теперь — Троицкий пер. (на Пречистенке), д. Санина, кв. 4.

<sup>2105</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 273–274.

<sup>2106</sup> В письме от 19 октября 1906 г. Галанин уточнял: «В Берлине не Ельчанинов, а Володя по личным делам (кажется, из-за медицинского пособия кому-то из близких родственников). Ельчанинов — в Питере печатает газету [“Два пути”], так сказать, № 3 “Стойте в свободе”. Здоровье Свенцицкого ничего хорошего. “Вопросы религии” расходятся прилично» (Архив семьи Флоренских).

**В. Н. Лашнюков — Пастырям Церкви<sup>2107</sup>**

[17.10.1906]

(...) Мы примыкали к программе требований социализма, но ни в коем случае не сливаясь с ним. (...) Или мы неправильно понимали христианство, тогда мое преступление религиозное и я подлежу духовному, а не светскому суду. Или мы правильно понимаем христианство, но тогда другое неразрешимое противоречие: в христианском ли государстве христианский суд может осудить меня за то, что я христианин? Неужели же в нашей несчастной родине дело дошло уже до этого? (...)

**Э. К. Метнер<sup>2108</sup> — М. К. Морозовой<sup>2109</sup>**

[22.10.1906. Москва — Москва]

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна!

Я собирался писать вам в тот момент, когда принесли Ваше письмо Коле. Он сейчас занимается, просит меня передать

<sup>2107</sup> Там же. С. 274. Открытое письмо Лашнюкова под заголовком «За что я осужден?» опубликовали 17 октября газеты «Страна» и «Русское слово». «Нам представляется несколько странным, с одной стороны, что потерпевший редактор взывает к чувству христианской правды священника, а с другой — протест против правительственного насилия над его религиозною совестью, выразившегося в осуждении его на заключение в крепость. (...) Ужели для него не очевидно, что широкая политическая перспектива, вроде, например, программы “Народа”, есть только теоретическая иллюзия, не способная стать правдой до тех пор, пока существует наличное соотношение Церкви и государства? (...) Духовенство не хочет знать социализации общества... А “Народ” и его редактор верят в социализацию христианского общества на церковных началах!» (Церковный голос. 1906. № 46. С. 1274).

<sup>2108</sup> Эмилий Карлович Метнер (1872–1936) — публицист, переводчик, издатель, литературный и музыкальный критик. Старший брат композитора Николая Метнера.

<sup>2109</sup> НИОР РГБ. Ф. 171.1.52а. Л. 1–2.

Вам свой сердечный привет и сообщить, что необходимо отложить вечер на 31-е, вторник. Со своей стороны я намерен был предложить вам нижеследующую формулу приглашения на вечер: «31-го октября и т. д. (...) Музыкальный вечер. Исполнено будет фортепианная программа концерта Николая Метнера (7 ноября, Благородное собрание)». При приглашениях надо приложить программы, которые я постараюсь своевременно доставить. К такому решению мы пришли с братом; почему, сообщу Вам во вторник.

Валентина Дмитриевна Философова<sup>2110</sup> никоим образом участвовать 31-го не может. Это неважно. Коля находит, что заезжать Вам к Философовой не имеет практического значения. Адрес ее: Собачья Площадка, дом Мазурина.

Искренне преданный Вам  
Э. Метнер

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>2111</sup>**

[24.10.1906]

24 октября.

Пишу 24-го. Вот твое письмо получила сегодня. Пришло, как всегда отпаренное, отпечатанное, прикрепленное едва клеим на самом уголке конверта. И затасканное. Ну, да это, конечно, неважно. Я только боюсь, как бы не пропадали письма, а пусть себе читают, коли интересно. Дело семейное, неопасное. Пожалуй, что и читают из любопытства. Попробуй, напиши на пробу с печатью. И заметь — отклеивают ли мои письма к тебе. (...)

Ты не видишь, отчего я мечусь под Димочкой, который выводит меня из моих желаний, когда он говорит, что

<sup>2110</sup> В. Д. Философова (ок. 1870—?) — певица (меццо-сопрано), музыкальный педагог. Первая исполнительница ряда песен Николая Карловича Метнера. Тройродная (четвероюродная?) сестра Д. В. Философова.

<sup>2111</sup> Печатается с комментариями по: Павлова, 2004. С. 423–426.

я влюблена в Карташева, и надо, чтоб все было естественно. Слушай же меня! — надо принять, что любовь, вся, какая есть, помещается для меня только в Церкви. Таково родилось мое сознание органическое — в жизнь, после отрицания любви как жизненного источника. Мне, выходящей, если только я выхожу из Церкви нашей, — не нужно любви. Там что у меня останется? Ты говоришь — безбоязненно, честно спросить. Там остается наслаждение гнусностью, мои черти, призраки шабаша, подземные котятки, упоеание тайной к ужасу и к худу, стремление к автоматам подвластно, покорно, — такой взгляд на мир. И протест против этого со страданием, и ненависть. Не думай, что во мне нет ничего гнусенького; вопрос — как быть.

Твое письмо мне как-то в тоне самом, в твоём отношении показалось малым для этих вопросов. Точно ты самую-то Тайну проглядела, не выносишь ее на себе. Ты говоришь, что я — пути не хочу. Неправда, только ведь вопрос — один ли путь, или нет. Мне знать надо. Ты говоришь — «цинично» о девушках и женщинах. Что же циничного? Это правда, это я знала. Мы еще не то говорим и не на этом основываемся... ничего нет тайного, все сюда вносить надо, чтобы помогло. Но как быть с этим всеобщим законом? Вот, может быть, еще какой путь — освещения, пронизывания всего, что может осветиться, и если что не может, то не брать, само не возьмется — не захочешь. Путь движения медленного, с возможностью срыва. Потому что брать все, и освещенное и неосвещенное, огулом, — потом, мол, увидим, — уже нельзя без лжи перед своей совестью. (...) Поэтому я считаю, что путь мой, первые шаги, как ты говоришь, — есть к приближению. Но вот знай и ты, что о том факте, что девушка не так уж очень не знающая ничего, не первой молодости и не «в романтической влюбленности», а имела более глубокую и серьезную любовь, я бы сказала, знающая хоть оттенок чувственности, если она все-таки отрицает самый акт, то нужно над этим подумать.

Бывали примеры, что до любви девушки отрицали брачное сношение, а полюбивши (конечно, с боязнью неизвественно-



го), — и до брака фактически уже, наоборот, стремились сознательно. И пойми, милая, что нет во мне отвращения детского, прежнего, — я же знаю себя. У меня ощущение Тайны, дано мне это — ну, предположи же — ощущение Тайны к ужасу, к худу. Тайну, которую я могу, конечно, могла бы принять, если бы видела в этом не ложь, а правду, не стояние, а путь. Ну, скажи, ведь ты мне пишешь о девушках романтических. А забыла ты, какая у меня была ненависть к Успенскому с его любовью недвижимой? Забыла, что я тебе писала о нем? Забыла ли, как я говорила, что Серафима Павловна для меня как бы мертвая, не понимает радости чувственной? И что Алексей Михайлович мне ближе<sup>2112</sup>? Забыла, как я против Блока с его Прекрасной Дамой<sup>2113</sup> от тесноты изнывала? Разве я вмещаюсь в образ той невинной девушки с чистой влюбленностью? Ведь, принимая самый акт, я как бы сливаюсь с этими моими чертами, им себя отдаю, половину мира беру, выхожу из Церкви, где (Отец с Сыном), где мне спасение и счастье и полнота.

Я, знаешь, начинаю думать, а вдруг этот же Карташев ближе ко мне, чем вы? Вдруг он-то меня и поддержит? Ты его не знаешь, как я теперь его знаю. У него нет такой иступленной стыдливости, как ты думаешь (в алькове с невинностью). Ценю то, что он физиологически совершенно нормальный человек. Представь его не с невинностью, а с обыкновенной женщиной. И я думаю, нормальнее себе представить невозможно. В этом пункте ты не права. И это ценно. И ценно, что он долго и упорно не понимал здесь моего ничего, утверждая жизнь в браке телесного соединения.

Когда вопросы многие предрешились, и этот открылся — и о роде и о безличности, он логически как естественную необходимость — принял, но не вник нутром, как я. Такому воз-

<sup>2112</sup> Супруги Ремизовы — В. К.

<sup>2113</sup> Образ первого тома лирики А. Блока — «Стихи о Прекрасной Даме» (М.: Гриф, 1905), ставший символом возвышенного, отвлеченного, далекого от земного воплощения романтического идеала.

держаннику и такому чувственнику, как Карташев, не представляема, например, возможность победы над плотью своей волей и своей радостью, в длительности, в бесконечность времени... у него от неизвестности женщины — обостряется до ужаса влечение. Вот тут и скажите: ценна ли будет или была бы возможность через победы в радости, светлости, близкого в чувственном наслаждении телом с молитвой, светом сознания, но без падения (то есть без крышки, а бесконечное усиление). Или если этого достигнуть, то и это ничего не дает, это нуль и еще хуже, чем простое соединение. Есть ли «путь» наш — путь к трем — в достижении этого? Или не путь к истине? Или тогда все-таки нужно будет испытать и соединение, отделенное от Главного, как венец наслаждения только телом, в темном опьянении? Ведь это тогда нужно сделаться проституткой, войти во вкус наслаждения, все виды извращений пройти, это я понимаю, одним словом, сесть на помело да на шабаш ехать с ним, с Карташевым, потому что все равно уж не освятить — так там на шабаше и погрузиться в ласкание. (...)

Неистовства моего вы не знаете. Что по правде — я все хочу. Ты пишешь: путей я тебе не указываю. Но намечаешь. Ты пишешь: Физиологический протест против полового акта (я так нарочно выгораживаю «акт» как особую ТАЙНУ, отличную от Тайны Тела), ты считаешь, что можно рассматривать: 1) сохранять этот протест, утверждая в недвижности во имя вечного девства, отрицания плоти и пола, 2) победить во имя брака и деторождения, а у нас — 3) принять и победить во имя движения.

А может быть — сохранить во имя движения, во имя принятия плоти и пола, как протест против недвижности, сохранить в браке, в церкви находящимся органически. Потому что вне Церкви заключение девственных браков есть неподвижность и протест против жизни (ну, не чепуху ли я говорю? как, по-вашему?), да и едва ли возможен при нормальной организации тела. Но так: не отвращаться, а испытывать: хочется ли тебе? Тебе, истинной, светлой, которая есть Ты? Ничего не поймешь. Я даже знаю, как мож-

но перетолковать: я «светлая» и, значит, «чистюлька». Нет, а такая, как у тебя в «Алом мече»<sup>2114</sup>, истинная; это для твоего же ощущения привела пример.

Вот что я подумала.

Если у нас должен быть брак (тайна 2-х), то должно быть овящение, просветление.

Так вот вопрос: что мы-то благословили из того брака, который есть. Потому что из него же возьмем. Весь брачный обряд? Ревекка, потомство и т. д.? Или специфически что-то отличное?

### А. В. Бельгард — П. К. Камышанскому<sup>2115</sup>

[25.10.1906. СПб.]

Господину Прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты.

С.-Петербургский Комитет по делам печати, усмотрев в напечатанном в № 1 повременного издания, озаглавленного «Духа не угашайте. Два пути», рассказе «Бог или Царь?»<sup>2116</sup> признаки преступления, предусмотренного п. 5 ст. 129 Уголовного Уложения, постановил привлечь редактора-издателя названного издания С. Синельникова (Коломенская ул., д. 25, кв. 27) к уголовной ответственности

<sup>2114</sup> Люся, героиня повести З. Гиппиус «Алый меч», вместе со своими друзьями Алексеем и Федором уходит в затвор, чтобы на личном опыте проверить возможность воплощения в жизни идеи тройственного соединения; сюжет повести имеет автобиографический подтекст. Повесть вошла в сборник З. Гиппиус «Алый меч. Рассказы» (СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1906).

<sup>2115</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 275.

<sup>2116</sup> Автором был Свенцицкий: подписанные псевдонимом «Омега» короткие рассказы (См.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 509–511; *Новый журнал*. 2010. № 261. С. 133–140) он предполагал объединить в брошюре для РОБ под названием «Солдат задумался» (*Свенцицкий В. Не убий! // Век. 10 (23) июня 1907. № 22. С. 348*). В номере публиковалось еще три его статьи.

по п. 5 ст. 129 Уголовного Уложения и на основании п. «а» ст. 9 отдела VII Закона 24 ноября 1905 года, наложить арест на № 1 временного издания «Духа не угашайте. Два пути»<sup>2117</sup>.

О таком постановлении С.-Петербургского Комитета Главное Управление по делам печати, на основании ст. 1213 п. 5 Устава Уголовного Суда, считает долгом сообщить Вашему Превосходительству, присовокупляя, что о наложении ареста на прилагаемый при сем № 1 вышеназванного издания распоряжение уже сделано.

Начальник Главного Управления по делам печати Бельгард.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву**<sup>2118</sup>

[25.10.1906. СПб. — Киев]

(...) на днях был у меня Ельчанинов, секретарь московской компании. С ноября издается в Москве еженедельник «Свобода и религия» под редакцией Сергея Николаевича Булгакова при деятельном участии Карташева и моем. Уверены в твоём сотрудничестве. Предполагается издание «цензурное». Деньги даются Ефимовым, издание берется всецело им.

<sup>2117</sup> От столичного градоначальника 23 октября 1906 г. было выдано свидетельство на выпуск в Петербурге еженедельной газеты «Два пути» по следующей программе:

1) статьи по вопросам теологии, религии и политики; 2) романы, повести, очерки, рассказы и стихотворения; 3) библиография; 4) смесь; издателем и ответственным редактором значился сын потомственного дворянина Сергей Николаевич Синельников, проживавший по адресу: Николаевская наб., д. 29, кв. 14 (РГИА. Ф. 777. Оп. 7. Д. 469. Л. 1). С.-Петербургская судебная палата 3 ноября 1906 г., «не усматривая в напечатании инкриминируемой статьи каких-либо признаков преступных деяний», отменила арест газеты (РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д. 315. Л. 5), но соответствующее распоряжение градоначальника уже было сделано и продолжить издание участникам ХББ не удалось.

<sup>2118</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 275–276.

Сегодня заседание по поводу «обновленного» органа «Век». Редактор Никольский<sup>2119</sup> (Карташев дал только имя) просит — вел переговоры с момента возникновения мысли — тоже принять участие, в какой бы форме я ни пожелал.

Возвратился с заседания. От редакционного участия отказался за полным недосугом. Но статьи обещал. Ни Карташев, ни я органом не захвачены, хотя желаем ему успеха. Залог последнего — в необыкновенной газетной деловитости Никольского и скромности расходов редакционных: Никольский и его жена — редактор, конторщик, корректор, экспедитор и т. д. (...)

### **В. П. Свенцицкий — К. М. Аггееву<sup>2120</sup>**

[*Конец октября 1906. Москва — СПб.*]

(...) Меня иногда неотразимо тянет уйти куда-нибудь в египетскую пустыню и там отдаться всем сердцем и душою служению в Духе, — это бывает особенно сильно, когда внешняя, косная, бездушная эмпирия стоит здесь на пути религиозного дела. Теперь я не чувствую этого — и мне хочется служить Господу Богу моему в самой жестокой, самой суетной жизненной борьбе. (...)

### **Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>2121</sup>**

[*27.10.1906*]

27 октября.

(...) Сегодня на молитве мне пришло в голову, что, в сущности, для меня, небесноминдальницы, пожалуй, вред-

<sup>2119</sup> Владимир Александрович Никольский (1870–1918) — публицист, редактор-издатель журнала «Век» и директор-распорядитель общины его собственников.

<sup>2120</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 27. С. 276.

<sup>2121</sup> Печатается по: *Павлова*, 2004. С. 426.

но молиться. (Это я так решила, чтоб после проверки — отвергнуть.) Ты говоришь мне о пути, в котором явное есть то, что не приемлется здесь. Разорвать свое религиозное существо с данным мне при рождении — я не могу (у женщины эрос связан с психологией и религиозным сознанием органически. Это тоже «циничный» научный факт). Я должна выйти, оставить пока, идя твоим «путем», для опыта, религию, оставить молитвы. Это мне полезнее будет. Так и Димочка делает. Чтоб не было канители. Ни то ни се. Тогда, может быть, и возможен будет путь, о котором ты говоришь, но без любви, потому что ведь все же связано с религией. (...) Карташев мне стал очень близким. Он говорит, что удивляется, как переменялся. Это для меня страшно важно, потому что случилось уже то, о чем думалось. Это мое утверждение. А с вами мне тесно, узко. И даже с тобой. (...)

Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>2122</sup>

[28.10.1906]

Пишу 28-го, час ночи. (...) Ты пишешь о бесстрастности девушки, даже о ее кротости, вообще. Это я помню, но не вижу выхода с твоей точки зрения: поборание этого протеста и принятие «брака» — факт: а может быть, и стану нормальной женщиной? Не забывай и Ты, что у женщин вообще любовь и религия связаны с мозговой деятельностью неразрывнее и беспощаднее, чем у мужчин. (Например: сумасшедшие женщины почти всегда эротоманки.) Как с этим фактом считаться? Этот факт нормальный в жизни. И не забывай, что протест у девушек бывает непосвященных, или романтически влюбленных в ангела чистой красоты. При чем же я тут? (...)

<sup>2122</sup> Там же. С. 427.

**О. А. Флоренская — П. А. Флоренскому<sup>2123</sup>**

[28.10.1906. Тифлис — Сергиев Посад]

Милый брат, скажи мне, пожалуйста, где сейчас Дмитрий Мережковский? Не знаешь ли адрес его?

Скажи. Ответь.

Валя. 1928/X 06

**Д. В. Философов — В. В. Розанову<sup>2124</sup>**

[30.10.1906?]

Дорогой Василий Васильевич.

По поводу сегодняшнего Вашего фельетона посылаю вам 1) № газеты «Право», где помещена интересная статья личного друга Стаховича — Владимира Набокова<sup>2125</sup>, и 2) мое письмо к Набокову. Письмо, что я написала третьего дня, но не послал. Стыдно стало. Все сотрудники «Права» — мои бывшие товарищи по Университету<sup>2126</sup>. Я им даже дал свою лепту на издание. Думалось, что их не убедишь, а лишь дашь повод для изумления. Вам же я посылаю это письмо, потому что в нем есть, по-моему, зерно правды, именно то, что Вы выражаете в последних словах Вашего

<sup>2123</sup> Печатается по: Переписка Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова и О. А. Флоренской / Коммент. А. И. Олексенко, В. П. Флоренского, П. В. Флоренского и Т. А. Шуговой // Наше наследие. 2006. № 79–80. (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7917.php>).

<sup>2124</sup> Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу РО РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 80. Л. 14–15.

<sup>2125</sup> В. Д. Набоков был редактором еженедельника «Право». Его публикации появлялись почти в каждом номере. Непонятно о какой именно статье идет речь в письме. — В. К.

<sup>2126</sup> Д. В. Философов получил основательное юридическое образование. По окончании юридического факультета Санкт-Петербургского университета в 1895 г., оставлен при университете на кафедре государственного права.

фельетона. Либералы забывают, что они борются не за свободу совести, а за религиозный индифферентизм, миссионеры же борются (или должны бороться) не только против «хлыстов» (изуверов), а и против «индифферентов-интеллигентов». Если и будет провозглашена в России абсолютная свобода религий, то тогда начнется особенно важная и особенно серьезная роль миссии. Этого не хочет понять этот пустозвон Набоков (терпеть их не могу не за эти речи и статьи, а вообще за все их деяния).

Отстаиваемая Дорошевичем и Набоковым свобода совести мне напоминает Гаагскую конвенцию<sup>2127</sup>. Либеральная партия вовсе не потому против войны, что это против Евангелия и что они каждый индивидуально на войну не пойдут, хотя бы им грозила тюрьма (чего не убоились толстовцы или «декадент» Добролюбов<sup>2128</sup>), а просто потому, что в «хрустальном дворце» армия обременительна для «государственного хозяйства», развивает «шовинизм», тогда как «национальность» есть «предрассудок» и т. д. и т. д. Толстой был возмущен конвенцией.

Если бы я мог посещать Вас, конечно, я не затруднял бы Вас письмами, но прикованный к своей комнате, не могу удержаться, чтобы не побеседовать с Вами хотя бы письмами.

---

<sup>2127</sup> Философов с достаточной легкостью оперирует нормами западно-европейского права. В данном случае речь идет, вероятно, о гаагских конвенциях по международному частному праву, установленных с 1893 г. (о гражданском судопроизводстве, о браке, разводе и опеке, о наследовании и др.).

<sup>2128</sup> Александр Михайлович Добролюбов (1876–1945?) — поэт-символист, с 1898 г. становится религиозным странником и проповедником. К 1906 г. в Поволжье и Оренбургской губ. под воздействием его проповедей образовалась религиозная секта «добролюбовцев»; в этой общине А. Добролюбов жил до 1915 г. Доктрина секты отрицала частную собственность, книжную культуру и городскую цивилизацию. Сам Добролюбов выступал в роли пророка и совершителя литургических обрядов, за что подвергался преследованиям и тюремному заключению по обвинению в «иконоборчестве, оскорблении святыни и величества». После 1917 г. странствовал по Средней Азии и Кавказу.



Привет всему Вашему семейству, которое мне дорого уже по одному тому, что оно Вам так дорого.

Душевно Ваш,  
Д. Философов

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой**<sup>2129</sup>

[Б. д. 1906?]

Дорогая Маргарита Кирилловна

Присылаемое Вам письмо Погодина<sup>2130</sup> по прочтении будьте так добры вернуть моему брату. Завтра в редакции можно будет переговорить. Мне очень интересно узнать, как Вам это письмо Погодина нравится.

Глубоко Вам преданный  
Кн. Е. Трубецкой

**А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому**<sup>2131</sup>

[1.11.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша!

В воскресенье, ты это узнал, должно быть, из газет, у нас было учредительное собрание<sup>2132</sup>. В следующее воскресенье, т. е. 5-го, будет публичное заседание — Булгаков прочтет реферат «Достоевский и современность»<sup>2133</sup>. Ужасно бы хотелось, чтобы был ты с Сергеем Семеновичем, но уж если

<sup>2129</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 20.

<sup>2130</sup> Письмо М. П. Погодина не идентифицировано.

<sup>2131</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 276.

<sup>2132</sup> На учредительном собрании МРФО 29 октября 1906 г. председателем был выбран профессор С. Н. Булгаков, членами совета: Д. Д. Галанин, А. В. Ельчанинов, С. А. Котляревский, В. П. Свенцицкий, Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрн.

<sup>2133</sup> См.: *Булгаков С.* Через четверть века.

не можете, то известите других студентов и профессоров — начало в 7 часов вечера, М. Знаменский пер., д. Мазинга.

Володя уже приехал из Берлина, сегодня.

Получил ли ты нашу газету? Я послал тебе 100.

Сколько собираюсь к тебе и все не еду; уж ты прости. У нас несколько новых затей, увидимся, расскажу. Все наши ужасно хотят тебя видеть.

Ты как-то писал, что у тебя есть статья. Не согласился бы ты прочесть ее в закрытом или публичном собрании, и если да, то когда. Если скажешь точно, то мы разошлем уже повестки.

Ну прощай, ужасно хочу видеть тебя. Твой Саша.

Нет ли у тебя возможности исходатайствовать даровую присылку нам в Общество «Богословского вестника» и все что возможно? Адрес общества: Остоженка, 1-й Зачатьевский, д. Шер, кв. 1.

## **В. П. Свенцицкий — Суду присяжных<sup>2134</sup>**

[4.11.1906. СПб.]

Господа судьи и сословные представители! Ко мне предъявлено обвинение в том, что в статье «Открытое обращение верующего к Православной Церкви», напечатанной в № 8 «Полярной звезды», я призываю войска к неповиновению законной власти.

Я заявлял на предварительном следствии и повторяю здесь: виновным себя не признаю; войска к неповиновению не призывал; обращался к одной только Церкви.

Защитник господина Струве, разбирая вопрос с юридической стороны, бегло коснулся и тех психологических мотивов, которые руководили мной, когда я писал свое «Обращение». Но защитник меня совершенно не знает, и потому его психологический анализ вряд ли достаточно убедителен для вас.

<sup>2134</sup> Там же. С. 277–280.

Я хочу, чтобы о той душевной жизни, которая стоит за моей статьей, вы услышали от меня самого. Для того чтобы вы могли действительно понять меня, я считаю нужным затронуть несколько общих вопросов. Особенно нужным, даже необходимым, я считаю это потому, что господин прокурор обнаружил прямо чудовищное непонимание религиозных идей. Господин прокурор заявил, что, если бы я желал обратиться не к войскам, «а действительно к Церкви», я никогда не напечатал бы статьи в журнале с тиражом в 15 000, «где ее может прочесть всякий, а написал бы письмо митрополиту, обер-прокурору или в Св. Синод».

Господин прокурор не имеет даже смутного представления о том, что такое Церковь: называть Церковью обер-прокурора — равносильно кощунству!

Я не знаю вас, господа судьи, так же как и вы не знаете меня, а потому вы должны понять мою боязнь, что весь состав суда впадет в то же заблуждение, в которое впал г. прокурор. Между тем настоящее дело в конце концов сводится к вопросу: что такое Церковь?

Вопрос этот настолько сложен и глубок, что говорить о нем почти невозможно, особенно на суде, без привычки к этой тяжелой атмосфере: но я не имею в виду вполне решать вопрос — мне необходимо передать лишь общее настроение.

Ввиду этого я прошу вас, господин председатель, не прерывать меня, если что-нибудь вам покажется не относящимся к вопросу: дослушайте до конца, и я уверен, что вы сами увидите, как необходимо все, что я скажу, для выяснения существа настоящего дела.

Христианство имеет свой особенный взгляд на мировую историю как на богочеловеческий процесс. Совместными усилиями Бога и человека, путем жесточайшей борьбы со Злом, мир готовится к абсолютному воплощению Божественной Идеи. Прогресс мировой жизни заключается не в постепенном приближении к всеобщему земному благополучию, а в дифференциации, в абсолютном разделе-

нии Добра и Зла, разделении, которое завершится окончательной борьбой Христа и Антихриста.

В этом мучительном богочеловеческом процессе борется и действует бесконечное множество разнообразных сил. Все имеет свой разумный, великий смысл, свое особое назначение. Особое назначение имеют Церковь и государство.

Церковь — тело Христово, это центр Добра: все положительное стремится к ней, все она принимает в себя. Только святое, Любовью соединенное, апостольским служением проникнутое, может входить в эту Святую, Соборную, Апостольскую Церковь. Вне Христа, вне Церкви не может быть ни Истины, ни Добра, ни Красоты. Я знаю, это безгранично расширяет границы Церкви, но и безгранично суживает их. В них может не войти обер-прокурор и найдет свое место творчество Бетховена. Мир в своей борьбе стремится к этому творческому источнику жизни — к Церкви. Мир — становящаяся Церковь!<sup>2135</sup>

<sup>2135</sup> Одна из центральных идей Свенцицкого (подр. см.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 15, 438). Через 10 лет ее активно использовал Евг. Трубецкой: «Сама вселенная должна стать храмом Божиим. В храм должны войти все человечество, ангелы и вся низшая тварь. (...) Преобразование вселенной во храм (...) — тот космический идеал, который должен вывести из плена действительный космос; чтобы дать в себе место этому царственному узнику, которого надлежит освободить, храм должен совпасть со вселенной: он должен включить в себя не только новое небо, но и новую землю» (*Трубецкой Е.* Умозрение в красках. М., 1916. С. 8, 12, 32). А еще позже, в 1924 г. воспринял и другой оппонент: «Церковь есть охристовленный космос» (*Бердяев Н.* Новое средневековье. М., 1990. С. 27). Причем оба не стеснялись буквально повторять Свенцицкого: «Нашедшим Град открывается великая задача... Смысл жизни в преображении космоса, и в вечной жизни всех окончательно воссоединившихся с Творцом (...) восстановлении божественной гармонии» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 135, 495, 258). «Космос дан как задача (...) осуществить божественную гармонию (...) т. е. свободное бытие всех существ в их окончательном соединении в Божестве» (*Бердяев Н.* Философия свободы. М., 1911. С. 149, 144). «Открывшийся святой Град призывает к великой, окончательной борьбе за новое небо, за новую землю пре-

Невидимая для ослепленных глаз, сияющая незримым божественным светом, она одна абсолютное начало жизни.

Вот к какой Церкви я обращался; вот какую Церковь умолял я спасти меня от тяжелого кошмара. И вот почему я не послушался священника Аггеева и других, когда они уговаривали меня не печатать «Обращение к Церкви». Я сказал им — и готов повторить это здесь, ибо веры своей не постыжусь, — я сказал им: «Не знаю, как ответит мне Церковь эмпирически, — если настало время, огонь сойдет с неба!»<sup>2136</sup>

Господин прокурор усиленно добивался от священника К. М. Аггеева, не хотел ли я, чтобы «Обращение» распространилось возможно шире. Заявляю — пусть слышит господин прокурор: да, хотел! Хотел, чтобы узнал о нем весь мир, чтобы прочли его и все солдаты. Хотел потому, что верю — только путем совместной молитвы, личного подвига, братской помощи Церковь из невидимой может стать видимой, как в первые века.

Но из такого отношения к Церкви следует ли, что я не признаю государства? Нет, нисколько.

В среде нецерковной, языческой, государство имеет великое, культурное, истинно религиозное назначение. Признаю власть божественной, потому что в среде языческой она необходимая организующая сила, потому что в богочеловеческом процессе ей принадлежит положительная роль.

Потому и вас, господа судьи, представителей языческой власти, считаю исполняющими святой религиозный долг здесь на суде. Я признаю за вами право, поскольку я не только член Церкви, но и гражданин государства, требовать от меня повиновения закону; равным образом как

---

ображенного космоса» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 135). «Только человек, занявший место в космосе, уготовленное ему Творцом, в силах преобразить космос в новое небо и новую землю» (*Бердяев Н.* Смысл творчества. М., 1916. С. 67).

<sup>2136</sup> Ср.: 4 Цар. 1: 10—12; Лк. 9: 54; Деян. 2: 3.

и за собой признаю право не повиноваться вашему закону, раз он идет вразрез с законами Христа.

Теперь мы и пришли к окончательному вопросу: я, в данной статье, исполняя то, что мне приказывала религиозная совесть, нарушил ли интересы государства? Категорически отвечаю — нет. В данной статье, обращенной к Церкви, я не мог призывать войска не повиноваться присяге, так как умолял Церковь снять присягу; может быть, в этом я и не прав, но уж это вопрос религиозный.

Я кончил. В заключение повторяю еще раз: перед государственной властью виновным себя не признаю. А в вопросах религиозных данный суд считаю некомпетентным<sup>2137</sup>.

#### **А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>2138</sup>**

[6.11.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павел!

Тебе следовало 325 р. Из них 150 мы у тебя заимообразно удержали, так как рассорили на газету — надо было покрыть важные долги.

Как разбогатеем, вышлем. Саша.

#### **А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>2139</sup>**

[7.11.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Милый Павлуша! Очень прошу тебя, обрати внимание на Валю Пагирева<sup>2140</sup>, который должен был приехать в Посад 7-го вечером. История обычная, ищет Бога; недели две назад он был в полном отчаянии, а сейчас морит себя свирепым ас-

<sup>2137</sup> Судебная палата вынесла Свенцицкому оправдательный приговор.

<sup>2138</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 280.

<sup>2139</sup> Там же.

<sup>2140</sup> Однокашник Ельчанинова, Флоренского и Эрна по гимназии в Тифлисе.

кетизмом, не спит, не ест. Я знаю, что у тебя в этом большой опыт, — помоги ему как можешь или направь к кому-нибудь. Если он был уже у тебя, то ты знаешь его намерение: не есть до воскресенья и абсолютно молчать.

Ну вот и все, прости. Саша.

**С. А. Венгеров — А. С. Глинке**<sup>2141</sup>

[7.11.1906. СПб. — Симбирск]

С. Петербург, 7.11.1906 г. Семен Афанасьевич Венгеров  
Разъезжая № 39

Многоуважаемый

Александр Сергеевич!

Только теперь имею возможность послать Вам листы с библиографией Достоевского.

Ваш С. Венгеров.

**Н. А. Бердяев — Вяч. И. Иванову**<sup>2142</sup>

[Ноябрь 1906 г.]

Дорогой Вячеслав Иванович!

Будут ли сегодня ставить у Комиссаржевской Вашу вещь<sup>2143</sup>, будет ли вообще сегодня там что-нибудь? Если да,

<sup>2141</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Ед. хр. 198. Оп. 1. Л. 41, 42 об. на листе именной бумаги.

<sup>2142</sup> Письма Н. Бердяева к Вяч. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, хранятся НИОР РГБ. Ф. 109.13 В. И. Иванов. Печатаются с комментариями по: Из писем к В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от Н. А. и Л. Ю. Бердяевых / Вступ. статья, подг. текста и коммент. А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 131.

<sup>2143</sup> В ноябре 1906 г. В. Комиссаржевская «устроила в своей театральной студии чтение ивановского “Тантала”» (*Дешарт О.* Введение // Иванов В. Собрание сочинений. Т. 1. С. 103). М. Сабашникова вспоминала, как в ноябре 1906 г. артисты театра-студии Комиссаржевской раз-

то, быть может, поедем вместе? Не заедете ли Вы за нами, это, кажется, будет по дороге. Специального приглашения на сегодняшний вечер мы не получали и не знаем, как следует поступать.

Привет Лидии Дмитриевне<sup>2144</sup>.

Ваш Николай Бердяев

Кстати, у Вас, кажется, есть экземпляр моей первой книги<sup>2145</sup>, данный Вам Лидией Юдифовной. Если он Вам не нужен, то перешлите мне, так как мне сейчас нужна эта книга.

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой<sup>2146</sup>**

[Б. д. 1906?]

Дорогая Маргарита Кирилловна

С большим огорчением сейчас узнал по телефону, что Вы больны. Надеюсь, что не серьезно, и не могу Вам выразить, как я огорчен за Вас, что праздник, таким образом, у Вас пропадает. Хочу хоть письменно пожелать Вам скорейшего выздоровления и крепко поцеловать Вашу руку, а главное, пожелать, чтобы Вы не делали никаких неосторожностей. При малейшем риске не ездите завтра на редакционное заседание; а то, чего доброго, я и в среду Вас не увижу, если съездите. Еще раз целую Вашу ручку.

Глубоко Вам преданный

Кн. Е. Трубецкой

Когда встанете, известите телефоном.

---

учили хоры из «Тантала» (См.: *Волошина-Сабашникова М. В.* Зеленая змея. С. 146. Ср.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 259).

<sup>2144</sup> Л. Д. Зиновьева-Аннибал.

<sup>2145</sup> По-видимому, книга Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной психологии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (СПб., 1901).

<sup>2146</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 22.



**О. А. Флоренская — П. А. Флоренскому<sup>2147</sup>**

[9—10.11.1906. Тифлис — Сергиевский Посад]

1906. 9 ноября. 8<sup>00</sup> час вечера.

Мой дорогой Павля, да, книжка твоя<sup>2148</sup> пришла. Уже несколько дней с неделю тому назад. Уже прочли ее давно.

Ты был ли уже в Москве?

Я как раз сегодня тебя вспоминала, думала о тебе. Ты пишешь мне, как ребенку. Ты забыл, что видел меня ½ года тому назад, что в этом возрасте что ни месяц — человек значительно вырастает. Не думай, что я в укор ставлю это или что-либо подобное. Нет, милый, нет. Просто говорю, что пришло в мысли по поводу письма твоего.

Я так люблю тебя, милый Павля. Так хочется часто, чтобы здесь ты был. Я ведь знаю тебя, совсем знаю. Всего, как есть ты. И мне часто кажешься ты, как нарисовал тебя Бугаев,

Бескровные губы лепечут заклатья,

В рыданыи поднять головы не могу я...<sup>2149</sup>

И вся картина мятежной осенней природы. Ревущий и рвущий ветер, взметывающиеся листья... Тебе нравится «Леонардо Да-Винчи» Мережковского<sup>2150</sup>? Ты о доме спрашивал. Дома довольно спокойно, кажется, уныло тоже. Такое у меня впечатление от наших. Но сравнительно с прежним — довольно хорошо. Я ведь полдня в гимназии, пол-

<sup>2147</sup> Печатается с комментариями по: Переписка Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosofova и О. А. Флоренской. Конверт: Сергиев Посад (Моск. губ.) Студенту Духовной Академии П. А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис 11.11.06; Сергиевский посад [нрзб]

<sup>2148</sup> См.: *Флоренский П. А.* К почести высшего звания. Черты характера архимандрита Серапиона Машкина // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 143—173.

<sup>2149</sup> *Белый А.* Священные дни. Посвящается П. А. Флоренскому. Стихотворение 1904 г.

<sup>2150</sup> Вторая часть трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» под названием «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» опубликована в 1904 г. в журнале «Новый путь».

дня занимаюсь или на уроке скульптуры. Почти не вижу всех. Андрюше<sup>2151</sup> лень писать тебе, говорит. И то: заниматься ему страшный труд. Целый день — инструменты, просит читать, показывать опыты... И к нам осень пришла. Листья почти все опали, а что остались — сухие, желтые, перекрученные, вялые. Холодно. Ветер часто. Но и солнце бывает. Знаешь, осеннее, холодное, желтое.

В гимназии были беспорядки, было шумно, крикливо. Пока затихло.

Как тебя ужасно не понимают домашние. Решительно все.

Почему ты ждешь спокойного настроения, чтобы написать домой? Разве нельзя все равно писать; в каком бы ни был настроении, если только хочется?

Ты — брат мой.

Будь счастлив, Павля. Будь счастлив, дорогой.

Твоя Валя.

10<sup>го</sup> — Скажи, ты тоже отрицаешь Дарвинизм<sup>2152</sup>?

### **А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>2153</sup>**

[10.11.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша!

Отвечаю на те пункты твоего письма, на которые могу ответить

Образцы обложки Сергея Семеновича<sup>2154</sup> не пригодились; они сделаны не в том формате, в котором мы издаемся, и малозаметны — понимаешь, надо, чтобы бросилось в глаза, выделялось среди других обложек.

<sup>2151</sup> Андрей Александрович Флоренский (1899–1961) — брат О. А. Флоренской.

<sup>2152</sup> Речь идет об антидарвинистской книге «Дарвинизм. Критическое исследование Н. Я. Данилевского» (Т. 1–2. СПб., 1885–1889).

<sup>2153</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 280–281.

<sup>2154</sup> С. С. Троицкий. — В. К.

Для Петровского и вообще никаких переводов нет, так как Ефимов больше печатать ничего пока не хочет. Если бы и был перевод, мы бы взяли его сами, ибо совсем обеднели. По совести скажу, что, не мечтая уж о такой роскоши, как целые башмаки, галоши, пальто, мы давно уже не можем купить даже копеечной брошюры; денег едва хватает на еду, да и то не всегда, так что мы сами жаждем переводов.

Напиши сейчас же, не можешь ли ты наверное прочесть реферат о Церкви в закрытом собрании в ближайшее воскресенье (17-го, кажется<sup>2155</sup>).

Семенова мы записали в члены-соревнователи.

На Наумова обратили внимание<sup>2156</sup>.

Тареву повестки посылать будем.

Если не приедешь в это воскресенье — ничего, лишь бы хоть на публичные заседания приезжал.

Прощай, поклон Сергею Семеновичу. Саша.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>2157</sup>**

[11.11.1906. СПб. — Киев]

(...) Не пришлось увильнуть от участия в редакционном комитете «Века»; упростили Карташев и Никольский. Заседание и составление № каждую среду. В ближайшем № появится начало моей самой дружественной полемики со Свенцицким. Недавно он был у меня. Я фигурировал на суде по делу Струве (письмо Свенцицкого)<sup>2158</sup>. Свенцицкий

<sup>2155</sup> На самом деле 19 ноября 1906 г.

<sup>2156</sup> Вероятно, речь об архим. Михаиле (Семенове) и Сергее Николаевиче Наумове-Сергиеве, окончившем МДА в 1909 г.

<sup>2157</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 281–283.

<sup>2158</sup> Процесс состоялся 4 ноября 1906 г. «В судебной палате с участием словных представителей слушалось дело по обвинению редактора журнала “Полярная звезда” П. Б. Струве и студента В. П. Свенцицкого по 5-му п. 129 ст. Уголовного Уложения за статью последнего “Открытое обращение верующего к православной церкви”, напечатанную

усерднейшим образом просил меня начать полемику. Речь о его первой статье в «Вопросах религии»<sup>2159</sup>.

Процесс Свенцицкого был удивителен. Когда он произносил речь, палата (разумею публику, состоящую из адвокатов и писателей) слушала ее с затаенным вниманием и... увлажненными глазами<sup>2160</sup>. Свенцицкий вырос в великую

---

в № 8 журнала “Полярная звезда”. В статье этой прокурор усмотрел преступный призыв к войскам. Свенцицкий заявил, что обращение его было направлено к церкви. Вызванный в качестве свидетеля о. Аггеев подтвердил, что мысли, высказанные в инкриминируемой статье, вполне соответствуют делу и учению православной церкви. Товарищ прокурора поддержал обвинение, находя, что, если бы автор хотел свое обращение направить к церкви, а не к войскам, он направил бы его в виде письма на имя обер-прокурора святейшего синода. Защищал обвиняемых присяжный поверенный А. С. Зарудный. Суд признал Свенцицкого невиновным, а П. Б. Струве — виновным в неосмотрительности по 7-й ст. 8-го отдела временных правил о печати и приговорил его к 100 руб. штрафа или аресту на 1 месяц» (Книжный вестник. 1906. № 41. С. 989).

<sup>2159</sup> Аггеев озаглавил статью, как и Свенцицкий: «Христианское отношение к власти и насилию» (МЕ. 1907. № 24/25. С. 16–27). «Кому неизвестна та путаница понятий, а порою явная недобросовестность, какая происходит на наших глазах при практическом разрешении проблемы власти и насилия: обрушиваясь со всею силою на террор слева, большинство христиан частью одобрительно, частью снисходительно относятся к убийству справа, считая власть полномочною во всех отношениях на эту хотя бы и “печальную необходимость”». По мнению о. Константина, «в литературе нашей мы не можем указать лучших строк», раскрывающих религиозный смысл власти и условия ее обязательности для христианина, чем в работе Свенцицкого, где вопрос о насилии подвергнут им «блестящему анализу». Частные расхождения мыслителей были рассмотрены в ответной статье «На общем берегу» (Свенцицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 443–455).

<sup>2160</sup> «Свенцицкий защищал себя сам. В отделении публики сидели литераторы и адвокаты, давно в большинстве покончившие с вопросами веры. За судейским столом были лица, для которых церковь равнозначна с обер-прокурором Синода и для которых все данное дело имело очень узкий определенный интерес. И в то же время, когда Свенцицкий проникновенным голосом начал свою защиту — все обратилось в одно внимание... Я убежден: никакое ораторство не могло так по-

фигуру религиозного человека, и как это победило всех! Прокурор палаты начал речь так: «После показания священника Аггеева, раскрывшего мотивы помещения Свенцицким своего письма, мне нужно было бы отказаться от обвинений. Но я поддерживаю его: письмо Свенцицкого, неправильно понятое, могло породить восстание против власти. И далее: зачем Свенцицкий со своим письмом, если он решил услышать голос Церкви, не обратился к обер-прокурору Святейшего Синода». И разделал же его Свенцицкий: «Мы слышали чудовищное недоразумение, граничащее с чудовищным кощунством» и т. д. Речь Свенцицкого передана в «Веке».

Свенцицкий способен при всей своей крайности приводить в восхищение. Накануне суда у меня были Струве и Свенцицкий. Втроем провели вечер. Свенцицкий с религиозной точки зрения стоял за крайние партии<sup>2161</sup>. Мы со Струве против. Неправ он, — но во всяком случае лич-

---

корить, как покорило это проникнутое необыкновенной силой религиозного убеждения слово скромного студента университета безрелигиозную залу: я видел на глазах многих трудно скрываемые слезы...» (Аггеев К. Доколе... // Век. 1906. № 7. С. 84—85).

<sup>2161</sup> «Нельзя же дело называть дурным только за то, что его делают неверующие люди. (...) Пора начать христианам такую же пламенную борьбу за ту же святую свободу, за ту же правду, за которую борются те, кого злобно зовут крамольниками и безбожниками... В крайних партиях есть много уродливого, но живой нерв их все же — неосознанное подлинное стремление к праведной жизни. (...) Я считаю крайние партии самыми близкими ко Христу, несмотря на тактику, как будто бы явно с христианством несовместимую. Они ближе всех, потому что любят всем своим человеческим сердцем. И ихняя жизнь — это сплошной подвиг, они бросают все свое личное благополучие и беззаветно отдаются служению народу. Без Христа не может быть полной правды, и грех их только в том, что они этой полной правды не знают, а поскольку правда открыта их сердцу, служат ей они до конца» (Свенцицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 84, 434, 266). Ср. мысль основателя славянофильства: «Не Его ли ученик, сам того не ведая, тот, чье сердце отверсто для сострадания любви? Не единственному ли Учителю, явившему в Себе совершенство любви и самоотвержения,

но он ближе ко Христу, чем были мы. Как-то чувствовалось это!

Просил меня Свенцицкий устроить для него рефераты с обменом мнений о бессмертии. Приедет из Москвы. Одно плохо: мешает нам полиция. У себя на курсах устрою. Как только уладить вопрос относительно «посторонних»!

В свою очередь меня просят приехать при необходимом условии оплаты расходов в Московское Соловьевское общество предложить реферат. Хочу приготовить об Андрееве, который меня все больше притягивает к себе: изучение Ницше виною тому. Последняя вещь Андреева, думаю, нечто замечательное<sup>2162</sup>. Если приготовлюсь, сначала с благотворительной целью предложу у себя на курсах. Но приготовлю ли?..

### **А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>2163</sup>**

[14.11.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Вся наша компания просила довести до твоего сведения следующее:

1. 1-го декабря выходит наш еженедельник «Христианство и социализм». Нам удалось после долгих трудов найти издателя<sup>2164</sup>.

---

подражает тот, кто готов жертвовать счастьем и жизнью за братьев?» (Хомяков А. С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 172).

<sup>2162</sup> Осенью 1906 г. была опубликована пьеса Л. Н. Андреева «Савва» о чудотворной иконе Спасителя.

<sup>2163</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 283–284.

<sup>2164</sup> Журнал вышел под названием «Живая Жизнь» 27 ноября 1906 г. Редакционные статьи гласили: «Наш журнал хочет стать органом критического сознания современности. (...) Будет стараться по мере всех сил своих содействовать критическому осознанию того, что в современности подлинно, вечно и ценно, и того, что является только накипью, только обманным туманом нездоровых испарений мысли и чувства... Давно уже просвещенными христианами чувствовалась великая по-

2. Размер брошюр средней величины широкого формата, 3 листа очень убористого шрифта (40 строк). При таком объеме статьи предполагаются не более чем в 6—10 страниц, цена 15 копеек номер.

3. Наша усердная к тебе просьба присылать побольше всего, самого разного. Подробности — при личном свидании.

4. Извести при первой возможности, как ты думаешь, можно ли у Елова, через Наумова и пр., устроить продажу №№ у вас и какое количество может пройти. Я видал сегодня Наумова, но утром, а вопрос о журнале решался вечером.

5. Не знаешь ли ты лиц, особенно священников, которые могли бы писать корреспонденции для отдела «Церковной хроники», который мы хотим поставить очень полно.

Ну вот и все. Особенно важно — твои статьи и точные цифры нужного для Лавры количества экземпляров.

В это воскресенье у нас опять будет закрытое заседание — Эрн прочтет о «das Wesen des Christentums» Harnack'a<sup>2165</sup>. Тареева мы записали в члены — скажи ему об этом как о предложении. Может быть, еще есть профессора, которые не отказались бы быть членами?

---

требность в таком органе, который бы, стоя на почве непоколебимой веры, придерживаясь начал Вселенского христианства, отзывчиво относился ко всем запросам современности, отвечал на все мучительные вопросы жизни. (...) Существующие богословские журналы уже больше не удовлетворяют. Интеллигенция их не читает. Они сухи, отвлеченны и бледно отражают бурную жизнь современности, с ее болями, с ее страстным исканием Истины и Справедливости. На страже интересов Церкви должен стать более зоркий наблюдатель, более мудрый апологет, более страстный искатель Правды. «Живая Жизнь» хочет ответить назревшей потребности: современными средствами служить вечной цели — торжеству Христовой Истины» (Свенцицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 321—323).

<sup>2165</sup> Доклад «Методы исторического исследования и “Сущность христианства” А. Гарнака» был прочитан в МРФО 19 ноября 1906 г. (Эрн В. Сочинения. М., 1991. С. 245—264).

Вчерашний вечер — реферат Галанина старшего — прошел очень живо<sup>2166</sup>. Реферат сам был неимоверно плох, но краток — единственное его достоинство. Зато прения были очень оживленные и интересные.

Пока все. Прощай. Саша.

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке**<sup>2167</sup>

[15.11.1906. Москва — Симбирск]

Дорогой Александр Сергеевич!

Письмо к Галанину еще не отправлено, не удалось еще добыть адреса. Отправляю. Надо бы Вам писать много, лень и не сумею. Потому буду протоколен. Общество открыли и пока удачно, точнее, не неудачно. На моем реферате<sup>2168</sup> было много народа, — хорошая публика, слушали терпеливо и с интересом прения на непривычные темы (по содержанию малоинтересные). Хотя и поругивают, но есть и похвалы и большой интерес. На галанинском реферате<sup>2169</sup> (закрытое заседание) были оживленные разговоры. Не без

---

<sup>2166</sup> Д. Д. Галанин (ст.) сделал доклад «Мое религиозное мировоззрение» на закрытом заседании МРФО 12 ноября 1906 г.

<sup>2167</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Ед. хр. 198. Оп. 1. Л. 44об. Почт. шт.: 15.11.1906 Москва.

<sup>2168</sup> Газета «Русские ведомости» (9 (22) ноября 1906 г. № 294. С. 3) дала отчет об этом выступлении: «В воскресенье 5 ноября в МРФО С. Н. Булгаков прочел реферат на тему “Достоевский и современность”, в котором разбирал вопрос об отношении Достоевского к самодержавию. С. Н. Булгаков доказывал, что увлечение Достоевского самодержавием объяснялось боязнью ненародного “беложилетного” парламента, с одной стороны, и с другой — характером самодержавия в 60-х гг. В прениях выступили: Б. А. Грифцов, Гартунг, И. М. Трегубов, Е. Н. Трубецкой, Д. Д. Галанин, В. П. Свенцицкий. Следующее публичное заседание состоится 26 ноября. В. П. Свенцицкий прочтет реферат “Ценность человеческой жизни в связи с идеей бессмертия”».

<sup>2169</sup> 12 ноября 1906 г.



смущения думаю о публичном реферате Валентина Павловича о терроре и бессмертии<sup>2170</sup>, однако внутренне боюсь. Затем до Рождества имеется на публичном заседании Аггеев (предлагающий о пессимизме у Андреева и Метерлинка!!! — Надеюсь, переменит! — и Бердяева<sup>2171</sup>).

Вообще, это дело началось и, надеюсь, пойдет. Эх, жаль, Вас нет, как Вас мучительно не хватает. Но важнее и труднее другое дело, с журналом. Ефимов меня не вызвал и сначала отказал Эрну от журнала. А затем, при одной комбинации, выразил Эрну готовность в виде пробы издать номеров пять журнала «Христианство и социализм»<sup>2172</sup> (с 1-го декабря), с тем чтобы, если клюнет, поставить дело широко. Эрн пришел ко мне с готовым предложением, отказаться от коего невозможно. Дело теперь стоит так. Объявление, по моему предложению (чтобы избежать худшего), таково: «издается при постоянном участии нас, сотрудников “Вопросов религии”, Аггеева, Карташева, Успенского, Зеньковского, Ельчанинова». Буду настаивать, что подробный список будет опубликован впоследствии. Пока не из-за чего огород городить. В редакционной статье будет указано, что у нас нет редакционной точки зрения, как это и было предположено. Проект ее составил я, надеюсь облагородить извне это внутреннее неблагообразие. Дальнейшее привлечение «еретиков» не возбуждает, да при такой постановке дела и не должно возбудить скоро, я, однако,

<sup>2170</sup> На 4.12.1906 был намечен реферат В. П. Свенцицкого «Террор и бессмертие», опубликован: Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 3–29. Также см.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 246–267. Свенцицкий был душой и основным оратором в первые три года существования МРФО. По воспоминаниям современника, «речи Свенцицкого носили не только проповеднический, но и пророчески-обличительный характер. В них было и исповедническое биение себя в перси и волево, почти гипнотический нажим на слушателей» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 260–261).

<sup>2171</sup> На январь 1906 г. был намечен доклад Н. А. Бердяева «Великий инквизитор Достоевского» (опубл.: ВФП. Т. 86. 1907. С. 1–36).

<sup>2172</sup> Журнал с таким названием не вышел.

это еще оформлю. Сейчас ответственным редактором — Валентин Павлович, издателем — Ефимов. Я думаю, это ничего. Первые действия, которые мы должны предпринять, если журнал пойдет, это выписать Вас (примерно в январе), а затем повысить гонорары, которые пока 50 руб. за лист (в сорок тысяч букв!), при трех листах в номере. Внешность будет приличная. Рекламу будто бы Ефимов будет ставить широко. Вчера мы обсуждали проект содержания пяти номеров. Можно сносно поставить своими силами с постоянными отделами. Конечно, слишком много будет нелитературного материала, но я с этим временно мирюсь, может быть, так даже легче зацепиться. Очень просим Вас все — и я в особенности — если можно, поскорее, возможно скорее, — несколько статей небольшого размера (не более 10 страниц нашего 40-тысячебуквенного листа), темы по Вашему усмотрению: может быть, дадите то, что прочили в «Еженедельник», а может быть, напишете то письмо ко мне о христианской общественности, что предполагали; или даже, например, о «Взыскующих», может быть, это даже будет особенно кстати (вообще к внутренней полемике придется часто прибегать). Вообще, не обессудьте, на Вас рассчитано и оставлено два места, да это и нужно хотя бы для *audiatur et alter pars*<sup>2173</sup>.

Мне одному будет (уже есть) и трудно и тяжело, но внутренне я спокоен. Во-первых, с неудачей этого опыта для меня внутренне уже очень мало связано, не то что с «Народом», во-вторых, я считаю возможным успешное развитие дела, в-третьих, если в результате выяснится и окончательная для нас невозможность работать вместе литературно, то я надеюсь, что это только и ограничится литературой. Но все-таки всякое соприкосновение с тем, что Вы вполне справедливо называете «вымогательством чуда», тяжело для обеих сторон. Однако я настроен так, что страдать надо и трение будет всегда, лишь бы что-нибудь вышло. Конечно, страшно не хватает Вас, но что делать.

<sup>2173</sup> Следует выслушать и другую сторону (*лат.*).

Не знаю, когда я буду находить время писать, я совершенно раб лекций. Вступительная лекция в Университете прошла тускло, было не столько народа, сколько ожидалось, — кажется, не было объявлено — теперь ничего, слушают хорошо. От Достоевской как-то имел письмо, она хворала что-то. Выход 1-го тома задерживается, неизвестно почему. Для Вас от меня, от нее нет ничего. От здешней сестры Соловьева, Надежды Сергеевны<sup>2174</sup>, надеемся получить письма его к Аксаковой<sup>2175</sup>. Получил сегодня «Век» — то, что и ожидалось, но я допускаю, что он может иметь значение для причисывания чумазых. Там недурен Михаил<sup>2176</sup>.

Ваш С. Б.

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой<sup>2177</sup>**

[Б. д. 1906?]

Многоуважаемая

Маргарита Кирилловна

К сожалению, должен на несколько дней прервать наши симпатичные разговоры в редакции, так как инфлуенца заставляет лежать в постели.

Пользуюсь Вашим присутствием в редакции, чтобы попросить Вас велеть переслать эту статью Белчинскому (?). Если он зайдет, скажите, пожалуйста, что я его приму по выздоровлению; а может быть, Вы и сами кое-что ему скажете из наших вчерашних о нем разговоров.

Моя болезнь, по заключению врача, — не к смерти, а к славе Божией, но все же очень скучно. До свидания, надеюсь скорого! Кстати, как зовут нашу барышню конторщицу?

<sup>2174</sup> Надежда Сергеевна Соловьева (1851—1913).

<sup>2175</sup> См.: *Соловьев В. С.* Письма. Т. 2. СПб., 1909. С. 276—298.

<sup>2176</sup> Вероятно, имеется в виду статья архимандрита Михаила (Семенова), опубликованная под неизвестным нам псевдонимом.

<sup>2177</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 16.

Сердечно Вам преданный  
Кн. Е. Трубецкой

**В. Ф. Эрн — Е. Я. Архиппову**<sup>2178</sup>

[22.11.1906. Москва — СПб.]

(...) Скоро осуществится одна из заветных мыслей наших. С начала декабря получаем возможность издавать еженедельный журнал, посвященный вопросам христианской общественности, под названием (если разрешат такое название) «Социализм и христианство». Журнал будет носить серьезный, не агитационный характер. Будем вести журнал Свенцицкий, Булгаков и я, а непостоянными сотрудниками будут почти все сотрудники «Вопросов жизни». (...)

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке**<sup>2179</sup>

[26.11.1906. Москва — Симбирск]

Дорогой Александр Сергеевич!

Пока Ефимова в городе нет, и я не мог его спросить о Вашей брошюре. По словам Владимира Францевича сейчас он принимать новых изданий не склонен, и, следовательно, надежды мало, хотя я и спрошу его. Гершензон отыскал и ему

<sup>2178</sup> Архиппов Евгений Яковлевич (1882–1950) — критик, библиограф, поэт. Учился с 7-го класса во 2-ой Тифлисской гимназии вместе с В. Эрном и П. Флоренским. В 1900–1906 гг. на историко-филологическом факультете Московского университет. В 1902 г. заключен в Бутырскую пересыльную тюрьму за участие в студенческой сходке. В 1905-м — участник восстания на Пресне. В 1903–1904 гг. статист в МХТ. С 1906-го до конца жизни на пед. работе. Биография Архиппова., сост. К. Л. Архипповой. РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 116. Л. 2. Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 286.

<sup>2179</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Ед. хр. 198. Оп. 1. Л. 47об. Письмо С. Булгакова А. С. Глинке написано на обороте письма С. Венгерова; на конверте почт. шт.: 26.11.1906. Москва, в Симбирск.

переслал Ваше письмо. Кажется, Вы обмануты Ремизовым. Ваш С. Б.

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>2180</sup>**

[30.11.1906. Москва — Симбирск]

Дорогой Александр Сергеевич!

Вы имеете все основания сердиться на меня за молчание, но я так устаю и у меня так мало времени, что трудно собраться написать письмо. Ваше последнее письмо получил и перечувствовал, да чувствовал и раньше, сами знаете. В одном Вы оказались неправы: дело это устанавливалось прочнее, чем Вы думали. Ефимов увлекся и сказал, что он будет издавать год, и решил широко поставить рекламу (о списке сотрудников не беспокойтесь, я много думал и придумал компромиссный исход, который не обидит, надеюсь, никого). Но не успел Ефимов согласиться, как получил известие, что Сибирская ж. д. сдана обманным образом вместо него какому-то черносотенцу, и это так его подорвало, что он сразу отказался и от журнала, и от «Религиозно-общественной библиотеки»<sup>2181</sup>. Теперь, однако, существует серьезная надеж-

<sup>2180</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Ед. хр. 198. Оп. 1. Л. 48–50 об. В Симбирск, почт. шт.: 30.11.1906 Москва.

<sup>2181</sup> Наиболее известная серия, выпускавшаяся Ефимовым — «Религиозно-общественная библиотека» (проспект Библиотеки составил Булгаков, а практическими ее руководителями стали Эрн и Свенцицкий). Показательно, что готовясь к изданию Библиотеки, Ефимов, очевидно, готов был включить в ее рамки максимально широкий спектр сколь-нибудь религиозной («идеалистической») общественности — в том числе Струве. Формальной точки зрения Библиотека включала в себя три отдельные серии, сориентированных на особые аудитории: «для народа», «для интеллигенции» и «переводная» — для интеллектуалов.

В первую серию вошли: «Что нужно крестьянину?» (Свенцицкий), «О самоуправлении» (Ельчанинов), «Восьмичасовой рабочий день» (Д. Рябинин [Галанин?]), «Семь свобод» (Эрн), «Правда о земле» (Свенцицкий) и др. Многие из этих сочинений и их переиздания в те-

да, что торги будут опротестованы и права его восстановлены, тогда он будет издавать журнал на прежних началах. Это выяснится на днях. Относительно же Глеба Успенского он отказал наотрез, и вообще, надежд на серию у меня нет<sup>2182</sup>. Владимир Францевич, с его согласия, возобновил переговоры с Сытиным, но только вряд ли будет толк. Поэтому пока — последние дни — эта боль журнальная и не болит.

В Соловьевском обществе очень интересно (страшно жаль, что нет Вас с нами), многое здесь, конечно, тоже болит, характер, вообще, «московский», но все-таки хорошо. Только начинаются придирки администрации, вряд ли удастся устроить намеченный реферат Бердяева, закрытые заседания происходят каждую неделю с интересными прениями<sup>2183</sup>. Все-таки это пока является единственным, что чуть-чуть оправдывает жизнь здесь, поналезло лекций, суеты и мелочей. Характер наших отношений тот же, скорее, лучше, живаемся, на общем деле срослись, пожалуй, уже, хотя на манер сямских близнецов!

Относительно журнала не беспокойтесь, все, что Вы пишете и чувствуете, я знаю и стараюсь осуществлять по мере слабых своих сил, хотя мне одному и трудно. В «Веке» уже перегрызлись и расплевались<sup>2184</sup>, вчера получил уморительное и вместе грустное письмо об этом от Колачева. Тернавцев через Успенского обратился ко мне (а косвенно и к Вам) с предложением

---

чение 1907–1909 гг. встречали неизменное сопротивление цензуры. Первые книжки были разрешены цензурой к выпуску в свет уже в августе-сентябре 1905 г. Но реальный их выход задержался почти на год.

<sup>2182</sup> Глинка к тому времени начал исследовать литературное творчество писателя Глеба Успенского (1843–1902). Издал в Санкт-Петербурге в 1902 году «Два очерка об Успенском и Достоевском». Искал журнал для публикации статьи о нем. Впоследствии он стал одним из ведущих комментаторов Г. Успенского. См.: *Г. Успенский. Избранные произведения / Ред., комментарий и биографич. очерк А. С. Глинки-Волжского. М., 1935.*

<sup>2183</sup> На закрытом заседании МРФО 26 ноября 1906 г. П. Серебровский сделал доклад «Христианство и социализм».

<sup>2184</sup> Итогом стал выход Карташева из редакции (Век. 1906. № 6. С. 76).

хлопотать о приглашении меня на Собор<sup>2185</sup>, чему он придает большое значение (симптом его отчаяния и растерянности). Меня сильно взволновало это, но взять на себя заведомый грех неделания я не решился. Отвечаю сегодня так, что я не бойкотую собор принципиально из-за того, что он принадлежит церкви «Петровой», а не «Иоанновой», участие же или неучастие в этом лжесоборе есть вопрос тактики, который сейчас я решить не могу, а решу лишь в последнюю минуту.

Для того чтобы хлопотать, если находит нужным, Тернавцеву достаточно, по-моему, и этого ответа, да едва ли это не фантазия все<sup>2186</sup>.

Читали ли Вы исторический выпад Михаила<sup>2187</sup> в «Товарище»<sup>2188</sup> об его принадлежности к народно-социалистической партии?

<sup>2185</sup> Согласно указу императора Николая II от 17 апреля 1905 г., в это время ожидался созыв Поместного Собора Русской Православной Церкви, который впоследствии был перенесен на неопределенное время из-за нестабильности внутривластной обстановки. Покровитель Православной Российской Церкви Николай II трижды высказывался о несвоевременности созыва Поместного Собора. 31 марта 1905 г., приняв формулировку К. П. Победоносцева; 25 апреля 1907 г., по предложению П. А. Столыпина; 2 марта 1912 г., согласуясь с мнением Г. Е. Распутина. — *Прим. С. Черткова.*

<sup>2186</sup> Поместный собор, эпохальное событие в жизни Церкви, произошло только после отречения царя от престола; Булгаков был избран от Таврической епархии членом Поместного Собора 1917–1918 гг. и вошел в Высший Церковный Совет.

<sup>2187</sup> В «Письме в редакцию» от 28.11.1906 архимандрит Михаил (Семенов) протестует против решения Синода об отстранении его от преподавательской деятельности в СПбДА за вступление в партию народных социалистов. Ср.: *Булгаков С. Духовенство и политика // Товарищ. 6 (19) ноября 1906. № 28. С. 3*, где выражается поддержка позиции о. Михаила (Семенова) и священников Огнева и Афанасьева, вступивших в партию социалистической направленности и подвергнутых со стороны Синода запрещению; см.: *Булгаков С. Об о. Гр. Петрове // Товарищ. 18 (31) декабря 1906. № 136. С. 2.*

<sup>2188</sup> «Товарищ» — ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге с 15.03.1906 по 30.12.1907. Ред. В. В. Португалов, В. Н. Гардин, изд. Н. Н. Русанова. Редакция объявила целью «примирение крайних партий, (...) умиротворение страны», «ни реакции, ни революции», «про-

Окончательно растрепался монашенок, да, вероятно, недолго и удержится на нем монашеский клобук. Но что же будут делать с ним власти? Во всяком случае, положение любопытно<sup>2189</sup>.

С моими выборами вопрос открытый, конечно, хотя мое настроение остается прежнее и я предполагаю активно участвовать. Кажется, Достоевская не дает Вам ничего или почти ничего, судя по фальшивому тону ее причитаний в письмах, и по тому, что до сих пор она даже письма Соловьева не присылает. Гершензон отрекался и Вам, кажется, уже написал<sup>2190</sup>.

Целую Вас. Простите за краткость. Ваш С. Б.

### **В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому<sup>2191</sup>**

[30.11.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Есть возможность пригласить прочесть в одном из заседаний Общества Мариана Здзеховского, профессора Краковского университета, об отношении католичества к православию. Но Булгаков считает необходимым для этого обставить прилично прения, т. е. чтоб в заседании этом присутствовали лица, могущие быть достаточными оппонентами краковского профессора. Но для этого необходимо, чтоб была «представлена академия», т. е.

---

гресс мирный и постепенный»; резкой критике подвергались большевики и эсеры. 14 (27) декабря 1906. № 132. С. 1.

<sup>2189</sup> Профессор петербургской духовной академии архимандрит Михаил за свое письмо в «Товарищ», где он объявил о своей принадлежности к «народно-социалистической» партии, подвергся жестокой каре. Состоялось специальное заседание Синода, на котором постановлено лишить его кафедры и сослать в Задонское братство, близ Воронежа. (...) Сегодня арх. Михаил получил письменный приказ Синода отправляться в ссылку. Однако он отказался его подписать и заявил, что приказа не исполнит. Соб. корр. // Русское слово. 30 ноября (13 декабря) 1906. № 293. С. 3.

<sup>2190</sup> См. письмо А. С. Глинки М. О. Гершензону от 9 ноября 1905 г. в наст. издании. — В. К.

<sup>2191</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 288.



были бы Вы, профессора Тареев, Тихомиров и, может быть, другие. Так вот спросите себя и названных профессоров — могут ли присутствовать на реферате Здеховского, который предполагается так 17–21 декабря<sup>2192</sup>. Пожалуйста, напишите ответ скорее, ибо от вашего ответа и будет зависеть предлагать Здеховскому окончательно или нет.

Прощайте. Привет вашим близким. Христос с Вами!  
Любящий Вас В. Э.

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой<sup>2193</sup>**

[Б. д. 1906?]

Милая, дорогая, хорошая

Спасибо. Прощайте еще раз. Крепко-крепко целую Ваши руки. Буду читать Соловьева и думать о Вас, родная.

Горячо Вас любящий

Ваш Кн. Е. Трубецкой

**МРФО — П. А. Флоренскому<sup>2194</sup>**

[2.12.1906. Москва — Сергиевский Посад]

В понедельник 4-го декабря состоится публичное заседание в помещении Технического общества (Рождественка, д. Хлудова, кв. 60).

Валентин Павлович Свенцицкий прочтет реферат на тему: «Ценность человеческой жизни в связи с идеей бессмертия»<sup>2195</sup>.

Начало в 7½ часов вечера.

<sup>2192</sup> Реферат не состоялся.

<sup>2193</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К.6. Ед. хр. 1. Л. 30.

<sup>2194</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 288.

<sup>2195</sup> На других выступлениях и в печати доклад назывался «Террор и бессмертие» (Вопросы религии. Вып. 2. С. 3–29; см. также: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 246–267).

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>2196</sup>

[4.12.1906. СПб. — Киев]

(...) Наш «Союз» чуть не испарился<sup>2197</sup>. Избраны новые члены Совета, новый секретарь. Я не был на собрании, думая окончательно отойти. И вдруг! все дело переложено на нашу «троицу» — Егорова, Чельцова и Аггеева. С ними Аскольдов, Н. П. Аксаков и др. Секретарем согласился быть Егоров. О моем отказе не может быть речи: только в предположении моего согласия Егоров и Чельцов согласились войти в Совет. Было экстренное заседание. Первое дело нашего Совета — оставить в Петербурге отца Михаила<sup>2198</sup>, ссылаемого в захолустный монастырь за открытое заявление о принадлежности к «народно-социалистической партии». (...) Наше требование: Вы можете его лишить службы в академии, но никакого, даже формального, не имеете права ссылать. Я уже обеспечил ему место на наших курсах (Церковное право), о чем была речь по моему предложению на факультетском заседании.

По первому заседанию видно: у нас будет принцип разделения труда. На меня возложена обязанность — организовать лекции, доклады. (...) Свенцицкий просит организовать для него лекции с обменом мнений на курсах или в другом высшем учебном заведении. Я предложил в Политехническом институте. Там принята мысль с радостью. Луначарский организует оппозицию. Я — ассистент Свенцицкого. Тема о бессмертии... Вот я и думаю все это делать от имени Союза. (...)

Москвичи издадут еженедельник «Социализм и христианство». Но, конечно, опять заминка. Первый № должен был бы выйти 3 декабря.

<sup>2196</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 289–290.

<sup>2197</sup> Союз церковного обновления (Братство ревнителей церковного обновления) — объединение православных священников и мирян, выросшее из «группы 32-х» и так же ратовавшее за восстановление канонического церковного устройства.

<sup>2198</sup> Архимандрит Михаил (Семенов). — В. К.

С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>2199</sup>

[4.12.1906. Москва — Симбирск]

Дорогой Александр Сергеевич!

Снова придется Вас разочаровать. Сегодня узнал, что Столыпин телеграммой запретил сдавать Сибирскую дорогу Ефимову, и дело наше окончательно провалилось. Ужасно больно сообщать Вам об этом, потому что для Вас это новое разочарование и последняя надежда зацепиться за Москву. Да кроме того, Вы уже, я вижу, известным образом настроились, отбились от работы о Достоевском, начали писать, обдумывать... Нет над нашими начинаниями благословения Божия. У меня самого очень смешанное чувство и вместе с горечью есть некоторое облегчение. Во-первых, я не был увлечен, а трения давали себя чувствовать; во-вторых, я слишком устал и раздерган, и хочется думать и писать что-нибудь более серьезное, после голодухи, во время лекций.

Статьи Ваши я перешлю в «Московский еженедельник»<sup>2200</sup>. Я прочел возражение мне<sup>2201</sup>. Боли у меня нет, чего Вы опасались, но есть некоторая досада на Вас, во-первых, за Мережковского, во-вторых, за Достоевского. Касательно первого, Вы отнеслись к нему и его писанию без обычного импрессионизма: ведь это кощунственный канкан на могиле Достоевского, вбивание осинового кола, шеголяние во вновь примеренном костюме — анархическом. Ведь это самоновейшее открытие, что государство, а не только самодержавие от Антихриста (к чему Вы так благодушно отнеслись в конце статьи), и декламации на эту тему с иска-

<sup>2199</sup> Печатается с комментариями по: *Кейдан*, 1997. С. 117—119.

<sup>2200</sup> Первый вариант этой работы: *Волжский А.* Памяти Ф. М. Достоевского // МЭ. 30 декабря 1906 (12 января 1907). № 41. С. 48; содержит упоминание о докладе Булгакова «Достоевский и самодержавие». Полностью монография не была опубликована.

<sup>2201</sup> Возражение на доклад С. Булгакова «Достоевский и самодержавие», прочитанный на заседании МРФО в конце 1906 г.

жениями текста (второе искажение, Вами не упомянутое, о византийском попе, еще хуже первого). Мережковский искажает текст Достоевского, а Вы с ним просто не считаетесь, больше доверяя нутру и прямо отвергая значение его слов. Это неверный путь. Пусть я неправ, сглаживая психологические неровности Достоевского (чего я, однако, не делаю), но я прав текстуально о Достоевском как писателе и на иную правоту не притязую здесь. А Вы пускаетесь в психологический сыск à la Шестов. И затем Вы напрасно проглотили ту интерпретацию, которую я со своей стороны даю царизму русского народа и которой противостоят Ваши и Мережковского заключения. Во всяком случае, оказаться здесь в обществе Мережковского — что-то странное. Благополучия во мне нет, я очень чувствую хаос и бездну в Достоевском, но принципиально провожу границу чисто психологической критики и музыкального импрессионизма. В конце концов, мы стоим здесь на разных путях подходов, но Вы не можете отрицать *raison d'être*<sup>2202</sup> такой критики. Не подумайте, что я сержусь, но у меня иногда бывает такое чувство, что Вы слишком декадентничаете, облегчая себе задачу: так в политике, так и здесь. Простите ругательный тон, Вы знаете, что это любя.

Завтра реферат «Террор и бессмертие» Валентина Павловича. Я не спокоен, как пройдет все, хотя вообще надеюсь на лучшее. Его речь сильна, я люблю его слушать и люблю его говорящим (хотя и не всегда). Но вообще мы видимся не по делам редко (вследствие занятости), и я не чувствую, чтобы наше сближение шло в ногу с географической близостью, но зато нет никакого отдаления. Незаметно срастаемся. Конечно, страшно не хватает Вас, я часто теоретически это соображаю, как много бы это давало.

Бедный отец Михаил!<sup>2203</sup> Я очень боюсь за него, не только внешне, но и внутренне. Я подобно Вам воспринял его

<sup>2202</sup> Разумное основание; смысл (*фр.*).

<sup>2203</sup> Архимандрит Михаил (Семенов).

статью в «Веке», а письмо в «Товарищ» раскованнее и еще страннее. В «Веке» перегрызлись и Колачева выперли, о чем он писал под секретом<sup>2204</sup>.

Иметь надежду на издательство Ефимова теперь нельзя. Как-то я встретил Саблина, и он на меня набросился, хотя разговор прервался, да я и не склонен был его поддерживать. Не снесетесь ли с ним? Только он все-таки не Ефимов!

В «Перевале»<sup>2205</sup> была помещена устроившая меня заметка, что с января Пирожков издает еженедельный журнал под редакцией Мережковского (т. е. Гиппиус?)<sup>2206</sup>. А ведь это возможно. Здесь есть положительные в литературном смысле (что Вы жаждете) стороны, но, в общем, я, во всяком разе, к этой комбинации отношусь несравненно более отрицательно, чем к московской. Однако, может быть, здесь возможны еще соглашения и переговоры, но слишком много личного.

Обнимаю Вас. Ваш С. Б.

**В. Ф. Эрн — Е. Я. Архиппову**<sup>2207</sup>

[Декабрь 1906. Москва — СПб.]

(...) Наши дела идут хорошо, открыли Общество... Общество пользуется громадным успехом. Его посещают одновременно: сенаторы, толстовцы, священники, курсистки, студенты, рабочие и представители крайних партий. Пре-

<sup>2204</sup> В письме, опубликованном в номере от 5.12.1906, священник В. Колачев извещает читателей «Века» о выходе из редакции еженедельника.

<sup>2205</sup> «Перевал» — литературно-художественный журнал, основанный в 1906 г. С. А. Кречетовым (Соколовым), владельцем издательства «Гриф». Издание прекратилось осенью 1907 г.

<sup>2206</sup> В 1906 г. Мережковские, Философов, Бердяев и С. Н. Булгаков попытались создать группу «Меч» и одноименный журнал на базе брюсовских «Весов», но В. Я. Брюсов этот проект отклонил.

<sup>2207</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 289–290.

ния носят исключительно интересный и напряженный характер. Этим детищем своим мы гордимся. Нечто необычайное происходит на заседаниях.

(...) Заседания становятся все многочисленнее. На последнем было около 600 человек. (...)

### **А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому<sup>2208</sup>**

[9.12.1906. Москва — Сергиевский Посад]

Павлуша, пожалуйста, извести кого можешь и прими сам к сведению, что реферат Бердяева (11-го декабря) запрещен<sup>2209</sup>.

Тарееву мы пишем отдельно. Саша Е. [печать МРФО]

### **Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>2210</sup>**

[11.12.1906]

11 декабря

(...) Были мы на еврейском духовном концерте. Видела там Розанова<sup>2211</sup>. Не говори, пожалуйста, никому, потому что я боюсь, что как-нибудь дойдет до Розановой<sup>2212</sup>,

<sup>2208</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 290–291.

<sup>2209</sup> Запрет не был длительным — доклад Бердяева «Великий инквизитор» (ВФП. 1907. Т. 86. С. 1–36) прозвучал на публичном заседании МРФО 31 января 1907.

<sup>2210</sup> Печатается с комментариями по: *Павлова*, 2004. С. 427–430.

<sup>2211</sup> Розанов вспоминает об этом вечере в Консерватории — концерте варшавских синагогальных певчих. См. запись «Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна Гиппиус»: В. В. Розанов о ближних и дальних: (Пометы к письмам корреспондентов) / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Ломоносова // *Литературоведческий журнал*. 2000. № 13/14. С. 91.

<sup>2212</sup> Варвара Дмитриевна «очень не любила Мережковских — до пугливости, до “едва сажу в одной комнате”...» (*Розанов В. В.* Уединенное. М., 1990. С. 295).

а он меня просит слезно — таить свято, а то, пишет, может быть горе. Я думаю, что Варвара Дмитриевна может опять заболеть от ревности. А мне все-таки хочется тебе рассказать, чего Розанов навывдумывал. Евгений Иванов говорит, что он еще с весны так: решил, что я ведьма, выпиваю кровь из Карташева, скрутила его и держу при себе. И тут, на концерте, рядом с ним было место свободное, позвал меня. Сели. Говорил, что меня боится. И зачем Карташев такой худой? (Сразу). Если бы он был толстый... или бы вы худели, что ли... «Ведь он в вас влюблен?» Я: да, да. «Ну а вы?» Я: да, да. «Я ведь как отец, вы уж мне прямо говорите: ну, и вы целовались?» (Жадно). Я: да, да. «Ну, — (со смаком), — и ему на колени садились?» Я: да, да. Ната говорит, что мы были удивительны издали — друг перед другом — и «страшенькие». Не помню, как мы перешли дальше, но я спрашиваю его, считает ли он, что я имею что-либо общее с Дмитрием и с Тобой, нечто в мыслях. Удивился донельзя — ничего, говорит, все разное<sup>2213</sup>. Говорю: ну, так к какой же категории людей вы меня <относите — ?>? И боитесь ли? Говорит: «боюсь», — потому что, кажется, что вот будто сонная я, а внутри есть вдруг громы и молнии, а вот где и для кого — неизвестно. А что категория — особая: к странным и интересным людям относит. И говорит, что в Нате (в лице) есть благородство. «А в вас, простите, — нет». Говорит: «С Зинаидой Николаевной нет сходства, потому что она для меня ясная, как мужичок, товарищ хороший, и ко мне хорошо»<sup>2214</sup>. А я говорю: разве вы думаете, что я вас не уважаю, что вы пишете, не читаю?

<sup>2213</sup> Портреты трех сестер Гиппиус, записанные Розановым, см.: В. В. Розанов о ближних и дальних... С. 89–92.

<sup>2214</sup> О характере отношений З. Гиппиус и Розанова в 1906–1908 гг. см.: «Распоясанные письма» В. Розанова / Вступ. статья, публикация и примечания М. Павловой // Литературное обозрение. 1991. No 1. С. 67–71. См. также: Письма Д. С. Мережковского к В. В. Розанову: (1899–1908) / Публ., вступ. заметка и коммент. А. М. Ваховской // Российский литературоведческий журнал 1994. No 5/6. С. 234–251.

«Нет, нет, ничего вы не думаете про меня, и не надо вам: фантазиями занимаетесь, рисуете... Вам и людей не надо: надо одного для себя, — вы его и тащите к себе. Вот, например, Успенский почему-то вам не нравится, а и он бы не прочь около вас примоститься».

Мы поехали с ним вместе из Консерватории. Лошадь шла едва — едва. Иногда останавливалась и стояла, извозчик отваливался на нас, распустив вожжи. Я долго трясла его за пояс, и он просыпался. «Извозчик, натяни вожжи!» — «Да она тогда совсем станет...» (безнадежно и сонно).

На еврейском концерте жида были в несметном количестве безобразные. Розанов силился восхищаться их здоровьем, но я возмущалась их безобразием. По дороге он сказал, что перестанет меня бояться только тогда, когда я выйду замуж и у меня будет ребенок, как у всякой нормальной женщины. Говорит: нельзя мучить человека, разжигать и не жениться. Что не поверит никаким «обстоятельствам», заставившим нас поселиться вместе, а все прощ.

Потом говорил, что раз я так разжигаю, как говорила, «и на колени» и тому подобное, то нужно же замуж. Я говорю: как вы меня спрашивали, так я вам и отвечала. «Ну, зачем же меня обманывали?! Нехорошо...» Говорит: еще страшно, что у вас в рисунках два возраста всегда 1) юные, прекрасные, невинные девочки и 2) старые, с похотливым выражением лица. И юные — именно в самом прекрасном возрасте — 12–13 лет. И такой передачи он будто нигде еще не видал. (Вспомнил даже ванну, где я нарисовала.) Главное — выражение. Я говорю, что во мне есть эти два элемента и что он в этом понимании очень близок мне. Тут он решил, что, так как во мне есть эти старики похотливые, то я, наверно, имела в жизни реально влечение к девочкам. Я говорю, что, конечно, имею, столько же, сколько и к старикам и старухам с их этим выражением. Но, к сожалению, в жизни не могу похвалиться опытом. Смеется, что «к сожалению» говорю, и не ве-



рит. Раз понимаю так, и воплощаю, — не может быть, что ничего не произошло в жизни. — Доехали до дому, поехали кругом Спаса<sup>2215</sup>: «духовно обвенчались», потом я поехала его провожать в Казачий переулочек<sup>2216</sup>. Он мне о себе такое рассказывал, что передать не могу. И он сказал, что только мне рассказал, потому что ему кажется, во мне то же есть. Но мне было родственно, потому что видела в нем моего же «старика», «ночного котеночка», «розового поросенка», кабаненочка<sup>2217</sup>, и как кабаненочку смеялась радостным и жутким смехом, так и тут можно бы. И главное — понимаю его, вот что. Он сам говорил: ведь я тут совсем у вас из рисунка? Правда. Я ему показала, как надо человека пугать, что руками, пальцами делать, как подбираться. Он съежился, тоже в этом же стиле.

Теперь о другом. Об этом, пожалуйста, никому ничего. (...) Была я с Кузнечиком у Ремизовых. Серафима Павловна сообщила мне две тайны: I) что один человек еще, кроме Розанова, сказал, что я ведьма, II) что она знает тайну о Дмитриии<sup>2218</sup>. Первую тайну она мне сказала — кто, да не интересная, а вторая, что Вилькина письма Дмитриия показывает и хвастается всем. Что она возмущена.

<sup>2215</sup> Спасо-Преображенский собор на Преображенской площади (был виден из окон квартиры Мережковских (дом Мурузи) на Литейном пр., 25), построен в честь победы России над Турцией в 1828–1829 гг. (арх. В. П. Стасов).

<sup>2216</sup> В 1905–1910 гг. Розанов вместе с семьей жил в Б. Казачьем переулочке, д. 4, кв. 12.

<sup>2217</sup> «Кабаненочек» — образ ночного inferнального существа, связанный с представлением Таты о втором закате: в письме к А. Белому она поясняет: «Боря, вам не кажется, что свинья 2-закатное существо. “И бесы вошли в свиней”. “Не мечите бисера перед свиньями”... Помните Хома Брут в хлеву, рядом со свиньями. Помните “Сорочинскую ярмарку”? Помните кабаненочка розового, я рассказывала? Свинья всегда вниз смотрит». (Письмо от 23 июля 1905 г.: НИОР РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 7. Л. 6).

<sup>2218</sup> Д. С. Мережковский. — В. К.

После чая.

Возмущалась сначала Вилькиной, и Дмитрию только удивлялась. Я постаралась, сколько могла, отрезвить ее преклонение и объяснить ей Дмитрия как обыкновенного человека в жизни, даже как человека отвлеченного, идеализирующего предмет своего влечения в некоторой нежизненной пассивности. Серафима Павловна вскипела, как не знаю кто; говорит, что я тепличная, что не возмущаюсь Дмитрием, что Дмитрий не имел права восставать против пошлости, если сам пошлость делает. Что она его любила и верила ему, как Учителю, а теперь презирает. Я говорила, что я очень рада, что и сам Дмитрий будет рад, что его Учителем считать не будут. Что это тяжело. Что ее острога в этом доказывает, как она мало знает людей и нас, в частности, всех. У всех грехи, и каждый за всех страдает. И конечно не этот факт один способен возмутить: масса других (и себя в том числе подразумевала), которые превратили острогу в хроническое состояние. Я все подливала масла в огонь, чтоб ее вывести из ее отношения, как к святым. «Воображаю, как Зинаида Николаевна страдает от его пошлости!» — что-то в этом роде говорила. «Чего ты смеешься?» — на меня. А я радуюсь, что она из своей святости голубиной, бичующей других, выйдет. Потому что это ненавистничество лавинное ужасно неприятно. Я, право, была за Дмитрия с его Бэлой тогда больше, чем с Серафимой Павловной, хотя, может быть, ты это и не одобришь. А вот тесно мне с Серафимой Павловной — издавна душно не приходится она ко мне. (...) Так и ушла от Серафимы Павловны. Она мне показалась совсем маленькой передо мной, я даже ее поцеловала, как маленькую, бедненькую все-таки. И Алексей Михайлович очень, видимо, Дмитрием огорчен. Я говорю: ты еще Философова не знаешь! Не знаешь вообще всего, что происходит у нас, споров, несогласий не знаете, трудности. Рада, точно похвасталась Димочкой. Жалко, что собой так властно похвастаться не могла. (Хотя, если бы она знала, — меня бы тоже ненавидела.) (...)

Вяч. И. Иванов — С. М. Городецкому<sup>2219</sup>

[11.12.1906]

Люблю тебя, любовью требуя,

И верой требую, любя!

Клялся и поручился небу я За нерожденного тебя<sup>2220</sup>.Опомнись, Сергей. И не повторяй твоего древнего преступления<sup>2221</sup>. Ты принадлежишь мне, как я принадлежу тебе.Твоя «Ярь» принадлежит мне, — haec suprema lex esto<sup>2222</sup>, — как все мое отныне тебе. Ибо ты был представленным мне Дионисом.

Попытайся разглядеть действительность чрез туманы [нрзб] и наваждения, нас разделяющие.

Попытайся быть смелым.

Попытайся быть верным твоему лучшему, богу в тебе, которого провидел и промыслил я и взлелеял я.

Non vindico nisi quae mea sunt. Te meum vindico mihi<sup>2223</sup>.Если ты не любишь мое бедное тело, не люби. Душу мою ты навсегда полюбил — и ей хочешь изменить<sup>2224</sup>.

Бог в тебе, которого люблю в тебе, не может не узнать бога во мне.

«Мы ведь можем, можем, можем»<sup>2225</sup>. Мы. Не ты, и не я. Спаси душу мою, бога во мне [обрыв страницы].

<sup>2219</sup> Печатается с комментариями по: Наше наследие. № 56. 2003. С. 147. Публикация и коммент. Вл. Енишерлова.

<sup>2220</sup> Начало стихотворения «Порука», вошедшего в сборник Вяч. Иванова «Эрос» (СПб.: «Оры», 1906).

<sup>2221</sup> Речь идет об объявлении Городецким женитьбы на Анне Козельской, от которой он ждал ребенка. Решение поэта знаменовало конец троякого союза (Иванов — Зиновьева-Аннибал — Городецкий), мыслившегося как «духовно-душевно-телесный слиток из трёх живых людей». — В. К.

<sup>2222</sup> Это высший закон (лат.).

<sup>2223</sup> Ничего не требую от тебя за исключением того, что мне принадлежит (лат.).

<sup>2224</sup> Ср. с записью Вяч. Иванова в дневнике 16.08.1906.

<sup>2225</sup> Строка из стихотворения С. Городецкого «Беспредельна даль поляны...», входящего в сборник «Ярь»: «Древний хаос потревожим, / Космос ско-

О, сделай, сотвори меня.

Пойми не умом своим, а тем, что выше ума в тебе, — *vanitatem vulgi*<sup>2226</sup>, и мы дадим *populo*<sup>2227</sup> то, за что он заплатит нам вместе сплетенными венками будущей славы.

О, если бы ты видел великую правду мою — ту, что выше всех правд людей, как я вижу заблудшегося в тебе бога.

Еще и еще заклинаю тебя — от меня не отвращайся.

Новым искусам подвергни меня, если еще не испытал меня в горниле — но не отвращайся от меня пред лицом людей.

Снесу ли?

Слишком велика обида моя, и не возропщу ли на тебя, бога?

Слишком прекрасна моя вера и мое упование, — о, слишком велика моя любовь.

Ее крик доходит даже до глухонемой души твоей.

Слышишь ли голос мой — *de profundis*<sup>2228</sup>.

8 ½ вечера 11-го декабря.

### А. В. Ельчанинов — Следователю<sup>2229</sup>

[12.12.1906. Москва]

По предъявленным статьям виновным себя не признаю. (...) Революционно и Евангелие, призывающее людей к новой жизни, к преобразованию всего мира в Царство Небес-

---

ванный низложим, — / Мы ведь можем, можем, можем! / Только пламенной желанья, / Только ярче ликованья, — / Расколдуем мирозданье!»

Именно приведенная Вяч. Ивановым строка своей энергией, напором, новым для символистской поэзии оптимистическим наполнением восхитила современников Городецкого, например В. Хлебникова, и многим дала толчок к поэтическому творчеству и надежду на обновление жизни искусством.

<sup>2226</sup> Тщеславие толпы (*лат.*).

<sup>2227</sup> Народу (*лат.*).

<sup>2228</sup> Из глубины (*лат.*) — начало покаянного псалма, читаемого как отходная молитва: «Из глубины я воззвал к Тебе, Господи...» (Пс. 130: 1–2).

<sup>2229</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 291.

ное. (...) В статье «Со святыми упокой!» не говорится о том, что мы призываем бороться средствами насилия и убийства, но ясно говорится, что убийство — грех. Революцию же мы понимаем исключительно духовно, как считаем величайшею революцией христианство. (...) Идея статьи «Что можно и что нельзя» состоит в том, что Христово учение еще не принято современной культурой, настолько не принято, что за его точное исполнение грозят определенными карами. (...) Говоря об отступлении Церкви от христианского учения, автор имеет в виду не только Россию, но и все страны<sup>2230</sup>.

### П. А. Ивашева — Следователю<sup>2231</sup>

[12.12.1906. Москва]

(...) Не признаю себя виновной. (...) Мы имеем в виду евангельскую точку зрения в ее применении к практической жизни и не понимаем, почему за приведение слов Христа газета была конфискована. Ведь Евангелие же и имеет в виду именно действительную жизнь, т. е. применение в этой жизни своих заветов, о чем только мы и говорили в нашей газете. (...) Убийство признается нами нехристианским деянием (...) Только напоминание о завете Христа — завете христианской любви друг к другу людей — имелось в виду при издании газеты, и только слова Христа «Не убий», завещавшего людям жалеть друг друга, лежат в основе этой статьи. (...) Христова свобода — свобода от греха.

<sup>2230</sup> Ср.: «Христианская проповедь разрушила все, что сковывало жизнь (...) Мы веруем во Христа и исповедуем учение Его. И мы всех, в ком не заглохла эта вера, зовем на славную борьбу за Его свободу (...) Евангелие — это сплошное пламенное обличение всех наших высших и низших властей, всех собственников, фабрикантов, помещиков, купцов, всех угнетателей и поработителей народа (...) Бог сказал “не убий” — и мы веруем, что всякое убийство грех» (*Свенцицкий В. прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 277, 281, 284).

<sup>2231</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 291–292.

**П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну**<sup>2232</sup>

[14.12.1906. Сергиевский Посад — Москва]

Дорогой Володя!

Николай Феодорович Каптерев<sup>2233</sup> и Михаил Михайлович Тареев согласны читать в Народном Университете<sup>2234</sup>. О последнем Вам известно, а о первом можно сказать следующее: он хочет читать о судьбах православия и старобрядчества в XV—XVII веках, разбивая и то, и другое. Но обоим, т. е. Каптереву и Тарееву, необходимо скорее знать вообще об Университете и т. д. и о том, что, как тут читать им. Для этого необходимо собраться переговорить. Они просят по возможности скорее. Напишите, когда и где собраться. Хорошо было бы собраться до заседания. Каптерев и Тареев хотят побывать на одном из ближайших заседаний. Может быть, и я приеду после 15—16-го.

Напишите скорее. Сейчас же занят.

П. Флоренский.

Р. С. Тареев давно уже внес в Общество 3 р., но я все не соберусь переслать Вам.

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке**<sup>2235</sup>

[14.12.1906. Москва — Симбирск]

<sup>2232</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 292—293.

<sup>2233</sup> Николай Феодорович Каптерев (1847—1918) — профессор кафедры всеобщей истории МДА. Вместе с В. О. Ключевским покинул МДА при ректоре еп. Евдокиме (Мещерском). Его сын — Павел Николаевич Каптерев (1889—1955) — вместе с Флоренским был одним из организаторов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры (1918), а после ареста в 1933 г. вместе с Флоренским работал на Опытной Мерзлотной станции на Дальнем Востоке в Сковородине. — *Прим. Н. Павлюченкова.*

<sup>2234</sup> Имеется в виду Московский городской народный университет Шаняевского (открыт в 1908 г.). — *В. К.*

<sup>2235</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Ед. хр. 198. Оп. 1. Л. 56—59 об.

Милый Александр Сергеевич!

Я получил Ваше последнее письмо, тяжелое оно, больно с Вами душой и люблю Вас, но поделаться ничего не могу. Журнал, как Вы уже теперь знаете, окончательно лопнул. Сейчас я лично этим положительно доволен. Во мне совершенно определилось, что если что и будет, то не сейчас и не скоро. К «агитации» церковной сейчас не чувствую влечения, а, в меру нужды, могу удовлетворить ее в «светских» газетах, а что до внутреннего, то хочется именно подумать, заглянуть в себя (благо лекции остановились) и не дрожать в журнальной горячке. Кроме того, надвигается Дума, в которую попасть я имею шансы (хотя и почти не верю в ее результаты). Наконец, это утомительное чтение... Но за Вас мне больно, Вы теряете гораздо больше. Статьи Вашей из «Русского слова»<sup>2236</sup> я не получил. Если Вы получите из него отказ, то обратитесь к Трубецкому и в письме упомяните, что я имею с ним о Вас говорить. Я могу его совсем не увидеть, но это полезно. Думаю, что написать лучше к нему, потому что, хотя он и не входит фактически в журнал, но, конечно, имеет решающий голос. Возникает новая кадетская газета. Я не знаю, насколько Вы можете написать что-либо там приемлемое, но готов сказать Новгородцеву в случае нужды. Мееровича видал всего раза два. Кажется, ему трудно материально, но он все-таки еврей, следовательно, ему все с гуся вода<sup>2237</sup>. В затруднительном положении оказался здесь Лундберг, статьи которого приходится пристраивать без надежды на успех.

Соловьевское общество постигла первая неудача. По поводу доклада Валентина Павловича возникло целое дело. Был сделан кем-то донос, что он проповедовал террор (в действительности он, конечно, его отрицал, но так, что имеют основания доносчики, и не только внешние; Вы это, впрочем, сами

<sup>2236</sup> Статья Глинки-Волжского не найдена в газете «Русское слово» за период 1905–1906.

<sup>2237</sup> Ефим Израилевич Меерович — писатель, журналист.

знаете). Уличный «Век»<sup>2238</sup> (здешний) пустил слух, что Валентин Павлович арестован, и это пошло гулять по всем газетам<sup>2239</sup>. Меня вызывал для объяснения градоначальник и спрашивал, верно ли это обвинение и как ему относиться к Обществу. Я представил положение дела. Он был вполне вежлив. Предстоит еще объяснение Валентину Павловичу, которому, по словам градоначальника, предстоит «наказание» (как и полицейскому, за то, что находился во время чтения в соседней комнате). Из-за этого реферат Бердяева запрещен. Я, однако, надеюсь, что сейчас это уладится и нам разрешат следующее заседание, но не думаю уже, чтобы Общество было долговечным, на что, впрочем, нельзя было и рассчитывать.

Я, однако, ожидаю все время от этого реферата Валентина Павловича таких осложнений и внутренне (боюсь, что может быть и из малодушия, но во всяком случае не из-за него одного) ему противился, но наружно этого не выражал, ибо не имел оснований, да это было бы и бесполезно. Надо, впрочем, сказать, что для своей темы реферат был еще цензурен, прения — менее. Однако, может быть, эта история послужит и обществу на пользу в общественном мнении. Читали ли Вы безвкусную и недобрую выходку Дмитрия Владимировича<sup>2240</sup>, в которой совершенно определенно слышатся супруги Мережковские, против «Века» и «институток»<sup>2241</sup>? Мне было больно читать,

<sup>2238</sup> В этот период существовало два одноименных периодических издания: *Век: Независимый орган печати*; с № 45 — Ежедневная политическая, общественная и литературная газета. М., 1906—1907. Ред.-изд. С. Г. Миконян; *Век: Еженедельник религиозно-общественной жизни и политики*. СПб., 1906—1907. Ред. В. А. Никольский, с № 15 — А. В. Попов.

<sup>2239</sup> См.: *Век*. 9 (22) декабря 1906. № 66. С. 4 (перепечатано: Книга. 1906. № 7. С. 22). Опровержение последовало на следующий день: «Валентин Свенцицкий просит нас сообщить, что... заметка о его аресте и об обыске у него лишена основания, равно как и сведения о переписке его с Гапоном и Толстым. В редакцию эти сведения были доставлены якобы от религиозно-философского общества. Кому понадобилась такая грубая мистификация?».

<sup>2240</sup> Д. В. Философов.

<sup>2241</sup> См.: *Философов Д.* Бунтующие институтки // Товарищ. 8 (21) декабря 1906; Его же. О «Братстве церковного обновления» // Товарищ.



и эта отчужденность опять почувствовалась. Статейка произвела свое впечатление на заинтересованных лиц. Даже Аггеев, который вообще, как сам пишет, «теряет почву», взволновался. Я дал-таки после второго письма Никольского совершенно никчемную и пустую статейку в «Век», навеянную именно статьей Дмитрия Владимировича (хотя в ней и нет прямой полемики)<sup>2242</sup>. Подписка идет хорошо, по словам Аггеева, более 1500 подписчиков. Нет, этот орган может пойти, он погибнет от недостатка сотрудников, а не подписчиков!

Относительно Тернавцева и Собора Вы правы, да ведь я и не дал согласия, оставив решение за собой, я ответил только, что принципиально согласен и оставляю руки Тернавцеву свободными.

Что Вам сказать насчет Думы? Остается в хладном сне и бессилии. Я испытываю сейчас только потребность самоуглубления. Внешние мелочи и суета, даже «кадетские» комиссии меня не тяготят, даже, очевидно, нужны для какой-то стихии, как и Дума нужна, и пусть! Вообще же я все больше проникаюсь настроением, что мы стоим еще накануне таких великих событий, перед которыми и Государственная дума, и наши практические замыслы — сущие пустяки. И все больше начинает казаться, что хотя религиозно и неправ Мережковский, но он может оказаться исторически прав, т. е. что вся историческая черносотенная церковь пойдет на слом, история заставит забыть о ней раньше, чем станет ощутительно явление Церкви. Не знаю почему, поэтому или по другому, но мне легче сейчас в светской среде, своего рода настроение Антона Владимировича<sup>2243</sup>. Впрочем, это случайно и временно. Я принимаю Ваше предложение о Лашнюкове, но он сейчас, по словам Зеньковского, скры-

---

9 (22) декабря 1906. Автор приглашал «обновленцев» присоединиться к нехристианскому освободительному движению.

<sup>2242</sup> См.: Булгаков С. Временное и вечное // Век. 24 декабря 1906 (6 января 1907). № 7. С. 78–79.

<sup>2243</sup> А. В. Карташев служил в канцелярии Святейшего Синода.

вається<sup>2244</sup>, и я ему не посылаю сейчас. Вот что, Александр Сергеевич, не испытываете ли Вы сейчас какого-либо острого кризиса? Имейте в виду, что у меня Вы можете перехватить сколько Вам нужно, безо всякого ущерба для меня.

Ну, Христос с Вами!

Как Ваше здоровье? Видели ли Вы отца Михаила?

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>2245</sup>**

[14.12.1906. СПб. — Киев]

Пишу тебе, дорогой Петр Павлович, экстренное письмо. Я окончательно вошел в состав редакционного комитета «Века». Еженедельно в среду от 9 часов вечера до 3 часов ночи — вчетвером составляем уже № 6 наш. С него судите все об издании. В № 6 — и моя статья, не совсем удавшаяся<sup>2246</sup>. Зато в № 7 будут 2 статьи: 1. «Подлинно русским людям». 2. «Доколе, Господи!» (по поводу ареста Свенцицкого и изгнания о. Михаила) — что называется, «вырвались»<sup>2247</sup>. (...)

Подписка при нашем ожидании 500 человек уже приближается к 2000 лиц. Аудитория благодарная — священники, персонал учебных заведений. И представь: одобрительными письмами закидывают нас. «Только боимся, как бы не закрыли...» (...)

Никольский — незаменимый техник, он бывший секретарь «Слова»<sup>2248</sup> — часто на одних своих плечах выносивший номера. Скромный в своих требованиях донельзя. Уже разрабатывает проект кооперативного владения «Веком». (...)

<sup>2244</sup> К тому времени Лашнюков уже 2 месяца должен был пребывать в тюрьме.

<sup>2245</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 294.

<sup>2246</sup> См.: *Аггеев К.* То же фарисейство // *Век*. 17 (30) декабря 1906. № 6. С. 66–68.

<sup>2247</sup> *Он же.* Доколе... // *Век*. 24 декабря 1906 (6 января 1907). № 7. С. 84–85.

<sup>2248</sup> «Слово» — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, издававшаяся в С.-Петербурге в 1903–1909 гг.

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой<sup>2249</sup>**

[Б. д. 1906?]

Многоуважаемая

Маргарита Кирилловна.

Глубоко тронут Вашим письмом. Только думаю и даже не сомневаюсь, что Ваша оценка мне не по заслугам. Были люди, за которыми есть те заслуги, о которых Вы пишете. Но те, к сожалению, в гробу. Нам же нужно думать только об одном, чтобы нести достойно их крест и их знамя и стараться его не уронит, и не спотыкаться. Сочувствие Ваше мне дорого и служит мне источником бодрости в тяжелой борьбе. Но, ради Бога, не преувеличивайте моего значения и, в случае каких-либо моих ошибок, не отказывайте в суровой, беспощадной критике.

Сегодня получил известие из типографии о скором выходе в свет в среду моей лекции в виде отдельной брошюры<sup>2250</sup>, которую, разумеется, Вам тотчас поднесу.

Искренне Вас уважающий и сердечно преданный  
Кн. Е. Трубецкой

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус<sup>2251</sup>**

[18.12.1906]

18 декабря.

Пишу 18-го декабря, 4 часа дня. (...) С Натой говорили. (...) Она скорбит, главным образом подавляется тем, что она, как всякая женщина, не человек, а сначала презирается человеческое и утверждается то, что не ей принадлежит. Утверждается ее женская природа, женская — не челове-

<sup>2249</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 26.

<sup>2250</sup> Кн. Е. Н. Трубецкой. Партия мирного обновления. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1906.

<sup>2251</sup> Печатается с комментариями по: Павлова, 2004. С. 430–432.

ская, а даже зверино-животно-человеческая. Оттого-то недавно она мне сказала, что переход к человеческому уважению женщины есть принятие ее как Прекрасную Даму. Как путь. Беденькая, прямо ее душит это все, о чем я тебе уже не раз писала: весь мир, все «люди», в сущности, не люди, а «мужчины». Друг с другом им хорошо, а отношение к женщине личное (для себя), животное, эгоистическое. Оттого в ней и веселости нет, оттого она и подгибается, как травинка слабая. Говорит: Зина может сносить унижения супруга Мережковского, «женский ум» и т. д., и ты можешь пребиваться, а я не могу. Лучше уйти тогда.

Я говорю, что нужно сознать, что они слепые и тоже бедные, потому что не знают, что в мире жизни нет без женского начала. А у нас, здесь ничего и родиться не может без женской человечности. А ты это знаешь, цени себя больше. Говорю, представь, если бы и ты попала к каким-нибудь готтентотам, которые тебя приняли бы за обезьяну, — что же ты, признала бы себя обезьяной? Или бы стала учить готтентотов тому, что сама знаешь? Говорит, что чувствует, что все это она имеет — безосновательно, бездоказательно и бессильно. Оттого и покорно уходит, с унынием в душе. Я говорю, что и надо все доказательства иметь, взять все, что пронизывается светом, обокрасть, и исследовать и себя и свою слепую природу. То есть то убеждение, то предзнание — доказать как знание, отношение изменить. Все собрать в одну точку, тайну к худу, брачное соединение. Все вокруг этого. Между прочим, говорила, что Димочка ближе к нам в этом (со всем, что имеет за собой), нежели хотя бы Розанов, потому что Димочка (Розанова надо обокрасть) понимает Тайну к худу как вкрапление в инстинкт. И это случайность (которая, может быть, мне вменится в минус), что я не имею той силы инстинкта, которую имеет Димочка. Я думаю, что Ната, если бы была мужчиной, то была бы Димочкой. И я думаю, что она ненавидела бы себя, презирала бы, ненавидела б женщин. И, может быть, пришла бы к самоубийству. Ты знаешь — у нее яркое ощущение тайны к худу. Нельзя осуждать. То, что она так протестует, это,

может быть, доказывает ее малую стойкость; и отчасти я думаю, что она и в себе эти инстинкты ненавидит, как слепое. Только она не верит, что возможна какая-то победа. (Повторяю еще: не навязывай мне: «аскетическая победа».) А я в безумии, в ужасе, в радости, в слабости, в силе верю. И верю в то, что сейчас уже может быть. Сроков нет.

Ната потому с Серафимой Павловной не согласна, что Серафима Павловна находится в наивности, что люди, хотя бы революционеры, могут относиться по-человечески. Не подозревая, что это частный случай, исключение из правила, мелочь. И ей довольно человеческого отношения революционерского, товарищеского. А я знаю, что Ната тоскует о большем. Говорю Нате, чтоб меня-то хоть бы все время благословляла безумствовать, а то она хочет благословить раз навсегда, а потом отойти. Она говорит, что от Карташева ее отшибает всякий раз за три версты, когда он скажет что-нибудь, где «мужское» презрение почувствуется. Что-нибудь: «это чисто женское суждение». Или: «как я рад, мужское, основательное отношение», или в этом роде. Я ей говорю, что мне не меньше, чем ей, гнусно, но от этого-то у меня и является действительный протест. Хотя бы с тем же Карташевым, как самым ближним. Победивши в одном, явится больше силы и веры.

-----

(...) А для Карташева очень хорошо было вчера: не все ему по маслу: с Натой не считается, в лицо не смотрит. Я ему говорила, что у него ко мне даже не обычная любовь, даже не страсть, даже не влюбленность, а чистое, обнаженное влечение, физическое, откровенное, как у всякой лошади, собаки, кота. Так началось, были примеси разные слабые, а целое — это вот и есть это, зверино-человеко-Божье. Говорит — да. Хорошо, что видит. А увидел потому, что уже имеет нечто большее: оттого глаза на прежнее просветляются: прежде утверждал, что это-то и есть «любовь», а у меня пустыня. Теперь считает, что я имею, но он безнадежно пуст. Это хорошо. (...)

<P. S.> Я Нате сказала, что если бы я была не я, то есть оставить одну слепую мою природу, то я была бы проституткой со вдохновением. Недаром Савинова<sup>2252</sup> многое во мне ненавидит и говорила, что в Натаином лице — чистота, а во мне «вавилонская блудница» («а в вашем лице, простите, благородства нет» — Розанов). Впрочем, неверно: если бы можно было быть «проститутком»... (название известно) ...

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус**<sup>2253</sup>

[19.12.1906]

19 декабря. Продолжаю вечером 7 часов.

Сейчас ушла Ася. Даша<sup>2254</sup> ей по обыкновению стала жалиться. И ругала. Ася ушла, когда я вошла. Даша же объявила в неистовстве, в ответ на мое спокойное заявление, что у себя в доме подобного уroda я терпеть не желаю, — сказала, что она «раскроит этому холую всю рожу, трясучему мужику. Забыл, как у порога Зинаиды Николаевны стоял, хам! Зинаида Николаевна небось...» и т. д. «Я ему мстить буду...»

Ася после говорила, что я должна сделать так, чтоб Антон Владимирович уехал от нас, потому что эти истории — мерзость. И пусть бы приходил, хоть каждый день. Говорит — нарочитость у вас, сама ты его до дна не принимаешь, Ната Кузнецова любит. А Карташева нельзя, Урия Гипп<sup>2255</sup>, слизняк. Если не имеешь трясения — удивляюсь тебе, просто слепота какая-то.

---

<sup>2252</sup> Савинова — однокурсница Т. Гиппиус по Высшей художественной школе при Академии художеств.

<sup>2253</sup> Печатается с комментариями по: Павлова, 2004. С. 432–433.

<sup>2254</sup> Дарья Павловна Соколова — няня сестер Гиппиус, с 1900-х гг. жила у Мережковских, после их эмиграции в 1919 г. — с Татой и Натой, до смерти последней.

<sup>2255</sup> Урия Гипп — герой романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд» — отличался уродливой внешностью, пытался принудить к браку возлюбленную Дэвида — Агнессу.

Вообще, удивляюсь людям — надо жизнь прожить только поскорее, как можно легче, потому что природа это все: все направлено на род, рождение детей. Женщина не рождающая, например, — не нужна, быстро вся атрофируется и вычеркивается природой. И вся — для рождения. А если народит, сколько может, тоже вычеркивается, как хлам. И все так. А если ты в экстазе поняла истину, и экстаз в тебе остался хронически — значит, ты имеешь эту истину для себя только, потому что все субъективно. Утяжелять свою жизнь — бессмысленно, а устраивать — бесцельно, потому что самообман, что можешь победить природу и чего-нибудь достигнуть. Например, Карташева ты ведь не до дна принимаешь, а думаешь, что до дна. Говорю: и не думаю, что до дна. «Ага! Так нечего и обманывать себя, что будет». (А сама-то ведь, я-то, Тата, знаю это трясение, о котором она говорит, есть.) — «И Зина до дна не принимает, органически, и Дмитрий и Философов, и все вы».

Мне кажется, что все дьяволы-искусители собрались на меня из всех щелей. (...)

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус**<sup>2256</sup>

[20.12.1906]

20 декабря.

(...) насчет Бори<sup>2257</sup> и Любы<sup>2258</sup>. Ты не думай, что я за нее. Во-первых, ты, может быть, не знаешь, ведь они живут в браке, настоящем, с Блоком. Мне говорил Евг. Иванов, потому что ему казалось, что все этого не думают<sup>2259</sup>. Мать

<sup>2256</sup> Печатается с комментариями по: Павлова, 2004. С. 433–436.

<sup>2257</sup> А. Белый. — В. К.

<sup>2258</sup> Л. Д. Блок. — В. К.

<sup>2259</sup> Ср. в мемуарной записи А. Белого: «Л. Д. мне объясняет, что Александр Александрович ей не муж; они не живут как муж и жена; она его любит братски, а меня — подлинно; всеми этими объяснениями она внушает мне мысль, что я должен ее развести с Александром Алек-

ему говорила. Я ей и писала даже, что пусть она оставит все психологии, а просто возьмет того, кого попросту больше любит. Еще весной. И она мне сказала, что так и разрешила и решала. Просто естественно больше любит Блока. Вот и все разрешение. Ты это про меня брось, не думай. Мне нужна тоже ясность до конца. Если просто — то просто — и тогда истина. Только надо знать — основание-то что, какое. Источник в чем? Это вот главное. Тут не нужно подмены и лжи. А про Любу — многое правда, конечно.

Насчет там этих бессмыслиц, что ты пишешь, что как не замечали. — Так не замечали, потому что считали это явление частным. — Вот, Вяч. Иванов влюбляется в мальчиков, любимчиков<sup>2260</sup>. Какое дело, что он там делает? А раз уж какие-то кружки пошли — дело другое. Еще кое о чем знали, Серафима Павловна говорила. Сказать, — не знаю, хорошо ли будет.

Потом вот насчет того, что у Карташева не тот путь. Конечно, если бы не тот, то ничего бы и не было. Надо взять тот, который есть один. И так это и есть. И тут не сомневайся. Да, «если два хотят вместе идти, то с двойственностью надо считаться» (из твоего письма). Это верно, иначе нельзя. Надо многое давать друг другу в залог будущего, смиряться.

Розанову я писала в тоне глубоко-серьезном в смысле ТАЙНЫ. В тайне нет грязи. Грязь в плоскости. Написала так, чтобы он бросил свое отношение ползучее, потому что в нем есть эта плоскость, слюнявость, его грех, накипь на его правде. Писала о том, что его правду понимаю и принимаю, но не всю, не до дна. Что есть другая, как девственность. И это должно быть одно, одна тайна ко Благу.

---

сандровичем и на ней жениться». (Цит. по: Андрей Белый о Блоке. М., 1997. С. 542).

<sup>2260</sup> Вероятно, отголоски увлечения Вяч. Иванова Сергеем Городецким, которое он переживал в 1906 г. (см.: *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 744–754).



Впрочем, я тебе перепишу. Нарочно запутанно пишу — пусть за ведьму или «угрюмую чертовку» принимает, как он мне написал. Выявляться перед ним не следует. Но и тон серьезный взять нужно. (...)

<20 декабря, продолжение>.

Не думайте, что я как-нибудь в корне сомневаюсь. А вот, возьмет, и бес смущает: мечтается о жизни «вольной», предлагала вчера Карташеву поселиться с сестрой<sup>2261</sup>. (У сестры глаз болит, может, пропадет. Розановы его упрекают, что он не заботится о ней; он хочет копить деньги, чтоб весной мы его не бросали, если за границу — то и он (...)). А мне с Натой — заниматься искусством, изучать, смотреть, время тратить на заботу об этом только, ни о чем больше не заботиться, не мучиться, кроме этого, работать. Поехать куда-нибудь, в Ярославль, — для этого же. Любовь свою к искусству не растрчивать, не направлять в другое русло, в Главное. Думать, проникать, утоньшаться в Главном, вроде Бердяева, — и, как он, жить по-прежнему, но зато, как он книгой своей живет, так и я бы. Ходила бы к Блокам, к Лидии Юдифовне, писала бы портреты. Надо дорасти до образа художницы, много учиться, хочется учиться. Не глодаться совестью за свои недостатки во всех иных областях. Вот так бы жить, как Дмитрий жизнь прожил в работе и все для нее. Даже людей презирать хорошо, зато дело сделаешь и людей подвигнешь. Сколько нужно лишений Дмитрию, чтоб выйти из маститого литератора, а как трудно начинать быть чем-нибудь, учиться и выходить из этого же. Если этого не понимаете, меня же упрекаете — не удивляюсь: привыкла.

Димочка что мне советовал бы? Налечь на рисование, бросить все безбоязненно, и я буду права? Пусть благословит — все брошу, что бросится! Во имя Главного — Главное брошу! Еще что советует? Учиться? Все брошу, во имя Главного брошу и буду учиться! Пусть благословит. Но тогда не могу думать

<sup>2261</sup> Елизавета Владимировна Карташева — младшая сестра А. В. Карташева.

ни о вопросах, ни о Главном, ни о Четвергах, ни о Субботах, ни о Карташеве, ни о Нате, ни о вас, ни о нас, могу немножко, между прочим. Ни о соединении, ни об ответственности, ни о любви. То есть думать отвлеченно — да, но не мучиться, не жить, а как Бердяев. Зато буду в Публичную библиотеку ходить, зато буду до 10 часов в академической библиотеке сидеть, зато буду в 12 часов спать ложиться, бодро работать с утра, не нервничать. Может быть, тогда и в Карташева влюблюсь снова, попросту, по-давнішнему. Хотя тогда лень и не надо будеть его: ведь у нас профессии разные. Он мне чужой.

Ведь это тоже путь, тот, который я должна была прожить до моего рождения в новое сознание — но не прожила, отстала. Это то же, что ты мне советуешь сделать теперь в новом рождении — с Карташевым, пройти весь путь старый, оторвавшись от того, в чем я теперь. Ты боишься смешения? Что я старое свое, «девичье», прирожденное, принимаю за новое? Но что же делать, если я уже и со старым своим здесь очутилась? Значит, и выходит: забыв о новом, начинать сначала; будто ты еще идешь только к сознанию: ступень следующая будет: рву мое прирожденное, подобное только новому, и этим по виду только удаляюсь от нового, но это и будет только следующим шагом, в сущности ближе к новому, чем раньше. Этим шагом я только еще в жизни-то встану на уровень всех, едва дойду до Лидии Дмитриевны Ивановой<sup>2262</sup>, встану с ней рядом. (Приписала позднее от бодрости: как я мечтала быть равной «художникам».) Но смею ли я когда-нибудь встать с ней рядом до тождественности? Она-то права, я ей в ноги поклонюсь за ее правду, а я будто во лжи, потому что притворяюсь ею, а сама уже ее правду за правду не принимаю; уподобляюсь ей, уже знала, что я тут не останусь, что это часть Правды, следовательно, ложь перед ее Полной Правдой. Каждый шаг на пути я должна делать, собирая зародыши полной правды, соединенной, и когда выпадаю от невозможности вы-

<sup>2262</sup> Л. Д. Зиновьева-Аннибал.

нести трудность собирания зерен — это и есть простимый грех. И когда не выпадаю — нельзя все-таки желать, считать правильным и единственным двигателем — выпадение, путь бессилия. (Знаю и возражения: а может быть, не выпадать нельзя? А невыпадение доказывает безжизненность? Может быть, и так. Но, если даже выпадешь насилно, — жизненность таким путем не приобретешь.)

Я бы, может быть, считала очень для всех нас полезным, если бы я была уже страстной женщиной, уже знала бы и носила бы в своем организме огонь и жар до невозможности с собой совладать. Но если этого нет (как ты утверждаешь), говорю просто как факт, — то что же делать? У Карташева есть. Это факт. С этими двумя фактами надо считаться. Еще вспомни, что ведь у женщин вся мозговая деятельность, сознание связано с половой любовью, вся религиозность. (Сумасшедшие женщины — почти все эротоманки.) Теперь разорви-ка! А мужчина (скажу еще циничнее тебя) имеет любовь как вполне отделенную область от его психики и мозговой деятельности. И любовь окрашена гораздо более зверине, первобытнее от этого; ярче будто, но как бы не захват всего человеческого. Это и физиологически и психологически и логически и всячески так. Следовательно — если я уже соткалась, по природе, то нужно разрывать себя. Нужно считаться, именно здесь со мной как с женщиной, а не мужчиной. И считаться, то есть найти меня правой, и найти путь для меня, меня как таковой, а не вообще. (...)

**Н. А. Бердяев — З. Н. Гиппиус<sup>2263</sup>**

[21.12.1906. СПб. — Париж]

Петербург 21 декабря

Дорогая Зинаида Николаевна! Опять долго не писал Вам, не потому, что нечего было писать или не хотелось писать,

<sup>2263</sup> РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 31—40.

а потому, что слишком многое нужно сказать и в письме трудно сказать. Эта зима очень отличается от прошлого и позапрошлого года и, несмотря на все ужасы, отличается к лучшему; а может быть, я сам очень изменился, почувствовал твердую почву под ногами, и поэтому мне легче жить. Политические перспективы России очень мизерабельны, реакция свирепствует, но начинается какое-то брожение идей, и незримо проникает оно в молодежь, начинают интересоваться религиозными проблемами. Ужасы революции и реакции раскрывают для огромной массы людей антиномичность бытия и невозможность внерелигиозного исхода. Я всегда был не согласен с славянофильскими попытками Дмитрия Сергеевича приурочить новое религиозное действие к происходящей в России политической революции, но революция косвенно должна повлиять на религиозное возрождение. Я читал публичную лекцию «Великий Инквизитор» и доклад в философском обществе «Мистика и религия». В этом году я охотно говорю, спорю, вообще выступаю в защиту своих идей, и мне кажется, что к идеям этим начинают прислушиваться. Но пока еще никто ничего не понимает. В философском обществе во время дебатов обнаружилось чудовищные недоразумения. Мистические анархисты очень мной возмущены. С Вячеславом Ивановым — постоянные объяснения, хотя отношения остаются дружественными. Я люблю Нувеля, считаю его одним из самых умных людей в Петербурге. Он необыкновенно много понимает, несмотря на свою опустошенность, и очень мил, кажется, бескорыстен в отличие от Петербургских литераторов. Но декадентство мне надоело, временами я чувствую почти физиологическое отвращение к этой импотентности, к отсутствию реализма и органичности, к мистификациям и самолюбванию. Я полюбил все органическое, жажду мистического реализма и объективизма. Иногда отвожу душу с Карташевым, который мне ближе всех здесь, люблю говорить с ним и вспоминаю вас всех, которых очень недостает. Мы сходимся с Карташевым в жажде религиозного гнози-

са, как яркого, светлого, солнечного утра, и в сознании огромной важности объективации религиозных идей и переживаний. Пора выйти из кружковщины, из литературщины на свежий воздух всенародной органической жизни, пора отойти от этих мелких, интимно-литературных дрызг, пора перестать интересоваться мистификаторским и выдуманным «демонизмом» литературно-декадентских подземелий и обратить внимание на реальный демонизм, творящий на земле свои мерзкие дела. Сознаете ли и вы это так, как я сознаю? Когда я слышу разговоры Макса Волошина о люциферианстве, у меня является желание бежать в леса и поля и там вступать в разговоры с травами и зверями, чтобы услышать про реальное. Я теперь приготавливаю в окончательном виде свою книгу и надеюсь издать ее у Пирожкова, но мысль моя занята уже другим. Мечтаю написать новую большую книгу, которой нужно посвятить несколько лет. Хочу написать книгу, в которой будет философское обоснование и оправдание религиозного гнозиса, переработка нового религиозного сознания в объективную религиозно-философскую систему. Это будет учение о Логосе, быть может, назову книгу «о Разуме». Думаю, что работа эта, если мне удастся ее выполнить, будет с моей стороны большим практическим действием, исполнением того, к чему я предназначен. Я теперь очень интересуюсь учителями церкви, гностиками, великими мистиками и большими философами, мыслившими о религии. С большой внутренней твердостью я избрал свой путь и наметил себе цель. Мне кажется ошибочным видеть религиозное действие исключительно в образовании и внутреннем укреплении общины, в организации, я бы сказал в религиозном корыстолюбии и властолюбии, подобном католическому. Религиозное умозрение (гнозис) и религиозное созерцание дало таких людей, как Ориген, Иустин Философ, Максим Исповедник и др., заслуга которых в религиозной истории мира безмерна. Для меня религиозная жизнь, прежде всего, бескорыстна, в ней не должно быть каких-либо властолюбивых планов, подоб-

ных католической теократии, последние предали и высочайший подъем религиозной жизни — созерцательно-чувственной, а не волюнтаристический. «Да будет Воля Твоя», а не моя, не человеческая корыстная воля — вот ценность теократии. Социал-демократия — вот яркий пример корыстно-волюнтаристического отношения к миру; она вся основана на обожествлении человеческой воли, корысти, и ей противопоставить можно только то состояние, когда человек отдает себя воле Божьей. Прочтите мою статью «О народной воле» (в моем сборнике<sup>2264</sup>, который я вам послал), я придаю ей очень большое значение для своего религиозного миропонимания и мировоззрения. Вопрос о церкви меня страшно мучает, и пока я пришел к тому заключению, что в исходной своей точке зрения я протестант, исхожу из протестантского утверждения религиозной свободы и отрицания церковного авторитета, но дальше иду по мистическому, а не рационалистическому пути. Я читал протестантские книги о церкви и должен был прийти к тому заключению, что у меня протестантские взгляды на благодать священства и на присутствие в церкви Св. Духа как единственный и веский критерий истины, не воплотимый ни в каком авторитете. У меня есть жажда религиозного культа, и временами хочется пойти в какую-нибудь церковь, в родную, открытую и органически связанную с жизнью тысячелетий. Не хотелось бы образовывать маленькой секты, угнетающей личность и не достигающей вселенскости. Боюсь всякой искусственности. Я нарочно высказываю в разной форме свои мысли и чувства и хочу знать, в какой мере схожусь и расхожусь с Вами. Страшно много я внутренне пережил за время нашей разлуки, изменился так, что Варвара Дмитриевна Розанова признает меня образцом добродетели, многих чертиков изгнал из себя окончательно, а некоторых загнал в подземную глубь, превратился из ночного человека в дневного, так что не знаю, как бы мы с Вами разговаривали бы по но-

<sup>2264</sup> Бердяев Н. Sub specie aeternitatis.

чам. Иногда мучительно хочу знать, что с вами всеми, с Вами в частности, сделалось за это время, освободились ли от декадентских чертиков, от давившего прошлого? Мне все кажется, что истинное преображение связано не только с крепким соединением нескольких в общину (само по себе это только новый монастырь), но и нахождением новых путей к миру, природе и человечеству, к каждому человеческому лицу, в котором через посредство Эроса (?) нужно прозреть идею Божью, скрытую за поверхностью, покрытую отвратительной коростой. Этих путей ищите ли, находите ли? Я внутренним опытом постиг, что прежде всего нужно уничтожать в себе всякое самолюбие и самовозвеличение, тогда только может начаться бескорыстная любовь к миру. Должен был читать по просьбе Иванова на среде свою главу «о метафизике любви», но это не состоялось, так как среды прекратились вследствие тяжелой болезни Лидии Дмитриевны. Я и рад, что глава эта не читалась, пусть лучше будет прочитана в книге. Из последних новостей могу Вам сообщить, что «Русская мысль» перешла к Струве, который собирается пригласить Дмитрия Сергеевича. В январском номере «Русской мысли» я печатаю одну главу книги, а две другие будут напечатаны в «Вопросах философии и психологии». А какие у Вас литературные планы? Что писали в последнее время? Что со сборником? Чувствую я себя лучше, но очень я одинок в Петербурге, я чуть ли не единственный здесь литератор, активно отстаивающий религиозные идеи. Тернавцев предложил мне возобновить религиозно-философские собрания, но ничего из этого, кажется, не выйдет, вас не достает. Розанов завял, хотя у меня с ним очень теплые отношения. Начинается какой-то новый период, новая группировка, появляются неожиданные молодые люди, но трудно сказать, что будет. Какие у Вас планы, думаете ли вернуться? Нежно целую Ваши ручки и с любовью вспоминаю о Вас. Привет Дмитрию Сергеевичу и Дмитрию Владимировичу.

Ваш Ник. Бердяев

А. А. Блок. Записные книжки<sup>2265</sup>

[21.12.1906]

21 декабря

Со мною бывает часто, все чаще физическое томление. Вероятно, то же у беременных женщин: проклятие за ношение плода; мне проклятие за перерождение. Нельзя даром призывать Диониса — в этом все призывание Вакха, по словам самого В. Иванова. Если не преобразуюсь, умру так в томлении.

(...)

Стихи Городецкого — вчера вечером он прислал мне «Ярь» с такими милыми словами на книге и в письме. Большая книга. Параллельно — читал кузминские «Крылья» — чудесные. Но Кузмин не выйдет из «страны». Городецкий весь — полет. Из страны его уносит стихия, и только она, вынося из страны, обозначает «гениальность». Может быть, «Ярь», первая книга в этом году — открытие, книга открытий, возбуждающая ту злость и тревогу в публике, которую во мне великое всегда возбуждает. Новое, молодое, стремящееся — а родные, знакомые и остальные им подобные мусорщики будут спорить, бурлить, брызгать слюнями, зевать и всячески так испражняться. Может быть, даже эта книга, несмотря на кабацкие рекламы Чуковского и знаменитость Городецкого, проваляется в складах. А склад — в «Труде»<sup>2266</sup>, — может быть — первая

<sup>2265</sup> Печатается по: Печатается по: Блок А. Записные книжки. 1901–1920. С. 84–85.

<sup>2266</sup> «Труд» — издательство и книжный склады знаменитого издателя С. А. Сирмунта. Книжка Городецкого была выпущена студенческим «Кружком молодых», но своего склада у них, не было, так что, видимо, отдали на склад «Труд». При этих складах (они располагались в нескольких городах) еще были магазины «Труд». Ими всячески пользовались распространители марксистской литературы. Что не помешало большевикам сразу же после прихода к власти разорить их дотла. — *Примеч. Д. М. Магомедовой.*



«нетрудная» книга, избавленная от той грязи и проклятия, которые всякий труд за собой несет. Вчера я страстно и тщетно убеждал в этом изнервленного доцента Веселовского<sup>2267</sup> и медвежатину Верховского. Они упирались.

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке<sup>2268</sup>**

[22.12.1906. Москва — Симбирск]

Дорогой Александр Сергеевич!

Я говорил с Павлом Ивановичем Новгородцевым о Вашем участии в качестве литературного критика в газете «Новь» (новая кадетская московская газета). Он сам выразил принципиальное согласие и рассчитывает, что в редакции не будет принципиальных возражений. Следовательно, Ваше сотрудничество здесь *questio facti*<sup>2269</sup>. Павел Иванович предлагает Вам прямо прислать статью для опыта (конечно, начните понейтральнее — по возможности), а там постепенно выяснится, выйдет ли что-либо. Пока у газеты, кажется, нет избытка материала. Пишу это, условившись с Павлом Ивановичем.

Хороших праздников!

Ваш С. Б.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>2270</sup>**

[25.12.1906. СПб. — Киев]

(...) Было два редакционных собрания при моем участии, и на душе какой-то прогрессирующий осадок. Чехов писал

<sup>2267</sup> Алексей Николаевич Веселовский (1843–1918) — историк западноевропейской литературы, профессор Московского университета. — В. К.

<sup>2268</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Ед. хр. 1. Оп. 198. Л. 61 (открытка в Симбирск), почт. шт.: 22.12.1906, Москва.

<sup>2269</sup> Вопрос факта (*лат.*).

<sup>2270</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 294–295.

как-то Дягилеву, что руководителем журнала должно быть одно лицо<sup>2271</sup>, — и слова его глубоко справедливы. В нашем «Веке» два течения: одно — дать «ходкий товар», рассчитанный на большинство публики. Хлесткость на манер борзописцев «Речи» и ей подобных, часто непроверенные (заведомо) сенсационные сообщения, «побольше жизненного (в специальном смысле) материала», поменьше тяжеловесности — таковы стремления первой партии, представителем которой является сам редактор Никольский. Вторая партия тоскует о принципах. На стороне первых [нрзб] успех: письма из провинций благодарят за ту сторону «Века», которая порою вызывала у нас смущение. Повторяется вечная история (...)

Причина «неудачности» (приметьте: подписчики не нахвалятся) «Века», конечно, глубже. (...) Да, вероятно, нам нечего сказать. И в некоторой доле виною тому наше, по крайней мере, мое, затруднительное положение на «хребте» вроде партии «Мирного обновления», членом коей сделался я. С т. н. Православной Церковью мало, чтобы не сказать более, связей у меня, хотя по-соловьевски я убежденный — не боюсь произнести это слово — христианин. Но ведь Соловьев и Православная Церковь — целая бездна! Я задался целью обострить вопрос: в следующем № будет помещена моя «Реформа и реформация»<sup>2272</sup> по поводу статьи Карташева в «Стране» «Безжизненность Церкви». Статейка-вопрос не теряет своего резона после заметки Антона Владимировича в вышедшем № «Века»<sup>2273</sup>. Хочется с какою-то болью уяснить самому себе пока не совсем ясное положение. По какой стороне «водораздела» окажусь после этой полемики — не знаю. (...)

<sup>2271</sup> «Как картину пишет только один художник и речь говорит только один оратор, так и журнал редактируется только одним человеком» (*Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 11. М., 1982. С. 234).

<sup>2272</sup> См.: *Аггеев К.* Реформа или реформация? // Век. 7 (20) января 1907. № 1. С. 1–2.

<sup>2273</sup> См.: *Карташев А.* Безжизненность Церкви // Страна. 19 декабря 1906 (1 января 1907) № 244. С. 2; *Он же.* К полемике с Д. В. Философовым // Век. 1906. № 7. С. 85–86.

Вышедший вчера номер «Века» усилил мое неприятное настроение. Вот, на нем нисколько не сказался праздник Рождества Христова: точно он в нас не зашевелил ни одной струны. А кто виноват? Просили написать меня. Но все, что бы я мог написать, было бы не речью о мире, а — в моем теперешнем настроении — о самой ожесточенной борьбе, на которую сам при детях не решился бы пойти. Развести же «мармелад» (слова Философова) сумел кое-как и Никольский («Звезды горят»), который может писать подобные вещи хотя бы на каждый день, не говоря уже о неделе. Моя статейка «Доколе», исковерканная нами, и насколько ею был я доволен прежде, настолько же теперь как-то стыдно за нее. Дело в том, что Свенцицкий не арестован, и я хотел снять набранную «Доколе», но все настояли поместить ее в неизменном виде. И вышло Бог знает что. Моя статья «туманна». Ну, а Карташев «К полемике»? (...) Здесь — принцип, мука душевная. Опять — тяжело и грустно!

А подписчики плывут: кажется, за 2500 перевалило! (...)

15-го еду в Москву в Соловьевское общество — доклад о Петербургском философском обществе (4 лекции на тему «Евангелие для современной нравственности»). Отказываться не могу.

(...) За это время мы особенно сблизились с Иваном Васильевичем Поповым. Долго с ним как-то беседовали на кладбище Александро-Невской лавры. Известный довод в пользу вечности мучений нами признан нелепым: путь в Царство настолько тесен во всех отношениях, что вечность мучений совершенно не может быть принята. (...)

**Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой<sup>2274</sup>**

[Б. д. 1906?]

Дорогая, милая, хорошая.

<sup>2274</sup> НИОР РГБ. Ф. 171. Морозова М. К. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 32—34.

Понимаете ли Вы, что Вы сделали в субботу? Вы признали фальшью наши нынешние отношения, потому что мы разное понимаем служение Богу, и предложили мне прекратить «дальнейшее отношение». Вместе с тем вы предложили продолжать «дружбу» и для этого видаться с Вами в редакции, прекратив посещения на дому.

Во имя чего? Дружбу Вы признали «фальшью» же много раньше; теперь она фальшь и для меня, если Вы не укажете, во имя чего нам быть дружными. Ни моему, ни Вашему чувству дружба теперь не соответствует. Говорить с Вами о погоде я не могу. Я не говорю о том, что я решительно отказываюсь переносить издевательства над моими чувствами, вроде того что Вы обещаетесь быть «добродетельною только со мною, но не с другими». Это — свыше сил человеческих и, повторяю, как с мертвецом, с собою обращаться не дозволю. Но все это еще можно было бы перенести во имя какой-нибудь высшей правды. Где она? Я ее не вижу, если я буду предлагать видаться с вами и разговаривать о погоде как ни в чем не бывало, не докажу ли я Вам этим, что моя правда — мертва? Если Вы мне не докажете, что есть, во имя чего нам сохранять отношения, то я вам докажу, что она жива простым способом: уйду от вас совершенно.

Вы в субботу поступили со мною, как с лишним балластом, который выбрасывают за борт. Я поступлю иначе. Я скажу Вам: прощайте, моя радость, моя милая, родная и дорогая. Любовь между нами невозможна, дружба — также невозможна, так как чувство с обеих сторон слишком горячо. Возможно было бы переломить себя ради служения общим идеалам. Но именно этих общих идеалов нет: самое понимание «служения Богу» противоположно в основном; боюсь, что тут мы совсем чужие.

Сегодня (в воскресенье) первое, что я услышал, входя в церковь, было слово Евангелия: «кто постыдится Меня в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдит и Сын Человеческий, когда придет во славе со ангелами

Божиими»<sup>2275</sup>. Это — указание мне. Я не постыжусь, и, хотя бы это мне сулило самую бездну несчастья, я скажу, что Ваше понимание служения Богу есть ложь, и в этом никогда не сделаю Вам уступки. Я не вижу иного способа сохранить Вас в моей душе, кроме ухода. Тогда останется в душе прекрасное, светлое, солнечное виденье, слишком прекрасное, чтобы быть более чем виденьем. Оно сохранится тогда нетронутым ни паденьем, ни той пошлостью обыденщины, которую Вы предлагаете под именем дружбы. Повторяю, будь у нас общий идеал, была бы возможна настоящая, ценная дружба; но раз его нет — дружба между нами — пустая скорлупа. Может быть, в будущем она станет возможна, но, повторяю, моих верований не изменю никогда, и раз в них мы в корне расходимся — разойдемся.

Все это, разумеется, можно сделать без демонстраций. Я прекращу дальнейшее посещение редакции, кроме вторников вечером; не буду ходить на симфонические и приват-доцентские. Еще лучше, если Вы куда-нибудь уедете. А на будущий год я что-нибудь придумаю, например возьму заграничную командировку на год для поправления моего сердца, которое и в самом деле может надорваться. «Еженедельник» так закроется без шума; а по возвращении, кто знает, может быть и в самом деле будет возможна настоящая хорошая дружба или какое-нибудь отношение на почве общего дела. Но теперь, простите, я не вижу, во имя чего оно может быть, когда вы расходитесь со мной в основных линиях жизни и издеваетесь над самим христианством, называя его «святошеством» или «добродетелью». Тут является для меня необходимость показать Вам, что мой идеал жив, и даже во имя моего чувства к Вам; иначе оно опопшлится и выродится во что-нибудь противное.

Не в страхе тут дело: для себя я, разумеется, ничего не боюсь; но во имя чего продолжать отношения я не вижу. Хорошо бы услышать от Вас устно или письменно, что мы расстанемся

---

<sup>2275</sup> Ср.: Мк. 8:38.

с миром; ведь не прощаться же так жестоко, как Вы со мной простились. Но свиданья у Вас на дому исключены. Крепко, крепко целую Вашу руку! Боже мой, как тяжело это; зачем Вы меня приперли к стене и заставили это сделать! Во всяком случае, прощаясь, помните: ничто, ничто Вас не вырвет из моей души и из моей молитвы. Затем и уйду от Вас, чтобы Вас не утратить. А пока жду ответа: во имя чего нам видеться? Если ответа не найдете, это письмо — последнее.

**С. А. Аскольдов (Алексеев) — А. С. Глинке**<sup>2276</sup>

[27.12.1906. СПб. — Симбирск]

Дорогой Александр Сергеевич!

Я как раз собирался Вам написать, как получил Ваше письмо. Последнее время я Вас часто вспоминал, между прочим, читая Вашу статью в «Вопросах религии»<sup>2277</sup>, которую, как и весь сборник, прочел с большим интересом. Сегодня же посылаю о нем рецензию в «Книгу»<sup>2278</sup>. Я, подобно

<sup>2276</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 296—297.

<sup>2277</sup> См.: *Волжский А.* Проблема зла у Вл. Соловьева // *Вопросы религии*. Вып. 1. М., 1906. С. 221—297.

<sup>2278</sup> «Не с ораторским пафосом и лирическими излияниями приходит-ся здесь считаться нашим фарисеям и книжникам во христианстве, но с неотразимую аргументацией, основанной на первоисточниках христианства, отрицать которых они не осмеливаются. Впрочем, не для оживления этих мертвецов предназначен сборник, но для прозревающих и оживающих к новой религиозной жизни. Вопросы христианской общственности, поставленные в сборнике, имеют, однако, не один религиозный интерес. И людям безрелигиозным нельзя не считаться с общественными идеалами обновляющегося христианства и не проверить через них свое отношение ко Христу. Прошла пора, когда можно было отмахиваться от христианства, как от религии попустительства всякого насилия и порабощения. Идеиное отделение христиан Христа от христианства синодального теперь уже произошло... Та связь дела Христа со всею человеческою культурой, которая так ясно обнаружена именно в настоящем сборнике, не должна ли заставить всех работников этой

Вам, живу довольно одиноко и редко кого вижу, в последнее время довольно часто выдаюсь со священниками-обновленцами, отчасти по делам братства<sup>2279</sup>, отчасти в философском обществе, куда они вошли в большом числе. Там интересные заседания на тему о значении Евангелия для современности.

Изредка выдаюсь с Чулковым. Его мистический анархизм с идейной стороны меня мало трогает, да и к тому же это довольно безобидная штука, сам же он бывает иногда приятен своей духовной взъерошенностью, особенно после того как я себе набью оскомину на каких-нибудь позитивистах. Впрочем, он для меня как человек во многом неясен. Гораздо больше меня возмущают и идеологические, и личные проявления неохристианства Мережковского толка (скажу между прочим, что Вас я к ним не причисляю, хотя Вы и близки Мережковскому и, несомненно, испытали его влияние). Я глубоко возмущен фарисейской, наглой и по существу пустой статьей Философова в «Товарище» об обновленцах. И какое право имеет этот лакированный барин третировать свысока этих, быть может, незаметных и не сильных духом людей, но во всяком случае честных. Чем он-то их превзошел, скажите, пожалуйста. Грустно мне было читать в «Веке» и защиту Философова Карташевым, которого я из ближайших мерещковцев наиболее уважаю. Неужели этот умный и чуткий человек не понимает, что статья Философова неоправдываема никакими литературными условиями, что она внутренне пуста и только ловко пересыпана словами, взятыми на прокат у Мережковского. Жалею, что не имею времени ввязаться в этот спор. Вообще у меня есть зуб против духа Мережковского неохристианства; быть может, мне удастся его литературно обнаружить. Мне очень важно знать, не собираетесь ли Вы в скором времени приехать в Петербург?

---

культуры лишний раз задуматься над основаниями теоретического отрицания христианства?» (Книга. 1907. № 11. С. 15–16).

<sup>2279</sup> Братство ревнителей церковного обновления.

Поклон от меня Елизавете Михайловне и всем Вашим.  
Ваш С. Алексеев.

**С. Н. Булгаков — А. С. Глинке**<sup>2280</sup>

[28.12.1906. Москва — Симбирск]

Дорогой Александр Сергеевич!

Адрес Струве: СПб., Таврическая, 19.

Напишу на днях большое письмо, сейчас получил от Вас. Получили ли Вы мое письмо насчет «Нови»? Очерки о Достоевском уже печатаются<sup>2281</sup>. Только теперь с большой симпатией и интересом прочел Вашего Гаршина<sup>2282</sup>.

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус**<sup>2283</sup>

[28.12.1906]

28 декабря.

(...) Читаю Крафт-Эбинга<sup>2284</sup>, которого тебе отошло. Ищу патологии в себе и в окружающих. Карташеву сказала, что он фетишист и затем с виду онанист. (Узнала-то я раньше, интимно, и что у него только вид такой, но что он этим пороком никогда не страдал. Узнала, потому что были пред-

<sup>2280</sup> РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 62. Открытка.

<sup>2281</sup> См.: *Волжский А. С.* Памяти Ф. М. Достоевского. (По поводу нового «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского») // 1906. № 40. С. 41–56; 1906. № 41. С. 47–59.

<sup>2282</sup> Имеется в виду: *Глинка-Волжский А. С.* Гаршин как религиозный тип. СПб., 1906.

<sup>2283</sup> Печатается с комментариями по: *Павлова*, 2004. С. 436.

<sup>2284</sup> Рихард Фридолин Йозеф барон Крафт фон Фестенберг ауф Фронберг (называемый фон Эбинг, 1840–1902) — немецкий психиатр, невропатолог, один из основоположников сексологии. Речь идет о его книге «Половая психопатия» (1886 г.), до революции неоднократно издававшаяся в русском переводе. — *В. К.*



положения Кузнечика.) Он с ужасом, что и, правда, его могут за онаниста принять. Потом говорил, что у него наследственное трясение.

Пишу 29-го вечером. Получила от Розанова письмо. Неприличное «с точки зрения». Ничего не понял из моего. (Думает, что я женолюбива в буквальном смысле, «Неужели 3 сестры такие?!») <sup>2285</sup> А я его-то чую.

**Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус** <sup>2286</sup>

[30.12.1906]

30 декабря.

12 часов 30-е. Сейчас были на «Балаганчике» Блока и «Чуде Святого Антония» Метерлинка у Комиссаржевской <sup>2287</sup>. Старуха воскресала на сцене, страшная; в «Балаганчике» люди были куклами. А в театре все тот же салон Иванова. Бердяев не знает, к кому пристроится. Метнется к Сомову, Нувелю, Баксту, ко мне. Ни к кому не пристать. Были Поликсена, Сологуб, Чуковский, Осип Ды-

<sup>2285</sup> Розанов зафиксировал впечатления о рисунках и скульптуре сестер Гиппиус в своей записи «Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна Гиппиус»: «Тема скульптуры и живописи их была одна, кою можно назвать “порок”, “искушение”, “соблазн”, “разврат”; или конкретно: “Девочка и ее чудовище”. Почему “это два”, ответила какая-то из них мне на вопрос: это — одна и та же душа. Сюжет: девочка между 9 и 11 годами в лесу, в болоте, ночью, в утре, при заре, и к ней тянется гнусная старуха; иногда чудище, жаба, зверь, но вообще химерического вида существа, с дьявольской улыбкой, с гнусным лицом, с отвратительными желаниями. “Дьявольская сцена” — иначе не назовешь». В. В. Розанов о ближних и дальних... С. 89–92.

<sup>2286</sup> Печатается с комментариями по: Павлова, 2004. С. 436–438.

<sup>2287</sup> Премьера пьес «Балаганчик» А. Блока и «Чудо Святого Антония» М. Метерлинка в постановке В. Э. Мейерхольда состоялась 30 декабря 1906 г. в театре В. Ф. Комиссаржевской. Ср. рассказ о премьере «Балаганчика»: Веригина В. П. Воспоминания об Александре Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 424–429.

мов, Чюмина<sup>2288</sup> и т. д. и т. д. «Все тот же Ванька». Иванову Рыженькому (он что-то был нездоров) отдала твое письмо: обрадовала. Я прямо осязаю, как он вас не за личность учителей (это ему даже мешало), а вас за самое ядро любит. Был печальный и хорошенький. Блок выходил — автор — с лилиями в руках: дали ему. Люба была озабочена, но сияла «в туалетах». А мать Блока<sup>2289</sup> мне просто запросто что-то полюбились. Она живет одна — отказалась от своей радости жить с ними ради любви к Блоку. И маленькая, печальная и одинокая. Люба завоевала Блока, отняла у нее. И вот у меня к ней жгучая жалость. Повезу ей моего Блока подарить<sup>2290</sup>, она очень хочет. Потом все хотелось ей за кулисы. Говорю: а Люба разве Вас не может повести? Говорит робко: «Да не знаю, захочет ли». Тогда я быстро стала ее убеждать, что нечего и думать. Говорю: вон, Люба, идите к ней скорей, и она Вас проведет. И она покорно пошла к ней просить. Прошла за кулисы. Блока она любит больше всего на свете. А теперь живет одна, любимая собака даже подохла, а Пиоттух почти все время в разъезде<sup>2291</sup>.

Не знаю, Зина, хорошо ли, что Дмитрий Борю вызвал<sup>2292</sup>. И хорошо ли, что вы ему советуете ехать. Что может изменить-

<sup>2288</sup> Лев Самойлович Бакст, автор занавеса для «Балаганчика»; Ольга Николаевна Чюмина (1864–1909) — поэтесса.

<sup>2289</sup> Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, в первом браке Блок, 1860–1923).

<sup>2290</sup> Живописный портрет А. Блока работы Т. Гиппиус (1906); характеристику портрета см. в кн.: *Долинский М. З. Искусство и Александр Блок.* М., 1985. С. 250–252.

<sup>2291</sup> 5 августа 1905 г. умер Пик — такса А. Н. Бекетова, после него появилась собака по кличке Крабб, принесенная в конце ноября 1906 г.; см.: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 610, 617. Франц Феликсович Кублицкий-Пиоттух (1860–1920) — с 1889 г. отчим А. Блока; с 1902 г. — полковник, в 1907–1911 гг. жил в Ревеле (Таллин) в качестве командующего 90-м Онежским пехотным полком.

<sup>2292</sup> В период с конца сентября (выехал из Москвы 20 сентября) до конца ноября 1907 г. А. Белый находился в Мюнхене, пытаясь оправиться после мучительного разрыва с Л. Д. Блок, последовавшего в августе

ся? Что Боря, безусловно, Любу любит страстнее, непобедимее — правдивее и значительнее, чем она его, — это я думаю. По-моему, Боря естественно махровит свою любовь, но махровость его, передающаяся Любе, безусловно, ее не делает здоровой. Поселяется кошмар, надрыв, взвинченность, безумие, «пяточки» подымаются от земли, и получается вывих. Как Боря может решить дело? Или нужно, чтоб она с ним пошла, или чтоб Боря убил себя. Но она решила, что она Блока любит, а не Борю. И в простоте своей естественной она значительнее, чем во взвинченности. Тише и серьезнее. Иванов уверяет, что при Боре она красивеет необычайно. (...)

Выхода не вижу. И думаю, Боре невероятно трудно. Конечно, он ко мне придет. И он потому вам мешает, что опирается на вас, как еще на своих учителей первых, по-старому. Не знаю. Любовь Бори к Любе не грех для него, потому что он сам еще нигде. Но заставить Любу полюбить Борю больше Блока — никто не может. И Боря Блока презирает, хотя глубоко любит. Ну, пусть, пусть.

### В. В. Розанов — З. Н. Гиппиус<sup>2293</sup>

[Декабрь 1906]<sup>2294</sup>

---

1906 г. Ср.: «Вдруг получаю письмо от Д. С. Мережковского (из Парижа); он — входит в мое состоянье, зовет к ним; и — неожиданно: — уезжаю в Париж» (Андрей Белый о Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 547); имеются в виду письма Мережковского от 5 ноября и З. Гиппиус от 8 ноября 1906 г. (Там же.) Белый приехал в Париж 1 декабря (н. ст.) 1906 г., возвратился из Парижа в Москву в начале марта (н. ст.) 1907 г.

<sup>2293</sup> Печатается с комментариями М. Павловой по: *Розанов В.* Распоясанные письма // Эротика в русской литературе. От Баркова до наших дней // Вопросы литературы. Специальный выпуск. М., 1992. С. 67–71.

<sup>2294</sup> Датируется по штемпелю на конверте: 26 декабря 1906 г.

История с письмами нашла отражение в воспоминаниях Гиппиус о Розанове. См.: *Гиппиус З. Н.* Живые лица. Вып. 2. С. 64–65.

Дорогая Минерва! Неопытный «мышонок» попал в беду и просит мамашу придумать, как бы ему выпутаться. Проклятая Леликина, Лолекина, Вилькина<sup>2295</sup> и проч. позволяет читать мои к ней письма<sup>2296</sup>, совершенно «непозволительные», и хотя, конечно, «мужчине все позволено» — но «не до такой же степени», как говорит Расплюев<sup>2297</sup>. Права это делать она не имеет никакого; но тут, очевидно, не в праве дело, а в ее уме и порядочности — по части чего у нее безнадежно. Что делать — не знаю, как поступить — не понимаю. Написать Минскому? Он на нее чрезвычайно влиятелен, и вообще

<sup>2295</sup> Л. Н. Вилькина.

<sup>2296</sup> В архиве ИРЛИ (Ф. 39. Ед. хр. 913. Л. 43–45, 78–79) сохранились два письма Розанова к Вилькиной с его рукописной пометой «Эсфири Прелестной Розанов».

«15 мая 1902

Друг мой! Что писать? Зачем? Чтобы пошевелить нервы на те 2–3–5–8 дней, пока Вы не доехали до блаженной статьи мэонизма?! Нет, ведь мне 50, и старым костям пора отдохнуть даже от серьезного, а не то чтобы “бежать, спешить, задыхаться” — чтобы услышать серебристый голосок усталой девушки (Вы мне все напоминаете, верно от неименья детей, девушку средних лет). Брюсов, Антонин, Мережковский, Бердяев — столько “развлекали” Ваши нервы: что едва ли поможет. Только смотрите не перейдите к морфию. Остановиться нельзя, а это страшно губить “ценой минутного забвенья и освещенья”. Вы постоянно производили на меня последнее время впечатление падающей (физически), страшно хрупкой и слабой девушки. Вам надо сил, сил, сил, сил, сил!!!! Берегите их и вообще сберегайтесь».

«28 декабря 1906

Поздравляю, добрый друг, с Новым годом! Я рад, что увидел “мою прежнюю Людмилу”, как ее знал, пылкой, гневной и честной. И сохраним добрую память друг о друге. Письма мои со временем (как только будет возможно) — верни. “Прежний” В. Розанов.

Да сохранится свежей и милой твоя пизда, которую я столько мысленно ласкал (по крайней мере, не давай ее ласкать другому). А что, хочешь, ровно в 12 часов ночи на Новый год я вспомню ее, черненькую, влажную и душистую. Шлю на память мои волосы». Датируется по штемпелю на конверте; к письму приложен рыжеватый локон.

<sup>2297</sup> Расплюев — герой пьесы А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского».

из его воли она не выходит. Нужно письма вернуть мне, как и было у нас в начале условлено<sup>2298</sup>. Конечно, никакой любви ни раньше, ни теперь у меня не было, а это все проклятая «философская любознательность». Ума и души у нее никогда не было, тела — сколько у пескаря, одни платья, целый воз платьев: но Вы понимаете, как это не любопытно в 50 лет. Вы спросите, что я за дурак, что влез в перепляску. Началось с игры, шалости: на вечере (литературном) в «Вопросах жизни», скучая за Аскольдовым или Зелинским, я ей сказал, что «сегодня в час ночи прилечу мысленно к ней и поцелую», — а она бы это в 1 час ночи вспомнила (разумеется — я забыл и в 1 час ночи чистил монеты). «Я крепко поцелую». — «Как хотите». — «Как хочу?..» — «Да». — «Ну, хорошо: и напишу Вам». — «Отлично» ... Дальше — больше: и я ей писал все, что — без препятствий физических, без антипатичностей (возможных) физических — «chevalier»<sup>2299</sup> делает «avec cetttes petites»<sup>2300</sup>... Она отвечала и умно: «Груди — это уже стыдливость, но не безумие». Когда я раз выразился в письме, что почему-то (почему, в самом деле? Не понимаю) грубое «титьки» волнует более, чем «груди» (скульптура, искусство), — она преднамеренно повторила в письме «титьки». Ну и пошло, «дальше в лес — больше дров». В составе других причин меня манила надежда (ей-ей, философическая) «вызывать [нрзб] женщины», так сказать новый и немислимый мужчиною, новый для «философии брака». Теперь эта дура «поле-

<sup>2298</sup> Розанов не случайно был обеспокоен судьбой своих писем: он боялся, что слухи о существовании писем дойдут до его жены, Варвары Дмитриевны, которая была тяжело больна в это время. В письме к В. Брюсову от 8 (21) января 3. Гиппиус сообщала, что Л. Н. Вилькина «занимается последнее время экспозицией более или менее пламенных писем» к ней, «утоляя» этим «свое славолубие». Гиппиус предупредила об этом Брюсова, имея в виду, что у Вилькиной могли быть интимные письма Брюсова. *Брюсов В. Я. Письма З. Н. Гиппиус // Литературное наследство. Т. 85. С. 695.*

<sup>2299</sup> Кавалер (*фр.*).

<sup>2300</sup> Со своими крошками (*фр.*).

гоньку» и «помаленьку» читает это разным друзьям своим — кажется, Сомову, Нувелю и проч.; а главное, хвастает: «У меня есть полный матерьял для 3-го тома сочинений Василия Васильевича Розанова, который я издам после его смерти».

Что мне делать? Нужно бы, собственно, похитить у нее узелок с моими письмами, просто — взять, как она нахально у меня их «экспроприировала» и весною под разными предлогами отказалась вернуть. Я собственно и ездил-то к ней, особенно последнее время, за письмами. Но она все увиливала.

Я сперва вспылил и думал купить палку с набалдашником — потребовать, пригрозить: но боюсь — не выдержу, т. е. пригрожу и ничего не сделаю. Я не умею драться. Вообще я Адонис, а тут надо Геркулеса. Не понимаю. Потом она может схитрить и вернуть часть писем. Очевидно, немножко письма (она говорила, что постоянно перечитывает их) волнуют ее холодную душу, как Поль де Кок, «вдесятеро». Вообще ничтожное существо, и ничтожные причины поставили меня в опасное и глупое положение.

Вот об этом-то я у Вас и прошу совета и, может быть, реальной помощи<sup>2301</sup>, Дмитрию Сергеевичу письма не показывайте: он тоже «возится» с ней или «любит ее» — вообще полная каша. И может помешать.

Ваш

В. Розанов

Адрес мой отнюдь не на дом (беда!), а С. Петербург, Эртелев пер. 6, Редакция «Нового времени» В. В. Розанову. Заказное.

**К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву<sup>2302</sup>**

<sup>2301</sup> Розанов обращался к Гиппиус с просьбой «посодействовать» вернуть письма в связи с тем, что в это время Минский и Вилькина жили в Париже и встречались с Мережковскими.

<sup>2302</sup> Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 297.

[Конец декабря 1906. СПб. — Киев]

(...) Свенцицкий — человек страдательно переживающий собственную вину и полный религиозной любви к людям. Я жалею, что внешняя форма его статей недостаточно обнаруживает эту его сторону. Свенцицкий — всецело отдал себя до полного самоотречения на проповедь о христианском Боге. Нужно видеть, как заживо горит этот человек.

Любящий священник К. Аггеев.

### В. П. Свенцицкий — В. П. Свенцицкому<sup>2303</sup>

[Декабрь 1906]

Я знаю, ты будешь читать мое письмо в полном одиночестве, тебе некуда будет укрыться, не за кого спрятаться. Тебе будет совестно смотреть мне прямо в глаза, в суровые и острые, которых ты так боишься.

И не думай просить о снисхождении, лепетать что-нибудь о том, что все грешны, о том, что ты еще молод и когда-то — там, в будущем — достигнешь чего-то прекрасного. Уйди прочь от меня с своим дряблым, трусливым, лживым, фарисейским лепетом.

Я знаю тебя, ты прекрасно умеешь говорить, интонация твоя так искренна, так подкупает. Но я-то, о, я слишком хорошо знаю тебя, и я призван безжалостно вонзить нож в твою страшными язвами покрытую душу, душу жалкого раба, прикрытую золотой парчой, потихоньку украденную у Господина.

Я знаю все наперед, что ты скажешь мне в свое оправдание. Молчи лучше, не открывай своих лживых губ, я все скажу за тебя. Подкарауливая меня ночью, когда, ты знаешь, я становлюсь добрей, сколько раз уже испуганно заглядывая в мои глаза, ты говорил мне, как трудно жить, как

<sup>2303</sup> Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 297–302.

ты одинок, как тебя «не понимают», а потому и грех твой уж не так непростителен, уже не так беспросветен.

Унижаясь, подлизываясь, как шенок, ты хотел вымолить у меня подачки своей безумной, похотливой, развращенной, самодовольной душе.

Ну, что же еще хочешь ты прибавить к этому?

Воспитание! Изнеженность, барство, разврат старших, которые ты видел, как только помнишь себя, впечатлительность натуры, яркость воображения?

Довольно. Слушай и знай: нет тебе спасенья в жалких бу-тафорских укреплениях, куда ты хочешь забиться от гнева Господня. Ты должен со смирением принять то, что я буду говорить тебе; покаяться искренно, не на один час, и начать новую жизнь.

Ты думаешь, можно проплакать ночь у подножья креста Господня, а потом залезть по горло в грязь и воображать, что ты двигаешься к какому-то совершенству!

Так слушай же.

Ты говоришь и пишешь о реформе Церкви; в тебе вызывает пламенный гнев то, во что превращена христианская жизнь. Ты прав, никто не в силах здесь спорить с тобою: не оставлено камня на камне от древних катакомб, от древних братских молитв, от древней любви, от древней святой, радостной, блаженной жизни христианских общин.

Но постой, а ты? Что сделал ты, чтобы вернуть эту любовь, эту радость? Как смеешь ты произносить имя Христово?

Я знаю, ты будешь говорить, что никогда не произносишь имени Его без благоговения, что в минуты упадка никогда не осмеливаешься говорить о Нем. Минуты упадка! Часы, месяцы, годы, а не минуты. Да знаешь ли ты, что слово твое бессильно даже тогда, когда ты весь горишь любовью ко Христу, бессильно твоим прошлым и позорным будущим, которое, ты прекрасно знаешь, будет позорным. Ведь никогда, даже в минуты наивысшего подъема своего, ты не веришь, что не упадешь снова в грязь.



Ты загнипнотизировал себя и близких тебе крайностями своей натуры. Словно так и быть должно, что ты или горишь огнем Божиим, или распался огнем сатаны. Ты приучил себя к мысли, что иначе не может быть, и без ужаса думаешь о том, что и в будущем ждет тебя такая же жизнь безумных колебаний.

О, да и как не привыкнуть! У тебя такая роскошная память. Ты помнишь, как, будучи ребенком семи-восьми лет, ты потихоньку от всех мучил животных, упивался преступным чувством власти над беззащитным бессловесным созданием и мечтал тогда, что все лежит у твоих ног, весь мир пропадал из глаз твоих, одно лишь несчастное животное было перед твоим жадным взором, и, кошунствуя, с диким хохотом ты, маленькое чудовище, как взрослый Антихрист, говорил, обращаясь к Богу: я выше Тебя, выше! хочу — все растопчу!

А потом, так же потихоньку от всех, с жгучим чувством стыда и страха бежал в темную, холодную церковь и там рыдал до потери сознания.

И так всегда, и так во всем.

Скажи по совести, как перед Богом, есть ли на свете человек развратнее тебя, кто бы так упоительно, так неистово предавался своей похоти?

Нет, постой, я должен тебе сказать все это. Это мое право, моя обязанность. Чтобы ты не смел с какою-то гнусною гордостью говорить, что ты прошел путь «от публичного дома до Голгофы». Ты должен перестать наслаждаться своею сложностью, воображать, что твоя гнусность дает диплом на звание великого человека, и, вместо искреннего, глубокого и окончательного покаяния, чтобы ты не купался в своем собственном самолюбии<sup>2304</sup>.

---

<sup>2304</sup> «В міру эта расколотовь души, создающая в человеке единоборство самых противоположных мыслей, желаний, настроений, считается почти достоинством. Это именуют “сложностью натуры”. Этим хвастаются, это выставляют напоказ. Считают неизбежным свойством

Да, это правда, ты превзошел многих в своем грехе, ибо оргии твои всегда были с участием демонов. Ты шел на разврат, как на бой с Господом своим, и ярость и бешенство твое не знали пределов.

Я знаю, что ты потом, как потерянный, брал посох и, не находя себе места, начинал ходить по монастырям, ты до крови простаивал свои колени, ты морил себя голодом, ты бил и терзал плоть свою, мстя ей за поругание святыни. Но пора наконец понять тебе, что не оправдание можешь найти ты в этих изломах, а лишь высшее осуждение.

Только тогда прошлое не будет накладывать на жизнь твою своей мертвой руки, когда ты сможешь, прямо смотря в глаза Христа, сказать, что этому прошлому не повториться никогда.

Но ведь бывали же такие пламенные, такие восторженные вспышки религиозного чувства, скажешь ты: я так близко ощущал Христа моего, Он так звал меня, я так любил Его.

Скажу: тем хуже, тем ужаснее, тем позорнее грех твой. Многие, бесконечно достойнейшие тебя, уже давно стали бы святыми, если бы они хоть раз так близко были к Нему; а ты искушаешь долготерпение Господа, ты не идешь, когда зовут, ты падаешь, когда тебя держат.

Слушай, ты должен немедленно, теперь же, начать новую жизнь, гибель ожидает тебя, бич Господень уже занесен над тобою, и только по бесконечному милосердию Своему Гос-

---

“натур одаренных”. Вступающий на путь духовной жизни сразу видит, какую тяжелую болезнь выносит он из жизни мирской — именно в виде этой восхваляемой миром “сложности”. Большая часть усилий его идет на то, чтобы освободиться от “двоящихся мыслей”, от этой “сложности” и стать простым, т. е. цельным, ибо где духовность, там простота и цельность» (*Свенцицкий В., прот.* Монастырь в миру. Т. 1. М., 1995. С. 69). По мнению же его идейного противника, именно люди духовные «более раздраются внутренними противоречиями и с большим трудом достигают внутренней цельности и единства с окружающим миром» (*Бердяев Н.* Философия свободного духа. М., 1994. С. 18).

подь еще не призывает тебя к окончательному суду. Начни новую жизнь, святую, радостную жизнь во Христе: в ней, и только в ней одной, великий, непреходящий смысл.

Помни: дьявол отец лжи<sup>2305</sup>. Ложь — это мнимая сила в тебе, это стальная воля, обман наслаждения плоти, обман — вся сладость греха. Мишура, фальшивый блеск — вся эта гордость людская, вся трескотня мира. Шумиха, пыль, прах! Нет большего геройства, как смирение, большей силы воли, как отречение от воли своей, большей властности, как отказ от всякой властности, нет большего счастья, большей победы, большего величия, как всего себя отдать высшей Воле. Пусть враги Его, жалкие, ничтожные рабы смерти, в безумии своем провозгласившие себя героями, принимают игрушечное величие за подлинное геройство. Ты должен знать ему цену. Сердце их ударит в последний раз, и герой превратится в труп, царь — в кусок земли, жалкий раб — в жалкое ничтожество. Не может клеточка отрываться от организма — разложение и смерть поразят ее.

Как мал, как смешон этот крикливый герой, принимающий безумие свое за силу, по сравнению с великими подвижниками, которые, как уходящие вдаль великаны, безмолвно и торжественно стоят на всем пути мировой истории.

Нет, не издерганный, в шутовской наряд героя одевшийся безумец должен стоять перед твоим умственным взором! Дьявол — отец лжи: он подводит к пропасти, расстилает миражи и толкает вперед! Остановись, шаг твой — погибель твоя, обман, безжизненный обман расстилается перед тобою.

Посмотри в глубь веков, каким ореолом красоты, силы, величия блистают венцы мучеников, смиренных, все прощавших старцев, героев юношей и девушек, бестрепетно шедших на костры, молившихся за своих истязателей. Проклятье — подделка под силу, ибо смерть не побеждается проклятием; сильнее смерти — только любовь.

---

<sup>2305</sup> 2 Ин. 8:44.

Тихий голос великих печальников гремел на весь мир; благодатная радость осушала моря человеческих слез; и до сих пор мы, слабые и больные духом, живем их крепостью, согреваемся их светом. О, они не кричали о себе на всех перекрестках: мы все можем! Самого Господа вызываем на бой! Но подлинно все могли; и если вызывали на бой Господа, то боролись с Ним в глубоком безмолвном уединении. Это бывала святая борьба. Господь приходил и святою десницею Своею участвовал в ней.

А к этим шутам Господь не удостоивает прийти, одни демоны окружают их и создают обман, мнимую борьбу с Господом, мнимую победу мнимой силы.

Разорви же вокруг себя железный круг обольщений и прорвись туда — в ту святую, таинственную, исполненную силою духа жизнь.

Я знаю, последнее время ты начал задыхаться в этой атмосфере лжи, полуистины, полуправды, подделок, мишурного геройства. Крепкие цепи держат тебя, но уж что-то рвется к новой земле и новым небесам. Не заглушай святых призывов в душе своей, не обрезай крыльев, которые готовы поднять тебя. Не искушайся соблазном силы своей, не искушайся своим убогим величием, которое для тебя кажется так несомненно в уединении твоём. Ты еще ни шагу не сделал вперед, но всю жизнь свою шел назад. Брось, сложи все доспехи шута, которые люди провозглашают драгоценностями, и надень новое, роскошное убранство, роскошь которого видят немногие, которое рубище для большинства.

Я знаю, последние дни ты чутко прислушиваешься к моему суровому голосу, и сейчас готов с уст твоих сорваться вопрос: что же делать?

У каждого свой путь к единой вечной правде. Твой путь один. Не пугайся его, не отворачивайся от него, любовь, безмерная любовь к тебе заставляет меня сказать тебе это прямо: иди в пустыню! Да-да, иди скорее прочь от мира, в котором ты погибнешь сам и будешь соблазном для многих.

Послушай, я знаю, ты будешь говорить эти фарисейские слова о любви к ближним, о служении людям, о грехе одиночества. Это сеть фарисейских слов, орудие пытки и гибели в руках сатаны.

Тебя кто-то держит здесь во имя любви к людям, а любовь не дается тебе только потому, что ты не уходишь!

Иди в пустыню, брось все. За мертвыми словами «служить ближнему» прячутся чудовища, которые на самом деле и держат тебя. Тебе жаль бросить мир, который ты любишь, как можно любить только сладкую грезу, ты любишь борьбу, сознание силы, победу, у тебя есть земные привязанности, жгучие, страстные до муки!

Уж сколько раз разбивался ты о какую-то дьявольскую твердыню в душе своей, падал и снова шел, покуда не разбивался снова. Твердыню эту разрушит только отшельник! Тебе нет другого пути, кроме самоотречения, созерцания, безмолвия, одиночества. В безмолвной пустыне, брошенный всеми и всех бросивший, прислушиваясь к каждому звуку в душе своей, мыслью, чувством, волею своею восходя к Единому Отцу своему, ты понижаешь светом все темное до основания. И тогда загорись и не потухнешь никогда; загорись светом всепрощенья и любви, и оттуда, из одиночества своего, придешь и отдашь все, что имеешь, своим страдающим, погибающим братьям.

Не слушай голосов, когда они, лстя, говорят, что такие люди, как ты, нужны в миру, что грешно теперь оставлять жизнь, что духовное сибаритство толкает тебя к созерцанию и подвигу.

Да, люди нужны, да, мир бросать грешно. Но люди нужны не такие, как ты, а такие, каким ты здесь стать не можешь.

Не ради своей победы, не ради своей гордости и своих духовных наслаждений уходи прочь из мира. Уходи в одиночество не ради одиночества, а ради борьбы с одиночеством, разрозненностью и разложением в мире.

---

Уходи, чтобы прийти. Но прийти новым человеком, сильным своим самоотречением, непобедимым своею победою над самим собою!

Иди в пустыню! — таков твой путь.

Никто, о, никто, как я, не знает твоих грехов, твоих душевных язв, и кому же, как не мне, сказать тебе о них. Тебе приходится слышать упреки и обличенья, но от кого? Или от тех, кто погряз в пошлости, кто обличает твои дьявольские грехи, потому что сам окружен мелкими бесами, обличает не во имя высшей правды, а во имя менее заметной неправды. Или от тех, кто обличает, но не любит.

Ты должен послушать голоса моего, ибо кто же любит тебя, кто же знает тебя лучше, чем тот, кто пишет самому себе?!

---

## Именной указатель

авторов опубликованных текстов

К. М. Аггеев — А. С. Глинке.....	208, 295
К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву.....	66, 67, 77, 82, 106, 129, 144, 150, 153, 180, 185, 193, 195, 203, 207, 248, 308, 317, 321, 324, 330, 343, 381, 401, 435, 469, 478, 485, 524, 550, 586, 588, 602, 621, 863, 875, 890, 905, 921, 936, 949
К. М. Аггеев — В. П. Свенцицкому.....	403, 585
К. М. Аггеев — В. Ф. Эрну.....	392
К. М. Аггеев — В. Ф. Эрну и В. П. Свенцицкому.....	415, 433, 613
О. Н. Анненкова. Дневник.....	680, 695, 708, 725
С. А. Аскольдов (Алексеев) — А. С. Глинке.....	941
А. Белый — А. А. Блоку.....	76, 81
А. Белый — Вяч. И. Иванову.....	101
А. Белый. Материалы к биографии.....	59
А. Белый. Ракурс к дневнику.....	63
А. Белый — П. А. Флоренскому.....	149, 190, 291
А. В. Бельгард — П. К. Камышанскому.....	564, 874
Н. А. Бердяев — А. Белому.....	520
Н. А. Бердяев — З. Н. Гиппиус.....	650, 698, 749, 789, 832, 864, 930
Н. А. Бердяев — А. С. Глинке.....	577
Н. А. Бердяев — Вяч. И. Иванову.....	886
Н. А. Бердяев — Д. С. Мережковскому.....	723, 855

Н. А. Бердяев — Д. В. Filosoфoвy .....	694, 830
А. А. Блок. Записные книжки .....	538, 935
А. А. Блок — Г. И. Чулковy .....	223, 804
Е. Г. Брандт — Федору Сологубу .....	159
И. П. Брихничев — В. Ф. Эрну .....	863
И. М. Брюсова — Н. Я. Брюсовой .....	553
В. Ф. Булгаков — А. С. Глинке .....	848, 857
С. Н. Булгаков — М. О. Гершензону .....	620
С. Н. Булгаков — А. С. Глинке .....	218, 262, 306, 316, 356, 397, 432, 502, 728, 766, 790, 827, 849, 895, 899, 900, 906, 917, 936, 943
С. Н. Булгаков — М. Э. Здзеховскому .....	298, 511, 591, 662
С. Н. Булгаков — В. В. Розанову .....	635
С. Н. Булгаков — П. А. Флоренскому .....	629, 640
С. А. Венгеров — А. С. Глинке .....	886
М. А. Волошин — М. В. Сабашниковой .....	288
Д. Д. Галанин (мл.) — А. С. Глинке .....	788, 814, 815, 843
Д. Д. Галанин (мл.) — П. А. Флоренскому .....	735, 817, 868
Д. Д. Галанин (мл.) и А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому .....	791
А. К. Герцык — В. Я. Брюсову .....	440
З. Н. Гиппиус. Дневник .....	569
З. Н. Гиппиус — Д. В. Filosoфoвy .....	366
Т. Н. Гиппиус — З. Н. Гиппиус .....	628, 679, 684, 709, 715, 724, 738, 807, 808, 811, 870, 876, 877, 909, 922?, 925, 926, 943, 944
А. С. Глинка — М. О. Гершензону .....	430
А. С. Глинка — А. В. Карташеву .....	612
Н. Н. Глубоковский — В. В. Розанову .....	116
А. М. Горький — Г. А. Гапону .....	276
А. М. Горький — В. В. Розанову .....	417
А. М. Горький — В. И. Ульянову (Ленину) .....	275
Договор пайщиков газеты «Московский еженедельник» .....	720
Д. Н. Егоров — В. Ф. Эрну .....	715
А. В. Ельчанинов — И. А. Бенеvскому .....	812
А. В. Ельчанинов — А. С. Глинке .....	763
А. В. Ельчанинов — Следователю .....	915
А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому .....	53, 342, 422, 492, 585, 684, 717, 795, 810, 815, 833, 880, 885, 889, 893, 909
Л. Д. Зиновьева-Аннибал — Н. П. Анненковой-Бернар .....	497



Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной .....	318, 327, 350, 364, 427, 470, 488, 491, 498, 505, 516, 528, 532, 533, 537, 540, 543, 549, 550, 552, 560, 565, 578, 583, 593, 594, 605, 608, 616, 637, 639, 642, 648, 655, 663, 687, 706, 732, 735, 755, 847, 852, 853
Л. Д. Зиновьева-Аннибал — Ал. Н. Чеботаревской .....	665, 700
Л. Д. Зиновьева-Аннибал — В. К. Шварсалон .....	262, 272
Вяч. И. Иванов — А. Белому .....	190, 466, 624
Вяч. И. Иванов — В. Я. Брюсову .....	304
Вяч. И. Иванов — С. М. Городецкому 914	
Вяч. И. Иванов. Дневник .....	742, 746, 753, 754, 760, 773, 780, 783, 785–787, 839, 840, 842
Вяч. И. Иванов — М. М. Замятниной .....	273, 631
Вяч. И. Иванов — Д. С. Мережковскому .....	595
П. А. Ивашева — Следователю .....	916
П. А. Ивашева — П. А. Флоренскому .....	709
П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну .....	210, 217, 267, 274, 355, 697, 756
Издательство «Стойте в свободе» — своим распространителям .....	827
Иоанн Кронштадтский — в редакцию газеты «Котлин» .....	76
Иоанн Кронштадтский. Дневник .....	189, 209, 260, 611
Иоанн Кронштадтский — Игумении Таисии .....	400, 403
И. П. Каляев — великой княгине Елизавете Федоровне .....	110
И. П. Каляев — матери .....	188
А. В. Карташев — К. М. Аггееву .....	257
А. В. Карташев — З. Н. Гиппиус .....	827
А. В. Карташев — Д. С. Мережковскому .....	363
А. В. Карташев — В. Ф. Эрну .....	604
В. А. Кожевников — Ф. Д. Самарину .....	58, 79, 197, 233, 676
С. А. Котляревский — В. Ф. Эрну .....	609
М. А. Кузмин. Дневник .....	708, 726, 732
В. Н. Лашнюков — Пастырям Церкви .....	869
Г. П. Медем — Приставу 2 участка Пречистенской части .....	432
Д. С. Мережковский — Н. А. Бердяеву .....	443
Д. С. Мережковский — Л. Н. Вилькиной .....	98, 100, 127, 139, 146, 156, 187, 198, 215, 229, 231, 255, 341, 389, 436, 516, 518, 519, 522, 529, 534, 546, 567, 741, 834, 864
Д. С. Мережковский — А. С. Глинке .....	642
Д. С. Мережковский — Вяч. И. Иванову .....	837

Э. К. Метнер — М. К. Морозовой .....	869
П. Н. Милюков — М. К. Морозовой.....	333, 405
А. Р. Минцлова — М. А. Волошину.....	848
А. Р. Минцлова — М. В. Сабашниковой.....	241, 256, 258, 269, 282, 285, 290
М. К. Морозова — Е. И. Полянской .....	304
МРФО — П. А. Флоренскому.....	904
Николай, архиеп. Токийский и Японский. Дневник.....	92, 95, 96, 124, 161, 202, 204, 205, 207, 232, 297, 719
В. А. Никольский — А. С. Глинке.....	692
М. А. Новоселов — Ф. Д. Самарину.....	55, 283, 300, 396, 439
А. С. Петровский — П. А. Флоренскому.....	149
М. М. Пришвин. Ранний дневник.....	739
В. В. Розанов — З. Н. Гиппиус.....	946
В. В. Розанов — прот. А. П. Устьинскому.....	634
В. В. Розанов — Д. В. Философову.....	137, 192
В. П. Свенцицкий — К. М. Аггееву.....	876
В. П. Свенцицкий — И. А. Беневскому.....	254
В. П. Свенцицкий — И. С. Бланку.....	670
В. П. Свенцицкий — С. Н. Булгакову.....	686, 693
В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке .....	514, 682, 721, 734
В. П. Свенцицкий. Дневник .....	494
В. П. Свенцицкий — В. П. Свенцицкому.....	950
В. П. Свенцицкий — Суду присяжных.....	881
В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому.....	69, 626, 859
В. П. Свенцицкий и В. Ф. Эрн — Предсоборному присутствию .....	660
С. А. Соколов — Вяч. И. Иванову.....	531
С. М. Соловьев — А. А. Блоку.....	91
Б. Е. Сыроечковский — В. Ф. Эрну .....	762
Л. Н. Толстой — Г. Е. Бычкову .....	584
Л. Н. Толстой — Л. Л. Толстому.....	499
В. В. Тржецяк — П. П. Шувалову.....	210
Е. Н. Трубецкой — С. Н. Булгакову.....	70
Е. Н. Трубецкой — императору Николаю II.....	818
Е. Н. Трубецкой — М. К. Морозовой.....	655, 669, 772, 778, 854, 858, 880, 887, 899, 904, 922, 938
Д. В. Философов — А. С. Глинке .....	211, 622

Д. В. Философов — В. В. Розанову.....	844, 878
О. А. Флоренская — П. А. Флоренскому.....	765, 878, 888
П. А. Флоренский — А. Белому.....	249, 556
П. А. Флоренский — В. Я. Брюсову.....	475
П. А. Флоренский — С. Н. Булгакову.....	69, 633, 657
П. А. Флоренский — Мережковским.....	313
П. А. Флоренский — Д. С. Мережковскому.....	311
П. А. Флоренский — С. С. Троицкому.....	699
П. А. Флоренский — О. П. Флоренской.....	62, 104, 392, 478, 544
П. А. Флоренский — Ю. А. Флоренской.....	260
П. А. Флоренский — А. И. Флоренскому.....	360, 576
П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну.....	103, 191, 221, 326, 336, 353, 354, 362, 572, 598, 685, 860, 917
С. Л. Франк — А. С. Глинке.....	659
С. Л. Франк — Н. А. Струве.....	411, 422, 510
С. Л. Франк — П. Б. и Н. А. Струве.....	348, 374, 394
Христианское Братство Борьбы — Епископам Русской Церкви....	162
Христианское Братство Борьбы — Народу.....	86
Христианское братство борьбы — рабочим.....	332
К. И. Чуковский. Дневник.....	213, 759
Г. И. Чулков — А. С. Глинке.....	201, 239, 415, 669
О. В. Шер — В. Ф. Эрну.....	324
Л. И. Шестов — Г. Л. Ловцкому.....	136
Л. И. Шестов — Ф. И. Ловцкой (Шварцман).....	97, 140
В. Ф. Эрн — Е. Я. Архиппову.....	899, 908
В. Ф. Эрн — Андрею Белому.....	201
В. Ф. Эрн — в Главное управление по делам печати.....	322
В. Ф. Эрн — А. С. Глинке.....	627, 642
В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову.....	97, 125, 136, 216, 630, 645, 666, 792, 793, 809, 812, 813, 842
В. Ф. Эрн — Вяч. И. Иванову.....	57
В. Ф. Эрн — Г. П. Медему.....	421
В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому.....	125, 161, 186, 191, 306–308, 333, 343, 395, 600, 699, 866, 903
В. Ф. Эрн — Е. Д. Эрн.....	646

---

## Именной указатель

всех упоминаемых лиц

### А

- Августин, блж. — 74  
Авель (*библ.*) — 383  
Автономов Н. Н. (Коля), прот. — 318  
Агамемнон — 157  
Агаша — 630  
Аггеев И. К. (Иван, Вандро) — 589  
Аггеев К. М., прот. — 9, 11, 20, 27, 39, 41, 66, 67, 77–80, 82, 85, 91, 106, 111, 129, 136, 144, 146, 148, 150, 151, 153–155, 180, 185, 186, 193, 195, 197, 203, 207–209, 220, 248, 257, 265, 295, 296, 307, 308, 311, 316–318, 321, 322, 324, 325, 330, 331, 343, 346, 353, 363, 381, 384, 385, 392, 394, 401–403, 415, 316, 421, 433–435, 469, 470, 472, 478, 483–485, 487, 524, 527, 528, 550, 552, 585–589, 591, 602  
Аггеев П. К. (Петр, Петро) — 589  
Аггеева (в замужестве Кисиль) Е. К. (Люся) — 587, 589  
Аггеева М. И. (Маня) — 193  
Адам (*библ.*) — 540  
Адонис (*миф.*) — 559, 638, 949  
Азадовский К. М. — 51, 241, 256, 258, 269, 282, 285, 290, 492, 521  
Азеф Е. Ф. — 281  
Айхенвальд Ю. И. — 98, 136, 141  
Аксаков А. В. — 363  
Аксаков И. С. — 220  
Аксаков Н. П. — 67, 150, 151, 155, 209, 220, 346, 660, 905  
Акулинин В. Н. — 265  
Алабина (Сократова) Т. П. — 376, 573  
Аладин (прозвище К. Сомова) — 728, 733, 743, 781  
Александр I — 128  
Александр II — 110, 206, 611  
Александр III — 780, 806

- Александра Феодоровна (Феодоровна), имп., страст. — 77, 123, 184
- Алексеев С. А. — см. *Аскольдов С. А.*
- Алексей Александрович, вел. кн. — 206
- Алексей Петрович (Романов) — 8, 571
- Аллой В. Е. — 366, 650, 749, 830
- Алферова А. Д. — 646
- Альба, Фернандо Альварес де Толедо, герцог — 259
- Альтман М. С. — 95
- Анатолий (Потапов), иером. — 64, 88
- Андреев А. В. — 243
- Андреев Л. Н. — 428, 581, 783, 673, 783, 784, 893, 896
- Андреева М. Ф. — 276, 430
- Андреева Н. М. — 243
- Андрей, архим. — 604
- Андрей Критский, св. 356
- Андроник (Трубачев), игумен — 31, 51, 56, 69, 221, 339, 666, 860
- Андрусон Л. И. — 563
- Анисимова Т. В. — 11
- Аничков Е. В. — 428, 541–542, 552, 561, 578, 593 594, 695, 704, 707, 727
- Анна Елисеевна — см. *Кудрявцева А. Е.*
- Анненкова О. Н. — 618, 619, 680, 681, 695, 696, 708, 725
- Анненкова-Бернар Н. П. — 329, 364, 488, 497, 784, 786
- Анненский И. Ф. — 198
- Анненский Н. Ф. — 349, 472
- Аннибал, — 725, 726, также см. *Зиновьева-Аннибал Л. Д.*
- Антигона (*миф.*) — 535, 548
- Антиной (прозвище М. Кузмина) — 743, 744, 773, 781, 783
- Антоний, св. — 860
- Антоний (Вадковский), митр. — 26, 82, 83, 660
- Антоний (Соколов), еп. — 346
- Антоний (Флоренсов), еп. — 31, 64
- Антоний (Храповицкий), митр. — 105–107, 117, 119, 123, 155, 382, 385, 621, 660
- Антонин (Грановский), архим. (затем епископ обновленческий) — 83, 86, 303, 603, 947, 992
- Антонова — 90
- Анюта — 350, 351, 498, 506, 540, 689, также см. *Шустова А. Н.*
- Апеллес (прозвище Л. Бакста) — 733, 755
- Аполлон (*миф.*) — 454
- Арабажина К. И. — 578
- Арсений (Стадницкий), еп. — 660
- Арсеньев Н. С. — 48, 50
- Артемиды (Дианы) (*миф.*) 147, 157
- Архиппов Е. Я. — 899, 908
- Арцыбашев (Арцебашев) М. П. — 350, 351, 428, 430, 506, 565–567, 705
- Асатиани М. М. — 16, 125
- Аскольдов (Алексеев) С. А. — 7, 23, 65, 134, 193, 209, 212, 265, 310, 636, 905, 941, 948
- Ассаргадон — 733, 743
- Астарта (*миф.*) — 559
- Астров П. И. — 43, 82, 91, 415, 626
- Ауслендер С. А. — 579, 726, 727, 744
- Афанасьев К. И., свящ. — 758, 903

Афродита (*миф.*) — 548, 559

**Б**

Баадер Ф. К., фон — 300

Байков А. А. — 563

Байрон Дж. — 454

Бак Ю. Б. — 335

Бакст Л. С. (наст. фам. Розенберг) — 138, 467, 506, 689, 732, 733, 737, 749, 755, 775, 776, 944, 945

Балакина Ю. В. — 51, 66, 77, 82, 106, 129, 144, 150, 153, 180, 193, 195, 203, 207, 248, 308, 317, 321, 324, 330, 343, 381, 401, 435, 478, 524, 550, 586, 602

Бальмонт Е. А. — 243, 244

Бальмонт К. Д. — 99, 243, 258, 259, 272, 286, 290, 318–320, 418, 497, 665, 681, 705, 747, 749, 784, 785

Банников А. П. — 138

Баранова, графиня — 646

Баранова-Шестова Н. Л. — 51, 97, 136, 140

Баркалова — 130

Бартенев Ю. П. — 236, 677

Барятинский В. В. — 578

Басинский П. В. — 276, 277, 501

Батюшков П. Н. — 102, 691

Бауман Н. Э. — 334

Бахрушины — 628

Башкин В. В. — 350, 352

Безант А. — 102, 247, 269

Безобразов П. В. — 489

Безобразова М. С. — 489

Безродная Ю. Л. — 578

Бекетов А. Н. — 229, 945

Бекетова М. А. 811

Белинский В. Г. — 56

Ахмадулина Б. А. — 634

Белинский М. (Ясинский И. И.) — 428

Белчинский — 898

Бельгард А. В. 564, 874, 875

Бельковский, свящ. — 204

Бельтов — *см. Плеханов Г. В.*

Белый А. — 42, 46, 59, 82, 91, 93–95, 190, 201, 212, 226, 229, 241, 249, 250, 252, 291–293, 309, 314, 315, 329, 339, 360, 362, 421, 466, 468–470, 474, 475, 488–490, 520, 521, 556, 558, 559, 608, 609, 617–620, 624–626, 653, 680, 695, 696, 701, 704, 708, 718, 725, 726, 746, 770, 776, 784, 800, 815, 844, 845, 848, 888, 912, 926, 927, 945, 946, также *см. Бугаев Б. Н.*

Белявский Ф. Н. — 693

Беляевская О. А. — 350, 562, 563, 633, 690

Беляевская Ю. А. — 532, 688

Беляевские — 529

Беме Я. — 300

Беневский И. А. — 37, 254, 255, 812

Бенкендорф — 336, 815

Бенуа А. Н. — 138, 315, 335, 638, 645, 648

Бергенгрюн (Бергенгрин) Т. А. — 242, 243

Бердяев Н. А. — 5, 9, 11, 18, 20, 23, 24, 30, 43, 48, 61, 69, 71, 91, 98, 100, 134, 137, 141, 146, 166, 199, 212, 239, 240, 263–265, 267, 315, 360, 325, 428, 443, 447, 448, 488, 490, 491, 499, 504, 506, 520, 521, 523, 532–534, 537, 540, 561, 563, 564, 577–579, 606, 617, 618, 620,

- 635–639, 648–650, 653, 659, 690, 691, 694, 695, 698, 702, 712, 714, 716, 723, 724, 736, 737, 743, 749, 753, 770, 789, 790, 830, 832, 833, 844, 845, 850, 851, 855, 857, 864, 883, 884, 886, 887, 896, 901, 908, 909, 919, 928–930, 933, 934, 944, 947, 953
- Бердяева (Трушева, Рапп)  
Л. Ю. — 264, 315, 488, 490, 506, 702, 714, 886,
- Беренс Э. А., фон — 236
- Беренштам В. — 747
- Берн-Джонс Э. — 681, 682
- Берчиер Х. — 256
- Бетховен Л., ван — 883
- Била Е. А. — 578
- Билибин И. Я. — 534
- Бланк И. С. (псевд. Книжник-Ветров) — 670
- Блок А. А. — 30, 43, 60, 65, 76, 81, 82, 91, 157, 223–229, 250, 251, 264, 319, 365, 438, 467, 488, 489, 491, 506, 538, 541, 542, 563, 609, 625, 626, 634, 664, 667, 701, 705, 706, 708, 716, 724, 737, 776, 784, 800, 804, 805–807, 811, 838, 872, 887, 926–928, 935, 944–946
- Блок И. — 549
- Блок Л. Д. — 228, 250, 554, 625, 626, 701, 716, 724, 811, 926–928, 945, 946
- Блок, девочки — 691
- Бобринский Н., псевд. Вилькиной — 99
- Боголюбов Д. И., миссионер — 527
- Боголюбовский С. Н. — 631
- Богомолов Н. А. — 51, 273, 318, 327, 350, 364, 428, 470, 488, 491, 498, 505, 516, 528, 532, 537, 540, 543, 549, 550, 552, 560, 565, 637, 639, 642, 648, 655, 663, 680, 687, 700, 706–708, 727, 732, 735, 755, 761, 837, 847, 848, 852, 854, 866
- Богословский М. М. — 866
- Богучарский В. Я. (наст. фам. Яковлев) — 423
- Бодлер Ш. — 418
- Бойчук А. Г. — 51, 360, 520
- Борисов Е. В. — 488, 490, 491
- Борман А. Н. — 581
- Боттичелли С. — 139
- Брандт Е. Г. — 159, 160
- Браудо А. И. — 781
- Брешко-Брешковская Е. К. — 749
- Брихничев И. П., свящ. — 39, 666–668, 792, 794, 809, 863
- Брюсов В. Я. (Валя) — 94, 95, 99, 249–251, 304, 319, 326, 390, 396, 440, 442, 443, 466, 472, 475, 488, 497, 498, 520, 521, 537, 541–544, 549, 552–555, 637, 657, 658, 663, 681, 690, 701, 702, 710, 737, 753, 770, 784, 790, 807, 834, 838, 845, 865, 866, 908, 947, 948
- Брюсова И. М. — 549, 555
- Брюсова Н. Я. — 553
- Бугаев Б. Н. — 59, 69, 103, 125, 149, 161, 190, 255, 294, 295, 309, 468, 888, также см. *Белый А.*
- Буланже П. — 764
- Булгаков А. Н. — 421
- Булгаков В. Ф. — 848, 849, 857, 858
- Булгаков С. Н. — 5, 9, 12, 15, 20–24, 26–30, 40–42, 48, 50–53, 61, 65, 68, 69–71, 133, 136, 140,

- 141, 143, 146, 152, 161, 164, 175, 176, 193, 195, 212, 218, 224, 248, 251, 258, 262–267, 295, 298–300, 306, 310, 316, 317, 321, 331, 338, 356, 358, 359, 377, 388, 397–399, 403, 414, 416, 421, 431, 432, 434–436, 493, 502, 503, 511, 515, 520, 521, 523, 534, 537, 577, 591, 605, 620, 621, 629, 633, 635, 636, 637, 640–642, 645, 657–659, 662, 663, 669, 670, 672, 674, 686, 692, 693, 698, 728, 730, 731, 757, 758, 766, 769, 770, 771, 790, 791, 805, 810, 812, 815, 827–829, 844, 845, 849, 851, 852, 856, 868, 875, 880, 895, 899, 900, 902, 903, 906, 908, 917, 920, 936, 943
- Булгакова (урожд. Токмакова) Е. И. — 757, 791
- Булгакова М. С. — 398
- В**
- Вагнер Р. — 103, 198, 292
- Вакуленчук Г. Н. — 214
- Валуев П. А., граф — 121
- Валько-Отшельник (наст. имя Вальковский В. В.) — 777
- Ваннутелли П. — 786
- Варвара Дмитриевна — см. *Розанова В. Д.*
- Варженевский А. К. — 236
- Василий Великий, свт. — 177
- Васильева (урожд. Тюменцева) Е. Е. — 858
- Ваховская А. М. — 910
- Введенский А. И. — 104
- Вдовина Г. — 14
- Вейнберг П. И. — 535, 565
- Вейсгаупт А. — 326
- Булыгин А. Г. — 237
- Бунаков — см. *Фондаминский И. И.*
- Бурдые П. — 10, 11, 18
- Буренин В. П. — 472
- Буренин Н. Е. — 281
- Бутягина А. М. 365, 488, 847
- Бутягина В. Д. — 624, 635, также см. *Розанова В. Д.*
- Бухарев А. М. — 635, 768, 769, также см. *Феодор (Бухарев), архим.*
- Бухарева А. С. — 635
- Быстров В. Н. — 51, 98–100, 122, 127, 139, 146, 156, 157, 198, 215, 229, 231, 255, 341, 389, 436, 516, 518, 522, 529, 534, 546, 565, 567, 713, 741, 834, 864
- Бычков Г. Е. — 584
- Бюхер К. — 579, 580
- Векилов А. Д. — 217
- Векилов Г. Д. (Жорж, Зюн) — 217, 614, 816
- Векилов Г. Д. (Герасим) — 217
- Векилов Д. М. — 217
- Векилов И. Д. (Оник) — 217
- Векилов Н. Д. (Карл) — 217
- Векилова (Эрн) Е. Д. (Женя) — 217, 646, 793, 867
- Векилова Е. Л. — 217
- Векилова (Эрн) М. Д. — 867
- Векиловы — 793
- Величко В. Л. — 226
- Вельский В. И. — 283
- Венгеров С. А. — 335, 562, 886, 899
- Венгерова З. А. — 259, 412, 506, 562, 578



- Венкстерн А. А. — 757  
 Вергилий — 443  
 Веригина В. П. — 944  
 Вермишев Х. А. — 378  
 Вернадский В. И. — 335, 377, 380  
 Вернер — 212  
 Верхарн Э. — 443, 701, 753, 807  
 Верховский Ю. Н. — 563, 579, 664, 936  
 Веселовский А. Н. — 936  
 Ветров — 670, 671, 673, 674, 676, также см. *Бланк И. С.*  
 Ветринский В. Е. — 431  
 Вилькина Л. Н. — 19, 20, 98–101, 127, 139, 146–148, 156, 157, 187, 198–200, 215, 216, 229–231, 255, 341, 342, 389, 436, 505, 506, 516–520, 522, 529–531, 534, 546, 567, 741, 834, 835, 864, 865, 912, 913, 947–949  
 Винавер М. М. — 375, 380  
 Виндельбанд В. — 104, 299  
 Виноградов П. Г. — 762  
 Виноградова О. И. — 214  
 Винокуров В. И. — 683  
 Витте С. Ю. — 377, 388, 394, 405, 407, 408, 411, 412, 425  
 Вишневский Н. Л. — 184  
 Вишневский Вс. — 394  
 Вишняк М. В. (Марк Вишняк) — 646, 647  
 Владимир (Богоявленский), архиеп., сщмч. — 107, 180, 303, 333, 552, 588, 668
- Г**
- Габрилович Л. Е. (псевд. Галич) — 471, 488, 489, 491, 506, 540, 542, 563, 605, 606, 607, также см. *Гернгросс*  
 Гадомский В. В. — 399  
 Волкова Т. Н. — 500  
 Волжский — 23, 152, 248, 265, 306–308, 315, 321, 322, 325, 356, 362, 398, 431, 534, 537, 577, 620, 636, 641, 658, 687, 692, 695, 698, 735, 770, 815, 845, 851, 868, 941, 943, также см. *Волжский-Глинка А. С., Глинка А. С., Глинка-Волжский А. С., Волжский-Глинка А. С.*  
 Волошин М. А. — 241, 242, 244–246, 269, 256–259, 269, 270, 272, 282, 283, 287–291, 506, 508, 528, 618, 748, 785, 848, 853, 854, 932  
 Волошина (Кириенко-Волошина) Е. О. — 506, 510, 528  
 Волошина-Сабашникова М. В. — 241–246, 256, 258, 269, 271, 272, 282, 285–288, 290, 505, 748, 839, 854, 886, 887  
 Вольтинский А. Л. (псевд. Флексе-ра Х. Л.) — 128, 636  
 Волькенштейн В. М. — 566, 619, 665, 695  
 Вольфинг (псевд. Метне-ра Э. К.) — 468  
 Воронцова И. В. — 51, 299, 511, 591, 634, 664, 845  
 Восторгов И., прот., сщмч. — 679  
 Врангель Н. Н. — 777  
 Врасская В. С. — 747  
 Врубель М. А. — 282  
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. — 607, также см. *Гернгросс*  
 Всесвятский Н. Н. — 757

**Г**

- Гагарин А. Г., кн. — 587  
 Гайдебуров П. П. — 656  
 Галанин Д. Д., ст. — 735, 895

- Галанин Д. Д., мл. — 682–684, 686, 722, 735, 758, 788, 791, 792, 814–818, 843, 844, 868, 880, 895, 900
- Ганимед (прозвище фон Гюнтгера) — 783
- Гантунг, присяжный поверенный — 494
- Гапон Г. (Николов Г. А.), свящ. — 27, 54, 109, 131, 203, 275, 276, 279–282, 483, 919
- Гардин В. Н. — 902
- Гарнак А. — 299, 894
- Гартман Ф. — 501
- Гартунг — 895
- Гаршин В. М. — 943
- Гаттон II, архиеп. — 861
- Гвиницелли Г. — 709
- Гегель Г. В. Ф. — 326, 464
- Гейден П. А. — 406, 854
- Генуа А. И. — 615
- Герд–Струве Н. А. — 376, также см. *Струве Н. А.*
- Гернгросс — 563, 607
- Гернет М. Н. — 731
- Герценштейн М. Я. — 426
- Герцык А. К. — 239, 440, 443
- Герцык Е. К. (псевд. Сирин) — 607, 815
- Гершензон (Гершен–Зейн) М. О. — 5, 328, 329, 430, 620, 636, 788, 841, 842, 899, 903
- Гершуни Г. А. — 334
- Герье В. И. — 763
- Гессен И. В. — 335, 397, 412, 426
- Гессен В. М. — 426
- Гидони А. И. — 498
- Гиппиус Александр Вас. — 438
- Гиппиус (урожд. Степанова) Анастасия Вас. — 569
- Гиппиус А. Н. (Ася) — 571, 925
- Гиппиус З. Н. — 5, 17, 18, 23, 60, 61, 64, 101, 144, 147, 148, 157, 215, 263, 264, 315, 318, 329, 330, 363, 366, 389, 390, 391, 437, 489, 505, 506, 520, 521, 529, 542, 561, 569, 571, 594, 595, 628, 632, 640, 643, 650, 653, 679, 684, 698, 709, 710, 712, 713, 715, 717, 724, 738, 741, 749, 770, 776, 784, 789, 790, 795, 802, 807, 808, 811, 827, 832, 844, 845, 851, 864, 865, 870, 874, 876–878, 888, 908–910, 922, 925, 926, 930, 943, 944, 946, 948, 949
- Гиппиус Н. Н. (Ната) — 61, 315, 571, 628, 650, 653, 679, 685, 711, 909, 910, 922, 925, 944
- Гиппиус Т. Н. (Тата) — 60, 61, 506, 571, 628, 650, 653, 679, 684, 709–711, 713, 715, 724, 738, 795, 800, 802, 807, 808, 811, 870, 876, 877, 909, 922, 925, 926, 943, 944, 945
- Глаголев С. С. — 402, 574, 575, 577, 810
- Глазенап — 728
- Глазер О. А. — 506
- Глазов В. Г. — 336
- Глинка А. С. (псевд. Волжский) — 21, 23, 40, 61, 134, 161, 201, 202, 208, 211, 218, 239, 262, 265, 295, 306, 310, 316, 325, 356, 397, 398, 400, 403, 414, 430–432, 475, 502, 514, 521, 577, 612, 613, 622, 627, 642, 659, 669, 682, 692, 721, 728, 729, 734, 763, 766, 788, 790, 814, 815, 827, 843, 848, 849, 857, 886, 895, 899, 900, 901, 903, 906, 917, 936, 941, 943
- Глинка О. Ф. — 202, 241, 415, 670

- Глинка-Волжский А. С. — 23, 52, 144, 208, 211, 218, 240, 308, 316, 356, 415, 521, 577, 612, 692, 766, 815, 827, 845, 849, 918, 943
- Глубоковский Н. Н. — 116, 117, 119–121
- Глухова Е. В. — 51, 137, 142, 192, 611, 680, 844, 878
- Гнесин М. Ф. — 665
- Гоголь Н. В. — 293, 482, 526, 632
- Годин Я. В. — 492, 499, 563
- Голицын А. М., кн. — 79, 236, 678
- Голицын В. А., кн. — 79
- Головин Ф. А. — 408
- Голохвастова А. А. — 133
- Гольдовский О. Б. — 731
- Гольст (Хольст) Г. Э., фон — 762
- Гольштейн А. В. — 643
- Гончаров И. А. — 484
- Гончарова А. С. — 102
- Гордин — 563
- Горемыкин И. Л. — 740, 820, 821, 855
- Горodenский Н. Г. — 248
- Городецкий С. М. — 541, 578, 579, 594, 619, 690, 701–703, 708, 709, 733, 734, 737, 743, 754, 777, 786, 839, 841, 847, 853, 914, 915, 927, 935
- Городцов С. Д., свящ. — 668, 669
- Горчаков М. И., прот. — 344
- Горький А. М. — 19, 275, 276, 279–282, 390, 417, 418, 420, 428, 430, 471, 482, 536, 542, 554, 596, 649, 705, 736
- Гофман Э. Т. А. — 746
- Грабарь И. Э. 637, 638
- Грачева А. М. — 366
- Гревс И. М. — 335, 365, 561, 562, 761
- Гретри А.-Э.-М. — 749
- Гречишкин С. С. — 99, 800
- Гржебин З. И. — 534, 704
- Гримм Д. Д. — 426
- Грингмут В. А. — 303
- Гриневицкий И. И. — 611
- Грифцов Б. А. — 646, 669, 895
- Гришина Я. З. — 739
- Громогласов И. М. — 309, 402
- Грот Н. Я. — 268
- Грузинская, княжна — 790
- Губельман (Ярославский) Е. М. — 667
- Гудович, граф — 235
- Гуревич Л. Я. — 562
- Гурко В. И. — 740
- Гучков А. И. — 405
- Понтер И. Ф., фон — 632, 639, 642, 648, 649, 656, 663, 716, 783, 842

## Д

- Давиденко (Давыденко) Е. Н. — 528, 563
- Давыдов Н. В. — 720, 779
- Далматов В. П. — 365
- Даль В. И. — 8
- Данилевский Н. Я. — 889
- Дарвин Ч. — 759
- Дарья Михайловна, — см. *Дмитриевская Д. М.*
- Дедюлин А. Я. — 508
- Ден В. Э. — 426
- Дестомб К. — 535
- Дешарт О. — 51, 748, 782–784, 839, 886
- Джелал-Эд-Дин-Эль-Руми — 743, также см. *Эль-Руми*
- Джугашвили И. В. (Сталин) — 668
- Дзержинский, подполк. — 814

- Диана (*миф.*) — см. *Артемид* 438, 448, 449, 451, 461, 507, 535, 565, 603, 669, 745, 760, 769, 797, 805, 815, 816, 829, 848, 849, 857, 858, 861, 880, 886, 895, 896, 901, 903, 906, 907, 943
- Дионис (*миф.*) — 103, 128, 187, 326, 580, 582, 596, 597, 644, 914, 935
- Диотима (прозвище Зиновьевой-Аннибал) — 727, 733, 743, 744, 753, 761, 773, 774, 780, 781, 784, 788, 839, 841, 842
- Дитлов И. А. — 95
- Дмитриевская А. Т. — 744
- Дмитриевская (Иванова) Д. М. — 352, 353, 744, 761
- Добровольская М. Э. — 552
- Добролюбов А. М. — 879
- Добролюбов Н. А. — 399
- Добужинский М. В. — 491, 506, 540, 705, 784
- Долгоруков В. А., кн. — 58
- Долинский М. З. — 945
- Дорошевич В. М. — 359, 879
- Достоевская А. Г. — 431, 829, 849, 898
- Достоевский Ф. М. — 21, 137, 202, 225, 325, 356, 357, 430, 431, 438, 448, 449, 451, 461, 507, 535, 565, 603, 669, 745, 760, 769, 797, 805, 815, 816, 829, 848, 849, 857, 858, 861, 880, 886, 895, 896, 901, 903, 906, 907, 943
- Дубасов В. Ф. — 549, 554, 600, 648
- Дубинин А. И. — 51, 58, 79, 197, 233, 237, 676
- Дубинина И. В. — 51, 58
- Дузе Э. — 688
- Думова Н. Г. — 48
- Дурнов М. А. — 283
- Дурново П. Н. — 407, 621
- Духонина Е. В. — 401
- Дымов О. И. (Перельман И. И.) — 578, 618, 644, 650, 655, 656, 691, 704, 707, 708, 710
- Дымшиц В. А. — 95
- Дьякова И. — 52
- Дьяконова Е. — 67
- Дягилев С. П. — 127, 138, 139, 561, 937

## Е

- Евлампиев И. И. — 70
- Евлогий (Георгиевский), митр. — 136, 208, 389
- Евдоким (Мещерский), еп. — 303, 338, 917
- Евреин А. В. — 270
- Евреина Н. В. — 270
- Евреины — 270
- Егоров Д. Н. — 715, 763
- Егоров Е. А. — 612
- Егоров И. Ф., свящ. — 68, 86, 132, 182, 194, 321, 331, 344–346, 363, 383–385, 387, 483, 525, 905
- Екатерина (Ефимовская), игум. 177, 422
- Елена Прекрасная (*миф.*) — 198
- Елизавета Федоровна, вел. кн., прмц. — 110, 111, 150, 177
- Ельчанинов А. В. — 12, 16, 31, 37, 48, 53–55, 97, 125, 136, 216, 219, 265, 306, 311, 342, 422, 477, 492, 493, 573, 585, 614, 630, 631, 645, 646, 648, 666, 682, 684, 686, 717, 763, 764, 791–793, 795, 809, 810, 812–816, 828, 833, 842, 863, 868, 875, 880, 885, 889, 893, 896, 900, 909, 915, 962

- Енишерлов В. П. — 51, 914  
 Ерилов В. Е. — 578  
 Ермолов А. С. 855  
 Эрнефельт А. — 229
- Ж**
- Жебелев С. А. — 780, 781, 784  
 Жемчужникова М. Н. — 244  
 Жид А— 594, 788  
 Жилинский, врач — 396  
 Жилкин — 351  
 Житомирский Я. А. — 281
- З**
- Завитневич В. З., Зенонович —  
 78, 87, 134, 151, 153, 197  
 Зайцев Б. — 563  
 Зак В. И. — 348  
 Залманова (урожд. Сиверс)  
 О. Э. — 258  
 Замуртуд (прозвище Зиновье-  
 вой-Аннибал) — 781  
 Замятнина М. М. — 17, 273, 318,  
 327, 350, 364, 428, 470, 488,  
 491, 498, 505, 516, 528, 532,  
 533, 537, 540, 543, 549, 550, 552,  
 560, 565, 578, 583, 593, 594,  
 596, 605, 608, 616, 631, 637,  
 639, 732, 735, 755, 847, 852, 853  
 Зарудный А. С. — 891  
 Званцева Е. Н. — 853  
 Здзеховский М. Э. — 164, 298,  
 511, 512, 591, 662, 903, 904  
 Здобнов — 228  
 Зелинский Ф. Ф. — 187, 198, 199,  
 580, 948
- Есенин С. А. — 632  
 Ефимов Д. П. — 177, 336, 627,  
 684, 694, 757, 788, 814, 815,  
 828, 843, 844, 868, 875, 890,  
 896, 897, 899, 900, 906, 908
- Жуковская Т. Н. — 51, 440  
 Жуковский Д. Е. — 23, 24, 30,  
 219, 240, 274, 350, 351, 358,  
 414, 426–428, 433, 503, 510,  
 511, 576, 578, 581, 607, 636,  
 641, 841
- Зеньковский В. В. — 40, 98, 143,  
 220, 266, 358, 621, 636, 896, 920  
 Зернов Н. М. — 399  
 Зиновьев А. Д. — 691  
 Зиновьева Е. Н. — 691  
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. — 17,  
 32, 57, 191, 262, 272, 273, 318,  
 327, 329, 350, 364, 427, 430, 470,  
 488, 491, 492, 497, 498, 505, 516,  
 528, 532, 533, 537, 540, 543, 549,  
 550, 552, 560, 565, 578, 581, 583,  
 593–595, 605, 607, 608, 609,  
 616, 618, 631, 637, 639, 642, 643,  
 648, 655, 663, 665, 680, 687, 688,  
 691, 700, 705, 706, 725–727,  
 732, 734, 735, 737, 745, 755,  
 775, 781, 847, 852, 853, 886, 887,  
 914, 929  
 Зом Р. — 599–601  
 Зоммер Н. Г. — 506  
 Зонов А. П. — 533  
 Зотикович, Зотыч — см. *Капра-  
 лов Е. З.*

**И**

- Иаков (*библ.*) — 459  
 Ибсен Г. 323, 325, 544, 557, 682

- Иван Грозный (Иоанн IV) — 33, 164  
Иванов А. А. — 743  
Иванов Вяч. И. — 32, 54, 57, 93, 95, 101, 103, 128, 142, 150, 190, 191, 198, 212, 304, 326, 329, 330, 352, 366, 389, 390, 430, 440, 442, 460, 466, 468, 472, 473, 490, 492, 497, 498, 505, 563  
531, 541, 553, 554, 555, 579, 581, 583, 595–597, 607, 624, 626, 631, 632, 636, 638, 640, 643, 650, 652, 655, 656, 666, 680, 688, 695, 696, 697, 701–703, 707, 708, 725–727, 732–734, 737, 742, 744–746, 748, 753, 754, 760, 761, 770, 773, 777, 780, 783, 785–787, 805, 837–840, 842, 845, 847, 848, 864, 886, 914, 915 927, 934, 935, 944, 946  
Иванов Е. П. — 653, 716, 724, 926, 945  
Иванова, г-жа — 509, 554  
Иванова А. Н. — 286  
Иванова Е. В. — 30, 51, 149, 190, 249, 262, 273, 291, 311, 313, 315, 339, 340, 362, 396, 475, 477, 556,  
Иванова Л. В. — 16, 126  
Ивановский В. Н. — 566, 607, 618, 841  
Ивановы 94, 95, 191, 273, 328, 350, 364, 396, 430, 552, 553, 555, 582, 680, 703, 708, 847, 853, 854,  
Иванцов-Платонов А. М. — 284  
Иваньков, ред. — 590  
Ивашева П. А. — 210, 217, 218, 267, 268, 274, 275, 355, 630, 693, 697, 709, 735, 756, 758, 764, 792, 793, 814, 843, 916  
Игнатий (Брянчанинов), свт. — 174, 180  
Игнатъев Н. П., граф — 184  
Извольский П. П., прот. — 132,  
Изгоев А. С. — 335  
Иисус Христос (*библ.*) — 397, 404, 462, 465, 485, 636, 672, 675, 721, 809, 817  
Ильин В. Н. — 157  
Ильин И. А. — 627  
Ильинский В. П. — 484, 614,  
Иннокентий (Фигуровский), митр. Пекинский и Китайский — 341  
Иоанн Богослов, ап. (*библ.*) — 284, 303, 675, 902  
Иоанн Златоуст, свт. — 177  
Иоанн Кронштадтский, св. прав. — 179, 189, 209, 260, 400, 401, 403–405, 611  
Иоанн Лествичник, прп. — 558  
Иов (*библ.*) — 460, 668  
Иокар Л. Н. — 51, 417, 420  
Исаев А. А. — 481, 810  
Исидор (Колоколов), еп. — 122, 123, 303  
Исикава П. — 93  
Исупов К. Г. — 746  
Иустин Философ, св. муч. — 177, 932  
Ифигения (*миф.*) — 157

**К**

- Кавальканти Г. — 709  
Кавелин К. Д. — 56,  
Кадзима А. — 297  
Казиков Г. М. — 732, 733  
Казимирчак-Полонская Е. И., мон. — 771

- Каин (*библ.*) — 383, 454  
 Калмыкова (урожд. Чернова)  
 А. Г. — 736  
 Каляев И. П. — 110, 112, 116,  
 188, 334  
 Каменский А. П. — 389, 428  
 Камышанский П. К. — 564, 874  
 Кант И. — 326, 341, 494, 627, 697  
 Кантор Г. — 362  
 Капралов Е. З. — 78, 108, 109,  
 136, 146, 155, 193, 197, 309,  
 311, 317, 388,  
 Каптерев Н. Ф. — 917  
 Каптерев П. Н. — 917  
 Каратыгин В. Г. — 579  
 Кареев Н. И. — 335, 426  
 Карташев А. В. (псевд. Ураль-  
 ский) — 23, 26–28, 41, 61, 64,  
 65, 193, 195, 207, 209, 212, 220,  
 240, 248, 257, 265–267, 295,  
 307, 309–311, 315, 317, 318, 321,  
 322, 327, 329, 331, 347, 359, 363,  
 364, 383, 393, 416, 429, 433, 435,  
 470, 479, 547, 590, 604, 605, 612,  
 613, 628, 636, 653, 679, 685, 710,  
 712–714, 716, 717, 725, 738, 770,  
 796–800, 802–804, 807–809,  
 811, 815, 827, 845, 871–873,  
 875–877, 890, 896, 901, 910, 920,  
 924, 925–929, 931, 937, 938,  
 942, 943  
 Карташева Е. В. — 928  
 Карчевский К. — 26, 51  
 Кассандра (прозвище Чебота-  
 ревской А. Н.) — 839–941  
 Кейдан В. И., В. К. — 4–7, 10,  
 15, 31, 52, 54, 57, 67, 82, 97, 99,  
 109, 116, 117, 121–123, 125, 126,  
 132, 133, 136, 146, 151, 154, 155,  
 161, 176, 184, 192–194, 201, 207,  
 213, 214, 216, 218, 219, 224, 228,  
 248, 251, 262, 276, 277, 292, 316,  
 318, 324–326, 329, 341, 343, 344,  
 348, 356, 368, 374, 376, 383, 385,  
 392, 394, 395, 397, 401–404, 415,  
 421, 422, 428–431, 434, 469, 483,  
 484, 487, 494, 499, 500–502, 506,  
 525–528, 532–534, 561, 567,  
 585, 587, 590, 600, 602, 603, 608,  
 609, 618, 620, 629, 630, 634, 638,  
 639, 643, 645, 649, 665, 666, 681,  
 683–685, 691, 708, 709, 715, 716,  
 723, 726, 728, 733, 735, 739, 743,  
 745, 746, 748, 756, 759, 772, 775,  
 776, 782, 786, 790, 792, 807, 809,  
 827, 833, 839, 848, 849, 852, 861,  
 863, 872, 878, 889, 903, 905, 906,  
 912, 914, 917, 926, 936, 944  
 Кенель Ф. Старший — 286  
 Кизеветтер А. А. — 47, 860, 866  
 Киприан Карфагенский,  
 сщмч. — 177  
 Киреев А. А. — 234, 235, 237, 238,  
 284, 301, 302, 439, 440, 660  
 Кирилл (Смирнов), митр.,  
 сщмч. — 82, 180  
 Кирион (Садзаглишвили), еп. —  
 591  
 Кисель-Загорянский Н. Н. — 236  
 Кисиль Е. К. — *см. Аггеева Е. К.*  
 Кистяковский Б. А. — 5  
 Клейгельс Н. В. — 487  
 Климент (Верниковский), еп.  
 106, 107, 347  
 Климент Римский, сщмч. — 168  
 Ключевский В. О. — 762, 860,  
 866, 917  
 Книжник-Ветров И. С. —  
*см. Бланк И. С.*  
 Княжнин В. Н. — 228  
 Кобринский А. — 466  
 Кобылинский Л. Л. (псевд. Эл-  
 лис) — 43, 91, 293

- Ковалевский М. М. — 307, 328, 407  
Коваленский М. Н. — 762  
Ковальский В. Д. — 563  
Кожевников В. А. — 55, 58, 59, 79, 197, 198, 233, 235, 239, 676–678  
Кожевникова А. Д. — 51, 59  
Козельская А. — 914  
Козлов А. А. — 134  
Козырев А. П. — 6, 10  
Кокошкин Ф. Ф. — 58, 380, 408  
Колачев В. Я., свящ. — 68, 151, 194, 209, 331, 344–346, 364, 385, 386, 901, 908  
Колеров М. А. — 4–6, 23, 52, 54, 143, 195, 327, 348, 374, 394, 411, 422, 469, 504, 510, 577, 628, 629, 635, 729, 770  
Колесниченко Г. — 214  
Колмакова — см. *Калмыкова А. Г.*  
Кологривов С. Н. — 236  
Колобакин А. М. — 378–380  
Комаров В. В. — 154  
Комиссаржевская В. Ф. — 776, 886, 944  
Кондратьев А. А. — 365, 467, 488, 541, 563  
Коневский И. — 156  
Кони А. Ф. — 388  
Коновницына М. А., графиня — 109, 129–132, 183, 193, 195–197, 203, 345, 386, 387, 402, 486, 487, 525, 526, 550–552  
Кононов — 536  
Константин Николаевич, вел. кн. — 206, 237  
Корехин В. И. (псевд. Корин В.) — 491  
Корнилов А. А. 375  
Королева А. В. — 646  
Королева В. — 646  
Королева М. — 646  
Королева Т. — 646, 683  
Королевы — 646  
Короленко В. Г. — 736  
Корсар (2-е прозвище Нувеля) — 733  
Корф Ю. М. — 350, 651  
Корш М. — 228  
Котляревские 516, 691  
Котляревский Н. А. — 223  
Котляревский С. А. — 17, 48, 76, 379, 395, 421, 493, 516, 609, 645, 880  
Котрелев Н. В. — 51, 770  
Крандиевская Н. В. — 563  
Краузе Ф., хирург — 244  
Крафт-Эбинг Р., фон — 943  
Кремлевский П., прот. — 151  
Кристи В. Г. — 627  
Кричевский Ю. Б. — 498  
Кропоткин П. А. — 784  
Крушеван П. А. — 394  
Кублицкая А. А. — 625  
Кублицкий-Пиоттух — Ф. Ф. 945  
Кудрявцев П. П. — 66, 77, 82, 106, 129, 144, 150, 153, 180, 193, 195, 203, 207, 248, 308, 317, 321, 324, 330, 343, 381, 401, 435, 478, 524, 550, 586, 602  
Кудрявцева А. Е. — 110, 132, 144, 155, 203, 484, 527, 550, 590  
Кузмин (Кузьмин) М. А. — 540–541, 579, 648, 664, 701, 702, 705, 732, 736, 737, 749  
Кузнецов, присяжный поверенный — 494



- Кузнецов В. В. — 653, 685, 711, 716, 796, 925  
 Кузнецов Н. Д. — 302, 331  
 Кузнецова О. А. — 366  
 Кузьмин-Караваев В. Д. — 406, 426  
 Кук Т. — 429  
 Кульженко В. С. — 790
- Куприн А. И. — 428, 471, 578, 704–706, 785  
 Купченко В. П. — 272, 290  
 Кускова Е. Д. — 349, 423  
 Кушнерев И. Н. — 323  
 Кюри М. — 809  
 Кюри П. — 809
- Л**
- Лавров А. В. — 59, 99, 191, 240, 270, 328, 467, 521, 800, 838  
 Ладыженский М. В. — 558  
 Ламенне Р. Б., де, аббат — 645, 915  
 Ланге Ф. — 46  
 Лансере Е. Е. — 619, 640  
 Лаппо-Данилевский К. Ю. — 95  
 Лахостский П. Н., свящ. — 145, 180, 182, 185, 194, 345, 385, 479  
 Лачинова, актр. — 547, 548  
 Лашнюков В. Н. — 40, 220, 266, 358, 496, 620, 729, 791, 812, 852, 869, 920, 921  
 Лебедев А. П. — 284  
 Левин Д. А. — 241  
 Левин Я. — 721  
 Левицкий П. П., прот. — 401  
 Лейкин Н. А. — 806  
 Леман Б. Н. — 618, 656, 680, 681, 696, 708, 737, 754, 784, 786  
 Ленин Н. (Ульянов В. И.) — 25, 32, 275, 277, 279, 307, 437, 866  
 Леонардо да Винчи — 888  
 Леонтьев К. Н. — 66, 481, 526, 527  
 Лермонтов М. Ю. — 223, 282, 632  
 Ливен Е. А. — 526  
 Линевич Н. П. — 297  
 Ловцкий Г. Л. — 136
- Ловцкая (урожд. Шварцман) Ф. И. — 97, 140  
 Ловягин Е. И. — 121  
 Локтева О. К. — 629  
 Ломоносов А. В. 909  
 Лопатин Л. М. 48, 201, 241, 494  
 Лопухин А. А. — 110, 114  
 Лопухин А. П. — 116  
 Лосский Н. О. — 23, 24, 134, 534, 636  
 Лохвицкая М. А. — 542, 605  
 Лошаков Р. — 14  
 Луговой — см. Тихонов А. А.  
 Лука (Войно-Ясенецкий), свт. — 150  
 Лукш-Маковская Е. К. — 703  
 Лундберг Е. Г. — 488, 918  
 Луначарский А. В. — 240, 565, 567, 905  
 Лурье С. В. — 141  
 Лутугин Л. И. — 377  
 Львов А. Н. — 122  
 Львов Г., кн. — 47  
 Львов Н. Н. — 406, 408  
 Львовский Д. К. — 719  
 Любавский М. К. — 752, 867  
 Лютер М. — 152  
 Лядов А. К. — 665

## М

- Магомедова Д. М. — 51, 935  
Маделунг О. — 737  
Македонов Л. В. — 578  
Маклаков В. А. — 380  
Максим Исповедник, прп. — 932  
Макс Ли — 563  
Максимилиан, Максимилиан Александрович — см. *Волошин М. А.*  
Максимов Д. Е. — 521  
Максимова В. А. — 437  
Малмстад Дж. — 51, 59, 93, 101, 190, 466, 624  
Мальмберг В. К. — 780  
Мальфетано — 563  
Мамонтов К. Н. — 43  
Манасеина Е. В. — 578  
Манасеина Н. И. — 499, 529, 543, 562  
Манасеины — 691, 706  
Мандельштам М. Л. — 334  
Мансуров П. Б. — 58, 677  
Мануйлов А. А. — 374  
Маргулиес М. С. — 426  
Мария Ивановна, знакомая о. Иоанна Кронштадтского и игумении Таисии (Солоповой) — 404  
Мария Магдалина, св. — 347  
Марк, ап. (*библ.*) — 680  
Марков А. — 236  
Маркова Ю. В. — 11  
Марковичи — 216  
Маркс К. — 760, 770  
Мартынов А. — 4, 6  
Матаковский Е. А. — 614  
Матфей (Померанцев), архим. — 615  
Махаев Н. К. — 150  
Махонина С. Я. — 359  
Машкин С., свящ. — 14, 102, 104, 340, 354, 355, также см. *Серапион (Машкин), архим.*  
Медведев Я. (Медведь Р.) — 346, 385  
Медведко, свящ. — 714  
Медем Г. П. — 421, 432  
Медуза (*миф.*) — 785  
Меерович Е. И. — 918  
Мейер А. А. — 653  
Мейербер Дж. — 242  
Мейерхольд (Мейергольд) В. Э. — 471, 506, 776, 784, 944  
Мейлах Б. С. — 437  
Мелибей — 594  
Мелик-Бегляров Д. С. — 766  
Мелик-Беглярова Е. П. — 766  
Мельников Ф. Е. — 835  
Менделеева (Блок) Л. Д. — см. *Блок Л. Д.*  
Мережковские — 240, 252, 313–315, 318, 326, 333, 362, 389, 488, 504, 506, 521–523, 534, 561, 562, 568, 595, 609, 628, 640, 653, 667, 710, 717, 741, 753, 769, 797, 802, 815, 837, 838, 844, 845, 850, 908, 909, 912, 919, 925, 949  
Мережковский Д. С. — 230, 231, 255, 256, 311, 315, 329, 335, 341, 342, 357, 363, 389–391, 399, 428, 436–439, 443, 444, 447, 448, 451, 455, 460–462, 464, 467, 468, 474, 485, 488, 490, 505, 516, 518–520, 522–524, 529, 531, 534, 535–537, 546–548, 554, 565, 567–569, 571, 594–596, 606, 629, 636, 642, 653, 676, 713, 723, 730, 741, 742,

- 748, 769, 770, 776, 802, 807, 815, 829, 833–838, 844–846, 849, 855, 864, 865, 878, 888, 906–908, 910, 912, 920, 923, 942, 946
- Метерлинк М. — 681, 944
- Метнер Н. К. — 90, 869, 870
- Метнер Э. К. (псевд. Вольфинг) — 11, 869, 870
- Милюков Н. К. — 335
- Милюков П. Н. — 15, 44, 47, 304, 333–336, 345, 377, 405, 412, 414, 425, 426
- Минераллов В., свящ. — 858
- Минский (Виленкин) Н. М. — 99, 148, 437, 438, 522, 523, 530, 533, 546, 568, 741, 742, 865
- Минцлов С. Р. — 241
- Минцлова А. Р. — 241, 242, 244, 245, 247, 256, 258, 269, 272, 282, 285, 287, 288, 290, 291, 848
- Мирра (Цветковская?) — 286
- Мирский А. — 93
- Миртов Д. П. — 479, 480, 485, 524
- Мирэ (Моисеева А. М.) — 563, 760, 761, 777, 841
- Мисникевич Т. В. — 159
- Михаил, кн., св. — 668
- Михаил (Семенов), архим. — 27, 39, 107, 119, 747, 767, 859, 890, 898, 902, 905, 907
- Михайлова М. В. — 24, 51
- Михайловский Н. К. — 887
- Михайловский Н. М. — 143, 399
- Млодзиевский (Млодзеевский) Б. К. — 575, 576
- Могиланская М. Н. — 752
- Морозов М. А. — 43, 44
- Морозов М. М. (Мика) — 13, 89, 90
- Морозов Н. — 747
- Морозова М. К. — 15, 16, 43, 44, 45, 48, 49, 90, 125, 126, 149, 304, 333, 334, 405, 480, 515, 655, 669, 693, 720, 767, 772, 778, 854, 858, 869, 880, 887, 898, 904, 922, 938
- Морозова М. М. (Маруся) — 90
- Морозова Я. В. — 31, 48
- Мунт О. М. — 506
- Муравьев Н. К. — 378
- Муринов В. Я. — 565, 567
- Муромцев С. А. — 307, 406, 407
- Мышцын В. Н. — 309, 657
- Мякшин Г. Т. — 685

## Н

- Набоков В. Д. (псевд. Независимый) — 377, 426, 878, 879
- Набоков Д. Н. — 377
- Набокина М. Е. — 48
- Наполеон Б. — 453, 454
- Нарцисс, псевд. — 330, 466
- Наумов-Сергиев С. Н. — 890, 894
- Небогатов Н. И. — 203
- Немирович-Данченко В. И. — 359
- Неплюев Н. Н. — 68, 77–79, 109, 347, 422
- Несмелов В. И. — 485
- Никитин И. С. — 557
- Никитина И. В. — 56
- Никифоровский Ф. Н., прот. — 484
- Николай (Оно), еп. — *см. Оно И.*
- Николай I — 206
- Николай II, страст. — 53, 77, 110, 123, 163, 178, 202, 235, 236, 335, 374, 437, 500, 592, 660, 818, 819, 821, 902
- Николай Максимович — *см. Минский Н. М.*

- Николай (Касаткин) Японский, равноап. — 92, 95, 96, 124, 161, 202, 204, 205, 207, 232, 297, 719
- Николай Мирликийский, свт. — 87, 483, 719
- Никольский Б. В. — 502, 677, 678
- Никольский В. А. — 692, 693, 876, 890, 919–921, 937, 938
- Никольский Н. К., проф. — 133, 134, 152
- Николюкин А. Н. — 569
- Никон (Рождественский), еп. 303
- Нина, ст. сестра Леушинского подворья — 404
- Ницше Ф. — 128, 198, 300, 442, 443, 447, 448, 499, 596, 597, 606, 662, 697, 893
- Новгородцев П. И. — 341, 380, 918, 936
- Новиков И. — 739
- Новоселов М. А. — 50, 55–58, 283–285, 300, 302–304, 396, 397, 439, 592, 677, 678
- Новосильцев А. Н. — 721
- Новосильцев Ю. А. — 720
- Новосильцева М. А. — 721
- Новосильцевы — 44
- Носков Н. — 578
- Носов А. А. — 31, 324
- Нувель В. Ф. — 138, 506, 563, 618, 637, 689, 690, 702, 704, 707, 708, 727, 728, 732–734, 744, 749, 756, 840, 931, 944, 949
- Нурок А. П. — 138

**О**

- Обара А. — 93
- Обатнин Г. В. — 51, 595
- Обатнина Е. Р. — 51, 467
- Оболенский А. Д., кн. — 388, 588
- Овсянико-Куликовский Д. И. — 351, 352, 357
- Огнев, свящ. — 902
- Озеров И. Х. — 359
- Озерова — 87
- Ознобишин В. Н. — 79, 678
- Олексенко А. И. — 51, 765, 878
- Олив С. В. — 193, 195, 196, 486, 604
- Ольга Александровна (Вебель?) — 703, 840, 841, 853
- Ольга Федоровна — см. Глинка О. Ф.
- Ольденбург С. Ф. — 335
- Оно (Ямадзаки) И. — 96
- Ореханов Г., свящ. — 660
- Ориген — 458, 654, 932
- Орлов А. С. — 102, 646, 647, 867
- Орлова — 528, 563
- Орнатский Б. — 385
- Орнатский В. — 385
- Орнатский Н. — 385
- Орнатский Ф., прот., сщмч. — 385, 482
- Орфей (*миф.*) — 228
- Острогорский А. Я. — 602
- Острогорский М. Я. — 602

**П**

- Пабст Г. Е. — 350
- Павел, ап. (*библ.*) — 1, 74, 116, 167, 168, 352, 417

- Павел I — 70, 128, 836  
Павла Афанасьевна (Замятни-  
на) — 701  
Павлов В. П. — 740  
Павлов Н. М. — 58, 79  
Павлова М. М. — 51, 315, 628,  
684, 709, 715, 724, 738, 795,  
807, 811, 845, 870, 876, 909,  
922, 943, 944, 946  
Павлюченков Н. Н. — 51, 103,  
125, 221, 326, 336, 353, 354,  
362, 598, 599, 679, 917  
Панина А. Л. — 244, 656  
Папков А. А. — 154, 284  
Паршин А. — 721  
Пастернак Б. Л. — 1, 632  
Пастернак Л. О. — 45  
Пасхалов К. Н., свящ. — 236, 303  
Пахмусс Т. А. — 61, 315, 653  
Пашенко, худ. — 563  
Переслегина Т. Г. — 244  
Перетерский В. И., прот. — 484  
Персей (*миф.*) — 785  
Перцов П. П. — 64, 571  
Петр, ап. (*библ.*) — 675, 902  
Петр I — 8, 571  
Петров Г. С., свящ. — 41, 43, 68,  
91, 108, 132, 145, 151, 152, 195,  
204, 209, 266, 280, 307, 316,  
321, 343–343–346, 359, 363,  
383, 387–389, 393, 403, 433,  
435, 480, 504, 506, 515, 667, 902  
Петров Н. П. — 280  
Петровская Н. И. — 474  
Петровский А. С. — 76, 149, 150,  
161, 251, 295, 494, 599, 601,  
792, 868, 890  
Петроний (прозвище Нувеля) —  
728, 733, 753, 756, 773  
Петрункевич И. И. — 335  
Печковский А. — 764  
Пилат (*библ.*) — 71, 72, 462  
Пирожков М. В. — 358, 510, 536,  
577, 578, 752, 753, 831, 849,  
850, 856, 857, 865, 874, 908  
Писарев Л. И. — 397  
Писарев М. И. — 364, 365  
Питирим (Окнов), митр. — 123  
Платон — 6, 411, 488, 718, 745  
Платон (Рождественский),  
митр. — 178, 194  
Плеве В. К. — 24, 275  
Плеханов Г. В. — 240, 307, 850  
Плотников К. — 51, 59  
Плотников Н. С. — 51, 348, 374,  
394, 411, 422, 510  
Победоносцев К. П. — 26, 106–  
108, 117, 122, 155, 163, 184,  
388, 592, 902  
Погодин М. П. — 768, 880  
Позднеев Д. М. — 719  
Полищук Е. С. — 51, 55, 283, 300,  
396, 439  
Половинкин С. М. — 48, 51,  
56, 69  
Полонский Я. П. — 139  
Поляков С. А. — 422, 555  
Поляков С. Л. (Поляков-Литов-  
цев, С. Литовцев) — 560  
Полянская Е. И. — 15, 304  
Поплавский А. П. — 615  
Попов А. В. — 919  
Попов И. В., проф. — 150, 309,  
402, 588, 938  
Португалов В. В. — 902  
Порфирий (Успенский), еп. — 284  
Поспелов П. П., свящ. — 48, 417,  
421, 493, 494, 552, 693, 794  
Потехин С., свящ. — 331

- Поярков (псевд. Н. Ярков)  
Н. Е. — 748, 755
- Пресняков А. Е. — 731
- Прозоров В. А., прот. — 484
- Прокопович С. Н. (Про) — 349,  
377, 380, 423
- Прометей (*миф.*) — 157, 455, 581,  
582, 594, 607, 608, 737
- Проппер С. М. — 409
- Протасов (Протасов-Бахметев)  
Н. А. — 109, 185, 193
- Протопоповы — 867
- Прутков Козьма — 222
- Пушин — 207, 248
- Пушкин А. С. — 225, 241, 454,  
468, 547, 582, 632, 729, 861
- Пшибышевский С. Ф. — 239, 356
- Пяст (Пестовский) В. А. — 327,  
329, 365, 428, 488, 506, 563,  
579, 705
- Пятикрестовский А. М., свящ. —  
693
- Р**
- Раден Э. Ф., баронесса — 302
- Рапп Е. Ю. — 716
- Рапп Л. Ю. — *см. Бердяева Л. Ю.*
- Распутин Г. Е. 123, 902
- Рафалович С. Л. — 777
- Рахманов Г. К. — 720, 772
- Рачинский Г. А. — 16, 48, 125,  
126, 161, 191, 294, 309, 421, 577
- Резниченко А. И. — 22, 51, 52,  
693
- Рейснер М. А. — 785
- Ремизов А. М. — 239, 318, 327,  
328, 330, 350, 351, 353, 358,  
365, 366, 427, 428, 430, 467,  
491, 532, 533, 541, 563, 565,  
606, 609, 656, 657, 665, 685,  
705, 736, 737, 746, 784, 800,  
841, 900
- Ремизова Н. А. (Наташа) — 784
- Ремизова (Ремизова-Довгелло)  
С. П. — 318, 366, 543, 563, 628,  
653, 656, 748, 784, 872, 912,  
913, 924, 927
- Ремизовы — 318, 532, 628, 665,  
691, 703, 737, 784, 872, 912
- Ренан Э. Ж. — 326, 721, 809
- Рескин Дж. — 443
- Риккерт Г. — 293
- Римский-Корсаков Н. А. — 282,  
283, 665
- Робакидзе Г. Т. — 789
- Роберти Е. В., де — 307
- Рождественский А. П. — 133,  
134, 146, 152, 155, 525
- Рождественский (Рождествен-  
ский) З. П. — 202, 298
- Рожков Н. А. — 866, 867
- Розанов В. В. — 9, 16, 60, 65, 116,  
126, 129, 134, 137, 138, 142, 143,  
157, 158, 192, 212, 225, 227, 228,  
315, 362, 364, 365, 366, 417–420,  
428, 429, 447–449, 472, 488–  
490, 506, 510, 511, 529, 547, 582,  
608, 611, 612, 624, 634–637, 681,  
695, 716, 724, 759, 760, 769, 770,  
815, 844–846, 864, 878, 909–  
912, 923, 925, 927, 928, 934, 944,  
946–949
- Розанов Н., прот. — 487
- Розанова (Руднева, Бутягина)  
В. Д. — 365, 624, 909, 910, 933
- Розанова Т. В. — 716
- Розеггер (Россеггер П.) — 829
- Романо К. — 14
- Романовы — 110, 111

- Рославлев А. С. — 492, 563  
 Ростовцев М. И. — 581, 691, 706  
 Рот В. — 721  
 Рудин П. — 104  
 Рудинский Н. С., свящ. — 483  
 Руднев И. Н. — 376  
 Рункевич С. Г. — 107
- Рунт Б. М. — 555  
 Рутенберг П. М. — 109  
 Рябинин Д. (псевд. Галанина Д. Д.?) — 682, 902  
 Рябушинский Н. П. — 467, 469, 473, 665  
 Рязанова Л. А. — 739

## С

- Сабашников А. В. (Алеша) — 287, 290  
 Сабашников В. М. — 271  
 Сабашников М. В. — 244, 271, 287  
 Сабашников С. В. — 244, 271  
 Сабашникова М. В. — см. *Волошина-Сабашникова М. В.*  
 Саблер В. К. — 65, 106–108, 184, 233, 591  
 Савинова, однокурсница Т. Гиппиус — 925  
 Самарин А. Д. — 55, 57, 59, 235, 236  
 Самарин Д. Ф. — 285  
 Самарин С. — 79  
 Самарин Ф. Д. — 55–59, 79, 197, 233–238, 283, 284, 300, 396, 439, 440, 660, 676–678  
 Самарин Ю. Ф. — 302  
 Самарина (урожд. Трубецкая) А. Н. — 235  
 Самарины — 58, 233  
 Самойлова К. Н., (псевд. Сибирякова Н.) — 429  
 Самсон (*библ.*) 545  
 Сарычев Я. В. — 653  
 Саути Р. — 861  
 Сахаров И. Н. — 731  
 Сахаров С. И. — — 786  
 Свенцицкая Е. Ф. — 682
- Свенцицкий В. П. — 5, 9, 13, 16, 19, 27, 31, 34, 36–38, 40, 41, 48, 49, 57, 58, 63–65, 69, 76, 81, 82, 85, 88, 89, 92, 104, 108, 126, 127, 145, 149, 150, 175, 178, 211, 219, 223, 251, 254, 255, 265, 266, 293, 309, 324, 341, 394, 403, 415, 421, 433, 436, 469, 480, 493–496, 514, 515, 524, 552, 557, 572–575, 577, 585, 598, 600, 605, 613–615, 620, 622, 623, 626, 627, 630, 641, 642, 647, 659, 660, 667, 669–671, 674, 682, 683, 686, 687, 693–695, 698, 721–723, 730, 734, 757, 758, 764, 767, 769, 793, 827, 829, 851, 859, 861–863, 868, 874, 876, 880, 881, 883–885, 890–896, 899, 900, 904, 905, 916, 921, 938, 950, 953  
 Свенцицкий Вяч. П. — 682  
 Светлов П. Я., прот. — 78, 155  
 Седых А. (наст. имя — Цвибак Я. М.) — 334  
 Семевский — 472  
 Семенов Л. Д. — 776  
 Семенов Тянь-Шанский П. П. — 776  
 Семенова А. Л. — 23  
 Сенаторов П. Е. — 792, 795, 810  
 Сенилов (Синилов) В. А. — 656, 689

- Сенкевич Г. — 144  
Сенума И. А. — 204  
Серапион (Машкин), архим. — 606, 735, 851, 889  
Серафим Саровский, прп. — 164, 297  
Серафима Павловна — см. *Ремизова С. П.*  
Сергей Александрович, вел. кн. — 13, 77, 91, 110, 112–114, 116  
Сергей Семенович — см. *Троицкий С. С.*  
Сергий (Махаев), сщмч. — 150  
Сергий (Страгородский), митр., вполс. патр. — 64, 83, 146, 481, 660  
Сергий (Тихомиров), еп. — 146  
Сережа, сын Ивашевой П. А. — 210, 630, 793  
Серов В. А. — 89, 784  
Сизов М. И. — 421, 646  
Силин Д., свящ. — 603  
Синельников С. Н. 874, 875  
Синицкий Д. — 284  
Скирмунт Р. А. — 351, 353  
Скирмунт С. А. — 935  
Скиталец (Петров С. Г.) — 350, 351, 353  
Склярова М. — 51, 116  
Скриб Э. — 242  
Скрябин А. Н. — 44, 46, 90, 746  
Сладкопевцев В. В. — 213  
Слободской И. П., прот. — 68, 84, 85, 345, 384, 385, 479  
Случевский К. — 488, 561, 607  
Смирнов, фил. — 563  
Смирнов С. И., проф. — 309  
Соболев А. В. — 48, 236, 837, 844, 845  
Созонов Е. С. — 24  
Сойкин П. П. — 434–436, 504  
Соколов (Кречетов) С. А. — 95, 288, 332, 466, 467, 475, 531, 532, 562, 908  
Соколов С. И. — 763  
Соколов, юрист — 563  
Соколова Д. П. — 925  
Соколовский Н. И. — 136  
Соллертинский С. А., прот. — 484  
Соловьев В. С. — 15, 16, 29, 42, 46, 48–50, 53, 71–76, 91, 95, 126, 151, 175, 190, 201, 217, 224–228, 250, 251, 266, 268, 284, 290, 294, 299, 300, 302, 338, 356, 357, 397, 398, 421, 432, 451, 489, 493, 499, 513, 614, 636, 637, 658, 769, 786, 815, 851, 852, 898, 903, 904, 937, 941  
Соловьев С. М. — 43, 91, 92, 125, 223, 229, 250, 251, 292, 293, 309  
Соловьева Н. С. — 898  
Соловьева П. С. — 499, 506, 529, 543, 562, 578, 688, 691, 944 —  
Сологуб Ф. К. — 30, 99, 159, 160, 318, 319, 327–330, 351, 365, 428, 467, 488, 491, 497, 505, 506, 542, 549, 555, 561, 563, 582, 605, 608, 609, 636, 656–658, 690, 711, 712, 748, 861, 944  
Сомов К. А. — 245, 257, 283, 286, 491, 498, 540, 553, 583, 584, 616, 618, 632, 639, 640, 644, 645, 649, 650, 655, 656, 663, 665, 680, 682, 687, 689, 691, 701, 702, 704–706, 708, 727, 728, 732–734, 737, 743, 749, 755, 756, 781, 784, 848, 853, 944, 949  
Сорокина — 97, 191



- Софокл — 535, 336, 548  
 Сперанский М. М. — 342, 353, 354, 493, 573  
 Спивак М. Л. — 51, 59  
 Спиноза Б. 576, — 598  
 Спиридонова Л. А. — 276  
 Сталин (Джугашвили) И. В. — 667, 668  
 Стахович А. А. — 345, 405, 480, 504, 624, 678  
 Стахович М. А. — 345, 346, 405, 406  
 Степан — 732  
 Степанов К. П. — 241  
 Степун Ф. А. — 43, 49, 90, 91, 896  
 Стечкин В. Н. — 266  
 Стольпин П. А. — 438, 764, 902  
 Стоюнина (урожд. Токмакова) М. Н. — 589, 603, 697  
 Строганов А. Н. — 285  
 Струве А. П. — 381  
 Струве Н. А. — 348, 374, 376, 394, 411, 414, 422, 510
- Струве П. Б. — 307, 335, 348, 349, 357, 374, 376–378, 394, 395, 414, 423–425, 503, 510, 524, 537, 561, 635, 636, 659, 731, 743, 756, 761, 850, 863, 881, 890–892, 934, 943  
 Сулержицкий Л. А. — 276  
 Сухово-Кобылин А. В. — 947  
 Сыроечковский Б. Е. — 81, 421, 762, 763  
 Сыроечковский В. Е. — 82, 421, 763  
 Сыроечковский Е. И. — 81  
 Сытин И. Д. — 20, 41, 91, 145, 152, 195, 207–209, 248, 258, 265, 266, 296, 306, 310, 316, 322, 358, 359, 388, 393, 400, 403, 416, 433–435, 478, 480, 493, 504, 515, 720, 757, 772, 829, 901, 922  
 Сюннерберг К. А. — 491, 499, 506, 563, 690, 703, также *см. Эрберг К.*

## Т

- Таберио З. И. — 747  
 Таисия (Солопова), игум. — 400, 403, 404  
 Таммуз (*миф.*) — 559  
 Тард Г. — 307  
 Тареев М. М. — 248, 249, 481, 485, 890, 894, 904, 909, 917  
 Тароватый Н. Я. — 467, 474  
 Тахо-Годи А. А. — 609  
 Тернавцев В. А. — 60, 64, 65, 219, 447, 612, 710, 799, 839, 841, 842, 901, 920, 934  
 Тертуллиан — 177  
 Тетерникова О. К. — 506  
 Тимирязев К. А. — 285  
 Титаренко С. Д. — 608
- Тихомиров Л. А. — 155, 163, 284, 303  
 Тихомиров П. В. (Павел Васильевич) — 78, 108, 527, 904  
 Тихомиров П. И. — 26  
 Тихон (Беллавин), патр., свт. — 111, 167, 309  
 Тихонов А. А. — 759  
 Тихонов А. Н. — 276  
 Тихонов В. А. — 578  
 Тициан — 638  
 Толмачев М. В. — 845  
 Толстая Д. Ф. — 502  
 Толстой А. Н. — 563  
 Толстой Л. Л. — 499, 500, 502

- Толстой Л. Н. — 29, 56, 131, 140, 175, 254, 406, 418, 448, 449, 461, 482, 499–501, 555, 572, 584, 646, 673, 674, 676, 736, 848, 879
- Топорков Ю. Г. — 376
- Тржецяк В. В. — 210
- Троицкий А. Д. (Аркадий) — 146, 155, 387
- Троицкий В. П. — 105
- Троицкий С. С. — 161, 190, 355, 361, 362, 576, 641, 684, 699, 719, 811, 867, 868, 880, 881, 889, 890
- Троицкий С., свящ. — 355
- Тропинин В. А. — 90
- Троянский П. Н. — 619
- Трубачева М. С. — 51, 221
- Трубецкой Г. Н. — 511, 720
- Трубецкой Е. Н., кн. — 44, 47–49, 61, 70, 74, 166, 175, 176, 201, 304, 426, 436, 577, 586, 603, 604, 636, 655, 661, 669, 674, 720, 730, 770, 772, 773, 778, 818, 819, 826, 829, 832, 854, 855, 858, 880, 883, 887, 895, 898, 899, 904, 922, 938
- Трубецкой П. Н., кн. — 58, 59, 235
- Трубецкой С. Н. — 47, 70, 126, 165, 201, 235, 309, 310, 343, 344, 360, 388, 480, 482, 496, 588, 715, 720, 819
- Трушева И. В. — 731, 749, 832
- Ту А., де — 286
- Туган-Барановский М. И. — 358, 399, 638
- Тулий — 282
- Тургенев И. С. — 430, 431
- Турчанинов — 97
- Тыркова-Вильямс А. В. — 219, 376
- Тэффи (Лохвицкая Н. А.) — 542, 563, 605
- Тюменцев, свящ. — 857
- Тюменцева А. Е. — 857
- Тютчев И. Н. — 58
- Тютчев Ф. И. — 58

**У**

- Уваров Ф. А. — 60
- Укай Т. — 162
- Ульянов В. И. — *см. Ленин Н. (В. И.)*
- Уманов-Каплуновский В. В. — 561
- Унфуг О. — 843
- Урусов В., кн. — 79
- Успенский В. В. (псевд. В. Барте-нев) — 212, 628, 650, 713? 716, 815, 833, 845, 896, 911
- Успенский Г. И. — 901
- Устьинский А. П. — 634

**Ф**

- Фалеев Н. И. — 578
- Фальковский Ф. Н. — 578
- Фаминцин А. С. — 590
- Федоров А. — 785
- Федоров Н. Ф. — 58, 667
- Фейербах Л. — 218, 262, 263
- Феодор (Бухарев), архим. — 766, 768, 769
- Феодор (Поздеевский), еп. — 88, 233
- Феофан (Быстров), еп. — 27, 122
- Фидлер Ф. Ф. — 578

- Филевский И. И., прот. — 634  
 Филипп (Колычев), митр., свт. — 32, 164, 676  
 Философов Д. А. — 438  
 Философов Д. В. — 60–62, 64, 134, 137, 138, 142–144, 146, 147, 192, 211, 212, 240, 264, 315, 328, 329, 366, 428, 437, 438, 505, 520, 521, 523, 569–571, 577, 578, 609, 611, 612, 622, 624, 628, 653, 694, 695, 716, 753, 769, 770, 802, 803, 815, 830, 844, 845, 847, 870, 878–880, 888, 908, 919, 926, 938, 942  
 Философова В. Д. — 870  
 Фишер К. — 326, 358, 576  
 Флавиан (Городецкий), митр. — 178, 194  
 Флобер Г. — 860  
 Флоренская О. А. (Ольга, Валя) — 161, 765, 766, 878, 888  
 Флоренская О. П. — 62, 104, 392, 477, 544  
 Флоренская Т. В. — 221  
 Флоренская Ю. А. (Люся) — 13, 125, 260, 308, 327, 333  
 Флоренские — 97, 127, 396, 765, 868  
 Флоренский Ал. А. (Шура) — 766  
 Флоренский Андр. А. (Аля) — 889  
 Флоренский А. И. — 296, 360, 576  
 Флоренский В. П. — 765, 878  
 Флоренский П. А. — 9, 11–14, 19, 20, 22, 31, 37, 48, 53–56,  
 58, 61, 62, 69, 71, 81, 88, 89, 97, 103, 104, 108, 125, 149, 151, 161, 177, 186, 190, 191, 212, 221, 249–251, 254, 260, 266, 291, 296, 303, 306–308, 311, 313, 315, 326, 327, 332, 333, 336, 338, 339–343, 353–355, 360, 362, 363, 392, 395, 422, 434, 475, 477, 492, 494, 496, 544, 556, 558, 572, 573, 576, 585, 598–600, 621, 626, 629, 633, 636, 640, 641, 646–648, 657, 658, 666, 684–687, 699, 709, 717, 730, 735, 763, 765, 769, 791, 795, 810, 811, 815, 817, 833, 845, 851, 859–862, 866, 868, 878, 880, 885, 888, 889, 893, 899, 904, 904, 909, 917  
 Флоренский П. В. — 51, 221, 765, 878  
 Флоровский Г. В. — 166, 237  
 Фомин, свящ. — 483  
 Фондаминский И. И. (псевд. Бунаков) — 622, 723  
 Фортунатов С. Ф. — 47, 762  
 Франк М. Л. — 422  
 Франк С. Л. — 27, 28, 55, 56, 142, 143, 335, 348, 349, 374, 377–379, 394, 411, 413, 414, 422–424, 427, 510, 537, 581, 636, 659, 752, 770, 841  
 Франциск Ассизский — 631, 810, 833  
 Фридберг Д. Н. — 579  
 Фройденберг — 243  
 Фудель И. И., свящ. — 55
- Х**
- Хам (*библ.*) — 147, 158, 390, 438, 455, 456, 536, 594–596, 606, 640, 742, 835, 836  
 Харден М. — 414  
 Харикл (прозвище М. Кузмина) — 744, 753, 754  
 Херасков И. М. — 421  
 Хижняков В. В. — 377

- Химон О. А. — 578  
 Хирон (*миф.*) — 99  
 Хирьяков А. М. — 578  
 Хлебников В. В. — 915  
 Ходский Л. В. — 328, 402  
 Холл Ст. — 493  
 Хомяков А. С. — 78, 172, 338, 893  
 Хомяков Д. А. — 58, 660  
 Хомяков Н. А. — 58  
 Хребтович-Бутенев Гр. — 720  
 Христофорова К. П. — 91, 190  
 Худадов В. Н. — 55, 765  
 Худадов Н. А. — 765  
 Худадова М. Н. (Маня) — 55, 765, 833

## Ц

- Цветков Н., свящ. — 265  
 Цветковская Е. К. — 258, 286, 748  
 Цветковский К. Г. — 258  
 Цензор Д. М. — 607  
 Цимборска-Лебода М. — 837  
 Цицерон — 199  
 Цыганцев А. — 92

## Ч

- Чавчавадзе И., свящ. — 393  
 Чапугин (Чапыгин) А. П. — 563, 639  
 Чеботаревская Александра Н. — 327, 328, 351, 353, 607, 665, 700, 727, 728, 839  
 Чеботаревская Анастасия Н. — 327, 328, 351, 353, 506, 701  
 Челлини Б. — 645  
 Челпанов Г. И. — 98  
 Чельцов М. П., прот. — 68, 83, 151, 153–155, 186, 194, 209, 331, 344, 346, 385, 483, 484, 525, 527, 603, 622, 905  
 Чемодуров А. А. — 678  
 Черевкова А. А. — 578  
 Чернышевский Н. Г. — 399  
 Чертков С. В. — 31, 33, 35, 48, 51, 53, 57, 58, 62, 69, 76, 78, 81, 85, 86, 91, 97, 104, 136, 144, 145, 149, 150, 161, 162, 186, 191, 195, 201, 210, 216, 218, 251, 254, 257, 260, 296, 306–311, 322, 324, 332, 342, 343, 356, 360, 392, 395, 403, 415, 421, 422, 432, 433, 435, 436, 469, 470, 477, 492, 494, 514, 544, 557, 564, 572, 585, 586, 600, 615, 620, 623, 626, 630, 641, 642, 645, 646, 660, 670, 682, 685, 694, 699, 709, 717, 721, 729, 734, 756, 761, 763, 788, 791, 792, 795, 809, 810, 812, 813, 817, 828, 829, 833, 849, 859, 860, 866, 868, 874, 880, 888, 893, 899, 902–904, 908, 909, 915–917, 921, 936, 941, 949, 950  
 Чехов А. П. — 142, 160, 213, 276, 390, 536, 632, 862, 936  
 Чехов В. В. — 578  
 Чешихин-Ветринский В. Е. — 431  
 Чирикова В. Г. — 578  
 Чирикова Е. Н. — 578  
 Чуйко М. С. — 241, 245, 257, 258, 270–272, 282, 283, 286, 287, 289  
 Чуковская Е. Ц. — 51, 213

- Чуковский К. И. — 213, 240, 638, 670, 705, 736, 737, 744, 748, 695, 701, 759, 935, 944 760, 783, 804–806, 838, 942
- Чулков Г. И. — 23, 24, 29, 30, 199, 201, 202, 223, 225, 227, 228, 239, 241, 263, 264, 319, 327, 330, 351, 365, 415, 428, 433, 470–472, 488, 491, 504, 521, 548, 549, 553, 554, 579, 581, 608, 620, 640, 656, 658, 669,
- Чулкова Н. Г. — 228, 241, 563, 648
- Чулковы — 506
- Чупров А. И. — 379
- Чухнин Г. П. — 93
- Чухнина М. Н. — 93
- Чюмина О. Н. — 945

### Ш, Щ

- Шабат С. А. — 723
- Шаевский А. Т. — 213
- Шагинян М. С. — 653
- Шарапов С. Ф. — 56, 238
- Шаров В. А. — 10
- Шахматов А. А. — 335
- Шацилло К. Ф. — 377
- Шварсалон В. К. — 17, 262, 272, 848
- Шварсалон К. К. — 745
- Шварсалон С. К. — 732, 745
- Шварцман И. — 331
- Шварцман (Ловцкая) Ф. И. — 136, также см. *Ловцкая Ф. И.*
- Шеллинг Ф. В. Й., фон — 326
- Шер Вл. — 324, 646, 647, 683
- Шер Вас. Вл. — 683
- Шер Д. В. — 324, 421
- Шер (Галанина) О. В. — 324, 646, 683, 686
- Шер Т. Н. — 683
- Шер, квартира, имение — 186, 255, 306, 493, 630, 694, 723, 764, 881
- Шереметев П. С., граф — 235, 236
- Шереметьев (Шереметев) — С. Д. 79, 184
- Шеррер Ю. — 31
- Шестов (Шварцман) — Л. И. 20, 97, 98, 136, 137, 140–142, 212, 249, 264, 325, 331, 698, 907
- Шиллер Ф. — 254
- Шипов Д. Н. — 58
- Шипов И. П. — 405, 854, 855
- Шипов Ф. Н. — 235, 236
- Шиховы — 529
- Шишкин А. Б. — 51, 191, 329, 579, 618, 680, 746, 886
- Шишкин М. П. — 10
- Шляпкин — 365
- Шматко Н. А. — 11
- Шмидт А. Н. — 251
- Шмидт П. П. — 621, 622, 647
- Шопенгауэр А. — 46, 326, 697, 725
- Шохор-Троцкий С. И. — 387
- Шрадер Э. — 786
- Шруба М. Г. — 626
- Штакельберг Ю. И. — 237
- Штандель М. В. — 421
- Штейнер Р. — 76, 269
- Шубин И. Т. — 233
- Шувалов П. П. — 210
- Шура, брат Анюты — 351, 353
- Шустова А. Н. (Анюта) — 329
- Шутова Т. А. — 51, 765, 878
- Щегловитов И. Г. — 437

- Щеголев П. Е. — 506, 690, 784  
 Щеголева В. А. — 506, 701, 702

- Щепкина-Куперник Т. Л. — 335  
 Щербатов А. Г. — 235, 236

## Э

- Эйкен Р. К. — 299  
 Экземплярский В. И. — 527  
 Эллис Л. Л. — см. *Кобылинский Л. Л.*  
 Эль-Руми (прозвище Н. Бердяева) — 734, 743, 755  
 Энгельгардт Н. А. — 677  
 Эрберг К. — 467, 491, 695  
 Эрн В. Ф. — 5, 14, 16, 19, 20, 27, 30–32, 34, 37, 40–43, 49, 50, 53–55, 57, 61–65, 76, 81, 82, 88, 91, 92, 95, 97, 101, 103, 125–127, 136, 149, 150, 161, 177, 186, 190, 191, 201, 210, 216, 217, 219, 221, 265–267, 274, 293, 306–309, 322–324, 326, 327, 329–331, 333, 336, 343, 353–355, 359, 362, 392, 395, 396, 403, 415, 421, 422, 432, 433, 469, 477, 480, 482, 493, 494, 521, 524, 541, 552, 572, 577, 585, 598, 600, 601, 604, 609, 613–615, 620, 623, 627, 630, 633, 636, 642, 645, 646, 648, 659, 660, 666, 669, 683, 685, 695, 697, 699, 715, 728–730, 735, 756–758, 762, 766, 767, 769, 792–794, 809, 812, 813, 816–818, 827, 833, 842, 851, 860, 863, 866, 867, 880, 885, 894, 896, 899, 900, 903, 908, 917  
 Эрн Е. Д. — 646, 648, 867, также см. *Векилова Е. Д.*  
 Эрн М. Д. — 867, также см. *Векилова М. Д.*  
 Эрн Н. Ф. — 867  
 Эртель А. А. — 60  
 Эртель М. А. — 60  
 Эсхил — 157

## Ю, Я

- Юрицын С. П. — 533  
 Юшкевич С. С. — 350–352  
 Яворская Л. Б. — 535, 578  
 Яковлева, домовладелица — 306, 308, 323, 422, 432, 604, 666, 684, 709, 764, 767, 788, 814, 827

- Яковлева В., инокиня — 111  
 Яковлева З. Ю. — 578  
 Якушкин В. Е. — 426  
 Ямада В. — 96  
 Яснопольский Л. Н. — 399  
 Ясперс К. — 49

## А–Z

- Aalberg I. — 686  
 Balmont, m-me — 271  
 Bergengrün T. — 243  
 Besant A. — 269  
 Bishop R. — 162  
 Cancellieri Fr. — 599

- Cloth H. B. — 256  
 Cumont F. — 600  
 Eucken R. — 299  
 George Steph. — 639  
 Graum A. F. — 599  
 Guenther H., v. 632, 639

- Hall S. — 493  
Harnack A. — 299, 894  
Hippius Z. — 366, 753, 770  
Hochmuth A. — 599  
Jefferys R. — 93  
Krebs Joh. Fr. — 599  
Lagarde P., de — 599  
Lampl H. — 366  
Malcovati F. — 596  
Merejkovsky D. — 753, 770  
Moneta Joh. — 599  
Othonem Andr. — 599  
Pachmuss T. — 653, 717, 802, 827  
Philosophoff Dm. — 770  
Remizova-Dovgello S. — 366  
Renan E. — 326  
Renouveau (Нувель) — 744, 753,  
773, 774, 781, 840  
Rosenthal B. G. — 595  
Sohm R. — 494  
Stuss Jo. Hen. — 599  
Thome d'Aquiens — 341  
Vannutelli P. — 786  
Veronese P. — 638  
Weishaupt A. — 327  
Wilhelm Meister — 645  
Zdziechowski M. — 299

---

## Содержание

«Когда завязались все узлы и прозвучали все голоса...» .....	5
Христианские пути свободы .....	23
ВЫСКУЮЩИЕ ГРАДА. 1905 год .....	53
ВЫСКУЮЩИЕ ГРАДА. 1906 год .....	514
Именной указатель авторов опубликованных текстов.....	958
Именной указатель всех упоминаемых лиц .....	963



# ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА

Хроника русских литературных, религиозно-философских  
и общественно-политических движений в частных письмах  
и дневниках их участников, 1829–1923 гг.

АНТОЛОГИЯ  
КНИГА III  
1905–1906

Издание второе, исправленное и дополненное

*Составитель В. И. Кейдан*  
*Редактор Андрей Мартынов*

**Издатель Модест Колеров**  
Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 15.09.2020. Формат 60 × 90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная.  
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ №

**arvato**  
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного  
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»  
150049 Ярославль, ул. Свободы, 97